ПОВЕСТЬ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ

ПОВЕСТЬ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ

Редколлегия серии
«Литературные памятники»
и издательство «Наука»
выпускают второе издание
«Повести временных лет»
к 90-летию академика

Д. С. ЛИХАЧЕВА

с благодарностью
за его исключительный вклад
в дело становления
и развития серии

ПОВЕСТЬ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ

ПОДГОТОВКА
ТЕКСТА, ПЕРЕВОД,
СТАТЬИ
И КОММЕНТАРИИ
Д. С. ЛИХАЧЕВА

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
В. П. АДРИАНОВОЙ-ПЕРЕТЦ

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ
ИСПРАВЛЕННОЕ
И ДОПОЛНЕННОЕ

Санкт-Петербург
„НАУКА"
1996

ББК 84
П 42

Второе издание подготовил
М. Б. СВЕРДЛОВ

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Администрации г. Санкт-Петербурга

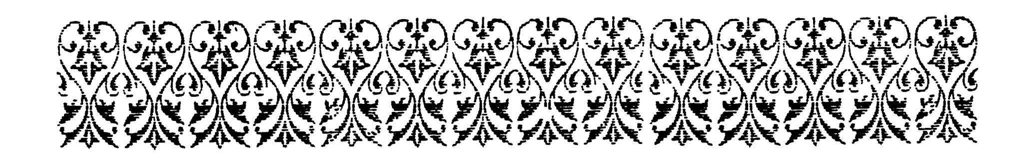
П $\frac{4603020101-558}{042(02)-96}$ 176-96(II)

ISBN 5-02-028305-3

ПОВЕСТЬ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ

ПО ЛАВРЕНТЬЕВСКОЙ ЛЕТОПИСИ

1377г.



СЕ ПОВѢСТИ ВРЕМЯНЬНЫХ ЛѢТ, ОТКУДУ ЕСТЬ ПОШЛА РУСКАЯ ЗЕМЛЯ,[I, 1] КТО ВЪ КИЕВѢ НАЧА ПЕРВѢЕ КНЯЖИТИ, И ОТКУДУ РУСКАЯ ЗЕМЛЯ СТАЛА ЕСТЬ

Се начнемъ повѣсть сию.

По потопѣ *трие*[2] сынове Ноеви раздѣлиша землю, Симъ, Хамъ, Афетъ. И яся въстокъ Симови: Персида, Ватрь, *доже*[3] и до Индикия в долготу, и в ширину *и до Нирокурия*,[4] якоже рещи от въстока и до полуденья, и Сурия, и *Мидия*[5] по Ефратъ рѣку, Вавилонъ, Кордуна, асуряне, Месопотамия,[6] Аравия Старѣйшая, Елмаисъ, Инди, *Аравия Силная*, *Колия*, *Комагини*, *Финикия вся*.[7]

Хамови же яся полуденьная страна: Еюпетъ, Ефивопья, прилежащия ко Индомъ, другая же Ефивопья, из нея же исходить рѣка ефиопьская Чермна, текущи на въстокъ, *Фива*, *Ливия*[8] прилежащи до Куриниа, Маръмарья, *Сурьти*, *Ливия*[9] другая, Нумидья, Масурия, Мавританья противу *сущи*[10] Гадирѣ. Сущимъ же ко востокомъ имать Киликию, Памъфилию, Писидию, Мисию,[11] Лукаонию, Фругию, Камалию, Ликию, Карию, Лудью, Мисию[12] другую, Троаду, *Еолиду*,[13] Вифунию, Старую Фругию; и островы[14] неки имать: Саръдани, Критъ, Купръ и рѣку Гѣону, зовемую *Нилъ*.[15]

Афету[16] же яшася полунощныя страны и западн*ыя*:[17] Мидия, Алъванья, *Арменья*[18] Малая и Великая, Кападокия, Фефлагони, Галатъ, *Кольхись*,[19] Воспории, Меоти, Дереви, Саръмати,[20] Тавриани, Скуфиа,[21] Фраци, Макидонья, *Далматия*, *Малоси*,[22] Фесалья, Локрия, Пеления, яже и Полопонисъ наречеся, Аркадъ, Япиронья, Илюрикъ, Словѣне, *Лухитиа*,[23] Анъдриокия, Оньдрѣятиньская пучина. Имать же и островы: Вротанию, Сикилию, Явию, Родона,[24] Хиона, Лѣзовона, Кофирана, *Закунфа*,[25] Кефалинья, Ифакину, Керькуру, часть *Асийскыя*[26] страны, нарицаемую Онию, *и*[27] рѣку Тигру, текущ*ую*[28] межю Миды и Вавилономь; до Понетьского моря, на полънощныя страны, Дунай, Дьнѣстръ и Кавкаисинския горы, рекше Угорьски, и оттудѣ доже и до Днѣпра, и прочая рѣки: Десна, Припеть, Двина, Волховъ, Волъга, яже идеть на востокъ, в часть Симову. В Афетовѣ

же части сѣдять русь, чюдь и вси языци: меря, мурома, весь, моръдва, заволочьская чюдь, пермь, печера, ямь, угра, литва, зимѣгола, корсь, *лѣтьгола*,[29] любь. Ляхове же, и пруси, чюдь преѣдять к морю Варяжьскому. По сему же морю сѣдять варязи сѣмо ко въстоку до предѣла Симова, по тому же морю сѣдять къ западу до землѣ Агнянски и до Волошьски. Афетово бо и то колѣно: варязи, свеи, урмане, *готе*,[30] русь, агняне, галичане, волъхва, римляне, нѣмци, корлязи, веньдици, фрягове и прочии, *ти же*[31] присѣдять от запада къ *полуденью*[32] и съсѣдяться съ племянемъ Хамовым.

Сим *же*[33] и Хамъ и Афетъ, раздѣливше землю, жребьи метавше, не преступати никому же въ жребий братень, *и*[34] живяхо кождо въ своей части. Бысть языкъ единъ. И умножившемъся человѣкомъ на земли, *и*[34] помыслиша создати столпъ до небесе, въ дни Нектана и Фалека. И собрашася на мѣстѣ Сенаръ поли здати столпъ до небесе и градъ около его Вавилонъ; и созда столпъ то за 40 лѣт, *и*[35] не свершенъ бысть. И сниде Господь Богъ вйдѣти градъ и столпъ, и рече Господь: «Се родъ единъ и языкъ единъ». И съмѣси Богъ языкы, и раздѣли на 70 и 2 языка, и расъсѣя по всей земли. По размѣшеньи же языкъ Богъ вѣтромъ великимъ разраши столпъ, и есть останокъ его промежю Асюра и Вавилона, и есть въ высоту *и въ ширину локоть 5433 локти*,[36] и в лѣта многа хранимъ останокъ.

По размѣшеньи же столпа и по раздѣленьи языкъ прияша сынове Симови въсточныя страны, а Хамови сынове полуденьныя страны. Афетови же прияша западъ и полунощныя страны. От сихъ же 70 и 2 языку бысть языкъ словѣнескъ, от племени Афетова, нарци, еже суть словѣне.

По[37] множѣхъ же времянѣхъ сѣли суть словѣни по Дунаеви, гдѣ есть ныне Угорьска земля и Болгарьска. *И*[38] от тѣхъ словѣнъ разидошася по землѣ и прозвашася имены своими, гдѣ сѣдше на которомъ мѣстѣ. Яко пришедше сѣдоша на рѣцѣ имянемъ Марава, и прозвашася морава, а друзии чеси нарекошася. А се ти же словѣни: хровате бѣлии и серебь и хорутане. Волхомъ бо нашедшемъ на словѣни на дунайския, *и*[38] сѣдшемъ в них и насилящемъ имъ, словѣни же ови пришедше сѣдоша на Вислѣ, и прозвашася ляхове, а от тѣхъ ляховъ прозвашася поляне, ляхове друзии лутичи, ини мазовшане, ини поморяне.

Тако же и ти словѣне пришедше и сѣдоша по Днѣпру и нарекошася поляне, а друзии древляне, зане сѣдоша в лѣсѣх; а друзии сѣдоша межю Припетью и Двиною и нарекошася дреговичи; *инии сѣдоша на Двинѣ и нарекошася полочане*,[38] рѣчьки ради, яже втечеть въ Двину, имянемъ Полота, от сея прозвашася полочане. Словѣни же сѣдоша около езера Илмеря, *и*[38] прозвашася своимъ имянемъ, и сдѣлаша градъ и нарекоша ѝ Новъгородъ. А друзии сѣдоша по Деснѣ, и по *Семи*,[39] по Сулѣ, и *нарекошася*[40] сѣверъ. *И*[38] тако разидеся словѣньский языкъ, тѣм же и грамота прозвася словѣньская.

Поляномъ же жившимъ особѣ по горамъ симъ, бѣ путь изъ Варягъ въ Греки и изъ Грекъ по Днѣпру, и верхъ Днѣпра волокъ до Ловоти, *и*[38] по Ловоти внити в Ылмерь озеро великое, из него же озера потечеть Волховъ и вътечеть в озеро великое Нево,[41] *и*[38] того озера внидеть устье в море

Варяжьское. И по тому морю ити до Рима, а от Рима прити по тому же морю ко Царюгороду, а от Царягорода прити в Понтъ море,[42] в не же втечет Днѣпръ рѣка. Днѣпръ бо потече из Оковьскаго лѣса,[43] и потечеть на полъдне, а Двина ис того же лѣса потечет, а идеть на полунощье и внидеть в море Варяжьское. Ис того же лѣса потече Волга на въстокъ, и вътечеть семьюдесятъ жерелъ в море Хвалисьское. Тѣм же и из Руси можеть ити *по Волзѣ*[38] в Болгары и въ Хвалисы, *и*[38] *на*[44] въстокъ доити въ жребий Симовъ, а по Двинѣ въ Варяги, изъ Варягъ до Рима, от Рима *же и*[38] до племени Хамова. А Днѣпръ втечеть в Понетьское море жереломъ, еже море словеть Руское, по нему же училъ святый Оньдрѣй, братъ Петровъ, якоже рѣша.

Оньдрѣю учащю въ Синопии и пришедшю ему в Корсунь, увѣдѣ,[45] яко ис Корсуня близь устье Днѣпрьское, *и*[38] въсхотѣ поити в Римъ, и проиде въ вустье Днѣпрьское, *и*[38] оттоле поиде по Днѣпру горѣ. И по приключаю приде и ста подъ горами на березѣ. *И*[34] заутра въставъ и рече к сущимъ с нимъ ученикомъ: «Видите ли горы сия? — яко на сихъ горах восияеть благодать Божья; имать градъ великъ *быти*[38] и церкви многи Богъ въздвигнути имать». *И*[34] вышедъ на горы сия, благослови я̑, *и*[34] постави крестъ, и помоливъся Богу, и сълѣзъ съ горы сея, иде же послѣже бысть Киевъ, и поиде по Днѣпру горѣ. И приде въ словѣни, идеже нынѣ Новъгородъ, и видѣ ту люди сущая, како есть обычай имъ, и како ся мыють *и*[34] хвощются, и удивися имъ. *И*[34] иде въ Варяги,[46] и приде в Римъ, *и*[34] исповѣда, елико научи и елико видѣ, и рече имъ: «Дивно видѣхъ Словѣньскую землю идучи ми сѣмо. Видѣхъ бани древены, и пережьгуть е рамяно, *и*[34] совлокуться, и будуть нази, и облѣются квасомъ усниянымь, и возмуть на ся прутье младое, *и*[34] бьють ся сами, и того ся добьють, *едва* слѣзуть *лѣ* живи,[47] и облѣются водою студеною, *и*[34] тако ожиуть. И то творять по вся дни, не мучими никим же, но сами ся мучать, и то творять мовенье собѣ, а не мученье». Ты слышаще дивляхуся. Оньдрѣй же, бывъ в Римѣ, приде в Сино*пию*.[48]

Полем же жившемъ особѣ и володѣющемъ роды[49] своими, иже и до сее братьѣ бяху поляне, и живяху кождо съ своимъ родомъ и на своихъ мѣстѣхъ, владѣюще кождо родомъ своимъ.[50] *И*[34] быша 3 братья: единому имя Кий, а другому Щекъ, а третьему Хоривъ, *и*[38] сестра ихъ Лыбедь. Сѣд*яше*[51] Кий на горѣ, гдѣ же ныне увозъ Боричевъ, а Щекъ сѣдяше на горѣ, гдѣ же ныне зовется Щековица, а Хоривъ на третьей горѣ, от него же прозвася Хоревица. И створиша градъ во имя брата своего старѣйшаго, и нарекоша имя ему Киевъ. Бяше около града *лѣсъ*[52] и боръ великъ, и бяху ловяща звѣрь, бяху мужи мудри и смыслени, нарицахуся поляне, от них же есть поляне в Киевѣ и до сего дне.

Ини же, не свѣдуще, рекоша, яко Кий есть перевозникъ былъ, у Киева бо бяше перевозъ тогда с оноя стороны Днѣпра, тѣмь глаголаху: на перевозъ на Киевъ. Аще бо бы перевозникъ Кий, то не бы ходилъ Царюгороду; но се Кий княжаше в родѣ своемь, приходившю ему ко царю, якоже сказають, яко велику честь приялъ от царя, при которомь приходивъ цари. Идущю же ему *вспять*,[53] приде къ Дунаеви, *и*[34] възлюби мѣсто, и сруби градокъ малъ, *и*[38] хотяше сѣсти с родомъ своимъ, и не даша ему ту близь живущии;

еже и донынѣ наречють *дунайци*[54] городище Киевець. Киеви же пришедшю въ свой градъ Киевъ, ту животъ свой сконча; *и*[55] братъ его Щекъ и Хоривъ и сестра их Лыбедь ту скончашася.

И по сихъ братьи держати почаша родъ ихъ княженье в поляхъ, *а*[38] в деревляхъ свое, а дреговичи свое, а словѣни свое в Новѣгородѣ, а другое на Полотѣ, иже полочане. От нихъ же кривичи, *иже*[56] сѣдять на верхъ Волги, *и*[57] на верхъ Двины и на верхъ Днѣпра, их же градъ есть Смоленскъ; *тудѣ*[58] бо сѣдять кривичи. Таже сѣверъ от нихъ. На Бѣлѣозерѣ сѣдять весь, а на Ростовьскомъ озерѣ меря, а на Клещинѣ озерѣ меря же. *А*[38] по Оцѣ рѣцѣ, где *втечеть*[59] в Волгу,[60] мурома языкъ свой, и черемиси свой языкъ, моръдва свой языкъ. Се бо токмо словѣнескъ языкъ в Руси: поляне, деревляне, ноугородьци, полочане, дреговичи, сѣверъ, бужане, зане сѣдоша по Бугу, послѣже же велыняне. А се суть инии языци, иже дань дають Руси: чюдь, меря, весь, мурома, черемись, моръдва, пермь, печера, ямь, литва, зимигола, корсь, норома,[61] либь: си суть свой языкъ имуще, от колена Афетова, иже *живуть*[62] въ странахъ полунощныхъ.

Словѣньску же языку, яко же рекохомъ, *живущю*[63] на Дунаи, придоша от скуфъ, рекше от козаръ, рекомии болгаре *и*[38] сѣдоша по Дунаеви, *и*[38] населници словѣномъ быша. Посемь придоша угри бѣлии, *и*[34] наслѣдиша землю словѣньску. Си бо угри почаша быти пр-Ираклии цари, иже находиша на Хоздроя, царя перьскаго. Въ си же времяна быша и обри, *иже*[34] ходиша на *Ираклия*[64] царя и мало его не яша. Си же *обри*[65] воеваху на словѣнѣх, и примучиша дулѣбы, сущая словѣны, и насилье творяху женамъ дулѣбськимъ:[66] аще поѣхати будяше обърину, не дадяше въпрячи коня ни вола, но веляше въпрячи 3 ли, 4 ли, 5 ли женъ в телѣгу и повести обърѣна, *и*[34] тако мучаху дулѣбы. Быша бо обърѣ тѣломъ велици и умомь горди, и Богъ потреби я̂, *и*[34] помроша вси, и не остася ни единъ объринъ. *И*[34] есть притъча в Руси и до сего дне: погибоша аки обрѣ; их же нѣсть племени ни наслѣдъка. По сихъ же придоша печенѣзи; паки идоша угри чернии мимо Киевъ, послѣже при Олзѣ.

Поляномъ же жиущемъ особѣ, яко же рекохомъ, *сущимъ*[67] от рода словѣньска, и нарекошася поляне, а *деревляне*[68] от словѣнъ же, и нарекошася древляне; радимичи бо и вятичи от ляховъ. Бяста бо 2 брата в лясѣх — Радим, а *другий*[69] Вятко, — и пришедъша сѣдоста Радимъ на Съжю, *и*[38] прозвашася радимичи, а Вятъко сѣде съ родомъ своимъ по Оцѣ, от него же прозвашася вятичи. *И живяху*[70] з мирѣ поляне, и деревляне, *и*[38] сѣверъ, и *радимичи*,[71] вятичи и хрвате. Дулѣби живяху по Бугу, гдѣ ныне велыняне, а *улучи*[72] *и*[73] тиверьци сѣдяху бо по Днѣстру, присѣдяху къ Дунаеви. Бѣ множьство ихъ; сѣдяху бо по Днѣстру *оли*[74] до моря, *и*[38] суть гради их и до сего дне, да то ся зваху от грекъ Великая Скуфь.

Имяху бо обычаи свои, и законъ отецъ своих и преданья, кождо свой нравъ. Поляне бо своих отецъ обычай имуть кротокъ и тихъ, и стыдѣнье къ снохамъ своимъ и къ сестрамъ, къ матеремъ и к родителемъ своимъ, къ свекровемъ и къ деверемъ велико стыдѣнье имѣху, брачный обычай имяху: не *хожаше*[75] зять по невѣсту, но приводяху вечеръ, а завътра приношаху по ней что вдадуче. А древляне живяху звѣриньскимъ образомъ, *живуще*[76]

скотьски: убиваху другъ друга, ядяху вся нечисто, и брака у нихъ не бываше, но умыкиваху у воды дѣвиця. И радимичи, и вятичи, и сѣверъ одинъ обычай имяху: живяху в лѣсѣ, яко же *и*[38] всякий звѣрь, ядуще все нечисто, *и*[38] срамословье в них предъ отьци и предъ снохами, *и*[38] браци не бываху въ них, *но*[77] игрища межю селы, схожахуся на игрища, на плясанье и на вся бѣсовьская *пѣсни*,[78] и ту умыкаху жены собѣ, с нею же кто съвѣщашеся; имяху же по двѣ и по три жены. *И*[38] аще кто умряше, творяху *тризну*[79] надъ нимъ, и по семь творяху кладу велику, и възложахуть и́ на кладу, мертвеца сожьжаху, и посемь собравше кости вложаху в судину малу,[80] и *поставляху*[81] на столпѣ на путех, еже творять вятичи и нынѣ. Си же творяху обычая кривичи *и*[38] прочии погании, не вѣдуще закона Божия, но творяще сами собѣ законъ.

Глаголеть Георгий в лѣтописаньи. «Ибо комуждо языку овѣмъ исписанъ законъ есть, другимъ же обычаи, зане *законъ*[82] безаконьникомъ отечьствие мнится. От них же первие сирии, *живуще*[83] на конець земля, законъ имуть *отець*[84] своих обычаи: не любодѣяти и прелюбодѣяти, ни красти, ни оклеветатати, ли убити, ли зло дѣяти весьма. Закон же и у *вактриянъ*,[85] глаголеми врахманеи островьници, еже от прадѣдъ показаньемь[86] *и*[38] благочестьемь мяс не ядуще, ни вина пьюще, ни блуда творяще, никакоя же злобы творяще, страха ради многа *божия*,[87] ибо *таче*[88] прилежащимъ къ нимъ *индиом*[38] убийстводѣйици сквернотворяще гнѣвливи и паче естьства; ли *внутрьнѣйши*[89] странѣ ихъ человѣкъ ядуще и страньствующихъ убиваху, паче же ядять яко пси. Етеръ же законъ халдѣемъ *и*[38] вавилонямъ: матери поимати, съ братними чады блудъ дѣяти, и убивати. *И*[38] всякое *бестудное*[90] дѣянье яко *добродѣтелье*[91] *мнятся*[92] дѣюще, любо далече страны своея будуть. Инъ же законъ гилиомь: жены в них орють, зижють храми *и*[38] мужьская дѣла творять, но любы творять елико хощеть, не въздержаеми от мужий своихъ весьма, *ли зазрятъ*,[93] в нихъ же суть храбрыя жены ловити звѣрь крѣпк*ыи*.[94] Владѣють же жены мужи своими *и*[95] добляють ими. Во Врѣтаньи же мнози мужи съ *единою*[96] женою спять, и *многы*[97] жены съ единымъ мужемъ похотьствують: безаконьная *яко*[97] законъ отець творять независтьно ни въздержаньно. Амазоне же мужа не имуть, но и аки скотъ бесловесный *единою*[98] лѣтомъ къ *вешнимъ*[99] днемъ оземьствени будуть; и сочтаются съ окрестны*ми*[100] мужи, яко нѣкоторое[II. 1] имъ торжьство и велико празденьство время *то*[2] мьнять. От них заченшимъ въ чревѣ, паки разбѣгнутся отсюду вси. Во время же *хотящимъ*[3] родити, аще родится отроча, погубять; аще *ли* дѣ*вическъ*[4] полъ, то въздоять *и*[5] прилѣжнѣ въ*спи*тають».[6]

Якоже се и при насъ нынѣ половци законъ держать отець своих: кровь проливати, а *хвалящеся*[7] о сихъ, *и*[5] ядуще мерьтвечину и всю нечистоту, хомѣки и сусолы, *и*[5] поимають мачехи своя *и*[5] ятрови, и ины обычая отець своихъ. Мы же хрестияне, елико земль, иже вѣрують въ святую Троицю, *и*[5] въ едино крещенье, въ едину вѣру, законъ имамъ единъ, елико во Христа крестихомся и во Христа облекохомся.

По сихъ же лѣтѣхъ, по смерти братьѣ сея быша обидимы древлями *и*[5] инѣми околними. И наид*оша*[8] я̀ козарѣ, сѣдящая на горах сихъ в лѣсѣхъ,

и рѣша козари: «Платите намъ дань». Съдумавше *же*[9] поляне и вдаша от дыма мечь,[10] и несоша козари ко князю своему и къ старѣйшинымъ[11] *своимъ*,[12] и рѣша имъ: «Се, налѣзохомъ дань нову».[13] Они же рѣша имъ: «Откуду?». Они же рѣша: «Въ лѣсѣ на горахъ[14] надъ рѣкою Днѣпрьскою». Они же рѣша: «Что суть вѫдали?». Они же показаша мечь. *И*[15] рѣша старци козарьстии: «Не добра дань, княже! Мы ся доискахомъ оружьемь одиною стороною,[16] *рекше*[17] саблями, а сихъ оружье обоюду[18] остро, рекше мечь. Си имуть имати дань на насъ и на инѣхъ странах». Се же *сбыстьcя*[19] все: не от своея воля рекоша, но отъ Божья повелѣнья. Яко *и*[15] при Фаравонѣ, цари еюпетьстѣмь, *егда*[20] приведоша Моисѣя предъ Фаравона, и рѣша старѣйшина Фараоня: се хочеть смирити область Еюпетьскую, якоже и бысть: погибоша еюптяне от Моисѣя, а первое быша работающе имъ. Тако и си владѣша, а послѣже самѣ*ми*[21] владѣють; яко же *и*[15] бысть: володѣють *бо*[15] козары русьскии *князи и*[15] до днешнего дне.

852 Въ лѣто 6360, индикта 15,[22] наченшю Михаилу царствовати, нача ся прозывати Руска земля. О семь бо *увѣдахомъ*,[23] яко при семь цари приходиша Русь на Царьгородъ, яко же пишется в лѣтописаньи гречьстѣмь. Тѣм же отселе почнем и числа положимъ яко «От Адама до потопа лѣт *2242*;[24] а от потопа до Оврама лѣт 1000 и 82, а от Аврама до исхоженья Моисѣева *лѣтъ 430; а от исхожениа Моисѣова*[25] до Давида лѣт 600 и 1; а от Давида и от начала царства Соломоня до плѣненья Ярусалимля лѣт 448; а от плѣненья до Олексанъдра лѣт 318; а от Олексанъдра до рожества Христова лѣт *333*;[26] *а от Христова рождества до Коньстянтина лѣт 318*;[15] от Констянтина же до Михаила сего лѣт 542». А от перваго лѣта Михаилова до перваго лѣта Олгова, рускаго князя лѣт 29; а от перваго лѣта Олгова, поне*лиже*[27] сѣде в Киевѣ, до перваго лѣта Игорева лѣт 31; а от перваго лѣта Игорева до перваго лѣта Святьславля лѣт *33*;[28] а от перваго лѣта Святославля до перваго лѣта Ярополча лѣт 28; а Ярополкъ княжи лѣт 8; а Володимеръ *княжи*[15] лѣт 37; а Ярославъ княжи лѣт 40. Тѣм же от смерти Святославля до смерти Ярославли лѣт 85; а от смерти Ярославли до смерти Святополчи лѣт 60.

Но мы на *прежнее*[29] възъвратимся *и*[15] скажемъ, што ся *здѣя в лѣта*[30] си, яко же преже почали бяхомъ первое лѣто Михаиломъ, а по ряду положимъ числа.

853 Въ лѣто 6361.

854 Въ лѣто 6362.

855 Въ лѣто 6363.

856 Въ лѣто 6364.

857 Въ лѣто 6365.

858 Въ лѣто 6366. Михаилъ царь изиде с вои брегомъ и моремъ на болгары. Болгаре же увидѣвше, *яко*[31] не могоша стати противу, креститися просиша и покоритися грекомъ. Царь же крести князя ихъ и боляры вся, и миръ створи с болгары.

859 [32]Въ лѣто *6367. Имаху*[33] дань варязи изъ заморья на чюди и на словѣнех, на мери и на всѣхъ, кривичѣхъ.[34] А козари имаху на полянѣх, и на сѣверѣх, и на вятичѣхъ, имаху по бѣлѣ и вѣверицѣ от дыма.

Въ лѣто 6368. 860
Въ лѣто 6369. 861
Въ лѣто 6370.[35] Изъгнаша варяги за море, и не даша имъ дани, и почаша 862
сами в собѣ володѣти, и не бѣ в нихъ правды, и въста родъ на родъ, *и*[35]
быша в них усобицѣ, и воевати почаша сами на ся. *И*[15] рѣша сами в себѣ:
«Поищемъ собѣ князя, иже бы володѣлъ нами и судилъ по праву». *И*[15]
идоша[36] за море къ варягомъ, к руси. Сице бо ся зваху тьи варязи *русь*,[37]
яко се друзии зъвутся св*ие*,[38] друзии же урмане, анъгляне, друзии гъте, тако
и си. Рѣша русь,[39] чюдь, словѣни, и кривичи *и*[35] вс*и*:[40] «Земля наша велика
и обилна, а наряда в ней нѣтъ. Да поидѣте княжитъ и володѣти нами». И
изъбрашася 3 братья с роды своими, пояша по собѣ всю русь, и придоша;
старѣйший, Рюрикъ, *сѣде Новѣгородѣ*,[41] а другий, Синеусъ, на Бѣлѣ-озерѣ,
а третий Изборьстѣ, Труворъ. *И*[35] от тѣхъ *варягъ*[35] прозвася Руская земля,
новугородьци, ти суть людье ноугородьци от рода варяжьска, преже бо бѣша
словѣни. По *двою*[42] же лѣту Синеусъ умре *и*[43] братъ его Труворъ. И прия
власть Рюрикъ, и раздая мужемъ своимъ грады, овому Полотескъ, овому
Ростовъ, другому Бѣлоозеро. И по тѣмъ городомъ суть находници варязи,
а перьвии насельници в Новѣгородѣ словѣне, *въ*[35] Полотьски кривичи, в
Ростовѣ меря, в Бѣлѣ-озерѣ весь, в Муромѣ мурома; и тѣми всѣми
обладаше Рюрикъ. И бяста у него 2 мужа, не племени его, *но*[44] боярина, и
та испросистася ко Царюгороду с родомъ своимъ. И поидоста по Днѣпру,
и идуче мимо и узрѣста на горѣ градок. И упро*ш*аста[45] *и*[41] рѣста: «Чий се
градокъ?». Они же рѣша: «Была суть 3 братья, Кий, Щекъ, Хоривъ, иже
сдѣлаша градоко сь, и изгибоша, и мы сѣдимъ, *родъ ихъ*, *платяче дань
козаромъ*».[46] Аскол*дъ*[47] же и Диръ остаста въ градѣ семь, и многи варяги
с*ъв*окуписта,[48] и начаста владѣти польскою землею, Рюрику же княжа-
щу[49] в Новѣгородѣ.
Въ лѣто 6371. 863
Въ лѣто 6372. 864
Въ лѣто 6373. 865
Въ лѣто 6374. Иде Аскольдъ и Диръ на греки, и прииде въ 14 *лѣто*[41] 866
Михаила цесаря. Цесарю же отшедшю на огаряны, *и*[5] дошедшю ему Черные
рѣки, вѣсть епархъ посла к нему, яко русь на Царьгородъ идеть, и
вратися царь. Си же внутрь Суду вшедше, много убийство крестьяномъ
створиша, и въ двою сотъ корабль Царьградъ оступиша. Цесарь же едва
въ градъ вниде, *и*[5] с патреярхомъ съ Фотьемъ къ сущей церкви святѣй
Богородицѣ Влахѣрнѣ всю нощь молитву створиша, та же божественую
святы Богородиця ризу с *пѣсними*[50] изнесъше в *мори скут*[51] омочивше.
Тишинѣ сущи *и*[35] морю укротившюся, абье буря въста с вѣтромъ, и волнамъ
вельямъ въставшемъ засобь, безбожныхъ Руси корабл*и*[52] смяте, *и*[35] к берегу
приверже, и изби я̀, яко мал*о*[53] их от таковыя бѣды избѣгнути *и*[35] въ свояси
возъвратишася.
Въ лѣто 6375. 867
Въ лѣто 6376. Поч*а*[54] царствовати В*асилии*.[55] 868
Въ лѣто 6377. *К*рещена[56] бысть вся земля Болъгарьская. 869
Въ лѣто 6378. 870

871 Въ лѣто 6379.
872 Въ лѣто 6380.
873 Въ лѣто 6381.
874 Въ лѣто 6382.
875 Въ лѣто 6383.
876 Въ лѣто 6384.
877 Въ лѣто 6385.
878 Въ лѣто 6386.

879 Въ лѣто 6387. Умершю Рюрикови предасть княженье[57] свое Олгови, от рода *ему*[58] суща, вдавъ ему сынъ свой на руцѣ, Игоря, *бѣ*[59] бо дѣтескъ вельми.

880 Въ лѣто 6388.

881 Въ лѣто 6389.

882 *Въ лѣто 6390.*[5] *Поиде*[60] Олегъ, поимъ воя многи, варяги, чюдь, словѣни, мерю, *весь*,[61] кривичи, и приде къ Смоленьску съ кривичи, и прия градъ, и посади мужь свои, оттуда поиде внизъ, и взя Любець, и посади мужь свои. *И*[35] придоста къ горамъ хъ киевьскимъ, и *увѣда*[62] Олегъ, яко Осколдъ и Диръ княжита, *и*[41] похорони вои въ лодьях, а другия назади остави, а самъ приде, нося Игоря дѣтьска. И приплу подъ Угорьское, похоронивъ вои своя, и присла ко Асколду и Дирови, глаголя, яко «Гость есмь, *и*[35] идемъ въ Греки от Олга и от Игоря княжича. Да придѣта к намъ к родомъ своимъ». Аскoлдъ же и Диръ придоста, *и*[5] выскака*ша*[63] вси прочии изъ лодья, и рече Олегъ Асколду и Дирови: «Вы нѣста князя, ни рода княжа, но азъ есмь роду княжа», *и*[41] вынесоша Игоря: «*А*[64] се есть сынъ Рюриковъ». И убиша Асколда и Дира, *и*[35] несоша на гору, и погребоша[65] ѝ на горѣ, еже ся ныне зоветь Угорьское, где ныне Ольминъ дворъ; на той могилѣ поставилъ *Олъма*[66] церковь святаго Николу; а Дирова могила за святою Ориною. *И*[5] сѣде Олегъ княжа въ Киевѣ, и рече Олегъ: «Се буди мати градомъ русьскимъ».[67] *И*[5] бѣша у него варязи и словѣни и прочи, прозвашася русью. Се же Олегъ нача городы ставити, и устави дани словѣномъ, кривичемъ и мери, и *устави*[35] варягомъ дань даяти от Новагорода гривенъ 300 на лѣто, мира дѣля, еже до смерти Ярославлѣ даяше варягомъ.

883 Въ лѣто 6391. Поча Олегъ воевати деревляны, и примучивъ *а*,[68] имаше[69] на них дань по чернѣ кунѣ.

884 Въ лѣто 6392. Иде *Олегъ*[5] на сѣверяне, и побѣди сѣверяны, и възложи на нь дань легъку, и не дастъ имъ козаромъ дани платити, рекъ: «Азъ имъ противенъ, а вамъ не чему».

885 Въ лѣто 6393. Посла къ радимичемъ, рька: «*Кому*[70] дань даете?». Они же рѣша: «Козаромъ». И рече имъ Олегъ: «Не дайте козаромъ, но мнѣ дайте». И въдаша Ольгови по щьлягу, яко же *и*[5] козаромъ даяху.[71] И бѣ обладая Олегъ поляны, и деревляны, *и*[5] сѣверяны,[72] и радимичи, а съ уличи и тѣверци имяше рать.

886 Въ лѣто 6394.

887 Въ лѣто 6395. Левонъ царствова, сынъ Васильевъ, иже Левъ прозвася, и брат его Олександръ, иже царствоваста лѣтъ 20 и 6.

888 Въ лѣто 6396.

Въ лѣто 6397. 889
Въ лѣто 6398. 890
Въ лѣто 6399. 891
Въ лѣто 6400. 892
Въ лѣто 6401. 893
Въ лѣто 6402. 894
Въ лѣто 6403.[73] 895
Въ лѣто 6404.[74] 896
Въ лѣто 6405.[75] 897

Въ лѣто 6406. Идоша угри мимо Киевъ горою, еже ся зоветь нынѣ 898
Угорьское, *и*[35] пришедъше къ Днѣпру сташа[76] вежами; бѣша бо ходяще аки се половци. Пришед*ше*[77] от *въ*стока[78] и устремишася чересъ горы великия *яже прозвашася горы Угорьскиа,*[35] и почаша воевати на живущая[79] ту волохи[80] и словѣни. Сѣдяху бо ту преже словѣни, и волохове[81] прияша землю словеньску. Посем же угри прогнаша волъхи, и наслѣдиша землю *ту,*[35] и сѣдоша съ словѣны, покоривше я̀ подъ ся, *и*[5] оттоле прозвася земля Угорьска. И начаша воевати угри на греки, и поплѣниша землю Фрачьску и Македоньску доже и до Селуня. *И*[35] начаша воевати на мораву и на чехи.[82] Бѣ единъ языкъ словѣнескъ: словѣни, *иже*[83] сѣдяху по Дунаеви, их же прияша угри, и морава,[84] *и*[5] чеси, и ляхове, и поляне, яже нынѣ зовомая Русь. Симъ бо первое преложены книги моравѣ,[85] яже прозвася[86] грамота словѣньская, яже грамота есть в Руси и в болгарѣх дунайскихъ.

Словѣномъ живущимъ[87] крещенымъ и княземъ ихъ, Ростиславъ, и Святополкъ, и Коцелъ послаша ко царю Михаилу, глаголюще: «Земля наша крещена, и нѣсть у насъ учителя, иже бы ны наказалъ, и поучалъ насъ, и протолковалъ святыя книги. Не разумѣемъ *бо*[41] ни гречьску языку, ни латыньску; ѝни бо ны онако учать, а ѝни бо ны и онако. Тѣм же не разумѣемъ книжнаго образа ни силы ихъ. И послѣте ны учителя, иже ны могуть сказати книжная словеса и разумъ их». Се слыша царь Михаилъ, и созва философы вся, и сказа имъ рѣчи вся словѣньскихъ князь. И рѣша философи: «Есть мужь в Селуни, именемъ Левъ. Суть у него сынове разумиви языку словѣньску, хитра 2 сына у него философа». Се слышавъ царь посла по ня в Селунь ко *Львови,*[88] глаголя: «Посли к намъ въскорѣ сына своя, Мефодия и Костянтина». Се слышавъ[89] Левъ въскорѣ посла я̀, и придоста ко цареви, и рече има: «Се прислалася ко мнѣ Словѣньска земля, просящи учителя собѣ, иже бы моглъ имъ протолковати святыя книги;[90] сего бо желають». *И*[5] умолена быста царемъ, и посла*ша*[91] я̀ въ Словѣньскую землю къ Ростиславу, и Святополку и Къцьлови. Сима же пришедъшема, начаста съставливати писмена азъбуковьная словѣньски, и преложиста Апостолъ и Еуангелье. *И*[35] ради быша словѣни, яко слышиша виличья Божья своимь языкомь. Посем же преложиста[92] Псалтырь, и Охтаикъ, и прочая книги. *Нѣции же начаща хулити словеньскиа книги,*[93] глаголюще, яко «Не достоить ни которому же языку имѣти букъвъ своихъ, развѣ еврѣи, и грекъ, *и*[5] латинъ, по Пилатов*у*[94] писанью, еже на крестѣ Господни написа». Се же слышавъ папежь римьский, похули тѣх, иже ропьщуть на книги словеньския, река: «Да ся исполнить книжное слово, яко „Въсхвалять Бога вси языци";[95]

другое же: „Вси възъглаголють языки величья Божья, яко же дасть имъ святый духъ отвѣщевати". Да аще хто хулить словѣньскую грамоту, да будеть отлученъ от церкве, донде ся исправить;[96] ти бо суть волци, а не овца, яже достоить от плода знати я̀ *и*[35] хранитися ихъ. Вы же, чада, Божья послушайте ученья и не отрините наказанья церковного, яко же вы наказалъ Мефодий, учитель вашь». Костянтинъ же. възратився въспять и иде учитъ болгарьскаго языка, а Мефодий оста в Моравѣ. Посем же Коцелъ князь постави Мефодья[97] епископа въ Пании, на столѣ святого Онъдроника апостола, единого от 70, ученика святого апостола Павла. Мефодий же посади 2 попа скорописца зѣло, и преложи вся книги исполнь от гречьска языка въ словѣнескъ 6-ю мѣсяць, наченъ от марта мѣсяца до двудесяту и 6-ю день октября мѣсяца. Оконьчавъ же, достойн*у*[98] хвалу и славу Богу въздасть, дающему таку благодать епископу Мефодью, настольнику Анъдроник*ову*.[99] Тѣм же словѣньску языку учитель есть Анъдроникъ[100] апостолъ. В Моравы бо ходилъ и апостолъ Павелъ училъ ту; ту бо есть Илюрикъ,[III 1] его же *доходилъ*[2] апостолъ Павелъ; ту бо бѣша словене первое. Тѣм же и словеньску языку учитель есть Павелъ, от него же языка и мы есмо Русь, тѣмъ же и нам Руси учитель есть Павелъ, понеже учил есть языкъ слов*ѣне*скъ[3] и поставилъ есть епископа и намѣсника *по*[4] себѣ Андроника словеньску языку. А словеньскый языкъ и рускый одно есть, от варягъ бо прозвашася Русью, а первое бѣша словене; аще и поляне звахуся, но словеньскаа рѣчь бѣ. Полями же прозвани быши, зане в поли сѣдяху, а язык словенски един.

899 [5]В лѣто 6407.

900 В лѣто 6408.

901 В лѣто 6409.

902 В лѣто 6410. Леон[6] царь ная угры на болгары. Угре же, нашедше, всю землю Болгарьску пленоваху. Семионъ же увѣдѣвъ,[7] на угры възвратися,[8] и угре противу поидоша и победиша болгары, яко одва Семионъ въ Деръстръ убежа.

903 В лѣто 6411. Игореви же възрастъшю, и хожаше по Олзѣ и слушаша его, и приведоша ему жену от Пьскова, именемъ *Олгу*.[9]

904 В лѣто 6412.

905 В лѣто 6413.

906 В лѣто 6414.

907 В лѣто 6415. Иде Олегъ на Грекы, Игоря остави*в*[10] Киевѣ, поя *же*[11] множество варяг, и словенъ, и чюдь, и словене, и кривичи, и мерю, и деревляны, и радимичи, и поляны, и сѣверо, и вятичи, и хорваты, и дулѣбы, и тиверци, яже суть толковины: си вси звахуться от грекъ Великая Скуфь. *И*[11] съ сими со всѣми поиде Олегъ на конех и на кораблех, и бѣ числомъ кораблей 2000. *И*[11] прииде къ Царюграду; и греци замкоша Суд, а град затвориша. И выиде Олегъ на брегъ, и воевати нача, и много убийства сотвори около града грекомъ, и разбиша многы полаты, и пожгоша церкви. А их же имаху плѣнникы, овѣхъ посекаху, другиа же мучаху, иныя же растреляху, а другыя в море вметаху, и ина многа *зла*[11] творяху русь грекомъ, елико же ратнии творять.

И повелѣ Олегъ воемъ своимъ колеса издѣлати и воставляти на колеса корабля. И бывшю покосну вѣтру, въспяша[12] парусы съ поля, и идяше къ граду. И видѣвше греци и убояшася, и рѣша выславше ко Олгови: «Не погубляй града, имемъ ся *по дань*,[13] яко же хощеши». И устави Олегъ воя, и вынесоша ему брашно и вино, и не приа его; бѣ бо устроено со отравою. И убояшася греци, и рѣша: «Нѣсть се Олегъ, но святый Дмитрей, посланъ на ны от Бога». И заповѣда Олегъ *дань*[14] даяти на 2000 корабль, по 12 гривенъ на человѣкъ, а въ корабли *по*[14] 40 мужь.

И яшася греци по се, и почаша греци мира просити, дабы не воевал Грецкые земли. Олегъ же, мало отступивъ от града, нача миръ творити со царьма грецкима, со *Леономъ*[15] и Александромъ, посла к нима въ град Карла, Фарлофа, Вельмуда, Рулава и Стемида, глаголя: «Имите ми ся по дань». И рѣша греци: «Чего хощеши, *дамы*[16] ти». И заповѣда Олег дати воем на 2000 корабль по 12 гривен на ключь, и потом даяти уклады[17] на рускыа грады: первое на Киевъ, та же на Чернигов, на Переаславль, на Полтѣскъ, на Ростов, на Любеч и на прочаа городы; по тѣм бо городомъ седяху велиции князи, под Олгом суще. «Да приходячи Русь слюбное емлют, елико хотячи, а иже *придутъ*[18] гости *да*[19] емлют мѣсячину на 6 мѣсяць, хлѣбъ, вино, мясо, и рыбы и овощь.[20] И да творят им мовь, елико хотят. Поидучи же *домовь*, *в*[11] Русь,[21] да емлют у царя вашего *на путь*[11] брашно, и якори, и ужища, и парусы, и елико *имъ*[11] надобе». И яшася греци, и рѣста царя и боярьство все: «Аще приидуть Русь бес купли, да не взимают мѣсячины; да запретить князь словомъ своим приходящимъ Руси здѣ, да не творять пакости в селѣх в странѣ нашей.[22] Приходяще Русь да витают у святаго Мамы, и *послеть*[23] царьство наше, и да испишут имена их, и тогда возмуть мѣсячное[24] свое, — первое от города Киева, и *паки*[25] ис Чернигова и ис Переаславля, и прочии гради. И да входят в град одними вороты со царевымъ мужемъ, без оружья, муж 50, *и*[26] да творят куплю, яко же имъ надобе, не *платяче*[27] мыта ни в чем же».

Царь же Леонъ со Олександромъ миръ сотвориста со Олгом, имшеся по дань и роте заходивше межы собою, целовавше *сами*[26] крестъ, а Олга водивше на роту и мужи его по Рускому закону, кляшася оружьемъ своим, и Перуном, богомъ своим, и Волосомъ, скотьемъ богомъ, и утвердиша миръ. И рече Олегъ: «*Исшийте*[28] парусы паволочиты руси, а словеномъ кропиньныя»,[29] и бысть тако. И повѣси щит свой въ вратех, показуа побѣду, и поиде от Царяграда. И *воспяша*[30] *русь*[31] парусы паволочиты, а словене кропиньны,[29] и раздра ѝ вѣтръ: и рѣша словени: «Имемся своим толстинам, не даны суть словѣном прѣ *паволочиты*».[32] И приде Олегъ к Киеву, неся злато, и паволоки, и овощи, и вина, и всякое узорочье. И прозваша Олга — вѣщий: бяху бо людие погани и невѣигласи.

В лѣто 6416. *908*

В лѣто 6417. *909*

В лѣто 6418. *910*

В лѣто 6419. Явися звѣзда велика на западе копейным[33] образом. *911*

В лѣто 6420. Посла мужи свои Олегъ построити мира и положити ряд *912* межю Русью и Грекы, и посла *глаголя*:[34]

«Равно другаго свещания, бывшаго при тѣх же царьхъ Лва и Александра. Мы от рода рускаго, Карлы, Инегелдъ, Фарлоф, Веремуд, Рулавъ, Гуды, Руалдъ, Карнъ, Фрелавъ, *Руаръ*,[35] Актеву, Труанъ, Лидул, Фостъ, Стемид, иже послани от Олга, великого князя рускаго, и от всѣх, иже суть под рукою его, свѣтлых и великих князь, и его великих бояръ, к вам, Лвови и *Александру*[36] и Костянтину, великим о Бозѣ самодержьцем, царемъ греческым, на удержание и на извещение от многих лѣт межи хрестианы и Русью бывьшюю любовь, похотѣньем наших великих князь и по повелѣнию от всѣх иже суть под рукою его сущих Руси. Наша свѣтлость болѣ инѣх хотящи[37] еже о Бозѣ удержати *и*[26] извѣстити такую любовь, бывшую межи хрестьяны и Русью многажды, право судихомъ, не[38] точью просто словесемъ,[39] и писанием и клятвою твердою, кленшеся оружьем своим, такую любовь утвердити и известити по вѣре и по закону нашему.

Суть, яко *понеже*[40] мы ся имали о Божьи вѣре и о любви, главы таковыя: по первому убо слову да умиримся с вами, грекы, да любим друг друга от всеа душа и изволениа, и не вдадим, елико наше изволение, быти от сущих *подь*[41] рукою наших *князь*[42] свѣтлых никакому же соблазну или винѣ; *но*[42] потщимся,[43] елико по силѣ, на сохранение прочих и всегда лѣт с вами, грекы, исповеданием и написанием со клятвою извещаемую любовь непревратну и *непостыжну*.[44] Тако же и вы, грекы, да храните *таку же*[45] любовь ко княземъ нашим свѣтлым рускым и ко всѣм, иже суть под рукою свѣтлаго князя нашего, *несоблазну и*[46] непреложну всегда и во вся лѣта.

А о главах, *аже*[47] ся ключит проказа, *урядимъ*[48] *ся*[26] сице: да елико явѣ будеть показании явлеными, да имѣють вѣрное о тацѣх явлении; а ему же начнуть не *яти*[49] вѣры, да кленется часть та, иже ищеть неятью вѣры; да егда кленеться по вѣре своей, и будеть казнь, яко же явиться согрешенье.

О сем, аще кто убьеть или хрестьанина русин, или хрестьянинъ русина, да умрет, идѣ же аще сотворить убийство. Аще ли убежит сотворивый убийство, да аще есть домовит, да часть его, сирѣчь иже его будеть по закону, да возметь ближний убьенаго, а и жена убившаго да имѣеть толицем же пребудеть по закону. Аще ли есть неимовит сотворивый убой и убежавъ, да держить ся тяжи, дондеже обрящеться, и да умреть.

Аще ли ударить мечем, или *бьеть*[50] кацѣм любо сосудомъ, за то ударение или бьенье да вдасть литръ 5 сребра по закону рускому; аще ли не имовит тако сотворивый, да вдасть елико можеть, *и*[26] да соиметь *съ*[51] себе и ты самыа порты, в них же ходить, да о процѣ да ротѣ ходить своею вѣрою, яко никако же иному помощи ему, да пребывает тяжа отоле не взыскаема.

О сем, аще украдеть что любо[52] русин у хрестьанина, или паки хрестьанинъ у русина, и ять будеть в том часѣ тать, егда татбу сътворить, от погубившаго что любо, аще приготовить ся тать творяй, и убьенъ будеть, да не взищеться смерть его ни от хрестьанъ, ни от Руси; но паче убо да возметь свое, иже *будеть*[42] погубил. Аще *вдасть*[53] руцѣ свои украдый, да ят будеть тѣм же, у него же будеть украдено, и связанъ будеть, *и*[26] отдасть тое, еже смѣ створити, и сотворить триичи.

О сем, аще кто от хрестьянъ или от Руси мученьа образом искусъ творити, и *насильемъ*[54] явѣ возметь что любо дружне, да въспятить троиче.

Аще выврежена будеть лодья вѣтром великим на землю чюжю, и обращуть ся тамо иже от нас Руси, *да*[55] аще кто иметь[56] снабдѣти лодию с рухлом своимъ *и*[57] отослати паки *на*[58] землю хрестьаньскую, да проводимъ ю сквозѣ всяко страшно мѣсто, дондеже приидеть въ бестрашное мѣсто; аще ли таковая лодья ли от буря, *или*[59] боронениа земнаго боронима, не можеть *възвратитися*[60] въ своа си мѣста, спотружаемся гребцем тоа лодья мы, Русь, допроводим с куплею их поздорову. Ти аще ключиться близъ земля Грецкаа. Аще ли ключиться[61] тако же проказа лодьи руской, да проводимъ ю в Рускую землю, да продають рухло тоя лодьи, и аще что можеть продати от лодьа, *во*волочим[26] мы, Русь. Да егда ходим в Грекы или с куплею, или въ солбу ко цареви вашему, да пустим с честью проданное рухло лодьи их. Аще ли лучится кому от лодьи убеену быти от нас Руси, или что взято любо, да повинни будуть то створшии прежереченною епитемьею.

О[62] тѣх, аще полоняникъ обою страну держим есть или от Руси, или от грекъ, проданъ в ону страну, аще обрящеться ли русинъ ли греченинъ да *искупять и*[63] възратять искупное лице въ свою сторону, и возмуть цѣну его купящии, или мниться в куплю над нь челядиннаа цѣна. Тако же аще от рати ятъ будеть от тѣх грекъ, тако же да *возратится*[64] въ свою страну, и отдана будеть цѣна его, яко же речено есть, яко же есть купля.

Егда же *требуетъ*[65] на войну ити, и сии хотять поч*тити*[66] царя вашего, да аще въ кое время елико их приидеть, и хотять остатис*я*[67] у царя вашего своею волею, да будуть.

О[68] Руси *о*[68] полонении множайши. От коеа любо страны пришедшим в Русь и продаемым въ хрестьаны, и еще же и о хрестьанех о полоненых от коеа любо страны приходящим в Русь, се продаеми бывають по 20 золота, и да приидуть в Грекы.

О том, аще украден будеть челядинъ рускый, или ускочить, или по нужи продан будеть, и жаловати начнуть Русь, *да*[26] покажеть ся таковое *о* челядине[69] и да поимуть *и*[70] в Русь; но и гостие *аще*[71] погубиша челядинъ и жалують, да ищуть, обретаемое да поимуть ѐ. Аще ли кто искушенья сего не дасть створити местникъ, да погубить правду свою.

И о работающих *во*[72] Грекох Руси у хрестьаньскаго царя. Аще кто умреть, не уря*дивь*[73] своего имѣнья, ци своих не имать, да възратить имѣние к малым ближикам в Русь. Аще ли сотворить обряжение таковый, возметь уряженое его, кому будеть писал наследити имѣнье его, да наследит ѐ.

О[68] взимающих куплю Руси.

О[74] различных хо*дящихъ*[75] во Греки и удолжающих... Аще злодѣй *не*[76] възратиться в Русь, да жалують Русь хрестьаньску царству, и ятъ будеть таковый, и възвращен будеть, не хотя, в Русь. Си же вся да створять Русь грекомъ, идѣже аще ключиться таково.

На утверженье же *и*[26] неподвижение[77] быти меже вами, хрестьаны, и Русью, бывший миръ сотворихом Ивановым написанием на двою харатью, царя вашего и своею рукою, предлежащим честнымъ крестомъ и святою единосущною Троицею единого истинаго Бога *в*ашего,[78] извѣсти и дасть нашим послом. Мы же кляхомся ко царю вашему, иже от Бога суща, яко

Бож*ие*[79] здание, по закону и по *по*кону[80] языка нашего, не преступити нам, ни *иному*[81] от страны нашея от уставленых главъ мира и любви. И таковое написание дахом царства вашего на утвержение обоему пребывати таковому совещанию, на утвержение и на извещание межи вами бывающаго мира. Мѣсяца сентября 2, *индикта 15*,[82] в лѣто создания мира 6420».

Царь же Леонъ почти послы руские дарми, златом, и паволоками, и фофудьами, и пристави к ним мужи свои показати им церковную красоту, и полаты златыа и в них сущаа богатество, злата много, и паволокы, и камьнье драгое, и страсти Господня и венець, и гвоздие, и хламиду багряную, и мощи святых, учаще я̀ к вѣре своей и показующе им истиную вѣру. И тако отпусти а̀ во свою землю с честию великою. Послании же Олгом посли приидоша ко Олгови, и поведаша вся рѣчи обою царю, како сотвориша миръ, и уряд положиша межю Грецкою землею и Рускою и клятвы не преступити ни греком, ни руси.

И живяше Олегъ миръ имѣа ко всѣм странамъ, княжа в Киевѣ. И приспѣ осень, и помяну Олегъ конь свой, *иже бѣ*[83] поставил кормити и не вседати на нь. Бѣ бо въпрашал волъхвовъ *и*[84] кудесникъ: «От чего ми есть *умрети*?».[85] И рече ему кудесник один: «Княже! Конь, его же любиши и ѣздиши на нем, от того ти умрети». Олегъ же приим въ умѣ, си рѣче: «Николи же всяду на нь, ни вижю его боле того». И повелѣ кормити *и̇*[26] и не водити его к нему, и пребы нѣколико лѣт не видѣ его, дондеже на грекы иде. И пришедшу ему Кыеву и пребывьшю 4 лѣта, на пятое лѣто помяну конь, от него же бяхуть рекли волсви умрети. И призва старейшину конюхом, рече: «*Кде*[86] есть конь мъй, его же бѣ*хъ*[87] поставил кормити и блюсти его?». Он же рече: «Умерлъ есть». Олег же посмѣася и укори кудесника, река: «То ти неправо глаголють волъсви, но *все то лъжа*[88] есть: конь[89] умерлъ есть, а я живъ». И повелѣ оседлати конь: «А то вижю кости его». И прииде на мѣсто, идѣже бѣша лежаще кости его голы и лобъ голъ, и ссѣде с коня, и посмеяся рече: «Отъ сего ли лба смьрть было взяти мнѣ?». И въступи ногою на лобъ; и выникнувши змиа *изо*[90] лба, *и*[51] уклюну в ногу. И с того разболѣся и умре. И плакашася людие вси плачем великим, и несоша и погребоша *его*[51] на горѣ, еже глаголеться Щековица; есть же могила его и до сего дни, слове*ть*[91] могыла Ольгова. И бысть всѣх лѣтъ княжениа его 33.

Се же не дивно, яко от волхвованиа собывается чародѣйство.[92] Якоже *бысть во*[93] царство Доментианово: нѣкий волхвъ, именем *Аполоний Тиянинъ*,[94] знаемъ беаше, шествуа и творя всюду *и*[51] въ градѣх и в селех бѣсовьскаа чюдеса. От Рима бо пришед въ Византию, умоленъ бывъ от живущих ту, сотворити сиа: отгнавъ множество змий и скоропий изъ града, яко *не*[51] врежатися человѣком от них; ярость коньскую[95] обуздавъ, егда ссхожахуся боаре. Тако же и во Антиохию пришед, и умолен бывъ от них, томимомъ бо Антиахияном от скоропий и от комаръ, сотворивъ мѣдянъ скоропий и погребе его в земли, и малъ столпъ мраморен постави *надъ*[96] ним, и повелѣ трость держати человѣкомъ, и ходити по городу и звати, тростем трясомом: «Бес комара граду». И тако исчезнуша из града скоропиа и комарье. И спросиша же пакы *о*[97] *на*лежащимъ[98] на градѣ трус*ѣ*,[99]

въздохну, списа на дщице сеа: «Увы тобѣ, оканьный граде, яко потрясешися много, и огнем одержимъ будеши, *оплачеть*[100] же тя и при[IV, 1] березѣ *сый Оронтий*».[2] О нем же и великий Настасий Божьа града рече: «Аполонию же даже и донынѣ на нѣцех мѣстех собываються *створенаа*,[3] стоащаа *ова*[4] на отвращение животенъ четверногъ, птица, могущи вредити *человѣкы*,[5] другыя же на воздержание струамъ рѣчнымъ, невоздержанно текущим, но ина нѣкаа на тлѣнье и вред человѣкомъ сущаа на побѣжение стоать. Не точью бо за живота его така и таковая сотвориша бѣсове его ради, но и по смерти его пребывающе у гроба его знамениа творяху во имя его на прелщение оканным человѣкомъ, бошею[6] крадомымъ на таковаа от дьавола». Кто убо что речеть о творящих *ся*[7] волшвеным прелщением дѣлех? Яко таковый гораздъ бысть волшеством, яко *вышну*[8] зазряще ведый Аполоний, яко неистовъ на ся философескую хитрость имуще; подобашеть бо ему, рещи, яко же азъ словом точью творити, их же хотяше, а не свершением творити повелеваемаа от него. *Та же*[9] и вся ослабленьемъ Божьимъ и творением бесовьским бываеть, таковыми вещьми искушатися нашеа православныа вѣры, аще тверда есть *и крѣпка*,[10] пребывающи Господеви *и не*[11] влекома врагом меч*етн*ых[12] ради чюдес и сотонинъ дѣлъ, творим*ыхъ*[13] от врагъ и слугъ злобы.[14] Еще же, но именемъ господнимъ, и пророчествов*аша*[15] нѣции, яко Валам, и Саулъ, и Каиафа, и бѣси паки изгнаша, яко Июда и сынове *Скевави*.[16] Убо и не на достойных *благодать дѣйствует*[17] многажды, да етеры свидѣтельствуеть, ибо Валам обоих бѣ щюжь,[18] житьа изящна и вѣры, но обаче *съдетельствова*[19] в нем *благодать*[20] инѣх ради смотрениа. *И*[21] Фараонъ таковый бѣ, но и тому будущаа предпоказа. И Навходоновсоръ законопреступный, но и сему пакы по мнозѣх сущих последиже родъ откры, тѣмъ являа, яко мнози, прекостни имуще умъ, пред образомъ Христовымъ знаменають иною козньювна прелесть человѣкомъ не разумѣвающ*имъ*[22] добраго, яко же бысть Симонъ волхвъ, и *Менандръ и ини таковы, ихъ*[23] ради, поистѣнѣ, рече: не чюдесы прелщати...

В лѣто 6421. Поча княжити Игорь по Олзѣ. В се же время поча царьствовати Костянтинъ, сынъ Леонтовъ. И деревляне затворишася от Игоря по Олговѣ смерти. *913*

В лѣто 6422. Иде Игорь на деревляны, и побѣдивъ а̀, и возложи на ня[24] дань болши Олговы. В то же лѣто прииде Семионъ Болгарьскии на Царьград, и сотворивъ миръ и прииде восвоаси. *914*

В лѣто 6423. Приидоша печенѣзи первое на Рускую землю, и сотворивше миръ со Игорем, и приидоша к Дунаю. В си же времена прииде Семионъ пленяа Фракию, греки же послаша по печенѣги. Печенѣгом пришедшим и хотящимъ на Семеона, расварившеся греческыа воеводы. Видѣвше печенѣзи, яко сами на ся *рѣть*[25] имуть, отъидоша въсвоасы, а болгаре со грекы соступишася,[26] и пересѣчени быша грекы. Семионъ же приа град Ондрѣнь, иже первое Арестовъ град нарицашеся, сына Агамемнонъ, иже во 3-хъ реках купався недуга избы, ту, сего *ради*[27] град во имя свое нарече. Последи же Андрианъ кесарь ѝ обнови, въ свое имя нарече Андрианъ, мы же зовем Ондрѣянемъ градомъ. *915*

В лѣто 6424. *916*

917 В лѣто 6425.
918 В лѣто 6426.
919 В лѣто 6427.
920 В лѣто 6428. Поставленъ царь Романъ въ Грекох. А Игорь[28] воеваше на печенѣги.
921 В лѣто 6429.
922 [29]В лѣто 6430.
923 В лѣто 6431.
924 В лѣто 6432.
925 В лѣто 6433.
926 В лѣто 6434.
927 В лѣто 6435.
928 В лѣто 6436.
929 В лѣто 6437. Приде Семевонъ на Царьградъ, и поплѣни Фракию и Макидонью, и приде ко Царюграду въ силѣ въ велицѣ, в гордости, и створи миръ с Р*оман*омъ[30] царемъ, и възратися въсвояси.
930 В лѣто 6438.
931 В лѣто 6439.
932 В лѣто 6440.
933 В лѣто 6441.
934 В лѣто 6442. *Первое приидоша угре на Царьград, и пленоваху всю Фракию; Романъ сотвори миръ со угры.*[31]
935 В лѣто 6443.
936 В лѣто 6444.
937 В лѣто 6445.
938 В лѣто 6446.
939 В лѣто 6447.
940 В лѣто 6448.
941 В лѣто 6449. Иде Игорь на Греки. *И*[32] послаша болгаре вѣсть ко царю, яко идуть Русь на Царьградъ, скѣдий 10 тысящь. Иже придоша, и приплуша и почаша воевати Вифиньскиа[33] страны, и воеваху по Понту до *Ираклиа*[34] и до Фафлогоньски земли, и всю страну Никомидийскую поплѣнивше, и Судъ весь пожьгоша; их же емше, овѣхъ растинаху, другия аки странь поставляюще и стрѣляху въ ня, изимахуть, опаки руцѣ съвязывахуть, гвозди желѣзныи посреди главы въбивахуть *имъ*.[35] Много же святыхъ церквий огне*ви*[36] предаша, манастырѣ и села пожьгоша, и имѣнья немало *от*[31] обою страну взяша. Потомъ же пришедъшемъ воемъ от въстока, Памфиръ[37] деместик съ 40-ми тысящь, Фока же патрекий съ макидоны, Федоръ же стратилатъ съ фраки, с ними же и сановници[38] боярьстии, обидоша Русь около. Съвѣщаша Русь, изидоша, вѣружившеся на греки, и брани межю ими бывши зьли, одва одолѣша грьци. Русь же възратишася къ дъружинѣ своей къ вечеру, на ночь влѣзоша в лодь*и*[39] и отбѣгоша. Феофанъ же сустрѣте я̀ въ лядехъ со огнемъ, и пущати нача трубами огнь на лодьѣ руския. И бысть видѣти страшно чюдо. Русь же видящи пламянь, вмѣтахуся въ воду морьскую, хотяще убрести: и тако прочии възъвратишася въсвояси. Тѣм же пришедшимъ въ землю свою, и повѣдаху кождо своимъ о бывшемъ

и о лядьнѣмь огни: «Яко же молонья, — рече, — иже на небесѣхъ, грьци имуть у собе, и се пущающе[40] же жагаху насъ, сего ради не одолѣхомъ имъ». Игорь же пришедъ нача совкупляти воѣ многи, и посла по варяги многи за море, вабя ѐ на греки, паки хотя[41] поити на ня.

В лѣто 6450. Семеонъ иде на хpаваты, и побѣженъ бысть храваты, и умре, оставивъ Петра князя, сына своего, болъгаромъ. *942*

В лѣто 6451. Паки придоша угри на Царьградъ, *и*[31] миръ створивше съ Романомъ,[42] возъвратишася въ свояси. *943*

В лѣто 6452. Игорь же совкупивъ вои многи, варяги, Русь, и поляны, словѣни, и кривичи, и тѣверьцѣ, и печенѣги *наа*,[31] и тали у нихъ поя, поиде на Греки въ лодьях и на конихъ, хотя мьстити себе. Се слышавше корсунци послаша къ Раману, глаголюще: «Се *идуть*[43] Русь бещисла корабль, покрыли суть море корабли». Тако же и болгаре послаша вѣсть, глаголюще: «Идуть Русь,[44] и наяли суть к собѣ печенѣги». Се слышавъ царь посла к Игорю лучиѣ боляре, моля и глаголя: «Не ходи, но возьми дань, юже ималъ Олегъ, придамь и еще к той дани». Тако же и къ печенѣгомъ посла паволоки и злато много. Игорь же, дошед Дуная, созва дружину, и нача думати, *и*[31] повѣда имъ рѣчь цареву. Рѣша же дружина Игорева:[45] «Да аще сице глаголеть царь, то что хочемъ боле того, не бившеся имати злато, и сребро, и паволоки? Егда кто вѣсть; кто одолѣеть, мы ли, онѣ ли? Ли с моремъ кто свѣтенъ? Се бо не по земли ходимъ, но по глубинѣ морьстѣй: обьча смерть всѣмъ». Послуша ихъ Игорь, и повелѣ печенѣгомъ воевати Болъгарьску землю; а самъ вземъ у грекъ злато и паволоки и на вся воя, и възратися въспять, и приде къ Киеву въ свояси. *944*

В лѣто 6453. Присла Романъ, и Костянтинъ и Степанъ слы к Игореви построити мира первого. Игорь же глагола с ними о мирѣ. Посла Игорь мужѣ своя къ Роману. Романъ же созва боляре и сановники. Приведоша руския слы, и велѣша глаголати *и*[31] псати обоихъ рѣчи на харатьѣ. *945*

«Равно другаго[46] свѣщанья, бывшаго при цари Раманѣ, и Костянтинѣ и Стефанѣ, христолюбивыхъ владыкъ. Мы от рода рускаго сълы и гостье, Иворъ, солъ Игоревъ, великаго князя рускаго, и объчии сли: Вуефастъ Святославль, сына Игорева;[47] Искусеви Ольги княгини; Слуды Игоревъ, нети Игоревъ; Улѣбъ Володиславль; Каницаръ Передъславинъ; Шихъбернъ Сфанъдръ, жены Улѣблѣ; Прасьтѣнъ Туръдуви; Либиаръ Фастовъ; Гримъ Сфирьковъ; Прастѣнъ Акунъ, нети Игоревъ; Кары Тудковъ; Каршевъ Туръдовъ; Егри Евлисковъ; *Воистъ*[48] Воиковъ; Истръ Аминодовъ; Прастѣнъ Берновъ; Явтягъ Гунаревъ; Шибридъ Алданъ; Колъ Клековъ; Стегги Етоновъ; Сфирка...; Алвадъ Гудовъ; Фудри Туадовъ; Мутуръ Утинъ; купець Адунь, Адулбъ, Иггивладъ, Олѣбъ, Фрутанъ, Гомолъ, Куци, Емигъ, Туръбидъ, Фуръстѣнъ, Бруны, Роалдъ, Гунастръ, Фрастѣнъ, Игелъдъ, Туръбернъ, Моны, Руалдъ, Свѣнь, Стиръ, Алданъ, Тилен, Апубьксарь, Вузлѣвъ, Синко, Боричь, послании от Игоря, великого князя рускаго, и от всякоя княжья и от всѣхъ людий Руския земля. И от тѣх заповѣдано обновити ветъхий миръ, ненавидящаго добра и враждолюбьца дьявола разореный[49] от многъ лѣтъ, и утвердити любовь межю Греки и Русью.

И великий князь нашь Игорь, *и князи*[31] и боляре его, и людье вси рустии послаша ны къ Роману, и Костянтину и къ Стефану, къ великимъ царемъ гречьскимъ, створити любовь съ самѣми цари, со всѣмь болярьствомъ и со всѣми людьми гречьскими на вся лѣта, донде же съяеть солнце и весь миръ стоить. И иже помыслить от страны руския разрушити таку любовь, и елико ихъ крещенье прияли суть, да приимуть месть от Бога вседержителя, осужень*е*[50] на погибель въ весь вѣкъ в будущий; и елико ихъ есть не хрещено, да не имуть помощи от Бога, ни от Перуна, да не ущитятся щиты своими, и да посѣчени будуть мечи своими, от стрѣлъ и от иного оружья своего, и да будуть раби въ весь вѣкъ в будущий.

А великий князь руский и боляре его да посылають въ Греки къ великимъ царемъ гречьскимъ корабли, елико хотять, со слы и с гостьми, яко же имъ уставлено есть. Ношаху сли печати злати, а гостье сребрени; ныне же увѣдѣлъ есть князь *в*ашь[51] посылати грамот*ы*[52] ко царству нашему; иже посылаеми бывають от нихъ *посли*[31] и гостье, да приносять[53] грамоту, пишюче сице: яко послахъ корабль сел*ико*,[54] и от тѣхъ да увѣмы и[55] мы, оже съ миромь приходять.[56] Аще ли безъ грамоты придуть, и преданы будуть намъ,[57] да держимъ и хранимъ, донде же възвѣстимъ князю *в*ашему.[58] Аще ли руку не дадять, и противятся, д*а*[59] убьени будуть, да не изищется смерть ихъ от князя вашего. Аще ли убѣжавше в Русь придуть, мы напишемъ ко князю вашему, яко имъ любо, тако створять. Аще придуть Русь бес купли, да не взимають мѣсячна. Да запрѣтить князь сломъ своимъ и приходящимъ Руси сде, да н*е*[60] творять бещинья в селѣхъ, ни въ странѣ нашей. И приходящимъ имъ, да витають у святаго Мамы, да послеть царство *н*аше,[61] да испишеть имяна ваша, тогда возмуть мѣсячное свое, съли слебное, а гостье мѣсячное, первое от города Киева, паки изъ Чернигова и *ис*[31] Переяславля *и исъ прочих городовъ*.[31] Да входять в городъ одинѣми вороты со царевымъ мужемъ безъ оружья, мужь 50, и да творять куплю, яко же имъ надобѣ, *и*[31] паки да исходять; *и*[62] мужь царства *н*ашего[63] да хранить ѧ̀, да аще кто от Руси или от Грекъ створ*ить*[64] криво, да оправляеть то. Входяще же Русь в *градъ*,[65] да *не творять пакости и*[31] не имѣють волости купити паволокъ лише по 50 золотникъ; и от тѣхъ паволокъ аще кто крьнеть, да показываеть цареву мужю, и *ть я*[66] запечатаеть и дасть имъ. И отходящеи Руси отсюда *в*зимають[67] от насъ, еже надобѣ, брашно на путь, и еже надобѣ лодьямъ, яко же уставлено есть преже, и да возъвращаются съ спасениемъ въ страну свою; да не имѣють власти зимовати у святаго Мамы.

Аще ускочить челядинъ от Руси, по нь *же*[68] придуть въ страну царствия *н*ашего,[69] и *у*[70] святаго Мамы аще будеть, да поимуть ѝ; аще ли не обрящется, да на роту идуть наши хрестеяне Руси по вѣрѣ ихъ, а не хрестеянии по закону своему, ти тогда взимають от насъ цѣну свою, яко же уставлено есть преже, 2 паволоцѣ за чалядинъ.

Аще ли кто от людий царства *н*ашего,[71] ли от города *н*ашего,[71] или от инѣхъ городъ ускочить челядинъ нашь къ вамъ, и принесеть что, да въспятять ѝ опять; а еже что принеслъ будеть, все цѣло, и да возьметь от него золотника два *имечнаго*.[48]

Аще ли кто покусится от Руси взяти что от людий царства *н*ашего,[71] иже

то створить, покажненъ будеть вельми; аще ли взялъ будеть, да заплатить сугубо; и аще створить *то же*[31] грьчинъ русину, да прииметь ту же казнь, яко же приялъ есть и онъ.

Аще ли ключится украсти русину от грекъ что, или грьчину от руси, достойно есть да возворотить[72] *ѐ*[31] не точью едино, но и цѣну его; аще украденное обрящеться продаемо,[73] да вдасть и цѣну его сугубо, и тъ[74] показненъ будеть по закону гречьскому, *и*[31] по уставу и по закону рускому.

Елико хрестеянъ от власти нашея плѣнена приведуть русь, ту аще будеть уноша, или дѣвица добра, да вдадять златникъ 10 и поимуть ѝ; *аще ли есть средовѣчь, да вдасть золотникъ*[31] 8 и поимуть ѝ; аще ли будетъ старъ, или дѣтещь, да вдасть златникъ 5.

Аще ли обрящутся русь работающе у грекъ, аще[75] суть плѣньници, да искупають[76] ѐ русь по 10 златникъ; аще ли купилъ ѝ[48] будетъ[77] грьчинъ, подъ хрестомь достоить ему, да возьметь цѣну свою, елико же[78] далъ будеть на немь.

А о Корсуньстѣй странѣ. Елико же есть городовъ на той части, да не имать волости, князь руский, да воюеть на тѣхъ странахъ, и та страна не покаряется вамъ, *и*[31] тогда, аще просить вой у насъ князь руский да воюеть, да дамъ ему, елико ему будетъ требѣ.

И о томъ, аще обрящють русь кубару гречьскую въвержену на коемъ любо мѣстѣ, да не преобидять ея. Аще ли от нея возмет кто что, ли человѣка поработить, или убьеть, да будеть повиненъ закону руску и гречьску.

Аще обрящють[79] въ вустѣ Днѣпрьскомь Русь корсуняны рыбы ловяща, да не творять имъ зла никако же.

И да не имѣють власти Русь зимовати въ вустьи Днѣпра, Бѣлъбережи, ни у святаго Ельферья; но егда придеть осень, да идуть въ домы своя в Русь.

А о сихъ, оже то приходять чернии болгаре *и*[31] воюють въ странѣ Корсуньстѣй, и велимъ князю рускому, да ихъ не *пущаеть*: *пакостять*[80] странѣ его.

Ци аще ключится проказа нѣкака[81] от грекъ, сущихъ подъ властью царства нашего, да не имать власти казнити ѧ̀, но повелѣньемь царства нашего да прииметь, яко же будеть створилъ.

Аще убьеть хрестеянинъ русина,[82] или русинъ хрестеянина, да[83] держимъ будеть створивый убийство от ближних убьенаго, да убьють ѝ.

Аще ли ускочить створивый убой и убѣжить, аще будеть имовитъ, да возьмуть имѣнье его ближьнии убьенаго; аще ли есть неимовитъ *створивый убийство*[31] и ускочить же, да ищють его, дондеже обрящется, аще ли обрящется, да убьенъ будеть.

Ци аще ударить мечемъ, или копьемъ, или кацѣмъ любо оружьемъ русинъ грьчина, или грьчинъ русина, да того дѣля грѣха заплатить сребра литръ 5 по закону рускому; аще ли есть неимовитъ, да како можеть в только же проданъ будеть, яко да и порты, в нихъ же ходить,[84] да и то с него сняти, а о процѣ да на роту ходить по своей вѣрѣ, яко не имѣя ничтоже, ти тако пущенъ будеть.

Аще ли хотѣти начнеть наше царство от васъ вои на противящаяся намъ,

да пиш*емъ*[85] къ великому князю вашему, и послетъ к намъ, елико же хочемъ: и оттоле увѣдять ины страны, каку любовь имѣють грьци съ русью.

Мы же свещани*е*[86] *се*[87] написахомъ на двою харатью, и едина харатья есть у царства нашего, *на ней же есть крестъ и имена наша написана, а на другой послы ваша и гостье ваша. А отходяче послом царства нашего*[31] да допроводять къ великому князю рускому Игореви и к людемъ его; и ти принимающе харатью, на роту идуть хранити истину, яко мы свѣщахомъ, напсахомъ *на*[31] харатью сию, на ней же суть имяна наша написана.

Мы же, елико насъ хрестилися есмы, кляхомъся церковью святаго Ильѣ въ сборнѣй церкви, и предлежащемъ честнымъ крестомъ, и харатьею сею, хранити все, еже есть написано на ней, не преступити от него ничто же; а иже преступить се от страны нашея, ли князь ли инъ кто, ли крещенъ или некрещенъ, да не имуть помощи от Бога, и да будеть рабъ въ весь вѣкъ[88] в будущий, и да заколенъ будеть своимъ оружьемъ.

А некрещеная[89] Русь полагають щиты своя и мечѣ своѣ наги, обручѣ своѣ и *прочаа*[31] оружья, да кленутся о всемь, яже суть написана на харатьи сей, хранити от Игоря и от всѣхъ болярь и от всѣх людий от страны Руския въ прочая лѣта и воину.

Аще ли же кто от князь или от *людий*[90] руских, ли хрестеянъ, или не хрестеянъ, преступить се, еже есть писано на харатьи сей, будеть достоинъ своимъ оружьемъ умрети, и да будеть клятъ от Бога и от Перуна, яко преступи свою клятву.

Да аще будеть добрѣ *устроилъ миръ*[91] Игорь великий князь, да хранить си любовь правую, да не разрушится, дондеже солнце сьяеть и весь миръ стоить, в нынешния вѣки и в будущая».

Послании же сли Игоремъ придоша к Игореви со слы гречьскими, *и*[31] повѣдаша вся рѣчи царя Рамана. Игорь же призва слы гречьския, рече имъ: «Глаголите, что вы казалъ царь?». И рѣша сли цареви: «Се посла ны царь, радъ есть миру, хощеть миръ имѣти со княземъ рускимъ и любъве. Твои сли водили суть царѣ наши ротѣ, и насъ послаша ротѣ водитъ тебе и мужь твоихъ». Обѣщася Игорь сице створити. Заутра призва Игорь слы, и приде на холмъ, где стояше Перунъ, *и*[31] покладоша оружье свое, и *щиты*,[92] и золото, и ходи Игорь ротѣ и люди его, елико поганыхъ Руси; а хрестеяную Русь водиша ротѣ в церкви святаго Ильи, яже есть надъ Ручаемъ, конець Пасынъчѣ бесѣды и Козарѣ: се бо бѣ сборная церки, мнози бо бѣша варязи хрестеяни. Игорь же, утвердивъ миръ съ греки, отпусти слы, одаривъ скорою,[93] и чалядью и воскомъ, и отпусти я̀; сли же придоша ко цареви *и*[31] повѣдаша вся рѣчи Игоревы и любовь *юже*[94] къ грекомъ.

Игорь же нача княжити въ *Кыевѣ*,[95] миръ имѣя ко всѣмъ странамъ. И приспѣ осень, *и*[96] нача мыслити на деревляны, хотя примыслити большюю дань.

945 В лѣто 6453. В се же лѣто рекоша дружина Игореви: «Отроци Свѣньлъжи изодѣлися суть оружьемъ и порты, а мы нази. Поиди, княже, с нами в дань, да и ты добудеши и мы». *И*[31] послуша ихъ Игорь, иде в Дерева в дань, и примышляше къ первой дани,[97] *и*[31] насиляше имъ и мужи его. Возьемавъ дань, поиде въ градъ свой. *Идущу*[98] же ему въспять,

размысливъ, рече дружинѣ своей: «Идѣте съ данью домови, а я возъвращюся, похожю и еще». Пусти дружину свою домови, съ маломъ же дружины возъвратися, желая больша имѣнья. Слышавше же деревляне, яко опять идеть, сдумавше со князем своимъ Маломъ: «Аще ся въвадить волкъ в овцѣ, то выносить все стадо, аще не убьють его: тако и се, аще не убьемъ его, то вся[99] ны погубить». *И*[31] послаша к нему, глаголюще: «Почто идеши опять? Поималъ еси всю дань». И не послуша ихъ Игорь, и вышедше изъ града Изъкоръстѣня деревлене убиша Игоря и дружину его; бѣ бо ихъ мало. И погребенъ бысть Игорь, *и*[31] есть могила его у Искоръстѣня града в Деревѣхъ и до сего дне.

Вольга же бяше в Киевѣ съ сыномъ своимъ съ дѣтьскомъ Святославомъ, и кормилецъ его Асмудъ, *и*[31] воевода бѣ Свѣнелдъ, — то же отецъ Мистишинъ. Рѣша же деревляне: «Се князя убихомъ рускаго; поимемъ жену его Вольгу за князь свой Малъ и Святослава, и створимъ ему, яко же хощемъ». И послаша деревляне лучьшие мужи, числомъ 20, въ лодьи к Ользѣ, и присташа подъ Боричевымъ в лодьи. Бѣ бо тогда вода текущи въздолѣ горы Киевьския, и на подольи не сѣдяху людье, но на горѣ. Градъ же бѣ Киевъ, идеже есть нынѣ дворъ Гордятинъ и *Никифоровъ*,[100] а дворъ княжь бяше в городѣ, идеже есть *нынѣ дворъ Воротиславль и Чюдинъ, а перевѣсище бѣ внѣ града, и бѣ внѣ града дворъ другый, идѣже есть*[V, 1] дворъ деместиковъ за святою Богородицею; надъ горою дворъ теремный, бѣ бо ту теремъ каменъ. И повѣдаша Ользѣ, яко деревляне придоша, и возва ѧ҆[2] Ольга къ собѣ *и рече имъ*:[1] «Добри гостье придоша». И рѣша деревляне: «Придохомъ, княгине». И рече имъ Ольга: «Да глаголите, что ради придосте сѣмо?». Рѣша же древляне: «Посла ны Дерьвьска земля, рькуще сице: мужа твоего убихомъ, бяше бо мужь твой аки волкъ восхищая и грабя, а наши князи добри суть, иже распасли суть Деревьску землю, да поиди за князь нашь за Малъ»; бѣ бо имя ему Малъ, князю дерьвьску. Рече же имъ Ольга: «Люба ми есть рѣчь ваша, уже мнѣ мужа своего не крѣсити; но хочю вы почтити наутрия предъ людьми своими, а нынѣ идѣте в лодью свою, и лязите въ лодьи величающеся, *и*[3] азъ утро послю по вы, вы же рьцѣте: не едемъ на конѣхъ, ни пѣши идемъ, но понесѣте ны в лодьѣ; и възнесуть вы в лодьи»; и отпусти ѧ҆ в лодью. Ольга же повелѣ ископати яму велику и глубоку на дворѣ теремьстѣмь, внѣ града. И заутра Волга, сѣдящи в теремѣ, посла по гости, и придоша к нимъ, глаголюще: «Зоветь вы Ольга на честь велику». Они же рѣша: «Не едемъ на конихъ, ни на возѣхъ, *ни пѣши идемъ*,[4] понесѣте ны в лодьи». Рѣша же кияне: «Намъ неволя; князь нашь убьенъ, а княгини наша хоче*т*[5] за вашь князь»; и понесоша ѧ҆ в лодьи. Они же сѣдяху в перегъбѣх въ великихъ сустугахъ гордящеся. И принесоша ѧ҆ на дворъ к Ользѣ, *и*,[6] несъше, вринуша ѐ въ яму и с лодьею. Приникъши Ольга и рече имъ: «Добра ли вы честь?». Они же рѣша: «Пуще ны Игоревы смерти». И повелѣ засыпати ѧ҆ живы, и посыпаша ѧ҆.

И[1] пославши Ольга къ деревляномъ, рече имъ: «Да аще мя просит*е*[7] право, то пришлите мужа нарочиты, да в велицѣ чти приду за вашь князь, еда не пустять мене людье киевьстии». Се слышавше деревляне *из*браша[8]

лучьшие мужи, иже дерьжаху Деревьску землю, и послаша по ню. Деревляномъ же пришедъшимъ, повелѣ Ольга мовь створити, рькуще сице: «Измывшеся придите ко мнѣ». Они же пережьгоша истопку, и влѣзоша деревляне, начаша ся мыти; и запроша о нихъ истобъку, и повелѣ зажечи я̀ от дверий, ту изгорѣша вси.

И посла къ деревляномъ, рькущи сице: «Се уже иду к вамъ, да пристройте меды многи въ градѣ, идеже убисте мужа моего, да поплачюся надъ гробомъ его, и створю трызну мужю своему». Они же, то слышавше, съвезоша меды многи зѣло, *и*[1] възвариша. Ольга же, поимши мало[9] дружины, легъко идущи приде къ гробу его, *и*[1] плакася по мужи своемъ. И повелѣ людемъ своимъ съсути могилу велику, *и*[1] яко соспоша, и повелѣ трызну творити. Посемъ сѣдоша деревляне пити, и повелѣ Ольга отрокомъ своимъ служити пред ними. *И*[1] рѣша деревляне к Ользѣ: «Кдѣ суть дружина наша, ихъ же послахомъ по тя?». Она же рече: «Идуть по мнѣ съ дружиною мужа моего». *И*[1] яко упишася деревляне, повелѣ отрокомъ своимъ пити на ня, а сама отъиде кромѣ, и повелѣ дружинѣ *своей*[1] сѣчи деревляны;[10] и исѣкоша ихъ 5000. А Ольга возъвратися Киеву, и пристрои вои на прокъ ихъ.

946 *Начало*[1] княженья Святославля, *сына Игорева.*[1] В лѣто 6454. Ольга съ сыномъ своимъ Святославомъ собра вои много и храбры, и иде на Дерьвьску землю. *И*[1] изидоша деревляне противу. *И*[1] *сънемъшемася*[11] обѣма полкома на скупь, суну копьемъ Святославъ *на*[1] деревляны, и копье летѣ сквозѣ уши коневи, *и*[1] удари в ноги коневи, бѣ бо дѣтескъ. И рече Свѣнелдъ и Асмолдъ: «Князь уже почалъ; потягнѣте, дружина, по князѣ». И побѣдиша деревляны. Деревляне же побѣгоша и затворишася въ градѣхъ своих. Ольга же устремися съ сыномъ своимъ *на Искоростѣнь град, яко тѣе бяху убили мужа ея, и ста около града с сыномъ своимъ*,[1] а деревляне затворишася въ градѣ, и боряхуся крѣпко изъ града, вѣдѣху бо, яко сами убили князя и на что ся предати. И стоя Ольга лѣто, *и*[1] не можаше взяти града, и умысли сице: посла ко граду, глаголюще: «Что хочете досѣдѣти? А вси гради ваши предашася мнѣ, и ялися по дань, и дѣлають нивы своя и землѣ своя; а вы хочете изъмерети гладомъ, не имучеся по дань». Деревляне же рекоша: «Ради ся быхомъ яли по дань, но хощеши мьщати мужа своего». Рече же имъ Ольга, яко «Азъ мьстила уже обиду мужа своего, когда придоша Киеву, второе, и третьее, когда творихъ трызну мужеви своему. А уже не хощю мъщати, но хощу дань имати помалу, *и*[3] смирившися с вами поиду опять». Рекоша же деревляне: «Што хощеши у насъ? Ради даемъ медомь и скорою». Она же рече имъ: «Нынѣ у васъ нѣсть меду, ни скоры, но мало у васъ прошю: дадите[12] ми от двора по 3 голуби да *по*[1] 3 воробьи. Азъ бо не хощю тяжьки дани възложити, яко же и мужь мой, сего прошю у васъ мало. Вы бо есте изънемогли в осадѣ,[13] да сего у васъ прошю мала». Деревляне же ради бывше, и собраша от двора по 3 голуби и по 3 воробьи, и послаша к Ользѣ с поклономъ. Вольга же рече имъ: «Се уже есте[14] покорилися мнѣ и моему дѣтяти, а идѣте въ градъ, *а я заутра отступаю от града*,[1] и *поиду*[15] въ градо *свой*».[16] Деревляне же ради бывше внидоша въ градъ, и повѣдаша людемъ, и

обрадовашася людье въ градѣ. Вольга же раздая воемъ по голуби комуждо,
а другимъ по воробьеви, и повелѣ *къ*[6] коемуждо[17] голуби и къ воробьеви
привязывати цѣрь, обертывающе въ платки малы, нитъкою поверзывающе
къ коемуждо ихъ. И повелѣ Ольга, яко смерчеся, пустити голуби и воробьи
воемъ своимъ. Голуби же и воробьеве полетѣша въ гнѣзда своя, *голуби*[18]
въ голубники, врабьѣве *же*[19] подъ стрѣхи; и тако възгарахуся голубьници,
ово клѣти, ово вежѣ, ово ли одрины, и не бѣ двора, идеже не *горяше*[20] и
не бѣ льзѣ гасити, вси бо двори възгорѣшася. И побѣгоша людье изъ града,
и повелѣ Ольга воемъ своимъ имати *ѝ*,[21] яко взя градъ и пожьже ѝ;
старѣйшины же града изънима, и прочая люди овыхъ изби, а другия работѣ
предасть мужемъ своимъ, а прокъ их остави[22] платити дань.

И възложиша на ня дань тяжьку; 2 части дани идета Киеву, а третьяя
*В*ышегороду[23] к Ользѣ; бѣ бо Вышегородъ градъ Вользинъ. И иде Вольга
по Дерьвьстѣй земли съ сыномъ своимъ и съ дружиною, уставляющи уставы
и уроки; *и*[1] суть становища еѣ и ловища. И приде въ градъ свой Киевъ съ
сыномъ своимъ Святославомъ, и пребывши лѣто едино.

В лѣто 6455. Иде Вольга Новугороду, и устави по Мьстѣ повосты и *947*
дани и по Лузѣ оброки и дани; *и*[1] ловища ея суть по всей земли, знаменья
и мѣста и повосты, и сани ее стоять въ Плесковѣ и до сего дьне, и по
Днѣпру перевѣсища и по Деснѣ, и есть село ее Ольжичи и доселе.
И изрядивши, възратися къ сыну своему Киеву, и пребываше съ нимъ въ
любъви.

В лѣто 6456. *948*

В лѣто 6457. *949*

В лѣто 6458. *950*

В лѣто 6459. *951*

В лѣто 6460. *952*

В лѣто 6461. *953*

В лѣто 6462. *954*

В лѣто 6463. Иде Ольга въ Греки, и приде Царюгороду. Бѣ тогда царь *955*
Костянтинъ, сынъ Леоновъ;[24] и приде к нему Ольга, и видѣвъ ю̀ добру
сущю зѣло лицемъ и смыслену, удививъся царь разуму ея, бесѣдова к ней,
и рекъ ей: «Подобна еси царствовати въ градѣ с нами». Она же, разумѣвши,
рече ко царю: «Азъ погана есмь, да аще мя хощеши крестити, то крести мя
самъ; аще ли, то не крещюся»; и крести ю̀ царь съ патреархомъ. Просвѣщена
же бывши, радовашеся душею и тѣломъ; и поучи ю̀ патреархъ о вѣрѣ, *и*[1]
рече ей: «Благословена ты в *женах*[1] руских, яко возлюби свѣтъ, а тьму
остави. Благословити тя хотять сынове рустии *и*[1] в послѣдний родъ внукъ
твоих». И заповѣда ей о церковномъ уставѣ, о молитвѣ и о постѣ, о
милостыни и о въздержаньи тѣла чиста. Она же, поклонивши главу, стояше,
аки губа напаяема, внимающи ученья; *и*[1] поклонившися патреарху, глаголю-
щи: «Молитвами твоими, владыко, да схранена буду от сѣти неприязньны».
Бѣ же речено имя ей во крещеньи Олена, якоже и древняя царица, мати
Великаго Костянтина. *И*[1] благослови ю̀ патреархъ, и отпусти ю̀. И по
крещеньи возва ю̀ царь, и рече ей: «Хощу тя пояти собѣ женѣ». Она же
рече: «Како хочеши мя пояти, крести*въ*[25] мя самъ и нарекъ мя дщерею?[26]

А *въ*[1] хрестеянехъ того нѣсть закона, а ты самъ вѣси». И рече царь: «Переклюкала мя еси, Ольга». И дасть ей дары многи, злато и сребро, паволоки и съсуды различныя, и отпусти ю̀, нарекъ ю̀ дъщерью собѣ. Она же хотящи домови, приде къ патреарху, благословенья просящи на домъ, и рече ему: «Людье мои пагани и сынъ мой, дабы мя Богъ съблюлъ от всякого зла». И рече патреархъ: «Чадо вѣрное! Во *Христа*[27] крестилася еси, и во *Христа*[27] облечеся, Христосъ имать схранити тя: яко же схрани Еноха в первыя роды, и потомъ Ноя в ковчезѣ, Аврама от Авимелеха, Лота от содомлянъ, Моисѣя от Фараона, Давыда от Саула, 3 отроци от пещи, Данила от звѣрий, тако и тя избавить от неприязни и от сѣтий его»; *и*[1] благослови ю̀ патреархъ, и иде с миромъ въ свою землю, и приде Киеву. Се же бысть, яко же при Соломанѣ приде царица ефиопьская к Соломану, слышати хотящи премудрости Соломани, и многу мудрость видѣ и знаменья: тако же и си блаженая Ольга искаше доброѣ мудрости Божь*а*,[28] но она человѣчески, а си Божья. «Ищющи бо мудрости обрящють»; «Премудрость на исходищихъ поется, на путехъ же деръзновенье водить, на краихъ же забральныхъ проповѣдаеть, во вратѣхъ же градныхъ дерзающи глаголеть: елико бо лѣтъ *незлобивии*[29] держатся по правду...». Си бо от възраста блаженая Ольга искаше мудростью, *что есть луче всего*[30] въ свѣтѣ семь, налѣзе бисеръ многоцѣн*енъ*,[31] еже есть Христосъ. Рече бо Соломанъ: «Желанье благовѣрныхъ наслаж*аетъ*[32] душю»; и: «Приложиши сердце[33] твое в разумъ»; «Азъ любящая мя люблю, и ищющии мене обрящуть мя». Господь рече: «Приходяща*го*[34] ко мнѣ не и*з*жену[35] вонъ».

Си же Ольга приде Киеву, и присла к ней царь гречьский, глаголя, яко «Много дарихъ тя. Ты бо глаголаше ко мнѣ, яко аще возъвращюся в Русь, многи дары прислю ти: челядь, воскъ и скъру, и вои въ помощь». Отвѣщавши Ольга, и рече къ сломъ: «Аще ты, рьцы, тако же постоиши у мене в Почайнѣ, яко же азъ в *Суду*,[36] то тогда ти дамь». И отпусти слы, сь рекъши.

Живяше же Ольга съ сыномъ своимъ Святославомъ, и учашеть ѝ мати креститися, и не *брежаше*[37] того ни *во*[1] уши приимати; но аще кто хотяше креститися, не браняху, но ругахуся тому. «Невѣрнымъ бо вѣра хрестьяньска уродьство есть»; «Не смыслиша бо, ни разумѣша во тьмѣ ходящии», и не вѣдять славы Господня; «Одебел*ѣ*ша[38] бо сердца ихъ, ушюма тяжько слышати, *а*[6] очима видѣти». Рече бо Соломанъ: «*Дела*[39] нечестивыхъ *далече*[40] от разума», «Понеже звахъ вы, и не послушасте мене, прострохъ словеса, и не внимасте, но отмѣтасте моя свѣты, моихъ же обличений не внимасте»; «Възненавидѣша бо премудрость, а страха Господня не изволиша, ни хотяху моихъ внимати свѣтъ, подражаху же мои обличенья». Яко же бо Ольга часто глаголашеть: «Азъ, сыну мой, Бога познахъ и радуюся; аще ты познаеши, и радоватися почнешь». Онъ же не внимаше того, глаголя: «Како азъ хочю инъ законъ приняти единъ? А дружина *моа*[1] сему смѣятися начнуть». Она же *рече*[41] ему: «Аще ты крестишися, вси имуть тоже створити». Он же не послуша матере, творяше норовы поганьския, не вѣдый, аще кто матере не послушаеть, в бѣду впадаеть, яко же рече: «Аще кто отца ли матере не послушаеть, *то*[42] смерть приметь». Се же к тому

гнѣвашеся на матерь. Соломанъ бо рече: «*Кажай*[43] злыя приемлеть собѣ досаженье, обличаяй[44] нечестиваго поречеть *собѣ*;[45] обличенья бо нечестивымъ мозо*лие*[46] суть. Не *обличай*[47] злыхъ, да не възненавидять[48] тебе». Но обаче любяше Ольга сына своего Святослава, рькущи: «Воля Божья да будеть; аще Богъ хощеть помиловати рода моего и землѣ Рускиѣ, да възложить имъ *на*[49] сердце обратитися къ Богу, яко же и мнѣ Богъ дарова». И се рекши, моляшеся за сына и за люди по вся нощи и дьни, кормящи сына своего до мужьства его и до взраста его.

В лѣто 6464. 956
В лѣто 6465. 957
В лѣто 6466. 958
В лѣто 6467. 959
В лѣто 6468. 960
В лѣто 6469. 961
В лѣто 6470. 962
В лѣто 6471. 963

В лѣто 6472. Князю Святославу възрастъшю и възмужавшю, нача вои 964 совкупляти многи и храбры, и легъко ходя, аки пардусъ, войны многи творяше. Ходя возъ по собѣ не возяше, ни котьла, ни мясъ варя, но потонку изрѣзавъ конину ли, звѣрину ли или говядину на углех испекъ *ядяше*,[50] ни шатра имяше, но подъкладъ *постилаше*[51] и сѣдло в головахъ; тако же и прочии вои его вси бяху. *И*[3] посылаше къ странамъ, глаголя: «Хочю на вы ити». И иде на Оку рѣку и на Волгу, и налѣзе вятичи, и рече вятичемъ: «Кому дань даете?». Они же рѣша: «Козаромъ по щьлягу от[52] рала даемъ».

В лѣто 6473. Иде Святославъ на козары; слышавше же козари, изидоша 965 противу съ княземъ своимъ Каганомъ, и съступишася битися, и бывши[53] брани, одолѣ Святославъ козаромъ и градъ ихъ и Бѣлу Вежю взя. *И*[1] ясы побѣди и касогы.

В лѣто 6474. Вятичи побѣди Святославъ, и дань на нихъ възложи. 966

В лѣто 6475. Иде Святославъ на Дунай на[54] Болгары. *И*[1] бившемъся 967 обоимъ, одолѣ Святославъ болгаромъ, и взя городъ 80 по Дунаеви, *и*[1] сѣде княжа ту въ Переяславци, емля дань на грьцѣх.

В лѣто 6476. Придоша печенѣзи на Руску землю первое, а Святославъ 968 бяше Переяславци, и затворися Волга въградѣ со унуки своими, Ярополкомъ и Ольгомъ и Володимеромъ, въ градѣ Киевѣ. И оступиша *печенѣзи*[1] градъ в силѣ велицѣ, бещислено множьство около града, и не бѣ льзѣ изъ града вылѣсти, ни вѣсти послати; изнемогаху же людье гладомъ и водою. Собрашеся людье оноя страны Днѣпра в лодьяхъ, об ону страну стояху, и не бѣ льзѣ внити в Киевъ ни[55] единому ихъ, ни изъ града к онѣмъ. *И*[1] въстужиша людье въ градѣ и рѣша: «*Нѣсть*[56] ли кого, иже бы моглъ на ону страну дойти и *речи*[57] имъ: аще *не подступите заутра*,[58] предатися имамъ печенѣгомъ?». И рече единъ отрокъ: «Азъ преиду». И рѣша: «Иди». Онъ же изиде изъ града с уздою, и ристаше[59] сквозѣ печенѣги, глаголя: «Не видѣ ли коня никтоже?». Бѣ бо умѣя печенѣжьски, и мняхуть ѝ своего. *И*[1] яко приближися к рѣцѣ, свергъ[60] порты сунуся въ Днѣпръ, и побреде. Видѣвше же печенѣзи, устремишася на нь, стрѣляюще его, и не могоша ему

ничто же створити. Они же видѣвше с оноя страны, и приѣхаша в лодьи противу ему, и взяша ѝ в лодью и привезоша ѝ къ дружинѣ. И рече имъ: «Аще не *подступите*[61] заутра къ городу, предатися хотять людье печенѣгомъ». Рече же воевода ихъ, имянемъ Прѣтичь: «Подъступимъ заутра в лодьях, и, попадше княгиню и княжичѣ, умчимъ на сю страну. Аще ли сего не створимъ, погубити ны имать Святославъ». Яко бысть заутра, всѣдъше в лодь*и* против*у*[62] свѣту и вътрубиша вельми, и людье въ градѣ кликнуша. Печенѣзи же мнѣша князя пришедша, побѣгоша разно от града. И изиде Ольга со унуки и с людми к лодья*мъ*.[63] Видѣвъ же се князь печенѣжьский възратися единъ къ воеводѣ Прѣтичю и рече: «Кто се приде?». И рече ему: «*Людье*[64] оноя страны». И рече князь печенѣжьский: «А ты князь ли еси?». Онъ же рече: «Азъ есмь мужь его, и пришелъ есмь въ сторожѣх, *и*[1] по мнѣ идеть полкъ со княземъ, бе-щисла множьство». Се же рече, грозя имъ. Рече же князь печенѣжьский къ Прѣтичю: «Буди ми другъ». Онъ же рече: «Тако створю». И подаста руку межю собою, и въдасть печенѣжьский князь Прѣтичю конь, саблю, стрѣлы. Онъ же дасть ему бронѣ, щитъ, мечь. *И*[1] отступи*ша*[65] печенѣзи от града, и не бяше льзѣ коня напоити: на Лыбеди печенѣзи. И послаша кияне къ Святославу, глаголюще: «Ты, княже, чюжея земли ищеши и блюдеши, а своея ся охабивъ, малы бо насъ не взяша печенѣзи, *и*[1] матерь твою и дѣти твои. Аще не поидеши, ни обраниши насъ, да паки ны возмуть. Аще ти не жаль очины своея, ни матере, стары суща, и дѣтий своих». То слышавъ Святославъ вборзѣ всѣде на конѣ съ дружиною своею, и приде Киеву, цѣлова матерь свою и дѣти своя, и съжалися о бывшемъ от печенѣгъ. И собра вои, и прогна печенѣги в поли, и бысть миръ.

969 В лѣто 6477. Рече Святославъ к матери своей и къ боляромъ своимъ: «Не любо ми есть в Киевѣ быти, хочю жити *в*[66] Переяславци *на*[67] Дунаи, яко то есть середа земли[68] моей, яко ту вся благая сходятся: от Грекъ злато, паволоки, вина *и*[1] овощеве розноличныя, *изъ Чехъ*[69] же, из *Угорь*[70] сребро и комони, из Руси же скора и воскъ, медъ и челяд». Рече ему Волга: «Видиши мя бол*ну*[71] сущю; камо хощеши от мене ити?». Бѣ бо разболѣлася уже; рече же ему: «Погребъ мя иди[72] ямо же хочеши». По трех днехъ умре Ольга, и плакася по ней сынъ ея, и внуци ея, и людье вси плачемъ великомь, *и*[1] несоша и погребоша ю[73] на мѣстѣ. И *бѣ*[74] заповѣдала Ольга не твори*ти*[75] трызны над собою, бѣ бо имущи презвутеръ, сей похорони блаженую Ольгу.

Си бысть предътекущия крестьяньстѣй земли, аки день*ни*ца[76] предъ солнцемъ и аки зоря предъ свѣтомъ. Си бо сьяше аки луна в нощи, тако и си в невѣрныхъ человѣцехъ свѣтящеся аки бисеръ в калѣ: кальни бо бѣша грѣ*хомъ*,[77] неомовени крещеньемь святымь. Си бо омыся купѣлью святою, и совлечеся греховн*ыя одежа*[78] ветхаго человѣка Адама, и въ новый Адамъ облечеся, еже есть Христосъ. Мы же рцѣмъ к ней: «Радуйся, руское познанье къ Богу, начатокъ примиренью[79] быхомъ». Си первое вниде в царство небесное от Руси, сию бо хвалят рустие сынове аки началницю: ибо по смерти моляше Бога за Русь. Праведныхъ бо душа не умирают, яко же рече Соломанъ: «Похвал*яему*[80] праведному възвеселятся людье», бесъ-

смертье бо есть память его, яко от Бога познавается и от человѣкъ. Се бо вси человѣци прославляють, видяще[81] лежащю[82] в тѣлѣ на многа лѣта; рече бо пророкъ: «Прославляющая мя прославлю». О сяковыхъ бо Давыдъ глаголаше: «В память *вечную*[1] праведникъ будеть, от слуха зла не убоится; готово сердце его уповати *на*[1] Господа, утвердися сердце его и не подвижется». Соломанъ бо рече: «Праведници въ вѣки живуть,[83] и от Господа мьзда имь есть и строенье от Вышняго. Сего ради приимуть царствие красотѣ и вѣнець добротѣ от руки Господня, яко десницею покрыеть я̀ и мышцею защитить я̀». Защитилъ[84] бо есть сию блажену Вольгу от противника и супостата дьявола.

В лѣто 6478. Святославъ посади Ярополка в Киевѣ, а Ольга в деревѣхъ. *970*
В се же время придоша людье ноугородьстии, просяще князя собѣ: «Аще не поидете к намъ, то налѣземъ князя собѣ». И рече к нимъ Святославъ: «А бы пошелъ кто к вамъ». И отпрѣся Ярополкъ и Олегъ. И рече Добрыня: «Просите Володимера». Володимеръ бо бѣ отъ Малуши, ключницѣ Ользины; сестра же бѣ Добрыня, отець же бѣ има Малък Любечанинъ, *и*[1] бѣ Добрына уй Володимеру. И рѣша ноугородьци Святославу: «Въдай ны Володимира». Онъ же рече имъ: «Вото вы есть». И пояша ноугородьци Володимера к собѣ, и иде Володимиръ съ *Добрынею, уемъ*[85] своимь, Ноугороду, а Святославъ Переяславьцю.

В лѣто 6479. Приде Святославъ в Переяславець, и затворишася болгаре *971*
въ градѣ. И излѣзоша болгаре на сѣчю противу Святославу, и бысть сѣча велика, и *одоляху*[86] больгаре. И рече Святославъ воемъ своимъ: «Уже намъ сде пасти; потягнемъ мужьски, братья и дружино!». И къ вечеру одолѣ Святославъ, и взя градъ копьемъ, и посла къ грекомъ, глаголя: «Хочю на вы ити *и*[1] взяти градъ вашь, яко и сей». И рѣша грьци: «Мы недужи противу вамъ стати, но возми дань на насъ, и на дружину свою, и повѣжьте ны, колько васъ, да вдамы по числу на главы». Се же рѣша грьци, льстяче подъ Русью; *суть бо греци лстивы и до сего дни.*[1] И рече *имъ Святославъ*: «*Есть насъ 20 тысящь*», *и прирече*[87] 10 тысящь, бѣ бо Руси 10 тысящь *толко.*[88] И пристроиша грьци 100 тысящь на Святослава, и не даша дани. И поиде Святославъ на греки, и изидоша противу Руси. Видѣвше же Русь убояшася зѣло множьства вой, и рече Святославъ: «Уже намъ нѣкамо ся дѣти, волею и неволею стати противу; да не посрамимъ землѣ Рускиѣ, но ляжемъ костьми, мертвыи бо срама не имамъ. Аще ли побѣгнемъ, срамъ имамъ. Не имамъ убѣжати, но станемъ крѣпко, азъ же предъ вами поиду: аще моя глава ляжеть, то промыслите собою». И рѣша вои: «Идеже глава твоя, ту и свои главы сложимъ». И исполчишася русь, и бысть сѣча велика, и одолѣ Святославъ, и бѣжаша грьци. И поиде Святославъ ко граду, воюя и грады разбивая, яже *стоять*[89] и до днешняго дне *пусты.*[1] И созва царь боляре своя в полату, и рече имъ: «Што створимъ, яко не можемъ противу ему стати?». И рѣша ему боляре: «Посли к нему дары, искусимъ ѝ, любьзнивъ ли есть злату, ли паволокамъ?».[90] И посла к нему злато, и паволоки, и мужа мудра, рѣша ему: «Глядай взора и лица его и смысла его». Онъ же, веземъ дары, приде къ Святославу. *И*[1] повѣдаша Святославу, яко придоша грьци с поклономъ. И рече: «Въведѣте я сѣмо». Придоша, и

поклонишася ему, *и*[1] положиша пред нимъ злато и паволоки. И рече Святославъ, кромѣ зря, отрокомъ своимъ: «Схороните». Они же придоша ко царю, и созва царь боляры. Рѣша же послании, яко «Придохомъ к нему, и вдахомъ дары, и не *возр*ѣ[91] на ня, и повелѣ схоронити». И рече единъ: «Искуси й еще, посли ему оружье». Они же послу*шаша*[92] его, и послаша ему мечь и ино оружье, и принесоша к нему. Онъ же, приимъ, нача хвалити, и любити, и целова*ти*[93] царя. Придоша опять ко царю, и повѣдаша ему вся бывшая. И рѣша боляре: «Лютъ се мужь хоче*ть*[94] быти, яко имѣнья не бrежеть, а оружье емлеть. Имися по дань». И посла царь, глаголя сице: «Не ходи къ граду, возми дань, еже хощеши»; за маломъ бо бѣ не дошелъ Цaряграда. *И*[95] даша ему дань; имашеть же и за убьеныя, глаголя, яко «род его возметь». Взя же и дары многы, и възратися в Переяславець с похв*алою*[96] великою. Видѣвъ же мало дружины своея, рече в собѣ: «Еда како прельстивше изъбьють дружину мою и мене», бѣша бо многи погибли на полку. И рече: «Поиду в Русь, приведу боле дружины».[97]

И посла слы ко цареви въ Деревьстръ,[98] бо бѣ ту царь, рька сице: «Хочю имѣти миръ с тобою[99] твердъ и любовь». Се же слышавъ, *царь*[4] радъ бысть и посла к нему дары больша первых. Святославъ же прия дары, и поча думати съ дружиною своею, рька сице: «Аще не створимъ мира со царемъ, а увѣсть царь, яко мало насъ есть, пришедше оступять ны въ градѣ. А Руска земля далеча, а печенѣзи с нами ратьни, а кто ны поможеть? Но створимъ миръ со царемъ, се бо ны ся по дань яли, и то буди доволно намъ. Аще ли почнеть не управляти дани, да изнова из Руси, совкупивше вои множ*айша*,[100] поидемъ Царюгороду». Люба бысть рѣчь си дружинѣ, и послаша лѣпшиѣ мужи ко цареви, и придоша въ Деревъстръ, и повѣдаша цареви. Царь же наутрия призва я̀, и рече царь: «Да глаголють сли рустии». Они же рѣша: «Тако глаголеть князь нашь: хочю имѣти любовь со царемъ гречьскимъ свершеную прочая вся лѣта». Царь же радъ бысть *и*[VI. 1] повелѣ писцю писати вся рѣчи Святосла*вля*[2] на харатью. Нача глаголати солъ вся рѣчи, и нача писецъ[3] писати. Глагола сице:

«Равно другаго свѣщанья, бывшаго при Святославѣ, велицѣмь князи рустѣмь, и при Свѣналъдѣ, писано при Фефелѣ синкелѣ и к Ивану, нарицаемому Цѣмьскию, царю гречьскому, въ Дерестрѣ, мѣсяца июля, индикта въ 14, в лѣто 6479. Азъ Святославъ, князь руский, яко же кляхъся, и утвержаю на свѣщаньѣ семь роту свою: хочю имѣти миръ и свершену любовь со всяк*имь*[4] великимь царемъ гречьскимъ, съ Васильемъ и Костянтиномъ, и съ богодохновеными цари, и со всѣми людьми вашими и иже суть подо мною Русь, боляре и прочии, до конца вѣка. Яко николи же помышлю на страну вашю, ни сбираю вой, ни языка[5] иного приведу на страну вашю и елико есть подъ властью гречьскою, ни на власть корсуньскую и елико есть городовъ ихъ, ни на страну болгарьску. Да аще инъ кто помыслить на страну вашю, да и азъ буду противенъ ему и борюся с нимъ. Яко же кляхъся ко царемъ гречьскимъ, и со мною боляре и Русь вся, да схранимъ правая съвѣщанья. Аще ли *от*[6] тѣхъ самѣхъ прежереченыхъ *не*[1] съхранимъ, азъ же и со мною и подо мною, да имѣемъ клятву от бога, въ его же вѣруемъ — в Перуна и въ Волоса, скотья бога, и да будемъ золоти,[7] яко золото, и

своимъ оружьемь да исѣчени будемъ. Се же имѣйте во истину, яко же сотворихо*мъ*[8] нынѣ къ вамъ, *и*[1] написахомъ на харатьи сей и своими печатьми запечатахомъ».

Створив же миръ Святославъ съ греки, поиде в лодьяхъ къ порогомъ. И рече ему воевода отень Свѣ*налдъ*:[9] «Поиди, княже, на конихъ около, стоять бо печенѣзи в порозѣхъ». И не послуша его *и*[1] поиде в лодьяхъ. И послаша переяславци къ печенѣгомъ, глаголюще: «Се идеть вы Святославъ в Русь, вземъ имѣнье много у грекъ и полонъ бещисленъ, съ мало*мъ*[10] дружины». Слышавше же се печенизи заступиша пороги. И приде Святославъ къ порогомъ, и не бѣ льзѣ проити порогъ. И ста зимовати в Бѣлобережьи, и не бѣ у них брашна уже, и бѣ гладъ великъ, яко по полугривнѣ глава́ коняча, и зимова Святославъ ту.

Веснѣ же приспѣвши, в лѣто 6480, поиде Святославъ в пороги. И нападе 972
на нь Куря, князь печенѣжьский и убиша Святослава, *и*[1] взяша главу его, и во лбѣ его съдѣлаша чашю, оковавше[11] лобъ его, и пьяху *из него*.[12] Свѣналдъ же приде Киеву къ Ярополку. И всѣх лѣтъ княженья Святославля лѣтъ 20 и 8.

В лѣто 6481. Нача княжити Ярополкъ. 973

В лѣто 6482. 974

В лѣто 6483. Ловъ дѣющю[13] Свѣналдичю, именемъ Лютъ; ишедъ бо ис 975
Киева гна по звѣри в лѣсѣ. И узрѣ ѝ Олегъ, и рече: «Кто се есть?». И рѣша ему: «Свѣналдичь». И заѣхавъ, уби ѝ, бѣ бо ловы дѣя Олегъ. И о томъ бысть *межю*[14] ими ненависть, Ярополку на Ольга, и молвяше всегда Ярополку Свѣналдъ: «Поиди на брать свой и прими волость его», хотя отмьстити сыну своему.

В лѣто 6484. 976

В лѣто 6485. Поиде[15] Ярополкъ на Олга, брата своего, на Деревьску 977
землю. И изиде противу его Олегъ, и ополчистася.[16] Ратившемася полкома, побѣди Ярополкъ Ольга. Побѣгшю же Ольгу с вои[17] своими въ градъ, рекомый Вручий, бяше чересъ гроблю мостъ ко вратомъ[18] градньмъ, тѣснячеся другъ друга пихаху въ гроблю. И спехнуша Ольга с мосту в дебрь. Падаху людье мнози, и удавиша кони человѣци. И въшедъ Ярополкъ въ градъ Ольговъ, перея власть его, и посла искать брата своего; *и*[1] искавъше его не обрѣтоша. И рече единъ деревлянинъ: «Азъ видѣхъ, яко вчера спехнуша с мосту». И посла Ярополкъ искатъ брата, и влачиша трупье изъ гробли от утра и до полудне, и налѣзоша и Ольга высподи трупья, вынесоша[19] ѝ, положиша ѝ на коврѣ. И приде Ярополкъ, надъ немъ плакася, *и рече Свеналду*:[1] «Вижь, сего ты еси[20] хотѣлъ!». И погребоша Ольга на мѣстѣ у города Вручога, и есть могила его и до сего дне у Вручего. И прия власть его Ярополкъ. У Ярополка же жена грекини бѣ, и бяше была черницею; бѣ бо привелъ ю̀[1] отець его Святославъ, и вда ю̀ за Ярополка, красоты ради лица ея. Слышав же се Володимъръ в Новѣгородѣ, яко Ярополкъ уби Ольга, убоявся бѣжа за море. А Ярополкъ посадники своя посади в Новѣгородѣ, и бѣ володѣя единъ в Руси.

В лѣто 6486. 978

В лѣто 6487. 979

980 В лѣто 6488. Приде Володимиръ съ варяги Ноугороду, и рече посадникомъ Ярополчимъ: «Идѣте къ брату моему и рцѣте ему: „Володимеръ ти *идеть*[21] на тя, пристра*и*вайся[22] противу биться"». И сѣде в Новѣгородѣ.

И посла ко Рогъволоду Полотьску, глаголя: «Хочю пояти *дщерь*[23] твою собѣ женѣ». Онъ же рече *дщери*[24] своей: «Хочеши ли за Володимера?». Она[25] же рече: «Не хочю розути робичича, но Ярополка хочю». Бѣ бо Рогъволодъ пришелъ и-заморья, имяше власть свою в Полотьскѣ, а Туры Туровѣ, от него же и туровци прозвашася. И придоша отроци Володимерови, и повѣдаша ему всю рѣчь Рогънѣдину, *дщери* Рогъволож*ѣ*,[26] князя полотьскаго. Володимеръ же собра вои многи, варяги и словѣни, чюдь и кривичи, и поиде на Рогъволода. В се же время *хотяху*[1] Рогънѣдь вести за Ярополка. И приде Володимеръ на Полотескъ, и уби Рогъволода и сына его два, и дъчерь его поя женѣ.

И поиде на Ярополка. И приде Володимеръ Киеву съ вои многи, и не може Ярополкъ стати противу, и затворися Киевѣ с людми своими и съ Блудомъ; *и*[1] стояше Володимеръ обрывся на Дорогожичи, межю Дорогожичемъ и Капичемъ, и есть ровъ и до сего дне. Володимеръ же посла къ Блуду, воеводѣ Ярополчю, съ лестью глаголя: «Поприяй ми! Аще убью брата своего, имѣти тя хочю во отца мѣсто, и многу честь возьмешь от мене: не язъ бо почалъ братью бити, но онъ. Азъ же того убоявъся придохъ на нь». И рече Блудъ къ посломъ Володимеримь: «Азъ буду тобѣ в сердце и въ приязньство». О злая лесть человѣческа! Якоже Давыдъ глаголеть: «Ядый хлѣбъ мой възвеличилъ есть на мя лесть». Се бо лукавьствоваше на князя своего лестью. И паки: «Языки своими льстяхуся. Суди имъ, Боже, да отпадуть от мыслий своих; по множьству нечестья ихъ изр*ини* б,[27] яко прогнѣваша тя, Господи». И паки *той*[28] же рече Давыдъ: «Мужь въ крови льстивъ не приплоēвить дний своих». Се есть совѣтъ[29] золъ, иже свѣщевають на кровопролитье; то суть неистовии, иже приемше от князя или от господина своего честь ли дары, ти мыслять о главѣ князя своего на погубленье, горьше суть бѣсовъ таковии. Якоже Блудъ преда князя своего, и приимъ от него чьти многи, се бо бысть повиненъ крови той. Се бо Блудъ затворися съ Ярополкомъ, льстя ему, слаше къ Володимеру часто, веля ему пристряпати къ граду бранью, а самъ мысля убити Ярополка; гра*ж*аны[30] же не бѣ льзѣ убити его. Блудъ же не възмогъ, како бы погубити ѝ, замысли лестью, веля ему *ни*[1] излазити на брань изъ града. *Рече*[31] же Блудъ Ярополку: «Кияне слются къ Володимеру, глаголюще: „Приступай къ граду, яко предамы ти Ярополка". Побѣгни за градъ». И послуша его Ярополкъ, *и*[1] избѣгъ пред нимъ затворися въ градѣ Родьни на усть *Рси*[1] рѣки, а Володимеръ вниде в Киевъ, и осѣде Ярополка в Роднѣ. И бѣ гладъ великъ в немь, *и*[1] есть притча и до сего дне: бѣда аки в Роднѣ. И рече Блудъ Ярополку: «Видиши, колько войн у брата твоего? Нама ихъ не перебороти.[32] Твори миръ съ братомъ своимъ»; льстя подъ нимъ се рече. И рече Ярополкъ: «Такъ буди». И посла Блудъ къ Володимеру, сице глаголя, яко «Сбысться мысль твоя, яко приведу к тобѣ Ярополка, и пристрой убити ѝ». Володимеръ[33] же, то слышавъ, въшедъ въ дворъ теремный отень, о нем же преже сказахомъ, сѣде ту *с вои и*[1] съ дружиною своею. И рече Блудъ Ярополку: «Поиди къ

брату своему и рьчи ему: что ми ни вдаси, то язъ прииму». Поиде же Ярополкъ, *и*[1] рече[34] ему Варяжько: «Не ходи, княже, убьють тя; побѣгни в Печенѣги и приведеши *вои*,[35] и не послуша его. И приде Ярополкъ къ Володимеру; яко полѣзе въ двери, и подъяста ѝ два варяга мечьми подъ пазусѣ. Блудъ же затвори двери и не да по немъ ити своимъ. И тако убьенъ бысть Ярополкъ. *Варяшко же, видѣвъ, яко убьенъ бысть Ярополкъ*,[1] бѣжа съ двора в Печенѣги, и *много воева Володимера с печенѣгы*,[36] одва приваби ѝ, заходивъ к нему ротѣ. Володимеръ же залеже жену братьню грекиню, и бѣ непраздна, от нея же родися Святополкъ. От грѣховьнаго бо корени золъ плодъ бываеть: понеже бѣ была мати его черницею, а второе, Володимеръ залеже ю̀ не по браку, прелюбодѣйчичь[37] бысть убо. Тѣмь и отець его не любяше, бѣ бо от двою отцю, от Ярополка и от Володимера.

Посемь рѣша варязи Володимеру: «Се градъ нашь,[38] мы прияхомъ *ѝ*,[39] да хочемъ имати окупъ на них, по 2 гривнѣ от человѣка». И рече им Володимеръ: «Пождѣте, даже вы куны сберуть, за мѣсяць». *И*[1] ждаша за мѣсяць, и не дасть имь, и рѣша варязи: «Сольстилъ еси нами, да покажи ны путь въ Греки». Онъ же рече имъ: «Идѣте». И избра от нихъ мужи добры, смыслены и *храбры*,[40] и раздая имъ грады; прочии же идоша Царюграду въ Греки. И посла пред ними слы, глаголя сице царю: «Се идуть к тебѣ варязи, не мози их держати въ градѣ, оли то створять ти зло, яко и сде, но расточи я̀ разно, а сѣмо не пущай ни единого».

И нача княжити Володимеръ въ Киевѣ единъ, и постави кумиры на холму внѣ двора теремнаго: Перуна древяна, а главу его сребрену, а усъ златъ, и Хърса, Дажьбога, и Стрибога, и Симарьгла, и Мокошь. *И*[1] жряху имъ, наричюще я̀ богы, *и*[1] привожаху сыны своя и дъщери, и жряху бѣсомъ, *и*[1] оскверняху землю *тре*бами[41] своими. И осквернися кровьми земля Руска и холмо-тъ. Но преблагий Богъ не хотя смерти грѣшникомъ, на томъ холмѣ нынѣ церкви стоить, святаго Василья есть, якоже послѣди скажемъ. Мы же на преднее възратимся.

Володимеръ же посади Добрыну, уя своего, в Новѣгородѣ. И пришедъ Добрына Ноугороду, постави кумира надъ рѣкою Волховомъ, и жряху ему людье ноугородьстии аки богу.

Бѣ[42] же Володимеръ побѣженъ похотью женьскою, и быша ему водимыя: Рогънѣдь, юже посади на Лыбеди, иде же ныне стоить сельце Предъславино, от нея же роди 4 сыны: Изеслава, Мьстислава, Ярослава, Всеволода, а 2 *дщ*ери;[43] от грекинѣ — Святополка; от чехинѣ — Вышеслава; а от другоѣ — Святослава и Мьстислава; а от болгарыни — Бориса и Глѣба; а наложьниць бѣ у него 300 Вышегородѣ, а 300 в *Бѣлѣгородѣ*,[44] а 200 на Берестовѣ в селци, еже зоуть ныне Берестовое. И бѣ несытъ блуда, приводя к собѣ мужьски жены и дѣвицѣ растьляя. Бѣ бо женолюбець, яко же и Соломанъ: бѣ бо, рече, у Соломана женъ 700, а наложниць 300. Мудръ же бѣ, а наконець погибе; се же бѣ невѣголосъ, а наконець обрѣте спасенье. «Велий Господь, и велья крѣпость его, и разуму его нѣсть конца!». Зло бо есть женьская прелесть, яко же рече Соломанъ, покаявся, о женах: «Не вънимай злѣ женѣ, медъ бо каплеть от устъ ея, жены любодѣици, во время наслажаеть твой гортань, послѣди же горчае золчи обрящ*еши*...[45] Прилѣп-

ляющиися[46] ей *вънидуть съ*[47] смертью[48] въ вадъ... На пути животьныя[49] не находить, блудная же теченья ея неблагоразумна». Се же рече Соломанъ о прелюбодѣйцах; *а*[1] о добрыхъ женах рече: «Дража*йши*[50] есть каменья многоцѣньна. Радуется о ней м*у*жь[51] ея. Дѣеть бо мужеви своему благо все житье. Обрѣтши *волну и ленъ*,[52] творить благопотребная рук*ама*[53] своима. *Бысть*[54] яко корабль, куплю дѣющ*и*,[55] *издалеча*[56] сбираеть *собѣ*[57] богатьство, и въста*еть*[58] от нощи, и даеть брашно *дому*[59] и дѣла *рабынямъ*.[60] Видѣвши стяжанье куповаше: от дѣлъ руку своею насадить тяжанье. Препоясавши крѣпко чресла своя, утверд*ить* мыш*ци* сво*а*[61] на дѣло. И вкуси, яко добро есть дѣлати, и не угасаеть свѣтилникъ ея всю нощь. Руцѣ свои простираеть на полезьная, локъти своя устремляеть на вретено. Руцѣ свои простираеть убогому, плодъ же простре нищему. Не печется мужь ея о дому своемь, егда гдѣ будеть, вси свои ея одѣни будуть. С*угу*ба[62] одѣнья *со*творить[63] мужеви своему, очерьвлена и багряна собѣ одѣнья. Взоренъ бываеть во вратѣхъ мужь ея, внегда аще сядеть на сонмищи съ старци и съ жители земли. Опоны створи и отдасть въ куплю. Уста же свои отверзе смыслено, в чинъ молвить языкъмь своимъ. Въ *к*рѣпость[64] и в лѣпоту облече*ся*.[65] Милостин*и*[66] же ея въздвиго*ша*[67] чада ея и обогатиша, и мужь ея похвали ю. Жена бо разумлива благословена есть, боязнь бо *Господню*[68] да похвалить. Дадите ей от плода устьну ея, да хвалять во вратѣх мужа ея».

981 В лѣто 6489. Иде *Володимеръ*[1] к ляхомъ и зая грады их, Перемышль, Червенъ и ины грады, *иже*[69] суть и до сего дне подъ Русью. В сем же лѣтѣ и вятичи побѣди, и възложи на н*я*[70] дань от *плуга*,[71] яко же и отець его имаше.

982 В лѣто 6490. Заратишася вятичи, и иде на ня Володимиръ, и победи я[72] второе.

983 В лѣто 6491. Иде Володимеръ на *ятвягы*,[73] и побѣди *ятвягы*,[73] и взя землю их. И иде Киеву и творяше требу[74] кумиромъ с людми своими. И рѣша старци и боляре: «Мечемъ жребий[75] на отрока и дѣвицю; на него же падеть, того зарѣжемъ богомъ». Бяше варягъ единъ, и бѣ дворъ его, идеже есть церкви святая Богородица, юже сдѣла Володимеръ. Бѣ же[76] варягъ то*й*[77] пришелъ изъ Грекъ, *и*[1] держаше вѣру хрестеяньску. И бѣ у него сынъ красенъ лицемъ и душею; на сего паде жребий по зависти дьяволи. Не терпяшеть бо дьяволъ, власть имы надо всѣми, и сей[78] бяшеть ему аки тернъ въ сердци, *и*[1] тьщашеся потребити оканьный, и наусти люди. *И*[1] рѣша пришедше послании к нему; яко «Паде жребий на сынъ твой, изволиша бо й бози собѣ; да створимъ требу[74] богомъ». И рече варягъ: «Не суть *то*[79] бози, но[80] древо; днесь есть, а утро изъгнееть; не ядять бо, ни пьють, ни молвять, но суть дѣлани руками в деревѣ. А Богъ есть единъ, ему же служать грьци и кланяются, иже створилъ небо, и землю, *и*[1] звѣзды, и луну, и солнце, и человѣка, *и*[1] далъ есть ему жити на земли. А си бози что сдѣлаша? Сами дѣлани суть. Не дамъ сына своего бѣсомъ». Они же шедше повѣда*ша*[81] людемъ. Они же, вземше оружье, поидоша на нь и розъяша дворъ около его. Онъ же стояше на сѣнех съ сыномъ своимъ. Рѣша ему: «Вдай сына своего, да вдамы *и*[82] богомъ». Онъ же рече: «Аще суть бози,

то единого собе послють бога, да имуть сынъ мой. А вы чему претребуете *имъ?*».[82] И кликнуша,[83] и посѣкоша сѣни под нима, и тако побиша я̀. И не свѣсть никтоже, гдѣ положиша я̀. Бяху бо тогда человѣци невѣголоси и погани. Дьяволъ радовашеся сему, не вѣдый, яко близь погибель хотяше быти ему. Тако бо тщашеся погубити родъ хрестьа*ньск*ий,[84] но прогонимъ бяше хрестомъ честнымъ и в *ин*ѣх[85] странахъ; сде же мняшеся оканьный: яко сде ми есть жилище, сде бо не суть апостоли учили, ни пророци прорекли, не вѣдый[86] пророка, глаголюща: «И нарек*у*[87] не люди моя люди моя»; о апостолѣх бо рече: «Во всю землю изидоша вѣщанья их, и в конець вселеныя глаголи ихъ». Аще и тѣлом апостоли не суть *сдѣ*[88] были, но ученья ихъ аки трубы гласять по вселенѣй в церквахъ, *их*[89] же ученьемь побѣжаемъ противнаго врага, попирающе подъ нози, яко же попраста и си отечника,[90] приемш*а*[91] вѣне*ць*[92] небесный съ святыми мученики и праведники.

В лѣто 6492. Иде Володимеръ на радимичи. Бѣ у него воевода Волъчий 984
Хвостъ, и посла й Володимеръ передъ собою, Волъчья Хвоста; сърѣте *радимичи*[93] на рѣцѣ Пищанѣ, и побѣди радимичѣ Волъчий Хвостъ. Тѣмь и Русь корятся радимичемъ, глаголюще: «Пищаньци волъчья хвоста бѣгають». Быша же радимичи от рода ляховъ; прешедъше ту ся вселиша, и платять дань Руси, повозъ везуть и до сего дне.

В лѣто 6493. Иде Володимеръ на Болгары съ Добрынею, съ *у*емъ[94] 985
своимъ, в лодьях, а торъки берегомъ приведе на коних: и побѣди болгары.[95] Рече Добрына Володимеру: «Съглядахъ колодникъ, *и*[96] суть вси в сапозѣх. Симъ дани намъ не даяти, поидемъ искать лапотниковъ». И створи миръ Володимеръ съ болгары, и ротѣ заходиша межю собѣ, и рѣша болгаре: «Толи не будеть межю нами мира, *оли*[97] камень начнеть плавати, а хмель почнеть тонути». И приде Володимеръ Киеву.

В лѣто 6494. Придоша болъгары в*ѣ*ры[98] бохъмичѣ, глаголюще, яко «Ты 986
князь еси мудръ и смысленъ, не вѣси закона; но вѣруй в законъ нашь и поклонися Бохъмиту». И рече Володимеръ: «Како есть вѣра ваша?». Они же рѣша: «Вѣруемъ Богу, а Бохмитъ ны учить, глаголя: обрѣзати уды тайныя, и свинины не ясти, вина не пити, *а по смерти же, рече, со женами похоть творити блудную.*[1] Дасть Бохмитъ комуждо по семидесят женъ красныхъ, исбереть едину красну, и всѣх красоту възложить на едину, та будеть ему жена. *Здѣ*[99] же, рече, достоить блудъ творити всякъ. На семь свѣтѣ аще буде*ть*[100] кто убогъ, то и *там*ъ»,[VII. 1] и ина многа лесть, ея же нѣ льзѣ псати срама ради. Володимеръ же слушаше ихъ, бѣ бо самъ любя жены и блуженье многое, послушаше сладко. Но се ему бѣ нелюбо: обрѣзанье удовъ и о неяденьи мясъ свиныхъ, а о питьи отнудь,[2] рька: «Руси есть веселье питье: не можемъ бес того быти». Потом же придоша нѣмьци *от Рима*,[3] глаголюще: «Придохомъ послании от папежа»; и рѣша ему: «Реклъ ти тако папежь: „Земля твоя яко и земля наша, а вѣра ваша не яко вѣра наша; вѣра бо наша свѣтъ есть, кланяемся Богу, *иже*[4] створилъ небо и землю, звѣзды, мѣсяць и всяко дыханье, а бози ваши древо суть"». Володимеръ же рече: «Кака заповѣдь ваша?». Они же рѣша: «Пощенье по силѣ; „аще кто пьеть или ясть, то все въ славу Божью", рече учитель нашь Павел». Рече же Володимеръ нѣмцемъ: «Идѣте опять, яко отци наши сего

не прияли суть». Се слышавше жидове козарьстии придоша, рекуще: «Слышахомъ, яко приходиша болгаре и хрестеяне, учаще тя *кождо*[5] вѣрѣ своей. Хрестеяне бо вѣрують, его же мы распяхомъ, а мы вѣруемъ единому Богу Аврамову, Исакову, Яковлю». И рече Володимеръ: «Что есть законъ вашь?». Они же рѣша: «Обрѣзатися, свинины не ясти, ни заячины, суботу хранити». Он же рече: «То гдѣ есть земля ваша?». Они же рѣша: «Въ Ерусалимѣ». Онъ же рече: «То тамо[6] ли есть?». Они же рѣша: «Разъгнѣвася Богъ на отци наши, и расточи ны по странамъ грѣхъ ради наших, и предана бысть земля наша хрестеяномъ». Он же рече: «То како вы инѣх *учите*,[7] *а*[3] сами отвержени от Бога и расточени? Аще бы Богъ любилъ васъ и законъ вашь, то не бысте *расточени*[8] по чюжимъ землямъ. Еда *и*[3] намъ тоже мыслите прияти?».

Посемь же прислаша грьци къ Володимеру философа, глаголюще сице: «Слышахомъ, яко приходили суть болгаре, учаще тя прияти вѣру свою, ихъ же вѣра оскверняеть небо и землю, иже суть прокляти паче всѣх человѣкъ, уподоблешеся Содому и Гомору, на *няже*[9] пусти Господь каменье горюще, и потопи я̂, и погрязоша, яко и сихъ ожидаеть день погибели их, егда придеть Богъ судитъ земли и *погубити*[10] вся творящая безаконья и скверны дѣющия. Си бо омывають оходы своя, в ротъ вливають, и по брадѣ мажются, поминають Бохмита. Тако же и жены ихъ творять ту же скверну и ино пуще: от совкупленья мужьска и женьска вкушають». Си слышавъ Володимеръ *плюну*[11] на землю, рекъ: «Нечисто есть дѣло». Рече же философъ: «Слышахом же и се, яко приходиша от Рима поучитъ васъ к вѣрѣ своей, ихъ же вѣра маломь с нами разъвращена: служать бо опрѣсноки, рекше оплатки, ихъ же Богъ не преда, но *повелѣ*[12] хлѣбомъ служити, и преда апостоломъ приемъ хлѣбъ, *рек*:[3] „Се есть тѣло мое, ломимое за вы..." тако же и чашю приемъ рече: „Се есть кровь моя новаго завѣта" си же того не творять, суть не *исправили*[13] вѣры». Рече же Володимеръ: «Придоша ко мнѣ жидове, глаголюще: яко нѣмци и грьци вѣрують, его же мы распяхомъ». Философъ же рече: «Въистину в того вѣруемъ, тѣхъ бо пророци прорѣцаху, яко Богу родитися, а друзии — распяту быти и погребену, а в 3-й день вскреснути и на небеса *взити*.[14] Они же *тыи*[3] пророки избиваху, другия претираху. Егда же сбысться пророченье сихъ: съниде на землю, и распятье прия, и въскресъ на небеса взиде, на сихъ же ожидаше покаянья за 40 и за 6 лѣт, и не *покаяшася*,[15] и посла на ня римляны; грады ихъ разбиша и самы расточиша по странамъ, и работають въ странах». Рече же Володимеръ: «То что ради сниде Богъ на землю, и страсть *такову*[16] прия?». Отвѣщав же философъ, рече: «Аще хощеши послушати, да *скажю*[17] ти из начала, чьсо ради сниде Богъ на землю». Володимеръ же рече: «Послушаю рад». И нача философъ глаголати сице:

«В начало створи Богъ небо и землю въ первый день. И в 2-й день створи твердь, яже есть посреди воды. Сего же дне раздѣлишася воды, полъ ихъ взиде надъ твердь, а полъ ихъ подъ твердь. А въ 3-й день створи море, и рѣки, и источники, и сѣмяна. Въ 4-й день солнце, и луну, и звѣзды, и украси Богъ небо. Видѣв же первый от ангелъ, старѣйшина чину ангелску, помысли въ себе, рекъ: „Сниду на землю, и преиму землю, и буду подобенъ

Богу, и поставлю престолъ свой на облацѣх сѣверьскихъ". И ту абье сверже ѝ с небесе, и по немь *падоша*[18] иже бѣша подъ нимъ, чинъ десятый. Бѣ же имя противнику Сотонаилъ, в него же мѣсто постави старѣйшину Михаила. Сотона же, грѣшивъ помысла своего и отпадъ славы *первыя*,[19] наречеся[20] противникъ Богу. Посем же въ 5-й день створи Богъ киты, и рыбы, гады, и птица пернатыя. Въ 6-й же день сотвори Богъ звѣри, и скоты, и гады земныя; створи же и человѣка. Въ 7-й же день почи Богъ от дѣлъ своихъ, иже есть субота. И насади Богъ рай на въстоцѣ въ Едемѣ, въведе ту человѣка, его же созда, и заповѣда ему от древа всякого ясти, от древа же единого не ясти, еже есть разумѣти добру и злу. И бѣ Адамъ в раи, видяше Бога и славяше, егда ангели славяху. И възложи Богъ на *Адама* сонъ,[21] и успе Адамъ, и взя Богъ едино ребро у Адама, *и*[3] створи ему жену, и въведе ю̀ в рай ко Адаму, и рече Адамъ: „Се кость от кости моея, а плоть от плоти моея, си наречеся жена". И нарече Адамъ скотомъ и птицамъ имяна, звѣремъ и гадомъ, и самѣма ангелъ повѣда имяна. И покори Богъ Адаму звѣри и скоты, и обладаше всѣми, и послушаху его. Видѣвъ же дьяволъ, яко почти Богъ человѣка, възавидѣвъ ему, преобразися въ змию, и приде къ Еввѣ, и рече ей: „Почто не яста от древа, сущаго посредѣ рая?". И рече жена къ змиѣ: „Рече Богъ: «не имата ясти, *аще*[22] ли, да умрета смертью»". И рече змия к женѣ: „Смертью не умрета; вѣдяше бо Богъ, яко в он же день яста от него, отверзетася очи ваю, и будета яко и Богъ, *разумѣюща*[23] добро и зло". И видѣ жена, яко добро древо въ ядь, и вземши снѣсть, и вдасть мужю своему, и яста, и отверзостася очи има, и разумѣста, яко нага еста, и съшиста листвиемь смоковьнымь препоясанье. И рече Богъ: „Проклята земля в дѣлѣхъ твоих, и в печали яси вся дни живота своего". И рече Господь Богъ: „*Егда*[3] како простреta руку, и возмета от древа животьнаго, и живета въ вѣки". И изъгна Господь Богъ Адама из рая. И сѣде прямо *раа*[24] плачася и дѣлая землю, и порадовася сотона о проклятьи земля. Се на ны первое паденье и горкий отвѣтъ, отпаденье ангельскаго житья. Роди Адамъ Каина и Авеля; бѣ Каинъ ратай, а Авель пастухъ. И несе Каинъ от плода земли къ Богу, и не прия Богъ даровъ его. Авель же принесе от агнецъ первенецъ, и прия Богъ дары *Авелевы*.[25] Сотона же влѣзе в Каина, и пострѣкаше Каина убити Авеля. И рече Каинъ: „*Изидевѣ*[26] на поле" Авелю, *и послуша его Авель*,[3] *и*[27] яко *изыдоста*,[28] въста Каинъ, и хотяше убити ѝ, и не умяше, како убити ѝ. И рече ему сотона: „Возми камень и удари ѝ". Веземъ камень и уби ѝ. И рече Богъ Каину: „Кде есть братъ твой?". Он же рече: „Еда стражь есмь брату своему?". И рече Богъ: „Кровь брата твоего вопьеть ко мнѣ, будеши стеня и *трясыйся*[29] до живота своего". Адамъ же и Евга плачющася бѣста, и дьяволъ радовашеся, рька: „Се, его же Богъ почти, азъ створил ему отпасти Бога, и се нынѣ плачь ему налѣзохъ". И плакастася по Авели лѣт 30, и не съгни тѣло его; и не умяста его погрести. И повелѣньемь Божьимь птенца 2 прилетѣста, единъ ею̀ умре, единъ же ископа яму, и вложи умершаго, и погребе ѝ. Видѣвша же се Адамъ и Евга, ископаста яму, и вложиста Авеля, и погребоста *ѝ*[30] съ плачемъ. Быв же Адамъ лѣт 200 и 30 роди Сифа и 2 *дщери*,[31] и поя едину Каинъ, а другую Сифъ, и от того человѣци расплодишася и умножишася по земли.

И не познаша створьшаго я̀, исполнишася блуда, и всякоя нечистоты, и убийства, и зависти,[32] живяху скотьски человѣци. Бѣ Ной единъ праведенъ в родѣ семь. И роди 3 сыны: Сима, Хама, Афета. И рече Богъ: „Не[33] имать духъ мой пребывати в человѣцѣхъ", и рече: „Да потреблю, его же створихъ, от человѣка до скота". И рече Господь Богъ Ноеви: „Створи ковчегъ в долготу локоть 300, а в ширину 80, а възвышие 30 локотъ": *египти бо*[34] локтемъ сажень зовуть. Дѣлаему же ковчегу за 100 лѣт, и повѣдаше Ной, яко быти потопу, и посмѣхахуся ему. Егда сдѣла ковчегъ, и рече Господь Ноеви: „Вълѣзи ты, и жена твоя, и сынове твои, и снохи твои, *и*[30] въведи к собѣ по двоему от всѣх скотъ, и от всѣх птиць, и от всѣх гадъ". И въведе Ной, яже заповѣда ему Богъ. Наведе Богъ потопъ на землю, потопе всяка плоть, и ковчегъ плаваше на водѣ. Егда же посяче вода, изълѣза Ной, и сынове его, и жена его. От сихъ расплодися земля. И быша человѣци мнози *и*[3] единогласни, и рѣша другъ къ другу; „Съзижемъ столпъ до небесе". Начаша здати, *и бѣ старешина Неврод*,[3] и рече Богъ: „Се умножишася человѣци и помысли их суетьни". И сниде Богъ, и размѣси языки на 70 и 2 языка. Адамовъ же бысть языкъ не *отъятъ*[35] у Авера: *той*[36] бо единъ *не*[3] приложися къ безумью их, рекъ сице: „Аще бы человѣкомъ Богъ реклъ на небо столпъ дѣлати, то повелѣлъ бы самъ Богъ словомъ, яко же створи небеса, землю, море, вся видимая и невидимая". Сего ради того языкъ не преме*нися*;[37] от сего суть еврѣи. На 70 и единъ языкъ раздѣлишася, и разидошася по странамъ, и кождо своя норовы прияша. По дьяволю *на*учению[38] ови рощениемъ,[39] кладеземъ и рѣкамъ жряху, и не познаша Бога. От Адама же и до потопа лѣт 2242, а от потопа до раздѣленья языкъ лѣт 529. Посемь же дьяволъ в болшее прельщенье вверже человѣки, и начаша кумиры творити, ови древяны, ови мѣдяны, а друзии мрамаряны, а иные златы и сребрены, *и*[3] кланяхуся *имъ*,[3] и привожаху сыны своя и дъщери, и зака*лаху* предъ[40] ними, и бѣ вся земля осквернена. Начаникъ бо бяше кумиротворенью Серу*хъ*,[41] творяш*еть*[42] бо кумиры во имяна мертвыхъ человѣкъ, овѣмъ бывшимъ царемъ, другомъ храбрымъ, и волъхвомъ, и женамъ *прелюбодѣ*ицамъ.[43] Се же Серухъ роди Фару,[44] Фара же роди 3 сыны: Аврама, и Нахора, *и*[3] Арона. Фара же твор*яше*[45] кумиры, навыкъ у отца своего. Аврамъ же, приш*едъ*[46] въ умъ,[47] возрѣ на небо, и видѣ звѣзды и небо, и рече: „Воистину *той*[48] есть Богъ, *иже*[49] сотвори*лъ*[50] *небо и землю*, *а*[51] отець мой прельщаеть человѣки". И рече Аврамъ: «Искушю Бог*а отца*[52] своего"; и рече: „Отче! Что прельщаеши человѣки, творя кумиры древяны? той[48] есть Богъ, иже створи небо и землю". Приимъ Аврамъ огнь, зажьже идолы въ храминѣ. Видѣвъ же Аронъ, брат Аврамовъ, ревнуя по идолѣх, хотѣ[53] вымчати идолы, а самъ съгорѣ ту Аронъ, и умре пред отцемъ. Предъ симъ бо не бѣ умиралъ сынъ предъ отцемь, но отець предъ сыномъ, от сего начаша умирати сынове предъ отц*и*.[54] Возлюби Богъ Аврама, и рече Богъ Авраму: „Изиди из дому отца своего в землю, в ню же ти покажю, и створю тя въ языкъ великъ, благословять тя колѣна земьная". И створи Аврамъ, якоже заповѣда ему Богъ. И поя Аврамъ сыновца своего Лота, — бѣ бо ему Лотъ шюринъ и сыновець, бѣ бо Аврамъ поялъ братьню *дщерь*[55] Ароню, Сару. И приде в

землю Хананѣйску къ дубу высоку, и рече Богъ ко Авраму: „Сѣмени твоему дамь землю сию". И поклонися Аврамъ Богу, Аврамъ же *бяше*[56] лѣтъ 70 и 5, егда изиде от Харaона. Бѣ же Сара неплоды, болящи неплодскимь. Рече Сара Авраму: „Влѣзи къ рабѣ моей". И поемши Сара Агарь, въдасть ю мужю своему, и *влѣзе*[57] Аврамъ к Огари. Зачатъ и роди сына Агарь, и прозва *й*[58] Аврамъ Измаиломь; Аврамъ *бѣ*[59] лѣт 80 и 6, егда родися Измаилъ. Посем же заченши Сара роди сына, и нарече имя ему Исакъ. И повелѣ Богъ Авраму обрѣзати отроча, и обрѣза й въ 8 день. Возлюби Богъ Аврама и племя его, и нарече я в люди себе, и отлучи я от языкъ, нарекъ я люди своя. Сему же Исаку възмогъшю, Авраму же жившю, лѣт 100 и 70 и 5, и умре, и погребенъ бысть. Исаку же бывшю лѣт 60, и роди 2 сына, Исава и Якова. Исавъ же бысть лукавъ, а Яковъ праведенъ. *Сей*[60] же Яковъ работа у уя своего изо *дщери*[61] его изъ меньшеѣ лѣт 7, и не дасть ему ея *Лаванъ*,[62] уй его, рекъ: „Старейшюю[63] поими». И вдасть ему Лию, старѣйшюю, а изъ другоѣ реклъ ему: „*Работай*[64] другую 7 лѣт". Онъ же работа другую 7 лѣт изъ Рахили. И поя собѣ 2 сестреници, от нею же роди 8 сыновъ: Рувима, Семевона, Львгию, Июду, Изахара, и Заулона, Иосифа и *Веньамина*,[65] и от робу двою: Дана, Нефталима, Гада и Асира. И от сихъ расплодишася жидове. Ияковъ же сниде въ Еюпетъ, сый лѣт 100 и 30, с родомъ своимъ, числомъ 60 и 5 душь. Поживе же въ Еюптѣ лѣт 17, и успе, и поработиша племя его за 400 лѣтъ. По сихъ же *лѣтехъ*[66] възмогоша людье жидовьстии, и умножишася, и насиляху имъ еюптяне работою. В си же времяна родися Моисѣй въ жидѣхъ, *и рѣша волъсви египетьстии царю*: „*Родился есть дѣтищъ въ жидѣхъ*,[3] иже хощеть погубити Еюпетъ". Ту абье повелѣ царь ражающаяся дѣти жидовьския въметати в рѣку. Мати же Моисѣева, убоявшися сего губленья, вземши младенець, вложи й в карабьицю и несъши постави в лузѣ. В се же время сниде *дъщи* фараонова Ферьмуфи купатся, видѣ отроча плачюще, взя è, и пощадѣ *è*,[3] и нарече имя ему Моисѣй, и вскорми *è*.[3] Бысть отроча красно, и бысть лѣт 4, и приведе *й*[30] дъщи фараоня ко отцю своему. Видѣвъ же Моисѣя фараонъ нача любити отроча. Моисий же, хапаяся за шию, срони вѣнець съ главы царевы, и попра й. Видѣвъ же волъхвъ, и рече цареви: „О царю! Погуби отроча се; аще ли не погубишь, имать погубити всего Еюпта". И не послуша его царь, но паче повелѣ не погубити дѣтий жидовьских. Моисѣеви же възмогъшю, бысть великъ в дому фараони. Бывшю цареви иному, взавидѣша ему боляре. Моисий же, убивъ еюптянина, обидящаго еврѣянина, бѣжа изъ Еюпта, и приде в землю Мадьямьску,[67] и ходя по пустыни, и научися от ангела Гаврила о бытьи всего мира, и о первѣмь человѣцѣ, *и*[3] яже суть была по немъ *и*[3] по потопѣ, и о смѣшеньи языкъ,[68] аще кто *колико*[69] лѣтъ былъ, звѣздное хоженье и число, землену мѣру и всѣку мудрость. Посем же явися ему Богъ в купинѣ огнемь, и рече ему: „Видѣхъ бѣду людий моихъ въ Еюптѣ, и *низълѣзохъ*[70] изяти я от руки еюпетьски, извести я от земля тоя. Ты же *иди к*[71] фараону, царю еюпетьску, и речеши ему: «Испусти Израиля; да три дни положать требу[72] Богу». Аще не послушаеть тебе царь еюпетьский, побью й всѣми чюдесы моими". Пришедшю Моисѣеви, не послуша *его*[3] фараонъ, и попусти

Богъ 10 казний *на*[3] фараона: 1. рѣки въ кровь; 2. жабы; 3. мышьцѣ; 4. песья мухи;[73] 5. смерть на скотъ; 6. прыщьеве горющи;[74] 7. градъ; 8. прузи; 9. тьма 3[75] дни; 10. моръ в человѣцѣхъ. Сего же ради 10 казний бысть на нихъ, яко 10 мѣсяць топиша дѣти жидовьски. Егда же бысть моръ въ Еюптѣ, рече фараонъ Моисѣеви и брату его Арону: „Отъидѣта въскорѣ". Моисий же, събравъ люди жидовьския, поиде от землѣ Еюпетьски. И ведяше я̀ Господь путемъ по пустыни къ Черьмному морю, и предъидяше предъ ними нощью столпъ огненъ, а въ день — облаченъ. Слышавъ же фараонъ, яко бѣжать людье, погна по них, и притисну я̀[76] къ морю. Видѣвъше же людье жидовьстии, воспиша на Моисѣя, ркуще: „Почто изведе ны на смерть?". И възопи[77] Моисѣй къ Богу, и рече Господь: „Что вопьеши ко мнѣ? Удари жезломъ в море". Створи Моисѣй тако, и раступися вода надвое, и вънидоша сынове Израилеви в море. Видѣвъ же фараонъ, погна по них, сынове же Израилеви преидоша по суху. Яко излѣзоша на брегъ, и съступися море о фараонѣ и о воихъ его. И возлюби Богъ Израиля, и идоша от моря 3 дни по пустыни, и придоша в Меренъ. Бѣ ту вода горка, и възропташа людье на Бога, и показа имъ Господь древо, и вложи Моисѣй въ воду, и усладишася воды. Посем же паки возропташа на Моисѣя и на Арона, рькуще: „Луче[78] ны бяше въ Еюптѣ, *идеже*[79] ядяхомъ мяса, лукъ и хлъбы до сыти". И рече Господь къ Моисѣеви: „Слышахъ гугнанье сыновъ Израилевъ", и вдасть имъ ман*ну*[80] ясти. Посемь же дасть имъ законъ на горѣ Синайстѣй. Моисѣеви въшедшю на гору къ Богу, они же, сольявше телчю главу, поклонишася аки Богу, ихъ же Моисий *иссѣче* 3 тысяч*и*.[81] И посемъ паки возрqпта*ша*[82] на Моисѣя и Арона, *еже*[83] не бысть воды. И рече Господь къ Моисѣеви: „Удари жезломъ въ камень", рекъ: „Еда и-сего не испустиве воды?". И разъгнѣвася Господь на Моисѣя, яко не възвеличи Господа, и не вниде в землю обѣтованую сего ради, роптанья онѣхъ ради, но възведе ѝ на гору Вамьску, и показа ему землю обѣтованую. И умре Моисий ту на горѣ. И прия власть Иисусъ Навгинъ; се приде в землю обѣтованую, и изби Хананѣйско племя, и всели в нихъ мѣсто сыны Израилевы. Умершю же Иисусу, бысть судья в него мѣсто Июда; и инѣхъ судий бысть 14. При *нихъ*[84] же, забывше Бога, изъведшаго я̀ изъ Еюпта, начаша служити бѣсомъ. И разъгнѣвася Богъ, предаяшеть я̀ иноплеменьникомъ на расхищенье. Егда ся нач*ина*ху[85] каяти, и помиловашеть их; егда избавяшеть ихъ, паки укланяхуться на бѣсослуженье. По сих же судяше Илий жрець, и *по*[3] семь Самоилъ пророкъ. И рѣша людье Самоилу: „Постави намъ царя". И разъгнѣвася Господь на Израиля, и постави над нимъ царя Саула. Таче Саулъ не изволи ходити в законѣ Господни, и избра Господь Давыда, и постави царя надъ Израилемъ, и угоди Давыдъ Богу. Сему Давыду кляся Богъ, яко от племене его родитися Богу. Первое нача пророчествовати о воплощеньи Божьѣ, рекъ: „И-щрева преже деньница родих тя". Се же пророчествова лѣт 40, и умре. И по немъ пророчествова сынъ его Соломанъ, иже възгради церковь Богу, и нарече ю̀ Святая Святыхъ. И бысть мудръ, но наконець поползеся; царьствовавъ лѣт 40 и умре. По Соломанѣ же царствова сынъ его Ровамъ. При семь раздѣлися царство надвое жидовьско: въ Ерусалимѣ едино, а друго*е*[86] в Самарии.

В Самарии же царьствова Иеровамъ, холопъ Соломань, иже створи двѣ *коровѣ*[87] златѣ, постави едину въ Вефилѣ на холмѣ, а другую въ Еньданѣ, рекъ: „Се бога твоя, Израилю". И кланяхуся людье, а Бога забыша. Таче и въ Ерусалимѣ начаша забывати Бога и покланятися Валу, рекъше ратьну богу, еже есть Орѣй, и забыша Бога отець своих. И нача Богъ посылати к нимъ пророки. Пророци же начаша обличати я̑ о безаконьи их и служеньи кумиромъ. Они же начаша пророки избивати, обличаеми от них. Разъгнѣвася Богъ на Израиля, и рече: „Отрину от себе, призову ины люди, иже мене послушають. Аще согрѣшать, и не помяну безаконья их". И нача посылати пророки, глаголя имъ: „Прорицайте о отверженьи жидовьстѣ и о призваньи странъ".

Первое же нача пророчествовати Осѣй, глаголя: „Преставлю царство дому Израилева... Съкрушю лукъ Израилевъ... И не приложю помиловати паки дому Израилева, но отмѣтая, отвергуся их", глаголеть Господь, „*И будуть*[88] блудяще въ языцѣх". Иеремѣя же рече: „Аще станеть Самоилъ и Моисѣй... не помилую ихъ". Паки *той*[89] же Иеремия рече: „Тако глаголеть Господь: «Се, кляхся имянемь моимь великомь... аще *будетъ*[90] имя мое имянуемо отселе гдѣ в вустѣхъ июдѣйских»". Иезикииля же рече: „Тако глаголеть Господь *Аданаи*:[91] «Расъсѣю вы, вся останки ваша во вся вѣтры... Зане святая моя оскверністе всѣми негодованьи твоими; азъ же тя отрину... и не имамъ тя помиловати паки»". Малахѣя же рече: „Тако глаголеть Господь: «Уже[92] нѣсть ми хотѣнья у васъ... Понеже от въстока и до запада имя мое прославися въ языцѣх, на всякомь мѣстѣ приноситься кадила имяни моему и жертва чиста, зане велье имя мое въ языцѣхъ. Сего ради дамъ вас на поносъ и на пришествие во вся языки»". Исая же великий рече: „Тако глаголеть Господь: «Простру руку свою на тя, истлю тя, и расѣю тя, паки не приведу тя»". И паки *той*[89] же рече: „Возненавидѣх праздники ваша и начатки мѣсяць ваших, суботъ вашихъ не приемлю". Амосъ же пророкъ рече: „Слышите[93] слово Господне: «Азъ приемлю на вы плачь, домъ Израилевъ падеся, и не приложи въстати»". Малахия же рече: „Тако глаголеть Господь: «Послю на вы клятву, и проклену благословенье ваше... разорю, и не будеть в васъ»". И много пророчествоваша о отверженьи их.

Сим же пророкомъ повелѣ Богъ пророчествовати о призваньи инѣх странъ въ нихъ мѣсто. Нача звати Исаия, тако глаголя: „Яко законъ от мене *изидеть*,[94] и судъ мой свѣтъ странамъ. Приближается скоро правда моя, изидеть..., и на мышцю мою страны уповають". Иеремия же рече: „Тако глаголеть Господь: «Положю дому Июдину завѣт новъ... Дая законы в *разумѣния*[95] их, и на сердца ихъ напишю, *и*[3] буду имъ Богъ, и ти будуть мнѣ в люди»". Исаия же рече: „Ветхая мимо идоша, а новая възвѣщаю, — преже възвѣщанья явлено бысть вамъ. Пойте Богу пѣснь нову". „Работающимъ *ми*[3] прозовется имя ново, *еже*[96] благословится по всей земли". „Домъ мой домъ молитвѣ прозовется всѣмъ языкомъ". *Той*[89] же Исаия глаголеть: „Открыеть Господь мышцю свою святую предо всѣми языки, и узрять вси концi земля спасенье от Бога нашего". Давыдъ *же*:[97] „Хвалите Господа вси языци, и похвалите его вси людье".

Тако Богу возлюбившю новыя люди, рекъ имъ снити к нимъ самъ, явитися человѣкомъ плотью и пострадати за Адамово преступленье. И начаша прорицати о воплощеньи Божьи, первое Давыдъ, глаголя: „Рече Господь Господеви моему: «Сяди одесную мене, дондеже положю враги твои подъножью ногама *твоима*»".[98] И паки: „Рече Господь ко мнѣ: «Сынъ мой еси ты, азъ днесь родихъ тя»". Исая же рече: „Ни солъ, ни вѣстникъ, но самъ Богъ пришедъ спасет ны". И паки: „Яко дѣтищь родится намъ, ему же бысть начало на рамѣ его, и прозовется *имя его*[99] велика свѣта ангелъ... Велика власть его, и миру его нѣсть конца". И паки: „Се дѣвица въ утробѣ зачнеть, и прозов*уть* имя ему Емман*у*илъ".[100] Михѣя же рече: „Ты Вифлевоме, доме Ефрантовъ, *еда не мъногъ* еси[VIII, 1] быти в тысящахъ Июдовахъ? ис тебе бо изидеть старѣйшина быти въ князехъ во Израили, исходъ его от дний вѣка. Сего ради дасться до времяне ражающая родить, и прочии от братья его обратятся н*а*[2] сыны Израилевы". Иеремия же рече: „С*ь*[3] Богъ нашь, и не вмѣнится ин*ъ*[4] к нему. Изобрѣте всякъ путь художьства, *и*[5] дасть Иякову отроку своему... По сих же явися на земли, и съ человѣки поживе". И паки: „Человѣкъ есть: кто увѣсть, яко Богъ есть? яко человѣкъ умираеть". Захарья же рече: „Не послушаша сына моего, и не услышю их, глаголеть Господь". И Осѣй рече:[6] „*Тако глаголеть Господь: плоть*[5] моя от нихъ".

Прорекоша же и страсти его, рекуще, яко же рече Исая: „У лютѣ души ихъ! понеже свѣтъ золъ свѣщаша, рькуще: свяжемъ праведника". И паки т*ой*[7] же рече: „Тако глаголеть Господь «... Азъ не супротивлюся, *ни*[8] глаголю противу. Хребетъ мой дахъ на раны, а ланитѣ мои на заушенье, и лица своего не отвратих от стыдѣнья заплеван*иа*»".[9] Иеремия же рече: „Придѣте, вложимъ древо въ хлѣбъ его, истребимъ от земля животъ его". Мо*исѣй*[10] же рече о распятьи его: „Узрите жизнь вашю висящю предъ очима вашима". *И Давыдъ рече*:[5] „Въскую шаташася языци". Исая же рече: „Яко овца на заколенье веденъ бысть". Ездра же рече: „Благословенъ Богъ, руцѣ распростеръ свои, спасъ *Ярусалима*".[5]

И о воскресеньи рекъша, Давыдъ: „Въстани, Боже, суди земли, яко ты наслѣдиши во всѣх странахъ". И паки: „Въста, яко спяй, Господь". *И*[5] паки: „Да воскреснеть Богъ, и да разидутся врази его". И паки: „Воскресни, Господи Боже мой, да вънесется рука твоя". Исая же рече: „Сходящ*еи*[11] въ страну и сѣнь смертную, свѣть восияеть на вы". Захарья же: „И т*ы*[12] въ крови завѣта твоего испустилъ еси *ужники*[13] своя ото рьва, не имуща воды".

Много пророчествоваш*а*[14] о немь, еже сбысться все».

Рече же Володимеръ: «То в[5] кое время сбысться? И было ли се есть? Еда ли топерво хощ*еть*[15] быти се?». Онъ же отвѣщавъ рече ему, яко «*Уже*[16] преже сбысться все, егда Богъ воплотися. Яко же бо преже рекохъ, жидомъ пророки избивающимъ, царемъ ихъ законы преступающимъ, предасть ѝ в расхищенье, и въ плѣнь ведени быша во Осурию, грѣхъ ихъ ради, и работаша тамо лѣт 70. И посемь възратишася в землю свою, и не бѣ у нихъ царя, но архиерѣи обладаху ими до Ирода иноплеменьника, иже облада ими.

В сего *же*[16а] власть, въ лѣто 5500, посланъ бысть Гаврилъ в Назарефъ къ дѣвицѣ Марьи, от колѣна Давыдова, рещи ей: „Радуйся, обрадованая, Господь с тобою!". И от слова сего зачатъ слово Божье в вутробѣ, и породи сына, *и*[5] нарече имя ему Иисусъ. И се волъсви придоша от въстока, глаголюще: „Кде есть рожийся царь жидовескъ? Видѣхомъ бо звѣзду его на въстоцѣ, и придохомъ поклонитися ему". Услышавъ же се царь *И*родъ[17] смя*тет*ся,[17а] и весь Ерусалимъ с нимъ, призвавъ книжники и старци людьския, и въпраша их: „Кде Христосъ ражается?". Они же рѣша ему: „Въ Вифлевомѣ жидовьстѣмь". Иродъ же, се слышавъ, посла, рекъ: „Избийте младенца сущая 2 лѣт". Они же, шедше, избиша младенца. Марья же, убоявшися, съкры отроча. Иосифъ же съ Марьею, поимъ отроча, бѣжа въ Еюпетъ, и бысть *ту*[18] до умертвия Иродова. Въ Еюпте же явися ангелъ Иосифу, глаголя: „Въставъ пойми отроча и матерь его, иди в землю Израилеву". Пришедъшю же ему, вселися в Назарефъ. Възрастъшю же ему и бывшю лѣт 30, нача чюдеса творити и проповѣдати царство небесное. И избра 12, яже ученик*ы*[19] собѣ нарече, и нача чюдеса велика творити, мертвыя въскрешати, прокаженыя очищати, хромыя ходити, слѣпымъ прозрѣнье творити, и ина многа чюдеса велья, яко же быша пророци прорекли о нѣмь, глаголюще: „То недуги наша ицѣли, и болѣзни подъя". И крестися[20] въ Ерданѣ от Йоана, показа новымъ людемъ обновленье. Крестившю же ся ему, и се отверзошася небеса, и Духъ сходящь зракомъ голубинымъ на нь, и гласъ глаголя: „Се есть сынъ мой възлюбленый, о нем же благоизволих". *И*[5] пос*ы*лаше[21] ученики своя проповѣдати царство небесное, покаянье в оставленье грѣховъ. Хотя исполнити пророчество, и нача проповѣдати, яко подобаеть сыну человѣчьскому пострадати, распяту быти и въ третий день воскреснути. Учащю же ему в церкви, архиерѣи и[22] книжници исполнишася зависти, искаху убити ѝ, и имъше ѝ, ведоша къ гѣмону Пилату. Пилатъ же, испытавъ, яко без вины приведоша ѝ, хотѣ испустити ѝ. Они же рѣша ему: „Аще сего пустиши, не имаши быти другъ кесареви".[23] Пилатъ же повелѣ, да ѝ распнуть. Они же, поимше Иисуса, ведоша на мѣсто краньево, *и*[5] распяша ѝ ту. Бысть тьма по всей земли от 6-го часа до 9-го, и при девятом часѣ испусти духъ Иисусъ. Церковная запона раздрася надвое, мертвии всташа мнози, имъ же повелѣ в рай ити. Сънемше ѝ со креста, положиша ѝ въ гробѣ, и печатьми запечатьлѣша гробъ люди жидовьстии, стражи поставиша, рькуще: „Еда украдуть ѝ ученици его". Онъ же въ 3-й день воскресе. Явися ученикомъ воскресъ из мертвыхъ, рекъ имъ: „Идѣте во вся *языкы*,[24] и научите вся страны крес*тяще*[25] во имя Отца и Сына и Святаго Духа". Пребысть с ними 40 дний, являяся имъ по воскресеньи. Егда исполнися 40 дний, повелѣ имъ ити в гору Елевоньскую. И ту явися имъ, благословивъ я̀, и рече имъ: „Сядѣте въ градѣ Ерусалимѣ, дондеже послю обѣтованье отца моего". И се рекъ, възношашеся на небо. Они же поклонишася ему. *И*[5] възъвратишася въ Ерусалимъ, и бяху воину в церкви. Егда кончашася дн*ие*[26] 5-десятьнии, сниде Духъ Святый на апостолы. Приимше обѣтованье Святаго Духа, и разидошася по вселенѣй, учаще и крестяще водою».

Рече же Володимеръ: «Что ради от жены родися, и на древѣ распятся, и водою крестися?». Он же рече ему: «Сего ради, понеже иперва родъ

человѣческий женою съгрѣши, дьяволъ прельсти Евгою Адама, и отпаде рая; тако же и Богъ, отместье дая дьяволу, женою первое[27] побѣженье бысть дьяволу, женою бо первое испаде Адамъ из рая; от жены же воплотився Богъ повелѣ в рай внити вѣрнымъ. А еже на древѣ распяту быти, сего ради, яко от древа вкушь и испаде породы; Богъ же на древѣ страсть прия, да древомь дьяволъ побѣженъ будеть, и от древа животьнаго приимуть праведнии. А еже водою обновленье, понеже при Нои умножившемъся грѣхомъ в человѣцѣхъ, наведе Богъ потопъ на землю, и потопи человѣки водою, сего ради рече Богъ: „Понеже погубих *водою*[28] человѣки грѣхъ ихъ ради, ныне же паки водою очищю грѣхи человѣкомъ, обновленьемь водою"; ибо жидовьский род в мори очистишася от еюпетьскаго злаго нрава, понеже вода изначала бысть первое, рече бо: Духъ Божий ношашеся верху воды; еже бо и нынѣ крестяться водою и Духомь. Преображен*ие*[29] бысть первое водою, яко же Гедивонъ преобрази посемь. Егда приде к нему ангелъ, веля ему ити на мадимьянъ, он же, искушая, рече къ Богу, *положю*[30] руно на гумнѣ, рекъ: „Аще будеть по всей земли роса, а на рунѣ суша...". И бысть тако. Се же преобрази, яко иностраньни бѣша преже суша, а жидове руно, послѣже на странахъ роса, еже есть[31] святое крещенье, а на жидѣх суша. И пророци проповѣдаша, яко водою обновлен*ье*[32] будеть. Апостоломъ же учащемъ по вселенѣй вѣровати Богу, их же ученье *мы*,[33] грьци, *прия*хомъ,[34] вселеная вѣруеть[35] ученью их. Поставилъ же есть Богъ единъ день, в не же хощет судити, пришедъ с небесе, живымъ и мертвымъ, и въздати комуждо по дѣломъ его: праведнымъ царство небесное, и красоту неизреченьну, веселье бес конца, и не умирати въ вѣки; грѣшникомъ мука огнена, и червь неусыпаяй, и муцѣ не будеть конца. Сица же будуть мученья, иже не вѣруеть къ Богу нашему Иисусу Христу: мучими будуть в огни, иже ся не крестить».

И се рекъ, показа Володимеру запону, на ней же бѣ написано судище Господне, показываше ему о десну праведныя в весельи предъидуща въ рай, а о шююю грѣшники идуща в муку. Володимеръ же вздохнувъ, рече:«Добро симъ о десную, горе же симъ о шююю». Онъ же рече: «Аще хощеши о десную съ праведными стати, то крестися». Володимеръ же положи на сердци своемъ, рекъ: «Пожду и еще мало», хотя испытати о всѣх вѣрахъ. Володимеръ же, сему дары многи вдавъ, отпусти и̂ с честью великою.

987 Въ лѣто 6495. Созва Володимеръ боляры своя и старци градьскиѣ, и рече имъ: «Се приходиша ко мнѣ болгаре, рькуще: „Приими законъ нашь". Посемь же приходиша нѣмци, и ти хваляху законъ свой. По сихъ придоша жидове. Се же послѣже придоша грьци, хуля*ще*[36] вси законы, свой же хваля*ще*,[37] и много глаголаша, сказающе от начала миру, о бытьи всего мира. Суть же хитро сказающе, и чюдно слышати их, любо комуждо слушати их, и другий свѣтъ повѣдають быти: да аще кто, дѣеть, в нашю вѣру ступить, то паки, умеръ, *въ*станеть,[38] и не умрети ему в вѣки; аще ли в-ынъ законъ ступить, то на ономъ свѣтѣ в огнѣ горѣти. Да что ума придасте? что отвѣщаете?». И рѣша бояре и старци: «Вѣси, княже, яко своего никто же не хулить, но хвалить. Аще хощеши испытати гораздо, то имаши у собе мужи: пославъ испытай когождо их службу, и *кто*[5] како служить Богу». И

бысть люба рѣчь князю и всѣмъ людемъ; избраша мужи добры и смыслены, числомъ 10, и рѣша имъ: «Идѣте первое в болгары и испытайте вѣру[39] их». Они[40] же идоша, и пришедше видѣша скверньная дѣла и кланянье в ропати; придоша в землю свою. И рече имъ Володимеръ: «Идѣте паки в нѣмци, съглядайте такоже, и оттудѣ идѣте въ греки». Они же придоша в нѣмци, и съглядавше церковную службу их, придоша Царюгороду, и внидоша ко царю. Царь же испыта, коея ради вины придоша. Они же исповѣдаша ему вся бывшая. Се слышавъ царь рад бывъ, и честь велику створи имъ въ *той*[41] же день. Наутрия посла къ патреарху, глаголя сице: «Придоша Русь, пытающе вѣры нашея, да пристрой церковь и крилос, и самъ причинися в святительския ризы, да видять славу Бога нашего». Си слышавъ патреархъ повелѣ *созвати*[42] крилосъ, по обычаю створиша праздникъ, и кадила вожьгоша, пѣнья и лики съставиша. И иде с ними в церковь, и поставиша ѧ̀ на пространьнѣ мѣстѣ, показающе красоту церковную, пѣнья и службы архиерѣйски, престоянье дьяконъ, сказающе имъ служенье Бога своего. Они же во изумѣньи бывше, удивившеся, похвалиша службу ихъ. И призваша ѧ̀[43] царя Василий и Костянтинъ, рѣста имъ: «Идѣте в землю вашю», и отпустиша ѧ̀ с дары велики и съ честью. Они же придоша в землю свою. И созва князь боляры своя и старца, рече Володимеръ: «Се придоша послании нами мужи, да слышимъ от нихъ бывшее», и рече: «Скажите пред дружиною». Они же рѣша яко «Ходихом въ Болгары, смотрихомъ, како ся покланяють въ храмѣ, рекше в ропати, стояще бес пояса; поклонився сядеть, и глядить сѣмо и онамо, яко бѣшенъ, и нѣсть веселья в них, но печаль и смрадъ великъ. Нѣсть *добръ*[44] законъ ихъ. И придохомъ в Нѣмци, и видѣхомъ въ храмѣх многи службы творяща, а красоты не видѣхомъ никоеяже. И *придохомъ*[45] же въ Греки, и ведоша ны, идеже служать Богу своему, и не свѣмы, на небѣ ли есмы были, ли на земли: нѣсть бо на земли такаго вида ли красоты такоя, и не доумѣемъ бо сказати; токмо то вѣмы, яко онъдѣ Богъ с человѣки пребываеть, и есть служба их паче всѣхъ странъ. Мы убо не можемъ забыти красоты тоя, всякъ бо человѣкъ, аще *вкусить*[46] сладка, послѣди горести не приимаеть, тако и мы не *имамъ*[47] сде быти». Отвѣщавше же боляре *рекоша*:[48] «Аще бы лихъ законъ гречьский, то не бы баба твоя прияла, Ольга, яже бѣ мудрѣйши всѣх человѣкъ». Отвѣщавъ же Володимеръ, рече: «*Гдѣ*[49] крещенье приимемъ?». Они же рекоша: «Гдѣ ти любо». И минувшю лѣту.

В лѣто 6496, иде Володимеръ съ вои на Корсунь, град гречьский, и 988
затворишася корсуняне въ градѣ. И ста Володимеръ об онъ полъ города в лимени, дали града *стрѣлище*[50] едино, и боряхуся крѣпко изъ града. Володимеръ же обьстоя градъ. Изнемогаху въ градѣ людье, и рече Володимеръ къ гражаномъ: «Аще ся не вдасте, имамъ стояти и за 3 лѣта». Они же не послушаша того. Володимеръ же изряди во*а* сво*а*,[51] и повелѣ *приспу сыпати*[52] къ граду. Симъ же *спущимъ*,[53] корсуняне, подъкопавше стѣну градьскую, крадуще сыплемую перьсть, и ношаху к собѣ въ градъ, сыплюще посредѣ града. Воини же присыпаху боле, а Володимеръ стояше. И *се*[5] мужь корсунянинъ стрѣли, имянемъ Настасъ, напсавъ сице на стрѣлѣ: «Кладязи, яже суть за тобою от въстока, ис того вода идеть по трубѣ,

копавъ переими». Володимеръ же, се слышавъ, возрѣвъ на небо, рече: «Аще се ся сбудеть, и самъ ся крещю». И ту абье повелѣ копати преки трубамъ, и преяша воду. Людье изнемогоша водною жажею и предашася. Вниде Володимеръ въ град и дружина его, и посла Володимеръ ко *царема*,[54] Василью и Костянтину, глаголя сице: «Се град ваю славный взях; слышю же се, яко сестру имата дѣвою, да аще еѣ не вдаста за мя, створю граду вашему, якоже и сему створих». И слыша*вша*[55] царя, быста печальна, *и*[5] въздаста вѣсть, сице глаголюща: «Не достоить хрестеяномъ за поганыя даяти.[56] Аще ся крестиши, то и се получишь, и царство небесное приимеши, и с нами единовѣрникъ будеши. Аще ли сего не хощеши створити, не можемъ дати сест*ры*[57] своее за тя». Си слышавъ Володимеръ рече посланымъ от царю: «Глаголите царема тако: Яко азъ крещюся, яко испытахъ преже сихъ дний законъ вашь, и есть ми люб*а*[58] вѣра ваша и служенье, еже бо ми сповѣдаша послании нами мужи». И си слышавша царя рада быста, и умолиста сестру свою, имянемъ Аньну, и посласта къ Володимеру, глаголюща: «Крестися, и тогда послевѣ сестру свою к тобѣ». Рече же Володимеръ: «Да пришедъше съ сестрою вашею крестять мя». И послушаста царя *и*[5] посласта сестру свою, сановники нѣкия и прозвутеры. Она же не хотяше ити: «Яко в полонъ, — рече, — иду, луч*е*[59] бы ми сде умрети». И рѣста ей брат*а*:[60] «Еда како обратить Богъ тобою Рускую землю в покаянье, а Гречьскую землю избавишь от лютыя рати. Видиши ли, колько зла створиша Русь грекомъ? И нынѣ аще не идеши, то же имутъ створити намъ». И одва ю принудиша. Она же, сѣдъши в кубару, цѣловавши ужики своя съ плачемъ, поиде чресъ море. И приде къ Корсуню, и изидоша корсуняне с поклономъ, и въведоша ю въ градъ, и посадиша ю въ полатѣ. По Божью же устрою в се время разболѣся Володимеръ очима, и не видяше ничтоже, *и*[5] тужаше велми, *и не домышляшеться, что створити*.[5] И посла к нему царица, реку*щи*:[61] «Аще хощеши избыти болѣзни сея, то въскорѣ крестися, аще ли, то не имаши избыти недуга[5] сего». Си слышавъ Володимеръ рече: «Да аще истина будеть, то поистинѣ великъ Богъ будеть хрестеянескъ». И повелѣ хрестити ся. Епископъ же корсуньский с попы царицины, огласивъ, крести Володимира. Яко възложи руку на нь, абье прозрѣ. Видивъ же се Володимеръ напрасное исцѣленье, и прослави Бога, рекъ: «Топерво уведѣхъ[62] Бога истиньнаго». Се же видѣвше дружина его, мнози крестишася. Крести же ся в церкви святаго Василья, и есть церки та стоящи въ Корсунѣ градѣ, на мѣстѣ посреди града, идѣже торгъ дѣють корсуняне; полата же Володимеря съ края церкве стоить и до сего дне, а царицина полата за олтаремъ. По крещеньи же приведе царицю на браченье. Се же не свѣдуще право, глаголють, яко крестилъся есть в Киевѣ, *инии*[63] же рѣша: *в*[5] Василеве;[64] друзии же инако скажють. Крещену же Володимеру, предаша ему вѣру крестеяньску, рекуще сице: «Да не прельстять тебе нѣции от еретикъ, но вѣруй, сице глаголя:

„Вѣрую во единого Бога Отца, Вседержителя, творца небу и земли", до конца вѣру сию. И паки: „Вѣрую въ единого Бога Отца нерожена, и въ единого Сына рожена, въ един Святый Духъ исходя*щь*:[65] три собьства свершена, мыслена, раздѣляема числомъ и *собьствьнымъ собьствомь*,[66] а

не божествомъ,[67] *раздѣляеть бо ся не* раздѣлно,[68] и совкупляется неразмѣсно. Отець, Богъ Отець, присно сый пребываеть во отчьствѣ нероженъ, безначаленъ, начало и вина всѣмъ, единѣмъ *нероженьем*ъ[69] старѣй сый Сыну и Духови; от него же рожается Сынъ преже всѣх вѣкъ, исходить же Духъ Святый безъ времене и бес тѣла; вкупѣ Отець, вкупѣ Сынъ, вкупѣ Духъ Святый есть. Сынъ подобесущенъ[70] Отцю, роженьемь точью разньствуя Отцю и Духу. Духъ есть пресвятый, Отцю и Сыну подобно*сущенъ* и *соприсносущенъ*.[71] Отцю бо отецьство, сыну же сыновьство, Святому[72] же Духу исхоженье. *Ни*[73] Отець бо въ Сынъ ли въ Духъ преступа*еть*,[74] ни Сынъ во Отца и в Духа, *ни Духъ*[75] въ Сынъ ли во Отець; неподвижена бо свойствия... Не трее бози, единъ Богъ, поне*же*[76] едино Божество въ трехъ лицах. Хотѣньемь же Отца и Духа, свою спасти тварь, отческихъ ядръ, ихъ же не *от*ступи,[77] съшедъ и въ *дѣвичьское*[78] ложе пречистое, аки Божье сѣмя, вшедъ, плоть съдушну, словесну же и умну, не преже бывшю, приимъ, изиде Богъ воплощенъ, родися неизречьньнѣ и дѣвство мати схрани нетлѣньно, не смятенье, ни размѣшенье, ни измѣненья пострадавъ, но *пребывъ еже бѣ*,[79] бысть, еже не бѣ, приимъ рабий зракъ истиною, а не мечтаньемь, всячьски, развѣ грѣха, намъ подоб*енъ*[80] бывъ... Волею бо родися, волею взалка, волею вжада, волею трудися, волею устрашися, волею умре, истиною, а не мечтаньемь; вся естьс*твенаа*,[81] неоклеветаны страс*ти*[82] человѣчьства. Распять же ся, смерти вкуси безъгрѣшный, въскресъ въ своей плоти, не видѣвши истлѣнья на небеса взиде, и сѣде о десную Отца, придеть же паки съ славою судити живымъ и мертвымъ; якоже взиде съ свое*ю*[83] и плотью, тако сниде*ть*...[84] К симъ едино крещенье исповѣдаю водою и Духомь, приступаю къ пречистымъ таинамъ, вѣрою во истину тѣло и кровь... приемлю церковная преданья, и кланяюся честнымъ иконамъ, кланяюся древу честному, и всякому кресту, святымъ мощемъ, и святымъ съсудомъ.[85] Вѣрую[86] же и сед*му*[87] сборъ святыхъ отець, иже есть первый въ Никии 300 и 18, иже прокляша Арья, *и*[5] проповѣдаша вѣру непорочну и праву. Вторый сборъ в Костянтинѣградѣ святыхъ отець 100 и 50, иже прокля*ша*[88] Макидонья духоборьца *и*[5] проповѣдаша Троицю единосущну. Третий же сборъ въ Ефесѣ святыхъ отець 200 на Несторья, его же прокленше,[89] проповѣдаша святую Богородицю. Четвертый сборъ въ Халкидонѣ святыхъ отець 600 и 30 на Евтуха и Диоскора, ею же прокляша святии отци, исъгласивше *свершена Бога и*[5] свершена человѣка *Господа*[5] нашего Иисуса Христа. 5-й сборъ во Царѣградѣ святыхъ отець 100 и 60 и 5 на *Ори*генова[90] преданья и на Евагрия, их же прокляша святи отци. 6-й сборъ во Цариградѣ святыхъ отець 100 и 70 на Сергия и Кура, ихъ же прокляша святии отци. 7-й сборъ в Никии святыхъ отець 300 и 50, прокляша, иже ся не поклонять иконамъ".

Не преимай же ученья от латынъ, ихъ же ученье разъвращено: влѣзъше бо въ церковь, не поклонятся иконамъ, но стоя поклонится, и, поклонився, напишеть[91] крестъ на земли и цѣлуеть, въставъ простъ, станеть на немь нагами; да легъ цѣлуеть, а вставъ попирает. Сего бо апостоли не предаша; предали бо суть апостоли крестъ поставленъ цѣловать и иконы предаша. Лука бо еуангелистъ, первое напсавъ, посла в Римъ. Яко же глаголеть

Василий: „Икона *на*[92] первый образъ приходить". Паки же и землю глаголють материю.[93] Да аще имъ есть земля мати, то отецъ имъ есть небо, искони бо створи Богъ небо, таже землю. Тако глаголють: „Отче нашь, иже еси на небеси". Аще ли по сих разуму земля есть мати, то почто плюете на матерь свою? Да сѣмо ю лобъзаете, и паки оскверняете? Сего же преже римляне не творяху, но исправляху на всѣх сборѣхъ, сходящеся от Рима и от всѣх престолъ. На первомь бо сборѣ, *иже*[94] на Арья в Никѣи, от Рима Силевестръ посла епископы и презвутеры, от Олексаньдрѣя Офонаси, от Царягорода Митрофанъ посла епископы от себе тако исправляху вѣру. На второмь же зборѣ от Рима *Дамасъ*,[95] а от Олексанъдрия Тимофѣй, от Антиохия[96] Мелетий, Курилъ Ярусалимский, Григорий Богословецъ. На третьем же сборѣ *Келестинъ*[97] Римьский, Курилъ Олександрьский, Увеналий Ерусалимский. На четвертомь же сборѣ Левонтий *Римьскый*,[98] Анаталий Царягорода, Увеналий Ерусалимский. На пятомь сборѣ Римький *Вилигий*,[99] *Евтухий*[100] Царягорода, Аполинарий Олександрьский, Домнинъ Антио*хийскый*.[IX,1] На 6-мь сборѣ от Рима Агафонъ, Георгий[2] Царягорода, *Феофанъ*[3] Антио*хийскый*,[4] от *Александриа*[5] Петръ мнихъ. На 7-мь сборѣ Оньдреянъ от Рима, Тарасий Царяграда, Политианъ Олексаньдрьский, Федоритъ Антио*хийскый*,[6] Илья Ерусалимский. И си вси *со*[7] своими епископы сходящеся *исправляху*[8] *вѣру*.[9] По семь же сборѣ Петръ Гугнивый со инѣми шедъ в Римъ и престолъ въсхвативъ, и разъврати вѣру, отвергъся от престола Ярусалимска, и Олексаньдрьскаго, *и*[7] Царяграда и Онтиахийскаго. Възмутиша Италию всю, сѣюще ученье свое разно. Ови бо попове одиною женою оже*нивъ*ся[10] служать, а друзии до 7-ми женъ поимаю*че*[11] служать, их же блюстися ученья. Прощають же грѣхи на дару, еже есть злѣе всего. Богъ да схранить тя от сего».

Володимеръ же посемъ поемъ цари*цю*,[12] и Настаса, и попы корсуньски, с мощми святаго Климента и Фифа, ученика его, поима съсуды церковныя *и*[7] иконы на благословенье себѣ. Постави же церковь в Корсун*и*[13] на горѣ, *идѣ же*[14] съсыпаша средѣ града, кр*а*дуще,[15] приспу, яже церки стоить и до сего дне. Взя *же*[16] ида[17] мѣдянѣ[18] двѣ капищи, и 4 *кони*[19] мѣдяны, иже и нынѣ стоять за святою Богородицею, якоже невѣдуще мнять я мрамаряны суща. Вдасть же за вѣно грекомъ Корсунь[20] опять царицѣ дѣля, а самъ приде Киеву. Яко приде, повелѣ кумиры испровреци, овы *исѣщи*,[21] а другия огневи предати. Перуна же повелѣ привязати коневи къ хвосту[22] и влещи с горы по Боричеву на Ручай, 12 мужа[23] пристави тети жезльемь. Се же не яко древу чюющю, но на поруганье бѣсу, иже прелщаше симь образом человѣкы, да възмездье прииметь от человѣкъ. «*Велий еси, Господи, чюдна дѣ*ла *твоя!*». *Вчера чтимь от человѣкъ*,[24] а *днесь*[7] поругаемъ. Влекому же ему по Ручаю къ Днѣпру, плакахуся его невѣрнии людье, еще бо не бяху приял святаго крещенья. И привлекше, вринуша и въ Днѣпръ. И пристави Володимеръ, рекъ: «Аще кде пристанеть, вы[25] отрѣвайте его от берега; дондеже пороги проидеть, то тогда охабитеся его». Они же повелѣная створиша. Яко пустиша и проиде сквозѣ пороги, изверже и вѣтръ на рѣ*нь*,[26] и оттолѣ прослу Перу*ня*[27] Рѣнь, якоже и до сего дне словеть. Посемь же Володимеръ посла по всему граду, глаголя: «Аще не обрящеться

кто *заутра на*[7] рѣцѣ, богатъ ли, ли убогъ, или нищь, ли работникъ, противенъ мнѣ да будеть». Се слышавше людье с радостью идяху, радующеся и глаголюще: «Аще бы се не добро было, не бы сего князь и боляре прияли».[28] Наутрия же изиде Володимеръ с попы царицины и с корсуньскыми на Дънѣпръ, и снидеся бе-щисла людий. Влѣзоша в воду, и стаяху овы до шие, а друзии до персий, младии же *по перси*[7] от берега, друзии же млад*енци*[29] держаще, свершении же бродяху, попове же стояще молитвы творяху. И бяше си в*и*дѣти[30] радость на небеси и на земли, толико душь спасаемыхъ; а дьяволъ стеня глаголаше: «Увы[31] мнѣ, яко отсюда прогоним есмь! сде бо мняхъ жилище имѣти, яко сде не суть ученья апостольска, ни суть вѣдуще Бога, но веселяхъся о службѣ ихъ, еже служаху мнѣ. И се уже побѣженъ есмь от невѣгласа, а не от апостолъ, ни от мученикъ, не имам уже царствовати въ странах сихъ». Крестившим же ся людемъ, идоша кождо в домы своя. Володимеръ же радъ бывъ, яко позна Бога самъ и людье его, възрѣвъ на небо *рече*:[7] «Христе Боже, створивый небо и землю! призри на новыя люди сия, и дажь имъ, Господи, увѣдѣти тобе, истиньнаго Бога, яко же увѣдѣша страны хрестьяньскыя. Утверди и вѣру в них праву и несовратьну, и мнѣ помози, Господи, на супротивнаго врага, да, надѣяся на тя и на твою державу, побѣжю козни его». И се рекъ, повелѣ рубити церкви и поставляти по мѣстомъ, иде же стояху кумири. И постави церковь святаго Василья на холмѣ, иде же стояше кумиръ Перунъ и прочии, иде же творяху потребы князь и людье. И нача ставити по градомъ церкви и попы, и *люди*[32]на крещенье приводити по всѣмъ градом и селомъ. Пославъ, нача поимати у нарочит*ые*[33] чади дѣти, и даяти нача на ученье книжное. Матере же чадъ сихъ плакаху*ся*[34] по нихъ, еще бо не бяху ся утвердили вѣрою, но акы по мертвеци плакахся.

Сим же раздаяномъ на ученье книгамъ, събысться пророчество на Русьстѣй земли, глаголющее: «Во оны днии услышать глусии словеса книжная, и яснъ будеть языкъ гугнивых». Си бо не бѣша преди слышали словесе книжного, но по Божью строю и по милости своей помилова Богъ, яко же *рече*[7] пророкъ: «Помилую,[35] его же аще хощю».[36] Помилова бо ны «Пакы банею бытья и обновленьем духа», по изволенью Божью, а не по нашим дѣлом. Благословенъ Господь Иисус Христос, иже възлюби новыя люди, Русьскую землю, *и*[7] просвѣти ю крещеньем святымь. Тѣмь же и мы припадаем к нему, глаголюще: «Господи, Иисусе Христе! Что ти въздамы о всѣх, яже възд*аси*[37] нам, грѣшником намъ сущемъ? Недоумѣем противу даромъ твоим въздаянья въздати. „Велий бо еси и чюдна дѣла твоя, величью твоему нѣсть конца. В родъ и родъ вьсхвалить дѣла твоя". Реку же съ Давыдомь: „Придѣте, възрадуемъся Господеви, въскликнѣмъ Богу и Спасу нашему. Варимъ лице его въ исповѣданьемъ";[38] „Исповѣдающеся ему, яко благъ,[39] яко в вѣкы милость его", яко „избавил ны есть от врагъ наших", рекъше от идолъ суетных. И пакы рцѣмъ съ Давыдомь: „Въспойте Господеви пѣснь нову, воспойте Господеви вся земля. Воспойте Господеви, благословите имя его. Благ*овест*ите[40] день от дне спасение[41] его. Възвѣстите во языцѣх славу его, въ всѣхъ *людехъ*[42] чюдеса его, яко велий Господь и хваленъ зѣло", „И величью его нѣсть конца". Колика ти радость! не единъ,

ни два спасаетася. Рече бо Господь: „Яко радость бываеть на небеси о единомь грѣшницѣ кающемься". Се же не единъ, ни два, но бещисленое множьство к Богу приступиша, святымъ крещеньемь просвѣщени. Якоже и пророкъ рече: „Въскроплю на вы воду чисту, и очиститеся и от идолъ вашихъ и от грѣхъ ваших". Пакы другий пророкъ рече: „Кто яко Богъ отъемьля грѣхы и преступая неправды? Яко хотяй милостивъ есть. Той[43] обратить и ущедрит ны, и погрузить грѣхы наша въ глубинѣ". Ибо *апостолъ*[7] Павелъ глаголеть: „Братья! елико насъ крестися въ Иисус Христа, въ смерть[44] его крестихомъся; и погребохомся убо с нимь крещеньемь въ смерть; да якоже въста Христосъ от мертвых съ славою отчею, якоже и мы въ обновленьи житья поидемъ". И пакы: „Ветхая мимоидоша, и се быша новая". „Нынѣ приближися нам спасенье... нощь успѣ, а день приближися". „Им же приведенье обрѣтохом вѣрою въ благодать сию, им же хвалимъся и стоимъ". „Нынѣ же свободи*вшеся*[45] от грѣха, поработившеся Господеви, имате плодъ вашь въ священье". Тѣм же дольжни есмы работати Господеви, радующеся ему. Рече бо Давыдъ: „Работайте Господеви съ страхом, и радуйтеся ему с трепетом". Мы же възопьемъ к Господу Богу нашему, глаголюще: „Благословенъ Господь, иже не дасть нас в ловитву зубомъ ихъ!.. Сѣть скрушися, и мы избавлени быхом" от прельсти дьяволя. „И погибе память его с шюмом, и Господь в вѣкы пребываеть", хвалимъ от русьскых сыновъ, пѣваем въ Троици, а дѣмони проклинаеми от благовѣрных мужь и от вѣрных женъ, иже прияли суть крещенье и покаянье въ отпущенье грѣховъ, новии людье хрестьяньстии, избрании Богомь».

Володимеръ *же*[46] просвѣщенъ *самъ*,[47] и сынове его, и земля его. Бѣ бо у него сыновъ 12: Вышеславъ, Изяславъ, Ярославъ, Святополкъ, Всеволодъ, Святославъ, Мьстиславъ, Борисъ, Глѣбъ, Станиславъ, Позвиздъ, Судиславъ. И посади Вышеслава в Новѣгородѣ, а Изяслава Полотьскѣ, а Святополка Туровѣ, а Ярослава Ростовѣ. Умершю же старѣйшему Вышеславу Новѣгородѣ, посадиша Ярослава Новѣгородѣ, а Бориса Ростовѣ, а Глѣба Муромѣ, Святослава Деревѣхъ, Всеволода Володимери, Мсти*слава*[48] Тмуторокани. И рече Володимеръ: «Се не добро, еже малъ городъ около Киева». И нача ставити городы по Деснѣ, и по Востри, и по Трубежеви,[49] и по Сулѣ, и по Стугнѣ. И поча нарубати мужѣ лучьшиѣ от словень, и от кривичь, и от чюди, и от вятичь, и от сихъ насели грады; бѣ бо рать от печенѣгъ. И бѣ воюяся с ними и одолая имъ.

989 Въ лѣто 6497.[50] Посемь же Володимеръ живяше въ законѣ хрестьянстѣ, помысли создати церковь пресвятыя Богородица, *и*[7] пославъ приведе[51] мастеры от Грекъ. И наченшю же здати, и яко сконча зижа, украси ю̀ иконами, и поручи ю̀ Настасу Корс*ун*янину,[52] и попы корсуньскыя пристави[53] служити в ней, вдавъ ту все, еже бѣ взялъ в Корсуни: иконы, и съсуды, и кресты.

991 Въ лѣто 6499.[54] Володимеръ заложи градъ Бѣлъгородъ, и наруби въ нь[55] от инѣхъ городовъ, и много людий сведе во нь; бѣ бо любя градъ сь.

992 Въ лѣто 6500. Иде *Володимиръ*[7] на Хорваты. Пришедшю бо ему с войны хорватьскыя, и се печенѣзи придоша по оной сторонѣ от Сулы; Володимеръ же поиде противу имъ, и срете я̀[56] на Трубежи[57] *на*[58] бродѣ,

кде нынѣ Переяславль. И ста Володимеръ на сей сторонѣ, а печенѣзи на оной, и не смяху си на ону страну, ни они на сю страну. И приѣха князь печенѣжьскый к рѣкѣ, возва Володимера и рече ему: «Выпусти ты свой мужь, а я свой, да ся борета. Да аще твой мужь ударить моимь, да не воюемъ за три лѣта; аще ли нашь мужь ударить, да воюемъ за три лѣта». И разидостася разно. Володимеръ же приде въ товары, *и*[7] посла биричи по товаромъ, глаголя: «Нѣту ли такого мужа, иже бы ся ялъ с печенѣжиномь?». И не обрѣтеся никдѣже. Заутра приѣхаша печенѣзи и свой мужь приведоша, *а у*[59] наших не бысть. И поча тужити Володимеръ, сля по всѣм воемъ, и приде единъ старъ мужь ко князю и рече ему: «Княже! есть у мене единъ сынъ меншей дома, а с четырми есмь вышелъ, а онъ дома. От дѣтьства бо его нѣсть кто имъ ударилъ. Единою бо ми ѝ сварящю, и оному мьнущю усние, разгнѣвавъся на мя, преторже череви рукама». Князь же се слышавъ радъ бысть, *и*[7] посла по нь, и приведоша ѝ ко князю, и князь повѣда ему вся. *Сей*[60] же рече: «Княже! Не вѣдѣ, могу ли *со нь*,[61] и да искусите[62] мя: нѣту ли быка[63] велика и силна?». И налѣзоша быкъ великъ и силенъ, и повелѣ раздраждити быка; возложиша на нь желѣза горяча, и быка пустиша. И побѣже быкъ мимо ѝ, и похвати быка рукою за бокъ, и выня кожю съ мясы, елико ему рука зая. И рече ему Володимеръ: «Можеши ся с ни*мъ*[64] бороти». И наутрия придоша печенѣзи, почаша звати: «Нѣ ли мужа? Се нашь доспѣлъ». Володимеръ же повелѣ той нощи *облещися*[65] въ ору*жие*,[66] и приступиша ту обои. Выпустиша печенѣзи мужь свой, бѣ бо превеликъ зѣло и страшенъ. И выступи мужь Володимерь, и узрѣ ѝ печенѣзинъ и посмѣяся, — бѣ бо середний тѣломь. И размѣривше межи обѣма полкома, пустиша ѧ̀ к собѣ. И ястася, *и*[7] почаста ся крѣпко[67] держати, и удави печенѣзина в руку до смерти. И удари имь о землю. И кликнуша, и печенѣзи побѣгоша, и Русь погнаша по них сѣкуще, и прогнаша ѧ̀. Володимеръ же радъ бывъ, заложи городъ на бро*дѣ*[68] томь, и нарече ѝ Переяславль, зане перея славу отроко тъ. Володимеръ же великимь мужемъ створи того и отца его. Володимеръ же възвратися въ Кыевъ с побѣдою и съ славою великою.

В лѣто 6502. *994*

В лѣто 6503. *995*

Въ лѣто 6504. Володимеръ видѣвъ церковь свершену, вшедъ в ню и *996*
помолися Богу, глаголя: «Господи Боже! Призри с небесе, и вижь. И посѣти винограда своего. И сверши, яже насади десница твоя, новыя люди си, им же обратилъ еси сердце в разум, познати тебе, Бога истинного. И призри на церковь твою си, юже создах, недостойный рабъ твой, въ имя рожьшая тя матере, приснодѣвыя Богородица. Аже кто помолиться въ церкви сей, то услыши молитву его молитвы ради пречистыя Богородица». И помолившюся ему, рекъ сице: «Даю церкви сей святѣй Богородици от имѣнья моего и от градъ моихъ десятую часть». И положи написавъ клятву въ церкви сей, рек: «Аще кто сего посудить, да будет проклятъ». И вдасть десятину Настасу Корсунянину. И створи праздникъ великъ въ тъ день боляромъ и старцемъ *градским*,[69] и убогим раздая имѣнье много.

По сих же придоша печенѣзи к Василеву, *и Володимиръ с малою дружиною изыде противу*.[7] И съступившимся, и не мог стерпѣти противу,

подъбѣгъ ста подъ мостом, одва укрыся противных. И тогда обѣщася Володимеръ поставити церковь Василевѣ святаго Преображенья, бѣ бо въ тъ день Преображенье Господне, егда си бысть сѣча. Избывъ же Володимеръ сего, постави церковь, и створи праздник великъ, варя 300 проваръ меду. И съзываше боляры своя, и посадникы, старѣйшины по всѣм градомъ, и люди многы, и раздая убогым 300 гривенъ. Праздновавъ князь дний 8, и възвращашеться Кыеву на Успенье святыя Богородица, и ту пакы *сотворяше*[70] праздник великъ, сзывая бещисленое множество народа. Видя же *люди*[71] хрестьяны суща, радовашеся душею и тѣлом. И тако по вся лѣта творяше. Бѣ бо любя словеса книжная, слыша бо единою, еуангелье чтомо: «Блажени милостивии, яко ти помиловани *будуть*»;[72] и пакы: «Продайте имѣнья ваша и дадите нищим»; и пакы: «Не скрывайте собѣ скровищь на земли, идеже тля тлить и татье подъкоповають, но скрывайте собѣ скровище на небесѣх, идеже ни тля тлить, ни татье крадуть»; и Давыда глаголюща: «Блаженъ мужь милуя и дая»; Соломона же слыша глаголюща: «Вдаяй нищему, Богу в заимъ даеть». Си слышавъ, повелѣ всякому нищему и убогому приходити на дворъ княжь и взимати всяку потребу,[73] питье и яденье, и от скотьниць кунами. Устрои же и се, рек яко «Немощнии и болнии не могуть долѣсти двора моего», повелѣ пристроити кола, *и*[7] въскладше хлѣбы, мяса, рыбы, овощь розноличный, медъ въ бчелках, а въ другых квасъ, возити по городу, въпрашающим: «Кде болнии и нищь, не могы ходити?». Тѣмъ раздаваху на потребу. Се же пакы творяше людем своимъ: по вся недѣля устави на дворѣ въ гридьницѣ пиръ творити и приходити боляром, и гридем, и съцьскымъ, и десяцьскым, и нарочитымъ мужем, при князи и безъ князя. Бываше множество от мясъ, от скота и от звѣрины, бяше по изобилью от всего. Егда же подъпьяхуться, начьняхуть роптати на князь, глаголюще: «Зло есть нашим головамъ: да намъ ясти деревяными лъжицами, а не сребряными». Се слышавъ Володимеръ повелѣ исковати лжицѣ сребрены ясти дружинѣ, рек сице, яко «Сребромь и златом не имам налѣсти дружины, а дружиною налѣзу сребро и злато, якоже дѣдъ мой и отець мой доискася дружиною злата и сребра». Бѣ бо Володимеръ любя дружину, и с ними думая о строи земленѣм, и о ратехъ, и *о*[7] уставѣ земленѣм, и бѣ *живя*[74] съ князи околними миромь, съ Болеславомъ Лядьскымь, и съ Стефаномь Угрьскымь, и съ Андрихомь Чешьскымь. И бѣ миръ межю ими и любы. Живяше же Володимеръ в страсѣ Божьи. И умножишася *зело*[7] разбоеве, и рѣша епископи Володимеру: «Се умножишася разбойници; почто не казниши ихъ?». Он же рече имъ: «Боюся грѣха». Они же рѣша ему: «Ты поставленъ еси от Бога на казнь злымъ, а добрымъ на милованье. Достоить ти казнити разбойника, но со испытомъ». Володимеръ же отвергъ виры, нача казнити разбойникы, и рѣша епископи и старци: «Рать многа; оже вира, то на оружьи и на коних буди». И рече Володимеръ: «*Тако буди». И живяше Володимеръ*[7] по устроенью отьню и дѣдню.

997 В лѣто 6505. Володимеру же шедшю Новугороду по верховьнiѣ воѣ на Печенѣгы, бѣ бо рать велика бес перестани. В се же время увѣдѣша печенѣзи, яко князя нѣту, *и*[7] придоша и сташа около Бѣлагорода. И не

дадяху вылѣсти из города, и бысть гладъ великъ в городѣ, и не бѣ лзѣ Володимеру помочи, не бѣ бо вой у него, печенѣгъ же множьство много. И удолжися остоя в городѣ, и бѣ гладъ великъ. И створиша вѣче в городѣ и рѣша: «Се уже хочемъ померети от глада, а от князя помочи нѣту. Да луче ли ны померети? *Въдадимся*[75] печенѣгомъ, да кого живять, кого ли умертвять; уже помираем от глада». И тако совѣтъ[76] створиша. Бѣ же единъ старецъ не былъ на вѣчи томь, и въпраш*аше*:[77] «Что ради вече было?». И людье повѣдаша ему, яко утро хотят ся людье передати печенѣгом. Се слышавъ, посла по старѣйшины градьскыя и рече имъ: «Слышахъ, яко хочете ся передати печенѣгом». *Они же рѣша*:[7] «Не стерпять людье глада». И рече имъ: «Послушайте мене, не передайтеся за 3 дни, и я вы что велю, створите». Они же ради обѣщашася послушати. И рече имъ: «Сберѣте аче и по горсти овса, или пшеницѣ, ли отрубъ». Они же шедше ради снискаша. И повелѣ женамъ створити цѣжь, в немь же варять кисель, и повелѣ ископати колодязь, и встави*ти*[78] тамо кадь, и нальяти цѣжа кадь. И повелѣ другый колодязь ископати, и вставити тамо кадь, и повелѣ искати меду. Они же, шедше, взяша меду лукно, бѣ бо погребено в княжи медуши. И повелѣ росытити велми и въльяти в кадь в друзѣмь колодязи. Утро же повелѣ послати по печенѣгы. И горожане же рѣша, шедше к печенѣгом: «Поимѣте к собѣ таль нашь, а вы поидѣте до 10 мужь в градъ, да видите, что ся дѣеть в градѣ нашем». Печенѣзи же ради бывше, мняще, яко предатися хотять, пояша у них тали, а сами избраша лучьшиѣ мужи в *родехъ*[79] и послаша в градъ, да розглядають в городѣ, что ся дѣеть. И придоша в городъ, и рекоша имъ людье: «Почто губите себе? Коли можете престояти нас? Аще стоите за 10 лѣт, что можете створити нам? Имѣемъ бо кормлю от землѣ. Аще ли не вѣруете, да узрите своима очима». И приведоша ѧ̀ къ кладязю, идѣже цѣжь, и почерпоша вѣдромь и льяша в латки. И яко свариша кисель, и поимше придоша с ними к другому кладязю, и почерпоша сыты, и почаша ясти сами первое, потомь же печенѣзи. И удивишася, и рекоша: «Не имуть вѣры наши князи, аще не ядять сами». Людье же нальяша корчагу цѣжа и сыты от колодязя, *и*[7] вдаша печенѣгом. Они же пришедше повѣдаша вся бывшая. И, варивше, яша князи печенѣзьстии, и подивишася. И поимше тали своя и онѣхъ пустивше, въсташа от града, въсвояси идоша.

В лѣто 6506. *998*

В лѣто 6507. *999*

В лѣто 6508. Преставися Малъфрѣдь. В се же лѣто преставися и *1000* Рогънѣдь, мати Ярославля.

В лѣто 6509. Преставися Изяславъ, отецъ Брячиславль, сынъ Володи- *1001* мерь.

В лѣто 6510. *1002*

В лѣто 6511. Преставися Всеславъ, сынъ Изяславль, внукъ Володимерь. *1003*

В лѣто 6512. *1004*

В лѣто 6513. *1005*

В лѣто 6514. *1006*

В лѣто 6515. Пренесени святии в святую Богородицю. *1007*

1008 В лѣто 6516.
1009 В лѣто 6517.
1010 В лѣто 6518.
1011 В лѣто 6519. Преставися царицѧ Володимеряя Анна.
1012 В лѣто 6520.
1013 В лѣто 6521.
1014 В лѣто 6522. Ярославу же сущю Новѣгородѣ, и урокомь дающю Кыеву двѣ тысячѣ гривенъ[80] от года до года, а тысячю Новѣгородѣ гридемъ раздаваху. *И*[81] тако даяху *вси*[7] посадници новъгородьстии, а Ярославъ сего не даяше к *Кыеву*[7] отцю своему. И рече Володимеръ: «Требите путь и мостите мостъ», — хотяшеть бо на Ярослава ити, на сына своего, но разболѣся.
1015 В лѣто 6523. Хотящю Володимеру ити на Ярослава, Ярославъ же, пославъ за море, приведе варягы, бояся отца своего; но Богъ не вдасть дьяволу радости. Володимеру бо разболѣвшюся, в се же время бяше у него Борисъ. Печенѣгом идущемъ на Русь, посла противу имъ Бориса, самъ бо боляше велми, в ней же болести и скончася мѣсяца иуля въ 15 день. Умре же на Берестовѣмь, и потаиша ѝ, бѣ бо Святополкъ Кыевѣ. Ночью же межю *двема*[7] клѣтми проимавше помостъ, обертѣвше в коверъ ѝ, ужи съвѣсиша на землю; възложьше ѝ на сани, везъше поставиша ѝ въ святѣй Богородици, юже бѣ създалъ самъ. Се же увѣдѣвъше людье, бе-щисла снидошася и плакашася по немь, боляре *аки*[82] заступника ихъ земли, убозии акы заступника и кормителя. И вложиша ѝ в корсту мороморяну, схраниша тѣло его с плачемь, блаженаго князя.

Се есть новый Костянтинъ великого Рима, иже крестивъся сам и люди своя: тако и сь створи подобно ему. Аще бо бѣ и преже на скверньную похоть желая, но послѣ же прилежа к покаянью, яко же апостолъ вѣщаваеть: «Идеже умножиться грѣхъ, ту изобильствуеть благодать». Дивно же есть се, колико добра створилъ Русьстѣй земли, крестивъ ю. Мы же, хрестьяне суще, не въздаем почестья противу оного възданью. Аще бо онъ не крестилъ бы насъ, то нынѣ были быхомъ в прельсти дьяволи, яко же и прародители наши погынуша. Да аще быхом имѣли потщанье и мольбы приносили Богу за нь, в день преставленья его, и видя бы Богъ тщанье наше к нему, прославилъ бы ѝ: намъ бо достоить за нь Бога молити, понеже тѣмь Бога познахом. Но дажь ти Господь по сердцю твоему, и вся прошенья твоя исполни, его же желаше царства небеснаго. Дажь ти Господь вѣнець с праведными, в пищи райстѣй веселье и ликъствованье съ Аврамомь и с прочими патриархы, яко же Соломонъ рече: «Умершю мужю праведну, не погыбаеть упованье».

Сего бо в память држать русьстии людье, поминающе святое крещенье, и прославляють Бога въ молитвахъ и в пѣснехъ и въ псалмѣхъ, поюще Господеви, новии людье, просвѣщени Святымь Духомь, чающе надежи великаго Бога[7] и Спаса нашего Иисуса Христа въздати комуждо противу трудомъ неиздреченьную радость, юже буди улучити всѣмъ хрестьяномъ.

О убьеньи Борисовѣ. Святополкъ же сѣде Кыевѣ по отци своемь, и съзва кыяны, и нача даяти имъ имѣнье. Они же приимаху, и не бѣ сердце

ихъ с нимь, яко братья ихъ бѣша с Борисомь. Борису[83] же възъвратившюся съ вои, не обрѣтшю печенѣгъ, вѣсть приде к нему: «Отець ти умерлъ».[84] И плакася по отци велми, любимъ бо бѣ отцемь своимь паче всѣхъ, и ста на Льтѣ пришедъ. Рѣша же ему дружина отня: «Се дружина у тобе отьня и вои. Поиди, сяди Кыевѣ на столѣ отни». Он же рече: «Не буди мнѣ възняти рукы на брата своего старѣйшаго: аще и отець ми умре, то сь ми буди въ отца мѣсто». И се слышавше вои разидошася от него. Борисъ же стояше съ отрокы своими. Святополкъ же, исполнивъся безаконья, Каиновъ смыслъ приимъ, посылая к Борису, глаголаше, яко «С тобою хочю любовь имѣти, и къ отню придамь ти»; а льстя под нимь, како бы ѝ погубити. Святополкъ же приде ночью Вышегороду, отай призва Путшю и вышегородьскыѣ болярьцѣ, и рече имъ: «Прияете ли ми всѣмъ сердцемь?». Рече же Путьша с вышегородьци: «Можемъ главы своя сложити за тя». Онъ же рече имъ: «Не повѣдуче никому же, шедше убийте брата моего Бориса». Они же вскорѣ обѣщашася ему се створити. О сяковыхъ бо Соломо*нъ*[85] рече: «Скори суть пролити кровъ... бес правды. Ти бо обьщаются[86] крови, сбирають собѣ злая. Сихъ путье суть скончавающих безаконье, нечестьемь бо свою душю емлють». Послании же придоша на Льто ночью, и подъступиша ближе, и слышаша блаженаго Бориса поюща заутреню: бѣ бо ему вѣсть уже, яко хотять погубити ѝ. И, вставъ, нача пѣти, глаголя: «Господи! Что ся умножиша стужающии мнѣ. Мнози въстають на мя»; и пакы: «Яко стрѣлы твоя уньзоша во мнѣ, яко азъ на раны готовъ, и болѣзнь моя предо мною есть»; и пакы глаголаше: «Господи! Услыши молитву мою, и не вниди в судъ с рабомъ своимъ, яко не оправдится предъ тобою всякъ живый, яко погна врагъ душю мою». И кончавъ *е*ксапсалма,[87] увидѣвъ, яко послани суть губитъ его, нача пѣти псалтырю, глаголя, яко «Обидоша мя унци тучни... И соборъ[88] злобивыхъ осѣде мя; Господи, Боже мой, на тя уповах, и спаси мя, и от всѣхъ гонящих *мя*[7] избави мя». Посемь же нача канунъ пѣти; таче, кончавъ заутреню, помолися, глаголя, зря на икону, на образъ Владычень, глаголя сице: «Господи Иисусе Христе! Иже симь образомь явися на земли спасенья ради нашего, изволивъ своею волею пригвоздити на крестѣ руцѣ свои, и приимъ страсть грѣхъ ради наших, тако и мене сподоби прияти страсть. Се же не от противныхъ приимаю, но от брата своего, и не створи ему, Господи, в семь грѣха». И помолившюся ему, възлеже на одрѣ своем. И се нападоша акы звѣрье дивии около шатра, и насунуша ѝ копьи, и прободоша Бориса, и слугу его, падша на нем, прободоша с нимь. Бѣ бо сей[89] любимъ Борисомь. Бяше отрокъ сь родомь сынъ угърескъ, именемь Георги, его же любляше повелику Борисъ; бѣ бо възложилъ на нь гривну злату велику, в ней же предъстояше пред нимь. Избиша[90] же и ины отрокы Борисовы многы. Георг*и*еви[91] же сему не могуще вборзѣ сняти гривны съ шиѣ, усѣкнуша главу его, и тако сняша *гривну, а главу отвергоша прочь*;[7] тѣмь же[92] послѣ же не обрѣтоша тѣла сего въ трупии. Бориса же убивше, оканьнии, увертѣвше в шатеръ, възложивше на кола, повезоша ѝ, и еще дышющю ему. Увѣдѣвъ[93] же се, оканьный Святополкъ, яко еще дышеть, посла два варяга приканчатъ его. Онѣма же пришедшема *и видѣвшема*,[94] яко и еще живъ есть, единъ ею извлекъ мечь,

пронзе и къ сердцю. И тако скончася блаженый Борисъ, вѣнець *приимъ*[95] от Христа Бога съ праведными, причетъся съ пророкы и апостолы, с ликы мученичьскыми водваряяся, Авраму на лонѣ почивая, видя неиздреченьную радость, въспѣвая съ ангелы и веселяся с *лики*[96] святыхъ. И положиша тѣло его, принесше отай Вышегороду, у церкве святаго Василья. Оканьнии же си убийцѣ придоша къ Святополку, *аки хвалу*[97] имуще, безаконьници. Суть же имена симъ законопреступником: Путьша, и Талець, Еловить, Ляшько, отець же ихъ сотона. Сици бо слугы бѣси бывають, бѣси бо на злое посылаеми бывають, ангели на благое посылаеми. *Ангели*[98] бо человѣку зла не творять,[99] но благое мыслять[100] ему всегда, паче же хрестьяномъ помагають и заступають от супротивнаго дьявола; а бѣси на злое всегда ловять, завидяще ему, понеже видять человѣка Богомь *почтена*,[X, 1] и завидяще ему, на зло слеми скори суть. Золъ бо человѣкъ, тщася на злое, не хужи есть бѣса; бѣси бо Бога боятся, а золъ человѣкъ ни Бога боится, ни человѣкъ ся стыдить; бѣси бо креста ся боять Господня, а человѣкъ золъ ни креста ся боить.

Святополкъ же оканьный помысли въ собѣ, рекъ: «Се убихъ Бориса; како бы убити Глѣба?». И *приимъ*[2] помыслъ Каиновъ, с лестью посла къ Глѣбу, глаголя сице: «Поиди вборзѣ, отець тя зоветь, не сдравить бо велми». Глѣбъ же вборзѣ всѣдъ на конѣ, с малою дружиною поиде, бѣ бо послушливъ отцю. И пришедшю ему на Волгу, на поли потчеся конь в рвѣ, и наломи ему ногу мало. И приде Смоленьску, и поиде от Смоленьска, яко зрѣемо, и ста на Смядинѣ в насадѣ. В се же время пришла бѣ вѣсть къ Ярославу от Передъславы о отни смерти, и посла Ярославъ к Глѣбу, глаголя: «Не ходи, отець ти умерлъ, а братъ ти убьенъ от Святополка». Се слышавъ Глѣбъ възпи велми съ слезами, плачася по отци, паче же по братѣ, и нача молитися съ слезами, глаголя: «Увы мнѣ, Господи! Луче бы ми умрети съ братомь, нежели жити на свѣтѣ семь. Аще бо быхъ, брате мой, видѣлъ лице твое ангелское, умерлъ быхъ с тобою: нынѣ же что ради остахъ азъ единъ? Кдѣ суть словеса твоя, яже глагола къ мнѣ, брате мой любимый? Нынѣ уже не услышю тихаго твоего наказанья. Да аще еси получилъ дерзновенье у Бога, молися о мнѣ, да и азъ быхъ ту же страсть приялъ. Луче *бы*[3] ми было с тобою *умрети*;[4] неже въ свѣтѣ семь прелестнѣмь *жити*».[5] И сице ему молящюся съ слезами, се внезапу придоша послании от Святополка на погубленье Глѣбу. И ту абье послании яша корабль Глѣбовъ, и обнажиша оружье. Отроци Глѣбови уныша. Оканьный же посланый Горясѣръ повелѣ вборзѣ зарѣзати Глѣба. Поваръ же Глѣбовъ, именемь Торчинъ, вынезъ ножь, зарѣза Глѣба, акы агня непорочно. Принесеся на жертву Богови, в воню благоуханья, жертва словесная, и прия вѣнець, вшедъ въ небесныя обители, и узрѣ желаемаго брата своего, и радовашеся с нимь неиздреченьною радостью, юже улучиста братолюбьемь своимь. «Се коль добро и коль красно еже жити братома вкупѣ!». Оканьнии же възвратишася въспять, яко же рече Давыдъ: «Да възвратятся грѣшници въ адъ». Онѣм же пришедшимъ, и повѣдаша Святополку, яко «Створихом повелѣная тобою». Онъ же, се слышавъ, възнесеся сердце его болма, не вѣдый

Давыда глаголюща: «Что ся хвалиши о злобѣ, силныи? безаконье весь день ... умысли языкъ твой».

Глѣбу же убьену бывшю и повержену на брезѣ межи двѣма колодама, посемь же വземше везоша ѝ, и положиша ѝ у брата своего Бориса у церкве святаго Василья.

И съвкуплена тѣлом*а*[6] паче же душама, у Въладыкы Всецесаря пребывающа в радости бесконечнѣй, во свѣтѣ неиздреченьнѣмь, подающа ицѣлебныя дары Русьстѣй земли и инѣмъ приходящим странным с вѣрою даета ицѣленье: хромым ходити, слѣпымъ прозрѣнье, болящим цѣлбы, окованым разрѣшенье, темницам отверзенье, печалным утѣх*у*,[7] напастным избавленье. И еста заступника Русьстѣй земли, и свѣтилника сияюща и молящася воину къ Владыцѣ о своихъ людех. Тѣм же и мы должни есмы хвалити достойно страстотерпца Христова молящеся прилѣжно к нима, рекуще: «Радуйтася, страстотерпца Христова, *заступника*[5] Русьскыя земля, яже ицѣленье подаета приходящим к вам*а*[8] вѣрою и любовью. Радуйтася, небесная жителя, въ плоти ангела быста, единомысленая служителя верста един̸ообразна, святымъ единодушьна; тѣмь стражющимъ всѣм ицѣленье подаета. Радуйтася, Борисе и Глѣбе богомудрая, яко потока точита от кладязя воды живоносныя ицѣленья, истѣкають вѣрным людемъ на ицѣленье. Радуйтася, лукаваго змиия поправша, *луча*[5] свѣтозарна явистася, яко свѣтилѣ озаряюща всю землю Русьскую, всегда тму отгоняща, являющася вѣрою неуклоньною. Радуйтася, Недрѣманьное Око стяжавша, душа на свершенье Бож*ьихъ*[9] святыхъ запов*едей*[10] примш*а*[11] в сердци своемь, блаженая. Радуйтася, брата, вкупѣ в мѣстѣхъ златозарныхъ, в селѣхъ небесныхъ, в славѣ неувядающей, ея же по достоянью сподобистася. Радуйтася, божьими свѣтлостьми явѣ облистаем*а*,[12] всего мира обиходита, бѣсы отгоняща, недугы ицѣляюща, свѣтилника предобрая, заступника теплая, суща съ Богомь, божественами лучами ражизаема воину, добляя страстьника, душа просвѣщающа вѣрнымъ людем. Възвысила бо есть ваю свѣтоносная любы небесная; тѣмь красных всѣхъ наслѣдоваста въ небеснѣмь житьи, славу, и райскую пищю, и свѣтъ разумный, красныя радости. Радуйтася, яко вся напаяюща сердца, горести и болѣзни отгоняща, страсти злыя ицѣляюща, каплями кровными, святыми очервивша багряницю, славная, ту же красно носяща съ Христомь царствуета всегда, молящася за новыя люди хрестьяньскыя и сродникы своя. Земля бо *Руска*[5] благословися ваю кровью, и мощьми лежаща *въ церкви*[5] духомь божествен*ѣ*[13] просвѣщаета, в ней же съ мученикы яко мученика за люди своя молитася. Радуйтася, свѣтлѣи звѣздѣ, заутра въсходящии. Но христолюбивая страстотерпця и заступника наша! покорита поганыя подъ нозѣ княземъ нашим, молящася къ Владыцѣ Богу нашему мирно пребывати в совокуплении и въ сдравии, избав*ляю*ща[14] от усобныя рати и от пронырьства дьяволя, сподобита же и нас, поющих и почитающих ваю честное торжьство, въ вся вѣкы до скончанья».

Святополкъ же сь оканьный и злый уби Святослава, пославъ *ко* [15] горѣ Угорьстѣй, бѣжащю ему въ Угры. И нача помышляти, яко «Избью всю братью свою, и приму власть русьскую единъ». Помысливъ высокоумьемь

своимь, не вѣдый яко «Богъ даеть власть, ему же хощеть; поставляетъ бо цесаря и князя вышний, ему же хощеть, дасть». Аще бо кая земля управится пред Богомь, поставляеть ей цесаря или князя праведна, любяща судъ и правду, и властеля устраяеть, и судью, правящаго судъ. Аще бо князи правьдиви бывають в земли, то многа отдаются согрѣшенья *земли*;[5] аще ли зли и лукави бывають, то болше зло наводить Богъ на землю, понеже то глава есть земли. Тако бо Исаия рече: «Согрѣшиша от главы и до ногу, еже есть от цесаря и до простыхъ людий». «Лютѣ бо граду тому, в немь же князь унъ», любяй вино пити съ гусльми и съ младыми свѣтникы. Сяковыя бо Богъ даеть за грѣхы, а старыя и мудрыя отъиметь, яко же Исаия глаголеть: «Отъиметь Господь от Иерусалима крѣпкаго исполина, и человѣка храбра, и судью, и пророка, и смѣрена старца, *и дивна свѣтника, и мудра хитреца, и*[5] разумна, послушлива. Поставлю уношю князя имъ, и ругателя обладающа ими».

Святополкъ же оканный нача княжити Кыевѣ. Созвавъ люди, нача даяти овѣмъ корзна, а другым кунами, и раздая множьство. Ярославу же не вѣдущю отьнѣ смерти, варязи бяху мнози у Ярослава, и насилье творяху новгородцем и женамъ ихъ. Вставше новгородци, избиша варягы во дворѣ Поромони. И разгнѣвася Ярославъ, и шедъ на Рокомъ, сѣде въ дворѣ. Пославъ к новгородцемъ, рече: «Уже мнѣ сихъ не крѣсити». И позва к собѣ нарочитыѣ мужи, иже бяху иссѣкли варягы, *и*[5] обльстивъ *я*[16] исѣче. В ту же нощь приде ему вѣсть ис Кыева от сестры его Передъславы си: «Отець ти умерлъ, а Святополкъ сѣдитъ ти Кыевѣ, убивъ Бориса, а на Глѣба посла, а блюдися его повелику». Се слышавъ, печаленъ бысть о отци, *и о братьи*,[5] и о дружинѣ. Заутра же собравъ избытокъ новгородець, Ярославъ рече: «О, люба моя дружина, юже вчера избихъ, *а нынѣ быша надобе*». *Утерлъ слезъ, и рече имъ*[5] на вѣчи: «Отець мой умерлъ, а Святополкъ седи*ть*[17] Кыевѣ, избивая братью свою». И рѣша новгородци: «Аще, княже, братья наша исѣчена суть, можемъ по тобѣ бороти». И събра Ярославъ варягъ тысячю, а прочих вой *40 000*,[18] и поиде на Святополка, нарекъ Бога, рекъ: «Не я почахъ избивати братью, но онъ; да будеть отместьникъ Богъ крове братья моея, зане без вины пролья кровь Борисову и Глѣбову праведн*ую*.[19] Еда и мнѣ сице же створить? Но суди ми, Господи, по правдѣ, да скончается злоба грѣшнаго». И поиде на Святопольъка. Слышавъ *же*[20] Святополкъ идуща Ярослава, пристрои бе-щисла вой, *Руси и печенѣгъ, и изыде противу ему к Любичю об*[5] онъ полъ Днѣпра, а Ярославъ объ сю.

1016 Начало княженья Ярославля Кыевѣ. В лѣто 6524. Приде Ярославъ *на Святополка*,[21] и сташа противу *оба*полъ[22] Днѣпра, и не смяху ни си онѣхъ, ни они сихъ начати, и стояша мѣсяцѣ 3 противу собѣ. И воевода нача Святополчь, ѣздя възлѣ берегъ, укаряти новгородцѣ, глаголя: «Что придосте с хромьцемь симь, *а*[23] вы плотници суще? А приставимъ вы хоромовѣ[24] рубити нашихъ».[25] Се слышавше новгородци рѣша Ярославу, яко «Заутра перевеземъся на ня;[26] аще кто не поидеть с нами, сами потнемъ *его*».[5] Бѣ бо уже в заморозъ. Святополкъ стояше межи двѣма озерома, и всю нощь пилъ бѣ с дружиною своею. Ярослав же заутра,

исполчивъ дружину свою, противу свѣту перевезеся. И выс*едше*[27] на брегъ, отринуша лодьѣ от берега, и поидоша противу собѣ, и сступишася на мѣстѣ. Бысть сѣча зла, и не бѣ лзѣ озеромь печенѣгомъ помагати, и притиснуша Святополка с дружиною ко *озеру*,[28] и въступиша на ледъ, и обломися с ними ледъ, и одалати нача Ярославъ, *видѣв же Святополкъ и побеже, и одолѣ Ярослав*.[5] Святополкъ же бѣжа в ляхы, Ярославъ же сѣде Кыевѣ на столѣ отьни и дѣдни. И бы тогда Ярославъ[29] лѣтъ 28.

В лѣто 6525. Ярославъ иде *в Киевъ*,[5] и погорѣ церкви. 1017

В лѣто 6526. Приде Болеславъ съ Святополкомь на Ярослава с ляхы. 1018
Ярославъ же, совокупивъ Русь, и варягы и словѣнѣ, поиде противу Болеславу и Святополку, *и*[5] приде Волыню, и сташа оба полъ рѣкы Буга. И бѣ у Ярослава кормилець и воевода, именемь Буды, нача укаряти Болеслава, глаголя: «Да то ти прободемъ трѣскою черево твое толъстое». Бѣ бо Болеславъ великъ и тяжекъ, яко и на кони не могы сѣдѣти, но бяше смысленъ. И рече Болеславъ къ дружинѣ своей: «Аще вы сего укора не жаль, азъ единъ погыну». Всѣдъ на конь, вбреде в рѣку и по немь вои его. Ярослав же не утягну исполчитися, и побѣди Болеславъ Ярослава. Ярославъ же убѣжа съ 4-ми мужи Новугороду. Болеславъ же вниде в Кыевъ съ Святополкомь. И рече Болеславъ: «Разведѣте дружину мою по городомъ на покоръмъ», и бысть тако. Ярославу же прибѣгшю Новугороду, и хотяше бѣжати за море, и посадникъ Коснятинъ, сынъ Добрынь, с новгородьци расѣкоша лодьѣ Ярославлѣ, рекуще: «Хочемъ ся и еще бити съ Болеславомъ и съ Святополкомь». Начаша скотъ събирати от мужа по 4 куны, а от старостъ по 10 гривен, а от бояръ по 18 гривен. И приведоша варягы, *и*[5] вдаша имъ скотъ, и совокупи Ярославъ воя многы. Болеславъ же бѣ Кыевѣ сѣдя, оканьный же Святополкъ рече: «Елико же ляховъ по город*омъ*,[30] избивайте я̂». И избиша ляхы. Болеславъ же побѣже ис Кыева, възма имѣнье и бояры Ярославлѣ и сестрѣ его, и Настаса пристави Десятиньнаго ко имѣнью, бѣ бо ся ему ввѣрилъ лестью. И людий множьство веде с собою, и городы червеньскыя зая собѣ, и приде в свою землю. Святополкъ жа нача княжити Кыевѣ. И поиде Ярославъ на Святополка, и бѣжа Святополкъ в Печенѣгы.

В лѣто 6527. Приде Святополкъ с печенѣгы в силѣ тяжьцѣ, и Ярославъ 1019
собра множьство вой, и *изы*де[31] противу ему на Льто. Ярославъ ста на мѣстѣ, идеже убиша Бориса, въздѣвъ руцѣ на небо, рече: «Кровь брата моего вопьеть к тобѣ, Владыко! Мьсти от крове праведнаго сего, якоже мьстилъ еси крове Авелевы, положивъ на Каинѣ стенанье и трясенье; — тако положи и на семь». Помоливъся, и рекъ: «Брата моя! Аще еста и тѣломь *отошла*[32] отсюда, но молитвою помозѣта ми на противнаго сего убийцю и гордаго». И се ему рекшю, поидоша противу собѣ, и покрыша *поле*[33] Летьское обои от множьства вой. Бѣ же пятокъ тогда, въсходящю солнцю, и сступишася обои, бысть сѣча зла, яка же не была в Руси, и за рукы емлюче *сеча*хуся,[34] и сступашася трижды, яко по удольемь крови тещи́. К вечеру же одолѣ Ярославъ, а Святополкъ бѣжа. И бѣжащю ему, нападе на нь бѣсъ, и раслабѣша кости его, не можаше сѣдѣти *на кони*,[21] и несяхуть й на носилѣхъ. Принесоша й къ Берестью,[35] бѣгающе с нимь. Онъ же

глаголаше: «Побѣгнѣте со мною, женуть по насъ». Отроци же его всылаху противу: «Еда кто женеть по насъ?». И не бѣ никого же вслѣдъ гонящаго, и бѣжаху с нимь. Он же в немощи лежа, *и*[5] въсхопивъся глаголаше: «Осе женуть, о *женуть,*[5] побѣгнѣте». Не можаше терпѣти на единомь мѣстѣ, и пробѣжа Лядьскую землю, гонимъ Божьимъ гнѣвомъ, прибѣжа в пустыню межю Ляхы и Чехы, испроверже злѣ животъ свой *в томъ мѣсте.*[5] Его же по правдѣ, яко неправедн*а*,[36] суду нашедшю на нь, по *от*шествии[37] сего свѣта прияша мукы, оканьнаго. Показоваше явѣ... посланая погубная рана, въ смерть немилостивно въгна, и по смерти вѣчно мучимъ есть связанъ. Есть же могыла его в пустыни и до сего дне. Исходить же от нея смрадъ золъ. Се же Богъ показа на наказанье княземъ русьскым, да аще сии еще сице же створять, *се слышавше, ту же казнь приимут; но и больши сее, понеже, вѣдая се, сътворять*[5] такоже зло убийство. 7 бо мьстий прия Каинъ, убивъ Авеля, а Ламехъ 70; понеже бѣ Каинъ не вѣдый мьщенья прияти от Бога, а Ламехъ, вѣдый казнь, бывшюю[38] на прародителю[39] его, створи убийство. Рече бо Ламехъ къ своима жен*а*ма:[40] «Мужа убихъ въ вредъ мнѣ и уношю въ язву мнѣ, тѣмь же, рече, 70 мьстий на мнѣ, понеже, рече, вѣдая створихъ се». Ламехъ уби два брата Енохова, и поя собѣ женѣ ею; сей[41] же Святополкъ, новый Авимелехъ, иже ся бѣ родилъ от прелюбодѣянья, иже изби братью свою, сыны Гедеоны; тако и сь бысть.

Ярославъ же сѣде Кыевѣ, утеръ пота с дружиною своею, показавъ побѣду и трудъ великъ.

1020 В лѣто 6528. Родися у Ярослава сынъ, и нарече имя ему Володимеръ.

1021 В лѣто 6529. Приде Брячиславъ, сынъ Изяславль, внукъ Володимѣрь, на Новъгородъ, и зая Новъгородъ, и поимъ новгородцѣ и имѣнье ихъ, поиде Полотьску опять. И пришедшю ему к Судомири рѣцѣ, и Ярославъ ис Кыева въ 7 день постиже й ту. И побѣди Ярославъ Брячислава, и новгородцѣ вороти Новугороду, а Брячиславъ бѣжа Полотьску.

1022 В лѣто 6530. Приде Ярославъ къ Берестию. Въ си же времена Мьстиславу сущю Тмутороканѝ[42] поиде на касогы. Слышавъ же се князь касожьскый Редедя изиде противу тому. И ставшема обѣма полкома противу собѣ, и рече Редедя къ Мьстиславу: «Что ради губивѣ дружину межи собою? Но *снидеве*[43] ся сама боротъ. Да аще одолѣеши ты, то возмеши имѣнье мое, и жену мою, и дѣти моѣ, и землю мою. Аще ли азъ одолѣю, то възму твое все». И рече Мьстиславъ: «Тако буди». И рече Редедя ко Мьстиславу: «Не оружьемь ся бьевѣ, но борьбою». И яста ся бороти крѣпко, и надолзѣ борющемася има, нача изнемагати Мьстиславъ: бѣ бо великъ и силенъ Редедя. И рече Мьстиславъ: «О пречистая Богородице помози ми. Аще бо одолѣю[44] сему, съзижю[45] церковь во имя твое». И се рекъ, удари имь о землю. И вынзе ножь, *и*[5] зарѣза Редедю. *И*[5] шедъ в землю его, взя все имѣнье его, *и*[5] жену его и дѣти его, и дань възложи на касогы. И пришедъ Тьмутороканю, заложи церковь святыя Богородица, и созда ю̀, яже стоить и до сего дне Тьмуторокани.

1023 В лѣто 6531. Поиде Мьстиславъ на Ярослава с козары и съ касогы.

1024 В лѣто 6532. Ярославу сущю Новѣгородѣ, приде Мьстиславъ ис Тъмутороканя Кыеву, и[46] не прияша его кыяне. Онъ же, шедъ, сѣде на столѣ

Черниговѣ, Ярославу сущю Новѣгородѣ тогда. В се же лѣто въсташа волъсви в Суждали, избиваху старую чадь *по*[47] дьяволю наущенью и бѣсованью, глаголюще, яко си держать гобино. Бѣ мятежь великъ и голодъ по всей той странѣ; идоша по Волзѣ вси людье в болгары, и привезоша *жито*,[21] и тако ожиша. Слышав же Ярославъ волхвы, приде Суздалю; изъимавъ волхвы, расточи, а другыя[48] показни, рекъ сице: «Богъ наводить по грѣхомъ на куюждо землю гладом, или моромъ, ли ведромь, ли иною казнью, а человѣкъ не вѣсть ничтоже». И възвративъся Ярославъ, приде Новугороду,[49] и посла за море по варягы. И приде Якунъ с варягы, и бѣ Якунъ *сь лѣпъ*,[50] *и*[5] луда бѣ у него золотомь истъкана. И приде къ Ярославу; *и*[5] иде Ярославъ съ Якуномь на Мьстислава. Мьстиславъ же, слышавъ, взиде противу има к Листвену. Мьстиславъ же с вечера исполчивъ дружину, и постави сѣверъ в чело противу варягомъ, а сам ста с дружиною своею по крилома. И бывши нощи, бысть тма, молонья, и громъ, и дождь. *И*[5] рече Мьстиславъ дружинѣ своей: «Поидемъ на ня».[51] И поиде Мьстиславъ, и Ярославъ противу *ему*,[52] и сступися чело сѣверъ съ варягы, *и трудишася варязи секуще сѣверъ*,[5] *и посемъ наступи Мстиславъ со дружиною своею и нача сѣчи варяги*.[53] И бысть сѣча силна, яко посвѣтяше молонья, блещашеться оружье, и бѣ гроза велика и сѣча силна и страшна. Видѣв же Ярославъ, яко побѣжаемъ есть, побѣже съ Якуномъ, княземь варяжьскым, и Якунъ ту отбѣже луды златоѣ. Ярославъ же приде Новугороду, а Якунъ иде за море. Мьстиславъ же, о светъ заутра, видѣвъ лежачиѣ сѣчены от своих сѣверъ и варягы Ярославлѣ, и рече: «Кто сему не радъ? Се лежить сѣверянинъ, а се варягъ, а дружина своя цѣла». И посла Мьстиславъ по Ярослава,[54] глаголя: «Сяди в своемь Кыевѣ: ты еси старѣйшей братъ, а мнѣ буди си сторона». И не смяше Ярославъ ити в Кыевъ, дондеже смиристася. И сѣдяше Мьстиславъ Черниговѣ, а Ярославъ Новѣгородѣ, и бѣяху Кыевѣ мужи Ярославли. *В семъ же лѣтѣ*[55] родися *у Ярослава*[21] другый сынъ, и нарече имя ему Изяславъ.

В лѣто 6534. Ярославъ совокупи воя многы, и приде Кыеву, и створи 1026
миръ с братом своим Мьстиславомь у Городьця. И раздѣлиста по Днѣпръ Русьскую землю: Ярославъ прия сю сторону, а Мьстиславъ ону. И начаста жити мирно и в братолюбьствѣ, и уста усобица и мятежь, и бысть тишина велика в земли.

В лѣто 6535. Родися 3-й сынъ[56] Ярославу, и нарече имя ему Святославъ. 1027

В лѣто 6536. Знаменье *змиево*[5] явися на небеси, яко видѣти всей земли. 1028

В лѣто 6537. Мирно бысть. 1029

В лѣто 6538. Ярославъ Белзы[57] взялъ. И родися Ярославу 4-й сынъ, и 1030
нарече имя ему Всеволодъ. Семь же лѣтѣ иде Ярославъ на чюдь, и побѣди я̀, и постави градъ Юрьевъ. В се же время умре Болеславъ Великый в Лясѣхъ, и бысть мятежь в земли Лядьскѣ: вставше людье избиша епископы, и попы, и бояры своя, и бысть в них мятежь.

В лѣто 6539. Ярославъ и Мьстиславъ собраста вой многъ, идоста на 1031
Ляхы, и заяста грады червеньскыя опять, и повоеваста Лядьскую землю, и многы ляхы приведоста, и раздѣливша я̀. Ярославъ посади *своя*[21] по Ръси, и суть до сего дне.

1032 В лѣто 6540. Ярославъ поча ставити городы по Рси.

1033 В лѣто 6541. Мьстиславичь Еустафий умре.

1034 В лѣто 6542.

1035 В лѣто 6543.

1036 В лѣто 6544. Мьстиславъ изиде на ловы, разболѣся и умре. И положиша й *в церкви*[32] у святаго Спаса, юже *бѣ*[5] самъ заложилъ; бѣ бо въздано ея при немь възвыше, яко на кони стояще *рукою*[5] досящи. Бѣ же Мьстиславъ дебелъ тѣломь, черменъ лицем, великыма очима, храборъ на рати, милостивъ, любяше дружину по велику, имѣнья не щадяше, ни питья, ни ѣденья браняше. Посемь же перея власть его всю Ярославъ, и бысть самовластець Русьстѣй земли. Иде Ярославъ Новугороду, и посади сына своего Володимера Новѣгородѣ, епископа постави Жидяту. И в се время родися Ярославу сынъ, нарекоша имя ему Вячеславъ. Ярославу же сущю Новѣгородѣ вѣсть приде ему, яко печенѣзи остоять Кыевъ. Ярославъ събра вои многы,[58] варягы и словѣни, приде Кыеву, и вниде в городъ свой. И бѣ печенѣгъ бе-щисла. Ярославъ выступи из града, и исполчи дружину, *и*[5] постави варягы по средѣ, а на правѣй сторонѣ кыяне, а на лѣвѣмь крилѣ новгородци; *и*[5] сташа пред градомь. Печенѣзи присту*пати*[59] почаша, и сступишася на мѣсте,[60] иде же стоить нынѣ святая Софья, митрополья руськая: бѣ бо тогда поле внѣ града. И бысть сѣча зла, и одва одолѣ к вечеру Ярославъ. И побѣгоша[61] печенѣзи разно, и не вѣдяхуся, камо бѣжати, *и овии бѣгающе*[21] тоняху въ Сѣтомли, инѣ же въ инѣхъ рѣкахъ, а прокъ ихъ пробѣгоша и до сего дне. В се же лѣто всади Ярославъ Судислава в порубъ,[62] брата своего, Плесковѣ, оклеветанъ к нему.

1037 В лѣто 6545. Заложи Ярославъ городъ великый, у него же града суть Златая врата; заложи же и церковь святыя Софья, митрополью, и посемь церковь на Золотыхъ воротѣхъ святыя Богороди*ца*[63] Благовѣщенье, посемь святаго Георгия манастырь и святыя Ирины. И при семь нача вѣра хрестьяньска плодитися и раширяти, и черноризьци почаша множитися, и манастыреве починаху быти. И бѣ Ярославъ любя церковныя уставы, попы любяше по велику, излиха же черноризьцѣ, и книгамъ прилежа, и почитая ѐ часто в нощи и въ дне. И собра писцѣ многы и прекладаше от грекъ на словѣньское писмо. И списаша книгы многы,[64] ими же поучащеся вѣрнии людье наслажаются ученья божественаго. Яко же бо се нѣкто землю разореть,[65] другый же насѣеть, ини же пожинають и ядять пищю бескудну, — тако и сь. Отець бо сего Володимеръ *землю*[5] взора̀ и умягчи,[66] рекше крещеньемь просвѣтивъ. Сь же насѣя книжными словесы сердца вѣрных людий; а мы пожинаемъ, ученье приемлюще книжное.

Велика бо бываеть полза от ученья книжного; книгами бо кажеми и учими есмы пути покаянью, мудрость бо обрѣтаемъ и въздержанье от словесъ книжныхъ. Се бо суть рѣкы, напаяюще вселеную, се суть исходища му*д*рости;[67] книгамъ бо есть неищетная глубина; сими бо в печали утѣшаеми есмы; си суть узда въздержанью. Мудрость бо велика есть, якоже и Со*ло*монъ[68] *по*хвал*яа*[69] глаголаше: «Азъ, премудрость, вселих свѣтъ *и*[5] разумъ и смыслъ[70] азъ призвах. Страхъ Господень... Мои свѣти, моя мудрость, мое утверженье, моя крѣпость. Мною цесареве царствують, а

силнии пишють правду. Мною вельможа величаются и мучители держать землю. Азъ любящая мя люблю, ищющи мене обрящють *благодать*».[32] Аще бо поищеши въ книгахъ мудрости прилѣжно, то обрящеши велику ползу души своей. Иже бо книгы часто чтеть, то бесѣдуеть с Богомь, или святыми мужи. Почитая пророческыя бесѣды, и еуангельская ученья и апостолская, *и*[5] житья святыхъ отець, въсприемлеть *души*[71] велику ползу.

Ярославъ же *сей*,[72] якоже *рекохом*,[73] любимъ бѣ книгамъ, *и*[5] многы написавъ положи в святѣй Софьи церкви, юже созда самъ. Украси ю златомь и сребромь и сосуды[74] церковными, в ней же обычныя пѣсни Богу въздають в годы обычныя. И ины церкви ставляше по градомъ и по мѣстомъ, поставляя попы и дая имъ от имѣнья своего урокъ, веля имъ учити люди, понеже тѣмь есть поручено Богомь, и приходити часто къ церквамъ. И умножишася прозвутери *и*[5] людье хрестьяньстии. Радовашеся Ярославъ, *видя*[75] множьство церквий и люди хрестьяны, зѣло, а врагъ сѣтоваше́ться, побѣжаемъ новыми людьми хрестьяньскыми.

В лѣто 6546. Ярославъ иде на ятвягы. 1038

В лѣто 6547. Священа бысть церкы святыя Богородиця, юже созда 1039
Володимеръ, отець Ярославль, митрополитомь Феопемптомъ.[76]

В лѣто 6548. Ярославъ иде на Литву. 1040

В лѣто 6549. Иде Ярославъ на мазовъшаны, въ лодьяхъ. 1041

В лѣто 6550. Иде Володимеръ, сынъ Ярославль, на Ямь, и побѣди[77] я. 1042
И помроша кони у вой Володимерь, яко и еще дышющимъ конемъ съдираху хзы с нихъ: толикъ бо бѣ моръ в коних.

В лѣто 6551. Посла Ярославъ сына своего Володимера на Грькы, и вда 1043
ему вои *многы*,[78] а воеводьство[79] поручи Вышатѣ, отцю Яневу. И поиде Володимеръ в лодьях, и придоша в Дунай, *и*[5] поидоша к Цесарюграду. И бысть буря велика, и разби корабли Руси, и княжь корабль разби вѣтръ, и взя князя в корабль Иванъ Творимиричь, воевод*а* Ярославль.[80] Прочии же вои Володимери *вы*вержени[81] быша на брегъ, числомь 6000, и хотяще*мъ*[82] поити в Русь, и *не*[5] идяше с ними *никто же*[21] от дружины княжее. И рече *Вышата*:[21] «Азъ поиду с ними». И высѣде ис корабля к *нимъ*,[83] и *рече*:[5] «Аще живъ буду, *то*[84] с *ними*,[85] аще погыну, то с *дружиною*».[86] И поидоша, хотяще в Русь. И бысть вѣсть грькомъ, яко избило море Русь, и посла[87] царь, именемь Мономахъ, по Руси олядий 14. Володимеръ же, видѣвъ с дружиною, яко идуть по немь, въспятився, изби оляди гречьскыя, и възвратися в Русь, *всѣдъше*[88] в кораблѣ своѣ. Вышату же яша съ извержеными на брегъ, и приведоша я Цесарюграду, и слѣпиша Руси много. По трехъ же лѣтѣхъ миру бывшю, пущенъ бысть Вышата в Русь къ Ярославу. В си же времена вдасть Ярославъ сестру свою за Казимира, и вдасть Казимиръ за вѣно людий 8 сотъ, *яже бѣ полонилъ Болеславъ, победив Ярослава.*[5]

В лѣто 6552. Выгребоша[89] 2 князя, Ярополка и Ольга, сына Святос- 1044
лавля, и крестиша кости ею, и положиша я въ церкви святыя Богородица. В се же лѣто умре Брячиславъ, сынъ Изяславль, внукъ Володимерь, отець Всеславль, и Всеславъ, сынъ его, сѣде на столѣ его, его же роди мати от вълхвованья. Матери бо родивши его, бысть ему язвено на главѣ его, рекоша

бо волсви матери его: «Се язвено навяжи на нь, да носить е до живота своего», еже носить Всеславъ и до сего дне на собѣ; сего ради немилостивъ есть на кровьпролитье.

1045 В лѣто 6553. Заложи Володимеръ святую Софью Новѣгородѣ.

1046 В лѣто 6554.

1047 В лѣто 6555. Ярославъ иде на мазовшаны, и побѣди я̑,[90] и князя ихъ уби Моислав*а*,[91] и покори я̑ Казимиру.

1048 В лѣто 6556.

1049 В лѣто 6557.

1050 В лѣто 6558. Преставися жена Ярославля княгыни.

1051 В лѣто 6559. Постави Ярославъ Лариона митрополитомь русина въ святѣй Софьи, собравъ епископы.

И се да скажемъ, *чего*[92] ради прозвася Печерьскый манастырь. Боголюбивому князю[93] Ярославу любящю Берестовое и церковь ту сущюю святыхъ Апостолъ, и попы многы набдящю, в них же бѣ презвутеръ, именемь Ларионъ, мужь благъ, книженъ и постникъ. *И*[5] хожаше с Берестоваго на Днѣпръ, на холмъ, кдѣ нынѣ ветхый манастырь Печерьскый, *и*[5] ту молитву творяше, бѣ бо ту лѣсъ великъ. Ископа печерку малу, двусажену, и приходя с Берестового, отпѣваше часы и моляшеся ту Богу втайнѣ. Посемь же Богъ князю вложи въ сердце, и постави и̑ митрополитомь в святѣй Софьи, а си печерка тако ста. И не по мнозѣхъ днехъ бѣ нѣкый человѣкъ, именемь мирьскымь, от града Любча; и възложи сему Богъ в сердце въ страну ити. Онъ же устремися в Святую Гору, и видѣ ту монастыря сущ*ая*,[94] и обиходивъ, възлюбивъ чернечьскый образ, приде в манастырь ту, и умоли игумена того, дабы на нь възложилъ образ мнишьскый. Он же послушавъ его, постриже и̑, нарекъ имя ему Антоний, наказавъ его и научивъ чернечьскому образу, и рече ему: «Иди в Русь опять, и буди благословленье от Святыя Горы, яко[95] от тебе мнози черньци быти имуть». Благослови и̑, и отпусти его, рекъ ему: «Иди с миромь». Антоний же приде Кыеву, и мысляше, кдѣ бы жити; и ходи по манастыремъ, и не възлюби, Богу не[96] хотящю. И поча ходити по дебремъ и по гора*мъ*,[97] *ища*, кдѣ бы ему Богъ показалъ. И приде на холмъ, идѣ*же*[98] бѣ Ларионъ ископалъ печерку, и възлюби мѣсто се, и вселися в не, и нача молитися Богу со слезами, глаголя: «Господи! Утверди мя в мѣстѣ семь, и да будеть на мѣстѣ семь благословенье Святыя Горы и моего игумена, иже мя постриглъ».[99] И поча жити ту, моля Бога, ядый хлѣбъ сухъ, и то[100] чересъ день, и воды в мѣру вкушая, копая печеру, и не да собѣ упокоя день и нощь, в трудѣхъ пребывая, въ бдѣньи и в молитвахъ. Посемь же увѣдѣша добрии человѣци, и приходяху к нему, приносяще же ему, еже на потребу бѣ. И прослу яко же великый Антоний: приходяще к нему про*шаху*[XI, 1] у него благословенья. Посемь же преставльшюся великому князю Ярославу, прия власть сынъ его Изяславъ, и сѣде Кыевѣ. Антоний же прославленъ бысть в Русьскѣй земли; Изяславъ же, увѣдѣвъ житье его, приде с дружиною своею, прося у него благословенья и молитвы. И увѣданъ бысть всѣми великый Антоний и чтимъ, и начаша приходити к нему братья, и нача приимати и постригати я̑, и собрася братьи к нему числомь 12, *и*[2] ископаша печеру велику, и церковь, и кѣльи, яже

суть и до сего дне в печерѣ подъ ветхымь манастыремь. Совъкупленѣ же братьи, рече имъ Антоний: «Се Богъ васъ, братья, совокупи,[3] и от благословенья есте Святыя Горы, имь же мене постриже игуменъ Святыя Горы, а язъ васъ постригалъ; да буди благословенье на васъ первое[4] от Бога, а второе от Святыя Горы». И се рекъ имъ: «Живѣте же о[2] собѣ, и поставлю вы игумена, а самъ хочю въ ону гору ити единъ, якоже и преже бяхъ обыклъ, уединивъся, *жити*».[2] И постави имъ игуменомь Варлама, а самъ иде в гору, и ископа печеру, яже есть подъ новымь манастырем, в ней же скончя животъ свой, живъ в добродѣтели, не выходя ис печеры лѣт 40 нигд*а* же,[5] в ней же лежать мощѣ его и до сего дне. Братья же съ игуменомь живяху *в печере*.[2] И умножившимся братьи в печерѣ *и не имущим ся вмѣстити*,[2] и помыслиша поставити внѣ печеры манастырь. И приде игуменъ и братья ко Антонью, и рекоша ему: «Отче! Умножилося братьѣ, а не можемъ ся вмѣстити в печеру; да бы Богъ повелѣлъ и твоя молитва, да быхомъ поставили церковьцю внѣ печеры». И повелѣ имъ Антоний. Они же поклонишася ему, и поставиша церковьцю малу надъ пещерою во имя святыя Богородица Успенье. И нача Богъ умножати черноризцѣ молитвами святыя Богородица, и съвѣтъ створиша братья со игуменомь поставити манастырь. И идоша братья ко Антонью, и рѣша: «Отче! Братья умножаются, а хотѣли быхомъ поставити манастырь». Антоний же, радъ бывъ, *рече*:[6] «Благословенъ Богъ о всемь, и молитва святыя Богородица и сущихъ отецъ иже в Святѣй Горѣ да будеть с вами». И се рекъ, посла единого от братьѣ ко Изяславу князю, река тако: «Княже мой! Се Богъ умножаеть братью, а мѣстьце мало; да бы ны далъ гору ту, яже есть надъ печерою». Изяславъ же слышавъ и радъ бысть, посла мужь свой, и вда имь гору ту. Игумен же и братья заложиша церковь велику, и манастырь огородиша столпеемь,[7] кельѣ поставиша многы, церковь свершиша и иконами украсиша. И оттолѣ почас*я*[8] Печерскый манастырь, имь же бѣша жили черньци преже в печерѣ, а от того прозвася Печерскый манастырь. Есть же манастырь Печерскый от благословенья Святыя Горы пошелъ. Манастыреви же свершену, игуменьство держащю Варламови, Изяславъ же постави манастырь святаго Дмитрия, и выведе Варлама на игуменьство к святому Дмитрию, хотя створити вышний сего манастыря, надѣяся богатьству. Мнози бо манастыри от цесарь и от бояръ и от богатьства поставлени, но не суть таци, каци суть поставлени слезами, пощеньемь, молитвою, бдѣньемь. Антоний бо не имѣ злата, ни сребра, но стяжа слезами и пощеньемь, яко же глаголахъ. Варламу же шедъшю к святому Дмитрию, совѣтъ[9] створше братья, идоша к старцю Антонью и рекоша: «Постави намъ игумена». Онъ же рече имъ: «Кого хощете?». Они же рѣша: «Кого хощеть Богъ и ты». И рече имъ: «Кто болий въ васъ, акъ же Федосий,[10] послушьливый, кроткый, смѣреный, да сь будеть вамъ игуменъ». Братья же ради бывше, поклонишася старцю, и поставиша Феодосья игуменом братьѣ числомь 20. Феодос*иеви*[11] же приемшю манастырь, поча имѣти въздержанье, и велико *по*щенье,[12] и молитвы съ слезами, и совокупляти нача многы черноризьци, и совокупи братьѣ числомь 100. И нача искати правила чернечьскаго, и обрѣтеся тогда Михаилъ чернець манастыря Студийскаго,

иже бѣ пришелъ изъ Грекъ с митрополитомь Георгиемь, и нача у него искати устава чернець студийскых. И обрѣтъ у него, и списа, и устави въ манастыри своемь, како пѣти пѣнья манастырьская, и поклонъ какъ держати, и чтенья почитати, и стоянье в церкви, и весь рядъ церковный *и на*[2] тряпезѣ сѣданье, и что ясти в кыя дни, все съ уставленьемь. Феодосий все то изъобрѣтъ, предасть манастырю своему. От того же манастыря переяша вси манастыреве уставъ: тѣмь же почтенъ есть манастырь Печерьскый старей *всѣхъ*.[13] Феодосьеви же живущю в манастыри, и правящю добродѣтелное житье и чернечьское правило, и приимающю всякого приходящаго к нему, к нему же и азъ придохъ худый и недостойный рабъ, и приятъ мя лѣт ми сущю 17 от роженья моего. Се же написахъ и положихъ, в кое лѣто почалъ быти манастырь, и что ради зоветься Печерьскый. А о Феодосьевѣ[14] житьи *паки*[15] скажемъ.

1052 В лѣто 6560. Преставися Володимеръ, сынъ Ярославль *старей*,[16] Новѣгородѣ, и положенъ бысть в святѣй Софьи, юже бѣ самъ создалъ.

1053 В лѣто 6561. *У*[17] Всеволода родися сынъ, и нарече имя ему Володимеръ, от царицѣ грькынѣ.

1054 В лѣто 6562. Преставися великый князь русьскый Ярославъ. И еще бо живущю ему, наряди сыны своя, рекъ имъ: «Се азъ отхожю свѣта сего, сынове мои; имѣйте в собѣ любовь, понеже вы есте братья единого отца и матере. Да аще будете в любви межю собою, Богъ будеть в васъ, и покор*ить*[18] вы противныя подъ вы. И будете мирно живуще. Аще ли будете ненавидно живуще, в распряхъ и которающеся, то погыбнете сами, *и*[2] *погубите*[6] землю отець своихъ и дѣдъ своихъ, *юже*[19] налѣзоша трудомь своимь великымъ; но пребывайте мирно, послушающе брат брата. Се же поручаю в собе мѣсто столъ старѣйшему сыну моему и брату вашему Изяславу Кыевъ; сего послушайте, якоже послушасте мене, да *той*[20] вы будеть в мене мѣсто; а Святославу даю Черниговъ, а Всеволоду Переяславль, *а Игорю Володимерь*,[21] а Вячеславу Смолинескъ». И тако раздѣли имъ грады, заповѣдавъ имъ не преступати предѣла братня, ни сгонити, рекъ Изяславу: «Аще кто хощеть обидѣти брата своего, то ты помагай, его же обидять». И тако уряди сыны своя пребывати в любви. Самому же болну сущю и пришедшю Вышегороду, разболѣся велми, Изяславу тогда сущю..., а Святославу Володимери, Все*володу*[22] же тогда сущю у отця, бѣ бо любимъ отцемь паче *всея*[23] братьи, *его же*[24] имяше присно у собе. Ярославу же приспѣ конець житья, и предасть душю свою *Богу*,[2] в суботу 1 поста святаго Феодора. Всеволодъ же спрята тѣло отца своего, възложьше на сани везоша й Кыеву, попове поюще обычныя пѣсни. Плакашася по немь людье; *и*[2] принесо*ше*[25] положиша ѝ в рацѣ мороморянѣ, в церкви святое Софьѣ. И плакася по немъ Всеволодъ и людье вси. Живе же всѣхъ лѣт 70 и 6.

Начало княженья Изяславля Кыевѣ. Пришедъ Изяславъ сѣде Кыевѣ, Святославъ Черниговѣ, Всеволодъ Переяславли, Игорь Володимери, Вячеславъ Смолиньскѣ. В се же лѣто иде Всеволодъ на торкы *зимѣ к Воиню*,[2] и побѣди торкы. В семь же лѣтѣ приходи Болушь с половьци, и створи Всеволодъ миръ с ними, и возвратишася *половци*[2] вспять, отнюду же пришли.

В лѣто 6564. 1056

В лѣто 6565. Преставися Вячеславъ, сынъ Ярославль, Смолиньскѣ, и 1057
посадиша Игоря Смолиньскѣ, из Володимеря выведше.[26]

В лѣто 6566. Побѣди Изяславъ голяди. 1058

В лѣто 6567. Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ высадиша стр*ы*я[27] 1059
своего *Судислава*[28] ис поруба, сидѣ бо лѣт 20 и 4, заводивъше кресту, и бысть чернцемь.

В лѣто 6568. Преставися Игорь, сынъ Ярославль. В семь же лѣтѣ 1060
Изяславъ, и Святославъ, и Всеволодъ, и Всеславъ совокуп*иша*[29] вои бещислены, *и*[2] поидоша на конихъ и в лодьяхъ, бещислено множьство, на торкы. Се слышавше торци убояшася, пробѣгоша и до сего дне, и помроша бѣгаючи, Божьимь гнѣвомь гоними, ови от зимы, друзии же гладомь, ини же моромь и судомь Божьимъ. Тако Богъ избави хрестьяны от поганыхъ.

В лѣто 6569. Придоша половци первое на Русьскую землю воеватъ; 1061
Всеволодъ же изиде противу имъ, мѣсяца февраля въ 2 день. И бившимъся имъ, побѣдиша Всеволода, и воевавше отъидоша. Се бысть первое зло от поганых и безбожныхъ врагъ. Бысть же князь ихъ Искалъ.

В лѣто 6570. 1062

В лѣто 6571. Судиславъ преставися, Ярославль братъ, и погребоша ѝ 1063
въ церкви святаго Георгия. В се же лѣто Новѣгородѣ иде Волховъ вспять дний 5. Се же знаменье не добро бысть, на 4-е бо лѣто пожже Всеславъ градъ.

В лѣто 6572. Бѣжа Ростиславъ Тмутороканю, сынъ Володимерь, внукъ 1064
Ярославль, *и с нимъ бѣжа Порѣй и Вышата, сынь Остромирь воеводы Новгородьского. И пришедъ выгна Глѣба изь Тмуторокана, а самъ сѣде в него мѣсто.*

В лѣто 6573. Иде Святославъ на Ростислава къ Тмутороканю.[6] 1065
Ростиславъ же отступи кромѣ изъ град*а*,[30] не убоявъся его, но не хотя противу стрыеви[31] своему оружья взяти. Святославъ же пришедъ Тмутороканю, посади сына своего пакы Глѣба, *и*[2] възвратися опять. Ростиславъ же пришедъ, пакы выгна Глѣба, и приде Глѣбъ къ отцю своему, Ростиславъ же сѣде Тмуторокани. В се же лѣто Всеславъ рать почалъ.

В си же времена бысть знаменье на западѣ, звѣзда превелика, лучѣ имущи акы кровавы, въсходящи с вечера по заходѣ солнечнѣмь, и пребысть за 7 дний. Се же проявляше не на добро, посемь бо быша усобицѣ мног*ы*[32] и нашествие поганыхъ на Русьскую землю, си бо звѣзда бѣ акы кровава, проявляющи крови пролитье.[33] В си же времена бысть дѣтищь вверженъ в Сѣтомль;[34] сего[35] же дѣтища выволокоша рыболове въ неводѣ, его же позоровахомъ до вечера, и пакы ввергоша ѝ в воду. Бяшеть бо сиць: на лици ему срамнии удове, иного нелзѣ казати срама ради. Пред симь же временемь и солнце премѣнися, и не бысть свѣтло, но акы мѣсяць бысть, его же невѣгласи глаголють снѣдаему сущю. Се же бывають сица знаменья не на добро. Мы бо по сему разумѣемъ, яко же древле, при Антиосѣ, въ Иерусалимѣ случися внезапу по всему граду за 40 дний являтися на вздусѣ на конихъ рищющимъ, въ оружьи, златы иму*щемъ*[36] оде*жа*,[37] и полкы обоя являемы, и оружьемъ двизающимся; се же проявляше нахоженье Антиохо-

во[38] на Иерусалимъ. Посемь же при Неронѣ цесари в том же Иерусалимѣ восия звѣзда, на образъ копийный, надъ градомь: се же проявляше нахоженье рати от римлянъ. И паки сице же бысть при Устиньянѣ цесари, звѣзда восия на западѣ, испущающи луча, юже прозываху блистаницю, и бысть блистающи дний 20; посем же бысть звѣздамъ теченье, с вечера до заутрья, яко мнѣти всѣмъ, яко падають звѣзды, и пакы солнце без лучь сьяше: се же проявляше крамолы, недузи человѣкомъ умертвие бяше. Пакы же при Маврикии цесари бысть сице: жена дѣтищь роди безъ очью и без руку, в чересла бѣ ему рыбий хвостъ прирослъ; и песъ родися шестоногъ; въ Африкии же 2 дѣтища родистася, единъ о 4-хъ ногахъ, а другый о двою главу. Посемь же бысть при Костянтинѣ иконоборци *цари*,[2] сына Леонова: теченье звѣздное бысть на небѣ, отторваху бо ся на землю, яко видящим мнѣти кончину; тогда же въздухъ възлияся повелику; в Сурии же бысть трусъ великъ, земли расѣдшися трий поприщь, изиде дивно и-землѣ мъска, человѣчьскымь гласомь глаголющи и проповѣдающи наитье языка, еже и бысть: наидоша бо срацини на Палестиньскую землю. Знаменья бо въ небеси, или звѣздах, ли солнци, ли птицами, ли етеромь чимъ, не *на*[39] благо бывають;[40] но знаменья сиця на зло бывають, ли проявленье рати, ли гладу, ли смерть проявляють.[41]

1066 В лѣто 6574. Ростиславу сущю Тмуторокани и емлющю дань у касогъ и у инѣхъ стра*нъ*,[42] сего же убоявшеся грьци, послаша с лестью котопана. Оному же пришедшю к Ростиславу и ввѣрившюся ему, чтяшеть ѝ Ростиславъ. Единою же пьющю Ростиславу с дружиною своею, рече котопанъ: «Княже! Хочю на тя пити». Оному же рекшю: «Пий». Он же испивъ половину, а половину дасть князю *пити*,[43] дотиснувъся палцемь в чашю, бѣ бо имѣя под ногтемъ растворенье смертное, и вдасть князю, урекъ смерть до дне семаго. Оному же испившю, котопан же, пришедъ Корсуню, повѣдаше, яко в сий день умреть Ростиславъ, яко же и бысть. Сего же котопана побиша каменьемь корсуньстии людье. Бѣ же Ростиславъ мужь добль, ратенъ, взрастомь же лѣпъ и красенъ лицемь, и милостивъ убогымъ. И умре мѣсяца февраля въ 3 день, и тамо положенъ бысть въ церкви святыя Богородица.

1067 В лѣто 6575. Заратися Всеславъ, сынъ Брячиславль, Полочьскѣ, и зая Новъгородъ. Ярославичи же трие, — Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ, — совокупивше вои, идоша на Всеслава, зимѣ сущи велицѣ. И придоша ко Мѣньску, и мѣняне затворишася в градѣ. Си же братья взяша Мѣнескъ, *и*[2] исѣкоша мужѣ, а жены и дѣти вдаша на щиты, и поидоша к Немизѣ, и Всеславъ поиде противу. И совокупишася обои на Немизѣ, мѣсяца марта въ 3 день; и бяше снѣгъ великъ, *и*[2] поидоша противу собѣ. И бысть сѣча зла, и мнози падоша, и одолѣша Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ, Всеславъ же бежа. По семь же, мѣсяца иуля въ 10 день, Изяславъ, Святославъ *и*[2] Всеволодъ, цѣловавше крестъ честный къ Всеславу, рекше ему: «Приди к намъ, яко не створимъ ти зла». Он же, надѣявъся цѣлованьи креста, перѣха[44] в лодьи чересъ Днѣпръ. Изяславу же в шатеръ предъидущю, и тако яша Всеслава на Рши у Смолиньска, преступивше[45] крестъ. Изяславъ же приведъ Всеслава Кыеву, всади ѝ в порубъ съ двѣма сынома.

В лѣто 6576. Придоша иноплеменьници на Русьску землю, половьци 1068
мнози. Изяславъ же, и Святославъ, и Всеволодъ изидоша противу имь на Льто. И бывши нощи, подъидоша противу собѣ. Грѣхь же ради нашихъ пусти Богъ на ны поганыя, и побѣгоша русьскыи князи, и побѣдиша половьци.

Наводить бо Богъ по гнѣву своему иноплеменьникы на землю, и тако скрушенымъ имъ въспомянутся къ Богу; усобная же рать бываеть от соблажненья дьяволя. Богъ бо не хощеть зла человѣкомъ, но блага; *а*[46] дьяволъ радуется злому убийству и крови пролитью, подвизая свары и зависти, братоненавидѣнье, клеветы. Земли же согрешивши[47] которѣй любо, казнить Богъ смертью, ли гладомъ, ли наведеньемъ[48] поганыхъ, ли ведромъ, ли гусѣницею, ли инѣми казньми, аще ли покаявшеся будемъ, в нем же ны Богъ велить жити, глаголеть бо пророкомъ намъ: «Обратитеся ко мнѣ всѣмъ сердцемь вашимъ, постомъ и плачемъ». Да аще сице створимъ, всѣхъ грѣхъ прощени будемъ: но мы на злое възращаемся, акы свинья в калѣ грѣховнѣмь присно каляющеся, и тако пребываемъ. Тѣм же пророкомъ нам глаголеть: «*Разу*мѣхъ,[49] — рече, — яко жестокъ еси, и шия желѣзная твоя», того ради «удержахъ от васъ дождь, предѣлъ единъ одождихъ, а другаго не одождихъ, исше»; «*и*[2] поразихъ вы зноемь и различными казньми; то и тако не обратистеся ко мнѣ. Сего ради винограды вашѣ, и смоковье ваше, нивы и дубравы ваша истрохъ, глаголеть Господь, а злобъ вашихъ не могохъ истерти. Послахъ на вы различныя болѣзни и смерти тяжкыя, и на скоты казнь свою послах, то и ту не обратистеся, но рѣсте: „Мужаемъся". Доколѣ не насытистеся злобъ вашихъ? Вы бо уклонистеся от пути моего, глаголеть Господь, и соблазнисте многы»; сего ради «буду свѣдѣтель скоръ на противньныя, и на прелюбодѣица, и на кленущаяся именемь моимъ во лжю, и на лишающая мьзды наимника,[50] насильствующая сиротѣ и вдовици, и на уклоняющая судъ кривѣ. Почто не сдерзастеся о грѣсѣхъ вашихъ? Но уклонисте законы моя и не схранисте ихъ. Обратитеся ко мьнѣ, — и обращюся к вамъ, глаголеть Господь, и азъ отверзу вамъ хляби небесныя и отвращю от васъ гнѣвъ мой, дондеже все обилуеть вамъ, и не имуть изнемощи виногради ваши, ни нивы. Но вы отяжасте на мя словеса ваша, глаголюще: „Суетенъ работаяй Богу"». *Тѣмже*[2] «Усты[51] чтуть мя, а сердце ихъ далече отстоить мене». Сего ради, их же просимъ, не приемлемъ; «Будеть бо, рече, егда призовете мя, азъ же не послушаю[52] васъ. Взищете мене зли, и не обрящете; не всхотѣша бо ходити по путемъ моим»; да того ради затворяется небо, ово ли злѣ отверзается, градъ *въ дождя*[53] мѣсто пуская, ово ли мразомь плоды узнабляя и землю зноемь томя, наших ради злобъ. Аще ли ся покаемъ от злобъ наших, то «акы чадомъ своимъ» дасть нам вся прошенья, и одождит*ь*[54] нам дождь ранъ и позденъ. «И наполнятся гумна ваша пшеницѣ. Пролѣются точила винная и масльная. И въздам вамъ за лѣта, яже пояша прузи, и хрустове и гусѣниця; сила моя великая, юже послах на вы», глаголеть[55] Господь Вседержитель. Си слышаще, въстягнѣмъся на добро, взищѣте суда, избавите обидимаго, на покаянье придемъ, не въздающе зла за зло, ни клеветы за клевету, но любовью прилѣпимся Господи Бозѣ нашемь, постомъ, и рыданьем, *и*[2] слезами омывающе вся

прегрѣшенья *наша*,[2] не словомь нарицяющеся хрестьяни, а поганьскы живуще. Се бо не погански ли живемъ, аще усрѣсти вѣрующе? Аще бо кто усрящеть черноризца, то възвращается, *ли*[56] единець, ли свинью; то не поганьскы ли се есть? Се бо по дьяволю наученью кобь сию держать; друзии же и закыханью вѣрують, еже бываеть на здравье[57] главѣ. Но сими дьяволъ лстить и другыми нравы, всячьскыми лестьми превабляя ны от Бога, трубами и скоморохы, гусльми и русальи. Видим бо игрища утолочена, и людий много множьство *на них*,[2] яко упихати начнуть другъ друга, позоры дѣюще от бѣса замышленаго дѣла, а церкви стоять; егда же бываеть годъ молитвы, мало ихъ обрѣтается в церкви. Да сего ради казни приемлемъ от Бога всячскыя, и нахоженье ратных, по Божью повелѣнью приемлем казнь грѣхъ ради наших.

Мы же на предълежащее *паки*[2] възвратимся. Изяславу же со Всеволодомъ Кыеву побѣгшю, а Святославу Чернигову, и людье кыевстии прибѣгоша Кыеву, и створиша вѣче на торговищи, и рѣша, пославшеся ко князю: «Се половци росулися по земли; дай, княже, оружье и кони, и еще бьемся с ними». Изяслав же сего не послуша. И нача*ша* людие *говорити*[58] на воеводу на Коснячька; идоша на гору, съ вѣча, и придоша на дворъ Коснячковъ, и не обрѣтше его, сташа у двора Брячиславля и рѣша: «Поидем, высадим дружину свою ис погреба». И раздѣлишася надвое: половин*а*[59] ихъ иде к погребу, а половина ихъ иде по мосту; си же придоша на княжь дворъ. Изяславу же сѣдящю на сѣнехъ с дружиною своею, начаша прѣтися со княземъ, стояще долѣ. Князю же из оконця зрящю и дружинѣ стоящ*и*[60] у князя, рече Тукы, братъ Чюдинь, Изяславу: «Видиши, княже, людье възвыли; посли, атъ Всеслава блюдуть». И се ему глаголющю, другая половина людий приде от погреба, отворивше погребъ. И рекоша дружина князю: «Се зло есть; посли ко Всеславу, атъ призвавше лестью ко оконцю, пронзуть ѝ мечемь». И не послуша сего князь. Людье же кликнуша, и идоша к порубу Всеславлю. Изяслав же се видѣвъ, со Всеволодомъ побѣгоста з двора, людье же высѣкоша Всеслава ис поруба, въ 15 день семтября, и прославиша ѝ средѣ двора къняжа. Дворъ жь княжь разграбиша, бещисленое множьство злата и сребра, кунами и бѣлью. Изяслав же бѣжа в Ляхы.

Посемь же половцемъ воюющим по землѣ Русьстѣ, Святославу сущю Черниговѣ, и половцем воюющим около Чернигова, Святослав же собравъ дружины нѣколико, изиде на ня[61] ко Сновьску. И узрѣша половци идущь полкъ, пристроишася противу. И видѣвъ Святославъ множьство ихъ, и рече дружинѣ своей: «Потягнѣмъ, уже нам не лзѣ камо ся дѣти». И[25] удариша в конѣ, и одолѣ Святославъ в трех тысячахъ, а половець бѣ 12 тысячѣ; и тако бьеми, а друзии потопоша въ Снови,[62] а князя ихъ яша рукама, въ 1 день ноября. И възвратишася с побѣдою в градъ свой Святославъ.

Всеславъ же сѣде Кыевѣ. Се же Богъ яви силу крестную, понеже Изяславъ цѣловавъ крестъ, и я ѝ; тѣм же наведе Богъ поганыя, сего же явѣ избави крестъ честный. В день бо Въздвиженья Всеславъ, вздохнувъ, рече: «О кресте честный! Понеже к тобѣ вѣровах, избави мя от рва сего». Богъ же показа силу крестную *на*[25] показанье землѣ Русьстѣй, да не преступають честнаго креста, цѣловавше его; аще ли преступить кто, то и

здѣ прииметь казнь и на придущемь вѣцѣ казнь вѣчную. Понеже велика есть сила крестная: крестомь бо побѣжени бывають силы бѣсовьскыя, крестъ[63] бо князем в бранех пособить, въ бранех крестомъ сограждаеми вѣрнии людье побѣжають супостаты противныя, крестъ бо вскорѣ избавляеть от напастий призывающим его с вѣрою. *Ничего*[64] же ся боять бѣси, токмо креста. Аще бо бывають от бѣсъ мечтанья, знаменавше лице крестомь, прогоними бывають. Всеслав же сѣде Кыевѣ мѣсяць 7.

В лѣто 6577. Поиде Изяславъ с Болеславомь на Всеслава; Всеслав же поиде противу. И приде Бѣлугороду Всеславъ, и бывши нощи, утаивъся кыянъ, бѣжа из Бѣлагорода Полотьску. Заутра же *видѣвше*[65] людье князя бѣжавша, възвратишася Кыеву, и створиша вѣче, *и*[2] послашася къ Святославу и къ Всеволоду, глаголюще: «Мы уже зло створили есмы, князя своего прогнавше, а се *ведеть*[66] на ны Лядьскую землю, а поидѣта в градъ отца своего; аще ли не хочета, то нам неволя: *зажегше*[67] град свой, ступим въ Гречьску землю». И рече имъ Святославъ: «Вѣ послевѣ к брату своему; аще поидеть на вы с ляхы губити васъ, то вѣ противу ему ратью, не давѣ бо погубити града отца своего; аще ли хощеть с миромь, то в малѣ придеть дружинѣ». И утѣшиста кыяны. Святослав же и Всеволодъ посласта к Изяславу, *глаголюща*:[68] «Всеславъ ти бѣжалъ, а не води ляховъ Кыеву, противна бо ти нѣту; аще ли хощеши гнѣвъ имѣти и погубити град, то вѣси, яко нама жаль отня стола». То слышавъ Изяславъ остави ляхы и поиде с Болеславом, мало ляховъ поимъ; посла же пред *собою*[2] сына своего Мьстислава Кыеву. И пришед Мьстиславъ, исѣче *кияны*,[2] иже бѣша высѣкли Всеслава, числом 70 чади, а другыя слѣпиша, другыя же без вины погуби, не испытавъ. Изяславу же идущю къ граду, изидоша людье противу с поклоном, и прияша князь свой кыяне; и сѣде Изяславъ на столѣ своемь, мѣсяца мая въ 2 день. И распуща ляхы на покормъ, *и*[2] избиваху ляхы отай; *и*[2] възвратися в Ляхы Болеславъ, в землю свою. Изяславъ же възгна торгъ на гору, и прогна Всеслава ис Полотьска, посади сына своего Мьстислава Полотьскѣ; он же вскорѣ умре ту. И посади в него мѣсто брата *его*[69] Святополка, Всеславу же бѣжавшю. 1069

В лѣто 6578. Родися у Всеволода сынъ, и нарекоша именем Ростиславъ. В се же лѣто заложена бысть церкы святаго Михаила в монастырѣ Всеволожи. 1070

В лѣто 6579. Воеваша половци у Растовьця и у *Не*ятина.[70] В се же лѣто выгна Всеславъ Святополка ис Полотьска. В се же лѣто побѣди Ярополкъ Всеслава у Голотичьска. В си *же*[2] времена приде волхвъ, прелщенъ бѣсомъ; пришедъ бо Кыеву глаголаше, сице повѣдая людемъ, яко на пятое лѣто Днѣпру потещи вспять и землямъ преступати на ина мѣста, яко стати Гречьскы земли *на Руской*,[2] а Русьскѣй на Гречьской, и прочимъ землямъ измѣнитися. Его же невѣгласи послушаху, вѣрнии же *смеяхуться*,[71] глаголюще ему: «Бѣсъ тобою играеть на пагубу тобѣ». Се же и бысть ему: въ едину бо нощь бысть без вѣсти. 1071

Бѣси бо подътокше на зло вводять; посем же насмисаются ввергъше ѝ в пропасть смертную, научивше глаголати. Яко же се скажемъ бѣсовьское наущенье и дѣйство.

Бывши[72] бо единою скудости[73] в Ростовьстѣй области, встаста два волъхва от Ярославля, глаголюща, яко «Вѣ свѣвѣ, кто обилье держить». И поидоста по Волзѣ, кдѣ приидуча в погостъ,[74] ту же нарекаста[75] лучьшиѣ жены, глаголюща, яко си жито держить, а си медъ, а си рыбы, а си скору.[76] И привожаху к нима сестры своя, матере и жены своя. Она же в мечтѣ прорѣзавша[77] за плечемь, вынимаста[78] любо жито, любо рыбу, и убивашета многы жены, и[2] имѣнье ихъ отъимашета собѣ. И придоста на Бѣлоозеро, и бѣ у нею[79] людий инѣхъ[80] 300. В се же время приключися прити от Святослава дань емлющю Яневи, сыну Вышатину; повѣдаша ему бѣлозерци, яко два кудесника избила уже многы жены по Волъзѣ и по Шекснѣ, и пришла еста сѣмо. Ян же, испытавъ, чья еста смерда, и увѣдѣвъ, яко своего князя, пославъ к нимъ, иже около ею суть, рече имъ: «Выдайте волхва та сѣмо, яко смерда еста моя и моего князя». Они же сего не послушаша. Янь же поиде сам безъ оружья, и рѣша ему отроци его: «Не ходи безъ оружья, осоромять тя». Он же повелѣ взяти оружья отрокомъ, и бѣста 12 отрока с нимь, и поиде к ним к[81] лѣсу. Они же сташа исполчившеся противу. Яневи же идущю с топорцем, выступиша от них 3 мужи, придоша къ Яневи, рекуще ему: «Вида идеши на смерть, не ходи». Оному повелѣвшю бити[82] я̀, к прочимъ же поиде. Они же сунушася на Яня, единъ грѣшися Яня топором. Янь же оборотя топоръ удари ѝ тыльемь, повелѣ отроком сѣчи я̀. Они же бѣжаша в лѣсъ, убиша же ту попина Янева. Янь же, вшедъ в град к бѣлозерцем, рече имъ: «Аще не имете[83] волхву сею, не иду от васъ и за лѣто». Бѣлозерци же, шедше, яша я̀, и приведоша я̀[84] къ Яневи. И рече има: «Что ради погубиста толико человѣкъ?». Онѣма же рекшема, яко «Ти држать обилье, да аще истребивѣ сихъ, будеть гобино; аще ли хощеши, то предъ[85] тобою вынемѣве жито, ли рыбу, ли ѝно что». Янь же рече: «По истинѣ лжа то; створилъ Богъ человѣка от землѣ, сставленъ костьми и жылами от крове; нѣсть в немь ничто же и не вѣсть никто же,[86] но токъмо единъ Богъ вѣсть». Она же рекоста: «Вѣ вѣвѣ, како есть человѣкъ створенъ». Он же рече: «Како?». Она же рекоста: «Богъ мывъся въ мовници и вспотивъся, отерся[87] вѣхтемъ,[88] и верже с небесе на землю. И распрѣся сотона с Богомь, кому в немь створити человѣка. И створи дьяволъ человѣка, а Богъ душю во нь[89] вложи. Тѣм же, аще умреть человѣкъ, в землю идеть тѣло, а душа к Богу». Рече има Янь: «Поистинѣ прельстилъ вас есть бѣсъ; коему богу вѣруета?». Она же рекоста: «Антихресту». Он же рече има: «То кдѣ есть?». Она же рекоста: «Сѣдить в безднѣ». Рече има Янь: «Какый то богъ, сѣдя в безднѣ? То есть бѣсъ, а Богъ есть на небеси, сѣдяй[90] на престолѣ, славим от ангелъ, иже предстоять ему со страхом, не могуще на нь зрѣти. Сих бо ангелъ сверженъ бысть, его же вы глаголета антихрест, за величанье его низъверженъ бысть с небесе, и есть в безднѣ яко же то вы глаголета, жда, егда придеть Богъ с небесе. Сего имъ антихреста свяжеть узами и посадить ѝ, емъ его, с слугами его[91] и иже к нему вѣрують. Вама же и сде муку прияти от мене, и по смерти тамо». Онѣма же рекшема: «Нама бози повѣдають, не можеши нама створити ничтоже». Он же рече ѝма: «Лжють вама бози». Она же рекоста:[2] «Нама стати пред Святославомь, а ты не можеши[92] створити ничтоже». Янь же

повелѣ бити я̀ и поторгати[93] брадѣ ею̀. Сима же тепенома и брадѣ ею поторганѣ проскѣпомъ, рече и̇ма Янь: «Что вама бози молвять?». Онѣма же рекшема: «Стати нама пред Святославом». И повелѣ Янь вложити рубль въ уста има и привязати я̀ къ упругу, и пусти пред собою *въ*[2] лодьѣ, и самъ по них иде. Сташа на устьи Шексны, и рече има Янь: «Что вам бози молвять?». Ѡна же рѣста: «Сице нама бози молвять, не быти нама живы*мъ*[94] от тобе». И рече има Янь: «То ти вама право повѣдали». Ѡна же рекоста: «Но аще на пустиши, много ти добра будеть; аще ли наю погубиши, многу печаль примешии и зло». Он же рече има: «Аще ваю пущю, то зло ми будеть от Бога; *аще ль вас погублю, то мзда ми будеть*».[2] И рече Янь повозником: «Ци кому вас кто родинъ убьенъ от сею?». Они же рѣша: «Мнѣ мати, другому сестра, иному роженье». Онъ же рече имъ: «Мьстите своихъ». Они же поимше, убиша я̀ и повѣсиша я̀[95] на дубѣ: отмьстье примш*а*[96] от Бога по правдѣ. Яневи же идущю домови, в другую нощь медвѣдь възлѣзъ, угрызъ ею и снѣсть. И тако погыбнуста наущеньемь бѣсовьскым, инѣмъ ведущ*а*,[97] а свое*а*[98] пагубы не вѣдуче. Аще ли быста вѣдала, то не быста пришла на мѣсто се, иде же ятома има быти; аще ли и ята быста, то почто глаголаста: «Не умрети нама», оному мыслящю убити я̀? Но се есть бѣсовьское наученье; бѣси бо не вѣдять мысли человѣчьс-*кыя*,[99] но влагають помыслъ въ человѣка, тайны не свѣдуще. Богъ единъ свѣсть помышленья человѣчьская, бѣси же не свѣдають ничтоже; суть бо немощни и худи взоромь.

Яко и се скажемъ о взорѣ ихъ и о омраченьи ихъ. В си бо времена, в лѣта си, приключися нѣкоему новгородцю прити в Чюдь, и приде *к*[100] кудеснику, хотя волхованья от него. Ѡнъ же по обычаю своему нача призывати бѣсы в храмину свою. Новгородцю же сѣдящю на порозѣ тоя же храмины, кудесникъ же лежаше оцепѣ*въ*,[XII, 1] и шибе имъ бѣсъ. Кудесникъ же, вставъ, рече новгородцю:[2] «Бози не смѣють прити, нѣчто имаши на собѣ, его же боятся». Он же помянувъ на собѣ крестъ, и отшедъ постави кромѣ храмины тое. Он же нача опять призывати бѣсы. Бѣси же метавше имь, повѣдаша, что ради пришелъ есть. Посемь же поча прашати его: «Что ради бояться его, его же се носимъ на собѣ креста?». Ѡнъ же рече: «То[3] есть знаменье небеснаго Бога, его же наши бози боятся». Он же рече: «То каци суть бози ваши, где живуть?». *Онъ же рече*:[4] «В безднахъ. Суть же образом черни, крилаты, хвосты имуще; всходять же и подъ небо,[5] слушающе ваших боговъ. Ваши бо *бози*[6] на небеси суть. Аще кто умреть от ваших людий, то възносимъ есть на небо; аще ли от наших умираеть, то носимъ к нашимъ богомь в бездну». Яко же и есть: грѣшници бо въ адѣ суть, ждуще мукы вѣчныя, а праведници въ небеснѣмь жилищѣ водваряются со ангелы.

Сиця ти есть бѣсовьская сила, и лѣпота, и немощь. Тѣм же прелщають человѣкы, веляще имъ глаголати видѣнья, являющеся имъ, несвершенымъ вѣрою, являющеся во снѣ, инѣмъ в мечтѣ, и̇ тако волхвують наученьемь бѣсовьскым. Паче же женами бѣсовьская волъшвенья бывають; искони бо бѣсъ жену прелсти, си же мужа, тако в си роди много волхвують жены чародѣйством, и отравою, и инѣми бѣсовьскыми козньми. Но и мужи

прелщени бывають от бѣсовъ невѣрнии, яко се въ перв*ыя* роды,[7] при апостолѣхъ бо бысть Симонъ волхвъ, *иже*[8] творяше волшьствомь псомъ глаголати человѣчьск*и*,[9] и сам премѣняшется, ово старъ, ово молодъ, ово ли и иного премѣняше во иного образ, в мечтаньи. Сице творяше Аньни*й и* Мамъврий,[10] волъшвеньемь чюдеса *творяшета*[11] противу Моисиови, но вскорѣ не възмогоста противу Моисиови, но и К*унопъ*[12] творяше мечтанье бѣсовьско, яко и по водам ходити, *и*[13] ина мечтанья творяше, бѣсомь лстим, на погубу собѣ и инѣмъ.

Сиць бѣ волхвъ всталъ при Глѣбѣ Новѣгородѣ; глаголеть бо людемъ, творяся акы богъ, *и*[14] многы прельсти, мало не всего града, глаголашеть бо, яко «*Провѣде*[15] вся» и хуля вѣру хрестьянскую, глаголашеть бо, яко «Переиду по Волхову предъ всѣми». И бысть мятежь в градѣ, и вси яша ему вѣру, и хотяху погубити епископа. Епископъ же,埈 вземъ крестъ и облекъся в ризы, ста, рек: «Иже хощеть вѣру яти волхву, то да идеть за нь; аще ли вѣруеть кто, то ко кресту да идеть». И раздѣлишася надвое: князь бо Глѣбъ и дружина его идоша и сташа у епископа, а людье вси идоша за волхва. И бысть мятежь великъ межи ими. Глѣбъ же возма топоръ подъ скутом, приде к волхву и рече ему: «То вѣси ли, что утро хощеть быти, и что ли до вечера?». Он же рече: «*Провѣде*[16] вся». И рече Глѣбъ: «То вѣси ли, что *ти*[14] хощеть быти днесь?». «Чюдеса велика створю», рече. Глѣбъ же, вынемь топоръ, ростя ѝ, и паде мертвъ, и людье разидошася. Он же погыбе тѣломь, и душею предавъся дьяволу.

1072 В лѣто 6580. Пренесоша[17] святая страстотерпця Бориса и Глѣба. Совокупившеся Ярославичи, Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ, митрополитъ же тогда бѣ Георги, епископъ Петръ Переяславьскый, *Михаилъ Гургевьский*,[14] Феодосий же игуменъ Печерьскый, Софроний святаго Михаила игуменъ, Германъ игуменъ святаго Спаса, Никола игуменъ Переяславьскый, и вси игумени, и створше праздникъ, празднования свѣтло, *и*[14] преложиша я̀ в новую церковь, юже сдѣла Изяславъ, яже стоить и нынѣ. И вземше первое Бориса в древянѣ рацѣ Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ, вземше на рама своя понесоша, предъидущем черноризцем, свещ*а*[18] держаще в рукахъ, и по них дьякони с кадилы, и посемь презвитери, и по них епископи с митрополитом; по сих с ракою идяху. И принесше в новую церковь, отверзоша раку, исполнися благоуханья церкы, воня[19] благы; видѣвше же се, прославиша Бога. И митрополита ужасть обиде, бѣ бо нетвердъ верою к нима; и падъ ниць, просяше прощенья. Цѣловавше мощи его, вложиша ѝ в раку камену. Посем же вземше Глѣба в рацѣ каменѣ, вставиша на сани, и емше за ужа везоша ѝ. Яко быша въ дверех, ста рака, и не иде. И повелѣша народу възвати: «Господи помилуй», и повезоша ѝ. И положиша я̀, мѣсяца мая 2 день. И отпѣвше литургию, обѣдаша братья на скупь, кождо с бояры своими, с любовью великою. И бѣ тогда держа Вышегородъ Чюдинъ, а церковь Лазорь. Посем же разидошася всвояси.

1073 В лѣто 6581. Въздвиже дьяволъ котору въ братьи сей Ярославичихъ. Бывши распри межи ими, быста съ собе Святославъ со Всеволодомъ на Изяслава. Изиде Изяславъ ис Кыева, Святослав же и Всеволодъ внидоста в Кыевъ, мѣсяца марта 22, и сѣдоста на столѣ на Берестовомь, преступив-

ша[20] заповѣдь отню. Святослав же бѣ начало выгнанью братню, желая болшее власти; Всеволода бо прелсти, глаголя, яко «Изяславъ сватится со Всеславомъ, мысля на наю; да аще его не *варивѣ*,[14] имать насъ прогна*ти*.[21] И тако взостри Всеволода на Изяслава. Изяслав же иде в ляхы со имѣньем многым, глаголя, яко «Симь налѣзу вои». Еже все взяша ляхове у него, показавше ему путь от себе. А Святославъ сѣде Кыевѣ, прогнавъ брата своего, преступивъ заповѣдь отню, паче же Божью. Велий бо есть грѣх преступа*ти*[22] заповѣдь отца своего: ибо исперва преступиша сынове Хамови на землю Сифову, и по 400 лѣт отмьщенье прияша от Бога, от племене бо Сифова суть еврѣи, *иже*[23] избивше Хананѣйско племя, всприяша свой жребий и свою землю. Пакы преступи Исавъ заповѣдь отца своего, и прия убийство; не добро бо есть преступати предѣла чюжего. В се же лѣто основана бысть церкы Печерьская игуменомь Феодосьемь и епископомь Михаиломь, митрополиту[24] Георгию тогда сущю въ Грьцѣхъ, Святославу Кыевѣ сѣдящю.

В лѣто 6582. Феодосий, игуменъ печерьскый, преставися. Скажемъ же *1074* о успеньи его мало. Феодосий бо обычай имяше приходящю[25] постному времени, в недѣлю Масленую, вечеръ, по обычаю цѣловавъ братью всю и поучивъ ихъ, како проводити постное время, в молитвахъ нощных и дневных, блюстися от помыслъ скверньных, от бѣсовьскаго насѣянья. «Бѣси бо, — рече, — насѣвають черноризцем помышленья, похотѣнья лукава, в*жагаю*щe[26] *имъ*[27] помыслы, и тѣми врежаеми бывають имъ молитвы; да приходящая таковыя мысли възбраняти знаменьем крестнымъ, глаголюще сице: „Господи Иисусе Христе, Боже нашь, помилуй нас, аминь". И к симъ воздержанье имѣти от многаго брашна; въ ядењи бо мнозѣ и питьи безмѣрнѣ въздрастають помысли лукавии, помыслом же въздрастъшим стваряется грѣхъ». «Тѣмже, — рече, — противитеся бѣсовьскому дѣйству и проныръств*у*[28] ихъ, блюстися от лѣности и от многаго сна, бодру быти на пѣнье церковное, и на преданья отечьская и почитанья книжная; паче же имѣти въ устѣхъ Псалтырь Давыдовъ подобаеть черноризцем, — симь[29] прогонити бѣсовьское унынье, паче же имѣти *в*[30] собѣ любовь всѣм меншим и к старѣйшим покоренье и послушанье, старѣйшимъ же к меншимъ любовь и наказанье, и образ бывати собою въздержаньем и бдѣньемь, хоженьем и смѣреньем; тако наказывати меншая,[31] и утѣшати я̀ и тако проводити постъ».Глаголеть бо сице, яко «Богъ далъ есть намъ 40 дний сию на очищенье души; се бо есть десятина, даема от *лѣта*[32] Богу: дний бо есть от года до года 300 и 60 и 5, а от сихъ дний десятый день въздаяти Богови десятину, еже есть постъ 40-тный, в ня же дни очистившися душа, празднуеть свѣтло на Вскресенье Господне, веселящися о Бозѣ. Постное бо время очищаеть умъ человѣку. Пощенье бо исперва преображено[33] бысть: Адаму первое не вкушати от древа единого; поcтивъ бо ся Моиси дний 40, сподобися прияти законъ на горѣ Синайстѣй, и вид*ѣ*[34] славу Божью; постомъ Самоила мати роди; постившеся ниневгитяне гнѣва Божья избыша; постивсѧ[35] Данилъ видѣнья велика сподобися; постивъся Илья акы на небо взятъ бысть в пищю породную; постившеся 3 отроци угасиша силу огньную; постивъся и Господь 40 дний, намъ показа[36] постное время; постомь

апостоли иско*рени*ша[37] бѣсовьское ученье; постомъ явишася отци наши акы свѣтила в мирѣ, иже сияють и по смерти, показавше труды великыя и вздержанье, яко *сей*[38] великый Антоний, и Еуфимий, и Сава и прочии отци, их же мы поревнуемъ, братья». И сице поучивъ братью, цѣлова въся по имени, и тако изидяше из монастыря, взимая мало коврижекъ; *и*[14] вшедъ в печеру, и затворяше двери печерѣ, и засыпаше перстью, и не глаголаше никому же; аще ли будяще нужьное орудье, то оконцемъ ма*ломъ*[39] бесѣдоваше в суботу ли в недѣлю, а во ины дни пребываше в постѣ и в молитвах, вздержася крѣпко. И приходяше в манастырь в пятокъ на канунъ Лазаревъ; *в сей*[40] бо день кончается постъ 40 дний, начинаем от перваго понедѣлника наставш*и*[41] Феодоровы недѣли, кончаваеть же ся в пятокъ Лазаревъ; а страстьная недѣля уставлена есть поститися страстий ради Господень. Феодосьеви же пришедшю по обычаю братью целова,[42] и празднова с ними недѣлю Цвѣтную, и дошедъ велика дне Вскресенья, по обычаю празднова свѣтло, впаде в болѣзнь. Разболѣвшю бо ся ему и болѣвшю дний 5, посемь, бывшю вечеру, повелѣ изнести ся на дворъ; братья же, вземше ѝ на сани, поставиша ѝ прямо церкви. Он же повелѣ звати братью всю, братья же ударивше в било, и собрашася вси. Он же рече имъ: «Братья моя, и отци мои, и чада моя! Се азъ отхожю от вас, яко же яви ми Господь в постное время, в печерѣ сущю ми, изити от свѣта сего. Вы же кого хощете игуменом имѣти собѣ, да и азъ благословленье подалъ бых ему?». Они же рекоша *ему*:[14] «Ты еси намъ всѣм отець, да его же изволиши самъ, то намъ буди отець и игуменъ, и послушаемъ[43] его, яко и тобе». Отець же нашь Феодоси рече: «Шедше кромѣ мене нарьцѣте, его же хощете, кромѣ двою брату, Николы и Игната; в прочих кого хощете, от старѣйших и до меншихъ». Они послушавше его, отступиш*а*[44] мало къ церкви, сдумавше, послаша брата два, глаголюще сице: «Его же изволить Богъ и твоя честная молитва, его же тобѣ любо, того нарци». Феодосий же рече имъ: «Да аще от мене хощете игумена прияти, то азъ створю вам не по своему изволенью, но по Божью строенью»; и нарече имъ Иякова презвитера. Братьи же нелюбо бысть, глаголюще яко «Не здѣ есть постриганъ». Бѣ бо Ияковъ пришелъ с Летьца с братом своимъ Паулом. И[45] начаша братья просити Стефана деместника, суща тогда ученика Феодосьева, глаголюще, яко «Сесь взрослъ есть подъ рукою твоею, и у тобе послужилъ есть; сего ны вдай». Рече же имъ Феодосий: «Се азъ, по Божью повелѣнью, нареклъ бяхъ Иякова; се же вы свою волю створити хощете». И послушавъ ихъ, предасть имъ Стефана, да будеть имъ игуменъ. И благослови Стефана, и рече ему: «Чадо! Се предаю ти манастырь, блюди со опасеньемь его, и яже устроихъ въ служьбах, то держи. Преданья манастырьская и устава не измѣняй, но твори вся по закону и по чину манастырьску». И посемь вземше ѝ братья, несоша в кѣлью и положиша на одрѣ. И шестому дни наставшю, болну сущю велми, приде к нему Святославъ с сыномъ своимъ Глѣбомъ; и сѣдящема *има*[14] у него, рече ему Феодосий: «Се отхожю свѣта сего, и се предаю ти манастырь на сблюденье, еда будеть что смятенье в немь. И се поручаю игуменьство Стефану, не дай[46] его въ обиду». Князь же цѣловавъ его, и обѣщася пещися манастыремъ, и иде от него. Семому же дни пришедшю, призва Стефана и

братью, уже изнемагающю, и нача имъ глаголати сице: «Аще по моемь ошествии свѣта сего, аще буду Богу угодилъ и приялъ мя будеть Богъ, то по моемь ошествии манастырь *ся*[4] начнеть строити и прибывати в нем: то вѣжьте, яко приял мя есть Богъ. Аще ли по моей смерти оскудѣвати начн*еть*[47] манастырь черноризци и потребами манастырьсками, то вѣдуще буд*ете*[48] яко не угодилъ есмъ Богу». И се ему глаголющю, плакахуся братья, глаголюще: «Отче! Молися за ны к Богу; вѣмы бо, яко Богъ труда твоего не презрить». И пресѣдящи братьѣ нощь ту у него, и наставшю дни осмому, въ 2-ю суботу по Пасцѣ, въ час 2 дне, предасть душю в руцѣ Божии, мѣсяця мая въ 3 день, индикта в 11 лѣто. Плакашася по немь братья. Бѣ же Феодосий заповѣдалъ положити ся в печерѣ, идѣже показа труды[49] многы, рек сице: «В ночь похороните тѣло мое», яко же и створиша. Вечеру бо приспѣвшю, братья вземше тѣло его, и положиша ѝ в печерѣ, проводивше с пѣсньми, с свѣщами, честно, на хвалу Богу нашему Иисусу Христу.

Стефану же предержащю манастырь и блаженое стадо, еже бѣ совокупилъ Феодосий...[50]такы черньцѣ, яко свѣтила в Руси сьяють: ови бо бяху постници крѣпци, ови же на бдѣнье, ови на кланянье колѣньное, ови на пощенье чресъ день и чресъ два дни, ини же ядуще хлѣбъ с водою, ини зелье варено, друзии сыро. Въ любви пребывающе, меншии покаряющеся старѣйшимъ и не смѣюще пред ними глаголати, но все с покореньемь и с послушаньем великымъ. Тако же и старѣйшии имях*у*[51] любовь к меншимъ, наказаху, утѣшающе, яко чада възлюбленая. Аще который братъ въ етеро прегрѣшенье впадаше, утѣшаху, и епитемью *единого брата раздѣляху*[4] 3 ли, 4, за великую любовь: тако бо бяше любы в братьи той *и*[4] вздержанье велико. Аще братъ етеръ выидяше из манастыря, вся братья имяху о томь печаль велику, посылаючи по нь, призываху брата к монастырю, шедше вси кланяхуся игумену, и моляху игумена, и приимаху брата в манастырь с радостью. Таци бо бѣша любовници, и *въздержьници*,[52] и постници, от них же намѣню нѣколико мужь чюдных.

Яко се первый Демьянъ презвутеръ, бяше тако постникъ и въздержник, яко развѣ хлѣба ти воды ясти ему до смерти своея. Аще кто коли принесяше дѣтищь боленъ, кацѣмь любо недугом одержим, принесяху в манастырь, ли свер*шенъ*[53] человѣкъ, кацѣм любо недугомь одержим, приходяше в манастырь къ блаженому Феодосью, повелѣваше сему Дамьян*у*[54] молитву створити болящему; и абье створяше молитву, и масломь помазаше, и приимаху ицѣленье приходящии к нему. Разболѣвшю же ся и конець прияти лежащю ему в немощи, приде ангелъ к нему въ образѣ Феодосьевѣ, даруя ему царство небесное[55] за труды его. Посем же приде Феодосий с братьею, и присѣдяху у него, оному же изнемагающю, възрѣвъ на игумена, рече: «Не забывай, игумене, еже *ми*[14] еси обѣщалъ». И разум*ѣ*[56] великый Феодосий, яко видѣнье видѣлъ, и рече ему: «Брате Дамьяне! Еже есмь обещалъ, то ти буди». Он же сомжаривъ очи, предасть духъ в руцѣ Божии. Игумен же и братья похорониша тѣло его.

Такъ же бѣ и другый брат, именемь Еремия, иже помняше крещенье землѣ Русьскыя. Сему бѣ даръ дарованъ от Бога: проповѣдаше предибудущая, и аще кого видяше в помышленьи, обличаше ѝ втаинѣ, и наказаше

блюстися от дьявола. Аще который братъ умышляше ити из манастыря, и узряше ѝ, пришедъ к нему, обличаше мысль его и утѣшаше брата. Аще кому[57] что речаше, ли добро, ли зло, сбудяшется старче слово.

Бѣ же и другый старець, именемь Матфѣй, бѣ прозорливъ. Единою бо ему стоящю в церкви на мѣстѣ своемь, възведъ очи свои, позрѣ по братьи, иже стоять поюще по обѣма странама *на крилосѣ*, *и*[14] видѣ обиходяща бѣса, въ образѣ ляха, в лудѣ, и носяща в прииолѣ цвѣтъкъ,[58] иже глаголется лѣпокъ. И обиходя подлѣ братью, взимая из лона лѣпокъ, вержаше на кого любо: аще прилняше кому цвѣтокъ в поющихъ от братья, мало постоявъ и раслабленъ умом, вину створь каку любо, изидяше ис церкви, шедъ в кѣлью, и усняше, и не възвратяшется в церковь до отпѣтья. Аще ли вержаше на другаго, и не прилняше к нему цвѣтокъ, стояше крѣпок в пѣньи, дондеже отпояху утренюю, и тогда изидяше в кѣлью свою. Се же вида старець, повѣдаше братьи своей. Пакы же видѣ старець се: по обычаю бо сему старцю отстоявшю утренюю, предъ зорями идоша по кѣльямъ своимъ, сь[59] же старець послѣ исхожаше ис церкви. Идущю же ему единою,[60] сѣде опочивая подъ биломъ, бѣ бо келья его подале церкве, видѣ се, яко толпа поиде, от воротъ, възведъ очи свои, видѣ единого сѣдяща на свиньи, а другыя текуща около его. И рече имъ старець: «Камо идете?». И рече сѣдя на свиньи бѣсъ: «По Михаля по Тольбековича». Старець же знаменася крестнымь знаменьем и приде в кѣлью свою. Яко бысть свѣтъ, и разумѣ старець, рече кѣлейнику: «Иди, впрашай, е ли Михаль в кельи?». И рѣша ему, яко «Давѣ скочилъ *есть*[61] со столпья по заутрени». И повѣда старець видѣнье се игумену и братьи. При сем бо старци Феодосий преставися, и бысть Стефанъ игуменъ, и по Стефанѣ Никонъ, сему и еще сущю старцю. Единою ему стоящю на утрени, возведъ очи свои, хотя видѣти игумена Никона, и видѣ осла, стояща на игумени мѣстѣ, и разумѣ, яко не всталъ есть игуменъ. Тако же и ина многа видѣнья провидѣ[62] старець, и почи[63] в старости добрѣ в манастыри семь.

Яко се бысть другый черноризець, именемь Исакий, якоже и еще сущю ему в мирѣ, в житьи мирьстѣмь, и богату сущю ему, бѣ бо купець, родом торопечанинь, и помысли быти мнихъ, и раздая имѣнье свое требующим и манастыремъ, и иде к великому Антонью в печеру, моляся ему, дабы ѝ створилъ черноризцемъ. И приятъ ѝ Антоний, *и*[14] възложи[64] на нь порты чернецьскыя, нарекъ имя ему Исакий, бѣ бо имя ему Чернь. Сей[65] же Исакий всприятъ житье крѣпко: облече бо ся во власяницю, и повелѣ купити собѣ козелъ, и одра мѣхомъ козелъ, и *възвлече*[66] на власяницю, и осше около его кожа сыра. И затворися в печерѣ, въ единой улици, въ кельици малѣ, яко четырь лакотъ, и ту моляше Бога со слезами. Бѣ же ядь его проскура едина, и та же чересъ день, воды в мѣру пьяше. Приносяшеть же ему великый Антоний, и подаваше ему оконцемъ, яко ся вмѣстяше рука, тако приимаше пищю. И того створи лѣт 7, на свѣтъ не вылазя, ни на ребрѣхъ не лѣгавъ, но сѣдя мало приимаше сна. И единою, по обычаю, наставшю вечеру, поча кланятися, поя псалмы, оли и до полунощья; яко трудяшется, сѣдяше на сѣдалѣ своем. Единою же ему сѣдящю, по обычаю, и свѣщю угасившю, внезапу свѣт восья, яко от солнца,[67] в печерѣ, яко зракъ

вынимая человѣку. И поидоста 2 уноши к нему красна, и блистаста лице ею̀, акы солнце, и глаго*ласта*[68] к нему: «Исакие! Вѣ есвѣ ангела, а се идеть к тобѣ Христос, падъ поклонися ему». Он же не разумѣ бѣсовьскаго дѣйства, ни памяти прекреститися, высту*пивъ*[69] поклонися, акы Христу, бѣсовьску дѣйству. Бѣси же кликнуша и рѣша: «Нашь еси, Исакие, уже»; *и*[14] введше ѝ в кѣльицю, и посадиша ѝ и начаша садитися около его, и бысть полна келья ихъ и улица печерская. И рече единъ от бѣсовъ, глаголемый Христосъ: «Възмѣте сопѣли, бубны и гусли, и ударяйте, ат ны Исакий спляшеть». И удариша в сопѣли *и*[14] в *гусли*,[70] и в бубны, *и*[14] начаша имъ играти. И утомивше ѝ, оставиша ѝ *оле жыва*,[71] и отъидоша, поругавшеся ему. Заутра же бывшю свѣту и приспѣвшю вкушенью хлѣба, приде Антоний по обычаю ко оконцю, и глагола: «Господи, благослови, отче Исакие!». И не бысть отвѣта; и рече Антоний: «Се уже преставился есть». И посла в манастырь по Феодосья и по братью. И откопавше,[72] кде бѣ загражено устье, пришедше взяша ѝ, мертва мняще *и*[13] вынесше положиша ѝ пред пещерою. И узрѣша, яко живъ есть. И рече игуменъ Феодосий, яко «Се имать быти от бѣсовьскаго дѣйства». И положиша ѝ на одрѣ *и*[14] служаше около его Антоний. В си же времена приключися прити Изяславу из Ляхов, *и*[14] нача гнѣватися Изяславъ на Антонья изъ Всеслава. И при*славъ*[73] *Святославъ*,[14] в ночь поя Антонья Чернигову. *Антоний же, пришед к Чернигову*,[14] възлюби Болдины горы; ископавъ печеру, ту ся всели. *И*[14] есть ту манастырь святое Богородици, на Болдиных горахъ, и до сего *дни*.[74] Феодосий же, увѣдавъ, яко Антоний шелъ Чернигову, шедъ с братьею взя Исакия и принесе ѝ к собѣ[75] в кѣлью, и служаше около его, бѣ бо раслабленъ тѣломь, яко не мощи ему обратитися на другую страну, ни встати, ни сѣдѣти, но лежаше на единой сторонѣ, подъ ся поливаше[76] многажды, и червье въкыняхуся подъ бедру ему с моченья и с полѣванья. Феодосий же сам своима рукама омываше и спряташеть ѝ, за 2 лѣта *се сотвори около его. Се же бысть дивно чюдно; яко за 2 лѣта лежа си ни хлѣба не вкуси, ни воды, ни овоща, ни от какаго брашна, ни языкомъ проглагола, но нѣмъ и глух лежа за 2 лѣта*.[14] Феодосий же моляше Бога за нь, и молитву творяше над нимь день и нощь, дондеже на 3-ее лѣто проглагола, и слыша*ти*[77] и на ногы нача встаяти, акы младенець, и нача ходити. И не брежаше в церковь ходити, нужею привлечахуть ѝ к церкви; *и тако по малу научиша ѝ*.[14] И посем научи *ѝ*[4] на тряпезницю ходити, и посажа*ху*[78] и кромѣ братьи, *и*[14] положаху пред ним хлѣбъ, и не възмяше его, но ли вложити в руцѣ ему. Феодосий же рече: «Положите хлѣбъ пред ним, а не вкладайте в рукы ему, атъ сам ѣсть», и не бреже[79] за недѣлю ясти, и помалу оглядавъся кусаше хлѣба, тако научися ясти и тако избави *ѝ*[4] Феодосий от козни дьяволя. Исакий же всприятъ въздержанье пакы жестоко. Феодосью же преставльшюся, и Стефану в него мѣсто бывшю, Исакий же рече: «Се уже прелстил мя еси былъ дьяволе, сѣдяща на едином мѣстѣ; а уже не имам ся затворити в печерѣ, но имам тя побѣдити, ходя в манастырѣ». И облечеся въ власяницю и на власяницю свиту вотоляну, и нача уродство творити, и помагати поча поваром, варя на братью. И на заутреню ходя[80] преже всѣх, стояше крѣпко и неподвижимо. Егда же

приспѣяше зима и мрази лютии, *стояше*[81] в прабошнях в черевьях в протоптаных, яко примерзняшета нозѣ его к[82] камени, и не движаше ногама, дондеже отпояху заутреню. И по заутрени идяше в поварьницю, и приготоваше[83] огнь, воду, дрова, и придяху прочии повари от братьѣ. Един же поваръ[84] тако же бѣ именем тѣм же, Исакий, и рече посмихаяся Исакию: «Оно ти сѣдить вранъ черный, иди, ими й». Он же, поклонивъся ему до землѣ, шедъ я ворона и принесе ему предо всѣми повары, и ужасошася, *и*[14] повѣдаша игумену и братьи, и начаша братья чтити й. Он же, не хотя славы человѣчскыя, нача уродьство творити, *и*[14] пакостити нача ово игумену, ово братьи, ово мирьскым человѣкомъ, да друзии раны ему даяху. И поча по миру ходити, тако же уродом ся творя. Вселися в печеру, в ней же преже былъ, уже бо *бѣ*[14] Антоний преставился, и совъкупи к собѣ уных, и вскладаше на нь порты чернечьскыя, да ово от игумена Никона приимаше раны, ово от родитель тѣхъ дѣтьскых. Сей[85] же то все терпяше, приимаше раны и наготу, *и*[14] студень день и нощь. Въ едину бо нощь вжегъ пещь в ыстобцѣ у пещеры, яко разгорѣся пещь, бѣ бо утла, и нача палати пламень утлизнами. Оному же нѣчимъ заложити, вступль ногама босыма, ста на пламени, дондѣже изгорѣ пещь, *и*[14] излѣзе. И ина многа повѣдаху о немь, а другое и самовидець бых. И тако взя побѣду на бѣсы, яко *и*[14] мухы ни во что же имяше страшенья ихъ и мечтанья ихъ, глаголашеть бо к нимъ: «Аще мя бѣсте прелстили в печерѣ первое, понеже не вѣдяхъ козний ваших, и лукавьства; нонѣ же имамъ Господа Иисуса Христа и Бога моего и молитву отца моего Феодосья, надѣюся *на Христа*,[14] имам побѣдити *вас*».[14] Многажды бо бѣси пакости дѣяху ему и глаголаху: «Нашь еси, и поклонился еси нашему старѣйшинѣ и намъ». Он же глаголаше: «Вашь старѣйшина антихрестъ есть, а вы бѣси есте». *И*[13] знаменаше лице свое крестнымъ образом, и тако ищезняху. Овогда же пакы в нощи прихожаху к нему, страхъ ему творяче в мечтѣ, яко се многъ народъ, с мотыками, *и*[14] лыскарѣ, глаголюще: «Раскопаемъ печеру сию, и сего загребем здѣ». Ини же глаголаху: «Бѣжи, Исакие, хотять *тя*[14] загрести». Он же глаголаше к нимъ: «Аще бысте человѣци *были*,[14] то въ дне бы есте пришли, а вы есте тма, и во тмѣ ходите, и тма вы ятъ». И знамена я крестомъ *и*[14] ищезнуша. Другоици бо страшахуть й въ образѣ медвѣжи; овогда же лютым звѣремь, ово вѣломъ, ово змиѣ полозяху к нему, ово ли жабы, *и*[14] мыши и всякъ гадъ. *И*[14] не могоша ему ничто же створити, и рѣша ему: «Исакие! Побѣдил еси нас». Онъ же рече: «Якоже бѣсте мене вы *первое*[14] побѣдили въ образѣ Иисусу Христовѣ и въ ангельстѣмь, недостойни *суще*[86] того видѣнья; но се поистѣнѣ являетеся топерво въ образѣ звѣринѣмь и скотьемь, и змеями, и гадом, аци же и сами есте *скверни и зли в видѣнии. И абие погибоша бѣси от него*,[14] и оттолѣ не бысть ему пакости от бѣсовъ, яко же самъ повѣдаше се яко „Се бысть ми за 3 лѣта брань си"». Потомь поча жити крѣплѣ и въздержанье имѣти, пощенье *и*[14] бдѣнье. И тако живущю ему, скончa житье свое. И разболѣся в печерѣ, и несоша й болна в манастырь, и до осмаго дне о Господѣ скончася. Игумен же Иоанъ и братья спрятавше тѣло его, и погребоша й.

Таци ти быша черноризци Феодосьева манастыря, иже сияють и по смерти, яко свѣтила, и молять Бога за сдѣ сущюю братью, и за мирьскую

братью, и за приносящая въ манастырь, в нем же и донынѣ добродѣтелное житье живуть, обще вси вкупѣ, в пѣньи и в молитвахъ и послушаньи, на славу Богу всемогущему, и Феодосьевами молитвами сблюдаеми, ему же слава *в вѣки*,[14] аминь.

В лѣто 6583. Почата бысть церкы Печерьская надъ основаньемь 1075
Стефаномь игуменомь; изъ основанья бо Феодосий почалъ, а на основан*ии*[87] Стефанъ поча; и кончана бысть на третьее лѣто, мѣсяца иуля 11 день. В се же лѣто придоша сли из нѣмець къ Святославу; Святославъ же, величаяся, показа имъ богатьство свое. Они же видѣвше бещисленое множьство, злато, и сребро, и паволокы, и рѣша: «Се ни въ что же есть, се бо лежить мертво. Сего суть кметье луче. Мужи бо ся доищють и болше сего». Сице ся похвали Иезекий, царь июдѣйскъ, к *посломъ*[88] царя асурийска, его же вся взята быша в Вавилонъ: тако и по сего смерти все имѣнье расыпася разно.

В лѣто 6584. Ходи Володимеръ, сынъ Всеволожь, и Олегъ, сынъ 1076
Святославль, ляхомъ в помочь на чехы. Сего же лѣта преставися Святославъ, сынъ Ярославль, мѣсяца декабря 27, от рѣзанья желве, и положенъ Черниговѣ у святаго Спаса. И сѣде по немь Всеволодъ на столѣ, мѣсяца генваря, *в 1 день*.[4]

В лѣто 6585. Поиде Изяславъ с ляхы, Всеволодъ же поиде противу ему. 1077
Сѣде Борисъ Черниговѣ мѣсяца мая 4 день, и бысть княженья его 8 дний, и бѣжа Тмутороканю к Романови. Всеволодъ же *иде*[14] противу брату Изяславу на Волынь, и створиста миръ, и пришедъ Изяславъ сѣде Кыевѣ, мѣсяца иуля 15 день, Олегъ же, сынъ Святославль, бѣ у Всеволода Черниговѣ.

В лѣто 6586. *Бежа*[89] Олегъ, *сынъ*[14] Святославль, Тмутороконю от 1078
Всеволода, мѣсяца априля *10*.[14] В се же лѣто убьенъ бысть Глѣбъ, сынъ Святославль, в Заволочии. Бѣ *же*[90] Глѣбъ милостивъ убогымъ и страннолюбивъ, тщанье имѣя к церквамъ, теплъ на вѣру и кротокъ, взоромъ красенъ. Его же тѣло положено бысть Черниговѣ за Спасомъ, мѣсяца иуля 23 день. Сѣдящю Святополку в него мѣсто Новѣгородѣ, сыну Изяславлю, Ярополку сѣдящю Вышегородѣ, а Володимеру сѣдящю Смолиньскѣ, приведе Олегъ и Борисъ поганыя на Русьскую землю, и поидоста на Всеволода с половци. Всеволодъ же изиде противу има на Съжицѣ и побѣдиша половци Русь, и мнози убьени быша ту: убьенъ бысть Иванъ Жирославичь, и Тукы, Чюдинь братъ, *и*[14] Порѣй, и ини мнози,[91] *мѣсяца августа*[14] въ 25. Олегъ же и Борисъ придоста Чернигову, мняще одолѣвше, а землѣ Русьскѣй много зло створше, проливше кровь хрестьяньску, ея же крове взищеть Богъ от руку ею, и отвѣтъ дати има за погублен*ыа*[92] душа хрестьяньскы. Всеволодъ же приде к брату своему Изяславу Киеву, цѣловавш*ася*[93] и сѣдоста. Всеволодъ же исповѣда вся бывшая. И рече ему Изяславъ: «Брате! Не тужи. Видиши ли, колико ся мнѣ сключи: первое, не выгнаша ли мене и имѣнье мое разграбиша? И пакы, кую вину вторую створилъ бѣхъ? Не изгнанъ ли бѣхъ от ваю, брату своею? Не блудилъ ли бѣх по чюжимъ землям, имѣнья лишенъ,[94] не створих зла ничто же? И нынѣ, брате, не туживѣ. Аще будеть нама причастье в Русскѣй земли, то обѣма; аще лишена будевѣ, то оба. Азъ сложю главу свою за тя». И се рек, утѣши Всеволода,

и повелѣ сбирати вои от мала до велика. И поиде Изяславъ съ Ярополъкомъ, сыномъ своим, и Всеволодъ с Володимеромъ, сыномъ своимъ. И поидоша к Чернигову, и черниговци затворишася в градѣ. Олег же и Борисъ *не*[14] бяста. Черниговцемъ же не отворившимся, приступиша ко граду. Володимеръ же приступи ко вратомъ всточнымъ, от Стрежени, и отя врата, и *взяша*[95] градъ околний, и пожгоша ѝ, людемъ же вбѣгшим въ дънѣшний градъ. Изяслав же и Всеволодъ слышаста, яко идеть Олегъ и Борисъ противу, Изяслав же и Всеволодъ уранивше, поидоста от града противу Олгови. Рече же Олегъ к Борисови: «Не ходивѣ противу, не можевѣ стати противу четыремъ княземъ, но пос*л*ивѣ[96] с молбою къ стр*ы*ема[97] своима». И рече ему Борисъ: «Ты готова зри, азъ имъ противенъ всѣмъ»; похвалився велми, не вѣдый, яко Богъ гордымъ противится, смѣренымъ даеть благодать, да не хва*л*ить*ся[98] силный силою своею. И по*и*доста[99] противу, и бывшимъ имъ на мѣстѣ у села на Нѣжатинѣ нивѣ, и ссступившимся обоимъ, бысть сѣча зла. Первое убиша Бориса, сына Вячеславля, похвалившагося велми. Изяславу же стоящю въ пѣшцихъ, и внезапу приѣхавъ единъ, удари ѝ копьемъ за плече. Тако убьенъ бысть Изяславъ, сынъ Ярославль. Продол*жене*[100] бывъши сѣчи, побѣже Олегъ в малѣ дружинѣ, и одва утече, бѣжа Тмутороканю. Убьенъ бысть князь Изяславъ мѣсяца октямбря въ 3 день. И вземше тѣло его, привезоша ѝ в лодьи, и поставиша противу Городьцю, изиде противу ему весь городъ Кыевъ, и възложивше тѣло его на сани, повезоша ѝ, съ пѣснми попове и черноризци понесоша ѝ в град. И не бѣ лзѣ слышати пѣнья во плачи велицѣ *и*[XIII, 1] вопли; плака бо ся по немь весь град Киевъ, Ярополкъ же идяше по немь, плачася с дружиною своею: «Отче, отче мой! Что еси пожилъ бес печали на свѣтѣ семь, многы напасти приимъ от людий и от братья своея? Се же погыбе не от брата, но за брата своего положи главу свою». И, принесше, положиша тѣло его в церкви святыя Богородица, вложивъше ѝ в раку мраморяну. Бѣ же Изяславъ мужь взоромъ красенъ и тѣломъ великъ, незлобивъ нравомъ, криваго ненавидѣ, любя правду. Не бѣ бо в немь лсти, но простъ мужь умом, не воздая[2] зла за зло. Колико бо ему створиша кияне: самого выгнаша, а дом его разграбиша, и не възда[3] противу тому зла. Аще ли кто дѣеть вы: сѣчець исѣче, то не сь то створи, но сынъ его. Пакы же брата его прогнаста ѝ, и ходи по чюжей земли, блудя. И сѣдящю ему пакы на столѣ своемь, Всеволоду пришедшю побѣжену к нему, не рече ему: «Колико от ваю пріяхъ?», не вдасть зла за зло, но утѣши, рек: «Елма же ты, брате мой, показа ко мнѣ любовь, введе мя на столъ мой и нарек мя старѣйшину собѣ, се азъ не помяну злобы первыя, ты ми еси братъ, а я тобѣ, и положю главу свою за тя», еже и бысть. Не рече бо ему: «Колико зла створиста мнѣ, и се нонѣ тобѣ ся сключи», не рече: «Се кромѣ мене»; но на ся перея печаль братнюю, показая любовь велику, свершая апостола, глаголюща: «Утѣшайте печалныя». По истинѣ, аще что створилъ есть в свѣтѣ семь, етеро согрѣшенье, отдасться ему, занеже положи главу свою за брата своего, не желая болшее волости, ни имѣнья хотя болша, но *за*[4] братню обиду. О сяковыхъ бо Господь рече: «Да кто положить душю свою за другы своя». Соломонъ же рече: «Братья, в бѣдах пособива бывають». Любы бо есть

выше всего. Яко же Иоан глаголеть: «Богъ любы есть, пребываяй в любви, в Бозѣ пребываеть, и Богъ в немь пребываеть». О семь свершается любы, да достоянье имам в день судный, да яко же онъ есть, и мы есмы в мирѣ семь. Боязни нѣсть в любви, но свершена любы вонъ измещеть боязнь, яко боязнь мученье имать. «Бояй же ся нѣсть свершенъ в любви. Аще кторечеть: „Любьлю Бога, а брата своего ненавижю", ложь есть. Не любяй бо брата своего, его же видить, Бога, его же не видить, како можеть любити? Сию заповѣдь имам от него, да любяй Бога любить брата своего». В люб*ви*[5] бо все свершается. Любве ради и грѣси расыпаются. Любве бо ради сниде Господь на землю и распятъся за ны грѣшныя, вземъ грѣхы наша, пригвозди на крестѣ, давъ намъ крестъ свой на прогнанье ненависти бѣсовьское. Любве ради мученици прольяша крови своя. Любве же ради сий князь пролья кровь свою за брата своего, свершая заповѣдь Господню.

Начало княжения Всеволожа в Киеве.[4] Всеволодъ же сѣде Кыевѣ на столѣ отца своего и брата своего, *приимъ*[6] власть русьскую всю. И посади сына своего Володимера Черниговѣ, а Ярополка Володимери, придавъ ему Туровъ.

В лѣто 6587. Приде Романъ с половци къ Воину. Всеволодъ же ста у Переяславля, и створи миръ с половци. И възвратися Романъ с половци въспять, *и*[4] убиша и̓ половци, мѣсяца августа 2 день. Суть кости его и доселѣ *лежаче тамо*,[4] сына Святославля, внука Ярославля. А Олга емше *козаре*[4] поточиша и̓ за море Цесарюграду. Всеволодъ же посади посадника Ратибора Тмуторокани. 1079

В лѣто 6588. Заратишася торци переяславьстии на Русь, Всеволодъ же посла *на ня*[4] сына своего Володимера. Володимеръ же шедъ побѣди търкы. 1080

В лѣто 6589. Бѣжа Игоревичь Давыдъ с Володаремь Ростиславичемь, мѣсяца мая 18 день. И придоста Тмутороканю, и яста Ратибора, и сѣдоста Тмуторокани. 1081

В лѣто 6590. Осень умре, половечьскый князь. 1082

В лѣто 6591. Приде Олегъ из Грекъ Тмутороканю; и я Давыда и Володаря Ростиславича, и сѣде Тмуторокани. *И*[4] исѣче козары, иже бѣша свѣтници на убье*нье*[7] брата его и на самого, а Давыда и Володаря пусти. 1083

В лѣто 6592. Приходи Ярополкъ ко Всеволоду на Великъ день. В се же время выбѣгоста Ростиславича 2 от Ярополка, и пришедш*а*[8] прогнаста Ярополка, и посла Всеволодъ[9] Володимера, сына своего, и выгна Ростиславича, и посади Ярополка Володимери. В се же лѣто Давыдъ зая грькы въ Олешьи, и зая у них имѣнье. Всеволодъ же, пославъ, приведе и̓, и вда ему Дорогобужь. 1084

В лѣто 6593. Ярополкъ же хотяше ити на Всеволода, послушавъ злых совѣтникъ,[10] Се увѣда*въ*,[11] Всеволодъ посла противу ему сына своего Володимера. Ярополкъ же, оставивъ матерь свою и дружину Лучьскѣ, бѣжа в Ляхы. Володимеру же пришедшю Лучьску, и вдашася лучане. Володимеръ же посади Давыда Володимери, въ Ярополка мѣсто, а матерь Ярополчю, и жену его и дружину его приведе Кыеву, и имѣнье вземъ его. 1085

В лѣто 6594. Приде Ярополкъ из Ляховъ, и створи миръ с Володимеромь, и иде Володимеръ вспять Чернигову. Ярополкъ же сѣде Володимери. 1086

И пересѣдев мало дний,[12] иде Звенигороду. И не дошедшю ему града, и прободенъ бысть от проклятаго Нерадьця, от дьяволя наученъ[13] и от злыхъ человѣкъ. Лежащю *ему*[14] ту на возѣ, саблею с коня прободе и̓, мѣсяца ноямбря въ 22 день. И тогда въздвигнувъся Ярополкъ, выторгну изъ себе саблю, и возпи великым гласомь: «Охъ, тот мя враже улови». Бѣжа Нерадець треклятый[15] Перемышлю к Рюрикови, и Ярополка вземше отроци на конь передъ ся, Радько, Вънкина *и*[4] инии мнози, несоша и̓ Володимерю, а оттуду Кыеву. *И*[4] изиде противу ему благовѣрный князь Всеволодъ с своима сынъма, — с Володимеромь и Ростиславомь, — и вси боляре, и блаженый митрополитъ Иоан с черноризци и с прозвутеры. И вси кияне великъ плачь створиша над нимь, со псалмы и пѣснми проводиша и̓ до святаго Дмитрея, спрятавше тѣло его, с честью положиша и̓ в рацѣ мраморянѣ в церкви святаго апостола Петра, юже бѣ самъ началъ здати преже, мѣсяца декабря въ 5 день. Многы бѣды приимъ, без вины изгонимъ от братья своея, обидимъ, разграбленъ, прочее и смерть горкую приятъ, но вѣчнѣй жизни и покою сподобися. Такъ бяше блаженый сь князь тихъ, кротъкъ, смѣренъ и братолюбивъ, десятину дая святѣй Богородици от всего своего имѣнья по вся лѣта, и моляше Бога всегда, глаголя: «Господи Боже мой! Приими молитву мою, и дажь ми смерть, якоже двѣма братома моима, Борису и Глѣбу, от чюжею[16] руку, да омыю грѣхы вся своею кровью, *и*[4] избуду суетнаго сего свѣта и мятежа, сѣти вражии». Его же прошенья не лиши его благый Богъ: въсприя благая она, их же око не видѣ, ни ухо слыша, ни на сердце человѣку не взиде, еже уготова Богъ любящимъ его.

1087 В лѣто 6595.

1088 В лѣто 6596. Священа бысть церкы святаго Михаила манастыря Всеволожа митрополитомь Иваномь, а игуменьство тогда держащю того манастыря Лазъреви. *Того же лѣта иде Святополкъ из Новагорода к Турову жити. В се же лѣто умре Никонъ, игуменъ Печерскый. В се же лѣто възяша болгаре Муром.*

1089 *В лѣто 6597. Священа бысть церкви Печер*ская[4] святыя Богородица манастыря Феодосьева Иоаномь митрополитомъ, и Лукою, Бѣлогородьскымь епископомь, Исаиемь, Черниговьскым епископомь, при благородьнѣмь князи Всеволодѣ, державне*мь*[17] Русьскыя земля, и чад*у*[18] его, Володиме*ре*[19] и Ростиславе,[20] воеводьство держащю Кыевьскыя тысяща Яневи, игуменьство держащю Иоану. В се же лѣто преставися Иоанъ митрополитъ. Бысть же Иоанъ мужь хытръ книгамъ и ученью, милостивъ убогымъ и вдовицямъ, ласковъ же ко всякому, богату и убогу, смѣренъ же и кротокъ, молчаливъ, рѣчистъ же, книгами святыми утѣшая печалныя, и сякого не бысть преже в Руси, ни по немь не будеть сякъ. В се лѣто иде Янъка *в Грекы, дщи*[4] Всеволожа, реченая[21] преже. *И*[4] приведе Янка митрополита Иоана скопьчину, его же *видѣвше*[4] людье вси рекоша: «Се *навье*[22] пришелъ». От года бо до года пребывъ умре. Бѣ же се*й*[23] мужь *не*[4] книженъ, но умомъ простъ и *просторѣкъ*.[24] В се же лѣто священа бысть церкы святаго Михаила *Переяславьская*[4] Ефрѣмом, митрополитомь тоя церкы, юже бѣ создалъ велику сущю, бѣ бо преже в Переяславли митрополья, и пристрои ю̓ великою пристроею, украсивъ ю̓ всякою красотою, церковными сосу-

ды.[25] Сий[26] бо Ефрѣмъ бѣ скопець, высокъ тѣломъ. Бѣ бо тогда многа зданья въздвиже: докончавъ церковь святаго Михаила, заложи церковь на воротѣхъ городныхъ во имя святаго мученика Феодора, и посемь святаго Андрѣя у церкве от воротъ и строенье баньное *камено*,[4] сего же не бысть преже в Руси. И град бѣ заложилъ каменъ от церкве святаго мученика Феодора, *и украси город Переяславьский здании церковными*[4] и прочими зданьи.

В лѣто 6599. Игуменъ и черноризци съвѣтъ[27] створше, рѣша: «Не добро есть лежати отцю нашему Феодосьеви кромѣ манастыря *и*[4] церкве своея, понеже той[28] есть основалъ церковь и черноризци совокупилъ». Совѣтъ[29] створше, повелѣша устроити мѣсто, идѣже положити мощѣ его. И приспѣвшю празднику Успенья Богородицѣ треми деньми, повелѣ игуменъ рушити, кдѣ лежать мощѣ его, отца нашего Феодосья, его же повелѣнью бых азъ грѣшный первое самовидець, еже скажю, не слухомъ бо слышавъ, но самъ о семь началникъ. Пришедшю же игумену ко мнѣ и рекшю ми: «Поидевѣ в печеру к Феодосьеви». Азъ же пришедъ и со игуменомъ, не свѣдущю никомуже, разглядавша, кудѣ копати, и знаменавша мѣсто, кдѣ копати, кромѣ устья. Рече же ко мнѣ игуменъ: «Не мози повѣдати никому же *от братьи, да не увѣдаеть никтоже*;[4] но поими, его же хощеши, да ти поможеть». Азъ же пристроихъ *семь*[30] дний рогалие, ими же копати. И въ вторьник вечер, *в суморок*,[4] пояхъ с собою 2 брата, не вѣдущю никомуже, придох в печеру и, отпѣвъ псалмы, почах копати. *И*[4] утрудився[31] вдахъ другому брату, копахомъ до полуночья, трудихомся, и не могуче ся докапати, начах тужити, еда како на страну копаемъ. Азъ же, веземъ рогалью, начах копати рамено, и другу моему опочивающю передъ пещерою, и рече ми: «Удариша[32] в било». И азъ в тъ[33] чинъ прокопах на мощѣ Феодосьевы. Оному глаголющю ко мнѣ: «Удариша в било»; мнѣ же рекущю: «Прокопахъ уже». Егда же прокопахъ, обдержашеть мя ужасть, и начах звати: «Господи помилуй!». О се чинь же сѣдяста 2 брата в манастыри, еда игуменъ, утаивъся, нѣ с *кымъ*[34] пренесеть его отай, к печерѣ зряща. Егда удариша в било, видѣста 3 столпы, ако дугы зарны, и стоявше придоша надъ верхъ церкве, иде же положенъ бысть Феодосий. В се же время видѣ Стефанъ, иже бысть в него мѣсто игуменъ, — в се же время бысть епископъ, — видѣ въ своемь манастыри чрес поле зарю велику надъ печерою; мнѣвъ, яко несуть Феодосья, бѣ бо ему възвѣщено преже днемь единѣмъ, и сжаливъси, яко без него преносять,[35] и, всѣдъ на конь, вборзѣ поѣха, поимъ с собою Климента,[36] его же игумена постави в свое мѣсто. И идяста, видуче зарю велику. *И*[4] яко придоста близь, видѣста свѣщѣ многы надъ печерою, и придоста к печерѣ, *и*[4] не видѣста ничтоже, и придоста дну в печеру, нам сѣдящемъ у мощий его. Егда бо прокопахъ, послахъ къ игумену: «Приди да вынемемъ ѝ». Игумен же приде з двѣма братома; *и*[4] прокопах велми, и влѣзохом, и *видѣхом*[4] лежащь мощьми, но состави[37] не распалися бѣша, и власи главнии притяскли бяху. *И*[4] взложьше ѝ на вариманътью и, *веземше на рамо*,[4] вынесоша ѝ предъ пещеру. На другый же день собрашася епископи: Ефрѣмъ Переяславьский, Стефанъ Володимерьский, Иоан Черниговьский, *Маринъ Гурьгевьский*,[4] игумени от всѣхъ манастыревъ с

черноризци; придоша и людье благовѣрнии, и взяша мощѣ Феодосьевы с тѣмьяномъ и съ свѣщами. И принесше положиша ѝ в церкви своей ему, в притворѣ на деснѣй странѣ, мѣсяца августа въ 14 день, в день четвертъкъ, въ час 1 дне, индикта 14, лѣта... *И*[4] праздноваша свѣтло въ тъ день.

Се же повѣмь мало нѣчто, еже ся събысть прореченье Феодосьево: игуменьство бо Феодосью держащю в животѣ своемь, правящю стадо, порученое ему Богомь, черноризци, не токмо *же*[38] си едины, но и мирьскыми печашеся о душахъ ихъ, како быша спаслися, паче же о духовныхъ сынѣхъ своихъ, утѣшая и наказая приходящая к нему, другоици[39] в домы ихъ приходя и благословенье имъ подавая. Единою бо ему пришедшю в домъ Яневъ къ Яневи и к подружью его Марьи, — Федосий бо бѣ любя ѧ̀, зане же живяста по заповѣди Господни и в любви межи собою пребываста, — единою же ему пришедшю к нима, и учашеть ѧ̀ о милостыни къ убогымъ, о цесарьствии небеснѣмь, еже прияти праведником, а грѣшником муку, *и*[4] о смертнѣмь часѣ. И се ему глаголющю *и*[4] о положении тѣла в гробѣ има, рече ему *Яневая*:[40] «Кто вѣсть, кдѣ си мя положать?». Рече же ей Феодосий: «Поистинѣ идѣже лягу азъ, ту и ты положена будеши». Се же сбысться. Игумену же бо преставльшюся преже, о 18 лѣто се сбысться: в се бо лѣто преставися Яневая, именемь Марья, мѣсяца августа 16 день, и пришедше черноризьци, пѣвше обычныя пѣсни, и принесше[41] положиша ю̀ в церкви святыя Богородиця, противу гробу Феодосьеву, на шюей странѣ. Феодосий бо положенъ бысть въ 14, а сия[42] въ 16.

Се же сбысться прореченье блаженаго отца нашего Феодосья, добраго пастуха, иже пасяше словесныя овця нелицемѣрно, с кротостью и с расмотреньемь, блюда ихъ и бдя за ня,[43] моляся за порученое ему стадо и за люди хрестьяньскыя, за землю Русьскую, иже и по *от*шествии[44] твоемь от сея жизни молишися за люди вѣрныя и за своя ученикы, иже, взирающе на раку твою, поминають ученье твое и въздержанье твое, *и*[45] прославляють Бога. Азъ же, грѣшный твой рабъ и ученикъ, недоумѣю, чимь похвалити добраго твоего житья и въздержанья. Но се реку мало нѣчто: «Радуйся, отче нашь и наставниче, мирьскыя плища отринувъ, молчанье възлюбивъ, Богу послужилъ еси в тишинѣ, въ мнишьскомь житьи, всяко собѣ принесенье божественое принеслъ еси, пощеньемь превозвышься, плотьскых страстий и сласти възненавидѣвъ, красоту и желанье свѣта сего отринувъ, вслѣдуя стопам*а*[46] высокомысленымъ отцемь, ревнуя *им*,[47] молчаньем възвышаяся, смѣреньем и украшяся, в словесѣхъ книжных веселуяся. Радуйся, укрѣплься надежею вѣчныхъ благъ, *их же*[48] приимъ, умертвивъ плотьскую похоть, источникъ безаконья и мятежь, преподобне, бѣсовьскых козней[49] избѣгъ и от сѣти его с праведными, отче, почилъ еси, въсприимъ противу трудомъ своимъ възьмездье, отцемь наслѣдникъ бывъ, послѣдовавъ ученью ихъ и нраву ихъ, въздержанью ихъ, и правило ихъ правя». Паче же ревноваше великому Феодосью нравомь и житьемь, подобяся житью его и въздеръжанью ревнуя, послѣдьствуя обычаю его, и преходя от дѣла в дѣло уньшее, и обычныя молбы Богу въздая, в воню благоуханья принося кадило молитвеное, темьянъ благовоньный. Побѣдивъ мирьскую похоть и миродержьця князя вѣка сего, супротивника поправъ дьявола и его козни,

побѣдникъ явися, противным его стрѣлам и гордымъ помысъломь ставъ супротивно, укрѣпивъся оружьемь крестнымь и вѣрою непобѣдимою, Божьею помощью. Молися за мя, отче честный, избавлену быти от сѣти неприязнины, и от противника врага сблюди мя твоими молитвами.

В се же лѣто *бысть*[1] знаменье в солнци, яко погыбнути ему, и мало ся его оста, акы мѣсяць бысть, в час 2 дне, мѣсяца маия 21 день. В се же лѣто бысть, Всеволоду ловы дѣющю звѣриныя за Вышегородомъ, заметавшимъ тенета и кличаномъ кликнувшимъ, спаде превеликъ змий отъ небесе, *и*[4] ужасошася вси людье. В се же время земля стукну, яко мнози слышаша. В се же лѣто[50] волхвъ явися Ростовѣ, иже вскорѣ погыбе.

В лѣто 6600. Предивно бысть *чюдо*[1] Полотьскѣ въ мечтѣ:[51] бываше в 1092
нощи тутънъ, станяше по улици, яко человѣци рищюще бѣси. Аще кто вылѣзяше ис хоромины, хотя видѣти, абье уязвенъ будяше невидимо от бѣсовъ язвою, и с того умираху, и не смяху излазити ис хоромъ. Посемь же начаша в дне являтися на конихъ, и не бѣ ихъ видѣти самѣхъ, но конь ихъ видѣти копыта; и тако уязвляху люди полотьскыя и его область. Тѣмь и человѣци глаголаху: яко *навье*[52] бьють полочаны. Се же знаменье поча быти отъ Дрьютьска. В си же времена бысть знаменье въ небеси, яко кругъ бысть посредѣ неба превеликъ. В се же лѣто ведро бяше, яко изгараше земля, и мнози борове възгарахуся сами и болота; *и*[4] многа знаменья бываху по мѣстомь; и рать велика бяше от половець и отвсюду; взяша 3 грады: Пѣсоченъ, Переволоку, *Прилукъ*,[1] и многа села воеваша по обѣма странома. В се же лѣто воеваша половци ляхы с Василькомь Ростиславичемь. В се же лѣто умре Рюрикъ, сынъ Ростиславль. В си же времена мнози человѣци умираху различными недугы, якоже глаголаху продающе *и*[53] корсты, яко «Продахомъ корсты от Филипова дне до мясопуста 7 тысячь». Се же бысть за грѣхы наша, яко умножишася грѣси наши *и*[4] неправды. Се же наведе на ны Богъ, веля нам имѣти покаянье и въстягнутися от грѣха, и от зависти и от прочихъ злыхъ дѣлъ неприязнинъ.

В лѣто 6601, индикта 1 лѣто, преставися великый князь Всеволодъ, сынъ 1093
Ярославль, внукъ Володимерь, мѣсяца априля в 13 день, а погребенъ бысть 14 день, недѣли сущи тогда страстнѣй и дни сущю четвертку, в онь же положенъ бысть въ гробѣ в велицѣй церькви святыя Софья. Сий бо благовѣрный князь Всеволодъ бѣ издѣтьска боголюбивъ, любя правду, набдя убогыя, въздая честь епископомъ и презвутером, излиха же любяше черноризци *и*[4] подаяше требованье имъ. Бѣ же и самъ въздержася от пьяньства[54] и от похоти, тѣмь любимъ бѣ отцемь своимъ, яко глаголати отцю к нему: «Сыну мой! Благо тобѣ, яко слышю о тобѣ кротость, и радуюся, яко ты покоиши старость мою. Аще ти подасть Богъ прияти власть стола моего, по братьи своей, с правдою, а не с насильемь, то егда Богъ отведеть тя от житья сего, да ляжеши, идеже азъ лягу, у гроба моего, понеже люблю тя паче братьи твоее». Се же сбысться *глаголъ*[4] отца его, якоже глаголалъ бѣ. Сему приимшю послѣже всея братья столъ отца своего, по смерти брата своего. Сь[55] же Кыевѣ княжа, быша ему печали *больши*[56] паче, неже сѣдящю ему в Переяславли. Сѣдящю бо ему Кыевѣ, печаль бысть ему от сыновець своихъ, яко начаша ему стужати, хотя власти *ов сея*, *ово*

же другие; сей же, омиряя их, раздаваше власти[4] имъ. В сихъ печал*и*[57] всташа и недузи ему, *и*[4] приспѣваше старость к симъ. И нача любити смыслъ уных, свѣтъ творя с ними; си же начаша заводити и̓, негодовати дружины своея первыя и людем не доходити княже правды, начаша ти унии грабити, людий продавали, сему не вѣдущу[58] в болѣзнех своихъ. Разболѣвшюся ему велми, посла по сына своего[59] Володимера Чернигову. Пришедшю Володимеру, видѣвъ и̓ велми болна суща, и плакася.[60] Пресѣдящю Володимеру и Ростиславу, сыну его меншему, пришедшю же часу, преставися тихо и кротко и *приложися*[61] ко отцемъ своимъ, княживъ лѣт 15 Кыевѣ, а в Переяславли лѣто, а в Черниговѣ лѣто. Володимеръ же плакавъся с Ростиславомъ, братом своимъ, спрятаста тѣло его. И собрашася епископи, и игумени, и черноризьци, и попове, и боляре, и простии людье, *и*[4] вземше тѣло его, со обычными пѣснми положиша и̓ въ святѣй Софьи, якоже рекохом преже.

Володимеръ же нача размышляти, река: «Аще сяду на столѣ отца своего, то имам рать съ Святополком взяти, яко есть столъ преже отца[62] его былъ». И, размысливъ, посла по Святополка Турову, а самъ иде Чернигову, а Ростиславъ Переяславлю. И минувшю Велику дни, пришедши Празднѣй недѣли, в день антипаскы, мѣсяца априля въ 24 день, приде Святополкъ Кыеву. *И*[4] изидоша противу ему кияне с поклоном, и прияша и̓ с радостью, *и*[4] сѣде на столѣ отца своего и стр*ыя*[63] своего. В се время поидоша половци на Русьскую землю; слышавше яко умерлъ есть Всеволодъ, послаша слы къ Святополку о мирѣ. Святополкъ же, не здумавъ с болшею дружиною отнею и стр*ыя*[63] своего, совѣтъ[64] створи с пришедшими с нимъ, *и*[4] изъимавъ слы, всажа и̓ в-истобъку. Слышавше же се половци почаша воевати. И придоша половци мнози, и оступиша Торцийскый град. Святополкъ же пусти слы половецьскыѣ, хотя мира. И не всхотѣша половци мира, и ступиша половци воюючи. Святополкъ же поча сбирати вое, хотя на ня.[65] И рѣша ему мужи смыслении: «Не кушайся противу имъ, яко мало имаши вой». Он же рече: «Имѣю отрокъ своих 700, иже могуть противу имъ стати». Начаша же друзии несмыслении глаголати: «Поиди, княже». Смыслении же глаголаху: «Аще бы *ихъ*[4] пристроилъ и 8 тысячь, не лихо ти[66] есть: наша земля оскудѣла есть от рати и от продажь. Но послися к брату своему Володимеру, да бы ти помоглъ». Святополкъ же, послушавъ ихъ, посла к Володимеру, да бы помоглъ ему. Володимеръ же собра вои свои и посла по Ростислава, брата своего, Переяславлю, веля ему помагати Святополку. Володимеру же пришедшю Киеву, совокупистася у святаго Михаила, и взяста межи собою распря и которы, и уладившася,[67] цѣловаста крестъ межи собою, половцемъ воюющим по земли, и рѣша има мужи смыслении: «Почто вы распря имат*а*[68] межи собою? А погании губять землю Русьскую. Послѣди ся уладита, а нонѣ поидита противу поганым любо с миромъ, любо ратью». Володимеръ хотяше мира, Святополкъ же хотяше рати. И поиде Святополкъ, и Володимеръ, и Ростиславъ къ Треполю, *и*[4] придоша къ Стугнѣ.[69] Святополкъ же, и Володимеръ и Ростиславъ созваша дружину свою на совѣтъ,[70] хотяче поступити чересъ рѣку, и начаша думати. *И*[71] глаголаше Володимеръ, яко «Сдѣ стояче чересъ рѣку, в грозѣ сей, створимъ миръ с ними». И пристояху совѣту сему смыслении мужи, Янь и прочии. Кияне же не всхотѣша *совѣта*

сего,[45] но рекоша: «Хочемъ ся бити; поступимъ на ону сторону рѣки». *И*[4] възлюбиша съвѣтъ[72] сь, и преидоша Стугну рѣку, бѣ бо наводнилася велми тогда. Святополкъ же, и Володимеръ и Ростиславъ, исполчивше дружину, поидоша. И идяше на деснѣй сторонѣ Святополкъ, на шюей Володимеръ, посредѣ же бѣ Ростиславъ. *И*[4] минувше Треполь, проидоша валъ. И се половци идяху противу, и стрѣлци *противу*[4] предъ ними; нашимь же ставшимъ межи валом*а*,[73] поставиша стяги свои, и поидоша стрѣлци из валу. И половци, пришедше к валови, поставиша стягы своѣ, и налегоша[74] первое на Святополка, и взломиша полкъ его. Святополкъ же стояше крѣпко, и҆ побѣгоша людье, не стерпяче ратных противленья, и *послеже*[4] побѣже Святополкъ. Потом наступиша на Володимера, и бысть брань люта; побѣже и Володимеръ с Ростиславомъ *и вои его.*[4] *И*[45] прибѣгоша к рѣцѣ Стугнѣ, и вбреде Володимеръ с Ростиславомъ, *и*[4] нача утапати Ростиславъ пред очима Володимерима. И хотѣ похватити брата своего и мало не утопе самъ. И утопе Ростиславъ, сынъ Всеволожь. Володимеръ же пребредъ[75] рѣку с малою дружиною, — мнози бо падоша от полка его, и боляре его ту падоша, — и перешедъ на ону сторону Днѣпра, плакася по братѣ своемъ и по дружинѣ своей, и *иде*[76] Чернигову печаленъ зѣло. Святополкъ же вбѣже в Треполь, и затворися ту, и бѣ ту до вечера, и на ту ночь приде Киеву. Половци же видѣвше сдолѣвше, пустиша по земли воююче, а друзии възвратишася к Торцьскому. Си же ся злоба сключи въ день Възнесенья Господа нашего Иисуса Христа, мѣсяца мая въ 26. Ростислава же искавше обрѣтоша в рѣцѣ; *и*[4] вземше принесоша и҆ Киеву, и плакася по немь мати его, и вси людье пожалиша си по немь повелику, уности его ради. И собрашася епископи и попове и черноризци, пѣсни обычныя пѣвше, положиша и҆ у церкви святыя Софьи у отца своего. Половцемъ же осѣдящемъ Торцьскый, противящимъ же ся торкомъ и крѣпко борющимъся из града, убиваху многы от противных. Половци же начаша налѣгати, и отъимаху воду, и изнемагати начаша людье в градѣ водною жажею и голодомъ. И прислаша торци къ Святополку, глаголюще: «Аще не пришлеши брашна, предатися имамы». Святополкъ же посла имъ, и не бѣ лзѣ вкрастися в градъ множьствомь вой ратных. *И*[45] стояш*а*[77] около града недѣль 9, и раздѣлишася надвое: *едини*[78] сташа у града, рать борюще, а друзии поидоша Кыеву, *и*[4] пустиша на воропъ межи Киевъ и Вышегородъ. Святополкъ же выиде[79] на Желаню, и поидоша противу собѣ обои, и съступишася, и укрѣпися брань. *И*[4] побѣгоша наши пред иноплеменьникы, *и*[4] падаху язвени предъ врагы нашими, и мнози погыбоша, *и быша*[4] мертви, паче неже у Трьполя. Святополкъ же приде Киеву самъ третий, а половци возвратишася к Торцьскому. Быша си злая мѣсяца иуля въ 23. Наутрия же[80] въ 24, въ свят*ую*[81] мученику Бориса и Глѣба, бысть плачь *великъ*[4] в градѣ, а не радость, грѣхъ ради наших великихъ и неправды, за умноженье безаконий наших.

Се бо на ны Богъ попусти поганыя,[82] не яко милуя ихъ, но насъ кажа, да быхомъ ся востягнули от злых дѣлъ. Симь казнить ны нахоженьемь поганых; се бо есть батогъ его, да негли встягнувшеся вспомянемъся от злаго пути своего. Сего ради в праздникы Богъ нам наводить сѣтованье, якоже

ся створи в се лѣто первое зло на Възнесенье Господне, еже у Трьполя, второе же въ праздникъ Бориса и Глѣба, еже есть праздникъ новый Русьскыя земля. Сего ради пророкъ глаголаше: «Преложю праздникы ваша в плачь и пѣсни ваша в рыданье». *Сотвори бо ся плачь великъ в*[4] земли *нашей*,[83] опустѣша села наша и городи наши, быхом бѣгаючи пред врагы нашими. Якоже пророкъ глаголаше: «Падете пред врагы вашими, поженуть вы ненавидящии вас, и побѣгнете, никому женущю вас. Скрушю руганье гордыни вашея, и будеть в тщету крѣпость ваша, убьеть вы приходяй *мечь*,[84] *и*[4] будеть земля ваша пуста, и двори ваши пусти будуть. Яко вы худи есте и лукави, и азъ поиду к вамъ яростью лукавою». Тако глаголеть Господь Богъ израилевъ. *Ибо*[85] лукавии сынове измаилеви пожигаху села и гумна, и многы церкви запалиша огнемь, да не чюдится никтоже о семь: «Идеже множьство грѣховъ, ту видѣнья всякого показанье». Сего ради вселеная предасться, сего ради гнѣвъ простреся, сего ради земля мучена бысть: ови ведуться полонени, друзии посѣкаеми бывають, *друзии на месть даеми бывають*,[4] горкую смерть приемлюще, друзии трепечють, зряще убиваемых, друзии гладомъ умаряеми и водною жажею. Едино прѣщенье, едина казнь, многовещныя имуще раны, различныя печали и страшны мукы, овы вяжемы и пятами пхаеми, и на зимѣ держими и ураняеми. И се притранѣе и страшнѣе, яко на хрестьяньстѣ родѣ страхъ, и колѣбанье *и*[4] бѣда упространися. Праведно и достойно есть, тако да накажемъся, тако вѣру имем, кажеми есмы: подабаше нам «*Преданымъ быти*[1] в рукы языку странну и безаконьнѣйшю всея земля». Рцѣмъ велегласно: «Праведенъ еси, Господи, и прави суди твои». Рцѣмъ по оному разбойнику: «Мы достойная, яже сдѣяхомъ, прияхом». Рцѣмъ и со Иовомъ: «Яко Господеви любо бысть, тако и бысть; буди имя Господне благословено в вѣкы». Да *на*хожениемъ[86] поганых и мучими ими Владыку познаемъ, его же мы прогнѣвахом; прославлени бывше, не прославихом; почтени бывше, не почтохом; освятившеся, не разумѣхом; куплени бывше, не поработахом; породивъшеся, не яко отца постыдѣхомся, согрѣшихом, и казними есмы. Яко же створихом, тако и стражем: городи вси опустѣша, села опустѣша; прейдемъ поля, идеже пасоми бѣша стада конь, овця и волове, все тъще[87] нонѣ видимъ, нивы поростъше звѣремъ жилища быша. Но обаче надѣемъся на милость Божью; кажеть бо ны добрѣ благый Владыка, «Не по безаконью нашему створи нам и по грѣхомъ нашим въздасть нам»; тако подобаеть благому Владыцѣ казати не по множьству грѣховъ. Тако Господь створи нам: созда, падшая *въстави*,[88] Адамле преступленье прости, баню нетлѣнья дарова и свою кровь за ны излья. Якоже ны видѣ неправо пребывающа, нанесе нам сущюю рать и скорбь, да *и*[4] не хотяще всяко в будущий вѣкъ обрящем милость; душа бо, сдѣ казнима, всяко милость в будущий вѣкъ обрящеть и лготу от мукъ, не мьстить бо Господь дважды о томь. О неиздреченьному человѣколюбью! якоже видѣ вы *не*волею[89] к нему обращающася. О тмами любве, еже к намъ! понеже хотяще уклонихомся от заповѣдий его. Се уже не хотяще терпим, се с нужею, *и*[4] понеже неволею, се уже волею. Гдѣ бо бѣ у насъ умиленье? Нонѣ же вся полна суть слезъ. Гдѣ бѣ в насъ въздыханье? Нонѣ же плачь по всѣмъ улицам упространися избьеных ради, иже избиша безаконьнии.

Половци воеваша много, и възвратишася к Торцьскому, и изнемогоша людье в градѣ гладомь, и предашася ратнымъ. Половци же, приимше град, запалиша ѝ огнем, *и*[71] люди раздѣлиша, и ведоша в вежѣ к сердоболем своимъ и сродником своимъ; мъного роду хрестьяньска: стражюще, печални, мучими, зимою оцѣпляеми, въ алчи и в жажи и в бѣдѣ, опустнѣвше лици, почернѣвше телесы; незнаемо*ю*[90] страною, языкомъ испаленым, нази ходяще и боси, ногы имуще сбодены терньем; со слезами отвѣщеваху другъ къ другу, глаголюще: «Азъ бѣхъ сего города», и други: «А язъ сея вси»; тако съупрашаются со слезами, родъ свой повѣдающе и въздышюче, очи возводяще на небо к Вышнему, свѣдущему тайная.

Да никто же дерзнеть рещи, яко ненавидими Богомь есмы! Да не будеть! Кого бо тако Богъ любить, якоже ны взлюбилъ есть? Кого тако почелъ есть, якоже ны прославилъ есть и възнеслъ? Никого же! Имъ же паче ярость свою въздвиже на ны, яко паче всѣх почтени бывше, горѣе всѣх сдѣяхом грѣхы. Якоже паче всѣхъ просвѣщени бывше, Владычню волю *ведуще*,[91] и презрѣвше, в лѣпоту паче инѣхъ казними есмы. Се бо азъ грѣшный и много и часто Бога прогнѣваю, и часто согрѣшаю по вся дни.

В се же лѣто преставися Ростиславъ, сынъ Мьстиславль, внукъ Изяславль, мѣсяца октямбря въ 1 день; а погребенъ бысть ноямбря въ 16, в церкви святыя Богородиця Десятиньныя.

В лѣто 6602. Сотвори миръ Святополкъ с половци, и поя собѣ жену 1094
дщерь Тугорканю, князя половецкаго.[4] Том же лѣтѣ приде Олегъ с половци ис Тъмутороконя, *и*[4] приде Чернигову, Володимеръ же затворися в градѣ. Олегъ же приде к граду и пожже около града, и манастырѣ пожже. Володимеръ же створи миръ съ Олгомъ, и иде из града на столъ отень Переяславлю; а Олегъ вниде в град отца своего. Половци же начаша воевати около Чернигова, Олгови не възбраняющю,[92] бѣ бо самъ повелѣлъ имъ воевати. Се уже третьее наведе поганыя на землю Русьскую, его же грѣха дабы ѝ Богъ простилъ, зане же много хрестьянъ изгублено бысть, а друзии полонени и расточени по землям. В се же лѣто придоша прузи на Русьскую землю, мѣсяца августа въ 26, *и*[4] поѣдоша всяку траву и многа жита. И не бѣ сего слышано в днехъ первых в земли Русьстѣ, яже видѣста очи наши, за грѣхы наша. В се же лѣто преставися епископъ Володимерскый Стефан, мѣсяца априля въ 27 день, въ час 6 нощи, бывъ преже игуменъ Печерьскому манастырю.

В лѣто 6603. Идоша половци на Грькы с Девгеневичемъ, воеваша по 1095
Гречьстѣй земли; и цесарь *я*[93] Девгенича, и повелѣ ѝ слѣпити. В то же лѣто придоша половци, Итларь и Кытанъ, к Володимеру на миръ. Приде Итларь в градъ Переяславль, а Кытанъ ста межи валома с вои; и вда Володимеръ Кытанови сына своего Святослава въ тали, а Итларь бысть въ градѣ с лѣпшею дружиною.[94] В то же время бяше пришелъ Славята ис Кыева к Володимеру от Святополка *на нѣкое орудие*;[4] и начаша думати дружина Ратиборя со княземъ Володимером о погубленьи *И*тларевы[95] чади, Володимеру же не хотящ*у*[96] сего створити, отвѣща бо: «Како се могу створити, ротѣ с ними ходивъ». Отвѣщавше же дружина, рекоша[97] Володимеру: «Княже! Нѣту ти в томъ грѣха; да они всегда к тобѣ ходяче ротѣ,

губять землю Русьскую, и кровь хрестьянску проливають бесперестани». И послуша ихъ Володимеръ, и в ту нощь посла Володимеръ Славяту с нѣколикою дружиною и с торкы межи валы. *И*[4] выкрадше первое Святослава, потомъ убиша Кытана и дружину его избиша. Вечеру сущю тогда суботному, а Итлареви в ту нощь лежащю у Ратибора на дворѣ с дружиною своею и не вѣ*дущю*,[98] что ся надъ Кытаномь створи. Наутрия *же*,[99] в недѣлю, заутрени сущ*и*[100] годинѣ, пристрои Ратиборъ отрокы в оружьи, *и*[XIV, 1] истобку пристави истопити имъ. И присла Володимеръ отрока своего Бяндюка по Итлареву чадь, и рече Бяндюкъ Итлареви: «Зовет вы князь Володимеръ, реклъ тако: „обувшеся в теплѣ избѣ *и*[1] заутрокавше у Ратибора, приѣдите ко мнѣ"». И рече Итларь: «Тако буди». *И*[2] яко влѣзоша въ истобку, тако запрени быша. Възлѣзше на истобку, прокопаша верхъ,[3] и тако Ольбегъ Ратиборичь приим*ъ*[4] лукъ свой и наложивъ стрѣлу, удари Итларя в сердце и дружину его всю избиша. И тако злѣ испроверже животъ свой Итларь, в недѣлю сыропустную, въ час 1 дне, мѣсяца февраля въ 24 день. Святополкъ же и Володимеръ посласта къ Ольгови, веля*ща*[5] ему поити на половци с собою. Олегъ же обѣщавъся с нима, и пошедъ, не иде с нима в путь единъ. Святополкъ же и Володимеръ идоста на вежѣ, и взяста вежѣ, *и*[1] полониша скоты и конѣ, вельблуды и челядь, и приведоста *я*[6] в землю свою. И начаста гнѣвъ имѣти на Олга, яко не шедшю ему с нима на поганыя. И посла*ста*[7] Святополкъ и Володимеръ къ Олгови, глаголю*ща*[8] сице: «Се ты не шелъ еси с нама на поганыя, иже погубили суть землю Русьскую, а се у тобе есть Итларевичь: любо убий, любо ѝ дай нама. Т*ъ*[9] есть ворогъ *нама и*[1] Русьстѣй земли». Олегъ же сего не послуша, и бысть межи ими ненависть.

В се же лѣто придоша половци к Гургеву, и стоя*ша*[10] около его лѣто все, и мало не взяша его. Святополкъ же омири *я̀*.[11] Половци же *при*идоша[12] за Рось, гюргевци же выбѣгоша и идоша Кыеву. Святополкъ же повелѣ рубити городъ на Вытечевѣ холму, в свое имя нарекъ Святополчь городъ, и повелѣ епископу М*арину*[13] съ юргевци[14] сѣсти ту, и засаковцемъ, и прочимъ от инѣхъ градъ; а Гюргевъ зажгоша половци тощь. Сего же лѣта исходяща, иде Давыдъ Святославичь из Новагорода Смолиньску; новгородци же идоша Ростову по Мьстислава Володимерича. *И*[1] поемше ведоша ѝ Новугороду, а Давыдови рекоша: «Не ходи к нам». *И*[1] пошедъ Давыдъ, воротися Смолиньску, и сѣде Смолиньскѣ, а Мьстиславъ Новѣгородѣ сѣде. В се же время приде Изяславъ, сынъ Володимерь, ис Курска к Мурому. *И*[1] прияша ѝ муромци, и посадника ѝ Олгова. В се же лѣто придоша прузи, *мѣсяца августа*[15] въ 28, и покрыша землю, и бѣ видѣти страшно, идяху к полунощнымъ странамъ, ядущ*е*[16] траву и проса.

1096 В лѣто 6000 и 604. Святополкъ и Володимеръ посла*ста*[17] къ Олгови, глаголюща сице: «Поиди Кыеву, да порядъ положимъ о Русьстѣй земли пред епископы, и пред игумены, и пред мужи отець нашихъ, и пред людми градьскыми, да быхом оборонили Русьскую землю от поганых». Олег же въсприимъ смыслъ буй и словеса величава, рече сице: «Нѣсть мене лѣпо судити епископу, ли игуменом, ли смердом». И не въсхотѣ ити к братома своима, послушавъ злых совѣтникъ.[18] Святополкъ же и Володимеръ рекоста

к нему: «Да се ты ни на поганыя идеши, ни на совѣтъ[19] к нама, то ты мыслиши на наю и поганым помагати хочеши, а Богъ промежи нами будеть». Святополкъ же и Володимеръ *поидоста*[20] на Олга Чернигову; Олег же выбѣже изъ Чернигова, мѣсяца мая въ 3 день, в суботу. Святополкъ же и Володимеръ *гнаста по нем, Олегъ же вбѣжа въ Стародубъ и затворися ту; Святополкъ же и Володимеръ*[1] оступиста ѝ в градѣ, *и*[1] бьяхутся из города крѣпко, а си приступаху къ граду, и язвени бываху мнози от обоихъ. И бысть межю ими брань люта, и стояш*а*[21] около града дний 30 и 3, и изнемагаху людье в градѣ. И вылѣзе Олегъ из града, хотя мира, и вдаста ему миръ, рек*уща*[22] сице: «Иди к брату своему Давыдови, и придѣта Киеву на столъ отець наших и дѣдъ наших, яко то есть старѣйшей град въ земли во всей, Кыевъ; ту достойно снятися и порядъ положити». Олег же обѣщася се створити, и на семь цѣловаша крестъ.

В се же время приде Бонякъ с половци *кь*[23] Кыеву, в недѣлю от вечера, и повоева около Кыева, и пожже на Берестовѣмь дворъ княжь. В се же время воева Куря с половци у Переяславля, и Устье пожже, мѣсяца мая 24 день. Олег же выйде и-Стародуба, и приде Смолиньску, и не прияша его смолняне, и иде к Рязаню. Святополкъ же и Володимеръ поидоста в свояси. Сего же мѣсяца приде Тугорканъ, тесть Святополчь, к *Переяславлю*,[1] мѣсяца мая 30 и ста около града, а переяславьци затворишася в градѣ. Святополкъ же и Володимеръ поидоста на нь по сей сторонѣ Днѣпра, и придоста къ Зарубу, *и ту*[1] перебродистася, и не очютиша ихъ половци, Богу схраншю ихъ, и исполчивш*ася*[24] поидоста к граду; гражане же узрѣвше, ради *быша, и*[25] поидоша к нима, а половци стояху на оной сторонѣ Трубежа, исполчившеся. Святополъкъ же и Володимеръ вбредоста в Трубежь к половцемъ, Володимеръ же хотѣ нарядити полкъ, они же не послушаша, но удариша в конѣ к противнымъ. Се видѣвше половци и побѣгоша, а наши погнаша въ слѣдъ ратных, сѣкуще противьныя. И сдѣя Господь въ тъ день спасенье велико: мѣсяца иулия въ 19 день побѣжени быша иноплеменни*ци*,[26] и князя ихъ убиша Тугоркана и сына его и ини князи; мнози врази наши ту падоша. На заутрье же налѣзоша Тугоркана мертв*а*, и *взя*[27] ѝ Святополкъ, акы тьстя своего и врага; *и*[1] привезше ѝ *к*[28] Кыеву погребоша ѝ на Берестовѣмь, межю путемъ, идущимъ на Берестово, и другымь, в манастырь идущ*имъ*.[29] И въ 20 того же мѣсяца, в пятокъ, *1 час дне*,[1] приде второе Бонякъ безбожный, шелудивый, отай, хыщникъ, *к*[30] Кыеву внезапу, и мало в градъ не въѣхаша половци, и зажгоша болонье около града, и възвратишася *на*[31] манастырь, и въжгоша Стефановъ манастырь, и деревнѣ, и Герьманы. И придоша *на*[31] манастырь Печерьский, намъ сущим по кѣльямъ почивающим по заутрени, и кликнуша около манастыря, и поставиша стяга два пред враты манастырьскыми, намъ же бѣжащим задомъ манастыря, а другимъ възбѣгшим на полати. Безбожныѣ же сынове Измаилеви высѣкоша врата манастырю, и поидоша по кельямъ, высѣкающе двери, и изно*шаху*,[32] аще что обрѣтаху в кельи; посемь въжгоша домъ святыя Владычицѣ нашея Богородице, и придоша к церкви, и зажгоша двери, *яже*[33] къ угу устроении, и вторыя же к сѣверу, *и*[1] влѣзше в притворъ у гроба Феодосьева, емлюще иконы, зажигаху двери и укаряху Бога и законъ нашь. Богъ же терпяше,

еще бо не скончалися бяху грѣси ихъ и безаконья ихъ, тѣмь глаголаху: «Кдѣ есть Богъ ихъ? Да поможеть имъ и избавить я!». И ина словеса хулная глаголаху на святыя иконы, насмихающеся, не вѣдуще, яко Богъ кажеть рабы своя напастми ратными, да явятся яко злато искушено в горну: хрестьяномъ бо многыми скорбьми и напастьми внити в царство небесное, а симъ поганым и ругателем на семь свѣтѣ приимшим веселье и пространьство,[34] а на ономь свѣтѣ приимуть муку, с дьяволом уготовани[35] огню вѣчному. Тогда же зажгоша дворъ Красный, его же поставилъ благовѣрный князь Всеволодъ на холму, нарѣцаемѣмъ Выдобычи: то все оканнии половци запалиша огнемь. Тѣм же и мы, послѣдующе пророку Давыду, вопьемъ: «Господи, Боже мой! положи я̀[1] яко коло, яко огнь пред лицемь вѣтру, иже попаляеть дубравы, тако поженеши[36] я̀ бурею твоею, исполни лица ихъ досаженья». Се бо оскверниша и пожгоша святый дом твой, и манастырь Матере твоея, и трупье рабъ твоихъ. Убиша бо нѣколико от братья нашея оружьемь безбожнии сынове измаилеви, пущени бо на казнь хрестьяномъ.

Ищьли бо суть си от пустыня *Етр*ивьскыя,[37] межю встокомь и сѣвером; ищьли же суть ихъ колѣнъ 4: торкмен*е*,[38] и печенѣзи, торци, половци. Мефодий же свѣдѣтельствуеть о нихъ, яко 8 колѣнъ пробѣгли суть, егда исѣче Гедеонъ, да 8 ихъ бѣжа в пустыню, а 4 исѣче. Друзии же глаголють: сыны Амоновы; се же нѣсть тако: сынове бо Моавли хвалиси, а сынове Аммонови болгаре, а срацини от Измаиля творятся Сарини, и прозваша имя[39] собѣ саракыне, рекше: сарини есмы. Тѣм же хвалиси и болгаре суть от дочерю Лотову,[40] иже зачаста от отца своего, тѣмь же нечисто есть племя ихъ. А Измаиль роди 12 сына, от них же суть торкмени,[41] и печенѣзи, и торци и кумани, рекше половци, иже исходять от пустынѣ. И по сихъ 8 колѣнъ *к*[42] кончинѣ вѣка изидуть заклѣпении в горѣ Александромъ Македоньскымъ нечистыя человѣкы.

П о у ч е н ь е.[43] Азъ худый, дѣдомъ своимъ Ярославомъ, благословленымъ, славнымъ, наречн*ый*[44] въ крещении Василий, русьскымь именемь Володимиръ, отцемь възлюбленымь и матерью своею Мьномахы[45] . . . . . .
. . . . и хрестьяных людий дѣля, колико бо сблюдъ по милости своей и по отни молитвѣ от всѣх бѣдъ! Сѣдя на санех, помыслих в души своей и похвалих Бога, иже мя сихъ дневъ грѣшнаго допровади. Да дѣти мои, или инъ кто, слышавъ сю грамотицю, не посмѣйтеся, но ему же люб*а*[46] дѣтий моихъ, а приметь è в сердце свое, и не лѣнитися начнеть, тако же и тружатися.

Первое, Бога дѣля и душа своея, страх имѣйте Божий в сердци своемь и милостыню творя неоскудну, то бо есть начатокъ всякому добру. Аще ли кому не люба грамотиця си, а не поохритаються, но тако се рекуть: на далечи пути, да на санех сѣдя, безлѣпицю си молвилъ.

Усрѣтоша бо мя слы от братья моея на Волзѣ, рѣша: «Потъснися к нам, да выженемъ Ростиславича и волость ихъ отъимем; иже ли не поидеши с нами, то мы собѣ будем, а ты собѣ». И рѣхъ: «Аще вы ся и гнѣваете, не могу вы я ити, ни креста переступити».

И отрядивъ я̀, вземъ Псалтырю, в печали разгнухъ я̀, и то ми ся выня: «Вскую печалуеши, душе? Вскую смущаеши мя?» и прочая. И потомь собрах

словца си любая, и складохъ по ряду, и написах: Аще вы послѣдняя не люба, а передняя приимайте.

«Вскую печална еси, душе моя? Вскую смущаеши мя? Упова*и*[47] на Бога, яко исповѣмся ему». «Не ревнуй лукавнующимъ, ни завиди творящимъ безаконье, зане лукавнуюшии потребятся, терпящии же Господа, — ти обладають землею». И еще мало: «И не будеть грѣшника; взищеть мѣста своего, и не обрящеть. Кротции же наслѣдять землю, насладяться на множьствѣ мира. Назираеть грѣшный праведнаго, и поскрегчеть на нь зубы своими; Господь же посмѣется ему и прозрить, яко придеть день его. Оружья извлекоша грѣшьници, напряже лукъ свой истрѣляти нища и убога, заклати правыя сердцемь. Оружье ихъ внидеть в сердця ихъ, и луци ихъ скрушатся. Луче есть праведнику малое, паче богатства грѣшных многа. Яко мышца грѣшных скрушится, утвержаеть же праведныя Господь. Яко се грѣшници погыбнуть; праведныя же милуя и даеть. Яко благословящии его наслѣдять землю, кленущии же его потребятся. От Господа стопы человѣку исправятся. Егда ся падеть, и не разбьеться, яко Господь подъемлеть руку его. Унъ бѣх, и сстарѣхся, и не видѣхъ праведника оставлена, ни сѣмени его просяща хлѣба. Весь день милуеть и в заимъ даеть праведный, и племя его благословлено будеть. Уклонися от зла, створи добро, взищи мира и пожени, и живи в вѣкы вѣка».

«Внегда стати человѣкомъ, убо живы пожерли ны быша; внегда прогнѣватися ярости его на ны, убо вода бы ны потопила».

«Помилуй мя, Боже, яко попра мя человѣкъ, весь день боряся, стужи ми. Попраша мя врази мои, яко мнози борющиися[48] со мною свыше». «Возвеселится праведник, и егда видить месть; руцѣ свои умыеть в крови грѣшника. И рече убо человѣкъ: аще есть плодъ праведника, и есть убо Богъ судяй земли». «Измий мя от врагъ моихъ, Боже, и от встающих на мя отьими мя. Избави мя от творящих безаконье, и от мужа крови спаси мя; яко се уловиша душю мою». «И яко гнѣвъ въ ярости его, и животъ в воли его; вечеръ водворится плачь, а заутра радость». «Яко лучьши милость твоя, паче живота моего, и устнѣ мои похвалита тя. *Т*ако[49] благословлю тя в животѣ моемь, и о имени твоемь въздѣю руцѣ мои». «Покры мя от соньма лукаваго и от множьства дѣлающих неправду». «Възвеселитеся вси праведнии сердцемь. Благословлю Господа на всяко время, воину хвала его», и прочая.

Якоже бо Василий учаше, собрав ту уноша, душа чисты, нескверньни, тѣлеси худу, кротку бесѣду и в мѣру слово Господне: «Яди *и*[50] питью бесъ плища велика быти, при старых молчати, премудрыхъ слушати, старѣйшимъ покарятися, с точными и меншиими любовь имѣти; без луки бесѣдующе, а много разумѣти; не сверѣповати словомь, ни хулити бесѣдою, не обило смѣятися, срамлятися старѣйших, к женам нелѣпымъ не бесѣдовати, долу очи имѣти, а душю горѣ, пребѣгати; не стрѣкати учить легкых власти, ни в кую же имѣти, еже от всѣх честь. Аще ли кто васъ можеть инѣмь услѣти, от Бога мьзды да чаеть и вѣчных благъ насладится». «О Владычице Богородице! Отъими от убогаго сердца моего гордость и буесть, да не възношюся суетою мира сего»; в пустошнѣмь семь житьи.

Научися, вѣрный человѣче, быти благочестию[51] дѣлатель, научися, по евангельскому словеси, «очима управленье, языку удержанье, уму смѣренье, тѣлу порабощенье, гнѣву погубленье, помыслъ чистъ имѣти, понужаяся на добрая дѣла, Господа ради; лишаемъ — не мьсти, ненавидимъ — люби,[52] гонимъ — терпи, хулимъ — моли, умертви грѣхъ». «Избавите обидима, судите сиротѣ, оправдайте вдовицю. Придѣте, да сожжемъся, глаголеть Господь. Аще будуть грѣси ваши яко оброщени, яко снѣгъ обѣлю ѧ̀», и прочее. «Восияеть весна постная и цвѣтъ покаянья, очистимъ собе, братья, от всякоя крови плотьскыя и душевныя. Свѣтодавцю вопьюще рцѣмъ: Слава тобѣ, человѣколюбче!».

Поистинѣ, дѣти моя, разумѣйте, како ти есть человѣколюбецъ Богъ милостивъ и премилостивъ. Мы, человѣци, грѣшни суще и смертни, то оже ны зло створить, то хощемъ ѝ пожрети и кровь его прольяти вскорѣ; а Господь нашь, владѣя и животомъ и смертью, согрѣшенья наша выше главы нашея терпить, и пакы и до живота нашего. Яко отець, чадо свое любя, бья, и пакы привлачить ѐ к собѣ, тако же и Господь нашь показал ны есть на врагы побѣду, 3-ми дѣлы добрыми избыти его и побѣдити его: покаяньемъ, слезами и милостынею. Да то вы, дѣти мои, не тяжька заповѣдь Божья, оже тѣми дѣлы 3-ми избыти грѣховъ своихъ и царствия не лишитися.

А Бога дѣля не лѣнитеся, молю вы ся, не забывайте 3-х дѣлъ тѣхъ: не бо суть тяжка; ни одиночьство, ни чернечьство, ни голодъ, яко инии добрии терпять, но малым дѣломь улучити милость Божью.

«Что есть человѣкъ, яко помниши ѝ?». «Велий еси, Господи, и чюдна дѣла твоя, никак же разумъ человѣческъ не можеть исповѣдати чюдес твоихъ; — и пакы речемъ: велий еси, Господи, и чюдна дѣла твоя, и благословено и хвално имя твое в вѣкы по всей земли». Иже кто не похвалить, ни прославляеть силы твоея и твоих великых чюдес и добротъ, устроеных на семь свѣтѣ: како небо устроено, како ли солнце, како ли луна, како ли звѣзды, и тма и свѣт, и земля на водах положена, Господи, твоимъ промыслом! Звѣрье розноличнии, и птица и рыбы украшено твоимъ промыслом, Господи! И сему чюду дивуемъся, како от персти создавъ человѣка, како образи розноличнии въ человѣчьскыхъ лицих, — аще и весь миръ совокупить, не вси въ одинъ образ, но кый же своимъ лиць образом, по Божии мудрости. И сему ся подивуемы, како птица небесныя изъ ирья идуть, и первѣе, *въ*[53] наши руцѣ, и не ставятся на одиной земли, но и силныя и худыя идуть по всѣмъ землямъ, Божиимь повелѣньемь, да наполнятся лѣси и поля. Все же то далъ Богъ на угодье человѣкомъ, на снѣдь, на веселье. Велика, Господи, милость твоя на нас, *иже*[54] та угодья створилъ еси человѣка дѣлая грѣшна. И ты же птицѣ небесныя умудрены тобою, Господи: егда повелиши, то вспоють, и человѣкы веселять тобе; и егда же не повелиши имъ, языкъ же имѣюще онемѣють. «А благословенъ еси, Господи, и хваленъ зѣло!» всяка чюдеса и ты доброты створивъ и здѣлавъ, «Да иже не хвалить тебе, Господи, и не вѣруеть всѣм сердцемь и всею душею во имя Отца и Сына и Святаго Духа, да будеть проклятъ».

Си словца прочитаюче, дѣти моя, божественная, похвалите Бога, давшаго нам милость свою: *а*[55] се от худаго моего безумья наказанье. Послушайте мене: еще не всего приимете, то половину.

Аще вы Богъ умякчить сердце, и слезы своя испустите о грѣсѣх своих, рекуще: якоже блудницю и разбойника и мытаря помиловалъ еси, тако и нас грѣшных помилуй! И в церкви то дѣйте и ложася. Не грѣшите ни одину же ночь, аще можете, поклонитися до земли; а ли вы ся начнеть не мочи, а трижды. А того не забывайте, не лѣнитеся, тѣмь бо ночным поклоном и пѣньем человѣкъ побѣжаеть дьявола, и что въ день согрѣшить, а тѣмь человѣкъ избываеть. Аще и на кони ѣздяче не будеть ни с кым орудья, аще инѣх молитвъ не умѣете молвити, а «Господи помилуй» зовѣте беспрестани, втайнѣ: та бо есть молитва всѣх лѣпши, нежели мыслити безлѣпицю ѣздя.

Всего же паче убогых не забывайте, но елико могуще по силѣ кормите, и *при*дайте[56] сиротѣ, и вдовицю оправдите сами, а не вдавайте силным погубити человѣка. Ни права, ни крива не убивайте, ни повелѣвайте убити его: аще будеть повиненъ смерти, а душа не погубляйте[57] никакояже хрестьяны. Рѣчь молвяче, и лихо и добро, не кленитеся Богомь, ни хреститеся, нѣту бо ти нужа никоея же. Аще ли вы будете крестъ целовати к братьи или г кому, а ли управивъше сердце свое, на нем же можете устояти, тоже цѣлуйте, и цѣловавше блюдѣте, да не, приступни, погубите душѣ своеѣ. Епископы, и попы и игумены... с любовью взимайте от них благословленье, и не устраняйтеся от них, и по силѣ любите и набдите, да приимете от них молитву...[58] от Бога. Паче всего гордости не имѣйте в сердци и въ умѣ, но рцѣмъ: смертни есмы, днесь живи, а заутра в гробъ; се все, *что ны*[59] еси вдалъ, не наше, но твое, поручил ны еси на мало дний. И в земли не хороните; то ны есть великъ грѣхъ. Старыя чти яко отца, а молодыя яко братью. В дому своемь не лѣнитеся, но все видите; не зрите на тивуна, ни на отрока, да не посмѣются приходящии к вам *ни*[60] дому вашему, ни обѣду вашему. На войну вышедъ, не лѣнитеся, не зрите на воеводы; ни питью, ни ѣденью не лагодите, ни спанью; и сторожѣ сами наряживайте, и ночь, отвсюду нарядивше около вои тоже лязите, а рано встанѣте; а оружья не снимайте с себе вборзѣ, не розглядавше лѣнощами, внезапу бо человѣкъ погыбаеть. Лжѣ блюдися и пьяньства и блуда, в томъ бо душа погыбаеть и тѣло. Куда же ходяще путемъ по своимъ землямъ, не дайте пакости дѣяти отрокомъ, ни своимъ, ни чюжимъ, ни в селѣх, ни в житѣх, да не кляти вас начнуть. Куда же поидете, идеже станете, напойте, накормите унеина; и боле же чтите гость, откуду же к вам придеть, или простъ, или добръ, или солъ, аще не можете даромъ, брашном и питьемь: ти бо мимоходячи прославять человѣка по всѣм землямъ, любо добрым, любо злымъ. Болнаго присѣтите; надъ мертвеця идѣте, яко вси мертвени есмы. И человѣка не минѣте, не привѣчавше, добро слово ему дадите. Жену свою любите, но не дайте имъ надъ собою власти. Се же вы конець всему: страхъ Божий имѣйте выше всего.

Аще забываете сего,[61] а часто прочитайте: и мне будеть бе-сорома, и вамъ будеть добро.

Его же умѣючи, того не забывайте доброго, а его же не умѣючи, а тому ся учите, якоже бо отець мой, дома сѣдя, изумѣяше 5 языкъ, в томъ бо честь есть от инѣхъ земль. Лѣность бо всему мати: еже умѣеть, то забудеть, а его же не умѣеть, а тому ся не учить. Добрѣ же творяще, не мозите ся лѣнити ни на что же доброе, первое к церкви: да не застанеть вас солнце на постели; тако бо отець мой дѣяшеть блаженый и вси добрии мужи свершении. Заутренюю отдавше Богови хвалу, и потомъ солнцю въсходящю, и узрѣвше солнце, и прославити Бога с радостью и рече: «Просвѣти очи мо*и*,[62] Христе Боже, *иже*[63] далъ ми еси свѣтъ твой красный!». И еще: «Господи, приложи ми лѣто къ лѣту, да прокъ, грѣховъ своих покаявъся, оправдивъ животъ», тако похвалю Бога! И сѣдше думати с дружиною, или люди оправливати, или на ловъ ѣхати, или поѣздити, или лечи спати: спанье есть от Бога присужено полудне. О тъ чина бо почиваеть и звѣрь, и птици, и человѣци.

А се вы повѣдаю, дѣти моя, трудъ свой, оже ся есмь тружалъ, пути дѣя и ловы с[64] 13 лѣт. Первое к Ростову идохъ, сквозѣ вятичѣ, посла мя отець, а самъ иде Курьску; и пакы 2-е к Смолиньску со Ставкомь с Гордятичемъ,[65] той пакы и отъиде к Берестию со Изяславомь, а мене посла Смолиньску, то и-Смолиньска идохъ Володимерю. Тое же зимы тои посласта Берестию брата на головнѣ, иде бяху *ляхове*[66] пожгли, той ту блюдъ городъ тихъ. Та идохъ Переяславлю отцю, а по Велицѣ дни ис Переяславля та Володимерю — на Сутейску мира творить с ляхы. Оттуда пакы на лѣто Володимерю опять.

Та посла мя Святославъ в Ляхы; ходивъ за Глоговы до Чешьскаго лѣса, ходивъ в земли ихъ 4 мѣсяци. И в то же лѣто и дѣтя ся роди старѣйшее новгородьское. Та оттуда Турову, а на весну та Переяславлю, таже Турову.

И Святославъ умре, и язъ пакы Смолиньску, а и-Смолиньска той же зимѣ та к Новугороду; на весну Глѣбови в помочь. А на лѣто со отцемь подъ Полтескъ, а на другую зиму с Святополкомъ подъ Полтескъ, — ожьгъше[67] Полтескъ; онъ иде Новугороду, а я с половци на Одрьскъ, воюя, та Чернигову. И пакы, и-Смолиньска къ отцю придох Чернигову. И Олегъ приде, из Володимеря выведенъ, и возвах й к собѣ на обѣдъ со отцемь в Черниговѣ, на Краснѣмь дворѣ, и вдахъ отцю 300 гривен золота. И пакы и-Смолиньска же пришедъ, и проидох сквозѣ половечьскыи вои, бьяся, до Переяславля, и отца налѣзохъ с полку пришедше. То и пакы ходихомъ, том же лѣтѣ, со отцемь и со Изяславомь битъся Чернигову с Борисомь, и победихомъ Бориса и Олга. И пакы идохом Переяславлю, и стахом во Обровѣ.

И Всеславъ Смолнескъ ожьже, и азъ всѣдъ с черниговци о двою коню, и не застахом... въ Смолиньскѣ. Тѣм же путем по Всеславѣ пожегъ землю и повоевавъ до Лукамля и до Логожьска, та на Дрьютьскъ воюя, та Чернигову.

А на ту зиму повоеваша половци Стародубъ весь, и азъ шедъ с черниговци и с половци, на Деснѣ изьимахом князи Асадука и Саука, и дружину ихъ избиша. И на заутреѣ за Новымъ Городом разгнахомъ силны вои Белкатгина, а семечи и полонъ весь отяхом.

А въ вятичи ходихом по двѣ зимѣ на Ходоту и на сына его, и ко Корьдну, ходихъ 1-ю зиму. И пакы по Изяславичихъ за Микулинъ, и не постигохом ихъ. И на ту весну къ Ярополку совкуплятъся на Броды.

Том же лѣтѣ гонихом по половьцихъ за Хоролъ, иже Горошинъ взяша.

И на ту осень идохом с черниговци и с половци, с читѣевичи, к Мѣньску: изъѣхахом городъ, и не оставихом у него ни челядина, ни скотины.

На ту зиму идохом къ Ярополку совокуплятися на Броды, и любовь велику створихом.

И на весну посади мя отець в Переяславли передъ братьею, и ходихом за Супой. И ѣдучи к Прилуку городу, и срѣтоша ны внезапу половечьскыѣ князи, 8 тысячь, и хотѣхом с ними ради битися, но оружье бяхомъ услали напередъ на повозѣхъ, и внидохом в городъ; толко семцю яша одиного живого, ти смердъ нѣколико, а наши онѣхъ боле избиша и изьимаша, и не смѣша ни коня пояти в руцѣ, и бѣжаша на Сулу тое ночи. И заутра, на Госпожинъ день, идохом к Бѣлѣ Вежи, и Богъ ны поможе и святая Богородица: изби*хом*[68] 900 половець, и два князя *яхом*,[69] Багубарсова брата, Асиня и Сакзя, а два мужа толко утекоста.

И потомь на Святославль гонихом по половцих, и потомь на Торческый городъ, и потомь на Гюргевъ по половцих. И пакы на той же сторонѣ у Красна половци побѣдихом; и потомь с Ростиславом же у Варина вежѣ взяхом. И потомь ходивъ Володимерю, паки Ярополка посадих, и Ярополкъ умре.

И пакы по отни смерти и *при* Святополцѣ, на *Стугнѣ* бившеся съ половци до вечера, *би*хом[70] — у Халѣпа, и потомь миръ створихом с Тугорканомъ и со инѣми князи половечьскими; и у Глѣбов*ы*[71] чади пояхом дружину свою всю.

И потомь Олегъ на мя приде с Половечьскою землею к Чернигову, и бишася дружина моя с нимь 8 дний о малу *греблю*,[72] и не вдадуче *внити*[53] имъ въ острогъ; *съжали*въси[72] хрестьяных душь и селъ горящих и манастырь, и рѣхъ: «Не хвалитися поганым!». И вдахъ брату отца его[73] мѣсто, а самъ идох на отця своего мѣсто Переяславлю. И выидохом[74] на святаго Бориса день ис Чернигова, и ѣхахом сквозѣ полкы половьчскиѣ, не въ 100 дружинѣ, и с дѣтми и с женами. И облизахутся на нас акы волци стояще, и от перевоза и з горъ, Богъ и святый Борисъ не да имъ мене в користь, — неврежени доидохом Переяславлю.

И сѣдѣхъ в Переяславли 3 лѣта и 3 зимы, и с дружиною своею, и многы бѣды пряхом от рати и от голода. И идохом на вои ихъ за Римовъ, и Богъ ны поможе — изби*хом* я,[75] а другия поима*хом*.[76]

И пакы Итлареву чадь избиша, и вежи ихъ взяхом, шедше за Голтавомь.

И Стародубу идохом на Олга, зане ся бяше приложилъ к половцем. И на Богъ идохом, с Святополком на Боняка за Рось.

И Смолиньску идохом, с Давыдомь смирившеся. Паки, идохом другое с Вороницѣ.

Тогда же и торци придоша ко мнѣ, и с половець Читѣевичи,[77] идохом противу имъ на Сулу.

И потомь паки идохом к Ростову на зиму, и по 3 зимы ходихом Смолинску. *И-Смолиньска идох* Ростову.[78]

И пакы, с Святополком гонихом по Боняцѣ, но ли оли...[79] убиша, и не постигохом ихъ. И потом по Боняцѣ же гонихом за Рось, и не постигохом его.

И на зиму Смолинску идохъ, и-Смоленска по Велицѣ дни выидох; и Гюргева мати умре.

Переяславлю пришедъ на лѣто, собрах братью.

И Бонякъ приде со всѣми половци къ Кснятиню, идохом за не ис Переяславля за Сулу, и Богъ ны поможе, и полъкы ихъ побѣдихом, и князи изьимахом лѣпшии, и по Рожествѣ створихом миръ съ Аепою,[80] и поимъ у него дчерь, идохом Смоленьску. И потомь идох Ростову.

Пришед из Ростова, паки идох на половци на Урубу с Святополком, и Богъ ны поможе.

И потомь паки на Боняка к Лубьну, и Богъ ны поможе.

И потомь ходихом к Воиню[81] с Святополком; и потомь пакы на Донъ идохом с Святополком и с Давыдомъ, и Богъ ны поможе.

И к Выреви бяху пришли Аепа и Бонякъ, хотѣша взяти й, ко Ромну идох со Олгомь и з дѣтми на нь, и они очутивше[82] бѣжаша.

И потомь к Мѣньску ходихом на Глѣба, оже ны бяше люди заялъ, и Богъ ны поможе, и створихом свое мышленое.

И потомь ходихом къ Володимерю на Ярославця, не терпяче злобъ его.

А и-Щернигова до Кыева нестишьд*ы*[83] ѣздих ко отцю, днемъ есмъ переѣздилъ до вечерни. А всѣх путий 80 и 3 великих, а прока не испомню менших. И мировъ есмъ створилъ с половечьскыми князи безъ одиного 20, и при отци и кромѣ отца, а дая скота много и многы порты своѣ. И пустилъ есмъ половечскых князь лѣпших изъ оковъ толико: Шаруканя 2 брата, Багубарсовы 3, *Осеня*[84] братьѣ 4, а всѣх лѣпших князий инѣхъ 100. А самы князи Богъ живы в руцѣ дава: Коксусь с сыномь, Акланъ, Бурчевичь, Таревьский князь Азгулуй, инѣхъ кметий молодых 15, то тѣхъ живы ведъ, исѣкъ, вметахъ в ту рѣчку въ *Салню*.[85] По чередам избьено не съ 200 в то время лѣпших.

А се тружахъся ловы дѣя, понеже сѣдох в Черниговѣ; а и-Щернигова вышед, и до *сего*[86] лѣта по сту уганивал[87] и имь даром всею силою кромѣ иного лова, кромѣ Турова, иже со отцемь ловилъ есмъ всякъ звѣрь.

А се в Черниговѣ дѣялъ есмъ: конь диких своима рукама связалъ есмь въ пушах 10 и 20 живых конь, а кромѣ того *же*[88] по ров*ни*[89] ѣздя ималъ есмъ своима рукама тѣ же кони дикиѣ. Тура мя 2 метала на розѣх и с конемъ, олень мя одинъ болъ, а 2 лоси, одинъ ногами топталъ, а другый рогома болъ, вепрь ми на бедрѣ мечь оттялъ, медвѣдь ми у колѣна подъклада укусилъ, лютый звѣрь скочилъ ко мнѣ на бедры и конь со мною поверже. И Богъ невережена мя съблюде. И с коня много падах, голову си розбих дважды, и руцѣ и нозѣ свои вередих, въ уности своей вередих, не блюда живота своего, ни щадя головы своея.

Еже было творити отроку моему, то сам есмь створилъ, дѣла на войнѣ и на ловѣхъ, ночь и день, на зною и на зимѣ, не дая собѣ упокоя. На

посадники не зря, ни на биричи, сам творилъ, что было надобѣ, весь нарядъ, и в дому своемь то, я творилъ есмь.[90] И в ловчих ловчий нарядъ сам есмь држалъ, и в конюсѣх, и о соколѣхъ и о ястребѣх.

Тоже и худаго смерда и убогыѣ вдовицѣ не далъ есмъ силным обидѣти, и церковнаго наряда и службы сам есмъ призиралъ.

Да не зазрите ми, дѣти мои, *ни*[91] инъ кто, прочетъ, не хвалю бо ся ни дерзости своея, но хвалю Бога и прославьляю милость его, иже мя грѣшнаго и худаго селико лѣт сблюд от тѣхъ часъ смертныхъ, и не лѣнива мя былъ створилъ, худаго, на вся дѣла человѣчьская потребна. Да сю грамотицю прочитаючи, потъснѣтеся на вся дѣла добрая, славяще Бога с святыми его. Смерти бо ся, дѣти, не боячи, ни рати, ни от звѣри, но мужьское дѣло творите, како вы Богъ подасть. Оже бо язъ от рати, и от звѣри, и от воды, от коня спадаяся, то никто же вас не можеть вредитися и убити, понеже не будет от Бога повелѣно. А иже от Бога будеть смерть, то ни отець, ни мати, ни братья не могуть отьяти, но *аче*[92] добро есть блюсти, Божие блюденье лѣплѣѣ есть человѣчьскаго.

[93]О многострастный и печалны азъ! Много борешися сердцемь, и одолѣвши, душе, сердцю моему, зане, тлѣньнѣ сущи, помышляю, како стати пред страшным Судьею, каянья и смѣренья не приимшим межю собою.

Молвить бо иже: «Бога люблю, а брата своего не люблю», — ложь есть. И пакы: «Аще не отпустите прегрѣшений брату, ни вам отпустить отець вашь небесный». Пророкъ глаголеть: «Не ревнуй лукавнующим, ни завиди творящимъ безаконье». «Что есть добро и красно, *но еже жити*[94] братья вкупѣ!». Но все дьяволе наученье! то бо были рати при умных дѣ*дѣ*х[95] наших, при добрых и при блаженыхъ отцихъ наших. Дьяволъ бо не хоче*т*[96] добра роду человѣчскому, сваживаеть[97] ны. Да се ти написах, зане принуди мя сынъ *мой*,[98] его же еси хрстилъ, иже то сѣдить близь тобе, прислалъ ко мнѣ *мужь свой*[99] и грамоту, река: «Ладимъся и смѣримся, а братцю моему Судъ пришелъ. А вѣ ему не будевѣ местника, но възложивѣ на Бога, а станутъ си пред Богомь; а Русьскы земли не погуби*м*».[100] И азъ видѣх смѣренье сына своего, сжалихси, и Бога устрашихся, рекох: онъ въ уности своей и в безумьи сице смѣряеться — на Бога укладаеть; азъ человѣкъ грѣшенъ есмь паче всѣх человѣкъ.

Послушах сына своего, написах ти грамоту: аще ю приимеши с добромь, ли с поруганьемь, свое же узрю на твоемь писаньи. Сими бо словесы варих тя переди, его же почаяхъ от тебе, смѣреньем и покаяньем хотя от Бога ветхыхъ своихъ грѣховъ *оставления*.[XV, 1] Господь бо нашь не человѣкъ есть, но Богъ всей вселенѣ, иже хощеть, в мегновеньи ока вся створити хощеть, то сам претерпѣ хуленье, и оплеванье, и ударенье, и на смерть вдася, животом владѣя и смертью. А мы что есмы, человѣци грѣшни и лиси? — днесь живи, а утро мертви, днесь в славѣ и въ чти, а заутра в гробѣ и бес памяти, ини собранье наше раздѣлять.

Зри, брате, отца наю: что взяста, или чим има порты?[2] но токмо оже еста створила души своей.[3] Но да сими словесы, пославше бяше переди, брат, ко мнѣ варити мене. Егда же убиша дѣтя мое и твое пред тобою, и бяше тебѣ, узрѣвше кровь его и тѣло увянувшю, яко цвѣту нову процветшю,

якоже агньцю заколену, и рещи бяше, стояще над ним, вникнущи *въ*[4] помыслы души своей: «Увы мнѣ! что створихъ? И пождавъ его безумья, свѣта сего мечетнаго кривости ради налѣзох грѣх собѣ, отцю и матери слезы».

И рещи бяше Давыдскы: «Азъ знаю, грѣх мой предо мною есть воину». Не крове дѣля пролитья, — помазаникъ Божий Давыдъ, прелюбодѣянье створи*въ*[5] посыпа главу свою и плакася горко; во тъ час, отда ему согрѣшенья его Богъ. А к Богу бяше покаятися, а ко мнѣ бяше грамоту утѣшеную, а сноху мою послати ко мнѣ, зане нѣсть в ней ни зла, ни добра, да бых обуимъ оплакалъ мужа ея и оны сватбы ею̀, въ пѣсний мѣсто: не видѣхъ бо ею̀ первѣе радости, ни вѣнчанья ею̀, за грѣхы своя! А Бога дѣля пусти ю̀ ко мнѣ вборзѣ с первым *сломь*,[6] да[7] с нею кончавъ слезы, посажю на мѣстѣ, и сядеть акы горлица на сусѣ древѣ желѣючи, а язъ утѣшюся о Бозѣ.

Тѣм бо путем шли дѣ*ди и* отци наши:[8] судъ от Бога ему пришелъ, а *не*[9] от тебѣ. Аще бы тогда свою волю створилъ, и Муромъ налѣзлъ, а Ростова бы не заималъ, а послалъ ко мнѣ, отсюда ся быхом уладили. Но сам разумѣй, мнѣ ли бы послати к тебѣ достойно, ци ли тобѣ ко мнѣ? Даже еси велѣлъ дѣтяти: «Слися къ отцю», десят*ью*[10] я есмъ послалъ.

Дивно ли, оже мужь умерлъ в полку ти? Лѣпше суть измерли и роди наши. Да не выискывати было чюжего, — ни мене в соромъ, ни в печаль ввести. Научиша бо и паропци, да быша собѣ налѣзли, но оному налѣзоша зло. Да *еже*[11] начнеши каятися Богу, и мнѣ добро сердце створиши, пославъ солъ свой, или пископа, и грамоту напиши с правдою, то и волость възмешь с добромъ, и наю сердце обратиши к собѣ, и лѣпше будемъ, яко и преже; нѣсмъ ти ворожбитъ, ни местникъ. Не хотѣхъ бо крови твоея видѣти у Стародуба: но не дай ми Богъ кро̀ви от руку твоею видѣти, ни от повелѣнья *т*воего,[12] ни котораго же брата. Аще ли лжю, а Богъ мя вѣдаеть и крестъ честный. Оли то буду грѣх створилъ, оже на тя шедъ к Чернигову, поганых дѣля, *а*[13] того ся каю; да то языком братьи пожаловахъ, и пакы е повѣдах, зане человѣкъ есмь.

Аще ти добро, да с тѣмь...[14] али ти лихо е, да то ти сѣдить сынъ твой хрестьный с малым братомъ своимь, хлѣбъ ѣдучи дѣдень, а ты сѣдиши в своемъ — а о се ся ряди; али хочеши тою убити, а то ти еста, понеже не хочю я лиха, но добра хочю братьи и Русьскѣй земли. А его же то и хощеши насильем, тако вѣ даяла и у Стародуба и мил*осердуюча*[15] по тебѣ, очину твою. Али Богъ послух тому, с братом твоимъ рядилися есвѣ, а не поможеть рядитися бес тебе. И не створила есвѣ лиха ничтоже, ни рекла есвѣ: сли к брату, дондеже уладимся. Оже ли кто вас не хочеть добра, ни мира хрестьяном, а не буди ему от Бога мира узрѣти на оном свѣтѣ души его!

Не по нужи ти молвлю, ни бѣда ми которая по Бозѣ, сам услышишь; но душа ми своя лутши всего свѣта сего.

На страшнѣй при бе-суперник обличаюся, и прочее.[16]

«Премудрости наставниче и смыслу давче, несмысленым казателю и нищим заступниче! Утверди в разумѣ мое сердце, Владыко! Ты дажь ми

слово, отче, се бо устнама моима не възбрани въпити[17] ти: милостиве, помилуй падшаго!». «Упованье мое — Богъ, прибѣжище мое — Христосъ, покровъ мой — Святый Духъ». «Надеже и покрове мой, не презри мене, благая! Тебе бо имуще, помощницю в печали и в болѣзни и от злых всѣх, и тебе славлю, препѣтая! И разумѣйте и видите, яко азъ есмь Богъ, испытаяй[18] сердця и свѣдый мысли, обличаяй дѣла, опаляяй грѣхы, судяй сиротѣ, и убогу и нищю». «Всклонися, душе моя, и дѣла своя помысли, яже здѣя, пред очи свои принеси, и капля испусти слезъ своих, и повѣжь явѣ дѣянья и вся мысли Христу, и очистися». Андрѣа честный, отче треблаженый, пастуше Критьскый! Не престай моляся за ны чтущая тя, да избудем вси гнѣва, и печали, и тля, и грѣха и бѣдъ же, чтуще память твою вѣрно. Град свой схрани, Дѣвице, Мати чистая, иже о тебѣ вѣрно царствуеть, да тобою крѣп*иться* и тобѣ ся над*ѣеть*, побѣж*ать*[19] вся брани, испромѣтает противныя и творить послушанье. «О препѣтая Мати, рожьшия всѣх святыхъ пресвятаго Слова! Приимши нынешнее послушанье, от всякия напасти заступи и грядущия мукы к тебѣ вопьющих. Молим ти ся, раби твои, и прекланяем си колѣни сердця нашего: приклони ухо твое, чистая, и спаси ны в скорбех погружающ*а*яся[20] присно, и сблюди от всяк*ого*[21] плѣненья вражья твой град, Богородице! Пощади, Боже, наслѣдья твоего, прегрѣшенья наша вся презри, нынѣ нас имѣя молящих тя, на земли рожьш*ю*ю[22] тя бе-сѣмене, земную милость, изволивъ обратитися, Христе, в человѣчьство». Пощади мя, Спасе, рожься[23] и схрань рожьшюю тя нетлѣнну по рожествѣ, и егда сядеши судити дѣла моя, яко безгрѣшенъ и милостивъ, яко Богъ и человѣколюбець. Дѣво пречистая, неискусна браку, богообрадованая, вѣрным направленье! Спаси мя погыбшаго, к Сыну си вопьющи: Помилуй мя, Господи, помилуй; егда хощеши судити, не осуди м*я*[24] въ огнь, ни обличи мене яростью си; молит тя Дѣва чистая, рожшая тя, Христе, и множство ангелъ и мученикъ зборъ.

О Христѣ Исусѣ Господѣ нашем, ему же подобает честь и слава, Отцю и Сыну и Святому Духу, всегда и нынѣ, присно, вѣкъ.

Се же хощю сказати, яже слышах преже сих 4 лѣт, яже сказа ми Гюрятя Роговичь новгородець, глаголя сице, яко «Послах отрокъ свой в Печеру, люди, *иже*[25] суть дань дающе Новугороду. И пришедшю отроку моему к ним, и оттуду иде въ Югру. Югра же людье есть языкъ нѣмъ, и со*с*ѣдять[26] с Самоядью на полуношных странах. Югра же рекоша отроку моему: „Дивьно мы находихом чюдо, его же *в*ѣсмы[27] слышали преже сих лѣт, се же третьее лѣто поча быти: суть горы заидуче *в*[28] луку моря, им же высота ако до небесе, и в горах тѣх кличь великъ и говоръ, и сѣкуть гору, хотяще высѣчися; и в горѣ той просѣчено оконце мало, и тудѣ молвять, и есть не разумѣти языку ихъ, но кажють на желѣзо, и помавають рукою, просяще желѣза; и аще кто дасть имъ ножь ли, ли секиру, и *они*[28] дають скорою противу. Есть же путь до горъ тѣхъ непроходим пропастьми, снѣгом и лѣсом, тѣм же не доходим ихъ всегда; есть же и подаль на полунощии"». Мнѣ же рекшю к Гюрятѣ: «Си суть людье заклепении Александром,

Македоньскым цесаремь», яко же сказаеть о них Мефодий *Патарийскый*,[29] *глаголя: «Александръ, царь Макидоньский*,[28] взыде[30] на всточныя страны до моря, наричемое Солнче мѣсто, и видѣ ту человѣкы нечистыя от племене Афетова,[31] их же нечистоту видѣвъ: ядяху скверну всяку, комары, и мухы, коткы, змиѣ, и мертвець не погрѣбаху, но ядяху, и женьскыя изворогы и скоты вся нечистыя. То видѣвъ Александръ убояся, еда како *умножаться и*[28] осквернять землю, *и загна их на*[28] полунощныя страны *в*[32] горы высокия; *и*[28] Богу повелѣвшю, сступишася о них *горы великия*,[33] токмо не ступишася о них горы на 12 локоть, и ту створишася врата мѣдяна, и помазашася сунклитом; и аще хотять взяти,[34] не възмогуть, *ни огнем могуть*[28] ижещи; вещь бо сунклитова сица есть: ни огнь можеть вжещи его, ни желѣзо его приметь. В послѣдняя же дни по сих изидут 8 колѣнъ от пустыня Етривьскыя,[35] изидут и си сквернии языкы, *иже*[36] суть в горах полунощных, по повелѣнью Божию».

Но мы на предняя взвратимся, якоже бяхом преже глаголали. Олгови обѣщавшюся ити к брату своему Давыдови Смолиньску, и прити з братом своим Кыеву и обрядъ положити, и не всхотѣ сего Олегъ створити, но пришедъ Смолинску и поим вои, поиде к Мурому, в Муромѣ тогда сущю Изяславу Володимеричю. Бысть же вѣсть Изяславу, яко Олегъ идеть к Мурому, посла Изяславъ по воѣ Суздалю, и Ростову, и по бѣлоозерци, и собра вои многы. И посла Олегъ слы своѣ къ Изяславу, глаголя: «Иди в волость отца своего Ростову, а то есть волость отца моего. Да хочю, ту сѣдя, порядъ створити со отцемь твоим. Се бо мя выгналъ из города отца моего. А ты ли ми здѣ хлѣба моего же не хощеши дати?». И не послуша Изяславъ словес сих, надѣяся на множство вой. Олег же надѣяся на правду *свою*,[28] яко правъ бѣ в семь,[37] и поиде к граду с вои. Изяслав же исполчися пред градом на поли. Олег же поиде к нему полком, и сступишася обои, *и*[28] бысть брань люта. И убиша Изяслава, сына Володимеря, внука Всеволожа, мѣсяца семтября въ 6 день; прочии же вои побѣгоша, ови чересъ лѣсъ, друзии в городъ. Олег же вниде в городъ, и прияша ѝ горожане. Изяслава же вземше, положиша ѝ в манастыри святаго Спаса, и оттуда перенесоша ѝ Новугороду, и положиша ѝ у святыѣ Софьѣ, на лѣвѣй сторонѣ. Олег же, по приятьи града, изъима ростовци, и бѣлоозерци, и суздалцѣ *и покова*,[33] и устремися на Суждаль. И *пришедъ*[38] Суждалю, и суждалци дашася ему. Олег же омиривъ городъ, овы изъима, а другыя расточи, и имѣнья ихъ отъя. Иде Ростову, и ростовци вдашася ему. И перея всю землю Муромску и Ростовьску, и посажа посадникы по городом, и дани поча брати. И посла к нему Мьстиславъ солъ свой из Новагорода, глаголя: «Иди ис Суждаля Мурому, а в чюжей волости не сѣди. И азъ пошлю молится з дружиною своею къ отцю своему, и смирю тя со отцемь моим. Аще и брата моего убилъ *еси*,[28] то есть недивьно, в ратех бо и цари и мужи погыбають». Олег же не всхотѣ сего *послушати*,[28] но паче помышляше и Новъгородъ перияти. И посла Олегъ Ярослава, брата своего, в сторожѣ, а сам стояше на поли у Ростова. Мьстислав же сдума[39] с новъгородци, и послаша Добрыню Рагуиловича передъ собою въ сторожѣ; Добрыня же первое изъима даньникы. Увѣдав же Ярославъ се, яко изъиманиданници, Ярослав

же стояше на Медвѣдици в сторожих, и побѣже той нощи, и прибѣже къ Олгови, и повѣда ему, яко идеть Мстиславъ, а сторожѣ изъимани, и поиде к Ростову. Мстислав[40] же приде на Волгу и повѣдаша ему, яко Олегъ вспятился к Ростову, и Мстиславъ поиде по нем. Олегъ же приде к Суждалю, и слышавъ, яко идеть по нем Мстиславъ, Олегъ же повелѣ зажещи Суждаль город, токмо остася дворъ манастырьский Печерьскаго манастыря и церкы, яже тамо есть святаго Дмитрея, юже бѣ далъ Ефрѣмъ и с селы. Олег же побѣже к Мурому, а Мстиславъ приде Суждалю, и сѣдя ту, посылаше к Олгови, мира прося, глаголя: «Азъ есмъ мний тебе, слися к отцю моему, а дружину, юже еси заялъ, вороти; а язъ тебе во всем послушаю». Олег же посла к нему, с лестью хотя мира; Мстислав же, имы лсти вѣры, и распусти дружину по селом. И наста Феодорова недѣля поста, и приспѣ Феодорова субота, а Мстиславу сѣдящю на обѣдѣ, приде ему вѣсть, яко Олегъ на Клязмѣ, близь бо бѣ пришелъ без вѣсти. Мстислав же ему имъ вѣру, не постави сторожовъ; но Богъ вѣсть избавляти благочестивыя своя от льсти. Олег же установися[41] на Клязмѣ, мня, яко, *боязя его*,[28] Мстиславъ побѣгнеть. Къ Мстиславу же собрашася дружина въ тъ день и в другый, новгородци, и ростовци, и бѣлозерци. Мстислав же ста пред градомъ, исполчивъ дружину, и не поступи ни Олегъ на Мстислава, ни Мстиславъ на Олга, и стояста противу собѣ 4 дни. И приде Мстиславу вѣсть, яко «Послал ти отець брата Вячеслава с половци». И приде Вячеславъ в четвергъ *по*[42] Феодоровы недѣли, в постъ. И в пяток приде Олегъ, исполчивъся, к городу, а Мстиславъ поиде противу ему с новгородци и с ростовци. И вдасть Мстиславъ стягъ Володимерь половчину, именем Кунуи, и вдавъ ему пѣшьцѣ, и постави ѝ на правѣмь крилѣ. И заведъ Кунуй пѣшьцѣ, напя стягъ Володимерь, и узрѣ Олегъ стягъ Володимерь, и убояся, и ужасъ нападе на нь и на воѣ его. И поидоша к боеви противу собѣ, *и поиде*[28] Олегъ противу Мстиславу, а Ярославъ поиде противу Вячеславу. Мстислав же перешедъ пожаръ с новгородци, *и*[43] *сседоша с коней новгородци*,[28] и сступишася на Кулачьцѣ, и бысть брань крѣпка, и нача одалати Мстиславъ. И видѣ Олегъ, яко поиде стягъ Володимерь, нача заходити в тылъ его, и убоявъся побѣже Олегъ, и одолѣ Мстиславъ. Олег же прибѣже к Мурому, и затвори Ярослава Муромѣ, а самъ иде Рязаню. Мстислав же приде Мурому, и створи миръ с *муромци*,[28] и поя своя люди, ростовци и суждалци, и поиде к Рязаню по *Олзѣ*.[44] Олег же выбѣже из Рязаня, а Мстиславъ, пришед, створи миръ с рязанци, и поя люди своя, яже бѣ заточилъ Олегъ. И посла къ Олгови, глаголя: «Не бѣгай никаможе, но пошлися к братьи своей с молбою не лишать тя Русьскыѣ земли. И азъ пошлю къ отцю молится о тобѣ». Олег же обѣщася тако створити. Мстиславъ же възвративъся вспять Суждалю, оттуду поиде Новугороду в свой град, молитвами преподобнаго епископа Никыты. Се же бысть исходящю лѣту 6604, индикта 4 на полы.

В лѣто 6605. Придоша Святополкъ, *и*[28] Володимеръ, *и*[28] Давыдъ *1097* Игоревичь, и Василко Ростиславичь, и Давыдъ[45] Святославичь, и брат его Олегъ, и сняшася Любячи на устроенье мира, и глаголаша к собѣ, рекуще: «Почто губим Русьскую землю, сами на ся котору дѣюще? А половци землю

нашю несуть розно, и ради суть, оже межю нами рати. Да нонѣ отселѣ имемся въ едино сердце, и блюдем Рускыѣ земли; кождо да держить отчину свою: Святополкъ Кыевъ Изяславлю,[46] Володимерь Всеволожю,[47] Давыдъ и Олегъ и Ярославъ Святославлю,[48] а им же роздаялъ Всеволодъ городы: Давыду Володимерь, Ростиславичема Перемышьль Володареви, Теребовль Василкови».[49] И на том цѣловаша кресть: «Да аще кто отселѣ на кого будеть, то на того будем вси и кресть честный». Рекоша вси: «Да будеть на нь[50] *хрестъ честный*[42] и вся земля Русьская». И цѣловавшеся поидоша в свояси.

И приде Святополкъ с Давыдомь Кыеву, и ради быша людье вси: но токмо дьяволъ печаленъ бяше о любви сей. И влѣзе сотона *въ сердце*[28] нѣкоторым мужем, и почаша глаголати к Давыдови Игоревичю, рекуще сице, яко «Володимеръ сложился есть с Василком на Святополка и на тя». Давыдъ же, емъ вѣру лживым словесомъ,[51] нача молвити на Василка, глаголя: «Кто есть убилъ брата твоего Ярополка, а нынѣ мыслить на мя и на тя, и сложился есть с Володимером? Да промышляй о своей головѣ». Святополкъ же смятеся умом, река: «Еда се право будеть или лжа, не вѣдѣ». И рече Святополкъ к Давыдови: «Да аще право глаголеши, Богъ ти буди послух; да аще ли завистью молвишь, Богъ будеть за тѣмъ». Святополкъ же сжалиси по братѣ своем, и о собѣ нача помышляти, еда се право будеть? И я вѣру Давыдови, и прелсти Давыдъ Святополка, и начаста думати о Василькѣ; а Василко сего не вѣдяше *ни*[52] Володимеръ. И нача Давыдъ глаголати: «Аще не имевѣ Василка, то ни тобѣ княженья Кыевѣ, ни мнѣ в Володимери». И послуша его Святополкъ. И приде Василко въ 4 ноямьбря, и перевезеся на Выдобычь, и иде поклонится къ святому Михаилу в манастырь, и ужина ту, а товары своя *постави*[28] на Рудици; вечеру же бывшю приде в товаръ свой. И наутрия же бывшю, присла Святополкъ, река: «Не ходи от именинъ моихъ». Василко же отпрѣся, река: «Не могу ждати; еда будеть рать дома». И присла к нему Давыдъ: «Не ходи, брате, не ослушайся брата старѣйшаго». И не всхотѣ Василко послушати. И рече Давыдъ Святополку: «Видиши ли, не помнить тебе, ходя в твоею руку. Аще ти отъидеть в свою волость, *самъ* узриши,[53] аще ти не займеть град твоихъ Турова, и Пиньска, и прочих град твоих. Да помянешь мене. Но призвавъ *нынѣ*[54] й, емъ и дажь мнѣ». И послуша его Святополкъ, и посла по Василка, глаголя: «Да аще не хощешь остати до именинъ моихъ, да приди нынѣ, цѣлуеши мя, и посѣдим вси с Давыдомъ». Василко же обѣщася прити, не вѣдый лсти, юже имяше на нь Давыдъ. Василко же всѣдъ на конь поѣха, и устрѣте й дѣтьскый его, и повѣда ему, глаголя: «Не ходи, княже, хотять тя яти». И не послуша его, помышляя: «Како мя хотять яти? *Оногды целовали*[55] кресть, рекуще: аще кто на кого будеть, то на того будеть крестъ и мы вси». И помысливъ си прекрестися, рекъ: «Воля Господня да будеть». И приѣха въ малѣ дружинѣ на княжь дворъ, и вылѣзе противу его Святополкъ, и идоша в-ыстобку, и приде Давыдъ, и сѣдоша. И нача глаголати Святополкъ: «Останися на святокъ». И рече Василко: «Не могу остати, брате; уже есмъ повелѣлъ товаромъ[56] поити переди». Давыдъ же сѣдяше акы нѣмъ. И рече Святополкъ: «Да заутрокай, брате!». И обѣщася Василко заутрокати. И рече Святополкъ: «Посѣдита вы сдѣ, а язъ лѣзу,

наряжю». И лѣзе вонъ, а Давыдъ с Василком сѣдоста. И нача Василко глаголати к Давыдови, и не бѣ в Давыдѣ гласа, ни послушанья: бѣ бо ужаслъся, и лесть имѣя въ сердци. И посѣдѣвъ Давыдъ мало, рече: «Кде есть брат?». Они же рѣша ему: «Стоить на сѣнех». И вставъ Давыдъ, рече: «Азъ иду по нь; а ты, брате, посѣди». И, вставъ, иде вонъ. И яко выступи Давыдъ, и запроша Василка, въ 5-й ноямьбря; и оковаша ѝ въ двои оковы, и приставиша к нему сторожѣ на ночь. Наутрия же Святополкъ созва боляръ и кыянъ, и повѣда имъ, еже бѣ ему повѣдалъ Давыдъ, яко «Брата ти убилъ, а на тя свѣчался с Володимеромъ, и хо*щеть*[57] тя убити и грады твоя заяти». И рѣш*а*[58] боляре и людье: «Тобѣ, княж*е*,[59] достоить блюсти головы своее. Да аще есть право молвилъ Давыдъ, да прииметь Василко казнь; аще ли неправо глагола Давыдъ, да прииметь *месть*[28] от Бога и отвѣчаеть пред Богомь». И ув*ѣдѣ*ша[60] игумени, и начаша молитися о Василкѣ Святополку; и рече имъ Святополкъ: «Ото Давыдъ». Увѣдѣв же *се*[28] Давыдъ, нача поущати на ослѣпленье: «Аще ли сего не створишь, а пустишь ѝ, то ни тобѣ княжи*ти*,[61] ни мнѣ». Святополкъ же хотяше пустити ѝ, но Давыдъ не хотяше, блюдася его. И на ту ночь ведоша ѝ Бѣлугороду, иже град малъ у Киева яко 10 верстъ в дале, и привезоша ѝ на колѣх, окована суща, ссадиша ѝ с колъ, и ведоша ѝ в-ыстобку малу. И сѣдящю ему, узрѣ Василко торчина остря*ща*[62] ножь, и разумѣ, яко хотят ѝ слѣпити, възпи к Богу плачем великим и стенаньем. И се влѣзоша послании Святополком и Давыдомь, Сновидъ Изечевичь, конюх Святополчь, и Дьмитръ, конюх Давыдовъ, и почаста простирати коверъ, и простерш*а*[63] яста Василка и хотяща ѝ поврещи; и боряшется с нима крѣпко, и не можаста его поврещи. И се влѣзше друзии повергоша ѝ, и связаша ѝ, и снемше доску с печи, и възложиша на перси его. И сѣдоста обаполы Сновидъ Изечевичь и Дмитръ, и не можаста удержати. И приступиста ина два, и сняста другую дску с печи, и сѣдоста, и удавиша ѝ рамяно, яко персем троскотати. И приступи торчинъ, именем Беренди, овчюхъ Святополчь, држа ножь и хотя ударити в око, и грѣшися ока и перерѣза ему лице, и есть рана та на Василкѣ и нынѣ. И посем удари ѝ в око, и изя зѣницю, и посем в другое око, и изя другую зѣницю. И томъ часѣ бысть яко и мертвъ. И вземше ѝ на коврѣ взложиша на кола яко мертва, повезоша ѝ Володимерю. И бысть везому ему, сташа с ним, перешедше мостъ Звиженьскый, на торговици, и сволокоша с него сорочку, кроваву сущю, и вдаша попад*и*[64] опрати. Попадья же, оправши, взложи на нь, онѣм обѣдующим, и плакатися нача попадья, яко мертву сущю оному. И очюти плачь, и рече: «Кдѣ се есмъ?». Они же рекоша ему: «Въ Звиждени городѣ». И впроси воды, они же даша ему, и испи воды, и вступи во нь душа, и упомянуся, и пощюпа сорочкы и рече: «Чему есте сняли с мене? Да бых в той сорочкѣ кровавѣ смерть приялъ и сталъ пред Богомь». Онѣм же обѣдавшим, поидоша с ним вскорѣ на колѣхъ, а по грудну пути, бѣ бо тогда мѣсяць груденъ, рекше ноябрь. И придоша с ним Володимерю въ 6 день. Приде же и Давыдъ с ним, акы нѣкакъ уловъ уловивъ. И посадиша ѝ въ дворѣ Вакѣевѣ, и приставиша 30 мужь стеречи и 2 отрока княжа, Уланъ и Колчко.

Володимеръ же слышавъ, яко ятъ бысть Василко и слѣпленъ, ужасеся, и всплакавъ и рече: «Сего не бывало есть в Русьскѣй земьли ни при дѣдѣх

нашихъ, ни при отцихъ нашихъ, сякого зла». И ту абье посла к Давыду и к Олгови Святославичема, глаголя: «Поидѣта к Городцю, да поправим сего зла, еже ся створи се в Русьскѣй земьли и в насъ, в братьи, оже вверженъ[65] в ны ножь. Да аще сего не правимъ, то болшее зло встанеть в[66] нас, и начнеть брат брата закалати, и погыбнеть земля Руская, и врази наши, половци, пришедше возмуть земьлю Русьскую». Се слышавъ Давыдъ и Олегъ печална быста велми и плакастася, рекуще, яко «Сего не было в родѣ нашемь». И ту абье *собравша*[67] воѣ, придоста к Володимеру. Володимеру же с вои стоящю в бору. Володимеръ же и Давыдъ и Олегъ послаша мужѣ свои, глаголюще к Святополку: «Что се зло створилъ еси в Русьстѣй земли, и вверглъ еси ножь в ны? Чему еси слѣпилъ брат свой? Аще ти бы вина кая была на нь, обличилъ бы ѝ пред нами, и упрѣвъ *бы*[68] ѝ, створилъ ему. А нонѣ яви вину его, оже ему се створилъ еси». И рече Святополкъ, яко «Повѣда ми Давыдъ Игоревичь яко „Василко брата ти убилъ, Ярополка, и тебе хочетъ[69] убити и заяти волость твою, Туровъ, и Пинескъ, и Берестие и Погорину,[70] а заходилъ ротѣ с Володимером, яко сѣсти Володимеру Кыевѣ, а Василкови Володимери". А неволя ми своее головы блюсти. И не язъ его слѣпилъ, но Давыдъ, и велъ ѝ к собѣ». И рѣша мужи Володимери, и Давыдови и Олгови: «Извѣта о семь не имѣй, яко Давыдъ есть слѣпилъ ѝ. Не в Давыдовѣ городѣ ятъ, ни слѣпленъ, но в твоемь градѣ ятъ и слѣпленъ». И се имъ глаголющимъ, разидошася разно. Наутрия же хотящим чресъ Днѣпръ на Святополка, Святополкъ же хотѣ побѣгнути ис Киева, *и*[28] не даша ему кыяне *побѣгнути*,[28] но послаша Всеволожюю и митрополита Николу к Володимеру, глаголюще: «Молимся, княже, тобѣ и братома твоима, не мозѣте погубити Русьскыѣ земли. Аще бо възмете рать межю собою, погании имуть радоватися, и возмуть землю нашю, иже бѣша стяжали отци ваши и дѣди ваши трудом великим и храбрьствомь, побарающе[71] по Русьскѣй земли, ины земли приискываху, а вы хочете погубити землю Русьскую». Всеволожая же и митрополитъ придоста к Володимеру и молистася ему, и повѣдаста молбу кыянъ, яко творити миръ, и блюсти землѣ Русьскиѣ; и брань имѣти с погаными. Се слышавъ Володимеръ расплакавъся и рече: «Поистинѣ отци наши и дѣди наши зблюли землю Русьскую, а мы хочем погубити». И преклонися на молбу княгинину, чтяшеть ю акы матерь, отца ради своего, бѣ бо любим отцю своему повелику, и въ животѣ и по смерти не ослушаяся его ни в чем же; тѣмже и послуша ея, акы матере, и митрополита тако же, чтяше санъ святительскый, не преслуша молбы его.

Володимеръ бо такъ бяше любезнивъ: любовь имѣя к митрополитом, и къ епископомъ, и къ игуменом, паче же и чернечьскый чинъ любя, и черници любя, приходящая к нему напиташе и напаяше, акы мати дѣти своя. Аще кого видяше ли шюмна, ли в коем зазорѣ, не осудяше, но вся на любовь прекладаше *и утешаше*.[28] Но мы на свое възвратимся.

Княгини же бывши у Володимера, приде Кыеву, и повѣда вся рѣчи Святополку *и кияном, яко миръ будеть. И начаша межи собою мужи слати, и умиришася на семъ, яко рѣша Святополку*,[28] яко «Се Давыдова сколота; то иди ты, Святополче, на Давыда, любо имѝ, любо прожени ѝ».

Святополкъ же емъся по се, и цѣловаша[72] крестъ межю собою, миръ створше.

Василкови же сущю Володимери, на прежереченѣмь мѣстѣ, и яко приближися постъ великый, и мнѣ ту сущю, Володимери, въ едину нощь присла по мя князь Давыдъ. И придох к нему, и сѣдяху около его дружина, и посадивъ мя и рече ми: «Се молвилъ Василко си ночи к Уланови и Колчи, реклъ тако: „Се слышю, оже идеть Володимеръ и Святополкъ на Давыда: да же бы мене Давыдъ послушалъ, да бых послалъ мужь свой к Володимеру воротиться, вѣдѣ бо ся с ним что молвилъ,[73] *и не поидеть*".[28] Да се, Василю, шлю тя, иди к Василкови, тезу своему, с сима отрокома, и молви ему тако: „Оже хощеши послати мужь свой, и воротится Володимеръ, то вдам ти которой ти городъ любъ, любо Всеволожь, любо Шеполь, любо Перемиль"». Азъ же идох к Василкови, и повѣдах ему вся рѣчи Давыдовы. Он же рече: «Сего есмъ не молвилъ, но надѣюся на Богъ. Пошлю *къ Володимеру*,[74] да быша не проліяли мене ради крови. Но сему *ми*[75] дивно, дает ми городъ свой, а мой Теребовль, моя власть и ныне и пождавше»; якоже и бысть; вскорѣ бо прия власть свою. Мнѣ же рече: «Иди к Давыдови и рци ему: „Пришли ми Кульмѣя, а *ти*[76] пошлю[77] к Володимеру"». И не послуша его Давыдъ, и посла мя пакы река: «Нѣ ту Кулмѣя». И рече ми Василко: «Посѣди мало». И повелѣ слузѣ своему ити вонъ, и сѣде со мною, и нача ми глаголати: «Се слышю, оже мя хоче*тъ*[78] дати ляхом Давыдъ; то се мало ся насытилъ крове моея, а се хочеть боле насытитися, оже мя вдасть имъ? Азъ бо ляхом много зла творих, и хотѣлъ *есмь*[79] створити и мстити Русьскѣй земли. И аще мя вдасть ляхом, не боюся смерти; но се повѣдаю ти поистинѣ, яко на мя Богъ наведе за мое възвышенье: яко приде ми вѣсть, яко идуть *къ мнѣ*[80] берендичи, и печенѣзи, и торци, и рекох въ умѣ своемь: оже ми будуть берендичи, и печенѣзи, и торци, реку брату своему Володареви и Давыдови: дайта ми дружину свою молотшюю, а сама пийта и веселитася. И помыслих: на землю Лядьскую наступлю на зиму, и на лѣто, и возму землю Лядьскую, и мьщю Русьскую землю. И посем хотѣлъ есмъ переяти болгары дунайскыѣ и посадити ѧ̀ у собе. И посем хот*ѣхъ*[81] проситися у Святополка и у Володимера ити на половци, да любо налѣзу собѣ славу, а любо голову свою сложю за Русскую землю. Ино помышленье в сердци моем не было, ни на Святополка, ни на Давыда. И се кленуся Богомь и его пришествием, яко не помыслилъ[82] есмъ зла братьи своей ни в чем же. Но за мое възнесенье *иже поидоша береньдичи ко мне, и веселяся сердце мое и възвеселися умъ мои*,[42] низложи мя Богъ и смири».

Посем же приходящю Велику дни, поиде Давыдъ, хотя перияти Василкову волость; и усрѣте ѝ Володарь, брат Василковъ, у Божьска. И не смѣ Давыдъ стати противу Василкову брату, Володарю, и затворися в Бужьскѣ, и Володарь оступи ѝ в городѣ. И нача Володарь молвити: «Почто зло створивъ и не каешися его? Да уже помянися, колико еси зла створилъ». Давыдъ же на Святополка нача извѣтъ имѣти, глаголя: «Ци я се створилъ, *ци*[28] ли в моем городѣ? Я ся сам боялъ, аще быша и мене яли и створили тако же. Неволя ми было пристати в совѣтъ,[83] ходяче в руку». И рече Володарь: «Богъ свѣдѣтель тому, а нынѣ пусти брат мой, и створю с тобою

миръ». И радъ бывъ Давыдъ, посла по Василка, и приведъ ѝ дасть Володарю, и створися миръ, и разидостася. И сѣде Василко Теребовли, а Давыдъ приде Володимерю. И наставши веснѣ, приде Володарь и *Василько*[84] на Давыда, и придоста ко Всеволожю, а Давыдъ затворися Володимери. Онѣма же ставшима около Всеволожа, и взяста копьем град и зажгоста огнем, и бѣгоша людье огня. И повелѣ Василко исѣчи вся, и створи мщенье на людех неповинных, и пролья кровь неповинну. Посем же придоста к Володимерю, и затворися Давыдъ в Володимери, и си оступиша град. И *посласта*[85] к володимерцем, *глаголюще:*[86] «*Вѣ не приидоховѣ*[87] на град вашь, *ни*[88] на вас, но на врагы своя, *на*[42] Туряка, и на Лазаря, и на Василя, ти бо суть намолвили Давыда, и тѣх есть послушалъ Давыдъ и створилъ се зло. Да аще хощете за сих битися, да се мы готови, а любо *выдайте*[89] врагы наша». Гражане же, се слышавъ, созваша вѣче, и рѣша Давыдови людье: «Выдай мужи сия, не бьемъся за сихъ, а за тя битися можем. Аще ли, — то отворим врата граду, а сам промышляй *о*[28] собѣ». И неволя бысть выдати ѩ. И рече Давыдъ: «Нѣту ихъ здѣ»; бѣ бо я послалъ Лучьску. Онѣм же пошедшим Лучьску, Турякъ бѣжа Кыеву, а Лазарь и Василь воротистася Турийску. И слышаша людье, яко Турийскѣ суть, кликнуша людье на Давыда, и рекоша: «Выдай, кого ти хотять. Аще ли, — то предаемыся». Давыдъ же, пославъ, приведе Василя и Лазаря, и дасть ѩ. И створиша миръ в недѣлю. А заутра, по зори, повѣсиша Василя и Лазаря и растрѣляша стрѣлами Василковичи, и идоша от града. Се же 2-е мщенье створи, его же не бяше лѣпо створити, да бы Богъ отместник былъ, и взложити было на Бога мщенье свое, якоже рече пророкъ: «И вздам месть врагом, и ненавидящим мя вздам, яко кровь сыновъ своихъ мщаеть и мстить, и вздасть месть врагом и ненавидящим его». Сим же от града отшедшим, сеѝ же *снемше*[90] погребоша ѩ.

Святополку же обѣщавшюся прогнати Давыда, *поиде*[91] к Берестью к Ляхом. Се слышавъ Давыдъ иде в Ляхы к Володиславу, ища помощи. Ляхове же обѣщашася ему по̂магати, и взяша у него злата 50 гривен, рекуще ему: «Поиди с нами Берестью, яко се вабит ны Святополкъ на снем, и ту умирим *тя*[92] с Святополком». И послушавъ ихъ Давыдъ, иде Берестью с Володиславом. И ста Святополкъ в градѣ, а ляхове на Бугу, и сослася рѣчьми Святополкъ с ляхы, и вдасть дары великы на Давыда. И рече Володиславъ Давыдови: «Не послушаеть мене Святополкъ, да иди опять». И приде Давыдъ *Володимерю,*[93] и Святополкъ, *съвѣтъ*[94] створи с ляхы, поиде к Пиньску, пославъ по воѣ. И приде Дорогобужю, и дожда ту вой своихъ, и поиде на Давыда къ граду, и Давыдъ затворися в градѣ, чая помощи в лясѣхъ, бѣша бо ему рекли, яко «Аще придуть на тя русскыѣ князи, то мы ти будем помощници»; и солгаша ему, емлюще злато у Давыда и у Святополка. Святополкъ же оступи град, и стоя Святополкъ около града 7 недѣль; и поча Давыдъ молитися: «Пусти мя из града». Святополкъ же обѣщася ему, и *цѣловаста*[95] крестъ межи собою, и изиде *Давыдъ*[42] изъ града, и приде в Червенъ, а Святополкъ вниде в град в великую суботу, а Давыдъ бѣжа в Ляхы.

Святополкъ же, *прогнавъ*[96] Давыда, нача думати на Володаря и на Василка, глаголя, яко «Се есть волость отца моего *и*[42] брата»; и поиде на

ня. Се слышавъ Володарь и Василко поидоста противу, *вземша*[97] крестъ, его же бѣ цѣловалъ к нима на сем, яко «На Давыда пришелъ есмъ, а с вама хочю имѣти миръ и любовь». И *преступи*[98] Святополкъ крестъ, надѣяся на множество вой. И срѣтошася на поли на Рожни, исполчившимся обоим, и Василко възвыси крестъ, глаголя, яко «Сего еси цѣловалъ, се перьвѣе взялъ еси зракъ очью моею, а се нынѣ хощеши взяти душю мою. Да буди межи нами крестъ сь». И поидоша к собѣ к боеви, и ссступишася полци, и мнози человѣци благовѣрнии видѣша крестъ над Василковы вои възвышься велми. Брани же велицѣ бывши и мнозѣмъ падающим от обою полку, и видѣвъ Святополкъ, яко люта брань, и побѣже, и прибѣже Володимерю. Володарь же и Василко, побѣдивша, стаста ту, *рекуща:*[42] «Довлѣеть нама на межи своей стати», и не идоста никаможе. Святополкъ же прибѣже Володимерю, и с нимь сына его 2, и Ярополчича 2, и Святоша, сынъ Давыдовъ Святославича, и прочая дружина. Святополкъ же посади *сына своего*[42] в Володимери Мстислава, иже бѣ ему от наложницѣ, а Ярослава посла в Угры, вабя угры на Володаря, а сам иде Кыеву. Ярослав же, сынъ Святополчь, приде съ угры, и король Коломанъ[99] и 2 пископа, и сташа около Перемышля по Вагру, а Володарь затворися в градѣ. Давыдъ бо в то чинь[100] пришедъ из Ляховъ, и посади жену свою у Володаря, а сам иде в Половцѣ. И устрѣте ѝ Бонякъ, и воротися Давыдъ, и поидоста на угры. Идущема же има, сташа ночлѣгу, и яко бысть полунощи, и вставъ Бонякъ отъѣха от вой, и поча выти волчьскы, и волкъ отвыся ему, и начаша волци выти мнози. Бонякъ же приѣхавъ повѣда Давыдови, яко «Побѣда ны есть на угры заутра». И наутрия Бонякъ исполчи вои своѣ, и бысть Давыдовъ вой 100, а у самого 300; и раздѣли я̀[XVI,1] на 3 полкы, и поиде къ угром. И пусти на воропъ Алтунапу въ 50 чади, а Давыда постави подъ стягом, а самъ раздѣлися на 2 части, по 50 на сторонѣ. Угри же исполчишася на заступы, бѣ бо угръ числам 100 тысящь. Алтунопа же пригна къ 1-му заступу, и стрѣливше побѣгнуша предъ угры, угри же погнаша по них. Яко бѣжаще минуша Боняка, и Бонякъ погнаше сѣка в тылъ, а Алтунопа възвратяшеться вспять, и не допустяху угръ опять, и тако множ*ицею*[2] убивая сбиша ѣ в мячь. Бонякъ же раздѣлися на 3 полкы, и сбиша угры, акы в мячь, яко се соколъ сбиваеть галицѣ. И побѣгоша угри, и мнози истопоша в Вягру, а друзии в Сану. *И бѣжаще возлѣ Санъ у гору, и спихаху другъ друга,*[3] и гнаша по них 2 дни, сѣкуще. Ту же убиша и пископа ихъ Купана и от бояръ многы; глаголаху бо, яко погыбло ихъ 40 тысящь.

[4]Ярослав же бѣжа на Ляхы, и приде Берестью, а Давыдъ заимъ Сутѣску *и*[3] Червенъ, приде внезапу, и зая володимерцѣ, а Мстиславъ затворися в гра*дѣ*[5] с засадою, иже бѣша у него берестьяне, пиняне, выгошевци. И ста Давыдъ, оступивъ град, и часто приступаше. Единою подступиша[6] к граду под веж*ами,*[7] *он*ѣм[8] же бьющим с града, и стрѣляющим межи собою, идяху стрѣлы, акы дождь. Мстиславу же хотящю стрѣлити, внезапу ударенъ бысть подъ пазуху стрѣлою, на забородѣхъ, сквозѣ дску скважнею, и сведоша ѝ, и на ту нощь умре. И таиша ѝ 3 дни, и въ 4-й день повѣдаша на вѣчи. И рѣша людье: «Се князь убьенъ; да аще ся вдамы, Святополкъ[9] погубит ны вся». И послаша к Святополку, глаго*люще:*[10] «Се сынъ твой убьенъ, а мы

изнемогаем гладом. Да аще не придеши, хотять ся людье предати, не могуще глада терпѣти». Святополкъ *же*[11] посла Путяту, воеводу своего. Путята же с вои пришедъ к Лучьску к Святоши, сыну Давыдову, и ту бяху мужи Давыдови у Святошѣ, заходилъ бо бѣ ротѣ Святоша к Давыдови: «Аще поидеть на тя Святополкъ, то повѣмь ти». И не створи сего Святоша, но изъима мужи Давыдовы, а сам *поиде*[12] на Давыда. И приде Святоша и Путята августа въ 5 день, Давыдовым воемъ облежащим град, в полуденье, Давыдови спящю, и нападоша на ня,[13] и почаша сѣчи. И горожане скочиша з града, и почаша сѣчи воѣ Давыдовы, и побѣже Давыдъ и Мстиславъ, сыновець его. Святоша же и Путята прияста град, и посадиста посадника Святополча Василя. И приде Святоша Лучьску, а Путята Кыеву. Давыдъ побѣже в Половцѣ, и усрѣте ѝ Бонякъ. И поиде Давыдъ и Бонякъ на Святошю к Лучьску, и оступиша Святошю в градѣ, и створиша миръ. И изиде Святоша из града, и приде къ отцю своему Чернигову. А Давыдъ перея Лучьскъ и оттуду приде Володимерю; посадник же Василь выбѣже, а Давыдъ перея Володимерь и сѣде в нем. А на 2-е лѣто Святополкъ, Володимерь, Давыдъ и Олегъ привабиша Давыда Игоревича, и не даша ему Володимеря, но даша ему Дорогобужь, в нем же и умре. А Святополкъ перея Володимерь, и посади в нем сына своего Ярослава.

1098 В лѣто 6606. Приде Володимеръ, и Давыдъ, и Олегъ на Святополка, и сташа у Городца, и створиша миръ, яко же и в прежнее лѣто сказахъ.

1099 В лѣто 6607. Изиде Святополкъ на Давыда к Володимерю и прогна Давыда в Ляхы. В се же лѣто побьени угри у Перемышля. В се же лѣто убьенъ Мстиславъ, сынъ Святополчь, в Володимери, мѣсяца июня въ 12 день.

1100 В лѣто 6608. Выиде[14] Мстиславъ от Давыда на море мѣсяца июня въ 10. *В* том же *лѣте*[15] братья створиша миръ межи собою, Святополкъ, Володимеръ, Давыдъ, Олегъ, въ Увѣтичих, мѣсяца августа во 10 день. Того же мѣсяца въ 30, том же мѣстѣ, братья вся *сняшася*,[3] Святополкъ, Володимеръ, Давыдъ, Олегъ, и приде к ним Игоревичь Давыдъ, и рече к ним: «На что мя есте привабили? Осе есмъ. Кому до мене обида?». И отвѣща ему Володимеръ: «Ты еси прислалъ к нам: „Хочю, братья, прити к вам, и пожаловатися своея обиды". Да се еси пришелъ и сѣдишь с братьею своею на одином коврѣ: то чему не жалуешься? до кого ти нас жалоба?». И не отвѣща Давыдъ ничтоже. И сташа вся братья на коних; и ста Святополкъ с своею дружиною, а Давыдъ и Олегъ с своею разно, кромѣ собе. А Давыдъ Игоревичь сѣдяше кромѣ, и не припустяху его к собѣ, но особь думаху о Давыдѣ. И сдумавше послаша к Давыду мужи своѣ, Святополкъ Путяту, Володимеръ Орогостя и Ратибора, Давыдъ и Олегъ Торчина. Послании же придоша к Давыдови и рекоша ему: «Се ти молвять братья: „Не хочемъ ти дати стола Володимерьскаго, зане ввер глъ еси ножь в ны, его же не было в Русскѣй земли. Да се мы тебе не имемъ, ни *иного*[16] ти *зла*[17] не створим, но се ти даем: шед сяди в Бужьскѣмь въ Острозѣ,[18] а Дубенъ и Черторыескъ то ти даеть Святополкъ, а се ти даеть Володимеръ 200 гривен, а Давыдъ и Олегъ 200 гривен"». И тогда послаша слы своя к Володареви и к Василкови: «Поими брата своего Василка к собѣ, и буди вама едина власть,

Перемышль. Да аще *вам*[19] любо, да сѣдита, аще ли ни, — да пусти Василка сѣмо, да его кормим сдѣ. А холопы наша выдайта и смерды». И не послуша сего Володарь, ни Василко. А Давыдъ сѣде Божьскѣмь, и посемь вдасть Святополкъ Давыдови Дорогобужь, в нем же *и*[41] умре; а Володимеръ вда сынови своему Ярославу.

В лѣто 6609. Преставися Всеславъ, *полоцкий*[20] князь, мѣсяца априля 1101
въ 14 день, въ 9 час дне, въ среду. В то же лѣто заратися Ярославъ Ярополчичь Берестьи и иде на нь Святополкъ, и заста ѝ в градѣ, и емъ ѝ, и окова, и приведе ѝ Кыеву. И молися о нем митрополитъ и игумени, и умолиша Святополка, и заводиша ѝ у раку святою Бориса и Глѣба, и сняша с него оковы, и пустиша ѝ. Томь же лѣтѣ совокупишася вся братья: Святополкъ, Володимеръ, и Давыдъ, и Олегъ, Ярославъ, брат ею, на Золотьчи. И прислаша половци слы от всѣх князий ко всей братьи, просяще мира. И рѣша имъ русскыи князи: «Да аще хощете мира, да совокупимся у Сакова». И послаша по половцѣ, и сняшася у Сакова, и створиша миръ с половци, и пояша тали межи собою, мѣсяца семтября въ 15 день, и разидошася разно.

В лѣто 6610. Выбѣже Ярославъ Ярополчичь ис Кыева, мѣсяца октября 1102
въ 1. Того же мѣсяца на исходѣ, прелстивъ Ярославъ Святополчичь Ярослава Ярополчича, и ятъ ѝ на Нурѣ, и приведе ѝ къ отцу Святополку, и оковаша ѝ. Том же лѣтѣ, мѣсяца декабря въ 20, приде Мстиславъ, сынъ Володимеръ, с новгородци; бѣ бо Святополкъ с Володимером рядъ имѣлъ,[21] яко Новугороду быти Святополчю и посадити сынъ свой в немь, а Володимеру посадити сынъ свой в Володимери. И приде Мстиславъ Кыеву, и сѣдоша в-ызбѣ, и рѣша мужи Володимери: «Се прислалъ Володимеръ сына своего, да се сѣдять новгородци,[22] да поимше сына твоего и идуть Новугороду, а Мьстиславъ да идеть Володимерю». И рѣша новгородци Святополку: «Се мы, княже, прислани к тобѣ, и ркли ны тако: „Не хочем Святополка, ни сына его. Аще ли 2 главѣ имѣеть сынъ твой, то пошли ѝ; *а*[11] сего ны далъ Всеволодъ, а въскормили есмы собѣ князь, а ты еси шелъ от насъ"». И Святополкъ же многу прю имѣвъ с ними, онѣм же не хотѣвшим, поимше Мстислава, придоша Новугороду. В то же лѣто бысть знаменье на небеси, мѣсяца генваря въ 29 день, по 3 дни, акы пожарная заря от въстока и уга и запада и сѣвера, и бысть тако свѣтъ всю нощь, акы от луны полны свѣтящься. В то же лѣто бысть знаменье в лунѣ, мѣсяца февраля въ 5 день. Того же мѣсяца въ 7 день бысть знаменье в солнци: огородилося бяше солнце в три дуги, и быша другыя *дугы*[23] хребты к собѣ. И сия видяще знаменья благовѣрнии *человѣци*[24] со въздыханьем моляхуся к Богу и со слезами, дабы Богъ обратилъ знаменья си на добро: знаменья бо бывають ова на зло, ова ли на добро. На придущее лѣто вложи Богъ мысль добру в русьскыѣ князи: умыслиша дерзнути на половцѣ и поити в землю ихъ, еже и бысть, яко же скажем послѣже в пришедшее лѣто. В се же лѣто преставися Ярославъ Ярополчичь, мѣсяца августа въ 11 день. В се же лѣто ведена бысть дщи Святополча Сбыслава в Ляхы за Болеслава, мѣсяца ноября въ 16 день.

В лѣто 6611. Богъ вложи в сердце княземъ рускым Святополку и 1103
Володимир*у*,[25] и снястася думати на Долобьскѣ. И сѣде Святополкъ с своею

дружиною, а Володимеръ с своею въ единомь шатрѣ. И почаша думати и глаголати дружина Святополча, яко «Негодно нынѣ веснѣ ити, хочем *погубити смерды*[26] и ролью ихъ». И рече Володимеръ: «Дивно *ми*,[27] дружино, оже лошадий жалуете, ею же кто[28] ореть; а сего чему не промыслите, оже то начнеть орати смердъ, и приѣхавъ половчинъ ударить ѝ стрѣлою, а лошадь его поиметь, а в село его ѣхавъ иметь жену его и дѣти его, и все его имѣнье? То лошади жаль, а самого не жаль ли?». И не могоша отвѣщати дружина Святополча. И рече Святополкъ: «Се язъ готовъ уже». И вста Святополкъ, и рече ему Володимеръ: «То ти, брате, велико добро створиши землѣ Русскѣй». И посла*ста*[29] ко Олгови и Давыдови, глаголю*ща*:[30] «Поидита на половци,[31] да любо будем живи, любо мертви». И послуша Давыдъ, а Олегъ не всхотѣ сего, вину река: «Не сдравьлю». Володимеръ же цѣловавъ брата своего, и поиде Переяславлю, а Святополкъ по нем, и Давыдъ Святославичь, и Давыдъ Всеславичь, и Мстиславъ, Игоревъ внукъ, Вячеславъ Ярополчичь, Ярополкъ Володимеричь. И поидоша на конихъ и в лодьях, и придоша ниже порогъ, и сташа в протолчех в Хортичем островѣ. И всѣдоша на конѣ, и пѣщи[32] из лодей вы*седше*[33] идоша в поле 4 дни, и придоша на Сутѣнь. Половци же, слышавше, яко идеть Русь, собрашася бе-щисла, и начаша думати. И рече Урусоба: «Просим мира у Руси, яко крѣпко имуть битися с нами, мы бо много зла створихом Русскѣй земли». И рѣша унѣйшии Урособѣ: «Аще ты боишися Руси, но мы ся не боимъ. Сия бо избивше, поидем в землю ихъ, и приимемъ грады ихъ, и кто избавить ѝ от насъ?». Русскиѣ же князи и вои вси моляхуть Бога, и обѣты вздаяху Богу и матери его, овъ кутьею, овъ же милостынею убогым, инии же манастырем требованья. И сице молящимся, поидоша половци и послаша пред собою *в*[19] сторожѣ Алтунопу, иже словяше в них мужеством. Тако же русскиѣ князи послаша сторожѣ своѣ. И устерегоша рускиѣ сторожеве Олтунопу, и обиступивъше ѝ, и убиша Алтунопу и сущая с ним, и не избысть ни единъ, но вся[34] избиша. И поидоша полкове, аки борове, и не бѣ презрѣти ихъ: и Русь поидоша противу имъ. И Богъ великый вложи ужасть велику в половцѣ, и страх нападе на ня и трепетъ от лица русскых вой, и дрѣмаху сами, и конем ихъ не бѣ спѣха в ногах. Наши же с весельем на конѣх и пѣши поидоша к ним. Половци же, видѣвше устремленье руское на ся, не доступивше,[35] побѣгоша пред русскими полки. Наши же погнаша, секу*ще*[36] ѧ̀. Дни 4 априля мѣсяца велико спасенье Богъ створи, а на врагы наша дасть побѣду велику. И убиша ту в полку князий 20: Урусобу, Кчия, Аръсланапу, Китанопу, Кумана, Асупа, Куртка, Ченегрепу, Сурьбаря и прочая князий их, а Белдюзя яша. Посем же сѣдоша братья, побѣдивше врагы своя, *и*[11] приведоша Белдюзя к Святополку, и нача Белдюзь даяти на собѣ злато, и сребро, и конѣ, и скотъ. Святополкъ же посла ѝ к Володимеру. И пришедшю ему, нача впрашати его Володимеръ: «То вѣдѣ яла вы рота. Многажды бо ходивше[37] ротѣ, воеваст е Русскую землю. То чему ты не казаше сыновъ своихъ и роду своего не преступати роты, но проливашеть кровь хрестьяньску? Да се буди кровь твоя на главѣ твоей». И повелѣ убити ѝ, и тако расѣкоша ѝ на уды. И посем сняшася братья вся, и рече Володимеръ: «Сь день, иже створи Господь, възрадуемся

и възвеселимся во нь; яко Господь избавилъ ны есть от врагъ наших, и покори врагы наша, и „скруши главы змиевыя, и далъ еси сих брашно людем" русьскым». Взяша бо тогда скоты, и овцѣ, и конѣ, и вельблуды, и вежѣ с добытком и с челядью, и заяша печенѣгы и торкы с вежами. И придоша в Русь с полоном великым, и с славою и с побѣдою великою. Сем же лѣтѣ придоша прузи, августа въ 1 день. Того же мѣсяца въ 18 день иде Святополкъ, и сруби городъ Гюргевъ, его же бѣша пожгли половци.[31] Того же лѣта бися Ярославъ с мордвою, мѣсяца марта въ 4 день, и побѣженъ бысть Ярославъ.

В лѣто 6612. Ведена дщи Володарева за царевичь за Олексиничь *1104*
Цесарюгороду, мѣсяца иулия въ 20. Томь же лѣтѣ ведена Передъслава, дщи Святополча, в Угры, за королевичь, августа въ 21 день. Том же лѣтѣ приде митрополитъ Никифоръ в Русь, мѣсяца декабря въ 6 день. Того же мѣсяца преставися Вячеславъ Ярополчичь въ 13 день. Того же мѣсяца въ 18 Никифоръ митрополитъ на столѣ посаженъ. Се же скажем: сего же лѣта исходяща, посла Святополкъ Путяту на Мѣнескъ, а Володимеръ сына своего Ярополка, а Олегъ сам иде на Глѣба, поемше Давыда Всеславича; и не успѣша ничто же, и възвратишася опять. И родися у Святополка сынъ, и нарекоша имя ему Брячиславъ. В се же лѣто бысть знаменье: стояше солнце в крузѣ, а посредѣ круга кресть, а посредѣ креста солнце, а внѣ круга обаполы два солнца, а надъ солнцемь кромѣ круга дуга, рогома на сѣверъ; тако же знаменье и в лунѣ тѣм же образом, мѣсяца февраля въ 4 и 5 и 6 день, в дне по 3 дни, а в нощь в лунѣ по 3 нощи.

В лѣто 6613. Постави митрополитъ епископа Анфилофия Володимерю, *1105*
мѣсяца августа въ 27 день. Томь же лѣтѣ постави Лазаря в Переяславль, ноября въ 12. Томь же лѣтѣ постави Мину Полотьску, декабря въ 13 день.

В лѣто 6614. Воеваша половци около Зарѣчьска, и посла по них *1106*
Святополкъ Яня и Иванка Захарьича, Козарина; и угониша половцѣ, и полонъ отяша. В се же лѣто преставися Янь, старець добрый, живъ лѣт 90, в старости маститѣ; живъ по закону Божью, не хужий бѣ первых праведник. От него же и азъ многа словеса слышах, еже и вписах в лѣтописаньи семь, от него же слышах. Бѣ бо мужь благъ, и кротокъ, и смѣренъ, огрѣбаяся всякоя вещи, его же и гробъ есть въ Печерьском монастыри, в притворѣ, идеже лежить тѣло его, положено мѣсяца иуня въ 24. В се же лѣто пострижеся Еупракси, Всеволожа дщи, месяца декабря въ 6. В то же лѣто прибѣже Избыгнѣвъ к Святополку. В то же лѣто пострижеся Святославь, сынъ Давыдовъ, внукъ Святославль, мѣсяца февраля въ 17 день. Том же лѣтѣ побѣдиша зимѣгола Всеславичь, всю братью, и дружины убиша 9 тысящь.

В лѣто 6615, индикта, кругъ луны 4 лѣто, а солнечнаго круга 8 лѣто. *1107*
В се же лѣто преставися Володимеряя, мѣсяця мая въ 7 день. Того же мѣсяця воева Бонякъ, и зая конѣ у Переяславля. Том же лѣтѣ приде Бонякъ, и Шаруканъ старый и ини князи мнози, и сташа около Лубьна. Святополкъ же, и Володимеръ, и Олегъ, Святославъ, Мстиславъ, Вячеславъ, Ярополкъ идоша на половци къ Лубну, и въ 6 час дне бродишася чресъ Сулу, и кликнуша на них. Половци же ужасошася, от страха не

възмогоша ни стяга поставити, но побѣгоша, хватающе кони, а друзии пѣши побѣгоша. Наши же почаша[38] сѣчи, женущи я̀, а другыѣ руками имати, и гнаша ноли до Хорола. Убиша же Таза, Бонякова брата, а Сугра яша и брата его, а Шаруканъ едва утече. Отбѣгоша же товара своего, еже взяша русскии вои мѣсяца августа въ 12, и възвратишася в свояси с побѣдою великою. Святополкъ же приде в Печерьскый манастырь на заутреню на Успенье святыя Богородица, и братья цѣловаша ѝ с радостью великою, яко врази наша побѣжени быша, молитвами святыя Богородица и святаго отца нашего Феодосья. Такъ бо обычай имяше[39] Святополкъ: коли идяше на войну, или инамо, *толи*[40] поклонивъся у гроба Феодос*и*ева[41] и молитву въземъ у игумена, ту сущаго, то же идяше на путь свой. В то же лѣто преставися княгини, Святополча мати, мѣсяца генваря въ 4 день. Томь же лѣтѣ, мѣсяца того же, иде Володимеръ, и Давыдъ и Олегъ к Аепѣ и *ко*[11] другому Аепѣ, и створиша миръ. И поя Володимеръ за Юргя Аепину дщерь, Осеневу внуку, а Олегъ поя за сына Аепину дчерь, Гиргеневу внуку мѣсяца генваря 12 день. *А февраля 5 трясеся земля пред зорями в нощи.*[11]

1108 В лѣто 6616. Заложена бысть церкы святаго Михаила, Золотоверхая, Святополком князем, въ 11 иулия мѣсяца. И кончаша тряпезницю Печерьскаго манастыря при Феок*т*истѣ[42] игуменѣ, иже ю̀ и заложи повелѣньемь Глѣбовым, иже ю̀ и стяжа. В се же лѣто вода бысть велика въ Днѣпрѣ, и в Деснѣ, и въ Припетѣ. В сем же лѣтѣ вложи Богъ в сердце Феок*т*исту[43], игумену печерьскому, и нача възвѣщати князю Святополку, дабы вписалъ Феодосья в сѣнаникъ. И радъ бывъ, обѣщася и створи, повелѣ митрополиту вписати в синодикъ. И повелѣ вписывати по всѣм епископьямъ, и вси же епископи с радостью вписаша, и поминати ѝ на всѣх с*о*борехъ.[44] В се же лѣто преставися Катерина, Всеволожа дщи, мѣсяца иулия въ 11. В се же лѣто кончаша верхъ святыя Богородица на Кловѣ, заложенѣй[45] Стефаном игуменом печерьскым.

1109 В лѣто 6617. Преставися Евпракси, дщи Всеволожа, мѣсяца иулия въ 10 день, и положена бысть в Печерском манастырѣ у дверий, яже ко угу. И здѣлаша над нею божонку, иде же лежит тѣло ея. В то же лѣто, мѣсяца декабря въ 2 день, Дмитръ Иворовичь взя вежѣ половечскыѣ у Дону.

1110 В лѣто 6618. Идоша веснѣ на половцѣ Святополкъ, и Володимеръ, *и*[46] Давыдъ. И дошедше Воиня, и воротишася. Том же лѣтѣ бысть знаменье в Печерьстѣм монастырѣ въ 11 день февраля мѣсяца: явися столпъ огненъ от земля до небеси, а молнья освѣтиша всю землю, и в небеси погремѣ в час 1 нощи; и весь миръ видѣ. Сей[47] же столпъ первѣе ста на трапезници каменѣй, яко не видѣти бысть креста, и постоявъ мало, съступи на церковь и ста над гробомъ Феодосьевым, и потом ступи на верхъ акы ко встоку *лицемь*,[48] и потом невидим бысть. Се же бѣаше не огненый столпъ, но видъ ангелескъ: ангелъ бо сице является, ово столпом огненым, ово же пламенем. *Я*коже[49] рече Давыдъ: «Творя ангелы своя духы и слугы своя огнь *палящь*»,[50] и шлеми суть повелѣньем Божьимь, амо же хощеть Владыка и Творець всѣх. Ангелъ бо приходить, кдѣ благая мѣста и молитвении домове, и ту показа*еть*[51] нѣчто мало видѣнья своего, яко мощно видѣти человѣкомъ; не мощно бо зрѣти человекомъ естьства ангельскаго, яко и Моиси великый

не взможе видѣти ангелскаго естьства: водяшеть бо я̀ въ день столпъ облаченъ, а в нощи столпъ огненъ, то се не столпъ водяше ихъ, но ангелъ идяше пред ними в нощи и въ дне. Тако и се явленье нѣкоторое показываше, ему же бѣ[52] быти, *еже*[11] и бысть на 2-е бо лѣто не сь[53] ли ангелъ вожь бысть на иноплеменникы и супостаты, якоже рече: «Ангелъ пред тобою предъидеть», и *пакы*:[3] «Ангелъ твой буди с тобою».

Игуменъ Силивестръ святаго Михаила написах книгы си Лѣтописецъ, надѣяся от Бога милость прияти, при кнзи Володимерѣ, княжащю ему Кыевѣ, а мнѣ в то время игуменящю у святаго Михаила въ 6624, индикта 9 лѣта; а иже чтеть книгы сия, то буди ми въ молитвахъ.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ПО ИПАТЬЕВСКОЙ ЛЕТОПИСИ

Якоже пророкъ Давыдъ глаголеть: «Яко ангеломъ своимъ заповѣсть от тебе схранить тя». Якоже пишеть премудрый Епифаний: «Къ коеи же твари ангелъ приставленъ; ангелъ облакомъ и мъгламъ, и снѣгу, и граду, и мразу, ангелъ гласомъ и громомъ, ангелъ зимы, и зноеви, и осени, и весны, и лѣта, всему духу твари его на земли, и таиныя бездны, и суть скровены подъ землею, и преисподьнии тьмы, и сущи *врьху*[54] бездны, бывшия древле верху земля, от нея же тмы, вечеръ, и нощь, и свѣтъ, и день». Ко всимъ тваремъ ангели приставлени; тако же ангелъ приставленъ къ которои убо земли, да соблюдають куюжьто землю, аще суть и погани. Аще Божий гнѣвъ будеть на кую убо землю, повелѣвая ангелу тому на *тую*[55] убо землю бранью *ити*,[56] то оной землѣ ангелъ не воспротивится повелѣнью Божью. Яко и се бяше, и на ны навелъ Богъ, грѣхъ ради нашихъ, иноплеменники поганыя, и побѣжахуть ны повелѣньемъ Божьимъ: они бо бяху водими аньеломъ, по повелѣнью Божью. Аще ли кто речеть, яко аньела нѣсть у поганыхъ, да слышить, яко Олександру Макидоньскому, ополчившю на Дарья и пошедшю ему, и побидившю землю всю от въстокъ и до западъ, и поби землю Египетьскую, и поби Арама, и приде в островы морьскыя; и врати лице свое взыти въ Ерусалимъ, побидити жиды, зане же бяху мирни со Дарьемь. И поиди со вси вои его, и ста на товарищи, и почи. И приспѣ ночь, и лежа на ложи своемь посредѣ шатра, отверзъ очи свои, види мужа, стояща над нимь и мѣчь нагъ в руцѣ его, и обличенье меча его, яко молонии. И запряже мечемь своимъ на главу цесареву. И ужасеся цесарь велми, и рече: «Не бий мене». И рече ему ангелъ: «Посла мя Богъ уимати цесарѣ великии предъ тобою и люди многи, азъ же хожю предъ тобою, помагая ти. А нынѣ вѣдай, яко умерьши понеже помыслилъ еси взити въ Ерусалимъ, зло створити ерѣемъ Божьимъ и к людемъ его». И рече цесарь: «Молю тя, о Господи, отпусти нынѣ грѣхъ раба твоего. Аче не любо ти, а ворочюся дому моему». И рече ангелъ: «Не бойся, иди путемъ твоимъ къ Иерусалиму, и узриши ту въ Ерусалими мужа въ *обличении моем*,[57] и борзо пади на лици своемь, и поклонися мужу тому, и все, еже речеть к тобѣ, створи. Не прѣступи рѣчи ему. Вонь же день приступиши рѣчь его, и умерши». И въставъ цесарь иде въ Ерусалимъ, и пришедъ, въспроси ерѣевъ: «Иду ли на Дарья?».

И показаша ему книги Данила пророка, и рекоша ему: «Ты еси козелъ, а онъ овенъ, и потолчеши, и возмеши царство его». Се убо не ангелъ ли вожаше Олексаньдра, не поганъ ли побѣжаше и вси Елини кумирослужебници? Тако и си погании попущени грѣхъ ради нашихъ. Се же вѣдомо буди, яко въ хрестьянехъ *не*[46] единъ ангелъ, но елико крестишася, паче же къ благовѣрнымъ княземъ нашимъ; но противу Божью повеленью не могуть противитися, но молять Бога прилѣжно за хрестьяньскыя люди. Якоже и бысть: молитвами святыя Богородице и святых ангелъ умилосердися Богъ, и посла ангелы в помощь русьскимъ княземъ на поганыя. Якоже рече к Моисѣеви: «Се ангелъ мой прѣдыпоидеть предъ лицемъ твоимъ». Якоже рекохомъ прѣже зьнаменье се бысть мѣсяца февраля въ 11 день, исходяще сему лѣту 18.

1111 В лѣто 6619. Вложи Богъ Володимеру въ сердце, и нача̀ глаголати брату своему Святополку, понужая его на поганыя, на весну. Святополкъ же повѣда дружини своей рѣчь Володимерю; они же рекоша: «Не веремя нынѣ погубити смерьды от рольи». И посла Святополкъ к Володимерю, глаголя: «Да быхови ся сняла, и о томъ подумали быхомъ съ дружиною». Послании же приидоша к Володимеру и повѣдаша всю рѣчь Святополчю. И прииде Володимеръ, и срѣтостася на Долобьскѣ. И сѣдоша въ единомъ шатрѣ Святополкъ съ своею дружиною, а Володимеръ съ своею. И бывшу молчанью, и рече Володимеръ: «Брате, ты еси старѣй, почни глаголати, како быхъм промыслили о Русьской земли». И рече Святополкъ: «Брате, ты почни». И рече Володимеръ: «Како я хочю молвити, а на мя хотять молвити твоя дружина и моя, рекуще: хощеть погубити смерды и ролью смердомъ. Но се дивно мя, брате, оже смердовъ жалуете и ихъ коний, а сего не помышляюще, оже на весну начнеть смердъ тотъ орати лошадью тою, и приѣхавъ половчинъ ударить смерда стрѣлою, и поиметь лошадь *ту*[58] и жону его, и дѣти его, и гумно его зажжеть. То о сѣмь чему не мыслите?». И рекоша вся дружина: «Право во истину тако есть». И рече Святополкъ: «Се язъ, брате, готовъ есмь с тобою». И посласта ко Давыдови Святославичю, веляча ему съ собою̀. И въста Володимеръ и Святополкъ, и цѣловастася, и поидоста на Половцѣ Святополкъ съ сыномъ, Ярославъ, и Володимеръ съ сынми, и Давыдъ со сыномъ. И поидоша, возложивше надежю на Бога и на пречистую матерь его, и на святыя ангелы его. И поидоша въ 2 недѣлю поста, а в пятокъ быша на Сулѣ. В суботу поидоша, и быша на Хоролѣ, и ту и сани пометаша. А в недѣлю поидоша, в ню же хрестъ цѣлують, и приидоша на Пселъ,[59] и оттуди сташа на рѣцѣ Голтѣ. Ту пождаша и вои; и оттудо идоша Върьскла, ту же завътра, въ среду, хрестъ цѣловаша, и възложиша всю свою надежю на хрестъ со многими слезами. И оттудѣ приидоша многи рѣки въ 6 недѣль поста, и поидоша к Донови въ вторникъ. И оболичи̇шася во бронѣ, и полки изрядиша, и поидоша ко граду Шаруканю. И князь Володимеръ пристави *попы*[60] своя, ѣдучи предъ полкомъ, пѣти тропари и коньдаки хреста честнаго и канунъ святой Богородици. Поѣхаша ко граду, вечеру сущю, и в недѣлю выидоша из города, и поклонишася княземъ рускымъ, и вынесоша рыбы и вино. И перележаша нощь ту. И завътра, въ среду, поидоша к Сугрову, и пришедше

зажьгоша ѝ, а в четвергъ поидоша съ Дона, а в пятницю завътра, мѣсяца марта въ 24 день, собрашася половци, изрядиша половци полки своя и поидоша к боеви. Князи же наши възложише надежю свою на Бога, и рекоша: «Убо смерть намъ здѣ, да станемъ крѣпко». И цѣловашася другъ друга, възведше очи свои на небо, призываху Бога вышняго. И бывшю же соступу и брани крѣпцѣ, Богъ вышний возрѣ на иноплеменникы со гнѣвомъ, падаху предъ хрестьяны. И тако побѣжени быша иноплеменьници, и падоша мнози врази, наши супостати, предъ рускыми князи и вои на потоци Дегѣя. И поможе Богъ рускымъ княземъ. И въздаша хвалу Богу въ тъ день. И заутра, суботѣ наставшѣ, празноваша Лазарево въскресенье, благовѣщенья день, и похваливше Бога, проводиша суботу, и в недѣлю приидоша. Наставшю же понедѣлнику страстныя недѣли, паки иноплеменници собраша полки своя многое множество, и выступиша яко борове велиции и тмами тмы. И оступиша полкы рускыи. И посла Господь Богъ ангела в помощь русьскымъ княземъ. И поидоша половецьстии *полци*[46] и полъцѣ русьстѣи, и зразишася первое с полкомъ, и трѣсну, аки громъ, сразившима челома. И брань бысть люта межи ими̑, и падаху обои. И поступи Володимеръ с полки своими и Давыдъ, и возрѣвше, половци вдаша плещи свои на бѣгъ. И падаху половци предъ полкомъ Володимеровомъ, невидимо бьеми ангеломъ, яко се видяху мнози человеци, и главы летяху невидимо стинаемы на землю. И побиша ӑ в понедѣлникъ страстныи, мѣсяца марта въ 27 день. Избьени быша иноплеменницѣ многое множество, на рѣцѣ Салницѣ. И спасе Богъ люди своя. Святополкъ же и Володимеръ, и Давидъ прославиша Бога, давшаго имъ побѣду таку на поганыя, и взяша полона много и скоты, и кони, и овцѣ, и колодниковъ много изоимаша рукама. И въпросиша колодникъ глаголюще: «Како васъ толка сила и многое множество не могосте ся противити, но воскорѣ побѣгосте?». Си же отвѣщеваху, глаголюще: «Како можемъ битися с вами, а друзии ѣздяху верху васъ въ оружьи свѣтлѣ и страшни, иже помагаху вамъ?». Токмо се суть ангели, от Бога послани помогать хрестьяномъ. Се бо ангелъ вложи въ сердце Володимеру Манамаху поустити братью свою на иноплеменникы, русьскии князи. Се бо, яко же рекохомъ, видинье видиша в Печерьскомъ манастыри, еже стояше столпъ огненъ на тряпезници, та же преступѣ на церковь и оттуда к Городцю; ту бо бяше Володимеръ в Радосыни. И тогда се ангелъ вложи Володимеру въ сердце, нача понужати, яко же рекохомъ.

Тѣм же достоино похваляти англы, якоже Иоанъ Златоустець рече: ибо ти творцю безначално поють, милостиву ему быти и тиху человекомъ. Англы бо, глаголю, наша поборникы, на противныя силы воюющимъ, имь же есть архангелъ Михаилъ, ибо со дьяволомъ тѣла ради Моисиева противяся, на князь же перьскии свободы ради людьския противяся. Повеленьемь Божьимъ, всю тварь раздѣлити и языкомъ старишины наставляюще; симъ же нѣкоего перьсямъ презрѣти[61] оправда, Михаила же сущимъ *обрѣзаном*[62] людемъ схранити повелѣ, съставити же предѣлы ихъ прогнѣваньемь, не *по грѣховьныя*[63] ярости, но от блаженаго нѣкоего неизреченьнаго слова; сему же работати июдѣемь персямъ нудящю, сему же на свободу изъвлекущю, и прилѣжно к Богу молитву приносящимъ, глаголюще: Господи, вседержи-

телю, доколѣ не помилуеши Иерусолима и градъ июдовых, их же презрѣ сѣмьдесятное лѣто? Его же *видѣ*[64] видиньемь и Данилъ летящее лице его, яко видъ молъиный, рещи, очи его, яко свѣщи, и мышьци его и голени, яко видъ мѣди блещащеся, и гласъ слова[65] его, яко гласъ многаго народа. Отъ нихъ есть осла отвращая, и Валама от нечистого волъшьвлѣнья праздно творяй. От нихъ же и мѣчь извлѣкъ противу, Иисусу Наугину помощи ему на противныя образомъ повелѣвая. От нихъ есть 100 и 80 тысящь сурисъкиихъ единою нощью поразихъ, и сонъ варварьскыхъ смѣси смертью. От нихъ же есть, иже пророка Амбакума въздухомъ принесъ скончаньемь до пророка Данила, посредѣ же левъ прѣпита й. Таковии же убо и тации на враги изящьствують. Тако же есть и боголѣпныи Рафаилъ: от единыя рыбы урѣза утрьникы, бѣснующися отроковицю ицѣли, и слѣпа старца сълънъця видѣти створи ему. Убо не великихъ ли честии достоини суть, нашю жизнь храняще? Не токмо бо хранитель языкомъ повелени быша аньгели, яко же речено бысть: «Егда раздѣляше вышнии языкы, ихъ же расия сыны Адамовы, постави предѣлы языкомъ по числу ангелъ Божий; ны и вѣрнымъ человекомъ комуждо достася ангелъ. Ибо отроковица ради изглаголавши апостолъ предъ дверьми стоящю Петру, Иродова лица избѣчь,[66] глаголаху, не имущи вѣры: и ангелъ его есть». Свидетельствуеть же и симъ Господь, глаголя: «Видите и *радите*[67] единого от малыхъ сихъ: глаголю бо вамъ, яко ангели ихъ видять лице воину Отца моего, сущю на небесѣхъ». *Еще*[68] же у коеиждо церкви хранителя ангелы пристави Христос, яко же открываеть Иоанъ, глаголя: «Рци ангелу, сущему въ церкьви Измуреньстѣ: „видихъ твою нищету и скорбенъ, богатъ еси..."». Добро извѣстьно убо есть любящимъ насъ ангеломъ, яко насъ ради къ Владыцѣ молящимся. Ибо служебнии дуси суть, якоже и апостолъ глаголеть: «Въ служенье слеми хотящимъ ради наслѣдити спасенье». Ихъ же и поборникы, и *спо*борникы,[69] якоже и ныня слышалъ еси Данила, како вовъди архангела Михаила персемь в часъ прогнѣванья нашея ради свободы. Се бо людемъ работати персямъ нужаше, якоже речено бысть, се же раздришити пленьныя тщашеся. И одалаеть Михаилъ противнику, ибо Ефратъ жидове пришедше, *отьне*[70] пакы селенье прияша, и градъ, и церковь създаша. Такоже и великий Епифании вѣща: «Коемуждо языку ангелъ приставленъ»; и списанье бо к Данилу глагола: «Ангелъ и властеля елиномъ и Михаила властеля июдѣемъ»; глаголеть же: «И постави уставы по числу ангелъ».

И се пакы, якоже Иполитъ глаголеть, толкуеть Данила: «В лѣто третьее Кура цесаря, азъ Данилъ плакахъся три недѣли; перваго же месяца смирихся, моля Бога дьний 20 и 1, прося от него откровенья таины; и, услышавъ, отець пусти слово твое, кажа хотящее быти имъ; и бысть на велицѣ *рѣцѣ*;[71] лѣпо бяшеть ту ся явити, идѣже хотяше и грѣхи отпущати. И возведъ очи свои, видѣхъ: и се мужь одѣнъ в багоръ. Первый рече, видѣньемь, аки Гаврилъ ангелъ летя, сдѣ же не тако, но видъ самого Господа, видъ же не свершена человека, но образомъ человекомъ являющася, якоже глаголеть: „И се мужь одѣнъ въ пъстро, и лядвия его припоясани златомъ чистомъ, и тѣло его, аки фарсисъ, и лице ему, аки молнья, и очи ему,яко свѣщи огненѣи, и мышци ему плещи подобни мѣди чистѣ, и глагола

его, аки народа многа". И падохъ на земли, и се я мя аки рука, речи, человеку, и еще въстави мя на колѣну, и рече ко мнѣ: „Не бойся, Даниле, вѣси, что ради придохъ к тобѣ? Брань хочю створити съ княземъ перьскымь. Но повѣдаю ти псанье в писаньи истинномь, и ны никого же пряцася о сѣмь со мною, развѣ Михаила князя вашего. Того бо оставихъ ту: от него же бо дьне устремися молити предъ Богомъ твоимъ, услыша молитву твою, и пущенъ есмь азъ брань створити со княземь перескымъ, съвѣтъ[72] ны который бысть не отпусти люди, да скоро убо будеть молитва твоя свершена; противихся ему и оставихъ ту Михаила князя вашего". Кто есть Михаилъ, развѣ аньгела прѣданаго людемъ?». Яко и к Моисиеви глаголеть: «Не имамъ с вами ити на путь, зане же суть людье жестокою выею; но ангелъ мои идеть с вами».

Якоже и се с Божьею помощью, молитвами святыя Богородица и святыхъ ангелъ, възъвратишася русьстии князи всвояси съ славою великою къ своимъ людемъ; и ко всимъ странамъ далнимъ, рекуще къ Грекомъ и Угромъ, и Ляхомъ, и Чехомъ, дондеже и до Рима проиде, на славу Богу всегда и ныня, и присно во вѣки, аминь.

Того же лѣта приставися княгини Всеволожая, мѣсяца октября въ 7 день, и положена бысть у святаго Андрѣя в манастыри. Того же лѣта приставися Иоанъ, епископъ Черниговьский, мѣсяца ноября въ 23.

В лѣто 6620. Индикта 5.[73] Ярославъ ходи на ятвязѣ, сынъ Святополчь, *1112*
и побѣди я; и, пришедъ с воины, посла Новугороду, и поя Мьстиславлю дщерь собѣ женѣ, Володимерю внуку, мѣсяца маия въ 12, а приведена бысть июня въ 29. Того же лѣта ведоша Володимерьну Офимью въ Угры за короля. Того же лѣта преставися Давидъ Игоревичь, мѣсяца маия въ 25, и положено бысть тѣло его въ 29, въ церькви святыя Богородица Влахѣрнѣ на Кловѣ. Томъ же лѣтѣ преставися Янка, дщи Всеволожа, сестра Володимѣра, мѣсяца ноября въ 3 день, положена бысть у церкви святаго Андрѣя, юже бѣ создалъ отець ея; ту бо ся бѣ и постьригла у церкви тоя, дѣвою сущи. Исходящю же сему лѣту, и поставиша Феоктиста епископомъ Чернѣгову, игумена Печерьскаго, месяца генваря въ 12 день, а посаженъ на столѣ въ 19. И радъ бѣ князь Давыдъ, и княгини, бѣ бо ѣй отець духовный, и бояре, и вси людье радовахуся; бѣ бо пред нимъ епископъ боленъ и не моги служити, и лежа в болести лѣтъ 25; тѣмь же князь и людье жадаху епискуплѣ службѣ и радовахуся, славяще Бога. Сему же тако бывьшю и братьи сущи безъ игумена, совокупившимся братьи всѣй, и нарекоша в собѣ игумена Прохора попина, и възвистиша митрополиту и князю Святополку о немь. И повелѣ князь митрополиту поставити с радостью. И поставленъ бысть недѣлѣ масленоѣ в четвергъ, мѣсяца февраля въ 9 день. И тако внидоша в постъ братья и со игуменомъ.

В лѣто 6621. Бысть знаменье въ солнци въ 1 часъ дьне; бысть видити *1113*
всѣмъ людемъ: остася солнца мало, аки мѣсяца доловъ рогома, мѣсяца марта въ 19 день, а луны въ 29. Се же бывають знаменья не на добро; бывають знаменья въ солнци и в лунѣ или звѣздами не по всей землѣ, но в которой любо землѣ аще знаменье, то та земля и видить, а ина земля не видить. Тако се древле, во дни[74] Онтиоховы быша знаменья въ Ерусалимѣ, ключися

являтися на въздуси на конихъ рыщуще во оружьи, и оружьемь двизанье, то се бяше въ Иерусолимѣ токмо, а по инымъ землямъ не бяше сего. Якожь бысть знаменье въ солнцѣ, проявляше Святополчю смерть. По семь бо приспѣ празникъ Пасхы, и празьноваша; и по праздницѣ разболися князь; а преставися благовѣрныи князь Михаилъ, зовемый Святополкъ, мѣсяца априля въ 16 день за Вышегородомъ, и привезоша ѝ в лодьи Киеву, и спрятавше тѣло его, и възложиша на санѣ. И плакашеся по немь бояре и дружина его вся, пѣвше над нимь обычныя пѣсни, и положиша въ церкви святаго Михаила, юже бѣ самъ создалъ. Княгини же, (жена)[75] его, много раздили богатьство монастыремъ и попомъ, и убогымъ, яко дивитися всѣмъ человекомъ, яко такоя милости никто же можеть створити. Наутрия же, въ семы на 10 день, свѣтъ створиша кияне, послаша к Володимеру, глаголюще: «Поиди, княже, на столъ отенъ и дѣденъ». Се слышавъ Володимеръ плакася велми, и не поиде, жаля си по братѣ. Кияни же разъграбиша дворъ Путятинъ, тысячького, идоша на жиды и разграбиша ѩ. И послашася паки кияне к Володимеру, глаголюще: «Поиди, княже, Киеву; аще ли не поидеши, то вѣси, яко много зло уздвигнеться, то ти не Путятинъ дворъ, ни соцькихъ, но и жиды грабити, и паки ти поидуть на ятровь твою и на бояры, и на манастырѣ, и будеши отвѣтъ имѣлъ, княже, оже ти манастырѣ разъграбять». Се же слышавъ Володимеръ поиде в Киевъ.

Начало княженья Володимѣря, сына Всеволожа. Володимеръ Мономахъ сѣде Киевѣ в недѣлю. Усрѣтоша же и митрополитъ Никифоръ съ епископы и со всими кияне с честью великою. Сѣдѣ на столѣ отца своего и дѣдъ своихъ; и вси людье ради быша, и мятежь влеже. Слышавше же половцѣ смерть Святополчю, и съвокупившеся, и придоша къ Выры. Володимеръ же, совокупивъ сыны свои и сыновцѣ, иде къ Выру и совокупися съ Олгомъ, половцѣ же бѣжаша. Того же лѣта посади сына своего Святослава в Переяславлѣ, а Вячьслава у Смоленьскѣ. В се же лѣто преставися игуменья Лазорева манастыря, свята житьемь, месяца семьтября въ 4 на десятъ день, живши лѣтъ шестьдесятъ в чернечествѣ, а от роженья девяносто лѣтъ и два. В се же лѣто поя Володимеръ за сына своего Романа Володаревну, месяца семьтября въ 1 на десятъ день. В се же лѣто Мьстиславъ заложи церковь камяну святого Николы на княжѣ дворѣ, у торговища Новѣгородѣ. Того же лѣта посади сына своего Ярополка в Переяславлѣ. Томъ же лѣтѣ поставиша епископа Данила Гургеву, а Бѣлугороду Никиту.

1114 В лѣто 6622. Преставися Святославъ, сынъ Володимеръ, мѣсяца марта 16 день, и положенъ бысть во Переяславлѣ у церкви святого Михаила; ту бо отець ему далъ столъ, выведы ѝ изъ[76] Смоленьска. В се же лѣто Мьстиславъ заложи Новъгородъ болии перваго. В се же лѣто заложена бысть Ладога камениемъ на приспѣ Павломъ посадникомъ, при князѣ Мьстиславѣ. Пришедшю ми в Ладогу, повѣдаша ми ладожане, яко сдѣ есть, егда будеть туча велика, находять дѣти наши глазкы стекляныи и малыи, и великыи, провертаны, а другыя подлѣ Волховъ беруть, еже выполоскываеть вода, от нихъ же взяхъ боле ста; суть же различь. Сему же ми ся дивлящю, рекоша ми: «Се не дивно; и суть и еще мужи старии ходили за Югру и за

Самоядь, яко видивше сами на полунощныхъ странахъ, спаде туча, и в тои тучи спаде вѣверица млада, акы топерво рожена, и възрастъши, и расходится по земли, и пакы бываеть другая туча, и спадають оленци мали в нѣй, и възрастають, и расходятся по земли». Сему же ми есть послухъ посадникъ Павелъ ладожкыи и вси ладожане. Аще ли кто сему вѣры не иметь, да почтеть фронографа. «Въ царство Прово,[77] дожгьцю бывшю и тучи велиции, пшеница с водою многою смѣшена спаде, юже събравше, насыпаша сусѣкы велия. Тако же при Аврильянѣ крохти сребреныя спадоша, а въ Африкѣи трие камени спадоша превелици». И бысть по потопѣ и по раздѣленьи языкъ, «поча царьствовати первое Местромъ от рода Хамова, по немь Еремия, по немь Феоста», иже и Соварога нарекоша егуптяне. «Царствующю сему Феостѣ въ Егуптѣ, въ время царства его, спадоша клѣщѣ съ небесѣ, нача ковати оружье, прѣже бо того палицами и камениемъ бьяхуся. Тъ же Феоста законъ устави женамъ за единъ мужь посагати и ходити говеющи, а, иже прелюбы дѣющи, казнити повелѣваше. Сего ради прозваше ѝ богъ Сварогъ». «Преже бо сего жены блудяху, к нему же хотяше, и бяхоу, акы скотъ, блудяще. Аще родяшеть дѣтищь, которыи ѣй любъ бываше, дашеть: „Се твое дѣтя"; он же створяше празнество приимаше. Феость же сь законъ расыпа, и въстави единому мюжю едину жену имѣти, и женѣ за одинъ мужь посагати; аще ли кто переступить, да ввергнуть ѝ в пещь огнену». «Сего ради прозваша ѝ Сварогомъ и блажиша ѝ егуптяне. И по семъ царствова сынъ его, именемъ Солнце, его же наричють Дажьбогъ, семъ тысящь и 400 и семъдесять дний, яко быти лѣтома двемадесятьма ти полу. Нѣ видяху бо егуптяне инии чисти; ови по лунѣ чтяху, а друзии деньми лѣта чтяху; двою бо на десять мѣсяцю число потомъ увѣдаша, от нележе начаша чѣловѣци дань давати царемъ. Солнце царь, сынъ Свароговъ, еже есть Дажьбогъ, бѣ бо мужь силенъ; слышавше нѣ от кого жену нѣкую от егуптянинъ богату и в *сану*[78] сущю, и нѣкоему, въсхотѣвшю блудити с нею, искаше ея, яти ю̀ хотя, и не хотя отца своего закона расыпати, Сварожа. Поемъ со собою мужь нѣколко своихъ, разумѣвъ годину, егда прелюбы дѣеть, нощью припаде на ню, не удоси мужа с нею, а ону обрѣте, лежащю съ инѣмъ, с нимъ же хотяше. Емъ же ю̀, и мучи, и пусти ю̀ водити по земли в коризнѣ, а того любодѣица всѣкну. И бысть чисто житье по всей земли Египетьской, и хвалити начаша». Но мы не *предолжимъ*[79] слова, но рцѣмъ съ Давыдомъ: «Вся елико въсхотѣ, и створи Господь на небеси и на земли, в мори, въ всихъ безнахъ, възводяй облакы от послѣднихъ земли». Се бо и бысть послѣдняя земля, о ней же сказахомъ первое.

В лѣто 6623, индикта 8, съвъкупишася братья, русции князи, Володи- *1115*
меръ, зовемый Монамахъ, сынъ Всеволожь, и Давидъ Святославлиць, и Ольгъ, братъ его, и сдумаша перенести мощи Бориса и Глѣба: бяху бо создали церковь има камяну, на похвалу и честь телесема ею̀ и на положение. Первое же освятиша церковь камяную, мая въ 1 день, в суботу; наутрия же въ 2 день перенесоша святая. И бысть сборъ великъ, сшедшюся народу съ всихъ странъ, митрополитъ Микифоръ съ всими епископы: съ Фектистомъ черниговьскымъ, с Лазаремъ переяславьскымъ, с попомъ Никитою бѣлогородьскымъ и с Данилою гурьговьскымъ, и съ игумены: с Прохоромъ

печерьскымъ и съ Селивестромъ святаго Михаила, и Сава святаго Спаса, и Григорий святаго Андрѣя, Петръ кловьскый, и прочии игумени. И освятиша церковь каменую. И отпѣвшимъ имъ обѣдьнюю, обѣдаша у Ольга и пиша, и бысть учрежение велико, и накормиша убогыя и странъныя по 3 дьни. И яко бысть утро, митрополитъ, епископи, игумени оболокошася у святительскыя ризы и свѣща въжгегъ с кадѣлы благовоньными, и придоша к ракама святою, и взяша раку Борисову, и въставиша ѝ на возила, и поволокоша ужи князи и бояре, черньцемъ упрѣдъ идущимъ съ свѣщами, попомъ по нимъ идущимъ, та же игумени, та же епископи предъ ракою, а княземъ с ракою идущимъ межи воромъ. И не бѣ лзѣ вести от множества народа: поламляху воръ, а инии и покрили бяху градъ и забрала, яко страшно бяше видити народа множество. И повелѣ Володимеръ, рѣжючи паволокы, орници, бѣль, розметати народу, овъ же сребреникы метати людемъ, силно налегшимъ, а быша легко внесли въ церковь и поставиша раку средѣ церкви, и идоша по Глѣба. Тѣм же образомъ и сего привезоша, и поставиша у брата. Распри же бывши межи Володимеромъ и Давыдомъ, и Ольгомъ, — Володимеру бо хотящю ѧ̀ поставити средѣ церкви и теремъ серебренъ поставити над нима, а Давыдъ и Олегъ хотяшета поставити ѧ̀ в комару, «иде же отець мои назнаменалъ», на правой сторонѣ, иде же бяста устроенѣ комарѣ има. И рече митрополитъ и епископи: «Верзите жребий, да кдѣ изволита мученика, ту же ѧ̀ поставимъ», и вгодно се бысть. И положи Володимеръ свой жребий, а Давыдъ и Олегъ свой жребий на святой тряпезѣ; и выняся жребий Давыдовъ и Олговъ. И поставиша ѧ̀ в комару тою, на деснѣй странѣ, где ныне лежита. Принесена же бысть святая мученика, маия въ вторый день, из деревяной церкви в каменую Вышегородѣ. Иже еста похвала княземъ нашимъ и заступника земли Русцѣй, иже славу свѣта сего попраста, а Христа узлюбиста, по стопамъ его изволиста шествовати, овчате Христовѣ добрии, яже влекома на заколение, не противистася, ни отбѣжаста нужныя смерти. Тѣм же и съ Христосомъ въцаристася у вѣчную радость, и даръ ицѣления приемъша от Спаса нашего Иисуса Христа, неискудно подаваета недужнымъ, с вѣрою приходящимъ въ святый храмъ ею, поборника отечьству своему. Князи же и бояре, и вси людие празноваша по три дни и похвалиша Бога и святою мученику. И тако разидошася кождо въ свояси. Володимеръ же окова рацѣ сребромъ и златомъ и украси гроба ею̀, тако же и комарѣ покова сребромъ и златомъ, им же покланяются людие, просяще прощения грѣхомъ.

В се же лѣто бысть знамение: погибе солнце и бысть яко мѣсяць, его же глаголють невѣгласи[80] снѣдаемо солнце. В се же лѣто преставися Олегъ Святославличь, мѣсяца августа въ 1 день, а во вторый погребенъ бысть у святаго Спаса, у гроба отца своего Святослава. Того же лѣта устрои мостъ чересъ Днѣпръ.

1116 В лѣто 6624. Приходи Володимеръ на Глѣба: Глѣбъ бо бяше воевалъ дрѣговичи и Случескъ пожегъ, и не каяшеться о семъ, ни покаряшеться, но болѣ противу Володимеру глаголюще, укаряя ѝ. Володимеръ же, надѣяся на Бога и на правду, поиде къ *Мѣньску*[81] съ сынъми своими и с Давыдомъ Святославичемъ, и Олговичи. И взя Вячеславъ Ръшю и Копысу, а Давыдъ

съ Ярополкомъ узя Дрьютескъ на щитъ, а Володимеръ самъ поиде къ Смоленьску; и затворися Глѣбъ въ градѣ. Володимеръ же нача ставити истьбу у товара своего противу граду. Глѣбови же, узрившю, оужасесея сердцемь, и нача ся молити Глѣбъ Володимеру, шля от себе послы. Володимеръ же съжали си тѣмь, оже проливашеться кровь въ дьни постъныя Великого поста, и вдасть ему миръ. Глѣбъ же, вышедъ из города съ дѣтми и съ дружиною, поклонися Володимеру, и молвиша рѣчи о мирѣ, и обѣщася Глѣбъ по всему послушати Володимера. Володимеръ же, омирѣвъ Глѣба и наказавъ его о всемъ, вдасть ему Менескъ, а самъ възратися Киеву. Ярополкъ же сруби городъ Желъди дрьючаномъ, их же бѣ полонилъ. В се же лѣто Мьстиславъ Володимеричь ходи на чюдь с новгородчи и со пьсќовичи, и взя городъ ихъ именемъ Медвѣжа Глава, и погостъ бе-щисла взяша, и възвратишася въ свояси съ многомъ полономъ. В се же лѣто иде Леонь царевичь, зять Володимерь, на куръ от Олексия царя, и вдася городовъ ему дунайскыхъ нѣколко; и в Дельстрѣ городѣ лестию убиста ѝ два сорочинина, посланая царемъ, мѣсяца августа въ 15 день. В се же лѣто князь великый Володимеръ посла Ивана Воитишича, и посажа посадники по Дунаю. В се же лѣто посла Володимеръ сына своего Ярополка, а Давыдъ сына своего Всеволода на Донъ, и взяша три грады: Сугровъ, Шаруканъ, Балинъ. Тогда же Ярополкъ приведе собѣ жену красну велми, ясьскаго князя дщерь полонивъ. Томъ же лѣтѣ и Предъславна, черница, Святославна предъставися. Томъ же лѣте ходи Вячеславъ на Дунай с Фомою Ратиборичемъ и, пришедъ къ Дьрьсту, и не въспѣвше ничто же, воротишася. В се же лѣто бишася с половци и с торкы, и с печенѣгы у Дона, и сѣкошася два дьни и двѣ нощи, и придоша в Русь къ Володимеру торци и печенѣзи. В се же лѣто преставися Романъ Всеславичь. В се же лѣто преставися Мьстиславъ, внукъ Игоревъ. Томъ же лѣтѣ Володимерь отда дщерь свою Огафью за Всеволодка.

В лѣто 6625. Приведе Володимеръ Мьстислава из Новагорода, и дасть ему отець Бѣлъгородъ, а Новѣгородѣ сѣде Мьстиславичь, сынъ его, внукъ Володимеровъ. В се же лѣто иде Володимеръ на Ярослава к Володимерю и Давыдъ, и Ольговичи,[82] и Володарь, и Василко и оступиша ѝ у городѣ Володимери, и стояша дьний шестьдесять, и створи миръ съ Ярославомъ. Ярославу покорившюся и вдаривши челомъ передъ строемъ своимъ Володимеромъ; и наказавъ его Володимеръ о всемъ, веля ему к собѣ приходити: «Когда тя позову». И тако в мирѣ разидошася кождо въсвояси. Тогда же придоша половци къ болгаромъ, и выслa имъ князь болъгарьскыи пити съ отравою, и пивъ Аепа и прочии князи вси помроша. Семъ же лѣтѣ преставися Лазоръ, епископъ Переяславьскый, семтября въ 6. Томъ же лѣтѣ придоша бѣловѣжьци в Русь. В се же лѣто поя Володимеръ за Андрѣя внуку Тугъртъканову. В се же лѣто потрясесея земля, семтября въ двадесять шестый. Того же лѣта въведе Глѣба из Мѣньска Володимеръ, и церковь заложи на Льтѣ мученику...[83] Володимеръ же посла сына Романа во Володимерь княжить. Того же лѣта умре куръ Олексий, и взя царство сынъ его Иванъ. 1117

РАЗНОЧТЕНИЯ

Вводная часть

Варианты заглавия в РАИп., Х: Повесть временных лѣтъ черноризца Феодосьева монастыря Печерьскаго (*В Х добавл.*: Нестера черноризца), откуда есть пошла Руская земля (*В Ип. добавл.*: стала есть), и кто в ней почалъ первое (*Ип.* первее) княжити.

[1.1] *Так в ТРА, в Лавр.* земя. [2] *Так в ТРА, в Лавр.* первие. [3] *Так в ТР, в Лавр.* то же. [4] *Добавл. из ТРА.* [5] *Так в РА, в Лавр.* Инди. [6] *Так в ТРА, в Лавр.* Мисопотамира. [7] *Так в Т и сходно в РА, в Лавр.* Равия на вся. [8] *Исправл. по Амартолу и Ип., в Лавр. испорч.* Авифаникии. [9] *Исправл. по Амартолу и Ип., в Лавр. испорч.* Асуритисиу и. [10] *Так в РА, в Лавр.* протиущи. [11] *Исправл. по Амартолу, в Лавр.* Мосию. [12] *Исправл. по Амартолу, в Лавр.* Масию. [13] *Исправл. по Амартолу, в Лавр.* Салиду, *сходно в других списках.* [14] *Так в ТР, в Лавр.* островъ. [15] *Добавл. из РА, в Лавр. стерлось.* [16] *Так в Т, в Лавр.* фету. [17] *Конец слова в Лавр. оторван; восстанавливается по РА.* [18] *Так в РА, в Лавр. испорч.* Аръвинья. [19] *Так в ТРА, в Лавр. испорч.* Влехисъ. [20] *Так в ТРА, в Лавр.* Гаръмати. [21] *Так в ТРА, в Лавр.* Сируфья. [22] *Так в ТРА, в Лавр.* Алматия, Луеи. [23] *Исправл. по Амартолу, в Лавр.* Лухитая. [24] *Так в ТРА, в Лавр.* Родока. [25] *Так в РА, в Лавр.* Вакунофа. [26] *Исправл. по Амартолу, в Лавр.* всячьския. [27] *Добавл. из А.* [28] *Так в ТРА, в Лавр.* текущи. [29] *Так в Т, в Лавр., РАИп.* Сѣтьгола. [30] *Добавл. из Т.* [31] *Так в Т, в Лавр.* доже. [32] *Так в РАИп., в Лавр.* полуночью. [33] *Добавл. из ТРА, в Лавр. оторван край листа, на котором находилось это слово.* [34] *Добавл. из ТРА.* [35] *Добавл. из РА.* [36] *Добавл. из РА, в Лавр. оставлено пустое место.* [37] *Так в РА, в Лавр.* во. [38] *Добавл. из РА.* [39] *Так в РА, в Лавр.* Сѣли. [40] *Так в А, в Лавр.* нарекоша. [41] *Так в А, в Лавр., Т* Ново, *в Р* Невъ. [42] *Так в РА, в Лавр., Т* Понотъ моря. [43] *В Лавр.* са *недописано.* [44] *Так в РА, в Лавр., Т* наста. [45] *Так в Р, в Лавр., ТАИп.* увидѣ. [46] *Так в Т, в Лавр.* вариги. [47] *Так в Т, в Лавр.* егда влѣзуть ли живи. [48] *Так в ТРА, в Лавр.* Синофию. [49] *Так в ТРА, в Лавр.* и роды. [50] *В Лавр. ошибочно повторено* на своихъ мѣстѣх. [51] *Так в Т, в Лавр.* сѣдяще. [52] *Исправл. по ТРА, в Лавр. ошибочно* сѣсъ. [53] *Так в Т, в Лавр.* опять. [54] *Так в ТРА, в Лавр.* дуици. [55] *Так в ТРА, в Лавр.* а. [56] *Так в Т, в Лавр.* же. [57] *Так в ТРА, в Лавр.* а. [58] *Так в Т, в Лавр.* туда. [59] *Так в Р, в Лавр.* потече. [60] *В Лавр. добавл.* же. [61] *В Лавр. ошибочно* норово, *в РА* нерома, *в Т* морава. [62] *Так в ТРА, в Лавр.* жиуть. [63] *Так в Т, в Лавр.* жиуще, *в РА* живущимъ. [64] *Так в ТРА, в Лавр.* Аръклия. [65] *Так в РА, в Лавр.* добрѣ. [66] *Так в ТРА, в Лавр.* дулѣпьскимъ. [67] *Так в РА, в Лавр.* суще. [68] *Так в РА, в Лавр.* древяня же. [69] *Так в ТРА, в Лавр.* другому. [70] *Так в ТРА, в Лавр.* иже бяху. [71] *Так в ТРА, в Лавр.* радимичь. [72] *В Т* лутичи, *в А* улучи, *в Р* улучи *и сверху над второй половиной слова приписано* ти, *некоторые читают* угличи. [73] *Добавл. из Т.* [74] *Так в Т, в РА* оли и, *в Лавр.* или. [75] *Так в ТР, в Лавр.* хожеше. [76] *Так в ТРА, в Лавр.* жиуще. [77] *Так в ТРА, в Лавр.* и. [78] *Так в РА, в Лавр.* игрища. [79] *Так в А, в Лавр., Т* трызно. [80] *Отсюда начинается пропуск в Т до пришествия варягов к новгородским славянам.* [81] *Так в РА, в Лавр.* поставяху. [82] *Добавл. из слав. перевода Амартола*: законъ бо безаконьникомъ отечьствие мнится

(*Истрин, с. 49*). [83]*Так в РА, в Лавр.* жиуще. [84] *Так в РА, в Лавр.* от. [85] *Исправл.*
по слав. переводу Амартола (Истрин, с. 50): Вактириян, *в Лавр.* Ктириан. [86] *В греч.*
тексте Амартола: ἐχ προγόνων παιδεία *(с. 27), ожидаемый перевод был бы, следова-*
тельно, наказанием, *но в слав. тексте Амартола* показаниемъ, *также в Лавр. и РА.*
[87] *Добавл. из слав. перевода Амартола (Истрин, с. 50)*: страхъ ради многа и божия вѣры.
[88] *Так в РА, в Лавр. и Ип.* явѣ таче. [89] *Так в РА, в Лавр.* нутрьнѣйшимъ.
[90] *Восстанавливается предположительно, в Лавр. испорч.* бо студеное, *в РА* богостудное,
в Ип. бестудьное. [91] *Восстанавливается по слав. переводу Амартола (Истрин, с. 50)*,
в Лавр. дѣтелье. [92] *Так в РА, в Лавр.* мнястя. [93] *Так в РА, в Лавр.* ли зрятъ.
[94] *Так в РА, в Лавр.* крѣпко. [95] *Так в РА, в Лавр.* ни. [96] *Дописано окончание по*
Р. [97] *Добавл. из слав. перевода Амартола (Истрин, с. 50).* [98]*В Лавр.* но единою.
Опускаем но *согласно Амартолу (там же).* [99] *Так в РА, в Лавр.* вѣчнымъ.
[100] *Исправл. по Амартолу (там же), в Лавр.* окрестныхъ.

II. [1] *Так в РА, в Лавр.* нѣвторое. [2] *Исправл. по Амартолу (там же), в Лавр.* тѣ.
[3] *Так в РА, в Лавр.* хотящихъ. [4] *Так в РА, в Лавр.* аще дѣвоческъ. [5] *Добавл. из*
РА. [6] *Так в РА, в Лавр.* въспитають. [7] *Так в Р, в Лавр.* хваляще. [8] *Так в РА,*
в Лавр. наидоща. [9] *Добавл. из Р.* [10] *Отсюда в Р пропуск, в рукописи отсутствует*
лист. [11] *Так в А, в Лавр.* старииишинымъ. [12] *Добавл. из А.* [13] *Так в А, в Лавр.*
ноу. [14] *Так в А, в Лавр.* горохъ. [15] *Добавл. из А.* [16] *Шлецер и Миклошич*
добавляют остромь. *Шахматов оставляет так («Пов. вр. лет», с. 16).* [17] *Так в А,*
в Лавр. рекоша. [18] *Так в А, в Лавр.* обоиду. [19] *Так в А, в Лавр.* сбыся. [20] *Так в*
А, в Лавр. еда. [21] *Так в А, в Лавр.* самѣмъ. [22] *В Лавр. ошибочно добавл.* день, *в* *852*
Ип. только индикта 15, *в А* индикта 8. [23] *Так в А, в Лавр.* увидѣхомъ. [24] *Так в А,*
в Лавр. 40 и 2. [25] *Добавл. из А,* от *добавл. по смыслу.* [26] *Так в А, в Лавр.* 313.
[27] *Исправл. по Ип., в Лавр., А* понеже. [28] *Исправл. по Ип., в Лавр.* 13, *в А* 83. [29] *Так*
в А, в Лавр. преженье. [30] *Так в А, в Лавр.* удѣя лота. [31] *Добавл. по смыслу.* *858*
[32] *Отсюда вновь начинаются списки Т и Р.* [33] *Так в ТРА, в Лавр.* маху *(здесь должно*
было быть заглавное киноварное И). [34]*Шахматов вслед за Бычковым предлагает* *859*
читать это место так: на мери, и на въси, и на кривичихъ (*«Пов. вр. лет», с. 19*).
[35] *Добавл. из ТРА.* [36] *Так в ТРА, в Лавр.* идаша. [37] *Так в РА, в Лавр.* суть. [38] *Так* *862*
в РА, в Лавр. свое. [39] *В Лавр., Т, Ип.* русь, *в РА* руси. [40] *Так в РА, в Лавр., Т*
вся. [41] *Добавл. из Т.* [42] *Так в ТРА, в Лавр.* дву. [43] *Так в ТРА, в Лавр.* а. [44] *Так*
в РА, в Лавр., Т ни. [45] *Так в Т, в Лавр.* упращаста. [46] *В Лавр.* и мы сѣдимъ платяче
дань родомъ ихъ козаромъ. *В Ип.* а мы сѣдимъ роды ихъ и платим дань козаромъ. *Шлецер,*
а за ним Миклошич предлагают читать: и мы сѣдимъ родъ ихъ, сьдѣ, платяще дань
козаромь. *Принимаем шахматовское чтение, но без церковнославянизации слова* платяче
(*у Шахматова* платяще) (*«Пов. вр. лет», с. 21*). [47] *Так в ТРА, в Лавр.* Аколъдо.
[48] *Так в ТРА, в Лавр.* скуписта. [49]*Так в ТРА, в Лавр.* княжаста. [50] *Так в Р, в Лавр.*
ими. [51] *Исправл. по слав. переводу Амартола (Истрин, с. 511), в Лавр.* реку. [52] *Так* *866*
в РА, в Лавр. корабль. [53]*Отсутствующее окончание восстанавливается по ТР.*
[54] *Отсутствующее окончание восстанавливается по ТА.* [55] *Так в ТА, в Лавр.* Всилѣ. *868*
[56] *Так в ТРА, в Лавр.* рещена *(в начале не исполнено киноварное* К). [57] *Так в ТРА, в*
Лавр. княнье. [58] *Так в ТРА, в Лавр.* отъ рада имъ. [59] *Так в РА, в Лавр., Т* бысть. *879*
[60] *В Лавр. не исполнено киноварное* П. [61] *Так в Т, в Лавр., Р* и всѣ. [62] *Так в ТА,* *882*
в Лавр. увидѣ. [63] *Испр. по Ип., в Лавр.* выскакав же, *в РА* выскакавше. [64] *Так в*
ТРА, в Лавр. и. [65] *Так в ТРА, в Лавр.* погребша. [66] *Вставлено Шахматовым на*
основании Комиссионного списка НПЛ и Ип. («Пов. вр. лет», с. 23). [67] *Так в ТРА,*
в Лавр. рускими. [68] *Так в РА, в Лавр., Т* примучи вои. [69] *Так в ТА, в Лавр.* имаша. *883*
[70] *Так в ТРА, в Лавр.* камо. [71] *Так в ТРА, в Лавр.* даху. [72] *Так в ТРА, в Лавр.* *885*
сѣверены. [73] *Так в ТРА, в Лавр.* 6003. [74] *Так в ТРА, в Лавр.* 6004. [75] *Так в*
ТРА, в Лавр. 405. [76] *Так в ТРА, в Лавр.* и сташа. [77] *Так ТРА, в Лавр.* пришедъ. *898*
[78] *Так в ТРА, в Лавр.* стока. [79] *Так в ТА, в Лавр.* жиущая. [80] *Так в ТРА, в Лавр.*
волхи. [81] *Так в ТРА, в Лавр.* волъхве. [82] *Так в ТРА, в Лавр.* на морау и на чахи.
[83] *Так в Р, в А* же иже, *в Лавр., Т* же. [84] *Так в РА, в Лавр.* марава. [85] *Так в ТРА,*
в Лавр. мараве. [86] *Так в ТРА, в Лавр.* презвася. [87] *Так в РА, в Лавр.* жиущимъ.
[88] *Так в РА, в Лавр.* Олгови, *в Т* Аву. [89] *Так в ТРА, в Лавр.* слышивъ. [90] *Так в*
ТРА, в Лавр. гниги. [91] *Так в Т, в Лавр.* послаша, *в РА* поидоша. [92] *Так в ТА, в*

Лавр. приложиста. [93] Так в РА (в Р добавл. и), в Т и всташа нѣции на ня, ропщюще
и, в Лавр. этой фразы нет. [94] Так в ТРА, в Лавр. Пилатоу. [95] Так в ТРА, в Лавр.
язъци. [96] Так в РА, в Лавр. исправять. [97] Так в ТРА, в Лавр. Мефедья. [98] Исправл.
по смыслу, в Лавр., ТРА достойно. [99] Так в ТРА, в Лавр. Анъдронику. [100] Так в
ТРА, в Лавр. Анъдронигъ.

III.[1] Отсюда в Лавр. большой пропуск до 922 г. Текст печатается по Р (с л. 14 до
л. 21). [2] Так в ТА, в Р дошелъ. [3] В Р словескъ, в Т языку словенъску. [4] В РА
въ, в Т нет по. [5] Отсюда в Троицком списке хронология отстает сравнительно со
902 списками РА на год. [6] В Р и Леон, в Ип. без И. [7] В ТРА увидѣвъ, исправл. по Ип.
[8] В Р взратися, исправл. по Т. [9] В Р Олену, исправл. по ТА. [10] В ТРА остави в.
907 [11] Добавл. из Т. [12] Так в Т, в РА въспя. [13] В Р имемъ ся подать, в Т имем ти ся
дань даяти. [14] Добавл. из Т. [15] Так в ТА, в Р Оленомъ. [16] Так в ТА, в Р дамъ.
[17] Так в ТА, в Р углады. [18] Так в Т, в Р приходячи, в А приходяче. [19] Так в ТА, в
Р егда. [20] Так в Т, в РА овощемъ. [21] Так в ТА, в Р Русь за ся. [22] Здесь кончается
та часть погибшего Троицкого списка, которая может быть восстановлена по листам
издания Чеботарева и Черепанова. [23] Восстановлено по Ип., в Р после. [24] Так в А,
в Р месячинное. [25] Так в А, в Р па. [26] Добавл. из Ип. [27] Так в Ип., в РА не
платити. [28] В Р ищите, в А ищете. [29] У Миклошича (с. 16) коприньны, у Шахматова
(с. 32) кропиньны. [30] Так в А, в Р успяша. [31] Вставлено из Соф., Новг. IV и НПЛ
912 Ком. сп. [32] Добавл. по смыслу. [33] Так в А, в Р купиным. [34] Добавл. по смыслу
из Ип. [35] Так в А, в Р Руалъ. [36] Так в А, в Р Александрови. [37] Так в Соф., в Р
хотящих, в А нет. [38] В РА но. [39] В Р словеснъ, в А словесенъ. [40] Так в А, в Р
же не. [41] Так в А, в Р по. [42] Добавл. из Ип., Соф. [43] Исправл. по Ип., в Р
подщимся. [44] Так в Ип., в Р непостыжму, в А непостыжиму, Новг. IV и Соф. неподвижну
(так предлагает и Миклошич, с. 17), неподвижиму. [45] Так в А, в Р тако же. [46] В РА
несоблазную (и из Ип.). [47] Так в Соф., в Р иже. [48] Так в А, в Р урядими. [49] Так
в А, в Р ати. [50] Так в Ип., в РА убьеть. [51] Добавл. из А. [52] Переставлено по Ип.,
в Р русинъ любо. [53] Так в А, в Р дасть. [54] Так в Воскр., в РА насилье. [55] Добавл.
из Эрм., Соф., Тверск. [56] Исправл. по смыслу, в Р идеть. [57] Добавл. из Ип., Соф.
[58] Так в А, в Р не. [59] Добавл. из Ип., Соф. II. [60] Так в Воскр., Соф., в РА
возборонитися. [61] Аще ли ключиться, Шахматов предлагает исключить («Пов. вр. лет»,
с. 37). [62] Исправл. по Х, Соф., в РА от. [63] Вставлено по смыслу, в Ип. и Соф. да
не купять и. [64] Так в А, в Р възвратистя. [65] Так в А, в Р те. [66] Так в А, в Р
почти. [67] ся добавл. по смыслу. [68] В Р от, исправл. по смыслу согласно Ип. [69] В
Р от челядина, исправл. по Миклошичу (с. 19) и Шахматову («Пов. вр. лет», с. 38).
[70] Так в А, в Р нет и. [71] Добавл. из Соф. [72] В Р бо, в Ип. въ. [73] Так в А, в Р
урявъ. [74] Исправл. по смыслу, в Р от. [75] Так в А, в Р хотящи. [76] Добавл. по
смыслу. [77] Исправл. по Ип., в Р неподвижние. [78] Так в А, в Р нашего. [79] Так в
А, в Р Божьа. [80] Так в Ип., в Р закону. [81] Так в А, в Р и ону. [82] В Р недели;
исправл. по смыслу: 6420 год был 15 по индиктному счету. [83] Так в А, в Р и бѣ же.
[84] Добавл. из Х, Соф., Новг. IV. [85] Так в А, в Р смерть. [86] Так в Ип., Соф., в Р
кое. [87] Так в А, в Р бе. [88] Так в Ип., в Р вся ложь. [89] Так в А, в Р а конь.
[90] Так в А, в Р зо. [91] Так в А, в Р словето. [92] Так в Х, в Р чародѣйством. [93] Так
в Ип., в РА бе и. [94] Исправл. по слав. переводу Амартола (Истрин, с. 305): Аполоний
Тиянин, в Р Аполонитяникъ. [95] Так в А, в Р конъсную. [96] Так в А, в Р дъ.
[97] Исправл. по Миклошичу (с. 21) и Шахматову («Пов. вр. лет», с. 43), в Р от.
[98] Исправл. по слав. переводу Амартола (там же), в Р лежащим. [99] Исправл. по слав.
переводу Амартола (там же), в РА трус. [100] Исправл. по слав. переводу Амартола
(там же), в РА ополчать.

IV.[1] Так в Ип., в РА пре. [2] Исправл. по греч. тексту Амартола: сы Орентий
(Истрин, с. 305), в Р Иоренты. [3] Добавл. из Ип. согласно с Амартолом (там же).
[4] Так в А, в Р отво. [5] Исправл. по Ип., в РА человека. [6] Так в Р, в Ип. болма, в А
бошью. [7] Добавл. по смыслу. [8] В РА воину, исправл. по греч. тексту Амартола (в
слав. также воину). [9] Исправл. по Ип. и Амартолу (Истрин, с. 306), в РА Тако же.
[10] Исправл. по греч. тексту Амартола, в РА и слав. тексте Амартола искрь. [11] Так
в Ип., в РА ныне. [12] Так в А, в Р мечных. [13] Исправл. по греч. тексту Амартола,
в РА и слав. тексте Амартола творимом. [14] В РА добавл. цифра 2. [15] Так в Ип.,

в РА пророчествоваше. 16 Исправл. применительно к слав. тексту Амартола (Истрин,
с. 306), в РА Ксевави. 17 Исправл. по Амартолу (Истрин, с. 306), в РА благодетель-
ствуеть. 18 Так в А, в Р щюже. 19 Поправка Шахматова по греч. тексту Амартола
(«Пов. вр. лет», с. 45), в РА совладетельство. 20 Исправл. по Ип. и греч. тексту
Амартола, в РА благодетне. 21 Так в А, в Р а. 22 Так в А, в Р разумевающих.
23 Исправл. по греч. тексту Амартола, в РА Мендръ ни таковых. 24 Исправл. по Ип., 914
в РА нъ. 25 Так в А, в Р речь. 26 Так в А, в Р ступишася. 27 Добавл. из А. 915
28 Так в А, в Р Игоре. 29 Отсюда вновь начинается Лаврентьевский список. 30 Так 922
в РА, в Лавр. Рамономъ. 31 Добавл. из РА. 32 Так в РА, в Лавр. яко. 33 Так в 941
А, в Лавр. Вифаньския. 34 Так в РА, в Лавр. Аръклея. 35 Так в РА, в Лавр. ихъ.
36 Так в РА, в Лавр. огнемъ. 37 Так в РА, в Лавр. Памъфиръ. 38 Так в РА, в Лавр.
саиновьници. 39 Так в РА, в Лавр. лодью. 40 Так в РА, в Лавр. пущающа. 41 Так
в РА, в Лавр. хотѣ. 42 Так в РА, в Лавр. Рамономъ. 43 Так в РА, в Лавр. иде. 944
44 Так в РА, в Лавр. Рьсь. 45 Так в РА, в Лавр. Игорево. 46 Так в РА, в Лавр.
другога. 47 Так в РА, в Лавр. сынъ Игоревъ. 48 Добавл. из Ип. 49 Исправл. по 945
смыслу, в Лавр. разорити. 50 Так в РА, в Лавр. осуженья. 51 Исправл., в Лавр. нашь.
52 Так в Р, в Лавр. грамоту. 53 Так в РА, в Лавр. приносить. 54 Так в РА, в Лавр.
селько. 55 В Лавр. и и. 56 Так в РА, в Лавр. приходить. 57 Так в РА, в Лавр.
нами. 58 Так в РА, в Лавр. нашему. 59 Так в РА, в Лавр. ди. 60 Так в РА, в Лавр.
нь. 61 Так в РА, в Лавр, ваше. 62 Так в РА, в Лавр. 50. 63 Так в РА, в Лавр.
вашего. 64 Так в РА, в Лавр створи 65 Так в РА, в Лавр. радъ. 66 Исправл. по
Ип., в Лавр. то е. 67 Так в РА, в Лавр. въсимають. 68 Исправл. по смыслу, в Лавр.
по не же. 69 Так в Ип., в Лавр. вашего. 70 Исправл. по смыслу, в Лавр. от.
71 Исправл., в Лавр. вашего. 72 Так в А, в Лавр. възворотити. 73 Так в РА, в Лавр.
предаемо. 74 Так в А, в Лавр. то. 75 Так в РА, в Лавр. аще ли. 76 Так в РА, в
Лавр. ископають. 77 Так в А, в Лавр. буде. 78 Так в РА, в Лавр. еликоже же.
79 Так в РА, в Лавр. обрящеть. 80 Так в РА, в Лавр. почаеть в пакость. 81 Так в РА,
в Лавр никака. 82 За этим в Лавр. повторены слова или хрестеянин русина. 83 Так
в РА, в Лавр. и да. 84 Так в А, в Лавр. ходять. 85 Так в А, в Лавр. пишю. 86 Так
в РА, в Лавр. съвѣщанъемъ. 87 Исправл. по смыслу, в Лавр. все. 88 В Лавр. вѣкъ.
89 Исправл. по смыслу, в Ип. некрещении, в Лавр. на крещенъѣ, в РА не крещен. 90 Так
в РА, в Лавр. лидии. 91 Добавл. из Тверск. 92 Так в РА, в Лавр. шитъ. 93 Так в
РА, в Лавр. скорое. 94 Так в РА, в Лавр. яже. 95 Так в РА, в Лавр. Киевъ.
96 Добавл. из Р. 97 Так в РА, в Лавр. даи 98 Так в А, в Лавр. идуще. 99 Так в
РА, в Лавр. все. 100 Так в РА, в Лавр. Нифов.
V. 1 Добавл. из РА. 2 Так в РА, в Лавр. е. 3 Добавл. из Р. 4 Добавл. из Ип.
5 Так в РА, в Лавр. хоче. 6 Добавл. из А. 7 Так в РА, в Лавр. просити. 8 Так в
РА, в Лавр. собрашася. 9 Так в РА, в Лавр. малы. 10 Так в А, в Лавр. деревляне.
11 Исправл. по Ип., в РА снемшимъся, в Лавр. съмъшемъся. 12 Так в РА, в Лавр. дайте. 946
13 Исправл. по Ип., в Лавр. саде. 14 Так в РА, в Лавр. есть. 15 Так в РА, в Лавр.
приду. 16 Исправл. по РА, в Лавр градо-сьй. 17 Так в РА, в Лавр. комуждо. 18 Так
в РА, в Лавр. ови. 19 Так в РА, в Лавр. жи. 20 Так в РА, в Лавр. горяще. 21 Так
в РА, в Лавр. е. 22 Так в РА, в Лавр. стави. 23 Так в РА, в Лавр. Бышегоруду.
24 Так в РА, в Лавр. ошибочно имянемь Цѣмьский (на самом деле вступил на престол 955
11 декабря 969 г.). 25 Так в РА, в Лавр. кресть. 26 Так в РА, в Лавр. тъщерью.
27 Так в РА, в Лавр. Креста. 28 Так в РА, в Лавр. Божьи. 29 Исправл. по Притч.
Солом. 1, 22; в РА, Лавр. злобиви. 30 Добавл. из Ип., в Лавр. вместо этой добавки
все. 31 Так в РА, в Лавр. многоцѣньныхъ. 32 Так в РА, в Лавр. наслаженьи. 33 Так
в РА, в Лавр. въ сердце. 34 Так в РА, в Лавр. приходящая. 35 Так в Р, в Лавр.
иженуть. 36 Так в А, в Лавр. Сюду. 37 Так в РА, в Лавр. бѣжаше. 38 Так в Р, в
Лавр. одобълѣша. 39 Исправл. по Притч. Солом. XIII, 20, в Лавр. дѣлатели. 40 Так
в РА, в Лавр. дѣлатель. 41 Так в РА, в Лавр. нарече. 42 Исправл. по смыслу, в Лавр.
но. 43 В Лавр. какаи, исправл. по чтению в РА кажа. 44 Исправл. по Притч. Солом.
IX, 7, в Лавр. обличая. 45 Так в РА, в Лавр. тобе. 46 Так в РА, в Лавр. мзолье.
47 Так в РА, в Лавр. обычай. 48 Исправл. по Х и Новг. IV, в Лавр. възненавидить.
49 Так в РА, в Лавр н. 50 Так в РА, в Лавр. ядяху. 51 Так в РА, в Лавр. пославъ. 964
52 Так в РА, в Лавр. и от. 53 Так в РА, в Лавр. битъ о бивши. 54 Так в А, в Лавр.

968 и на. [55] Так в РА, в Лавр. и ни. [56] Так в А, в Лавр. не. [57] Исправл. по Соф.,
Новг. IV, в Лавр. реч (ч под титлом), в РА рече. [58] Так в РА, в Лавр. кто не приступить
с утра. [59] Так в А, в Лавр. ристаша. [60] Исправл. по Ип., в Лавр. сверга. [61] Так в
РА, в Лавр. путе. [62] Так в РА, в Лавр. в лодью протиу. [63] Так в РА, в Лавр. лодьѣ.
969 [64] Так в Р, в Лавр. лодья. [65] Так в РА, в Лавр. отступища. [66] Так в РА, в Лавр. с.
[67] Так в РА, в Лавр. в. [68] Так в РА, в Лавр. в земли. [69] Так в РА, в Лавр. и-Щехъ.
[70] Так в А, в Лавр. урогъ. [71] Так в РА, в Лавр. болное. [72] Так в РА, в Лавр. иди
же. [73] Исправл. по Ип., в Лавр. и. [74] Так в РА, в Лавр. бо. [75] Так в РА, в Лавр.
творите. [76] Так в А, в Лавр. деньица. [77] Исправл. по Ип., в Лавр. грѣх. [78] Так в
РА, в Лавр. грѣховною одеже въ. [79] В Лавр. дважды примиренью. [80] Исправл. по
Ип., в РА, Лавр. похвала. [81] Так в А, в Лавр. видяща. [82] Так в РА, в Лавр. ляжащая.
970 [83] Так в РА, в Лавр. жиуть. [84] Так в РА, в Лавр. защитить. [85] Так в РА, в Лавр.
971 брыною воемь. [86] Так в А, в Лавр. одалаху. [87] В Лавр. дважды имъ Святославъ...
приречe. [88] Так в РА, в Лавр. то. [89] Так в РА, в Лавр. стоя. [90] Так в РА, в Лавр.
павокамъ. [91] Так в РА, в Лавр. не зрѣ. [92] Так в Р, в Лавр. послуша. [93] Так в РА,
в Лавр. целова. [94] Так в А, в Лавр. хоче. [95] Так в РА, в Лавр. ибо. [96] Так в РА,
в Лавр. похволою. [97] Так в РА, в Лавр. дружинъ. [98] Исправл. по Ип., в Лавр.
Деревьстрѣ. [99] Так в РА, в Лавр. тобо. [100] Так в А, в Лавр. умножавши.

VI.[1] Добавл. из РА. [2] Так в РА, в Лавр. Святославлѣ. [3] В Лавр. дважды писецъ.
[4] Так в РА, в Лавр. всякомь и. [5] В Лавр. добавл. ни. [6] Так в РА, в Лавр. ω.
[7] Так в РА, в Лавр. колоти. [8] Так в РА, в Лавр. створих. [9] Так в РА, в Лавр.
972 Свѣнделъ. [10] Так в РА, в Лавр. малыми. [11] Так в РА, в Лавр. оковаше. [12] Так в
975 РА, в Лавр. по немь. [13] Исправл. по Ип., в Лавр. дѣюще. [14] Так в РА, в Лавр. мю.
977 [15] Так в РА, в Лавр. поиди. [16] Так в РА, в Лавр. вполчитася. [17] В Лавр. дважды с
вои. [18] Так в РА, в Лавр. вратотомъ. [19] Так в РА, в Лавр. внесоша. [20] Так в РА,
980 в Лавр. еже еси. [21] Так в РА, в Лавр. иде. [22] Так в РА, в Лавр. пристраваися.
[23] Так в РА, в Лавр. тъчеръ. [24] Так в РА, в Лавр. тъчери. [25] Так в РА, в Лавр. оно.
[26] Так в РА, в Лавр. и дъчерь Рогъволожю. [27] Так в А, в Лавр. и зрѣнья их. [28] Так
в РА, в Лавр. то. [29] Так в РА, в Лавр. свѣтъ. [30] Так в Р, в Лавр. гражены. [31] Так
в РА, в Лавр. Льстяче. [32] Так в РА, в Лавр. перебороботи. [33] Так в РА, в Лавр. и
Володимеръ. [34] Так в РА, в Лавр. рече же. [35] Так в РА, в Лавр. ми. [36] Добавл.
из Р. [37] Так в А и сходно в Р, в Лавр. прелюбодѣй. [38] Так в РА, в Лавр. града нашь
и. [39] Так в А, в Лавр. е. [40] Так в РА, в Лавр. добры. [41] Так в РА, в Лавр. тере-
бами. [42] Исправл. по Ип. и Ком., в Лавр. И 6ѣ. [43] Так в РА, в Лавр. тчери. [44] Так
в РА, в Лавр. в Болгарех. [45] Так в Р, в Лавр. обрящють. [46] Так в А, в Лавр.
прильпляющеся. [47] Добавл. Миклошичем (с. 47). [48] Так в РА, в Лавр. смерть.
[49] Так в РА, в Лавр. животьныя. [50] Так в А, в Лавр. драгъши. [51] Так в РА, в Лавр.
мьжь. [52] Так в РА, в Лавр. же лну весны. [53] Так в РА, в Лавр. рукада. [54] Так в
РА, в Лавр. владаеть. [55] Так в РА, в Лавр. дѣющю. [56] Добавл. из А, в Лавр. и.
[57] Так в РА, в Лавр. особь. [58] Так в А, в Лавр. въставъ и. [59] Так в РА, в Лавр.
ему. [60] Так в РА, в Лавр. равнымъ. [61] Так в РА, в Лавр. и утверди мышцю свою.
[62] Так в РА, в Лавр. суба. [63] Так в РА, в Лавр. своритъ. [64] Так в РА, в Лавр.
прѣпость. [65] Так в РА, в Лавр. облече. [66] Так в Р, в Лавр. милостыню. [67] Так в
981 РА, в Лавр. въздвигъшю. [68] Так в РА, в Лавр. всю. [69] Так в РА, в Лавр. еже.
982 [70] Исправл. по Ип., в Лавр. нь. [71] Так в РА, в Лавр. няуга. [72] Так в РА, в Лавр. е.
983 [73] Так в РА, в Лавр. явтяги. [74] Так в РА, в Лавр. потребу. [75] В Лавр. дважды мечемъ
жребий. [76] Так в РА, в Лавр. жа. [77] Так в РА, в Лавр. то. [78] В Лавр. се, исправл.
по смыслу. [79] Так в РА, в Лавр. бо. [80] Так в РА, в Лавр. на. [81] Так в Р, в Лавр.
повѣдаше. [82] Добавл. из Ип. [83] Так в РА, в Лавр. бликнуша. [84] Так в РА, в Лавр.
хрестеянский. [85] Так в РА, в Лавр. онѣхъ. [86] Так в РА, в Лавр. не и вѣдый. [87] Так
в РА, в Лавр. нарекъ. [88] Исправл. по Ип., в Лавр. не. [89] Так в РА, в Лавр. имь.
[90] Так в РА, в Лавр. отѣника. [91] Так в Р, в Лавр. приемше. [92] Так в РА, в Лавр.
984 вѣненьцъ. [93] Добавл. по Ип., вместо е в Лавр. [94] Так в РА, в Лавр. Добрыною съ
985 воемъ. [95] Так в РА, в Лавр. болары. [96] Так в РА, в Лавр. оже. [97] Так в РА, в
986 Лавр. елико. [98] Так в РА, в Лавр. вры. [99] Так в РА, в Лавр. иде. [100] Так в Р, в
Лавр. буде.

VII.[1] Так в РА, в Лавр. томо. [2] Так в РА, в Лавр. отинудь. [3] Добавл. из РА. [4] Так

в РА, в Лавр. и Богу, еже. 5 Исправл. по Соф., в Лавр. кто же. 6 Так в А, в
Лавр. тама. 7 Так в РА, в Лавр. учители. 8 Так в РА, в Лавр. росточе. 9 Исправл.
по смыслу, в Лавр. неже. 10 Так в РА, в Лавр. погубять. 11 Так в РА, в Лавр.
блюну. 12 Так в РА, в Лавр. пове. 13 Так в РА, в Лавр. бысть правили.
14 Исправл. по Ип., в Лавр. взиде. 15 Так в РА, в Лавр. покояшеся. 16 Так в РА,
в Лавр. такою. 17 Так в РА, в Лавр. ска. 18 Исправл. по РА, в Лавр. подоша.
19 Исправл. по Ип. и Ком., в Лавр. первое. 20 Так в РА, в Лавр. наречется. 21 Так
в РА, в Лавр. Адамъ снъ. 22 Так в РА, в Лавр. а. 23 Так в РА, в Лавр. разумѣюще.
24 Так в РА, в Лавр. из рая. 25 Так в РА, в Лавр. Авелелы. 26 Исправл. по Ком., в
Лавр. изидѣте. 27 Добавл. из Р. 28 Так в РА, в Лавр. изидосте. 29 Так в РА, в
Лавр. трясася. 30 Добавл. из А. 31 Так в РА, в Лавр. тщери. 32 Так в РА, в Лавр.
завивисти. 33 Так в РА, в Лавр. но. 34 Так в РА, в Лавр. ибо. 35 Так в А, в Лавр.
отять. 36 Так в РА, в Лавр. ты. 37 Так в РА, в Лавр. премеся. 38 Так в РА, в
Лавр. ученью. 39 Так в РА, в Лавр. рощенье. 40 Так в РА, в Лавр. закаху прид.
41 Так в РА, в Лавр. Серукъ. 42 Так в РА, в Лавр. творяшь. 43 Так в РА, в Лавр.
прлбдицамъ. 44 Так в РА, в Лавр. Фара. 45 Так в РА, в Лавр. твори. 46 Так в
РА, в Лавр. прише. 47 Так в РА, в Лавр. въ вумъ. 48 Так в А, в Лавр. то.
49 Исправл. по Ип. и Ком., в Лавр. а иже. 50 Так в РА, в Лавр. творилъ. 51 Добавл.
из Ип. 52 Так в РА, в Лавр. Бога и царя. 53 Так в РА, в Лавр. хотѣвъ. 54 Так
в А, в Лавр. отцемъ. В Лавр. затем вновь повторены слова: от сего... предъ сыномъ.
55 Так в РА, в Лавр. тыщерь. 56 Так в РА, в Лавр. бѣша. 57 Исправл. по Соф. и
Ник., в Лавр. влѣзъ. 58 Добавл. из Х и Ком. 59 Так в РА, в Лавр. бо. 60 Так в
РА, в Лавр. се. 61 Так в А, в Лавр. тщере. 62 Так в Х, Соф., в Лавр. Лава. 63 Так
в А, в Лавр. старьшюю. 64 Добавл. из Ип. 65 Так в РА, в Лавр. Ваньамида. 66 Так
в РА, в Лавр. лѣтъ. 67 Так в РА, в Лавр. Мадьянску. 68 Так в РА, в Лавр. языка.
69 Так в А, в Лавр. колько. 70 Исправл. по Ип., в Лавр. назѣлѣзохъ. 71 Так в РА,
в Лавр. единъ. 72 Так в РА, в Лавр. потребу. 73 Так в РА, в Лавр. муки. 74 Исправл.
по Ип., в Лавр. горщии. 75 Исправл. по Ип., в Лавр. 10. 76 Так в РА, в Лавр. ю.
77 Так в А, в Лавр. возпи. 78 Так в А, в Лавр. лущи. 79 Исправл. по смыслу, в Лавр.
еже. 80 Так в РА, в Лавр. ману. 81 Так в РА, в Лавр. сече 30 тысящь. 82 Так в
РА, в Лавр. возропта. 83 Так в РА, в Лавр. иже. 84 Так в РА, в Лавр. инѣхъ.
85 Так в Р, в Лавр. начаху. 86 Так в РА, в Лавр. другии. 87 Так в РА, в Лавр. главѣ
(ср. в Ип. краве). 88 Так в РА, в Лавр. идуть. 89 Так в РА, в Лавр. то. 90 Так в
РА, в Лавр. буде. 91 Так в РА, в Лавр. Аданаилъ. 92 Так в РА, в Лавр. иже.
93 Так в РА, в Лавр. слышить. 94 Исправл. по Ип. и Ком., в Лавр. изиде. 95 Так в
РА, в Лавр. неразумья. 96 Так в РА, в Лавр. иже. 97 Добавл. из Ип. и Ком. 98 Так
в РА, в Лавр. моима. 99 Добавл. из книги пророка Исаии, IX, 6. 100 Так в РА, в
Лавр. прозоуть имя ему Еньмаилъ.

VIII.1 Исправл. по Ком., в Лавр. и да немноги еси. 2 Так в РА, в Лавр. н. 3 Добавл.
из Ип. и Ком. 4 Так в РА, в Лавр. ины. 5 Добавл. из РА. 6 Так в РА, в Лавр.
речеть. 7 Так в РА, в Лавр. то. 8 Так в РА, в Лавр. ии. 9 Так в А, в Лавр. и
заплеванья. 10 Так в РА, в Лавр. Мосия. 11 Так в Р, в Лавр. съходяще. 12 Так в
Ип. и Ком., в Лавр. тъ. 13 Так в Р, в Лавр. ружьники. 14 Так в Р, в Лавр.
пророчествоваше. 15 Так в РА, в Лавр. хощь. 16 Исправл. по Ип., в Лавр. же. 16а Так
в РА, в Лавр. иже. 17 Так в РА, в Лавр. родъ. 17а Так в РА, в Лавр. смяте. 18 Добавл.
из Ип. 19 Так в РА, в Лавр. ученикъ. 20 Так в РА, в Лавр. креститися. 21 Так
в РА, в Лавр. послаше. 22 Добавл. из А. 23 Так в РА, в Лавр. кисареви. 24 Так
в РА, в Лавр. вѣки. 25 Исправл. по Ип., в Лавр. крещенью. 26 Так в РА, в Лавр.
днье. 27 Исправл. по Ком., в Лавр. первою. 28 Добавл. из Х. 29 Так в РА, в
Лавр. Прображенье. 30 Так в РА, в Лавр. вложивъ. 31 В Лавр. повторено на странахъ
роса еже е. 32 Исправл. по Х и Ком., в Лавр. обновленъ. 33 Исправл. по Х и Акад.
сп. Новг. IV, в Лавр. ученьемъ. 34 Так в РА, в Лавр. пореяхомъ. 35 Так в РА, в
Лавр. вѣрують. 36 Так в РА, в Лавр. хуляше. 37 Так в РА, в Лавр. хваляше. 38 Так 987
в РА, в Лавр. станеть. 39 Так в РА, в Лавр. первое вѣру. 40 Так в РА, в Лавр. Он.
41 Так в Р, в Лавр. от. 42 Так в РА, в Лавр. создати. 43 Так в РА, в Лавр. е. 44 Так
в РА, в Лавр. добро. 45 Так в РА, в Лавр. придохо. 46 Так в РА, в Лавр. укусить.
47 Так в РА, в Лавр. има. 48 Так в РА, в Лавр. рекше. 49 Так в РА, в Лавр. идемъ.

988 [50] Так в РА, в Лавр. стѣлище. [51] Так в РА, в Лавр. воѣ своѣ. [52] Исправл. по Ип.,
в Лавр. приступити. [53] Исправл. по Ип., в Лавр. спущеимъ. [54] Так в РА, в Лавр.
цареви. [55] Исправл. по Ком., в Лавр. слышаста. [56] Так в РА, в Лавр. дати. [57] Так
в РА, в Лавр. сестръ. [58] Исправл. по РАИп. и Ком., в Лавр. любо. [59] Так в РА, в
Лавр. лучи. [60] Так в А, в Лавр. братья. [61] Так в РА, в Лавр. рькуще. [62] Так в
Р, в Лавр. увидѣхъ. [63] Так в РА, в Лавр. и ини. [64] Так в РА, в Лавр. Василиви.
[65] Так в РА, в Лавр. исходяще. [66] Так исправляет Шахматов («Пов. вр. лет», с. 141)
на основании данных Ип., Х и др. списков, в Лавр. събественымъ. [67] Так в РА, в Лавр.
съ божественымь. [68] Так исправляет Шахматов (там же) по Ком., в Лавр. только
разделно (принимаем исправленья Шахматова вне применяемой им орфографической
архаизации). [69] Так исправляет Шахматов (там же) по Ком. и др. спискам, в Лавр.
неронымъ. [70] Так в Р, в Лавр. подобенъ сущенъ. [71] Так исправляет Шахматов («Пов.
вр. лет», с. 142) по Ип. и др. спискам, в Лавр. подобносвершено и присносущно. [72] Так
в РА, в Лавр. святомуму. [73] Исправл. по Х, Ком. и др., в Лавр. и. [74] Так в РА, в
Лавр. преступае. [75] Исправл. по Х, в Лавр. и духъ ли. [76] Исправл. по Ип., в Лавр.
по нему же. [77] Так в РА, в Лавр. не оступи. [78] Исправл. по Ип., в Лавр.
человѣческое. [79] Так в РА, в Лавр. преже бывъ. [80] Так в РА, в Лавр. подобны.
[81] Так в РА, в Лавр. ественая. [82] Так в РА, в Лавр. страсть. [83] Исправл. по Ип. и
Ком., в Лавр. славою. [84] Так в РА, в Лавр. сниде. [85] Исправл. по Ип. и Ком., в
Лавр. судомъ. [86] Исправл. по смыслу, в Лавр. веруи. [87] Так в А, в Лавр. сему.
[88] Так в РА, в Лавр. проклята. [89] Так в РА, в Лавр. проклевши. [90] Так в А, в Лавр.
Ерихенова. [91] Так в Р, в Лавр. и напишеть. [92] Добавл. из Ип. [93] Исправл. по
Ип. и Ком., в Лавр. матери. [94] Исправл. по Ип., в Лавр. еже. [95] Так в Р, в Лавр.
Дасъ. [96] Так в РА, в Лавр. Антихия. [97] Так в РА, в Лавр. Колестинъ. [98] Так в
РА, в Лавр. Рамьский. [99] Исправл. по Ип. (ошибочно вм. Вигилий), в Лавр. Валиги.
[100] Так в РА, в Лавр. Евтухи.

IX, 1 Так в РА, в Лавр. Антиахъский. [2] Так в РА, в Лавр. Гооргий. [3] Так в РА,
в Лавр. Фофанъ. [4] Так в РА, в Лавр. Антиохьский. [5] Так в РА, в Лавр. Олексанъдра.
[6] Так в РА, в Лавр. Антиохьский. [7] Добавл. из РА. [8] Так в РА, в Лавр. и
прославляху. [9] Добавл. из Ип. [10] Так в РА, в Лавр. оженѣвъся. [11] Так в РА, в
Лавр. до семые жены поимаючи. [12] Так в РА, в Лавр. царю. [13] Так в РА, в Лавр. в
Корсунѣнѣ. [14] Так в РА, в Лавр. иже. [15] Так в РА, в Лавр. кридуще. [16] Так в
РА, в Лавр. жа. [17] В Лавр. ида написано дважды. [18] Исправл. по РА, в Лавр. мѣдѣнѣ.
[19] Так в РА, в Лавр. иконѣ. [20] Так в РА, в Лавр. Курсунь. [21] Исправл. по Ип. и
Ком., в Лавр. осѣчи. [22] Так в Р, в Лавр. хвусту. [23] Отсюда начинается другой
почерк, древнейший русский полуустав XIV в. [24] Добавл. из А. [25] Так в РА, в Лавр.
вы то. [26] Так в РА, в Лавр. новым почерком поправлено на рѣцѣ. [27] Так в РА, в
Лавр. Перуняна. [28] Так в РА, в Лавр. не прияли. [29] Так в РА, в Лавр. млади. [30] Так
в РА, в Лавр. вѣдѣти. [31] Отсюда рукопись Лавр. летописи писана в два столбца.
[32] Так в РА, в Лавр. лиди. [33] Так в Р, в Лавр. нарочитое. [34] Так в РА, в Лавр.
плакаху. [35] Так в РА, в Лавр. помилуй. [36] Так в РА, в Лавр. хощю помилую. [37] Так
в РА, в Лавр. въздастъ. [38] Исправл. по РА, Ип. и Ком., в Лавр. въ исповѣданье. [39] Так
в РА, в Лавр. благо. [40] Так в РА, в Лавр. благословите. [41] Так в РА, в Лавр.
съпасенья. [42] Так в РА, в Лавр. языцѣх. [43] Так в РА, в Лавр. то. [44] Так в РА,
в Лавр. смерти. [45] Так в РА, в Лавр. свободихомся. [46] Добавл. по Ип. и Ком.
[47] Так в РА, в Лавр. имъ. [48] Так в РА, в Лавр. Мьстива. [49] Так в А, в Лавр.
989 Трубешеви. [50] Так в РА, в Лавр. 6490. [51] Так в РА, в Лавр. приведе я. [52] Так в
РА, в Лавр. корсянину. [53] Исправл. по Х и Ком., где и нет, в Лавр. и приставп.
991 [54] Исправл. по Ип. и Ком., в РА 6498, в Лавр. 6009. [55] Так в РА, в Лавр. не. [56] Так
992 в РА, в Лавр. и. [57] Так в А, в Лавр. Трубеши. [58] Так в РА, в Лавр. ни. [59] Так
в РА, в Лавр. и въ. [60] Так в РА, в Лавр. се. [61] Так в А, в Лавр. ся. [62] Исправл.
по Ип., Х, в Лавр. искусить. [63] В Лавр. слово быка написано дважды. [64] Так в РА,
в Лавр. ни. [65] Добавл. из А. [66] Так в РА, в Лавр. оружь. [67] Так в РА, в Лавр.
996 крѣпо. [68] Так в РА, в Лавр. бротѣ. [69] Так в РА, в Лавр. людьскымъ. [70] Так в
А, в Лавр. ствaряще. [71] Так в РА, в Лавр. лю. [72] Так в РА, в Лавр. будет. [73] Так
997 в РА, в Лавр. потробу. [74] Так в РА, в Лавр. жива. [75] Исправл. по Ип. и Новг. IV,
в Лавр. вдаимы ся. [76] Так в РА, в Лавр. свѣтъ. [77] Так в РА, в Лавр. впраша.

[78] *Исправл. по Ип., в Лавр.* встави. [79] *Исправл. по Соф. и некоторым спискам Новг. IV,*
в Лавр. в городѣхъ. [80] *Так в РА, в Лавр.* гривнѣ. [81] *Так в РА, в Лавр.* а. [82] *Так* 1014
в РА, в Лавр. и акы. [83] *Так в РА, в Лавр.* И Борису. [84] *Так в РА, в Лавр.* умерелъ. 1015
[85] *Так в А, в Лавр.* Соломъ. [86] *Исправл. по смыслу, в Лавр. и др. списках* обѣщаются.
[87] *Исправл. по смыслу, в Лавр.* оксапсалма. [88] *Так в РА, в Лавр.* сборъ. [89] *Так в*
РА, в Лавр. се. [90] *Так в РА, в Лавр.* И избиша. [91] *Так в РА, в Лавр.* Георгеви.
[92] *Так в РА, в Лавр.* и тѣмь же. [93] *Исправл. по смыслу, в Лавр.* увѣдѣвше. [94] *Добавл.*
по Ип., Новг. IV. [95] *Так в РА, в Лавр.* приемъ. [96] *Так в РА, в Лавр.* в лику. [97] *Так*
в РА, в Лавр. акъ хулу. [98] *Так в РА, в Лавр.* Ангелъ. [99] *Так в РА, в Лавр.* створяеть.
[100] *Так в РА, в Лавр.* мыслить.

X, [1] *Так в РА, в Лавр.* почыщена. [2] *Так в РА, в Лавр.* приемъ. [3] *Так в РА, в*
Лавр. бо. [4] *Так в РА, в Лавр.* жити. [5] *Добавл. из РА.* [6] *Так в РА, в Лавр.*
тѣломь. [7] *Так в РА, в Лавр.* утѣха. [8] *Так в Р, в Лавр.* вамъ. [9] *Так в РА, в Лавр.*
Божье. [10] *Так в РА, в Лавр.* заповѣди. [11] *Так в РА, в Лавр.* приимше. [12] *Исправл.*
по смыслу (двойств. число), в Лавр. облистаеми. [13] *Так в РА, в Лавр.* божественымь.
[14] *Исправл. по Ип., в Лавр.* избавяща. [15] *Так в РА, в Лавр.* в. [16] *Так в РА, в Лавр.*
и. [17] *Так в РА, в Лавр.* седи. [18] *Так в РА, в Лавр.* 40. [19] *Так в А, в Лавр.*
праведною. [20] *Исправл. по Ип. и Х, в Лавр.* слышавше. [21] *Добавл. из Ип.* [22] *Так* 1016
в РА, в Лавр. о полъ. [23] *Так в РА, в Лавр.* о. [24] *Так в А, в Лавр.* хоромомъ. [25] *Так*
в РА, в Лавр. нашимъ. [26] *Так в РА, в Лавр.* не. [27] *Так в А, в Лавр.* высѣдъ. [28] *Так*
в РА, в Лавр. къзеру. [29] *Так в РА, в Лавр.* Ярославъ Новѣгородѣ. [30] *Так в РА, в* 1018
Лавр. городу. [31] *Так в РА, в Лавр.* взыде. [32] *Добавл. из А.* [33] *Так в РА, в Лавр.* 1019
по. [34] *Так в РА, в Лавр.* сѣцяхуся. [35] *Так в РА, в Лавр.* Бестою. [36] *Исправл. по*
Ип., в Лавр. неправедну. [37] *Так в А, в Лавр.* ошествии. [38] *Так в РА, в Лавр.* бывши.
[39] *Так в РА, в Лавр.* прародителю. [40] *Так в А, в Лавр.* женома. [41] *Так в РА, в Лавр.*
се. [42] *Так в РА, в Лавр.* Тмутороканю. [43] *Так в А, в Лавр.* сы идевѣ. [44] *Так в* 1022
РА, в Лавр. удолѣю. [45] *Так в Р, в Лавр.* сэижю. [46] *Так в РА, в Лавр.* и и. [47] *В* 1024
Лавр. описка къ. [48] *В Лавр.* другыми. [49] *В Лавр. описка* Новуногороду. [50] *В Лавр.*
и др. списках слѣпъ. *Восстанавливается предположительно.* [51] *Так в А, в Лавр.* не.
[52] *Так в РА, в Лавр.* собѣ. [53] *Добавл. из Р.* [54] *Так в А, в Лавр.* Ярославѣ. [55] *Так*
в РА, в Лавр. 7 лѣт бысть и. [56] *Так в РА, в Лавр.* сыны. [57] *Так в РА, в Лавр.* Бзы. 1027
[58] *Так в РА, в Лавр.* многъ. [59] *Так в РА, в Лавр.* приступиша и. [60] *Так в РА, в Лавр.* 1036
мѣсто. [61] *Так в РА, в Лавр.* побѣгша. [62] *Так в РА, в Лавр.* порупъ. [63] *Так в РА, в*
Лавр. святое Богородице. [64] *В РА нет, в Лавр. добавл.* и сниска. [65] *Так в А, в Лавр.* разорить. 1037
[66] *Так в Р, в Лавр.* умячи. [67] *Исправл. по Ип., Х, в Лавр.* мости. [68] *Так в РА, в*
Лавр. Симонъ. [69] *Так в РА, в Лавр.* хваля е. [70] *Так в РА, в Лавр.* мысль. [71] *Исправл.*
по смыслу, в Лавр. и др. списках душа. [72] *Так в РА, в Лавр.* се. [73] *Так в РА, в*
Лавр. рекомъ. [74] *Так в РА, в Лавр.* ссудыи. [75] *Так в А, в Лавр.* вида. [76] *Исправл.* 1039
по смыслу, в Лавр. Феопомтомъ. [77] *Исправл. по Х, в Лавр.* победивъ. [78] *Так в Р,*
в Лавр. многъ. [79] *Так в РА, в Лавр.* воевотьство. [80] *Так в РА, в Лавр.* воеводы 1043
Ярославля. [81] *Так в РА, в Лавр.* ввержени. [82] *Исправл. по смыслу, в Лавр.* хотяще.
[83] *Так в Р, в Лавр.* с ними. [84] *Добавл. по Ип., Х.* [85] *Так в Р, в Лавр.* с нимь.
[86] *Так в РА, в Лавр.* друженою. [87] *Так в Р, в Лавр.* пославъ. [88] *Так в РА, в Лавр.*
ссѣдавшеся. [89] *Так в РА, в Лавр.* И выгребоша. [90] *Так в РА, в Лавр.* е. [91] *Так* 1044
в РА, в Лавр. Моиславъ. [92] *Так в А, в Лавр.* что. [93] *Так в РА, в Лавр.* бо князю. 1051
[94] *Так в РА, в Лавр.* манастырь сущи. [95] *Так в РА, в Лавр.* и рече ему яко. [96] *Так*
в РА, в Лавр. ни. [97] *Так в РА, в Лавр.* гора. [98] *Так в РА, в Лавр.* иде. [99] *Так в*
РА, в Лавр. постригалъ. [100] *Так в РА, в Лавр.* тоже.

XI, [1] *Так в РА, в Лавр.* просяху. [2] *Добавл. из РА.* [3] *Так в РА, в Лавр.* совъкути.
[4] *Так в РА, в Лавр.* перво. [5] *Исправл. по смыслу, в Лавр.* никдѣ же. [6] *Добавл. из*
Ип. [7] *Так в РА, в Лавр.* а съ столпьемь. [8] *Так в А, в Лавр.* почаша. [9] *Так в РА,*
в Лавр. свѣтъ. [10] *Так в РА, в Лавр.* Фодосий. [11] *Так в РА, в Лавр.* Феодосу. [12] *Так*
в Ип. и Х, в Лавр. щенье. [13] *Так в РА, в Лавр.* старѣе всего. [14] *Так в А, в Лавр.*
Феодосовѣ. [15] *Так в РА, в Лавр.* акы. [16] *Так в РА, в Лавр.* старъ. [17] *Так в РА,* 1052
в Лавр. От. [18] *Так в РА, в Лавр.* покоривыть. [19] *Исправл. по смыслу, в Лавр. и др.* 1054
списках иже. [20] *Так в РА, в Лавр.* то. [21] *Добавл. из А.* [22] *Так в РА, в Лавр.*
Вселоду. [23] *Так в РА, в Лавр.* всее. [24] *Так в РА, в Лавр.* еже. [25] *Так в РА, в*

1057 Лавр. принесъ. 26 Так в А, в Лавр. введше. 27 Так в РА, в Лавр. строя. 28 Добавл.
1060 из Х, Синод., Ком. 29 Так в РА, в Лавр. совокупи. 30 Так в РА, в Лавр. гра. 31 Так
1065 в РА, в Лавр. строеви. 32 Так в РА, в Лавр. много. 33 Далее в РА, Лавр. ошибочно следует бяше. 34 Так в РА, в Лавр. выстомль. 35 Так в Ип. и Ком., в Лавр. его. 36 Исправл. по Х и Ком., в Лавр. имуща. 37 Так в РА, в Лавр. одежѣ. 38 Так в РА, в Лавр. нахоженье Антиохово нашествие. 39 Вставлено по аналогии с последующим.
1066 40 Так в РА, в Лавр. бывает. 41 Так в Р, в Лавр. проявьляеть. 42 Так в РА, в Лавр.
1067 странах. 43 В Лавр. слово пити изгладилось. 44 Так в Ип., в Лавр. и приѣхавъ.
1068 45 Так в РА, в Лавр. и преступивше. 46 Так в РА, в Лавр. и. 47 Так в РА, в Лавр. согрѣшивше. 48 Исправл. по Ип., Х и Ком., в Лавр наведенье. 49 Так в РА, в Лавр мѣхъ. 50 Так в РА, в Лавр наимнику. 51 Так в РА, в Лавр. усты же. 52 Так в РА, в Лавр. не послушахъ. 53 Так в РА, в Лавр. вожа. 54 Исправл. по Ип., Х и Ком., в Лавр. одожди. 55 Так в РА, в Лавр. глаголете. 56 Так в РА, в Лавр. ни. 57 Так в РА, и Лавр. дравье. 58 Так в РА, в Лавр. нача люди его корити. 59 Так в РА, в Лавр. половину. 60 Так в РА, в Лавр. стоящю. 61 Так Ип., Х, в Лавр. нь. 62 Так в РА, в Лавр. Сньви. 63 Исправл. по Ком., в Лавр. крестомъ. 64 Так в РА, в Лавр. Ничто.
1069 65 Так в Ип., Х, в Лавр. видѣша. 66 Так в Ип., Х, в Лавр. веде. 67 Так в РА, в Лавр зажгоша. 68 Так в Р, в Лавр. глаголюще. 69 Так в РА, в Лавр. своего. 70 Так
1071 в РА, в Лавр. Ятина. 71 Так в РА, в Лавр. насмѣхаются. 72 Так в РА, в Лавр. бывше. 73 Так в РА, в Лавр. скудити. 74 Так в РА, в Лавр. придут в погостѣ. 75 Так в РА, в Лавр. нарицаху. 76 Так в РА, в Лавр. си скору си. 77 Исправл. по смыслу, в Лавр. прорѣзавше. 78 Так в РА, в Лавр. въимаста 79 Так в РА, в Лавр. нее. 80 Так в РА, в Лавр. люди инѣ. 81 Так в РА, в Лавр. по. 82 Так в РА, в Лавр. обити. 83 Так в РА, в Лавр. имате. 84 Исправл. по Ип. и Х, в Лавр. е. 85 Так в РА, в Лавр. пере. 86 Исправл. по Шахматову («Пов. вр. лет», с. 224), в Лавр. ничто же. 87 Так в РА, в Лавр. от ся. 88 Так в А, в Лавр. ветъхомъ. 89 Так в РА, в Лавр. в не 90 Так в А, в Лавр сѣдя. 91 Так в РА, в Лавр. своими 92 Так в РА, в Лавр. не можьшь. 93 Так в РА, в Лавр. потергати. 94 Так в РА, в Лавр живы, следовало бы живома. 95 Так в Ип. и Х, в Лавр. е. 96 Так в А, в Лавр. приимше. 97 Так в Р, в Лавр. ведуще. 98 Так в РА, в Лавр. своее. 99 Так в РА, в Лавр. человѣчьское. 100 Так в А, в Лавр. г.

XII. 1 Так в Р, в Лавр. оцѣпъ. 2 Так в РА, в Лавр. новгорьцю. 3 Так в РА, в Лавр. что 4 Добавл. из Ип. 5 Так в РА, в Лавр. небомь. 6 Так в РА, в Лавр ангели. 7 Так в РА, в Лавр. се первое чароды. 8 Так в РА, в Лавр. еже. 9 Так в РА, в Лавр. человечьскыи. 10 Так в РА, в Лавр. Анни и Маврий. 11 Внесено из Ип., с поправкой Шахматова («Пов. вр. лет», с. 228), в Ип. творяшеть. 12 Так в РА, в Лавр. Конобъ. 13 Добавл. из Р. 14 Добавл. из РА. 15 Так в РА, в Лавр. проповѣдь.
1072 16 Так в РА, в Лавр. проповѣжь. 17 Так в Р, в Лавр. пронесошася. 18 Так в РА, в
1073 Лавр. свѣщѣ. 19 Так в РА, в Лавр. вонѣ. 20 Исправл. по Ип. и Х, в Лавр. преступивше. 21 Так в РА, в Лавр. на прогнатье. 22 Так в РА, в Лавр. преступающе. 23 Исправл. по
1074 Ип., Х и Ком., в Лавр. же. 24 Так в РА, в Лавр. и митрополиту. 25 Так в А, в Лавр. приходяще. 26 Исправл. по Ип., в Лавр. вгажающе. 27 Исправл. по смыслу, в Лавр. ему. 28 Исправл. по Ип. и Х, в Лавр. пронырьства. 29 Так в РА, в Лавр. симь бо. 30 Так в Ип., в Лавр. к. 31 Так в А, в Лавр. менша. 32 Так в РА, в Лавр. тѣла. 33 Так в А, в Лавр. преображено. 34 Так в РА, в Лавр. видѣвъ. 35 Так в РА, в Лавр. постившеся. 36 Так в А, в Лавр. показая. 37 Так в РА, в Лавр. искориша. 38 Так в РА, в Лавр. се. 39 Так в Р, в Лавр. малым. 40 Так в РА, в Лавр. ве сь. 41 Исправл. по Х, в Лавр. наставше. 42 Так в А, в Лавр. цѣловавъ. 43 Так в РА, в Лавр. послушамъ. 44 Так в РА, в Лавр. отступивше. 45 Так в РА, в Лавр. и и. 46 Отсюда в РА большой пропуск. 47 Так в Ип., в Лавр. начне. 48 Так в Ип., в Лавр буди. 49 Так в Ип., в Лавр. труды и. 50 После Феодосий явный пропуск (ср. несогласованность со след.). 51 Исправл. по Ип., в Лавр. имя. 52 Так в Ип., в Лавр. сдержьци. 53 Так в Ип., в Лавр. сверженъ. 54 Исправл. по смыслу, в Лавр Дамьянъ. 55 Отсюда снова начинаются РА. 56 Исправл. по Ип., в Лавр. разумѣвъ. 57 Так в РА, в Лавр. к нему. 58 Исправл. по Ип., Х, в Лавр. цвѣткы. 59 Исправл. по смыслу, в Лавр. се. 60 Исправл. по Ип., в Лавр. единому. 61 Исправл. по Ип., Х, в Лавр. рече. 62 Исправл. по смыслу, в Лавр. провидъ. 63 Так в А, в Лавр. почивъ.

[64] Так в РА, в Лавр. взложи. [65] Так в Р, в Лавр. Се. [66] Так в РА, в Лавр. облече.
[67] Так в РА, в Лавр. солнца восья. [68] Исправл. по Ип., Х, в Лавр. глаголюща. [69] Так
в РА, в Лавр. выступя и. [70] Так в РА, в Лавр. глуси. [71] Так в РА, в Лавр. живного.
[72] Так в РА, в Лавр. откопаше. [73] Так в РА, в Лавр. присла. [74] Так в РА, в Лавр.
мѣста. [75] Так в РА, в Лавр. к сбѣ. [76] Так в РА, в Лавр. плеваше. [77] Так в РА,
в Лавр. слыша. [78] Так в РА, в Лавр. посажашеть. [79] Так в А, в Лавр. преже.
[80] Исправл. по Х, в Лавр. входя. [81] Так в РА, в Лавр. станяше. [82] Так в РА, в Лавр.
г. [83] Так в РА, в Лавр. приготоваша. [84] Так в РА, в Лавр. поваръ бѣ. [85] Так в
РА, в Лавр. се. [86] Так в РА, в Лавр. ще. [87] Так в РА, в Лавр. основанье. [88] Так 1075
в Р, в Лавр. Соломону. [89] Так в РА, в Лавр. бѣже. [90] Так в РА, в Лавр. бо. [91] Так 1078
в РА, в Лавр. порѣяни мнози. [92] Так в РА, в Лавр. пегубленье. [93] Исправл. по
Ип., Х, в Лавр. цѣловавшеся. [94] Так в РА, в Лавр. лишенъ быхъ. [95] Так в РА, в
Лавр. отвориша. [96] Так в Р, в Лавр. послевѣ. [97] Так в РА, в Лавр. строема. [98] Так
в РА, в Лавр. хватся. [99] Так в РА, в Лавр. подоста. [100] Так в РА, в Лавр. продолжьже.
XIII, [1] Добавл. из Ип. [2] Так в РА, в Лавр. не вздая. [3] Так в РА, в Лавр. взда.
[4] Добавл. из РА. [5] Так в РА, в Лавр. любовь. [6] Так в РА, в Лавр. переима. [7] К 1079
Лавр. убье приписано окончание из РА, где бьение. [8] Так в Р, в Лавр. пришедше. 1083
[9] Так в Р, в Лавр. Всеводъ. [10] Так в РА, в Лавр. свѣтникъ. [11] Так в Р, в Лавр. 1084
увѣда. [12] Так в А, в Лавр. дни. [13] Так в РА, в Лавр. наученья. [14] Так в РА, в 1086
Лавр. й. [15] Так в Р, в Лавр. трькрятый. [16] Так в РА, в Лавр. чюжю. [17] Исправл.
по смыслу, в Лавр. державному. [18] Исправл. по смыслу, в Лавр. чадома. [19] Исправл. 1089
по смыслу, в Лавр. Володимера. [20] Исправл. по смыслу, в Лавр. Ростислава. [21] Так
в РА, в Лавр. нареченая. [22] Так в РА, в Лавр. намъ. [23] Так в РА, в Лавр. се.
[24] Так в РА, в Лавр. просто рещи. [25] Так в А, в Лавр. церковныими ссуды. [26] Так
в РА, в Лавр. Се. [27] Так в А, в Лавр. свѣтъ. [28] Так в РА, в Лавр. то. [29] Так в 1091
РА, в Лавр. свѣтъ. [30] Так в Ип., в Лавр. 7. [31] Так в А, в Лавр. трудивъся. [32] Так
в РА, в Лавр. ударивше. [33] Исправл. по смыслу, в Лавр. то. [34] Так в РА, в Лавр.
кыими. [35] Так в Р, в Лавр. пренесять. [36] Так в РА, в Лавр. Климета. [37] Так в
РА, в Лавр. сстави. [38] Так в РА, в Лавр. бо. [39] Исправл. по смыслу, в Лавр. другоиця.
[40] Так в РА, в Лавр. явьная. [41] Так в РА, в Лавр. принесше ю. [42] Так в РА, в Лавр.
сии. [43] Исправл. по смыслу, в Лавр. не. [44] Так в РА, в Лавр. ошествии. [45] Добавл.
из Р. [46] Исправл. Шахматовым («Пов. вр. лет», с. 270), в Лавр. стопамъ. [47] Добавл.
Шахматовым (там же). [48] Добавл. по Патерику. [49] Так в РА, в Лавр. козни.
[50] В Лавр. дважды в се же лѣто. [51] Так в РА, в Лавр. въ мечтѣ ны. [52] Так в Р, в 1092
Лавр. наявѣ. [53] Исправл. по смыслу, в Лавр. продающе. [54] Так в РА, в Лавр. пьяства. 1093
[55] Исправл., в Лавр. Се. [56] Так в РА, в Лавр. болше. [57] Так в А, в Лавр. печаль.
[58] Так в А, в Лавр. свѣдуще. [59] Здесь в Лавр. добавл. до. [60] Так в РА, в Лавр.
плакавъся. [61] Так в РА, в Лавр. приближися. [62] Так в РА, в Лавр. от отца. [63] Так
в РА, в Лавр. строя. [64] Так в РА, в Лавр. но свѣтъ. [65] Так в РА, в Лавр. не.
[66] Так в РА, в Лавр. то. [67] Исправл. по Ип., в Лавр. уладившеся. [68] Так в РА, в
Лавр. имате. [69] Так в РА, в Лавр. Стужьнѣ. [70] Так в Р, в Лавр. свѣтъ. [71] Добавл.
из А. [72] Исправл., в Лавр. съвѣто. [73] Так в РА, в Лавр. валомъ. [74] В РА налягоша,
в Лавр. налегша. [75] Так в РА, в Лавр. пебредъ. [76] Так в РА, в Лавр. пришедъ.
[77] Исправл., в Лавр. стояше. [78] Так в РА, в Лавр. одина. [79] Так в РА, в Лавр.
выииде. [80] Так в РА, в Лавр. На заутрие яже. [81] Так в Р, в Лавр. святою. [82] Так
в А, в Лавр. поганым. [83] Так в РА, в Лавр. вашей. [84] Так в РА, в Лавр. приходя в
мѣста. [85] Так в РА, в Лавр. идѣ. [86] Так в РА, в Лавр. хоженьемь. [87] Исправл., в
Лавр. тоще. [88] Исправл., в Лавр. вставить. [89] Так в Ип., в Лавр. волею. [90] Так в
Ип., в Лавр. незнаемии. [91] Так в РА, в Лавр. дѣюще. [92] Так в РА, в Лавр. взбраняцю. 1094
[93] Так в РА, в Лавр. яша. [94] Так в РА, в Лавр. друженою. [95] Так в РА, в Лавр. 1095
тларевы. [96] Так в РА, в Лавр. хотяще. [97] Исправл., в Лавр. рокоша. [98] Так в А,
в Лавр. вѣдуче. [99] Так в РА, в Лавр. яже. [100] Так в А, в Лавр. суще.
XIV, [1] Добавл. из РА. [2] Добавл. из Р. [3] Так в РА, в Лавр. и верхъ. [4] Так в
РА, в Лавр. прима. [5] Исправл., в РА веляще, в Лавр. веляста. [6] Исправл., в Лавр.
и. [7] Так в РА, в Лавр. посла. [8] Исправл. по Ип., в Лавр. глаголюще. [9] Исправл.,
в Лавр. то. [10] Так в Р, в Лавр. стояще. [11] Так в РА, в Лавр. е. [12] Так в РА, в
Лавр. не идоша. [13] Исправл. по Х, в Лавр. Мрину. [14] Так в РА, в Лавр. юргевци,

1096 съ *опущено.* [15] *Добавл. из Ип.* [16] *Так в РА, в Лавр.* ядуща. [17] *Так в РА, в Лавр.* посла. [18] *Так в РА, в Лавр.* светникъ. [19] *Так в А, в Лавр.* свѣтъ. [20] *Так в РА, в Лавр.* рекоста. [21] *Так в Р, в Лавр.* стояше. [22] *Исправл., в Лавр.* рекъше. [23] *Так в А, в Лавр.* г. [24] *Исправл. по Ип., в Лавр.* исполчившеся. [25] *Добавл. из А.* [26] *Так в А, в Лавр.* иноплеменьци. [27] *Так в РА, в Лавр.* мертвого и взяша. [28] *Так в РА, в Лавр.* г. [29] *Так в РА, в Лавр.* идуще. [30] *Так в РА, в Лавр.* г. [31] *Так в РА, в Лавр.* в. [32] *Так в РА, в Лавр.* износяху. [33] *Так в РА, в Лавр.* еже. [34] *Так в А, в Лавр.* просторонство. [35] *Исправл. по смыслу, в Лавр.* уготовании. [36] *Так в РА, в Лавр.* пожениши. [37] *Так в А, в Лавр.* Нитривьскыя. [38] *Так в РА, в Лавр.* тортъмени. [39] *Так в РА, в Лавр.* имена. [40] *Так в РА, в Лавр.* Лютову. [41] *Так в РА, в Лавр.* тортмени. [42] *Так в РА, в Лавр.* г. [43] *Текст Поучения только в Лавр. списке.* [44] *Исправл. Миклошича, в Лавр.* нареченѣмь. [45] *Затем следует пропуск 4 1/2 строки; начала Поучения недостает. Поучение, писанное полууставом конца XVIII в. и находящееся в рукописи XV в. Археографической комиссии № 240, л. 306* (*ныне в Архиве Санкт-Петербургского филиала Института российской истории РАН*), *имеет недостающие строки:* «во благочестии наказанъ, чаадомъ моимъ преспеяти в добродетеляхъ, желая, се пишу поученье вамъ взлюблении». *В каком отношении находятся эти слова к оригиналу Поучения Владимира Мономаха, сказать трудно.* [46] *Исправл. Миклошича* (*с. 146*), *в Лавр.* ому же любо. [47] *Исправл. согласно с текстом псалма, в Лавр.* упова. [48] *Исправл. Миклошича, в Лавр.* бурющися. [49] *Исправл. Миклошича согласно с текстом псалма, в Лавр.* яко. [50] *Добавл. Карского* (*изд. Лавр. лет., с. 243*). [51] *Исправл. Миклошича, в Лавр.* благочестно. [52] *Исправл. Ивакина, в Лавр.* любо. [53] *Добавл. по смыслу.* [54] *Исправл. Миклошича, в Лавр.* яже. [55] *Исправл. Ивакина, в Лавр.* и. [56] *Исправл. Ивакина, в Лавр.* придавайте. [57] *Исправл. Миклошича, в Лавр.* погубляете. [58] *Здесь, возможно, пропуск.* [59] *Исправл. по смыслу, в Лавр.* честны. [60] *Исправл. Ивакина, в Лавр.* и. [61] *Исправл. Миклошича, в Лавр.* всего. [62] *Исправл. по смыслу, в Лавр.* мо. [63] *Исправл. Миклошича, в Лавр.* и. [64] *Добавл. Погодина.* [65] *Исправл. Ивакина, в Лавр.* Скордятичемъ. [66] *Добавл. по смыслу.* [67] *Исправл. Ивакина, в Лавр.* ожгоша. [68] *Исправл. Ивакина, в Лавр.* избиша. [69] *Исправл. Ивакина, в Лавр.* яша. [70] *Исправл. Ивакина, в Лавр.* и по Святополцѣ, на Сулѣ бившеся съ половци до вечера, быхом... [71] *Исправл. Миклошича, в Лавр.* Глѣбови. [72] *Здесь в середине страницы пергамен прорван, от слова* граблю *уцелел слог* лю, *а от слова* съжаливъси — жаливъси. [73] *Исправл. Миклошича, в Лавр.* своего. [74] *Исправл. Ивакина, в Лавр.* внидохом. [75] *Исправл. Ивакина, в Лавр.* избиша и. [76] *Исправл. Ивакина, в Лавр.* поимаша. [77] *Исправл. Ивакина, в Лавр.* и с половецъ и читѣевичи. [78] *Исправл. Ивакина, в Лавр.* И се нынѣ иду Ростову. [79] *Вероятен пропуск, значение текста неясно.* [80] *Исправл. по смыслу, в Лавр.* Апою. [81] *Исправл. Ивакина, в Лавр.* в воину. [82] *Исправл. по смыслу, в Лавр.* очитивше. [83] *Исправл. Ивакина, в Лавр.* нестишь. [84] *Исправл. Ивакина, в Лавр.* Овчины. [85] *Исправл. Ивакина, в Лавр.* Славлий. [86] *Здесь в середине листа прорван пергамен, текст восстанавливается гипотетически.* [87] *Текст восстанавливается гипотетически.* [88] *Исправл. Миклошича, в Лавр.* иже. [89] *Исправл. Ивакина* (*Миклошич предлагает* по Роси), *в Лавр.* по Рови. [90] *Исправл., в Лавр.* емь. [91] *Исправл. Миклошича, в Лавр.* но. [92] *Исправл. Миклошича, в Лавр.* отче. [93] *Отсюда начинается Письмо Мономаха к Олегу.* [94] *Добавл. из псалма CXXXII, 1.* [95] *Исправл. Миклошича, в Лавр.* дѣтех. [96] *Исправл., в Лавр.* хоче. [97] *В Лавр.* сваживаживает. [98] *Исправл.* (*ср. ниже* послушахъ сына своего), *в Лавр.* твой. [99] *Исправл., в Лавр.* мужьство. [100] *Исправл., в Лавр.* погуби.

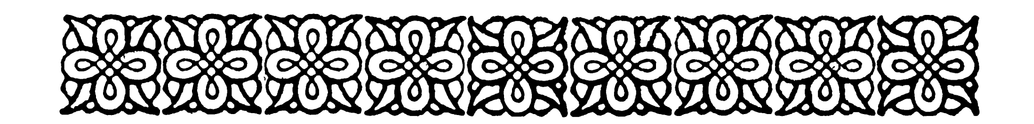
XV. 1 *Добавл. Миклошичем.* [2] *Исправл., в Лавр.* поротѣ. [3] *Исправл. Миклошича, в Лавр.* свои. [4] *Добавл. по смыслу.* [5] *Исправл. Миклошича, в Лавр.* створи. [6] *Исправл. Ивакина, в Лавр.* словомь. [7] *Исправл., в Лавр.* да не. [8] *Исправл. Миклошича, в Лавр.* дѣти отци наших. [9] *Добавл. Миклошичем.* [10] *Исправл., в Лавр.* десять. [11] *Исправл. Миклошича, Лавр.* же. [12] *Исправл. Ивакина, в Лавр.* своего. [13] *Исправл. Ивакина, в Лавр.* ли. [14] *Может быть, пропуск.* [15] *Исправл. Ивакина* (*Миклошич предложил* мила ся дѣюща, *Соловьев* (*Ист. России, т. 2, примеч. 115*) — милующися), *в Лавр.* милкусяюча. [16] *На этом слове оканчивается выписка из Письма Мономаха к Олегу, и далее следует отрывок молитвенного содержания.* [17] *Исправл.,*

в Лавр. впити. 18 Исправл., в Лавр. испытая. 19 Исправл. Ивакина по Миклошичу, в
Лавр. крѣпимся, и тобѣ ся надѣем, побѣжаем. 20 Исправл., в Лавр. погружающася.
21 Исправл., в Лавр. всяко. 22 Исправл. Миклошича, в Лавр. рожьшая. 23 Исправл.
по Миклошичу, в Лавр. рожьшася. 24 Исправл., в Лавр. ме. 25 Так в РА, в Лавр.
яже. 26 Так в РА, в Лавр. сѣдять. 27 Так в РА, в Лавр. нѣ есмы. 28 Добавл. из
РА. 29 Так в РА, в Лавр. папа Римскый. 30 Так в РА, в Лавр. и взиде. 31 Так в
РА, в Лавр. Нелфетова. 32 Так в РА, в Лавр. и. 33 Добавл. из Р. 34 Так в РА,
в Лавр. огнем взяти. 35 Так в А, в Лавр. тривьскыя. 36 Исправл. по смыслу, в Лавр.
иже. 37 Так в РА, в Лавр. в семь Олегъ. 38 Исправл. по Ип., в Лавр. шедъ. 39 Так
в РА, в Лавр. сдумавъ. 40 Так в РА, в Лавр. а Мстислав. 41 Так в РА, в Лавр.
установився. 42 Добавл. из Ип. 43 Добавл. из А. 44 Исправл. по Ип., в Лавр.
Волзѣ. 45 Так в РА, в Лавр. Давъдъ. 46 Исправл., в Лавр. Изяславль. 47 Ис- 1097
правл., в Лавр. Всеволожь. 48 Исправл., в Лавр. и Святославъ. 49 Исправл., в Лавр.
и Василкови. 50 Исправл., в Лавр. нашь. 51 Так в А, в Лавр. словомъ. 52 Так в
РА, в Лавр. и. 53 Так в РА, в Лавр. да узришь. 54 Так в РА, в Лавр. кияны. 55 Так
в РА, в Лавр. а оно мнѣ цѣловавше. 56 Так в РА, в Лавр. товаровамъ. 57 Исправл.
по Ип., в Лавр. хотять. 58 Исправл., в Лавр. рѣше. 59 Так в РА, в Лавр. кня.
60 Исправл. по Ип., в Лавр. увѣша. 61 Исправл. по Ип., в Лавр. княжи. 62 Так в РА,
в Лавр. остря. 63 Так в РА, в Лавр. простерше. 64 Так в РА, в Лавр. попадь.
65 Исправл., в Лавр. вверже. 66 Так в РА, в Лавр. на. 67 Исправл. по РА, в Лавр.
сбиша. 68 Так в РА, в Лавр. упрѣвыи. 69 Так в Р, в Лавр. хоче. 70 Так в РА, в
Лавр. Поборину. 71 Так в Р, в Лавр. побарающа. 72 Исправл. по Х, в Лавр. целоваше.
73 Так в РА, в Лавр. молвивъ. 74 Добавл. из Ип., Х. 75 Так в РА, в Лавр. имя.
76 Так в РА, в Лавр. то. 77 Так в РА, в Лавр. пошлю и. 78 Так в Р, в Лавр. хоче.
79 Так в Р, в Лавр. е. 80 Так в Ип., Х, в Лавр. к тобѣ. 81 Так в А, в Лавр. хотях.
82 Так в РА, в Лавр. помослилъ. 83 Исправл., в Лавр. свѣтъ. 84 Так в РА, в Лавр.
Васалко. 85 Так в А, в Лавр. послаша. 86 Так в РА, в Лавр. глаголя. 87 В РА мы
не придохомъ, в Лавр. не вѣ ли придохомъ; исправл. по смыслу. 88 Так в РА, в Лавр.
а не. 89 Так в РА, в Лавр. дайте. 90 Так в РА, в Лавр. снемши. 91 Так в РА, в
Лавр. поиде же. 92 Так в РА, в Лавр. ся. 93 Отсюда пропуск в РА. 94 Исправл.,
в Лавр. свѣтъ. 95 Исправл. по Ип., Х, в Лавр. цѣловаше. 96 Так в Ип., в Лавр.
прогна. 97 Исправл., в Лавр. вземше. 98 Исправл., в Лавр. приступи. 99 Исправл.
по Ип., в Лавр. Колманъ. 100 Исправл., в Лавр. чинь же.

XVI, 1 Добавл. по смыслу. 2 Так в Ип., в Лавр. множецею. 3 Добавл. из Ип.
4 Отсюда вновь продолжаются РА. 5 Так в РА, в Лавр. грѣдѣ. 6 Так в РА, в Лавр.
поступиша. 7 Так в РА, в Лавр. вежеми. 8 Так в Ип., в Лавр. овѣм. 9 Так в РА,
в Лавр. Святополку. 10 Так в РА, в Лавр. глаголя. 11 Добавл. из РА. 12 Так в РА,
в Лавр. приде. 13 Исправл., в Лавр. нь. 14 Так в РА, в Лавр. выиниде. 15 Так в 1100
РА, в Лавр. том же мѣсяци. 16 Так в РА, в Лавр. иго. 17 Здесь в Лавр. прорван
пергамен, от слова зла осталась только буква а. 18 Так в РА, в Лавр. Остромѣ.
19 Добавл. из Р. 20 Так в РА, в Лавр. половьцскый. 21 Так в РА, в Лавр. имѣлѣ. 1101
22 Исправл. по Ип., Х, в Лавр. новгорци. 23 Так в А, в Лавр. дугъ. 24 Так в РА, в 1102
Лавр. черньци. 25 Так в РА, в Лавр. Володимеръ. 26 Так в РА, в Лавр. на смерды и 1103
погубити ѣ. 27 Так в РА, в Лавр. имя. 28 Исправл., в Лавр. то. 29 Так в РА, в
Лавр. послаша. 30 Так в РА, в Лавр. глаголя. 31 Так в РА, в Лавр. повци. 32 Так
в РА, в Лавр. пѣши. 33 Так в РА, в Лавр. выше. 34 В этом месте в Лавр. прорван
пергамен, сохранились лишь буквы вс. 35 Так в РА, в Лавр. доступившо бо. 36 Так
в РА, в Лавр. секуща. 37 Так в РА, в Лавр. ходивши. 38 Так в РА, в Лавр. поча. 1107
39 Так в РА, в Лавр. имѣяше. 40 Исправл., в Лавр. ноли. 41 Так в РА, в Лавр. 1108
Феодосьва. 42 Так в РА, в Лавр. Феоклистѣ. 43 Исправл., в Лавр. Феоклисту.
44 Так в РА, в Лавр. зборѣхъ. 45 Так в РА, в Лавр. заложенѣей. 46 Добавл. из Х. 1110
47 Так в РА, в Лавр. се. 48 Так в Ип., в Лавр. лиць. 49 Так в РА, в Лавр. Акоже.
50 Так в Р, в Лавр. полящь. 51 Исправл., в Лавр. показають. 52 Так в РА, в Лавр. бо.
53 Исправл., в Лавр. се. 54 Так в Х, в Ип. во. 55 Исправл., в Ип. кую. 56 Так в
Х, в Ип. ти. 57 Так в Х, в Ип. бличенье мое. 58 Так в Х, в Ип. лошадьку. 59 Так 1111
в Х, в Ип. Пслъ. 60 Исправл. по Воскр., в Ип. полкы. 61 Исправл., в Ип. прозрѣти.
62 Так в Х, в Ип. образомъ. 63 Исправл. по Амартолу, в Ип. прогнѣваныя. 64 Добавл.

из Амартола. [65] *Так в Х, в Ип.* слава. [66] *Так в Х, в Ип.* избѣ. [67] *Исправл. по*
Амартолу, в Ип. родите. [68] *Исправл. по Амартолу, в Ип.* Аще. [69] *Исправл. по*
Амартолу, в Ип. сборники. [70] *Исправл. по Амартолу, в Ип.* от него. [71] *Добавл. из*
Ипполита (De Lagarde P. A. Hippolyti Romani quae reperiuntur omnia Graece B., 1858,
1112 *P. 161).* [72] *Так в Х, в Ип.* свѣтъ. [73] *Добавл., в Х нет* индикта. [74] *В Ип. добавл.*
1114 на, *причем* н *соскоблено; в Х* на *нет.* [75] *Слово* жена *в Ип. соскоблено.* [76] *Так в*
Воскр., в Ип. и. [77] *Исправл. по Амартолу, в Ип.* право. [78] *Исправл. по Малале, в*
1116 *Ип.* всажену. [79] *Исправл., в Ип.* предложимъ. [80] *Так в Х, в Ип.* невѣгласи.
1117 [81]Мѣньску *исправл. по Лавр., Воскр., в Ип. и Х* Смоленьску. [82] *Исправл., в Ип.*
Ольговичь. [83] *Здесь, по-видимому, пропуск:* Борису и Глебу.

В «Разночтениях» приняты следующие сокращения: *А* — Московско-Академическая летопись, *Акад.* — Академический список Новгородской первой летописи, *Воскр.* — Воскресенская летопись, *Ип.* — Ипатьевская летопись, *Ком.* — Комиссионный список Новгородской первой летописи, *Лавр.* — Лаврентьевская летопись, *Ник.* — Никоновская летопись, *Новг. IV* — Новгородская четвертая летопись, *Р* — Радзивиловская летопись, *Соф.* — Софийская первая летопись, *Соф. II* — Софийская вторая летопись, *Т* — Троицкая летопись, *Тверск.* — Тверской сборник, *Х* — Хлебниковский список Ипатьевской летописи, *Эрм.* — Эрмитажный список свода 1479 г.



Перевод

ВОТ ПОВЕСТИ МИНУВШИХ ЛЕТ, ОТКУДА ПОШЛА РУССКАЯ ЗЕМЛЯ, КТО В КИЕВЕ СТАЛ ПЕРВЫМ КНЯЖИТЬ И КАК ВОЗНИКЛА РУССКАЯ ЗЕМЛЯ

Так начнем повесть сию.

По потопе трое сыновей Ноя разделили землю — Сим, Хам, Иафет. И достался восток Симу: Персия, Бактрия, даже и до Индии в долготу, а в ширину до Ринокорура, то есть от востока и до юга, и Сирия, и Мидия до реки Евфрат, Вавилон, Кордуна, ассирияне, Месопотамия, Аравия Старейшая, Елимаис, Инди, Аравия Сильная, Колия, Коммагена, вся Финикия.

Хаму же достался юг: Египет, Эфиопия, соседящая с Индией, и другая Эфиопия, из которой вытекает река эфиопская Красная, текущая на восток, Фивы, Ливия, соседящая с Киринией, Мармария, Сирты, другая Ливия, Нумидия, Масурия, Мавритания, находящаяся напротив Гадира. В его владениях на востоке находятся также: Киликия, Памфилия, Писидия, Мисия, Ликаония, Фригия, Камалия, Ликия, Кария, Лидия, другая Мисия, Троада, Эолида, Вифиния, Старая Фригия и острова некии: Сардиния, Крит, Кипр и река Геона, иначе называемая Нил.

Иафету же достались северные страны и западные: Мидия, Албания, Армения Малая и Великая, Каппадокия, Пафлагония, Галатия, Колхида, Босфор, Меоты, Деревия, Сарматия, жители Тавриды, Скифия, Фракия, Македония, Далматия, Малосия, Фессалия, Локрида, Пелéния, которая называется также Пелопоннес, Аркадия, Эпир, Иллирия, славяне, Лихнития, Адриакия, Адриатическое море. Достались и острова: Британия, Сицилия, Эвбея, Родос, Хиос, Лесбос, Китира, Закинф, Кефаллиния, Итака, Керкира, часть Азии, называемая Иония, и река Тигр, текущая между Мидией и Вавилоном; до Понтийского моря на север: Дунай, Днестр, Кавкасинские горы, то есть Венгерские, а оттуда до Днепра, и прочие реки: Десна, Припять, Двина, Волхов, Волга, которая течет на восток в часть Симову. В Иафетовой же части сидят русские, чудь и всякие народы: меря, мурома, весь, мордва, заволочская чудь, пермь, печера, ямь, угра, литва,

зимигола, корсь, летгола, ливы. Ляхи же и пруссы, чудь сидят близ моря Варяжского. По этому морю сидят варяги: отсюда к востоку — до пределов Симовых, сидят по тому же морю и к западу — до земли Английской и Волошской. Потомство Иафета также: варяги, шведы, норманны, готы, русь, англы, галичане, волохи, римляне, немцы, корлязи, венецианцы, фряги и прочие, — они примыкают на западе к южным странам и соседят с племенем Хамовым.

Сим же, Хам и Иафет разделили землю, бросив жребий, и порешили не вступать никому в долю брата, и жили каждый в своей части. И был единый народ. И когда умножились люди на земле, замыслили они создать столп до неба, — было это в дни Нектана и Фалека. И собрались на месте поля Сенаар строить столп до неба и около него город Вавилон; и строили столп тот 40 лет, и не свершили его. И сошел Господь Бог видеть город и столп, и сказал Господь: «Вот род един и народ един». И смешал Бог народы, и разделил на 70 и 2 народа, и рассеял по всей земле. По смешении же народов Бог ветром великим разрушил столп; и находятся остатки его между Ассирией и Вавилоном, и имеют в высоту и в ширину 5433 локтя, и много лет сохраняются эти остатки.

По разрушении же столпа и по разделении народов взяли сыновья Сима восточные страны, а сыновья Хама — южные страны, Иафетовы же взяли запад и северные страны. От этих же 70 и 2 язык произошел и народ славянский, от племени Иафета — так называемые норики, которые и есть славяне.

Спустя много времени сели славяне по Дунаю, где теперь земля Венгерская и Болгарская. От тех славян разошлись славяне по земле и прозвались именами своими от мест, на которых сели. Так одни, придя, сели на реке именем Морава и прозвались морава, а другие назвались чехи. А вот еще те же славяне: белые хорваты, и сербы, и хорутане. Когда волохи напали на славян дунайских, и поселились среди них, и притесняли их, то славяне эти пришли и сели на Висле и прозвались ляхами, а от тех ляхов пошли поляки, другие ляхи — лутичи, иные — мазовшане, иные — поморяне.

Так же и эти славяне пришли и сели по Днепру и назвались полянами, а другие — древлянами, потому что сели в лесах, а другие сели между Припятью и Двиною и назвались дреговичами, иные сели по Двине и назвались полочанами, по речке, впадающей в Двину, именуемой Полота, от нее и назвались полочане. Те же славяне, которые сели около озера Ильменя, назывались своим именем — славянами, и построили город, и назвали его Новгородом. А другие сели по Десне, и по Сейму, и по Суле, и назвались северянами. И так разошелся славянский народ, а по его имени и грамота назвалась славянской.

Когда же поляне жили отдельно по горам этим, тут был путь из Варяг в Греки и из Греков по Днепру, а в верховьях Днепра — волок до Ловоти, а по Ловоти можно войти в Ильмень, озеро великое; из этого же озера вытекает Волхов и впадает в озеро великое Нево, и устье того озера впадает в море Варяжское. И по тому морю можно плыть до Рима, а от Рима можно приплыть по тому же морю к Царьграду, а от Царьграда можно приплыть в Понт море, в которое впадает Днепр река. Днепр же вытекает из

Оковского леса и течет на юг, а Двина из того же леса течет, и направляется на север, и впадает в море Варяжское. Из того же леса течет Волга на восток и впадает семьюдесятью устьями в море Хвалисское. Поэтому из Руси можно плыть по Волге в Болгары и в Хвалисы, и на восток пройти в удел Сима, а по Двине — в землю варягов, от варягов до Рима, от Рима же и до племени Хамова. А Днепр впадает устьем в Понтийское море; это море слывет Русским, — по берегам его учил, как говорят, святой Андрей, брат Петра.

Когда Андрей учил в Синопе и прибыл в Корсунь, узнал он, что недалеко от Корсуня устье Днепра, и захотел отправиться в Рим, и проплыл в устье днепровское, и оттуда отправился вверх по Днепру. И случилось так, что он пришел и стал под горами на берегу. И утром встал и сказал бывшим с ним ученикам: «Видите ли горы эти? На этих горах воссияет благодать Божия, будет город великий, и воздвигнет Бог много церквей». И взойдя на горы эти, благословил их, и поставил крест, и помолился Богу, и сошел с горы этой, где впоследствии будет Киев, и пошел вверх по Днепру. И пришел к славянам, где нынче стоит Новгород, и увидел живущих там людей — каков их обычай и как моются и хлещутся, и удивился им. И отправился в страну варягов, и пришел в Рим, и поведал о том, как учил и что видел, и рассказал: «Диво видел я в Славянской земле на пути своем сюда. Видел бани деревянные, и натопят их сильно, и разденутся и будут наги, и обольются квасом кожевенным, и поднимут на себя прутья молодые и бьют себя сами, и до того себя добьют, что едва вылезут, чуть живые, и обольются водою студеною, и только так оживут. И творят это постоянно, никем же не мучимые, но сами себя мучат, и то творят омовенье себе, а не мученье». Те же, слышав об этом, удивлялись; Андрей же, побыв в Риме, пришел в Синоп.

Поляне же жили в те времена отдельно и управлялись своими родами; ибо и до той братии (о которой речь в дальнейшем) были уже поляне, и жили они все своими родами на своих местах, и каждый управлялся самостоятельно. И были три брата: один по имени Кий, другой — Щек и третий — Хорив, а сестра их — Лыбедь. Сидел Кий на горе, где ныне подъем Боричев, а Щек сидел на горе, которая ныне зовется Щековица, а Хорив на третьей горе, которая прозвалась по имени его Хоривицей. И построили город в честь старшего своего брата и назвали его Киев. Был вокруг города лес и бор велик, и ловили там зверей, а были те мужи мудры и смыслены, и назывались они полянами, от них поляне и доныне в Киеве.

Некоторые же, не зная, говорят, что Кий был перевозчиком; был-де тогда у Киева перевоз с той стороны Днепра, отчего и говорили: «На перевоз на Киев». Если бы был Кий перевозчиком, то не ходил бы к Царьграду; а этот Кий княжил в роде своем, и когда ходил он к царю, то, говорят, что великих почестей удостоился от царя, к которому он приходил. Когда же возвращался, пришел он к Дунаю, и облюбовал место, и срубил городок невеликий, и хотел сесть в нем со своим родом, да не дали ему живущие окрест; так и доныне называют придунайские жители городище то — Киевец. Кий же, вернувшись в свой город Киев, тут и умер; и братья его Щек и Хорив и сестра их Лыбедь тут же скончались.

И после этих братьев стал род их держать княжение у полян, а у древлян было свое княжение, а у дреговичей свое, а у славян в Новгороде свое, а другое на реке Полоте, где полочане. От этих последних произошли кривичи, сидящие в верховьях Волги, и в верховьях Двины, и в верховьях Днепра, их же город — Смоленск; именно там сидят кривичи. От них же происходят и северяне. А на Белоозере сидит весь, а на Ростовском озере меря, а на Клещине озере также меря. А по реке Оке — там, где она впадает в Волгу, — мурома, говорящая на своем языке, и черемисы, говорящие на своем языке, и мордва, говорящая на своем языке. Вот только кто говорит по-славянски на Руси: поляне, древляне, новгородцы, полочане, дреговичи, северяне, бужане, прозванные так потому, что сидели по Бугу, а затем ставшие называться волынянами. А вот другие народы, дающие дань Руси: чудь, меря, весь, мурома, черемисы, мордва, пермь, печера, ямь, литва, зимигола, корсь, нарова, ливы, — эти говорят на своих языках, они — от колена Иафета и живут в северных странах.

Когда же славянский народ, как мы говорили, жил на Дунае, пришли от скифов, то есть от хазар, так называемые болгары, и сели по Дунаю, и были поселенцами на земле славян. Затем пришли белые угры и заселили землю Славянскую. Угры эти появились при царе Ираклии, и они воевали с Хосровом, персидским царем. В те времена существовали и обры, воевали они против царя Ираклия и чуть было его не захватили. Эти обры воевали и против славян и притесняли дулебов — также славян, и творили насилие женам дулебским: бывало, когда поедет обрин, то не позволял запрячь коня или вола, но приказывал впрячь в телегу трех, четырех или пять жен и везти его — обрина, — и так мучили дулебов. Были же эти обры велики телом, и умом горды, и Бог истребил их, умерли все, и не осталось ни одного обрина. И есть поговорка на Руси и доныне: «Погибли как обры», — их же нет ни племени, ни потомства. После обров пришли печенеги, а затем прошли черные угры мимо Киева, но было это после — уже при Олеге.

Поляне же, жившие сами по себе, как мы уже говорили, были из славянского рода и только после назвались полянами, и древляне произошли от тех же славян и также не сразу назвались древляне; радимичи же и вятичи — от рода ляхов. Были ведь два брата у ляхов — Радим, а другой — Вятко; и пришли и сели: Радим на Соже, и от него прозвались радимичи, а Вятко сел с родом своим по Оке, от него получили свое название вятичи. И жили между собою в мире поляне, древляне, северяне, радимичи, вятичи и хорваты. Дулебы же жили по Бугу, где ныне волыняне, а уличи и тиверцы сидели по Днестру и возле Дуная. Было их множество: сидели они по Днестру до самого моря, и сохранились города их и доныне; и греки называли их «Великая Скифь».

Все эти племена имели свои обычаи, и законы своих отцов, и предания, и каждые — свой нрав. Поляне имеют обычай отцов своих кроткий и тихий, стыдливы перед снохами своими и сестрами, матерями и родителями; перед свекровями и деверями великую стыдливость имеют; имеют и брачный обычай: не идет зять за невестой, но приводит ее накануне, а на следующий день приносят за нее — что дают. А древляне жили звериным обычаем,

жили по-скотски: убивали друг друга, ели все нечистое, и браков у них не бывало, но умыкали девиц у воды. А радимичи, вятичи и северяне имели общий обычай: жили в лесу, как и все звери, ели все нечистое и срамословили при отцах и при снохах, и браков у них не бывало, но устраивались игрища между селами, и сходились на эти игрища, на пляски и на всякие бесовские песни, и здесь умыкали себе жен по сговору с ними; имели же по две и по три жены. И если кто умирал, то устраивали по нем тризну, а затем делали большую колоду, и возлагали на эту колоду мертвеца, и сжигали, а после, собрав кости, вкладывали их в небольшой сосуд и ставили на столбах по дорогам, как делают и теперь еще вятичи. Этого же обычая держались и кривичи, и прочие язычники, не знающие закона Божьего, но сами себе устанавливающие закон.

Говорит Георгий в своем летописании: «Каждый народ имеет либо письменный закон, либо обычай, который люди, не знающие закона, соблюдают как предание отцов. Из них же первые — сирийцы, живущие на краю света. Имеют они законом себе обычаи своих отцов: не заниматься любодеянием и прелюбодеянием, не красть, не клеветать или убивать и, особенно, не делать зло. Таков же закон и у бактриан, называемых иначе рахманами или островитянами; эти по заветам прадедов и из благочестия не едят мяса и не пьют вина, не творят блуда и никакого зла не делают, имея великий страх Божьей веры. Иначе — у соседних с ними индийцев. Эти — убийцы, сквернотворцы и гневливы сверх всякой меры; а во внутренних областях их страны — там едят людей, и убивают путешественников, и даже едят, как псы. Свой закон и у халдеян, и у вавилонян: матерей брать на ложе, блуд творить с детьми братьев и убивать. И всякое бесстыдство творят, считая его добродетелью, даже если будут далеко от своей страны.

Другой закон у гилий: жены у них пашут, и строят дома, и мужские дела совершают, но и любви предаются, сколько хотят, не сдерживаемые своими мужьями и не стыдясь; есть среди них и храбрые женщины, умелые в охоте на зверей. Властвуют жены эти над мужьями своими и повелевают ими. В Британии же несколько мужей с одною женою спят, и многие жены с одним мужем связь имеют и беззаконие как закон отцов совершают, никем не осуждаемые и не сдерживаемые. Амазонки же не имеют мужей, но, как бессловесный скот, единожды в году, близко к весенним дням, выходят из своей земли и сочетаются с окрестными мужчинами, считая то время как бы некиим торжеством и великим праздником. Когда же зачнут от них в чреве, — снова разбегутся из тех мест. Когда же придет время родить и если родится мальчик, то убивают его, если же девочка, то вскормят ее и прилежно воспитают».

Так вот и при нас теперь половцы держатся закона отцов своих: кровь проливают и даже хвалятся этим, едят мертвечину и всякую нечистоту — хомяков и сусликов, и берут своих мачех и невесток, и следуют иным обычаям своих отцов. Мы же, христиане всех стран, где веруют во святую Троицу, в единое крещение и исповедуют единую веру, имеем единый закон, поскольку мы крестились во Христа и во Христа облеклись.

По прошествии времени, после смерти братьев этих (Кия, Щека и Хорива), стали притеснять полян древляне и иные окрестные люди. И нашли их хазары сидящими на горах этих в лесах и сказали: «Платите нам дань». Поляне, посовещавшись, дали от дыма по мечу, и отнесли их хазары к своему князю и к старейшинам, и сказали им: «Вот, новую дань нашли мы». Те же спросили у них: «Откуда?». Они же ответили: «В лесу на горах над рекою Днепром». Опять спросили те: «А что дали?». Они же показали меч. И сказали старцы хазарские: «Не добрая дань эта, княже: мы добыли ее оружием, острым только с одной стороны, — саблями, а у этих оружие обоюдоострое — мечи. Им суждено собирать дань и с нас и с иных земель». И сбылось все это, ибо не по своей воле говорили они, но по Божьему повелению. Так было и при фараоне, царе египетском, когда привели к нему Моисея и сказали старейшины фараона: «Этому суждено унизить землю Египетскую». Так и случилось: погибли египтяне от Моисея, а сперва работали на них евреи. Так же и эти: сперва властвовали, а после над ними самими властвуют; так и есть: владеют русские князья хазарами и по нынешний день.

852 В год 6360, индикта 15, когда начал царствовать Михаил, стала прозываться Русская земля. Узнали мы об этом потому, что при этом царе приходила Русь на Царьград, как пишется об этом в летописании греческом. Вот почему с этой поры начнем и числа положим. «От Адама и до потопа 2242 года, а от потопа до Авраама 1000 и 82 года, а от Авраама до исхода Моисея 430 лет, а от исхода Моисея до Давида 600 и 1 год, а от Давида и от начала царствования Соломона до пленения Иерусалима 448 лет, а от пленения до Александра 318 лет, а от Александра до рождества Христова 333 года, а от Христова рождества до Константина 318 лет, от Константина же до Михаила сего 542 года». А от первого года царствования Михаила до первого года княжения Олега, русского князя, 29 лет, а от первого года княжения Олега, с тех пор как он сел в Киеве, до первого года Игорева 31 год, а от первого года Игоря до первого года Святославова 33 года, а от первого года Святославова до первого года Ярополкова 28 лет; а княжил Ярополк 8 лет, а Владимир княжил 37 лет, а Ярослав княжил 40 лет. Таким образом, от смерти Святослава до смерти Ярослава 85 лет; от смерти же Ярослава до смерти Святополка 60 лет.

Но возвратимся мы к прежнему и расскажем, что произошло в эти годы, как уже начали: с первого года царствования Михаила, и расположим по порядку года́.

853 В год 6361.

854 В год 6362.

855 В год 6363.

856 В год 6364.

857 В год 6365.

858 В год 6366. Царь Михаил отправился с воинами на болгар по берегу и морем. Болгары же, увидев, что не смогли противостоять им, попросили крестить их и обещали покориться грекам. Царь же крестил князя их и всех бояр и заключил мир с болгарами.

В год 6367. Варяги из заморья взимали дань с чуди, и со словен, и с меpи, и с кривичей. А хазары брали с полян, и с северян, и с вятичей по серебряной монете и по белке от дыма. *859*
В год 6368. *860*
В год 6369. *861*
В год 6370. Изгнали варяг за море, и не дали им дани, и начали сами собой владеть, и не было среди них правды, и встал род на род, и была у них усобица, и стали воевать друг с другом. И сказали себе: «Поищем себе князя, который бы владел нами и судил по праву». И пошли за море к варягам, к руси. Те варяги назывались русью, как другие называются шведы, а иные норманны и англы, а еще иные готландцы, — вот так и эти. Сказали руси чудь, словене, кривичи и весь: «Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами». И избрались трое братьев со своими родами, и взяли с собой всю русь, и пришли, и сел старший, Рюрик, в Новгороде, а другой, Синеус, — на Белоозере, а третий, Трувор, — в Изборске. И от тех варягов прозвалась Русская земля. Новгородцы же — те люди от варяжского рода, а прежде были словене. Через два же года умерли Синеус и брат его Трувор. И принял всю власть один Рюрик, и стал раздавать мужам своим города — тому Полоцк, этому Ростов, другому Белоозеро. Варяги в этих городах — находники, а коренное население в Новгороде — словене, в Полоцке — кривичи, в Ростове — меря, в Белоозере — весь, в Муроме — мурома, и над теми всеми властвовал Рюрик. И было у него два мужа, не родственники его, но бояре, и отпросились они в Царьград со своим родом. И отправились по Днепру, и когда плыли мимо, то увидели на горе небольшой город. И спросили: «Чей это городок?». Те же ответили: «Были три брата, Кий, Щек и Хорив, которые построили городок этот и сгинули, а мы тут сидим, их потомки, и платим дань хазарам». Аскольд же и Дир остались в этом городе, собрали у себя много варягов и стали владеть землею полян. Рюрик же княжил в Новгороде. *862*
В год 6371. *863*
В год 6372. *864*
В год 6373. *865*
В год 6374. Пошли Аскольд и Дир войной на греков и пришли к ним в 14-й год царствования Михаила. Царь же был в это время в походе на агарян, дошел уже до Черной реки, когда епарх прислал ему весть, что Русь идет походом на Царьград, и возвратился царь. Эти же вошли внутрь Суда, множество христиан убили и осадили Царьград двумястами кораблей. Царь же с трудом вошел в город и всю ночь молился с патриархом Фотием в церкви святой Богородицы во Влахерне, и вынесли они с песнями божественную ризу святой Богородицы, и омочили в море ее полу. Была в это время тишина и море было спокойно, но тут внезапно поднялась буря с ветром, и снова встали огромные волны, разметало корабли безбожных русских, и прибило их к берегу, и переломало, так что немногим из них удалось избегнуть этой беды и вернуться домой. *866*
В год 6375. *867*

868 В год 6376. Начал царствовать Василий.
869 В год 6377. Крещена была вся земля Болгарская.
870 В год 6378.
871 В год 6379.
872 В год 6380.
873 В год 6381.
874 В год 6382.
875 В год 6383.
876 В год 6384.
877 В год 6385.
878 В год 6386.
879 В год 6387. Умер Рюрик и передал княжение свое Олегу — родичу своему, отдав ему на руки сына Игоря, ибо был тот еще очень мал.
880 В год 6388.
881 В год 6389.
882 В год 6390. Выступил в поход Олег, взяв с собою много воинов: варягов, чудь, словен, мерю, весь, кривичей, и пришел к Смоленску с кривичами, и принял власть в городе, и посадил в нем своего мужа. Оттуда отправился вниз, и взял Любеч, и также посадил мужа своего. И пришли к горам Киевским, и узнал Олег, что княжат тут Аскольд и Дир. Спрятал он одних воинов в ладьях, а других оставил позади, и сам приступил, неся младенца Игоря. И подплыл к Угорской горе, спрятав своих воинов, и послал к Аскольду и Диру, говоря им, что-де «мы купцы, идем в Греки от Олега и княжича Игоря. Придите к нам, к родичам своим». Когда же Аскольд и Дир пришли, выскочили все остальные из ладей, и сказал Олег Аскольду и Диру: «Не князья вы и не княжеского рода, но я княжеского рода», и показал Игоря: «А это сын Рюрика». И убили Аскольда и Дира, отнесли на гору и погребли Аскольда на горе, которая называется ныне Угорской, где теперь Ольмин двор; на той могиле Ольма поставил церковь святого Николы; а Дирова могила — за церковью святой Ирины. И сел Олег, княжа, в Киеве, и сказал Олег: «Да будет это мать городам русским». И были у него варяги, и славяне, и прочие, прозвавшиеся русью. Тот Олег начал ставить города и установил дани словенам, и кривичам, и мери, и установил варягам давать дань от Новгорода по 300 гривен ежегодно ради сохранения мира, что и давалось варягам до самой смерти Ярослава.
883 В год 6391. Начал Олег воевать против древлян и, покорив их, брал дань с них по черной кунице.
884 В год 6392. Пошел Олег на северян, и победил северян, и возложил на них легкую дань, и не велел им платить дань хазарам, сказав: «Я враг их, и вам (им платить) незачем».
885 В год 6393. Послал (Олег) к радимичам, спрашивая: «Кому даете дань?». Они же ответили: «Хазарам». И сказал им Олег: «Не давайте хазарам, но платите мне». И дали Олегу по щелягу, как и хазарам давали. И властвовал Олег над полянами, и древлянами, и северянами, и радимичами, а с уличами и тиверцами воевал.

В год 6394. 886

В год 6395. Царствовал Леон, сын Василия, который прозывался Львом, 887
и брат его Александр, и царствовали 26 лет.

В год 6396. 888

В год 6397. 889

В год 6398. 890

В год 6399. 891

В год 6400. 892

В год 6401. 893

В год 6402. 894

В год 6403. 895

В год 6404. 896

В год 6405. 897

В год 6406. Шли угры мимо Киева горою, которая прозывается теперь 898
Угорской, пришли к Днепру и стали вежами: ходили они так же, как теперь половцы. И, придя с востока, устремились через великие горы, которые прозвались Угорскими горами, и стали воевать с жившими там волохами и славянами. Сидели ведь тут прежде славяне, а затем Славянскую землю захватили волохи. А после угры прогнали волохов, унаследовали ту землю и поселились со славянами, покорив их себе; и с тех пор прозвалась земля Угорской. И стали угры воевать с греками и попленили землю Фракийскую и Македонскую до самой Селуни. И стали воевать с моравами и чехами. Был един народ славянский: славяне, которые сидели по Дунаю, покоренные уграми, и моравы, и чехи, и поляки, и поляне, которые теперь зовутся русь. Для них ведь, моравов, первых созданы буквы, названные славянской грамотой; эта же грамота и у русских, и у болгар дунайских.

Когда славяне жили уже крещеными, князья их Ростислав, Святополк и Коцел послали к царю Михаилу, говоря: «Земля наша крещена, но нет у нас учителя, который бы нас наставил и поучал нас и объяснил святые книги. Ведь не знаем мы ни греческого языка, ни латинского; одни учат нас так, а другие иначе, от этого не знаем мы ни начертания букв, ни их значения. И пошлите нам учителей, которые бы могли нам истолковать слова книжные и смысл их». Услышав это, царь Михаил созвал всех философов и передал им все сказанное славянскими князьями. И сказали философы: «В Селуни есть муж, именем Лев. Имеет он сыновей, знающих славянский язык; два сына у него искусные философы». Услышав об этом, царь послал за ними ко Льву в Селунь, со словами: «Пошли к нам без промедления своих сыновей Мефодия и Константина». Услышав об этом, Лев вскоре же послал их, и пришли они к царю, и сказал он им: «Вот, прислала послов ко мне Славянская земля, прося себе учителя, который мог бы им истолковать священные книги, ибо этого они хотят». И уговорил их царь, и послал их в Славянскую землю к Ростиславу, Святополку и Коцелу. Когда же (братья эти) пришли, — начали они составлять славянскую азбуку и перевели Апостол и Евангелие. И рады были славяне, что услышали они о величии Божьем на своем языке. Затем перевели Псалтырь и Октоих и другие книги. Некие же стали хулить славянские книги, говоря, что «ни одному

народу не следует иметь свою азбуку, кроме евреев, греков и латинян, согласно надписи Пилата, который на кресте Господнем написал (только на этих языках)». Услышав об этом, папа римский осудил тех, кто хулит славянские книги, сказав так: «Да исполнится слово Писания: „Пусть восхвалят Бога все народы", и другое: „Пусть все народы восхвалят величие Божие, поскольку дух святой дал им говорить". Если же кто бранит славянскую грамоту, да будет отлучен от церкви, пока не исправится; это волки, а не овцы, их следует узнавать по поступкам их и беречься их. Вы же, чада, послушайте божественного учения и не отвергните церковного поучения, которое дал вам наставник ваш Мефодий». Константин же вернулся назад и отправился учить болгарский народ, а Мефодий остался в Моравии. Затем князь Коцел поставил Мефодия епископом в Паннонии на столе святого апостола Андроника, одного из семидесяти, ученика святого апостола Павла. Мефодий же посадил двух попов, хороших скорописцев, и перевел все книги полностью с греческого языка на славянский за шесть месяцев, начав в марте, а закончив в 26 день октября месяца. Закончив же, воздал достойную хвалу и славу Богу, давшему такую благодать епископу Мефодию, преемнику Андроника; ибо учитель славянскому народу — апостол Андроник. К моравам же ходил и апостол Павел и учил там; там же находится и Иллирия, до которой доходил апостол Павел и где первоначально жили славяне. Поэтому учитель славян — апостол Павел, из тех же славян — и мы, русь; поэтому и нам, руси, учитель Павел, так как учил славянский народ и поставил по себе у славян епископом и наместником Андроника. А славянский народ и русский един, от варягов ведь прозвались русью, а прежде были славяне; хоть и полянами назывались, но речь была славянской. Полянами прозваны были потому, что сидели в поле, а язык был им общий — славянский.

899 В год 6407.

900 В год 6408.

901 В год 6409.

902 В год 6410. Леон-царь нанял угров против болгар. Угры же, напав, попленили всю землю Болгарскую. Симеон же, узнав об этом, пошел на угров, а угры двинулись против него и победили болгар, так что Симеон едва убежал в Доростол.

903 В год 6411. Когда Игорь вырос, то сопровождал Олега и слушал его, и привели ему жену из Пскова, именем Ольгу.

904 В год 6412.

905 В год 6413.

906 В год 6414.

907 В год 6415. Пошел Олег на греков, оставив Игоря в Киеве; взял же с собою множество варягов, и славян, и чуди, и кривичей, и мерю, и древлян, и радимичей, и полян, и северян, и вятичей, и хорватов, и дулебов, и тиверцев, известных как толмачи: этих всех называли греки «Великая Скифь». И с этими всеми пошел Олег на конях и в кораблях; и было кораблей числом 2000. И пришел к Царьграду; греки же замкнули Суд, а город затворили. И вышел Олег на берег, и начал воевать, и много убийств

сотворил в окрестностях города грекам, и разбили множество палат, и церкви пожгли. А тех, кого захватили в плен, одних иссекли, других замучили, иных же застрелили, а некоторых побросали в море, и много другого зла сделали русские грекам, как обычно делают враги.

И повелел Олег своим воинам сделать колеса и поставить на колеса корабли. И когда подул попутный ветер, подняли они в поле паруса и пошли к городу. Греки же, увидев это, испугались и сказали, послав к Олегу: «Не губи города, дадим тебе дань, какую захочешь». И остановил Олег воинов, и вынесли ему пищу и вино, но не принял его, так как было оно отравлено. И испугались греки, и сказали: «Это не Олег, но святой Дмитрий, посланный на нас Богом». И приказал Олег дать дани на 2000 кораблей: по 12 гривен на человека, а было в каждом корабле по 40 мужей.

И согласились на это греки, и стали греки просить мира, чтобы не воевал Греческой земли. Олег же, немного отойдя от столицы, начал переговоры о мире с греческими царями Леоном и Александром и послал к ним в столицу Карла, Фарлафа, Вермуда, Рулава и Стемида со словами: «Платите мне дань». И сказали греки: «Что хочешь, дадим тебе». И приказал Олег дать воинам своим на 2000 кораблей по 12 гривен на уключину, а затем дать дань для русских городов: прежде всего для Киева, затем для Чернигова, для Переяславля, для Полоцка, для Ростова, для Любеча и для других городов: ибо по этим городам сидят великие князья, подвластные Олегу. «Когда приходят русские, пусть берут содержание для послов, сколько хотят; а если придут купцы, пусть берут месячное на 6 месяцев: хлеб, вино, мясо, рыбу и плоды. И пусть устраивают им баню — сколько захотят. Когда же русские отправятся домой, пусть берут у царя на дорогу еду, якоря, канаты, паруса и что им нужно». И обязались греки, и сказали цари и все бояре: «Если русские явятся не для торговли, то пусть не берут месячное; пусть запретит русский князь указом своим приходящим сюда русским творить бесчинства в селах и в стране нашей. Приходящие сюда русские пусть живут у церкви святого Мамонта, и пришлют к ним от нашего царства, и перепишут имена их, тогда возьмут полагающееся им месячное, — сперва те, кто пришли из Киева, затем из Чернигова, и из Переяславля, и из других городов. И пусть входят в город только через одни ворота в сопровождении царского мужа, без оружия, по 50 человек, и торгуют, сколько им нужно, не уплачивая никаких сборов».

Цари же Леон и Александр заключили мир с Олегом, обязались уплачивать дань и присягали друг другу: сами целовали крест, а Олега с мужами его водили присягать по закону русскому, и клялись те своим оружием и Перуном, своим богом, и Волосом, богом скота, и утвердили мир. И сказал Олег: «Сшейте для руси паруса из паволок, а славянам копринные», — и было так. И повесил щит свой на вратах в знак победы, и пошел от Царьграда. И подняла русь паруса из паволок, а славяне копринные, и разодрал их ветер; и сказали славяне: «Возьмем свои толстины, не даны славянам паруса из паволок». И вернулся Олег в Киев, неся золото, и паволоки, и плоды, и вино, и всякое узорочье. И прозвали Олега Вещим, так как были люди язычниками и непросвещенными.

909 В год 6417.
910 В год 6418.
911 В год 6419. Явилась на западе большая звезда в виде копья.
912 В год 6420. Послал Олег мужей своих заключить мир и установить договор между греками и русскими, говоря так: «Список с договора, заключенного при тех же царях Льве и Александре. Мы от рода русского — Карлы, Инегелд, Фарлаф, Веремуд, Рулав, Гуды, Руалд, Карн, Фрелав, Руар, Актеву, Труан, Лидул, Фост, Стемид — посланные от Олега, великого князя русского, и от всех, кто под рукою его, — светлых и великих князей, и его великих бояр, к вам, Льву, Александру и Константину, великим в Боге самодержцам, царям греческим, для укрепления и для удостоверения многолетней дружбы, бывшей между христианами и русскими, по желанию наших великих князей и по повелению, от всех находящихся под рукою его русских. Наша светлость, превыше всего желая в Боге укрепить и удостоверить дружбу, существовавшую постоянно между христианами и русскими, рассудили по справедливости, не только на словах, но и на письме, и клятвою твердою, клянясь оружием своим, утвердить такую дружбу и удостоверить ее по вере и по закону нашему.

Таковы суть главы договора, относительно которых мы себя обязали по Божьей вере и дружбе. Первыми словами нашего договора помиримся с вами, греки, и станем любить друг друга от всей души и по всей доброй воле, и не дадим произойти, поскольку это в нашей власти, никакому обману или преступлению от сущих под рукою наших светлых князей; но постараемся, насколько в силах наших, сохранить с вами, греки, в будущие годы и навсегда непревратную и неизменную дружбу, изъявлением и преданием письму с закреплением, клятвой удостоверяемую. Так же и вы, греки, соблюдайте такую же непоколебимую и неизменную дружбу к князьям нашим светлым русским и ко всем, кто находится под рукою нашего светлого князя всегда и во все годы.

А о главах, касающихся возможных злодеяний, договоримся так: те злодеяния, которые будут явно удостоверены, пусть считаются бесспорно совершившимися; а каким не станут верить, пусть клянется та сторона, которая домогается, чтобы злодеянию этому не верили; и когда поклянется сторона та, пусть будет такое наказание, каким окажется преступление.

Об этом: если кто убьет, — русский христианина или христианин русского, — да умрет на месте убийства. Если же убийца убежит, а окажется имущим, то ту часть его имущества, которую полагается по закону, пусть возьмет родственник убитого, но и жена убийцы пусть сохранит то, что полагается ей по закону. Если же окажется неимущим бежавший убийца, то пусть останется под судом, пока не разыщется, а тогда да умрет.

Если ударит кто мечом или будет бить каким-либо другим орудием, то за тот удар или битье пусть даст 5 литр серебра по закону русскому; если же совершивший этот проступок неимущий, то пусть даст сколько может, так, что пусть снимет с себя и те самые одежды, в которых ходит, а об оставшейся неуплаченной сумме пусть клянется по своей вере, что никто не может помочь ему, и пусть не взыскивается с него этот остаток.

Об этом: если украдет что русский у христианина или, напротив, христианин у русского, и пойман будет вор пострадавшим в то самое время, когда совершает кражу, либо если приготовится вор красть и будет убит, то не взыщется смерть его ни от христиан, ни от русских; но пусть пострадавший возьмет то свое, что потерял. Если же добровольно отдастся вор, то пусть будет взят тем, у кого он украл, и пусть будет связан, и отдаст то, что украл, в тройном размере.

Об этом: если кто из христиан или из русских посредством побоев покусится (на грабеж) и явно силою возьмет что-либо, принадлежащее другому, то пусть вернет в тройном размере.

Если выкинута будет ладья сильным ветром на чужую землю и будет там кто-нибудь из нас, русских, и поможет сохранить ладью с грузом ее и отправить вновь в Греческую землю, то проводим ее через всякое опасное место, пока не придет в место безопасное; если же ладья эта бурей или на мель сев задержана и не может возвратиться в свои места, то поможем гребцам той ладьи мы, русские, и проводим их с товарами их поздорову. Если же случится около Греческой земли такая же беда с русской ладьей, то проводим ее в Русскую землю и пусть продают товары той ладьи, так что если можно что продать из той ладьи, то пусть вынесем (на греческий берег) мы, русские. И когда приходим (мы, русские) в Греческую землю для торговли или посольством к вашему царю, то (мы, греки) пропустим с честью проданные товары их ладьи. Если же случится кому-либо из нас, русских, прибывших с ладьею, быть убиту или что-нибудь будет взято из ладьи, то пусть будут виновники присуждены к вышесказанному наказанию.

Об этих: если пленник той или иной стороны насильно удерживается русскими или греками, будучи продан в их страну, и если, действительно, окажется русский или грек, то пусть выкупят и возвратят выкупленное лицо в его страну и возьмут цену его купившие, или пусть будет предложена за него цена, полагающаяся за челядина. Также, если и на войне взят будет он теми греками, — все равно пусть возвратится он в свою страну и отдана будет за него обычная цена его, как уже сказано выше.

Если же будет набор в войско и эти (русские) захотят почтить вашего царя, и сколько бы ни пришло их в какое время, и захотят остаться у вашего царя по своей воле, то пусть так будет.

Еще о русских, о пленниках. Явившиеся из какой-либо страны (пленные христиане) на Русь и продаваемые (русскими) назад в Грецию или пленные христиане, приведенные на Русь из какой-либо страны, — все эти должны продаваться по 20 златников и возвращаться в Греческую землю.

Об этом: если украден будет челядин русский, либо убежит, либо насильно будет продан и жаловаться станут русские, пусть докажут это о своем челядине и возьмут его на Русь, но и купцы, если потеряют челядина и обжалуют, пусть требуют судом и, когда найдут, — возьмут его. Если же кто-либо не позволит произвести дознание, — тем самым не будет признан правым.

И о русских, служащих в Греческой земле у греческого царя. Если кто умрет, не распорядившись своим имуществом, а своих (в Греции) у него не

будет, то пусть возвратится имущество его на Русь ближайшим младшим родственникам. Если же сделает завещание, то возьмет завещанное ему тот, кому написал наследовать его имущество, и да наследует его.

О русских торгующих.

О различных людях, ходящих в Греческую землю и остающихся в долгу. Если злодей не возвратится на Русь, то пусть жалуются русские греческому царству, и будет он схвачен и возвращен насильно на Русь. То же самое пусть сделают и русские грекам, если случится такое же.

В знак крепости и неизменности, которая должна быть между вами, христианами, и русскими, мирный договор этот сотворили мы Ивановым написанием на двух хартиях — царя вашего и своею рукою, — скрепили его клятвою предлежащим честным крестом и святою единосущною Троицею единого истинного Бога вашего и дали нашим послам. Мы же клялись царю вашему, поставленному от Бога, как божественное создание, по вере и по обычаю нашим, не нарушать нам и никому из страны нашей ни одной из установленных глав мирного договора и дружбы. И это написание дали царям вашим на утверждение, чтобы договор этот стал основой утверждения и удостоверения существующего между нами мира. Месяца сентября 2, индикта 15, в год от сотворения мира 6420».

Царь же Леон почтил русских послов дарами — золотом, и шелками, и драгоценными тканями — и приставил к ним своих мужей показать им церковную красоту, золотые палаты и хранящиеся в них богатства: множество золота, паволоки, драгоценные камни и страсти Господни — венец, гвозди, багряницу и мощи святых, уча их вере своей и показывая им истинную веру. И так отпустил их в свою землю с великою честью. Послы же, посланные Олегом, вернулись к нему и поведали ему все речи обоих царей, как заключили мир и договор положили между Греческою землею и Русскою и установили не преступать клятвы — ни грекам, ни руси.

И жил Олег, княжа в Киеве, мир имея со всеми странами. И пришла осень, и вспомнил Олег коня своего, которого прежде поставил кормить, решив никогда на него не садиться. Ибо спрашивал он волхвов и кудесников: «От чего я умру?». И сказал ему один кудесник: «Князь! От коня твоего любимого, на котором ты ездишь, — от него тебе и умереть!». Запали слова эти в душу Олегу, и сказал он: «Никогда не сяду на него и не увижу его больше». И повелел кормить его и не водить его к нему, и прожил несколько лет, не видя его, пока не пошел на греков. А когда вернулся в Киев и прошло четыре года, — на пятый год помянул он своего коня, от которого волхвы предсказали ему смерть. И призвал он старейшину конюхов и сказал: «Где конь мой, которого приказал я кормить и беречь?». Тот же ответил: «Умер». Олег же посмеялся и укорил того кудесника, сказав: «Неверно говорят волхвы, но все то ложь: конь умер, а я жив». И приказал оседлать себе коня: «Да увижу кости его». И приехал на то место, где лежали его голые кости и череп голый, слез с коня, посмеялся и сказал: «От этого ли черепа смерть мне принять?». И ступил он ногою на череп, и выползла из черепа змея, и ужалила его в ногу. И от того разболелся и умер. Оплакивали его

все люди плачем великим, и понесли его, и похоронили на горе, называемою Щековица; есть же могила его и доныне, слывет могилой Олеговой. И было всех лет княжения его тридцать и три.

Неудивительно, что от волхвования сбывается чародейство. Так было и в царствование Домициана: тогда был известен некий волхв именем Аполлоний Тианский, который ходил и творил всюду бесовские чудеса — в городах и селах. Однажды, когда из Рима пришел он в Византию, упросили его живущие там сделать следующее: он изгнал из города множество змей и скорпионов, чтобы не было от них вреда людям, и ярость конскую обуздал на глазах у бояр. Так и в Антиохию пришел, и, упрошенный людьми теми — антиохиянинами, страдавшими от скорпионов и комаров, сделал медного скорпиона, и зарыл его в землю, и поставил над ним небольшой мраморный столп, и повелел взять людям палки и ходить по городу и выкликивать, потрясая теми палками: «Быть городу без комара!». И так исчезли из города скорпионы и комары. И спросили его еще об угрожавшем городу землетрясении, и, вздохнув, написал он на дощечке следующее: «Увы тебе, несчастный город, много ты потрясешься, и огнем будешь попален, оплачет тебя (тот, кто будет) на берегу Оронта». Об (Аполлонии) этом и великий Анастасий Божьего града сказал: «Чудеса, сотворенные Аполлонием, даже и до сих пор на некоторых местах исполняются: одни — чтобы отогнать четвероногих животных и птиц, которые могли бы вредить людям, другие же — для удержания речных струй, вырвавшихся из берегов, но иные и на погибель и в ущерб людям, хотя и на обуздание их. Не только ведь при жизни его так делали бесы такие чудеса, но и по смерти, у гроба его, творили чудеса его именем, чтобы обольщать жалких людей, часто уловляемых на них дьяволом». Итак, кто что скажет о творящих волшебным искушением делах? Ведь вот, искусен был на волшебное обольщение и никогда не считался Аполлоний с тем, что в безумстве предался мудрому ухищрению; а следовало бы ему сказать: «Словом только творю я то, что хотел», и не совершать действий, ожидаемых от него. То все попущением Божиим и творением бесовским случается — всеми подобными делами испытывается наша православная вера, что тверда она и крепка пребывая подле Господа и не увлекаема дьяволом, его призрачными чудесами и сатанинскими делами, творимыми врагами рода человеческого и слугами зла. Бывает же, что некоторые и именем Господа пророчествуют, как Валаам, и Саул, и Каиафа, и бесов даже изгоняют, как Иуда и сыны Скевавели. Потому что и на недостойных многократно действует благодать, как многие свидетельствуют: ибо Валаам всего был чужд — и праведного жития и веры, но тем не менее явилась в нем благодать для убеждения других. И Фараон такой же был, но и ему было раскрыто будущее. И Навуходоносор был законопреступен, но и ему также было открыто будущее многих поколений, тем свидетельствуя, что многие, имеющие превратные понятия, еще до пришествия Христа творят знамения не по собственной воле на прельщение людей, не знающих доброго. Таков был и Симон Волхв, и Менандр, и другие такие же, из-за которых и было по истине сказано: «Не чудесами прельщать...».

913 В год 6421. После Олега стал княжить Игорь. В это же время стал царствовать Константин, сын Леона. И затворились от Игоря древляне по смерти Олега.

914 В год 6422. Пошел Игорь на древлян и, победив их, возложил на них дань больше Олеговой. В тот же год пришел Симеон Болгарский на Царьград и, заключив мир, вернулся восвояси.

915 В год 6423. Пришли впервые печенеги на Русскую землю и, заключив мир с Игорем, пошли к Дунаю. В те же времена пришел Симеон, попленяя Фракию; греки же послали за печенегами. Когда же печенеги пришли и собрались уже выступить на Симеона, греческие воеводы рассорились. Печенеги, увидев, что они сами между собою ссорятся, ушли восвояси, а болгары сразились с греками, и перебиты были греки. Симеон же захватил город Адрианов, который первоначально назывался городом Ореста — сына Агамемнона: ибо Орест когда-то купался в трех реках и избавился тут от своей болезни — оттого и назвал город своим именем. Впоследствии же его обновил цезарь Адриан и назвал в свое имя Адрианом, мы же зовем его Адрианом-градом.

916 В год 6424.

917 В год 6425.

918 В год 6426.

919 В год 6427.

920 В год 6428. У греков поставлен царь Роман. Игорь же воевал против печенегов.

921 В год 6429.

922 В год 6430.

923 В год 6431.

924 В год 6432.

925 В год 6433.

926 В год 6434.

927 В год 6435.

928 В год 6436.

929 В год 6437. Пришел Симеон на Царьград, и попленил Фракию и Македонию, и подошел к Царьграду в великой силе и гордости, и сотворил мир с Романом-царем, и возвратился восвояси.

930 В год 6438.

931 В год 6439.

932 В год 6440.

933 В год 6441.

934 В год 6442. Впервые пришли на Царьград угры и попленили всю Фракию, Роман заключил мир с уграми.

936 В год 6444.

937 В год 6445.

938 В год 6446.

939 В год 6447.

940 В год 6448.

941 В год 6449. Пошел Игорь на греков. И послали болгары весть царю, что идут русские на Царьград: 10 тысяч кораблей. И пришли, и подплыли,

и стали воевать страну Вифинскую, и попленили землю по Понтийскому морю до Ираклии и до Пафлагонской земли, и всю страну Никомидийскую попленили, и Суд весь пожгли. А кого захватили — одних распинали, в других же, перед собой их ставя, стреляли, хватали, связывали назад руки и вбивали железные гвозди в головы. Много же и святых церквей предали огню, монастыри и села пожгли и по обоим берегам Суда захватили немало богатств. Когда же пришли с востока воины — Панфир-деместик с сорока тысячами, Фока-патриций с македонянами, Федор-стратилат с фракийцами, с ними же и сановные бояре, то окружили русь. Русские же, посовещавшись, вышли против греков с оружием, и в жестоком сражении едва одолели греки. Русские же к вечеру возвратились к дружине своей и ночью, сев в ладьи, отплыли. Феофан же встретил их в ладьях с огнем и стал трубами пускать огонь на ладьи русских. И было видно страшное чудо. Русские же, увидев пламя, бросились в воду морскую, стремясь спастись, и так оставшиеся возвратились домой. И, придя в землю свою, поведали — каждый своим — о происшедшем и о ладейном огне. «Будто молнию небесную, — говорили они, — имеют у себя греки и, пуская ее, пожгли нас; оттого и не одолели их». Игорь же, вернувшись, начал собирать множество воинов и послал за море к варягам, приглашая их на греков, снова собираясь идти на них.

В год 6450. Симеон ходил на хорватов, и победили его хорваты, и умер, *942*
оставив Петра, своего сына, князем над болгарами.

В год 6451. Вновь пришли угры на Царьград и, сотворив мир с Романом, *943*
возвратились восвояси.

В год 6452. Игорь же собрал воинов многих: варягов, русь, и полян, и *944*
словен, и кривичей, и тиверцев, — и нанял печенегов, и заложников у них взял, — и пошел на греков в ладьях и на конях, стремясь отомстить за себя. Услышав об этом, корсунцы послали к Роману со словами: «Вот идут русские, без числа кораблей их, покрыли море корабли». Также и болгары послали весть, говоря: «Идут русские и наняли себе печенегов». Услышав об этом, царь прислал к Игорю лучших бояр с мольбою, говоря: «Не ходи, но возьми дань, какую брал Олег, прибавлю и еще к той дани». Также и к печенегам послал паволоки и много золота. Игорь же, дойдя до Дуная, созвал дружину, и стал с нею держать совет, и поведал ей речь цареву. Сказала же дружина Игорева: «Если так говорит царь, то чего нам еще нужно, — не бившись, взять золото, и серебро, и паволоки? Разве знает кто — кому одолеть: нам ли, им ли? Или с морем кто в союзе? Не по земле ведь ходим, но по глубине морской: всем общая смерть». Послушал их Игорь и повелел печенегам воевать Болгарскую землю, а сам, взяв у греков золото и паволоки на всех воинов, возвратился назад и пришел к Киеву восвояси.

В год 6453. Прислали Роман, и Константин, и Стефан послов к Игорю *945*
восстановить прежний мир. Игорь же говорил с ними о мире. И послал Игорь мужей своих к Роману. Роман же созвал бояр и сановников. И привели русских послов, и велели им говорить и записывать речи тех и других на хартию.

«Список с договора, заключенного при царях Романе, Константине и Стефане, христолюбивых владыках. Мы — от рода русского послы и купцы, Ивор, посол Игоря, великого князя русского, и общие послы: Вуефаст от Святослава, сына Игоря; Искусеви от княгини Ольги; Слуды от Игоря, племянник Игорев; Улеб от Володислава; Каницар от Предславы; Шихберн Сфандр от жены Улеба; Прастен Тудоров; Либиар Фастов; Грим Сфирьков; Прастен Акун, племянник Игорев; Кары Тудков; Каршев Тудоров; Егри Евлисков; Воист Войков; Истр Аминодов; Прастен Бернов; Явтяг Гунарев; Шибрид Алдан; Кол Клеков; Стегги Етонов; Сфирка...; Алвад Гудов; Фудри Туадов; Мутур Утин; купцы Адунь, Адулб, Иггивлад, Улеб, Фрутан, Гомол, Куци, Емиг, Туробид, Фуростен, Бруны, Роальд, Гунастр, Фрастен, Игелд, Турберн, Моне, Руальд, Свень, Стир, Алдан, Тилен, Апубексарь, Вузлев, Синко, Борич, посланные от Игоря, великого князя русского, и от всякого княжья, и от всех людей Русской земли. И им поручено возобновить старый мир, нарушенный уже много лет ненавидящим добро и враждолюбцем дьяволом, и утвердить любовь между греками и русскими.

Великий князь наш Игорь, и бояре его, и люди все русские послали нас к Роману, Константину и Стефану, к великим царям греческим, заключить союз любви с самими царями, со всем боярством и со всеми людьми греческими на все годы, пока сияет солнце и весь мир стоит. А кто с русской стороны замыслит разрушить эту любовь, то пусть те из них, которые приняли крещение, получат возмездие от Бога вседержителя, осуждение на погибель в загробной жизни, а те из них, которые не крещены, да не имеют помощи ни от Бога, ни от Перуна, да не защитятся они собственными щитами, и да погибнут они от мечей своих, от стрел и от иного своего оружия, и да будут рабами во всю свою загробную жизнь.

А великий князь русский и бояре его пусть посылают в Греческую землю к великим царям греческим корабли, сколько хотят, с послами и с купцами, как это установлено для них. Раньше приносили послы золотые печати, а купцы серебряные; ныне же повелел князь ваш посылать грамоты к нам, царям; те послы и гости, которые будут посылаться ими, пусть приносят грамоту, так написав ее: послал столько-то кораблей, чтобы из этих грамот мы узнали, что пришли они с миром. Если же придут без грамоты и окажутся в руках наших, то мы будем содержать их под надзором, пока не возвестим князю вашему. Если же не дадутся нам и сопротивятся, то убьем их, и пусть не взыщется смерть их от князя вашего. Если же, убежав, вернутся в Русь, то напишем мы князю вашему, и пусть делают что хотят. Если же русские придут не для торговли, то пусть не берут месячины. Пусть накажет князь своим послам и приходящим сюда русским, чтобы не творили бесчинств в селах и в стране нашей. И, когда придут, пусть живут у церкви святого Мамонта, и тогда пошлем мы, цари, чтобы переписали имена ваши, и пусть возьмут месячину — послы посольскую, а купцы месячину, сперва те, кто от города Киева, затем из Чернигова, и из Переяславля, и из прочих городов. Да входят они в город через одни только ворота в сопровождении царева мужа без оружия, человек по 50, и торгуют сколько им нужно, и выходят

назад; муж же наш царский да охраняет их, так что если кто из русских или греков сотворит неправо, то пусть рассудит то дело. Когда же русские входят в город, то пусть не творят вреда и не имеют права покупать паволоки дороже, чем по 50 золотников; и если кто купит тех паволок, то пусть показывает цареву мужу, а тот наложит печати и даст им. И те русские, которые отправляются отсюда, пусть берут от нас все необходимое: пищу на дорогу и что необходимо ладьям, как это было установлено раньше, и да возвращаются в безопасности в страну свою, а у святого Мамонта зимовать да не имеют права.

Если убежит челядин у русских, то пусть придут за ним в страну царства нашего, и если окажется у святого Мамонта, то пусть возьмут его; если же не найдется, то пусть клянутся наши русские христиане по их вере, а нехристиане по закону своему, и пусть тогда возьмут от нас цену свою, как установлено было прежде, — по 2 паволоки за челядина.

Если же кто из челядинов наших царских или города нашего, или иных городов убежит к вам и захватит с собой что-нибудь, то пусть опять вернут его; а если то, что он принес, будет все цело, то возьмут от него два золотника за поимку.

Если же кто покусится из русских взять что-либо у наших царских людей, то тот, кто сделает это, пусть будет сурово наказан; если уже возьмет, пусть заплатит вдвойне; и если сделает то же грек русскому, да получит то же наказание, какое получил и тот.

Если же случится украсть что-нибудь русскому у греков или греку у русских, то следует возвратить не только украденное, но и цену украденного; если же окажется, что украденное уже продано, да вернет цену его вдвойне и будет наказан по закону греческому и по уставу и по закону русскому.

Сколько бы пленников христиан наших подданных ни привели русские, то за юношу или девицу добрую пусть наши дают 10 золотников и берут их, если же среднего возраста, то пусть дадут им 8 золотников и возьмут его; если же будет старик или ребенок, то пусть дадут за него 5 золотников.

Если окажутся русские в рабстве у греков, то, если они будут пленники, пусть выкупают их русские по 10 золотников; если же окажется, что они куплены греком, то следует ему поклясться на кресте и взять свою цену — сколько он дал за пленника.

И о Корсунской стране. Да не имеет права князь русский воевать в тех странах, во всех городах той земли, и та страна да не покоряется вам, но когда попросит у нас воинов князь русский, чтобы воевать, — дам ему, сколько ему будет нужно.

И о том: если найдут русские корабль греческий, выкинутый где-нибудь на берег, да не причинят ему ущерба. Если же кто-нибудь возьмет из него что-либо, или обратит кого-нибудь из него в рабство, или убьет, то будет подлежать суду по закону русскому и греческому.

Если же застанут русские корсунцев в устье Днепра за ловлей рыбы, да не причинят им никакого зла.

И да не имеют права русские зимовать в устье Днепра, в Белобережье и у святого Елферья; но с наступлением осени пусть отправляются по домам в Русь.

И об этих: если придут черные болгары и станут воевать в Корсунской стране, то приказываем князю русскому, чтобы не пускал их, иначе причинят ущерб и его стране.

Если же будет совершено злодеяние кем-нибудь из греков, — наших царских подданных, — да не имеете права наказывать их, но по нашему царскому повелению пусть получит тот наказание в меру своего проступка.

Если убьет наш подданный русского или русский нашего подданного, то да задержат убийцу родственники убитого, и да убьют его.

Если же убежит убийца и скроется, а будет у него имущество, то пусть родственники убитого возьмут имущество его; если же убийца окажется неимущим и также скроется, то пусть ищут его, пока не найдется, а когда найдется, да будет убит.

Если же ударит мечом, или копьем, или иным каким-либо оружием русский грека или грек русского, то за то беззаконие пусть заплатит виновный 5 литр серебра по закону русскому; если же окажется неимущим, то пусть продадут у него все, что только можно, так что даже и одежды, в которых он ходит, и те пусть с него снимут, а о недостающем пусть принесет клятву по своей вере, что не имеет ничего, и только тогда пусть будет отпущен.

Если же пожелаем мы, цари, у вас воинов против наших противников, да напишем о том великому князю вашему, и вышлет он нам столько их, сколько пожелаем: и отсюда узнают в иных странах, какую любовь имеют между собой греки и русские.

Мы же договор этот написали на двух хартиях, и одна хартия хранится у нас, царей, — на ней есть крест и имена наши написаны, а на другой — имена послов и купцов ваших. А когда послы наши царские выедут, — пусть проводят их к великому князю русскому Игорю и к его людям; и те, приняв хартию, поклянутся истинно соблюдать то, о чем мы договорились и о чем написали на хартии этой, на которой написаны имена наши.

Мы же, те из нас, кто крещен, в соборной церкви клялись церковью святого Ильи в предлежании честного креста и хартии этой соблюдать все, что в ней написано, и не нарушать из нее ничего; а если нарушит это кто-либо из нашей страны — князь ли или иной кто, крещеный или некрещеный, — да не получит он помощи от Бога, да будет он рабом в загробной жизни своей и да будет заклан собственным оружием.

А некрещеные русские кладут свои щиты и обнаженные мечи, обручи и иное оружие, чтобы поклясться, что все, что написано в хартии этой, будет соблюдаться Игорем, и всеми боярами, и всеми людьми Русской страны во все будущие годы и всегда.

Если же кто-нибудь из князей или из людей русских, христиан или нехристиан, нарушит то, что написано в хартии этой, — да будет достоин умереть от своего оружия и да будет проклят от Бога и от Перуна за то, что нарушил свою клятву.

И если на благо Игорь, великий князь, сохранит любовь эту верную, да не нарушится она до тех пор, пока солнце сияет и весь мир стоит, в нынешние времена и во все будущие».

Послы, посланные Игорем, вернулись к нему с послами греческими и поведали ему все речи царя Романа. Игорь же призвал греческих послов и спросил их: «Скажите, что наказал вам царь?». И сказали послы царя: «Вот послал нас царь, обрадованный миром, хочет он иметь мир и любовь с князем русским. Твои послы приводили к присяге наших царей, а нас послали привести к присяге тебя и твоих мужей». Обещал Игорь сделать так. На следующий день призвал Игорь послов и пришел на холм, где стоял Перун; и сложили оружие свое, и щиты, и золото, и присягали Игорь и люди его — сколько было язычников между русскими. А христиан русских приводили к присяге в церкви святого Ильи, что стоит над Ручьем в конце Пасынчей беседы и Хазар, — это была соборная церковь, так как много было христиан — варягов. Игорь же, утвердив мир с греками, отпустил послов, одарив их мехами, рабами и воском, и отпустил их; послы же пришли к царю и поведали ему все речи Игоря, и о любви его к грекам.

Игорь же начал княжить в Киеве, мир имея ко всем странам. И пришла осень, и стал он замышлять пойти на древлян, желая взять с них еще большую дань.

В год 6453. В тот год сказала дружина Игорю: «Отроки Свенельда 945
изоделись оружием и одеждой, а мы наги. Пойдем, князь, с нами за данью, и себе добудешь, и нам». И послушал их Игорь — пошел к древлянам за данью и прибавил к прежней дани новую, и творили насилие над ними мужи его. Взяв дань, пошел он в свой город. Когда же шел он назад, — поразмыслив, сказал своей дружине: «Идите с данью домой, а я возвращусь и похожу еще». И отпустил дружину свою домой, а сам с малой частью дружины вернулся, желая большего богатства. Древляне же, услышав, что идет снова, держали совет с князем своим Малом: «Если повадится волк к овцам, то вынесет все стадо, пока не убьют его; так и этот: если не убьем его, то всех нас погубит». И послали к нему, говоря: «Зачем идешь опять? Забрал уже всю дань». И не послушал их Игорь; и древляне, выйдя из города Искоростеня, убили Игоря и дружинников его, так как было их мало. И погребен был Игорь, и есть могила его у Искоростеня в Деревской земле и до сего времени.

Ольга же была в Киеве с сыном своим, ребенком Святославом, и кормилец его был Асмуд, а воевода Свенельд — отец Мстиши. Сказали же древляне: «Вот убили мы князя русского; возьмем жену его Ольгу за князя нашего Мала и Святослава возьмем и сделаем ему, что захотим». И послали древляне лучших мужей своих, числом двадцать, в ладье к Ольге, и пристали в ладье под Боричевым. Ведь вода тогда текла возле Киевской горы, а люди сидели не на Подоле, но на горе. Город же Киев был там, где ныне двор Гордяты и Никифора, а княжеский двор был в городе, где ныне двор Воротислава и Чудина, а место для ловли птиц было вне города; был вне города и другой двор, где стоит сейчас двор деместика, позади церкви святой Богородицы; над горою был теремной двор — был там каменный терем. И поведали Ольге, что пришли древляне, и призвала их Ольга к себе, и сказала им: «Гости добрые пришли». И ответили древляне: «Пришли, княгиня». И сказала им Ольга: «Так говорите же, зачем пришли

сюда?». Ответили же древляне: «Послала нас Деревская земля с такими словами: „Мужа твоего мы убили, так как муж твой, как волк, расхищал и грабил, а наши князья хорошие, потому что берегут Деревскую землю, — пойди замуж за князя нашего за Мала"». Было ведь имя ему Мал, князю древлянскому. Сказала же им Ольга: «Любезна мне речь ваша, — мужа моего мне уже не воскресить; но хочу воздать вам завтра честь перед людьми своими; ныне же идите к своей ладье и ложитесь в ладью, величаясь, а утром я пошлю за вами, а вы говорите: „Не едем на конях, ни пеши не пойдем, но понесите нас в ладье", — и вознесут вас в ладье», и отпустила их к ладье. Ольга же приказала выкопать яму великую и глубокую на теремном дворе, вне града. На следующее утро, сидя в тереме, послала Ольга за гостями, и пришли к ним, и сказали: «Зовет вас Ольга для чести великой». Они же ответили: «Не едем ни на конях, ни на возах и пеши не идем, но понесите нас в ладье». И ответили киевляне: «Нам неволя; князь наш убит, а княгиня наша хочет за вашего князя», — и понесли их в ладье. Они же сидели, величаясь, избоченившись и в великих нагрудных бляхах. И принесли их на двор к Ольге, и как несли, так и сбросили их вместе с ладьей в яму. И, склонившись к яме, спросила их Ольга: «Хороша ли вам честь?». Они же ответили: «Горше нам Игоревой смерти». И повелела засыпать их живыми; и засыпали их.

И послала Ольга к древлянам, и сказала им: «Если вправду меня просите, то пришлите лучших мужей, чтобы с великой честью пойти за вашего князя, иначе не пустят меня киевские люди». Услышав об этом, древляне избрали лучших мужей, управлявших Деревскою землею, и прислали за ней. Когда же древляне пришли, Ольга приказала приготовить баню, говоря им так: «Вымывшись, придите ко мне». И натопили баню, и вошли в нее древляне, и стали мыться; и заперли за ними баню, и повелела Ольга зажечь ее от дверей, и тут сгорели все.

И послала к древлянам со словами: «Вот уже иду к вам, приготовьте меды многие в городе, где убили мужа моего, да поплачусь на могиле его и сотворю тризну по своем муже». Они же, услышав об этом, свезли множество меда и заварили его. Ольга же, взяв с собою небольшую дружину, отправилась налегке, пришла к могиле своего мужа и оплакала его. И повелела людям своим насыпать высокий холм могильный, и, когда насыпали, приказала совершать тризну. После того сели древляне пить, и приказала Ольга отрокам своим прислуживать им. И сказали древляне Ольге: «Где дружина наша, которую послали за тобой?». Она же ответила: «Идут за мною с дружиною мужа моего». И когда опьянели древляне, велела отрокам своим пить в их честь, а сама отошла недалеко и приказала дружине рубить древлян, и иссекли их 5000. А Ольга вернулась в Киев и собрала войско на оставшихся.

946 Начало княжения Святослава, сына Игорева. В год 6454. Ольга с сыном своим Святославом собрала много храбрых воинов и пошла на Деревскую землю. И вышли древляне против нее. И когда сошлись оба

войска для схватки, Святослав бросил копьем в древлян, и копье пролетело между ушей коня и ударило коня по ногам, ибо был Святослав еще ребенок. И сказали Свенельд и Асмуд: «Князь уже начал; последуем, дружина, за князем». И победили древлян. Древляне же побежали и затворились в своих городах. Ольга же устремилась с сыном своим к городу Искоростеню, так как те убили ее мужа, и стала с сыном своим около города, а древляне затворились в городе и стойко оборонялись из города, ибо знали, что, убив князя, не на что им надеяться. И стояла Ольга все лето и не могла взять города, и замыслила так: послала она к городу со словами: «До чего хотите досидеться? Ведь все ваши города уже сдались мне и согласились на дань и уже возделывают свои нивы и земли; а вы, отказываясь платить дань, собираетесь умереть с голода». Древляне же ответили: «Мы бы рады платить дань, но ведь ты хочешь мстить за мужа своего». Сказала же им Ольга, что-де «я уже мстила за обиду своего мужа, когда приходили вы к Киеву, и во второй раз, а в третий — когда устроила тризну по своем муже. Больше уже не хочу мстить, — хочу только взять с вас небольшую дань и, заключив с вами мир, уйду прочь». Древляне же спросили: «Что хочешь от нас? Мы рады дать тебе мед и меха». Она же сказала: «Нет у вас теперь ни меду, ни мехов, поэтому прошу у вас немного: дайте мне от каждого двора по три голубя да по три воробья. Я ведь не хочу возложить на вас тяжкой дани, как муж мой, поэтому-то и прошу у вас мало. Вы же изнемогли в осаде, оттого и прошу у вас этой малости». Древляне же, обрадовавшись, собрали от двора по три голубя и по три воробья и послали к Ольге с поклоном. Ольга же сказала им: «Вот вы и покорились уже мне и моему дитяти, — идите в город, а я завтра отступлю от него и пойду в свой город». Древляне же с радостью вошли в город и поведали обо всем людям, и обрадовались люди в городе. Ольга же, раздав воинам — кому по голубю, кому по воробью, приказала привязывать каждому голубю и воробью трут, завертывая его в небольшие платочки и прикрепляя ниткой к каждому. И, когда стало смеркаться, приказала Ольга своим воинам пустить голубей и воробьев. Голуби же и воробьи полетели в свои гнезда: голуби в голубятни, а воробьи под стрехи, и так загорелись — где голубятни, где клети, где сараи и сеновалы, и не было двора, где бы ни горело, и нельзя было гасить, так как сразу загорелись все дворы. И побежали люди из города, и приказала Ольга воинам своим хватать их. А как взяла город и сожгла его, городских же старейшин забрала в плен, а прочих людей убила, а иных отдала в рабство мужам своим, а остальных оставила платить дань.

И возложила на них тяжкую дань: две части дани шли в Киев, а третья в Вышгород Ольге, ибо был Вышгород городом Ольгиным. И пошла Ольга с сыном своим и с дружиной по Древлянской земле, устанавливая дани и налоги; и сохранились места ее стоянок и места для охоты. И пришла в город свой Киев с сыном своим Святославом, и пробыла здесь год.

В год 6455. Отправилась Ольга к Новгороду и установила по Мсте *947*
погосты и дани и по Луге — оброки и дани, и ловища ее сохранились по всей земле, и есть свидетельства о ней, и места ее и погосты, а сани ее стоят в Пскове и поныне, и по Днепру есть места ее для ловли птиц, и по Десне,

и сохранилось село ее Ольжичи до сих пор. И так, установив все, возвратилась к сыну своему в Киев, и там пребывала с ним в любви.

948 В год 6456.

949 В год 6457.

950 В год 6458.

951 В год 6459.

952 В год 6460.

953 В год 6461.

954 В год 6462.

955 В год 6463. Отправилась Ольга в Греческую землю и пришла к Царьграду. И был тогда царь Константин, сын Льва, и пришла к нему Ольга, и, увидев, что она очень красива лицом и разумна, подивился царь ее разуму, беседуя с нею, и сказал ей: «Достойна ты царствовать с нами в столице нашей». Она же, поразмыслив, ответила царю: «Я язычница; если хочешь крестить меня, то крести меня сам — иначе не крещусь». И крестил ее царь с патриархом. Просветившись же, она радовалась душой и телом; и наставил ее патриарх в вере, и сказал ей: «Благословенна ты в женах русских, так как возлюбила свет и оставила тьму. Благословят тебя сыны русские до последних поколений внуков твоих». И дал ей заповеди о церковном уставе, и о молитве, и о посте, и о милостыне, и о соблюдении чистоты телесной. Она же, склонив голову, стояла, внимая учению, как губка напояемая; и поклонилась патриарху со словами: «Молитвами твоими, владыка, пусть буду сохранена от сетей дьявольских». И было наречено ей в крещении имя Елена, как и древней царице — матери Константина Великого. И благословил ее патриарх, и отпустил. После крещения призвал ее царь и сказал ей: «Хочу взять тебя в жены». Она же ответила: «Как ты хочешь взять меня, когда сам крестил меня и назвал дочерью? А у христиан не разрешается это — ты сам знаешь». И сказал ей царь: «Перехитрила ты меня, Ольга». И дал ей многочисленные дары — золото, и серебро, и паволоки, и сосуды различные; и отпустил ее, назвав своею дочерью. Она же, собравшись домой, пришла к патриарху, и попросила у него благословения дому, и сказала ему: «Люди мои и сын мой язычники, — да сохранит меня Бог от всякого зла». И сказал патриарх: «Чадо верное! В Христа ты крестилась и в Христа облеклась, и Христос сохранит тебя, как сохранил Еноха во времена праотцев, а затем Ноя в ковчеге, Авраама от Авимелеха, Лота от содомлян, Моисея от фараона, Давида от Саула, трех отроков от печи, Даниила от зверей, — так и тебя избавит он от козней дьявола и от сетей его». И благословил ее патриарх, и отправилась она с миром в свою землю, и пришла в Киев. Произошло это, как при Соломоне: пришла царица эфиопская к Соломону, стремясь услышать премудрость Соломона, и увидела великую мудрость и чудеса: так же и эта блаженная Ольга искала настоящей божественной мудрости, но та (царица эфиопская) — человеческой, а эта — Божьей. «Ибо ищущие мудрости найдут». «Премудрость на улицах возглашает, на путях возвышает голос свой, на городских стенах проповедует, в городских воротах громко говорит: доколе невежды будут любить невежество...». Эта же блаженная Ольга с малых лет искала

мудростью, что есть самое лучшее в свете этом, и нашла многоценный жемчуг — Христа. Ибо сказал Соломон: «Желание благоверных приятно для дýши»; и: «Склонишь сердце твое к размышлению»; «Любящих меня я люблю, и ищущие меня найдут меня». Господь сказал: «Приходящего ко мне не изгоню вон».

Эта же Ольга пришла в Киев, и прислал к ней греческий царь послов со словами: «Много даров я дал тебе. Ты ведь говорила мне: когда возвращусь в Русь, много даров пришлю тебе: челядь, воск, и меха, и воинов в помощь». Отвечала Ольга через послов: «Если ты так же постоишь у меня в Почайне, как я в Суду, то тогда дам тебе». И отпустила послов с этими словами.

Жила же Ольга вместе с сыном своим Святославом и учила его принять крещение, но он и не думал прислушаться к этому; но если кто собирался креститься, то не запрещал, а только насмехался над тем. «Ибо для неверующих вера христианская юродство есть»; «Ибо не знают, не разумеют те, кто ходят во тьме», и не ведают славы Господней; «Огрубели сердца их, с трудом уши их слышат, а очи видят». Ибо сказал Соломон: «Дела нечестивых далеки от разума»; «Потому что звал вас и не послушались меня, обратился к вам, и не внимали, но отвергли мои советы и обличений моих не приняли»; «Возненавидели премудрость, а страха Божьего не избрали для себя, не захотели принять советов моих, презрели обличения мои». Так и Ольга часто говорила: «Я познала Бога, сын мой, и радуюсь; если и ты познаешь — тоже станешь радоваться». Он же не внимал тому, говоря: «Как мне одному принять иную веру? А дружина моя станет насмехаться». Она же сказала ему: «Если ты крестишься, то и все сделают то же». Он же не послушался матери, продолжая жить по языческим обычаям, не зная, что кто матери не послушает — в беду впадет, как сказано: «Если кто отца или матери не послушает, то смерть примет». Святослав же притом гневался на мать. Соломон же сказал: «Поучающий злых наживет себе беды, обличающего же нечестивого самого оскорбят; ибо обличения для нечестивых, как язвы. Не обличай злых, чтобы не возненавидели тебя». Однако Ольга любила своего сына Святослава и говаривала: «Да будет воля Божья; если захочет Бог помиловать род мой и землю Русскую, то вложит им в сердце то же желание обратиться к Богу, что даровал и мне». И, говоря так, молилась за сына и за людей всякую ночь и день, воспитывая сына до его возмужалости и до его совершеннолетия.

В год 6464. *956*

В год 6465. *957*

В год 6466. *958*

В год 6467. *959*

В год 6468. *960*

В год 6469. *961*

В год 6470. *962*

В год 6471. *963*

В год 6472. Когда Святослав вырос и возмужал, стал он собирать много *964*
воинов храбрых, и быстрым был, словно пардус, и много воевал. В походах

же не возил за собою ни возов, ни котлов, не варил мяса, но, тонко нарезав конину, или зверину, или говядину и зажарив на углях, так ел; не имел он шатра, но спал, постилая потник с седлом в головах, — такими же были и все остальные его воины. И посылал в иные земли со словами: «Хочу на вас идти». И пошел на Оку реку и на Волгу, и встретил вятичей, и сказал вятичам: «Кому дань даете?». Они же ответили: «Хазарам — по щелягу с сохи даем».

965 В год 6473. Пошел Святослав на хазар. Услышав же, хазары вышли навстречу во главе со своим князем Каганом и сошлись биться, и в битве одолел Святослав хазар, и столицу их и Белую Вежу взял. И победил ясов и касогов.

966 В год 6474. Вятичей победил Святослав и дань на них возложил.

967 В год 6475. Пошел Святослав на Дунай на болгар. И бились обе стороны, и одолел Святослав болгар, и взял городов их 80 по Дунаю, и сел княжить там в Переяславце, беря дань с греков.

968 В год 6476. Пришли впервые печенеги на Русскую землю, а Святослав был тогда в Переяславце, и заперлась Ольга со своими внуками — Ярополком, Олегом и Владимиром в городе Киеве. И осадили печенеги город силою великой: было их бесчисленное множество вокруг города, и нельзя было ни выйти из города, ни вести послать, и изнемогали люди от голода и жажды. И собрались люди той стороны Днепра в ладьях, и стояли на том берегу, и нельзя было никому из них пробраться в Киев, ни из города к ним. И стали тужить люди в городе, и сказали: «Нет ли кого, кто бы смог перебраться на ту сторону и сказать им: если не подступите утром к городу, — сдадимся печенегам». И сказал один отрок: «Я проберусь», и ответили ему: «Иди». Он же вышел из города, держа уздечку, и побежал через стоянку печенегов, спрашивая их: «Не видел ли кто-нибудь коня?». Ибо знал он по-печенежски, и его принимали за своего. И когда приблизился он к реке, то, скинув одежду, бросился в Днепр и поплыл. Увидев это, печенеги кинулись за ним, стреляли в него, но не смогли ему ничего сделать. На том берегу заметили это, подъехали к нему в ладье, взяли его в ладью и привезли его к дружине. И сказал им отрок: «Если не подойдете завтра к городу, то люди сдадутся печенегам». Воевода же их, по имени Претич, сказал: «Пойдем завтра в ладьях и, захватив княгиню и княжичей, умчим на этот берег. Если же не сделаем этого, то погубит нас Святослав». И на следующее утро, близко к рассвету, сели в ладьи и громко затрубили, а люди в городе закричали. Печенеги же решили, что пришел князь, и побежали от города врассыпную. И вышла Ольга с внуками и людьми к ладьям. Печенежский же князь, увидев это, возвратился один к воеводе Претичу и спросил: «Кто это пришел?». А тот ответил ему: «Люди той стороны (Днепра)». Печенежский князь спросил: «А ты не князь ли?». Претич же ответил: «Я муж его, пришел с передовым отрядом, а за мною идет войско с самим князем: бесчисленное их множество». Так сказал он, чтобы их припугнуть. Князь же печенежский сказал Претичу: «Будь мне другом». Тот ответил: «Так и сделаю». И подали они друг другу руки, и дал печенежский князь Претичу коня, саблю и стрелы. Тот же дал ему кольчугу,

щит и меч. И отступили печенеги от города, и нельзя было коня напоить: стояли печенеги на Лыбеди. И послали киевляне к Святославу со словами: «Ты, князь, ищешь чужой земли и о ней заботишься, а свою покинул, а нас чуть было не взяли печенеги, и мать твою, и детей твоих. Если не придешь и не защитишь нас, то возьмут-таки нас. Неужели не жаль тебе своей отчины, старой матери, детей своих?». Услышав это, Святослав с дружиною быстро сел на коней и вернулся в Киев; приветствовал мать свою и детей и сокрушался о перенесенном от печенегов. И собрал воинов, и прогнал печенегов в степь, и наступил мир.

В год 6477. Сказал Святослав матери своей и боярам своим: «Не любо *969*
мне сидеть в Киеве, хочу жить в Переяславце на Дунае — ибо там середина земли моей, туда стекаются все блага: из Греческой земли — золото, паволоки, вина, различные плоды, из Чехии и из Венгрии серебро и кони, из Руси же меха и воск, мед и рабы». Отвечала ему Ольга: «Видишь — я больна; куда хочешь уйти от меня?» — ибо она уже разболелась. И сказала: «Когда похоронишь меня, — отправляйся, куда захочешь». Через три дня Ольга умерла, и плакали по ней плачем великим сын ее, и внуки ее, и все люди, и понесли, и похоронили ее на выбранном месте. Ольга же завещала не совершать по ней тризны, так как имела при себе священника — тот и похоронил блаженную Ольгу.

Была она предвозвестницей христианской земле, как денница перед солнцем, как заря перед рассветом. Она ведь сияла, как луна в ночи; так и она светилась среди язычников, как жемчуг в грязи; были тогда люди загрязнены грехами, не омыты святым крещением. Эта же омылась в святой купели, и сбросила с себя греховные одежды первого человека Адама, и облеклась в нового Адама, то есть в Христа. Мы же взываем к ней: «Радуйся, русское познание Бога, начало нашего с ним примирения». Она первая из русских вошла в царство небесное, ее и восхваляют сыны русские — свою начинательницу, ибо и по смерти молится она Богу за Русь. Ведь души праведных не умирают; как сказал Соломон: «Радуется народ похваляемому праведнику»; память праведника бессмертна, так как признается он и Богом и людьми. Здесь же ее все люди прославляют, видя, что она лежит много лет, не тронутая тлением; ибо сказал пророк: «Прославляющих меня прославлю». О таких ведь Давид сказал: «В вечной памяти будет праведник, не убоится дурной молвы; готово сердце его уповать на Господа; утверждено сердце его и не дрогнет». Соломон же сказал: «Праведники живут вовеки; награда им от Господа и попечение о них у Всевышнего. Посему получат они царство красоты и венец доброты от руки Господа, ибо он покроет их десницею и защитит их мышцею». Защитил ведь он и эту блаженную Ольгу от врага и супостата — дьявола.

В год 6478. Святослав посадил Ярополка в Киеве, а Олега у древлян. *970*
В то время пришли новгородцы, прося себе князя: «Если не пойдете к нам, то сами добудем себе князя». И сказал им Святослав: «А кто бы пошел к вам?». И отказались Ярополк и Олег. И сказал Добрыня: «Просите Владимира». Владимир же был от Малуши — ключницы Ольгиной. Малуша же была сестра Добрыни; отец же им был Малк Любечанин, и

приходился Добрыня дядей Владимиру. И сказали новгородцы Святославу: «Дай нам Владимира». Он же ответил им: «Вот он вам». И взяли к себе новгородцы Владимира, и пошел Владимир с Добрынею, своим дядей, в Новгород, а Святослав в Переяславец.

971 В год 6479. Пришел Святослав в Переяславец, и затворились болгары в городе. И вышли болгары на битву со Святославом, и была сеча велика, и стали одолевать болгары. И сказал Святослав своим воинам: «Здесь нам и умереть; постоим же мужественно, братья и дружина!». И к вечеру одолел Святослав, и взял город приступом, и послал к грекам со словами: «Хочу идти на вас и взять столицу вашу, как и этот город». И сказали греки: «Невмоготу нам сопротивляться вам, так возьми с нас дань и на всю свою дружину и скажи, сколько вас, и дадим мы по числу дружинников твоих». Так говорили греки, обманывая русских, ибо греки лживы и до наших дней. И сказал им Святослав: «Нас двадцать тысяч», и прибавил десять тысяч: ибо было русских всего десять тысяч. И выставили греки против Святослава сто тысяч, и не дали дани. И пошел Святослав на греков, и вышли те против русских. Когда же русские увидели их — сильно испугались такого великого множества воинов, но сказал Святослав: «Нам некуда уже деться, хотим мы или не хотим — должны сражаться. Так не посрамим земли Русской, но ляжем здесь костьми, ибо мертвым не ведом позор. Если же побежим — позор нам будет. Так не побежим же, но станем крепко, а я пойду впереди вас: если моя голова ляжет, то о своих сами позаботьтесь». И ответили воины: «Где твоя голова ляжет, там и свои головы сложим». И исполчились русские, и была жестокая сеча, и одолел Святослав, а греки бежали. И пошел Святослав к столице, воюя и разбивая города, что стоят и доныне пусты. И созвал царь бояр своих в палату, и сказал им: «Что нам делать: не можем ведь ему сопротивляться?». И сказали ему бояре: «Пошли к нему дары; испытаем его: любит ли он золото или паволоки?». И послал к нему золото и паволоки с мудрым мужем, наказав ему: «Следи за его видом, и лицом, и мыслями». Он же, взяв дары, пришел к Святославу. И поведали Святославу, что пришли греки с поклоном. И сказал он: «Введите их сюда». Те вошли, и поклонились ему, и положили перед ним золото и паволоки. И сказал Святослав своим отрокам, смотря в сторону: «Спрячьте». Греки же вернулись к царю, и созвал царь бояр. Посланные же сказали: «Пришли-де мы к нему и поднесли дары, а он и не взглянул на них — приказал спрятать». И сказал один: «Испытай его еще раз: пошли ему оружие». Они же послушали его, и послали ему меч и другое оружие, и принесли ему. Он же взял и стал царя хвалить, выражая ему любовь и благодарность. Снова вернулись посланные к царю и поведали ему все, как было. И сказали бояре: «Лют будет муж этот, ибо богатством пренебрегает, а оружие берет. Соглашайся на дань». И послал к нему царь, говоря так: «Не ходи к столице, возьми дань, сколько хочешь», ибо немного не дошел он до Царьграда. И дали ему дань; он же брал и на убитых, говоря: «Возьмет-де за убитого род его». Взял же и даров много и возвратился в Переяславец со славою великою. Увидев же, что мало у него дружины, сказал себе: «Как бы не убили какой-нибудь хитростью и дружину мою, и

меня», так как многие погибли в боях. И сказал: «Пойду на Русь, приведу еще дружины».

И отправил послов к царю в Доростол, ибо там находился царь, говоря так: «Хочу иметь с тобою прочный мир и любовь». Царь же, услышав это, обрадовался и послал к нему даров больше прежнего. Святослав же принял дары и стал думать с дружиною своею, говоря так: «Если не заключим мир с царем и узнает царь, что нас мало, то придут и осадят нас в городе. А Русская земля далеко, а печенеги нам враждебны, и кто нам поможет? Заключим же с царем мир: ведь они уже обязались платить нам дань, — того с нас и хватит. Если же перестанут нам платить дань, то снова из Руси, собрав множество воинов, пойдем на Царьград». И была люба речь эта дружине, и послали лучших мужей к царю, и пришли в Доростол, и сказали о том царю. Царь же на следующее утро призвал их к себе и сказал: «Пусть говорят послы русские». Они же начали: «Так говорит князь наш: „Хочу иметь истинную любовь с греческим царем на все будущие времена"». Царь же обрадовался и повелел писцу записывать все речи Святослава на хартию. И стал посол говорить все речи, и стал писец писать. Говорил же он так:

«Список с договора, заключенного при Святославе, великом князе русском, и при Свенельде, писано при Феофиле Синкеле к Иоанну, называемому Цимисхием, царю греческому, в Доростоле, месяца июля, 14 индикта, в год 6479. Я, Святослав, князь русский, как клялся, так и подтверждаю договором этим клятву мою: хочу вместе со всеми подданными мне русскими, с боярами и прочими иметь мир и истинную любовь со всеми великими царями греческими, с Василием и с Константином, и с боговдохновенными царями, и со всеми людьми вашими до конца мира. И никогда не буду замышлять на страну вашу, и не буду собирать на нее воинов, и не наведу иного народа на страну вашу, ни на ту, что находится под властью греческой, ни на Корсунскую страну и все города тамошние, ни на страну Болгарскую. И если иной кто замыслит против страны вашей, то я ему буду противником и буду воевать с ним. Как уже клялся я греческим царям, а со мною бояре и все русские, да соблюдем мы неизменным договор. Если же не соблюдем мы чего-либо из сказанного раньше, пусть я и те, кто со мною и подо мною, будем прокляты от бога, в которого веруем, — в Перуна и в Волоса, бога скота, и да будем желты, как золото, и своим оружием посечены будем. Не сомневайтесь в правде того, что мы обещали вам ныне, и написали в хартии этой и скрепили своими печатями».

Заключив мир с греками, Святослав в ладьях отправился к порогам. И сказал ему воевода отца его Свенельд: «Обойди, князь, пороги на конях, ибо стоят у порогов печенеги». И не послушал его, и пошел в ладьях. А переяславцы послали к печенегам сказать: «Вот идет мимо вас на Русь Святослав с небольшой дружиной, забрав у греков много богатства и пленных без числа». Услышав об этом, печенеги заступили пороги. И пришел Святослав к порогам, и нельзя было их пройти. И остановился зимовать в Белобережье, и не стало у них еды, и был у них великий голод, так что по полугривне платили за конскую голову, и тут перезимовал Святослав.

972 В год 6480. Когда наступила весна, отправился Святослав к порогам. И напал на него Куря, князь печенежский, и убили Святослава, и взяли голову его, и сделали чашу из черепа, оковав его, и пили из него. Свенельд же пришел в Киев к Ярополку. А всех лет княжения Святослава было 28.

973 В год 6481. Начал княжить Ярополк.

974 В год 6482.

975 В год 6483. Однажды Свенельдич, именем Лют, вышел из Киева на охоту и гнал зверя в лесу. И увидел его Олег, и спросил своих: «Кто это?». И ответили ему: «Свенельдич». И, напав, убил его Олег, так как и сам охотился там же. И поднялась оттого ненависть между Ярополком и Олегом, и постоянно подговаривал Свенельд Ярополка, стремясь отомстить за сына своего: «Пойди на своего брата и захвати волость его».

976 В год 6484.

977 В год 6485. Пошел Ярополк на брата своего Олега в Деревскую землю. И вышел против него Олег, и исполчились обе стороны. И в начавшейся битве победил Ярополк Олега. Олег же со своими воинами побежал в город, называемый Овруч, а через ров к городским воротам был перекинут мост, и люди, теснясь на нем, сталкивали друг друга вниз. И столкнули Олега с моста в ров. Много людей падало, и кони давили людей. Ярополк, войдя в город Олегов, захватил власть и послал искать своего брата, и искали его, но не нашли. И сказал один древлянин: «Видел я, как вчера спихнули его с моста». И послал Ярополк найти брата, и вытаскивали трупы изо рва с утра и до полдня, и нашли Олега под трупами; вынесли его и положили на ковре. И пришел Ярополк, плакал над ним и сказал Свенельду: «Смотри, этого ты и хотел!». И похоронили Олега в поле у города Овруча, и есть могила его у Овруча и до сего времени. И наследовал власть его Ярополк. У Ярополка же была жена гречанка, а перед тем была она монахиней, в свое время привел ее отец его Святослав и выдал ее за Ярополка, красоты ради лица ее. Когда Владимир в Новгороде услышал, что Ярополк убил Олега, то испугался и бежал за море. А Ярополк посадил своих посадников в Новгороде и владел один Русскою землею.

978 В год 6486.

979 В год 6487.

980 В год 6488. Владимир вернулся в Новгород с варягами и сказал посадникам Ярополка: «Идите к брату моему и скажите ему: „Владимир идет на тебя, готовься с ним биться"». И сел в Новгороде.

И послал к Рогволоду в Полоцк сказать: «Хочу дочь твою взять себе в жены». Тот же спросил у дочери своей: «Хочешь ли за Владимира?». Она ответила: «Не хочу разуть сына рабыни, но хочу за Ярополка». Этот Рогволод пришел из-за моря и держал власть свою в Полоцке, а Туры держал власть в Турове, по нему и прозвались туровцы. И пришли отроки Владимира и поведали ему всю речь Рогнеды — дочери полоцкого князя Рогволода. Владимир же собрал много воинов — варягов, словен, чуди и кривичей — и пошел на Рогволода. А в это время собирались уже вести Рогнеду за Ярополка. И напал Владимир на Полоцк, и убил Рогволода и двух его сыновей, а дочь его взял в жены.

И пошел на Ярополка. И пришел Владимир к Киеву с большим войском, а Ярополк не смог выйти ему навстречу и затворился в Киеве со своими людьми и с Блудом, и стоял Владимир, окопавшись, на Дорогожиче — между Дорогожичем и Капичем, и существует ров тот и поныне. Владимир же послал к Блуду — воеводе Ярополка — с хитростью говоря: «Будь мне другом! Если убью брата моего, то буду почитать тебя как отца, и честь большую получишь от меня; не я ведь начал убивать братьев, но он. Я же, убоявшись этого, выступил против него». И сказал Блуд послам Владимировым: «Буду с тобой в любви и дружбе». О злое коварство человеческое! Как говорит Давид: «Человек, который ел хлеб мой, возвел на меня клевету». Этот же обманом задумал измену своему князю. И еще: «Языком своим льстили. Осуди их, Боже, да откажутся они от замыслов своих; по множеству нечестия их отвергни их, ибо прогневали они тебя, Господи». И еще сказал тот же Давид: «Муж скорый на кровопролитие и коварный не проживет и половины дней своих». Зол совет тех, кто толкает на кровопролитие; безумцы те, кто, приняв от князя или господина своего почести или дары, замышляют погубить жизнь своего князя; хуже они бесов. Так вот и Блуд предал князя своего, приняв от него многую честь: потому и виновен он в крови той. Затворился Блуд (в городе) вместе с Ярополком, а сам, обманывая его, часто посылал к Владимиру с призывами идти приступом на город, замышляя в это время убить Ярополка, но из-за горожан нельзя было убить его. Не смог Блуд никак погубить его и придумал хитрость, подговаривая Ярополка не выходить из города на битву. Сказал Блуд Ярополку: «Киевляне посылают к Владимиру, говоря ему: „Приступай к городу, предадим-де тебе Ярополка". Беги же из города». И послушался его Ярополк, выбежал из Киева и затворился в городе Родне в устье реки Роси, а Владимир вошел в Киев и осадил Ярополка в Родне. И был там жестокий голод, так что осталась поговорка и до наших дней: «Беда как в Родне». И сказал Блуд Ярополку: «Видишь, сколько воинов у брата твоего? Нам их не победить. Заключай мир с братом своим», — так говорил он, обманывая его. И сказал Ярополк: «Пусть так!». И послал Блуд к Владимиру со словами: «Сбылась-де мысль твоя, и, как приведу к тебе Ярополка, будь готов убить его». Владимир же, услышав это, вошел в отчий двор теремной, о котором мы уже упоминали, и сел там с воинами и с дружиною своею. И сказал Блуд Ярополку: «Пойди к брату своему и скажи ему: „Что ты мне ни дашь, то я и приму"». Ярополк пошел, а Варяжко сказал ему: «Не ходи, князь, убьют тебя; беги к печенегам и приведешь воинов», и не послушал его Ярополк. И пришел Ярополк ко Владимиру; когда же входил в двери, два варяга подняли его мечами под пазухи. Блуд же затворил двери и не дал войти за ним своим. И так убит был Ярополк. Варяжко же, увидев, что Ярополк убит, бежал со двора того теремного к печенегам и долго воевал с печенегами против Владимира, с трудом привлек его Владимир на свою сторону, дав ему клятвенное обещание. Владимир же стал жить с женою своего брата — гречанкой, и была она беременна, и родился от нее Святополк. От греховного же корня зол плод бывает: во-первых, была его мать монахиней, а

во-вторых, Владимир жил с ней не в браке, а как прелюбодей. Потому-то и не любил Святополка отец его, что был он от двух отцов: от Ярополка и от Владимира.

После всего этого сказали варяги Владимиру: «Это наш город, мы его захватили, — хотим взять выкуп с горожан по две гривны с человека». И сказал им Владимир: «Подождите с месяц, пока соберут вам куны». И ждали они месяц, и не дал им Владимир выкупа, и сказали варяги: «Обманул нас, так отпусти в Греческую землю». Он же ответил им: «Идите». И выбрал из них мужей добрых, умных и храбрых и роздал им города; остальные же отправились в Царьград к грекам. Владимир же еще прежде них отправил послов к царю с такими словами: «Вот идут к тебе варяги, не вздумай держать их в столице, иначе наделают тебе такого же зла, как и здесь, но рассели их по разным местам, а сюда не пускай ни одного».

И стал Владимир княжить в Киеве один, и поставил кумиры на холме за теремным двором: деревянного Перуна с серебряной головой и золотыми усами, и Хорса, Дажьбога, и Стрибога, и Симаргла, и Мокошь. И приносили им жертвы, называя их богами, и приводили своих сыновей и дочерей, и приносили жертвы бесам, и оскверняли землю жертвоприношениями своими. И осквернилась кровью земля Русская и холм тот. Но преблагий Бог не захотел гибели грешников, и на том холме стоит ныне церковь святого Василия, как расскажем об этом после. Теперь же возвратимся к прежнему.

Владимир посадил Добрыню, своего дядю, в Новгороде. И, придя в Новгород, Добрыня поставил кумира над рекою Волховом, и приносили ему жертвы новгородцы как богу.

Был же Владимир побежден похотью, и были у него жены: Рогнеда, которую поселил на Лыбеди, где ныне находится сельцо Предславино, от нее имел он четырех сыновей: Изяслава, Мстислава, Ярослава, Всеволода, и двух дочерей; от гречанки имел он Святополка, от чехини — Вышеслава, а еще от одной жены — Святослава и Мстислава, а от болгарыни — Бориса и Глеба, а наложниц было у него 300 в Вышгороде, 300 в Белгороде и 200 на Берестове, в сельце, которое называют сейчас Берестовое. И был он ненасытен в блуде, приводя к себе замужних женщин и растляя девиц. Был он такой же женолюбец, как и Соломон, ибо говорят, что у Соломона было 700 жен и 300 наложниц. Мудр он был, а в конце концов погиб. Этот же был невежда, а под конец обрел себе вечное спасение. «Велик Господь, и велика крепость его, и разуму его нет конца!». Женское прельщение — зло; вот как, покаявшись, сказал Соломон о женах: «Не внимай злой жене; ибо мед каплет с уст ее, жены прелюбодейцы; на мгновение только наслаждает гортань твою, после же горчее желчи станет... Сближающиеся с ней пойдут после смерти в ад. По пути жизни не идет она, распутная жизнь ее наблагоразумна». Вот что сказал Соломон о прелюбодейках; а о хороших женах сказал он так: «Дороже она многоценного камени. Радуется на нее муж ее. Ведь делает она жизнь его счастливой. Достав шерсть и лен, создает все потребное руками своими. Она, как купеческий корабль, занимающийся торговлей, издалека собирает себе богатство, и встает еще ночью, и раздает

пищу в доме своем и дело рабыням своим. Увидев поле — покупает: от плодов рук своих насадит пашню. Крепко подпоясав стан свой, укрепит руки свои на дело. И вкусила она, что благо — трудиться, и не угасает светильник ее всю ночь. Руки свои простирает к полезному, локти свои устремляет к веретену. Руки свои протягивает бедному, плод подает нищему. Не заботится муж ее о доме своем, потому что, где бы он ни был, — все домашние ее одеты будут. Двойные одежды сделает мужу своему, а червленые и багряные одеяния — для самой себя. Муж ее заметен всем у ворот, когда сядет на совете со старейшинами и жителями земли. Покрывала сделает она и отдаст в продажу. Уста же свои открывает с мудростью, с достоинством говорит языком своим. В силу и в красоту облеклась она. Милости ее превозносят дети ее и ублажают ее; муж хвалит ее. Благословенна разумная жена, ибо похвалит она страх Божий. Дайте ей от плода уст ее, и да прославят мужа ее у ворот».

В год 6489. Пошел Владимир на поляков и захватил города их, *981*
Перемышль, Червен и другие города, которые и доныне под Русью. В том же году победил Владимир и вятичей и возложил на них дань — с каждого плуга, как и отец его брал.

В год 6490. Поднялись вятичи войною, и пошел на них Владимир, и *982*
победил их вторично.

В год 6491. Пошел Владимир против ятвягов, и победил ятвягов, и *983*
завоевал их землю. И пошел к Киеву, принося жертвы кумирам с людьми своими. И сказали старцы и бояре: «Бросим жребий на отрока и девицу, на кого падет он, того и зарежем в жертву богам». Был тогда варяг один, а двор его стоял там, где сейчас церковь святой Богородицы, которую построил Владимир. Пришел тот варяг из Греческой земли и исповедовал христианскую веру. И был у него сын, прекрасный лицом и душою, на него-то и пал жребий, по зависти дьявола. Ибо не терпел его дьявол, имеющий власть над всеми, а этот был ему как терние в сердце, и пытался сгубить его окаянный и натравил людей. И посланные к нему, придя, сказали: «На сына-де твоего пал жребий, избрали его себе боги, так принесем же жертву богам». И сказал варяг: «Не боги это, а дерево: нынче есть, а завтра сгниет; не едят они, не пьют, не говорят, но сделаны руками из дерева. Бог же один, ему служат греки и поклоняются; сотворил он небо, и землю, и звезды, и луну, и солнце, и человека и предназначил его жить на земле. А эти боги что сделали? Сами они сделаны. Не дам сына своего бесам». Посланные ушли и поведали обо всем людям. Те же, взяв оружие, пошли на него и разнесли его двор. Варяг же стоял на сенях с сыном своим. Сказали ему: «Дай сына своего, да принесем его богам». Он же ответил: «Если боги они, то пусть пошлют одного из богов и возьмут моего сына. А вы-то зачем совершаете им требы?». И кликнули, и подсекли под ними сени, и так их убили. И не ведает никто, где их положили. Ведь были тогда люди невежды и нехристи. Дьявол же радовался тому, не зная, что близка уже его погибель. Так пытался он погубить весь род христианский, но прогнан был честным крестом из иных стран. «Здесь же, — думал окаянный, — обрету себе жилище, ибо здесь не учили апостолы, ибо здесь

пророки не предрекали», не зная, что пророк сказал: «И назову людей не моих моими людьми»; об апостолах же сказано: «По всей земле разошлись речи их, и до конца вселенной — слова их». Если и не были здесь апостолы сами, однако учение их, как трубные звуки, раздается в церквах по всей вселенной: их учением побеждаем врага — дьявола, попирая его под ноги, как попрали и эти два отца наших, приняв венец небесный наравне со святыми мучениками и праведниками.

984 В год 6492. Пошел Владимир на радимичей. Был у него воевода Волчий Хвост; и послал Владимир Волчьего Хвоста вперед себя, и встретил тот радимичей на реке Пищане, и победил радимичей Волчий Хвост. Оттого и дразнят русские радимичей, говоря: «Пищанцы от волчьего хвоста бегают». Были же радимичи от рода ляхов, пришли и поселились тут и платят дань Руси, повоз везут и доныне.

985 В год 6493. Пошел Владимир на болгар в ладьях с дядею своим Добрынею, а торков привел берегом на конях; и победил болгар. Сказал Добрыня Владимиру: «Осмотрел пленных колодников: все они в сапогах. Этим дани нам не давать — пойдем, поищем себе лапотников». И заключил Владимир мир с болгарами, и клятву дали друг другу, и сказали болгары: «Тогда не будет между нами мира, когда камень станет плавать, а хмель — тонуть». И вернулся Владимир в Киев.

986 В год 6494. Пришли болгары магометанской веры, говоря: «Ты, князь, мудр и смы́слен, а закона не знаешь, уверуй в закон наш и поклонись Магомету». И спросил Владимир: «Какова же вера ваша?». Они же ответили: «Веруем Богу, и учит нас Магомет так: совершать обрезание, не есть свинины, не пить вина, зато по смерти, говорит, можно творить блуд с женами. Даст Магомет каждому по семидесяти красивых жен, и изберет одну из них красивейшую, и возложит на нее красоту всех; та и будет ему женой. Здесь же, говорит, следует предаваться всякому блуду. Если кто беден на этом свете, то и на том», и другую всякую ложь говорили, о которой и писать стыдно. Владимир же слушал их, так как и сам любил жен и всякий блуд; потому и слушал их всласть. Но вот что было ему нелюбо: обрезание и воздержание от свиного мяса, а о питье, напротив, сказал он: «Руси есть веселие пить: не можем без того быть». Потом пришли иноземцы из Рима и сказали: «Пришли мы, посланные папой», и обратились к Владимиру: «Так говорит тебе папа: „Земля твоя такая же, как и наша, а вера ваша не похожа на веру нашу, так как наша вера — свет; кланяемся мы Богу, сотворившему небо и землю, звезды и месяц и все, что дышит, а ваши боги — просто дерево"». Владимир же спросил их: «В чем заповедь ваша?». И ответили они: «Пост по силе: „если кто пьет или ест, то все это во славу Божию", — как сказал учитель наш Павел». Сказал же Владимир немцам: «Идите, откуда пришли, ибо отцы наши не приняли этого». Услышав об этом, пришли хазарские евреи и сказали: «Слышали мы, что приходили болгары и христиане, уча тебя каждый своей вере. Христиане же веруют в того, кого мы распяли, а мы веруем в единого Бога Авраамова, Исаакова и Иаковля». И спросил Владимир: «Что у вас за закон?». Они же ответили: «Обрезаться, не есть свинины и заячины, соблюдать субботу». Он же

спросил: «А где земля ваша?». Они же сказали: «В Иерусалиме». А он спросил: «Точно ли она там?». И ответили: «Разгневался Бог на отцов наших и рассеял нас по различным странам за грехи наши, а землю нашу отдал христианам». Сказал на это Владимир: «Как же вы иных учите, а сами отвергнуты Богом и рассеяны? Если бы Бог любил вас и закон ваш, то не были бы вы рассеяны по чужим землям. Или и нам того же хотите?».

Затем прислали греки к Владимиру философа, так сказавшего: «Слышали мы, что приходили болгары и учили тебя принять свою веру; вера же их оскверняет небо и землю, и прокляты они сверх всех людей, уподобились жителям Содома и Гоморры, на которых напустил Господь горящий камень и затопил их, и потонули, так вот и этих ожидает день погибели их, когда придет Бог судить народы и погубит всех, творящих беззакония и скверное делающих. Ибо, подмывшись, вливают эту воду в рот, мажут ею по бороде и поминают Магомета. Так же и жены их творят ту же скверну, и еще даже бóльшую...». Услышав об этом, Владимир плюнул на землю и сказал: «Нечисто это дело». Сказал же философ: «Слышали мы и то, что приходили к вам из Рима научить вас вере своей. Вера же их немного от нашей отличается: служат на опресноках, то есть на облатках, о которых Бог не заповедал, повелев служить на хлебе, и поучал апостолов, взяв хлеб: „Сие есть тело мое, ломимое за вас...". Так же и чашу взял и сказал: „Сия есть кровь моя нового завета". Те же, которые не творят этого, неправильно веруют». Сказал же Владимир: «Пришли ко мне евреи и сказали, что немцы и греки веруют в того, кого они распяли». Философ ответил: «Воистину веруем в того; их же пророки предсказывали, что родится Бог, а другие, — что распят будет и погребен, но в третий день воскреснет и взойдет на небеса. Они же одних пророков избивали, а других истязали. Когда же сбылись пророчества их, когда сошел он на землю, был он распят и, воскреснув, взошел на небеса, от них же ожидал Бог покаяния 46 лет, но не покаялись, и тогда послал на них римлян; и разбили их города, а самих рассеяли по иным землям, где и пребывают в рабстве». Владимир спросил: «Зачем же сошел Бог на землю и принял такое страдание?». Ответил же философ: «Если хочешь послушать, то скажу тебе по порядку с самого начала, зачем Бог сошел на землю». Владимир же сказал: «Рад послушать». И начал философ говорить так:

«В начале, в первый день, сотворил Бог небо и землю. Во второй день сотворил твердь посреди воды. В тот же день разделились воды — половина их взошла на твердь, а половина сошла под твердь. В третий день сотворил он море, реки, источники и семена. В четвертый день — солнце, луну, звезды, и украсил Бог небо. Увидел все это первый из ангелов — старейшина чина ангельского, и подумал: „Сойду на землю, и овладею ею, и буду подобен Богу, и поставлю престол свой на облаках северных". И тотчас же был свергнут с небес, и вслед за ним пали те, кто находился под его началом — десятый ангельский чин. Было имя врагу — Сатанаил, а на его место Бог поставил старейшину Михаила. Сатана же, обманувшись в замысле своем и лишившись первоначальной славы своей, назвался противником Богу. Затем, в пятый день, сотворил Бог китов, рыб, гадов и

птиц пернатых. В шестой день сотворил Бог зверей, скотов, гадов земных; создал и человека. В седьмой же день, то есть в субботу, почил Бог от дел своих. И насадил Бог рай на востоке в Эдеме, и ввел в него человека, которого создал, и заповедал ему есть плоды каждого дерева, а плодов одного дерева — познания добра и зла — не есть. И был Адам в раю, видел Бога и славил его, когда ангелы славили. И навел Бог сон на Адама, и уснул Адам, и взял Бог одно ребро у Адама, и сотворил ему жену, и ввел ее в рай к Адаму, и сказал Адам: „Вот кость от кости моей и плоть от плоти моей; она будет называться женою". И нарек Адам имена скотам и птицам, зверям и гадам и дал имена даже самим ангелам. И подчинил Бог Адаму зверей и скот, и обладал он всеми, и все его слушали. Дьявол же, увидев, как почтил Бог человека, стал ему завидовать, преобразился в змия, пришел к Еве и сказал ей: „Почему не едите от дерева, растущего посредине рая?". И сказала жена змию: „Сказал Бог: «Не ешьте, если же съедите, то смертью умрете»". И сказал жене змий: „Смертию не умрете; ибо знает Бог, что в день тот, в который съедите от дерева этого, откроются очи ваши и будете как Бог, познав добро и зло". И увидела жена, что дерево съедобное, и, взяв, съела плод, и дала мужу своему, и ели оба, и открылись очи обоих, и поняли они, что наги, и сшили себе препоясание из листвы смоковницы. И сказал Бог: „Проклята земля за твои дела, в печали будешь насыщаться все дни твоей жизни". И сказал Господь Бог: „Когда простреете руки и возьмете от дерева жизни — будете жить вечно". И изгнал Господь Бог Адама из рая. И поселился он против рая, плачась и возделывая землю, и порадовался сатана о проклятии земли. Это первое наше падение и горькая расплата, отпадение от ангельского жития. Родил Адам Каина и Авеля. Каин был пахарь, а Авель пастух. И понес Каин в жертву Богу плоды земные, и не принял Бог даров его. Авель же принес первенца ягненка, и принял Бог дары Авеля. Сатана же вошел в Каина и стал подстрекать его убить Авеля. И сказал Каин Авелю: „Пойдем в поле". И послушал его Авель, и, когда вышли, восстал Каин на Авеля и хотел убить его, но не знал, как это сделать. И сказал ему сатана: „Возьми камень и ударь его". Он взял камень и убил Авеля. И сказал Бог Каину: „Где брат твой?". Он же ответил: „Разве я сторож брату моему?". И сказал Бог: „Кровь брата твоего вопиет ко мне, будешь стонать и трястись до конца жизни своей". Адам и Ева плакали, а дьявол радовался, говоря: „Кого Бог почтил, того я заставил отпасть от Бога и вот ныне горе на него навлек". И плакались по Авеле 30 лет, и не истлело тело его, и не умели его похоронить. И повелением Божьим прилетели два птенца, один из них умер, другой же ископал яму и положил в нее умершего и похоронил его. Увидев это, Адам и Ева выкопали яму, положили в нее Авеля и похоронили с плачем. Когда Адаму было 230 лет, родил он Сифа и двух дочерей, и взял одну Каин, а другую Сиф, и оттого пошли плодиться люди и множиться на земле. И не познали сотворившего их, исполнились блуда, и всякой нечистоты, и убийства, и зависти, и жили люди, как скоты. Только Ной один был праведен в роде людском. И родил он трех сыновей: Сима, Хама и Иафета. И сказал Бог: „Не будет дух мой пребывать среди людей"; и еще:

„Истреблю то, что сотворил, от человека и до скота". И сказал Господь Бог Ною: „Построй ковчег в длину 300 локтей, в ширину 80, а в вышину 30"; египтяне же называют локтем сажень. 100 лет делал Ной свой ковчег, и когда поведал Ной людям, что будет потоп, посмеялись над ним. Когда же сделал ковчег, сказал Ною Господь: „Войди в него ты, и твоя жена, и сыновья твои, и снохи твои, и введи к себе по паре от всех зверей, и от всех птиц, и от всех гадов". И ввел Ной, кого приказал ему Бог. Навел Бог потоп на землю, потонуло все живое, а ковчег плавал на воде. Когда же спала вода, вышел Ной, его сыновья и жена его. От них и населилась земля. И было людей много, и говорили они на одном языке, и сказали они друг другу: „Построим столп до неба". Начали строить, и был старейшина их Неврод; и сказал Бог: „Вот умножились люди и замыслы их суетные". И сошел Бог, и разделил речь их на 72 языка. Только язык Адама не был отнят у Евера; этот один из всех остался непричастен к их безумному делу и сказал так: „Если бы Бог приказал людям создать столп до неба, то повелел бы сам Бог словом своим, — так же как сотворил небо, землю, море, все видимое и невидимое". Вот почему не переменился его язык; от него пошли евреи. Итак, разделились люди на 71 язык и разошлись по всем странам, и каждый народ принял свой нрав. По научению дьявола приносили они жертвы рощам, колодцам и рекам и не познали Бога. От Адама же и до потопа прошло 2242 года, а от потопа до разделения народов 529 лет. Затем дьявол ввел людей в еще большее заблуждение, и стали они создавать кумиров: одних — деревянных, других — медных, третьих — мраморных, а некоторых — золотых и серебряных. И кланялись им, и приводили к ним своих сыновей и дочерей, и закалывали их перед ними, и была осквернена вся земля. Первым же стал делать кумиры Серух, создавал он их в честь умерших людей: некоторым бывшим царям, или храбрым людям и волхвам, и женам прелюбодейкам. Серух же родил Фарру, Фарра же родил трех сыновей: Авраама, Нахора и Аарона. Фарра же делал кумиры, научившись этому у своего отца. Авраам же, начав понимать истину, посмотрел на небо, и увидел звезды и небо, и сказал: „Воистину тот Бог, который создал небо и землю, а отец мой обманывает людей". И сказал Авраам: „Испытаю богов отца своего", и обратился к отцу: „Отец! Зачем обманываешь людей, делая деревянных кумиров? Тот Бог, кто сотворил небо и землю". Авраам, взяв огонь, зажег идолов в храме. Аарон же, брат Авраама, увидев это и чтя идолов, захотел вынести их, но и сам тут же сгорел и умер раньше отца. Перед этим же не умирал сын прежде отца, но отец прежде сына; и с тех пор стали умирать сыновья прежде отцов. Бог же возлюбил Авраама и сказал ему: „Изыди из дома отца твоего и пойди в землю, которую покажу тебе, и сотворю от тебя великий народ, и благословят тебя поколения людские". И сделал Авраам так, как заповедал ему Бог. И взял Авраам племянника своего Лота; этот Лот был ему и шурин, и племянник, так как Авраам взял за себя дочь брата Аарона — Сару. И пришел Авраам в землю Хананейскую к высокому дубу, и сказал Бог Аврааму: „Потомству твоему дам землю эту". И поклонился Авраам Богу.

Аврааму же было 75 лет, когда вышел он из Харрана. Сара же была неплодной, болела бесчадием. И сказала Сара Аврааму: „Войди к рабе моей". И взяла Сара Агарь, и отдала ее мужу своему, и вошел Авраам к Агари. Агарь же зачала и родила сына, и назвал его Авраам Измаилом; Аврааму же было 86 лет, когда родился Измаил. Затем зачала Сара, и родила сына, и нарекла имя ему Исаак. И приказал Бог Аврааму совершить обрезание отрока, и обрезали его на восьмой день. Возлюбил Бог Авраама и племя его, и назвал его своим народом, а назвав своим народом, отделил его от других. И возмужал Исаак, а Авраам жил 175 лет, и умер, и был погребен. Когда же Исааку было 60 лет, родил он двух сыновей: Исава и Иакова. Исав же был лжив, а Иаков — праведен. Этот Иаков работал у своего дяди семь лет, добиваясь его младшей дочери, и не дал ее ему Лаван — дядя его, сказав так: „Возьми старшую". И дал ему Лию, старшую, а ради другой, сказал ему: „Работай еще семь лет". Он же работал еще семь лет ради Рахили. И так взял себе двух сестер и родил от них восемь сыновей: Рувима, Симеона, Левгию, Иуду, Исахара, Заулона, Иосифа и Вениамина, и от двух рабынь: Дана, Нефталима, Гада и Асира. И от них пошли евреи. Иаков же, когда ему было 130 лет, отправился в Египет, вместе со всем родом своим, числом 65 душ. Прожил он в Египте 17 лет и умер, а потомство его находилось в рабстве 400 лет. По прошествии же этих лет усилились евреи и умножились, а египтяне притесняли их как рабов. В эти времена родился у евреев Моисей, и сказали волхвы египетскому царю: „Родился ребенок у евреев, который погубит Египет". И тотчас же повелел царь всех рождающихся еврейских детей бросать в реку. Мать же Моисея, испугавшись этого истребления, взяла младенца, положила его в корзину и, отнеся, поставила ее подле реки. В это время пришла дочь фараона Фермуфи купаться и увидела плачущего ребенка, взяла его, пощадила, и дала имя ему Моисей, и вскормила. Был же тот мальчик красив, и, когда исполнилось ему четыре года, привела его дочь фараона к своему отцу. Фараон же, увидев Моисея, полюбил мальчика. Моисей же, хватаясь как-то за шею царя, уронил с царской головы венец и наступил на него. Волхв же, увидев это, сказал царю: „О царь! Погуби отрока этого, если же не погубишь, то погубит он сам весь Египет". Царь же не только его не послушал, но, больше того, приказал не губить еврейских детей. Моисей возмужал и стал великим мужем в доме фараона. Когда же стал в Египте иной царь, бояре начали завидовать Моисею. Моисей же, убив египтянина, обидевшего еврея, бежал из Египта и пришел в землю Мадиамскую, и, когда шел через пустыню, узнал он от ангела Гавриила о бытии всего мира, о первом человеке и о том, что было после него и после потопа, и о смешении языков, и кто сколько лет жил, и о движении звезд, и о числе их, и о мере земли, и всякую премудрость. Затем явился Моисею Бог огнем в терновнике и сказал ему: „Видел я бедствия людей моих в Египте и сошел, чтобы освободить их из-под власти египетской, вывести их из этой земли. Иди же к фараону, царю египетскому, и скажи ему: «Выпусти Израиля, чтобы три дня совершали они требу Богу». Если же не послушает тебя царь египетский, то побью его всеми чудесами моими". Когда пришел Моисей, не послушал

его фараон, и напустил Бог на него 10 казней: во-первых, окровавленные реки; во-вторых, жабы; в-третьих, мошки; в-четвертых, песьи мухи; в-пятых, мор скота; в-шестых, нарывы; в-седьмых, град; в-восьмых, саранча; в-девятых, трехсуточная тьма; в-десятых, мор на людей. Потому напустил Бог на них десять казней, что 10 месяцев топили они детей еврейских. Когда же начался мор в Египте, сказал фараон Моисею и брату его Аарону: „Поскорей уходите!". Моисей же, собрав евреев, пошел из Египта. И вел их Господь через пустыни к Красному морю, и шел впереди них огненный столп ночью, а днем — облачный. Услышал же фараон, что бегут люди, и погнался за ними, и прижал их к морю. Когда же увидели это евреи, возопили к Моисею: „Зачем повел нас на смерть?". И воззвал Моисей к Богу, и сказал Господь: „Что взываешь ко мне? Ударь жезлом по морю". И поступил Моисей так, и расступилась вода надвое, и вошли дети Израиля в море. Увидев это, фараон погнался за ними, сыновья же Израиля перешли море по суху. И когда вышли на берег, сомкнулось море над фараоном и воинами его. И возлюбил Бог Израиля, и шли они от моря три дня по пустыне, и пришли в Мерру. Была здесь вода горька, и возроптали люди на Бога, и показал им Господь дерево, и положил его Моисей в воду, и усладилась вода. Затем снова возроптали люди на Моисея и на Аарона: „Лучше нам было в Египте, где ели мы мясо, лук и хлеб досыта". И сказал Господь Моисею: „Слышал ропот сынов Израилевых", и дал им есть манну. Затем дал им закон на горе Синайской. Когда Моисей взошел на гору к Богу, люди отлили голову тельца и поклонились ей, как богу. И иссек Моисей три тысячи этих людей. А затем снова возроптали люди на Моисея и Аарона, так как не было воды. И сказал Господь Моисею: „Ударь жезлом в камень". И ответил Моисей: „А что если не испустит он воду?". И разгневался Господь на Моисея, что не возвеличил Господа, и не вошел он в землю обетованную из-за ропота людей, но возвел его на гору Вамскую и показал землю обетованную. И умер Моисей здесь на горе. И принял власть Иисус Навин. Этот вошел в землю обетованную, избил хананейское племя и вселил на место их сынов Израилевых. Когда же умер Иисус, стал на его место судья Иуда; а иных судей было 14. При них забыли евреи Бога, выведшего их из Египта, и стали служить бесам. И разгневался Бог, и предал их иноплеменникам на расхищение. Когда же начинали они каяться, — миловал их Бог; а когда избавлял их, — снова уклонялись на служение бесам. Затем был судья Илья жрец, а затем пророк Самуил. И сказали люди Самуилу: „Поставь нам царя". И разгневался Господь на Израиля, и поставил им царя Саула. Однако Саул не захотел подчиниться закону Господню, и избрал Господь Давида, и поставил его царем Израилю, и угодил Давид Богу. Давиду этому обещал Бог, что родится Бог от племени его. Он первый стал пророчествовать о воплощении Божьем, говоря: „Из чрева прежде утренней звезды родил тебя". Так он пророчествовал 40 лет и умер. А вслед за ним пророчествовал сын его Соломон, который создал храм Богу и назвал его Святая Святых. И был он мудр, но под конец согрешил; царствовал 40 лет и умер. После Соломона царствовал сын его Ровоам. При нем разделилось еврейское царство надвое: в Иерусалиме одно,

а в Самарии другое. В Самарии же царствовал Иеровоам, холоп Соломона; сотворил он два золотых тельца и поставил — одного в Вефиле на холме, а другого в Дане, сказав: „Вот боги твои, Израиль". И поклонялись люди, а Бога забыли. Так и в Иерусалиме стали забывать Бога и поклоняться Ваалу, то есть богу войны, иначе говоря — Арею; и забыли Бога отцов своих. И стал Бог посылать к ним пророков. Пророки же начали обличать их в беззаконии и служении кумирам. Они же, обличаемые, стали избивать пророков. Бог разгневался на Израиля и сказал: „Отвергну от себя, призову иных людей, которые будут послушны мне. Если и согрешат, не помяну беззакония их". И стал посылать пророков, говоря им: „Пророчествуйте об отвержении евреев и о призвании новых народов".

Первым стал пророчествовать Осия: „Положу конец царству дома Израилева... Сокрушу лук Израилев... Уже не буду более миловать дом Израилев, но, отметая, отвергнусь их", — говорит Господь. „И будут скитальцами между народами". Иеремия же сказал: „Хотя бы восстали Самуил и Моисей... не помилую их". И еще сказал тот же Иеремия: „Так говорит Господь: «Вот я поклялся именем моим великим, что не будет имя мое произносимо устами евреев»". Иезекииль же сказал: „Так говорит господь Адонаи: «Рассею вас, и весь остаток ваш развею по всем ветрам... За то, что осквернили святилище мое всеми мерзостями вашими; я же отрину тебя... и не помилую тебя»". Малахия же сказал: „Так говорит Господь: «Уже нет моего благоволения к вам... Ибо от востока и до запада прославится имя мое между народами, и на всяком месте возносят фимиам имени моему и жертву чистую, так как велико имя мое между народами. За то и отдам вас на поношение и на рассеяние среди всех народов»". Исайя же великий сказал: „Так говорит Господь: «Простру руку свою на тебя, сгною и рассею тебя, и вновь не соберу тебя»". И еще сказал тот же пророк: „Возненавидел я праздники и начала месяцев ваших, и суббот ваших не принимаю". Амос же пророк сказал: „Слушайте слово Господне: «Я подниму плач о вас, пал дом Израилев и не встанет более»". Малахия же сказал: „Так говорит Господь: «Пошлю на вас проклятие и прокляну ваше благословение... разрушу его и не будет с вами»". И много пророчествовали пророки об отвержении их.

Тем же пророкам повелел Бог пророчествовать о призвании на их место иных народов. И стал взывать Исайя, так говоря: „От меня произойдет закон и суд мой — свет для народов. Скоро приблизится правда моя и восходит... и на мышцу мою надеются народы". Иеремия же сказал: „Так говорит Господь: «Заключу с домом Иудиным новый завет... Давая им законы в разумение их, и на сердцах их напишу их, и буду им Богом, а они будут моим народом»". Исайя же сказал: „Прежнее миновало, а новое возвещу, — прежде возвещания, оно было явлено вам. Пойте Богу новую песнь". „Рабам моим дастся новое имя, которое будет благословляться по всей земле". „Дом мой назовется домом молитвы всех народов". Тот же пророк Исайя говорит: „Обнажит Господь святую мышцу свою перед глазами всех народов, — и все концы земли увидят спасение от Бога нашего". Давид же говорит: „Хвалите Господа все народы, прославляйте его все люди".

Так возлюбил Бог новых людей и открыл им, что сойдет к ним сам, явится человеком во плоти и искупит страданием грех Адама. И стали пророчествовать о воплощении Бога, раньше других Давид: „Сказал Господь Господу моему: «Сядь одесную меня, доколе положу врагов твоих к подножию ног твоих»". И еще: „Сказал мне Господь: «Ты сын мой; я ныне родил тебя»". Исайя же сказал: „Ни посол, ни вестник, но сам Бог, придя, спасет нас". И еще: „Младенец родится нам, владычество на плечах его, и нарекут имя ему великого света ангел... Велика власть его, и миру его нет предела". И еще: „Вот, дева во чреве зачнет, и нарекут имя ему Еммануил". Михей же сказал: „Ты, Вифлеем — дом Ефранта, разве ты не велик между тысячами иудиными? Из тебя ведь произойдет тот, который должен быть владыкою во Израиле и исход которого от дней вечных. Посему он ставит их до времени, доколе не родит тех, которые родят, и тогда возвратятся оставшиеся братья их к сынам Израиля". Иеремия же сказал: „Сей есть Бог наш, и никто другой не сравнится с ним. Он нашел все пути премудрости и даровал ее отроку своему Иакову... После того он явился на земле и жил между людей". И еще: „Человек он; кто узнает, что он Бог? ибо умирает, как человек". Захария же сказал: „Не послушали сына моего, а я не услышу их, говорит Господь". И Осия сказал: „Так говорит Господь: плоть моя от них".

Прорекли же и страдания его, говоря, как сказал Исайя: „Горе душе их! Ибо совет зол сотворили, говоря: свяжем праведника»". И еще сказал тот же пророк: „Так говорит Господь: «...Я не воспротивляюсь, не скажу вопреки. Хребет мой отдал я для нанесения ран, а щеки мои — на заушение, и лица моего не отвернул от поругания и оплевания»". Иеремия же сказал: „Придите, положим дерево в пищу его и отторгнем от земли жизнь его". Моисей же сказал о распятии его: „Увидите жизнь вашу, висящую перед глазами вашими". И Давид сказал: „Зачем мятутся народы". Исайя же сказал: „Как овца, веден был он на заклание". Ездра же сказал: „Благословен Бог, распростерший руки свои и спасший Иерусалим".

И о воскресении сказал Давид: „Восстань, Боже, суди землю, ибо ты наследуешь среди всех народов". И еще: „Как бы от сна воспрянул Господь". И еще: „Да воскреснет Бог, и да расточатся враги его". И еще: „Воскресни, Господи Бог мой, да вознесется рука твоя". Исайя же сказал: „Сошедшие в страну тени смертной, свет воссияет на вас". Захария же сказал: „И ты ради крови завета твоего освободил узников своих изо рва, в котором нет воды".

И много пророчествовали о нем, что и сбылось все».

Спросил же Владимир: «Когда же это сбылось? И сбылось ли все это? Или еще только теперь сбудется?». Философ же ответил ему: «Все это уже сбылось, когда воплотился Бог. Как я уже сказал, когда евреи избивали пророков, а цари их преступали законы, предал их (Бог) на расхищение, и выведены были в плен в Ассирию за грехи свои, и были в рабстве там 70 лет. А затем возвратились в свою землю, и не было у них царя, но архиереи властвовали над ними до иноплеменника Ирода, ставшего над ними властвовать.

В правление этого последнего, в год 5500, послан был Гавриил в Назарет к деве Марии, родившейся в колене Давидовом, сказать ей: „Радуйся, обрадованная, Господь с тобою!". И от слов этих зачала она в утробе Слово Божие, и родила сына, и назвала его Иисус. И вот пришли с востока волхвы, говоря: „Где родившийся царь еврейский? Ибо видели звезду его на востоке и пришли поклониться ему". Услышав об этом, Ирод царь пришел в смятение, и весь Иерусалим с ним, и, призвав книжников и старцев, спросил их: „Где рождается Христос?". Они же ответили ему: „В Вифлееме еврейском". Ирод же, услышав это, послал с приказанием: „Избейте младенцев всех до двух лет". Они же пошли и истребили младенцев. А Мария, испугавшись, спрятала младенца. Затем Иосиф с Марией, взяв младенца, бежали в Египет, где пробыли до смерти Ирода. В Египте же явился Иосифу ангел и сказал: „Встань, возьми младенца и мать его и иди в землю Израилеву". И, вернувшись, поселился в Назарете. Когда же Иисус вырос и было ему 30 лет, начал он творить чудеса и проповедовать царство небесное. И избрал 12, и назвал их учениками своими, и стал творить великие чудеса — воскрешать мертвых, очищать прокаженных, исцелять хромых, давать прозрение слепым — и иные многие великие чудеса, которые прежние пророки предсказали о нем, говоря: „Тот исцелил недуги наши и болезни наши на себя взял". И крестился он в Иордане от Иоанна, показав обновление новым людям. Когда же он крестился, отверзлись небеса, и Дух сошел в образе голубином, и голос сказал: „Вот сын мой возлюбленный, его же благоизволил". И посылал он учеников своих проповедовать царствие небесное и покаяние для оставления грехов. И собирался исполнить пророчество, и начал проповедовать о том, как подобает сыну человеческому пострадать, быть распяту и в третий день воскреснуть. Когда же учил он в церкви, архиереи и книжники исполнились зависти, и хотели убить его, и, схватив его, повели к правителю Пилату. Пилат же, дознавшись, что привели его без вины, захотел его отпустить. Они же сказали ему: „Если отпустишь этого, то не будешь другом цезарю". Тогда Пилат приказал, чтобы его распяли. Они же, взяв Иисуса, повели на лобное место, и тут распяли его. Настала тьма по всей земле от шестого часа и до девятого, и в девятом часу испустил дух Иисус. Церковная завеса разодралась надвое, восстали мертвые многие, которым повелел войти в рай. Сняли его с креста, положили его в гроб, и печатями запечатали гроб евреи, приставили стражу, сказав: „Как бы не украли ученики его". Он же воскрес на третий день. Воскреснув из мертвых, явился он ученикам своим и сказал им: „Идите ко всем народам и научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа". Пробыл он с ними 40 дней, приходя к ним после своего воскресения. Когда прошло 40 дней, повелел им идти на гору Елеонскую. И тут явился им, и благословил их, и сказал: „Будьте в граде Иерусалиме, пока не пришлю вам обетование отца моего". И, сказав это, вознесся на небо. Они же поклонились ему. И возвратились в Иерусалим, и были всегда в церкви. По прошествии пятидесяти дней сошел Дух Святой на апостолов. А когда приняли обетование Святого Духа, то разошлись по вселенной, уча и крестя водою».

Владимир же спросил: «Почему родился он от жены, был распят на дереве и крестился водою?». Философ же ответил ему: «Вот чего ради. Вначале род человеческий женою согрешил: дьявол прельстил Адама Евою, и лишился тот рая, так и Бог отомстил дьяволу: через жену была первоначальная победа дьявола, из-за жены первоначально был изгнан Адам из рая; так же через жену воплотился Бог и повелел войти в рай верным. А на древе он был распят потому, что от древа вкусил Адам и из-за него был изгнан из рая; Бог же на древе принял страдания, чтобы древом был побежден дьявол, и древом жизни спасутся праведные. А обновление водою совершилось потому, что при Ное, когда умножились грехи у людей, навел Бог потоп на землю и потопил людей водою; потому-то и сказал Бог: „Как водою погубил я людей за грехи их, так и теперь вновь водою очищу от грехов людей — водою обновления"; ибо и евреи в море очистились от египетского злого нрава, ибо первой была сотворена вода, сказано ведь: Дух Божий носился поверх вод, потому и ныне крестятся водою и духом. Первое преображение тоже было водою, чему Гедеон дал прообраз следующим способом: когда пришел к нему ангел, веля ему идти на мадимьян, он же, испытуя, обратился к Богу, положив руно на гумне, сказал: „Если будет по всей земле роса, а руно сухо...". И было так. Это же было прообразом, что все иные страны были прежде без росы, а евреи — руно, после же на другие страны пала роса, которая есть святое крещение, а евреи остались без росы. И пророки предрекли, что обновление будет через воду. Когда апостолы учили по вселенной веровать Богу, учение их и мы, греки, приняли, вселенная верует учению их. Установил же Бог и день единый, в который, сойдя с небес, будет судить живых и мертвых и воздаст каждому по делам его: праведникам — царство небесное, красоту неизреченную, веселие без конца и бессмертие вечное; грешникам же — мучение огненное, червь неусыпающий и мýка без конца. Таковы будут мучения тем, кто не верит Богу нашему Иисусу Христу: будут мучиться в огне те, кто не крестится».

И, сказав это, философ показал Владимиру завесу, на которой изображено было судилище Господне, указал ему на праведных справа, в веселии идущих в рай, а грешников слева, идущих на мучение. Владимир же, вздохнув, сказал: «Хорошо тем, кто справа, горе же тем, кто слева». Философ же сказал: «Если хочешь с праведниками справа стать, то крестись». Владимиру же запало это в сердце, и сказал он: «Подожду еще немного», желая разузнать о всех верах. И дал ему Владимир многие дары и отпустил его с честию великою.

В год 6495. Созвал Владимир бояр своих и старцев градских и сказал 987
им: «Вот приходили ко мне болгары, говоря: „Прими закон наш". Затем приходили немцы и хвалили закон свой. За ними пришли евреи. После же всех пришли греки, браня все законы, а свой восхваляя, и многое говорили, рассказывая от начала мира, о бытии всего мира. Мудро говорят они, и чудно слышать их, и каждому любо их послушать, рассказывают они и о другом свете: если кто, говорят, перейдет в нашу веру, то, умерев, снова восстанет, и не умереть ему вовеки; если же в ином законе будет, то на том свете гореть ему в огне. Что же вы посоветуете? что ответите?». И сказали

бояре и старцы: «Знай, князь, что своего никто не бранит, но хвалит. Если хочешь поистине все разузнать, то ведь имеешь у себя мужей: послав их, разузнай, у кого какая служба и кто как служит Богу». И понравилась речь их князю и всем людям; избрали мужей славных и умных, числом 10, и сказали им: «Идите сперва к болгарам и испытайте веру их». Они же отправились, и, придя к ним, видели их скверные дела и поклонение в мечети, и вернулись в землю свою. И сказал им Владимир: «Идите еще к немцам, высмотрите и у них все, а оттуда идите в Греческую землю». Они же пришли к немцам, увидели службу их церковную, а затем пришли в Царьград и явились к царю. Царь же спросил их: «Зачем пришли?». Они же рассказали ему все. Услышав это, царь обрадовался и в тот же день сотворил им почести великие. На следующий же день послал к патриарху, так говоря ему: «Пришли русские разузнать о вере нашей, приготовь церковь и клир и сам оденься в святительские ризы, чтобы видели они славу Бога нашего». Услышав об этом, патриарх повелел созвать клир, сотворил по обычаю праздничную службу, и кадила взожгли, и устроили пение и хоры. И пошел с русскими в церковь, и поставили их на лучшем месте, показав им церковную красоту, пение и службу архиерейскую, предстояние дьяконов и рассказав им о служении Богу своему. Они же были в восхищении, дивились и хвалили их службу. И призвали их цари Василий и Константин, и сказали им: «Идите в землю вашу», и отпустили их с дарами великими и с честью. Они же вернулись в землю свою. И созвал князь бояр своих и старцев, и сказал Владимир: «Вот пришли посланные нами мужи, послушаем же все, что было с ними», — и обратился к послам: «Говорите перед дружиною». Они же сказали: «Ходили в Болгарию, смотрели, как они молятся в храме, то есть в мечети, стоят там без пояса; сделав поклон, сядет и глядит туда и сюда, как безумный, и нет в них веселья, только печаль и смрад великий. Не добр закон их. И пришли мы к немцам, и видели в храмах их различную службу, но красоты не видели никакой. И пришли мы в Греческую землю, и ввели нас туда, где служат они Богу своему, и не знали — на небе или на земле мы: ибо нет на земле такого зрелища и красоты такой, и не знаем, как и рассказать об этом, — знаем мы только, что пребывает там Бог с людьми, и служба их лучше, чем во всех других странах. Не можем мы забыть красоты той, ибо каждый человек, если вкусит сладкого, не возьмет потом горького; так и мы не можем уже здесь пребывать». Сказали же бояре: «Если бы плох был закон греческий, то не приняла бы его бабка твоя Ольга, а была она мудрейшей из всех людей». И спросил Владимир: «Где примем крещение?». Они же сказали: «Где тебе любо».

И когда прошел год, в 6496 (988) году пошел Владимир с войском на Корсунь, город греческий, и затворились корсуняне в городе. И стал Владимир на той стороне города у пристани, в расстоянии полета стрелы от города, и сражались крепко из города. Владимир же осадил город. Люди в городе стали изнемогать, и сказал Владимир горожанам: «Если не сдадитесь, то простою и три года». Они же не послушались его. Владимир же, изготовив войско свое, приказал присыпать насыпь к городским стенам. И когда насыпáли, они, корсунцы, подкопав стену городскую, выкрадывали подсы-

панную землю, и носили ее себе в город, и ссыпали посреди города. Воины же присыпали еще больше, и Владимир стоял. И вот некий муж корсунянин, именем Анастас, пустил стрелу, написав на ней: «Перекопай и перейми воду, идет она по трубам из колодцев, которые за тобою с востока». Владимир же, услышав об этом, посмотрел на небо и сказал: «Если сбудется это, — сам крещусь!». И тотчас же повелел копать наперерез трубам и перенял воду. Люди изнемогли от жажды и сдались. Владимир вошел в город с дружиною своей и послал к царям Василию и Константину сказать: «Вот взял уже ваш город славный; слышал же, что имеете сестру девицу; если не отдадите ее за меня, то сделаю столице вашей то же, что и этому городу». И, услышав это, опечалились цари, и послали ему весть такую: «Не пристало христианам выдавать жен за язычников. Если крестишься, то и ее получишь, и царство небесное восприимешь, и с нами единоверен будешь. Если же не сделаешь этого, то не сможем выдать сестру за тебя». Услышав это, сказал Владимир посланным к нему от царей: «Скажите царям вашим так: я крещусь, ибо еще прежде испытал закон ваш и люба́ мне вера ваша и богослужение, о котором рассказали мне посланные нами мужи». И рады были цари, услышав это, и упросили сестру свою, именем Анну, и послали к Владимиру, говоря: «Крестись, и тогда пошлем сестру свою к тебе». Ответил же Владимир: «Пусть пришедшие с сестрою вашею и крестят меня». И послушались цари, и послали сестру свою, сановников и пресвитеров. Она же не хотела идти, говоря: «Иду, как в полон, лучше бы мне здесь умереть». И сказали ей братья: «Может быть, обратит тобою Бог Русскую землю к покаянию, а Греческую землю избавишь от ужасной войны. Видишь ли, сколько зла наделала грекам Русь? Теперь же, если не пойдешь, то сделают и нам то же». И едва принудили ее. Она же села в корабль, попрощалась с ближними своими с плачем и отправилась через море. И пришла в Корсунь, и вышли корсунцы навстречу ей с поклоном, и ввели ее в город, и посадили ее в палате. По божественному промыслу разболелся в то время Владимир глазами, и не видел ничего, и скорбел сильно, и не знал, что сделать. И послала к нему царица сказать: «Если хочешь избавиться от болезни этой, то крестись поскорей; если же не крестишься, то не сможешь избавиться от недуга своего». Услышав это, Владимир сказал: «Если вправду исполнится это, то поистине велик Бог христианский». И повелел крестить себя. Епископ же корсунский с царицыными попами, огласив, крестил Владимира. И когда возложил руку на него, тот тотчас же прозрел. Владимир же, ощутив свое внезапное исцеление, прославил Бога: «Теперь узнал я истинного Бога». Многие из дружинников, увидев это, крестились. Крестился же он в церкви святого Василия, а стоит церковь та в городе Корсуни посреди града, где собираются корсунцы на торг; палата же Владимира стоит с края церкви и до наших дней, а царицына палата — за алтарем. После крещения привели царицу для совершения брака. Не знающие же истины говорят, что крестился Владимир в Киеве, иные же говорят — в Василеве, а другие и по-иному скажут. Когда же Владимира крестили и научили его вере христианской, сказали ему так: «Пусть никакие еретики не прельстят тебя, но веруй, говоря так: „Верую во единого Бога

Отца Вседержителя, творца неба и земли" — и до конца этот символ веры. И еще: „Верую во единого Бога Отца нерожденного и во единого Сына рожденного, в единый Дух Святой, исходящий: три совершенных естества, мысленных, разделяемых по числу и естеством, но не в божественной сущности: ибо разделяется Бог нераздельно и соединяется без смешения. Отец, Бог Отец, вечно существующий, пребывает в отцовстве, нерожденный, безначальный, начало и первопричина всему, только нерождением своим старший, чем Сын и Дух; от него же рождается Сын прежде всех времен, Дух же Святой исходит вне времени и вне тела; вместе есть Отец, вместе Сын, вместе и Дух Святой. Сын же подобосущен Отцу, только рождением отличаясь от Отца и Духа. Дух же пресвятой подобосущен Отцу и Сыну и вечно сосуществует с ними. Ибо Отцу отцовство, Сыну сыновство, Святому же Духу исхождение. Ни Отец переходит в Сына или Духа, ни Сын в Отца или Духа, ни Дух в Сына или в Отца: ибо неизменны их свойства... Не три Бога, но один Бог, так как божество едино в трех лицах. Желанием же Отца и Духа спасти свое творение, не изменяя людского семени, сошло и вошло, как божественное семя, в девичье ложе пречистое и приняло плоть одушевленную, словесную и умную, прежде не бывшую, и явился Бог воплощенный, родился неизреченным путем, сохранив нерушимым девство матери, не претерпев ни смятения, ни смешения, ни изменения, а оставшись как был, и став каким не был, приняв вид рабский — на самом деле, а не в воображении, всем, кроме греха, явившись подобен нам (людям)... По своей воле родился, по своей воле почувствовал голод, по своей воле почувствовал жажду, по своей воле печалился, по своей воле устрашился, по своей воле умер — умер на самом деле, а не в воображении; все свойственные человеческой природе, неподдельные мучения пережил. Когда же был распят и вкусил смерти безгрешный, — воскрес в собственном теле, не зная тления, взошел на небеса, и сел справа от Отца, и придет вновь со славою судить живых и мертвых; как вознесся со своей плотью, так и сойдет... Исповедую же и едино крещение водою и духом, приступаю к пречистым тайнам, верую воистину в тело и кровь... принимаю церковные предания и поклоняюсь пречестным иконам, поклоняюсь пречестному древу и всякому кресту, святым мощам и священным сосудам. Верую и в семь соборов святых отцов, из которых первый был в Никеи 318 отцов, проклявших Ария и проповедовавших непорочную и правую веру. Второй собор в Константинополе 150 святых отцов, проклявших духоборца Македония, проповедовавшего единосущную Троицу. Третий же собор в Эфесе, 200 святых отцов против Нестория, прокляв которого, проповедали святую Богородицу. Четвертый собор в Халкидоне 630 святых отцов против Евтуха и Диоскора, которых и прокляли святые отцы, провозгласив Господа нашего Иисуса Христа совершенным Богом и совершенным человеком. Пятый собор в Царьграде 165 святых отцов против учения Оригена и против Евагрия, которых и прокляли святые отцы. Шестой собор в Царьграде 170 святых отцов против Сергия и Кура, проклятых святыми отцами. Седьмой собор в Никее 350 святых отцов, проклявших тех, кто не поклоняется святым иконам".

Не принимай же учения от латинян, — учение их искаженное: войдя в церковь, не поклоняются иконам, но, стоя, кланяются и, поклонившись, пишут крест на земле, и целуют, а встав, становятся на него ногами, — так что, ложась, целуют его, а встав — попирают. Этому не учили апостолы; апостолы учили целовать поставленный крест и чтить иконы. Ибо Лука евангелист первый написал икону и послал ее в Рим. Как говорит Василий: „Чествование иконы переходит на ее первообраз". Больше того, называют они землю матерью. Если же земля им мать, то отец им небо, — изначала сотворил Бог небо, так же и землю. Так говорят: „Отче наш, иже еси на небеси". Если, по их мнению, земля мать, то зачем плюете на свою мать? Тут же ее лобзаете и оскверняете? Этого прежде римляне не делали, но постановляли правильно на всех соборах, сходясь из Рима и со всех епархий. На первый собор в Никее против Ария (папа) римский Сильвестр послал епископов и пресвитеров, от Александрии Афанасий, а от Царьграда Митрофан послали от себя епископов и так исправляли веру. На втором же соборе — от Рима Дамас, а от Александрии Тимофей, от Антиохии Мелетий, Кирилл Иерусалимский, Григорий Богослов. На третьем же соборе — Келестин римский, Кирилл александрийский, Ювеналий иерусалимский. На четвертом же соборе — Лев римский, Анатолий из Царьграда, Ювеналий иерусалимский. На пятом соборе — римский Вигилий, Евтихий из Царьграда, Аполлинарий александрийский, Домнин антиохийский. На шестом соборе — от Рима Агафон, Георгий из Царьграда, Феофан антиохийский, от Александрии монах Петр. На седьмом соборе — от Рима Адриан, Тарасий из Царьграда, Политиан александрийский, Феодорит антиохийский, Илия иерусалимский. Все они сходились со своими епископами, укрепляя веру. После же этого, последнего, собора Петр Гугнивый вошел с иными в Рим, захватил престол и развратил веру, отвергнувшись от престола иерусалимского, александрийского, константинопольского и антиохийского. Возмутили они всю Италию, сея учение свое повсюду. Одни священники служат, будучи женаты только на одной жене, а другие, до семи раз женившись, служат; и следует остерегаться их учения. Прощают же они и грехи во время приношения даров, что хуже всего. Бог да сохранит тебя от этого».

После всего этого Владимир взял царицу, и Анастаса, и священников корсунских с мощами святого Климента, и Фива, ученика его, взял и сосуды церковные и иконы на благословение себе. Поставил и церковь в Корсуни на горе, которую насыпали посреди города, выкрадывая землю из насыпи; стоит церковь та и доныне. Отправляясь, захватил он и двух медных идолов и четырех медных коней, что и сейчас стоят за церковью святой Богородицы и про которых невежды думают, что они мраморные. Корсунь же отдал грекам как вено за царицу, а сам вернулся в Киев. И когда пришел, повелел опрокинуть идолы — одних изрубить, а других сжечь. Перуна же приказал привязать к хвосту коня и волочить его с горы по Боричеву взвозу к Ручью и приставил 12 мужей колотить его палками. Делалось это не потому, что дерево что-нибудь чувствует, но для поругания беса, который обманывал людей в этом образе, — чтобы принял он возмездие от людей. «Велик ты,

Господи, и чудны дела твои!». Вчера еще был чтим людьми, а сегодня поругаем. Когда влекли Перуна по Ручью к Днепру, оплакивали его неверные, так как не приняли еще они святого крещения. И, притащив, кинули его в Днепр. И приставил Владимир к нему людей, сказав им: «Если пристанет где к берегу, отпихивайте его. А когда пройдет пороги, тогда только оставьте его». Они же исполнили, что им было приказано. И когда пустили Перуна и прошел он пороги, выбросило его ветром на отмель, и оттого прослыло место то Перунья отмель, как зовется она и до сих пор. Затем послал Владимир по всему городу сказать: «Если не придет кто завтра на реку — будь то богатый, или бедный, или нищий, или раб, — будет мне врагом». Услышав это, с радостью пошли люди, ликуя и говоря: «Если бы не было это хорошим, не приняли бы этого князь наш и бояре». На следующий же день вышел Владимир с попами царицыными и корсунскими на Днепр, и сошлось там людей без числа. Вошли в воду и стояли там одни до шеи, другие по грудь, молодые же у берега по грудь, некоторые держали младенцев, а уже взрослые бродили, попы же, стоя, совершали молитвы. И была видна радость на небе и на земле по поводу стольких спасаемых душ; а дьявол говорил, стеная: «Увы мне! Прогнан я отсюда! Здесь думал я обрести себе жилище, ибо здесь не было учения апостольского, не знали здесь Бога, но радовался я служению тех, кто служил мне. И вот уже побежден я невеждой, а не апостолами и не мучениками; не смогу уже царствовать более в этих странах». Люди же, крестившись, разошлись по домам. Владимир же был рад, что познал Бога сам и люди его, воззрел на небо и сказал: «Христос Бог, сотворивший небо и землю! Взгляни на новых людей этих и дай им, Господи, познать тебя, истинного Бога, как познали тебя христианские страны. Утверди в них правильную и неуклонную веру, и мне помоги, Господи, против дьявола, да одолею козни его, надеясь на тебя и на твою силу». И сказав это, приказал рубить церкви и ставить их по тем местам, где прежде стояли кумиры. И поставил церковь во имя святого Василия на холме, где стоял идол Перуна и другие и где творили им требы князь и люди. И по другим городам стали ставить церкви и определять в них попов и приводить людей на крещение по всем городам и селам. Посылал он собирать у лучших людей детей и отдавать их в обучение книжное. Матери же детей этих плакали о них; ибо не утвердились еще они в вере и плакали о них как о мертвых.

Когда отданы были в учение книжное, то тем самым сбылось на Руси пророчество, гласившее: «В те дни услышат глухие слова книжные, и ясен будет язык косноязычных». Не слышали они раньше учения книжного, но по Божьему устроению и по милости своей помиловал их Бог; как сказал пророк: «Помилую, кого хочу». Ибо помиловал нас святым крещением и обновлением духа, по Божьему изволению, а не по нашим делам. Благословен Господь Иисус Христос, возлюбивший Русскую землю и просветивший ее крещением святым. Вот почему и мы поклоняемся ему, говоря: «Господь Иисус Христос! Чем смогу воздать тебе за все, что воздал нам грешным? Не знаем, какое воздаяние дать тебе за дары твои. „Ибо велик ты и чудны дела твои: нет предела величию твоему. Род за родом восхвалят дела твои".

Скажу вместе с Давидом: „Придите, возрадуемся Господу, воскликнем Богу и Спасителю нашему. Предстанем лицу его со славословием"; „Славьте его, ибо он благ, ибо вовек милость его", ибо „избавил нас от врагов наших", то есть от языческих идолов. И еще скажем вместе с Давидом: „Воспойте Господу песнь новую, воспойте Господу вся земля; пойте Господу, благословляйте имя его, благовествуйте со дня на день спасение его. Возвещайте в народах славу его, во всех людях чудеса его, ибо велик Господь и достохвален", „И величию его нет конца". Какая радость! Не один и не два спасаются. Сказал Господь: „Радость бывает на небе и об одном покаявшемся грешнике". Здесь же не один и не два, но бесчисленное множество приступили к Богу, просвещенные святым крещением. Как сказал пророк: „Окроплю вас водой чистой, и очиститесь и от идолопоклонения вашего, и от грехов ваших". Также и другой пророк сказал: „Кто Бог, как ты, прощающий грехи и не вменяющий преступления? ибо хотящий того — милостив. Тот обратит и умилосердится над нами и ввергнет в пучину морскую грехи наши". Ибо апостол Павел говорит: „Братья! Все мы, крестившиеся в Иисуса Христа, в смерть его крестились; и так мы погреблись с ним крещением в смерть; дабы, как Христос воскрес из мертвых славою отца, так и нам ходить в обновленной жизни". И еще: „Древнее прошло, теперь все новое". „Ныне приблизилось к нам спасение... ночь прошла, а день приблизился". „Через него получили мы верою доступ к благодати этой, которой хвалимся и стоим". „Ныне же, когда освободились от греха и стали рабами Богу, плод ваш есть святость". Вот почему должны мы служить Богу, радуясь ему. Ибо сказал Давид: „Служите Господу со страхом и радуйтесь ему с трепетом". Мы же воскликнем к Господу Богу нашему: „Благословен Господь, который не дал нас в добычу зубам их!.. Сеть расторгнулась, и мы избавились" от обмана дьявольского. „И исчезла память их с шумом, но Господь пребывает вовек", прославляемый русскими сынами, воспеваемый в Троице, а демоны проклинаются благоверными мужами и верными женами, которые приняли крещение и покаяние в отпущенье грехов, — новые люди христиане, избранные Богом».

Владимир же был просвещен сам, и сыновья его, и земля его. Было же у него 12 сыновей: Вышеслав, Изяслав, Ярослав, Святополк, Всеволод, Святослав, Мстислав, Борис, Глеб, Станислав, Позвизд, Судислав. И посадил Вышеслава в Новгороде, Изяслава в Полоцке, а Святополка в Турове, а Ярослава в Ростове. Когда же умер старший Вышеслав в Новгороде, посадил в нем Ярослава, а Бориса в Ростове, а Глеба в Муроме, Святослава в Древлянской земле, Всеволода во Владимире, Мстислава в Тмутаракани. И сказал Владимир: «Нехорошо, что мало городов около Киева». И стал ставить города по Десне, и по Остру, и по Трубежу, и по Суле, и по Стугне. И стал набирать мужей лучших от славян, и от кривичей, и от чуди, и от вятичей, и ими населил города, так как была война с печенегами. И воевал с ними, и побеждал их.

В год 6497. После этого жил Владимир в христианском законе, и *989*
задумал создать церковь пресвятой Богородице, и послал привести мастеров из Греческой земли. И начал ее строить, и, когда кончил строить, украсил

ее иконами, и поручил ее Анастасу Корсунянину, и поставил служить в ней корсунских священников, дав ей все, что взял перед этим в Корсуни: иконы, сосуды и кресты.

991 В год 6499. Владимир заложил город Белгород, и набрал для него людей из иных городов, и свел в него много людей, ибо любил город тот.

992 В год 6500. Пошел Владимир на хорватов. Когда же возвратился он с хорватской войны, пришли печенеги по той стороне Днепра от Сулы; Владимир же выступил против них и встретил их на Трубеже у брода, где ныне Переяславль. И стал Владимир на этой стороне, а печенеги на той, и не решались наши перейти на ту сторону, ни те на эту. И подъехал князь печенежский к реке, вызвал Владимира и сказал ему: «Выпусти ты своего мужа, а я своего — пусть борются. Если твой муж бросит моего на землю, то не будем воевать три года; если же наш муж бросит твоего оземь, то будем разорять вас три года». И разошлись. Владимир же, вернувшись в стан свой, послал глашатаев по лагерю со словами: «Нет ли такого мужа, который бы схватился с печенегом?». И не сыскался нигде. На следующее утро приехали печенеги и привели своего мужа, а у наших не оказалось. И стал тужить Владимир, посылая по всему войску своему, и пришел к князю один старый муж, и сказал ему: «Князь! Есть у меня один сын меньшой дома; я вышел с четырьмя, а он дома остался. С самого детства никто его не бросил еще оземь. Однажды я бранил его, а он мял кожу, так он рассердился на меня и разодрал кожу руками». Услышав об этом, князь обрадовался, и послали за ним, и привели его к князю, и поведал ему князь все. Тот отвечал: «Князь! Не знаю, могу ли я с ним схватиться, но испытайте меня: нет ли большого и сильного быка?». И нашли быка, большого и сильного, и приказал он разъярить быка; возложили на него раскаленное железо и пустили быка. И побежал бык мимо него, и схватил быка рукою за бок и вырвал кожу с мясом, сколько захватила его рука. И сказал ему Владимир: «Можешь с ним бороться». На следующее утро пришли печенеги и стали вызывать: «Где же муж? Вот наш готов!». Владимир повелел в ту же ночь облечься в доспехи, и сошлись обе стороны. Печенеги выпустили своего мужа: был же он очень велик и страшен. И выступил муж Владимира, и увидел его печенег и посмеялся, ибо был он среднего роста. И размерили место между обоими войсками, и пустили их друг против друга. И схватились, и начали крепко жать друг друга, и удавил муж печенежина руками до смерти. И бросил его оземь. И кликнули наши, и побежали печенеги, и гнались за ними русские, избивая их, и прогнали. Владимир же обрадовался и заложил город у брода того и назвал его Переяславлем, ибо перенял славу отрок тот. И сделал его Владимир великим мужем, и отца его тоже. И возвратился Владимир в Киев с победою и со славою великою.

994 В год 6502.

995 В год 6503.

996 В год 6504. Увидел Владимир, что церковь построена, вошел в нее и помолился Богу, говоря так: «Господи Боже! Взгляни с неба и воззри. И посети сад свой. И сверши то, что насадила десница твоя, — новых людей этих, сердце которых ты обратил к истине познать тебя, Бога истинного.

Взгляни на церковь твою, которую создал я, недостойный раб твой, во имя родившей тебя матери приснодевы Богородицы. Если кто будет молиться в церкви этой, то услышь молитву его, ради молитвы пречистой Богородицы». И, помолившись Богу, сказал он так: «Даю церкви этой святой Богородицы десятую часть от богатств моих и моих городов». И уставил так, написав заклятие в церкви этой, сказав: «Если кто отменит это, — да будет проклят». И дал десятую часть Анастасу Корсунянину. И устроил в тот день праздник великий боярам и старцам градским, а бедным роздал много богатства.

После этого пришли печенеги к Василеву, и вышел против них Владимир с небольшою дружиною. И сошлись, и не смог устоять против них Владимир, побежал и стал под мостом, едва укрывшись от врагов. И дал тогда Владимир обещание поставить церковь в Василеве во имя святого Преображения, ибо было в тот день, когда произошла та сеча, Преображение Господне. Избегнув опасности, Владимир построил церковь и устроил великое празднование, наварив меду 300 мер. И созвал бояр своих, посадников и старейшин из всех городов и всяких людей много, и роздал бедным 300 гривен. Праздновал князь восемь дней, и возвратился в Киев в день Успенья святой Богородицы, и здесь вновь устроил великое празднование, сзывая бесчисленное множество народа. Видя же, что люди его — христиане, радовался душой и телом. И так делал постоянно. И так как любил книжное чтение, то услышал он однажды Евангелие: «Блаженны милостивые, ибо те помилованы будут»; и еще: «Продайте именья ваши и раздайте нищим»; и еще: «Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль истребляет и воры подкапывают, но собирайте себе сокровища на небе, где моль не истребляет, ни воры не крадут»; и слова Давида: «Благословен человек, который милует и взаймы дает»; слышал он и слова Соломона: «Дающий нищему дает взаймы Богу». Слышав все это, повелел он всякому нищему и бедному приходить на княжий двор и брать все, что надобно, питье и пищу и из казны деньги. Устроил он и такое: сказав, что «немощные и больные не могут добраться до двора моего», приказал снарядить телеги и, наложив на них хлебы, мясо, рыбу, различные плоды, мед в бочках, а в других квас, развозить по городу, спрашивая: «Где больной, нищий или кто не может ходить?». И раздавали тем все необходимое. И еще нечто большее сделал он для людей своих: каждое воскресенье решил он на дворе своем в гриднице устраивать пир, чтобы приходить туда боярам, и гридям, и сотским, и десятским, и лучшим мужам — и при князе и без князя. Бывало там множество мяса — говядины и дичины, — было все в изобилии. Когда же, бывало, подопьются, то начнут роптать на князя, говоря: «Горе головам нашим: дал он нам есть деревянными ложками, а не серебряными». Услышав это, Владимир повелел исковать серебряные ложки, сказав так: «Серебром и золотом не найду себе дружины, а с дружиною добуду серебро и золото, как дед мой и отец с дружиною доискались золота и серебра». Ибо Владимир любил дружину и с нею совещался об устройстве страны, и о войне, и о законах страны, и жил в мире с окрестными князьями — с Болеславом Польским, и со Стефаном Венгерским, и с Андрихом Чешским. И были

между ними мир и любовь. Владимир же жил в страхе Божьем. И сильно умножились разбои, и сказали епископы Владимиру: «Вот умножились разбойники; почему не казнишь их?». Он же ответил: «Боюсь греха». Они же сказали ему: «Ты поставлен Богом для наказания злым, а добрым на милость. Следует тебе казнить разбойников, но расследовав». Владимир же отверг виры и начал казнить разбойников, и сказали епископы и старцы: «Войн много у нас; если бы была у нас вира, то пошла бы она на оружие и на коней». И сказал Владимир: «Пусть так». И жил Владимир по заветам отца и деда.

997 В год 6505. Пошел Владимир к Новгороду за северными воинами против печенегов, так как была в это время беспрерывная великая война. Узнали печенеги, что нет князя, пришли и стали под Белгородом. И не давали выйти из города, и был в городе голод сильный, и не мог Владимир помочь, так как не было у него воинов, а печенегов было многое множество. И затянулась осада города, и был сильный голод. И собрали вече в городе, и сказали: «Вот уже скоро умрем от голода, а помощи нет от князя. Разве лучше нам так умереть? Сдадимся печенегам — кого оставят в живых, а кого умертвят; все равно помираем от голода». И так порешили на вече. Был же один старец, который не был на том вече, и спросил он: «О чем было вече?». И поведали ему люди, что завтра хотят сдаться печенегам. Услышав об этом, послал он за городскими старейшинами и сказал им: «Слышал, что хотите сдаться печенегам». Они же ответили: «Не стерпят люди голода». И сказал им: «Послушайте меня, не сдавайтесь еще три дня и сделайте то, что я вам велю». Они же с радостью обещали послушаться. И сказал им: «Соберите хоть по горсти овса, пшеницы или отрубей». Они же радостно пошли и собрали. И повелел женщинам сделать болтушку, на чем кисель варят, и велел выкопать колодец и вставить в него кадь, и налить ее болтушкой. И велел выкопать другой колодец и вставить в него кадь, и повелел поискать меду. Они же пошли и взяли лукошко меду, которое было спрятано в княжеской медуше. И приказал сделать из него пресладкую сыту и вылить в кадь в другом колодце. На следующий же день повелел он послать за печенегами. И сказали горожане, придя к печенегам: «Возьмите от нас заложников, а сами войдите человек с десять в город, чтобы посмотреть, что творится в городе нашем». Печенеги же обрадовались, подумав, что хотят им сдаться, взяли заложников, а сами выбрали лучших мужей в своих родах и послали в город, чтобы проведали, что делается в городе. И пришли они в город, и сказали им люди: «Зачем губите себя? Разве можете перестоять нас? Если будете стоять и 10 лет, то что сделаете нам? Ибо имеем мы пищу от земли. Если не верите, то посмотрите своими глазами». И привели их к колодцу, где была болтушка для киселя, и почерпнули ведром, и вылили в латки. И когда сварили кисель, взяли его, и пришли с ними к другому колодцу, и почерпнули сыты из колодца, и стали есть сперва сами, а потом и печенеги. И удивились те и сказали: «Не поверят нам князи наши, если не отведают сами». Люди же налили им корчагу кисельного раствора и сыты из колодца и дали печенегам. Они же, вернувшись, поведали все, что было. И, сварив, ели князья печенежские и

подивились. И взяв своих заложников, а белгородских пустив, поднялись и пошли от города восвояси.

В год 6506. *998*

В год 6507. *999*

В год 6508. Преставилась Малфрида. В то же лето преставилась и *1000* Рогнеда, мать Ярослава.

В год 6509. Преставился Изяслав, отец Брячислава, сын Владимира. *1001*

В год 6510. *1002*

В год 6511. Преставился Всеслав, сын Изяслава, внук Владимира. *1003*

В год 6512. *1004*

В год 6513. *1005*

В год 6514. *1006*

В год 6515. Перенесены святые в церковь святой Богородицы. *1007*

В год 6516. *1008*

В год 6517. *1009*

В год 6518. *1010*

В год 6519. Преставилась Владимирова царица Анна. *1011*

В год 6520. *1012*

В год 6521. *1013*

В год 6522. Когда Ярослав был в Новгороде, давал он по условию в *1014* Киев две тысячи гривен от года до года, а тысячу раздавал в Новгороде дружине. И так давали все новгородские посадники, а Ярослав не давал этого в Киев отцу своему. И сказал Владимир: «Расчищайте пути и мостите мосты», ибо хотел идти войною на Ярослава, на сына своего, но разболелся.

В год 6523. Когда Владимир собрался идти против Ярослава, Ярослав, *1015* послав за море, привел варягов, так как боялся отца своего; но Бог не дал дьяволу радости. Когда Владимир разболелся, был у него в это время Борис. Между тем печенеги пошли походом на Русь, Владимир послал против них Бориса, а сам сильно разболелся; в этой болезни и умер июля в пятнадцатый день. Умер он на Берестове, и утаили смерть его, так как Святополк был в Киеве. Ночью же разобрали помост между двумя клетями, завернули его в ковер и спустили веревками на землю; затем, возложив его на сани, отвезли и поставили в церкви святой Богородицы, которую сам когда-то построил. Узнав об этом, сошлись люди без числа и плакали по нем — бояре как по заступнике страны, бедные же как о своем заступнике и кормителе. И положили его в гроб мраморный, похоронили тело его, блаженного князя, с плачем.

То новый Константин великого Рима; как тот крестился сам и людей своих крестил, так и этот поступил так же. Если и пребывал он прежде в скверных похотных желаниях, однако впоследствии усердствовал в покаянии, по слову апостола: «Где умножится грех, там преизобилует благодать». Удивления достойно, сколько он сотворил добра Русской земле, крестив ее. Мы же, христиане, не воздаем ему почестей, равных его деянию. Ибо если бы он не крестил нас, то и ныне бы еще пребывали в заблуждении дьявольском, в котором и прародители наши погибли. Если бы имели мы усердие и молились за него Богу в день его смерти, то Бог, видя, как мы

чтим его, прославил бы его: нам ведь следует молить за него Бога, так как через него познали мы Бога. Пусть же Господь воздаст тебе по желанию твоему и все просьбы твои исполнит — о царствии небесном, которого ты и хотел. Пусть увенчает тебя Господь вместе с праведниками, воздаст услаждение пищей райской и ликование с Авраамом и другими патриархами, по слову Соломона: «Со смертью праведника не погибнет надежда».

Память о нем чтут русские люди, вспоминая святое крещение, и прославляют Бога молитвами, песнями и псалмами, воспевая их Господу, новые люди, просвещенные Святым Духом, ожидая надежды нашей, великого Бога и Спаса нашего Иисуса Христа; он придет воздать каждому по трудам его неизреченную радость, которую предстоит получить всем христианам.

Об убиении Бориса. Святополк сел в Киеве по смерти отца своего, и созвал киевлян, и стал давать им дары. Они же брали, но сердце их не лежало к нему, потому что братья их были с Борисом. Когда Борис уже возвратился с войском назад, не найдя печенегов, пришла к нему весть: «Отец у тебя умер». И плакался по отце горько, потому что любим был отцом больше всех, и остановился, дойдя до Альты. Сказала же ему дружина отцовская: «Вот у тебя отцовская дружина и войско. Пойди, сядь в Киеве на отцовском столе». Он же отвечал: «Не подниму руки на брата своего старшего: если и отец у меня умер, то пусть этот будет мне вместо отца». Услышав это, воины разошлись от него. Борис же остался стоять с одними своими отроками. Между тем Святополк, исполнившись беззакония, воспринял мысль Каинову и послал сказать Борису: «Хочу с тобою любовь иметь и придам тебе еще к полученному от отца владению», но сам обманывал его, чтобы как-нибудь его погубить. Святополк пришел ночью в Вышгород, тайно призвал Путшу и вышгородских мужей боярских и сказал им: «Преданы ли вы мне всем сердцем?». Отвечали же Путша с вышгородцами: «Согласны головы свои сложить за тебя». Тогда он сказал им: «Не говоря никому, ступайте и убейте брата моего Бориса». Те же обещали ему немедленно исполнить это. О таких сказал Соломон: «Спешат они на неправедное пролитие крови. Ибо принимают они участие в пролитии крови и навлекают на себя несчастия. Таковы пути всех, совершающих беззаконие, ибо нечестием изымают свою душу». Посланные же пришли на Альту ночью, и когда подступили ближе, то услыхали, что Борис поет заутреню, так как пришла ему уже весть, что собираются погубить его. И, встав, начал он петь: «Господи! За что умножились враги мои! Многие восстают на меня»; и еще: «Ибо стрелы твои вонзились в меня; ибо я готов к бедам, и скорбь моя предо мною»; и еще говорил он: «Господи! Услышь молитву мою и не входи в суд с рабом твоим, потому что не оправдается пред тобой никто из живущих, так как преследует враг душу мою». И, окончив шестопсалмие и увидев, что пришли посланные убить его, начал петь псалмы: «Обступили меня тельцы тучные... Скопище злых обступило меня»; «Господи, Боже мой, на тебя уповаю, спаси меня и от всех гонителей моих избавь меня». Затем начал он петь канон. А затем, кончив заутреню, помолился и сказал так, смотря на икону, на образ Владыки: «Господи Иисусе Христе! Как ты в

этом образе явился на землю ради нашего спасения, собственною волею дав пригвоздить руки свои на кресте, и принял страдание за наши грехи, так и меня сподобь принять страдание. Я же не от врагов принимаю это страдание, но от своего же брата, и не вмени ему, Господи, это в грех». И, помолившись Богу, возлег на постель свою. И вот напали на него, как звери дикие, обступив шатер, и проткнули его копьями, и пронзили Бориса и слугу его, прикрывшего его своим телом, пронзили. Был же он любим Борисом. Был отрок этот родом венгр, по имени Георгий; Борис его сильно любил, и возложил он на него гривну золотую большую, в которой он и служил ему. Убили они и многих других отроков Бориса. С Георгия же с этого не могли они быстро снять гривну с шеи, и отсекли голову его, и только тогда сняли гривну, а голову отбросили прочь; поэтому-то впоследствии и не обрели тела его среди трупов. Убив же Бориса, окаянные завернули его в шатер, положив на телегу, повезли, еще дышавшего, Святополк же окаянный, узнав, что Борис еще дышит, послал двух варягов прикончить его. Когда те пришли и увидели, что он еще жив, то один из них извлек меч и пронзил его в сердце. И так скончался блаженный Борис, приняв с другими праведниками венец вечной жизни от Христа Бога, сравнявшись с пророками и апостолами, пребывая с сонмом мучеников, почивая на лоне Авраама, видя неизреченную радость, распевая с ангелами и в веселии пребывая со всеми святыми. И положили тело его в церкви Василия, тайно принеся его в Вышгород. Окаянные же те убийцы пришли к Святополку, точно хвалу заслужившие, беззаконники. Вот имена этих законопреступников: Путша, Талец, Еловит, Ляшко, а отец им всем сатана. Ибо такие слуги подобны бесам: бесы ведь посылаются на злое, ангелы же посылаются для добрых дел. Ангелы ведь не творят человеку зла, но добра ему желают постоянно, особенно же помогают христианам и защищают их от супостата-дьявола; а бесы побуждают человека на зле, завидуя ему; и так как видят, что человек от Бога в чести, — потому и завидуют и скоры на совершение зла. Злой человек, усердствуя злому делу, хуже беса, ибо бесы Бога боятся, а злой человек ни Бога не боится, ни людей не стыдится; бесы ведь и креста Господня боятся, а человек злой и креста не боится.

Святополк же окаянный стал думать: «Вот убил я Бориса; как бы убить Глеба?». И, замыслив Каиново дело, послал, обманывая, гонца к Глебу, говоря так: «Приезжай сюда поскорее, отец тебя зовет: сильно он болен». Глеб тотчас же сел на коня и отправился с малою дружиною, потому что был послушлив отцу. И когда пришел он на Волгу, то в поле споткнулся конь его на рытвине, и повредил Глеб себе немного ногу. И пришел в Смоленск, и отошел от Смоленска недалеко, и стал на Смядыне в насаде. В это же время пришла от Предславы весть к Ярославу о смерти отца и послал Ярослав сказать Глебу: «Не ходи: отец у тебя умер, а брат твой убит Святополком». Услыхав это, Глеб громко возопил со слезами, плачась по отце, но еще больше по брате, и стал молиться со слезами, говоря так: «Увы мне, Господи! Лучше было бы мне умереть с братом, нежели жить на свете этом. Если бы видел я, брат мой, лицо твое ангельское, то умер бы с тобою: ныне же зачем остался я один? Где речи твои, что говорил ты

мне, брат мой любимый? Ныне уже не услышу тихого твоего наставления. Если доходят молитвы твои к Богу, то помолись обо мне, чтобы и я принял ту же мученическую кончину. Лучше бы было мне умереть с тобою, чем жить на этом полном лжи свете». И когда он так молился со слезами, внезапно пришли посланные Святополком погубить Глеба. И тут вдруг захватили посланные корабль Глебов, и обнажили оружие. Отроки же Глебовы пали духом. Окаянный же Горясер, один из посланных, велел тотчас же зарезать Глеба. Повар же Глеба, именем Торчин, вынув нож, зарезал Глеба, как безвинного ягненка. Так был принесен он в жертву Богу, вместо благоуханного фимиама жертва разумная, и принял венец царствия Божия, войдя в небесные обители, и увидел там желанного брата своего, и радовался с ним неизреченною радостию, которой удостоились они за свое братолюбие. «Как хорошо и как прекрасно жить братьям вместе!». Окаянные же возвратились назад, как сказал Давид: «Да возвратятся грешники в ад». Когда же они пришли, сказали Святополку: «Сделали приказанное тобою». Он же, услышав это, возгордился еще больше, не ведая, что Давид сказал: «Что хвалишься злодейством, сильный? Весь день беззаконие... умышляет язык твой».

Итак, Глеб был убит, и был он брошен на берегу между двумя колодами, затем же, взяв его, увезли и положили его рядом с братом его Борисом в церкви святого Василия.

И соединились они телами, а сверх того и душами, пребывая у Владыки, Царя всех, в радости бесконечной, в свете неизреченном и подавая дары исцеления Русской земле и всех приходящих с верою из иных стран исцеляя: хромым давая ходить, слепым давая прозрение, болящим выздоровление, закованным освобождение, темницам отверзение, печальным утешение, гонимым избавление. Заступники они за Русскую землю, светильники сияющие и вечно молящиеся Владыке о своих людях. Вот почему и мы должны достойно восхвалять страстотерпцев этих Христовых, прилежно молясь им со словами: «Радуйтеся, страстотерпцы Христовы, заступники Русской земли, подающие исцеление приходящим к вам с верою и любовью. Радуйтесь, небесные обитатели, были вы ангелами во плоти, единомысленными служителями Богу, единообразной четой, святым единодушной; поэтому и подаете вы исцеление всем страждущим. Радуйтесь, Борис и Глеб богомудрые, источаете вы как бы струи из колодца живоносной воды исцеления, истекают они верным людям на выздоровление. Радуйтесь, поправшие коварного змея, явившиеся подобно лучам светозарным, как светила, озаряющие всю Русскую землю, всегда тьму отгоняющие верою непреклонною. Радуйтесь, заслужившие недреманное око, души свои к исполнению святых Божьих заповедей в сердцах своих склонившие, блаженные. Радуйтесь, братья, вместе пребывающие в местах светозарных, в селениях небесных, в неувядаемой славе, обладания которой удостоились. Радуйтесь, явно для всех осиянные божественным светом, весь мир обошедшие, бесов отгоняющие, недуги исцеляющие, светильники добрые, заступники теплые, с Богом пребывающие, божественными лучами всегда озаряемые, мужественные страстотерпцы, просвещающие души верным людям.

Возвысила вас светоносная небесная любовь; через нее вы и наследовали все красоты небесного жития, славу и райскую пищу, и свет разума, прекрасные радости. Радуйтесь, потому что напояете вы все сердца, горести и болезни отгоняете, страсти злые исцеляете; каплями крови своей святой обагрили вы багряницу, прославленные, ибо, ее нося прекрасно, с Христом царствуете всегда, молясь за новых христианских людей и сродников своих. Благословилась земля Русская кровью вашею и мощами, покоящимися в церкви, просвещаете вы церковь эту духом божественным, в ней же с мучениками, как мученики, молитесь вы за людей своих. Радуйтесь, светлые звезды, утром восходящие! Христолюбивые же страстотерпцы и заступники наши! Покорите поганых под ноги князьям нашим, молясь владыке Богу нашему, чтобы пребывали они в мире, в единении и в здоровье, избавляя их от усобных войн и от пронырства дьявола, удостойте и нас того же, поющих вам и почитающих ваше славное торжество, во вся веки до скончания мира».

Святополк же окаянный и злой убил Святослава, послав к нему к горе Угорской, когда тот бежал в Угры. И стал Святополк думать: «Перебью всех своих братьев и стану один владеть Русскою землею». Так думал он в гордости своей, не зная, что «Бог дает власть кому хочет, ибо поставляет Всевышний цесаря и князя, каких захочет дать». Если же какая-нибудь страна станет угодной Богу, то ставит ей Бог цесаря или князя праведного, любящего справедливость и закон, и дарует властителя и судью, судящего суд. Ибо если князья справедливы в стране, то много согрешений прощается стране той; если же злы и лживы, то еще большее зло насылает Бог на страну ту, потому что князь — глава земли. Ибо так сказал Исайя: «Согрешили от головы и до ног, то есть от цесаря и до простых людей». «Горе городу тому, в котором князь юн», любящий пить вино под звуки гуслей вместе с молодыми советниками. Таких князей дает Бог за грехи, а старых и мудрых отнимает, как сказал Исайя: «Отнимет Господь у Иерусалима крепкого исполина и храброго мужа, и судью, и пророка, и смиренного старца, и дивного советника, и мудрого художника, и разумного, живущего по закону. И дам им юношу князя, и обидчика поставлю обладать ими».

Святополк же окаянный стал княжить в Киеве. Созвав людей, стал он им давать кому плащи, а другим деньгами, и роздал много богатства. Когда Ярослав не знал еще об отцовской смерти, было у него множество варягов, и творили они насилие новгородцам и женам их. Новгородцы восстали и перебили варягов во дворе Поромоньем. И разгневался Ярослав, и пошел в село Ракомо, сел там во дворе. И послал к новгородцам сказать: «Мне уже тех не воскресить». И призвал к себе лучших мужей, которые перебили варягов, и, обманув их, перебил. В ту же ночь пришла ему весть из Киева от сестры его Предславы: «Отец твой умер, а Святополк сидит в Киеве, убил Бориса, а на Глеба послал, берегись его очень». Услышав это, печален был Ярослав и об отце, и о братьях, и о дружине. На другой день, собрав остаток новгородцев, сказал Ярослав: «О милая моя дружина, которую я вчера перебил, а сегодня она оказалась нужна». Утер слезы и обратился к

ним на вече: «Отец мой умер, а Святополк сидит в Киеве и убивает братьев своих». И сказали новгородцы: «Хотя, князь, и иссечены братья наши, — можем за тебя бороться!». И собрал Ярослав тысячу варягов, а других воинов 40 000, и пошел на Святополка, призвав Бога в свидетели своей правды и сказав: «Не я начал избивать братьев моих, но он; да будет Бог мстителем за кровь братьев моих, потому что без вины пролил он праведную кровь Бориса и Глеба. Или же и мне то же сделать? Рассуди меня, Господи, по правде, да прекратятся злодеяния грешного». И пошел на Святополка. Услышав же, что Ярослав идет, Святополк собрал бесчисленное количество воинов, русских и печенегов, и вышел против него к Любечу на тот берег Днепра, а Ярослав был на этом.

Начало княжения Ярослава в Киеве.

1016 В год 6524. Пришел Ярослав на Святополка, и стали по обе стороны Днепра, и не решались ни эти на тех, ни те на этих, и стояли так три месяца друг против друга. И стал воевода Святополка, разъезжая по берегу, укорять новгородцев, говоря: «Что пришли с хромцом этим? Вы ведь плотники. Поставим вас хоромы наши рубить!». Слыша это, сказали новгородцы Ярославу, что «завтра мы переправимся к нему; если кто не пойдет с нами, сами нападем на него». Наступили уже заморозки. Святополк стоял между двумя озерами и всю ночь пил с дружиной своей. Ярослав же с утра, исполчив дружину свою, на рассвете переправился. И, высадившись на берег, оттолкнули ладьи от берега, и пошли друг против друга, и сошлись в схватке. Была сеча жестокая, и не могли из-за озера печенеги помочь; и прижали Святополка с дружиною к озеру, и вступили на лед, и подломился под ними лед, и стал одолевать Ярослав, видев же это, Святополк побежал, и одолел Ярослав. Святополк же бежал в Польшу, а Ярослав сел в Киеве на столе отцовском и дедовском. И было тогда Ярославу 28 лет.

1017 В год 6525. Ярослав пошел в Киев, и погорели церкви.

1018 В год 6526. Пришел Болеслав на Ярослава со Святополком и с поляками. Ярослав же, собрав русь, и варягов, и словен, пошел против Болеслава и Святополка и пришел к Волыню, и стали они по обеим сторонам реки Буга. И был у Ярослава кормилец и воевода, именем Буда, и стал он укорять Болеслава, говоря: «Проткнем тебе колом брюхо твое толстое». Ибо был Болеслав велик и тяжек, так что и на коне не мог сидеть, но зато был умен. И сказал Болеслав дружине своей: «Если вас не унижает оскорбление это, то погибну один». Сев на коня, въехал он в реку, а за ним воины его, Ярослав же не успел исполчиться, и победил Болеслав Ярослава. И убежал Ярослав с четырьмя мужами в Новгород. Болеслав же вступил в Киев со Святополком. И сказал Болеслав: «Разведите дружину мою по городам на покорм»; и было так. Ярослав же, прибежав в Новгород, хотел бежать за море, но посадник Константин, сын Добрыни, с новгородцами рассек ладьи Ярославовы, говоря: «Хотим и еще биться с Болеславом и со Святополком». Стали собирать деньги от мужа по 4 куны, а от старост по 10 гривен, а от бояр по 18 гривен. И привели варягов, и дали им деньги, и собрал Ярослав

воинов много. Когда же Болеслав сидел в Киеве, окаянный Святополк сказал: «Сколько есть поляков по городам, избивайте их». И перебили поляков. Болеслав же побежал из Киева, забрав богатства, и бояр Ярославовых, и сестер его, а Настаса — попа Десятинной церкви — приставил к этим богатствам, ибо тот обманом вкрался ему в доверие. И людей множество увел с собою, и города Червенские забрал себе, и пришел в свою землю. Святополк же стал княжить в Киеве. И пошел Ярослав на Святополка, и бежал Святополк к печенегам.

В год 6527. Пришел Святополк с печенегами в силе грозной, и Ярослав *1019*
собрал множество воинов и вышел против него на Альту. Ярослав стал на место, где убили Бориса, и, воздев руки к небу, сказал: «Кровь брата моего вопиет к тебе, Владыка! Отомсти за кровь праведника сего, как отомстил ты за кровь Авеля, обрек Каина на стенание и трепет: так обреки и этого». Помолился и сказал: «Братья мои! Хоть и отошли вы телом отсюда, но молитвою помогите мне против врага сего — убийцы и гордеца». И когда сказал так, двинулись противники друг на друга, и покрыло поле Альтинское множество воинов. Была же тогда пятница, и всходило солнце, и сошлись обе стороны, и была сеча жестокая, какой не бывало на Руси, и, за руки хватаясь, рубились, и сходились трижды, так что текла кровь по низинам. К вечеру же одолел Ярослав, а Святополк бежал. И когда бежал он, напал на него бес, и расслабли все члены его, и не мог он сидеть на коне, и несли его на носилках. И бежавшие с ним принесли его к Берестью. Он же говорил: «Бегите со мной, гонятся за нами». Отроки же его посылали посмотреть: «Гонится ли кто за нами?». И не было никого, кто бы гнался за ними, и дальше бежали с ним. Он же лежал немощен и, привставая, говорил: «Вот уже гонятся, ой, гонятся, бегите». Не мог он вытерпеть на одном месте, и пробежал он через Польскую землю, гонимый Божиим гневом, и прибежал в пустынное место между Польшей и Чехией, и там бедственно окончил жизнь свою. «Праведный суд постиг его, неправедного, и после смерти принял он муки окаянного: показало явно... посланная на него Богом пагубная кара безжалостно предала его смерти», и по отшествии от сего света, связанный, вечно терпит муки. Есть могила его в том пустынном месте и до сего дня. Исходит же из нее смрад ужасен. Все это Бог явил в поучение князьям русским, чтобы если еще раз совершат такое же, уже слышав обо всем этом, то такую же казнь примут, и даже еще бо́льшую той, потому что совершат такое злое убийство, уже зная обо всем этом. Семь казней принял Каин, убив Авеля, а Ламех 70, потому что Каин не знал, что придется принять мщение от Бога, а Ламех совершил убийство, уже зная о казни, постигшей прародителя его. «Ибо сказал Ламех женам своим: „Мужа убил во вред мне и, юношу убив, нанес сам себе беду, потому, сказал он, и 70 мщений положено мне, что, зная обо всем, сотворил я это"». Ламех убил двух братьев Еноховых и взял себе жен их; этот же Святополк — новый Авимелех, родившийся от прелюбодеяния и избивший своих братьев, сыновей Гедеоновых; так и свершилось.

Ярослав же сел в Киеве, утер пот с дружиною своею, показав победу и труд велик.

1020 В год 6528. Родился у Ярослава сын, и нарек имя ему Владимир.

1021 В год 6529. Пришел Брячислав, сын Изяслава, внук Владимира, на Новгород, и взял Новгород, и, захватив новгородцев и имущество их, пошел к Полоцку снова. И когда пришел он к реке Судомири, и Ярослав из Киева на седьмой день нагнал его тут. И победил Ярослав Брячислава, и новгородцев воротил в Новгород, а Брячислав бежал к Полоцку.

1022 В год 6530. Пришел Ярослав к Берестью. В то же время Мстислав находился в Тмутаракани и пошел на касогов. Услышав же это, князь касожский Редедя вышел против него. И, когда стали оба полка друг против друга, сказал Редедя Мстиславу: «Чего ради погубим дружины? Но сойдемся, чтобы побороться самим. Если одолеешь ты, возьмешь богатства мои, и жену мою, и детей моих, и землю мою. Если же я одолею, то возьму твое все». И сказал Мстислав: «Да будет так». И сказал Редедя Мстиславу: «Не оружием будем биться, но борьбою». И схватились бороться крепко, и в долгой борьбе стал изнемогать Мстислав, ибо был велик и силен Редедя. И сказал Мстислав: «О пречистая Богородица, помоги мне! Если же одолею его, воздвигну церковь во имя твое». И, сказав так, бросил его на землю. И выхватил нож, и зарезал Редедю. И, пойдя в землю его, забрал все богатства его, и жену его, и детей его, и дань возложил на касогов. И, придя в Тмутаракань, заложил церковь святой Богородицы и воздвиг ту, что стоит и до сего дня в Тмутаракани.

1023 В год 6531. Пошел Мстислав на Ярослава с хазарами и касогами.

1024 В год 6532. Когда Ярослав был в Новгороде, пришел Мстислав из Тмутаракани в Киев, и не приняли его киевляне. Он же пошел и сел на столе в Чернигове; Ярослав же был тогда в Новгороде. В тот же год восстали волхвы в Суздале; по дьявольскому наущению и бесовскому действию избивали старшую чадь, говоря, что они держат запасы. Был мятеж великий и голод по всей той стране; и пошли по Волге все люди к болгарам, и привезли хлеба, и так ожили. Ярослав же, услышав о волхвах, пришел в Суздаль; захватив волхвов, одних изгнал, а других казнил, говоря так: «Бог за грехи посылает на всякую страну голод, или мор, или засуху, или иную казнь, человек же не знает, за что». И, возвратившись, пришел Ярослав в Новгород, и послал за море за варягами. И пришел Якун с варягами, и был Якун тот красив, и плащ у него был золотом выткан. И пришел к Ярославу, и пошел Ярослав с Якуном на Мстислава. Мстислав же, услышав, вышел против них к Листвену. Мстислав же с вечера исполчил дружину и поставил северян прямо против варягов, а сам стал с дружиною своею по обеим сторонам. И наступила ночь, была тьма, молния, гром и дождь. И сказал Мстислав дружине своей: «Пойдем на них». И пошли Мстислав и Ярослав друг на друга, и схватилась дружина северян с варягами, и трудились варяги, рубя северян, и затем двинулся Мстислав с дружиной своей и стал рубить варягов. И была сеча сильна, и когда сверкала молния, блистало оружие, и была гроза велика и сеча сильна и страшна. И когда увидел Ярослав, что терпит поражение, побежал с Якуном, князем варяжским, и Якун тут потерял свой плащ золотой. Ярослав же пришел в Новгород, а Якун ушел за море. Мстислав же чуть свет, увидев лежащими

посеченных своих северян и Ярославовых варягов, сказал: «Кто тому не рад? Вот лежит северянин, а вот варяг, а дружина своя цела». И послал Мстислав за Ярославом, говоря: «Садись в своем Киеве: ты старший брат, а мне пусть будет эта сторона Днепра». И не решился Ярослав идти в Киев, пока не помирились. И сидел Мстислав в Чернигове, а Ярослав в Новгороде, и были в Киеве мужи Ярослава. В тот же год родился у Ярослава еще сын, и нарек имя ему Изяслав.

В год 6534. Ярослав собрал воинов многих, и пришел в Киев, и заключил *1026*
мир с братом своим Мстиславом у Городца. И разделили по Днепру Русскую землю: Ярослав взял эту сторону, а Мстислав ту. И начали жить мирно и в братолюбии, и затихли усобица и мятеж, и была тишина великая в стране.

В год 6535. Родился третий сын у Ярослава, и дали имя ему Святослав. *1027*

В год 6536. Знамение в виде змея явилось в небе, так что видно было *1028*
его по всей земле.

В год 6537. Мирно было. *1029*

В год 6538. Ярослав Белз взял. И родился у Ярослава четвертый сын, *1030*
и дал имя ему Всеволод. В тот же год пошел Ярослав на чудь, и победил их, и поставил город Юрьев. В то же время умер Болеслав Великий в Польше, и был мятеж в земле Польской: восстав, люди перебили епископов и попов и бояр своих, и был среди них мятеж.

В год 6539. Ярослав и Мстислав, собрав воинов многих, пошли на *1031*
поляков, и вновь заняли Червенские города, и повоевали землю Польскую, и много поляков привели, и поделили их. Ярослав же посадил своих поляков по Роси; там они живут и по сей день.

В год 6540. Ярослав начал ставить города по Роси. *1032*

В год 6541. Евстафий Мстиславич умер. *1033*

В год 6542. *1034*

В год 6543. *1035*

В год 6544. Мстислав вышел на охоту, разболелся и умер. И положили *1036*
его в церкви святого Спаса, которую сам заложил; были ведь при нем выведены стены ее в высоту, сколько можно, стоя на коне, достать рукою. Был же Мстислав могуч телом, красив лицом, с большими очами, храбр на ратях, милостив, любил дружину без меры, имения для нее не щадил, ни в питье, ни в пище ничего не запрещал ей. После того завладел всем его владением Ярослав и стал самовластцем в Русской земле. Пошел Ярослав в Новгород и посадил сына своего Владимира в Новгороде, а епископом поставил Жидяту. В это время родился у Ярослава сын, нарекли имя ему Вячеслав. Когда Ярослав был в Новгороде, пришла к нему весть, что печенеги осадили Киев. Ярослав собрал воинов многих, варягов и словен, пришел к Киеву и вошел в город свой. А было печенегов без числа. Ярослав выступил из города, и исполчил дружину, и поставил варягов посредине, а на правой стороне — киевлян, а на левом крыле — новгородцев; и стал пред градом. Печенеги пошли на приступ и схватились на месте, где стоит ныне святая София, митрополия русская: было здесь тогда поле вне града. И была сеча жестокая, и едва к вечеру одолел Ярослав. И побежали печенеги врассыпную, и не знали, куда бежать, одни, убегая, тонули в Сетомли, иные

же в других реках, а остаток их бегает где-то и до сего дня. В тот же год посадил Ярослав брата своего Судислава в темницу во Пскове — был тот оклеветан перед ним.

1037 В год 6545. Заложил Ярослав город великий, у того же града Золотые ворота; заложил и церковь святой Софии, митрополию, и затем церковь на Золотых воротах — святой Богородицы Благовещения, затем монастырь святого Георгия и святой Ирины. И стала при нем вера христианская плодиться и расширяться, и черноризцы стали умножаться, и монастыри появляться. И любил Ярослав церковные уставы, попов любил немало, особенно же черноризцев, и книги любил, читая их часто и ночью и днем. И собрал писцов многих, и переводили они с греческого на славянский язык. И написали они книг множество, ими же поучаются верующие люди и наслаждаются учением божественным. Как если один землю вспашет, другой же засеет, а иные жнут и едят пищу неоскудевающую, — так и этот. Отец ведь его Владимир землю вспахал и размягчил, то есть крещением просветил. Этот же засеял книжными словами сердца верующих людей, а мы пожинаем, учение принимая книжное.

Велика ведь бывает польза от учения книжного; книгами наставляемы и поучаемы на путь покаяния, ибо от слов книжных обретаем мудрость и воздержание. Это ведь — реки, напояющие вселенную, это источники мудрости; в книгах ведь неизмеримая глубина; ими мы в печали утешаемся; они — узда воздержания. Велика есть мудрость; ведь и Соломон, прославляя ее, говорил: «Я, премудрость, вселила свет и разум, и смысл я призвала. Страх господень... Мои советы, моя мудрость, мое утверждение, моя сила. Мною цесари царствуют, а сильные узаконяют правду. Мною вельможи величаются и мучители управляют землею. Любящих меня люблю, ищущие меня найдут благодать». Если прилежно поищешь в книгах мудрости, то найдешь великую пользу душе своей. Ибо кто часто читает книги, тот беседует с Богом или со святыми мужами. Тот, кто читает пророческие беседы, и евангельские и апостольские поучения, и жития святых отцов, обретает душе великую пользу.

Ярослав же, как мы уже сказали, любил книги и, много их написав, положил в церкви святой Софии, которую создал сам. Украсил ее золотом, серебром и сосудами церковными, и возносят в ней к Богу положенные песнопения в назначенное время. И другие церкви ставил по городам и по местам, поставляя попов и давая от богатств своих жалованье, веля им учить людей, потому что им поручено это Богом, и посещать часто церкви. И умножились пресвитеры и люди христианские. И радовался Ярослав, видя множество церквей и людей христиан, а враг сетовал, побеждаемый новыми людьми христианскими.

1038 В год 6546. Ярослав пошел на ятвягов.

1039 В год 6547. Освящена была митрополитом Феопемптом церковь святой Богородицы, которую создал Владимир, отец Ярослава.

1040 В год 6548. Ярослав пошел на Литву.

1041 В год 6549. Пошел Ярослав на мазовшан в ладьях.

1042 В год 6550. Пошел Владимир Ярославич на Ямь и победил их. И пали

кони у воинов Владимировых; так, что и с еще дышащих коней сдирали кожу: такой был мор на коней!

В год 6551. Послал Ярослав сына своего Владимира на греков и дал ему 1043
много воинов, а воеводство поручил Вышате, отцу Яня. И отправился Владимир в ладьях, и приплыл к Дунаю, и направился к Царьграду. И была буря велика, и разбила корабли русских, и княжеский корабль разбил ветер, и взял князя в корабль Иван Творимирич, воевода Ярослава. Прочих же воинов Владимировых, числом до 6000, выбросило на берег, и, когда они захотели было пойти на Русь, никто не пошел с ними из дружины княжеской. И сказал Вышата: «Я пойду с ними». И высадился к ним с корабля, и сказал: «Если буду жив, то с ними, если погибну, то с дружиной». И пошли, намереваясь дойти до Руси. И сообщили грекам, что море разбило ладьи руси, и послал царь, именем Мономах, за русью 14 ладей. Владимир же, увидев с дружиною своею, что идут за ними, повернув, разбил ладьи греческие и возвратился на Русь, сев на корабли свои. Вышату же схватили вместе с выброшенными на берег, и привели в Царьград, и ослепили много русских. Спустя три года, когда установился мир, отпущен был Вышата на Русь к Ярославу. В те времена выдал Ярослав сестру свою за Казимира, и отдал Казимир, вместо свадебного дара, восемьсот русских пленных, захваченных еще Болеславом, когда тот победил Ярослава.

В год 6552. Выкопали из могил двух князей, Ярополка и Олега, сыновей 1044
Святослава, и окрестили кости их, и положили их в церкви святой Богородицы. В тот же год умер Брячислав, сын Изяслава, внук Владимира, отец Всеслава, и Всеслав, сын его, сел на столе его, мать же родила его от волхвования. Когда мать родила его, на голове его оказалось язвено, и сказали волхвы матери его: «Это язвено навяжи на него, пусть носит его до смерти». И носит его на себе Всеслав и до сего дня; оттого и не милостив на кровопролитие.

В год 6553. Заложил Владимир святую Софию в Новгороде. 1045

В год 6554. 1046

В год 6555. Ярослав пошел на мазовшан, и победил их, и убил князя 1047
их Моислава, и покорил их Казимиру.

В год 6556. 1048

В год 6557. 1049

В год 6558. Преставилась княгиня, жена Ярослава. 1050

В год 6559. Поставил Ярослав Илариона митрополитом, русского родом, 1051
в святой Софии, собрав епископов.

А теперь скажем, почему назван так Печерский монастырь. Боголюбивый князь Ярослав любил село Берестовое и церковь, которая была там, святых апостолов и помогал попам многим, среди которых был пресвитер, именем Иларион, муж благостный, книжный и постник. И ходил он из Берестового на Днепр, на холм, где ныне находится старый монастырь Печерский, и там молитву творил, ибо был там лес великий. Выкопал он пещерку малую, двухсаженную, и, приходя из Берестового, пел там церковные часы и молился Богу втайне. Затем Бог положил князю мысль на сердце поставить его митрополитом в святой Софии, а пещерка эта так и возникла. И немного

дней спустя оказался некий человек, мирянин из города Любеча, и положил ему Бог мысль на сердце идти странничать. И направился он на Святую Гору, и увидел там монастыри, и обошел их, полюбив монашество, и пришел в один монастырь, и умолил игумена, чтобы постриг его в монахи. Тот послушал, постриг его, дал ему имя Антоний, наставив и научив, как жить по-чернечески, и сказал ему: «Иди снова на Русь, и да будет на тебе благословение Святой Горы, ибо от тебя многие станут чернецами». Благословил его и отпустил, сказав ему: «Иди с миром». Антоний же пришел в Киев и стал думать, где бы поселиться; и ходил по монастырям, и не возлюбил их, так как Бог не хотел того. И стал ходить по дебрям и горам, ища места, которое бы ему указал Бог. И пришел на холм, где Иларион выкопал пещерку, и возлюбил место то, и поселился в ней, и стал молиться Богу со слезами, говоря: «Господи! Укрепи меня в месте этом, и да будет здесь благословение Святой Горы и моего игумена, который меня постриг». И стал жить тут, молясь Богу, питаясь хлебом сухим, и то через день, и воды испивая в меру, копая пещеру и не давая себе покоя днем и ночью, пребывая в трудах, в бдении и в молитвах. Потом узнали добрые люди и приходили к нему, принося все, что ему требовалось. И прослыл он как великий Антоний: приходя к нему, просили у него благословения. После же, когда преставился великий князь Ярослав, — приял власть сын его Изяслав и сел в Киеве. Антоний же прославлен был в Русской земле; Изяслав, узнав о святой жизни его, пришел с дружиною своею, прося у него благословения и молитвы. И ведом стал всем великий Антоний и чтим всеми, и стала приходить к нему братья, и начал он принимать и постригать их, и собралось к нему братии числом 12, и ископали пещеру великую, и церковь, и кельи, которые и до сего дня еще существуют в пещере под старым монастырем. Когда собралась братия, сказал им Антоний: «Это Бог вас, братия, собрал, и вы здесь по благословению Святой Горы, по которому меня постриг игумен Святой Горы, а я вас постригал — да будет благословение на вас, первое от Бога, а второе от Святой Горы». И так сказал им: «Живите же сами по себе, и поставлю вам игумена, а сам я хочу уединиться в этой горе, так как и прежде уже привык жить в уединении». И поставил им игуменом Варлаама, а сам пришел к горе и ископал пещеру, что под новым монастырем, и в ней скончал дни свои, живя в добродетели, не выходя никуда из пещеры в течение сорока лет; в ней лежат мощи его и до сего дня. Братия же с игуменом жили в прежней пещере. И в те времена, когда братия умножилась и не могла уже вместиться в пещере, помыслили поставить монастырь вне пещеры. И пришли игумен с братией к Антонию и сказали ему: «Отец! Умножилась братия, и не можем вместиться в пещере; если бы Бог повелел, по твоей молитве поставили бы мы церковку вне пещеры». И повелел им Антоний. Они же поклонились ему и поставили церковку малую над пещерою во имя Успения святой Богородицы. И начал Бог, по молитве святой Богородицы, умножать черноризцев, и совет сотворили братья с игуменом поставить монастырь. И пошли братья к Антонию и сказали: «Отец! Братия умножается, и мы хотели бы поставить монастырь». Антоний же сказал с радостью: «Благословен Бог во всем, и молитва святой

Богородицы и отцов Святой Горы да будет с вами». И, сказав это, послал одного из братьев к князю Изяславу, говоря так: «Князь мой! Вот Бог умножает братию, а местечко мало: дал бы нам гору ту, что над пещерою». Изяслав же услышал это и был рад, и послал мужа своего, и отдал им гору ту. Игумен же и братия заложили церковь великую, и монастырь огородили острогом, келий поставили много, завершили церковь и украсили ее иконами. И с той поры начался Печерский монастырь: оттого, что жили чернецы прежде в пещере, и прозвался монастырь Печерским. Основался же монастырь Печерский по благословению Святой Горы. Когда укрепился монастырь при игумене Варлааме, Изяслав поставил другой монастырь, святого Дмитрия, и вывел Варлаама на игуменство к святому Дмитрию, желая сделать тот монастырь выше Печерского, надеясь на свое богатство. Много ведь монастырей цесарями, и боярами, и богачами поставлено, но не такие они, как те, которые поставлены слезами, постом, молитвою, бдением. Антоний ведь не имел ни золота, ни серебра, но достиг всего слезами и постом, как я уже говорил. Когда Варлаам ушел к святому Дмитрию, братья, сотворив совет, пошли к старцу Антонию и сказали: «Поставь нам игумена». Он же сказал им: «Кого хотите?». Они же ответили: «Кого хочет Бог и ты». И сказал им: «Кто из вас больше Феодосия — послушного, кроткого, смиренного, — да будет он вам игумен». Братия же рада была, поклонилась старцу; и поставили Феодосия игуменом братии, числом 20. Когда же Феодосий принял монастырь, стал он следовать воздержанию, и строгим постам, и молитвам со слезами, и стал собирать многих черноризцев, и собрал братии числом 100. И стал искать устава монашеского, и нашелся тогда Михаил, монах Студийского монастыря, пришедший из Греческой земли с митрополитом Георгием, — и стал у него Феодосий спрашивать устав студийских монахов. И нашел у него, и списал, и ввел устав в монастыре своем — как петь пения монастырские, и как класть поклоны, и как читать, и как стоять в церкви, и весь распорядок церковный, и на трапезе поведение, и что вкушать в какие дни — все это по уставу. Найдя этот устав, Феодосий дал его в свой монастырь. От того же монастыря переняли все монастыри этот устав, оттого и почитается монастырь Печерский старшим изо всех. Когда же жил Феодосий в монастыре, и вел добродетельную жизнь, и соблюдал монашеские правила, и принимал всякого, приходящего к нему, — пришел к нему и я — худой и недостойный раб, — и принял меня, а лет мне было от роду 17. Написал я это и определил, в какой год начался Печерский монастырь и чего ради зовется Печерским. А о житии Феодосия скажем после.

В год 6560. Преставился Владимир, старший сын Ярослава, в Новгороде *1052*
и положен был в святой Софии, которую воздвиг сам.

В год 6561. У Всеволода родился сын от дочери царской, гречанки, и *1053*
нарек имя ему Владимир.

В год 6562. Преставился великий князь русский Ярослав. Еще при *1054*
жизни дал он наставление сыновьям своим, сказав им: «Вот я покидаю мир этот, сыновья мои; имейте любовь между собой, потому что все вы братья, от одного отца и от одной матери. И если будете жить в любви между

собой, Бог будет в вас и покорит вам врагов. И будете мирно жить. Если же будете в ненависти жить, в распрях и ссорах, то погибнете сами и погубите землю отцов своих и дедов своих, которые добыли ее трудом своим великим; но живите мирно, слушаясь брат брата. Вот я поручаю стол мой в Киеве старшему сыну моему и брату вашему Изяславу; слушайтесь его, как слушались меня, пусть будет он вам вместо меня; а Святославу даю Чернигов, а Всеволоду Переяславль, а Игорю Владимир, а Вячеславу Смоленск». И так разделил между ними города, запретив им переступать пределы других братьев и изгонять их, и сказал Изяславу: «Если кто захочет обидеть брата своего, ты помогай тому, кого обижают». И так наставлял сыновей своих жить в любви. Сам уже он был болен тогда и, приехав в Вышгород, сильно расхворался. Изяслав тогда был... а Святослав во Владимире. Всеволод же был тогда при отце, ибо любил его отец больше всех братьев и держал его всегда при себе. И приспел конец жизни Ярослава, и отдал душу свою Богу в первую субботу поста святого Федора. Всеволод же обрядил тело отца своего, возложив на сани, повез его в Киев, а попы пели положенные песнопения. Плакали по нем люди; и, принеся, положили его в гроб мраморный в церкви святой Софии. И плакали по нем Всеволод и весь народ. Жил же он всех лет 76.

Начало княжения Изяслава в Киеве. Придя, сел Изяслав на столе в Киеве, Святослав же в Чернигове, Всеволод в Переяславле, Игорь во Владимире, Вячеслав в Смоленске. В тот же год зимою пошел Всеволод на торков к Воиню и победил торков. В том же году приходил Болуш с половцами, и заключил мир с ними Всеволод, и возвратились половцы назад, откуда пришли.

1056 В год 6564.

1057 В год 6565. Преставился Вячеслав, сын Ярослава, в Смоленске, и посадили Игоря в Смоленске, выведя его из Владимира.

1058 В год 6566. Победил Изяслав голядь.

1059 В год 6567. Изяслав, Святослав и Всеволод освободили дядю своего Судислава из поруба, где сидел он 24 года, взяв с него крестное целование; и стал он чернецом.

В год 6568 (1060). Преставился Игорь, сын Ярослава. В том же году Изяслав, и Святослав, и Всеволод, и Всеслав собрали воинов бесчисленных и пошли походом на торков, на конях и в ладьях, без числа много. Прослышав об этом, торки испугались, и обратились в бегство, и не вернулись до сих пор, — так и перемерли в бегах, Божиим гневом гонимые, кто от стужи, кто от голода, иные от мора и судом Божиим. Так избавил Бог христиан от поганых.

1061 В год 6569. Впервые пришли половцы войною на Русскую землю; Всеволод же вышел против них месяца февраля во 2-й день. И в битве победили Всеволода и, повоевав землю, ушли. То было первое зло от поганых и безбожных врагов. Был же князь их Искал.

1062 В год 6570.

В год 6571. Судислав преставился, брат Ярослава, и погребли его в церкви святого Георгия. В тот же год в Новгороде Волхов тек в обратном направлении 5 дней. Знаменье же это было недоброе, ибо на четвертый год пожег Всеслав город. *1063*

В год 6572. Бежал Ростислав, сын Владимиров, внук Ярославов, в Тмутаракань, и с ним бежали Порей и Вышата, сын Остромира, воеводы новгородского. И, придя, выгнал Глеба из Тмутаракани, а сам сел на его место. *1064*

В год 6573. Пошел Святослав на Ростислава к Тмутаракани. Ростислав же отступил из города — не потому, что испугался Святослава, но не желая против своего дяди оружия поднять. Святослав же, придя в Тмутаракань, вновь посадил сына своего Глеба и вернулся назад. Ростислав же, придя, снова выгнал Глеба, и пришел Глеб к отцу своему, Ростислав же сел в Тмутаракани. В том же году Всеслав начал войну. *1065*

В те же времена было знаменье на западе, звезда великая, с лучами как бы кровавыми; с вечера всходила она на небо после захода солнца, и так было 7 дней. Знамение это было не к добру, после того были усобицы многие и нашествие поганых на Русскую землю, ибо эта звезда была как бы кровавая, предвещая крови пролитье. В те же времена ребенок был брошен в Сетомль; этого ребенка вытащили рыбаки в неводе, и рассматривали мы его до вечера и опять бросили в воду. Был же он такой: на лице у него были срамные части, а иного нельзя и сказать срама ради. Перед тем временем и солнце изменилось и не стало светлым, но было как месяц, о таком солнце невежды говорят, что оно объедено. Знамения эти бывают не к добру. Мы потому так думаем, что именно так случилось в древности, «при Антиохе, в Иерусалиме: внезапно по всему городу в течение сорока дней стали являться в воздухе всадники скачущие, с оружием, в золотых одеждах, полки обеих сторон являлись, потрясая оружием: и это предвещало нападение Антиоха, нашествие рати на Иерусалим. Потом при Нероне цесаре в том же Иерусалиме над городом воссияла звезда в виде копья; это предвещало нашествие римского войска. И снова так было при Юстиниане цесаре: звезда воссияла на западе, испускавшая лучи, и прозвали ее лампадой, и так блистала она дней 20; после же того было звездотечение на небе с вечера до утра, так что все думали, будто падают звезды, и вновь солнце сияло без лучей: это предвещало крамолы, болезни людям, смерти. Снова, уже при Маврикии цесаре, было так: жена родила ребенка без глаз и без рук, а к бедрам у него рыбий хвост прирос; и пес родился шестиногий; в Африке уже двое детей родилось: один о четырех ногах, а другой о двух головах. Потом же было при царе Константине Иконоборце, сыне Леона, звездотечение на небе, звезды срывались на землю, так что видевшие думали, что конец мира; тогда же воздухотечение было сильное; в Сирии же было землетрясение великое, так что земля разверзлась на три поприща, и, дивно, из земли вышел мул, говоривший человеческим голосом и предсказывавший нашествие иноземцев, как и случилось потом»: напали сарацины на Палестинскую землю. Знамения ведь на небе, или в звездах, или в солнце, или в птицах, или в чем ином не к добру бывают; но знамения эти ко злу бывают: или войну предвещают, или голод, или смерть.

1066 В год 6574. Когда Ростислав был в Тмутаракани и брал дань с касогов и с других народов, этого так испугались греки, что с обманом подослали к нему котопана. Когда же он пришел к Ростиславу, — он вошел к нему в доверие, и чтил его Ростислав. Однажды, когда Ростислав пировал с дружиною своею, котопан сказал: «Князь, хочу выпить за тебя». Тот же ответил: «Пей». Он же отпил половину, а половину дал выпить князю, опустив палец в чашу; а под ногтем был у него яд смертельный, и дал князю, обрекая его на смерть не позднее седьмого дня. Тот выпил, котопан же, вернувшись в Корсунь, поведал там, что именно в этот день умрет Ростислав, как и случилось. Котопана этого побили камнями корсунские люди. Был Ростислав муж доблестный, воинственный, прекрасен сложением и красив лицом и милостив к убогим. И умер февраля в 3-й день и положен там в церкви святой Богородицы.

1067 В год 6575. Поднял рать в Полоцке Всеслав, сын Брячислава, и занял Новгород. Трое же Ярославичей, Изяслав, Святослав, Всеволод, собрав воинов, пошли на Всеслава в сильный мороз. И подошли к Минску, и минчане затворились в городе. Братья же эти взяли Минск и перебили всех мужей, а жен и детей захватили в плен и пошли к Немиге, и Всеслав пошел против них. И встретились противники на Немиге месяца марта в 3-й день; и был снег велик, и пошли друг на друга. И была сеча жестокая, и многие пали в ней, и одолели Изяслав, Святослав, Всеволод, Всеслав же бежал. Затем месяца июля в 10-й день Изяслав, Святослав и Всеволод, поцеловав крест честной Всеславу, сказали ему: «Приди к нам, не сотворим тебе зла». Он же, надеясь на их крестоцелование, переехал к ним в ладье через Днепр. Когда же Изяслав первым вошел в шатер, схватили тут Всеслава, на Рши у Смоленска, преступив крестоцелование. Изяслав же, приведя Всеслава в Киев, посадил его в темницу с двумя сыновьями.

1068 В год 6576. Пришли иноплеменники на Русскую землю, половцев множество. Изяслав же, и Святослав, и Всеволод вышли против них на Альту. И ночью пошли друг на друга. Навел на нас Бог поганых за грехи наши, и побежали русские князья, и победили половцы.

Наводит Бог, в гневе своем, иноплеменников на землю, и тогда в горе люди вспоминают о Боге; междоусобная же война бывает от дьявольского соблазна. Бог ведь не хочет зла людям, но блага; а дьявол радуется злому убийству и крови пролитию, разжигая ссоры и зависть, братоненавидение, клевету. Когда же впадает в грех какой-либо народ, казнит Бог его смертью, или голодом, или нашествием поганых, или засухой, или гусеницей, или иными казнями, чтобы мы покаялись, ибо Бог велит нам жить в покаянии и говорит нам через пророка: «Обратитесь ко мне всем сердцем вашим, в посте и плаче». Если мы будем так поступать, простятся нам все грехи; но мы к злу возвращаемся, как свинья, в кале греховном вечно марающаяся, и так пребываем. Устами того же пророка говорит нам Господь: «Знаю, — говорит, — что ты жесток и шея твоя железная», поэтому «не пустил к вам дождя, одну землю одождил, а другую не одождил, и иссохло»; «и поразил вас зноем и различными казнями, но и тут вы не обратились ко мне. Потому сады ваши, смоковницы ваши, нивы и дубравы ваши погубил я, — говорит

Господь, — а злоб ваших не мог изничтожить. Послал на вас различные болезни и смерти ужасные и на скот послал казнь свою, но и тут не обратились ко мне, но сказали: „Не поддадимся". Доколе не насытитесь злобами вашими? Вы ведь уклонились от пути моего, — говорит Господь, — и соблазнили многих»; поэтому: «буду свидетелем скорым против врагов, и прелюбодеев, и клянущихся именем моим ложно, и лишающих мзды наемника, чинящих насилие над сиротами и вдовами и уклоняющих суд от правды. Почему не покаетесь в грехах ваших? Но искажаете законы мои и не соблюдаете их? Обратитесь ко мне — и я обращусь к вам, — говорит Господь, — и разверзу вам хляби небесные и отвращу от вас гнев мой, пока не будет у вас всего в изобилии и не станут истощаться ни сады ваши, ни нивы. Но вы обрушили на меня слова ваши, говоря: „Ничтожен служащий Богу"». Поэтому: «Устами чтут меня, а сердце их далеко отстоит от меня». Оттого, чего просим, не приемлем. «Будет же так, — говорит, — когда призовете меня, я не стану вас слушать. Будете искать меня в беде — и не обрящете, ибо не восхотели ходить по путям моим», отчего и затворяется небо или, напротив, на гóре разверзается, град вместо дождя испуская или морозом плоды побивая и землю зноем томя, за наши злодеяния. Если же покаемся в злодеяниях наших, то «как родным детям своим», даст он нам все просимое и дождь ранний или поздний. «И наполнятся гумна ваши пшеницею. Прольются давила винные и масляные. И возмещу вам за годы, в которые поели у вас саранча, и жуки, и гусеницы; сила моя велика, которую я послал на вас», — говорит Господь Вседержитель. Слыша все это, обратимся к добру; взыщите праведного суда, избавьте обижаемого; обратимся к покаянию, не воздавая злом за зло, клеветой за клевету, но возлюбим Господа Бога нашего, постом, и рыданием, и слезами омывая все прегрешения наши, не так, что словом только называемся христианами, а живем, как язычники. Вот разве не по-язычески мы живем, если во встречу верим? Ведь если кто встретит черноризца, то возвращается, так же поступает и встретив кабана или свинью, — разве это не по-язычески? Это ведь по наущению дьявола держатся эти приметы; другие же в чихание веруют, которое на самом деле бывает на здравие голове! Но дьявол обманывает и этими и иными способами, всякими хитростями отвращая нас от Бога, трубами и скоморохами, гуслями и русалиями. Видим ведь, как места игрищ утоптаны, и людей множество на них, как толкают друг друга, устраивая зрелища, бесом задуманные, — а церкви пусты стоят; когда же бывает время молитвы, молящихся мало оказывается в церкви. Потому и казни всяческие принимаем от Бога и набеги врагов; по Божьему повелению принимаем наказание за грехи наши.

Но возвратимся к своему повествованию. Когда Изяслав со Всеволодом бежали в Киев, а Святослав — в Чернигов, то киевляне прибежали в Киев, и собрали вече на торгу, и послали к князю сказать: «Вот, половцы рассеялись по всей земле, дай, княже, оружие и коней, и мы еще раз сразимся с ними». Изяслав же того не послушал. И стали люди роптать на воеводу Коснячка; пошли на гору с веча, и пришли на двор Коснячков, и, не найдя его, стали у двора Брячислава, и сказали: «Пойдем освободим

дружину свою из темницы». И разделились надвое: половина их пошла к темнице, а половина их пошла по мосту, эти и пришли на княжеский двор. Изяслав в это время на сенях совет держал с дружиной своей, и заспорили с князем те, кто стоял внизу. Когда же князь смотрел из оконца, а дружина стояла возле него, сказал Тукы, брат Чудина, Изяславу: «Видишь, князь, люди расшумелись; пошли, пусть постерегут Всеслава». И пока он это говорил, другая половина людей пришла от темницы, отворив ее. И сказала дружина князю: «Злое содеялось; пошли ко Всеславу, пусть, подозвав его обманом к оконцу, пронзят мечом». И не послушал того князь. Люди же закричали и пошли к темнице Всеслава. Изяслав же, видя это, побежал со Всеволодом со двора, люди же освободили Всеслава из поруба — в 15-й день сентября — и прославили его среди княжеского двора. Двор же княжий разграбили — бесчисленное множество золота и серебра, в монетах и слитках. Изяслав же бежал в Польшу.

Впоследствии, когда половцы воевали по земле Русской, а Святослав был в Чернигове, и когда половцы стали воевать около Чернигова, Святослав, собрав небольшую дружину, вышел против них к Сновску. И увидели половцы идущий полк, и приготовились встретить его. И Святослав, увидев, что их множество, сказал дружине своей: «Сразимся, некуда нам уже деться». И стегнули коней, и одолел Святослав с тремя тысячами, а половцев было 12 тысяч; и так их побили, а другие утонули в Снови, а князя их взяли в 1-й день ноября. И возвратился с победою в город свой Святослав.

Всеслав же сел в Киеве. Этим Бог явил силу креста, потому что Изяслав целовал крест Всеславу, а потом схватил его: из-за того и навел Бог поганых, Всеслава же явно избавил крест честной! Ибо в день Воздвижения Всеслав, вздохнув, сказал: «О крест честной! Так как верил я в тебя, ты и избавил меня от этой темницы». Бог же показал силу креста в поученье земле Русской, чтобы не преступали честного креста, целовав его; если же преступит кто, то и здесь, на земле, примет казнь и в будущем веке казнь вечную. Ибо велика сила крестная; крестом бывают побеждаемы силы бесовские, крест князьям в сражениях помогает, крестом охраняемы в битвах, верующие люди побеждают супостатов, крест же быстро избавляет от напастей призывающих его с верою. Ничего не боятся бесы, только креста. Если бывают от бесов видения, то, осенив лицо крестом, их отгоняют. Всеслав же сидел в Киеве 7 месяцев.

1069 В год 6577. Пошел Изяслав с Болеславом на Всеслава; Всеслав же выступил навстречу. И пришел к Белгороду Всеслав, и с наступлением ночи тайно от киевлян бежал из Белгорода в Полоцк. Наутро же люди, увидев, что князь бежал, возвратились в Киев, и устроили вече, и обратились к Святославу и Всеволоду, говоря: «Мы уже дурное сделали, князя своего прогнав, а он ведет на нас Польскую землю: идите же в город отца своего; если не хотите, то поневоле придется поджечь город свой и уйти в Греческую землю». И сказал им Святослав: «Мы пошлем к брату своему; если пойдет с поляками погубить вас, то мы пойдем на него войною, ибо не дадим губить города отца своего; если же хочет идти с миром, то пусть придет с небольшой дружиной». И утешили киевлян. Святослав же и Всеволод послали к

Изяславу, говоря: «Всеслав бежал, не веди поляков на Киев, здесь ведь врагов у тебя нет; если хочешь дать волю гневу и погубить город, то знай, что нам жаль отцовского стола». Слышав то, Изяслав оставил поляков и пошел с Болеславом, взяв немного поляков, а вперед себя послал к Киеву сына своего Мстислава. И, придя в Киев, Мстислав перебил киевлян, освободивших Всеслава, числом 70 человек, а других ослепил, а иных без вины умертвил, без следствия. Когда же Изяслав шел к городу, вышли к нему люди с поклоном, и приняли князя своего киевляне; и сел Изяслав на столе своем, месяца мая во 2-й день. И распустил поляков на покорм, и избивали их тайно; и возвратился Болеслав в Польшу, в землю свою. Изяслав же перегнал торг на гору и, выгнав Всеслава из Полоцка, посадил сына своего Мстислава в Полоцке; он же вскоре умер там. И посадил на место его брата его Святополка, Всеслав же бежал.

В год 6578. Родился у Всеволода сын, и нарекли имя ему Ростислав. *1070*
В тот же год заложена была церковь святого Михаила в монастыре Всеволода.

В год 6579. Воевали половцы у Ростовца и Неятина. В тот же год *1071*
выгнал Всеслав Святополка из Полоцка. В тот же год победил Ярополк Всеслава у Голотическа. В те же времена пришел волхв, обольщенный бесом; придя в Киев, он рассказывал людям, что на пятый год Днепр потечет вспять и что земли начнут перемещаться, что Греческая земля станет на место Русской, а Русская на место Греческой, и прочие земли переместятся. Невежды слушали его, верующие же смеялись, говоря ему: «Бес тобою играет на погибель тебе». Что и сбылось с ним: в одну из ночей пропал без вести.

Бесы ведь, подстрекая людей, во зло их вводят, а потом насмехаются, ввергнув их в погибель смертную, подучив их говорить; как мы сейчас и расскажем об этом бесовском наущении и деянии.

Однажды во время неурожая в Ростовской области явились два волхва из Ярославля, говоря, что «мы знаем, кто запасы держит». И отправились они по Волге и куда ни придут в погост, тут и называли знатных жен, говоря, что та жито прячет, а та — мед, а та — рыбу, а та — меха. И приводили к ним сестер своих, матерей и жен своих. Волхвы же, мороча людей, прорезали за плечами и вынимали оттуда либо жито, либо рыбу и убивали многих жен, а имущество их забирали себе. И пришли на Белоозеро, и было с ними людей 300. В это же время случилось Яню, сыну Вышатину, собирая дань, прийти от князя Святослава; поведали ему белозерцы, что два кудесника убили уже много жен по Волге и по Шексне и пришли сюда. Янь же, расспросив, чьи смерды, и узнав, что они смерды его князя, послал к тем людям, которые были около волхвов, и сказал им: «Выдайте мне волхвов, потому что смерды они мои и моего князя». Они же его не послушали. Янь же пошел сам без оружия, и сказали ему отроки его: «Не ходи без оружия, осрамят тебя». Он же велел взять оружие отрокам и с двенадцатью отроками пошел к ним к лесу. Они же исполчились против него. И вот, когда Янь шел на них с топориком, выступили от них три мужа, подошли к Яню, говоря ему: «Видишь, что идешь на смерть, не ходи». Янь

же приказал убить их и пошел к оставшимся. Они же кинулись на Яня, и один из них промахнулся в Яня топором. Янь же, оборотив топор, ударил того обухом и приказал отрокам рубить их. Они же бежали в лес и убили тут Янева попа. Янь же, войдя в город к белозерцам, сказал им: «Если не схватите этих волхвов, не уйду от вас весь год». Белозерцы же пошли, захватили их и привели к Яню. И сказал им: «Чего ради погубили столько людей?». Те же сказали, что «они держат запасы, и если истребим их, будет изобилие; если же хочешь, мы перед тобою вынем жито, или рыбу, или что другое». Янь же сказал: «Поистине ложь это; сотворил Бог человека из земли, составлен он из костей и жил кровяных, нет в нем больше ничего, никто ничего не знает, один только Бог знает». Они же сказали: «Мы знаем, как человек сотворен». Он же спросил: «Как?». Они же отвечали: «Бог мылся в бане и вспотел, отерся ветошкой и бросил ее с небес на землю. И заспорил сатана с Богом, кому из нее сотворить человека. И сотворил дьявол человека, а Бог душу в него вложил. Вот почему, если умрет человек, — в землю идет тело, а душа к Богу». Сказал им Янь: «Поистине прельстил вас бес; какому богу веруете?». Те же ответили: «Антихристу!». Он же сказал им: «Где же он?». Они же сказали: «Сидит в бездне». Сказал им Янь: «Какой это бог, коли сидит в бездне? Это бес, а Бог на небесах, восседает на престоле, славимый ангелами, которые предстоят ему со страхом и не могут на него взглянуть. Один из ангелов был свергнут — тот, кого вы называете антихристом; низвергнут был он с небес за высокомерие свое и теперь в бездне, как вы и говорите; ожидает он, когда сойдет с неба Бог. Этого антихриста Бог свяжет узами и посадит в бездну, схватив его вместе со слугами его и теми, кто в него верует. Вам же и здесь принять муку от меня, а по смерти — там». Те же сказали: «Говорят нам боги: не можешь нам сделать ничего!». Он же сказал им: «Лгут вам боги». Они же ответили: «Мы станем перед Святославом, а ты не можешь ничего нам сделать». Янь же повелел бить их и выдергивать им бороды. Когда их били и выдирали расщепом бороды, спросил их Янь: «Что же вам молвят боги?». Они же ответили: «Стать нам перед Святославом». И повелел Янь вложить рубли в уста им и привязать их к мачте и пустил их перед собою в ладье, а сам пошел за ними. Остановились на устье Шексны, и сказал им Янь: «Что же вам теперь боги молвят?». Они же сказали: «Так нам боги молвят: не быть нам живым от тебя». И сказал им Янь: «Вот это-то они вам правду поведали». Волхвы же ответили: «Но если нас пустишь, много тебе добра будет; если же нас погубишь, много печали примешь и зла». Он же сказал им: «Если вас пущу, то плохо мне будет от Бога, если же вас погублю, то будет мне награда». И сказал Янь гребцам: «У кого из вас кто из родни убит ими?». Они же ответили: «У меня мать, у того сестра, у другого дочь». Он же сказал им: «Мстите за своих». Они же, схватив, убили их и повесили на дубе: так отмщение получили они от Бога по правде! Когда же Янь отправился домой, то на другую же ночь медведь взобрался, загрыз их и съел. И так погибли они по наущению бесовскому, другим пророчествуя, а своей гибели не предвидя. Если бы ведь знали, то не пришли бы на место

это, где им суждено было быть схваченными; а когда были схвачены, то зачем говорили: «Не умереть нам», в то время, когда Янь уже задумал убить их? Но это и есть бесовское наущение: бесы ведь не знают мыслей человека, а только влагают помыслы в человека, тайного не зная. Бог один знает помышления человеческие. Бесы же не знают ничего, ибо немощны они и скверны видом.

Вот и еще расскажем о виде их и о наваждениях их. В то же время, в те же годы, случилось некоему новгородцу прийти в землю Чудскую, и пришел к кудеснику, прося волхвования его. Тот же по обычаю своему начал призывать бесов в дом свой. Новгородец же сидел на пороге того дома, а кудесник лежал в оцепенении, и вдруг ударил им бес. И, встав, сказал кудесник новгородцу: «Боги не смеют прийти, — имеешь на себе нечто, чего они боятся». Он же вспомнил, что на нем крест, и, отойдя, положил его вне дома того. Кудесник же начал вновь призывать бесов. Бесы же, тряся его, поведали то, ради чего пришел новгородец. Затем новгородец стал спрашивать кудесника: «Чего ради бесы боятся того, чей крест на себе мы носим?». Он же сказал: «Это знамение небесного Бога, которого наши боги боятся». Новгородец же сказал: «А каковы боги ваши, где живут?». Кудесник же сказал: «В безднах. Обличьем они черны, крылаты, имеют хвосты; взбираются же и под небо послушать ваших богов. Ваши ведь боги на небесах. Если кто умрет из ваших людей, то его возносят на небо, если же кто из наших умирает, его несут к нашим богам в бездну». Так ведь и есть: грешники в аду пребывают, ожидая муки вечной, а праведники в небесном жилище водворяются с ангелами.

Такова-то бесовская сила, и обличие их, и слабость. Тем-то они и прельщают людей, что велят им рассказывать видения, являющиеся им, нетвердым в вере, одним во сне, а другим в наваждении, и так волхвуют научением бесовским. Больше же всего через жен бесовские волхвования бывают, ибо искони бес женщину прельстил, она же мужчину, потому и в наши дни много волхвуют женщины чародейством, и отравою, и иными бесовскими кознями. Но и мужчины неверные бывают прельщаемы бесами, как это было в прежние времена. При апостолах ведь был Симон Волхв, который заставлял волшебством собак говорить по-человечески и сам оборачивался то старым, то молодым или кого-нибудь оборачивал в иной образ, в мечтании. Так творили Анний и Мамврий: они волхвованием чудеса творили, противоборствуя Моисею, но вскоре уже ничего не могли сделать равное ему; так и Куноп напускал наваждение бесовское, будто по водам ходит, и иные наваждения делал, бесом прельщаем, на погибель себе и другим.

Такой волхв объявился и при Глебе в Новгороде; говорил людям, притворяясь богом, и многих обманул, чуть не весь город, говорил ведь: «Предвижу все» и, хуля веру христианскую, уверял, что «перейду по Волхову перед всем народом». И была смута в городе, и все поверили ему и хотели погубить епископа. Епископ же взял крест в руки и надел облачение, встал и сказал: «Кто хочет верить волхву, пусть идет за ним, кто же верует Богу, пусть ко кресту идет». И разделились люди надвое:

князь Глеб и дружина его пошли и стали около епископа, а люди все пошли к волхву. И началась смута великая между ними. Глеб же взял топор под плащ, подошел к волхву и спросил: «Знаешь ли, что завтра случится и что сегодня до вечера?». Тот ответил: «Знаю все». И сказал Глеб: «А знаешь ли, что будет с тобою сегодня?» — «Чудеса великие сотворю», — сказал. Глеб же, вынув топор, разрубил волхва, и пал он мертв, и люди разошлись. Так погиб он телом, а душою предался дьяволу.

1072 В год 6580. Перенесли святых страстотерпцев Бориса и Глеба. Собрались Ярославичи — Изяслав, Святослав, Всеволод, — митрополит же тогда был Георгий, епископ Петр Переяславский, Михаил Юрьевский, Феодосий игумен Печерский, Софроний игумен монастыря святого Михаила, Герман игумен святого Спаса, Никола игумен Переяславского монастыря и все игумены, — и устроили праздник, и праздновали светло, и переложили тела в новую церковь, построенную Изяславом, что стоит и поныне. И сначала Изяслав, Святослав и Всеволод взяли Бориса в деревянном гробу и, возложив гроб на плечи свои, понесли, черноризцы же шли впереди, держа свечи в руках, а за ними дьяконы с кадилами, а затем пресвитеры, за ними епископы с митрополитом; за ними же шли с гробом. И, принеся его в новую церковь, открыли раку, и наполнилась церковь благоуханием, запахом чудным; видевшие же это прославили Бога. И митрополита объял ужас, ибо не твердо верил он в них (Бориса и Глеба); и пал ниц, прося прощения. Поцеловав мощи Борисовы, уложили их в гроб каменный. После того, взяв Глеба в каменном гробу, поставили на сани и, взявшись за веревки, повезли его. Когда были уже в дверях, остановился гроб и не шел дальше. И повелели народу взывать: «Господи, помилуй», и повезли его. И положили их месяца мая во 2-й день. И, отпев литургию, обедали братья сообща, каждый с боярами своими, в любви великой. И управлял тогда Вышгородом Чудин, а церковью Лазарь. Потом же разошлись восвояси.

1073 В год 6581. Воздвиг дьявол распрю в братии этой — в Ярославичах. И были в той распре Святослав со Всеволодом заодно против Изяслава. Ушел Изяслав из Киева, Святослав же и Всеволод вошли в Киев месяца марта 22-го и сели на столе в Берестовом, преступив отцовское завещание. Святослав же был виновником изгнания брата, так как стремился к еще большей власти; Всеволода же он прельстил, говоря, что «Изяслав сговорился со Всеславом, замышляя против нас; и если его не опередим, то нас прогонит». И так восстановил Всеволода против Изяслава. Изяслав же ушел в Польшу со многим богатством, говоря, что «этим найду воинов». Все это поляки отняли у него и выгнали его. А Святослав сел в Киеве, прогнав брата своего, преступив заповедь отца, а больше всего Божью. Велик ведь грех — преступать заповедь отца своего: ибо в древности покусились сыновья Хамовы на землю Сифову, а через 400 лет отмщение приняли от Бога; от племени ведь Сифова пошли евреи, которые, избив хананейское племя, вернули себе свою часть и свою землю. Затем преступил Исав заповедь отца своего и был убит, не к добру ведь вступать в предел чужой! В этот же год основана была церковь Печерская игуменом Феодосием и

епископом Михаилом, а митрополит Георгий был тогда в земле Греческой, Святослав же в Киеве сидел.

В год 6582. Феодосий игумен Печерский преставился. Скажем же о 1074
кончине его вкратце. Феодосий имел обычай с наступлением поста, в воскресенье на Масленой неделе вечером, по обычаю прощаясь со всей братией, поучать ее, как проводить время поста: в молитвах ночных и дневных, блюсти себя от помыслов скверных, от бесовского соблазна. «Бесы ведь, — говорил, — вкладывают черноризцам дурные помыслы, мысли лукавые, разжигая им желания, и тем испорчены бывают их молитвы; когда приходят такие мысли, следует отгонять их знамением крестным, говоря так: „Господи, Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас, аминь". И еще надо воздерживаться от обильной пищи, ибо от многоядения и пития безмерного возрастают помыслы лукавые, от возросших же помыслов случается грех». «Поэтому, — говорил он, — противьтесь бесовскому действию и пронырству их, остерегайтесь лености и многого сна, бодрствуйте для церковного пения и для усвоения предания отеческого и чтения книжного; больше же всего подобает черноризцам иметь на устах псалмы Давидовы и ими прогонять бесовское уныние, больше иметь в себе любви ко всем меньшим и к старшим покорность и послушание, старшим же к меньшим проявлять любовь, и наставлять их, и давать собою пример воздержания, бдения и смиренного хождения; так учить меньших и утешать их и так проводить пост». «Ибо, — говорил он, — Бог дал нам эти 40 дней для очищения души; это ведь десятина, даваемая нами от года Богу: дней в году триста и шестьдесят и пять, а от этих дней отдавать Богу десятый день как десятину — это и есть пост сорокадневный, и, в эти дни очистившись, душа празднует светло день воскресения Господня, в радости о Боге. Ибо постное время очищает ум человека. Пост ведь искони имел свой прообраз: Адам в первые времена не вкушал плодов от запретного древа; пропостившись 40 дней, Моисей сподобился получить закон на горе Синайской и видел славу Божию; постясь, Самуила мать родила; постившись, ниневитяне от гнева Божия избавились; постясь, Даниил великого виденья сподобился; постясь, Илья как бы на небо взят был в благодать райскую; постясь, трое отроков погасили силу огненную; постился и Господь 40 дней, показав нам время поста; постом апостолы искоренили бесовское учение; благодаря посту явились отцы наши в мире, как светила, что сияют и по смерти, дав пример трудов великих и воздержания, как и тот великий Антоний, или Евфимий, или Савва и прочие отцы, примеру которых мы последуем, братия». И так поучив братию, Феодосий прощался с каждым поименно и потом уходил из монастыря, взяв немного хлебцев, и, войдя в пещеру, затворял двери в пещере, и засыпал их землею, и не говорил ни с кем; когда же бывало к нему какое-нибудь необходимое дело, то через оконце малое беседовал он в субботу или в воскресенье, а в остальные дни пребывал в посте и молитвах, в строгом воздержании. И снова приходил в монастырь в пятницу, в канун Лазарева дня, ибо в этот день кончается пост сорокадневный, начинающийся с первого понедельника Федоровой недели, кончается же пост в пятницу Лазареву; а в страстную неделю установлено поститься в память страданий

Господних. И в этот раз Феодосий же, вернувшись, по обычаю приветствовал братию и праздновал с ними Цветное воскресенье, когда же пришел день Воскресения, по обычаю праздновал его светло и впал в болезнь. Разболевшись и проболев дней пять, как-то вечером приказал он вынести себя на двор; братия же, положив его на сани, поставила их против церкви. Он же приказал созвать братию всю, братья же ударили в било, и собрались все. Он же сказал им: «Братия моя, и отцы мои, и дети мои! Вот я ухожу от вас, как это открыл мне Господь во время поста, когда я был в пещере, что отойти мне от света сего. Вы же кого хотите игуменом иметь у себя? — я бы подал ему благословение». Они же сказали ему: «Ты нам всем отец, и кого пожелаешь сам, тот нам и будет отец и игумен, и будем слушаться его, как и тебя». Отец же наш Феодосий сказал: «Отойдите от меня и назовите, кого хотите, кроме двух братьев, Николы и Игната; из прочих — кого захотите, от старейших и до меньших». Они, послушав его, отошли немного к церкви и, посовещавшись, послали к нему двух братьев сказать так: «Кого захочет Бог и твоя честная молитва, кого тебе любо, того и назови». Феодосий же сказал им: «Если уж от меня хотите игумена принять, то я поступлю не по своей воле, а по Божию промыслу». И назвал им Иакова пресвитера. Братии же это не любо было, говорили, что «не здесь пострижен». Ибо Иаков пришел с Альты, вместе с братом своим Павлом. И стала братия просить Стефана доместика, бывшего тогда учеником Феодосия, говоря, что «тот вырос под рукой твоей и у тебя послужил, его нам и назначь». Сказал же им Феодосий: «Вот я по Божию повелению назвал вам Иакова, а вы на своей воле настаиваете». Однако послушал их, дал им Стефана, да будет им игуменом. И благословил Стефана, и сказал ему: «Чадо, вот поручаю тебе монастырь, блюди его бережно, и как я уставил службы, так и держи. Преданий монастырских и устава не изменяй, но твори все по закону и по чину монастырскому». И после того взяли его братья, отнесли в келью и положили на постели. И когда настал шестой день и ему было уже очень плохо, пришел к нему князь Святослав с сыном своим Глебом, и когда они сели у него, сказал ему Феодосий: «Вот, отхожу от света сего и поручаю монастырь тебе на попечение, если будет в нем какое-нибудь смятение. И поручаю игуменство Стефану, не дай его в обиду». Князь же простился с ним и обещал заботиться о монастыре и ушел. Когда же настал седьмой день, Феодосий, уже изнемогая, призвал Стефана и братию и стал говорить им так: «Если после того, как я покину свет этот, буду я Богу угоден и примет меня Бог, то монастырь этот начнет устраиваться и пополняться; так и знайте, что принял меня Бог. Если же по моей смерти оскудевать начнет монастырь черноризцами и монастырскими запасами, то знайте, что не угодил я Богу». И когда он говорил это, плакали братья и сказали: «Отче! Молись за нас Богу, ибо знаем, что Бог созданного тобой не презрит». И просидела братия всю ту ночь у него, и когда настал день восьмой, во вторую субботу по Пасхе, во втором часу дня, отдал душу в руки Божьи, месяца мая 3-го, индикта в 11-й год. Плакала по нем братия. Феодосий же завещал положить себя в пещере, где явил подвиги многие, сказав так: «Ночью похороните тело мое», как и сделали. Когда приспел

вечер, братья взяли тело его и положили его в пещере, проводив с песнопениями, со свечами, достойно, на хвалу Богу нашему Иисусу Христу.

Когда же Стефан правил монастырем и блаженным стадом, собранным Феодосием... такие чернецы как светила в Руси сияют: ибо одни были постники крепкие, другие же крепки на бдение, третьи — на преклонение коленное, четвертые — на пощение, через день и через два дня, иные же ели только хлеб с водой, иные — овощи вареные, другие — сырые. В любви пребывая, младшие покорялись старшим и не смели при них говорить, но всегда вели себя с покорностью и с послушанием великим. Также и старшие любовь имели к младшему, поучали их, утешая, как детей возлюбленных. Если кто-нибудь из братьев в какой грех впадал, его утешали, а епитимью, наложенную на одного, разделяли между собой трое или четверо, из великой любви: вот какие были любовь и воздержание великое в братии той. Если брат какой-нибудь покидал монастырь, вся братия бывала этим сильно опечалена, посылали за ним, звали его в монастырь, шли всей братией кланяться игумену, и молили игумена, и принимали брата в монастырь с радостью. Вот какие это были люди — полные любви, воздержники и постники; из них я назову несколько чудных мужей.

Первый среди них, Демьян пресвитер, был такой постник и воздержник, что, кроме хлеба и воды, ничего не ел до смерти своей. Если кто когда приносил в монастырь больного ребенка, каким недугом одержимого, или взрослый человек, каким-либо недугом одержимый, приходил в монастырь к блаженному Феодосию, тогда приказывал он этому Демьяну молитву сотворить над больным, и тотчас же творил молитву и елеем мазал и получали исцеление приходящие к нему. Когда же разболелся он и лежал при смерти в немощи, пришел ангел к нему в образе Феодосия, даруя ему царствие небесное за труды его. Затем пришел Феодосий с братиею и сели около него; он же, изнемогая, взглянув на игумена, сказал: «Не забывай, игумен, что мне обещал». И понял великий Феодосий, что тот видел видение, и сказал ему: «Брат Демьян, что я обещал, то тебе будет». Тот же, смежив очи, отдал дух в руки Божии. Игумен же и братия похоронили тело его.

Был также другой брат, именем Еремия, который помнил крещение земли Русской. Ему был дар дарован от Бога: предсказывал будущее и если видел, что у кого-нибудь нечистые помыслы, то обличал его втайне и учил, как уберечься от дьявола. Если кто-нибудь из братьев замышлял уйти из монастыря, то, увидя его и придя к нему, обличал замысел его и утешал брата. Если же он кому предрекал что, хорошее или дурное, сбывалось слово старца.

Был же и другой старец, именем Матвей: был он прозорлив. Однажды, когда он стоял в церкви на месте своем, поднял глаза, обвел ими братию, которая стояла и пела по обеим сторонам на клиросе, и увидел обходившего их беса, в образе поляка, в плаще, несшего под полою цветок, который называется лепок. И, обходя братию, бес вынимал из-под полы цветок и бросал его на кого-нибудь; если прилипал цветок к кому-нибудь из поющих братьев, тот, немного постояв, с расслабленным умом, придумав предлог, выходил из церкви, шел в келью и засыпал и не возвращался в церковь до

конца службы; если же бросал цветок на другого и к тому не прилипал цветок, тот оставался стоять крепко на службе, пока не отпоют утреню, и тогда уже шел в келью свою. Видя такое, старец поведал об этом братии своей. Другой раз видел старец следующее: как обычно, когда старец этот отстоял заутреню, братия перед рассветом шла по келиям своим, а этот старец уходил из церкви после всех. И вот однажды, когда он шел так, присел он отдохнуть под билом, ибо была его келья поодаль от церкви, и вот видит, как толпа идет от ворот; поднял глаза и увидел кого-то верхом на свинье, а другие идут около него. И сказал им старец: «Куда идете?». И сказал бес, сидевший на свинье: «За Михалем Тольбековичем». Старец осенил себя крестным знамением и пришел в келию свою. Когда рассвело и понял старец, в чем дело, сказал он келейнику: «Поди спроси, в келье ли Михаль». И сказали ему, что «давеча, после заутрени, перескочил через ограду». И поведал старец о видении этом игумену и братии. При этом старце Феодосий преставился, и Стефан стал игуменом, а по Стефане Никон: все это при старце. Стоит он как-то на заутрене, подымает глаза, чтобы посмотреть на игумена Никона, и видит осла, стоящего на игуменовом месте; и понял он, что не вставал еще игумен. Много и других видений видел старец, и почил он в старости почтенной в монастыре этом.

А был еще и другой черноризец, именем Исакий; был он, когда еще жил в миру, богат, ибо был купец, родом торопчанин, и задумал он стать монахом, и роздал имущество свое нуждающимся и монастырям, и пошел к великому Антонию в пещеру, моля, чтобы постриг его в монахи. И принял его Антоний, и возложил на него одеяние черническое, и дал имя ему Исакий, а было ему имя Чернь. Этот Исакий повел строгую жизнь: облекся во власяницу, велел купить себе козла, ободрал его мех и надел на власяницу, и обсохла на нем кожа сырая. И затворился в пещере, в одном из проходов, в малой кельице, в четыре локтя, и там молил Бога со слезами. Была же пищей его просфора одна, и та через день, и воды в меру пил. Приносил же ему пищу великий Антоний и подавал ее через оконце — такое, что только руку просунуть, и так принимал пищу. И так подвизался он лет семь, не выходя на свет, никогда не ложась на бок, но, сидя, спал немного. И однажды по обычаю, с наступлением вечера, стал класть поклоны и петь псалмы по полуночи; когда же уставал, сидел на своем сиденье. Однажды, когда он так сидел по обыкновению и погасил свечу, внезапно свет воссиял в пещере, как от солнца, точно глаза вынимая у человека. И подошли к нему двое юношей прекрасных, и блистали лица их, как солнце, и сказали ему: «Исакий, мы — ангелы, а там идет к тебе Христос, пади и поклонись ему». Он же, не поняв бесовского наваждения и забыв перекреститься, встал и поклонился, точно Христу, бесовскому действу. Бесы же закричали: «Наш ты, Исакий, уже!». И, введя его в кельицу, посадили и стали сами садиться вокруг него, и была полна келья его и весь проход пещерный. И сказал один из бесов, называемый Христом: «Возьмите сопели, бубны и гусли и играйте, пусть нам Исакий спляшет». И грянули бесы в сопели, и в гусли, и в бубны, и стали им забавляться. И, утомив его, оставили его еле живого и ушли, так надругавшись над ним. На другой день, когда рассвело и

подошло время вкушения хлеба, подошел Антоний, как обычно, к оконцу и сказал: «Господи, благослови, отче Исакий». И не было ответа; и сказал Антоний: «Вот, он уже преставился». И послал в монастырь за Феодосием и за братией. И, прокопав там, где был засыпан вход, вошли и взяли его, думая, что он мертв; вынесли и положили его перед пещерою. И увидели, что он жив. И сказал игумен Феодосий, что «случилось это от бесовского действа». И положили его на постель, и стал прислуживать ему Антоний. В то время случилось прийти князю Изяславу из Польши, и начал гневаться Изяслав на Антония из-за Всеслава. И Святослав, прислав, ночью отправил Антония в Чернигов. Антоний же, придя в Чернигов, возлюбил Болдины горы; выкопав пещеру, там и поселился. И существует там монастырь святой Богородицы на Болдиных горах и до сего дня. Феодосий же, узнав, что Антоний отправился в Чернигов, пошел с братией, и взял Исакия, и принес его к себе в келью, и ухаживал за ним, ибо был он расслаблен телом так, что не мог сам ни повернуться на другую сторону, ни встать, ни сесть, но лежал на одном боку и постоянно мочился под себя, так что от мочения и черви завелись у него под бедрами. Феодосий же сам своими руками умывал и переодевал его и делал так в течение двух лет. То было дивное чудо, что в течение двух лет тот ни хлеба не вкусил, ни воды, ни овощей, никакой иной пищи, ни языком не проглаголал, но нем и глух лежал два года. Феодосий же молился Богу за него и молитву творил над ним день и ночь, пока тот на третий год не заговорил и не начал слышать, и на ноги вставать, как младенец, и стал ходить. Но не стремился посещать церковь, силою притаскивали его к церкви и так понемногу приучили его. И затем научился он на трапезу ходить, и сажали его отдельно от братии, и клали перед ним хлеб, и не брал его, пока не вкладывали его в руки ему. Феодосий же сказал: «Положите хлеб перед ним, но не вкладывайте его в руки ему, пусть сам ест»; и тот неделю не ел и, только понемногу оглядевшись, стал откусывать хлеб; так научился он есть, и так избавил его Феодосий от козней дьявольских. Исакий же опять стал придерживаться воздержания жестокого. Когда же скончался Феодосий и на его месте был Стефан, Исакий сказал: «Ты уже было прельстил меня, дьявол, когда я сидел на одном месте; а теперь я уже не затворюсь в пещере, но одержу над тобой победу, ходя по монастырю». И облекся в власяницу, а на власяницу надел свиту из грубой ткани и начал юродствовать и помогать поварам, варя на братию. И, приходя на заутреню раньше всех, стоял твердо и неподвижно. Когда же наступала зима и морозы лютые, стоял в башмаках с протоптанными подошвами, так что примерзали ноги его к камню, и не двигал ногами, пока не отпоют заутреню. И после заутрени шел в поварню и приготовлял огонь, воду, дрова, и затем приходили прочие повара из братии. Один же повар, по имени тоже Исакий, в насмешку сказал Исакию: «Вон там сидит ворон черный, ступай возьми его». Исакий же поклонился ему до земли, пошел, взял ворона и принес ему при всех поварах, и те ужаснулись и поведали о том игумену и братии, и стала братия почитать его. Он же, не желая славы человеческой, начал юродствовать и пакостить стал то игумену, то братии, то мирянам, так что некоторые и били его. И стал ходить по миру, также

юродствуя. Поселился он в пещере, в которой жил прежде, — Антоний уже умер к тому времени, — и собрал к себе детей, и одевал их в одежды чернеческие, и принимал побои то от игумена Никона, то от родителей тех детей. Он же все то терпел, выносил побои, и наготу, и холод, днем и ночью. В одну из ночей разжег он печку в избушке у пещеры, и, когда разгорелась печь, заполыхал огонь через щели, ибо была она ветхой. И не было ему чем заложить щели, и встал на огонь ногами босыми, и простоял на огне, пока не прогорела печь, и тогда слез. И многое другое рассказывали о нем, а иному я сам очевидцем был. И так он победил бесов, как мух, невзирая на их запугивания и наваждения, говоря им: «Хоть вы меня когда-то и прельстили в пещере, потому что не знал я козней ваших и лукавства, ныне же со мною Господь Иисус Христос и Бог мой и молитва отца моего Феодосия, надеюсь на Христа и одержу победу над вами». Много раз бесы пакостили ему и говорили: «Наш ты и поклонился нашему старейшине и нам». Он же говорил: «Ваш старейшина антихрист, а вы — бесы». И осенял лицо свое крестным знамением, и оттого исчезали. Иногда же вновь приходили к нему ночью, пугая его видением, будто идет много народа с мотыгами и кирками, говоря: «Раскопаем пещеру эту и засыплем его здесь». Иные же говорили: «Беги, Исакий, хотят тебя засыпать». Он же говорил им: «Если б вы были люди, то днем пришли бы, а вы — тьма, и во тьме ходите, и тьма вас поглотит». И осенял их крестом, и исчезали. Другой раз пугали его то в образе медведя, то лютого зверя, то вола, то вползали к нему змеями, или жабами, или мышами и всякими гадами. И не могли ему ничего сделать, и сказали ему: «Исакий! Победил ты нас». Он же сказал: «Когда-то вы победили меня, приняв образ Иисуса Христа и ангелов, но недостойны были вы того образа, а теперь по-настоящему являетесь в образе зверином и скотском и в виде змей и гадов, какие вы и есть на самом деле: скверные и злые на вид». И тотчас сгинули от него бесы, и с тех пор не было ему пакости от бесов, как он и сам поведал об этом, что «вот была у меня с ними три года война». Потом стал он жить в строгости и соблюдать воздержание, пост и бдение. В таком житии и кончил жизнь свою. И разболелся он в пещере, и перенесли его больного в монастырь, и через неделю в благочестии скончался. Игумен же Иоанн и братия убрали тело его и похоронили.

Таковы были черноризцы Феодосиева монастыря; сияют они и по смерти, как светила, и молят Бога за живущую здесь братию, и за мирскую братию, и за жертвующих в монастырь, в котором и доныне добродетельной жизнью живут все вместе, сообща, в пении, и в молитвах, и в послушании, на славу Богу всемогущему, хранимые молитвами Феодосия, ему же слава вечная, аминь.

1075 В год 6583. Начата была церковь Печерская над основанием Стефаном игуменом; основание ее начал Феодосий, а над основанием продолжил Стефан; и окончена была она на третий год, месяца июля в 11-й день. В тот же год пришли послы от немцев к Святославу; Святослав же, гордясь, показал им богатство свое. Они же, увидев бесчисленное множество золота, серебра и шелковых тканей, сказали: «Это ничего не стоит, ведь это лежит

мертво. Лучше этого воины. Ведь мужи добудут и больше того». Так похвалился Иезекия, царь иудейский, перед послами ассирийского царя, у которого все было взято в Вавилон: так и по смерти Иезекии все имущество его расточилось.

В год 6584. Ходил Владимир, сын Всеволода, и Олег, сын Святослава, *1076* в помощь полякам против чехов. В этом же году преставился Святослав, сын Ярослава, месяца декабря 27-го, от разрезания желвака, и положен в Чернигове, у святого Спаса. И сел после него на столе Всеволод, месяца января в 1-й день.

В год 6585. Пошел Изяслав с поляками, а Всеволод вышел против него. *1077* Сел Борис в Чернигове, месяца мая в 4-й день, и было княжения его восемь дней, и бежал в Тмутаракань к Роману. Всеволод же пошел против брата Изяслава на Волынь; и сотворили мир, и, придя, Изяслав сел в Киеве, месяца июля в 15-й день, Олег же, сын Святослава, был у Всеволода в Чернигове.

В год 6586. Бежал Олег, сын Святослава, в Тмутаракань от Всеволода, *1078* месяца апреля в 10-й день. В этом же году убит был Глеб, сын Святослава, в Заволочье. Был же Глеб милостив к убогим и любил странников, радел о церквах, горячо веровал, был кроток и лицом красив. Тело его было положено в Чернигове за Спасом, месяца июля в 23-й день. Когда сидел вместо него в Новгороде Святополк, сын Изяслава, Ярополк сидел в Вышгороде, а Владимир сидел в Смоленске, — привели Олег и Борис поганых на Русскую землю и пошли на Всеволода с половцами. Всеволод же вышел против них на Сожицу, и победили половцы русь, и многие убиты были тут: убит был Иван Жирославич и Тукы, Чудинов брат, и Порей, и иные многие, месяца августа в 25-й день. Олег же и Борис пришли в Чернигов, думая, что победили, а на самом деле земле Русской великое зло причинили, пролив кровь христианскую, за которую взыщет Бог с них, и ответ дадут они за погубленные души христианские. Всеволод же пришел к брату своему Изяславу в Киев; поздоровались и сели. Всеволод же поведал о всем происшедшем. И сказал ему Изяслав: «Брат, не тужи. Видишь ли, сколько всего со мной приключилось: не выгнали ли меня сначала и не разграбили ли мое имущество? А затем, в чем провинился я во второй раз? Не был ли я изгнан вами, братьями моими? Не скитался ли я по чужим землям, лишенный имения, не сделав никакого зла? И ныне, брат, не будем тужить. Если будет нам удел в Русской земле, то обоим; если будем лишены его, то оба. Я сложу голову свою за тебя». И, так сказав, утешил Всеволода, и повелел собирать воинов от мала до велика. И отправились в поход Изяслав с Ярополком, сыном своим, и Всеволод с Владимиром, сыном своим. И подошли к Чернигову, и черниговцы затворились в городе. Олега же и Бориса там не было. И так как черниговцы не отворили ворот, то приступили к городу. Владимир же приступил к восточным воротам от Стрижени, и захватил ворота, и взял внешний город, и пожег его, люди же вбежали во внутренний город. Изяслав же и Всеволод услышали, что Олег с Борисом идут против них, и, опередив их, пошли от города против Олега. И сказал Олег Борису: «Не пойдем против них, не можем мы противостоять

четырем князьям, но пошлем с смирением к дядьям своим». И сказал ему Борис: «Смотри, я готов и стану против всех». Похвалился он сильно, не ведая, что Бог гордым противится, а смиренным дает благодать, чтобы не хвалился сильный силою своею. И пошли навстречу, и когда были они у села на Нежатиной ниве, соступились обе стороны и была сеча жестокая. Первым убили Бориса, сына Вячеслава, похвалившегося сильно. Когда же Изяслав стоял среди пеших воинов, неожиданно кто-то подъехал и ударил его копьем сзади в плечо. Так убит был Изяслав, сын Ярослава. Сеча продолжалась, и побежал Олег с небольшой дружиной, и едва спасся, убежав в Тмуторокань. Убит был князь Изяслав месяца октября в 3-й день. И взяли тело его, привезли его в ладье и поставили против Городца, и вышел навстречу ему весь город Киев, и, возложив тело на сани, повезли его; и с песнопениями понесли его попы и черноризцы в город. И нельзя было слышать пения из-за плача великого и вопля, ибо плакал о нем весь город Киев, Ярополк же шел за ним, плача с дружиною своею: «Отче, отче мой! Сколько пожил ты без печали на свете этом, много напастей приняв от людей и от братьи своей. И вот погиб не от брата, но за брата своего положил главу свою». И, принеся, положили тело его в церкви святой Богородицы, вложив его в гроб мраморный. Был же Изяслав муж красив видом и телом велик, незлобив нравом, ложь ненавидел, любя правду. Ибо не было в нем хитрости, но был прост умом, не воздавал злом за зло. Сколько ведь зла сотворили ему киевляне: самого выгнали, а дом его разграбили, — и не воздал им злом за зло. Если же кто скажет вам: «Воинов порубил», то не он это сделал, а сын его. Наконец, братья прогнали его и ходил он по чужой земле, скитаясь. И когда вновь сидел на столе своем, а Всеволод побежденный пришел к нему, не сказал ему: «Сколько от вас натерпелся?», не воздал злом на зло, но утешил, сказав: «Так как ты, брат мой, показал мне любовь свою, возвел меня на стол мой и нарек меня старейшим себя, то не припомню тебе прежнего зла: ты мне брат, а я тебе, и положу голову свою за тебя», — как и было. Не сказал ведь ему: «Сколько зла сотворили мне, и вот теперь с тобою случилось то же», не сказал: «Это не мое дело», но взял на себя горе брата, показав любовь великую, следуя словам апостола: «Утешайте печальных». Поистине, если и сотворил он на свете этом какое прегрешение, простится ему, потому что положил голову свою за брата своего, не стремясь ни к большему владению, ни к большему богатству, но за братню обиду. О таких-то Господь сказал: «Кто положит душу свою за други своя». Соломон же говорил: «Братья в бедах помогают друг другу». Ибо любовь превыше всего. Также и Иоанн говорит: «Бог есть любовь; пребывающий в любви — в Боге пребывает, а Бог в нем пребывает». Так совершается любовь, чтобы имели мы что в день судный, чтобы и мы на свете этом были такие же, как он. Боязни нет в любви, настоящая любовь отвергает ее, так как боязнь есть мученье. «Боящийся не совершенен в любви. Если кто говорит: „Люблю Бога, а брата своего ненавижу", это — ложь. Ибо не любящий брата своего, которого видит, как может любить Бога, которого не видит? Эту заповедь

получили от него, чтобы любящий Бога любил и брата своего». В любви ведь все совершается. Любви ради и грехи исчезают. Любви ради и Господь сошел на землю и распял себя за нас грешных; взяв грехи наши, пригвоздил себя к кресту, дав нам крест свой, чтобы отгонять им ненависть бесовскую. Любви ради мученики проливали кровь свою. Любви же ради князь сей пролил кровь свою за брата своего, исполняя заповедь Господню.

Начало княжения Всеволода в Киеве. Всеволод же сел в Киеве, на столе отца своего и брата своего, приняв власть над всей Русской землей. И посадил сына своего Владимира в Чернигове, а Ярополка во Владимире, придав ему еще и Туров.

В год 6587. Пришел Роман с половцами к Воиню. Всеволод же стал у Переяславля и сотворил мир с половцами. И возвратился Роман с половцами назад, и убили его половцы, месяца августа во 2-й день. И доселе еще лежат кости его там, сына Святослава, внука Ярослава. А Олега хазары, захватив, отправили за море в Царьград. Всеволод же посадил в Тмутаракани посадником Ратибора. *1079*

В год 6588. Поднялись торки переяславские на Русь, Всеволод же послал на них сына своего Владимира. Владимир же, пойдя, победил торков. *1080*

В год 6589. Бежал Давыд Игоревич с Володарем Ростиславичем, месяца мая в 18-й день. И пришли они к Тмутаракани, и схватили Ратибора, и сели в Тмутаракани. *1081*

В год 6590. Умер Осéнь, половецкий князь. *1082*

В год 6591. Пришел Олег из Греческой земли к Тмутаракани, и схватил Давыда и Володаря Ростиславича, и сел в Тмутаракани. И иссек хазар, которые советовали убить брата его и его самого, а Давыда и Володаря отпустил. *1083*

В год 6592. Приходил Ярополк к Всеволоду на Пасху. В это же время побежали два Ростиславича от Ярополка и, придя, прогнали Ярополка, и послал Всеволод Владимира, сына своего, и выгнал Ростиславичей, и посадил Ярополка во Владимире. В тот же год Давыд захватил греков в Олешьи и отнял у них имущество. Всеволод же, послав за ним, привел его и дал ему Дорогобуж. *1084*

В год 6593. Ярополк же хотел идти на Всеволода, послушав злых советников. Узнав это, Всеволод послал против него сына своего Владимира. Ярополк же, оставив мать свою и дружину в Луцке, бежал в Польшу. Когда же Владимир пришел к Луцку, сдались лучане. Владимир же посадил Давыда во Владимире на место Ярополка, а мать Ярополка, и жену его, и дружину его привел в Киев и имущество его взял. *1085*

В год 6594. Пришел Ярополк из Польши и сотворил мир с Владимиром, и пошел Владимир назад к Чернигову. Ярополк же сел во Владимире. И, переждав немного дней, пошел к Звенигороду. И еще не дошел он до города, как пронзен был проклятым Нерадцем, наученным дьяволом и злыми людьми. Он лежал на возу, и пронзил его саблею с коня месяца ноября в 22-й день. И тогда поднялся Ярополк, выдернул из себя саблю и возопил *1086*

громким голосом: «Ох, поймал меня враг тот». Бежал Нерадец треклятый в Перемышль к Рюрику, а Ярополка взяли отроки его, Радко, Вонкина и другие, и везли его перед собой на коне во Владимир, а оттуда в Киев. И вышел навстречу ему благоверный князь Всеволод со своими сыновьями, Владимиром и Ростиславом, и все бояре, и блаженный митрополит Иоанн с черноризцами и с пресвитерами. И все киевляне оплакивали его горько, с псалмами и песнопениями проводили его до святого Дмитрия, убравши тело его, с честью положили его в гроб мраморный месяца декабря в 5-й день, в церкви святого апостола Петра, которую сам когда-то начал воздвигать. Многие беды испытав, безвинно прогнанный братьями своими, обиженный, ограбленный, затем и смерть горькую принял, но вечной жизни и покоя сподобился. Так был блаженный князь этот тих, кроток, смирен и братолюбив, десятину давал святой Богородице от всего своего достояния ежегодно и всегда молил Бога, говоря: «Господи, Боже мой! Прими молитву мою и дай мне смерть такую же, как и братьям моим Борису и Глебу, от чужой руки, да омою грехи свои все своею кровью и избавлюсь от суетного этого света и мятежного, от сети вражеской». Просимого им не лишил его милостивый Бог: получил он блага те, каких ни око не видело, ни ухо не слышало, ни сердце человека не предугадало, какие уготовал Бог любящим его.

1087 В год 6595.

1088 В год 6596. Освящена была церковь святого Михаила в монастыре Всеволодовом митрополитом Иоанном, а игумен того монастыря был тогда Лазарь. В том же году пошел Святополк из Новгорода в Туров жить. В том же году умер Никон, игумен Печерский. В тот же год взяли (волжские) болгары Муром.

1089 В год 6597. Освящена была церковь Печерская святой Богородицы в Феодосиевом монастыре Иоанном митрополитом и Лукою, белгородским епископом, Исаем, черниговским епископом, при благородном, державном князе Русской земли Всеволоде и детях его, Владимире и Ростиславе, когда воеводство киевской тысячи держал Янь, а игуменство держал Иоанн. В том же году преставился Иоанн митрополит. Был же Иоанн сведущ в книгах и в учении, милостив к убогим и вдовицам, ласков ко всякому, богатому и убогому, смиренен же и кроток, молчалив, речист же, когда от святых книг утешал печальных; такого не было прежде на Руси, и после него не будет такого. В тот же год пошла в Греческую землю Янка, дочь Всеволода, о которой говорилось прежде. И привела Янка митрополита Иоанна, скопца, про которого видевшие его люди говорили: «Это мертвец пришел». Пробыв год, умер. Был же этот человек не книжен, но умом прост и прост речью. В тот же год освящена была церковь святого Михаила в Переяславле Ефремом, митрополитом той церкви, которую он создал великою, ибо прежде была в Переяславле митрополия, и обстроил ее большою пристройкою, украсив ее всяческой красотою, церковными сосудами. Этот Ефрем был скопец, высок ростом. Много он тогда зданий воздвиг; докончил церковь святого Михаила, заложил церковь на воротах городских во имя святого мученика Федора, и затем церковь святого Андрея у ворот, и

строение банное каменное, чего не было раньше на Руси. И стены заложил каменные от церкви святого мученика Федора и украсил город Переяславский зданиями церковными и прочими зданиями.

В год 6599. Игумен и черноризцы, посовещавшись, сказали: «Не годится 1091
лежать отцу нашему Феодосию вне монастыря и вне церкви своей, ибо он и церковь основал и черноризцев собрал». Посовещавшись, повелели устроить место, где положить мощи его. И когда через три дня наступил праздник Успения Богородицы, повелел игумен копать там, где лежат мощи его, отца нашего Феодосия, по велению которого я, грешный, первый был очевидец, о чем и расскажу не по слухам, а как зачинатель всего того. Итак, пришел игумен ко мне и сказал: «Пойдем в пещеру к Феодосию». Я и пришел с игуменом, втайне от всех, и рассмотрели, куда копать, и обозначили место, где копать, — в стороне от входа. Сказал же мне игумен: «Не смей рассказывать никому из братии, чтобы никто не узнал, но возьми кого хочешь, чтобы тебе помог». Я же приготовил в тот день мотыги, чтобы копать. И во вторник вечером, в сумерки, взял с собою двух братьев, и втайне от всех пришел в пещеру, и, отпев псалмы, стал копать. И, устав, дал копать другому брату, и копали до полуночи, утомились и не могли докопаться, и начал тужить, что копаем не в ту сторону. Я же, взяв мотыгу, начал усердно копать, а друг мой отдыхал перед пещерою и сказал мне: «Ударили в било!». И я в это мгновение докопался до мощей Феодосиевых. И когда он мне сказал: «Ударили в било», я сказал: «Уже прокопал». Когда же прокопал, охватил меня ужас, и стал взывать: «Господи, помилуй». В это время сидели в монастыре два брата и смотрели в сторону пещеры: игумен еще не сказал тогда, с кем он будет переносить его тайно. Когда ударили в било, увидели они три столпа, точно светящиеся дуги, и, постояв, передвинулись эти дуги на верх церкви, где был положен потом Феодосий. В это же время Стефан, который раньше был игуменом на месте Феодосия, а теперь был уже епископом, видел в своем монастыре за полем зарю великую над пещерою; решив, что несут Феодосия, так как за день до того было ему возвещено об этом, и пожалев, что переносят без него, Стефан сел на коня и быстро поехал, взяв с собою Климента, которого он потом поставил вместо себя игуменом. И когда они ехали, видели они великую зарю. И когда приблизились, увидели свечей множество над пещерою, и подошли к пещере, и не увидели ничего, и вошли в глубину пещеры, а мы сидели тогда у мощей. Когда я прокопал, послал я к игумену: «Приходи, вынем его». Игумен же пришел с двумя братьями; и я сильно раскопал, и влезли мы и увидели лежащие мощи; суставы не распались, и волосы на голове присохли. И, положив его на мантию и подняв на плечи, вынесли его перед пещерой. На другой же день собрались епископы: Ефрем Переяславский, Стефан Владимирский, Иоанн Черниговский, Марин Юрьевский, игумены из всех монастырей с черноризцами; пришли и люди благоверные и взяли мощи Феодосиевы, с фимиамом и со свечами. И, принеся, положили его в церкви его, в притворе, по правой стороне, месяца августа в 14-й день, в четверг, в час дня, индикта 14-го, года... И праздновали светло день тот.

Теперь коротко поведаю о том, как сбылось пророчество Феодосия. Еще когда Феодосий был жив и держал игуменство, управляя стадом черноризцев, порученным ему Богом, пекся он не только о них, но и о мирянах — о душах их, как бы им спастись, особенно о духовных сынах своих, утешая и наставляя приходящих к нему, а иногда приходя в дома их и благословение им подавая. Однажды, придя в дом Янев к Яню и к жене его Марье, — ибо Феодосий любил их за то, что они жили по заповеди Господней и в любви между собой пребывали, — однажды, зайдя к ним, поучал он их о милостыне убогим, о царствии небесном, которое заслужат праведники, тогда как грешники — муку, и о смертном часе. И когда он говорил о положении их тел во гроб, сказала ему жена Яня: «Кто знает, где меня похоронят?». Сказал же ей Феодосий: «Воистину, где лягу я, там и ты похоронена будешь». Что и сбылось. Игумен умер раньше ее, а на 18-й год это и сбылось: ибо в тот год преставилась жена Яня именем Марья, месяца августа в 16-й день, и пришли черноризцы, отпели положенные песнопения и принесли и положили ее в церкви святой Богородицы, против Феодосиева гроба, по левую сторону. Феодосий был похоронен 14-го, а та 16-го.

Так сбылось пророчество блаженного отца нашего Феодосия, доброго пастуха, пасшего словесных овец истово, с кротостью и со вниманием, наблюдая за ними и опекая их, молясь за порученное ему стадо и за людей христианских, за землю Русскую, за которых, и по отшествии от сего света, молишься за людей верных и за своих учеников, которые, взирая на гроб твой, вспоминают поучения твои и воздержание твое и прославляют Бога. Я же, грешный твой раб и ученик, недоумеваю, как восхвалить доброе твое житие и воздержание. Но скажу немногое: «Радуйся, отче наш и наставник! Мирской шум отвергнув, молчание возлюбив, Богу послужил ты в тишине, в монашеском житии, всякое себе божественное приношение принес, постом превознесся, плотские страсти и наслаждения возненавидел, красоту и желания света сего отринул, следуя по стопам высокомысленных отцов, соревнуясь с ними, в молчании возвышаясь и смирением украшаясь, в словесах книжных находя веселие. Радуйся, укрепившись надеждою на вечные блага, приняв которые, умертвив плотскую похоть, источник беззакония и волнений, ты, преподобный, бесовских козней избег и сетей. С праведными, отче, почил, получив по трудам твоим воздаяние, став наследником отцов, последовав учению их и нраву их, воздержанию их и правила их соблюдая. Всего более хотел уподобиться ты великому Феодосию нравом и образом жизни, подражая его житию и в воздержании с ним соперничая, последуя его обычаям и переходя от одного хорошего дела к еще лучшему, и положенные молитвы к Богу вознося, вместо благоухания принося кадило молитвенное, фимиам благовонный. Победив мирскую похоть и миродержца — князя мира сего, врага поправ дьявола и его козни, победителем явился, противостав вражеским его стрелам и гордым помыслам, укрепясь оружием крестным и верою непобедимою, Божьею помощью. Молись за меня, отче честный, чтобы избавиться мне от сети вражеския, и от противника-врага соблюди меня твоими молитвами».

В тот же год знамение было на солнце, как будто бы должно было оно погибнуть и совсем мало его осталось, как месяц стало, в час второй дня, месяца мая в 21-й день. В тот же год, когда Всеволод охотился на зверей за Вышгородом и были уже закинуты тенета и кличане кликнули, упал превеликий змей с неба, и ужаснулись все люди. В это же время земля стукнула, так что многие слышали. В тот же год волхв объявился в Ростове и вскоре погиб.

В год 6600. Предивное чудо явилось в Полоцке в наваждении: ночью *1092*
стоял топот, что-то стонало на улице, рыскали бесы, как люди. Если кто выходил из дома, чтобы посмотреть, тотчас невидимо уязвляем бывал бесами язвою и оттого умирал, и никто не осмеливался выходить из дома. Затем начали и днем являться на конях, а не было их видно самих, но видны были коней их копыта; и уязвляли так они людей в Полоцке и в его области. Потому люди и говорили, что это мертвецы бьют полочан. Началось же это знамение с Друцка. В те же времена было знамение в небе — точно круг посреди неба превеликий. В тот же год засуха была, так что изгорала земля, и многие леса возгорались сами и болота; и много знамений было по местам; и рать великая была от половцев и отовсюду: взяли три города, Песочен, Переволоку, Прилук, и много сел повоевали по обеим сторонам. В тот же год ходили войною половцы на поляков с Васильком Ростиславичем. В тот же год умер Рюрик, сын Ростислава. В те же времена многие люди умирали от различных недугов, так что говорили продающие гробы, что «продали мы гробов от Филиппова дня до мясопуста 7 тысяч». Это случилось за грехи наши, так как умножились грехи наши и неправды. Это навел на нас Бог, веля нам покаяться и воздерживаться от греха, и от зависти, и от прочих злых дел дьявольских.

В год 6601, индикта в 1-й год, преставился великий князь Всеволод, *1093*
сын Ярославов, внук Владимиров, месяца апреля в 13-й день, а погребен был в 14-й день; неделя была тогда страстная и день был четверг, когда он положен был в гробу в великой церкви святой Софии. Сей благоверный князь Всеволод был с детства боголюбив, любил правду, оделял убогих, воздавал честь епископам и пресвитерам, особенно же любил черноризцев и давал им все, что они просили. Он и сам воздерживался от пьянства и похоти, за то и любим был отцом своим, так что говорил ему отец его: «Сын мой! Благо тебе, что слышу о твоей кротости, и радуюсь, что ты покоишь старость мою. Если Бог даст тебе получить стол мой после братьев своих по праву, а не насильем, то, когда Бог пошлет тебе смерть, ложись, где я лягу, у гроба моего, потому что люблю тебя больше братьев твоих». И сбылось слово отца его, сказанное ему. Получил он после всех своих братьев стол отца своего, по смерти брата своего, и сел княжить в Киеве. Было у него огорчений больше, чем тогда, когда он сидел в Переяславле. Когда княжил в Киеве, горе было ему от племянников его, так как начали они ему досаждать, один желая одной волости, а тот другой; он же, чтобы замирить их, раздавал им волости. В этих огорчениях появились и недуги, а за ними приспела и старость. И стал он любить образ мыслей младших, устраивая совет с ними; они же стали наущать его, чтобы он отверг дружину свою

старшую, и люди не могли добиться правды княжой, начали эти молодые грабить и продавать людей, а князь того не знал из-за болезней своих. Когда же он совсем разболелся, послал он за сыном своим Владимиром в Чернигов. Владимир, приехав к нему и увидев его совсем больного, заплакал. В присутствии Владимира и Ростислава, сына своего меньшего, когда пришел час, Всеволод преставился тихо и кротко и присоединился к предкам своим, княжив в Киеве 15 лет, а в Переяславле год и в Чернигове год. Владимир же, оплакав его с Ростиславом, братом своим, убрали тело его. И собрались епископы, и игумены, и черноризцы, и попы, и бояре, и простые люди, и, взяв тело его, со всеми полагающимися песнопениями положили его в церкви святой Софии, как уже сказали мы раньше.

Владимир же стал размышлять, говоря: «Если сяду на столе отца своего, то буду воевать со Святополком, так как стол этот был его отца». И, размыслив, послал по Святополка в Туров, а сам пошел в Чернигов, а Ростислав — в Переяславль. И после Пасхи, по прошествии праздничной недели, в день антипасхи, месяца апреля в 24-й день пришел Святополк в Киев. И вышли навстречу ему киевляне с поклоном, и приняли его с радостью, и сел на столе отца своего и дяди своего. В это время пришли половцы на Русскую землю; услышав, что умер Всеволод, послали они послов к Святополку договориться о мире. Святополк же, не посоветовавшись со старшею дружиною отцовскою и дяди своего, сотворил совет с пришедшими с ним и, схватив послов, посадил их в избу. Услышав же это, половцы начали воевать. И пришло половцев множество и окружили город Торческ. Святополк же отпустил послов половецких, хотя мира. И не захотели половцы мира, и наступали половцы, воюя. Святополк же стал собирать воинов, собираясь против них. И сказали ему мужи разумные: «Не пытайся идти против них, ибо мало имеешь воинов». Он же сказал: «Имею отроков своих 700, которые могут им противостать». Стали же другие неразумные говорить: «Пойди, князь». Разумные же говорили: «Если бы выставил их и 8 тысяч, и то было бы худо: наша земля оскудела от войны и от продаж. Но пошли к брату своему Владимиру, чтоб он тебе помог». Святополк же, послушав их, послал к Владимиру, чтобы тот помог ему. Владимир же собрал воинов своих и послал по Ростислава, брата своего, в Переяславль, веля ему помогать Святополку. Когда же Владимир пришел в Киев, встретились они в монастыре святого Михаила, затеяли между собой распри и ссоры, договорившись же, целовали друг другу крест, а половцы между тем продолжали разорять землю, — и сказали им мужи разумные: «Зачем у вас распри между собою? А поганые губят землю Русскую. После уладитесь, а сейчас отправляйтесь навстречу поганым — либо с миром, либо с войною». Владимир хотел мира, а Святополк хотел войны. И пошли Святополк, и Владимир, и Ростислав к Треполю, и пришли к Стугне. Святополк же, и Владимир, и Ростислав созвали дружину свою на совет, собираясь перейти через реку, и стали совещаться. И сказал Владимир: «Пока за рекою стоим, грозной силой, заключим мир с ними». И присоединились к совету этому разумные мужи, Янь и прочие. Киевляне же не захотели принять совета этого, но сказали: «Хотим биться, перейдем на ту

сторону реки». И понравился совет этот, и перешли Стугну-реку, она же сильно вздулась тогда водою. А Святополк, и Владимир, и Ростислав, исполчив дружину, выступили. И шел на правой стороне Святополк, на левой Владимир, посредине же был Ростислав. И, миновав Треполь, прошли вал. И вот половцы пошли навстречу, а стрелки их перед ними. Наши же, став между валами, поставили стяги свои, и двинулись стрелки из-за вала. А половцы, подойдя к валу, поставили свои стяги, и налегли прежде всего на Святополка, и прорвали строй полка его. Святополк же стоял крепко, и побежали люди его, не стерпев натиска половцев, а после побежал и Святополк. Потом налегли на Владимира, и был бой лютый; побежали и Владимир с Ростиславом, и воины его. И прибежали к реке Стугне, и пошли вброд Владимир с Ростиславом, и стал утопать Ростислав на глазах у Владимира. И захотел подхватить брата своего, и едва не утонул сам. И утонул Ростислав, сын Всеволодов. Владимир же перешел реку с небольшой дружиной, — ибо много пало людей из полка его, и бояре его тут пали, — и, перейдя на ту сторону Днепра, плакал по брате своем и по дружине своей, и пошел в Чернигов в печали великой. Святополк же вбежал в Треполь, и заперся тут, и был тут до вечера, и в ту же ночь пришел в Киев. Половцы же, видя, что победили, пустились разорять землю, а другие вернулись к Торческу. Случилась эта беда в день Вознесения Господа нашего Иисуса Христа, месяца мая в 26-й день. Ростислава же, поискав, нашли в реке и, взяв, принесли его к Киеву, и плакала по нем мать его, и все люди печалились о нем сильно, юности его ради. И собрались епископы, и попы, и черноризцы, отпев обычные песнопения, положили его в церкви святой Софии около отца его. Половцы же между тем осаждали Торческ, а торки противились и крепко бились из города, убивая многих врагов. Половцы же стали налегать и отвели воду, и начали изнемогать люди в городе от жажды и голода. И прислали торки к Святополку, говоря: «Если не пришлешь еды, сдадимся». Святополк же послал им, но нельзя было пробраться в город из-за множества воинов неприятельских. И стояли около города 9 недель, и разделились надвое: одни стали у города, борясь с противником, а другие пошли к Киеву и напали между Киевом и Вышгородом. Святополк же вышел на Желань, и пошли друг против друга, и сошлись, и началась битва. И побежали наши от иноплеменников, и падали, раненные, перед врагами нашими, и многие погибли, и было мертвых больше, чем у Треполя. Святополк же пришел в Киев сам-третей, а половцы возвратились к Торческу. Случилась эта беда месяца июля в 23-й день. Наутро же 24-го, в день святых мучеников Бориса и Глеба, был плач великий в городе, а не радость, за грехи наши великие и неправды, за умножение беззаконий наших.

Это Бог напустил на нас поганых, не их милуя, а нас наказывая, чтобы мы воздержались от злых дел. Наказывает он нас нашествием поганых; это ведь бич его, чтобы мы, опомнившись, воздержались от злого пути своего. Для этого в праздники Бог посылает нам сетование, как в этом году случилось на Вознесение Господне первая напасть у Треполя, вторая — в праздник Бориса и Глеба; это есть новый праздник Русской земли. Вот почему пророк сказал: «Обращу праздники ваши в плач и песни ваши в

рыдание». И был плач велик в земле нашей, опустели села наши и города наши, и бегали мы перед врагами нашими. Как сказал пророк: «Падете перед врагами вашими, погонят вас ненавидящие вас, и побежите, никем не гонимы. Сокрушу наглость гордыни вашей, и будет тщетной сила ваша, убьет вас захожий меч, и будет земля ваша пуста, и дворы ваши будут пусты. Так как вы дурны и лукавы, то и я приду к вам с яростью лукавой». Так говорит Господь Бог израилев. Ибо коварные сыны Измаила пожигали села и гумна и многие церкви запалили огнем, да никто не подивится тому: «Где множество грехов, там видим и всяческое наказание». Сего ради и вселенная предана была, сего ради и гнев распространился, сего ради и народ подвергся мучениям: одних ведут в плен, других убивают, иных выдают на месть и они принимают горькую смерть, иные трепещут, видя убиваемых, иных голодом умерщвляют и жаждою. Одно наказание, одна казнь, разнообразные несущая бедствия, различны печали и страшны муки тех, кого связывают и пинают ногами, держат на морозе и кому наносят раны. И тем удивительнее и страшнее, что в христианском роде страх, и колебанье, и беда распространились. Праведно и достойно, когда мы так наказываемы. Так будем веру иметь, если будем наказываемы: подобало нам «преданным быть в руки народа чужого и самого беззаконного на всей земле». Скажем громко: «Праведен ты, Господи, и правы суды твои». Скажем по примеру того разбойника: «Мы достойное получили по делам нашим». Скажем и с Иовом: «Как Господу угодно было, так и случилось; да будет имя Господне благословенно вовеки». Через нашествие поганых и мучения от них познаем Владыку, которого мы прогневали: прославлены были — и не прославили его, чествуемы были — и не почтили его, просвещали нас — и не уразумели, наняты были — и не поработали, родились — и не усовестились его как отца, согрешили — и наказаны теперь. Как поступили, так и страдаем: города все опустели; села опустели; пройдем через поля, где паслись стада коней, овцы и волы, и все пусто ныне увидим; нивы заросшие стали жилищем зверям. Но надеемся все же на милость Божию, справедливо наказывает нас благой Владыка, «не по беззаконию нашему соделал нам, но по грехам нашим воздал нам». Так подобает благому Владыке наказывать не по множеству грехов. Так Господь сотворил нам: создал нас и падших поднял, Адамово преступление простил, нетление даровал и свою кровь за нас пролил. Вот и нас видя в неправде пребывающими, навел на нас эту войну и скорбь, чтобы и те, кто не хочет, в будущей жизни получили милость; потому что душа, наказываемая здесь, всякую милость в будущей жизни обрящет и освобождение от мук, ибо не мстит Господь дважды за одно и то же. О неизреченное человеколюбие! ибо видел нас, поневоле к нему обращающихся. О безграничная любовь его к нам! ибо сами захотели уклониться от заповедей его. Теперь уже и не хотим, а терпим — по необходимости и поневоле терпим, но как бы и по своей воле! Ибо где было у нас умиление? А ныне все полно слез. Где у нас было воздыхание? А ныне плач распространился по всем улицам из-за убитых, которых избили беззаконные.

Половцы повоевали много и возвратились к Торческу, и изнемогли люди в городе от голода, и сдались врагам. Половцы же, взяв город, запалили

его огнем, и людей поделили, и много христианского народа повели в вежи к семьям своим и сродникам своим; страждущие, печальные, измученные, стужей скованные, в голоде, жажде и беде, с осунувшимися лицами, почерневшими телами, в неведомой стране, с языком воспаленным, раздетые бродя и босые, с ногами, исколотыми терновнием, со слезами отвечали они друг другу, говоря: «Я был из этого города», а другой: «А я — из того села»; так вопрошали они друг друга со слезами, род свой называя и вздыхая, взоры возводя на небо к Вышнему, ведающему сокровенное.

Да никто не дерзнет сказать, что ненавидимы мы Богом! Да не будет! Ибо кого так любит Бог, как нас возлюбил? Кого так почтил он, как нас прославил и превознес? Никого! Потому ведь и сильнее разгневался на нас, что больше всех почтены были и более всех совершили грехи. Ибо больше всех просвещены были, зная волю Владычную, и, презрев ее, как подобает, больше других наказаны. Вот и я, грешный, много и часто Бога гневлю и часто согрешаю во все дни!

В тот же год скончался Ростислав, сын Мстислава, внук Изяслава, месяца октября в 1-й день; а погребен был 16 ноября, в церкви святой Богородицы Десятинной.

В год 6602. Сотворил мир Святополк с половцами и взял себе в жены *1094*
дочь Тугоркана, князя половецкого. В тот же год пришел Олег с половцами из Тмуторокани и подошел к Чернигову, Владимир же затворился в городе. Олег же, подступив к городу, пожег вокруг города и монастыри пожег. Владимир же сотворил мир с Олегом и пошел из города на стол отцовский в Переяславль, а Олег вошел в город отца своего. Половцы же стали воевать около Чернигова, а Олег не препятствовал им, ибо сам повелел им воевать. Это уже в третий раз навел он поганых на землю Русскую, его же грех да простит ему Бог, ибо много христиан загублено было, а другие в плен взяты и рассеяны по разным землям. В тот же год пришла саранча на Русскую землю, месяца августа в 26-й день, и поела всякую траву и много жита. И не слыхано было в земле Русской с первых ее дней того, что видели очи наши, за грехи наши. В том же году преставился епископ владимирский Стефан, месяца апреля в 27-й день в шестой час ночи, а прежде был игуменом Печерского монастыря.

В год 6603. Ходили половцы на греков с Девгеневичем, воевали по *1095*
Греческой земле; и цесарь захватил Девгеневича и приказал его ослепить. В тот же год пришли половцы, Итларь и Кытан, к Владимиру мириться. Пришел Итларь в город Переяславль, а Кытан стал между валами с воинами; и дал Владимир Кытану сына своего Святослава в заложники, а Итларь был в городе с лучшей дружиной. В то же время пришел Славята из Киева к Владимиру от Святополка по какому-то делу, и стала думать дружина Ратиборова с князем Владимиром о том, чтобы погубить Итлареву чадь, а Владимир не хотел этого делать, так отвечая им: «Как могу я сделать это, дав им клятву?». И отвечала дружина Владимиру: «Княже! Нет тебе в том греха: они ведь всегда, дав тебе клятву, губят землю Русскую и кровь христианскую проливают непрестанно». И послушал их Владимир, и в ту ночь послал Владимир Славяту с небольшой дружиной и с торками между

валов. И, выкрав сперва Святослава, убили потом Кытана и дружину его перебили. Вечер был тогда субботний, а Итларь в ту ночь спал у Ратибора на дворе с дружиною своею и не знал, что сделали с Кытаном. Наутро же в воскресенье, в час заутрени, изготовил Ратибор отроков с оружием и приказал вытопить избу. И прислал Владимир отрока своего Бяндюка за Итларевой чадью, и сказал Бяндюк Итларю: «Зовет вас князь Владимир, а сказал так: „Обувшись в теплой избе и позавтракав у Ратибора, приходите ко мне"». И сказал Итларь: «Пусть так». И как вошли они в избу, так и заперли их. Забравшись на избу, прокопали крышу, и тогда Ольбер Ратиборич, взяв лук и наложив стрелу, попал Итларю в сердце, и дружину его всю перебили. И так страшно окончил жизнь свою Итларь, в неделю сыропустную, в часу первом дня, месяца февраля в 24-й день. Святополк же и Владимир послали к Олегу, веля ему идти на половцев с ними. Олег же, обещав и выйдя, не пошел с ними в общий поход. Святополк же и Владимир пошли на вежи, и взяли вежи, и захватили скот и коней, верблюдов и челядь, и привели их в землю свою. И стали гнев держать на Олега, что не пошел с ними на поганых. И послали Святополк и Владимир к Олегу, говоря так: «Вот ты не пошел с нами на поганых, которые губили землю Русскую, а держишь у себя Итларевича — либо убей, либо дай его нам. Он враг нам и Русской земле». Олег же не послушал того, и была между ними вражда.

В тот же год пришли половцы к Юрьеву и простояли около него лето все и едва не взяли его. Святополк же замирил их. Половцы же пришли за Рось, юрьевцы же выбежали и пошли к Киеву. Святополк же приказал рубить город на Витичевском холме, по своему имени назвал его Святополчим городом и приказал епископу Марину с юрьевцами поселиться там и засаковцам, и другим из других городов; а покинутый людьми Юрьев сожгли половцы. В конце того же года пошел Давыд Святославич из Новгорода в Смоленск; новгородцы же пошли в Ростов за Мстиславом Владимировичем. И, взяв, привели его в Новгород, а Давыду сказали: «Не ходи к нам». И воротился Давыд в Смоленск, и сел в Смоленске, а Мстислав в Новгороде сел. В это же время пришел Изяслав, сын Владимиров, из Курска в Муром. И приняли его муромцы, и посадника схватил Олегова. В то же лето пришла саранча, месяца августа в 28-й день, и покрыла землю, и было видеть страшно, шла она к северным странам, поедая траву и просо.

1096 В год 6604. Святополк и Владимир послали к Олегу, говоря так: «Приди в Киев, да заключим договор о Русской земле перед епископами, и перед игуменами, и перед мужами отцов наших, и перед людьми городскими, чтобы оборонили мы Русскую землю от поганых». Олег же, исполнившись дерзких намерений и высокомерных слов, сказал так: «Не пристойно судить меня епископу, или игуменам, или смердам». И не захотел идти к братьям своим, послушав злых советников. Святополк же и Владимир сказали ему: «Так как ты не идешь на поганых, ни на совет к нам, то, значит, ты злоумышляешь против нас и поганым хочешь помогать, — так пусть Бог рассудит нас». И пошли Святополк и Владимир на Олега к Чернигову. Олег же выбежал из Чернигова месяца мая в 3-й день, в субботу. Святополк же и Владимир

гнались за ним, Олег же вбежал в Стародуб и там затворился; Святополк же и Владимир осадили его в городе, и бились крепко осажденные из города, а те ходили приступом на город, и раненых было много с обеих сторон. И была между ними брань лютая, и стояли около города дней тридцать и три, и изнемогали люди в городе. И вышел Олег из города, прося мира, и дали ему мир, говоря так: «Иди к брату своему Давыду, и приходите в Киев на стол отцов наших и дедов наших, ибо то старейший город в земле во всей, Киев; там достойно нам сойтись на совещание и договор заключить». Олег же обещал это сделать, и на том целовали крест.

В то же время пришел Боняк с половцами к Киеву, в воскресенье вечером, и повоевал около Киева, и пожег на Берестове двор княжеский. В то же время воевал Куря с половцами у Переяславля и Устье сжег, месяца мая в 24-й день. Олег же вышел из Стародуба и пришел в Смоленск, и не приняли его смоленцы, и пошел к Рязани. Святополк же и Владимир пошли восвояси. В тот же месяц пришел Тугоркан, тесть Святополков, к Переяславлю, месяца мая в 30-й день, и стал около города, а переяславцы затворились в городе. Святополк же и Владимир пошли на него по этой стороне Днепра, и пришли к Зарубу, и там перешли вброд, и не заметили их половцы, Бог сохранил их, и, исполчившись, пошли к городу; горожане же, увидев, рады были и вышли к ним, а половцы стояли на той стороне Трубежа, тоже исполчившись. Святополк же и Владимир пошли вброд через рубеж к половцам, Владимир же хотел выстроить полк, они же не послушались, но поскакали на конях на врага. Увидев это, половцы побежали, а наши погнались вслед воинам, рубя врагов. И содеял Господь в тот день спасение великое: месяца июля в 19-й день побеждены были иноплеменники, и князя их убили Тугоркана, и сына его, и иных князей; и многие враги наши тут пали. Наутро же нашли Тугоркана мертвого, и взял его Святополк как тестя своего и врага, и, привезя его к Киеву, похоронили его на Берестовом, между путем, идущим на Берестово, и другим, ведущим к монастырю. И 20-го числа того же месяца в пятницу, в первый час дня, снова пришел к Киеву Боняк безбожный, шелудивый, тайно, как хищник, внезапно, и чуть было в город не ворвались половцы, и зажгли предградье около города, и повернули к монастырю, и выжгли Стефанов монастырь, и деревни, и Германов. И пришли к монастырю Печерскому, когда мы по кельям почивали после заутрени, и кликнули клич около монастыря, и поставили два стяга перед вратами монастырскими, а мы бежали задами монастыря, а другие взбежали на хоры. Безбожные же сыны Измаиловы вырубили врата монастырские и пошли по кельям, высекая двери, и выносили, если что находили в келье; затем выжгли дом святой владычицы нашей Богородицы, и пришли к церкви, и зажгли двери на южной стороне, и вторые — на северной, и, ворвавшись в притвор у гроба Феодосиева, хватая иконы, зажигали двери и оскорбляли Бога нашего и закон наш. Бог же терпел, ибо не пришел еще конец грехам их и беззакониям их, а они говорили: «Где есть Бог их? Пусть поможет им и спасет их!». И иные богохульные слова говорили на святые иконы, насмехаясь, не ведая, что Бог учит рабов своих напастями ратными, чтобы делались они как золото,

испытанное в горне: христианам ведь через множество скорбей и напастей предстоит войти в царство небесное, а эти поганые и оскорбители на этом свете имеют веселие и довольство, а на том свете примут муку, с дьяволом обречены они на огонь вечный. Тогда же зажгли двор Красный, который поставил благоверный князь Всеволод на холме, называемом Выдубицким: все это окаянные половцы запалили огнем. Потому-то и мы, вслед за пророком Давидом, взываем: «Господи, Боже мой! Поставь их, как колесо, как огонь перед лицом ветра, что пожирает дубравы, так погонишь их бурею твоею; исполни лица их досадой». Ибо они осквернили и сожгли святой дом твой, и монастырь матери твоей, и трупы рабов твоих. Убили ведь несколько человек из братии нашей оружием, безбожные сыны Измаиловы, посланные в наказание христианам.

Вышли они из пустыни Етривской между востоком и севером, вышло же их 4 колена: торкмены и печенеги, торки, половцы. Мефодий же свидетельствует о них, что 8 колен убежали, когда иссек их Гедеон, да 8 их бежало в пустыню, а 4 он иссек. Другие же говорят: сыны Амоновы, но это не так: сыны ведь Моава — хвалисы, а сыны Амона — болгары, а сарацины от Измаила, выдают себя за сыновей Сары, и назвали себя сарацины, что значит: «Са́рины мы». Поэтому хвалисы и болгары происходят от дочерей Лота, зачавших от отца своего, потому и нечисто племя их. А Измаил родил 12 сыновей, от них пошли торкмены, и печенеги, и торки, и куманы, то есть половцы, которые выходят из пустыни. И после этих 8 колен, при конце мира, выйдут заклепанные в горе Александром Македонским нечистые люди.

Поучение. Я, худой, дедом своим Ярославом, благословенным, славным, нареченный в крещении Василием, русским именем Владимир, отцом возлюбленным и матерью своею из рода Мономахов... и христианских ради людей, ибо сколько их соблюл по милости своей и по отцовской молитве от всех бед! Сидя на санях, помыслил я в душе своей и воздал хвалу Богу, который меня до этих дней, грешного, сохранил. Дети мои или иной кто, слушая эту грамотку, не посмейтесь, но кому из детей моих она будет люба, пусть примет ее в сердце свое и не станет лениться, а будет трудиться.

Прежде всего, Бога ради и души своей, страх имейте Божий в сердце своем и милостыню подавайте нескудную, это ведь начало всякого добра. Если же кому не люба грамотка эта, то пусть не посмеются, а так скажут: на дальнем пути, да на санях сидя, безлепицу молвил.

Ибо встретили меня послы от братьев моих на Волге и сказали: «Поспеши к нам, и выгоним Ростиславичей, и волость их отнимем; если же не пойдешь с нами, то мы — сами по себе будем, а ты — сам по себе». И ответил я: «Хоть вы и гневаетесь, не могу я ни с вами пойти, ни крестоцелование преступить».

И, отпустив их, взял Псалтырь, в печали разогнул ее, и вот что мне вынулось: «О чем печалишься, душа моя? Зачем смущаешь меня?» — и прочее. И потом собрал я эти полюбившиеся слова и расположил их по

порядку и написал. Если вам последние не понравятся, начальные хоть возьмите.

«Зачем печалишься, душа моя? Зачем смущаешь меня? Уповай на Бога, ибо верю в него». «Не соревнуйся с лукавыми, не завидуй творящим беззаконие, ибо лукавые будут истреблены, послушные же Господу будут владеть землей». И еще немного: «И не будет грешника; посмотришь на место его и не найдешь его. Кроткие же унаследуют землю и многим насладятся миром. Злоумышляет грешный против праведного и скрежещет на него зубами своими; Господь же посмеется над ним, ибо видит, что настанет день его. Оружие извлекли грешники, натягивают лук свой, чтобы пронзить нищего и убогого, заклать правых сердцем. Оружие их пронзит сердца их, и луки их сокрушатся. Лучше праведнику малое, нежели многие богатства грешным. Ибо сила грешных сокрушится, праведных же укрепляет Господь. Как грешники погибнут, — праведных же милует и одаривает. Ибо благословляющие его наследуют землю, клянущие же его истребятся. Господом стопы человека направляются. Когда он упадет, то не разобьется, ибо Господь поддерживает руку его. Молод был и состарился, и не видел праведника покинутым, ни потомков его просящими хлеба. Всякий день милостыню творит праведник и взаймы дает, и племя его благословенно будет. Уклонись от зла, сотвори добро, найди мир и отгони зло, и живи во веки веков».

«Когда восстали бы люди, то живыми пожрали бы нас; когда прогневалась бы на нас ярость его, то во́ды бы потопили нас».

«Помилуй меня, Боже, ибо попрал меня человек; всякий день, нападая, теснит меня. Попрали меня враги мои, ибо много восстающих на меня свыше». «Возвеселится праведник и, когда увидит отмщение, руки омоет свои в крови грешника. И скажет человек: „Если есть награда праведнику, значит есть Бог, творящий суд на земле"». «Освободи меня от врагов моих, Боже, и от восстающих на меня защити меня. Избавь меня от творящих беззаконие и от мужа крови спаси меня, ибо уже уловили душу мою». «Ибо гнев в мгновение ярости его, а вся жизнь в воле его: вечером водворится плач, а наутро радость». «Ибо милость твоя лучше, чем жизнь моя, и уста мои да восхвалят тебя. Так благословлю тебя при жизни моей и во имя твое воздену руки мои». «Укрой меня от сборища лукавых и от множества делающих неправду». «Возвеселитесь все праведные сердцем. Благословлю Господа во всякое время, непрестанна хвала ему», и прочее.

Ибо как Василий учил, собрав юношей: иметь душу чистую и непорочную, тело худое, беседу кроткую и соблюдать слово Господне: «Есть и пить без шума великого, при старых молчать, премудрых слушать, старшим покоряться, с равными и младшими любовь иметь, без лукавства беседуя, а побольше разуметь; не свирепевать словом, не хулить в беседе, не смеяться много, стыдиться старших, с нелепыми женщинами не беседовать, глаза держать книзу, а душу ввысь, избегать суеты; не уклоняться учить увлекающихся властью, ни во что ставить всеобщий почет. Если кто из вас может другим принести пользу, от Бога на воздаяние пусть надеется и вечных благ насладится». «О Владычица Богородица! Отними от сердца

моего бедного гордость и дерзость, чтобы не величался я суетою мира сего» в ничтожной этой жизни.

Научись, верующий человек, быть благочестию свершителем, научись, по евангельскому слову, «очам управлению, языка воздержанию, ума смирению, тела подчинению, гнева подавлению, иметь помыслы чистые, побуждая себя на добрые дела, Господа ради; лишаемый — не мсти, ненавидимый — люби, гонимый — терпи, хулимый — молчи, умертви грех». «Избавляйте обижаемого, давайте суд сироте, оправдывайте вдовицу. Приходите, да соединимся, говорит Господь. Если будут грехи ваши как обагренные, — как снег обелю их», и прочее. «Воссияет весна поста и цветок покаяния; очистим себя, братья, от всякой крови телесной и душевной. Взывая к светодавцу, скажем: „Слава тебе, человеколюбец!"».

Поистине, дети мои, разумейте, что человеколюбец Бог милостив и премилостив. Мы, люди, грешны и смертны, и если кто нам сотворит зло, то мы хотим его поглотить и поскорее пролить его кровь; а Господь наш, владея и жизнью и смертью, согрешения наши превыше голов наших терпит всю нашу жизнь. Как отец, чадо свое любя, бьет его и опять привлекает к себе, так же и Господь наш показал нам победу над врагами, как тремя делами добрыми избавляться от них и побеждать их: покаянием, слезами и милостынею. И это вам, дети мои, не тяжкая заповедь Божия, как теми делами тремя избавиться от грехов своих и царствия небесного не лишиться.

Бога ради, не ленитесь, молю вас, не забывайте трех дел тех, не тяжки ведь они; ни затворничеством, ни монашеством, ни голоданием, которые иные добродетельные претерпевают, но малым делом можно получить милость Божию.

«Что такое человек, как подумаешь о нем?». «Велик ты, Господи, и чудны дела твои; разум человеческий не может постигнуть чудеса твои», — и снова скажем: «Велик ты, Господи, и чудны дела твои, и благословенно и славно имя твое вовеки по всей земле». Ибо кто не восхвалит и не прославит силу твою и твоих великих чудес и благ, устроенных на этом свете, как небо устроено, или как солнце, или как луна, или как звезды, и тьма, и свет, и земля на водах положена, Господи, твоим промыслом! Звери различные, и птицы, и рыбы украшены твоим промыслом, Господи! И этому чуду подивимся, как из праха создал человека, как разнообразны человеческие лица; если и всех людей собрать, не у всех один облик, но каждый имеет свой облик лица, по Божьей мудрости. И тому подивимся, как птицы небесные из рая идут, и прежде всего в наши руки, и не поселяются в одной стране, но и сильные и слабые идут по всем землям, по Божьему повелению, чтобы наполнились леса и поля. Все же это дал Бог на пользу людям, в пищу и на радость. Велика, Господи, милость твоя к нам, так как блага эти сотворил ты ради человека грешного. И те же птицы небесные умудрены тобою, Господи: когда повелишь, то запоют и людей веселят; а когда не повелишь им, то, и имея язык, онемеют. «И благословен, Господи, и прославлен зело!». Всякие чудеса и эти блага сотворил и совершил. «И кто не восхвалит тебя, Господи, и не верует всем сердцем и всей душой во имя Отца и Сына и Святого Духа, да будет проклят!».

Прочитав эти божественные слова, дети мои, похвалите Бога, подавшего нам милость свою; а то дальнейшее — это моего собственного слабого ума наставление. Послушайте меня; если не все примете, то хоть половину.

Если вам Бог смягчит сердце, пролейте слезы о грехах своих, говоря: «Как блудницу, разбойника и мытаря помиловал ты, так и нас, грешных, помилуй». И в церкви то делайте, и ложась. Не пропускайте ни одной ночи, — если можете, поклонитесь до земли; если вам занеможется, то трижды. Не забывайте этого, не ленитесь, ибо тем ночным поклоном и молитвой человек побеждает дьявола, и что нагрешит за день, то этим человек избавляется. Если и на коне едучи не будет у вас никакого дела и если других молитв не умеете сказать, то «Господи, помилуй» взывайте беспрестанно втайне, ибо эта молитва всех лучше, — нежели думать безлепицу, ездя.

Всего же более убогих не забывайте, но, насколько можете, по силам кормите и подавайте сироте и вдовицу оправдывайте сами, а не давайте сильным губить человека. Ни правого, ни виновного не убивайте и не повелевайте убить его; если и будет повинен смерти, то не губите никакой христианской души. Говоря что-либо, дурное или хорошее, не клянитесь Богом, не креститесь, ибо нет тебе в этом никакой нужды. Если же вам придется крест целовать братии или кому-либо, то, проверив сердце свое, на чем можете устоять, на том и целуйте, а поцеловав, соблюдайте, чтобы, преступив, не погубить души своей. Епископов, попов и игуменов ⟨чтите⟩, и с любовью принимайте от них благословение, и не устраняйтесь от них, и по силам любите и заботьтесь о них, чтобы получить по их молитве от Бога. Паче же всего гордости не имейте в сердце и в уме, но скажем: смертны мы, сегодня живы, а завтра в гробу; все это, что ты нам дал, не наше, но твое, поручил нам это на немного дней. И в земле ничего не сохраняйте, это нам великий грех. Старых чтите, как отца, а молодых, как братьев. В дому своем не ленитесь, но за всем сами наблюдайте; не полагайтесь на тиуна или на отрока, чтобы не посмеялись приходящие к вам ни над домом вашим, ни над обедом вашим. На войну выйдя, не ленитесь, не полагайтесь на воевод; ни питью, ни еде не предавайтесь, ни спанью; сторожей сами наряживайте, и ночью, расставив стражу со всех сторон, около воинов ложитесь, а вставайте рано; а оружия не снимайте с себя второпях, не оглядевшись по лености, внезапно ведь человек погибает. Лжи остерегайтеся, и пьянства, и блуда, от того ведь душа погибает и тело. Куда бы вы ни держали путь по своим землям, не давайте отрокам причинять вред ни своим, ни чужим, ни селам, ни посевам, чтобы не стали проклинать вас. Куда же пойдете и где остановитесь, напоите и накормите нищего, более же всего чтите гостя, откуда бы к вам ни пришел, простолюдин ли, или знатный, или посол; если не можете почтить его подарком, — то пищей и питьем: ибо они, проходя, прославят человека по всем землям, или добрым, или злым. Больного навестите, покойника проводите, ибо все мы смертны. Не пропустите человека, не поприветствовав его, и доброе слово ему молвите. Жену свою любите, но не давайте им власти над собой. А вот вам и основа всему: страх Божий имейте превыше всего.

Если не будете помнить это, то чаще перечитывайте: и мне не будет стыдно, и вам будет хорошо.

Что умеете хорошего, то не забывайте, а чего не умеете, тому учитесь — как отец мой, дома сидя, знал пять языков, оттого и честь от других стран. Леность ведь всему мать: что кто умеет, то забудет, а чего не умеет, тому не научится. Добро же творя, не ленитесь ни на что хорошее, прежде всего к церкви: пусть не застанет вас солнце в постели. Так поступал отец мой блаженный и все добрые мужи совершенные. На заутрене воздавши Богу хвалу, потом на восходе солнца и увидев солнце, надо с радостью прославить Бога и сказать: «Просвети очи мои, Христе Боже, давший мне свет твой прекрасный». И еще: «Господи, прибавь мне год к году, чтобы впредь, в остальных грехах своих покаявшись, исправил жизнь свою»; так я хвалю Бога и тогда, когда сажусь думать с дружиною, или собираюсь творить суд людям, или ехать на охоту или на сбор дани, или лечь спать. Спанье в полдень назначено Богом; по этому установленью почивают ведь и зверь, и птица, и люди.

А теперь поведаю вам, дети мои, о труде своем, как трудился я в разъездах и на охотах с 13 лет. Сначала я к Ростову пошел сквозь землю вятичей; послал меня отец, а сам он пошел к Курску; и снова вторично ходил я к Смоленску, со Ставком Гордятичем, который затем пошел к Берестью с Изяславом, а меня послал к Смоленску; а из Смоленска пошел во Владимир. Той же зимой послали меня в Берестье братья на пожарище, что поляки пожгли, и там правил я городом утишенным. Затем ходил в Переяславль к отцу, а после Пасхи из Переяславля во Владимир — в Сутейске мир заключить с поляками. Оттуда опять на лето во Владимир.

Затем послал меня Святослав в Польшу: ходил я за Глогов до Чешского леса, и ходил в земле их 4 месяца. И в том же году и сын родился у меня старший, новгородский. А оттуда ходил я в Туров, а на весну в Переяславль и опять в Туров.

И Святослав умер, и я опять пошел в Смоленск, а из Смоленска той же зимой в Новгород: весной — Глебу в помощь. А летом с отцом — под Полоцк, а на другую зиму со Святополком под Полоцк, и выжгли Полоцк; он пошел к Новгороду, а я с половцами на Одреск войною и в Чернигов. И снова пришел я из Смоленска к отцу в Чернигов. И Олег пришел туда, из Владимира выведенный, и я позвал его к себе на обед с отцом в Чернигове, на Красном дворе, и дал отцу 300 гривен золота. И опять из Смоленска же придя, пробился я через половецкие войска с боем до Переяславля и отца застал вернувшегося из похода. Затем ходили мы опять в том же году с отцом и с Изяславом к Чернигову биться с Борисом и победили Бориса и Олега. И опять пошли в Переяславль и стали в Оброве.

И Всеслав Смоленск пожег, и я с черниговцами верхом с поводными конями помчался и не застали... в Смоленске. В том походе за Всеславом пожег землю и повоевал ее до Лукомля и до Логожска, затем на Друцк войною и опять в Чернигов.

А в ту зиму повоевали половцы Стародуб весь, и я, идя с черниговцами и со своими половцами, на Десне взяли в плен князей Асадука и Саука, а

дружину их перебили. И на следующий день за Новым Городом разбили сильное войско Белкатгина, а семечей и пленников всех отняли.

А в Вятичскую землю ходили подряд две зимы на Ходоту и на сына его и к Корьдну ходили первую зиму. И опять ходили мы и за Ростиславичами за Микулин, и не настигли их. И на ту весну — к Ярополку на совет в Броды.

В том же году гнались за Хорол за половцами, которые взяли Горошин.

На ту осень ходили с черниговцами и с половцами — читеевичами к Минску, захватили город и не оставили в нем ни челядина, ни скотины.

В ту зиму ходили к Ярополку на сбор в Броды и дружбу великую заключили.

И на весну посадил меня отец в Переяславле выше всей братии и ходили за Супой. И по пути к Прилуку городу встретили нас внезапно половецкие князья с 8 тысячами, и хотели было с ними сразиться, но оружие было отослано вперед на возах, и мы вошли в город; только семца одного живым захватили да смердов несколько, а наши половцев больше убили и захватили, и половцы, не смея сойти с коней, побежали к Суле в ту же ночь. И на следующий день, на Успение, пошли мы к Белой Веже, Бог нам помог и святая Богородица: перебили 900 половцев и двух князей взяли, Багубарсовых братьев, Осеня и Сакзя, и только два мужа убежали.

И потом на Святославль гнались за половцами, и затем на Торческ город, и потом на Юрьев за половцами. И снова на той же стороне, у Красна, половцев победили, и потом с Ростиславом же у Варина вежи взяли. И затем ходил во Владимир опять, Ярополка там посадил, и Ярополк умер.

И снова, по смерти отца и при Святополке, на Стугне бились мы с половцами до вечера, бились у Халепа, и потом мир сотворили с Тугорканом и с другими князьями половецкими, и у Глебовой чади отняли дружину свою всю.

И потом Олег на меня пришел со всею Половецкою землею к Чернигову, и билась дружина моя с ними 8 дней за малый вал и не дала им войти в острог; пожалел я христианских душ, и сел горящих, и монастырей и сказал: «Пусть не похваляются язычники». И отдал брату отца его стол, а сам пошел на стол отца своего в Переяславль. И вышли мы на святого Бориса день из Чернигова и ехали сквозь полки половецкие, около 100 человек, с детьми и женами. И облизывались на нас половцы точно волки, стоя у перевоза и на горах. Бог и святой Борис не выдали меня им на поживу, невредимы дошли мы до Переяславля.

И сидел я в Переяславле 3 лета и 3 зимы с дружиною своею, и много бед приняли мы от войны и голода. И ходили на воинов их за Римов, и Бог нам помог, перебили их, а других захватили.

И вновь Итлареву чадь перебили, и вежи их взяли, идя за Голтав.

И к Стародубу ходили на Олега, потому что он сдружился с половцами. И на Буг ходили со Святополком на Боняка, за Рось.

И в Смоленск пошли, с Давыдом помирившись. Вновь ходили во второй раз с Вороницы.

Тогда же и торки пришли ко мне с половцами-читеевичами, и ходили мы им навстречу на Сулу.

И потом снова ходили к Ростову на зиму, и 3 зимы ходили к Смоленску. Из Смоленска пошел я в Ростов.

И опять со Святополком гнались за Боняком, но... убили, и не настигли их. И потом за Боняком же гнались за Рось, и снова не настигли его.

И на зиму в Смоленск пошел; из Смоленска после Пасхи вышел; и Юрьева мать умерла.

В Переяславль вернувшись к лету, собрал братьев.

И Боняк пришел со всеми половцами к Кснятину; мы пошли за ними из Переяславля за Сулу, и Бог нам помог, и полки их победили, и князей захватили лучших, и по Рождестве заключили мир с Аепою, и, взяв у него дочь, пошли к Смоленску. И потом пошел к Ростову.

Придя из Ростова, вновь пошел на половцев на Урусобу со Святополком, и Бог нам помог.

И потом опять ходили на Боняка к Лубну, и Бог нам помог.

И потом ходили к Воиню со Святополком, и потом снова на Дон ходили со Святополком и с Давыдом, и Бог нам помог.

И к Вырю пришли было Аепа и Боняк, хотели взять его; к Ромну пошли мы с Олегом и с детьми на них, и они, узнав, убежали.

И потом к Минску ходили на Глеба, который наших людей захватил, и Бог нам помог, и сделали то, что задумали.

И потом ходили к Владимиру на Ярославца, не стерпев злодеяний его.

А из Чернигова в Киев около ста раз ездил к отцу, за один день проезжая, до вечерни. А всего походов было восемьдесят и три великих, а остальных и не упомню меньших. И миров заключил с половецкими князьями без одного двадцать, и при отце и без отца, а раздаривал много скота и много одежды своей. И отпустил из оков лучших князей половецких столько: Шаруканевых двух братьев, Багубарсовых трех, Осеневых братьев четырех, а всего других лучших князей 100. А самих князей Бог живыми в руки давал: Коксусь с сыном, Аклан Бурчевич, таревский князь Азгулуй и иных витязей молодых 15, этих я, приведя живых, иссек и бросил в ту речку Сальню. А врозь перебил их в то время около 200 лучших мужей.

А вот как я трудился, охотясь, пока сидел в Чернигове; а из Чернигова выйдя и до этого года по сту уганивал и брал без трудов, не считая другой охоты, вне Турова, где с отцом охотился на всякого зверя.

А вот что я в Чернигове делал: коней диких своими руками связал я в пущах десять и двадцать, живых коней, помимо того, что, разъезжая по равнине, ловил своими руками тех же коней диких. Два тура метали меня рогами вместе с конем, олень меня один бодал, а из двух лосей один ногами топтал, другой рогами бодал; вепрь у меня на бедре меч оторвал, медведь мне у колена потник укусил, лютый зверь вскочил ко мне на бедра и коня со мною опрокинул. И Бог сохранил меня невредимым. И с коня много падал, голову себе дважды разбивал, и руки и ноги свои повреждал — в юности своей повреждал, не дорожа жизнью своею, не щадя головы своей.

Что надлежало делать отроку моему, то сам делал — на войне и на охотах, ночью и днем, в жару и стужу, не давая себе покоя. На посадников не полагаясь, ни на биричей, сам делал, что было надо; весь распорядок и в доме у себя также сам устанавливал. И у ловчих охотничий распорядок сам устанавливал, и у конюхов, и о соколах, и о ястребах заботился.

Также и бедного смерда, и убогую вдовицу не давал в обиду сильным и за церковным порядком и за службой сам наблюдал.

Не осуждайте меня, дети мои или другой, кто прочтет: не хвалю ведь я ни себя, ни смелости своей, но хвалю Бога и прославляю милость его за то, что он меня, грешного и худого, столько лет оберегал от тех смертных опасностей и не ленивым меня, дурного, создал, на всякие дела человеческие годным. Прочитав эту грамотку, постарайтесь на всякие добрые дела, славя Бога со святыми его. Смерти ведь, дети, не боясь, ни войны, ни зверя, дело исполняйте мужское, как вам Бог пошлет. Ибо, если я от войны, и от зверя, и от воды, и от падения с коня уберегся, то никто из вас не может повредить себя или быть убитым, пока не будет от Бога повелено. А если случится от Бога смерть, то ни отец, ни мать, ни братья не могут вас отнять от нее, но если и хорошее дело — остерегаться самому, то Божие обережение лучше человеческого.

О я, многострадальный и печальный! Много борешься, душа, с сердцем и одолеваешь сердце мое; все мы тленны, и потому помышляю, как бы не предстать перед страшным Судьею, не покаявшись и не помирившись между собою.

Ибо кто молвит: «Бога люблю, а брата своего не люблю», — ложь это. И еще: «Если не простите прегрешений брату, то и вам не простит отец ваш небесный». Пророк говорит: «Не соревнуйся лукавствующим, не завидуй творящим беззаконие». «Что лучше и прекраснее, чем жить братьям вместе!». Но все наущение дьявола! Были ведь войны при умных дедах наших, при добрых и при блаженных отцах наших. Дьявол ведь ссорит нас, ибо не хочет добра роду человеческому. Это я тебе написал, потому что понудил меня сын мой, крещенный тобою, что сидит близко от тебя; прислал он ко мне мужа своего и грамоту, говоря в ней так: «Договоримся и помиримся, а брату моему Божий суд пришел. А мы не будем за него мстителями, но положим то на Бога, когда предстанут перед Богом; а Русскую землю не погубим». И я видел смирение сына моего, сжалился и, Бога устрашившись, сказал: «Он по молодости своей и неразумию так смиряется, на Бога возлагает; я же — человек, грешнее всех людей».

Послушал я сына своего, написал тебе грамоту: примешь ли ты ее по-доброму или с поруганием, то и другое увижу из твоей грамоты. Этими ведь словами я предупредил тебя, чего я ждал от тебя, смирением и покаянием желая от Бога отпущения прошлых своих грехов. Господь наш не человек, но Бог всей вселенной, — что захочет, во мгновение ока все сотворит, — и все же сам претерпел хулу, и оплевание, и удары и на смерть отдал себя, владея жизнью и смертью. А мы что такое, люди грешные и худые? — сегодня живы, а завтра мертвы, сегодня в славе и в чести, а завтра в гробу и забыты, — другие собранное нами разделят.

Посмотри, брат, на отцов наших: что они скопили и на что им одежды? Только и есть у них, что сделали душе своей. С этими словами тебе первому, брат, надлежало послать ко мне и предупредить меня. Когда же убили дитя, мое и твое, перед тобою, следовало бы тебе, увидев кровь его и тело его, увянувшее подобно цветку, впервые распустившемуся, подобно агнцу заколотому, сказать, стоя над ним, вдумавшись в помыслы души своей: «Увы мне, что я сделал! И, воспользовавшись его неразумием, ради неправды света сего суетного нажил я грех себе, а отцу и матери его принес слезы!».

Надо было бы сказать тебе словами Давида: «Знаю, грех мой всегда передо мною». Не из-за пролития крови, а свершив прелюбодеяние, помазанник Божий Давид посыпал главу свою и плакал горько, — в тот час отпустил ему согрешенья его Бог. Богу бы тебе покаяться, а ко мне написать грамоту утешительную да сноху мою послать ко мне, — ибо нет в ней ни зла, ни добра, — чтобы я, обняв ее, оплакал мужа ее и ту свадьбу их,вместо песен: ибо не видел я их первой радости, ни венчания их, за грехи мои. Ради Бога, пусти ее ко мне поскорее с первым послом, чтобы, поплакав с нею, поселил у себя, и села бы она, как горлица на сухом дереве, горюя, а сам бы я утешился в Боге.

Тем ведь путем шли деды и отцы наши: суд от Бога пришел ему, а не от тебя. Если бы тогда ты свою волю сотворил и Муром добыл, а Ростова бы не занимал и послал бы ко мне, то мы бы отсюда и уладились. Но сам рассуди, мне ли было достойно послать к тебе или тебе ко мне? Если бы ты велел сыну моему: «Сошлись с отцом», десять раз я бы послал.

Дивно ли, если муж пал на войне? Умирали так лучшие из предков наших. Но не следовало ему искать чужого и меня в позор и в печаль вводить. Подучили ведь его слуги, чтобы себе что-нибудь добыть, а для него добыли зла. И если начнешь каяться Богу и ко мне будешь добр сердцем, послав посла своего или епископа, то напиши грамоту с правдою, тогда и волость получишь добром, и наше сердце обратишь к себе, и лучше будем, чем прежде: ни враг я тебе, ни мститель. Не хотел ведь я видеть крови твоей у Стародуба; но не дай мне Бог видеть кровь ни от руки твоей, ни от повеления твоего, ни от кого-либо из братьев. Если же я лгу, то Бог мне судья и крест честной! Если же в том состоит грех мой, что на тебя пошел к Чернигову из-за язычников, я в том каюсь, о том я не раз братии своей говорил и еще им поведал, потому что я человек.

Если тебе хорошо, то... если тебе плохо, то вот сидит подле тебя сын твой крестный с малым братом своим и хлеб едят дедовский, а ты сидишь на своем хлебе, об этом и рядись; если же хочешь их убить, то вот они у тебя оба. Ибо не хочу я зла, но добра хочу братии и Русской земле. А что ты хочешь добыть насильем, то мы, заботясь о тебе, давали тебе и в Стародубе отчину твою. Бог свидетель, что мы с братом твоим рядились, если он не сможет рядиться без тебя. И мы не сделали ничего дурного, не сказали: пересылайся с братом до тех пор, пока не уладимся. Если же кто из вас не хочет добра и мира христианам, тому от Бога не видать мира душе своей на том свете!

Не от нужды говорю я это, ни от беды какой-нибудь, посланной Богом, сам поймешь, но душа своя мне дороже всего света сего.

На Страшном суде без обвинителей сам себя обличаю. И прочее.

«Премудрости наставник и смысла податель, неразумным учитель и нищим заступник! Утверди в разуме сердце мое, Владыка! Дай мне дар слова, отче, устам моим не запрещай взывать к тебе: милостивый, помилуй падшего!». «Упование мое — Бог, прибежище мое — Христос, покров мой — Дух Святой!». «Надежда и защита моя, не презри меня, благая! Тебя имею помощницей в печали и в болезни и во всех бедах, и тебя славлю, воспетая! Разумейте и видьте, что я Бог, испытующий сердца и ведающий мысли, обличающий дела, опаляющий грехи, дающий суд сироте, и убогому, и нищему». «Преклонись, душа моя, и о делах своих помысли, содеянных тобою, глазами своими обозри их и каплю испусти слез своих, и поведай открыто все дела свои и мысли Христу, и очистись». Андрей честной, отче преблаженный, пастырь Критский! Не престань молиться за нас, чтущих тебя, да избавимся все от гнева и печали, и тления, и греха, и бед, чтущие память твою верно. Град свой сохрани, Дева, Матерь чистая, который царствует честно под твоим покровительством, пусть он тобой укрепляется и на тебя надеется, побеждает во всех битвах, ниспровергает врагов и заставляет их подчиняться. «О воспетая Матерь, родившая святейшее из святых Слово! Приняв нынешнее приношение, защити нас от всякой напасти и от грядущей муки — к тебе взывающих. Молимся тебе, рабы твои, и преклоняем колена сердца нашего: склони ухо твое, чистая, и спаси нас, вечно в скорбях погруженных, и соблюди от всякого пленения вражеского твой город, Богородица! Пощади, Боже, наследие твое, прегрешения наши все прости, видя, что мы молимся теперь тебе, на земле родившей тебя без семени, земную милость, соблаговолившую воплотиться, Христе, в человека». Пощади меня, Спасе, родившийся и сохранивший родившую тебя нетленною по твоем рождении, когда воссядешь судить дела мои, как безгрешный и милостивый, как Бог и человеколюбец! Дева Пречистая, неискушенная браком, Богом обрадованная, верующим наставление! Спаси меня, погибающего и к сыну твоему вопиющего: «Помилуй меня, Господи, помилуй! Если хочешь судить, не осуждай меня на вечный огонь, не обличай мѐня яростью своею, — молит тебя Дева чистая, родившая тебя, Христе, и множество ангелов и мучеников сонм.

Во имя Христа Иисуса, Господа нашего, которому и подобает честь и слава, Отцу и Сыну и Святому Духу, всегда и ныне и вечно во веки!».

Теперь же хочу поведать, о чем слышал 4 года назад и что рассказал мне Гюрята Рогович новгородец, говоря так: «Послал я отрока своего в Печору, к людям, которые дань дают Новгороду. И пришел отрок мой к ним, а оттуда пошел в землю Югорскую. Югра же — это люди, а язык их непонятен, и соседят они с самоядью в северных странах. Югра же сказала отроку моему: «Дивное мы нашли чудо, о котором не слыхали раньше, а началось это еще три года назад; есть горы, заходят они к заливу морскому, высота у них как до неба, и в горах тех стоит клик великий и говор, и секут гору, стремясь высечься из нее; и в горе той просечено оконце малое, и

оттуда говорят, но не понять языка их, но показывают на железо и машут руками, прося железа; и если кто даст им нож ли или секиру, они взамен дают меха. Путь же до тех гор непроходим из-за пропастей, снега и леса, потому и не всегда доходим до них; идет он и дальше на север». Я же сказал Гюряте: «Это люди, заключенные ⟨в горах⟩ Александром, царем Македонским», как говорит о них Мефодий Патарский: «Александр, царь Македонский, дошел в восточные страны до моря, до так называемого Солнечного места, и увидел там людей нечистых из племени Иафета, и нечистоту их видел: ели они скверну всякую, комаров и мух, кошек, змей, и мертвецов не погребали, но поедали их, и женские выкидыши, и скотов всяких нечистых. Увидев это, Александр убоялся, как бы не размножились они и не осквернили землю, и загнал их в северные страны в горы высокие; и по Божию повелению окружили их горы великие, только не сошлись горы на 12 локтей, и тут воздвиглись ворота медные и помазались сунклитом; и если кто захочет их взять, не сможет, ни огнем не сможет сжечь, ибо свойство сунклита таково: ни огонь его не может спалить, ни железо его не берет. В последние же дни выйдут 8 колен из пустыни Етривской, выйдут и эти скверные народы, что живут в горах северных по велению Божию».

Но мы к предыдущему возвратимся, — о чем ранее говорили. Олег обещал пойти к брату своему Давыду в Смоленск, и прийти с братом своим в Киев, и договор заключить, но не хотел того Олег сделать, а, придя в Смоленск и взяв воинов, пошел к Мурому, а в Муроме был тогда Изяслав Владимирович. Пришла же весть к Изяславу, что Олег идет к Мурому, и послал Изяслав за воинами в Суздаль, и в Ростов, и за белозерцами, и собрал воинов много. И послал Олег послов своих к Изяславу, говоря: «Иди в волость отца своего к Ростову, а это волость отца моего. Хочу же я, сев здесь, договор заключить с отцом твоим. То ведь он меня выгнал из города отца моего. А ты ли мне здесь моего же хлеба не хочешь дать?». И не послушал Изяслав слов тех, надеясь на множество воинов своих. Олег же надеялся на правду свою, ибо прав был в этом, и пошел к городу с воинами. Изяслав же исполчился перед городом в поле. Олег же пошел на него полком, и сошлись обе стороны, и была сеча лютая. И убили Изяслава, сына Владимирова, внука Всеволодова, месяца сентября в 6-й день, прочие же воины его побежали, одни через лес, другие в город. Олег же вошел в город, и приняли его горожане. Изяслава же, взяв, положили в монастыре святого Спаса, и оттуда перенесли его в Новгород, и положили его в церкви святой Софии, на левой стороне. Олег же по взятии города перехватал ростовцев, и белозерцев, и суздальцев, и заковал их, и устремился на Суздаль. И когда пришел в Суздаль, сдались ему суздальцы. Олег же, замирив город, одних похватал, а других изгнал и имущество у них отнял. Пошел к Ростову, и ростовцы сдались ему. И захватил всю землю Муромскую и Ростовскую, и посажал посадников по городам, и дань начал собирать. И послал к нему Мстислав посла своего из Новгорода, говоря: «Иди из Суздаля в Муром, а в чужой волости не сиди. И я с дружиною своей пошлю просить к отцу моему и помирю тебя с отцом моим. Хоть и брата моего убил ты, — неудивительно то: в бою ведь и цари и мужи

погибают». Олег же не пожелал его послушать, но замышлял еще и Новгород захватить. И послал Олег Ярослава, брата своего, в сторо́жу, а сам стал на поле у Ростова. Мстислав же посоветовался с новгородцами, и послали Добрыню Рагуиловича вперед себя в сторо́жу; Добрыня же прежде всего перехватал сборщиков дани. Узнал же Ярослав, стоя на Медведице в сторо́же, что сборщики схвачены, и побежал в ту же ночь, и прибежал к Олегу, и поведал ему, что идет Мстислав, а сторо́жи схвачены, и пошел к Ростову. Мстислав же пришел на Волгу, и поведали ему, что Олег повернул назад к Ростову, и пошел за ним Мстислав. Олег же пришел к Суздалю и, услышав, что идет за ним Мстислав, повелел зажечь Суздаль город, только остался двор монастырский Печерского монастыря и церковь тамошняя святого Дмитрия, которую дал монастырю Ефрем вместе с селами. Олег же побежал к Мурому, а Мстислав пришел в Суздаль и, сев там, стал посылать к Олегу, прося мира: «Я младше тебя, посылай к отцу моему, а дружину, которую захватил, вороти; а я тебе буду во всем послушен». Олег же послал к нему, притворно прося мира; Мстислав же поверил обману и распустил дружину по селам. И настала Федорова неделя поста, и пришла Федорова суббота, и когда Мстислав сидел за обедом, пришла ему весть, что Олег на Клязьме, подошел, не сказавшись, близко. Мстислав, доверившись ему, не расставил сторо́жей, — но Бог знает, как избавлять благочестивых своих от обмана! Олег же расположился на Клязьме, думая, что, испугавшись его, Мстислав побежит. К Мстиславу же собралась дружина в тот день и в другой, новгородцы, и ростовцы, и белозерцы. Мстислав же стал перед городом, исполчив дружину, и не двинулся ни Олег на Мстислава, ни Мстислав на Олега, и стояли друг против друга 4 дня. И пришла к Мстиславу весть, что «послал тебе отец брата Вячеслава с половцами». И пришел Вячеслав в четверг после Федорова воскресенья, в пост. А в пятницу пришел Олег, исполчившись, к городу, и Мстислав пошел против него с новгородцами и ростовцами. И дал Мстислав стяг Владимиров половчанину, именем Кунуй, и дал ему пехотинцев, и поставил его на правом крыле. И Кунуй, заведя пехотинцев, развернул стяг Владимиров, и увидал Олег стяг Владимиров, и испугался, и ужас напал на него и на воинов его. И пошли в бой обе стороны, и пошел Олег против Мстислава, а Ярослав пошел против Вячеслава. Мстислав же перешел через пожарище с новгородцами, и сошли с коней новгородцы, и соступились на реке Ко́локше, и была сеча крепкая, и стал одолевать Мстислав. И увидел Олег, что двинулся стяг Владимиров, и стал заходить в тыл ему, и, убоявшись, бежал Олег, и одолел Мстислав. Олег же прибежал в Муром и затворил Ярослава в Муроме, а сам пошел в Рязань. Мстислав же пришел к Мурому, и сотворил мир с муромцами, и взял своих людей, ростовцев и суздальцев, и пошел к Рязани за Олегом. Олег же выбежал из Рязани, а Мстислав, придя, заключил мир с рязанцами и взял людей своих, которых заточил Олег. И послал к Олегу, говоря: «Не убегай никуда, но пошли к братии своей с мольбою не лишать тебя Русской земли. И я пошлю к отцу просить за тебя». И обещал Олег сделать так. Мстислав же, возвратившись в Суздаль, пошел оттуда в Новгород, в свой

город, по молитвам преподобного епископа Никиты. Это было на исходе 6604 года, индикта 4-го наполовину.

1097 В год 6605. Пришли Святополк, и Владимир, и Давыд Игоревич, и Василько Ростиславич, и Давыд Святославич, и брат его Олег, и собрались на совет в Любече для установления мира, и говорили друг другу: «Зачем губим Русскую землю, сами между собой устраивая распри? А половцы землю нашу несут розно и рады, что между нами идут войны. Да отныне объединимся единым сердцем и будем блюсти Русскую землю, и пусть каждый владеет отчиной своей: Святополк — Киевом, Изяславовой отчиной, Владимир — Всеволодовой, Давыд и Олег и Ярослав — Святославовой, и те, кому Всеволод роздал города: Давыду — Владимир, Ростиславичам же: Володарю — Перемышль, Васильку — Теребовль». И на том целовали крест: «Если отныне кто на кого пойдет, против того будем мы все и крест честной». Сказали все: «Да будет против того крест честной и вся земля Русская». И, попрощавшись, пошли восвояси.

И пришли Святополк с Давыдом в Киев, и рады были люди все, но только дьявол огорчен был их любовью. И влез сатана в сердце некоторым мужам, и стали они наговаривать Давыду Игоревичу, что «Владимир соединился с Васильком на Святополка и на тебя». Давыд же, поверив лживым словам, начал наговаривать ему на Василька: «Кто убил брата твоего Ярополка, а теперь злоумышляет против меня и тебя и соединился с Владимиром? Позаботься же о своей голове». Святополк же сильно смутился и сказал: «Правда это или ложь, не знаю». И сказал Святополк Давыду: «Коли правду говоришь, Бог тебе свидетель; если же от зависти говоришь, Бог тебе судья». Святополк же пожалел брата своего и про себя стал думать, а ну как правда все это? И поверил Давыду, и обманул Давыд Святополка, и начали они думать о Васильке, а Василько этого не знал, и Владимир тоже. И стал Давыд говорить: «Если не схватим Василька, то ни тебе не княжить в Киеве, ни мне во Владимире». И послушался его Святополк. И пришел Василько 4 ноября, и перевезся на Выдобечь, и пошел поклониться к святому Михаилу в монастырь, и ужинал тут, а обоз свой поставил на Рудице; когда же наступил вечер, вернулся в обоз свой. И на другое же утро прислал к нему Святополк, говоря: «Не ходи от имени моих». Василько же отказался, сказав: «Не могу медлить, как бы не случилось дома войны». И прислал к нему Давыд: «Не уходи, брат, не ослушайся брата старшего». И не захотел Василько послушаться. И сказал Давыд Святополку: «Видишь ли — не помнит о тебе, ходя под твоей рукой. Когда же уйдет в свою волость, сам увидишь, что займет все твои города — Туров, Пинск и другие города твои. Тогда помянешь меня. Но призови его теперь, схвати и отдай мне». И послушался его Святополк, и послал за Васильком, говоря: «Если не хочешь остаться до именин моих, то приди сейчас, поприветствуешь меня и посидим все с Давыдом». Василько же обещал прийти, не зная об обмане, который замыслил на него Давыд. Василько же, сев на коня, поехал, и встретил его отрок его, и сказал ему: «Не езди, княже, хотят тебя схватить». И не послушал его, подумав: «Как им меня схватить? Только что целовали крест, говоря: если кто на кого пойдет, то

на того будет крест и все мы». И, подумав так, перекрестился и сказал: «Воля Господня да будет». И приехал с малою дружиной на княжеский двор, и вышел к нему Святополк, и пошли в избу, и пришел Давыд, и сели. И стал говорить Святополк: «Останься на праздник». И сказал Василько: «Не могу остаться, брат: я уже и обозу велел идти вперед». Давыд же сидел как немой. И сказал Святополк: «Позавтракай хоть, брат». И обещал Василько позавтракать. И сказал Святополк: «Посидите вы здесь, а я пойду распоряжусь». И вышел вон, а Давыд с Васильком сидели. И стал Василько говорить с Давыдом, и не было у Давыда ни голоса, ни слуха, ибо был объят ужасом и обман имел в сердце. И, посидев немного, спросил Давыд: «Где брат?». Они же сказали ему: «Стоит на сенях». И, встав, сказал Давыд: «Я пойду за ним, а ты, брат, посиди». И, встав, вышел вон. И как скоро вышел Давыд, заперли Василька, — 5 ноября, — и оковали его двойными оковами, и приставили к нему стражу на ночь. На другое же утро Святополк созвал бояр и киевлян и поведал им, что сказал ему Давыд, что «брата твоего убил, а против тебя соединился с Владимиром и хочет тебя убить и города твои захватить». И сказали бояре и люди: «Тебе, князь, следует заботиться о голове своей; если правду сказал Давыд, пусть понесет Василько наказание; если же неправду сказал Давыд, то пусть сам примет месть от Бога и отвечает перед Богом». И узнали игумены и стали просить за Василька Святополка; и отвечал им Святополк: «Это все Давыд». Узнав же об этом, Давыд начал подговаривать на ослепление: «Если не сделаешь этого, а отпустишь его, то ни тебе ни княжить, ни мне». Святополк хотел отпустить его, но Давыд не хотел, остерегаясь его. И в ту же ночь повезли Василька в Белгород — небольшой город около Киева, верстах в десяти; и привезли его в телеге закованным, высадили из телеги и повели в избу малую. И, сидя там, увидел Василько торчина, точившего нож, и понял, что хотят его ослепить, и возопил к Богу с плачем великим и со стенаньями. И вот вошли посланные Святополком и Давыдом Сновид Изечевич, конюх Святополков, и Дмитр, конюх Давыдов, и начали расстилать ковер, и, разостлав, схватили Василька, и хотели его повалить; и боролись с ним крепко, и не смогли его повалить. И вот влезли другие, и повалили его, и связали его, и, сняв доску с печи, положили на грудь ему. И сели по сторонам доски Сновид Изечевич и Дмитр, и не могли удержать его. И подошли двое других, и сняли другую доску с печи, и сели, и придавили так сильно, что грудь затрещала. И приступил торчин, по имени Берендий, овчарь Святополков, держа нож, и хотел ударить ему в глаз, и, промахнувшись гла́за, перерезал ему лицо, и видна рана та у Василька поныне. И затем ударил его в глаз, и исторг глаз, и потом — в другой глаз, и вынул другой глаз. И был он в то время, как мертвый. И, взяв его на ковре, взвалили его на телегу, как мертвого, повезли во Владимир. И, когда везли его, остановились с ним, перейдя Звижденский мост, на торговище, и стащили с него сорочку, всю окровавленную, и дали попадье постирать. Попадья же, постирав, надела на него, когда те обедали; и стала оплакивать его попадья, как мертвого. И услышал плач, и сказал: «Где я?». И ответили ему: «В Звиждене городе». И попросил воды, они же дали ему, и испил воды, и

вернулась к нему душа его, и опомнился, и пощупал сорочку, и сказал: «Зачем сняли ее с меня? Лучше бы в той сорочке кровавой смерть принял и предстал бы в ней перед Богом». Те же, пообедав, поехали с ним быстро на телеге по неровному пути, ибо был тогда месяц «неровный» — грудень, то есть ноябрь. И прибыли с ним во Владимир на шестой день. Прибыл же и Давыд с ним, точно некий улов уловив. И посадили его во дворе Вакееве, и приставили стеречь его тридцать человек и двух отроков княжих, Улана и Колчка.

Владимир же, услышав, что схвачен был Василько и ослеплен, ужаснулся, заплакал и сказал: «Не бывало еще в Русской земле ни при дедах наших, ни при отцах наших такого зла». И тут тотчас послал к Давыду и Олегу Святославичам, говоря: «Идите в Городец, да поправим зло, случившееся в Русской земле и среди нас, братьев, ибо нож в нас ввержен. И если этого не поправим, то еще большее зло встанет среди нас, и начнет брат брата закалывать, и погибнет земля Русская, и враги наши половцы, придя, возьмут землю Русскую». Услышав это, Давыд и Олег сильно опечалились и плакали, говоря, что «этого не бывало еще в роде нашем». И тотчас, собрав воинов, пришли к Владимиру. Владимир же с воинами стоял тогда в бору. Владимир же, и Давыд, и Олег послали мужей своих к Святополку, говоря: «Зачем ты зло это учинил в Русской земле и вверг нож в нас? Зачем ослепил брата своего? Если бы было у тебя какое обвинение против него, то обличил бы его перед нами, а, доказав его вину, тогда и поступил бы с ним так. А теперь объяви вину его, за которую ты сотворил с ним такое». И сказал Святополк: «Поведал мне Давыд Игоревич: „Василько брата твоего убил, Ярополка, и тебя хочет убить и захватить волость твою, Туров, и Пинск, и Берестье, и Погорину, а целовал крест с Владимиром, что сесть Владимиру в Киеве, а Васильку во Владимире". А мне поневоле нужно свою голову беречь. И не я его ослепил, но Давыд; он и привез его к себе». И сказали мужи Владимировы, и Давыдовы, и Олеговы: «Не отговаривайся, будто Давыд ослепил его. Не в Давыдовом городе схвачен и ослеплен, но в твоем городе взят и ослеплен». И сказав это, разошлись. На следующее утро собрались они перейти через Днепр на Святополка, Святополк же хотел бежать из Киева, и не дали ему киевляне бежать, но послали вдову Всеволодову и митрополита Николу к Владимиру, говоря: «Молим, княже, тебя и братьев твоих, не погубите Русской земли. Ибо если начнете войну между собою, поганые станут радоваться и возьмут землю нашу, которую собрали отцы ваши и деды ваши трудом великим и храбростью, борясь за Русскую землю и другие земли приискивая, а вы хотите погубить землю Русскую». Всеволодова же вдова и митрополит пришли к Владимиру, и молили его, и поведали мольбу киевлян — заключить мир и блюсти землю Русскую и биться с погаными. Услышав это, Владимир расплакался и сказал: «Воистину отцы наши и деды наши соблюли землю Русскую, а мы хотим погубить». И уступил Владимир мольбе княгини, которую почитал как мать, памяти ради отца своего, ибо сильно любил он отца своего и при жизни и по смерти не ослушивался его ни в чем; потому и слушал он ее как мать свою и митрополита также чтил за сан святительский, не ослушался мольбы его.

Владимир был полон любви: любовь имел он и к митрополитам, и к епископам, и к игуменам, особенно же любил монашеский чин и монахинь любил, приходивших к нему кормил и поил, как мать детей своих. Когда видел кого шумным или в каком постыдном положении, не осуждал того, но ко всем относился с любовью и всех утешал. Но вернемся к своему повествованию.

Княгиня же, побывав у Владимира, вернулась в Киев и поведала все сказанное Святополку и киевлянам, что мир будет. И начали слать друг к другу мужей и помирились на том, что сказали Святополку: «Это козни Давыда, так ты иди, Святополк, на Давыда и либо схвати, либо прогони его». Святополк же согласился на это, и целовали крест друг другу, заключив мир.

Когда же Василько был во Владимире, в прежде названном месте, и приближался Великий пост, и я был тогда во Владимире, однажды ночью прислал за мной князь Давыд. И пришел к нему; и сидела около него дружина его, и, посадив меня, сказал мне: «Вот молвил Василько сегодня ночью Улану и Колче, сказал так: „Слышу, что идут Владимир и Святополк на Давыда; если бы Давыд меня послушал, то я бы послал мужей своих к Владимиру с просьбой воротиться, ибо я знаю, что сказать ему, — и он не пойдет дальше". И вот, Василий, посылаю тебя, иди к Васильку, тезке твоему, с этими отроками и молви ему так: „Если хочешь послать мужей своих и если Владимир воротится, дам тебе любой город, который тебе люб, — либо Всеволожь, либо Шеполь, либо Перемышль"». Я же пошел к Васильку и поведал ему все речи Давыда. Он же сказал: «Того я не говорил, но надеюсь на Бога. Пошлю к Владимиру, чтобы не проливали ради меня крови. Но то мне дивно, что дает мне город свой, но мой Теребовль — мое владение и ныне и в будущем», что и сбылось, ибо вскоре он получил владение свое. Мне же сказал: «Иди к Давыду и скажи ему: „Пришли мне Кульмея, да пошлю его к Владимиру"». И не послушал его Давыд, и послал меня опять сказать ему: «Нет тут Кульмея». И сказал мне Василько: «Посиди немного». И повелел слуге своему идти вон, и сел со мною, и стал мне говорить: «Вот слышу, что хочет меня выдать полякам Давыд; мало он насытился моей кровью, — хочет еще больше насытиться, отдав меня им. Ибо я много зла сделал полякам и еще хотел сделать и мстить за Русскую землю. И если он меня выдаст полякам, не боюсь я смерти, но скажу тебе по правде, что Бог на меня послал это за мою гордость: пришла ко мне весть, что идут ко мне берендеи, и печенеги, и торки, и сказал я себе: если у меня будут берендеи, и печенеги, и торки, то скажу брату своему Володарю и Давыду: дайте мне дружину свою младшую, а сами пейте и веселитесь. И подумал: на землю Польскую пойду зимою и летом, и завладею землею Польскою, и отомщу за Русскую землю. И потом хотел захватить болгар дунайских, и посадить их у себя. И затем хотел отпроситься у Святополка и у Владимира идти на половцев — да либо славу себе добуду, либо голову свою сложу за Русскую землю. Других помыслов в сердце моем не было ни на Святополка, ни на Давыда. И вот, клянусь Богом и его пришествием,что не замышлял я зла братии своей ни в чем. Но за мое высокомерие низложил меня Бог и смирил».

Потом же, с приходом Пасхи, пошел Давыд, собираясь захватить Васильковуволость; и встретил его Володарь, брат Васильков, у Божеска. И не посмел Давыд пойти против Василькова брата Володаря, и затворился в Божеске, и Володарь осадил его в городе. И стал Володарь говорить: «Почему, сотворив зло, не каешься в нем? Вспомни же, сколько зла натворил». Давыд же стал обвинять Святополка, говоря: «Разве я это сделал, разве в моем это было городе? Я сам боялся, чтобы и меня не схватили и не поступили со мной так же. Поневоле пришлось мне пристать к заговору и подчиниться». И сказал Володарь: «Бог свидетель тому, а нынче отпусти брата моего, и сотворю с тобою мир». И, обрадовавшись, послал Давыд за Васильком, и, приведя его, выдал Володарю, и был заключен мир, и разошлись. И сел Василько в Теребовле, а Давыд пришел во Владимир. И когда настала весна, пришли Володарь и Василько на Давыда и подошли ко Всеволожю, а Давыд затворился во Владимире. Стали они около Всеволожя, и взяли город приступом, и запалили его огнем, и побежали люди от огня. И повелел Василько иссечь их всех, и сотворил мщение над людьми неповинными, и пролил кровь невинную. Затем же пришли к Владимиру, и затворился Давыд во Владимире, а те обступили город. И послали к владимирцам, говоря: «Мы не пришли на город ваш, ни на вас, но на врагов своих, на Туряка, и на Лазаря, и на Василя, ибо они подговорили Давыда, и их послушал Давыд и сотворил это злодейство. А если хотите за них биться, то мы готовы, либо выдайте врагов наших». Горожане же, услышав это, созвали вече, и сказали Давыду люди: «Выдай мужей этих, не будем биться из-за них, а за тебя биться можем. Иначе отворим ворота города, а ты сам позаботься о себе». И поневоле пришлось выдать их. И сказал Давыд: «Нет их здесь»; ибо он послал их в Луцк. Когда же они отправились в Луцк, Туряк бежал в Киев, а Лазарь и Василь воротились в Турийск. И услышали люди, что те в Турийске, кликнули люди на Давыда и сказали: «Выдай, кого от тебя хотят! Иначе сдадимся». Давыд же, послав, привел Василя и Лазаря и выдал их. И заключили мир в воскресенье. А на другое утро, на рассвете, повесили Василя и Лазаря, и расстреляли их стрелами Васильковичи, и пошли от города. Это второе отмщение сотворил он, которого не следовало сотворить, чтобы Бог был только мстителем, и надо было возложить на Бога отмщение свое, как сказал пророк: «И воздам месть врагам и ненавидящим меня воздам, ибо за кровь сынов своих мстит Бог и воздает отмщение врагам и ненавидящим его». Когда же те ушли из города, сняли тела их и погребли.

Святополк же, обещав прогнать Давыда, пошел к Берестью к полякам. Услышав об этом, Давыд пошел в Польшу к Владиславу, ища помощи. Поляки же обещали ему помогать и взяли у него золота 50 гривен, сказав ему: «Пойди с нами к Берестью, ибо зовет нас Святополк на совет, и там помирим тебя со Святополком». И, послушав их, Давыд пошел к Берестью с Владиславом. И стал Святополк в городе, а поляки на Буге, и стал переговариваться Святополк с поляками, и дал дары великие за Давыда. И сказал Владислав Давыду: «Не послушает меня Святополк, иди назад». И пошел Давыд во Владимир, и Святополк, посоветовавшись с поляками,

пошел к Пинску, послав за воинами. И пришел в Дорогобуж, и дождался там своих воинов, и пошел на Давыда к городу, и Давыд затворился в городе, надеясь на помощь от поляков, ибо сказали ему, что «если придут на тебя русские князья, то мы тебе будем помощниками»; и солгали ему, взяв золото и у Давыда и у Святополка. Святополк же осадил город, и стоял Святополк около города 7 недель; и стал Давыд проситься: «Пусти меня из города». Святополк же обещал ему, и целовали они крест друг другу, и вышел Давыд из города, и пришел в Червен; а Святополк вошел во Владимир в великую субботу, а Давыд бежал в Польшу.

Святополк же, прогнав Давыда, стал умышлять на Володаря и Василька, говоря, что «это волость отца моего и брата»; и пошел на них. Услышав это, Володарь и Василько пошли против него, взяв крест, который он целовал им на том, что «на Давыда пришел я, а с вами хочу иметь мир и любовь». И преступил Святополк крест, надеясь на множество своих воинов. И встретились в поле на Рожни, исполчились обе стороны, и Василько поднял крест, сказав: «Его ты целовал, вот сперва отнял ты зрение у глаз моих, а теперь хочешь взять душу мою. Да будет между нами крест этот!». И двинулись друг на друга в бой, и сошлись полки, и многие люди благоверные видели крест, высоко поднятый над Васильковыми воинами. Во время великого сражения, когда многие падали из обоих войск, Святополк, увидев, какой идет лютый бой, побежал и прибежал во Владимир. Володарь же и Василько, победив, остались стоять тут же, говоря: «Надлежит нам на своем рубеже стать», и не пошли никуда. Святополк же прибежал во Владимир, и с ним два его сына, и Ярополчича два, и Святоша, сын Давыда Святославича, и прочая дружина. Святополк же посадил во Владимире сына своего Мстислава, который был у него от наложницы, а Ярослава послал в Венгрию, приглашая венгров на Володаря, а сам пошел к Киеву. Ярослав же, сын Святополка, пришел с венграми, и король Коломан, и два епископа, и стали около Перемышля по Вагру, а Володарь затворился в городе. Ибо Давыд в то время вернулся из Польши и посадил жену свою у Володаря, а сам пошел в Половецкую землю. И встретил его Боняк, и воротился Давыд, и пошли на венгров. Когда же они шли, остановились на ночлег; и когда наступила полночь, встал Боняк, отъехал от воинов и стал выть по-волчьи, и волк ответил воем на вой его, и завыло множество волков. Боняк же, вернувшись, поведал Давыду, что «победа у нас будет над венграми завтра». И наутро Боняк исполчил воинов своих, и было у Давыда воинов 100, а у самого 300; и разделил их на 3 полка и пошел на венгров. И пустил Алтунопу нападать с 50 людьми, а Давыда поставил под стягом, а своих воинов разделил на две части, по 50 человек на каждой стороне. Венгры же построились в несколько рядов, ибо было их 100 тысяч. Алтунопа же, подскакав к первому ряду и пустив стрелы, бежал от венгров, венгры же погнались за ним. На бегу они промчались мимо Боняка, и Боняк погнался за ними, рубя их с тыла, а Алтунопа возвратился обратно, и не пропустили венгров назад и так, во множестве избивая их, сбили их в мяч. Боняк же разделил своих на три полка, и сбили венгров в мяч, как сокол сбивает галок. И побежали венгры, и многие

утонули в Вагре, а другие в Сане. И бежали они вдоль Сана на гору, и спихивали друг друга, и гнались за ними два дня, рубя их. Тут же убили и епископа их Купана и из бояр многих, говорили ведь, что погибло их 40 тысяч.

Ярослав же бежал в Польшу и пришел в Берестье, а Давыд, захватив Сутейск и Червен, пришел внезапно и захватил владимирцев, а Мстислав затворился в городе с засадою из берестьян, пинчан, выгошевцев. И стал Давыд, обступив город, и делал частые приступы. Однажды подступили к городу под башни, те же бились с городских стен, и была стрельба между ними, и летели стрелы, как дождь. Мстислав же, собираясь выстрелить, внезапно был ранен под пазуху стрелой, стоя на забралах стены, в скважину между досок, и свели его вниз, и в ту же ночь умер. И скрывали это три дня, а на четвертый день поведали на вече. И сказали люди: «Вот, князь убит; и если сдадимся, Святополк погубит нас всех». И послали к Святополку, говоря: «Вот, сын твой убит, а мы изнемогаем от голода. Если не придешь, люди хотят сдаться, не могут стерпеть голода». Святополк же послал Путяту, воеводу своего. Путята же с воинами пришел в Луцк к Святоше, сыну Давыдову, и там были мужи Давыдовы у Святоши, ибо поклялся Святоша Давыду: «Если пойдет на тебя Святополк, то поведаю тебе». И не сотворил того Святоша, но похватал мужей Давыдовых, а сам пошел на Давыда. И пришли Святоша и Путята, августа в 5-й день, в полдень, когда Давыдовы воины окружали город, а Давыд спал; и напали на них, и начали рубить. И горожане выскочили из города и тоже стали рубить воинов Давыдовых, и побежали Давыд и Мстислав, племянник его. Святоша же и Путята взяли город и посадили посадника Святополкова Василя. И пришел Святоша в Луцк, а Путята в Киев. Давыд побежал в Половецкую землю, и встретил его Боняк. И пошли Давыд и Боняк на Святошу к Луцку, и осадили Святошу в городе, и сотворили мир. И вышел Святоша из города, и пришел к отцу своему в Чернигов. А Давыд захватил Луцк и оттуда пришел во Владимир, посадник же Василь выбежал, а Давыд захватил Владимир и сел в нем. А на второй год Святополк, Владимир, Давыд и Олег приманили Давыда Игоревича и не дали ему Владимира, но дали ему Дорогобуж, где он и умер. А Святополк перехватил себе Владимир и посадил в нем сына своего Ярослава.

1098 В год 6606. Пришли Владимир, и Давыд, и Олег на Святополка, и стали у Городца, и сотворили мир, как я сказал уже под предыдущим годом.

1099 В год 6607. Вышел Святополк на Давыда к Владимиру и прогнал Давыда в Польшу. В этот же год побиты были венгры у Перемышля. В тот же год убит Мстислав, сын Святополков, во Владимире, месяца июня в 12-й день.

1100 В год 6608. Вышел Мстислав от Давыда на море, месяца июня в 10-й день. В тот же год братья сотворили мир между собою, Святополк, Владимир, Давыд, Олег в Уветичах, месяца августа в 10-й день. Того же месяца в 30-й день в том же месте собрались на совет все братья — Святополк, Владимир, Давыд, Олег, — и пришел к ним Игоревич Давыд, и сказал им: «Зачем призвали меня? Вот я. У кого на меня обида?». И ответил ему Владимир: «Ты сам прислал к нам: „Хочу, братья, прийти

к вам и пожаловаться на свои обиды". Вот ты и пришел и сидишь с братьями своими на одном ковре — почему же не жалуешься? На кого из нас у тебя жалоба?». И не отвечал Давыд ничего. И стали братья на конях; и стал Святополк со своей дружиной, а Давыд и Олег каждый со своею отдельно. А Давыд Игоревич сидел в стороне, и не подпустили они его к себе, но особо совещались о Давыде. И, порешив, послали к Давыду мужей своих, Святополк Путяту, Владимир Орогостя и Ратибора, Давыд и Олег Торчина. Посланные же пришли к Давыду и сказали ему: «Так говорят тебе братья: „Не хотим тебе дать стола Владимирского, ибо вверг ты нож в нас, чего не бывало еще в Русской земле. И мы тебя не схватим и никакого зла тебе не сделаем, но вот что даем тебе — отправляйся и садись в Божском остроге, а Дубен и Чарторыйск дает тебе Святополк, а Владимир дает тебе 200 гривен, и Давыд с Олегом 200 гривен"». И тогда послали послов своих к Володарю и Васильку: «Возьми брата своего Василька к себе, и будет вам одна волость, Перемышль. И если то вам любо, то сидите там оба, если же нет, то отпусти Василька сюда, мы его прокормим здесь. А холопов наших выдайте и смердов». И не послушались этого ни Володарь, ни Василько. А Давыд сел в Божске, и затем дал Святополк Давыду Дорогобуж, где он и умер, а город Владимир отдал сыну своему Ярославу.

В год 6609. Преставился Всеслав, полоцкий князь, месяца апреля в 14-й *1101*
день, в 9 часов дня, в среду. В тот же год поднял войну Ярослав Ярополчич в Берестье, и пошел на него Святополк, и застал его в городе, и схватил его, и заковал, и привел его в Киев. И просили за него митрополит и игумены, и умолили Святополка, и взяли с него клятву у гроба святых Бориса и Глеба, и сняли с него оковы, и пустили его. В том же году собрались на Золотче все братья: Святополк, Владимир, и Давыд, и Олег, Ярослав, брат их. И прислали половцы послов от всех князей ко всем братьям, прося мира. И сказали им русские князья: «Если хотите мира, соберемся у Сакова». И послали за половцами, и собрались на совет у Сакова, и сотворили мир с половцами, и обменялись заложниками, месяца сентября в 15-й день, и разошлись в разные стороны.

В год 6610. Выбежал Ярослав Ярополчич из Киева, месяца октября в *1102*
1-й день. Того же месяца на исходе обманул Ярослав Святополчич Ярослава Ярополчича, схватил его на Нуре и привел его к отцу Святополку, и оковали его. В том же году, месяца декабря в 20-й день, пришел Мстислав, сын Владимира, с новгородцами, ибо Святополк с Владимиром имел договор, что Новгороду быть за Святополком и посадить там сына своего, а Владимиру посадить сына своего во Владимире. И пришел Мстислав в Киев, и сели совещаться в избе, и сказали мужи Владимировы: «Вот прислал Владимир сына своего, а вот сидят новгородцы, пусть возьмут сына твоего и идут в Новгород, а Мстислав пусть идет во Владимир». И сказали новгородцы Святополку: «Вот мы, княже, присланы к тебе, и сказали нам так: „Не хотим ни Святополка, ни сына его. Если же две головы имеет сын твой, то пошли его; а этого дал нам Всеволод, сами вскормили себе князя, а ты ушел от нас"». И Святополк много спорил с ними, но они не захотели и, взяв Мстислава, пришли в Новгород. В тот же год было знаменье в небе,

месяца января в 29-й день, и было три дня, стояло точно зарево пожара с востока, и юга, и запада, и севера, и был такой свет всю ночь, как от полной светящейся луны. В тот же год было знаменье в луне, месяца февраля в 5-й день. Того же месяца в 7-й день было знаменье в солнце: огородилось солнце тремя дугами, и были другие дуги, хребтами одна к другой. И, видя эти знамения, благоверные люди с воздыханием молились Богу и со слезами, чтобы Бог обратил эти знамения к добру: знамения ведь бывают одни к злу, другие же к добру. На следующий год вложил Бог мысль добрую русским князьям: задумали дерзнуть на половцев, пойти в землю их, что и сделали, как скажем после, под следующим годом. В этот же год преставился Ярослав Ярополчич, месяца августа в 11-й день. В тот же год повели дочь Святополка Сбыславу в Польшу за Болеслава, месяца ноября в 16-й день.

1103 В год 6611. Вложил Бог в сердце князьям русским, Святополку и Владимиру, и собрались на совет в Долобске. И сел Святополк с дружиною своею, а Владимир со своею в одном шатре. И стала совещаться дружина Святополкова и говорить, что «не годится ныне, весной, идти, погубим смердов и пашню их». И сказал Владимир: «Дивно мне, дружина, что лошадей жалеете, которыми пашут; а почему не подумаете о том, что вот начнет пахать смерд и, приехав, половчанин застрелит его стрелою, а лошадь его заберет, а в село его приехав, возьмет жену его, и детей его, и все его имущество? Лошади вам жаль, а самого не жаль ли?». И ничего не смогла ответить дружина Святополка. И сказал Святополк: «Вот я готов уже». И встал Святополк, и сказал ему Владимир: «Это ты, брат, великое добро сотворишь земле Русской». И послали к Олегу и Давыду, говоря: «Пойдите на половцев, да будем либо живы, либо мертвы». И послушал Давыд, а Олег не захотел того, сказав причину: «Нездоров». Владимир же, попрощавшись с братом своим, пошел в Переяславль, а Святополк за ним, и Давыд Святославич, и Давыд Всеславич, и Мстислав, Игорев внук, Вячеслав Ярополчич, Ярополк Владимирович. И пошли на конях и в ладьях, и пришли пониже порогов, и стали в порогах у острова Хортицы. И сели на коней, а пехотинцы, выйдя из ладей, шли полем 4 дня и пришли на Сутень. Половцы же, услышав, что идет русь, собрались в бесчисленном множестве и стали совещаться. И сказал Урусоба: «Попросим мира у руси, так как крепко они будут биться с нами, ибо много зла сотворили мы Русской земле». И сказали Урусобе молодые: «Ты боишься руси, но мы не боимся. Перебив этих, пойдем в землю их и завладеем городами их, и кто избавит их от нас?». Русские же князья и воины все молились Богу и обеты давали Богу и матери его, кто кутьею, кто милостынею убогим, другие же пожертвованиями в монастыри. И когда они так молились, пришли половцы и послали перед собою в сторóжах Алтунопу, который славился у них мужеством. Так же и русские князья послали сторóжей своих. И подстерегли русские сторóжа Алтунопу, и, обступив его, убили Алтунопу и тех, кто был с ним, и ни один не спасся, но всех перебили. И пошли полки, как лес, и не окинуть их было взором, и русь пошла против них. И великий Бог вложил ужас великий в половцев, и страх напал на них и трепет перед лицом русских воинов, и оцепенели сами, и у коней их не было быстроты в ногах. Наши

же с весельем на конях и пешие пошли к ним. Половцы же, увидев, как устремились на них русские, не дойдя, побежали перед русскими полками. Наши же погнались, рубя их. В день 4-го апреля свершил Бог великое спасение, а на врагов наших дал нам победу великую. И убили тут в бою 20 князей: Урусобу, Кчия, Арсланапу, Китанопу, Кумана, Асупа, Куртка, Ченегрепу, Сурьбаря и прочих князей их, а Белдюзя захватили. После того сели братья совещаться, победив врагов своих, и привели Белдюзя к Святополку, и стал Белдюзь предлагать за себя золото, и серебро, и коней, и скот. Святополк же послал его к Владимиру. И когда он пришел, начал спрашивать его Владимир: «Знай, это ⟨нарушенная⟩ клятва захватила вас! Ибо сколько раз, дав клятву, вы все-таки воевали Русскую землю? Почему не учил ты сыновей своих и род свой не нарушать клятвы, но проливали кровь христианскую? Да будет кровь твоя на голове твоей!». И повелел убить его, и так разрубили его на части. И затем собрались братья все, и сказал Владимир: «Вот день, который даровал Господь, возрадуемся и возвеселимся в этот день, ибо Бог избавил нас от врагов наших, и покорил врагов наших, и „сокрушил головы змеиные и передал достояние их людям" русским». Ибо взяли тогда скот, и овец, и коней, и верблюдов, и вежи с добычей и с челядью, и захватили печенегов и торков с вежами. И вернулись на Русь с полоном великим, и со славою, и с победою великою. В том же году пришла саранча, августа в 1-й день. Того же месяца в 18-й день пошел Святополк и срубил город Юрьев, который сожгли половцы. В том же году бился Ярослав с мордвою, месяца марта в 4-й день, и побежден был Ярослав.

В год 6612. Повели дочь Володареву за царевича Алексеевича, в *1104*
Царьград, месяца июля в 20-й день. В том же году повели Предславу, дочь Святополка, в Венгрию за королевича, августа в 21-й день. В том же году пришел митрополит Никифор на Русь, месяца декабря в 6-й день. Того же месяца в 13-й день преставился Вячеслав Ярополчич. В том же месяце, в 18-й день, Никифор митрополит посажен на столе. Расскажем же и это: на исходе того же года послал Святополк Путяту на Минск, а Владимир — сына своего Ярополка, а Олег сам пошел на Глеба, взяв Давыда Всеславича; и, ничего не добившись, возвратились. И родился у Святополка сын, и нарекли имя ему Брячислав. В тот же год было знаменье: стояло солнце в круге, а посредине круга крест, и посредине креста солнце, а вне круга по обе стороны два солнца, а над солнцем вне круга дуга, рогами на север; такое же знаменье было и в луне, такого же вида, месяца февраля в 4-й, 5-й и 6-й день, днем три дня, а ночью, в луне, три ночи.

В год 6613. Поставил митрополит епископом Амфилохия во Владимир, *1105*
месяца августа в 27-й день. В том же году поставил Лазаря в Переяславле, ноября в 12-й день. В том же году поставил Мину в Полоцке, декабря в 13-й день.

В год 6614. Воевали половцы около Зареческа, и послал на них *1106*
Святополк Яня и Ивана Захарьича, козарина, и прогнали половцев, и полон отняли. В тот же год преставился Янь, старец добрый, прожив девяносто лет, в старости маститой; жил по закону Божию, не хуже был первых

праведников. От него же и я много рассказов слышал, которые и записал в летописанье этом, от него услышав. Был он муж благ, и кроток, и смирен, избегая всякого зла; гроб его находится в Печерском монастыре, в притворе, там лежит тело его, положенное месяца июня в 24-й день. В тот же год постриглась Евпраксия, Всеволодова дочь, месяца декабря в 6-й день. В тот же год прибежал Збигнев к Святополку. В тот же год постригся Святослав, сын Давыдов, внук Святославов, месяца февраля в 17-й день. В тот же год победила зимигола Всеславичей, всех братьев, и дружины их перебила 9 тысяч.

1107 В год 6615, индикта, круга луны 4-й год, а солнечного круга 8-й год. В этот же год преставилась жена Владимирова месяца мая в 7-й день. В том же месяце воевал Боняк и захватил коней у Переяславля. В том же году пришли Боняк, и Шарукан старый, и другие князья многие и стали около Лубна. Святополк же, и Владимир, и Олег, Святослав, Мстислав, Вячеслав, Ярополк пошли на половцев к Лубну, и в шестом часу дня перешли вброд через Сулу, и кликнули на них. Половцы же ужаснулись, со страху не могли и стяга поставить и бежали, похватав коней, а иные бежали пешие. Наши же стали рубить, гоня их, а других руками хватать, и гнали чуть не до Хорола. Убили же Таза, Бонякова брата, а Сугра захватили и брата его, а Шарукан едва убежал. Покинули половцы и обоз свой, который взяли русские воины месяца августа в 12-й день, и вернулись русские восвояси с победой великой. Святополк же пришел в Печерский монастырь на заутреню на Успенье святой Богородицы, и братия приветствовала его с радостью великою, говоря, что враги наши побеждены были молитвами святой Богородицы и святого отца нашего Феодосия. Такое обыкновение имел Святополк: когда шел на войну или куда-нибудь, то сперва поклонившись гробу Феодосиеву и молитву взяв у игумена печерского, только тогда уже отправлялся в путь свой. В тот же год преставилась княгиня, мать Святополка, месяца января в 4-й день. В том же году, в том же месяце, пошел Владимир, и Давыд, и Олег к Аепе и ко другому Аепе и сотворили мир. И взял Владимир за Юрия Аепину дочь, Осеневу внучку, а Олег взял за сына Аепину дочь, Гиргеневу внучку, месяца января в 12-й день. А февраля 5-го тряслася земля ночью перед рассветом.

1108 В год 6616. Заложена была церковь святого Михаила, Златоверхая, Святополком князем, 11 июля. И закончили трапезницу Печерского монастыря при Феоктисте игумене, который ее и заложил по повелению Глеба на его пожертвования. В тот же год вода была велика в Днепре, и в Десне, и в Припяти. В том же году вложил Бог в сердце Феоктисту, игумену Печерскому, и стал говорить князю Святополку, чтобы вписал Феодосия в синодик. И тот, обрадовавшись, обещал и исполнил, повелел митрополиту вписать его в синодик. И повелел вписывать его по всем епископиям, и все епископы с радостью вписали, и повелел поминать его на всех соборах. В тот же год преставилась Екатерина, дочь Всеволода, месяца июля в 11-й день. В тот же год кончили верх святой Богородицы на Клове, заложенной Стефаном, игуменом печерским.

1109 В год 6617. Преставилась Евпраксия, дочь Всеволода, месяца июля в 10-й день, и положена была в Печерском монастыре у дверей, которые к

югу. И сделали над ней божницу, там, где лежит тело ее. В тот же год месяца декабря во 2-й день Дмитр Иворович захватил вежи половецкие у Дона.

В год 6618. По весне ходили на половцев Святополк, и Владимир, и Давыд. И, дойдя до Воиня, воротились. В тот же год было знаменье в Печерском монастыре в 11-й день февраля месяца: явился столп огненный от земли до неба, а молния осветила всю землю, и в небе прогремело в первый час ночи, и все люди видели это. Этот же столп сперва стал над трапезницей каменной, так что не видно было креста, и, постояв немного, перешел на церковь, и стал над гробом Феодосиевым, и потом перешел на верх церкви, как бы к востоку лицом, а потом стал невидим. Но то был не огненный столп, а явление ангельское: ибо ангел так является — иногда столпом огненным, иногда пламенем. Как сказал Давид: «Обращая ангелов своих в духов и слуг своих в огонь палящий», посылает их повелением Божьим, куда хочет Владыка и Творец всех. Ангел же приходит туда, где есть благие места и молитвенные дома, и тут лишь едва являет свой вид, чтобы можно было людям увидеть его; ибо людям невозможно видеть естество ангельское, как и Моисей великий не смог видеть ангельского естества: ибо водил его днем столп облачный, а ночью столп огненный, но это не столп водил их, но ангел шел перед ними ночью и днем. Так и это предсказывало некоторое явление, которому предстояло быть и которое сбылось на второй год, ибо не этот ли ангел был вождем на иноплеменников и супостатов, как сказано: «Ангел тебе предшествует», и еще: «Ангел твой да будет с тобой». *1110*

Игумен Сильвестр святого Михаила написал книгу эту, летописец, надеясь от Бога милость получить, при князе Владимире, когда княжил он в Киеве, а я в то время игуменствовал у святого Михаила в 6624 (1116) году, индикта в 9-й год. А кто читает книги эти — помолись за меня.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ПО ИПАТЬЕВСКОЙ ЛЕТОПИСИ

Как пророк Давид говорит: «Ангелам своим заповедал сохранить тебя». Как пишет и премудрый Епифаний: «Ко всякой твари ангел приставлен; ангел приставлен к облакам, и туманам, и к снегу, и к граду, и к морозу, ангел звукам и грому, ангел зимы и зноя, и осени, и весны, и лета, ангел ко всякой одушевленной твари на земле, и тайной бездны, и тем, кто скрыт под землей и исходятся в преисподней тьме, и всему, кто в безднах, а в древности бездны были над землей, от чего происходят тьма, вечер и ночь, и свет, и день». Ко всем тварям ангелы приставлены; также ангел приставлен к каждой стране, чтобы хранил каждую страну, даже если она и языческая. Если Божий гнев обратится на какую-либо страну и Бог повелит ангелу тому пойти войной на ту страну, то ангел той страны не воспротивится повеленью Божию. Так вот и теперь было, и на нас навел Бог, грех наших ради, язычников иноплеменников, и побеждали они нас по повелению Божию: ибо были они водимы ангелом, по повелению Божию. Если же кто

скажет, что нет у поганых ангела, пусть знает, что Александр Македонский, ополчившись на Дария и двинувшись на него в поход и победив землю всю от востока и до запада, побил землю Египетскую, и убил Арама, и пришел на острова морские, затем повернул на Иерусалим, чтобы взять его и победить евреев, потому что они были в мире с Дарием. И пошел он со всеми воинами своими, и расположился станом, и отдыхал. И приспела ночь, и лежал на ложе своем среди шатра, открыл глаза и увидел мужа, стоящего над ним, и меч обнаженный в руке его, и вид меча его был точно молния. И замахнулся он мечом своим на голову цареву. И в великий ужас пришел царь и сказал: «Не убивай меня». И сказал ему ангел: «Послал меня Бог приводить под твою власть царей великих и множество людей, и хожу я впереди тебя, помогая тебе. А теперь знай, что умрешь, потому что замыслил войти в Иерусалим, зло причинить иереям Божиим и людям его». И сказал царь: «Молю тебя, о Господи, отпусти ныне грех этот раба Твоего. Если не угодно тебе, я вернусь домой». И сказал ангел: «Не бойся, продолжай путь свой к Иерусалиму, и увидишь тут в Иерусалиме мужа в облике моем, и тотчас же пади ниц в земном поклоне перед мужем тем, и все, что он скажет тебе, исполни. Не ослушайся приказаний его. И в тот день, что ослушаешься его, умрешь». И встал царь, и пошел в Иерусалим и, придя туда, спросил евреев: «Идти ли мне на Дария?». И показали они ему книги Даниила пророка, и сказали ему: «Ты козел, а он баран, и разоришь ты, и возьмешь царство его». Так вот, не ангел ли водил Александра, не язычники ли победили и все еллины кумиро-служители? Так и эти язычники попущены на нас по грехам нашим. Да будет ведомо, что у христиан не один ангел, но столько, сколько их крестились, а уж тем более у всякого благоверного князя есть ангел; но не могут они противиться Божию повелению, но молят Бога прилежно за христианских людей. Так оно и было: молитвами святой Богородицы и святых ангелов смилостивился Бог и послал ангелов в помощь русским князьям против язычников. Как сказал Бог Моисею: «Это ангел мой будет предшествовать тебе». Как сказали мы выше, Знаменье это было февраля в 11-й день на исходе этого восемнадцатого года.

1111 В год 6619. Вложил Бог Владимиру мысль в сердце понудить брата его Святополка пойти на язычников весною. Святополк же поведал дружине своей речь Владимира. Дружина же сказала: «Не время теперь губить смердов, оторвав их от пашни». И послал Святополк к Владимиру, говоря: «Нам бы следовало съехаться и подумать о том с дружиной». Посланцы же пришли к Владимиру и передали слова Святополка. И пришел Владимир, и собрались на Долобске. И сели думать в одном шатре Святополк с своею дружиною, а Владимир со своею. И после молчания сказал Владимир: «Брат, ты старше меня, говори первый, как бы нам позаботиться о Русской земле». И сказал Святополк: «Брат, уж ты начни». И сказал Владимир: «Как я могу говорить, а против меня станет говорить твоя дружина и моя, что он хочет погубить смердов и пашню смердов. Но то мне удивительно, брат, что смердов жалеете и их коней, а не подумаете о том, что вот весной начнет смерд этот пахать на лошади той, а половчин, приехав, ударит смерда стрелой и заберет лошадь ту и жену его, и гумно его подожжет. Об этом-то

почему не подумаете?». И сказала вся дружина: «Впрямь, воистину так оно и есть». И сказал Святополк: «Теперь, брат, я готов (идти на половцев) с тобою». И послали к Давыду Святославичу, веля ему выступать с ними. И поднялись со своих мест Владимир и Святополк и попрощались, и пошли на половцев Святополк с сыном своим Ярославом, и Владимир с сыновьями, и Давыд с сыном. И пошли, возложив надежду на Бога и на пречистую Матерь его, и на святых ангелов его. И выступили в поход во второе воскресенье Великого поста, а в пятницу были на Суле. В субботу они достигли Хорола, и тут сани побросали. А в то воскресенье пошли, когда крест целуют. Пришли на Псел, и оттуда перешли и стали на Голте. Тут подождали воинов, и оттуда двинулись на Ворсклу и там на другой день, в среду, крест целовали, и возложили всю надежду свою на крест, проливая обильные слезы. И оттуда прошли через много рек в шестую неделю поста. И прошли к Дону во вторник. И оделись в броню, и построили полки, и пошли к городу Шаруканю. И князь Владимир, едучи перед войском, приказал попам петь тропари и кондаки креста честного, и канон святой Богородицы. И поехали они к городу вечером, и в воскресенье вышли горожане из города к князьям русским с поклоном, и вынесли рыбы и вино. И переспали там ночь. И на другой день, в среду, пошли к Сугрову и подожгли его, а в четверг пошли на Дон; в пятницу же, на другой день, 24 марта собрались половцы, построили полки свои и пошли в бой. Князья же наши возложили надежду свою на Бога и сказали: «Здесь нам смерть, да станем твердо». И прощались друг с другом и, обратив очи к небу, призывали Бога вышнего. И когда сошлись обе стороны и была битва жестокая, Бог вышний обратил взор свой на иноплеменников с гневом, и стали они падать перед христианами. И так побеждены были иноплеменники, и пало множество врагов, наших супостатов, перед русскими князьями и воинами на потоке Дегея. И помог Бог русским князьям. И воздали они хвалу Богу в тот день. И наутро, в субботу, праздновали Лазарево воскресенье, Благовещенья день, и, воздав хвалу Богу, проводили субботу, и воскресенья дождались. В понедельник же страстной недели вновь иноплеменники собрали многое множество полков своих и выступили, точно великий лес, тысячами тысяч. И обложили полки русские. И послал Господь Бог ангела в помощь русским князьям. И двинулись половецкие полки и полки русские, и сразились полк с полком, и, точно гром, раздался треск сразившихся рядов. И битва лютая завязалась между ними, и падали люди с обеих сторон. И стали наступать Владимир с полками своими и Давыд, и, видя это, обратились половцы в бегство. И падали половцы перед полком Владимировым, невидимо убиваемые ангелом, что видели многие люди, и головы летели на землю, невидимо отрубаемые. И побили их в понедельник страстной месяца марта 27. Избито было иноплеменников многое множество на реке Салнице. И спас Бог людей своих. Святополк же, и Владимир, и Давыд прославили Бога, давшего им победу такую над язычниками, и взяли полона много, и скота, и коней, и овец, и пленников много захватили руками. И спросили пленников, говоря: «Как это вас такая сила и такое множество не могли сопротивляться и так быстро обратились в бегство?». Они же

отвечали, говоря: «Как можем мы биться с вами, когда какие-то другие ездили над вами в воздухе с блестящим и страшным оружием и помогали вам?». Это только и могут быть ангелы, посланные от Бога помогать христианам. Это ведь ангел вложил в сердце Владимиру Мономаху мысль поднять братию свою, русских князей, на иноплеменников. Это ведь, как мы сказали выше, видение видели в Печерском монастыре, будто стоял столп огненный над трапезницей, затем перешел на церковь и оттуда к Городцу, а там был Владимир в Радосыни. Вот тогда-то и вложил ангел Владимиру намерение идти в поход, и Владимир начал побуждать князей, как уже говорили.

Потому-то надлежит воздать хвалу ангелам, как сказал Иоанн Златоуст: ибо они вечно молят Творца быть милостивым и кротким к людям. Ибо ангелы, говорю я, наши заступники, когда мы воюем с противными нам силами, а начальник им архангел Михаил. Ибо с дьяволом ради тела Моисеева боролся, на князя же персидского ополчался свободы ради человеческой. Повелением Божиим все живое разделив и поставляя старейшин народам, этим же персиянам разрешил презреть своего (старшину), Михаила же обрезанным людям повелел сохранить, границы же их (повелел) смежить (и скрепить) гневом, не по греховной ярости, но по блаженному некоему неизреченному слову, причем этот принуждал иудеев работать на персов, тот же старался освободить их и прилежно возносил молитву к Богу, говоря: «Господи, Вседержитель, доколе не помилуешь Иерусалима и городов иудовых, о них же не заботишься уже 70-е лето?». На него (Михаила) похож и Даниил — воздушное лицо которого, что молния, и глаза его, что свечи, и мышцы и голени его блестящие, точно медь, и голос его, точно голос множества народа. Этим всем отвратил осла и сотворил Валаама бездеятельным, повелевая Иисусу Навину этим знаком помочь против врагов. Из них 100 и 80 тысяч сирийцев в одну ночь перебил, и сон варваров превратил в смерть; этим же перенес пророка Аввакума по воздуху, чтобы тот кормил Даниила, среди львов обретающегося, — такие-то люди всегда победят врагов. Таков же и богоподобный Рафаил: отрезав у одной рыбы жир, бесноватую отроковицу исцелил, и сделал так, что слепой старец увидел солнце. Не великих ли почестей достойны те, кто нашу жизнь охраняют? Не только хранителями народам повелено было быть ангелами, как было сказано: «Когда разделял Всевышний языки, когда рассеивал сынов Адамовых, он определил места обитания народов по числу ангелов Божиих, но и каждому верующему человеку достался ангел. Ибо когда отроковица стала говорить, причем перед дверями стоял апостол Петр, избежавший и Ирода, — ее словам не поверили: это не отроковица, а ангел его». Свидетельствует же и этим Господь, говоря: «Видите, не пренебрегайте и единым от малых сих; ибо говорю вам, что ангелы их видят лицо Отца моего, пребывающего на небесах». Еще же и в каждой церкви Христос поставил хранителя ангела, как открывает он Иоанну, говоря: «Скажи ангелу, находящемуся в церкви Измуренской: „Видел нищету твою и скорбь, но ты богат...“». Хорошо известно любящим нас ангелам, как молитвенникам за нас перед Владыкою. Ибо они служебные духи, как и апостол говорит:

«Посылаемые на служение к тем, кто хочет удостоиться спасения». Им они защитники и помощники, как и теперь ты слыхал про Даниила, как он вводит архангела Михаила к персам в час гнева (Божия) ради нашего освобождения. Ибо (Михаил) принуждал людей работать на персов, как было сказано, это (Даниил) старался освободить пленных. И одолевает Михаил врага, ибо евреи, перейдя Евфрат, с тех пор вновь возымели оседлость и построили и город, и церковь. Также и великий Епифаний говорил: «К каждому народу ангел приставлен»; и Писание ведь Даниилу говорило: «Ангел и властителя еллинам назначил и Михаила властителем иудеям»; говорит же: «И установи места жительства (народам) по числу ангелов».

И вот опять же, как Ипполит говорит, толкуя Даниила: «В третий год царствования Кира царя я, Даниил, плакал три недели; к концу же первого месяца смирился, после того как 21 день молил Бога, прося его открыть тайну. И Отец, услышав мою мольбу, поведал, чему суждено быть с ними и что сбылось на великой реке; хорошо было, чтобы Бог явился там, где хотел грехи отпустить. И я, подняв глаза свои, увидел: вот муж, одетый во все красное; на первый взгляд точно Гавриил ангел, когда летит; здесь же не так, но видел самого Господа, видел же не настоящего человека, но только образ человеческий, как сказано: „И вот муж, одетый во все пестрое, и бедра его препоясаны чистым золотом, и тело его, точно топаз, и лицо у него, точно молния, и глаза у него, точно свечи огненные, и мышцы и плечи подобны меди чистой, и голос его, точно народа много". И упал я наземь, и вот взяла меня, точно бы рука человеческая, и поставила меня на колени, и сказал мне: „Не бойся, Даниил. Знаешь, чего ради я пришел к тебе? Войну хочу начать с князем персидским, но поведаю тебе, что написано в Писании истинном, и нет никого, кто спорил бы со мною, кроме Михаила князя вашего; ибо его я оставил тут, и с того дня, как устремился я молиться Богу твоему, услышал он молитву твою и отпущен я на брань с князем персидским; некоторые считали, что не следует отпускать людей, чтобы скоро исполнилась молитва твоя: и противился этому, и оставил Михаила князя вашего". Кто же такой Михаил, если не ангел, приставленный к людям?». Как и Моисею говорит (Бог): «Не пойду с вами в поход, потому что люди жестоковыйные, но ангел мой пойдет с вами».

Так вот и теперь, с Божьей помощью, по молитвам Богородицы и святых ангелов, возвратились русские князья восвояси со славой великою, разнесшейся ко всем людям, так и по всем дальним странам, то есть к грекам, венграм, полякам и чехам, даже и до Рима дошла она, на славу Богу, всегда ныне и вечно и во веки веков, аминь.

В тот же год скончалась вдова Всеволодова, октября в 7 день, и положена была у святого Андрея в монастыре. Того же лета скончался Иоанн, епископ черниговский, ноября 23.

В год 6620. Индикта 5. Ярослав, сын Святополка, ходил на ятвягов и *1112*
победил их; и, возвратясь с войны, послал в Новгород, и взял себе в жены дочь Мстиславову, внучку Владимирову, мая 12, а приведена была июня 29. В том же году повели Ефимию Владимировну в Венгрию за короля. В

том же году скончался Давыд Игоревич месяца мая 25 и погребено тело его 29 в церкви святой Богородицы Влахернской на Клове. В том же году скончалась Янка, дочь Всеволода, сестра Владимира, ноября 3 и погребена была в церкви святого Андрея, которую создал отец ее; там ведь она и постриглась, в той церкви, в девичестве.

На исходе же этого года поставили Феоктиста епископом в Чернигов, игумена печерского, месяца января 12, а посажен на стол 19 января. И рады были этому князь Давыд и княгиня, ибо был он ей отец духовный, и бояре, и все люди радовались; ибо перед ним был епископ больной, не мог служить и пролежал в болезни лет 25; потому-то князь и люди ждали епископской службы и теперь радовались, славя Бога. Так же оно было и с братией, оставшейся без игумена: собралась тогда вся братия и назвала себе игуменом Прохора попа, и возвестила о нем митрополиту и князю Святополку. И повелел князь митрополиту поставить его с радостью игуменом. И поставлен он был на масляной неделе в четверг, февраля 9. И так вступила в пост братия с игуменом.

1113 В год 6621. Явилось знаменье на солнце в 1 час дня. Было видно всем людям: осталось от солнца мало, вроде как месяц вниз рогами, марта в 19 день, а луны — в 29. Это бывают знаменья не к добру; бывают знаменья с солнцем или с луною, или со звездами не по всей земле, но если в какой стране будет знаменье, та его и видит, а другая не видит. Так вот и в древности, в дни Антиоховы, были знамения в Иерусалиме, стали там являться в воздухе люди, рыщущие на конях с оружием в руках, и грозились оружием, и это было в Иерусалиме только, а в других землях не было того. Так же бывшее в солнце знаменье предзнаменовало Святополкову смерть. После этого знаменья приспел праздник Пасхи, и праздновали его; а после праздника разболелся князь. А скончался благоверный князь Михаил, которого звали Святополком, месяца апреля в 16 день за Вышгородом, привезли его в ладье в Киев, и привели в надлежащий вид тело его, и возложили на сани. И плакали по нему бояре и дружина его вся; отпев над ним полагающиеся песни, похоронили в церкви святого Михаила, которую он сам построил. Княгиня же (жена) его щедро разделила богатство его по монастырям, и попам, и убогим, так что дивились люди, ибо такой щедрой милостыни никто не может сотворить. После того на десятый день устроили киевляне совет, послали к Владимиру (Мономаху), говоря: «Пойди, князь, на стол отчий и дедов». Услышав это, Владимир много плакал и не пошел (в Киев), горюя по брате. Киевляне же разграбили двор Путяты тысяцкого, напали на евреев, разграбили их имущество. И послали вновь киевляне к Владимиру, говоря: «Пойди, князь, в Киев; если же не пойдешь, то знай, что много зла произойдет, это не только Путятин двор или сотских, но и евреев пограбят, а еще нападут на невестку твою, и на бояр, и на монастыри, и будешь ты ответ держать, князь, если разграбят и монастыри». Услышав это, Владимир пошел в Киев.

Начало княженья Владимира, сына Всеволодова. Владимир Мономах сел в Киеве в воскресенье. Встречали же его митрополит Нифонт с епископами и со всеми киевлянами с честью великой. Сел он на

столе отца своего и дедов своих, и все люди были рады, и мятеж утих. Когда же услышали половцы о смерти Святополка, собрались они и пришли к Выру. Владимир же, собрав сыновей своих и племянников, пошел к Выру и соединился с Олегом, половцы же бежали.

В том же году посадил (Владимир) сына своего Святослава в Переяславле, а Вячеслава в Смоленске. В тот же год скончалась игуменья Лазарева монастыря, святой жизни, сентября 14, прожив шестьдесят лет в чернечестве, а всего от рожденья девяносто два. В этот же год взял Владимир замуж за сына своего Романа дочь Володаря сентября 11. В этот же год Мстислав заложил церковь каменную святого Николы на княжом дворе, у Торговища в Новгороде. В том же году посадил (Владимир) сына своего Ярополка в Переяславле. В том же году поставили епископа Даниила в Юрьев, а в Белгороде Никиту.

В год 6622. Скончался Святослав, сын Владимиров, марта 16 и погребен *1114*
был в Переяславле в церкви святого Михаила; там ведь отец ему дал стол, выведя его из Смоленска. В тот же год Мстислав заложил (город) в Новгороде больше прежнего. В тот же год заложена была Ладога из камня на насыпи Павлом посадником, при князе Мстиславе. Когда я пришел в Ладогу, поведали мне ладожане, что «здесь, когда бывает туча великая, находят дети наши глазки стеклянные, и маленькие и крупные, проверченные, а другие подле Волхова собирают, которые выплескивает вода». Этих я взял более ста, все различные. Когда я дивился этому, они сказали мне: «Это неудивительно; живы еще многие старые, которые ходили за Югру и за Самоядь и видели сами в северных странах, как спустится туча, и из той тучи выпадут белки молоденькие, будто только что родившиеся, и, выросши, расходятся по земле, а в другой раз бывает другая туча, и из нее выпадают оленьцы маленькие и, выросши, расходятся по земле». Этому у меня есть свидетель посадник Павел ладожский, и все ладожане. Если же кто этому не поверит, пусть почитает Хронограф. «В царствование Прова, во время дождя из тучи великой пшеница, с водою многою смешанная, попадала, которую, собрав, засыпали в закрома большие. Так же при Аврелии серебряные крупинки упали (на землю), а в Африке три камня упали громадных». И после потопа и после разделения языков «начал царствовать сначала Местром, из рода Хама, после него Иеремия, затем Феоста», которого и Сварогом называли египтяне. «В царствование этого Феоста в Египте упали клещи с неба, и начали люди ковать оружие, а до того палицами и камнями бились. Тот же Феоста закон издал о том, чтобы женщины выходили замуж за одного мужчину и вели воздержный образ жизни, а кто впадет в прелюбодеяние, тех казнить повелел. Потому и прозвали его бог Сварог». «Прежде же женщины сходились с кем хотели, точно скот. Когда женщина рожала ребенка, она отдавала его тому, кто ей был люб: „Это твое дитя", и тот устраивал праздник, и брал себе ребенка. Феост же этот обычай уничтожил и постановил одному мужчине одну жену иметь и жене за одного мужа выходить; если же кто преступит этот закон, да ввергнут его в печь огненную». «Того ради прозвали его Сварогом, и чтили его египтяне. И после него царствовал сын его, по имени Солнце,

которого называют Даждь-богом, 7470 дней, что составляет двадцать лунных лет с половиной. Не умели ведь египтяне иначе считать: одни по луне считали, а другие (...) днями годы считали; число двенадцать месяцев узнали потом, когда начали люди дань давать царям. Солнце царь, сын Сварогов, то есть Даждь-бог, был сильным мужем; услышав от кого-то о некоей богатой и знатной египтянке и о некоем человеке, восхотевшем сойтись с нею, искал ее, желая захватить ее (на месте преступления) и не желая отца своего закон нарушить, Сварога. Взяв с собою мужей нескольких своих, зная час, в который она прелюбодействует, ночью в отсутствие мужа застиг ее лежащею с другим мужчиною, которого сама облюбовала. Он схватил ее, подверг пытке и послал водить ее по земле египетской на позор, а того прелюбодея обезглавил. И настало непорочное житье по всей земле Египетской, и все восхваляли его». Но мы не будем продолжать рассказ, но скажем вместе с Давыдом: «Все, что пожелал, сотворил Господь на небе и на земле, в море, во всех безднах, подымая облака от краев земли». Это и была последняя земля, о которой мы сказали вначале.

1115 В год 6623, индикта 8, собрались братья, русские князья, Владимир, называемый Мономахом, сын Всеволодов, и Давыд Святославич и Олег, брат его, и решили перенести мощи Бориса и Глеба, ибо построили им церковь каменную, в похвалу и в честь и для погребения тел их. Сначала они освятили церковь каменную мая 1, в субботу; потом же во 2-й день перенесли святых. И было сошествие великое народа, сшедшегося отовсюду: митрополит Никифор со всеми епископами — с Феоктистом черниговским, с Лазарем переяславским, с попом Никитою белогородским и с Данилою юрьевским — и с игуменами — с Прохором печерским и Сильвестром святого Михаила — и Сава святого Спаса, и Григорий святого Андрея, Петр кловский и прочие игумены. И освятили церковь каменную. И, отпев им обедню, обедали у Олега и пили, и было выставлено угощение великое, и накормили нищих и странников в течение трех дней. И вот на следующий день митрополит, епископы, игумены, облачившись в святительские ризы и возжегши свечи, с кадилами благовонными, пришли к ракам святых и взяли раку Борисову, и поставили ее на возила, и поволокли их за веревки князья и бояре; впереди шли чернецы со свечами, за ними попы, и игумены, и епископы перед самою ракою, а князья шли с ракою между переносными оградами. И нельзя было везти из-за множества народа: поломали переносную ограду, а иные забрались на городские стены и помосты, так что страшно было смотреть на такое множество народа. И повелел Владимир нарезанные куски паволоки, беличьи шкурки разбрасывать народу, а в других местах бросать серебряные монеты людям, сильно налегавшим; и легко внесли раку в церковь, но с трудом поставили раку посреди церкви, и пошли за Глебом. Таким же способом и его привезли и поставили рядом с братом. И произошла ссора между Владимиром, с одной стороны, и Давыдом и Олегом, с другой: Владимир хотел раки поставить посреди церкви и терем серебряный поставить над ними, а Давыд и Олег хотели поставить их под сводом, «где отец мой наметил», на правой стороне, где и устроены были им своды. И сказали митрополит и епископы: «Киньте жребий, и где угодно будет

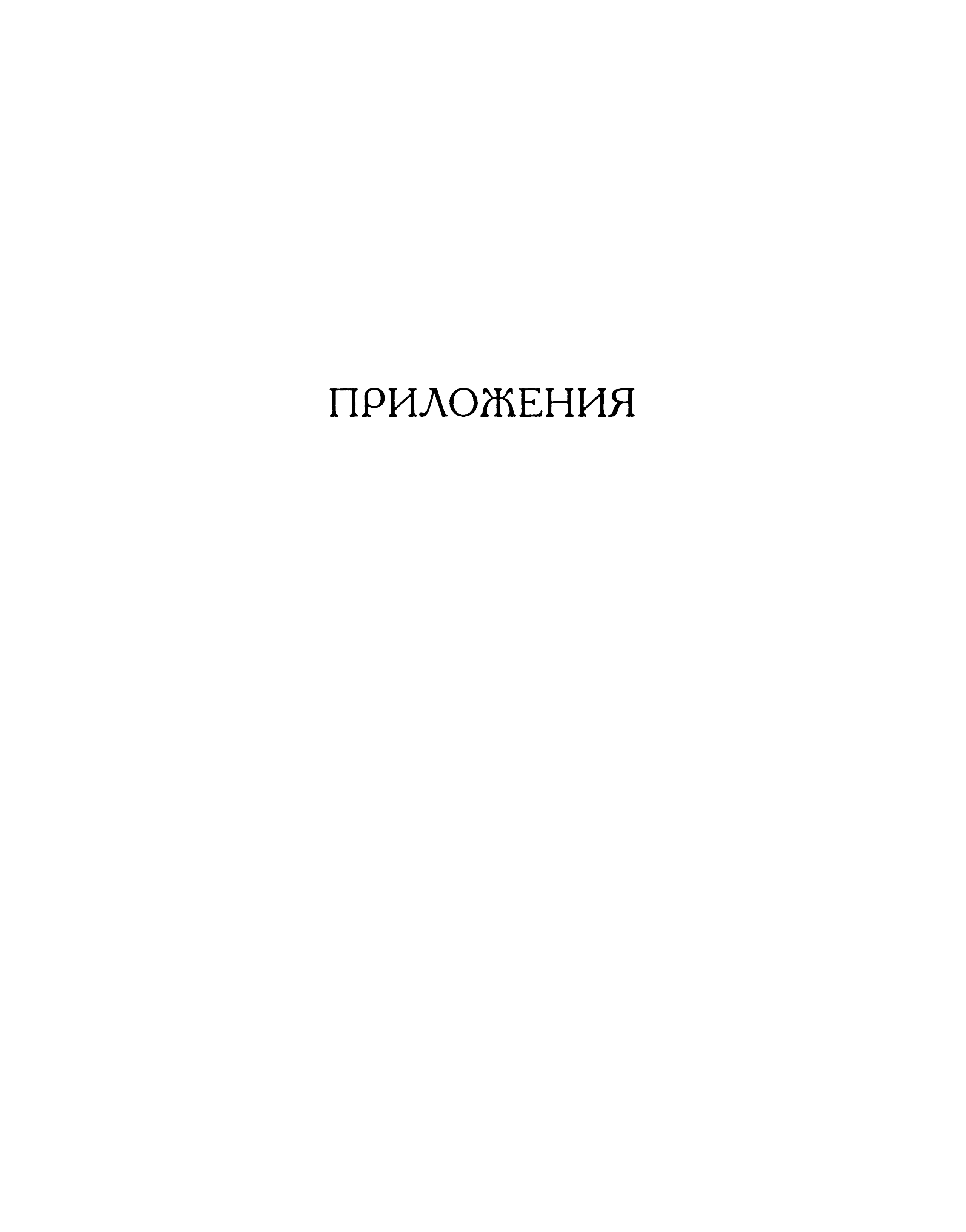
мученикам, там их и поставим», и князья согласились. И положил Владимир свой жребий, а Давыд и Олег свой жребий на святую трапезу; и вынулся жребий Давыда и Олега. И поставили их под свод тот, на правой стороне, где и теперь лежат. Принесены же были святые мученики, 2 мая, из деревянной церкви в каменную в Вышгороде. Слава они князей наших и заступники земли Русской, ибо славу мира этого они попрали, а Христа возлюбили, по стопам его решились идти. Овцы Христовы добрые, они не противились, когда влекли их на заклание, не уклонились от насильственной смерти! Потому-то и с Христом воцарились в вечной радости и дар исцеления приняли от Спаса нашего Иисуса Христа, обильно подавая это исцеление больным, с верою приходящим во святой храм их, поборников отечества своего. Князья же, и бояре, и все люди праздновали три дня, и воздали Богу и святым мученикам. И затем разъехались каждый восвояси. Владимир же оковал раки серебром и золотом и украсил гробы их, также и своды оковал серебром и золотом, и поклоняются им люди, прося прощения грехов.

В тот же год было знамение: погибло солнце и стало как месяц, про который невежды говорят — объеденное солнце. В тот же год скончался Олег Святославич, месяца августа в первый день, а во второй был погребен у святого Спаса, у гроба отца своего Святослава. В том же году (Владимир) построил мост через Днепр.

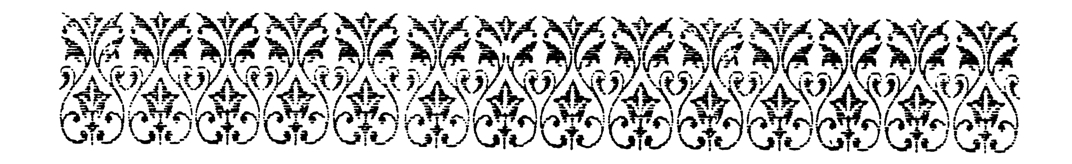
В год 6624. Ходил Владимир походом на Глеба (Всеславича), Глеб ведь 1116
воевал с дреговичами, Случеск пожег, и не каялся в этом и не выражал покорности, но еще больше перечил Владимиру, укоряя его. Владимир же, надеясь на Бога и на правду, пошел к Минску с сыновьями своими, и с Давыдом Святославичем, и Ольговичами. И взял Вячеслав Оршу и Копысу, а Давыд с Ярополком взяли Дрютск на щит, а Владимир сам пошел к Смоленску; и затворился Глеб в городе. Владимир же начал ставить избу в своей стоянке против города. Глеб же, увидев это, пришел в ужас и стал слать к Владимиру послов с мольбами. Владимир же пожалел проливать кровь в дни Великого поста и помирился с ним. Глеб же, выйдя из города с детьми и с дружиною, поклонился Владимиру, и договорились с ним о мире, и обещался Глеб во всем слушаться Владимира. Владимир же, дав мир Глебу и дав ему наставление обо всем, дал ему Минск, а сам возвратился в Киев. Ярополк же построил деревянный город Желди для дрючан, которых он взял в плен. В этот же год Мстислав Владимирович ходил на Чудь с новгородцами и псковичами, и взял город чюдской по имени Медвежья голова, и погостов бесчисленное множество взяли, и возвратились домой с большой добычей. В этот же год ходил Леон царевич, зять Владимира, на Алексея царя, и сдалось ему несколько дунайских городов; и в Дерестре городе хитростью убили его два сарацина, подосланные царем, месяца августа 15. В тот же год князь великий Владимир послал Ивана Войтишича, и тот посажал посадников по Дунаю. В тот же год послал Владимир сына своего Ярополка, а Давыд сына своего Всеволода на Дон, и взяли они три города: Сугров, Шарукан и Балин. Тогда же Ярополк взял себе жену очень красивую — пленную дочь ясского князя. В том же году и Предслава,

монахиня, дочь Святослава скончалась. В том же году ходил Вячеслав на Дунай с Фомою Ратиборичем и, придя к Дерестру, не успели ни в чем, вернулись обратно. В тот же год был бой (у Владимира) с половцами, и с торками, и с печенегами у Дона, и бились два дня и две ночи, и пришли на Русь к Владимиру торки и печенеги. В тот же год скончался Роман Всеславич. В тот же год скончался Мстислав, внук Игорев. В том же году Владимир выдал дочь свою Агафью за Всеволодка.

1117 В год 6625. Привел Владимир Мстислава из Новгорода, и дал ему отец Белгород, а в Новгороде сел Мстиславич, сын его, внук Владимиров. В том же году ходил Владимир на Ярослава к городу Владимиру, с Давыдом и Ольговичами, и Володарем, и Васильком, и окружили они его во Владимире, и стояли дней шестьдесят, и заключили мир с Ярославом. Когда Ярослав покорился и ударил челом дяде своему Владимиру, Владимир дал ему наказ обо всем, повелев ему приходить к нему, «когда тебя позову». И так мирно разошлись всяк восвояси. Тогда приходили половцы к болгарам, и выслал им князь болгарский питье с отравою, и, выпив, Аепа и прочие князья половецкие все умерли. В том же году скончался Лазарь, епископ переяславский, сентября 6. В том же году пришли беловежцы на Русь. В тот же год взял Владимир за Андрея внучку Тугорканову. В тот же год тряслась земля сентября 26. В том же году вывел Глеба из Минска Владимир, и церковь заложил на Льте мученику... Владимир же послал сына Романа во Владимир княжить. В том же году умер царь Алексей, и воцарился сын его Иоанн.



ПРИЛОЖЕНИЯ



«ПОВЕСТЬ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ»

(Историко-литературный очерк)

Летописец сравнил книги с реками: «Се бо суть рѣкы, напаяюще вселеную» («Повесть временных лет», 1037 г.). Это сравнение летописца как нельзя более подходит к самой летописи. Величавое и логическое изложение летописью русской истории, действительно, может быть уподоблено торжественному и могущественному течению большой русской реки. В этом течении летописного повествования соединились многочисленные притоки — произведения разнообразных жанров, слившиеся здесь в единое и величественное целое. Тут и предшествующие летописи, и сказания, и устные рассказы, и исторические песни, созданные в различной среде: дружинной, монастырской, княжеской, а порой ремесленной и крестьянской. Из всех этих истоков — «исходищ мудрости» — родилась и «Повесть временных лет» — создание многих авторов, произведение, отразившее в себе и идеологию верхов феодального общества, и народные воззрения на русскую историю, произведение эпическое и лирическое одновременно.

Истоки «Повести временных лет» в значительной степени определили и направление ее изложения. Мощное, логически стройное, проникнутое патриотическим подъемом повествование «Повести временных лет» в своем неуклонном движении от прошлого к настоящему несло в себе широкое осмысление политической действительности своего времени. Ее повествование было настолько властным, настолько захватывающим, что втянутые в его движение летописцы в течение многих последующих веков — вплоть до XVI столетия — продолжали его в своих местных, областных, а затем и общерусских летописях. «Повесть временных лет» сама стала «исходищем мудрости» для последующих летописцев. С нее они начинали свое изложение, ее идеи продолжали, в ее содержании видели в пору феодальной раздробленности и «злой татарщины» живое свидетельство единства Русской земли.

«Повесть временных лет» — произведение родное для всякого русского человека. Она повествует о начале Русской земли, о начале русского народа голосом далеких и вместе с тем близких нам русских людей XI—начала XII в. К ее спокойному изложению мы не раз возвращаемся и всегда находим в нем новые и новые, незамеченные прежде глубины содержания.

1

Высокие достоинства «Повести временных лет» выросли на плодотворной почве русской культуры начала XII в., когда она была создана. Эти высокие достоинства были связаны с повышенным интересом к родной истории во всех слоях общества Киевской Руси и с высокими качествами русского литературного языка, оказавшегося способным выразить и тонкости отвлеченной мысли, и многочисленные реальные понятия чрезвычайно усложнившейся в XI в. конкретной исторической действительности.

*

В самом деле, «Повесть временных лет» принадлежит эпохе, в которой ясно определились характерные черты феодализма, но еще живы были и старые традиции эпохи древнерусского государства. Уже отчетливо деление общества на господствующую феодальную верхушку и закабаленные низы городского и сельского населения, но еще живо воспоминание о патриархально-общинных отношениях в рассказах о пирах Владимира, ра́вно открытых для всех. Уже утрачено политическое единство Русской земли, втянутой в процесс феодализации, уже обособились Новгород, Полоцк, Галицко-Волынская земля, Смоленское и Владимиро-Суздальское княжества, но еще действенно сознание единства Руси. Крепнут новые феодальные княжества, но еще сохраняются традиции единого Киевского государства, пробивающие себе дорогу к реальной политической жизни в княжение Владимира Мономаха. Русская культура уже развивается в областных границах, но еще не замкнута в них. Еще воздвигаются обширные и светлые здания, типичные для Киевской державы. Еще чувствуется дыхание большого и жизнерадостного искусства в фресках Георгиевского собора новгородского Юрьева монастыря, собора новгородского Антониева монастыря, Николо-Дворищенского собора в Новгороде, а позднее — Кириллова монастыря в Киеве, Мирожского монастыря в Пскове, Георгиевской церкви в Старой Ладоге, в миниатюрах Мстиславова евангелия и мн. др. Еще не прошла резкая межа между архитектурными формами Киева, Новгорода, Чернигова... Русская культура еще предстоит нам во всем величии и пышности, типичных для конца X—XI в.

Феодальная раздробленность была неизбежным этапом исторического развития Руси. Начавшийся с конца XI в. распад Киевского государства был связан с ростом его отдельных частей, с развитием производительных сил на местах, с образованием новых областных центров, городов, с подъемом активности городских масс населения. Этот процесс политического дробления Киевского государства и роста областных центров имел первостепенное значение в интенсивном культурном развитии Руси XII в. Русская культура, которая в эпоху расцвета Киевского государства была по преимуществу культурой Киева, с конца XI в. дробится и концентрируется вокруг многочис-

ленных культурных областных гнезд: Новгорода, Чернигова, Полоцка, Смоленска, Владимира-Волынского, Галича, Ростова, Суздаля, Владимира-Залесского и т. д. Все эти областные центры обнаруживают с конца XI в. решительное стремление к политической самостоятельности и культурному отъединению. «Каждая из обособившихся земель обращается в целую политическую систему, со своей собственной иерархией землевладельцев (князей и бояр), находящихся в сложных взаимных отношениях. Эти разрозненные ячейки, все больше замыкаясь в тесном пространстве своих узких интересов по сравнению с недавним большим размахом международной политической жизни Киевского государства, заметно мельчали. Однако внутренняя жизнь этих политически разрозненных миров текла интенсивно...».[1]

Культурная жизнь начала XII в., когда создана была «Повесть временных лет», уже шла по многочисленным дорогам и тропам феодального развития. В ее мощном поступательном движении заметно сильное воздействие наряду с верхами феодального общества новой крупнейшей культурной и общественной силы — горожан: ремесленников и купцов. Вместе с тем не утрачены и многие преимущества предшествующего периода развития. Сознание единства Руси и общерусский размах идей, может быть, еще интенсивнее давали себя чувствовать именно теперь, когда реальная социально-экономическая и политическая почва для этого единства уходила из-под ног, когда могущественная держава Владимира отошла уже в прошлое, хотя еще и сохранялось живое ощущение Русской земли как единого целого. В этом соединении стремительного движения вперед с сохранением лучших традиций прошлого — основа творческой мощи этого периода.

«Повесть временных лет» отражает в своем содержании победу феодального общественного уклада над дофеодальным — патриархально-общинным. Она создана в эпоху, когда феодальная культура была явлением прогрессивным, молодым. Летописцы, соединившие свои усилия в создании «Повести временных лет», несмотря на всю свою грусть по утрате былого единства Руси, несмотря на весь свой гнев на начавшиеся раздоры князей, полны оптимизма, они гордятся Русью — ее прошлым и будущим. Это достаточно отчетливо видно на одном примере. Под 1093 г. летописец рассказывает об одном из самых ужасных последствий феодальной раздробленности: нашествии половцев. Он дает яркую картину страданий русского населения, угоняемого в плен половцами: «стражюще, печални, мучими, зимою оцѣпляеми, въ алчи и в жажи и в бѣдѣ, опустнѣвше лици, почернѣвше телесы; незнаемою страною, языкомъ испаленым, нази ходяще и боси, ногы имуще сбодены терньем», пленники со слезами обращались друг к другу: «Азъ бѣхъ сего города», и другие: «А язъ суя вси (деревни)». И сразу же после этой, так искусно обрисованной им картины страдания русских летописец восклицает: «Да никто же дерзнеть рещи, яко ненавидими Богомь есмы! Да не будеть! Кого бо тако Бохъ любить, якоже ны взлюбилъ есть? Кого тако почелъ есть, якоже ны прославилъ есть и възнеслъ? Никого же!».

---

[1] *Греков Б. Д.* Киевская Русь. М.; Л., 1949. С. 502.

Оптимизм и патриотизм «Повести временных лет» были проявлениями силы нового общественного уклада, в котором еще не успели в полной мере сказаться печальные политические последствия раздробленности Руси.

*

Письменной истории Руси предшествовала ее устная история, она и впоследствии сопутствовала письменной, питая ее живительными соками. Своим расцветом летопись непосредственнее всего обязана этой неписаной истории Руси, хранителем которой был сам народ.

В самом деле, первые русские летописцы, воссоздавая предшествующую им историю Руси, сумели собрать сведения о прошлом Русской земли за несколько столетий. Они пишут о походах и о договорах, об основании городов, дают живые характеристики князьям и рассказывают о расселении племен. Следовательно, у летописцев были какие-то устные материалы об исторической жизни народа в течение многих поколений. Вглядываясь в состав тех сведений, которые сообщают летописцы, мы видим, что этим огромным историческим источником был для них фольклор.

В летописи, а также в житиях и проповедях сохранены многочисленные остатки исторических преданий, легенд и песен, которыми древнерусские книжники стремились восполнить недостаток письменного материала по истории своей родины. Они-то и явились подлинной основой для восстановления русской истории древнейшего периода. В них заключалось то историческое самосознание народа, которое позволило вырасти русскому летописанию.

Исторические сказания, отложившиеся в «Повести временных лет», восходят ко временам глубокой древности. Уже основание первых городов на восточноевропейской равнине было связано с легендами. Их знает и древний Киев — один из старейших городов Восточной Европы. Летописец рассказывает о построении Киева тремя братьями-князьями Кием, Щеком и Хоривом и сестрою их Лыбедью.

Многие из исторических легенд зародились во времена большой давности. Мерцающий свет этих исторических припоминаний, дошедших через столетия до первых русских летописцев, свидетельствует о существовании в древнейшие времена на территории, занятой восточнославянскими племенами, интереса к родной истории.

Особенно большой материал, заимствованный из исторического фольклора, дали первым русским летописцам столетия IX и X, непосредственно примыкающие к их деятельности.

Нетрудно различить и главные типы исторических произведений, использованных летописью. Их несколько. Один из главнейших — местные легенды, связанные с урочищами, могильниками, селами и городами всей великой Русской равнины. Могильные насыпи издавна и у всех народов были связаны с историческими преданиями. Высокие холмы, насыпавшиеся над могилами вождей, сами по себе свидетельствовали о стремлении сохранить на многие поколения память об умерших. Но, кроме того, память о погребенных

поддерживалась тризнами, совершавшимися на их курганах, культом, которым были окружены многие из могильных насыпей. Естественно, что с ними связывались различные сказания, жившие в окружающем населении, пока существовали и самые насыпи. Число этих холмов на территории древней Руси было особенно велико. Их было исключительно много в самом Киеве.[1] Со многими из них были связаны предания, немаловажные для определения исторических судеб восточного славянства. Недаром летописцы неоднократно ссылаются на эти могильные холмы как на достоверных и правдивых свидетелей точности их исторического повествования. Так, например, завоевание Киева Олегом было связано народной памятью с могилами Аскольда и Дира; гибель Игоря — с его могилой «у Искоръстѣня града в деревѣхъ»; легенда о вещем Олеге — с его могилой: «есть же могила его и до сего дни, словеть могыла Ольгова»; смерть Олега Святославича связывалась с его могилой «у города Вручога» (современного Овруча) и т. д. Обо всех этих могилах летописец замечает, что они существуют и «до сего дьне», о многих из них он говорит, что они «словут», т. е. связаны со славой погребенных в них князей. Однако с принятием христианства, изменившего погребальный обычай, отменившего поминальные празднества, где вспоминались деяния прошлого, могилы князей перестают быть центрами, к которым была прикреплена историческая память о погребенных. Христианские могилы редко привлекают внимание летописца.

Но не только с древними могилами была соединена народная память о делах минувшего. Города и урочища прочно хранили память о своем возникновении. Народная память в Новгороде и в Ладоге связывала определенные места с Рюриком, в Изборске — с Трувором, в Белоозере — с Синеусом. Местные по своему приурочению, эти предания говорили об общерусских деятелях, о событиях общерусской истории. Сами по себе эти местные предания охватывали единой сетью всю Русскую землю, объединяя и собирая ее историческое прошлое. С княгиней Ольгой были связаны местными воспоминаниями многочисленные урочища, села, погосты, перевесища (места, где ловились птицы) по Днепру и Десне. В Пскове хранились сани Ольги. «И ловища ея суть по всей земли, знамянья и мѣста и повосты», — пишет летописец, отмечая общерусский характер исторических преданий об Ольге.

Насколько обильными и подробными были эти исторические воспоминания, показывает хотя бы точная топография древнего Киева, которую дает летописец, описывая времена, отстоящие от него на целое столетие: «Бѣ бо тогда вода текущи въздолѣ горы Киевьския, и на подольи не сѣдяху людье, но на горѣ. Градъ же бѣ Киевъ, идеже есть нынѣ дворъ Гордятинъ и Никифоровъ, а дворъ княжь бяше в городѣ, идеже есть нынѣ дворъ Воротиславль и Чюдинъ, а перевѣсище бѣ внѣ града, и бѣ внѣ града дворъ другый, идѣже есть дворъ деместиковъ за святою Богородицею; надъ горою дворъ теремный, бѣ бо ту теремъ каменъ».

Характерно, что наиболее древние исторические воспоминания самым тесным образом связаны с языческим, дохристианским культом предков, но

[1] *Каргер М. К.* Дофеодальный период Киева по археологическим данным // КСИИМК. 1939. № 1. С. 9—10.

чем ближе ко времени, когда уже пишут летописцы, тем яснее выступают исторические припоминания сами по себе, тем четче выделяется интерес к истории родной страны. Историческое самосознание народа становится все более интенсивным, вводится в точные хронологические рамки.

Таким образом, на всем пространстве Руси, от Изборска, Ладоги и Белоозера и до северных берегов Черного моря, до Корсуни, где показывали летописцу церковь, в которой крестился Владимир, и до Тмутаракани, хранилась историческая память об общерусских героях, о первых русских князьях, «трудом» своим великим собиравших Русскую землю. Даже вне пределов Руси, на далеком Дунае, указывали город (Киевец), основанный Кием, а в Болгарии, по свидетельству летописца, еще видны были в его время остатки городов, разрушенных Святославом. Местные по своему приурочению, но общерусские по своему содержанию, эти предания свидетельствовали о широте исторического кругозора народа. В этих местных исторических преданиях говорилось не только о Руси, но и о соседящих с нею народах и странах: венгры, печенеги, греки, скандинавы, хазары, поляки, болгары, а с другой стороны, Царьград, Тмутаракань, Корсунь составляли тот широкий географический фон, на котором развертывалось действие легенд, связанных с урочищами. Таким образом, сама Русская земля с ее многочисленными городами, урочищами, селами, могильными насыпями была как бы живой книгой ее неписаной истории.

Та же «Повесть временных лет», которая сохранила нам многие местные легенды, свидетельствует и о других формах устной исторической памяти.

Внимательный анализ киевского летописания показывает, что многие записи сделаны в нем на основании рассказов двух лиц: Вышаты и его сына Яна Вышатича, участие которого в летописании прямо отмечено под 1106 г.; под этим годом составитель «Повести временных лет» говорит о Яне, о его смерти и отмечает: «От него же и аз многа словеса слышах, еже и вписах в лѣтописаньи семь, от него же слышах».

В самом деле, три поколения летописцев были в дружественных отношениях с Вышатой и его сыном Яном на протяжении 1064—1106 гг.

Можно установить, согласно исследованиям А. А. Шахматова,[1] что круг рассказов Вышаты и Яна, использованных в летописи, был шире тех сведений, которые они сообщали летописцам. По-видимому, эти рассказы связаны с преданием этого древнего новгородско-киевского рода, судьба которого может быть прослежена в летописи на протяжении семи поколений: Ян был сыном Вышаты; Вышата, как это отмечено в «Повести временных лет» под 1064 г., был сыном новгородского посадника Остромира, с именем которого связан древнейший из дошедших до нас памятников русской письменности — знаменитое Остромирово Евангелие 1056—1057 гг. Остромир, как это было установлено еще известным археологом Д. И. Прозоровским,[2] был сыном новгородского посадника Константина; Константин — сыном новгородского посадника Добрыни — будущего героя русских былин Добрыни Никитича;

---

[1] *Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах СПб , 1908. С 226 и др.

[2] *Прозоровский Д. И.* Новые разыскания о новгородских посадниках. СПб., 1892. С 3

Добрыня был сыном Мистиши-Люта; Лют — сыном знаменитого в русских летописях воеводы Свенельда. Судьба всех этих представителей рода Яна Вышатича отражена в летописи на основании устных рассказов Вышаты и Яна.

Эти рассказы, неточные хронологически, как и все устные припоминания, несут в себе следы сказочных мотивов и окрашены тенденциозной мыслью; они героизируют этот род, подчеркивают его весомость в общем раскладе сил Киевского государства, его близость к роду киевских князей.[1] И Вышата, и Ян упорно говорили летописцам о тех мудрых советах, какие давали их предки киевским князьям. Нежелание Святослава послушать совета Свенельда — объехать днепровские пороги и пойти на Русь на конях — привело к гибели Святослава: печенеги, подстерегавшие русских в этом опасном месте, напали на Святослава, разбили его дружины и убили его самого. Владимир Святославич неоднократно следовал советам Добрыни в своих походах. Добрыня добивается для Владимира руки полоцкой княжны Рогнеды. Слушая советы сына Добрыни — Константина, Ярослав получил киевский стол. Когда Ярослав, разбитый Святополком и польским королем Болеславом, прибежал в Новгород и собирался отсюда бежать дальше за море, посадник Константин, сын Добрыни и дед Вышаты, рассек с новгородцами ладьи Ярослава, заявив: «Хочемъ ся и еще бити съ Болеславом и съ Святополкомь». Новгородцы во главе с Константином собрали деньги на дружину, и Ярослав разбил Святополка и Болеслава. Как Владимир был обязан княжением Добрыне, так Ярослав был обязан киевским столом его сыну Константину.

В рассказах Вышаты и Яна Вышатича о собственных подвигах опять-таки присутствует та же «родовая» тенденция. Так, например, в рассказе «Повести временных лет» о последнем походе русских на Царьград в 1043 г. сделаны вставки. Можно считать достоверным, что эти вставки были сделаны на основании рассказов Вышаты или Яна Вышатича. В них подчеркнуто воеводство Вышаты, причем так, точно Вышате принадлежало главное воеводство, хотя в первоначальном рассказе воеводой значился Иван Творимирич.

И Вышата, и Ян рассказывали, кроме того, летописцам о своей борьбе с волхвами, о сборе полюдья в Белозерском крае (1071 г.).

Кроме родовой тенденции, в рассказах Вышаты и Яна Вышатича о своих предках отчетливо выступают и ноты личной обиды. И Вышата, и Ян сблизились с летописцами уже на закате своей служебной карьеры. Летопись указывает, что Всеволод стал «любить смысл уных» дружинников и отодвигать «первых» (т. е. прежних). В числе обиженных был и Ян Вышатич. Старые дружинники упрекали Всеволода в том, что он «вирами и продажами» разорял свою собственную землю, а не в далеких походах искал наживы для прокормления себя и дружины.

В деятельности всех решительно представителей рода Вышаты и Яна отмечаются их дальние походы, их сборы даней и полюдья, что должно было

---

[1] См. подробнее: *Лихачев Д.* «Устные летописи» в составе «Повести временных лет» // ИЗ 1945. № 17. С. 201—224.

служить косвенным упреком современным им князьям, которые не думают о сборе дани с соседних народов, предпочитая «вирами и продажами» разорять собственное население. О походах за данью повествуется в известиях о Свенельде и Мистише-Люте. О сборах дани с болгар рассказывается в летописных статьях о Добрыне. В собственной деятельности Вышата и Ян отмечают именно эти далекие походы, участниками которых они были: на Константинополь (Вышата), за сбором полюдья в Белозерье (Ян).

Предания о роде Яна Вышатича и Вышаты были известны не только в узких пределах этого рода. Они получили широкое распространение.

Уже в 1128 г., через 22 года после смерти Яна, летописец привлек исторические предания о Добрыне для объяснения родовой вражды полоцких князей Рогволодовичей с Ярославичами. Изложив под этим годом некоторые события в Полоцком княжестве, летописец переходит к изложению предания о Владимире Святославиче и Рогнеде, в котором в активной роли выступает и Добрыня. Историческое предание это летописец передает уже не со слов какого-либо представителя рода Добрыни, а как народную молву. На это прямо указывают первые же слова рассказа: «О сих же Всеславичих сице есть, яко сказаша вѣдущии преж». Далее летописец рассказывает, как Владимир, княживший еще в Новгороде, послал своего воеводу Добрыню к Рогволоду просить руки его дочери Рогнеды. Рогнеда не пожелала выходить замуж за «робичича» — сына Малуши («она же рече: „Не хочю розути робичича"»). Владимир гневается и жалуется Добрыне. Добрыня же, «исполнися ярости», идет походом на Полоцк, берет город приступом, а Рогволода, жену его и дочь уводит в плен. Владимир убивает Рогволода и женится на Рогнеде, назвав ее Гориславой.

Эпизод этот сохранен русским героическим эпосом в былинном сюжете о Добрыне-свате. Но рассказ на этом не прерывается, и дальше сообщается легендарная история ссоры Владимира и Рогнеды, во время которой малолетний сын их Изяслав вступается за мать с мечом в руках.

Приведя это историческое предание о Владимире и Рогнеде-Гориславе, летописец замечает: «И оттолѣ мечь взимають Роговложи внуци противу Ярославлим внуком», мотивируя тем самым вставку в летописный текст народного сказания.

Итак, перед нами ясное свидетельство того, что уже в начале XII в. предания о Добрыне, выделившись из родового предания потомков Свенельда, получили широкое распространение в народе.

Исследователями давно отмечена связь современных былинных сюжетов о Добрыне с летописными известиями о нем же. Отметим некоторые стороны этой связи, на которые до сих пор не обращалось достаточного внимания. Добрыня и в былинах, и в летописи занимается сбором дани с соседних народов. Как в тмутараканском предании, в котором русские первоначально платили дань хазарам, а затем сами стали ее собирать с них, так и в былинах Добрыня, вместо того чтобы отвезти дань Идолищу, сам собирает ее и привозит Владимиру. Вместе с тем былины подчеркивают родство Добрыни и Владимира, подобно тому как это делает летопись. В былинах Добрыня — «племянник» Владимира, т. е. его родственник, «соплеменник» (см. «Толко-

вый словарь» Даля). Значение этого слова в древнерусском языке также не вызывает сомнений: это родственник, соплеменник.[1]

В русский былевой эпос проникли из родовых преданий Вышаты и Яна Вышатича не только воспоминания о Добрыне. В разное время в нем отразились следы каких-то припоминаний об отце Добрыни — Мистише, его сестре Мальфредь Мистинишне, сыне Константине, брате Яна Вышатича — Путяте, о самом Яне Вышатиче и др.

На исторический прообраз Никиты Залешанина в лице Мистиши Древлянина было указано еще А. А. Шахматовым в «Разысканиях...»: «Былины сохранили отчество Добрыни, вытекавшее из первоначального о нем рассказа в Древнейшем Киевском своде: они называют его Никитичем, а Древнейший Киевский свод указывал, что он был сыном Мистиши. Ввиду этого мы вправе искать в былинах воспоминаний о самом Мистише, которого ждем, между прочим, в виде Никиты. Предполагаю, что образ Никиты Залешанина (Заолешанина) отразил в себе образ Мистиши Древлянина;[2] замечательно, что он — богатырь не киевский, поэтому, когда Илья Муромец выдал себя за Никиту, его никто не узнал в княжеском тереме, кроме, впрочем, Добрыни Никитича, очевидно, не в пример другим киевским богатырям, знавшего Никиту Залешанина. Впрочем, в некоторых былинах он назван в ряду других киевских богатырей.[3] Мальфредь Мистинишну, или Мстиславну, следует, быть может, видеть в Марфиде Всеславьевне, хотя, по-видимому, самый свой образ Марфида заимствует у Запавы Путятичны».[4]

В числе воевод, разбивших в 1106 г. половцев у Заречьска, Ипатьевская летопись упоминает брата Яна Вышатича — киевского тысяцкого Путяту, двор которого был разграблен во время восстания киевлян против Святополка. Это известное в свое время лицо Вс. Миллер считал возможным отождествлять с былинным Путятиным Путятовичем[5] в былине о Даниле Ловчанине,[6] возводить к нему отечество Запавы Путятичны и некоторые отголоски народных сказаний о Добрыне и Путяте в «Истории» Татищева.[7] Иоакимовская летопись, как известно, делает Путяту сотоварищем Добрыни и современником Владимира Святославича. Нельзя видеть в этом историческое свидетельство существования какого-то второго Путяты, отличного от Путяты времени Владимира Мономаха, так как сама Иоакимовская летопись использует народные предания, в которых объединены в единое лицо Владимир Святославич и Владимир Всеволодович Мономах.

---

[1] *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1895. Т. 2. Стб. 959—960. Наше же значение слова «племянник» последовательно передается в древней Руси словом «сыновец».

[2] Ср.: Песни, изд. Киреевским, IV, 46. (*Примеч. А. А. Шахматова*).

[3] Напр.: Песни, изд. Киреевским, IV, 46 (*Примеч. А. А. Шахматова*).

[4] *Шахматов А. А.* Разыскания... С 378.

[5] *Миллер Вс.* Очерки русской народной словесности. М., 1910. Т. 2. С. 28 и след.

[6] Песни, изд. Киреевским, III. С. 29. (*Примеч. А. А. Шахматова*).

[7] *Миллер Вс.* Очерки... Т. 2 С. 8 и след. Необходимо отметить, что время княжения Владимира описано в Иоакимовской летописи «со многими пирами и веселием» (*Татищев В. Н.* История Российская. М., 1768. Кн. 1, ч. 1. С. 38); описание подвергалось, очевидно, значительному влиянию со стороны былин.

Характерно, что Запава Путятична называется иногда племянницей князя Владимира, чем подчеркивается принадлежность обоих к одному роду. С Путятой Вышатичем, братом Яна, связан и другой герой русского эпоса — Казарин, которого Вс. Миллер не без основания отождествляет с летописным воеводой Казариным — сотоварищем Путяты Вышатича и Яна Вышатича по походу на половцев в 1106 г.[1] Их деятельность, во всяком случае, относится к одному времени, и репертуар их сказаний в общем весьма близок, охватывая и Киев, и Тмутаракань.

Итак, наличие в X—XI вв. развитого родового предания настолько сильного, что оно проникало и в летопись, и в былевой эпос, — факт большого историко-культурного значения. Перед нами своеобразная устная летопись семи поколений.

Ряд признаков заставляет предполагать, что эти родовые предания не были единичными. Князья постоянно вспоминали отцов и дедов своих, в широкой степени считаясь с родовыми традициями, с родовою преемственностью, с правами своего рода. Когда, например, в 1097 г. Давыд и Олег Святославичи узнали об ослеплении Василька Теребовльского, оба они «печална быста велми» и сказали: «Сего не было в родѣ нашемь».

Еще одним видом устной исторической памяти, отраженной в «Повести временных лет», была дружинная поэзия.

Дружинная среда, окружавшая русских князей, прочнее всего сохраняла память о военных подвигах прошлого. Она была хранительницей своих дружинных традиций. Именно поэтому Святослав не решается нарушить заветы старины и принять крещение. Святослав говорит своей матери Ольге, предлагавшей ему креститься: «Дружина 〈...〉 смѣятися начнуть».

«Повесть временных лет» сохранила нам от дописьменного периода Руси содержание нескольких героических преданий именно этой дружинной поэзии. Их основной темой были смелые походы русских дружин на главный и богатейший центр тогдашней Европы — Константинополь. Необычайно дерзкие походы русских создали особенно благоприятные условия для расцвета героической песни. Отголоски этой дружинной поэзии звучат в летописных рассказах о походах на Царьград Аскольда и Дира, Олега, Игоря, Святослава. Они присутствуют в рассказе о том, как Олег повелел своим воинам сделать колеса и поставить на них корабли. С попутным ветром корабли развернули паруса и с поля подошли к Царьграду. Испуганные греки предложили мир и дань. Дружинные песни рассказывали о том, как вещий Олег отказался принять под стенами Царьграда предложенные ему в знак мира яства и вина, которыми греки собирались его отравить. Остатки дружинных песен об Олеге можно видеть в рассказе «Повести временных лет» о щите, который Олег прибил над вратами Царьграда, «показуя побѣду». Наконец, и предание о смерти Олега от любимого коня через песни перешло в летопись и распространилось по всей северной Европе, в местных преданиях Ладоги и в скандинавских сагах.

Отголосками дружинных песен явились и рассказы летописи о знаменитых пирах Владимира Святославича. Воспоминания об этих пирах, для которых

---

[1] *Миллер Вс.* Очерки... Т. 2 С. 1—31

варилось по 300 провар меду, на которых было «множество от мясъ от скота и от звѣрины», сохранились в современных былинах. Сознание дружиной своей силы и значения отчетливо выражено в летописном описании одного из пиров, составленном летописцем также, очевидно, на основании дружинной песни. Дружина ропщет на князя за то, что ей приходится есть деревянными ложками, а не серебряными. Более всего на свете любя свою дружину, Владимир, согласно этому дружинному преданию, приказал исковать ей серебряные ложки. «Сребромь и златом не имам налѣсти дружины, — говорит Владимир, — а дружиною налѣзу сребро и злато, якоже дѣдъ мой и отець мой доискася дружиною злата и сребра».

Особенно рельефна в «Повести временных лет» созданная на основе дружинных песен характеристика бесстрашного князя Святослава, всю свою недолгую жизнь проведшего в далеких походах. «Князю Святославу възрастъшю и възмужавшю, нача вои совокупляти многи и храбры, и легъко ходя, аки парусъ, войны многи творяше. Ходя возъ по собѣ не возяше, ни котъла, ни мясъ варя, но потонку изрѣзавъ конину ли, звѣрину ли или говядину на углех испекъ ядяше, ни шатра имяше, но подъкладъ постилаше и сѣдло в головахъ; тако же и прочии вои его вси бяху. И посылаше къ странамъ, глаголя: „Хочю на вы ити"». Когда побежденные им греки, желая испытать его, прислали ему многочисленные дары — золото и знаменитые византийские паволоки, Святослав не взглянул на них, приказав отрокам спрятать принесенное. Когда же греки принесли Святославу меч и иное оружие, Святослав принял их в свои руки, ласкал, хвалил и просил приветствовать византийского царя, пославшего ему их. Греческие послы ужаснулись воинственности Святослава и, вернувшись к своим, сказали: «Лютъ се мужь хочеть быти, яко имѣнья не брежеть, а оружье емлеть. Имися по дань». И послал царь своих послов к Святославу, говоря: «Не ходи къ граду, возми дань, еже хощеши».

Сходный рассказ, подчеркивающий воинственность русских, передает летописец и о полянах. Когда хазары обложили полян данью, поляне выплатили ее оружием: по мечу от дыма. Хазары отнесли эту дань своему князю, и старцы хазарские ужаснулись воинственности русских: «Не добра дань, княже! Мы ся доискахомъ оружьемь одиною стороною, рекше саблями, а сихъ оружье обоюду остро, рекше мечь. Си имуть имати дань на насъ и на инѣхъ странах».

Таким образом, дружинная поэзия дописьменной Руси была поэзией высокого патриотического пафоса. Именно это делало поэзию дружинников одновременно поэзией народной.

Можно было бы привести еще и другие формы исторического эпоса, послужившего основой создания «Повести временных лет», например, своеобразные сказы, обладавшие диалогический формой.[1] Нет нужды стремиться исчерпать все формы устной исторической памяти народа. Необходимо подчеркнуть, однако, что летопись пользовалась устной народной исторической памятью не только как историческим источником. «Повесть временных лет» во многом черпала отсюда же свои идеи, самое освещение прошлого Русской земли.

---

[1] См. о них. *Лихачев Д.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С. 132—143 («Диалог в летописи»).

В самом деле, уже из того, что было приведено выше, ясно, что народная память об исторических событиях и исторических лицах не была безразличной и «механичной». Факты русской истории не преподносились в историческом эпосе «россыпью», вне их взаимной связи друг с другом. Воспоминания о событиях русской истории в русском народе носили героический характер и были связаны общим, единым представлением о славном начале русской истории.

Замечательные слова об исторических знаниях древней Руси находим мы у Кирилла Туровского (русского писателя XII в.). Кирилл различает два типа хранителей исторической памяти — летописцев и песнотворцев, следовательно, творцов истории письменной и творцов истории устной, но у обоих находит одну и ту же цель их деятельности как историков: прославление героев и по преимуществу их военных подвигов. Кирилл предлагает прославлять «героев» церковных так же, как воспевает народ своих героев светских: «Якоже историци и вѣтиа, рекше лѣтописци и пѣснотворци, приклоняють своа слухы въ бывшая между царей рати и ополчениа, да украсять словесы слышащая и възвеличять крѣпко (храбровавшая и) мужествовавшая по своемъ цари, и не давшихь въ брани плещи врагом, и тѣхъ славяще похвалами вѣнчають; колми паче намъ лѣпо есть и хвалу къ хвалѣ приложити и храбрымь и великымь воеводамъ Божиимь».[1]

В летописи мы находим многочисленные свидетельства существования в самом народе живых представлений о героическом прошлом Русской земли.

В 1097 г. киевляне послали к Владимиру Мономаху со словами: «Молимся, княже, тобѣ и братома твоима, не мозѣте погубити Русьскыѣ земли. Аще бо възмете рать межю собою, погании имуть радоватися, и возмуть землю нашю, иже бѣша стяжали отци наши и дѣди ваши трудом великим и храбрьствомь, побарающе по Русьскѣй земли, ины земли приискываху, а вы хочете погубити землю Русьскую».

Исторические события больше чем через столетие могли вспоминаться народом с такими деталями, которые свидетельствуют о наличии подобных устных сказаний или песен о них. Так, например, перед Липицкой битвой 1216 г. новгородцы говорили Мстиславу Мстиславичу Удалому: «Къняже! Не хочемъ измерети на конихъ, нъ яко отчи (отцы) наши билися на Кулачьскѣй пѣши».[2]

Битва на реке Кулачьце, или Колакше, произошла в 1096 г. — за 120 лет до Липицкой битвы. Перед тем как вступить в сражение на Колакше, новгородцы сошли с коней и затем выступили против Олега Святославича в пешем строю. Следовательно, в Новгороде в течение 120 лет народная память удерживала такую, казалось бы, мелкую деталь Колакшской битвы. Почему-то она привлекла внимание в начале XII в. и составителя «Повести временных лет», записавшего о ней: «Мстислав же перешедъ пожаръ с новгородци, и ссѣдоша с коней новгородци, и сступишася на Кулачьцѣ». Думается, что

[1] *Кирилл Туровский.* Слово на собор святых отцов // Памятники древнерусской церковно-учительной литературы / Под ред. А И. Пономарева. СПб , 1894 Вып 1. С 167

[2] Новгородская первая летопись по Синодальному списку СПб., 1888 С 202—203.

народная память не случайно удержала эту живую подробность. В ней отразилась удаль новгородцев и, следовательно, героическое прошлое Новгорода.

Этот особый характер народной памяти, отмечавшей прежде всего все героическое в прошлом, придал и первой русской летописи оттенок героичности и эпичности. Начало русской истории было для летописца напоено героизмом. Хвала и прославление отчетливо дают себя чувствовать в изображении первых русских князей — Олега, Игоря, Ольги, Святослава, Владимира. Напротив того, обращаясь к князьям — своим современникам, летописец уже не воздает им хвалы — он нередко противопоставляет им прежних князей. Тем самым героическое отношение к прошлому превращается под пером летописца в поучительное по отношению к современности.

Это героическое и учительное одновременно значение русской истории прямо подчеркнуто и в тех же выражениях, что и у киевлян в 1097 г., в предисловии к Начальному своду, предшествовавшему «Повести временных лет» (см. о нем ниже, с. 301 и след.): «Вас молю, стадо христово: с любовию приклоните уши ваши разумно! Како быша древнии князи и мужие ихъ. И како отбараху Руския землѣ и ины страны придаху под ся: тѣи бо князи не збираху многа имѣния, ни творимыхъ виръ, ни продаж въскладаху на люди. Но оже будяше правая вира, а ту возмя, дааше дружинѣ на оружее. А дружина его кормяхуся, воююще ины страны и бьющеся и ркуще: „Братие! Потягнемъ по своемъ князѣ и по Руской землѣ", глаголюще: „Мало есть намъ, княже, двусотъ гривенъ!". Они бо не складаху на своя жены златыхъ обручей, но хожаху жены ихъ в сребряныхъ. И росплодили были землю Руськую».

Так из устной, народной истории Русской земли летопись заимствует не только факты, но и освещение этих фактов, общее представление о русской истории, ставя эти представления на службу политическим задачам современности.

Впоследствии мы увидим, что летопись пошла дальше этих устных представлений о русской истории. Она отмечала не только «славные», героические события, не только фиксировала события прошлого, выбирая из этого прошлого все примечательное, занимательно-героическое, но и рассказывала о движении исторических событий, о начале Русской земли, племен, городов, языка, письменности, княжеского рода, поднимаясь тем самым над устным народным историческим эпосом X—XI вв. на новую, высшую ступень исторического сознания.

Летопись описывала не только события отдаленного прошлого. Летописец заносил в свою летопись и события еще не остывшего настоящего, отражая в своих записях не только размышления историка, но и впечатления современника. Чем дальше, тем больше летописец становился историком своего настоящего, передавая в летописи общественное мнение своей среды.

Его политических воззрений мы коснемся ниже, сейчас же отметим, что в XI—XII вв. жило историческое отношение не только к событиям прошлого, но и к событиям современности. И это историческое отношение не было достоянием одних летописцев. Можно смело сказать, что вся деятельность русских князей и русских воинов проходила в обстановке общественных и

исторических откликов на нее современников и потомков. Князья постоянно считаются с тем, как на их деятельность взглянут современники и потомки, как будут оценены их поступки. Князья стремятся «поревновать» своим отцам и дедам, «добрые славы добыти», ищут себе «чести и славы».

Существенное значение для летописи имеют при этом представления о том, что считалось в самой действительности достойным этой «чести» и «славы». «Ищут славы» и достойны ее в глазах современников по преимуществу ратники, воины. «Славу» поют князьям по возвращении из победоносных походов. Тогда народ выходит навстречу князьям и поет славу им перед воротами города. «Славы» не «ищут» лица духовные, представители церкви, ее и не поют им, но наряду с князьями ее могут получить и рядовые ратники.[1]

Вот почему летопись до краев наполнена звоном военной славы. Эта военная слава отражена в летописи по преимуществу на основании народного эпоса — возможно, тех самых «прославлений», которые пелись князьям при их возвращении из победоносного похода (как Александру Невскому, Даниилу Галицкому и др.), при поставлении на стол (как Всеславу Полоцкому в 1068 г.) или на пирах.

Слава князя — не его личная слава, но также и слава всей Русской земли, если только деятельность князя направлена на ее пользу. Эта патриотическая точка зрения, с которой рассматриваются героические подвиги князей, свидетельствует и о высоком историческом сознании.

Важно при этом отметить, что «ареал» этой славы не мыслится замкнутым только в пределах Русской земли. О славе русских князей говорит митрополит Иларион в своем «Слове о законе и благодати»: «Не въ худѣ и не въ невѣдомѣ земли владычествоваша, — обращается Иларион к Владимиру, — но въ Руской, яже вѣдома и слышима есть всѣми конци земля».[2]

О той же всесветной славе сообщают и летописцы под разными годами. Под 1111 г. в Ипатьевской летописи рассказывается о возвращении Владимира Мономаха из победоносного похода на Дон: «Възъвратишася русьстии князи въ свояси съ славою великою къ своимъ людемъ; и ко всимъ странамъ далнимъ рекуще къ Грекомъ и Угром, и Ляхомъ, и Чехомъ, дондеже и до Рима проиде на славу Богу, всегда и ныня и присно во вѣки, аминь».

Всесветная слава Мономаха вспоминается и в его некрологической характеристике, помещенной в Лаврентьевской летописи под 1125 г. Умер Мономах, говорится там, «прослувый в побѣдах, его имене трепетаху вся страны и по всем землям изыде слух его».

---

[1] Так, например, при осаде Судомира татарами волынский летописец отмечает подвиг простого воина («не бояринъ, ни доброго роду, но простъ сый человекъ») и называет его достойным памяти: «створи дѣло памяти достойно» (Ипатьевская летопись под 1261 г.) Под 1281 г. в той же Ипатьевской летописи отмечен подвиг сына боярского Раха. И снова говорится: «створиста дѣло достойно памяти» (Ипатьевская летопись под 1281 г.). О смерти этого Раха и некоего Прусина летописец пишет: «Сии же умроста мужественемь сердцемъ, оставлеша по собѣ славу послѣднему вѣку» (там же).

[2] Памятники древнерусской церковно-учительной литературы / Под ред. А. И. Пономарева. СПб., 1894. Вып. 1. С. 70.

О мировой славе русских побед говорит и Житие Александра Невского: «И оттоле прослыся имя святаго во всѣхъ странахъ латынскихъ и до моря Хупужьского и горъ Араратьских и об ону страну моря Варяжьскаго, даже и до самаго того Великаго Рима».[1]

Нельзя думать, что перед нами бессознательный трафарет исторической литературы (в «Слове» Илариона, в летописи, в Житии Александра Невского). Об этой всесветной русской чести и славе говорят князья дружине и князья между собой. Это понятие было не только в литературе — оно было в самой жизни и именно из жизни, из действительности проникло и в летопись, и в «Слово» Илариона, и в Житие Александра Невского, и в «Слово о погибели русской земли», и многие другие произведения русской литературы.

В 1152 г. Изяслав Мстиславич обращался к своей дружине: «Братья и дружино! Богъ всегда Рускы землѣ и руских сыновъ въ бещестьи не положилъ есть; на всих мѣстех честь свою взимали суть. Ныне же, братье, ревнуимы тому вси, у сих земляхъ и перед чюжими языкы (народами. — *Д. Л.*) дай ны Богъ честь свою взяти» (Ипатьевская летопись). Под 1170 г. Мстиславу Изяславичу говорили его братья: «Тако буди, то есть намъ на честь и всеи Рускѣй земли». Эти слова не придуманы летописцем. Летописцы относительно точно передавали в своих летописях действительно произнесенные речи. Следовательно, в самой жизни было отчетливое представление о славе и чести Русской земли среди других стран мира. Именно поэтому в народном сознании сильнее закрепились походы русских на столицу тогдашнего культурного мира — Константинополь, чем походы на емь или на хазар.

«Повесть временных лет» с ее всемирно-историческим введением, с ее широким стремлением обосновать место русского народа среди других народов мира, с ее особым вниманием к героическому, к военным подвигам, к славе русского оружия вводит нас в атмосферу эпического народно-песенного отношения к русской истории. Вот почему «Повесть временных лет» — это не только произведение русской исторической мысли, но и русской исторической поэзии. Поэзия и история находятся в ней в неразрывном единстве. Перед нами произведение литературное и памятник исторической мысли.

Однако летописец выходит за пределы эпического сознания. Наряду с военной славой он отмечает мудрое управление князей, расширение ими границ Русской земли, широко оценивает всю государственную деятельность князей — вплоть до насаждения книжности и строительства зданий, — в песнях не закреплявшуюся. С другой стороны, летопись поднимается до критического восприятия деятельности князей.

Летописец взял лучшие стороны народно-поэтического отношения к русской истории, но присоединил к этому, как увидим ниже, и первые проблески критического отношения к своим источникам, первые проблески восприятия истории как связного причинно-следственного ряда.

---

[1] *Мансикка В.* Житие Александра Невского. СПб., 1913. С. 42.

*

Тем же устным источникам «Повесть временных лет» обязана и своим великолепным, сжатым и выразительным языком.

Необычайно быстрый рост русской литературы XI—XII вв. находится прежде всего в связи с тем высоким уровнем русского устного языка, на котором застает его появление и широкое распространение русской письменности. Русский язык оказался способным выразить все тонкости отвлеченной богословской мысли, воплотить в себе изощренное ораторское искусство церковных проповедников, передать сложное историческое содержание всемирной и русской истории, воспринять в переводах лучшие произведения общеевропейской средневековой литературы. И это произошло потому, что созданию письменного литературного языка предшествовал устный литературный язык, язык «устной литературы», содержание которой не покрывалось одним только фольклором.

В основе большинства лучших произведений русской литературы XI—XII вв. лежат произведения литературы устной. Легенды Киево-Печерского патерика рассказывались десятки лет, передавались из поколения в поколение, прежде чем были собраны в письменный свод — патерик. Житие Бориса и Глеба составлено на основании устных рассказов об их гибели. Следы высокой культуры именно устной речи явственно ощутимы и в «Слове о полку Игореве». Так же точно и в «Повести временных лет», прежде чем быть записанными, сказания о вещем Олеге, о походах русских на Константинополь, северночерноморские легенды, сказания о премудрой Ольге и т. п. рассказывались или пелись. Почти всякое известие летописи, прежде чем быть записанным летописцем, было им услышано, отложилось в устной речи прежде, чем в письменной.

Но особенное значение для развития языка летописи имела устная речь, выдержанная в традициях самобытного русского ораторского искусства: речи, произносившиеся князьями перед битвами, речи, передававшиеся устно через послов, речи на вечевых собраниях, на судах, пиршествах, на княжеских снемах, и т. д. Не подлежит сомнению, что общественные формы древнерусской жизни XI—XII вв. давали возможности для развития этого ораторского искусства даже в большей степени, чем в XIV—XVII вв., когда ряд его форм отпал совершенно.

В самом деле, те великолепные по своему лаконизму, образности, энергии и свободе выражения речи, которыми русские князья перед битвами «подавали дерзость» своим воинам, не выдуманы летописцами: они отражают общую высокую культуру воинских речей, существовавшую на Руси независимо от всякой письменности. Вот, например, известные речи князя Святослава Игоревича к своим дружинникам: «Уже намъ сде пасти; потягнемъ мужьски, братья и дружино!» («Повесть временных лет», 971 г.); «Уже намъ нѣкамо ся дѣти, волею и неволею стати противу; да не посрамимъ землѣ Рускиѣ, но ляжемъ костьми, мертвыи бо срама не имамъ...» и т. д. (там же). Эти речи Святослава в известной мере связаны со всей традицией русского воинского

ораторского искусства. «Аще живъ буду, то с ними, аще погыну, то с дружиною», — говорит Вышата своей дружине («Повесть временных лет», 1043 г.). «Потягнѣмъ, уже нам не лзѣ камо ся дѣти», — говорит Святослав Ярославович перед битвой с половцами («Повесть временных лет», 1068 г.). «Да любо налѣзу собѣ славу, а любо голову свою сложю за Рускую землю», — говорит Василько Теребовльский («Повесть временных лет», 1097 г.). С такими же речами обращается к своей дружине и герой «Слова о полку Игореве» Игорь Святославич Новгород-Северский перед битвой с половцами: «Братья! Сего есмы искале, а потягнем» (Ипатьевская летопись, 1185 г.), или: «Оже побѣгнемь, утечемь сами, а черныя люди оставимъ, то от Бога ны будеть грѣхъ сихъ выдавше пойдемь; но или умремъ, или живи будемъ на единомъ мѣстѣ» (там же).

Все эти речи свидетельствуют о высокой культуре устной воинской речи. В них чувствуется и княжеская ласка к дружинникам в названии их «братьями», и отчетливое представление о воинской чести и чести родины, и мудрость воина. Поражают они и стройностью, и исключительным лаконизмом выражения.

Особым лаконизмом, выработанностью формул, отчетливостью и образностью отличались и речи, произносившиеся на вечевых собраниях. Несомненно, что вече выработало свои формы обращения к массе, умение сжато и энергично выразить политическую программу в легко доступной и легко запоминавшейся формуле. Образность и пословичность отличают эти вечевые обращения. В ответ на зов Мстислава Мстиславича пойти на Киев против Всеволода Чермного новгородское вече отвечало ему: «Камо, княже, очима позриши ты, тамо мы главами своими вържемъ» (Новгородская первая, Синодальный список, 1214 г.). Так же энергична и речь посадника Твердислава на новгородском вече: «Даже буду виноватъ, да буду мертвъ; буду ли правъ, а ты мя оправи, Господи» (Новгородская первая, Синодальный список, 1218 г.).

Летопись донесла до нас много речей, произносившихся послами. По самому своему содержанию эти речи послов были гораздо более разнообразны и сложны, чем речи воинские и даже вечевые. В них меньше традиционных формул, шаблонных оборотов. Вместе с тем они легко заимствуют отдельные формулы из практики иной устной речи — вечевой, воинской, даже разговорной. Однако чем сложнее были задачи, ставившиеся дипломатическому языку, тем с большим блеском она разрешались.

Прежде всего поражает своеобразный образный лаконизм посольских речей: «Азъ уже бородатъ, а ты ся еси родилъ», — вспоминает Вячеслав Киевский речи, переданные им через послов Изяславу Мстиславичу (Ипатьевская летопись, 1151 г.). «Оже есте мой Городець пожгли и божницю, то я ся тому отъожгу противу», — говорит Юрий Долгорукий через послов Святославу Ольговичу (Ипатьевская летопись, 1152 г.). Юрий Всеволодович следующим образом формулировал свое требование, переданное через новгородских послов: «Выдайте ми Якима Иванковиця, Микифора Тудоровиця, Иванка Тимошкиниця, Сдилу Савиниц, Вячка, Иваца, Радка; не выдадите ли, а я поилъ есмь коне Тьхвѣрью, а еще Волховомь напою» (Новгородская

первая, Синодальный список, 1224 г.). Не менее выразителен и лаконичен ответ Ярослава Всеволодовича новгородским послам: «Мира не хочемъ, мужи у мене; а далече есте шли, и вышли есте акы рыбы на сухо» (Новгородская первая, Синодальный список, 1216 г.).

Особенное значение в посольских речах имела всегда выразительная антитеза: «Да аще вам любо, да сѣдита, аще ли ни, — да пусти Василка сѣмо» («Повесть временных лет», 1100 г.); «А поиди, а мы с тобою, не идеши ли, а мы есмь в хрестьномъ цѣлованьи прави» (Ипатьевская летопись, 1148 г.); «Годно ти ся с ним (Юрием) умирити — умиришися, пакы ли а рать зачнеши с ним» (Ипатьевская летопись, 1154 г.); «Аще ты ратенъ — си ратни же, аще ты миренъ, а си мирни же» (Лаврентьевская летопись, 1186 г.), и т. д.

По-видимому, яркой выразительностью отличались и речи, произносившиеся на пирах и тризнах. Пиры были широко распространены в быту княжеском, церковном, купеческом и крестьянском. О погребальных тризнах упоминают Ибн Фадлан и русская летопись в рассказе о третьей мести княгини Ольги древлянам. О полуязыческих трапезах роду и рожаницам упоминают списки тех исповедальных вопросов, которые священники обязаны были задавать на духу. Сохранилось немало свидетельств и о мирских братчинах городских и сельских общин. Наконец, летопись донесла до нас многочисленные свидетельства о пирах князей с их широким гостеприимством. Они устраивались и по поводу вокняжения нового князя, и по поводу построения новой церкви или монастырской стены, и по поводу военных побед, и при дипломатических свиданиях русских князей. На пирах этих произносились похвальные речи, провозглашались здравицы, произносились поучения «духовным отцом» за четвертой чашей. «Слово о богатом и убогом» говорит, что на пирах выступали «ласковьци, шьпилеве, праздьнословьцы, смехословьцы». Следов этого пиршественного ораторства до нас почти не дошло, но о наличии его выразительно свидетельствует надпись на «круговой» серебряной чаре Владимира Давыдовича (1139—1151): «А се чара кня(жя) Володимирова Давыдовича, кто из нее пь(ет), тому на здоровье, а хваля Бога [и] своего осподаря великого кня(зя)». Отзвуком такой хвалы князьям, может быть, является заключительная здравица в «Слове о полку Игореве»: «Солнце свѣтится на небесѣ, Игорь князь въ Руской земли. Дѣвици поютъ на Дунаи, вьются голоси чрезъ море до Киева. Игорь ѣдетъ по Боричеву къ святѣй Богородици Пирогощей. Страны ради, гради весели. Пѣвше пѣснь старымъ княземъ, а потомъ молодымъ пѣти: Слава Игорю Святъславличю, буй туру Всеволоду, Владимиру Игоревичу. Здрави князи и дружина, побарая за христьяны на поганыя плъки! Княземъ слава а дружинѣ!».

Слава князьям провозглашалась не только на пирах. Ее пели победителю на улице или избранному князю на княжом дворе. Так было в 1068 г., когда киевляне, освободив Всеслава из поруба, «прославиша и̂ (его) средѣ двора къняжа» («Повесть временных лет»). Так было в 1242 г., когда псковичи встречали Александра Невского при возвращении с Ледового побоища, «поюще пѣснь и славу государю, великому князю Александру Ярославичю» (Житие Александра Невского в псковской редакции). Так было в 1251 г. при возвращении из победоносного похода Даниила Галицкого и его брата Василь-

ка: «И пѣснь славну пояху има, Богу помогшу има, и придоста со славою на землю свою, наследивши путь отца своего великаго Романа...» (Ипатьевская летопись).

. Культура устной речи отчетливо дает себя чувствовать и в тех речах, которые произносились при погребении князей. Можно привести много других случаев, в которых сама действительность настойчиво требовала высокой культуры устной речи. Вспомним речи, произносившиеся при клятвенных заверениях на кресте (например, крестоцеловальные речи на Любечском съезде 1097 г.), речи на княжеских снемах, в заседаниях совета господ в Новгороде, при судопроизводстве и т. п.

Вся эта высокая культура «устнои литературной речи» (литературной, — так как приподнятое ораторское слово нельзя признать речью просто разговорной) отразилась в «Повести временных лет» прямо и косвенно: прямо, — когда летописец, занося в свою летопись действительно произнесенные слова, сохранял в своем изложении выражения подлинные, косвенно, — когда летописец для описания явлений исторической действительности прибегал к тем выработанным формулам, терминам, художественным образам, которые он усвоил себе в большей мере слухом, чем глазом.

Широкое отражение получила в летописи и специальная терминология: военная, феодальная, юридическая, охотничья (особенно в «Поучении Мономаха») и т. д. В основе многих из терминов лежала яркая образность, выработанная народом: «взять град копьем» — взять город приступом («Повесть временных лет», 971 г.), «всесть на конь» — выступить в поход («Повесть временных лет», 968 г.), «утереть пот» — вернуться домой с победою («Повесть временных лет», 1019 г.), «взломить полк» — разбить боевой порядок полка («Повесть временных лет», 1093 г.), «есть хлеб деден» — княжить в своей отчине и дедине, «показать путь» — прогнать от себя кого-либо («Повесть временных лет», 1073 г.) и т. д., и т. п. Пользуется летописец и поговорками: «погибоша аки обрѣ» («Повесть временных лет», введение), «аще ся въвадить волкъ в овцѣ, то выносить все стадо, аще не убьють его» («Повесть временных лет», 945 г.), «бѣда аки в Роднѣ» («Повесть временных лет», 980 г.) и др. Итак, язык летописи, и в частности «Повести временных лет», в значительной степени зависит от языка устного. Отражая действительность, летопись отражает и язык этой действительности, передает речи, которые были на самом деле произнесены. В первую очередь это влияние устного языка сказывается в прямой речи летописей, но и речь косвенная, повествование, ведущееся от лица самого летописца, в немалой степени зависит от живого устного языка своего времени.

Таковы были те устные основы, на которых зиждилось своеобразие «Повести временных лет» как памятника русской исторической мысли, русской литературы и русского языка.

Теперь нам надлежит рассмотреть письменные основы «Повести временных лет» — ее корни в русской письменности XI—начала XII в.

«Повесть временных лет» стоит на грани двух общественных укладов — уже ушедшего патриархально-общинного и нового, феодального, двух исторических сознаний — эпического и летописного; она же стоит на грани двух

литератур — устной и письменной, будучи, по существу, произведением письменным, отражая в основном сознание начально-историческое и принадлежа эпохе феодализма. Из прошлого «Повесть временных лет» сохраняет лишь лучшее, творчески перерабатывая его в произведение нового времени. На основе устной традиции своего времени «Повесть временных лет» создает письменный литературный язык, письменную историю Руси.

2

Мы рассмотрели выше устные основы «Повести временных лет», — они многообразны, в них главные источники ее высоких достоинств. Тем не менее «Повесть временных лет» — произведение письменное, при этом обладающее всеми особенностями именно письменного произведения средневековья.

Устные истоки давали главным образом материал, содержание и идеи для построения русской истории, отчасти ее стилистическое оформление, язык. Традиции же письменности вводили весь этот материал в привычные для средневековой книжности композиционные рамки. Летописцы работали обычными приемами средневековых книжников. В «Повести временных лет» сказались навыки обращения с материалом, типичные для средневековых писателей и совсем не похожие на писательские навыки нового времени.

Средневековая русская книга и внешне, и своим составом резко отличалась от книг нового времени. В средневековой письменности редко можно найти произведение одного автора или одно произведение, выделенное в отдельную самостоятельную книгу. Нельзя представить себе, что на книжной полке средневекового любителя чтения стояли рядом в отдельных переплетах «Слово о полку Игореве», «Моление Даниила Заточника», «Поучение Мономаха» и т. д. Средневековая русская книга — пергаменная первоначально, а с конца XIV в. бумажная, крытая деревянными крышками, обтянутыми кожей, застегивавшаяся на медные застежки, многолистная и тяжелая — была чаще всего сборником.

Конечно, книги церковные, богослужебные, богословскопереводные не были сборниками. В сборники по преимуществу собирались произведения, предназначавшиеся для личного чтения. В своем составе сборники отражали вкусы читателей, их выбор, их интересы. Читатель и переписчик (а эти две категории книголюбцев древней Руси были гораздо более едины, чем в новое время), предоставленные своим собственным интересам, как только они чувствовали себя более или менее свободными от опеки церкви, переписывали, переделывали и соединяли в сборники особенно понравившиеся им произведения. Читатель становился соавтором, соавтор же был и «делателем книги» — ее переписчиком. Средневековье не знало «авторского права», авторской собственности в нашем смысле этого слова. Над автором господствовал читатель — он же подчас и переписчик книги. Читательские требования этого переписчика книги были сильнее всякого авторского права. Если только автор не был церковным авторитетом, «отцом церкви», — с его правами не считались, его имя часто не упоминалось, его произведение переделывалось в

переписке. Читатель превращался в соредактора, а подчас и в соавтора. Отсюда постоянные добавления, наращения вставками и переделки произведений; отсюда множественность редакций и изводов одного и того же сочинения.

Вот почему исторические произведения древней Руси в большинство случаев дошли до нас отнюдь не в едином и цельном авторском тексте: одна и та же летопись или один и тот же хронограф сохранились в различных редакциях и различных изводах. Больше того: очень часто «автор» в современном смысле этого слова в средневековых исторических сочинениях отсутствует. И в летописи, и в хронографах, а нередко и в повестях, житиях, патериках перед нами предстает своеобразный «коллективный автор», многоразличный, социально неоднородный, принадлежащий сразу нескольким столетиям, а иногда даже и нескольким национальностям (если мы имеем дело с русскими переделками переводных произведений). Было бы недопустимой модернизацией рассматривать тексты летописей (в том числе и «Повести временных лет») как тексты единые, принадлежащие единому автору. Попытки восстановить первоначальный «авторский» текст «Повести временных лет» (А. Шлецер) или найти единого автора для летописи Киевской XII в. (Татищев, Шлецер, Миллер) и Новгородской XI в. (Татищев, Миллер) давно оставлены наукой.

В самом деле, еще П. М. Строев обратил внимание на то, что летописи представляют собой своеобразные сборники разновременных и разнородных произведений — «своды» предшествующего материала и нового текста.[1] Это понятие «свода» было впоследствии конкретизировано и уточнено в применении к летописи в работах М. П. Погодина,[2] И. И. Срезневского,[3] И. Д. Беляева,[4] К. Н. Бестужева-Рюмина[5] и в особенности в многочисленных работах А. А. Шахматова, обратившего внимание на то, что создание этих сводов отнюдь не может рассматриваться как дело случая, что в основе их создания лежит не механический подбор случайного материала, а сознательная воля их составителя.

Действительно, внимательное и тщательное изучение многочисленных текстов русских летописей, то схожих, то различных между собой в отдельных частях и в целом, варьирующих известия, сокращающих друг друга или расширяющих известия других, показывает, что все эти сложные взаимоотношения летописей получились в результате того, что летописцы составляли свои летописи как сборники, «своды» предшествующих летописных материалов с

---

[1] Взгляд этот высказан П. М. Строевым в предисловии к изданию «Софийского временника» (СПб., 1820).

[2] Главным образом в его «Исследованиях, замечаниях и лекциях о русской истории» (М., 1846—1856. Т. 1—7).

[3] *Срезневский И. И.* Исследование о летописях новгородских // Изв. 2-го Отд-ния Академии наук. СПб., 1853. Т. 2 и др.

[4] *Беляев И. Д.* 1) Русские летописи по Лаврентьевскому списку // Временник Московского общества истории и древностей российских. М., 1849. Отд. 1. Кн. 2. С. 1—26; 2) О разных видах русских летописей // Там же. М., 1850. Отд. 1. Кн. 5. С. 1—34.

[5] *Бестужев-Рюмин К.* О составе русских летописей до конца XIV в. СПб., 1868.

присоединением своих записей за последние годы. Именно в результате такого рода соединений в летописях предшествующих летописных материалов получается так, что та или иная летопись дважды, а иногда и трижды говорит об одном и том же событии: соединяя несколько предшествующих летописей в одну, летописец мог не заметить, что он повторил свой рассказ, «дублировал» известие на основании нескольких источников.

«Сводный» характер русских летописей не только выясняется путем внимательного и кропотливого сличения списков, позволяющих определить, из каких источников составилась та или иная летопись, но иногда прямо заявлен и самим летописцем. В Новгородской пятой летописи под 1405 г. летописец перешел к другому источнику, отметив заимствование словами: «А се с другого старого».[1] Составитель Синодального списка Псковской летописи в первых же строках ссылается на какую-то «книгу сию».[2] Ссылка на «старые летописцы» имеется в летописи Авраамки под 1421 г.[3] В Софийской первой летописи имеются на полях отсылки к «киевскому летописцу».[4] Свои источники указывает и составитель свода тверского князя Бориса Александровича.[5]

Этим характером «сводов» обладают не одни только русские летописи, но и другие исторические произведения древней Руси. Такими же сводами, как и летопись, являются и хронографы (Еллинские летописцы всех видов, русские хронографы всех редакций, палеи — хронографическая, толковая, историческая), патерики, жития. В своды же иногда группируются по местному, локальному признаку и многие русские повести исторического характера. Цикл рязанских сказаний об иконе Николы Заразского объединяет в своем составе воинскую повесть о разорении Рязани Батыем, переработку былины о Евпатии Коловрате, церковную легенду о перенесении иконы Николы из Корсуни, ряд вставных эпизодов XIV—XVI вв., рассказ о чуде от иконы в Коломне, генеалогию «служителей» этой иконы и др. Отдельные местные своды составляют также муромские повести, новгородские повести, китежские предания и т. д.

Сводный характер древнерусских исторических произведений — особенность не только их ф о р м ы. Самая форма сводов, в которые облекались древнерусские исторические произведения, была тесно связана с особым историческим сознанием их авторов. Средневековые своды предшествующего исторического материала составлялись прежде всего ради сохранения первоначального их текста как своего рода документа в произведении новом. Средневековый читатель ценил в исторических произведениях прежде всего их документальность. Древнерусский читатель в литературных произведениях искал того, что было «на самом деле», его интересовал не реализм изображения, а сама реальность, не фабула, а сами события, хотя в оценке и понимании исторических событий он нередко был чужд реализма, принимая за реально

[1] ПСРЛ. Пгр., 1917. Т. 4, ч. 2, вып. 1. С. 145, примеч. а.
[2] *Насонов А.* Из истории псковского летописания // ИЗ. 1946. Т. 18. С. 281.
[3] ПСРЛ. СПб., 1889. Т. 16. С. 173.
[4] Там же. Л., 1925. Т. 5, вып. 1. С. 147—149.
[5] Там же. СПб., 1863. Т. 15. С. 465.

бывшее рассказы о чудесах, знамениях, явлениях и т. п. В связи с этим древнерусский историк давал свой новый авторский текст преимущественно о современных ему событиях, о тех, которым он мог быть свидетелем или о которых он мог знать от свидетелей. Мы редко можем указать в древней русской литературе историческое произведение, первоначальный текст которого был бы написан спустя столетие или более после описываемых событий. О более или менее далеком прошлом средневековые авторы не писали новых произведений, предпочитая соединять и перерабатывать старые, составлять своды, сохранять всю старую фактическую основу, ценя в старых произведениях документ, подлинность.

Сколько бы труда ни положил летописец на составление своего летописного свода, личный, авторский текст летописца будет охватывать лишь последнюю часть этого свода. Летописные труды постоянно дополнялись, разрастались новыми записями. История вплоть до XVI в. не имела для русских людей законченных периодов, а всегда продолжалась современностью. Каждый летописец всегда стремился довести летописные записи «до князя нынешнего», до своего времени. И в этих конечных записях летописцев заключен обычно особенно ценный исторический материал: здесь летописец пишет не выдержками из чужих произведений, а своими собственными словами. Вот почему летопись фактически не имеет конца; ее конец в постоянно ускользающем и продолжающемся настоящем. Настоящее как продолжение истории, как живой и вечно продолжающийся итог — это своеобразное историческое восприятие сказалось также и в самой форме сводов, соединяющих старый, документально ценный материал и продолжающих его новыми записями до современных летописцу событий.

Итак, летопись — это с в о д. Составляя свой свод, летописец прежде всего заботился о том, чтобы получить в свои руки труды своих предшественников — таких же летописцев, затем исторические документы — договоры, послания, завещания князей, исторические повести, жития русских святых и т. д., и т. п. Собрав весь доступный ему материал, иногда многочисленный и разнообразный, иногда всего два-три произведения, летописец соединял его в погодном изложении. Летописи он соединял год с годом, стремясь избегнуть повторений, документ помещал под годом, к которому он относился, житие святого — под годом смерти этого святого, историческую повесть, если она охватывала несколько лет, разбивал по годам и каждую часть помещал под своим годом, и т. д. Построение летописного изложения по годам давало ему удобную сеть для разнесения в нее все новых и новых произведений. Работа эта не была механической: летописцу приходилось иногда устранять противоречия, иногда производить сложные хронологические изыскания, чтобы поместить каждое событие под своим годом. Исходя из своих политических представлений, летописец иногда пропускал то или иное известие, делал тенденциозную подборку этих известий, изредка сопровождал их собственным кратким политическим комментарием, но при этом не сочинял новых известий. Закончив свою работу «сводчика», летописец дополнял этот материал собственными записями о событиях последних лет.

Составленная из разновременных кусков, из произведений разных жанров, летопись внешне кажется пестрой, сложной, неоднородной. Однако пестрота

и сложность дошедших до нас памятников летописания объясняются не только тем, что они представляют собою своды. В научной литературе неоднократно указывалось на стилистические трафареты в русской средневековой письменности («воинские формулы» — А. С. Орлов,[1] житийные шаблоны — В. О. Ключевский[2]). Эти стилистические трафареты стали проявлениями своеобразного средневекового писательского этикета. О каждом роде фактов приверженный этикету феодального общества средневековый писатель стремится писать в своей, только для этой группы фактов предназначенной манере: о святом — только в житийных штампах (в трафаретных выражениях описываются детство святого, подвиги в пустыне, кончина, предсмертные слова и т. п.); о военных действиях — только в воинских формулах (враг наступает «в силе тяжце», стрелы летят, «как дождь», кровь течет «по удолиям»); умершему князю преподносится шаблонная некрологическая похвала, и т. д. Не следует думать, что воинские трафареты применяются только в воинских повестях, житийные шаблоны только в житиях святых, и т. д. Здесь дело не в шаблонах жанров, как думали некоторые исследователи древнерусской литературы (А. С. Орлов, В. О. Ключевский), а именно в этикете: каждый род фактов следует описывать в только ему принадлежащей манере, в выражениях, для него предназначенных. Вот почему в житиях святых военные действия изображаются не в житийных выражениях, а в воинских, в воинских же повестях изображение святого подчинено житийным шаблонам. Вот отчего и в летописях применяются все манеры изложения — в зависимости от того, о чем идет речь. И дело здесь заключается опять-таки не только в форме, но и в существе изложения, поскольку все эти стилистические трафареты, весь этот «этикет» писательского ремесла связан и с идейными представлениями средневековья о святом, о злодее, об идеальном типе князя, о мотивах, по которым враги нападают на Русскую землю, о причинах стихийных бедствий (моровой язвы, засухи и т. д.), изображаемых в своих этикетных выражениях. Как и сводный характер летописей, это «нанизывание» различных типов стилистических трафаретов в одной и той же летописи ведет нас к иному, глубоко отличному от современного представлению и об авторском тексте (единство которого вовсе не было обязательным), и об авторской точке зрения на события.

Летописи — это не только своды предшествующих произведений, не только своды различных трафаретов писательского «этикета», но и своды идей. В них получают свое отражение различные идеологии.

В самом деле, уже давно и бесспорно установлено, что «рукой летописца управляли политические страсти и мирские интересы».[3] Сами летописцы неоднократно заявляют о политической целенаправленности своих летописей.

---

[1] *Орлов А. С.* 1) Об особенностях формы русских воинских повестей (кончая XVII в.) // Чтения в Обществе истории и древностей. 1902 Отд 1. Кн 4. С 1—50; 2) О некоторых особенностях стиля великорусской исторической беллетристики XVI—XVII вв. // ИОРЯС. 1908. Т. 13, кн. 4. С. 344—379; 3) Хронограф и «Повесть о Казанском царстве» // Сб. статей в честь акад А. И. Соболевского. (Сб. ОРЯС АН. 1928. Т. 150. № 3. С. 188—193)

[2] *Ключевский В. О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871 С. 358—438.

[3] *Шахматов А. А.* Повесть временных лет. Пгр., 1916. Т. 1 С. XVI.

В 1241 г. галицкий князь Даниил приказал своему печатнику Кириллу «исписати грабительства нечестивыхъ бояръ», и этот отчет Кирилла составил основную часть княжеской летописи Даниила.[1] В другом случае (1289 г.) князь Мстислав Данилович приказал занести в летопись крамолу жителей Берестья. В сгоревшей в 1812 г. Троицкой летописи начала XV в. под 1392 г., по свидетельству Н. М. Карамзина, читались горькие упреки новгородцам по поводу их непокорности великим князьям московским: «Бѣша бо человѣци суровы, непокориви, упрямчиви, непоставны... кого отъ князь не прогнѣваша или кто отъ князь угоди имъ? Аще и великий Александръ Ярославичь (Невский) не уноровилъ имъ».[2] В качестве доказательства летописец ссылается на московскую летопись: «И аще хощеши распытовати, разгни книгу: Лѣтописецъ Великий Русьский — и прочти отъ Великого Ярослава и до сего князя нынѣшняго».[3] Действительно, московская летопись полна политическими выпадами против новгородцев, тверичей, суздальцев, рязанцев, так же как и рязанская, тверская, новгородская, нижегородская летописи — против москвичей. В летописи мы встретим гневные обличения боярства (в галицкой, владимирской, московской), многословные выступления против демократических низов (в новгородской), защиту «черных людей» от «житьих людей» и боярства (в некоторых псковских), антикняжеские выпады боярства (в летописи новгородской XII в.), защиту основ великокняжеского «единодержавия» (в летописи владимирской XII в., в летописи тверской середины XV в. и в московской конца XV—XVI в.) и т. д. О чисто «мирских» — политических — задачах, которые ставили перед собой летописцы, говорят и предисловия к летописям. Составитель «Лѣтописца княжения тферскаго благовѣрныхъ великыхъ князей тферьскыхъ» (свод тверского князя Бориса Александровича) пишет в предисловии к своему труду, что он выполнил его по повелению «благочестия дръжателя» князя Бориса Александровича, что труд свой он посвящает прославлению «чести премудраго Михаила, боголюбиваго князя», т. е. Михаила Александровича Тверского.

Однако многие исследователи летописей, и в первую очередь А. А. Шахматов, рассматривали «идеологическую» сторону летописи только в связи с политическими концепциями того или иного феодального центра, где составлялась летопись. С точки зрения А. А. Шахматова, летопись отражала политические концепции Киева, Владимира, Новгорода, впоследствии Москвы, Твери, Нижнего и т. д. Иногда внутри феодального центра различались точки зрения княжеская и епископская, митрополичья, — и только. Для А. А. Шахматова не существовало глубоких сдвигов в общественном сознании. Политическая точка зрения летописца, по представлениям А. А. Шахматова, была прежде всего местной, областной, и это в известной мере вело к затушевыванию отражения социальной борьбы в летописях.

Между тем в летописи отражена не только идеология тех или иных феодальных центров. Мы видели выше, что в «Повести временных лет»

---

[1] *Черепнин Л. В.* Летописец Даниила Галицкого // ИЗ. 1941 № 12. С. 251 и след.
[2] *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. 5. Примеч. 148.
[3] Там же.

отражены рассказы старых дружинников — Вышаты Остромирича и Яна Вышатича. Вместе с ними в «Повесть временных лет» проникли элементы дружинной идеологии. Эта дружинная идеология сказывается не только в рассказах Вышаты и Яна. Так, например, под 1075 г. в рассказе о прибытии в Киев немецкого посольства проведена та мысль, что дружина дороже всякого богатства. «Се ни въ что же есть, се бо лежить мертво, — говорят послы о богатствах Святослава. — Сего суть кметье луче. Мужи бо ся доищуть и болше сего». В сходных выражениях говорит в летописи и Владимир Святославич, когда до него дошел ропот его дружины: «Сребромъ и златом не имам налѣсти дружины, а дружиною налѣзу сребро и злато, якоже дѣдъ мой и отецъ мой доискася дружиною злата и сребра» («Повесть временных лет», 996 г.). Особенно ярко противопоставление дружины богатству ощущается в рассказе «Повести временных лет» под 971 г. о дарах Цимисхия Святославу: Святослав и не взглянул на золото и паволоки, а оружие взял и приветствовал. То же противопоставление заметно и в рассказе под 1073 г. о бегстве Изяслава в Польшу «со имѣньем многым», о котором Изяслав, обманываясь, думал: «Симь налѣзу вои». Наконец, то же противопоставление золота дружине звучит и в «Предисловии» предшествовавшего «Повести временных лет» Начального свода, и в словах Ярослава Мудрого в Начальном своде, обращенных к своей дружине, под 1016 г.: «Любимая моя и честная дружина, юже вы исѣкохъ вчера въ безумии моемъ, не топѣрво ми ихъ златомъ окупитѣ».

Естественно, напрашивается вопрос: как могла проникнуть в монастырскую летопись дружинная точка зрения на политические события своего времени? Ответ на этот вопрос опять-таки лежит в сводном, компилятивном характере «Повести временных лет». При этом необходимо отметить, что остроте и целенаправленности политической точки зрения летописца не противоречит его стремление сохранить в своей летописи более или менее сходные точки зрения, — сходные по своей направленности, хотя иногда и различные по исходным позициям. Идеология «старой дружины» в конце XI в. была направлена против новой политики князей, и она дает себя чувствовать в летописи Киево-Печерского монастыря, находившегося в ссоре со Святополком, а впоследствии эти же дружинные упреки князьям через киево-печерский Начальный свод переносятся в Новгород и здесь используются в совершенно иной социальной среде в целях боярской антикняжеской пропаганды.[1] Для летописца часто не важно, с каких позиций критикуется княжеская власть: ему важна сама критика ее; вот почему дружинная аргументация против новой политики князей применяется в антикняжеских целях и в монастыре, и в боярской республике.

То же самое следует сказать не только о политической идеологии летописца, но и о его мировоззрении в целом. Принято говорить о его провиденциализме, религиозном мировоззрении. Следует, однако, заметить, что летописец отнюдь не отличается последовательностью в этой своей религиозной точке зрения на

---

[1] *Лихачев Д.* Новгородские летописные своды XII в.: Автореферат // Изв. АН СССР. Отд-ние языка и литературы. 1944. Т. 3, вып. 2—3. С. 98—106.

события. Ход повествования летописца, его конкретные исторические представления очень часто выходят за пределы религиозного мышления и носят чисто прагматический характер. Свой провиденциализм летописец в значительной мере получает в готовом виде, а не доходит до него сам, он не является для него следствием особенностей его мышления. Религиозные представления летописца в значительной степени могут расходиться с его личным опытом, с его практической деятельностью как историка. Русская политическая мысль находила выражение в тесной связи с реальными отношениями своего времени. Она конкретно опиралась на факты современной истории. Для нее не характерны самостоятельные отвлеченные построения христианской мысли, уводившей летописца от земного мира к отвлеченным вопросам предстоящего разрыва с земным бытием и устроения мира потустороннего. Вот почему, к счастью для исторического знания древней Руси, летописец не так уж часто руководствовался своей философией истории, не подчинял ей целиком повествование, а только внешне присоединял свои религиозные толкования тех или иных событий к деловитому и в общем довольно реалистическому рассказу. Важно при этом отметить, что в выборе моментов, по поводу которых летописец находил необходимым пускаться в религиозно-дидактические комментарии, сказывался тот же средневековый «этикет» писательского ремесла, о котором мы говорили уже выше. Религиозно-дидактические комментарии летописца вызывали всегда одни и те же явления описываемой им жизни: неурожаи, моры, пожары, опустошения от врагов, внезапная смерть или небесные «знамения». Религиозные воззрения, таким образом, не пронизывали собою всего летописного изложения.

В этой непоследовательности летописца ценность летописи, так как только благодаря ей в летописное изложение властно вторгаются опыт, непосредственное наблюдение, элементы реализма, политическая злободневность — все то, чем так богата и благодаря чему так ценна русская летопись.

Если летопись — свод предшествующего исторического материала, свод различных стилистических отрывков, свод политических идеологий и если летопись даже не отражает единого, цельного мировоззрения летописца, то почему же все-таки она предстает перед нами как произведение в своем роде цельное и законченное?

Единство летописи как исторического и литературного произведения не в заглаженности швов и не в уничтожении следов кладки, а в цельности и стройности всей большой летописной постройки в целом, в единой мысли, которая оживляет всю композицию. Летопись — произведение монументального искусства, она мозаична. Рассмотренная вблизи, в упор, она производит впечатление случайного набора кусков драгоценной смальты, но окинутая взором в ее целом, она поражает нас строгой продуманностью всей композиции, последовательностью повествования, единством и грандиозностью идеи, всепроникающим патриотизмом содержания.

Летописец развертывает перед нами картину русской истории — всегда от ее начала, за несколько столетий, не стесняясь размерами своего повествования. Он дает эту картину в противоречиях своего собственного мировоззрения и мировоззрения своих предшественников. Эти противоречия жизненны и зако-

номерны для его эпохи. Его представления о перспективе укладываются в рамки средневековой системы.

Летопись — как произведение стенописи XI—XII вв., где одна человеческая фигура больше, другая — меньше, здания помещены на втором плане и уменьшены до высоты человеческого плеча, горизонт в одном месте выше, в другом — ниже, ближайшие к зрителю предметы уменьшены, отдаленные же увеличены, но в целом вся композиция сделана продуманно и четко: увеличено наиболее важное, уменьшено второстепенное, сверху показано то, что должно быть раскрыто именно сверху (например, стол с лежащими на нем предметами), снизу показано то, что мы обычно видим снизу, каждый предмет взят не со случайной точки зрения, а с той, с которой он может быть показан зрителю лучше всего.

Противоречивой, нецельной и мозаичной летопись будет казаться нам только до той поры, пока мы будем исходить из мысли, что она создана вся от начала до конца одним автором. Такой автор окажется тогда лишенным строгого единства стилистической манеры, мировоззрения, политических взглядов и т. д. Но как только мы станем исходить из мысли, что единого автора летописи не было, что подлинным автором летописи явилась эпоха, ее создавшая, что перед нами не система идей, а динамика идей, — летопись предстанет перед нами в своем подлинном единстве — единстве, которое определяется не авторской индивидуальностью, а действительностью, жизнью, в единстве, отражающем в себе и все жизненные противоречия. Огромные просторы вечнотекучего содержания летописи окажутся тогда включенными в широкое, но тем не менее властно подчиняющее себе движение летописного текста русло — русло русской действительности.

Как и всякая летопись, «Повесть временных лет» — свод. В самом деле, в «Повести временных лет» мы отнюдь не имеем дела с единым авторским текстом, принадлежащим одному автору. Ясно, например, что тексты договоров русских с греками под 907, 912, 945 и 971 гг. не выдуманы летописцем, что это — документы, включенные в летопись. Совершенно отчетливо выделяются в «Повести временных лет» и переводные источники ее исторической осведомленности. Летописцы пользовались как историческими источниками различными переводными сочинениями, делали из них выборки, кропотливо, на основании документов воссоздавая историческое прошлое Руси. Эти переводы дошли до нас полностью; поэтому не трудно установить, откуда, из какого места того или иного сочинения взят летописцем какой-нибудь текст и как он переработан для включения в летопись. Из переводных источников исторических сведений летописца укажем прежде всего Хронику Георгия Амартола («грешного». т. е. монаха) и его не известного нам по имени греческого продолжателя. На эту Хронику ссылается и сам летописец: «Глаголеть Георгий в лѣтописаньи...». Ссылается летописец и на Хронограф (под 1114 г.), из которого также приводит выдержки в разных местах «Повести временных лет». Этот Хронограф был, вероятно, одноροден по типу русскому Еллинскому и Римскому летописцу, составленному на основании переводных хроник Амартола и Иоанна Малалы. Во всяком случае, выдержки из Хроники Георгия Амартола приводятся в «Повести временных лет» в ряде мест в том же

сочетании с отрывками из Хроники Иоанна Малалы, что и в Еллинском и Римском летописце. Пользуется летописец как историческим источником и «Летописцем вскоре» константинопольского патриарха Никифора, откуда заимствует под 852 г. хронологическую выкладку. Из переводного греческого Жития Василия Нового летописец приводит под 941 г. описание военных действий Игоря под Константинополем. Ссылается летописец и на авторитет «Откровения» Мефодия епископа Патарского под 1096 г. («Мефодий же свѣдѣтельствуеть о нихъ...» — о половцах; «яко сказаеть о них Мефодий Патарийскый, глаголя...»). Летописец дает из Мефодия Патарского большие выдержки. Несомненно, что и большое сказание о начале славянской грамоты под 898 г. также не выдумано летописцем, а приведено им из каких-то западнославянских источников. Трудно определить отдельные русские сказания, вошедшие в состав «Повести временных лет»: о крещении и смерти Ольги, о первых мучениках-варягах, о крещении Руси с «речью философа», о Борисе и Глебе и др. Еще более трудно определить те предшествовавшие «Повести временных лет» летописи, которыми пользовался ее составитель и его предшественники. Каков был состав этих предшествовавших «Повести временных лет» летописей? Какими из внелетописных исторических источников воспользовался каждый из летописцев? Когда были составлены эти летописи? На все эти вопросы ответить нелегко, здесь возможны по большей части лишь предположения — одни более убедительные, другие менее, но ответить на эти вопросы необходимо, так как от этого зависит и степень достоверности приводимых ими сведений.

Пристальный анализ текста «Повести» тотчас же обнаруживает отдельные части, которые не могли быть написаны автором XII в. Летописец XII в. не мог знать, что половцы разбили Всеволода в 1061 г. точно 2 февраля, что Ростислав Тмутараканский умер 3 февраля 1066 г., что в 1065 г. рыбаки выловили в Сетомле неводом урода, что 3 марта 1067 г. произошла битва на Немиге и многое другое.

Кроме того, в «Повести временных лет» обнаруживаются явные вставки, разрушающие логическое развитие рассказа. Так, например, рассказав о троекратном мщении Ольги древлянам за убийство мужа — Игоря, летописец заключает: «и побѣдиша деревляны». Казалось бы, после этих слов следует ожидать сведений о той дани, которую Ольга возложила на побежденных. Но оказывается, что с древлянами не все покончено: древляне затворяются в своих городах, после чего летописец рассказывает о второй победе Ольги — о ее четвертой мести; и только после этого уже следуют слова: «възложиша на ня дань тяжьку». Ясно, что рассказ о четвертой мести Ольги древлянам искусственно вставлен в летописный текст.

Или еще пример вставки: в 971 г., видя убыль в своей дружине, Святослав решает вернуться из византийских пределов за новым войском: «Поиду в Русь, — говорит он, — приведу боле дружины». И он действительно исполняет свое решение: «поиде в лодьях к порогом». Но между рассказом о решении и рассказом об исполнении этого решения находится повествование о заключении Святославом мира с греками и обширный текст договора. Ясно, что и здесь мы имеем дело со вставкой.

Вставки в тексте «Повести временных лет» были обнаружены различными исследователями.[1] Особое внимание обратил на них А. А. Шахматов. Наличие этих вставок свидетельствует о том, что в основе «Повести временных лет» лежит летопись, еще более древняя. Очевидно, что составитель «Повести временных лет» использовал труд своего предшественника летописца, расширив его этими самыми вставками и продолжив изложение событий до своего времени.

Восстановление летописных сводов, предшествовавших «Повести временных лет», принадлежит к увлекательнейшим страницам филологической науки. Приведем лишь некоторые из соображений, дающих возможность восстановить работу предшественников составителя «Повести временных лет».

В начале списков Новгородской первой летописи (кроме Новгородской первой по Синодальному списку, где начало рукописи утрачено) читается текст, частично сходный, а частично различный с «Повестью временных лет». Исследуя этот текст, А. А. Шахматов пришел к выводу, что в нем сохранились отрывки более древней летописи, чем «Повесть временных лет». В числе доказательств А. А. Шахматов приводит и отмеченные выше места, где в тексте «Повести временных лет» обнаруживаются вставки. Так, под 946 г. в Новгородской первой летописи отсутствует рассказ о четвертой мести Ольги и повествование развертывается логически: «и побѣдиша древляны и возложиша на них дань тяжку», т. е. именно так, как, по предположению А. А. Шахматова, читалось в летописном своде, предшествовавшем «Повести временных лет» (см. выше).

Так же точно отсутствует в Новгородской первой летописи и договор Святослава с греками, который, как указывалось выше, разорвал фразу: «И рече: „Поиду в Русь и приведу боле дружине"»; и «поиде в лодьях».

Мысль, что в числе источников Новгородской первой летописи находился летописный свод более древний, чем «Повесть временных лет», получает подтверждение еще и в следующих соображениях. Новгородская первая летопись не могла явиться простым сокращением «Повести временных лет». В ней нет ни одной выписки непосредственно из греческой хроники Амартола, ни одного договора с греками и т. д.: так систематически сокращать не могли древние летописцы; да и зачем было летописцу задаться целью опустить в своем труде все выдержки из греческой хроники Амартола, все четыре договора с греками и т. д.?

Но, кроме того, между Новгородской первой летописью и «Повестью временных лет» замечаются значительные расхождения и по существу. Эти расхождения опять-таки могут быть объяснены только при том предположении, что текст, лежавший в основе Новгородской первой летописи, древнее «Повести временных лет».

Так, например, в Новгородской первой летописи рассказывается о том, что со смертью Рюрика вступил на княжеский престол его сын Игорь, у которого был воеводою Олег. В «Повести временных лет» сказано, что Игорь, после

[1] Ср., напр.: *Потебня А. А.* К истории звуков русского языка. Варшава, 1880. Вып. 2. С. 16.

смерти Рюрика, был малолетен и за него правил не воевода, а князь Олег. Такое различие станет нам вполне ясным, если исходить из предположения, что «Повесть временных лет» составлена позднее начальной части Новгородской первой летописи. Очевидно, что составитель «Повести временных лет», включая в нее договор 911 г. Олега с греками, обратил внимание на то, что Олег является в нем вполне самостоятельным князем, и соответственно этому перестроил рассказ предшествующей летописи. Если же мы предположим, наоборот, что «Повесть временных лет» составлена ранее начальной части Новгородской первой и что составитель последней просто сокращал «Повесть временных лет», то окажется совершенно непонятным, почему, выбросив договоры с греками, летописец «перевел» Олега из князей в воеводы.

На основании этих и многих других соображений А. А. Шахматов пришел к выводу, что в основе начальной части Новгородской первой летописи лежит летописный свод более древний, чем «Повесть временных лет». Летописец, составивший «Повесть временных лет», расширил текст новыми материалами, различными письменными и устными источниками, документами (договорами с греками), выписками из греческих хроник, и довел изложение до своего времени.

Однако свод, предшествовавший «Повести временных лет», восстанавливается по Новгородской первой летописи лишь частично, например в ней отсутствует изложение событий 1016—1052 гг. и 1074—1093 гг. Пробелы эти восполняются предположительно по самой «Повести временных лет».

Свод, легший в основу и «Повести временных лет», и Новгородской первой летописи, А. А. Шахматов назвал Начальным, предполагая, что с него именно и началось русское летописание. Шаг за шагом в различных исследованиях А. А. Шахматову удалось восстановить полностью его состав, установить время его составления (1093—1095) и показать, в какой политической обстановке он возник.

Начальный свод составился под свежим впечатлением страшного половецкого нашествия 1093 г. Описанием этого нашествия он заканчивался, размышлениями о причинах несчастий русского народа он начинался. Во вступлении к Начальному своду летописец писал, что Бог казнит Русскую землю за «несытство» современных князей и дружинников. Им, алчным и своекорыстным, летописец противопоставляет древних князей и дружинников, которые не разоряли народ судебными поборами, сами содержали себя добычей в далеких походах, заботились о славе князей и Русской земли.

Назвав этот свод Начальным, А. А. Шахматов не предполагал, что вскоре это название окажется неточным. Дальнейшие исследования ученого показали, что и в составе Начального свода имеются различные наслоения и вставки. А. А. Шахматову удалось вскрыть в основе Начального свода два еще более древних свода.

Один из главных аргументов, на основании которого доказывается наличие в Начальном своде более древних летописей, извлекается из анализа рассказа Начального свода о крещении князя Владимира.

Начальный свод, а за ним и «Повесть временных лет» рассказывают под 986 г., как к Владимиру пришли представители разных вер и убеждали его

принять их веру. Последним выступил греческий «философ», который произнес обширную речь. Он подробно изложил христианское учение, закончив тем, что показал Владимиру «запону» — полотно с изображением Страшного суда. Создается впечатление, что летописец подводит читателя к ожидаемому концу — согласию Владимира креститься. Однако на вопрос «философа» о согласии креститься Владимир отвечает несколько неожиданно: «Пожду и еще мало, хотя испытати о всѣх вѣрахъ». Под следующим 987 г. рассказывается о том, как избранные Владимиром люди объезжают все страны и возвращаются с тем же заключением, что греческая вера лучшая. Но и в этом случае Владимир не крестится, а задает боярам странный вопрос о том, где ему принять крещение. На этот вопрос бояре отвечают уклончиво: «Гдѣ ти любо». Под следующим 988 г. в летописи находится рассказ о крещении Владимира в Корсуни: независимо от уговоров «философа» Владимир принимает греческую веру только потому, что византийский император соглашается отдать ему в замужество свою сестру при единственном условии — крещении Владимира.

Создается впечатление, что в летописи слиты два рассказа: в одном из них говорилось о крещении Владимира в Киеве, в результате «испытания вер», а в другом о крещении в Корсуни как условии женитьбы Владимира на сестре императора, причем последний рассказ был вставлен в первый. И, действительно, следы этой вставки явственно ощутимы в летописи. Чтобы выяснить характер и происхождение обоих рассказов, А. А. Шахматов обратился к изучению всех житий Владимира, списков церковного устава Владимира и в особенности так называемого «Жития Владимира особого состава» (в Плигинском сборнике). В результате А. А. Шахматов пришел к выводу, что рассказ о крещении Владимира в Корсуни существовал первоначально в виде особого произведения и что древнейшая летопись, предшествовавшая Начальному своду, рассказывала о том, что Владимир крестился в Киеве, непосредственно вслед за речью «философа» в 986 г.; поход же на Корсунь был совершен Владимиром уже христианином в 989 г. Именно такая последовательность событий и нашлась в тех кратких извлечениях из какой-то очень древней летописи, которые имеются в «Памяти и похвале князю рускому Володимеру, како крестися...».

Определить время составления этой древней летописи, предшествовавшей Начальному своду, помогает ряд наблюдений. Среди них приведем и такое. Под 977 г. сказано, что Олега Святославича похоронили у города Вручего (современный Овруч) и что могила его есть «и до сего дне у Вручего». Но в дальнейшем летописец рассказывает, что «кости» Олега Святославича и его брата Ярополка Святославича были выкопаны в 1044 г. из могил и похоронены в киевской церкви Богородицы («Десятинной»). Отсюда ясно: летописец, писавший о том, что Олег Святославич был похоронен у Вручего, где могила его есть «и до сего дне», работал до 1044 г.; иначе он оговорил бы такое важное обстоятельство, как отсутствие в могиле погребенного в ней тела Олега.

Обратим внимание на ту обширную запись, которая относится к 1037 г.: под этим годом подробно описана строительная деятельность Ярослава и помещена пространная похвала ему; все же последующие записи 1037—1044 гг. носят характер кратких приписок. Возможно, что древнейший, первый

летописный свод заканчивался этой записью 1037 г. с прославлением Ярослава и его деятельности.

Однако между первым летописным сводом и Начальным сводом 1093—1095 гг. можно усмотреть существование еще одного свода, обстоятельства составления которого и сам составитель могут быть определены почти с полной достоверностью.

Начиная с 1061 г. в тексте Начального свода появляются точные датировки текущих событий. Летописец не только указывает год того или иного исторического факта, но, кроме года, — месяц и день. Это говорит, что события начинают записываться вскоре после их совершения. Замечательно, однако, не это, а то, что записи с точными датировками отмечают первоначально события в Киеве (1061—1063), затем подробно же сообщают о событиях в далекой Тмутаракани (1064—1066), оттуда снова переносятся на Русь (под 1067 г. отмечены события в Полоцке) и в 1068 г. уже определенно ведутся в Киеве.

Принимая во внимание, что после первого летописного свода, заканчивавшегося похвалой Ярославу, летописание прочно утвердилось в Киево-Печерском монастыре, следует признать, что такого рода переход летописных записей из Киева в Тмутаракань, а затем снова в Киев должен быть с несомненностью связан с единственными в своем роде событиями, происшедшими в этом монастыре. Из Жития Феодосия, составленного в конце XI в., мы узнаем, что монах Киево-Печерского монастыря Никон, по прозванию «великий», в начале февраля того самого 1061 г., на котором обрываются точные датировки киевских событий, бежал в Тмутаракань от гнева киевского князя Изяслава. В Тмутаракани Никон принимал активное участие в политической жизни и пробыл на черноморских берегах до февраля 1066 г., т. е. как раз те годы, в течение которых летопись точно датирует события в Тмутаракани и не знает точных дат для событий, происходивших на Руси. Затем, по поручению жителей Тмутаракани, Никон отправился в Чернигов к князю Святославу, чтобы просить у него сына Глеба на тмутараканское княжение. Святослава Никон в Чернигове не застал и дожидался его возвращения из похода на Всеслава Полоцкого, затем, в 1068 г., водворился к Киеве.

В Киеве Никон прожил до 1073 г., когда он вновь вынужден был покинуть его и вернуться в Тмутаракань. Но летописных записей в Тмутаракани Никон уже не продолжал, очевидно закончив свою летописную работу на этом, 1073 г.

Таким образом, история древнейшего русского летописания представляется А. А. Шахматову в следующем виде.

В 1037—1039 гг. была составлена первая русская летопись — Древнейший Киевский свод. С начала 60-х годов XI в. игумен Киево-Печерского монастыря Никон продолжил ведение летописания и к 1073 г. составил второй летописный свод. В 1093—1095 гг. в том же Киево-Печерском монастыре был составлен третий летописный свод, условно называемый Начальным. Наконец, в начале XII в., не сразу, а в несколько приемов, была составлена дошедшая до нас «Повесть временных лет» (к истории ее создания мы еще вернемся).

Эту схему истории древнейшего летописания, в общем хорошо обоснованную множеством соображений, и следует принять, несмотря на то что уже

после смерти А. А. Шахматова ему были сделаны возражения академиками В. М. Истриным и Н. К. Никольским. Возражения В. М. Истрина и Н. К. Никольского исходили из неполного числа фактов и не принимали в расчет всей аргументации А. А. Шахматова. Между тем воссоздавая свою картину древнейшего русского летописания, А. А. Шахматов пользовался всеми сохранившимися списками русских летописей, согласовывал свои положения со всей историей русского летописания.

Но А. А. Шахматов не останавливался на выяснении главнейших факторов истории начального русского летописания. Он стремился к восстановлению самого текста каждого из перечисленных выше сводов. В «Разысканиях о древнейших русских летописных сводах» (1908) А. А. Шахматов дал восстановленный им текст древнейшего свода в редакции 1073 г., т. е. текст свода Никона 1073 г. с выделением в нем при помощи особого шрифта тех частей, которые вошли в него из Древнейшего свода 1037—1039 гг. В более позднем своем труде «Повесть временных лет» (т. 1, 1916) А. А. Шахматов дал текст «Повести временных лет», крупным шрифтом выделив те ее части, которые восходят к Начальному своду 1093—1095 гг.

Необходимо отметить, что в своей чрезвычайно смелой попытке наглядно представить всю историю русского летописания, восстановить давно утраченные тексты А. А. Шахматов сталкивался с целым рядом вопросов, для решения которых не могло быть подыскано достаточного материала. Поэтому в этой последней части работы А. А. Шахматова — там, где он поневоле должен был решать все вопросы — даже и те, на которые было почти невозможно ответить, — выводы его носили только предположительный и недостаточно обоснованный характер.

3

Вставки, переделки, дополнения, соединения идейно и стилистически разнородного материала характеризуют Древнейший летописный свод даже в том его виде, в каком он восстанавливается А. А. Шахматовым.

Легко обнаруживается в нем два слоя: с одной стороны, церковные сказания о первых русских христианах, а с другой — народные предания о первых русских князьях-язычниках.

Оба эти слоя явно не могли принадлежать одному автору: они различаются и идейно, и стилистически. В церковных сказаниях проводится та точка зрения, что русская история началась только с проникновением на Русь христианства, что христианство несомненно выше язычества, что язычники — «невегласы» и т. д. В тех же частях летописи, которые составлены на основании устных преданий, говорится о диаметрально противоположном: «невегласы» оказываются и «мудры», и «смыслены». О мудрости-хитрости русских князей-язычников — Вещего Олега, Игоря, язычницы Ольги — и повествуют главным образом эти народные предания.

Если отделить друг от друга эти два слоя, то сразу заметим, что церковные сказания составляют как бы одно целое, представляют собою законченное

повествование о начале христианства на Руси, а слой устных преданий лишь прикреплен к ним и не может составлять самостоятельного произведения. Отсюда-то и заключаем, что повествование о начале христианства на Руси древнее прикрепляемых к нему устных преданий.

Обратим внимание на шесть различных произведений, объединяемых единством темы — прославления христианства на Руси — и единством стиля. Это — сказание о крещении и кончине Ольги, сказание о первых русских мучениках варягах-христианах, сказание о крещении Руси (включая речь «философа» и похвалу Владимиру), сказание о князьях Борисе и Глебе и обширная похвала Ярославу Мудрому под 1037 г.

Сказание о крещении Ольги легко отделяется от привнесенных в него народных преданий. Народные элементы проглядывают в отношении Ольги к греческому царю (известный летописный рассказ о том, как Ольга обманула его в момент крещения), церковные — в отношении ее к патриарху. Те же два слоя выделяются и в сказании о кончине Ольги.

Остальные из перечисленных нами сказаний выделяются легко, и их обособленность в летописном тексте не нуждается в особых доказательствах. Но вот что важно: все шесть произведений обнаруживают свою принадлежность одной руке. Несмотря на то что все они перебиты многочисленными позднейшими вставками и частично сокращены, они обнаруживают теснейшую взаимосвязь между собою — композиционную, стилистическую и идейную.

Так, например, в тесной связи с рассказом о крещении Ольги находится рассказ о ее кончине. Вопрос этот уже рассматривался А. А. Шахматовым, признавшим, что и рассказ о крещении Ольги, и рассказ о ее кончине восходят к единому внелетописному произведению, отразившемуся также и в статье Пролога под 11 июля, связно рассказывавшему об обоих событиях.[1]

Взаимной близостью отличается также сказание о крещении Ольги и сказание о крещении Руси. Так, например, похвала Ольге схожа и стилистически, и по существу с похвалою Владимиру.[2] Сравнение Ольги с царицей Еленой поддерживается сравнением Владимира с Константином. Перед нами единая мысль, проведенная в обоих сказаниях; дело Ольги и Владимира для Руси то же, что дело равноапостольных Елены и Константина для Византии.

Сказание об Ольге постоянно имеет в виду будущее крещение Руси. Ольга молится о том, чтобы земля Русская была просвещена крещением («Повесть временных лет», 955 г.); вся ее деятельность с точки зрения автора была предвестием будущего крещения Руси. С одной стороны, и летописное сказание о крещении Руси постоянно ссылается на княгиню Ольгу как на первую

---

[1] *Шахматов А. А.* Разыскания... С. 115, 116.

[2] В похвале Владимиру: «схраниша тѣло его с плачемь, блаженаго князя» — и дальше: «се есть новый Костантинъ великого Рима» (Лаврентьевская летопись, 1015 г.); а в рассказе об Ольге: «сей похорони блаженую Ольгу. Си бысть предътекущия, крестьяньстѣй земли, аки деньница предъ солнцемь» (Лаврентьевская летопись, 909 г.). В похвале Владимиру: «сего бо в память держать русьстии людье, поминающе святое крещенье, и прославляють Бога» (Лаврентьевская летопись, 1015 г.); а в похвале Ольге: «сию бо хвалят рустие сынове аки началницю... Се бо вси человѣци прославляють [Бога], видяще лежащю в тѣлѣ на многа лѣта» (Лаврентьевская летопись, 969 г.).

русскую христианку, хотя фактически она была далеко не первой.[1] Пример Ольги, принявшей христианство, служит для Владимира таким же стимулом к крещению, как для киевлян пример самого Владимира. Таким образом, и в рассказе об Ольге, и в рассказе о Владимире заключена общая мысль, они взаимосвязаны и стилистически едины.

В тесной связи со сказанием о крещении Руси находится и сказание о первых мучениках-варягах. Оба они называют язычников-русских редким термином «невегласы», оба они одинаково изображают сетования побежденного христианством дьявола; тесное сходство намечается и в рассуждениях варяга-христианина и немцев-проповедников об истинном боге и идолах.[2]

Все шесть сказаний о первоначальном русском христианстве пронизывает единая терминология, только в этих сказаниях и встречающаяся. Таков, например, термин «новые люди», применяемый в отношении русских христиан. Термин этот употребляется в речи «философа», в прославлении крещения Руси, в изображении крещения, в описании создания Десятинной церкви, в похвале Владимиру, в сказании о Борисе и Глебе, в похвале Ярославу Мудрому и нигде больше.

Таким образом, перед нами единое произведение: все шесть сказаний не только написаны в единой стилистической манере, посвящены единой цели прославления деятельности первых русских христиан, но связаны между собою единой мыслью о постепенном торжестве христианства на Руси. Сказание об Ольге и сказание о варягах-мучениках — это приступ к основному рассказу о крещении Руси. Ольга, как «деньница предъ солнцемь», как «зоря предъ светомъ», предшествует Владимиру. Ярослав же продолжает дело Владимира, и не случайно, что похвала Ярославу почти буквально повторяет похвалу Владимиру.[3]

Поразительно, что и идейно, и стилистически Сказание о первоначальном распространении христианства на Руси близко подходит к «Слову о законе и благодати» митрополита Илариона.

И в Сказании, и в «Слове» Илариона заключены одни и те же идеи, чрезвычайно актуальные именно для времени Ярослава Мудрого, когда оба произведения и составились.

В годы княжения Ярослава Мудрого особенное значение приобрел вопрос об организации своей, независимой от Византии русской церкви.

Ярославу удается высоко поднять международный авторитет Руси, и на основе общего подъема народного самосознания в первой половине XI в. заложить прочные основания русской политической и церковной самостоятель-

---

[1] См.: *Пархоменко В.* Начало христианства Руси: Очерк из истории Руси IX—X вв. Полтава, 1913. С. 51 и след.; *Ламанский В. И.* Славянское житие св. Кирилла как религиозно-эпическое произведение. Пгр., 1915. С. 170—212.

[2] В сказании о варягах-мучениках: «Не суть то бози, но древо... А Бог есть единъ, ему же служать грьци и кланяются, иже створил небо, и землю, и звѣзды, и луну, и солнце, и человѣка... А си бози что сдѣлаша? Сами дѣлани суть» (Лаврентьевская летопись, 983 г.). Ср. в сказании о крещении Руси: «кланяемся Богу, иже створилъ небо и землю, звѣзды, мѣсяць и всяко дыханье, а бози ваши древо суть» (Лаврентьевская летопись, 986 г.).

[3] «Володимеръ же, радъ бывъ... рече: „Христо Боже... призри на новыя люди сия... и мнѣ помози, Господи, на супротивнаго врага"» (Лаврентьевская летопись, 988 г.); ср.: «Радовашеся Ярославъ. . зѣло, а враг сѣтоващеться, побѣжаемъ новыми людьми хрестьяньскыми» (Лаврентьевская летопись, 1037 г.).

ности, русской книжности, русского летописания, русской архитектуры и изобразительного искусства.

Эта борьба за свою самостоятельность захватывала все области духовной культуры Киевского государства; печатью этой борьбы отмечены и литературные произведения этой поры, и летопись, и бурное архитектурное строительство, и изобразительное искусство княжения Ярослава. Она совпала с высоким подъемом политического самосознания русского народа.

В 1037 г. Ярослав Мудрый добился учреждения в Киеве особой митрополии константинопольского патриархата. Назначение особого митрополита для молодого Киевского государства было немалым успехом Ярослава, поднимавшим международный престиж Русской земли. Давая разрешение на установление отдельной Киевской митрополии, греки все же надеялись, что новый митрополит, избираемый императором не из русских, а из угодных ему греков, станет надежным агентом Византийской империи и будет проводить политику полного подчинения Руси императору. В свою очередь Ярослав рассматривал назначение особого киевского митрополита как успех своей политики и рассчитывал добиться впоследствии полного признания независимости русской церкви от Константинополя.

Торжество русской политики, первый крупный политический успех в отношениях с Империей и свои надежды на жизненно крепкое будущее Руси Ярослав подкрепил богатым строительством: «В лѣто 6545. Заложи Ярославъ городъ великый, у него же града суть Златая врата; заложи же и церковь святыя Софья, митрополью; и посемь церковь на Золотыхъ воротѣхъ святыя Богородица Благовѣщенье, посемь святаго Георгия манастырь и святыя Ирины». Ярослав смотрел на назначение киевского митрополита только как на первый успех своей политики; это доказывается тем, что сразу же после 1037 г. он продолжал свои домогательства в Константинополе, добиваясь расширения прав русской митрополии и постепенного освобождения ее из-под опеки константинопольского патриарха и византийского императора. Для этого Ярослав стремится к канонизации ряда русских святых. Цель этих домогательств понятна: канонизация русских святых усиливала позиции русской церковной самостоятельности. Она должна была свидетельствовать о том, что русская церковь вышла из младенческого состояния, обладает собственными святынями и не нуждается в пристальной опеке Византии.

Ярослав упорно настаивает на признании святыми княгини Ольги, варягов-христиан (отца и сына), убитых язычниками в Киеве при Владимире, и своих братьев Бориса и Глеба. Канонизация Ольги и варягов-мучеников была решительно отклонена Византией, но настойчивость Ярослава в отношении Бориса и Глеба сломила упорство императора. Ярославу удалось добиться канонизации своих братьев, князей Бориса и Глеба, и тем самым увенчать ореолом святости и свою собственную княжескую власть.

Установление почитания первых русских святых явилось торжеством национальной политики Ярослава и приобрело формы национального культа. Память Бориса и Глеба праздновалась с необычайной торжественностью шесть раз в году. День 24 июля — главный из этих празднеств — причислялся к великим годовым праздникам.

Почитание Бориса и Глеба быстро перешагнуло русские пределы. В самой Византии был принят этот культ: в константинопольской Софии была поставлена икона Бориса и Глеба; в Испигасе была построена им церковь.[1] Сохранился армянский Пролог о Борисе и Глебе, очевидно, переводный с греческого.[2] Наконец, культ Бориса и Глеба был установлен и в Чехии: в Сазавском монастыре был построен в их честь придел.

Эти политические идеи Ярослава получили наиболее яркое воплощение в «Слове о законе и благодати» пресвитера загородной дворцовой церкви Ярослава в Берестове — Илариона, ставшего затем первым киевским митрополитом из русских.

Тема «Слова» — тема равноправности народов. Иларион указывает, что Евангелием и крещением Бог «все народы спас», и прославляет русский народ среди народов всего мира.

Идеи эти изложены в «Слове» с пластической ясностью и конструктивной цельностью. Точность и ясность замысла отчетливо отразились в самом названии «Слова»: «О законѣ Моисеомъ данѣемъ, и о благодати и истиннѣ Иисусѣ Христомь бывшимъ, и како законъ отъиде, благодать [же] и истина всю землю исполни и вѣра въ вся языки простръся и до нашего языка (народа) русьскаго, и похвала кагану нашему Владимеру, отъ него же крещени быхомъ [и молитва къ Богу отъ всеа земли нашеа]».[3]

Трехчастная композиция «Слова», подчеркнутая в названии, позволяет органически развить основную тему «Слова» — прославление Русской земли, ее «кагана» Владимира и князя Ярослава. Каждая часть легко вытекает из предшествующей, постепенно сужая тему, переходя от общего к частному, от общих вопросов мироздания к частным его проявлениям, от универсального к национальному, к судьбам русского народа. Основной пафос «Слова» лежит в систематизации, в приведении в иерархическую цепь фактов вселенской истории в духе средневековой схематизации.

Первая часть произведения касается основного вопроса исторических воззрений средневековья: вопроса взаимоотношения двух заветов — Ветхого и Нового — «закона» и «благодати». Взаимоотношение это рассматривается Иларионом в обычных символических схемах христианского богословия, однако на основе богословской аргументации Иларион создает собственную патриотическую концепцию всемирной истории. Он нигде не упускает из виду основной цели: перейти затем к прославлению Русской земли и ее «просветителя» Владимира.

Иларион приводит многочисленные доказательства того, что время замкнутости религии в одном народе прошло, что наступило время свободного приобщения к христианству всех народов без исключения; все народы равны в своем общении с Богом. Христианство, как вода морская, покрыло всю

---

[1] Путешествие новгородского архиепископа Антония в Царьград в конце XII в. / С предисл. и примеч. П. Савваитова. СПб., 1872. С. 79 и 159.

[2] *Бенешевич В. Н.* Армянский пролог о св. Борисе и Глебе // ИОРЯС. 1909. Кн. 1. С. 201—236.

[3] Памятники... С. 59.

землю,[1] и ни один народ не может хвалиться своими преимуществами в делах религии. Всемирная история представляется Илариону как постепенное расширение христианства на все народы мира, в том числе и на русский. Излагая эту идею, Иларион прибегает к многочисленным параллелям из Библии и упорно подчеркивает, что для новой веры потребны новые люди. «Лѣпо бо бѣ благодати и истинѣ на новыя люди въсияти, не вливають бо — по словеси Господню — вина новаго — учения благодатна въ мѣхы ветхы... но овое учение новы мѣхы, новы языкы (народы), новое и съблюдеться, якоже и есть».[2]

Возможно, что, подчеркивая и настойчиво варьируя свою мысль о преимуществах новых народов перед старыми, о награждении меньших перед большими, о разрушении Иерусалима за ограничение божественного откровения, Иларион явным образом имел в виду греко-русские отношения своего времени. «Слово» родилось в обстановке подготовки военного похода на Константинополь Владимира Ярославича,[3] в обстановке противодействия греков канонизации Владимира.[4] «В судьбах новых народов „сбывается", что в символических образах представлено в истории ветхозаветной, — писал о «Слове» И. Н. Жданов. — Нужно только уметь понимать эти образы: „да разумееть, иже чтеть"».[5]

Подчеркнув значение новых народов в истории христианского учения, Иларион свободно и логично переходит затем ко второй части «Слова», сужая свою тему, к описанию распространения христианства по Русской земле: «Вѣра бо благодатная по всей земли распрострѣся и до нашего языка руськаго доиде... Се бо уже и мы съ всѣми христианы славимъ Святую Троицу...».[6] Русь равноправна со всеми странами и не нуждается ни в чьей опеке: «Вся страны благый Богъ помилова, и насъ не презрѣ, въсхотѣ и спасе ны и въ разумъ истиный приведе...».[7]

Русскому народу принадлежит будущее, принадлежит великая историческая миссия. Патриотический и полемический пафос «Слова» растет по мере того, как Иларион описывает успехи христианства среди русских. Словами Писания Иларион приглашает всех людей, все народы хвалить Бога. Пусть чтут Бога все люди и возвеселятся все народы, все народы восплещите руками Богу. Патриотическое воодушевление Илариона достигает высшей степени напряжения в третьей части «Слова», посвященной прославлению Владимира Святославича. Если первая часть «Слова» говорила о вселенском характере христианства, а вторая — о русском христианстве, то третья часть предназначена для похвалы князю Владимиру. Органическим переходом от второй части к

---

[1] Там же. С. 63.

[2] Там же. С. 67.

[3] Общее оптимистическое, жизнерадостное содержание «Слова», настроение торжества, по-видимому, свидетельствует о том, что оно возникло до похода Владимира Ярославича 1043 г.

[4] *Приселков М. Д.* Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв. СПб., 1913. С. 66 и след.

[5] *Жданов И. Н.* Сочинения. СПб., 1904. Т. 1. С. 19.

[6] Памятники... С. 67.

[7] Там же.

третьей служило изложение средневековой богословской идеи, что каждая из стран мира имела своим просветителем одного из апостолов. Есть и Руси кого хвалить, кого признавать своим просветителем. Русская земля и до Владимира была славна в странах, в ней и до Владимира были замечательные князья. Владимир, «внукъ стараго Игоря, сынъ же славнаго Святослава».[1] Оба эти князя «въ своя лѣта владычествующа, мужьствомъ же и храбрьствомъ прослуша (прославились) въ странахъ многихъ и поминаются нынѣ и словутъ (славятся)».[2] Иларион высоко ставит авторитет Русской земли среди стран мира. Русские князья и до Владимира, «не въ худѣ бо и не въ невѣдомѣ земли владычествоваша, но въ руской, яже вѣдома и слышима есть всѣми конци земля».[3] Владимир — это только «славный отъ славныхъ», «благородный отъ благородныхъ».[4] Иларион отмечает далее военные заслуги Владимира, силу и могущество русских князей, славу Русской земли. «Единодержавство» Владимира и его военные успехи Иларион описывает с нарочитой целью — показать, что принятие христианства могущественным Владимиром не было вынужденным, что оно было результатом свободного выбора Владимира. Описав абстрактными чертами добровольное, свободное крещение Владимира, Иларион переходит затем к крещению Руси, приписывая его выполнение исключительной заслуге Владимира, совершившего его без участия греков.[5] Подчеркивая, что крещение Руси было личным делом одного только Владимира, — князя, в котором соединились «благоверие с властью», Иларион явно полемизирует с точкой зрения греков, приписывавших себе инициативу крещения «варварского» народа.

Затем Иларион переходит к описанию личных качеств Владимира и его заслуг, очевидно имея в виду указать на необходимость канонизации Владимира, против которой возражали греки. Довод за доводом приводит Иларион в пользу святости Владимира.

Сопоставление дела Владимира на Руси с делом Константина для ромеев-греков тенденциозно направлено против греческих возражений на канонизацию Владимира: равное дело требует равного почитания.[6] Нетерпимое и обидное для греков-ромеев сопоставление Владимира с Константином Иларион развивает особенно пространно, а затем указывает на продолжателя дела Владимира — его сына Ярослава, перечисляет его заслуги, его строительство. Патриотический пафос этой третьей части, прославляющей Владимира, еще выше, чем патриотический пафос второй. Пространно описав просветительство Владимира, новую Русь и «славный град» Киев, Иларион обращается к Владимиру с призывом восстать из гроба и посмотреть на плоды своего подвига.

За третьей, заключительной частью «Слова» следовала молитва к Владимиру, пронизанная тем же патриотическим подъемом. «И донелиже стоитъ

[1] Там же. С. 69—70.
[2] Там же. С. 70.
[3] Там же.
[4] Там же.
[5] Там же. С. 71.
[6] Там же. С. 73.

миръ, — обращался Иларион в ней к Богу, — не наводи на ны (т. е. на русских) напасти искушениа, ни предай насъ въ руки чуждиихъ (т. е. врагов), да не прозовется градъ твой (т. е. Киев), градъ плѣненъ, и стадо твое (т. е. русские) пришельцы въ земли не своей...».[1]

Итак, истинная цель «Слова» Илариона не в догматико-богословском противопоставлении Ветхого и Нового Заветов, как думали некоторые его исследователи.[2] Иларион прославляет Русь и ее «просветителя» Владимира, развивает свое учение о равноправности всех народов, свою теорию всемирной истории как постепенного и равного приобщения всех народов к культуре христианства.

История Руси и ее крещение изображены Иларионом как логическое следствие развития мировых событий. Чем больше сужает Иларион свою тему, постепенно переходя от общего к частному, тем выше становится его патриотическое одушевление.

Таким образом, все «Слово» Илариона от начала до конца представляет собой стройное и органическое развитие единой патриотической мысли. Впоследствии своим принятием сана митрополита без санкции Константинополя, единственно по выбору русских епископов, Иларион практически выступил против гегемонии Византии, проводя политические идеи Ярослава и на деле доказывая, что Киев равноправен Константинополю.

Исследователи неоднократно обращали внимание на стилистические и идейные соответствия «Слова» Илариона и первоначальной русской летописи.[3] Замечательно, однако, что все эти совпадения падают в летописи только на ту ее часть, которую мы выделили выше и условились называть Сказанием о распространении христианства на Руси.

И «Слово» Илариона, и Сказание основываются на общем материале выдержек из Священного Писания. Можно было бы думать, что совпадения эти случайны, если бы цитатный материал не сопровождался одинаковыми толкованиями и одинаковыми замечаниями.

И в «Слове» Илариона, и в Сказании одинакова характеристика языческой дохристианской Руси. И в «Слове», и в Сказании подчеркивается, что бес изгнан из страны, не видевшей апостолов.[4] Но и в «Слове», и в Сказании говорится о том, что, хотя апостолы не приходили на Русь, «апостольская труба» огласила Русскую землю наравне со всеми странами мира.[5]

Единственные из русских источников, и «Слово», и Сказание, единогласно свидетельствуют о человеческих жертвоприношениях языческой Руси.[6]

Одинаково изображено в обоих произведениях крещение Владимира и Руси. Владимир свободно, по своему усмотрению, а не по греческой указке

---

[1] Там же. С. 78.

[2] Первоначально считали, что «Слово» было направлено против иудейского учения. Мнение это опроверг И. Н. Жданов, не дав, впрочем, своего собственного четкого толкования идейного содержания «Слова» (*Жданов И. Н.* Сочинения. Т. 1. С. 1—80).

[3] *Шахматов А. А.* Разыскания... С. 417 и след.; История русской литературы. Т. 1: Литература XI—начала XIII в. М.; Л., 1941. С. 261.

[4] Памятники... С. 72; Лаврентьевская летопись, 983 и 988 гг.

[5] Памятники... С. 71; Лаврентьевская летопись, 983 г.

[6] Памятники... С. 67; Лаврентьевская летопись, 983 г.

избирает византийское христианство среди других религий. Рассказывая о событиях крещения, автор Сказания подчеркивает, что Владимир мог принять любую религию: магометанскую, еврейскую, христианство католического Запада, но избрал восточное православие по своему личному усмотрению, а не под влиянием давления греков. Та же самая идея лежит и в основе «Слова» Илариона. Иларион отмечает личную инициативу Владимира в принятии христианства. Владимир пришел к Христу «токмо отъ благааго помысла и остроумия».[1]

Полностью совпадает и в Сказании, и в «Слове» похвальная характеристика крещения Руси. Она выдержана в одинаковых образах: язычество — ночь, христианство — день.[2] В торжественных выражениях и в «Слове», и в Сказании восхваляется крещение.

Иларион говорит, что на месте разрушенных капищ Владимир ставил церкви, на месте поверженных идолов явились иконы святых, бесы бежали, крест осиял города, были поставлены священники; епископы, и пресвитеры, и дьяконы возносили «бескровную жертву».[3] В Сказании аналогично рассказывается о том, что сразу же по своем крещении Владимир «повелелѣ рубити церкви и поставляти по мѣстомъ, иде же стояху кумири... И нача ставити по градомъ церкви и попы, и люди на крещенье приводити...».[4] И в «Слове», и в Сказании сходно описывался сбор людей на крещение.

Даже бегство бесов, упоминаемое Иларионом,[5] имеет параллельный рассказ в Сказании, драматизированный сетованиями изгоняемого дьявола, где он отрицает у Владимира те самые качества «апостола» и «мученика», которые отрицали и греки, но признания которых упорно добивались Иларион в своем «Слове», а Ярослав в своей церковной политике: «И се уже побѣженъ есмь от невѣгласа, а не от апостолъ, ни от мученикъ».[6]

Полемически направленное против греков сравнение Владимира с императором Константином Великим имеет центральное значение и для «Слова»,[7] и для Сказания.[8]

С точки зрения Илариона, русские — это новый народ, пришедший на смену старым (в том числе и грекам). Новый народ воспринял новое учение, как новые мехи — новое вино: не вливают новое вино в старые мехи. Та же терминология лежит и в основе Сказания. Не один раз называет автор Сказания русских «новыми людьми»,[9] «избранными» Богом.

Одинакова и характеристика Ярослава как последователя и продолжателя дела Владимира. Характеристика Ярослава искусно переплетена у Илариона с похвалой его строительному делу.[10] Теми же чертами строителя и распрост-

---

[1] Памятники... С. 72.
[2] Там же. С. 71; Лаврентьевская летопись, 988 г.
[3] Памятники... С. 71.
[4] Лаврентьевская летопись, 988 г.
[5] Памятники... С. 71.
[6] Лаврентьевская летопись, 988 г.; ср.: Памятники... С. 75.
[7] Памятники... С. 73 и 74.
[8] Лаврентьевская летопись, 1015 г.
[9] Лаврентьевская летопись, 996, 993 (дважды), 996, 1015, 1037 гг.
[10] Памятники... С. 74.

ранителя христианской веры характеризует Ярослава и Сказание, причем замечательно, что описание строительной деятельности Ярослава дается в нем в той же последовательности, что и в «Слове». В торжественных выражениях говорят и «Слово», и Сказание об украшении собора Софии.[1]

Но особенно разительно совпадение символического толкования посвящения Благовещению церкви на Золотых воротах Киева. Благовещение — это благая весть, которую принес архангел Гавриил Богородице. Церковь же Благовещения в Киеве — это благая весть Киеву. Архангел сказал Богородице: «Радуйся, обрадованная, Господь съ тобою», к городу же архангел как бы обращается со словами: «Радуйся, благовѣрный граде, Господь съ тобою».[2] Так патриотически толкуют и «Слово», и Сказание строительную деятельность Ярослава. Хвалой Ярославу заканчивалось Сказание, хвалой же Ярославу логически заканчивалось и «Слово» Илариона.

Итак, условно называемое нами Сказание о распространении христианства на Руси, из которого, как мы предполагаем, развивалось русское летописание, чрезвычайно близко и по идейному содержанию, и по стилю, и по композиции, и по материалу цитат из Священного Писания к «Слову о законе и благодати» ставленника Ярослава — Илариона. Можно было бы предположить, что либо Сказание зависело от «Слова», находилось под его влиянием, либо, наоборот, «Слово» зависело от Сказания. Однако ближайшее рассмотрение сходных мест отчетливо убеждает, что ни одной из этих зависимостей установить нельзя. Вся богословская тематика подробнее и яснее развита в «Слове» и как будто бы предполагает зависимость Сказания от «Слова», однако историческая сторона развита в Сказании детальнее и, казалось бы, говорит об обратной зависимости. Нельзя думать, что и «Слово», и Сказание восходят к какому-то третьему, более подробному, не дошедшему до нас произведению: против этого говорит различие в самых жанрах «Слова» и Сказания. Отсюда сам собою напрашивается вывод, что автором обоих произведений было одно лицо — Иларион или тесный круг ярославовых книжников, проводивших политические идеи Ярослава.

А. А. Шахматов отнес составление Древнейшего летописного свода ко времени построения Софии и основания митрополичьей кафедры в Киеве, т. е. к 1037—1039 гг. Действительно, в заключительной части Древнейшего свода так, как он восстанавливается А. А. Шахматовым, читалась обширная похвала христианской деятельности Ярослава, в которой упоминалось и о закладке им Софии, что было совершено, по-видимому, именно в 1037 г. Эта заключительная похвала Ярославу и с нашей точки зрения завершала собою первое произведение по русской истории. Однако нельзя считать, что все перечисленные в этой статье деяния Ярослава, его обширная строительная деятельность (закладка города, Златых ворот, Софии, церкви Благовещения, Георгиевского монастыря) относились целиком к 1037 г. Ведь отнесение этой статьи

---

[1] В Сказании: «украси ю златомь и сребромъ и сосуды церковными» (Лаврентьевская летопись, 1037 г.); в «Слове»: «украси... златомъ и сребромъ и камениемъ драгыимъ, и съсуды честныими» (Памятники.. С. 74).

[2] Памятники... С. 74—75. Ср. в Ипатьевском и Хлебниковском списках под 1037 г.

к 1037 г. было сделано позднее, по-видимому, по времени наиболее известного события — закладки Софии в 1037 г. На самом же деле в статье этой дается характеристика деятельности Ярослава не одного какого-либо года, а более или менее обобщенная.

Совпадение между Сказанием о распространении христианства и «Словом» Илариона позволяет нам отнести его создание к несколько более позднему времени — к началу 40-х годов XI в. (когда было, по-видимому, создано и «Слово» Илариона), после чего, как это мы увидим ниже, это первое произведение по русской истории, касавшееся первоначально только церковной истории Руси, начало неудержимо развиваться, насыщаясь сведениями и по светской истории Русского государства.

Итак, при Ярославе Мудром было составлено Сказание о первоначальном распространении христианства на Руси. В него вошли рассказы о христианстве Ольги, о первых русских мучениках-варягах, о крещении Руси, о Борисе и Глебе и о просветительной деятельности Ярослава.

Перед нами одно из первых русских исторических произведений, но это еще не летопись. Оно своеобразно по жанру, не имеет еще хронологической канвы, близко к житиям или к произведениям учительной литературы. Произведение это посвящено главному с точки зрения автора событию в жизни Руси X—начала XI в. — ее крещению. Оно исследует его предысторию, начиная от первых русских христиан — Ольги и варягов-мучеников. Оно рассказывает только церковную историю Руси, игнорируя ее военную историю, что вполне естественно для представителей новой культуры, для одного из тех «новых людей» — христиан-русских, о которых говорят и «Слово», и Сказание.

Мы видели выше, какое огромное политическое значение имел для эпохи Ярослава церковный вопрос, и нам понятно теперь, почему необходимо было составить произведение, правильно — с русской, а не с византийской точки зрения — излагавшее церковную историю Руси. Мысль о праве Руси на культурную и церковную самостоятельность пронизывает собою Сказание. Его автор прославляет благочестие русских людей, проводит мысль о свободном, а не о подневольном принятии Русью христианства и о равенстве всех народов.

Точка зрения автора Сказания — это точка зрения верхушки молодого феодального общества. Она была прогрессивной для своего времени, поскольку был прогрессивен и сам феодализм для первой половины XI в. Однако тщетно было бы искать в этом первом историческом произведении народной точки зрения на русскую историю. В Сказании не отразились народные предания о русском прошлом. Оно было написано в традициях церковной литературы для «преизлиха насытившихся сладости книжной» читателей, как и «Слово» Илариона.

Автор Сказания о распространении христианства на Руси имел в виду дать нравоучительный рассказ и вместе с тем опровергнуть греческую точку зрения на Русь. Он не увлекается передачей самих событий, а обращает внимание главным образом на их «сокровенный» смысл. Создается впечатление, как будто бы он повествует о событиях, которые еще свежи в памяти его читателей, и поэтому он занят тем, чтобы лишь интерпретировать их. Вот почему Сказание

дает по преимуществу общие суммарные характеристики деятельности Ольги, варягов-мучеников, Владимира и Ярослава.

Условно называемое нами Сказание о первоначальном распространении христианства сложилось при Ярославе. Его окончательное оформление, прежде чем быть расширенным в историю Руси в целом (не только церковную, но и политическую), относится к первой половине 40-х годов XI столетия. Оно было направлено против византийской государственной идеологии и тесными узами связано с подъемом политического самосознания русского народа при Ярославе Мудром.

Вот из этого-то русского исторического произведения, в своем роде замечательного патриотизмом содержания, и выросло впоследствии постепенно русское летописание. Как увидим ниже, русское летописание родилось из постепенного присоединения совсем иных — народных в своей основе — сведений к этому церковному ядру, носившему еще традиционный для церковной письменности характер «патерика», но уже обладавшему элементами историзма, которые и привлекли к нему внимание и творческую инициативу жаждавших сведений по родной истории русских читателей.

*

Сказание о первоначальном распространении христианства было составлено книжниками киевской митрополии при храме Софии. Своими идеями равенства всех народов между собою, и в частности русского народа народу греческому, Сказание было тесно связано со всей политической деятельностью Ярослава Мудрого.

Этот не являвшийся еще летописью первый обширный труд по русской истории, понимавшейся как церковная история по преимуществу, не получил, однако, дальнейшего продолжения в Софии. Книжная деятельность этого церковного центра Руси замирает, что объясняется крупными переменами в ее политическом положении. Константинопольская патриархия, очевидно, решительно отказалась утвердить Илариона на киевской митрополии. Этот отказ был смягчен браком сына Ярослава Мудрого — Всеволода с греческой царевной, и в Киеве водворяется новый митрополит — грек Ефрем. Таким образом, Ярославу не удалось довести до конца свое дело. Русская митрополия — София — перешла в греческие руки и стала отныне в течение многих десятилетий опорой греческой политики на Руси.

Как выяснено обстоятельными исследованиями М. Д. Приселкова,[1] новым центром русского просвещения, оппозиционным к власти митрополита-грека, становится с середины XI в. Киево-Печерский монастырь, где получали образование первые русские епископы и священники и где книжность и литература нашли себе до поры до времени надежное пристанище.

С Киево-Печерским монастырем связан весь начальный период русского летописания. По существу все внешние особенности русского летописания —

---

[1] *Приселков М. Д.* Очерки...

его связь с фольклором, с деловой речью (посольской, воинской, юридической и т. д.), хронологический принцип изложения (построение его по годовым статьям) и т. д. — все это определилось уже здесь, в Киево-Печерском монастыре. Здесь же определились и многие идейные черты русского летописания — его публицистические тенденции, его учительный по отношению к княжеской власти характер, его рассудительность и принципиальность.

Политическая позиция, которую занял Киево-Печерский монастырь, позволяет понять многое в идейной направленности первых русских летописных сводов. В древней Руси монастыри не были отрешенными от политики местами молитвенного уединения. Вступая под покровительство той или иной ветви княжеского рода или той или иной социальной группы и получая от них богатые вклады, монастыри принимали деятельное участие в феодальной и социальной борьбе. Сплоченной и единой политической линии русской церкви в XI—XIII вв. не было. Отдельные монастыри занимали подчас различные политические позиции, отражая феодальную борьбу своего времени, ориентируясь на различные группы правящих классов общества.

Киево-Печерский монастырь на первых порах его существования не был княжеским монастырем. Его игумены по временам выступали против киевских князей, хотя иной раз умело пользовались их расположением и охотно получали от них богатые вклады. Не был Киево-Печерский монастырь и митрополичьим: еще чаще, чем с князьями, монастырь вступал в конфликты с киевскими митрополитами-греками.

Это был крупный центр оппозиции и власти константинопольской патриархии, и власти киевского митрополита-грека.[1] Эта оппозиция исходила из очень четких и последовательно продуманных политических взглядов митрополита Илариона.

Самое возникновение монастыря было связано с Иларионом. Когда Иларион был попом в загородном селе Ярослава — Берестове, он ископал себе на холмистом берегу Днепра среди «великого» леса «печерку» (пещерку) и обычно удалялся туда для уединенной молитвы. В 1051 г. Ярослав поставил Илариона митрополитом, и пещера оказалась заброшенной. В ней-то, очевидно, не без совета Илариона, и поселился затем Антоний, основавший здесь на берегу Днепра Киево-Печерский монастырь. В дальнейшем монастырь практически продолжал дело Илариона, но в изменившихся условиях середины и второй половины XI в.

Монастырь постоянно выступал во второй половине XI в. как духовный руководитель того общерусского или антигреческого направления, которое созрело на Руси в пору княжения Ярослава Мудрого. Монастырь не раз поднимал свой голос в политических делах русской церкви и Русского государства, и к голосу этому прислушивались и князья, и правящая знать.

---

[1] Монахи Киево-Печерского монастыря в своих литературных произведениях не раз противопоставляли свой монастырь другим: митрополичьим и княжеским. Так, например, составитель «Сказания, чего ради прозвася Печерьскый манастырь» пишет: «Мнови бо манастыри от цесарь и бояръ и богатьства поставлени, но не суть таци, каци суть поставлени слезами, пощеньемь, молитвою, бдѣньем» («Повесть временных лет», 1051 г.). Составители печерских житий подчеркивают, что Антоний не имел золота и серебра, а Феодосия первоначально из-за бедности одежды не принимали ни в один монастырь.

Монастырь возник в ту пору, когда в самой Византии нравственный и идейный уровень монашества был чрезвычайно низок. И вот замечательно, что первые русские деятели Киево-Печерского монастыря не руководствуются действующими в Византии монастырскими правилами, а стремятся к самостоятельному устроению монашества и вводят забытый в Византии строгий монастырский устав, который разыскивают в Константинополе. Тем самым первые деятели Киево-Печерского монастыря брали на себя смелый почин, практически осуществляя свое убеждение, что русские способны самостоятельно разбираться в делах религии и идти впереди своих «учителей», строже осуществляя заветы христианства. Этот почин монастыря нашел широкий отклик, и большинство русских монастырей постепенно начинают переустраиваться по примеру Киево-Печерского.

Киево-Печерский монастырь становится крупным центром русской образованности, где получали свое образование будущие священники и епископы русской церкви;[1] он стремился к установлению самостоятельной церковной организации, свободной от мелочной опеки Византии. Это была задача большой национальной важности. Вот почему монастырь с самого начала оказывается в оппозиции и к митрополичьей кафедре в Киеве, и к деятельности константинопольской патриархии.

Совсем иную почву имели выступления монастыря против киевских князей. Конфликты, в которые вступал Киево-Печерский монастырь с Изяславом, Святославом, Святополком и др., не были направлены против княжеской власти вообще. Наоборот, конфликты эти обусловливались деятельным стремлением монастыря поддержать княжескую власть, сохранить ее целостность, прекратить междоусобия и внести порядок в наследование киевского стола.

Для Киево-Печерского монастыря были обычными всякого рода выступления общественного характера. Можно думать, что большинство монахов Киево-Печерского монастыря принадлежали к верхам городского общества. Вот почему монастырь так часто выступает на стороне «кыян».

Тревожные события разыгрались в 1068 г. Князья Изяслав, Всеволод и Святослав потерпели поражение от половцев. Изяслав и Всеволод бежали в Киев. Недовольные киевляне стали вечем на торговище и требовали от Изяслава продолжить борьбу с половцами, выдать им оружие и коней. Отказ Изяслава вызвал восстание киевлян. Изяслава изгнали из Киева, и киевляне освободили Всеслава Полоцкого, год назад посаженного в «поруб» Ярославичами, нарушившими тем самым свое крестоцелование. Характерно, что вокняжение Всеслава приветствуется Печерским монастырем. Совпадение освобождения Всеслава из поруба с днем воздвижения креста толкуется в монастыре как наказание Божие Изяславу за нарушение им целования креста. После этого через некоторое время в Киев вступил сын Изяслава — Мстислав, жестоко расправившийся с участниками восстания. Мстислав иссек 70 человек, других ослепил, третьих, по словам печерского летописца, «без вины погуби, не

[1] В начале XIII в. печерский воспитанник епископ Симон с гордостью писал в Печерский монастырь, что из его стен вышло около пятидесяти епископов.

испытав».[1] Печерский летописец явно сочувствует киевлянам, чьи действия описываются им с подробностями, характерными для очевидца, а может быть, и для участника событий. Расправа Мстислава с противниками его отца коснулась и Печерского монастыря. Сам его основатель, Антоний, вынужден был ночью тайно бежать в Чернигов к князю Святославу.

Еще более серьезным было второе политическое выступление Киево-Печерского монастыря, и опять-таки против княжеских клятвопреступлений.

В 1072 г. союз трех братьев, сыновей Ярослава, распался: Святослав Черниговский и Всеволод Переяславский изгнали из Киева своего старшего брата Изяслава. События эти грозили чрезвычайными последствиями для всей Русской земли. Был нарушен принцип старшинства в наследовании киевского стола, узко семейные распри князей становились общенародным бедствием.

Киево-Печерский монастырь и в этом случае выступил с политическим протестом. Игумен Феодосий отказался явиться на пир, которым Святослав собирался ознаменовать свое вокняжение в Киеве, а затем неоднократно обличал Святослава в проповедях, посланиях («епистолиях») и через приходивших к нему «вельмож», которых просил передать Святославу свое осуждение его поступков. Феодосий утверждал, что Святослав «не по закону»[2] сел в Киеве, прогнав своего старшего брата, которого должен был иметь вместо отца. Он запретил поминать имя Святослава на монастырских службах, и в монастыре по-прежнему поминали Изяслава. После одной из «великих зело» епистолий, в которой Феодосий сравнивал Святослава с Каином и «иными многими древними гонителями, убийцами и братоненавистниками», Святослав пришел в страшный гнев. Он бросил на землю послание Феодосия и «яко лев» рыкнул «на праведного».[3] С трудом произошло затем их примирение. Феодосий стал считаться со Святославом как с киевским князем, но поминал его на богослужении всегда на втором месте после Изяслава. Авторитет монастыря был к этому времени уже настолько велик, что Святослав, радуясь примирению, дарит монастырю близлежащее место, на котором приступлено было тотчас же к возведению «великой» церкви — Успенского собора Киево-Печерского монастыря.

После того как в Киев был прислан из Константинополя на смену «русину» Илариону митрополит-грек, водворившийся в киевской митрополии — храме Софии, София не смогла уже быть центром русской книжности, русского просвещения. Поэтому работа над Сказанием о первоначальном распространении христианства продолжается в новом оплоте антигреческой политики — Киево-Печерском монастыре, в иной социальной среде печерских монахов: менее однородной. Здесь это Сказание получает добавление, касающееся светской истории Руси, поскольку военное столкновение с Византией 1043 г. перевело русско-византийское разногласие из области церковных вопросов на общеполитическую почву. Здесь появляются добавления в Сказании из народных исторических преданий; здесь создается хронологический принцип разбив-

---

[1] *Приселков М. Д.* История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940. С. 32.
[2] Киево-Печерский патерик / Под ред. Д. И. Абрамовича. Киев, 1931. С. 66.
[3] Там же. С 67.

ки всего изложения по годовым статьям и т. д. Одним словом, первое русское историческое произведение, созданное при Ярославе Мудром, разрастаясь добавлениями, сделанными к нему в Печерском монастыре, постепенно становится тем, что мы привыкли называть летописью, с ее основным признаком — расположением исторического материала по годовым статьям.

Идейное содержание печерской летописи (а добавления летописного характера стали вестись в Киево-Печерском монастыре с 60-х годов XI в.) целиком определяется политической позицией Киево-Печерского монастыря. Летопись эта была выразительницей идей и настроений по преимуществу верхов городского общества — тех самых «горожан», которые вступили в конфликт с Изяславом в 1068 г.

И А. А. Шахматовым, и М. Д. Приселковым основательно доказано участие в печерском летописании сподвижника Антония и Феодосия печерских — Никона, биография которого многое объясняет в летописании Печерского монастыря. В Несторовом житии Феодосия Никон этот назван «великим», он изображается за неустанной книжной работой: «сидящу и строащу книгы».[1] М. Д. Приселков предполагает в нем первого русского митрополита Илариона, принявшего схиму с именем Никона.[2] Именно поэтому, считает М. Д. Приселков, Никон пользовался таким уважением с самого начала своего пребывания в монастыре, вот почему и монастырь проводил в своей деятельности такую широкую программу, целиком продолжавшую взгляды Ярослава. Смещенный с митрополичьей кафедры, Иларион принужден был скрыться в монастыре. Он принял схиму как раз в день памяти Никона, чьим именем, по обычаям того времени, он и назвался. Впоследствии пребывание Илариона-Никона в Киево-Печерском монастыре вызывало постоянное неудовольствие киевского митрополита-грека.

Так думает М. Д. Приселков. Но кем бы ни был Никон, перед нами ученый и деятельный политик, смелый продолжатель дела, начатого еще при Ярославе.

В пещере Илариона Никон, Антоний и Феодосий прожили почти десять лет. Очевидно, в 1060—1061 гг. стало возможным получить от киевского митрополита официальное разрешение на устроение монастыря, и Никон постриг в своей пещере двух киевских вельмож (Варлаама и Ефрема). Разгневанный князь Изяслав потребовал, чтобы к нему привели Никона. Изяслав в гневе говорил ему: «На заточение послю тя и сущаа с тобою и печеру вашу раскопаю».[3] В дальнейшем Изяслав примирился с обитателями «печеры», но Никону пришлось бежать в Тмутаракань. Он основал близ Тмутаракани монастырь и скоро стал одним из самых авторитетных людей в Тмутараканском княжестве. В феврале 1067 г. Никон после смерти Ростислава «умоленъ бысть отъ людий тѣх» просить на тмутараканское княжение сына Святослава — Глеба;[4] Никон вернулся на Русь, но не застал в Киеве

[1] Киево-Печерский патерик. С. 46.
[2] *Приселков М. Д.*: 1) Очерки... С. 181—184; 2) Нестор-летописец. Пгр., 1923. С. 22.
[3] Киево-Печерский патерик. С. 33.
[4] Там же. С. 45.

Святослава, ушедшего походом на Всеслава Полоцкого. Феодосий просил Никона вернуться в Печерский монастырь, что тот вскоре и сделал, как только выполнил поручение тмутараканских жителей. В монастыре Никон поучал братию «от книг», тогда как Феодосий поучал братию «духовными словесы».[1] Вскоре по возвращении Никона в монастырь вновь произошли тревожные события: монастырь вмешался в восстание киевлян 1068 г., после подавления которого Антоний вынужден был бежать в Чернигов. В 1073 г., как уже упоминалось, монастырь вновь выступил против княжеских раздоров и нарушения принципа старшинства двумя Ярославичами. На этот раз уезжает из монастыря Никон. Он вторично едет в Тмутаракань, несмотря на уговоры Феодосия, просившего его остаться. Никон был непреклонен и не желал идти на примирение с нарушителями заповеди Ярослава. Вернулся Никон в Киево-Печерский монастырь лишь после смерти Феодосия (1074), был избран затем в игумены монастыря и умер в весьма преклонном возрасте в 1088 г.

Выше мы видели, что Сказание о первоначальном распространении христианства не знало расположения материала по годам и не заботилось о точности датировок событий. На появление современных событиям записей о них в приписках к Сказанию указывает точность датировок, которая начинает проявляться с 60-х годов XI в. С 1061 г. (т. е. с года организации Печерского монастыря) летопись начинает указывать даты событий — месяц, число, иногда день недели. Такая точность свидетельствует о том, что к Сказанию уже в самом начале 60-х годов начинают прибавляться записи о текущих событиях. Появляется забота о своевременном записывании фактов истории; Сказание продолжается, и по существу возникает летопись с ее наиболее типичным признаком — погодностью записей. Под 1061 г. указан день поражения Всеволода Ярославича впервые напавшими на Русь половцами — 2 февраля. Под 1066 г. отмечен день кончины Ростислава Владимировича в Тмутаракани — 3 февраля. Под следующим 1067 г. отмечены день битвы на Немиге — 3 марта и захвата Всеслава Ярославичами — 10 июля. Под 1068 г. определен день освобождения из поруба Всеслава — 15 сентября и день победы Святослава над половцами — 1 ноября; под 1069 г. день возвращения Изяслава в Киев — 2 мая. Начиная с 1072 г. точные хронологические указания становятся все чаще.

Как мы уже говорили выше, биография летописца Никона дает основания понять точность этих дат: все датированные киевские события произошли именно тогда, когда Никон был в Киеве, все же тмутараканские события, которые отмечены точными датами, относятся ко времени пребывания Никона в Тмутаракани.

Никон отбыл в Тмутаракань в первых числах февраля 1061 г. О поражении Всеволода 2 февраля Никон узнал еще в Киеве. С февраля 1061 г. по февраль 1067 г. Никон вынужден был провести в Тмутаракани. Показательно, что в летописных статьях 1062—1066 гг. почти вовсе нет событий, которые относились бы к Киеву. Напротив, в них отмечены три события, относящиеся к Тмутаракани. 3 февраля 1067 г. умер при нем от отравы Ростислав Тмутара-

[1] Там же.

канский. В марте 1067 г. Никон был уже на Руси; вот почему в летописи определенно отмечены события 3 марта (битва при Немиге) и 10 июля (захват Всеслава Ярославичами), а затем точно отмечены события 1068, 1069 и последующих годов.

Точность датировок свидетельствует о том, что Никон придавал большое значение хронологии и строил изложение событий, располагая их по годам. Эти годовые статьи ясно определяются уже в летописном рассказе 60-х годов.

Причины этого перелома в летописании заключаются в том, что Никон стоял на более высокой ступени исторического сознания, чем автор Сказания. Автор Сказания, кто бы он ни был, понимал исторический процесс весьма ограниченно: в нем еще сильно чувствуется составитель церковных житий, занятый благочестивыми размышлениями хотя бы и по поводу исторических судеб целой страны. Он интересуется главным образом осмыслением фактов. Напротив того, автор первой летописи понял свои задачи гораздо глубже. Он уже поднялся до сознания необходимости точной хронологии и хронологического расположения исторического материала. Для него существует ценность исторического факта самого по себе и непрерывность исторического процесса.

Самая же форма погодных записей могла появиться у Никона под влиянием пасхальных таблиц (т. е. таблиц, указывающих даты празднования Пасхи в каждом году). В этих таблицах нередко делались краткие летописные отметки (например, в пасхальной таблице в рукописи б. Синодальной библиотеки № 325 — теперь в Государственном Историческом музее). На связь погодной формы изложения в летописях с пасхальными таблицами было указано еще М. И. Сухомлиновым,[1] отметившим и то, что именно от пасхальных таблиц могла произойти и такая черта русских летописей, как встречающееся в них иногда обозначение годов без описания событий.

Например:

«В лѣто 6519. Преставися царицꙗ Володимеряя Анна.
В лѣто 6520.
В лѣто 6521.
В лѣто 6522. Ярославу же сущу Новѣгородѣ».

Ср. в пасхальной таблице б. Синодальной библиотеки:

«В лѣто 6805.
В лѣто 6806. Дмитрий родися.
В лѣто 6807.
В лѣто 6808.
В лѣто 6809.
В лѣто 6810. Борисъ преставися князь».

Итак, на основании вышеизложенного можно думать, что Никон приступил к собиранию материала еще в начале 60-х годов XI в. Он продолжал собирать этот материал и в Тмутаракани, и затем снова в Киеве. Замечательно, что Никон заносил в свою летопись не только современные ему события, но и прошлые, и восполнял недостаток письменных материалов устными источни-

[1] *Сухомлинов М. И.* О древней русской летописи как памятнике литературном // Сб. ОРЯС. 1908. Т. 85, № 1. С. 32 и след.

ками. Так, например, только Никон мог записать в свою летопись целый ряд тмутараканских событий, случившихся как раз в годы его пребывания в Тмутаракани. Таков его рассказ о борьбе из-за Тмутаракани Ростислава Владимировича с Глебом Святославичем Черниговским; таков рассказ об отравлении Ростислава греческим наместником («котопаном») и о том, как затем жители Корсуни побили этого наместника камнями. В Тмутаракани Никон воспользовался и местным преданием: какими-то фольклорными данными о поединке тмутараканского князя Мстислава Владимировича с косожским князем Редедею (эпизод этот помнил впоследствии и автор «Слова о полку Игореве»), затем каким-то местным рассказом о том, как хазары собрали с полян дань мечами и как старцы хазарские увидели в этом недобрый знак: предвестие того, что когда-нибудь русские сами будут собирать дань с хазар.

Использование фольклора Причерноморья привело Никона, как догадывался В. Л. Комарович,[1] и к переработке рассказа Сказания о крещении Руси. Никон ввел в свою летопись так называемую Корсунскую легенду, рассказывавшую о взятии Корсуни Владимиром, о сватовстве Владимира и, наконец, о крещении его именно в Корсуни (а не в Киеве или Василеве): «Се же не свѣдуще право глаголють, яко крестилъся есть в Киевѣ, инии же рѣша: в Василеве», — пишет Никон («Повесть временных лет», 987 г.), опровергая версию своего предшественника — составителя Сказания о первоначальном распространении христианства. В этом рассказе Никона есть ряд фольклорных мотивов, свидетельствующих об устном происхождении легенды. По топографической точности легенда несомненно принадлежала Причерноморью. В ней указаны детали устройства водопровода в Корсуни из колодца вне города; указано место, где стояла церковь святого Василия, в которой крестился Владимир: «въ Корсунѣ градѣ... идѣже торгъ дѣють корсуняне»; указано место, где стояла палата Владимера: «съ края церкве» Василия; о палатах Владимира отмечено, что они сохраняются «и до сего дне», и т. д.

Чтобы внести Корсунскую легенду в рассказ Сказания, Никону пришлось прибегнуть к целому ряду искусственных приемов, оттянувших крещение Владимира до корсунского похода.

Отмечу как ошибку попытку А. А. Шахматова[2] и особенно М. Д. Приселкова[3] истолковать Корсунскую легенду как греческий памфлет на Владимира. Действительно, при взятии Корсуни Владимир-язычник бесчестит дочь корсунского князя на глазах родителей; отдает ее в жены своему дружиннику, а затем убивает и корсунского князя, и княгиню; Владимир не сразу исполняет свое обещание креститься, за что Бог «наказывает» его слепотою, от которой он исцеляется только при крещении. Но каковы бы ни были грехи Владимира-язычника, они не могли ставиться с христианской точки зрения в укор Владимиру-христианину. Наоборот, чем ниже был нравственный уровень Владимира до крещения, тем выше с точки зрения автора становился его подвиг принятия христианства, тем резче выступал происшедший в нем перелом, тем

---

[1] История русской литературы. Т. 1. С. 271.
[2] *Шахматов А. А.* Разыскания... С. 396.
[3] *Приселков М. Д.* Очерки... С. 274 и след.

более величественным становился самый акт крещения. Этим лишь подчеркивалась идея спасительности крещения. Не случайно христианская литература настойчиво описывает случаи нравственного перелома, которые приносило крещение (например, в житиях Константина Великого, с которым, кстати, Владимир и сопоставлялся).

Никон встретился в Тмутаракани с новгородцем Вышатой, рассказами которого воспользовался в своей летописи. По-видимому, все новгородские известия «Повести временных лет», имеющиеся в ней как раз до 1064 г. — года встречи Вышаты и Никона, — вставлены в летопись именно Никоном на основании рассказов Вышаты. Неточные хронологически и несистематические, они носят на себе все признаки устного происхождения.[1]

Как утверждают А. А. Шахматов и М. Д. Приселков, Никон ввел в свою летопись целый ряд сказаний о первых русских князьях. В рассказ о крещении Ольги Никон ввел эпизод о состязании в хитрости Ольги с константинопольским царем, затем рассказ о каком-то длительном стоянии Ольги в кораблях под Константинополем, ввел героические эпизоды борьбы Святослава с греками[2] и т. д. Можно думать, что все вообще рассказы о походах русских на Константинополь были впервые введены в летопись именно Никоном. Они были бы неуместны в повествовании Сказания, где рассказывалось о крещении русских от греков, но были понятны в летописи Никона, раздраженного попытками греков установить греческую гегемонию на Руси. К тому же его снабжал своими рассказами Вышата, возможно ослепленный в плену греками вместе с другими русскими пленниками[3], и уж, во всяком случае, порядочно раздраженный против них. Участник последнего похода на Царьград, Вышата, конечно, слышал много рассказов о предшествующих более удачных походах русских. Вот почему в летописи так подробно и красочно рассказывается о походах русских князей против Византии и ничего не сообщается о походах на восток и юго-восток к берегам Каспийского моря, о которых мы знаем из других источников.

Наконец, Никон поместил в своей летописи ряд киевских известий и известий, касающихся истории Киево-Печерского монастыря.

Соединив устные предания — киевские, киево-печерские, северочерноморские, новгородские — с данными Сказания о первоначальном распространении христианства, Никон создал первую систематическую историю русского народа. Именно он придал своему произведению ту форму погодного изложения летописи, которая стала затем отчасти традиционной; именно он расположил материал по годовым статьям и воспользовался многими особенностями формы для устных произведений, которые он так широко привлекал для восполнения недостатка письменных источников по истории Руси.

---

[1] Так предполагаю, вопреки утверждениям А. А. Шахматова о том, что в новгородских известиях «Повести временных лет» отразился новгородский летописный свод 1050 г., использованный составителем киево-печерского Начального свода. Вполне согласен с мнением М. Н. Тихомирова, что слабым местом концепции А. А. Шахматова является построение существования Киевского свода 1037 г. и Новгородского свода 1050 г. (*Тихомиров М. Н.* Источниковедение истории СССР. М., 1940. Т. 1. С. 55). Подробнее о рассказах Вышаты см.: *Лихачев Д.* «Устные летописи»...

[2] См. об этом: *Приселков М. Д.* История русского летописания... С. 33.

[3] Так догадывается об этом М. Д. Приселков (История русского летописания... С. 18).

Никон в значительной мере был создателем самой формы летописного повествования, но он же сыграл огромную роль и в формировании идейной стороны летописания.

Идеям Сказания о первоначальном распространении христианства Никон придал публицистическую остроту. Идее равноправия всех народов он придал ясно выраженную антигреческую направленность. С темпераментом политического борца Никон полемически заострил историческое изложение, сделал его откровенно тенденциозным, внес в него общественный размах и патриотический подъем.

Идею Сказания о том, что Русская земля не нуждается в греческой опеке, а имеет собственную славную христианскую историю, Никон продолжил тем, что дал не только церковную историю Руси, но и ее светскую историю. Русь не нуждается в опеке Византии ни церковной, ни государственной. Русский народ имеет за собой много славных побед, в том числе — и над самой Византией. Именно с этой целью Никон ввел рассказы о походах на Царьград русских князей — Аскольда и Дира, Олега, Игоря и Святослава. Никон ввел в летопись рассказ о хазарской дани, характеристику Святослава и рассказ о его подвигах и т. д. Даже в истории Киево-Печерского монастыря Никон подчеркнул те же стороны: Печерский монастырь основался без помощи киевского митрополита-грека. Антоний нашел забытый в Византии студитский устав, по которому и была организована жизнь монахов Печерского монастыря. Под 1071 г. Никон дал обширное повествование о волхвах на основании рассказов Вышаты, непосредственного участника борьбы с волхвами.[1] И опять-таки, как и в предыдущих случаях, это было сделано все с той же антигреческой целью: Никон стремился доказать, что русские сами способны бороться с язычеством.

Замечательна та настойчивость, с которой Никон подчеркивает роль народа в обороне Русской земли. В рассказе о восстании киевлян 1068 г. Никон приводит слова, сказанные киевлянами князю Изяславу, потерпевшему поражение от половцев: «Дай, княже, оружье и кони, и еще бьемся с ними».[2] Эти слова по смыслу почти буквально совпадают с тем, что, по рассказам Вышаты, говорили новгородцы Ярославу, потерпевшему поражение от Святополка и Болеслава, запрещая ему бежать дальше за море: «Хочем ся и еще бити съ Болеславомъ и съ Святополкомъ» («Повесть временных лет», 1018 г.); или с тем, что говорили новгородцы Ярославу на Ракоме при известии о тревожных событиях в Киеве: «Аще, княже, братья наша исѣчена суть, можемъ по тобѣ бороти» («Повесть временных лет», 1015 г.).

Точку зрения Печерского монастыря выразил Никон и в своем осуждении княжеских распрей. Выше мы говорили уже о том, что Киево-Печерский монастырь вмешивался в порядок наследования киевского стола, требуя точного соблюдения принципа наследования по старшинству. Никон вложил в уста умирающего Ярослава обращение к сыновьям, в котором он просит их быть «в любви межю собою», потому что они «братья единого отца и матере», и

---

[1] См подробнее· *Приселков М. Д.* История русского летописания... С. 33.
[2] Лаврентьевская летопись, 1068 г.

не погубить «землю отець и дѣдъ своихъ, юже налѣзоша трудомь своимь великымъ». Никон призывал русских князей «не преступати предѣла братня, ни сгонити» («Повесть временных лет», 1054 г.). Нарушение этой заповеди Ярослава «и Божьей» Никон видел в событиях 1073 г., когда «дьявол» воздвиг «котору» (распрю) между братьями и Святослав изгнал Изяслава из Киева. Это событие вставлено Никоном в раму всемирной истории: так точно поступили потомки Хама, покусившись на землю Сифа, так поступил и Исав, нарушив «заповедь отца своего» («Повесть временных лет», 1073 г.).

Образцом идеи княжеского «братолюбия» выставляет Никон и тех князей, которые пользовались его сочувствием. Так, например, о тмутараканском князе Ростиславе Никон замечает, что он ушел из Тмутаракани не из страха перед Святославом, но потому, что не хотел «противу строеви (т. е. стрыеви — дяди) своему оружья взяти» («Повесть временных лет», 1065 г.). Образцом «братолюбия» выставляет Никон и Мстислава Владимировича, также бывшего одно время тмутараканским князем. Мстислав по-братски разделил с Ярославом Русскую землю. Несмотря на то что Мстислав победил Ярослава, он все же предлагает ему киевское княжение: «... ты еси старѣйшей братъ» («Повесть временных лет», 1024 г.). Никон вставил рассказ об ужасной смерти братоубийцы Святополка в пустыне «межю Ляхы и Чехы», которую Бог «сотворил» нарочно «на наказанье (т.е. на поучение) княземъ руськым» («Повесть временных лет», 1019 г.).

Можно думать, что на основании рассказов Вышаты было вставлено Никоном в летопись и новгородско-изборско-белозерское предание о призвании трех братьев варягов. Вышата, живший в Новгороде, бывавший на Белоозере (в 1064 г.) и, возможно, в Изборске, рассказывал Никону местные предания Изборска о родоначальнике русских князей Труворе, затем новгородские предания о родоначальнике русских князей Рюрике и белозерские — о родоначальнике князей Синеусе. Никон, заинтересованный в проведении идеи братства князей, объединил все эти местные предания утверждением, что Рюрик, Синеус и Трувор были братьями и были призваны для того именно, чтобы прекратить местные раздоры.[1]

Такое объединение местных преданий тем легче было сделать, что эпические предания о трех братьях — основателях городов или родоначальниках правящей династии — были широко распространены, и в частности в Киеве, знавшем легенду об основании его Кием, Щеком и Хоривом.

После смерти братьев Рюрик остается единственным властителем. Власть его переходит к сыну — Игорю. Игорь — уже лицо историческое. Также историчен и другой князь — Олег. Но, чтобы не создавать других династических линий, Никон отрицает княжеское достоинство Олега и утверждает,

---

[1] В отличие от А. А. Шахматова мы полагаем, что новгородские известия «Повести временных лет», в том числе и легенда о призвании варягов, восходят не к новгородскому своду 1050 г., где новгородские записи были уже соединены с киевскими, а принадлежат рассказам Вышаты, который сообщил Никону свои родовые предания, рассказы о походах русских князей на Царьград, новгородские известия и легенду о призвании трех братьев-варягов (*Шахматов А. А.* Сказание о призвании варягов // ИОРЯС. 1904. Т. 9. С. 284—365). См. о Вышате ниже. Подробнее о легенде о призвании трех братьев-варягов см. в Комментариях, с. 397 и след.

что Олег был воеводой Игоря. Олег, правивший первоначально в Новгороде, овладевает Киевом. Игорь провозглашает киевских князей Аскольда и Дира незаконными захватчиками: «Вы нѣста князя, ни рода княжа, но азъ есмь роду княжа» («Повесть временных лет», 882 г.). Со свержением Аскольда и Дира на Руси установилась единая княжеская власть Игоря, затем перешедшая к его роду. Таким образом, вновь подчеркнуто единство княжеского рода.

Итак, мы видим, что сравнительно с автором Сказания о первоначальном распространении христианства на Руси Никон как историк стоит значительно выше. К тому же он представляет более широкую точку зрения на русскую историю. Автор Сказания выражал точку зрения Ярослава и его ближайшего окружения. Никон, представитель Киево-Печерского монастыря, выражал точку зрения правящих классов киевского общества более широко. Он сочувствует «кыянам», поднявшим восстание 1068 г., он вводит в свою летопись народные предания — по преимуществу дружинные; не случайны его связи с Вышатой. Точнее всего Никона следует отнести к верхам городского общества, тесно связанным с княжеской дружиной.

Все эти различия между автором Сказания и Никоном говорят против гипотезы М. Д. Приселкова, отождествившего Илариона и Никона. Перед нами — представители разных политических убеждений, хотя и сходных в их отношении к грекам и в церковном вопросе.

*

Менее ясно, чем работа Никона, выступает вся дальнейшая история киево-печерского летописания в XI в.

Не подлежит, однако, сомнению, что заветы Никона по ведению летописания с общерусской и антигреческой направленностью твердо выполнялись. Никон сумел внушить в монастыре сознание важности летописной работы. Забота о ведении летописания перешла из рук умершего Никона к монастырю в целом. Мы увидим в дальнейшем, как сознание важности летописной работы распространяется и за пределами монастырских стен, вызывая неоднократные вмешательства в летописание княжеской власти. Авторитет летописи неуклонно растет во всех слоях киевского общества.

Вновь и вновь, со все возрастающей настойчивостью обращаются киево-печерские летописцы к идее единства княжеского рода — единственного с их точки зрения связующего Русскую землю политического устройства. Они требуют от князей активной борьбы с половцами — далеких степных походов.

Особенно резко выступил монастырь против Святополка (1093—1113) в начале его княжения. Киево-Печерский патерик свидетельствует, что Святополк «много насилиа людемъ сътвори», что он богатства «многы отъимъ» (отнял) и тем самым ослабил русских: «и быша брани многы от половець, и сим же и усобица бысть в та времена, глад крѣпокъ, и скудость велиа при всем в Руской земли».[1] Игумен Иоанн открыто обличал Святополка «несыть-

---

[1] Киево-Печерский патерик. С. 149.

ства ради, богатъства и насилиа ради».[1] Те же обличения Святополка в разорении людей и в отсутствии крепкого отпора степи, в результате чего половцы укрепились «и много насильствующем нам», встречаем мы и у составителя рассказа о чуде Бориса и Глеба, освободивших якобы невинно заключенных Святополком.[2]

Именно к этим первоначальным годам княжения Святополка, отмеченным конфликтами с ним Киево-Печерского монастыря,[3] относится составление нового печерского летописного свода, названного А. А. Шахматовым Начальным. Его состав устанавливается А. А. Шахматовым, как мы уже говорили, на основании новгородских летописей.

Начальный свод имел особое название: «Временникъ, еже нарицается лѣтописець рускыхъ князь и како избра Богъ страну нашу на послѣднее время, и гради почаша быти по мѣстомъ...[4] и о статии Киева, како въименовася Киевъ».[5] За заглавием следовало предисловие, содержание которого замечательно. Оно начинается с патриотических высказываний летописца. Киев назван по имени Кия, подобно тому как Рим назван по имени царя Рима, Антиохия по имени Антиоха, Селевкия по имени Селевка, а Александрия по имени Александра. Промыслу Божию было угодно, чтобы на месте, где прежде приносили жертвы бесам, возникли златоверхие каменные церкви и монастыри, наполненные черноризцами, проводящими время в молитвах. Если и мы, — говорит автор предисловия, — прибегнем к святым церквам, то получим большую пользу душе и телу. Автор предисловия пишет, что в его задачу входит рассказать о начале Русской земли и о русских князьях — как и откуда они явились. Затем автор обращается с просьбой к читателям с любовью внимать его рассказу о том, каковы были древние русские князья и их мужи, как они обороняли Русскую землю и покоряли другие страны. Противопоставляя тех князей нынешним, автор пишет: те князья не собирали себе большого имения и не теснили людей вирами и продажами. А дружина князя кормилась, воюя другие страны, и не обращалась к князю с жалобой на то, что ей мало предложенного ей жалованья. Автор предисловия приводит речи, с которыми обращались старые дружинники к своим князьям. Они говорили: «Братие! Потягнем по своем князи и по Руской земли», а теперешние говорят: «Мало мне, княже, 200 гривенъ».[6] Старые не воскладали на своих жен золотых обручей, как нынешние, а ходили жены их в серебряных. Те, старые, «расплодили» Русскую землю, теперь же за наше «несытство» навел Бог на

---

[1] Там же.

[2] Рассказ о чуде Бориса и Глеба см. по Успенскому сборнику (Успенский сборник XII—XIII вв. / Изд. подгот. О. А. Князевская, В. А. Демьянов, М. В. Ляпон. М., 1971).

[3] Ср., например, конфликт на почве продажи соли (см. в Киево-Печерском патерике рассказ о Прохоре Лебеднике).

[4] Дальнейшие слова, читающиеся теперь в новгородских летописях: «прежде новгородьская власть и потом Киевьская», считаю вставленными в Новгороде. Мысль эта была типична для Новгорода XII—XIII вв. В 1206 г. Всеволод III говорил: «а Новъгородъ Великый старѣйшиньство имать княженью во всей Русьской земли» (Лаврентьевская летопись, 1206 г.).

[5] Софийская первая летопись // ПСРЛ. Т. 5, вып. 1. С. 8.

[6] Там же. С. 9.

нас поганых. Скот, села, богатства — все взяли поганые, а мы злых своих дел не прекращаем. Далее следуют благочестивые увещания.

Текст предисловия Начального свода дошел до нас в новгородских летописях не в полном виде. Можно предполагать, что в предисловии были пропущены упреки князьям за междоусобные войны и плохую оборону Русской земли. Упреки эти были чрезвычайно существенны для Начального свода, идеи которого воспроизводило предисловие, но они были невыгодны новгородцам в XII в., когда это предисловие было пересажено в новгородскую летопись и применено там в целях антикняжеской пропаганды. Новгород в XII в. выигрывал от ослабления княжеской власти, но он существенно страдал от поборов, конфискаций, вир и других тягот, которыми князья облагали население. Поэтому новгородцы сохранили в предисловии упреки князьям в «несытстве», но устранили все, что относилось к слабости князей: критику их междоусобий и плохой обороны Русской земли. А что такая критика когда-то имелась в предисловии, — видно из заключительной части Начального свода. В нем под 1093 г. читались строки, во многом повторявшие мысли предисловия.[1] Читалось в заключении и проникновенное описание разорения Русской земли от половцев. Отдельные элементы этого описания относятся к самым трогательным строкам русской летописи; таково, например, описание мучений русских в половецком плену.[2]

Таким образом, Начальный свод ставил себе публицистические задачи. Примером древних русских князей он стремился исправить новых. Русская история рассматривалась как назидательное и воспитывающее патриотизм чтение.

Такое же значение, какое имели для Никона рассказы Вышаты, — для составления Начального свода имели рассказы сына Вышаты — Яна. Впервые летописец приводит сведения о Яне Вышатиче под 1071 г., где записывает со слов Яна об усмирении им восстания волхвов в Белозерье, куда Ян прибыл от князя Святослава для сбора «полюдья». К Святославу Черниговскому Ян, очевидно, попал на службу из Тмутаракани, пользуясь теми тесными связями, которые существовали между Тмутараканью и Черниговом. Затем Ян появился в Киеве, — очевидно, опять-таки в дружине Святослава, когда последний стал киевским князем. Здесь в Киеве Ян достиг при Всеволоде поста тысяцкого («Повесть временных лет», 1089 г.), но уже в конце правления Всеволода его

---

[1] Ср. в заключении Начального свода: «Да никто же дерзнеть рещи, яко ненавидими Богомъ есмы! Да не будеть. Кого бо тако Богъ любить, якоже ны възлюбилъ есть? Кого тако почелъ есть, якоже ны прославилъ есть и вънеслъ? Никого же!» («Повесть временных лет», 1093 г.), и в предисловии: «Великъ бо есть промысел Божий, еже яви въ послѣдняя времяна! Куда же древле погании жряху бѣсомь на горахъ, тода же нынѣ святыя церкви стоятъ златоверхия, каменозданныя, и монастыреве, исполнени черноризець, беспрестани славяще Бога въ молитвахъ, въ бдѣниихъ, въ постѣхъ, в слезахъ; их же ради молитвъ миръ стоитъ» (Софийская первая летопись. С. 9).

[2] «Стражюще, печални, мучими, зимою оцѣпляеми, въ алчи, и в жажи, и в бѣдѣ, опустнѣвше лици, почернѣвше телесы; незнаемою страною, языкомъ испаленым, нази ходяще и боси, ногы имуще сбодены терньем; со слезами отвѣщеваху другъ къ другу, глаголюще: „Азъ бѣхъ сего города", и други: „А язъ сея вси"; тако съупрашаются со слезами, родъ свой повѣдающе и въздышюче» («Повесть временных лет», 1093 г.).

положение стало непрочным: он жалуется на то, что Всеволод стал «любить смысл уных» дружинников и отстранять «первых» (т.е. прежних), к которым принадлежал сам.[1] При Святополке Ян был вовсе отставлен от политической деятельности, примкнул к числу недовольных и делился с печерским летописцем своей досадой.

Чем так недовольны были старые дружинники и почему Всеволод и Святополк отстранили Яна Вышатича? Ответ на этот вопрос дает М. Д. Приселков: «Такое единомыслие в дружинном вопросе двух князей, представителей двух враждебных ветвей княжеского дома, представителей двух сменявших друг друга поколений, нельзя, конечно, отнести к личному капризу их, как казалось это Яну, а проистекало из того, что условия жизни круто менялись и новые условия требовали новых исполнителей. Легко догадаться, сопоставляя этот факт с „Правдой" Ярославичей, что князья „Русской земли" переходили от сборов полюдья и даней к феодальной эксплуатации, что, конечно, существенно меняло весь строй жизни и князей и дружинников, из которых „первые" не умели и не могли приспособиться к условиям новой жизни, упрекая князей в том, что они „вирами и продажами" разоряют население, забыв о былых покорениях чужих земель как лучшем средстве содержания себя и дружины.

Ян, как и все старики, срывал свой гнев на „юных" дружинниках тем, что в рассказе о завещаниях дружины Святополка (1093 г.) делил дружину (как, смягчая выражения Яна, записал летописец) на „смысленных" (т. е. стариков) и „несмысленных" (т. е. новых дружинников)».[2]

Трижды ссылается печерский летописец на речи «смысленных людей», состав которых определяется самим летописцем так: «Янь и прочии». В уста этих «смысленных людей» летописец влагает совет Святополку не выступать против половцев в одиночку, а только сообща, соединившись с войском Владимира Мономаха. «Смысленные люди» говорили Святополку: «Не кушайся противу им (против половцев), яко мало имаши вои». Но Святополк отвечал: «Имѣю отрокъ своих 700, иже могуть противу имъ стати». Его поддержали несмысленные: «Поиди, княже». Снова и снова настаивают «смысленные» на необходимости соединенных военных усилий против степи: «Аще бы ихъ пристроилъ и 8 тысячь, не лихо ти есть: наша земля оскудѣла есть от рати и от продажь. Но послися к брату своему Володимеру (Мономаху), да бы ти помоглъ». «Смыслении мужи», и между ними Ян, обращаются к русским князьям с призывом: «Почто вы распря имата межи собою? А погании губять землю Русьскую. Послѣди (потом) ся уладита, а нонѣ поидита противу поганым любо с миром, любо ратью».

Личное чувство раздраженных своим отстранением от дел представителей старой дружины перерастает у них в широкий протест общественного значения. Призывы «смысленных мужей» к согласованному отпору степным кочевникам роднят заключительную часть Начального свода со «Словом о полку Игореве». Именно это широкое общерусское содержание речей «смысленных людей», и

[1] *Приселков М. Д.* История русского летописания... С. 19.
[2] Там же.

между ними в первую очередь, конечно, Яна, а не только личное чувство обиженного, заставляло прислушиваться к их речам составителя Начального свода, очевидно отбиравшего из «речей» Яна для своих записей лишь то, что имело широкий общественный интерес, и опускавшего все то, что было продиктовано только личной обидой. Этим умением отобрать материал, умением придать своей критике княжеских раздоров и княжеской политики по отношению к степи характер широкого общественного протеста, высокой оценкой русской истории в целом летописание Печерского монастыря приобретало все больший и больший авторитет.

Святополк воспринял, очевидно, составление Начального свода как политическое выступление монастыря против него и в защиту его врага — Владимира Мономаха. Во всяком случае, игумен монастыря Иван был сослан в Туров — город, где княжил Святополк до занятия им киевского стола. Этот разрыв Святополка с монастырем продолжался до 1098 г. Затем Святополк, заинтересованный в идейной помощи монастыря, примиряется с ним и оказывает всяческую поддержку монастырю в его неладах с киевским митрополитом-греком. Святополк становится деятельным сторонником общерусских традиций монастыря.

*

В 1098 г. состоялось примирение Печерского монастыря и Святополка. Как произошло это примирение и каковы были его причины, — все это еще далеко не выяснено. Во всяком случае, Святополк откликнулся на антигреческое направление монастыря. Ему удалось ослабить формы греческой церковной гегемонии. Он поддерживает русский культ князей Бориса и Глеба и добивается частичной[1] канонизации Феодосия Печерского.

Святополк сделал Печерский монастырь своим княжим монастырем. Он имел обыкновение заходить в него перед походами, приписывал свои победы заступничеству Феодосия Печерского и добился для Печерского монастыря признания его архимандритией, что давало монастырю некоторую независимость от киевской митрополии. Наконец, что особенно важно, Святополк начинает поддерживать печерское летописание, и княжеская поддержка поднимает авторитет печерских летописцев. Политическое значение летописи хорошо осознавалось Святополком, и он сделал все, чтобы летопись не походила более на антикняжеский свод 1093 г., а служила бы в первую очередь его целям.

По-видимому, около 1113 г. в Печерском монастыре составляется новый памятник русского летописания — «Повесть временных лет».

Создателем нового исторического труда явился, по всей вероятности, монах Киево-Печерского монастыря Нестор. В непосредственном виде труд Нестора не сохранился. Он сохранился лишь в переделках и доработках последующих редакторов. Эти редакторы, принадлежавшие к другой политической ориентации и к другому, враждебному печерянам монастырю, изъяли имя Нестора из заглавия летописи. Но в одном из списков — так называемом Хлебниковс-

---

[1] *Голубинский Е.* История русской церкви. М., 1904. Т. 1, 2-я половина. С. 389.

ком — имя Нестора все-таки сохранилось: «Нестера, черноризца Федосьева манастыря Печерьскаго».[1] Можно думать, что это не позднейшая вставка, так как еще в XIII в. имя Нестора связывали с созданием «Повести временных лет»: в своем послании к епископу Симону 1232 г. Поликарп в числе прочих постриженников Печерского монастыря упоминает и Нестора, «иже написа Лѣтописецъ».[2]

Правда, признание Нестора составителем «Повести временных лет» встречало в науке неоднократные возражения. Исследователи ссылались на противоречия между отдельными сведениями, читающимися в «Повести временных лет» о Киево-Печерском монастыре, и теми, которые даются о том же монастыре в достоверно принадлежащих Нестору произведениях, в частности в Житии Феодосия. Однако противоречия эти отнюдь не могут свидетельствовать против авторства Нестора: «Повесть временных лет», как доказывает А. А. Шахматов, была составлена Нестором на 25 лет позднее Жития Феодосия и противоречащие в ней Житию Феодосия места не принадлежат Нестору: они находятся в ней в составе той части, которая целиком была заимствована Нестором из предшествующего летописного свода.

В пользу авторства Нестора следует привести и следующее соображение: уже два ранних житийных произведения Нестора — Чтение о князьях Борисе и Глебе и Житие Феодосия Печерского — характеризуют его как писателя, склонного к большим историческим обобщениям и к тщательной проверке исторического материала. Он называет лиц, со слов которых записаны им события или у которых можно было бы проверить сообщаемые им сведения. В Житии Феодосия он ссылается на свидетельство не только монахов своего Печерского монастыря — современников Феодосия, но и на лиц сторонних: на черниговского игумена Павла, на выдубицкого игумена Софрония, на боярина Гегуевича Здеслава и др. Характеризуя историческую работу Нестора в Житии Феодосия, М. Д. Приселков писал: «Все произведение может вызвать во внимательном читателе чувство удивления перед тем искусством автора, с каким сшивает он этот ковер пестрых и отрывочных эпизодов жизни Феодосия в связное и живое произведение, в котором соблюдены, однако, внутренняя хронология и большая точность».[3]

Исключительный интерес для выяснения исторических взглядов Нестора представляет собою его Чтение о Борисе и Глебе. Так же как и русская часть летописи Нестора, — Житие Бориса и Глеба вставлено Нестором в общеисторическую раму. В Чтении о Борисе и Глебе Нестор проводит идею, близкую к концепции Илариона, но осложненную публицистическим стремлением убедить князей кончить губительные для русского народа усобицы.

История человеческого рода с точки зрения Нестора есть история борьбы добра и зла. Дьявол, искони ненавидевший добро, соблазнил Адама и Еву, и

---

[1] След от старого заглавия «Повести временных лет» с именем Нестора остался в Ипатьевской летописи и сходных с нею списках, где нет имени Нестора, но сказано, что она принадлежит «черноризцу Федосьева монастыря».

[2] Киево-Печерский патерик. С. 126; ср. также с. 133.

[3] *Приселков М. Д.* Нестор-летописец. С. 99.

они были изгнаны из рая. По наущению дьявола потомки Адама и Евы предались язычеству и стали поклоняться идолам. Бог послал пророков, но люди «и тѣхъ не послушаша, нъ и тѣмь досадиша, а инѣхъ побиша».[1] Тогда милосердный Бог послал своего сына для спасения человечества, и апостолы разнесли его учение по всем странам света. Но Русская земля осталась без апостольского просвещения: Бог хранил Русскую землю для последнего часа. В этот последний час Бог призвал Русскую землю. Князь Владимир просветил учением Христа русский народ, крестившийся без сопротивления и ропота. Перед русским народом стояла великая историческая миссия: как последний из призванных, он должен был стать первым в историческом процессе. Но дьявол решил поразить Русскую землю в самое сердце — в «корень» крестившего ее Владимира. Он воздвигает распрю в семье Владимира, в которой среди многих сыновей, как «две звезде светле», сияли Борис и Глеб. По наущению дьявола брат Святополк убивает их. Однако безропотная смерть Бориса и Глеба, оставшихся верными и покорными своему старшему брату — убийце Святополку, разрушает замыслы дьявола. Борис и Глеб подали своей смертью всем русским князьям пример братской любви и покорности. Их устами провозглашен принцип старшинства: «Не отъиду, ни отбѣжю отъ мѣста сего, ни пакы супротивлюся брату своему, старѣйшому сущю», — говорит Борис;[2] «Ни пакы смѣю противитися старѣйшому брату», — вновь и вновь повторяет он.[3]

Таким образом, культу Бориса и Глеба Нестором придано широчайшее историческое значение. С этим культом связано торжество Русской земли над кознями дьявола, пытающегося посеять раздоры среди князей. Распри князей, князей-братьев (русские князья — все потомки одного родоначальника, Рюрика), — последняя надежда дьявола воспрепятствовать торжеству добра в мире. Однако Борис и Глеб собственной смертью защитили Русскую землю от покушений дьявола, подали спасительный пример всем русским князьям и после смерти продолжают оказывать покровительство Русской земле.

Так идея братолюбия князей и их «покорения» старшему в роде выдвигалась Нестором как центральное звено исторических событий последних лет. Публицистические идеи печерских летописцев были, таким образом, соединены Нестором в его Чтении с всемирно-исторической концепцией первых официальных произведений времени Ярослава Мудрого. То же соединение философско-исторической схемы, по которой Русской земле отводилось первое место, с публицистическими тенденциями и страстной злободневностью было характерно и для крупнейшего из произведений Нестора — «Повести временных лет».

«Повесть временных лет», завершившая собою историю печерского летописания XI в., по самому характеру своего изложения свидетельствовала вместе с тем о своеобразном возвращении к спокойно-эпическому тону и

[1] Памятники древнерусской литературы. Вып. 2: Жития св. мучеников Бориса и Глеба и службы им / Под ред. Д. И. Абрамовича. Пгр., 1916. С. 2.

[2] Там же. С. 9.

[3] Там же. С. 10.

философским обобщениям Сказания о первоначальном распространении христианства на Руси. Это и понятно: перед Нестором стояли совсем иные задачи, чем перед его предшественниками — печерскими летописцами второй половины XI в. Летопись из оппозиционной становилась официальной и государственной, хотя и сохраняла кое-что из публицистического направления первых печерских сводов. Отсюда торжественный характер «Повести временных лет», отсюда ее сдержанность в оценке событий русской истории и исключительное внимание к ее начальному периоду, к вопросам происхождения Русского государства, русского народа, отдельных племен, их названий и т. д.

Вместо того чтобы оставаться «временником» современных летописцу событий, летопись уделяла главное внимание общим проблемам русской истории. Свои задачи Нестор точно сформулировал в самом названии своего труда: «Се Повѣсти времяньных лѣт, откуду есть пошла Руская земля, кто въ Киевѣ нача первѣе княжити и откуду Руская земля стала есть».

Нестор связал русскую историю с мировой, придал ей центральное значение в истории европейских стран. Показать Русскую землю в ряду других держав мира, доказать, что русский народ не без рода и племени, что он имеет свою историю, которой вправе гордиться, — такова замечательная по своему времени цель, которую поставил себе составитель «Повести». «Повесть временных лет» должна была напомнить князьям о славе и величии родины, о мудрой политике их предшественников и об исконном единстве Русской земли. Задача эта выполнена летописцем с необыкновенным тактом и художественным чутьем. Широта замысла сообщила спокойствие и неторопливость рассказу летописца, гармонию и твердость его суждениям, художественное единство и монументальность всему произведению в целом.

Начало «Повести временных лет» посвящено событиям всемирной истории в ее средневековом понимании. Летописец вводит русскую историю в мировую, сообщая самые разнообразные сведения — географические, этнографические, культурно-исторические. Неторопливо раскрывает летописец ту историческую обстановку, в которой родилось Русское государство.

«Повесть временных лет» открывается историко-этнографическим введением. Нестор ведет свой рассказ от «всемирного потопа» и распределения Земли между сыновьями Ноя. Он перечисляет страны, отошедшие к Симу, затем земли Хама и, наконец, особенно подробно останавливается на тех «полунощных» (северных) и западных странах, которые отошли к Иафету. Нестор подчеркивает при этом, что, разделив всю Землю по жребию на три части, братья обещали «не преступати никому же въ жребий братень, живяхо кѐждо въ своей части». Затем Нестор рассказывает об образовании народов и языков. Он передает библейскую легенду о Вавилонском столпотворении, во время которого люди разделились на народы и заговорили на разных языках, и отмечает происхождение славян «от племени» Иафета.

Первоначально, утверждает Нестор, славяне жили по Дунаю — там, где ныне Венгерская («Угорьска») и Болгарская земли. Отсюда-то и произошло расселение славян, приведшее затем к образованию различных славянских племен и народностей. Свои названия славянские племена получили по тем местам, где они первоначально сидели: «от тѣхъ словѣнъ разидошася по землѣ

и прозвашася имены своими: гдѣ сѣдше на которомъ мѣстѣ». Летописец указывает западных славян — мораву и чехов, южных — белых хорватов, сербов и хорутан. Расселение дунайских славян было вызвано нашествием волохов, в которых А. А. Шахматов предлагает видеть западных франков — народы монархии Карла Великого.[1] Часть славян ушла от волохов на Вислу и прозвалась ляхами (поляками). Ляхи в свою очередь распались на полян, лутичей, мазовшан и поморян. Некоторые из дунайских славян сели по Днепру и назвались полянами, другие — древлянами, потому что «сели в лесех», третьи сели между Припятью и Двиною и прозвались дреговичами, четвертые сели на реке Полоте и прозвались полочанами. Наконец, часть «словен» села около озера Ильменя, прозвалась «своим именем» (т. е. славянами) и построила город, названный Новгородом. Затем Нестор указывал место поселения племени севера, после чего следовала заключительная фраза «тако разидеся словѣньский языкъ» и сообщалось, что по имени славян назвалась и грамота славянской.

За этими обстоятельными сведениями о расселении племен летописец переходит к сообщению географических сведений о Русской земле. Просто и наглядно дает летописец географическое описание Руси, путей, связывающих ее с другими странами, с замечательной последовательностью начиная свое описание с водораздела рек Днепра, Западной Двины и Волги. «Днѣпръ бо потече из Оковьскаго лѣса, и потечеть на полъдне (на юг), а Двина ис того же лѣса потечет, а идеть на полунощье (на север) и внидеть в море Варяжьское (Балтийское). Ис того же лѣса потече Волга на въстокъ, и вътечеть семьюдесятъ жерелъ в море Хвалисьское (Каспийское). Тѣмже и из Руси можеть ити по Волзѣ в Болгары и въ Хвалисы, и на въстокъ доити въ жребий Симов, а по Двинѣ въ Варяги, изъ Варягъ до Рима, от Рима же и до племени Хамова. А Днѣпръ втечеть в Понетьское море жереломъ, еже море словеть Руское...».[2]

Вслед за географическим описанием Руси Нестор передает легенду о трех братьях, основателях Киева — Кие, Щеке и Хориве, читавшуюся еще у его предшественника.

Затем переходит к рассказу о постепенном политическом обособлении русских племен — полян, древлян, дреговичей, словен и полочан — и перечисляет соседние русским народности: весь на Белоозере, мерю на Ростовском озере и на Клещине, мурому у устья Оки. Упоминание других народностей вынуждает Нестора дать точный перечень славянских народов, населяющих Русь, а также неславянских, платящих дань русским и входящим в политический союз Руси. К последним он относит чудь, мерю, весь, мурому, черемисов, мордву, пермь, печору, ямь, литву, зимиголу, корсь, нарову, либь. Все эти народы говорят на языках «от колена Афетова».

---

[1] *Шахматов А. А.* «Повесть временных лет» и ее источники // ТОДРЛ. 1940. Т. 4. С. 29.

[2] Предполагаю, что географическое описание Руси не принадлежит к рассказу об апостоле Андрее, как думал А. А. Шахматов. Правда, географическое описание вводится фразой «поляномъ же жившимъ особѣ», которая повторяется вслед за рассказом об Андрее — «полем же жившемъ особѣ», но фраза эта встречается и еще раз ниже после рассказа об обрах, примучивших дулебов: «поляномъ же жиущем особѣ», и, таким образом, не свидетельствует о вставке в этом месте.

Перечисление народов, платящих дань Руси, вызывает у Нестора воспоминание о тех временах, когда славяне сами бывали покоряемы другими народами. Он рассказывает о народах, временно угнетавших славян: о болгарах, покоривших себе дунайских болгар, о белых уграх, овладевших славянской землей, об обрах (аварах), печенегах и, наконец, о черных уграх, проходивших около Киева при вещем Олеге. Смысл этого перечисления ясен: народы, угнетавшие славян, все исчезли или ушли, а славяне остались и сами берут дань с других народов. Именно поэтому летописец передает народный рассказ об обрах, угнетавших славянское племя дулебов. Обры эти были телом велики и умом горды, они впрягали в телеги дулебских женщин и ездили на них, как на скоте, но Бог истребил их без остатка так, что есть и сейчас поговорка на Руси: «погибоша аки обре».

Упомянув еще несколько славянских племен, не вошедших в прежние перечисления, — радимичей, вятичей, уличей, тиверцев — Нестор переходит к описанию нравов славянских племен, населяющих Русскую землю. Это описание нравов подчинено единой идее: каждая народность и каждое племя имеют свой «закон» и свой «нрав», переданный им от отцов их. В подтверждение этой своей мысли летописец ссылается в конце своего описания на византийского историка Георгия Амартола и приводит из него несколько ссылок на нравы народов Востока и Европы. Летописец противопоставляет в своем описании «кроткий и тихий» образ жизни полян нравам древлян, радимичей, вятичей и север, живущих «звериньским образом». В этом выделении полян заметен местный патриотизм киевлянина. Свой обзор образа жизни различных племен и народов Нестор заканчивает краткой характеристикой нравов главных врагов Руси — половцев — и отмечает преимущества христианских нравов Руси как более высоких. Как здесь, так и в других местах «Повести» Нестор осознает русских цивилизованным и культурным народом.

Постепенно и логично сужая свою тему, Нестор переходит затем к древнейшим судьбам полян. Он повествует о покорении полян хазарами, сведения о которых были им почерпнуты из предшествующего летописного свода. Покорение это сопровождалось пророчеством «хазарских старцев», предсказавших, что поляне, давшие в качестве дани обоюдоострые мечи, сами когда-нибудь станут собирать дань на хазарах (что и сбылось, — прибавляет от себя летописец). Таким образом, и здесь настойчиво повторяется та же мысль, что русские, когда-то угнетавшиеся и платившие дань другим народам, ныне сами вершат судьбами своих соседей.

На этом заканчивается вводная часть «Повести временных лет». За нею следует собственно историческая часть, которую летописец стремится вложить в строгую хронологическую сеть годовых статей.

Нестор проделал огромную работу по уточнению хронологической сети летописания. По-видимому, даты первоначальных русских княжений до Нестора не были определены по принятому в средние века летосчислению «от сотворения мира». Возможно, что первые печерские летописцы знали лишь, что Игорь княжил 23 года, Святослав — 28 лет, Ярополк — 8 лет и т. д. Лишь Нестором была сделана попытка вычислить точные хронологические данные русских княжений на основании различных источников. Этими источ-

никами послужили для него показания византийских хроник, в которых даты отсутствовали, но которые могли тем не менее помочь ему в его заботах о точности, затем данные Сказания о Кирилле и Мефодии и договоры с греками, о которых скажем ниже.

Древнейшая хронологическая веха «Повести временных лет» — 852 год — взята Нестором у его предшественника — составителя печерского Начального свода.

Первую дату русской истории Нестор сопровождает большой хронологической таблицей главнейших событий всемирной и русской истории. «Тѣм же отселе почнем и числа положимъ», — говорит Нестор. Действительно, строгий хронологический принцип кладется Нестором в основу всего дальнейшего изложения. Мы видели выше, что введение в летописание хронологического принципа следует относить к 60-м годам XI в., т. е. ко времени работы летописца Никона, однако только Нестор полностью осознал важность этого принципа и проделал поражающую своей кропотливостью работу по уточнению основных хронологических вех русской истории.

Вслед за хронологической таблицей, приведенной под 852 г., Нестор поместил ряд годов, многие из которых вовсе не отмечены записями, очевидно, ввиду невозможности найти для них какой бы то ни было исторический материал. Вставляя эти пустые года в свое летописание, Нестор подчеркивал самый принцип, летописную форму, а может быть, даже давал этим как бы задание для разысканий своим продолжателям.

Следующие русские события записаны в летопись под 859 и 862 гг.: это легенда призвания варягов на Русь. Мы видели выше, как упорно стремился Нестор объяснить теми или иными путями происхождение названий племен и народностей. Естественно, что важнейшей задачей Нестора было бы объяснение названия «Русь». Нестор не дал его в своем месте — там, где объяснял названия славянских народностей, — отодвинув это объяснение к изложению легенды о призвании варягов.

Свою теорию Нестор строит, не избежав натяжек. У своего предшественника он прочел: «и сѣде Игорь, княжа, в Киевѣ, и бѣша у него варязи мужи словенѣ, и оттолѣ прочии прозвашася Русью».[1] Отсюда Нестор объясняет название Руси так: русь это и есть варяги. Русь — варяжское племя, то самое, откуда происходили призванные братья — Рюрик, Синеус и Трувор. Название варяжского племени русь передалось славянским племенам, призвавшим к себе представителей руси. Вот почему, чтобы избежать противоречий, Нестор вставляет имя руси в принадлежавшее его предшественнику летописцу перечисление племен и народов, населявших европейский Север: «варязи, свеи, урмане, готе, русь, агняне, галичане, волъхва» и т. д. В самый рассказ о том, как были призваны варяги, Нестор к словам предшествующей летописи «и идоша за море къ варягомъ» добавил: «к руси; сице бо ся зваху тьи варязи русь, яко се друзии зъвутся свие, друзии же урмане, анъгляне, друзии гъте, тако и си». Но как избегнуть возражения, что сейчас (во времена летописца)

[1] Новгородская первая летопись. Комиссионный список, 854 г.

скандинавский север не знает племени русь? Нестор находит выход из этого затруднения в утверждении, что три брата явились на Русь со всем своим племенем: «пояша по собе всю русь». Вся русь, таким образом, переселилась на юг без остатка; вот почему ныне и нет среди скандинавских племен племени с названием русь.[1] Итак, Нестор утверждал норманнское происхождение княжеского рода и самого названия Руси. Чем же объяснить, что летописец, столь последовательно стремившийся утвердить значение русского народа в мировом историческом процессе, был склонен выводить и название Руси, и княжеский род из-за моря — от варягов?

Мы видели, что легенда о призвании варягов складывалась постепенно и искусственно. Летописцы были заинтересованы в прекращении начавшихся при сыновьях Ярослава Мудрого княжеских усобиц и свойственными средневековому мышлению методами пытались с помощью этой легенды внушить князьям, что все они — «единого деда внуки», что князья были призваны народом для установления порядка, для прекращения усобиц. Можно догадываться, что легенда эта служила, кроме того, еще одной цели. С норманнского севера Русскому государству не угрожала более опасность. Иными были отношения с византийским югом. Согласно смыслу византийской теории императорской власти, все христианские народы должны были стать и в политическую зависимость от Империи. Византия и в XI, и в XII, и в последующие века настаивала на тесной зависимости русской государственности от Византийской империи и стремилась поддержать это мнение на Руси раздачей византийских придворных чинов русским князьям.[2] С точки зрения греков Русское государство было обязано своим происхождением Византии. Законная власть явилась на Русь лишь после ее крещения и была неразрывно связана с церковью. Вот с этой-то греческой точкой зрения и боролись печерские летописцы. Она представляла собой существенную опасность, поскольку ее проводником являлся киевский митрополит-грек. В своей общерусской и антигреческой политике печерские монахи были последовательными противниками киевского митрополита, его политики и его теории. «Норманская теория» печерских монахов была теорией антигреческой. Она утверждала прямо противоположную точку зрения на происхождение Русского государства: не с византийского юга, а со скандинавского севера. Русское государство оказывалось образованным еще до принятия христианства и, следовательно, было независимо от церкви; независимость же от церкви означала прежде всего независимость от митрополита-грека, к чему настойчиво стремился и сам Киево-Печерский монастырь.

Почему же, однако, в своем утверждении независимости Русского государства от Византии Нестор не обратился к утверждению исконной независимости Русского государства от чьей бы то ни было опеки, а прибег к теории иноземного происхождения рода князей? Ответ на этот вопрос может быть только один: в традициях ученой средневековой историографии было возводить

---

[1] См. подробнее: *Шахматов А. А.* Разыскания... Гл. XIII: «Сказание о первых русских князьях», а также: *Шахматов А. А.* Сказание о призвании варягов.

[2] *Соколов Пл.* Русский архиерей из Византии. Киев, 1913. С. 37 и след.

происхождение правящей династии к иностранному государству.[1] Эти традиции были тесно связаны с ограниченностью исторического мышления средневековья. Всякому новому явлению общественного развития в средние века искали объяснения на стороне. Его считали привнесенным извне, дарованным Богом, явившимся из иностранного государства, или результатом чьего-либо постановления, приказания, иногда результатом договора и т. п., а не возникшим вследствие закономерного исторического развития, знания о котором еще отсутствовали. Особенно резко эти донаучные исторические представления проявлялись там, где дело касалось происхождения тех или иных знатных родов (королевских, княжеских, дворянских и т. д.).

Однако инициатива в создании Русского государства для летописцев исходила от самого народа. Русское государство с точки зрения летописцев возникло на основе своеобразного договора народа с князьями, на основе их «призвания». Летописцы резко отделяют варягов «находников» (захватчиков), изгнанных народом, от варягов, «приглашенных» народом.

Итак, легенда о призвании трех братьев-варягов — искусственного, «ученого» происхождения. Еще более искусственного происхождения и то объяснение, которое дал Нестор слову «Русь». Оно принадлежит только ему — Нестору, но не его предшественникам-летописцам. Это видно из предшествовавшего «Повести» Начального свода, отразившегося, как мы уже говорили, в составе новгородских летописей, где русь не только не отождествляется с варягами, но прямо им противопоставлена (см., например, под 1043 г.: «И давъ ему воя многы: варязи, русь...», «рекоша русь Владимиру... а варязи ркоша... И послуша Владимеръ варягъ» — Софийская первая летопись; это противопоставление убрано Нестором под 1043 г. в «Повести временных лет»). Действительно, слово «русь» гораздо древнее 862 г. Названия «русь», «рось» издавна бытовали на территории будущей Руси и вошли во многие географические названия (Рось, Росино, Руска, Руса и мн. др.). Можно считать установленным, что слово «русь», «рось» — местное, а не привнесенное откуда бы то ни было. Оно значительно древнее 862 г. и еще раньше употреблялось в отношении русских иноземными писателями.

Вслед за изложением легенды о призвании трех братьев-варягов рассказ Нестора первоначально основывается главным образом на греческой хронике Георгия Амартола и его Продолжателя как на одном из основных своих исторических источников. Собственно русских известий в нем немного; водворение Олега в Киеве, женитьба Игоря, поход Олега на Царьград, второй поход Олега и смерть Игоря. Замечательно, что, собирая эти сведения о русской истории IX и самого начала X в., Нестор умело преодолевал огромные

[1] В Западной Европе происхождение народов, основателей городов, родоначальников династий очень часто возводилось к героям, принимавшим участие в Троянской войне. В происхождение французов от Франка, сына Гектора, а французских королей от троян верили даже в XVI столетии. Многие из своих династий немцы выводили из Рима, швейцарцы — от скандинавов, итальянцы — от германцев. Близкую к нашему сказанию о призвании варягов легенду передает Видукинд Корвейский, рассказавший в своей хронике о призвании трех братьев-саксов. См. свод данных по этому вопросу: *Иконников В. С.* Опыт русской историографии. Киев, 1908. Т. 2, кн. 2. С. 65 и след.

трудности. В некоторых случаях он поступал как настоящий исследователь, которому приходится на основании чрезвычайно скудного материала создавать цельную картину исторического развития. У Продолжателя Амартола Нестор нашел сообщение о походе русских на Царьград (под 866 г.) и вставил в него имена Аскольда и Дира, очевидно сопоставив рассказ Амартола с какими-то русскими народными преданиями о походе Аскольда и Дира.

Под 882 г. Нестор сообщил о княжении Олега и дальше под ближайшими годами рассказал о покорении им древлян, северян, радимичей. Под 887 г. в «Повести временных лет» читаются известия из Продолжателя Амартола, а затем следует ряд незаполненных годов. Под 898 г. Нестор рассказывает о прохождении угров (венгров) мимо Киева и приводит легендарную историю об обретении славянских письмен Кириллом и Мефодием и об их миссии в Моравию. Под 902 г. снова находятся известия из византийской истории, почерпнутые у Продолжателя Амартола. Под 903 г. сообщается о женитьбе Игоря. Под 907 г. читается длинный рассказ о походе Олега на Царьград с приложением к нему текста договора Олега с греками. Сообщение 911 г. о комете, по-видимому, взято у Продолжателя Амартола. Затем под 911 г. приводится новый текст договора Олега с греками и рассказывается известная легенда о смерти вещего Олега от собственного коня. В подтверждение того, что волхвы могут иногда предсказывать будущее, а может быть, и для того, чтобы оградить себя от возможных обвинений в доверии к волхвам, Нестор приводит ряд аналогичных случаев с волшебной силой Аполлония Тианского. Затем следует рассказ о вокняжении Игоря, о первых его столкновениях с древлянами и снова ряд византийских известий из Продолжателя Амартола. Постепенно русские известия становятся все более и более частыми, Нестор начинает все более и более следовать изложению предшествующей летописи. В ней он находит уже более твердую опору для своего повествования и ему меньше приходится изыскивать на стороне исторические данные.

Существенным приобретением Нестора для русской истории были тексты договоров русских с греками. Нестор ясно осознал историческую ценность этих документов и не только вставил их текст в свое изложение, но использовал их показания для выверки хронологических данных и уточнения княжеской генеалогии.

Откуда были взяты тексты договоров, которыми воспользовался Нестор? По свидетельству византийского историка Менандра, обычно все договорные грамоты изготовлялись в Византии в двух экземплярах. Один экземпляр составлялся от имени императора, а другой — от имени правителя страны, с которой велись переговоры. Само собой разумеется, что основным текстом считался первый, а второй был лишь видоизменением первого.[1] С этого последнего экземпляра делался перевод на язык народа, с которым договаривались, и хартия этого перевода хранилась у правителя этого народа. Именно эти-то экземпляры договоров русских с греками и были, очевидно, выданы Нестору из княжеской казны.

---

[1] Ср. в договоре 944(945) г.: «едина харатья... на ней же есть крестъ и имена наша написана, а на другой послы ваша и гостье ваша» («Повесть временных лет», 945 г.).

Вот почему в тексте этих договоров «мы», «нашь» относятся к русской стороне, а «вы», «вашь» — к греческой. Однако замена форм первого лица вторым и обратно произведена не всюду достаточно последовательно: мы имеем случаи употребления местоимения «мы», «нашь» в отношении к греческой стороне.

Что тексты договоров, хранившиеся в казне Святополка, были славянские и что переводы их должны были совпадать со временем фактического ведения переговоров, доказано исследованием С. П. Обнорского. По его заключению, «перевод договора 912 г. (т. е. 911 г. — Олега. — *Д. Л.*) — неискусный, очень близкий к оригиналу, пестрит грецизмами всякого вида, обилен соответственно и нарушениями требований русского синтаксиса»,[1] он был «сделан болгарином на болгарский язык, но этот перевод был выправлен русским справщиком».[2] Перевод другого договора — 945 г. (Игоря) — принадлежит иному переводчику, он сделан «более умелою рукою, более удобопонятен, не так заполнен грецизмами, относительно мало грешит в интересах русского синтаксиса»,[3] его переводчиком должен был быть русский книжник, «соответственно и отразивший в переводе смешение и русской и болгарской книжной стихии».[4]

Кроме договора Олега 911 г. и договора Игоря 945 г. Нестор занес в летопись еще два договора — Олега же — 907 г. и Святослава — 972 (971) г. Однако, как доказано исследованиями А. А. Шахматова, договор 907 г. представляет собой простую выборку некоторых статей из договора 911 г. А. А. Шахматов считает, что договора 907 г. не существовало вовсе, летописец механически отнес некоторые статьи 911 г. к 907 г., предполагая, что одержанная Олегом в 907 г. победа над греками была также завершена особым договором, который он гипотетически и воспроизвел на основании текста 911 г. Договор 972 г., скорее, представляет собой текст присяги, данной Святославом грекам. Он краток, сжат и носит на себе следы свежего впечатления от неудачи похода.

Договоры 911, 945 и 972 гг. не только уточнили даты походов русских на Константинополь: наличие самостоятельных договоров Олега с греками убедило Нестора в том, что Олег был не воеводой, а князем. Вот почему Нестор отказался от версии Начального свода о воеводстве Олега (см. выше), а предположил, что Олег был родственником Игоря, княжившим во время малолетства Игоря вместо него. Утверждение это совпало с народным преданием, знавшим Олега как князя.

Народным преданием Нестор воспользовался не один раз. В этом отношении он действовал по примеру своих предшественников — печерских летописцев. На основании народных преданий Нестор включил в «Повесть временных лет» рассказ о сожжении Ольгою Искоростеня с помощью птиц, к которым

---

[1] *Обнорский С. П.* Язык договоров русских с греками // Язык и мышление. 1936. Т. 6—7. С. 102.

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] Там же. С. 102—103.

был подвязан зажженный трут, затем рассказ о белгородском киселе, который белгородцы, по совету одного старца, налили в колодец и тем убедили осаждавших их печенегов, что их кормит сама земля.

Нестору же, по-видимому, принадлежит пересказ устного сказания о поединке юноши-кожемяки с печенежским богатырем на реке Трубеже «на бродѣ, где нынѣ Переяславль» («Повесть временных лет», 992 г.). Следуя своему обычному стремлению объяснять происхождение названий, Нестор воспользовался этим сказанием, чтобы истолковать самое слово «Переяславль». Нестор объяснил его тем, что здесь на месте будущего города отрок-кожемяка «переял славу» печенежского богатыря.

Сказание повествует, как вызванные на единоборство русские тщетно искали богатыря, который смог бы противостоять печенежскому богатырю, как затем начал «тужить» Владимир Киевский, посылая по всем воинам и как, наконец, объявился некий «старъ мужь» и рассказал Владимиру о своем оставшемся дома меньшем сыне, кожемяке, который мог бы бороться с печенежином.

Приведенный к князю неказистый на вид юноша просит предварительно испытать его, вырывает у разъяренного быка бок с кожей, «елико ему рука зая», а затем побеждает превеликого и страшного богатыря-печенежина. Обрадованный Владимир заложил на месте поединка город, назвав его Переяславлем, а скромного кожемяку сделал «великимь мужемъ».

В легенде о кожемяке мы имеем единственный в своем роде случай, доказывающий, что сложение народного цикла сказаний вокруг Владимира Святославича началось уже на рубеже XI—XII вв. В самом деле, город Переяславль упоминается еще задолго до княжения Владимира — в договоре с греками 911 г. Поэтому легенда об основании Переяславля, очевидно, не была первоначально приурочена к княжению Владимира. Только впоследствии — во времена Нестора — она связалась с популярным именем Владимира, свидетельствуя тем самым о каких-то малоизвестных еще нам фактах начавшейся циклизации русского эпоса вокруг Владимира.

Последнюю часть своей летописи по 1110 г. Нестор писал в значительной мере на основании лично им собранных сведений. Мы имеем лишь слабое представление об этой работе Нестора, так как именно конец «Повести временных лет» подвергся через несколько лет коренной переработке.

В этой части летописи сказалась столь типичная для Нестора манера изложения от первого лица — своеобразный эгоцентризм его повествования. Достоверно Нестору принадлежат три рассказа: о перенесении мощей Феодосия под 1091 г., о набеге половцев на Печерский монастырь в 1096 г. и об удачном походе Святополка в 1107 г.

Рассказ Нестора об открытии мощей Феодосия в своем роде замечателен. В противоположность обычной для средневековой литературы обобщенности и схематичности повествования, Нестор подробно описывает, как он сам с помощником монахом ночью втайне откапывал гроб Феодосия в пещере, как тщетны были в первое время его усилия, как, устав копать, передал он свою «рогалию» другому «брату», как снова взял от него «рогалию» и стал копать сам, а «брат» усталый лег спать перед пещерой, как затем в монастыре ударили

в било. Брат, лежавший при входе в пещеру, сказал об этом Нестору, который как раз в это время докопался до гроба. Нестор рассказывает, как его объял при этом ужас и как он начал взывать: «Господи, помилуй!».

Такою же картинностью отличается и рассказ Нестора о нападении половцев на Печерский монастырь в 1096 г. Нестор повествует, как половцы «придоша на манастырь Печерьскый, намъ сущим по кѣльямъ почивающим по заутрени, и кликнуша около манастыря, и поставиша стяга два пред враты манастырьскыми, намъ же бѣжащим задомъ манастыря, а другимъ възбѣгшим на полати».[1]

Последний из бесспорно принадлежавших Нестору рассказов летописи — о победе над половцами в 1107 г. — подчеркивает роль Печерского монастыря в военных удачах Святополка. Святополк имел обыкновение заходить перед отправлением в поход и молиться у гроба Феодосия. Вернувшись после победы над половцами, Святополк прямо направился в монастырь, где целовал братью и «с радостью великою» произнес перед ней краткое слово, тут же записанное в летописи.

Создание «Повести временных лет» свидетельствует о широкой начитанности Нестора. Уже в своем Житии Феодосия Нестор сам называет большое (из 92 глав) Житие Антония Великого, составленное в IV в. Афанасием Александрийским, и Житие Саввы Освященного, написанное в VI в. Кириллом Скифопольским. Но там же заметны следы начитанности Нестора и в других произведениях византийской литературы.

Начитанность, проявленная Нестором при создании «Повести временных лет», исключительна. Однако Нестор не следует литературной манере своих источников или, если и следует, то лишь в некоторых случаях. Он использует византийские произведения не как литературные образцы, а как исторические источники. Он пользуется их историческими сведениями, но не идеями и не подражает им.

Широко пользуется Нестор византийской Хроникой Георгия Амартола и его Продолжателя, имевшейся ко времени Нестора в русском переводе.[2] Георгий Амартол изложил всемирную историю до 812 г., а его Продолжатель — до 948 г.

Нестор воспользовался, кроме того, Летописцем, составленным константинопольским патриархом Никифором (доведшим изложение до года своей смерти — 829),[3] Житием Василия Нового, а именно той частью его, в которой описывался поход Игоря на Константинополь, каким-то хронографом особого состава, в который входили отрывки из известной Хроники Иоанна Малалы, Пасхальной хроники, Хроники Георгия Синкелла и того же Георгия Амартола.

---

[1] Манера вести повествование от первого лица и подчеркивать свое участие в событиях типична и для житийных произведений Нестора.

[2] Впервые указал на пользование Нестора Амартолом П. М. Строев в статье «О византийском источнике Нестора» (Труды и летописи Общества истории и древностей российских, учрежденного при имп. Московском ун-те. 1828. С. 167—183). См. подробно: *Шахматов А. А.* «Повесть временных лет»... С. 41—62.

[3] *Шахматов А. А.* «Повесть временных лет»... С. 62—66. — Летописец Никифора именуется в русских рукописях «Летописцем вскоре».

Нестор использовал затем Сказание о преложении книг на словенский язык, Откровение Мефодия Патарского, статью Епифания Кипрского о 12 камнях на ризе Иерусалимского первосвященника и т. д.

Замечательно, что, пользуясь сведениями своих исторических источников, Нестор свободно перестраивает их текст: сокращает и упрощает стилистически. Так, например, вместо выражения Продолжателя Амартола «почтен бысть Романъ Кесаревом саномъ»[1] Нестор пишет: «поставленъ царь Романъ въ грекох» («Повесть временных лет», 920 г.), вместо выражения «злое пришествие Антиохово»[2] Нестор пишет просто: «нахоженье Антиохово»[3] («Повесть временных лет», 1065 г.) и т. п.

Иногда в стилистической переработке источников чувствуется патриотическая рука. Нестор не только изменяет стиль, но отчасти, очень осторожно, перерабатывает и самое освещение событий. Так, например, в Житии Василия Нового говорится о сражении Игорева войска с греками: «и брани межю ими бывши, побѣжени бывша Русь, и биша ихъ грецы бѣжащихъ».[4] Нестор же излагает это событие так: «и брани межю ими бывши зьли, одва (едва) одолѣша грьци» («Повесть временных лет», 941 г.). В другом месте того же описания в Житии Василия Нового говорится: «И бысть видѣти страшно чюдо, како боящеся пламене огненаго», Нестор опускает обидное для русских слово «боящеся» и заменяет его словом «видящи»: «Русь же видящи пламянь» («Повесть временных лет», 941 г.).

В целях чисто литературной обработки изложения Нестор привлек чрезвычайно обширный материал из книг Ветхого и Нового Заветов. В «Повести временных лет» находим выписки из книг Бытия, Исхода, Левита, Царств, Притчей Соломона, Премудрости Соломона, Екклезиаста, Иова, пророков Даниила, Исаии, Иезекииля, Михея и Амоса, Псалтири, Евангелия, Посланий апостольских, Деяний апостольских и др.

Высокое литературное образование Нестора, его исключительная начитанность в источниках, умение выбрать в них все существенное, сопоставить разноречия и т. д. сделали «Повесть временных лет» не просто собранием фактов русской истории и не просто историко-публицистическим сочинением, связанным с насущными, но преходящими задачами русской действительности, а цельной, литературно изложенной историей Руси.

Патриотическая возвышенность рассказа, широта политического горизонта, живое чувство народа и единства Руси составляют исключительную особенность создания Нестора.

Историческое сознание Нестора выше, чем у его предшественников. Он интересуется первопричинами, происхождением народа, государства, княже-

---

[1] *Истрин В. М.* Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе. Пгр., 1920. Т. 1. С. 552.

[2] Там же. С. 200.

[3] Возможно, однако, что сокращение Хроники Амартола принадлежит не Нестору. Последний мог заимствовать цитаты из Амартола в уже сокращенном виде. В таком сокращенном виде они могли находиться в особом «Хронографе по великому изложению», восстанавливаемом В. М. Истриным.

[4] *Шахматов А. А.* «Повесть временных лет»... С. 70.

ского рода, названий городов и племен. Он в большей мере, чем его предшественники, — исследователь. Его изыскания в области хронологии изумительны. Он пытливее, чем его предшественники, стремится разобраться в противоречиях источников и строит свои сложные исторические гипотезы. Перед нами историк-мыслитель. Однако, если мы и имеем в «Повести временных лет» отражение народной точки зрения на русскую историю, то этим мы больше обязаны предшественникам Нестора, чем ему самому. Нестор — первый официальный летописец. В большей мере, чем его предшественники, он представляет собой и церковного писателя.

*

Выше мы охарактеризовали «Повесть временных лет» в ее основной части, наличной во всех ее лучших списках, исключив все те части, которые не могут быть к ней отнесены с полной уверенностью. Работа Нестора над этой основной частью «Повести временных лет» выясняется относительно точно, так как она может быть легко сопоставлена с предшествующим «Повести временных лет» текстом Начального свода: для этого, если не углубляться в детали, достаточно обратиться для сравнения к младшему изводу Новгородской первой летописи, по которой предшествующий Нестору Начальный свод восстанавливается довольно полно, и учесть некоторые поправки и дополнительные соображения А. А. Шахматова. Выше в характеристике работы Нестора мы в основном и исходили из этого сопоставления. Все лишние сравнительно с младшим изводом Новгородской первой летописи части позволили охарактеризовать композиционный и идейный замысел Нестора. Но в них же, в этих лишних частях, могут быть выяснены и особенности его личного стиля, способы переработки переводных текстов (например, текста Хроники Георгия Амартола), исторические приемы (стремление к выяснению происхождения тех или иных исторических явлений, названий городов, племен и т. д.), тенденции (особенно ясно в переработке текста византийских источников в патриотических целях) и т. д. Гораздо сложнее обстоит дело с выяснением последующих этапов обработки «Повести временных лет». Здесь следует вспомнить, что текст лучших списков «Повести временных лет» довольно значительно расходится. Попытка дать не формальную классификацию списков «Повести временных лет», а разобраться в истории ее редакций была сделана А. А. Шахматовым. Остановимся на ней более внимательно, тем более что гипотеза А. А. Шахматова удовлетворительно объясняет все расхождения основных списков.

Все лучшие списки «Повести временных лет» могут быть поделены на две группы. К одной относятся Лаврентьевская, Троицкая (сгоревшая), Радзивиловская летописи и Московско-Академический список; к другой — Ипатьевский и Хлебниковский списки. В первой группе текст «Повести временных лет» доведен до 1110 г., здесь же читается следующая запись выдубицкого игумена Сильвестра: «Игуменъ Силивестръ святаго Михаила (т. е. Михайловского монастыря на Выдобыче) написах книгы си Лѣтописецъ, надѣяся от

Бога милость прияти, при князи Володимерѣ (Мономахе), княжащю ему Кыевѣ, а мнѣ в то время игуменящю у святаго Михаила въ 6624, индикта 9 лѣта; а иже чтеть книгы сия, то буди ми въ молитвахъ». Во второй группе списков (Ипатьевском и Хлебниковском) изложение доведено до 1118—1119 гг. (последняя дата — с учетом мартовского летосчисления), и в ней есть признаки (с ними мы познакомимся ниже), указывающие на то, что текст ее более поздний сравнительно с текстом первой группы.

На основании главным образом приписки Сильвестра и некоторых других соображений А. А. Шахматов возводит первую группу списков к редакционной обработке выдубицкого игумена Сильвестра, сделанной в 1116 г. (см. в приписке: «в 6624, индикта 9 лѣта») в Михайловском Выдубицком монастыре (см. в приписке: «святаго Михаила»). Вторую группу списков А. А. Шахматов называет редакцией 1118 г. — и потому, что текст в ней доведен до 1118 г., и потому еще, что в самом тексте ее имеется ряд признаков (с одним из них мы познакомимся ниже), также указывающих на составление этой редакции в 1118 г.

Редакция 1118 г. более поздняя, чем редакция 1116 г., но и последняя не может считаться первоначальной. Мы видели уже, что киево-печерская традиция упорно приписывала создание «Повести временных лет» не Сильвестру, а Нестору, да и с литературной манерой Нестора, с его историческими приемами связывается все то лишнее, что читается в основном, бесспорном тексте сравнительно с предшествующим Начальным сводом. Укажем, кроме того, на то, что в последней части «Повести временных лет» (той, которая была добавлена к предшествующему Начальному своду после 1095 г. — года, на котором заканчивается Начальный свод) есть несомненные признаки ведения летописи именно в Печерском монастыре: под 1096 г. сообщалось о нападении половцев на Печерский монастырь, причем летописец говорит о себе в первом лице (см. уже цитировавшиеся места: «намъ сущим по кѣльямъ...», «намъ же бѣжащим...» и т. д.); под 1106 г. говорится о смерти Яна, имевшего ближайшее отношение именно к Печерскому монастырю и в нем же погребенного, причем летописец отмечает его помощь в летописной работе («от него же и азъ многа словеса слышах, еже и вписах в лѣтописаньи семь»). Ряд близко касавшихся Печерского монастыря известий занесен в «Повесть временных лет» и под 1107, и под 1108, и под 1109, и под 1110 гг. Отсюда несомненно, что первоначальная (первая) редакция создалась в Печерском монастыре. Сильвестровскую редакцию А. А. Шахматов назвал второй; редакцию 1118 г. — третьей.

В непосредственном виде первая редакция, как мы уже говорили об этом выше, до нас не дошла. Но и вторая, и третья редакции также в чистом виде не сохранились: слишком часто переписывалась «Повесть временных лет» и слишком много лет прошло со времени создания ее редакций до времени составления дошедших до нас списков.

В чем различие второй и третьей редакций, почему «Повесть временных лет» дважды перерабатывалась в начале XII в.? Приведу один лишь пример различий между второй и третьей редакциями «Повести временных лет», чтобы сделать понятным, как устанавливаются эти редакции. В Ипатьевском списке

(т. е. в третьей редакции) под 1114 г. сообщается о закладке каменной стены в Ладоге. При этом посадник ладожский Павел и другие ладожане рассказывали летописцу о каменном дожде, выпадающем близ Ладоги, о северных странах за Югрою и Самоядью. Летописец поверил этим рассказам и подтвердил их «учеными» ссылками на Хронограф («аще ли кто сему вѣры не иметь, да почтеть фронографа»). Под 1096 г. летописец третьей редакции приводит и другой рассказ о северных странах — новгородца Гюряты Роговича — опять-таки о Югре и Самояди. Гюрята говорил о загадочном народе, заключенном в горах Александром Македонским. Летописец снова говорит о себе в первом лице и снова делает ученые ссылки — на этот раз на Мефодия Патарского. Внутренняя связь этих двух летописных статей очевидна. Но она еще возрастет, если мы расшифруем следующие слова летописца: «Яже слышахъ преже сихъ в 4 лѣтъ», читающиеся под 1096 г. Очевидно, что летописец имел здесь в виду отсчет этих четырех лет от своего времени, от времени своей работы над летописью. Мы предположили выше, что летописец работал в 1118 г., так как именно до 1118 г. доведено изложение в «Повести временных лет». Отняв от 1118 г. четыре года, получим тот же 1114 г., когда летописец был в Ладоге и действительно беседовал там о северных странах. Вот, следовательно, ясное свидетельство того, что и рассказ 1096 г., и рассказ 1114 г. составляют одно целое, передают реально имевший место в Ладоге в 1114 г. разговор летописца и записаны в 1118 г., т. е. принадлежат составителю третьей редакции «Повести временных лет».

Кто же был этот составитель? Судя по известию 1114 г., он ездил вместе со старшим сыном Владимира Мономаха — Мстиславом — в Ладогу на закладку каменной стены. Следовательно, это летописец, близкий Мстиславу, а возможно, как предполагал М. Д. Приселков,[1] и сам Мстислав. Близость летописца к Мстиславу объясняет и другую особенность третьей редакции: обилие в ней известий, касающихся князя Мстислава. Кроме того, нам станут понятны и некоторые другие особенности Ипатьевского и сходных с ним списков. В самом деле, сказание о призвании трех братьев-варягов читается в русских летописях в двух версиях. В Лаврентьевском, Троицком и сходных списках «Повести временных лет» братья-варяги садятся — Рюрик в Новгороде (впрочем, Лаврентий опустил слова «сѣде Новѣгородѣ»), Синеус на Белоозере, Трувор в Изборске. По смерти Синеуса и Трувора вся власть переходит к Рюрику, который раздает города в управление своим мужам. В Ипатьевском и некоторых других списках (Радзивиловском, Хлебниковском, Академическом) князья-братья приходят сначала к словенам (т. е. к будущим новгородцам) и ставят город Ладогу. Старший Рюрик садится в Ладоге, Синеус на Белоозере, а Трувор в Изборске. По смерти братьев Рюрик получает всю власть. Он отправляется к Ильменю и строит здесь над Волховом Новгород. Отсюда уже Рюрик раздает города своим мужам. Первая версия несомненно первоначальнее: она читается и в новгородских летописях, где текст летописи более древний, чем в «Повести временных лет». Вторую же версию несомненно следует возводить к местному ладожскому преданию. Проникно-

[1] *Приселков М. Д.* История русского летописания... С. 44.

вение этого местного ладожского предания в третью редакцию понятно: оно введено в нее ее составителем наряду с другими ладожскими рассказами.

Таким образом, третья редакция «Повести временных лет» — это летопись старшего сына Мономаха — Мстислава, бывшего до 1118 г. новгородским князем, а затем переехавшего на юг. Редакция эта сочувственна Мстиславу и его отцу — Мономаху, отражает новгородско-ладожские предания и отмечает новгородско-ладожские события. Нам понятно также, почему именно летописец Мстислава воспользовался для своей работы «Повестью временных лет» во второй редакции. Как мы уже видели выше из приписки Сильвестра, вторая редакция составилась в княжом «мономашьем» монастыре, была летописью отца Мстислава — Владимира Мономаха. Действительно, вторая редакция «Повести временных лет», как, естественно, и третья в перешедшем к ней от второй материале, отражала полное сочувствие Владимиру Мономаху, идеализировала его.

Чем же была вызвана переработка «Повести временных лет» Нестора игуменом Сильвестром в Выдубицком монастыре?

Смерть Святополка ввела Владимира Мономаха в Киев (1113). По приглашению киевлян Мономах является в Киев, и ему устраивают торжественную встречу. Вступление Мономаха на золотой киевский стол повело к долгим годам упадка Печерского монастыря. Трудно сказать, стал ли Мономах на сторону киевского митрополита, хотя в числе встречавших его в Киеве был и митрополит, перед тем отсутствовавший на похоронах Святополка. Мономах, как и Святополк, продолжает заботиться о безусловно русском культе Бориса и Глеба, но он становится противником Печерского монастыря и вступает с ним в борьбу.

Мономах изымает из Печерского монастыря ведение летописания, которое теперь стало уже одним из важнейших общественных явлений русской действительности. Он передает его в свой княжой Выдубицкий монастырь, основанный его отцом Всеволодом Ярославичем. После этого литературная работа Печерского монастыря надолго замирает. Лишь во второй половине XII в. заметны следы оживления печерской летописной работы.

Переработка «Повести временных лет» была возложена Мономахом на выдубицкого игумена Сильвестра. Сильвестр опустил в заглавии «Повести временных лет» слова «Нестора черноризца Феодосиева манастыря Печерьскаго» и вставил в конце летописи собственное имя.

Переработка Сильвестром текста «Повести временных лет» коснулась главным образом ее последней части — той, где описывались княжения Святополка и Владимира Мономаха. Сильвестр подчеркнул роль Владимира Мономаха в борьбе со степными кочевниками. Он живо и картинно воспроизвел речи Мономаха и вставил несколько новых статей, благоприятных Мономаху. К числу последних относится и знаменитая повесть Василия об ослеплении Василька Теребовльского. В этой повести особо отмечена роль Владимира Мономаха, выступившего в защиту ослепленного Василька.

Повесть посвящена одному из самых вероломных преступлений в междоусобной борьбе XI—XII вв. Кровавые события грозили сорвать все дело

Владимира Мономаха, боровшегося за установление мира между князьями. В 1097 г. Мономах созвал первый княжеский съезд в Любече, на котором князья должны были договориться о своих взаимоотношениях и положить конец усобицам. Съезд признал, что каждый князь должен держаться своей вотчины и не покушаться на чужую. Князья целовали крест, что если кто-нибудь из них поднимется на другого, то все должны встать на зачинщика. Но только закончился съезд, как Давыд Игоревич, Владимир Волынский и Святополк Изяславич заманили к себе Василька Теребовльского и ослепили его. Встревоженный Мономах был заинтересован в том, чтобы все обстоятельства этого вероломства стали широко известны всем и всеми осуждены.

Автор повести — Василий — выполнял дипломатические поручения Мономаха и был причастен к Выдубицкому монастырю — княжому монастырю Мономаха. События описаны Василием как свидетелем.

Множество бытовых подробностей и реалий делает рассказ Василия одним из самых живых в «Повести временных лет». Подробно и не торопясь повествует Василий, как заманили Василька на именины, как постепенно оставили его одного в комнате, как схватили и схваченного везли затем на телеге в Белгород, как бросили в «истобку малу». Оглядевшись, Василько догадался, что хотят с ним сделать, стал кричать и плакать. Вошли конюхи, разостлали ковер и хотели повалить на него Василька. Василько отчаянно отбивался. Конюхи позвали подмогу, Василька схватили и связали, а затем сняли с печи доску, положили ему на грудь и сели по концам. Но Василько и тут сопротивлялся так отчаянно, что сняли с печи и вторую доску и придавили его «яко персемъ троскотати». Кончив точить нож, овчарь Святополка подошел и ударил им в глаз Василька, но сначала промахнулся и перерезал ему лицо: «И есть рана та Василкѣ и нынѣ». «По семь же увертѣ ему ножь в зѣницю, изя зѣницю, по семь въ другое око уверьтѣ ножь, изя другу зѣницю».[1]

Ослепленного, едва живого Василька снова взвалили на телегу и повезли во Владимир Волынский. Трогателен путевой эпизод с окровавленной сорочкой Василька, которую ослепители, остановясь для обеда в Воздвиженске, дали постирать попадье. Попадья, приняв князя за мертвого, оплакивает его.

«Сего не бывало есть в Русьскѣй земли ни при дѣдех наших, ни при отцихъ наших сякого зла», — сказал ужаснувшийся при известии об ослеплении Василька Владимир Мономах и послал за Давыдом и Олегом Святославичами сказать: «Поидѣта к Городцю, да поправим сего зла, еже ся створи се в Русьскѣй земли и в насъ, в братьи, оже вверженъ в ны ножь. Да аще сего не правимъ, то болшее зло встанеть в нас, и начнеть брат брата закалати, и погыбнеть земля Руская, и врази наши, половци, пришедше возмуть земьлю Русьскую».

Правота Василька и преступление Святополка, нарушившего свою клятву на кресте, подтверждаются патетической картиной чуда. Тот самый крест, клятву на котором нарушил Святополк, обращает на него поражение. Перед боем со Святополком Василько «възвыси крестъ» и говорит: «Сего еси цѣловалъ се первѣе взялъ еси зракъ очью моею, а се нынѣ хощеши взяти душю мою. Да буди межи нами крестъ сь». Полки соступились, и вот многие

[1] Ипатьевская летопись, 1097 г.

люди увидели над полками Василька тот самый крест, на котором была нарушена́ клятва. Клятвопреступник Святополк был побежден.

Повесть об ослеплении Василька Теребовльского исключительно интересна для выяснения исторических воззрений конца XI в. Она посвящена только одному историческому событию; она дает об этом событии связный, подробный и в известной мере реалистический рассказ; она выясняет причины происшедших событий и ищет виновников. Она свидетельствует, следовательно, о том, что погодовое изложение исторических событий в летописи не было обязательной и единственной формой исторических произведений XI в. и не было, таким образом, естественным отражением особенностей исторического мышления XI—XII вв.

Итак, изменения и переработки, сделанные Сильвестром в летописи Нестора, коснулись лишь вопросов текущей политики; они не внесли ничего нового в самую форму «Повести временных лет» и не затронули ее большого патриотического замысла. Предположения В. Л. Комаровича о том, что выдубицкая литературная школа отличалась большей демократичностью, простотой и склонностью к народному языку, вряд ли могут считаться полностью обоснованными:[1] слишком незначителен материал для подобных суждений.

«Повесть временных лет», несмотря на все изменения, сделанные в ней выдубицкими летописцами, может считаться созданием Печерского монастыря. Нестор соединил в своем произведении особенности старых печерских сводов 1073 и 1093 гг., с их антигреческим и общерусским направлением, и официальную сдержанность нового княжеского летописания, которому предстояло такое широкое развитие в XII и последующих веках.

4

Мы проследили путь, которым постепенно слагалась «Повесть временных лет». Итак, «Повесть временных лет» — это с в о д, создававшийся в течение более чем полустолетия, при этом в нескольких литературных центрах и многими летописцами. В этом летописном своде получили свое отражение идеологии различных классов и политические концепции нескольких феодальных центров. В «Повесть временных лет» вошли и народные взгляды на русскую историю, исторический фольклор, народная молва. Противоречия остались подчас непримиренными, во всей их живой обнаженности, отдельные «слои» легко вскрываемыми, архаические патриархальные воззрения — лежащими рядом с новыми феодальными представлениями, церковная идеология — рядом с языческой, светской, «дружинной». Монах-летописец иногда вступает в спор с языческим сказанием, стремится его опровергнуть или ввести в христианские воззрения, но он его все же приводит, знакомит с ним читателей. Сторонник Владимира Мономаха сохраняет текст предшествующей летописи с резкими осуждениями нового поколения князей в целом. Перед нами русская история, но не в преломлении одного исторического этапа Руси и не в·

[1] История русской литературы. Т. 1. С. 234.

толковании представителя одного только феодального центра. Движение передано движением же. Русская история в передаче «Повести временных лет» сама имеет историю своего создания, и при этом не краткую. Только через историю создания «Повести временных лет» можно понять ее величественное содержание. Вот почему мы остановились на этой истории подробно. Всякая попытка рассмотреть «Повесть временных лет» как единое и «неподвижное» целое вне истории ее создания, вне ее «течения», увела бы нас в мир противоречий и неясностей, привела бы к неправильным представлениям об этом вечно живом памятнике. «Се бо суть рѣкы, напаяюще вселеную», — еще и еще раз приходит на память это сравнение, употребленное самим летописцем.

Что же общего может быть все же вскрыто у тех летописцев XI—XII столетий, которые прошли перед нашими глазами? На каком этапе развития исторического мышления застаем мы историю постепенного сложения «Повести временных лет»?

Летописцы XI—начала XII в. еще не отошли от патриархально-поэтического восприятия родной истории. Они еще воспринимают события прошлого с точки зрения героической по преимуществу. В особенности первые летописцы — середины XI в. — охотно используют в летописях героические песни и следуют их осмыслению событий. Они ищут героев и героическое, они склонны идеализировать прошлое в поэтических образах, ищут сюжетно законченных рассказов о прошлом. Но наряду с этим эпическим отношением к прошлому, характерным для фольклора по преимуществу, у летописцев ясно определяются уже и начатки научного интереса. Прошлое для летописцев — непрерывный ряд событий. Основной связью для отдельных сюжетно законченных рассказов пока еще (в особенности в начале летописания) является родство князей-героев. Установление родовой преемственности между князьями, «родовая теория» летописца, так же как и установление хронологической последовательности событий и дат этих событий «от сотворения мира», являются первыми проблесками понимания истории как процесса.

Появляются и первые элементарные предпосылки исторической критики. Перед летописцем уже стоит проблема исторического источника. Как правило, летописец не остается равнодушен к противоречиям находящегося в его распоряжении материала. Многого он, конечно, не замечал, многого он и не мог заметить в силу ограниченности своего исторического мировоззрения, но в некоторых случаях он все же предпринимал своеобразные разыскания, игнорировать которые для определения характера исторического мышления летописца отнюдь не следует. Летописец вступает в обсуждение различных объяснений того, кто такой был Кий, где крестился Владимир (под 988 г.), из какого материала были сделаны изваяния коней, стоявшие «за святою Богородицею» при Владимире (под 988 г.), и т. п. Во вводной части «Повести временных лет» по Ипатьевскому списку читаем об основании Киева Кием: «И приходившю ему (Кию) къ царю не вѣмы, но токмо о семъ вѣмы, якоже сказають, яко велику честь приялъ есть от царя, котораго не вѣмъ». Следовательно, какой-то летописец (Ипатьевской летописи или ее протографа) стремился узнать, при каком греческом царе приходил в Царьград Кий, но тщетно, и прямо в этом сознался.

В своей работе летописец своеобразно оценивал достоинства своих источников. Он, например, явно предпочитал текст документов тексту предшествующей летописи. Это достаточно отчетливо видно из тех изменений, которые были сделаны составителем «Повести временных лет» в тексте Начального свода на основании данных вновь обретенных летописцем документов — текстов договоров русских с греками. Предпочитал летописец и свидетельства памятников материальной культуры прошлого данным письменных источников. Так, например, рассказ Начального свода о смерти Олега «за морем» составитель «Повести временных лет» изменил, заставив Олега умереть в Киеве, так как обратил внимание на то, что в Киеве «есть могила его и до сего дни». Летописец уже делает в своем тексте и ссылки на источники: на рассказы Яна Вышатича под 1106 г. и Гуряты Роговича под 1096 г., на Хронику Георгия Амартола (в вводной части) и др.

Вместе с тем летописец, несомненно, обладал и некоторыми представлениями о причинно-следственной связи событий. Эта причинно-следственная связь пока еще лежит для летописца на поверхности событий. Поэтому основной интерес исторического процесса сосредоточивается для него в поступках князей, церковных иерархов и т. п. Однако летописец не механический регистратор событий: он, безусловно, исследователь — исследователь далеко несовершенный, но уже различающий связь событий и стремящийся к некоторым разысканиям. Доказательством тому может служить само название «Повести временных лет»: «Се повѣсти времяньных лѣт, откуду есть пошла Руская земля, кто въ Киевѣ нача первѣе княжити, и откуду Руская земля стала есть». Уже из этого заглавия видно, что летописец ставил себе определенные и конкретные цели. Его повествование было рассчитано на известную систематизацию исторического материала, на некоторый его отбор — подчинение точным задачам выяснения первопричин. Прежде всего составитель «Повести временных лет» интересуется происхождением народа, государства, княжеского рода, славянской грамоты, Киева, географических и племенных названий. Он интересуется взаимными связями племен и народов, классифицирует языки и т. п. Следует при этом обратить внимание на особый интерес к первопричинам событий, к началу, к происхождению тех или иных исторических явлений, сказавшийся и в самом построении «Повести временных лет». Летописца по преимуществу интересуют вопросы «откуда», «кто первый» и т. п.

Это более глубокое, чем свойственное патриархально-общинному обществу эпическое восприятие родной истории, свидетельствующее о том, что летописец был передовым человеком своего времени, представителем феодального уклада общества, дало особый, глубокий оттенок патриотизму летописца. Его патриотизм зиждется на иных представлениях об историческом процессе, чем у его предшественника — эпического певца, певца-дружинника. Он гордится не только «звоном славы» военных подвигов русских князей. Для летописца Русь — государство, обладающее ценностями искусства (он рассказывает о строительстве Ярослава в Киеве и др.), книжности (см. его хвалу книгам под 1037 г.), религии (русские — «новые люди христианские»), права и т. д. Русский народ обладает славной историей. Составление этой истории Руси

летописец и рассматривает как свою патриотическую задачу, сближаясь в этом отношении с эпическим певцом, но на более высоком уровне.

Итак, летописец XI—начала XII в. соединяет в себе лучшее, что было в эпическом отношении к родной истории патриархально-общинного общества с начатками нового исторического мышления, начавшего вырабатываться в классовом обществе феодализирующейся Руси. Летописец еще не чужд поэтического отношения к родной истории, но обладает вместе с тем всеми признаками отношения исторического. И это соединение элементов нового исторического отношения к прошлому со старым поэтическим делает «Повесть временных лет» величайшим произведением русской исторической мысли XII в. и русской литературы одновременно. Перед нами летопись, еще сохранившая в себе элементы эпоса. Ее автор не только летописец, но и народный певец. Вот почему ни одна из последующих летописей XII—XIV вв. так не близка нам, как древнейшая из русских летописей — «Повесть временных лет».

*

«Повесть временных лет» не только свод, она и сама сохранилась в составе сводов. Она не дошла до нас в отдельном виде. Ее лучшие списки находятся в составе Лаврентьевской летописи 1377 г., Ипатьевской летописи XV в., Радзивиловской XV в. Она начинает собою большинство летописей XII—XVII вв. и как бы служит своеобразным введением к разного рода городским, боярским, княжеским, митрополичьим, епископским, монастырским летописям. Идеи ее (идеи защиты родины, идеи единства Руси) отражаются в последующем летописании. Она сопутствует жизни русского народа на протяжении более полутысячелетия. Едва ли найдется другое произведение, значение которого было бы так велико в исторической действительности XI—XVII вв.

В самом деле, «Повесть временных лет» с необычайной для своего времени быстротой получает широкое распространение на всем пространстве Русской земли.

Она продолжается летописными записями в самом Киеве — в двух его монастырях — Печерском и Выдубицком. В последнем монастыре на грани XII и XIII вв. она входит в состав обширного Киевского свода, созданного по случаю построения Рюриком Ростиславичем каменной стены Выдубицкого монастыря.

В Новгороде «Повесть временных лет» появляется при сыне Мстислава Владимировича — инициатора третьей редакции «Повести» — Всеволоде. Здесь «Повесть временных лет» входит в состав новгородского свода, составленного князем Всеволодом, и держится здесь до 1136 г., когда после изгнания Всеволода новгородское летописание подвергается переработке и в начало его кладется антикняжеский по своей политической направленности Начальный свод.

В Переяславль Южный (Русский) «Повесть временных лет» проникает дважды — в двух своих редакциях. Во второй, «сильвестровской», редакции

она приходит сюда вместе с самим Сильвестром, получившим поставление на Переяславскую епископию.

Здесь эта вторая редакция кладется в основу епископского летописания Переяславля Русского. В третьей редакции «Повесть временных лет» переносится в Переяславль Южный Мстиславом. Здесь она принимается за начало княжеского летописания Переяславля Южного.

Из Переяславля Южного вместе с епископским и княжеским летописцами «Повесть временных лет» в обоих своих видах проникает на далекий северовосток во Владимир Залесский, где она открывает собою княжеское владимирское летописание, а затем переходит в летописание Переяславля Залесского, Твери и других городов Северо-Востока.

Вместе с киевским летописанием «Повесть временных лет» проникает в летописание Галича и Владимира Волынского.

Есть все основания думать, что «Повесть временных лет» уже в XII в. открывала собой летописание черниговских Ольговичей, смоленских Ростиславичей, епископское летописание Ростова Великого и др.

Во всех этих центрах — в Киеве, в Новгороде, в Переяславле Южном, во Владимире Залесском и Владимире Волынском, в Галиче, Смоленске, Ростове и Переяславле Залесском — «Повесть временных лет» входит в летописание, организует собой историческую мысль отдельных феодальных центров. Нам не может быть точно известно, как часто к ней обращались чисто читательски, вне официально влиятельных исторических концепций княжеств, насколько ясно усваивали ее содержание рядовые читатели — для этого у нас слишком мало материала, но мимо одного примера усвоения идей и содержания «Повести временных лет» «рядовым» по своему социальному положению, но гениальным по своему историческому «ви́дению» читателем пройти нельзя: историческими сведениями, полученными из «Повести временных лет», своеобразно воспользовался для своей исторической концепции автор «Слова о полку Игореве».

В «Слове о полку Игореве» мы найдем ряд выражений, ряд мыслей, почти буквально совпадающих с выражениями и мыслями «Повести временных лет».

Автор «Слова» говорит о «храбром» Мстиславе Владимировиче, «иже зарѣза Редедю предъ пълкы касожьскыми». В «Повести» мы найдем (под 1022 г.) рассказ о том, как Мстислав перед полками русских и касогов победил в поединке касожского князя Редедю, а затем «вынзе ножь, зарѣза Редедю».

В «Слове» говорится о том, что «Бориса же Вячеславлича слава на судъ приведе»; в «Повести временных лет» мы находим к тому и пояснение: в битве на Нежатиной Ниве 1078 г. «убиша Бориса, сына Вячеславля, похвалившагося велми»; Борис похвалился перед битвой одолеть всех своих врагов, «не вѣдый, яко Богъ гордымъ противится». Это мысль, типичная для летописца, и воспринять ее автор «Слова» мог только из «Повести временных лет».

В «Слове» мы находим и еще один мелкий эпизод русской истории и опять-таки в летописной его трактовке. Автор «Слова» вспоминает, что в реке Стугне утонул «уноша» князь Ростислав: «Днѣпрь темнѣ брезѣ плачется мати Ростиславля по уноши князи Ростиславѣ. Уныша цвѣты жалобою и древо с

тугою къ земли прѣклонилось». Вот как об этом рассказывается в «Повести» под 1093 г.: «Ростислава же искавше обрѣгоша в рѣцѣ; и вземше принесоша ѝ Киеву, и плакася по немь мати его, и вси людье пожалиша си по немь повелику, уности его ради». Автор «Слова» поэтически переработал в данном случае текст «Повести».

В «Слове о полку Игореве» можно найти также отражение летописных характеристик Олега Святославича и Всеслава Полоцкого. Противопоставление в «Слове о полку Игореве» «первых» русских князей, совершавших далекие походы против русских недругов («того стараго Владимира нельзѣ бѣ пригвоздити къ горамъ киевьскымъ»), князьям нынешним, разоряющим население усобицами, также сродни «Повести» — особенно идеям, перешедшим в «Повесть временных лет» из дружинной среды — из рассказов Яна Вышатича. Наконец, и самый образ мирно пашущего пахаря, противопоставленного страшной военной опасности, также, возможно, навеян в «Слове» «Повестью временных лет». «Оже то начнеть орати смердъ, — говорил Владимир Мономах в 1103 г., призывая к объединенному походу на половцев, — и приѣхавъ половчинъ ударить ѝ (его) стрѣлою, а лошадь его поиметь, а в село его ѣхавъ иметь жену его, и дѣти его, и все его имѣнье». Мономаху не удалось отвратить военную опасность от Руси. Вспоминая страшные усобицы Олега Святославича времени Мономаха, автор «Слова о полку Игореве» с грустью отмечает: «Тогда по Руской земли рѣтко ратаевѣ кикахуть (покрикивали на лошадей)». Перед нами образ, явно выросший из поэтического осмысления замечательных слов современника и антипода Олега «Гориславича» — Владимира Мономаха, запечатленных «Повестью временных лет».

Нельзя не видеть, какие жемчужины поэзии отобраны автором «Слова» в «Повести временных лет»: поединок Мстислава Владимировича с касожским князем Редедею, трагическая смерть Бориса Вячеславича, безвременная кончина «уноши» Ростислава и оплакивание его матерью. Даже вне зависимости от умелого использования этих эпизодов в «Слове», от поэтической их доработки, самый выбор этих мест, в «Повести временных лет» малозаметных и эпизодических, но привлекательных по своему глубокому человеческому содержанию, говорит о том, что в лице автора «Слова о полку Игореве» «Повесть временных лет» нашла внимательного и чуткого к ее жизненной красоте читателя.

Не один автор «Слова о полку Игореве» пользовался «Повестью временных лет». Прямые ссылки на Летописец Нестора мы находим в Киево-Печерском патерике. Сведения, заимствованные из «Повести», обнаруживаются во многих лучших произведениях XII—XIII вв. Они проникли и в такие памятники литературы, как Палея, Пролог, Еллинский и Римский летописец и многие другие.

В тяжкие годы татаро-монгольского ига значение «Повести временных лет» еще более возросло. Бесчисленные списки «Повести временных лет», открывавшие собою местные — городские, княжеские, епископские, монастырские — летописи, напоминали русскому народу о временах его независимости, о былом могуществе его родины, о необходимости объединения для борьбы с

грозным степным врагом. Призывы «Повести» к борьбе со степными кочевниками — половцами — воспринимались как призывы к борьбе с татарами. Это особенно ярко сказалось в московской летописной повести о нашествии Едигея в 1409 г. Летописец в ней прямо ссылается на авторитет «начального летословца» — Сильвестра — одного из редакторов «Повести временных лет» и, сопоставляя события прошлого и настоящего, объединяет половцев и татар как единых врагов Русской земли.

Москва восприняла «Повесть временных лет» из двух истоков — из тверского летописания и нижегородского. В обоих этих летописаниях «Повесть временных лет» была в редакции, близкой к лучшей из существующих, — к редакции Лаврентьевской летописи. Лаврентьевская летопись родилась из Тверского свода 1305 г. и начала собой нижегородское летописание.

Впоследствии — в конце XV и в XVI в. — интерес к событиям Киевской Руси в Москве настолько возрос, что «Повесть временных лет», открывавшая собой обширные московские общерусские своды, начала постепенно дополняться из разнородных источников: из Киево-Печерского патерика, из различных редакций Жития Бориса и Глеба, из каких-то старых неведомых нам сейчас летописей, которые отыскивала неутомимая пытливость московских книжников, и даже из былин (как в Никоновском летописном своде).

«Повесть временных лет» и в XVI, и в XVII вв. продолжала стоять в центре живой политики Москвы. Московские великие князья и цари производили свой род от Мономаха и претендовали на наследование всех его земель, они вступали в борьбу с Литвой и Польшей за Чернигов, Смоленск и Киев, ссылаясь на события русской истории IX—XII вв. «Повесть временных лет» в различных переработках, точных повторениях или распространениях продолжала оставаться настольной книгой и для всего XVII в.

Значение «Повести временных лет» было настолько велико в русской жизни, что на нее обращали внимание и иностранцы, посещавшие Россию в XVI—XVII вв. В начале XVI в. русской историей заинтересовался Герберштейн. Он начал ее изложение в своих записках с событий, описанных в «Повести временных лет». Впоследствии русской летописью интересовались и другие иноземные путешественники.

Собирание русских летописей в начале XVIII в. началось по приказу Петра (1713). По приказу же Петра была снята роскошная копия с Радзивиловского списка летописи, находившегося тогда в библиотеке города Кенигсберга. В составе этой же Радзивиловской летописи впервые была издана и «Повесть временных лет» в 1767 г. («Библиотека российская историческая, содержащая древния летописи, и всякия записки, способствующия к объяснению истории и географии Российской древних и средних времен». СПб., 1767. Ч. 1). Впоследствии «Повесть временных лет» неоднократно издавалась в составе различных летописей — и отдельно, и в «Полном собрании русских летописей», начавшем выходить еще в 1841 г., но не законченном и по сей день.

Изучению «Повести временных лет» посвящены сотни трудов. Не было ни одного русского историка, который, занимаясь Киевской Русью, не посвятил бы ей хотя бы нескольких страниц. Не было и ни одного историка древней

русской литературы, не отметившего ее громадного значения как памятника литературы Киевской Руси.

Оставим в стороне все множество частных вопросов, поднятых в научной литературе в связи с изучением «Повести временных лет», остановимся лишь на одном — на вопросе о национальном и самобытном характере «Повести временных лет». Все вышеизложенное дает нам право подойти к этому вопросу во всеоружии конкретного знания истории создания этого величайшего произведения нашей древности.

Происхождение русского летописания и самый характер его очень долгое время принято было объяснять влиянием византийских хроник.[1] Однако «Повесть временных лет» использовала переводную греческую литературу исключительно как исторический источник. В этом использовании было не больше «подражания» византийским хроникам, чем в любом историческом труде нового времени, цитирующем свои источники.

Бесспорно, «Повесть временных лет» многими сведениями по всемирной истории, а отчасти и по русской, обязана переводной византийской исторической литературе, но ни о каком «влиянии» в этом использовании византийских исторических источников не может быть и речи. Форма византийских хроник не отразилась на «Повести временных лет». Изложение исторического материала в «Повести временных лет» по годам осталось глубоко отличным от изложения византийских хроник по царствованиям императоров. Летописец упростил и язык своих переводов, приблизив его к языку устной речи своего времени. Осталось без влияния на русскую летопись и идейное содержание византийских хроник. Концепция русской истории была создана на Руси. Политические идеи летописи были идеями русской действительности. «Повесть временных лет» смело использовала переводную византийскую литературу как исторический источник, но это использование было творческим, активным. Летописец не случайно обращается за источниками сведений по всемирной истории к исторической литературе самой передовой страны европейского средневековья. Эта литература была по росту летописцу. В создании русской истории не было подражания Византии ни в форме, ни в содержании; в «Повести временных лет» было использование византийских исторических сочинений как исторических источников по русской истории.

«Повесть временных лет», как мы видели, создавалась в атмосфере повышенного интереса всего русского народа к своей истории. Она ответила потребностям народа и государства. Она во многом зависела от тех представлений, которые существовали о русской истории в устной традиции, и использовала по преимуществу устные исторические источники, традиционные формы устной литературной речи.

М. Д. Приселков считал, что составление первого летописного свода 1039 г. принадлежало исключительно инициативе киевского митрополита-грека Феопемпта, который, «вступив в управление новой митрополии цареградского

---

[1] *Шлецер А. Л.* Нестор : Русские летописи на древнеславенском языке... СПб., 1809. Ч. 1. С. 17, 18 и др.; *Срезневский И. И.* Чтения о древних русских летописях. СПб., 1862. С. 9 и след. (Приложение ко 2-му т. Записок имп. Академии наук. № 4).

патриархата, задался целью составить летопись, где изложить возникновение Киевской державы и историю установления своей митрополии».[1]

В другом месте М. Д. Приселков высказался еще более определенно: «Обычай византийской церковной администрации требовал при открытии новой кафедры, епископской или митрополичьей, составлять по этому случаю записку исторического характера (разрядка моя. — *Д. Л.*) о причинах, месте и лицах этого события для делопроизводства патриаршего синода в Константинополе. Несомненно, новому „русскому" митрополиту, прибывшему в Киев из Византии, и пришлось озаботиться составлением такого рода записки, которая, поскольку дело шло о новой митрополии Империи у народа, имевшего свой политический уклад и только вступившего в военный союз и „игемонию" Империи, должна была превратиться в краткий исторический очерк исторических судеб этого молодого политического образования».[2]

Доказать это положение М. Д. Приселков смог бы только в том случае, если бы показал, что и форма, и содержание древнейшего русского летописного свода находятся в полном соответствии с формой и содержанием подобных «исторических записок» или хотя бы византийских хроник. Между тем совершенно ясно, что даже самый выбор языка — русского, а не греческого — находится в противоречии с утверждением М. Д. Приселкова.

Возражая сторонникам теории византийского происхождения формы русского летописания, Н. К. Никольский отмечает, что характер, тип русских летописей не может быть возведен к византийским хроникам: «Вопреки установившемуся мнению о начале русского летописания, образцами для утраченных „повестей" о поляно-руси не могли послужить греческие хроники. Несмотря на присутствие во вводных статьях отрывков (вставок) из греческой письменности, ни по своему содержанию, ни по своей конструктивной форме, ни по подробностям излагаемых эпизодов и основной тенденции начальная часть нашей летописи не примыкает к памятникам византийской хронографии, среди которой до сих пор не открыто ни одного произведения, которое могло бы быть признано литературным прототипом не только для вводных статей, но и их продолжения».[3]

Отвечая на вопрос о том, откуда же явились идейные и внешние особенности русского летописания, Н. К. Никольский заменил «византийскую теорию» теорией зависимости историографической схемы начальной русской летописи от предполагаемой западнославянской хронографии.[4] Мнение Н. К. Никольского в общем не встретило сочувствия. Предложенная им теория оказалась еще менее убедительной, чем теория византийской зависимости.

Всмотревшись в состав «Повести временных лет», мы убедились, что жанр русских летописных статей создался далеко не сразу, исходил из требований

---

[1] *Приселков М. Д.* Очерки... С. 82.

[2] *Приселков М. Д.* История русского летописания... С. 26. Аналогичное высказывание см. у А. А. Шахматова (Разыскания... С. 416—417).

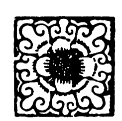
[3] *Никольский Н. К.* Повесть временных лет как источник для истории начального периода русской письменности и культуры. Л., 1930. Вып. 1. С. 45, 46 и след.

[4] Там же. С. 47 и след.

русской жизни, постепенно изменялся и приобрел наконец ту характерную форму и те характерные особенности, которые составляют отличие русской хронографии и от византийской, и от западноевропейской.

В том, что «Повесть временных лет» приобрела свой типичный облик под влиянием властных требований самой русской жизни, лежит объяснение и ее народного, глубоко национального характера.

«Повесть временных лет» столь ярко отражает русскую жизнь Киевской Руси — ее людей, ее политическую и социальную борьбу, ее культуру, международное положение, — что она является как бы частью подлинной действительности того времени. Она создавалась постепенно многими различными авторами, но с такой логической необходимостью, с какой развивается только сама жизнь. В ней нет и тени сознательной выдумки: все, что в ней описано, принималось летописцами за действительность — были ли то исторические, реально имевшие место события или содержание собственных верований летописцев. Вот почему «Повесть временных лет» не только повествует о русской истории, но сама является одним из существеннейших проявлений русской жизни, русской истории, русской культуры той поры.



АРХЕОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР СПИСКОВ «ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ»

Текст «Повести временных лет» издается нами по списку Лаврентьевской летописи. Однако текст Лаврентьевской летописи не является, с одной стороны, первоначальным, авторским текстом «Повести» (он относится к 1377 г., т. е. отстоит от времени составления «Повести» более чем на двести пятьдесят лет), а с другой стороны, не может дать представления о всем богатстве содержания многочисленных ее списков. В этих двух отношениях Лаврентьевская летопись дает неполное, ущербное представление о тексте «Повести временных лет». Любой другой реально дошедший до нас текст «Повести» (например, текст Ипатьевской летописи, Радзивиловской, Никоновской и т. д.) также дал бы о ней неполное представление.

Чтобы избежать этой ущербности издания «Повести временных лет», обычной во всех вариантах ее опубликования только по одному конкретно сохранившемуся списку, в разное время были сделаны различные попытки.

В 1876 г. Л. И. Лейбович попытался создать «сводный текст» «Повести временных лет» «по всем изданным спискам летописи».[1] Стремясь к возможной полноте издания, Л. И. Лейбович соединил в общий текст все известия всех изданных к 1876 г. списков «Повести». Получившийся в результате «сводный» текст не читается и не мог читаться ни в одной из летописей. Текст этот механически соединяет взаимоисключающие утверждения летописцев различных эпох и различных убеждений, известия достоверные с известиями фантастичными, соединяет явно несоединимое, в результате чего подчас нарушается цельность и логичность летописного рассказа. При всем том работа Л. И. Лейбовича не имела единого принципа, хотя бы и механического, сведéния различных текстов и была произведена весьма неряшливо. Пользоваться текстом Л. И. Лейбовича в настоящее время совершенно невозможно.

Другая попытка создания «стабильного» текста «Повести временных лет» была сделана А. А. Шахматовым. Последний преследовал другую, отличную от Л. И. Лейбовича, цель — реконструировать текст «Повести» только в ее первоначальных трех редакциях. Эта работа потребовала от А. А. Шахматова огромного многолетнего труда. Однако текст, изданный А. А. Шахматовым,[2] в значительной мере отличается гипотетичностью. Перед нами иллюстрация к исследованиям А. А. Шахматова и только. Сам А. А. Шахматов протестовал против пользования изданными им реконструкциями как историческими источниками.[3]

Мы разрешаем задачу публикации текста «Повести временных лет» в данном издании следующим образом. Мы печатаем не «сводный текст» «по всем спискам» и не гипотетическую

---

[1] *Лейбович Л. И.* Сводная летопись, составленная по всем изданным спискам летописи. Вып. 1: Повесть временных лет. СПб., 1876.

[2] *Шахматов А. А.* Повесть временных лет. Т. 1: Вводная часть. Текст. Примечания. Пгр., 1916—1917.

[3] *Шахматов А. А.* Рец. на кн.: Приселков М. Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв. // Научно-исторический журнал. 1914. № 4. С. 45.

реконструкцию первоначального текста, а реально дошедший до нас в Лаврентьевской летописи текст. Все то наиболее ценное, что заключено в других списках «Повести», что дополняет, разъясняет основной издаваемый нами текст или противоречит ему, приводится нами с пояснениями в Комментариях. Комментарии, таким образом, служат в данном издании не только целям разъяснения текста, но и целям его восполнения. Этим целям восполнения текста не могут служить обычные разночтения, поскольку каждое из приводимых дополнений нуждается в разъяснениях по существу (достоверность, древность, происхождение, отношение к другим историческим известиям и пр.); эти разъяснения в комментариях не даются только в тех случаях, когда происхождение того или иного известия и его историческая точность не ясны. В Разночтениях оговариваются только исправления явно испорченных мест основного принятого в настоящем издании текста «Повести» — текста Лаврентьевской летописи.

Все дошедшие до нас списки «Повести временных лет» — сравнительно поздние. Наиболее ранний из них — в составе Лаврентьевской летописи — относится к 1377 г. Все списки «Повести» явились результатом длительной последующей литературной истории ее текста. История эта не может быть восстановлена путем внешней, формальной классификации дошедших до нас списков «Повести», как это пытались сделать некоторые из ее исследователей. Судьба того или иного текста «Повести временных лет» неразрывна с судьбой всего заключающего ее текст летописного свода. Ведь списки «Повести» сохранились не в отдельном виде, а в составе обширных летописей, продолжавших «Повесть» до XIV, XV или XVI в. и претерпевавших значительные изменения в соответствии с изменением политических взглядов летописцев. Каждый из дошедших до нас текстов «Повести» подвергался общим изменениям со всем текстом включающей его летописи. Вот почему история текстов «Повести временных лет» в составе той или иной летописи связана со всей историей русского летописания в целом. Вот почему также списки «Повести временных лет» не могут быть формально (и, добавим, формалистически) сгруппированы по редакциям и вариантам, по внешним признакам только своего текста, а должны найти свое место в бесконечно более сложной и тесно связанной с изменением исторической действительности истории русского летописания. Изучение списков «Повести временных лет» и их распределение требует отчетливой разработки всей истории русского летописания и не может еще считаться завершенным.

Первая редакция «Повести временных лет», вышедшая, по-видимому, из-под пера монаха Киево-Печерского монастыря Нестора, не сохранилась (см. подробнее Историко-литературный очерк в наст. изд.). Вторая редакция, представляющая собой обработку первой и принадлежащая игумену Выдубицкого монастыря Сильвестру, в чистом виде также не сохранилась; но представить себе ее мы все же можем по Лаврентьевскому списку и сходным — Радзивиловскому и Московско-Академическому (см. там же, с. 344—345). Третья редакция «Повести временных лет», вышедшая из окружения князя Мстислава Владимировича (см. там же, с. 347), лучше всего представлена Ипатьевским списком и сходными (в первую очередь Хлебниковским).

Приведем сведения об основных списках «Повести временных лет», использованных и в издании самого текста «Повести», и в комментариях, где приведены из них варианты и дополнительные сведения, не читающиеся в основном — Лаврентьевском — списке.

Лаврентьевская летопись — одна из самых древних и ценных русских летописей — получила свое название по имени монаха Лаврентия, переписавшего ее в 1377 г. по заказу суздальского и нижегородского великого князя Дмитрия Константиновича с «ветхого летописца», заканчивавшего свое изложение на 1305 г. Ветхость летописи, с которой Лаврентий делал свой пергаменный список, была немалой: в ней не было конца изложения событий 898 г. и следующих лет до 922 г., не было изложения от 1263 г. — с середины жизнеописания Александра Невского — и до 1283 г., не было текста от 1288 г. до середины повествования 1294 г. Во всех этих местах Лаврентий вынужден был делать пропуски (пропуск 898—922 гг. в нашем издании восполняется по Радзивиловской летописи).

Лаврентьевская летопись была приобретена известным собирателем древних рукописей гр. А. И. Мусиным-Пушкиным. История приобретения Лаврентьевской летописи гр. Мусиным-Пушкиным рассказана К. Ф. Калайдовичем в «Вестнике Европы» (1813. № 21) и в «Записках и трудах Общества истории и древностей российских» (ч. 2), в последних — иначе, чем в «Вестнике Европы». Еще до приобретения Лаврентьевской летописи Мусиным-Пушкиным (по-видимому, в 1792 г.) она уже пользовалась известностью: с нее снималась копия учениками Новгородской семинарии в 1767 г. (копия эта хранится в Рукописном отделении Библиотеки Российской Академии наук под шифром 34.2.32). По имени Мусина-Пушкина Н. М. Карамзин

называет Лаврентьевскую летопись в своей «Истории государства Российского» — Пушкинской. Ныне рукопись Лаврентьевской летописи хранится в Российской Национальной библиотеке в Санкт-Петербурге (F. IV. № 2).

Первое издание Лаврентьевской летописи было предпринято в 1804 г. Обществом истории и древностей российских при Московском университете под редакцией Х. А. Чеботарева и Н. Е. Черепанова, но затянулось и было приостановлено в 1810 г. Часть листов этого издания была уже отпечатана (от начала и до 907 г.) и сохранилась. Лаврентьевская летопись была дана в них с вариантами по Радзивиловской и сгоревшей в 1812 г. Троицкой (см. ниже).

В 1810 г. решено было издавать Лаврентьевскую летопись по новому плану под редакцией Р. Ф. Тимковского. Но в пожар 1812 г. сгорели многие собранные для издания рукописи. В 1824 г. отдельные листы этого издания (доведенные до 1020 г.) были выпущены Обществом истории и древностей российских.

В 1846 г. вышел первый том «Полного собрания русских летописей», заключавший в себе текст Лаврентьевской летописи под редакцией Я. И. Бередникова. К вариантам текста «Повести временных лет» были привлечены сохранившиеся остатки Троицкой летописи (по первому изданию Лаврентьевской), Ипатьевский, Радзивиловский и Хлебниковский списки.

Второе издание первого тома «Полного собрания русских летописей», вышедшее в 1872 г., исключило из вариантов Ипатьевский и Хлебниковский списки как самостоятельную группу летописей.

Третье издание, представлявшее собою перепечатку второго, вышло в 1897 г. Перепечатка его в части, включающей «Повесть временных лет», вышла в 1910 г. Фототипическое издание той же части вышло в 1872 г.

Последнее издание первого тома «Полного собрания русских летописей» появилось в 1926 г. под редакцией Е. Ф. Карского (фототипическое воспроизведение: М., 1962). Несмотря на всю тщательность издания Лаврентьевской летописи, оно вызвало справедливые нарекания. В частности, указывали, что план издания повторил план второго издания, и к вариантам не была привлечена найденная А. А. Шахматовым в 1900 г. Симеоновская летопись, по которой, как было доказано А. А. Шахматовым, можно бы было восстановить все пропуски текста Лаврентьевской с 1177 по 1305 г. (т. е. указанные выше пропуски с 1263 по 1283 г. и с 1288 по 1294 г.).

История текста Лаврентьевской летописи внимательно изучалась А. А. Шахматовым,[1] а затем — М. Д. Приселковым[2] и В. Л. Комаровичем.[3] Выводы исследования М. Д. Приселкова могут быть суммированы в следующем виде.

Андрей Боголюбский в последние годы своей жизни задумал составить летописный свод. Владимирский летописец — составитель этого свода — соединил в своем летописании летописные записи, ведшиеся во Владимире (систематически они начали вестись с 1158 г.), и летопись южнорусскую — Летописец Переяславля Русского, в начале которого находилась «Повесть временных лет» в редакции Сильвестра 1116 г. (игумен Киево-Печерского монастыря Сильвестр был с 1119 г. епископом Переяславля Русского). Закончен этот летописный свод был уже после убийства Андрея Боголюбского в 1177 г. при Всеволоде Большом Гнезде.

Свод 1177 г. с дополнениями летописных записей до 1193 г. был положен в основание нового свода, выполненного в 1193 г. Составитель свода 1193 г. вновь привлек летопись Переяславля Русского, но на этот раз не епископскую, а княжескую.

В начале этой княжеской переяславской летописи также читалась «Повесть временных лет» в редакции Мстислава 1118 г.

Такое двукратное привлечение летописных материалов Переяславля Русского объясняется тем, что последний рассматривался владимирскими князьями как своя отчина. Оно привело, во-первых, к тому, что «Повесть временных лет» в Лаврентьевском списке оказалась в редакции, соединившей редакцию Мстислава (1118 г.) и редакцию Сильвестра (1116 г.), а с другой стороны, — к многочисленным дублировкам южнорусских известий. Эти дублировки объясняются не только тем, что дважды было привлечено летописание Переяславля Русского, но и тем

---

[1] *Шахматов А. А.* Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.; Л., 1938. С. 9—37.

[2] *Приселков М. Д.*: 1) Лаврентьевская летопись: (История текста) // Учен. зап. ЛГУ. № 32. Серия ист. наук. 1939. Вып. 2; 2) История рукописи Лаврентьевской летописи и ее изданий // Учен. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена. Кафедра истории СССР. 1939. Т. 19.

[3] История русской литературы. М.; Л., 1945. Т. 2, ч. 1. С. 90—96.

еще, что между переяславским епископским и переяславскими княжескими летописцами существовало различие в хронологии.

Вот почему получилось так, что поход русских князей на половцев записан в Лаврентьевской летописи под 1110 г. и под 1111 г., смерть Олега Святославича под 1115 г. и под 1116 г., вокняжение Глеба в Киеве под 1168 г. и под 1169 г., поход Михалка на половцев под 1169 г. и 1171 г. Ошибочная хронология имелась, по-видимому, в княжеском летописце — это следует иметь в виду при пользовании Лаврентьевской летописью за XII в.

Новый этап владимирского летописания представляет собою владимирской свод 1212 г., составленный Юрием Всеволодовичем в целях прославления памяти своего отца — Всеволода Большое Гнездо. Свод этот отразился главным образом в Радзивиловской летописи (см. ниже), а в Лаврентьевской лишь незначительно.

Другой этап северо-восточного летописания, как предполагает М. Д. Приселков, — свод 1239 г. Ярослава Всеволодовича. Свод этот был составлен не во Владимире, к тому времени разгромленном ордами Батыя, а в Ростове. В основу его было положено летописание Ростова — ростовского князя Константина и его сыновей — с владимирском сводом 1193 г. во главе. Свод 1212 г. был привлечен к этому ростовскому своду 1239 г. лишь отчасти. Вот почему в Лаврентьевской летописи в большей мере отражен владимирский свод 1193 г., чем владимирский свод 1212 г.

В дальнейшем изложении до 80-х годов XIII в. Лаврентьевская летопись отражает главным образом ростовское летописание (по предположениям М. Д. Приселкова — свод 1263 г. и свод 1281 г.).

Известия Лаврентьевской летописи с 1284 по 1305 г. ведут нас к своду, составленному уже в Твери при дворе великого князя. В основе этого свода лежал семейный летописец тверского князя, семейный летописец смоленского и ярославского князя Федора Ростиславича Черного, летописные известия новгородские и рязанские. Этот тверской свод, доведенный до 1305 г., был соединен тверским летописцем с предшествующим ростовским летописанием. Он-то и дал тот текст, который переписывал в 1377 г. Лаврентий с уже «ветхого летописца», как гласит об этом запись самого Лаврентия на л. 172 рукописи.

А. А. Шахматов и М. Д. Приселков видели в Лаврентии простого переписчика. В. Л. Комарович доказал, что Лаврентий изменил в своде 1305 г. отрицательную характеристику владимирского князя Юрия Всеволодовича на положительную. Этот Юрий Всеволодович был основателем Нижнего Новгорода и того нижегородского монастыря, в котором работал Лаврентий.[1]

Текст «Повести временных лет» в Лаврентьевском списке сохранен весьма бережно. Текст второй (Сильвестровской) редакции «Повести» подвергся здесь лишь некоторой правке и дополнению по третьей редакции в результате соединения двух переяславских летописцев (см. выше). Из крупных изменений и дополнений, внесенных во вторую редакцию, в Лаврентьевской летописи отметим: 1) вставку сочинений Владимира Мономаха под 1096 г., 2) вставку вслед за сочинениями Мономаха рассуждений летописца о северных народах под тем же 1096 г. (из третьей редакции «Повести»), 3) пропуск названия того города, где сел Рюрик, под 862 г. (под влиянием расхождения в этом месте «Повести» второй редакции с третьей: см. с. 346), 4) вставку благочестивых рассуждений по поводу явления столпа над трапезницей Печерского монастыря под 1110 г. (из третьей редакции «Повести»). Отметим также возможность вставок во вторую редакцию «Повести» Лаврентием или одним из его предшественников в похвалу Владимиру, в окончание статьи об убиении Глеба, в похвалу Борису и Глебу.[2] За исключением этих и еще некоторых мелких поправок летописцы, принимавшие участие в создании Лаврентьевского списка, не обнаруживают существенных попыток сознательно изменять текст второй редакции «Повести временных лет».

К тексту «Повести временных лет» в Лаврентьевской летописи наиболее близки тексты «Повести» в Троицкой, Радзивиловской летописях и Московско-Академическом списке.

Троицкая летопись сгорела в московском пожаре 1812 г. вместе с библиотекой Общества истории и древностей российских — тогда же, когда сгорела и рукопись «Слова о полку Игореве».

---

[1] Там же.

[2] *Шахматов А. А.* Обозрение... С. 26—27.

По свидетельству Н. М. Карамзина, нашедшего ее в библиотеке Троицкого монастыря, она была харатейной, т. е. пергаменной, и заканчивалась описанием нашествия Едигея на Москву в 1409 г.

Текст этой исчезнувшей летописи восстановлен и подготовлен к печати М. Д. Приселковым.[1] М. Д. Приселков использовал для восстановления Троицкой летописи выписки из нее в примечаниях Н. М. Карамзина к его «Истории государства Российского» (в первых пяти томах). Выписки из летописей иногда снабжались Карамзиным указанием того, откуда они сделаны, а иногда лишь глухо упоминали об источнике. В этих последних случаях М. Д. Приселков путем различных соображений сумел уточнить их происхождение, собрав все выписки из Троицкой летописи. Кроме выписок из Троицкой, М. Д. Приселков использовал варианты, сделанные по ней же в приготовленных к печати листах Лаврентьевской летописи (над изданием Лаврентьевской летописи работали вначале Х. А. Чеботарев и Н. Е. Черепанов, а с 1811 г. Р. Ф. Тимковский). Наконец, твердую опору для восстановления Троицкой летописи М. Д. Приселков нашел в сходных по составу летописях. Такой сходной летописью, использованной М. Д. Приселковым в первую очередь для восстановления Троицкой, послужила найденная А. А. Шахматовым в 1900 г. Симеоновская летопись. На пространстве от 1177 г. (с которого она начиналась) и до 1390 г. ее текст оказался тождественным с Троицкой летописью. Исключение составляли лишь три места Симеоновской — 1235—1237, 1239—1247 и 1361—1364 гг., где текст Троицкой оказался замененным текстом более поздним. Использовал М. Д. Приселков также и исправления, сделанные Вс. Миллером по Троицкой летописи в тексте одного из экземпляров печатного издания Радзивиловской летописи 1767 г.

Троицкая летопись представляет собой общерусский свод, составленный при дворе московского митрополита в 1409 г. Она начала составляться еще при митрополите Киприане, а была закончена уже после его смерти. Главным источником Троицкой летописи послужил «Летописец великий русский», до нас не сохранившийся, но упоминаемый в Троицкой под 1392 г.: «И аще хощеши распытовати, разгни книгу Летописец Великий Русьский и прочти от Великого Ярослава и до сего князя нынешнего». Летописец этот был княжеским и доводил изложение до 1389 г. включительно. Затем в состав Троицкой были включены записи по истории Литвы (православная часть которой была подчинена в церковном отношении московскому митрополиту) и местные русские летописи: ростовская владычная, рязанская княжеская, новгородская, княжеская тверская, княжеская суздальская, смоленская, летопись Троицкого монастыря и летописец князя Владимира Андреевича Серпуховского.[2]

Близость текста «Повести временных лет» в Троицкой и Лаврентьевской летописях обусловлена тем, что в основе той и другой лежит общий текст тверского великокняжеского свода 1305 г. Лаврентий переписывал его непосредственно, а составитель Троицкой летописи воспринял текст «Повести временных лет» из этого свода 1305 г. через «Летописец великий русский» 1389 г.

Радзивиловская, или Кенигсбергская, летопись. Список Радзивиловской, или Кенигсбергской, летописи находился в XVII в. во владении Радзивилов. В 1671 г. поступил в Кенигсбергскую библиотеку от князя Януша Радзивила. В 1716 г. Петр I приказал снять с него копию (хранится в Библиотеке Российской Академии наук) в связи с возникшей у Петра (еще в 1703 г.) мыслью о печатании русских летописей. В 1758 г. президент Академии наук гр. Разумовский при занятии русскими войсками Кенигсберга вытребовал оттуда Радзивиловский список.

Радзивиловский список (Библиотека Российской Академии наук, № 34.5.30) писан полууставом в конце XV в. и имеет 617 миниатюр, из них четыре наклейки (обычно число иллюстраций считается неправильно — 604).[3]

Первое издание Радзивиловского списка вышло в 1767 г. под заглавием «Библиотека российская историческая, древние летописи». Вышла только 1-я часть. Текст Радзивиловской летописи сильно искажен в этом издании произвольными вставками и заменами из других летописей. В 1902 г. весь текст Радзивиловского списка из страницы в страницу был издан

---

[1] *Приселков М. Д.* Троицкая летопись: Реконструкция текста. М.; Л., 1950.

[2] *Приселков М. Д.* История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940. С. 128 и след.

[3] См. поправку в исследовании А. В. Арциховского (Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944. С. 6).

фотомеханически Обществом любителей древней письменности, чем было значительно облегчено его изучение. К нему приложены подробные статьи палеографического характера и исследование А. А. Шахматова. Статья Н. П. Кондакова о миниатюрах в том же издании теперь устарела и имеет много неточностей. Издание текста Радзивиловской летописи подготовлено М. Д. Приселковым.[1] Новейшее издание с воспроизведением миниатюр осуществлено в 1994 г.[2]

Радзивиловский список оканчивает изложение на 1206 г. и на всем своем протяжении сходствует с Московско-Академической летописью (Московско-Академический список Суздальской летописи) конца XV в., доведенной до 1419 г. (б. Библиотека Московской духовной академии, № 5/182; теперь в Российской гос. библиотеке). Московско-Академическая летопись издана в первом томе «Полного собрания русских летописей» до 1206 г. как варианты к Лаврентьевской, а с 1206 г. до конца (1419 г.) — в дополнении к этому тому. В первом издании первого тома «Полного собрания русских летописей» Московско-Академическая летопись названа Троицкой I. Как установлено А. А. Шахматовым, 1206—1238 гг. восходят в Московско-Академической летописи к Софийской летописи, а с 1239 г. по 1419 г. Московско-Академический свод заимствует свой текст из ростовской летописи.

Сравнительное изучение основного списка Радзивиловской и Московско-Академической летописей в пределах до 1206 г. позволило А. А. Шахматову установить, что оба списка восходят к общему, не дошедшему до нас, протографу. Протограф Радзивиловского списка и Московско-Академического принято теперь называть Радзивиловской летописью. Эта Радзивиловская летопись также была иллюстрирована. Это видно по тому, что в Московско-Академическом списке сохранились следы, указывающие на то, что оригинал, с которого она списывалась (т. е. Радзивиловская летопись), был иллюстрирован так же, как и Радзивиловский список. Так, например, текст, находящийся в Радзивиловском списке между двумя миниатюрами (1024), в Московско-Академическом пропущен. Очевидно, что в Радзивиловской летописи этот текст находился также между миниатюрами, и писец Московско-Академического списка принял его за подпись к рисунку. Кроме того, самый характер миниатюр Радзивиловского списка убеждает искусствоведов в том, что в их основе лежат более древние изображения.[3]

Когда снимались копии, Радзивиловская летопись была уже ветхой: последние листы утратились, предпоследние листы оторвались и были вложены внутрь. Поэтому в Радзивиловском списке изложение 1205—1206 гг. оказалось переписано ранее 1203—1205 гг. Ту же путаницу имеет и Московско-Академический список.

В последних работах А. А. Шахматов, основываясь на языковых данных, считал Радзивиловский список сделанным в Смоленской области.[4] Но вывод этот нельзя считать абсолютно достоверным.

Изучение Радзивиловской летописи привело А. А. Шахматова к выводу, что эта летопись есть летопись Переяславля Суздальского, доведенная до 1214 г., но утерявшая в рукописи свое окончание. Летопись Переяславля Суздальского, как показал М. Д. Приселков,[5] имела в своей основе владимирский свод 1212 г., подвергнутый некоторой переяславской обработке.

Есть основания предполагать, что уже этот владимирский свод 1212 г. был иллюстрирован.[6]

Составитель Радзивиловской летописи, как предполагает М. Д. Приселков, сблизил текст переяславского свода с Лаврентьевской летописью. Отсюда ряд переяславских чтений заменен в Радзивиловском и в Московско-Академическом списках более древними чтениями.

Текст «Повести временных лет» в Радзивиловской летописи близок к Лаврентьевской. Он восходит к тому же источнику, что и в Лаврентьевской, — к своду Всеволода Юрьевича Владимирского 1193 г., отразил летопись Переяславля Суздальского и был обработан по тексту

---

[1] ПСРЛ. Т. 38: Радзивиловская летопись. Л., 1989.

[2] Радзивиловская летопись / Отв. ред. М. В. Кукушкина. СПб.; М., 1994; Радзивиловская летопись: Текст. Исследование. Описание миниатюр. СПб.; М., 1994.

[3] Там же. С. 12—18.

[4] *Шахматов А. А.* Заметка о месте составления Радзивиловского (Кенигсбергского) списка летописи // Сб. в честь 70-летия проф. Д. Н. Анучина. М., 1913. С. 69—75.

[5] *Приселков М. Д.* Лаврентьевская летопись...

[6] *Воронин Н. Н.* Рец. на кн.: Арциховский А. В. Древнерусская миниатюра как исторический источник // ВАН. 1945. № 9. С. 108—113. Ср. также: *Артамонов М. И.* Миниатюры Кенигсбергского списка летописи // Изв. ГАИМК. 1931. Т. 10, вып. 8. С. 1—28.

ростовской летописи середины XIII в., впоследствии легшей в основу Лаврентьевской. На одном из промежуточных этапов своего создания — в своде 1212 г. — текст Радзивиловской летописи подвергся стилистической правке: летописец заменил многие церковно-славянские и архаичные выражения более ему понятными. Некоторые сокращения в тексте Радзивиловской летописи объясняются тем, что летописец не всегда имел достаточно места для подгонки своего текста к миниатюрам.

«Повесть временных лет» в Московско-Академической летописи в общем близка к Радзивиловской и Лаврентьевской, но имеет ряд общих чтений с Ипатьевской и Софийской первой, отступая в этих случаях и от Радзивиловской, и от Лаврентьевской.

Радзивиловский и Московско-Академический списки сходствуют с так называемым Летописцем Переяславля Суздальского, изданным в 1851 г. кн. М. Оболенским. Это издание имеет много ошибок в передаче текста рукописи.[1]

«Повесть временных лет» в Летописце Переяславля Суздальского значительно сокращена, а с другой стороны, имеет вставки на основании иногда домыслов летописца, а иногда и на основании фольклорных данных. Текст ее местами близок к Софийской первой летописи.

Третья редакция «Повести временных лет» лучше всего представлена Ипатьевской летописью. Ипатьевский список начала XV в. писан полууставом, по-видимому, в Пскове (Библиотека Российской Академии наук, № 16. 4. 4), открыт Н. М. Карамзиным. Принадлежал раньше Ипатьевскому монастырю в Костроме, откуда и получил свое название. Текст Ипатьевского списка впервые был издан во втором томе «Полного собрания русских летописей» в 1843 г. с вариантами по Хлебниковскому XVI в. (Российская Национальная библиотека в Санкт-Петербурге; принадлежал коломенскому купцу Хлебникову) и Ермолаевскому (Российская Национальная библиотека в Санкт-Петербурге) спискам. Издание это было выполнено неудовлетворительно: начало рукописи до 1111 г. не было издано вовсе. Второе издание второго тома «Полного собрания русских летописей» вышло в 1871 г. (под редакцией Е. Палаузова). Ипатьевская летопись была издана в нем полностью с вариантами по Хлебниковскому списку XVI в. и Погодинскому — конца XVI в. (Российская Национальная библиотека в Санкт-Петербурге, Погодинское собрание, № 1401). В 1908 г. вышло издание Ипатьевской летописи под редакцией А. А. Шахматова (фототипическое воспроизведение: М., 1962). Оно было повторено в 1923 г. с тем отличием от изданий 1871 и 1908 гг., что варианты в нем подведены по одному Хлебниковскому списку (Погодинский список оказался неисправной копией Хлебниковского, а Ермолаевский, использованный в издании 1871 г., оказался позднейшей переработкой Погодинского). Однако это последнее издание А. А. Шахматова (1923) осталось незаконченным: вышел только первый выпуск, включавший в себя текст «Повести временных лет». Кроме уже отмеченных списков Ипатьевский сходствует еще с Краковским XVIII в., но последний представляет собою переписанную латинскими буквами копию с Погодинского. Фототипическое издание «Повести временных лет» по Ипатьевскому списку вышло в 1871 г.

Таким образом, основных списков Ипатьевской летописи два: Ипатьевский и Хлебниковский. Оба этих списка восходят к южнорусскому летописному своду конца XIII в. (по определению М. Д. Приселкова) или XIV в. (по определению А. А. Шахматова).[2]

Ипатьевская летопись (южнорусский свод) распадается на три главные части. Первая часть содержит «Повесть временных лет», близкую к третьей редакции и доведенную до 1117 г. Вторая часть охватывает события 1118—1199 гг. Она представляет собою свод, составленный в 1200 г. в Выдубицком монастыре. Свод этот заканчивался описанием торжества по случаю построения князем Рюриком Ростиславичем в 1199 г. каменной монастырской стены. Здесь, под 1199 г., полностью приведена речь игумена Моисея с похвалою Рюрику Ростиславичу. В свод 1200 г. была включена семейная летопись этого Рюрика Ростиславича (известия 1173, 1174, 1180, 1185, 1187, 1194, 1197, 1198 и 1199 гг.), затем черниговская летопись Игоря

---

[1] Новейшее издание см.: ПСРЛ. Т. 41: Летописец Переяславля Суздальского (Летописец русских царей) / Издание подгот. С. Н. Кистеревым, Б. М. Клоссом, Л. А. Тимошиной, И. А. Тихонюком. М., 1995.

[2] Определение М. Д. Приселкова кажется нам более достоверным. В своем отнесении свода к XIV в. А. А. Шахматов исходил из предположения, что составитель южнорусского свода пользовался «Владимирским полихроном» начала XIV в. Однако самое существование этого «Владимирского полихрона» вызывает большие сомнения.

Святославича, содержавшая переяславский летописец Владимира Глебовича. В свод 1200 г. вошла также летопись Киево-Печерского монастыря, имевшая в своем составе киевскую княжескую летопись. Кроме того, в этой второй части Ипатьевской летописи есть ряд заимствований из галицко-волынской летописи (под 1141, 1144, 1145, 1164, 1187, 1188, 1189, 1190 и 1197 гг.). Не ясно, были ли эти известия включены уже в свод 1200 г., или они представляют собой позднейшие вставки, сделанные составителем южнорусского свода конца XIII в. Третья часть Ипатьевской летописи доводит повествование до 1292 г. и представляет собой в основном галицко-волынскую летопись с привлечением некоторых ростово-суздальских летописных статей и, возможно, пинских летописей последней четверти XIII в. Галицко-волынская летопись, в основном состоящая из ряда княжеских биографий (Л. В. Черепнин),[1] не имела обычной разбивки на годовые статьи. Обычная летописная сеть годов в Хлебниковском списке отсутствует с 1201 г. вовсе. Составитель Ипатьевского списка расставил года, но неловко — иногда с ошибками до четырех лет.[2]

Кроме уже отмеченных выше главных особенностей третьей редакции «Повести временных лет» Ипатьевская летопись, представляющая эту третью редакцию, отличается еще некоторыми стилистическими изменениями, подчас расширением текста с целью «усилить впечатление от излагаемых фактов путем их повышенной оценки и детализации. Редактор вставляет в текст своего оригинала большие эпизоды церковно-нравоучительного, проповеднического характера; он усиливает утверждения и оценки своего оригинала, добавляя слова и фразы».[3] Особенно заметна эта работа редактора в конечных годах «Повести временных лет».

Хлебниковский список в части «Повести временных лет» в основном тождествен Ипатьевскому; в некоторых, однако, случаях чтение Хлебниковского ближе к Лаврентьевскому и Радзивиловскому, чем к Ипатьевскому. В заглавии «Повести временных лет» в Хлебниковском списке читается имя Нестора. Нельзя расценивать это изменение заглавия как простое добавление самого составителя Хлебниковского списка, так как заглавие «Повести» читается в Хлебниковском в более архаичной форме, чем в Ипатьевской летописи и более близкой к Лаврентьевской (ср. в Хлебниковском списке слова «и откуду Рускаа земля стала есть», отсутствующие в Ипатьевском).

Особое значение для восстановления первоначального текста «Повести временных лет» имеют списки новгородских летописей или тех поздних летописей, которые использовали в своем составе новгородские летописи. Списки эти важны тем, что в них соединен текст предшествовавшего «Повести временных лет» Начального свода с «Повестью временных лет» в третьей редакции. Текст же Начального свода во многих случаях позволяет правильно прочесть те места «Повести временных лет», которые подвергались очень ранней порче, а с другой стороны, исключительно важны для исторического комментария (см. неоднократные ссылки на новгородские летописи в наших комментариях).

Синодальный список Новгородской первой летописи принадлежал Московской Синодальной библиотеке (№ 786), ныне в Гос. Историческом музее. Древнейший из дошедших до нас списков русских летописей.

Первое издание Синодального списка вышло в 1781 г. под заглавием «Летописец Новгородский, начинающийся от 6525 (1017) года и кончающийся 6860 (1352) годом». Второе издание вышло в 1819 г. под тем же названием. Оба эти издания неудовлетворительны, как и третье, вышедшее в 1841 г. в третьем томе «Полного собрания русских летописей», где текст Синодального списка напечатан со значительными пропусками. В 1888 г. «Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку» вышла под редакцией П. И. Савваитова (есть неточности и опечатки). Кроме того, еще в 1875 г. под наблюдением того же П. И. Савваитова вышло светотипическое воспроизведение всей рукописи Синодального списка. Новейшие его издания подготовлены А. Н. Насоновым и М. Н. Тихомировым.[4]

---

[1] *Черепнин Л. В.* Летописец Даниила Галицкого // ИЗ. 1941. № 12. С. 228—253.

[2] *Грушевский М. С.* Хронольогія подій Галицько-Волинської літописи // Зап. Наук. тов. ім. Шевченка. 1901. Т. 41. С. 1—72.

[3] *Бугославский С. А.* Повесть временных лет: (Списки, редакции, первоначальный текст) // Старинная русская повесть / Под ред. Н. К. Гудзия. М.; Л., 1941. С. 26.

[4] Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. А. Н. Насонова. М.; Л., 1950; Новгородская харатейная летопись: (Текст) / Изд. под наблюдением М. Н. Тихомирова. М., 1964.

Синодальный список составлен, по наблюдениям Б. М. Ляпунова и А. А. Шахматова, в XIII—XIV вв. Он доведен до 1330 г., после чего в нем идут приписки, сделанные разными почерками (последними записаны события 1337, 1345 и 1352 гг.). В начале рукописи не хватает первых 12 тетрадей. Текст начинается с середины статьи 1016 г.[1]

В «Обозрении русских летописных сводов XIV—XVI вв.» и в работе «Общерусские летописные своды XIV и XV вв.» А. А. Шахматов следующим образом определяет источники Синодального списка: официальная архиепископская летопись, позднейший извод свода Германа Вояты, соединившего в XII в. архиепископскую летопись с киевской, и Полихрон начала XIV в. Позднее в «Разысканиях о древнейших русских летописных сводах» (1908) А. А. Шахматов пришел к выводу, что Герман Воята не был составителем свода, что он лишь сократил в своей летописи официальную архиепископскую летопись.

Согласно наблюдениям автора этой работы,[2] история Синодального списка может быть представлена в следующем виде. В годы княжения в Новгороде внука Мономаха Всеволода (1118—1136) был составлен свод, соединивший летопись, ведшуюся в Новгороде с начала XI в., с третьей редакцией «Повести временных лет» (редакцией отца Всеволода — новгородского князя Мстислава, сына Мономаха). После изгнания Всеволода в 1136 г. летопись его была подвергнута строгой ревизии при Софийском архиепископском дворе. Мономашья «Повесть временных лет» была заменена антикняжеским киево-печерским Начальным сводом 1093 г. (архиепископ Нифонт, ставший после переворота 1136 г. во главе новгородского государства, был печерянином). В начале новгородской архиепископской летописи оказалось антикняжеское предисловие Начального свода. Название Начального свода — «Временник Русской земли» — было изменено на «Софийский временник» и с тех пор стало традиционным названием новгородской софийской архиепископской летописи. Непосредственным исполнителем этого свода был Кирик — доместик Антониева монастыря и один из приближенных Нифонта, составивший кроме свода специальную работу по хронологии «Учение им же ведати числа всех лет» (данные этой работы отразились в своде Кирика).

В начале XII в., после 1204 г., был составлен новый свод архиепископской летописи, привлекший известия киевского летописания. Свод заканчивался повестью о взятии Константинополя крестоносцами в 1204 г. В этом своде в предисловии Софийского временника (перешедшем из Начального свода) были вставлены имена последних греческих императоров Алексея и Исаакия Ангелов, царствовавших в самом начале XIII в.[3] Имеются и другие следы сводов архиепископского летописания, один из которых присоединил к архиепископской летописи известия рязанского летописания (а не Полихрона начала XIV в., как думал А. А. Шахматов).

Новгородское архиепископское летописание несколько раз отражалось в летописании уличанской церкви Якова в Неревском конце, основанной в память победы новгородцев над полоцким князем Всеславом, одержанной в Неревском конце Новгорода 23 октября 1069 г. «на святого Якова». Первым летописцем, соединившим архиепископскую летопись с летописными записями церкви Якова, был ее настоятель Герман Воята — также один из приближенных Нифонта (Герман Воята служил в церкви Якова с 1044 по 1083 г.). Другими летописцами церкви Якова, систематически пополнявшими ее летопись на основании летописи архиепископской, были — пономарь Тимофей, сделавший о себе запись в летописи под 1230 г., и сам составитель Синодального списка. Соединение двух летописей (архиепископской и церкви Якова) и многократное обращение к архиепископской летописи повело к многочисленным дублировкам в составе Синодального списка.

---

[1] ЖМНП. 1990. № 11. С. 135—200.

[2] *Лихачев Д. С.* Новгородские летописные своды XII в.: Автореферат дис. ... канд. филол. наук // ИАН. 1944. Т. 3, вып. 2—3. С. 98—106. См. также: *Лихачев Д. С.* «Софийский временник» и новгородский политический переворот 1136 года // ИЗ. 1948. № 25. С. 240—265.

[3] Такой точки зрения держался А. А. Шахматов. Однако в работе «Предисловие к Начальному Киевскому своду и Несторова летопись» (ИОРЯС. 1909. Т. 13, кн. 1. С. 213—270) А. А. Шахматов высказал мнение, что под Олексой и Исаакием предисловия следует разуметь Алексея I Комнина и его брата Исаакия Севастократора. Впоследствии А. А. Шахматов вновь вернулся к своему первоначальному мнению (Киевский Начальный свод 1095 года // Сб. статей и материалов: 1864—1920. М.; Л., 1947. С. 131).

Таким образом, Софийский временник составился не в XV в., как думал А. А. Шахматов, а в XII в. Он постоянно дополнялся, и из него черпались известия для летописания церкви Якова, от которого дошел до нас Синодальный список.

Согласно предыдущему, начальная часть Синодального списка представляет собой Начальный свод в соединении с третьей редакцией «Повести временных лет», но и то, и другое в сильном сокращении. Вследствие утраты первых тетрадей Синодальный список начинается с середины статьи 1016 г.

Новгородская первая летопись младшего извода. К этой группе списков Новгородской первой летописи (к старшему же изводу Новгородской первой принадлежит один Синодальный список) относятся: Комиссионный XV в. (Археографической комиссии, ныне в Архиве Санкт-Петербургского филиала Института российской истории РАН, собр. Археографической комиссии, № 240), Академический второй половины XV в. (ранее принадлежавший Татищеву, Библиотека Российской Академии наук, № 17. 8. 36), Толстовский XVIII в. (из собрания Ф. А. Толстого, Российская Национальная библиотека в Санкт-Петербурге, F.6.о.IV, № 233). Комиссионный список издан в составе издания «Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку» (1888): до 1016 г. самостоятельно (на месте утраченной части Синодального списка), с 1016 по 1074 г. в соединении с Синодальным списком (для восполнения кратких статей Синодального списка), с 1075 по 1332 г. в вариантах к Синодальному списку, а с 1333 г. (на 1333 г. кончается Синодальный список) по 1446 г. вновь самостоятельно. В том же издании в вариантах к Синодальному и Комиссионному спискам изданы и остальные перечисленные выше списки. Новейшее издание Новгородской первой летописи младшего извода подготовлено А. Н. Насоновым (см. выше).

Комиссионный список писан двумя почерками. Основной протограф его доходил до 1432 г. и представлял собою свод, составленный на основании Синодального списка и Софийской летописи владычного двора (А. А. Шахматов прибавляет к этому еще Софийский временник, но мы видели выше, что Софийским временником как раз и называлась летопись владычного двора). Свод 1433 г. был переработан по Новгородско-Софийскому своду («своду 1448 г.»), причем текст до 1439 г. взят из дополнений к этому своду. Так составился Комиссионный список.

Другие списки Новгородской первой летописи младшего извода представляют собой дальнейшее усложнение Комиссионного списка.[1]

Текст предшествовавшего «Повести временных лет» Начального свода дошел до нас в Новгородской первой летописи младшего извода с распространениями.

В основе Новгородской четвертой, Софийской первой и некоторых других летописей лежит общий источник — Новгородско-Софийский свод 30-х годов XV в., показания которого весьма важны для начальных веков русской истории и который поэтому неоднократно цитируется нами в комментариях.

Каков же был объем и характер этого свода, лежащего в основе Новгородской четвертой, Софийской первой и целого ряда других летописей?

Последней общей статьей между Новгородской четвертой и Софийской первой летописью оказывается статья 1418 г. После этого в Новгородской четвертой идут известия новгородские, которых нет в Софийской первой, а в Софийской первой — известия московские, которых нет в Новгородской четвертой. Однако такое окончание общих статей на 1418 г. А. А. Шахматов считал случайным и предполагал (по ряду соображений), что общий источник Новгородской четвертой и Софийской первой оканчивался на 1422 г.[2] Эти соображения А. А. Шахматова не представляются нам, однако, убедительными. Свод, легший в основание Новгородской четвертой и Софийской первой летописей, состоял из новгородской летописи, доведенной до 1418 г. Этот систематически использованный новгородский источник, судя по сохранившемуся предисловию, назывался Софийским временником. Затем сюда же был привлечен обширный общерусский московский свод, доведенный также до 1418 г. И А. А. Шахматов, и М. Д. Приселков[3] определяют этот московский источник как свод, составленный при митрополите Фотии. А. А. Шахматов датирует его 1423 г., а М. Д. Приселков относит его более убедительно к тому же 1418 г. Третьим источником свода,

[1] *Шахматов А. А.* Обозрение... С. 161—181.
[2] Там же. С. 153.
[3] *Приселков М. Д.* История русского летописания... С. 143.

легшего в основание Новгородской четвертой и Софийской первой, был ростовский владычный свод, составленный при ростовском архиепископе Григории (1369—1416).

Все источники свода, положенного в основание Новгородской четвертой и Софийской первой, указывают как будто бы на то, что свод этот был составлен либо в конце первой четверти XV в., либо по крайней мере в начале второй четверти XV в. Однако в основных печатных работах А. А. Шахматова и у М. Д. Приселкова свод этот датируется точно 1448 г. Под названием «свода 1448 г.» свод этот широко вошел в литературу. Основанием к этому послужило следующее соображение. Под 1380 г. в Софийской первой летописи и в Новгородской четвертой читается заметка: «А Благовѣщение бысть въ Великъ дѣнь (т. е. на Пасху); а перво сего, бысть за 80 лѣтъ и за 4 лѣтъ, а потомъ будеть за 80 лѣтъ безъ лѣта, а потомъ будеть за 11 лѣтъ». Эта заметка, как предполагал первоначально А. А. Шахматов, читалась в том самом своде, который лег в основание обеих летописей. Совпадение Пасхи и Благовещения действительно было в 1380 г., а затем действительно через 79 лет (за 80 лет без лета) — в 1459 г. Следующее совпадение должно было наступить только в 1543 г. Отсюда А. А. Шахматов делал вывод, что последняя приписка к последнему расчету — «а потомъ будеть за 11 лѣтъ» — относится к совпадению 1459 г. и означает, что она сделана в 1448 г. Так как, по предположениям А. А. Шахматова, приписка эта непременно сделана составителем свода, общего для Новгородской четвертой и Софийской первой, то отсюда следовал вывод, что свод этот составлен в 1448 г.

Однако в последних своих работах (в статье о летописях для Нового энциклопедического словаря и в первом томе «Повести временных лет») в тех случаях, где прежде им упоминался свод 1448 г., А. А. Шахматов говорит о Новгородско-Софийском своде 30-х годов XV в. Такое изменение датировки свода, легшего в основание Новгородской четвертой и Софийской первой, вызвано было частным письмом к А. А. Шахматову А. В. Маркова. А. В. Марков писал: «Обратившись к новгородским летописям, я тоже сначала успокоился на цифре 1448 — выведенный Вами год составления новгородского свода. Но потом пришлось разувериться и в этом, так сказать, летописном этапе, ибо 11 лет отсчитаны летописцем не вперед (как полагаете Вы), а назад: слова „а потом за 11 лет" попали не на место, читать следует так: Благовещение бысть в Велик день; а первее сего бысть за 80 лет и за 4 лета (6804), а потом за 11 лет (6793),[1] а потом будет за 80 лет без лета (6888 + 79 = 6967). Самый расчет сделан не в Новгороде, где год был мартовский, а, вероятно, в Москве, почему новгородские переписчики его и исказили». По поводу этого письма А. А. Шахматов писал в работе «Киевский Начальный свод 1095 года»:[2] «Покойный А. В. Марков в письменном сообщении опроверг мое предположение и верно указал на то, что... (здесь в рукописи А. А. Шахматова пропуск. — *Д. Л.*). Поэтому признаю датировку свода 1448 г. неправильною, несмотря на всю ее соблазнительность, соблазнительна же она ввиду именно того, что Новгородская 4-я летопись содержит ясные указания на то, что летописный рассказ в основном списке одного из двух семейств ее, а следовательно, возможно, и в новгородском его источнике был доведен до 1447 г. Определить время составления свода можно, кажется, в неопределенных пределах...».

Итак, датировка свода, легшего в основу Новгородской четвертой и Софийской первой, 1448 г. не может быть признана правильной. Поэтому мы предпочитаем вслед за А. А. Шахматовым называть его Новгородско-Софийским сводом 30-х годов XV в., хотя М. Д. Приселков и считал его составленным в Москве.[3]

«Повесть временных лет» в Новгородско-Софийском своде 30-х годов XV в. отличается рядом весьма важных особенностей. Во-первых, в основе начальной части этого свода лежит тот же Софийский временник, представлявший собою в своем начале соединение третьей редакции «Повести временных лет» с Начальным сводом. Статьи этого Начального свода Новгородско-Софийский свод сохранил иногда даже лучше, чем Новгородская первая летопись. Третья же редакция «Повести временных лет» сближает текст Новгородско-Софийского свода в ряде случаев с Ипатьевской летописью (в частности, текст «Повести временных лет»

---

[1] В 1285 (6793) г. Пасха и Благовещение действительно совпадали.

[2] *Шахматов А. А.* Сб. статей и материалов. С. 135.

[3] *Приселков М. Д.* История русского летописания... С. 150. Однако в отличие от московских сводов, например 1409 г. или 1418 г., дававших сведения о Новгороде, касающиеся только его внешнеполитической истории, свод, легший в основание Новгородской четвертой и Софийской первой летописей, подробно останавливается и на событиях внутренней жизни города, что, конечно, могло интересовать только новгородца. Это был, несомненно, новгородский свод.

продолжается в летописях, восходящих к этому Новгородско-Софийскому своду, за пределы 1110 г.: ср., например, рассказ о походе 1112 г. и др.). Во-вторых, в летописях, восходящих к Новгородско-Софийскому своду 30-х годов XV в., имеется ряд новгородских известий XI в., отсутствующих в Новгородской первой летописи, что объясняется тем, что Новгородско-Софийский свод более полно использовал владычную новгородскую летопись. В-третьих, в Новгородско-Софийском своде 30-х годов XV в. отразились сведения, заимствованные из различных церковно-исторических сочинений (из Жития Владимира, из Пролога, из церковного устава Владимира, из Жития Бориса и Глеба в редакции, близкой к редакции Сильвестровского сборника XIV в., и др.). Кроме того, здесь же отразились дополнительные сведения из какого-то хронографического источника, близкого к Еллинскому летописцу (под 866, 868, 920, 941, 988 гг.) и из Никифорова «Летописца вскоре» в редакции, близкой к редакции этого летописца в Синодальной кормчей XIV в. (под 862, 868, 955, 971 гг.). Ростовский владычный свод Григория начала XV в. в тексте «Повести временных лет» Новгородско-Софийского свода отразился незначительно.

Софийская первая летопись представлена двумя группами списков. К одной группе принадлежит Карамзинский список конца XV—начала XVI в. (ныне находится в Российской Национальной библиотеке в Санкт-Петербурге под шифром Q. IV. № 298)[1] и список Оболенского XV в. (Российский государственный архив древних актов, б. Государственное Древлехранилище, отд. V, руб. 2, № 3). Ко второй редакции относятся списки Толстовский, Воронцовский, Бальзеровский, Горюшкинский.

Софийская первая была издана в пятом и в шестом томах «Полного собрания русских летописей» в 1851 и 1853 гг. В тексте этого издания много пропусков со ссылками на другие летописи. Новое издание было предпринято в 1925 г. (вышел 1-й выпуск).

Первая редакция целиком восходит к Новгородско-Софийскому своду («своду 1448 г.»), лишь с некоторыми сокращениями (впрочем, М. Д. Приселков думает, что не только с сокращениями, но и переработками).[2] В изложении событий XIII—XV вв. Софийская первая летопись никакими другими источниками не пользовалась, обрываясь на 1418 г.; в следующих затем недатированных приписках можно усмотреть след того, что первая редакция Софийской первой заканчивалась на 1422 г.[3] Однако в изложении событий XI и XII вв. имеются следы пользования каким-то другим источником. Против многих из этих лишних сравнительно с Новгородской четвертой летописью известий имеются отметки: «ищи в Киевскомъ» или «а писано в Киевскомъ». При ближайшем рассмотрении этот Киевский летописец имеет сходство с Ипатьевской летописью, но в суздальской доработке.

Вторая редакция Софийской первой летописи была доведена в основном своем списке до 1456 г. Она явилась результатом переработки первой редакции, как думает А. А. Шахматов, или общего с ней протографа, как думает М. Д. Приселков. Дополнение изложения до 1456 г. было сделано на основании московской митрополичьей[4] летописи. Но та же митрополичья летопись была употреблена и для некоторой переработки текста более ранних известий — до 1418 г. М. Д. Приселков предполагает, что на этом 1456 г. митрополичье летописание и обрывалось,[5] уступая место московскому великокняжескому летописанию. Однако думается, что основательные наблюдения А. Н. Насонова о наличии митрополичьего летописания в XV и XVI вв.,[6] а С. Ф. Платонова о продолжении его в XVII в.[7] противоречат этому категорически заявленному мнению М. Д. Приселкова.

---

[1] Раньше принадлежал Засецкому и под его именем упоминается Карамзиным в «Истории государства Российского».

[2] *Приселков М. Д.* История русского летописания... С. 153.

[3] *Шахматов А. А.* Обозрение... С. 209 и след.

[4] Определение московской летописи как «митрополичьей» сделано М. Д. Приселковым (*Приселков М. Д.* История русского летописания... С. 154); А. А. Шахматов определяет ее как «московский свод», близкий к княжескому своду 1480 г. (*Шахматов А. А.* Обозрение... С. 217).

[5] *Приселков М. Д.* История русского летописания... С. 162—164.

[6] *Насонов А. Н.* Летописные памятники Тверского княжества : Опыт реконструкции тверского летописания с XIII до конца XV в. Ч. 1. // ИАН. 1930. VII сер. Отд-ния гуманитарных наук. № 9. С. 721—723.

[7] *Платонов С. Ф.* Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века как исторический источник. СПб., 1913. С. 312 и след. (о летописании «патриаршем»).

Софийская первая летопись, хотя и основана на Новгородско-Софийском своде 30-х годов XV в., но в основном является летописью московской, составленной в Москве и москвичами. Так, например, вторая редакция Софийской первой опускала и перерабатывала различные антимосковские известия. Под 1319 г. опущено известие о том, что московский князь Юрий написал многие лжесвидетельства против тверского князя Михаила; под 1395 г. воеводы московского князя, не сумевшие отстоять Нижний от татар, названы воеводами суздальского князя и т. п.

«Повесть временных лет» в Софийской первой летописи представляет собой соединение и переработку двух источников: «Повести временных лет» Новгородско-Софийского свода 30-х годов XV в. и Киевского летописца, представляющего собой соединение южнорусской летописи типа Ипатьевской с какой-то суздальской летописью. И тот, и другой тексты подвергнуты основательной переработке: подновлению языка и расширению. Тем не менее текст «Повести временных лет» в Софийской первой летописи лучше представляет текст начальной части Новгородско-Софийского свода 30-х годов XV в., чем текст «Повести временных лет» в Новгородской четвертой летописи. В частности, в Софийской первой нет тех сокращений, которые есть в Новгородской четвертой летописи: в целости сохранено Сказание о Борисе и Глебе под 1015 г., рассказ о перенесении мощей Бориса и Глеба под 1072 г., полностью сохранены все юридические статьи под 1019 г. и т. д.

Во второй редакции Софийской первой летописи текст «Повести временных лет» подвергся некоторому сближению с текстом «Повести временных лет» в московских сводах и дополнительной редакционной правке.

Новгородская четвертая летопись. Под этим названием известна целая группа весьма обширных летописных списков. Из них к древнейшему изводу Новгородской четвертой летописи принадлежат списки б. Новороссийского университета последней четверти XV в. (№ 81), Голицынский первой половины XVII в. (Российская Национальная библиотека, Q. XVII. № 62) и Толстовский конца XV—начала XVI в. (Российская Национальная библиотека, Q. IV. № 138). К более позднему изводу принадлежат четыре списка: Строевский, последней четверти XV в. или начала XVI в. (Российская Национальная библиотека, Погодинское собрание, № 2035), Синодальный 1544 г. (собрание б. Синодальной библиотеки, № 152/46, ныне в Гос. Историческом музее), Фроловский XV—XVI вв. (Российская Национальная библиотека, F. IV. № 235) и Академический первой половины XVI в. (Библиотека Российской Академии наук, № 16. 3. 2).

Новгородская четвертая летопись была впервые напечатана в 1848 г. в четвертом томе «Полного собрания русских летописей». Кроме Новгородской четвертой в этом же томе была напечатана и Псковская первая. Новгородская четвертая летопись была здесь напечатана по Строевскому списку с вариантами по Академическому, Синодальному, Фроловскому, Толстовскому и, кроме того, особому списку — Хронографическому (Гос. Исторический музей, Синодальный, № 280, о нем см. ниже). Хронографический список представляет собою особую летопись, поэтому привлечение его заставило издателей давать его текст отдельными отрывками (1385—1403; 1447—1496 гг.). Издание было неудачно и в других отношениях. Оно заключало в себе только ту часть Новгородской четвертой летописи, которая начинается с 1113 г. Кроме того, те места летописи, которые находят себе соответствие в Новгородской первой, второй и третьей, в летописях Лаврентьевской, Ипатьевской и Троицкой (напечатанной в первом томе «Полного собрания русских летописей»), были опущены. Были опущены и некоторые вставные памятники («Рукописание» Магнуса, повесть о кончине митрополита Киприана), уже напечатанные в пятом томе «Полного собрания русских летописей». Основной текст напечатан только до 1477 г., а отдельные окончания списков даны в приложении.

Новое издание Новгородской четвертой летописи начало выходить в 1915 г. (вышли все выпуски: 1—3). Хронографический список выделен в особую летопись (Новгородскую пятую) и к изданию не привлечен. В основу издания положен все тот же Строевский список, несмотря на то что он относится к более позднему изводу летописи. К этому побудила неисправность древнейшего из списков старшего извода — Новороссийского.

Основные списки древнейшего извода (Новороссийский и Голицынский) доводят изложение до 1437 г. Они оканчиваются известием о поездке в Москву новгородского архиепископа Евфимия, после чего в Новороссийском списке следует обычная заключительная молитва писца, а в Голицынском следует продолжение, писанное другим почерком.

Основные списки более поздней группы (Фроловский и, возможно, Академический) оканчивались на 1447 г.

Обе группы списков имеют самую тесную связь до 1428 г. включительно, после чего следуют некоторые различия. Отсюда можно предположить, что Новгородская четвертая летопись в основной своей редакции заканчивалась 1428 г., хотя прямых указаний на то, что основная редакция заканчивается именно на 1428 г., нет. Эта основная редакция была продолжена в одном случае до 1437 г., а в другом до 1447 г.

Изучая состав Новгородской четвертой летописи относительно Софийской первой, А. А. Шахматов пришел к выводу, что составитель Новгородской четвертой еще раз обратился к официальной владычной новгородской летописи — Софийскому временнику, откуда сделал ряд дополнений, приведших к некоторым повторениям известий.[1] Затем составитель Новгородской четвертой еще раз обратился к ростовскому летописанию и ввел в Новгородскую четвертую дополнения из ростовского владычного свода времени архиепископа Ефрема (1427—1453 гг.; предшествующий Новгородско-Софийский свод использовал ростовскую летопись в предшествующей же редакции Григория, — см. выше).

В основе текста «Повести временных лет» в Новгородской четвертой летописи лежат три источника: Новгородско-Софийский свод 30-х годов XV в., Новгородская первая летопись младшего извода и отчасти ростовская летопись первой половины XV в. Отличия Новгородской четвертой летописи от Софийской первой, вначале небольшие, особенно усиливаются с 1047 г. Ряд сведений, имеющихся в Софийской первой летописи, отсутствует в Новгородской четвертой (под 6528, 6534, 6538, 6541, 6548, 6549, 6563, 6578 и другими годами).

Текст «Повести временных лет» в сочетании с Начальным сводом, характерном для Софийской первой летописи и Новгородской четвертой, отчасти сохранен также в Русском хронографе (в сокращении), в Тверском сборнике, в Ермолинской летописи, в московском своде 1479 г., в Львовской и Воскресенской летописях.

Р у с с к и й х р о н о г р а ф, по терминологии А. А. Шахматова,[2] или иначе «Хронограф первой редакции», по терминологии А. Н. Попова,[3] издан в 1911 и 1914 гг. в 22-м томе «Полного собрания русских летописей» С. П. Розановым. Первый выпуск 22-го тома занимает первая редакция Русского хронографа — редакция 1512 г., изданная по трем спискам. Второй выпуск занимает вторая редакция — западнорусская, изданная по двум спискам.

Как доказано В. М. Истриным,[4] обе редакции восходят к одному общему источнику. А. А. Шахматов доказал, что этот общий источник обеих редакций возник в России.[5] Он составлен на основании нескольких старших хронографических компиляций и целого ряда памятников византийской, сербской и русской литературы, в том числе русских летописей, и излагает всемирную историю от «сотворения мира».

Редакция 1512 г. названа так по дате, которая выставлена ее составителем в статье «О отложении мяса...».[6] Она разделена на 208 глав и имеет относительно обширную часть русских известий, восходящих к русским летописям.

Редакция западнорусская не имеет этого разделения на главы, значительно сократила свою русскую часть и относится, по-видимому, к концу XVI в. (по определению А. А. Шахматова) или к началу второй половины XVI в. (по определению С. П. Розанова). Начинается эта редакция Александрией, а заканчивается обширным извлечением из западной Хроники всего света Мартина Бельского.

Составителем Русского хронографа, легшего в основу редакции 1512 г. и западнорусской, А. А. Шахматов признал Пахомия Серба (или Логофета). Пахомий Серб внес в Хронограф выборку русских известий из общерусского митрополичьего свода, а затем ряд произведений

---

[1] *Шахматов А. А.* Обозрение... С. 185 и след.

[2] *Шахматов А. А.*: 1) Пахомий Логофет и Хронограф // ЖМНП. 1899. № 1. С. 200—207; 2) К вопросу о происхождении Хронографа // Сб. ОРЯС. 1900. Т. 66, № 8. С. 1—121; 3) Обозрение... С. 133.

[3] *Попов А. Н.* Обзор хронографов русской редакции. М., 1866. Вып. 1; М., 1869. Вып. 2.

[4] *Истрин В. М.* Александрия русских хронографов: Исследование и текст. М., 1893. С. 283—288.

[5] См.: *Шахматов А. А.* Пахомий Логофет и Хронограф.

[6] ПСРЛ. Т. 22, ч. 1. С. 330: «Феодор Студит был по седмом соборе за седмсот лет без двадесяте до скончания седмыя тысяща, а до сих времен за седмь сот».

сербских и болгарских писателей второй половины XIV—начала XV в.: Евфимия Тырновского, Григория Цамблака, Константина Костенчского. Такое большое внимание, которое уделил Пахомий Серб истории южнославянских стран, стоит в связи с ярко выраженной в Хронографе идеей всеславянского единства. Составитель Хронографа искал родственных связей Руси со славянскими народами, отчетливо сознавал себя славянином.

Русский хронограф, помимо двух основных редакций (1512 г. и западнорусской), восходящих к Пахомиевской, сохранился во многих других редакциях, установление и исследование которых, несмотря на обстоятельные труды А. Н. Попова, А. А. Шахматова и С. П. Розанова, не может еще считаться законченным.

Замечательно, что Русский хронограф лег в основу сербского летописания. Исследованные И. В. Ягичем наличные югославянские хронографы все оказались позднейшими сокращениями из известных нам русских хронографов.[1] К этому же выводу пришел М. Н. Сперанский,[2] и он же был подтвержден исследованиями А. А. Шахматова.

Выборки из «Повести временных лет» в Русском хронографе сделаны из какой-то не дошедшей до нас летописи, близкой к Новгородской четвертой и Софийской первой, и имеют ряд интересных особенностей текста.

Тверской сборник. Так называется летопись, изданная в 1863 г. А. Ф. Бычковым в 15-м томе «Полного собрания русских летописей». Рукопись Тверского сборника хранится в Российской Национальной библиотеке; принадлежала раньше М. П. Погодину под № 970. По определению А. Ф. Бычкова, она писана «четкою белорусскою скорописью начала XVII в.».

Как доказал А. А. Шахматов,[3] Тверской сборник представляет собой механическое соединение двух летописных сводов. Первый из них сохранился в части до 1255 г. и был составлен в 1534 г., на что имеются указания в самом тексте.[4] Второй начинается с 1247 г. (годы 1247—1255 повторяются) и представляет собой главным образом летопись тверских событий. Обе части независимы одна от другой и не объединены даже редакторски. Составление сборника относится к середине или даже концу XVI в.

В состав первой части Тверского сборника — свода 1534 г. входили летописи, близкие к Новгородской первой и Софийской первой, затем ростовский летописный материал и протограф Львовской летописи (или, как уточняет А. Н. Насонов, — митрополичье летописание первых десятилетий XVI в.). Самостоятельный киевский источник, предполагавшийся А. А. Шахматовым в своде 1534 г., по-видимому, как это устанавливает А. Н. Насонов, отсутствовал.[5] Основным источником второй части Тверского сборника, как утверждает А. Н. Насонов, послужила сокращенная редакция тверского свода 50-х годов XV в. — того самого, который составил, наряду с Симеоновской, также и основной источник Рогожского летописца. Кроме того, во второй части Тверского сборника имеются ростовский епископский свод, «летописный отрывок 1276 г.» и Житие митрополита Алексея. Свод 1534 г. во второй части Тверского сборника до 1375 г. почти не отразился.

В начале Тверского сборника в пределах до 1074 г. читаются статьи Начального свода. Тверской сборник важен тем, что в его первой части наряду с протографом Львовской летописи и Софийской первой была использована летопись, близкая к Синодальному списку Новгородской первой летописи, но иногда в виде более исправном.

---

[1] *Jagić V.* Ein Beitrag zur serbischen Annalistik mit literaturgeschichtlicher Einleitung // Arch. für slav. Philol. Berlin, 1877. Bd 2. S. 1—109.

[2] *Сперанский М. Н.*: 1) Югославянский хронограф в сравнении его с 1-й редакцией русского // ЧОИДР. Кн. 1. 1894. Отд. 4. С. 87—89; 2) Сербские хронографы первой русской редакции // Рус. филол. вестн. 1896. С. 1—18.

[3] *Шахматов А. А.* Разбор сочинения И. А. Тихомирова «Обозрение летописных сводов Руси северо-восточной»: Отчет о сороковом присуждении наград графа Уварова. СПб., 1899. С. 103—236 (Зап. имп. Академии наук по историко-филол. отделению. Т. 4, № 2).

[4] Составитель свода 1534 г. — ростовец родом — несколько раз говорит о себе в первом лице и о своем времени. Так, например, под 938 г. читаем: «нынѣ же азъ начахъ преписывати сие въ лѣто 7042»; под 1239 г.: «Отъ того до нынѣ безъ пяти лѣтъ 300 лѣтъ».

[5] *Насонов А. Н.* Летописные памятники Тверского княжества. С. 711—712.

Ермолинская летопись. Так названа А. А. Шахматовым летопись, ранее принадлежавшая Троицкой Лавре под № 17[1] (теперь в Российской гос. библиотеке). Первая часть сборника, занимаемая Ермолинской летописью, писана тремя почерками второй половины XV в., причем последним почерком от 1481 до 1485 г. писаны приписки к основной части летописи, охватывающей события до 1481 г.

Исследованием А. А. Шахматова установлено, что для замечательного русского строителя второй половины XV в., В. Д. Ермолина, в 1472 г. была написана копия летописи, доведенной до 1472 г., причем в части 1462—1472 гг. она была дополнена известиями, касающимися строительной деятельности самого Ермолина и не находящими себе параллелей в других летописях. Эта летопись, составленная для Ермолина, была переписана двумя писцами, работавшими одновременно не ранее 1481 г., причем один из писцов прибавил по другим источникам изложение событий с 1472 по 1481 г.

Ермолинская летопись издана в 1910 г. в 23-м томе «Полного собрания русских летописей». Варианты к ней подведены по Уваровскому списку второй четверти XVI в. (по описанию рукописей Уварова, № 188, сходному с Ермолинской) до 1417 г., и по Кирилло-Белозерскому, содержащемуся в сборнике № 247 Археографической комиссии (Санкт-Петербургский филиал Института российской истории Российской Академии наук) третьей четверти XVI в. Последний список очень краток, варианты по нему подведены только до 1015 г.

В составе Ермолинской летописи использовано ростовское летописание, отразившееся во многих летописях второй половины XV в. Ростовское летописание вошло в Ермолинскую летопись через ростовский владычный свод Трифона (1462—1467) и представлено здесь с наибольшей полнотой.

«Повесть временных лет» включена в Ермолинскую летопись в значительном сокращении с заимствованиями из Софийской первой летописи.

Летописный свод 1479 г. Изучая сборник Московского главного архива Министерства иностранных дел № 20—25, в начале которого находится летопись, названная Н. М. Карамзиным Ростовской, А. А. Шахматов нашел, что она представляет собою слияние новгородского свода, составленного в 1539 г., и московского, составленного в 1479 г.[2] Насколько точным был этот вывод, показали позднейшие открытия А. А. Шахматова: ему удалось впоследствии найти рукописи, отразившие и этот новгородский свод 1539 г., и московский свод 1479 г. Новгородский свод 1539 г. был обнаружен А. А. Шахматовым в рукописи Российской Национальной библиотеки (F. IV. 238), названной им сводом Дубровского. Московский же свод 1479 г. А. А. Шахматов нашел позднее в так изываемом Эрмитажном списке (№ 4166) той же библиотеки. Впоследствии М. Н. Тихомиров нашел еще один список свода 1479 г. (Гос. Исторический музей, Уваровская летопись (№ 1366) первой половины XVI в.). Московский свод 1479 г. по Уваровскому списку, начало свода до 1071 г. и текст на утраченных листах Уваровского списка по Эрмитажному списку изданы М. Н. Тихомировым.[3]

Ростовская летопись издана в виде вариантов к Симеоновской летописи на пространстве 1410—1479 гг. Эрмитажный список представляет собою копию, сделанную в XVIII в. с более древней несохранившейся рукописи, значительно обветшавшей, судя по тому, что в ней были утрачены первые и последние листы. Копия XVIII в. доводит текст до статьи 1478 г., на которой и обрывается.

В основе свода 1479 г. лежит Софийская первая летопись. Другим источником московского свода 1479 г. была Троицкая летопись 1409 г., затем ростовская летопись второй четверти XV в. Четвертым источником московского свода 1479 г., как предполагает А. А. Шахматов, следует считать владимирский Полихрон,[4] т. е. гипотетически восстанавливаемый А. А. Шахматовым общерусский свод начала XIV в., составленный во Владимире при дворе митрополита. Однако гипотеза А. А. Шахматова относительно существования такого свода построена на весьма шатких основаниях. М. Д. Приселков предлагает видеть в своде 1479 г. заимствования не из Полихрона, а из летописи, близкой к Ипатьевской (заимствования из такой летописи, называемой «киевской», видим и в Софийской первой летописи).

---

1 См. подробное исследование: *Шахматов А. А.* Ермолинская летопись и Ростовский владычный свод // ИОРЯС. 1903. Т. 8, кн. 4. С. 72—98; 1904. Т. 9, кн. 1. С. 366—423.

2 *Шахматов А. А.* О так называемой Ростовской летописи. М., 1904.

3 ПСРЛ. Т. 25: Московский летописный свод конца XV в. М.; Л., 1949.

4 *Шахматов А. А.* Обозрение... С. 275 и след.

Наконец, пятым источником свода 1479 г. выступает систематически ведшаяся московская великокняжеская летопись. Этот источник свода 1479 г., пожалуй, самый важный. Свод 1479 г. составился в несколько этапов, каждый раз дополняясь новыми записями великокняжеской летописи. Первый, предшествующий этап свода 1479 г. — свод 1472 г. (отразившийся в Никаноровской и Вологодско-Пермской) определяется и А. А. Шахматовым, и М. Д. Приселковым одинаково, хотя даты более ранних сводов этого великокняжеского летописания у М. Д. Приселкова и А. А. Шахматова несколько различествуют. Возможно, что указанные выше источники свода 1479 г. отразились в нем не непосредственно, а через свод 1472 г. как через связующее звено. Так думал А. А. Шахматов в последнее время, так думал и М. Д. Приселков. На приложенной к главе XXI «Обозрения...» таблице, составленной А. А. Шахматовым позднее и не согласной с текстом «Обозрения...», в числе источников свода 1479 г. показаны только свод 1472 г. и погодные записи великокняжеской летописи.

М. Д. Приселков считал, что свод 1479 г. был составлен по случаю постройки в Москве нового Успенского собора,[1] рассматривавшегося после падения Константинополя как новый центр вселенского православия.

Особое значение в своде имеет подробное изложение событий 1472—1479 гг.

«Повесть временных лет» в московском своде 1479 г. основывается на двух источниках: на первой редакции Софийской первой летописи и московском общерусском своде 1418 г. Первая часть «Повести временных лет» в пределах до середины летописной статьи 1074 г. основывается на Софийской первой летописи, но дополняется по московскому общерусскому своду 1418 г. Свод 1479 г. использует «Повесть временных лет» с 1075 по 1113 г. по московскому общерусскому своду 1418 г. и исправляет его по Софийской первой, но с некоторыми планомерными сокращениями (сокращаются благочестивые рассуждения, тексты Священного Писания и т. д.). Такое различие в «Повести временных лет» Софийской первой летописи в пределах до 1074 г. и начиная с 1075 г. объясняется тем, что после 1074 г. Новгородско-Софийский свод 30-х годов XV в. переходит к сокращенному изложению «Повести временных лет». Составитель Софийской первой летописи, начав с Новгородско-Софийского свода как основного текста, с 1074 г. взял поэтому за основу другой текст (свод 1418 г.), служивший ему до того подсобным материалом.

Воскресенская летопись, отличающаяся большой полнотой своих известий, названа так потому, что один из ее списков (Библиотека Российской Академии наук, № 34.5.24) был пожертвован в 1658 г. патриархом Никоном основанному им Воскресенскому Новоиерусалимскому монастырю.

Впервые «Русская летопись по Воскресенскому списку» была издана в 1793—1794 гг. В «Полном собрании русских летописей» Воскресенская летопись заняла седьмой (1851) и восьмой (1859) тома.

Воскресенская летопись известна в следующих пяти списках. Академический XII (Воскресенский) и Академический XIII (так называемый Алатырский — от записи в нем алатырского подьячего) списки доведены до 1347 г., представляют собою первую часть Воскресенской летописи. Их продолжением служит Синодальный список конца XVI в. (ныне в Гос. Историческом музее). И. А. Тихомиров[2] и издатели Воскресенской летописи предполагали, что Синодальный список следует считать второй частью Академического XII (Воскресенского) списка, но А. А. Шахматов убедительно показал, что Синодальный список правильнее признать второй частью Академического XIII (Алатырского) списка.[3] Вторая половина Воскресенской летописи (с 1348 г.) читается также в Парижском списке (Национальная библиотека в Париже) и Карамзинском XVII в. Архивский III список начала XVIII в. (б. Московский архив Министерства иностранных дел, ныне в Российском гос. архиве древних актов), указанный в предисловии к седьмому тому «Полного собрания русских летописей», как это доказано А. А. Шахматовым в ряде исследований, является самостоятельной ростовской летописью, содержавшей свод (1479 г.), бывший также источником Воскресенской.

Как утверждает А. А. Шахматов, Воскресенская летопись составлена, по-видимому, в 30-х или 40-х годах XVI в. Анализ оглавлений, приложенных к различным ее спискам, в связи с наблюдениями над текстом позволил А. А. Шахматову установить следующие три редакции ее.

---

[1] *Приселков М. Д.* История русского летописания... С. 183—184.

[2] *Тихомиров И. А.* Обозрение состава Московских летописных сводов. СПб., 1896.

[3] *Шахматов А. А.* Разбор сочинения И. А. Тихомирова... С. 166—167.

Первая редакция Воскресенской летописи содержала 63 главы (весь текст Воскресенской разбит на главы) и доводила повествование до 1533 г. Вторая редакция оканчивалась на 70-й главе, доводя рассказ до 1537 г. Обе эти редакции до нас не дошли. Сохранилась лишь редакция, доведенная до 1541 г. (на 1541 г. оканчиваются Синодальный и Парижский списки).

В основании Воскресенской летописи лежит московский великокняжеский свод 1479 г., сближенный с текстом Софийской первой летописи и списком Царского той же Софийской первой летописи. Карамзинский список Воскресенской летописи дополнен с 1542 по 1552 г. по Львовской летописи, а дальше до 1560 г. продолжен приписками.

В некоторых известиях XII в. Воскресенская летопись близка к Ипатьевской. А. А. Шахматов объяснял это тем, что обе летописи пользовались митрополичьим сводом начала XIV в. М. Д. Приселков убедительно показал ошибочность гипотезы А. А. Шахматова о существовании в начале XIV в. общерусского митрополичьего свода и утверждал, что составитель Воскресенской летописи пользовался списком Ипатьевской. Точно так же пользовалась протографом Ипатьевского списка и Софийская первая, где имеются (в первой редакции) отметки: «а писано въ Киевскомъ» или «ищи въ Киевскомъ». В Воскресенской летописи ее начальная часть близка к Софийской первой, отражая то же соединение статей Начального свода с «Повестью временных лет» в третьей редакции. Статьи из Начального свода идут в ней до 1074 г., а затем следует текст, в основном восходящий к третьей редакции «Повести временных лет».

Львовская летопись первоначально была известна по печатному изданию Н. А. Львова 1792 г., изобилующему подновлениями языка и произвольными заменами в тексте. Издание вышло в пяти частях под заглавием «Летописец Руской от пришествия Рурика до кончины царя Иоанна Васильевича. Издал Н. Л.». Сама рукопись, принадлежавшая Спасо-Евфимиеву монастырю, оказалась впоследствии утраченной. В 1903 г. А. Е. Пресняков нашел рукопись, текст которой оказался тождественным Львовской — так называемый Эттеровский список XVI в. Список этот хранится в Российской Национальной библиотеке (F.IV. № 144) и принадлежал когда-то Карлу Эттеру. Еще одна тождественная Спасо-Евфимиевской рукопись (но с утратой первых семи листов) была приобретена Археографической комиссией при печатании нового издания Львовской летописи. Рукопись эта когда-то служила типографским оригиналом при печатании Львовской летописи и является копией со Спасо-Евфимиевской.

Львовская летопись вновь издана в 1901 г. (часть 1) и в 1914 г. (часть 2) в 20-м томе «Полного собрания русских летописей».

Изложение Львовской летописи доведено до 1560 г. Основным источником ее, как показали наблюдения А. А. Шахматова,[1] был свод, доведенный до 1518 г. главным образом на основании следующих материалов: суздальского свода 1206 г. по списку, сходному с Радзивиловским, московского свода Фотия в сильном сокращении, Софийской второй летописи от 1392 до 1518 г. и одной из редакций Хронографа. Все эти источники отчетливо сказываются в «Повести временных лет» Львовской летописи.

Впрочем, сложный состав обширной Львовской летописи не может еще считаться в полной мере изученным.

Никоновская летопись получила свое название по принадлежности одного из ее списков патриарху Никону. Текст Никоновской летописи издан в 11—13-м томах «Полного собрания русских летописей». Первое же издание Никоновской летописи начало выходить в 1767 г. под редакцией А. Шлецера и С. Башилова. Всего вышло восемь томов. Издание это неудовлетворительно.

Характеристика списков Никоновской летописи и их взаимоотношений вызвала обширную научную полемику, в которой приняли участие И. А. Тихомиров,[2] А. А. Шахматов,[3]

---

[1] *Шахматов А. А.*: 1) Общерусские летописные своды XIV и XV вв. // ЖМНП. 1900. № 11. С. 143 и след.; 2) Летописи // Новый энциклопедический словарь. Пг., [1915]. Т. 25. Стб. 155—156.

[2] *Тихомиров И. А.* Обозрение состава московских летописных сводов // Летопись занятий Археографической комиссии. СПб., 1895. Вып. 10. С. 1—84.

[3] *Шахматов А. А.*: 1) Разбор сочинения И. А. Тихомирова...; 2) Древнейшие редакции Повести временных лет // ЖМНП. 1897. № 10. С. 209—259; 3) Рец. на кн.: Лихачев Н. П. Палеографическое значение бумажных водяных знаков // ИОРЯС. 1899. Т. 4, кн. 4. С. 1463—1484; 4) Иоасафовская летопись // ЖМНП. 1904. № 5. С. 69—79.

Н. П. Лихачев,[1] С. Ф. Платонов,[2] А. Е. Пресняков,[3] Н. Ф. Лавров,[4] С. П. Розанов.[5]

Наиболее крупные и принципиальные разногласия вызвало определение времени составления и взаимоотношения двух важнейших списков Никоновской летописи — Патриаршего списка и списка кн. Оболенского. А. Ф. Бычков в предисловии к изданию Никоновской летописи (в 1862 г.) высказал мнение, что Патриарший список — древнейший и относится к середине XVI в. Список Оболенского А. Ф. Бычков считал копией с Патриаршего, сделанной в начале XVII в.

Первоначально А. А. Шахматов также считал Патриарший список более древним, но предполагал, что и Патриарший список, и список Оболенского — оба восходят к более древнему тексту, оканчивавшемуся на 1541 г. и составленному в 1553—1554 гг.

Подробное палеографическое описание Патриаршего списка и списка Оболенского привело Н. П. Лихачева к прямо противоположным выводам. Н. П. Лихачев считает список Оболенского основным, Патриарший список его копией. Список Оболенского представляет собой сборник, составленный из разновременных рукописей. Он делит рукопись на четыре части. Первые две части были составлены не позднее первого-второго года по поставлении митрополита Макария, а последняя часть (судя по бумаге) относится к 70-м годам XVI в. (причем последние приписки по почерку могут быть даже отнесены к началу XVII в.). Патриарший список Н. П. Лихачев считает беловой копией списка Оболенского. Над этой беловой копией работало несколько писцов, писавших свои части одновременно.

Труд Н. П. Лихачева, хотя и вызвал опровержения А. А. Шахматова, сохранил свое значение и сейчас. Его наблюдения были в значительной мере уточнены С. Ф. Платоновым. Весьма тщательное изучение рукописей убедило С. Ф. Платонова, что список Оболенского в первой своей части, до 1520 г., есть беловая копия с неизвестного нам оригинала, совершенно независимая от Патриаршего списка. Дальнейшая часть списка Оболенского есть позднейшее дополнение, возможно имевшее своим оригиналом Патриарший список.

Выводы С. Ф. Платонова заставили А. А. Шахматова пересмотреть свою точку зрения и в значительной мере были подкреплены дополнительными соображениями А. Е. Преснякова.

Н. Ф. Лавров суммировал наиболее прочные доказательства предшествующего изучения списков Никоновской летописи и дополнил их собственными наблюдениями. Н. Ф. Лавров рисует историю Никоновской летописи в следующем виде. Первая часть списка Оболенского (до 1520 г.) есть древнейшая дошедшая до нас рукопись Никоновской летописи. Составление ее относится к 1539—1542 гг. Она представляет собой беловую копию основной редакции летописи, составленной, возможно, раньше. Остальные части списка Оболенского являются дополнениями, сделанными значительно позднее и разновременно. Патриарший список состоит из нескольких одновременно написанных тетрадей, восходящих к разным источникам. До 1521 г. единственным источником его была, по-видимому, первая часть списка Оболенского; затем, до 1534 г., — Воскресенская летопись, а с 1534 по 1553 г. — исключительно интересный летописный памятник «Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича». Этот Летописец ближе всего восстанавливается по двум рукописям Кирилло-Белозерского монастыря (Московская синодальная библиотека, № 486, ныне в Гос. Историческом музее, и собр. Археографической комиссии, № 244, ныне в Санкт-Петербургском филиале Института российской истории Российской Академии наук) и по Воскресенской летописи, начиная с 1542 г., в списке Российской Национальной библиотеки (F. IV. 144). Летописец написан в 1553—1555 гг. Он заканчивался описанием торжеств и раздачи царских наград по случаю взятия Казани. Его главное содержание составляет поход на Казань и сокрушение татарского царства, а главную цель — прославление этой победы и ее героя.

---

[1] *Лихачев Н. П.* Палеографическое значение бумажных водяных знаков. Ч. 1: Исследование и описание филиграней. СПб., 1899. С. 319—333.

[2] *Платонов С. Ф.* К вопросу о Никоновском своде // ИОРЯС. 1903. Т. 7, кн. 3. С. 24—33.

[3] *Пресняков А. Е.*:1) Иоасафова рукопись // ИЗ. 1940. № 8. С. 242—247; 2) Московская историческая энциклопедия XVI в. // ИОРЯС. 1900. Кн. 3. С. 824—876.

[4] *Лавров Н. Ф.* Заметки о Никоновской летописи // Летопись занятий Постоянной историко-археографической комиссии. 1927. Т. 1 (34). С. 55—90.

[5] *Розанов С. П.* Никоновский летописный свод и Иоасаф как один из его составителей // Изв. по рус. яз. и слов. АН СССР. 1930. Т. 3, кн. 1. С. 269—287.

Патриарший список и три первые части списка Оболенского вышли из одних рук, и их возникновение следует приписать правительственной инициативе Ивана Грозного.

По своему составу основная часть Никоновской летописи (до 1520 г. включительно) представляет собой грандиозную компиляцию, включившую источники, характер и происхождение которых еще до сих пор не совсем изучены. Не установлен состав, в частности, местных летописцев, документов, записей памятников народной поэзии и т. д. Не ясно также отношение Никоновской летописи к предшествующим основным летописным сводам. А. А. Шахматов считает, что в основание Никоновской летописи положен дошедший до нас Хронографический список Новгородской пятой летописи. Список этот дополнен по многим летописям, в числе которых был и Лаврентьевский список, а также и по нелетописным памятникам и по нескольким изводам Русского хронографа.

Никоновская летопись воспроизводит текст «Повести временных лет» во второй редакции (воспроизведена и приписка Сильвестра). Текст «Повести временных лет» в Никоновской летописи близок к Лаврентьевской (очевидно, использованной составителем) и, с другой стороны, к Софийской первой, но имеет и значительные пополнения из других источников: летописей (ср., например, ссылку под 898 г.: «о том же от иного летописца»), былевого эпоса (особенно за годы княжения Владимира Святославича), житий святых и др. Однако, кроме того, в начальной части Никоновской летописи немаловажную роль играют домыслы и литературные распространения самого составителя.

В основу нашего издания, как уже было сказано, положен лучший и древнейший список «Повести временных лет», заключенный в составе Лаврентьевской летописи. В отличие от изданий Лаврентьевской летописи, подготовленных А. Ф. Бычковым (1872, 1879 гг. и перепечаток из них в учебных изданиях «Повести временных лет» 1910 и 1926 гг.), настоящее издание гораздо ближе к основному Лаврентьевскому списку как в более осторожном выборе смысловых исправлений, так и в отказе от произвольных исправлений языка (А. Ф. Бычков во многих случаях вводил в текст церковнославянские формы Радзивиловского или Московско-Академического списков вместо русских форм Лаврентьевского списка; предпочтение церковнославянских форм резко сказывается и в вышеуказанной реконструкции А. А. Шахматова; оба, вводя единообразные формы, схематизируют живой язык летописи).

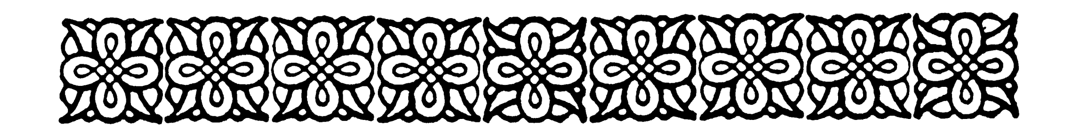
В отличие от издания Лаврентьевской летописи Е. Ф. Карского (Л., 1926) в настоящем издании введена современная пунктуация (отличающаяся от пунктуационной системы изданий А. Ф. Бычкова) и упрощена орфография. Сохранены ѣ и ъ, существенные в смысловом отношении, но заменены: ѳ через ф, і через и, ѧ и ѫ через я и у, оу через у. Выносные буквы внесены в текст, титла раскрыты, буквенные обозначения цифр заменены современными.

Исправления описок переписчиков в Лаврентьевском списке сделаны мною по другим спискам с учетом данных истории летописания. В некоторых случаях я прибегал к близко сходным текстам Троицкой летописи, Радзивиловской, Московско-Академического списка, Ипатьевской; в других — к текстам, отразившим более древний, чем «Повесть», Начальный свод (летописи новгородские и те, которые включили в свой состав новгородские списки), в третьих — к текстам, хотя и поздним, но отразившим в своем составе не дошедшие до нас древние рукописи «Повести временных лет». Все исправления в тексте Лаврентьевской летописи выделены курсивом.

Окончание «Повести временных лет» третьей редакции, начиная с 1110 и по 1117 г. включительно, издается по Ипатьевской летописи.

В Разночтениях не даются все варианты по другим летописям, а лишь оговариваются исправления, внесенные в основной список (до 1110 г. — в Лаврентьевский, а с 1110 г. — в Ипатьевский) на основании других списков. Все представляющие исторический, историко-культурный или собственно литературный интерес варианты из других списков «Повести временных лет» внесены в Комментарии. В Комментариях, таким образом, дается более или менее полный обзор содержания всех списков «Повести временных лет».

Все цитаты в «Повести временных лет» из сочинений церковного характера отделены от основного летописного текста кавычками. Источники цитат не указываются (они указаны в издании «Повести временных лет» А. А. Шахматова (СПб., 1916)).



КОММЕНТАРИИ*

К с. 7

Се повѣсти времяньных лѣтъ — слово «времяньных» очень часто переводится «повременных». Так, в частности, понимает это слово И. И. Срезневский. Заглавие «Повести времяньных лет» переводится им следующим образом: «Рассказ повременный о прошедших годах» (см.: *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1893. Т. 1. Стб. 319). Однако, как указывалось в лингвистической литературе, этот перевод не может считаться правильным. Определение «времяньных» относится не к слову «повести», а к слову «лет». «Времяньных» значит «минувших», «прошедших». Именно в таком значении это слово неоднократно употребляется в переводе Хроники Георгия Амартола. Ср.: «Начало временьныхъ царствъ» (в названии одного из разделов). Учитывая значение греческого текста, который лежит в основе этого места, выражение это следует перевести — «Начало прошлых царств» (*Истрин В. М.* Хроника Георгия Амартола, Пгр., 1920. Т. 1. С. 9). Показания перевода Хроники Георгия Амартола особенно важны, так как исследованиями В. М. Истрина показана принадлежность этого перевода древнерусскому (а не болгарскому, как думали раньше) переводчику XI в. (*Истрин В. М.* Хроника Георгия Амартола. Пгр., 1922. Т. 2. С. 268—309).[1] Так же точно понял значение слова «временьных» в XVI в. и составитель так называемого Тверского сборника, переведший название «Повести временных лет» следующим образом: «Повести древних лет». Название «Се повѣсти времяньных лѣт» дал своему труду летописец, перерабатывавший собранный им исторический материал за прошлые годы. Составитель «Повести временных лет» неоднократно подчеркивает и в самом тексте своего труда, что он пишет о прошлом.

откуду есть пошла Руская земля — что разумеет здесь летописец под словами «Руская земля»? Термин этот имеет в древней Руси несколько значений, первое и основное — «Русское государство» (конечно — в понимании XI—XII вв.). Аналогично этому в летописи можно встретить выражения «Лядская земля» (Польское государство), «Болгарская земля» (Болгария), «Греческая земля» (Византия) и т. д. Иногда «Руская земля» означает русский

---

* Комментарии в первую очередь имеют целью помочь правильному пониманию текста «Повести временных лет» как исторического источника. Для этого в них даются отдельные объяснения тех или иных мест, слов, выражений, указывается происхождение сведений и утверждений летописца, по возможности проверяется их точность и т. п. Кроме того, комментарии имеют целью познакомить читателя со всем тем наиболее ценным историческим материалом, который заключен в различных других списках «Повести временных лет». Для этого в комментариях приводятся с пояснениями все те места из других списков «Повести», где их текст расходится с основным издаваемым текстом «Повести» по Лаврентьевской летописи или дополняет его новыми сведениями (об этом см. подробнее Археографический обзор в наст. изд.).

народ, реже — «русское войско» и еще реже — географические пространства, входящие в Русское государство, ибо области, лежащие вблизи Киева (это значение по преимуществу в летописях XII—XIII вв.). Последнее значение вряд ли здесь применимо, поскольку оно обычно встречается позднее. Значение «русского» войска к данному случаю также неприменимо. Вряд ли здесь может идти речь и о географических пространствах Руси, так как бессмысленно задаваться вопросом об их происхождении. Остаются два значения: «народ» и «государство» Руси. Следует, однако, отметить, что оба этих значения в древнем их понимании весьма близки. В самом деле, в тех случаях, когда летописец применяет термин «Руская земля» к русскому народу, последний рассматривается им почти всегда как народ, объединенный государственной организацией (например, в переговорах с иноземными державами, в военных столкновениях и т. п.). В противном случае летописец употребляет по большей части термины «язык» и «племя». Итак, в начале заглавия «Повести временных лет» речь идет о начале Русского государства или о начале русского народа как государственного целого. Это понимание начала заглавия «Повести временных лет» поддерживается и дальнейшими словами, в которых ставится вопрос о начале киевской общерусской династии этого Русского государства: «...кто въ Киевѣ нача первѣе княжити». На оба этих вопроса отвечает вся первая половина «Повести временных лет». Летописец рассказывает о происхождении славянских народов, описывает их земли, говорит о происхождении их названий, о происхождении славянской грамоты, отмечает различия восточнославянских (русских) племен, рассказывает о происхождении названия Русь, начале местных княжеских династий, династии общерусской (от Рюрика) и следит за постепенным ростом Русского государства. Вопросы поставлены летописцем в заглавии своего труда широко, но еще шире его ответ на них. Подробнее о значении слов «Русь» и «руськский» см. с. 133 и след.

По потопѣ трие сынове Ноеви раздѣлиша землю, Симъ, Хамъ, Афетъ — здесь имеются в виду легендарные события, о которых рассказывается в первой книге Библии — книге Бытия: за грехи людей Бог наслал на землю потоп, предупредив единственного праведного человека Ноя, чтобы он сделал ковчег и вошел в него со своей женой, тремя сыновьями и их женами, а также взял бы с собой по семь пар «чистых» животных (т. е. жертвенных) и по одной паре нечистых. Все остальные люди и животные погибли во время потопа. Однажды после потопа, рассказывается в Библии, Ной опьянел и лежал обнаженный в шатре своем. Сын Ноя Хам посмеялся над отцом, а два других — Сим и Иафет — прикрыли отца одеждою. За это Бог дал потомству Хама худшую долю (ему было суждено рабство), а потомству Сима и Иафета — лучшую. Вся земля распределилась между потомством этих трех сыновей Ноя. Но о разделении всей земли по жребию Библия не рассказывает. В основном рассказ о распределении земли между сыновьями Ноя от слов «по потопѣ» и до слов «межю Миды и Вавилономъ» взят летописцем из Хроники Георгия Амартола, но с некоторыми сокращениями, с одной стороны (особенно в начальной части), и дополнениями, с другой. Из дополнений к Амартолу отметим обобщение: «и яся въстокъ Симови», «Афету же яшася полунощныя страны и западныя», «Хамови же яся полуденьная страна». Особенное значение имеет вставка слова «словѣне» вслед за названием страны «Илюрикъ» (Иллирия, см. с. 115), находящаяся в связи с представлениями летописца о том, что славяне первоначально жили в Иллирии. См. ниже под 6409 (898) г. следующее указание летописца: «...ту бо есть Илюрикъ, его же доходилъ апостолъ Павелъ, ту бо бѣша словене первое». А. А. Шахматов полагал, что весь этот отрывок о разделении земли между сыновьями Ноя взят летописцем не непосредственно из Хроники Георгия Амартола, а из какого-то компилятивного хронографа, куда отрывок этот был внесен с некоторой переработкой. А. А. Шахматов предполагал также, что этот компилятивный хронограф был составлен в Болгарии и что в его основу лег болгарский же перевод Хроники Амартола и Хроники Иоанна Малалы (см. ниже). Компилятивный хронограф, в который вошел перевод Хроники Амартола, В. М. Истрин условно назвал «Хронографом по великому изложению» (под «великим изложением» на Руси понимали Хронику Амартола) и предполагал, что Хронограф этот был составлен также на Руси еще в XI в. Хроника Георгия Амартола, к которой неоднократно обращались русские летописцы как к историческому источнику за сведениями по всемирной истории, была составлена в царствование императора Михаила III (842—867).[1] О личности ее автора известно только, что он был монах; и это дает себя чувствовать во всем изложении Хроники: автор проявляет нетерпимость к иконоборцам, пересыпает свой

рассказ богословскими отступлениями и т. д. По форме Хроника Георгия Амартола отлична от русской летописи: в ней нет деления исторического материала на годовые статьи, характер изложения клерикальный и риторический. Хроника Георгия Амартола состоит из вступления и четырех книг. Она охватывает мировую историю от «сотворения мира» до 842 г. н. э. Вслед за Хроникой Георгия Амартола обычно помещается ее продолжение, доведенное до 948 г. В этом же отрывке через тот же предполагаемый русский компилятивный хронограф отчетливо видна его связь и с Хроникой Иоанна Малалы (см. подробнее: *Шахматов А. А.* «Повесть временных лет» и ее источники // ТОДРЛ. Л., 1940. Т. 4. С. 72). Иоанн Малала — сириец по происхождению, житель Антиохии Сирийской (ок. 491—578). Написанная им хроника доходит до последних лет императора Юстиниана (до 563 г.). От Хроники Амартола Хроника Малалы отличается более светским характером. В ней значительное место занимает древнейшая греческая («еллинская») история в отличие от Хроники Георгия Амартола, где большее внимание уделено византийской («римской») истории.

Ватрь — Бактрия, или Бактриана, страна по верхнему и среднему течению реки Амударьи; граничила на севере с Согдом. Главный город Бактрии был крупным торговым центром. Все приводимые в начале «Повести временных лет» географические сведения почерпнуты из литературных источников и относятся к значительно более древнему времени, чем сама «Повесть временных лет» (к I—VII вв. н. э.).[1]

и до Нирокурия — Ринокорур — торговый город на границе между Египтом и Палестиной, на берегу Средиземного моря.

Сурия — Сирия.

Кордуна — какая страна называется здесь «Кордуной», не совсем ясно (в Хронике Амартола ей соответствует Κορδόνα). Может быть, это Кордуена в верхнем и среднем течении реки Тигр.

Аравия Старѣйшая — что имеется в виду под Аравией Старейшей, не ясно. Возможно, что это область Ἀραβάρχης, арабская провинция Рима.

Елмаисъ, Инди — что это за страны, не ясно. Возможно, что здесь имеются в виду области Аравии, так как они поставлены между Аравией Старейшей и Аравией Сильной. Возможно также, что Елмаис — Элам — область севернее Персидского залива, тогда как Инди — земли по реке Инд.

Аравия Силная — Аравия Счастливая (ἡ εὐδαίμων, южная часть Аравии), ныне Йемен.

Колия — Кулия, или Кылисирия (в Хронике Амартола Κόιλη Συρία), южная часть Сирии, прилегающая к горам Ливана и Антиливана.

Комагини — Коммагена, область на севере древней Сирии; граничила на севере с Каппадокией, на западе с Киликией.

Ефивопья, прилежащия ко Индомъ — Эфиопия; неопределенный термин греческой и византийской географии, означавший страну к югу от Египта и другую страну в Азии. Здесь имеется в виду Эфиопия Азийская.

Другая же Ефивопья, из нея же исходить рѣка ефиопьская Чермна, текущи на въстокъ — возможно, что под рекой Чермной подразумевается «Чермное», т. е. Красное, море. Эфиопия, указанная здесь, несомненно африканская в отличие от азийской Эфиопии, соседней «со Индом».

Фива — город на Ниле, столица Египта.

Ливия — древнейшее название Африки. В более узком значении Ливия — часть северной Африки на запад от Египта, состоявшая из двух главных частей — Мармарики и Киренаики.

Куриния — Киренаика, область северной Африки, примыкавшая с запада к Ливии.

Маръмарья — Мармарика, область Африки, примыкавшая с востока к Киренаике.

Сурьти — Сирт, область северной Африки, примыкавшая к заливам Сидра и Габес.

Ливия другая — римская провинция Африки (проконсульская Африка) с Карфагеном в центре (ныне эта часть Африки — Тунис).

Нумидья, Масурия — области северной Африки на восток от Мавритании.

Мавританья противу сущи Гадирѣ — Мавритания, западная область северной Африки; Гадирь — на месте теперешнего Кадикса.

Киликию — Киликия, прибрежная юго-восточная область Малой Азии от Памфилийского залива до гор Аманских к востоку и до хребта Тавра к северу. Граничила на востоке с Коммагеной, на севере с Каппадокией, на северо-западе с Ликаонией и на западе с Памфилией.

Памъфилию — Памфилия, узкая прибрежная полоса в южной части Малой Азии, соседившая с Писидией на севере и с Киликией на востоке.

Писидию — Писидия, область на юге Малой Азии, первоначально составлявшая одно целое с Памфилией. На востоке граничила с Ликаонией, Киликией, на юге с Памфилией, на западе с Ликией и Карией, на северо-западе и севере с Фригией.

Мисию — Мисия, или Мизия, область на северо-западе Малой Азии; граничила с Лидией на юге, Фригией и Вифинией на востоке.

Лукаонию — Ликаония, область в средней части Малой Азии; граничила на западе с Фригией и Писидией, на юге с Киликией, на востоке с Каппадокией, на севере с Галатией.

Фругию — Фригия, область в центральной части Малой Азии, окруженная Карией, Лидией, Мизией (на западе), Вифинией (на севере), Галатией, Ликаонией (на востоке) и Писидией (на юге).

Камалию — Кемалия — искаженное название Cabalia — область на юге Фригии, вокруг города Кибира.

Ликию — Ликия, область на юго-западе Малой Азии, на берегу Средиземного моря; на севере граничила с Карией, Писидией и Памфилией.

Карию — Кария, прибрежная область на юго-западе Малой Азии, граничившая на юге с Ликией, на востоке с Фригией, на севере с Лидией.

Лудью — Лидия, область в западной части Малой Азии; на севере граничила с Мисией, на юге — с Карией, на западе примыкала к Эгейскому морю, на востоке граничила с Фригией.

Мисию другую — под Мисией «другой» подразумевалась Великая Мисия (Мизия), включавшая в себя Троаду, Эолиду, Тейфранию с Пергамом.

Троаду — Троада — область на северо-западе Малой Азии; район древней Трои.

Еолиду — Еолида — область на западе малоазийского побережья, напротив острова Лесбоса.

Вифунию — Вифиния, область на северо-западе Малой Азии, примыкавшая к Черному морю на севере и граничившая на юге с Галатией.

Старую Фругию — старой Фригией названы земли Малой, или Геллеспонтийской, Фригии, к югу от Геллеспонта.

Саръдани — Сардиния.

Арменьа Малая и Великая — в древности отличали Армению Великую — бо́льшую, восточную часть страны, граничившую с Ассирией и Ираном, и Малую — западную, между реками Галис, Евфрат и Понтийскими горами.

Кападокия — Каппадокия, область на востоке Малой Азии между Киликийским Тавром, Евфратом и рекою Галис.

Фефлагони — Пафлагония, область на севере Малой Азии; примыкала к Черному морю, на западе граничила с Вифинией, на юге с Фригией и Каппадокией.

Галатъ — Галатия, область Малой Азии; граничила на севере с Вифинией и Пафлагонией, на юге с Каппадокией и Ликаонией, а на западе с Фригией.

Кольхись — Колхида, область на восточном берегу Черного моря.

Воспории — здесь Босфор Киммерийский, или Пантикапея, в области Керченского пролива. Жители древнего Боспорского царства.

Меоти — Меотида, район Азовского моря. Меоты — население степей к востоку и северу от Азовского моря.

Дереви — в Хронике Георгия Амартола эта область называется Δέρβιζ. Что это за область (или народ) — не ясно. В «Деяниях святых Апостолов» упоминается город Дервия в малоазийской провинции Ликаония, которая граничила с Фригией, Исаврией, Киликией, Галатией.

Саръмати — Сарматия.

Тавриани — жители Тавриды — Крыма.

Скуфиа — Скифия. Малая Скифия — нынешняя Добруджа (выделена при Диоклетиане из провинции Нижняя Мезия).

Фраци — Фракия, область в северной Греции.

Макидонья — Македония.

Далматия — Далмация, область на восточном берегу Адриатического моря.

Малоси — молоссы, жители территории на границе между провинциями Фессалия и Эпир.

Фесалья — Фессалия, область в северной Греции, на юге от Македонии.

Локрия — Локрида, область средней Греции.

Пеления, яже и Полопонисъ наречеся — Пелопоннес.

Аркадъ — Аркадия, центральная часть Пелопоннеса в Греции.

Япиронья — Эпир (о нем речь уже шла).

Илюрикъ — Иллирия. В IV—V вв. существовали две Иллирии: 1) префектура Иллирик включала в себя диоцез Дакии и диоцез Македонии, располагалась к югу от Дуная до южных оконечностей Пелопоннеса с включением Крита и других островов; диоцез Иллирик, входивший в состав префектуры Италии, относился к территории южнее Дуная (в его отрезке примерно от Линца до Белграда) до побережья Адриатического моря, примерно до Скодры. Очевидно, здесь Иллирия приадриатическая.

Словѣне — помещение славян сразу после Иллирии объясняется тем, что, по представлениям летописца, славяне первоначально сидели в Иллирии. См. под 898 г. в «Сказании о преложении книг на славянский язык»: «Тѣм же словѣньску языку учитель есть Анъдроникъ апостолъ. В Моравы бо ходилъ: и апостолъ Павелъ училъ ту; ту бо есть Илюрикъ, его же доходилъ апостолъ Павелъ, ту бо бѣша словене первое».

Лухития — Лихития, вероятно, земли вокруг Охрида, который в древности назывался Лихнис.

Анъдриокия — вероятно, прибрежная полоса в Либурнии с городом Ядер. Тут же находились Дикорские Альпы, называвшиеся Adrius mons.

Оньдрѣятиньская пучина — Адриатическое море.

Вротанию — Британия.

Сикилию — Сицилия.

Явию — остров Эвбея.

Родона — остров Родос.

Хиона — остров Хиос (против западного берега Малой Азии).

Лѣзовона — остров Лесбос.

Кофирана — Кифера, самый южный из Ионийских островов, ныне Китира.

Закунфа — остров Закинф, у южной оконечности Греции, ныне Дзакте.

Кефалинья — Кефалиния, самый крупный из Ионийских островов.

Ифакину — Итака, один из Ионийских островов.

Керькуру — Корфу, один из Ионийских островов.

часть Асийскыя страны, нарицаемую Онию — Ионийское побережье Малой Азии.

до Понетьского моря — до Черного моря, иначе называемого в летописи морем Русским (ср. ниже: «Днепр втечеть в Понетьское море жерелом, еже море словеть Руское»).

Кавкаисинския горы, рекше Угорьски — Карпаты. А. А. Шахматов считал, что «Кавкасийские» горы отождествлены летописцем с Карпатами («рекше Угорьски» — ср. под 898 г. «...и устремишася induced через горы великия, яже прозвашася горы Угорьскиа») произвольно (*Шахматов А. А.* «Повесть временных лет» и ее источники. С. 73—74). Однако Карпаты и в XIII в. продолжали называться горами «Кавокасьскими», или «Угорьскими» (см. в Ипатьевской летописи под 1226 г.: «...в горы Кавокасьския, рекше во Угорьскыя»). Кавказские же горы назывались в древней Руси — Ясскими. В тексте Хроники Малалы «Кавкасийским» горам соответствует Καυκάσιν ὄρη, но без совершенно правильного разъяснения «рекше Угорьски», принадлежащего русскому летописцу. Таким образом, никакой путаницы русский летописец в эти географические определения не внес.

К с. 8

чюдь — эстонские племена. Существенно отметить ту роль, которую чудь играла в государственной жизни Руси. По летописцу, чудь вместе с русскими изгоняет врагов, призывает к себе князей: это означает, что летописец не отделял Русь от чуди в государственных судьбах Русской земли. Летописец говорит об участии чуди в походе Олега

на Царьград, о том, что Владимир Святославич из чуди выводил население для южных городов. В летописи неоднократно упоминается боярин Чудин (1068, 1072, 1078 гг.), принимавший участие в составлении Правды Ярославичей (см. в заголовке: «Правда уставлена Руськой земли, егда ся съвокупилъ Изяславъ, Всеволодъ, Святославъ, Коснячко, Перенегъ, Микыфоръ кыянинъ, Чюдинъ, Микула»). В Новгороде известны Чудинцева улица, Чудинцевы ворота. Все это свидетельствует о тесных мирных связях обоих народов.[1]

меря — финно-угорское племя, жило в Волго-Окском междуречье.[2]

мурома — финно-угорское племя, жило по берегам Оки в районе города Мурома, в названии которого сохранился племенной этноним.

весь — финно-угорский народ, расселившийся в X—XII вв. на обширной территории от восточного Приладожья и реки Волхов на западе до Белозерья на востоке, от Олонецкого перешейка на северо-западе до верхнего Поволжья на юге.[3]

заволочьская чюдь — финно-угорское население к востоку от озер Белое и Кубенское. По материальной культуре чудь заволочская родственна культуре веси.

пермь, печера — территориальные названия, возможно различающихся по происхождению народов, предков современного народа коми.

ямь — крупное племя, вошедшее в состав финского народа, — Häme (тавасты), упоминаемого в древнерусских источниках под названиями емь, имь, Гамская земля (Тавастланд в Финляндии).

угра — предки народов манси и хантов.

зимѣгола — земгалы, балтийское племя, жившее к западу от нижнего течения Западной Двины.

корсь — курши, балтийский народ, к западу от земгалов, населявший земли от балтийского побережья (Куршский полуостров) до реки Вардува.

лѣтьгола — латгалы, балтийское племя, жившее к северо-востоку от нижнего течения Западной Двины.

любь — ливы, балтийское племя, населявшее побережье Рижского залива около устья Западной Двины к северо-востоку.

пруси — пруссы, группа балтийских племен, живших на побережье Балтийского моря между нижним течением рек Вислы и Немана.

По сему же морю сѣдять варязи сѣмо ко въстоку до предѣла Симова — следовательно, с точки зрения киевского летописца Балтийское (Варяжское) море огибает Европу с севера и доходит на восток до стран семитических народов. Любопытно, что такие же представления о расположении Балтийского моря существовали и у арабских географов (*Барсов Н. П.* Очерки русской исторической географии. Варшава, 1885. С. 15). Русские называли скандинавские народы варягами. В скандинавских странах варягами (varringar) назывались скандинавские и англосаксонские дружины на службе у византийского императора. Этимология этого слова точно не выяснена. Как предполагают некоторые исследователи, термин этот был распространен на Руси, откуда перешел и к грекам (Βαράγγοι).[4]

до землѣ Агнянски — английской.

и до Волошьски — предполагали, что под волохами следует подразумевать жителей Нормандии (valland скандинавских источников) или римлян, покоривших Дакию, или франков при Карле Великом. Кто такие эти «волохи», остается неясным и до сих пор.[5]

свеи — шведы.[6]

урмане — норвежцы.[7]

готе — жители острова Готланда на Балтийском море.

русь — А. А. Шахматов и некоторые другие исследователи считают, что в перечень народов русь вставлена позднейшим летописцем — тем, который создал легенду о варяжском происхождении руси. Об этом см. примечание на с. 400 и след.

агняне — англы и покорившие их в 1066 г. норманны.

галичане — точного ответа на вопрос, кто такие эти «галичане», еще не найдено. По мнению С. М. Соловьева, «галичане» — жители Уэльса (pays des Gals), другие считают их галлами (жителями Галлии), третьи — жителями Галисии в Испании.[8]

корлязи — в них предполагают немцев, подчиненных Каролингам (династии, берущей свое начало от Карла Великого). Возможно, что следует читать «немци корлязи», не отделяя запятой друг от друга эти два слова.

веньдици — венецианцы.

фрягове — генуэзцы.

Сим же и Хамъ и Афетъ, раздѣливше землю, жребьи метавше, не преступати никому же въ жребий братень — историческим источником всего этого рассказа о Вавилонском столпотворении до слов «и в лѣта многа хранимъ останокъ» послужил предполагаемый, но не дошедший до нас русский компилятивный хронограф. В основу же рассказа о разделении земли в русском компилятивном хронографе лег соответствующий рассказ Хроники Георгия Амартола, но с изменениями. В частности, в Хронике Георгия Амартола нет первых строк этого рассказа: «...раздѣливше землю, жребьи метавше, не преступати никому же въ жребий братень, и живяхо кождо въ своей части. Бысть языкъ единъ. И умножившемъся человѣкомъ на земли». Не исключена возможность, что строки эти вставлены летописцем с целью поучения князьям — своим современникам. Ср. аналогичные высказывания летописца под 1054 г.: «И тако раздѣли имъ грады (Ярослав), заповѣдавъ имъ не преступати предѣла братня, ни сгонити»; под 1073 г.: «...не добро бо есть преступати предѣла чюжего», и др.

и раздѣли на 70 и 2 языка — полный перечень всех этих 72 народов читается в русской Толковой Палее. По-видимому, «Повесть временных лет» и Толковая Палея имели в данном случае общий источник.

и въ ширину локоть 5433 — локоть — мера длины. В ее основе лежит расстояние от локтевого сгиба до вытянутого среднего пальца. Исходя из данных «Хождения» игумена Даниила XII в., можно считать локоть равным 46 см (*Черепнин Л. В.* Русская метрология. М., 1944. С. 22; *Устюгов Н. В.* Очерк древнерусской метрологии // ИЗ. 1946. № 19. С. 301).[1]

нарци, еже суть словѣне — нарци, или норики, — жители Норика, древней провинции Римской империи по течению Дуная. В VI в. здесь уже жили славяне. Поэтому, очевидно, а может быть, и вследствие какого-либо предания, норики и были отождествлены на Руси со славянами. В перечислении 72 народов в русской Толковой Палее против наименований некоторых народов даны разъяснения: «авер» — «иже суть обези», «руми, иже зовуться греци», так же и «нориці, иже суть словѣни». По-видимому, «Повесть временных лет» и Толковая Палея в данном случае имели какой-то общий русский источник. В греческой хронике Синкелла дается список народов, довольно близкий к перечню Толковой Палеи; в этом списке на месте нориков Толковой Палеи значатся какие-то ῥηγῖνες (*Шахматов А. А.* «Повесть временных лет» и ее источники. С. 75); во всяком случае, греческие исторические сочинения никаких отождествлений со славянами в своих перечнях народов не делают. Отождествление это принадлежит какому-то русскому автору. Аргументацию в пользу этого отождествления см. в статье: *Толстов С. П.* «Нарцы» и «Волхи» на Дунае // Сов. этнография. 1948. № 2.[2]

хровате бѣлии — византийский император X в. Константин Багрянородный утверждает, что крещеные хорваты, живущие в Далмации, происходят от некрещеных хорватов, именуемых белыми. Страну этих белых хорватов Константин Багрянородный не совсем точно определяет где-то в соседстве с Баварией и Венгрией недалеко от Вислы. Под 993 г. в «Повести временных лет» говорится о походе Владимира Святославича на хорватов, по-видимому, этих — «белых».[3]

хорутане — словенцы.

Волхомъ бо нашедшемъ на словѣни на дунайския — П. И. Шафарик считал, что речь здесь идет о движении кельтов в IV в. до н. э. Д. И. Иловайский, И. Е. Забелин, В. О. Ключевский и др. предполагали, что здесь имеется в виду поход римлян императора Траяна (II в. н. э.) на даков. Оба предположения шатки. Так же маловероятно и отождествление волхов с франками при Карле Великом. По-видимому, сам летописец, пользовавшийся какими-то смутными народными преданиями, имел неясные представления на этот счет. С. П. Толстов видит в волхах кельтов (*Толстов С. П.* «Нарцы» и «Волхи» на Дунае).

а от тѣхъ ляховъ прозвашася поляне, ляхове друзии лутичи, ини мазовшане, ини поморяне — эти западнославянские племена жили в бассейне Вислы и Одера. На севере к западу от Одера жили бодричи и лютичи, к востоку до Вислы — поморяне; на востоке — куявы и мазовшане; в центре — великополяне; на юго-западе — силезцы; на юго-востоке — белые хорваты; на юге — малополяне.

а друзии сѣдоша межю Припетью и Двиною и нарекошася дреговичи — Е. Ф. Карский (Белорусы. Варшава, 1903. Т. 1. С. 68—69) производит название дреговичи от слова «драгва», или «дрегва», — трясина. Дреговичи, следовательно, по Карскому, — жители трясин, как поляне — жители полей, древляне — леса. Этимология эта, впрочем, не очень убедительна. Область дреговичей, указываемая здесь «Повестью временных лет», — огромна. Можно думать, что дреговичи занимали не всю территорию между Припятью и Двиною, а только часть ее. По-видимому, летописец указал не точные границы земли дреговичей, а лишь приблизительный район ее расположения. В этом же районе жили литовские племена и др.[1]

Словѣни же сѣдоша около езера Илмеря, и прозвашася своимъ имянемъ, и сдѣлаша градъ и нарекоша и̇ Новъгородъ — после этих слов в некоторых поздних летописях читается: «...и посадиша старейшину Гостомысла» (Новгородская четвертая летопись, Софийские, Хронограф, Эрмитажный список свода 1479 г., Ермолинская, Львовская, Никоновская и др.). Это добавление проникло в летописи XV—XVI вв. из Новгородско-Софийского свода 30-х годов XV в. А. А. Шахматов предполагал, что это известие о Гостомысле восходит к Новгородскому своду 1167 г. (*Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. С. 233); самое существование этого свода вызывает, однако, сомнения (*Лихачев Д. С.* «Софийский временник» и новгородский политический переворот 1136 года // ИЗ. 1948. Т. 25. С. 251 и след.). Тем не менее, возможно, что известие поздних летописей о Гостомысле весьма древнее. В Воскресенской летописи рассказ о водворении словен в Новгороде выделен в особую статью с отдельным заголовком: «О великомъ Новѣграде и о Руси. И пришедше словѣне съ Дуная и сѣдше у езера Ладожьскаго, и оттолѣ прииде и сѣдоша около езера Илменя, и прозвашася инымъ именемъ, и нарекошася Русь рѣкы ради Руссы, иже впадоша во езеро Илмень; и умножився имъ, и содѣлаша градъ и нарекоша Новградъ, и посадиша старѣйшину Гостомысла; а друзии сѣдоша по Деснѣ, и по Семѣ, и по Сулѣ, и нарекошася Сѣвере. И тако разыдеся словѣньский языкъ; тѣмъ и грамота прозвася словѣньскаа».[2]

и по Семи — Сейм, левый приток Десны.

по Сулѣ — Сула, левый приток Днепра. Район по реке Суле назывался Посулие.

И тако разидеся словѣньский языкъ, тѣм же грамота прозвася словѣньская — эту фразу А. А. Шахматов считает взятой составителем «Повести временных лет» из помещенного дальше под 898 г. Сказания о преложении книг на славянский язык. Вторая часть этой фразы не стоит во внутренней связи с первой ее частью и близко напоминает следующую фразу из Сказания: «Сим бо первое преложены книги, моравѣ, яже прозвася грамота словѣньская». Кроме того, фраза эта мало уместна здесь во введении, но уместна в Сказании о преложении книг на славянский язык (*Шахматов А. А.* «Повесть временных лет» и ее источники. С. 81). Предположение А. А. Шахматова не лишено оснований: летописец не только включил в свой текст «Сказание», но неоднократно пользуется им как историческим источником и в других местах своей летописи.[3]

бѣ путь изъ Варягъ въ Греки — путь этот, описанный в летописи, описан и у Константина Багрянородного — византийского императора (905—959) и историка — в его сочинении «Об управлении империей» в девятой главе, носящей название «О росах, отправляющихся на однодеревках из Росии в Константинополь».[4] Вот этот рассказ: «[Да будет известно], что приходящие из внешней Росии (видимо, понятие «внешняя» является оппозицией подразумеваемой «внутренней Росии» — Среднему Поднепровью с центром в Киеве. — *Д. Л.*) в Константинополь однодеревки являются одни из Немогарда (Новгорода. — *Д. Л.*), в котором сидел Святослав, сын Игоря, архонта Росии, а другие из крепости Милиниски (Смоленска. — *Д. Л.*), из Телиуцы (Любеча. — *Д. Л.*), Чернигоги (Чернигова. — *Д. Л.*) и из Вусеграда (Вышгорода. — *Д. Л.*). Итак, все они спускаются рекою Днепр и сходятся в крепости Киева, называемой Самватас. Славяне же, их пактиоты, а именно: кривитеины (кривичи. — *Д. Л.*), лендзанины (какое из восточнославянских племен здесь имеется в виду, не ясно — *Д. Л.*) и прочие Славинии — рубят в своих горах однодеревки во время зимы и, снарядив их, с наступлением весны, когда растает лед, вводят в находящиеся по соседству водоемы. Так как эти [водоемы] впадают в реку Днепр, то и они из тамошних [мест] входят в эту самую реку и отправляются в Киев. Их вытаскивают для [оснастки] и продают росам. Росы же, купив одни эти долбленки и разобрав свои старые однодеревки, переносят с тех

на эти весла, уключины и прочее убранство ... снаряжают их. И в июне месяце, двигаясь по реке Днепр, они спускаются к Витичеву, которая является крепостью-пактиотом росов, и, собравшись там в течение двух-трех дней, пока соединятся все моноксилы, тогда отправляются в путь и спускаются по названной реке Днепр. Прежде всего они приходят к первому порогу, называемому Эссупи, что означает по-росски и по-славянски „Не спи". Порог [этот] столь же узок, как пространство циканистирия (дворцового ипподрома. — *Д. Л.*), а посередине его имеются обрывистые высокие скалы, торчащие наподобие островков. Поэтому набегающая и приливающая к ним вода, низвергаясь оттуда вниз, издает громкий страшный гул. Ввиду этого росы не осмеливаются проходить между скалами, но, причалив поблизости и высадив людей на сушу, а прочие вещи оставив в однодеревках, затем нагие, ощупывая своими ногами [дно, волокут их], чтобы не натолкнуться на какой-либо камень. Так они делают, одни у носа, другие посередине, а третьи у кормы, толкая [ее] шестами, и с крайней осторожностью они минуют этот первый порог по изгибу у берега реки. Когда они пройдут этот первый порог, то снова, забрав с суши прочих, отплывают и приходят к другому порогу, называемому по-росски Улворси, а по-славянски Островунипрах, что значит „Островной порог". Он подобен первому, тяжек и трудно проходим. И вновь, высадив людей, они проводят однодеревки, как и прежде. Подобным же образом минуют они и третий порог, называемый Геландри, что по-славянски означает „Шум порога", а затем так же — четвертый порог, огромный, нарекаемый по-росски Аифор, по-славянски же Неасит, так как в камнях порога гнездятся пеликаны. Итак, у этого порога все причаливают к земле носами вперед, с ними выходят назначенные для несения стражи мужи и удаляются. Они неусыпно несут стражу из-за печенегов. А прочие, взяв вещи, которые были у них в однодеревках, проводят рабов в цепях по суше на протяжении шести миль, пока не минуют порог. Затем также одни волоком, другие на плечах, переправив свои однодеревки по сю сторону порога, столкнув их в реку и внеся груз, входят сами и снова отплывают. Подступив же к пятому порогу, называемому по-росски Варуфорос, а по-славянски Вулнипрах, ибо он образует большую заводь, и переправив опять по излучинам реки свои однодеревки, как на первом и на втором пороге, они достигают шестого порога, называемого по-росски Леанди, а по-славянски Веручи, что означает „Кипение воды", и преодолевают его подобным же образом. От него они отплывают к седьмому порогу, называемому по-росски Струкун, а по-славянски Напрези, что переводится как „Малый порог". Затем достигают так называемой переправы Крария (современный Кичкасский перевоз. — *Д. Л.*), через которую переправляются херсониты, [идя] из Росии, и печенеги на пути к Херсону. Эта переправа имеет ширину ипподрома, а длину, с низа до того [места], где высовываются подводные скалы, — насколько пролетит стрела пустившего ее отсюда дотуда. Ввиду чего к этому месту спускаются печенеги и воюют против росов. После того как пройдено это место, они достигают острова, называемого Святой Григорий (остров Хортица. — *Д. Л.*). На этом острове они совершают свои жертвоприношения, так как там стоит громадный дуб: приносят в жертву живых петухов, укрепляют они и стрелы вокруг [дуба]; а другие — кусочки хлеба, мясо и что имеет каждый, как велит их обычай. Бросают они и жребий о петухах: или зарезать их, или съесть, или отпустить их живыми. От этого острова росы не боятся печенега, пока не окажутся в реке Селина (центральный рукав дельты Дуная. — *Д. Л.*). Затем, продвигаясь таким образом от [этого острова] до четырех дней, они плывут, пока не достигают залива реки, являющегося устьем, в котором лежит остров Святой Эферий (остров Березань. — *Д. Л.*). Когда они достигают этого острова, то дают там себе отдых до двух-трех дней. И снова они переоснащают свои однодеревки всем тем нужным, чего им недостает: парусами, мачтами, кормилами, которые они доставили [с собой]. Так как устье этой реки является, как сказано, заливом и простирается вплоть до моря, а в море лежит остров Святой Эферий, оттуда они отправляются к реке Днестр и, найдя там убежище, вновь там отдыхают. Когда же наступит благоприятная погода, отчалив, они приходят в реку, называемую Аспрос, и, подобным же образом отдохнув и там, снова отправляются в путь и приходят в Селину, в так называемый рукав реки Дунай. Пока они не минуют реку Селина, рядом с ними следуют печенеги. И если море, как это часто бывает, выбросит однодеревку на сушу, то все [прочие] причаливают, чтобы вместе противостоять печенегам. От Селины же они не боятся никого, но, вступив в землю Булгарии, входят в устье Дуная. От Дуная они прибывают в Конопу, а от Конопы — в Констанцию ... к реке Варна; от Варны же приходят к реке Дичина. Все это относится к земле Булгарии.

От Дичины они достигают области Месемврии — тех мест, где завершается их мучительное и страшное, невыносимое и тяжкое плавание» (*Константин Багрянородный*. Об управлении империей : Текст, перевод, комментарий / Под ред. Г. Г. Литаврина и А. П. Новосельцева. М., 1989. С. 45, 47, 49, 51; комментарии см. там же: С. 291—329; перевод приведен с незначительными коррективами).

в озеро великое Нево — озеро Нево — Ладожское озеро. Это последнее свое название озеро Нево получило по русскому городу Ладоге (теперь Старая Ладога), стоявшему на Волхове недалеко от его впадения в озеро Нево.[1]

того озера внидеть устье в море Варяжьское — короткая и полноводная река Нева определена здесь как «устье» озера Нево. Нет оснований видеть здесь незнание летописцем русского севера, как это предполагали некоторые исследователи. Само название реки Нева, идентичное с названием озера Нево (позднее Ладожского), свидетельствует о том, что река эта исконно считалась в древности частью озера Нево — его «устьем». Нева и в самом деле является в большей мере «протоком» или «устьем», чем рекой в собственном смысле этого слова.

К с. 9

из Оковьскаго лѣса — судя по этому описанию Руси в «Повести», Оковьский лес находился на водоразделе рек Днепра и Волги, т. е. в районе Валдайской возвышенности. Возможно, что это старое название Оковьского леса отразилось в названии села Оковцы недалеко от Осташкова (см.: *Майков Л*. Заметки по географии древней Руси. СПб., 1874. С. 35).[2]

Тѣм же и из Руси можеть ити по Волзѣ в Болгары и въ Хвалисы — под болгарами здесь разумеются волжские болгары. «Хвалисы» же — древнерусское название Хорезма (арабск. Хуваризм: отсюда и «Хвалисьское море»): древнее массагетско-аланское объединение в низовьях Амударьи, с которым русские поддерживали отношения в X в. и позднее до нашествия Чингиз-хана. Весьма тесными были отношения хорезмийцев и с волжскими болгарами, издавна принявшими ислам (*Толстов С. П.* Из предыстории Руси // Сов. этнография. 1947. Т. 6—7. С. 57). Волжские болгары жили на Волге у Камы и по нижнему течению Камы. Подробнее о них см.: *Греков Б. Д.* Волжские болгары в IX—X веках // ИЗ. 1945. № 14.[3]

Оньдрѣю учащю въ Синопии и пришедшю ему в Корсунь — рассказ о посещении Русской земли апостолом Андреем, хотя и не соответствует действительности, не может, однако, считаться выдумкою русского летописца. Отметим, что миссия апостола Андрея в Синопию и в Корсунь известна по греческим «деяниям» апостола Андрея (она входит в описание последнего — третьего — его путешествия). В Византии в XI в. было распространено убеждение, что Андрей посетил Русскую землю. В частности, византийский император Михаил VII Дука писал Всеволоду Ярославичу (отцу Владимира Мономаха), что одни и те же самовидцы евангельской проповеди провозгласили христианство у обоих народов (*Васильевский В. Г.* Труды. СПб., 1909. Т. 2, вып. 1. С. 49—50). Отметим особое почитание апостола Андрея как раз у этого Всеволода Ярославича и его потомства: в 1086 г. Всеволод закладывает в Киеве церковь апостола Андрея и в ней постригается его дочь Янка; в 1090 г. закладывается в Переяславле другая церковь апостола Андрея; имя Андрея носили сын и внук Владимира Мономаха — Андрей Добрый и Андрей Боголюбский. В связи с этим некоторые исследователи предполагали, что легенда об апостоле Андрее попала в летопись сравнительно поздно — в конце XI в. или в начале XII в., когда почитание Андрея особенно распространилось в семье Мономаха. Во включении этой легенды в «Повесть временных лет» видят даже особую «мономашью» тенденцию ее составителя. Действительно, легенда эта была включена в одну из первых двух редакций «Повести временных лет» и отсутствовала в предшествовавшем «Повести временных лет» Начальном своде (ее нет в Новгородской первой летописи, где этот Начальный свод отразился, см. Историко-литературный очерк в наст. изд.). Однако летописец вряд ли включил ее потому только, что об апостоле Андрее было сообщено Всеволоду из Византии. В самом деле, в основе рассказа о посещении апостолом Андреем Руси лежит фольклорное предание. Оно отнюдь не похоже на книжный рассказ; в нем чувствуется народная шутка, местный колорит. Вместе с тем это предание

южное (шутка по поводу северных новгородских бань), точнее северочерноморское, так как культ апостола Андрея, сопровождаемый различными рассказами о его «хождениях», был здесь особенно развит (см., например: *Петровский* С. Сказания об апостольской проповеди по северо-восточному побережью Черного моря. Одесса. 1898. С. 296 и след.).[1] Рассказ о новгородских банях уже в XVI в. приобрел популярность анекдота за русскими пределами. Дионисий Фабриций (католический писатель XVI в.) рассказывает, как братия монастыря Фалькенау под Дерптом (Юрьевом, ныне Тарту) домогалась увеличения доходов от папы, указывая на строгий «аскетический» режим монастырской жизни: каждую субботу братья натапливают помещение, бичуют себя прутьями и обливаются холодной водой. Папа прислал посланца для проверки. Посланец этот едва убежал из монастыря и, прибыв в Рим, рассказывал о необыкновенных, аскетических нравах монахов.

въ Синопии — Синоп, греческая колония на южном берегу Черного моря, впоследствии крупный политический центр Византийской империи.

Корсунь — древнерусское название греческой колонии Херсонес в Крыму, в пределах нынешнего Севастополя. Постоянные политические, торговые, культурные и религиозные связи Руси с Корсунем зарегистрированы для IX—XIII вв.

квасомъ усниянымь — здесь имеется в виду «квас» для выделки кожи. «Усмие», «усние» — кожа. Для дубления кожи существовал и специальный термин «квасить усние». Употреблялся ли этот состав (может быть, в растворе) действительно в новгородских банях, или это лишь шутка летописца, — сказать трудно. В Эрмитажном списке свода 1479 г. «квас уснияный» называется «квас кислый».

Полем же жившемъ особѣ — аналогичные слова читаются выше перед легендой об апостоле Андрее и тесно с ним связанным географическим описанием Руси: «Поляном же живших особе». Повторение этих слов служит одним из признаков того, что легенда об апостоле Андрее с примыкающим к нему описанием Руси вставлена в более древний текст. Слова эти повторены для того, чтобы восстановить нарушенное связное течение повествования (аналогичные повторения слов в случаях несомненных вставок встречаем и в других местах летописи). То, что легенда об апостоле Андрее, посетившем Русь, относительно поздняя, явствует из того, что она отсутствует в более древнем, чем «Повесть временных лет», начальном тексте Новгородской первой летописи (см. Историко-литературный очерк в наст. изд.). Кроме того, она обнаруживает некоторые противоречия с древнейшей частью «Повести временных лет» (ср. под 983 г.: «сде бо (т. е. на Руси) не суть апостоли учили» или под 988 г.: «сде не суть ученья апостольска»).

владѣюще кождо родомъ своимъ — термин «род» очень неопределенен в летописи, что указывает на то, что родовой строй у восточных славян мог быть наблюдаем во времена летописца только в качестве пережиточных остатков (*Греков Б. Д.* Киевская Русь. М.; Л., 1949. С. 71 и след.). В данном случае слово «род» означает, по-видимому, княжескую династию. Следовательно, это место летописи следует понимать в том смысле, что поляне управлялись своими собственными княжескими династиями до того, как у них появились «сея братья» — Кий, Щек и Хорив. По смерти же Кия, Щека и Хорива управление полянами перешло к их «роду», т. е. к их (Кия, Щека и Хорива) единой княжеской династии («И по сихъ братьи держати почаша родъ ихъ княженье в поляхъ»), у древлян же была своя династия, у дреговичей своя, у словен своя и у полочан своя. Впрочем, в рассказе о трех мщениях Ольги под 945 г. у древлян отмечена летописцем множественность князей («наши князи добри суть»).

И быша 3 братья: единому имя Кий, а другому Щекъ, а третьему Хоривъ — перед нами в рассказе об основании Киева тремя братьями — Кием, Щеком и Хоривом — народное предание, записанное летописцем. Таких народных исторических преданий, связанных с определенными местностями, городами, могильными насыпями, народная память знала немало. Это были предания, рассказывавшие главным образом о начале, о возникновении того или иного города, селения или исторического явления (о начале княжеского рода, Русского государства и т. д.). Народная память в Новгороде и Ладоге связывала определенные места с Рюриком, в Изборске — с Трувором, в Белоозере — с Синеусом. Сами по себе эти местные предания охватывали единой сетью всю Русскую землю, объединяя ее историческое прошлое. Так, например, с воспоминаниями о княгине Ольге были связаны многочисленные урочища, погосты, перевесища (места для ловли птиц) по Днепру и Десне,

а на севере по Мсте и Луге. Об Ольге помнили в Пскове, где стояли ее сани. Местные по своему приурочению, эти народные предания были по существу общерусскими. Они говорили о событиях общерусской истории, хранили рассказы об общерусских героях, о первых русских князьях, «трудом своим великим» собиравших Русскую землю. Предание о Кие, Щеке и Хориве ярко свидетельствует об интересе народа к своей истории еще в дописьменный период. Эта легенда имеет не только узкоместный, но и общерусский интерес. К какому времени может относиться это записанное в летописи народное предание? Армянский историк VII в. н. э. Зеноб Глак рассказывает об основании Куара (Киева) в стране полуни (полян) Куаром, Ментеем и Хереаном. Отсюда ясно, что предание это, во всяком случае, уже существовало в VII в. н. э. Как показали раскопки М. К. Каргера в Киеве, в этом предании летописи о Кие, Щеке и Хориве есть элемент исторической правды: на месте Киева до конца X в. существовали три древнейших поселения, затем слившихся (*Каргер М. К.* Дофеодальный период Киева по археологическим данным // КСИИМК. 1939. Вып. 1).[1] В связи с данными исследований М. К. Каргера уместно поставить вопрос: не отражают ли и другие предания, записанные в летописях о братьях-родоначальниках (Радиме и Вятке, Рюрике, Синеусе и Труворе), легендарного осмысления реального союза или слияния племен в единое государственное целое: союз двух племен мог повести к созданию легенды о том, что родоначальники этих племен были братьями. Перед нами, возможно, историческое предание, обладающее отчетливой политической функцией. Как и во многих других случаях, народное предание не только под пером летописца получает политическое звучание, но обладает им уже с самого начала. Политическая функция народных преданий, вошедших в летопись, до сих пор не изучена.

Сѣдяше Кий на горѣ, гдѣ же ныне увозъ Боричевъ — Боричев подъем соединял центральную часть Киева, расположенную на горе, с Подолом. Топографию Киева летописец дает весьма точно (ср. ниже под 945 г. описание древнего Киева в рассказе о первой мести Ольги).

от них же есть поляне в Киевѣ и до сего дне — в Новгородской первой летописи (младшего извода) здесь вместо «поляне» стоит слово «кыяне», а затем, вслед за вышеприведенными словами, следует фраза: «Бяху же погане, жруще озером и кладязем и рощениемъ, якоже прочии погани». В. Л. Комарович предполагал, что рассказ о Кие, Щеке и Хориве был культовым преданием о почитавшихся полянами пращурах (*Комарович В. Л.* Культ рода и земли в княжеской среде XI—XIII вв. // ТОДРЛ. 1960. Т. 16. С. 92). Именно поэтому рассказ о них заканчивался в Начальном своде (откуда он в Новгородской первой летописи) полемическим выпадом против язычества. Сходным осудительным указанием летописца на язычество заканчивается и рассказ об Олеге («и прозваша Олга — вѣщий: бяху бо людие погани и невѣгласи»).

Ини же, не свѣдуще, рекоша, яко Кий есть перевозникъ былъ — отсюда ясно, что народные исторические предания имели разные варианты в передаче исторических сведений. Так, например, одни называли Олега князем, другие — воеводой Игоря; одни утверждали, что Олег сел в Новгороде, другие — в Ладоге; одни передавали, что Олег умер в Киеве, другие — в Ладоге; одни говорили, что Владимир крестился в Киеве, другие — в Василеве, третьи — в Корсуни, и т. п. Замечательно, однако, что летописец входит в обсуждение того, какой из рассказов следует предпочесть. Как в данном случае, так и в других перед нами ярко выступает критическое, активное отношение летописца к сообщаемым им сведениям.

Аще бо бы перевозникъ Кий, то не бы ходилъ Царюгороду — что имеет в виду летописец под термином «ходил» — поход ли на Царьград или мирное путешествие вроде поездки Ольги? Ответ на этот вопрос стремится дать поздняя Никоновская летопись (XVI в.), пользовавшаяся, однако, какими-то не дошедшими до нас летописными списками весьма древнего происхождения, например летописью ростовской. Никоновская летопись добавляет к этим словам «съ силою ратью». К следующей затем фразе: «Но се Кий княжаше въ родѣ своемь» в Никоновской летописи добавлено: «и воеваше многы страны». Несколько ниже, после слов «еже и донынѣ наричють дунайци городище Киевець», в Никоновской летописи стоит: «Таже на волжскиа и камскиа болгары ходивъ, и побѣди».

Кий... приде къ Дунаеви, и възлюби мѣсто, и сруби градокъ малъ... еже и донынѣ наречють дунайци городище Киевець — по поводу этого места летописи Б. А. Рыбаков

пишет: «Летописная легенда (которую можно приурочить к VI в.), говоря о деятельности Кия, сообщает о его попытках основать город на Дунае. Возможно, что ряд названий дунайских городов, которые, по традиции, еще в XIV в. причислялись к русским (в поздних летописях), произошел от одноименных им антских городов Приднепровья. Таковы Переяслав Русский близ Днепра и Преслав на юг от Дуная, или Переяславец на самом Дунае, таковы Киев на Днепре и Киевец на Дунае» (*Рыбаков Б. А.* Ранняя культура восточных славян // Ист. журнал. 1943. № 11—12. С. 78).[1]

К с. 10

их же градъ есть Смоленскъ — в Летописце Переяславля Суздальского к этим словам добавлено: «3 (третий) град есть се от нихъ създанъ».

а на Клещинѣ озерѣ — на Переяславском озере (Переяславля Залесского — на северо-востоке Руси).

бужане, зане сѣдоша по Бугу, послѣже же велыняне — значение этих слов проясняет добавление, читающееся в Тверской летописи, — «прозвашася» (Тверская летопись использовала в своем составе в начальной части весьма древний и исправный текст Новгородской первой летописи). Отсюда ясно, что в этом известии «Повести временных лет» говорится о том, что бужане сменили свое племенное название на название политическое — волыняне (по политическому центру их области — городу Волыни; ср. аналогичную смену названия племени «словене» на название «новгородцы»). Замена старых племенных названий политическими (волыняне, новгородцы, владимирцы и т. д.) свидетельствует, очевидно, о том, что начали складываться нового типа политические союзы вместо родовых. Третьим названием бужан-волынян было, очевидно, дулебы. Ср. в летописи: «дулѣби живяху по Бугу, гдѣ ныне велыняне». Арабский историк X в. Маль-Масуди знает племя «валинана» и племя «дулебов». Мощное политическое объединение дулебов образовалось в VI—VII вв. в борьбе с аварами («обрами» — см. ниже, с. 392). Нашествие аваров в VII в. разрушило политический союз дулебов-волынян (*Греков Б. Д.* Киевская Русь. С. 437—438).[2]

литва — здесь в Летописце Переяславля Суздальского добавление: «испръва исконнии данници и конокръмци».

норома — нарова, нерома и т. д.: в разных летописях она названа по-разному. Какое племя разумеется под этим названием, не ясно.[3]

от скуфъ, рекше от козаръ — произвольное отождествление скифов с хазарами сделано было еще в Хронике Георгия Амартола: «...также и Асиею и Европиею и Скуфиею рекше козары» (*Истрин В. М.* Хроника Георгия Амартола. Т. 1. С. 36; ср. с. 318). Б. Д. Греков дает следующую характеристику хазар и хазарского каганата. «В VI—VIII вв. н. э. степи, простирающиеся от Каспийского и Аральского морей до Монголии включительно, заняты были кочевыми тюркскими народами, которые образовали обширное тюркское государство, распавшееся постепенно на ряд независимых кочевых владений. Одно из них — на территории от Нижней Волги до Днепра с захватом Северного Кавказа известно было под именем Хазарского и до X в. играло крупную роль в политической жизни юго-восточной Европы. Ведя полукочевое, полуоседлое хозяйство, население этого государства втянуто было в большую, по тому времени, торговлю, в которой принимали участие купцы как местного происхождения, так и приезжие с Кавказа, из Средней Азии, Ирана, с одной стороны, и Киевской Руси, Новгородского края — с другой. Производилась торговля мехами, воском, кожами, идущими из районов Камы и более северных мест, в обмен на ткани и оружие из областей Кавказа и стран Азии. Торговля шла главным образом речным путем, по Волге. На территории государства хазар находилось много городов. Главными из них считались Семендер и позднее — Итиль, развалины которого, если только они сохранились, надо искать где-то около современной Астрахани. На Дону стояла хазарская крепость Саркел. Хазарское государство было многоплеменным: в его состав входили болгары, тюрки, славяне, евреи и др. Славян здесь было много. С X в. особенно энергично стали проникать сюда славяне из Киевского государства в связи с победоносными походами на хазар киевского князя Святослава. В XI в. Саркел стал, во всяком случае, городом преимущественно со славянским населением. Арабский ученый XI в. аль-Бекри (ум. в 1094 г.) пишет, что хазары из-за смешения со славянами говорили по-славянски наравне с другими народами севера ... В первой

половине VIII в. хазары были вытеснены арабами из Закавказья. Это большое многоплеменное государство не всегда имело достаточно средств для того, чтобы держать в повиновении покоренные им народы и защищать свои владения от нападения соседей. Иногда за помощью оно обращалось к Византии. В X в. начинается распад этого государства» (*Греков Б. Д.* Киевская Русь. С. 433—434). Среди хазар была распространена иудейская религия. В рассказе «Повести временных лет» об испытании вер Владимиром хазары выступают как представители иудейской религии. О хазарах см.: *Артамонов М. И.* Очерки древнейшей истории хазар. Л., 1936; *Якубовский А. Ю.* О русско-хазарских и русско-кавказских отношениях в IX—X вв. // Изв. Отд. истории и философии АН СССР. 1946. № 5.[1]

Посемь придоша угри бѣлии, и наслѣдиша землю словѣньску — белые угры — хазары; черные угры — мадьяры (венгры). Здесь неправильно приписано покорение славянской земли белым уграм.[2] В статье 898 г. покорение славян приписывается правильно — черным уграм.

Си бо угри почаша быти пр-Ираклии цари, иже находиша на Хоздроя, царя перьскаго — эти сведения почерпнуты летописцем из Хроники Георгия Амартола, где читаем: «...пакы Хоздрой нечестивый посла етера князя на грекы ... Царь же Ираклий ... на персы исполчися, еще же призвавъ угры на помощь» (*Истрин В. М.* Хроника Георгия Амартола. Т. 1. С. 434). Правление императора Ираклия (610—641) отмечено постоянными войнами с Ираном. В 626 г. Ираклию удалось заключить союз с хазарами («белые угры») против «Хоздроя» (Хосрова II Первиза — 590—628 гг. н. э.).

Въ си же времяна быша и обри, иже ходиша на Ираклия царя и мало его не яша — «обри» — авары — кочевой народ тюркского происхождения; в VI в. авары перешли из Средней Азии в Европу (первое известие о них относится к 558 г. н. э.). Приведенное сведение об аварах почерпнуто летописцем в Хронике Георгия Амартола. Ср.: «Тогда и обри придоша къ цареви мира просить с лестию. Их проуготование приятъ въ Ираклии сътвори сломъ, ту покояшеть а̀. Си же, злое въ сердци своемь имуще, къ своимъ сродникомъ послаша вѣсть: „Скоро грядите, се бо царь богат у нас есть". Онем же свѣрѣпом бѣсом никако ж ослабивше, на земли ту придоша. Приобрѣтаниемь человеколюбивому Богу, спасающу правыа сердцемъ, одва въ Узантию възвратився, царь приде. Они же, гнавше по немъ далече и не състигше, все богатство его взяша ѝ, на Фракисъ нагнавше, плѣнишя мужь и женъ тысящь 70. И тако възвратишяся въ своясп» (*Истрин В. М.* Хроника Георгия Амартола. Т. 1. С. 434). Имеется в виду нападение аваров и славян на Византию в 626 г. В греческом тексте слову «обри» соответствует οἱ ἄβαροι. Название «обри» — русское; в сербском переводе Хроники Амартола — «авари».[3]

Си же обри воеваху на словѣнѣх, и примучиша дулѣбы — некоторые исследователи (А. Е. Пресняков и др.) считают, что здесь идет речь о чешских, а не о русских дулебах и что весь этот рассказ восходит к полному виду западнославянского Сказания о преложении книг на словенский язык из его не дошедшей в летописи части. Этому мнению исследователей явно противоречит, однако, приводимая в подтверждение рассказа об обрах, «примучивших» дулебов, русская поговорка «погибоша аки обре». Очевидно, что русское предание говорит о русских же дулебах (об этих последних см. выше, с. 391).

радимичи бо и вятичи от ляховъ. Бяста бо 2 брата в лясѣх — Радимъ, а другий Вятко — на основании этого места летописи А. А. Шахматов считал, что радимичи и вятичи ляшского происхождения (*Шахматов А. А.* Древнейшие судьбы русского племени. Пгр., 1919. С. 37—39); так предполагали и другие исследователи, утверждавшие по крайней мере, что так именно думал летописец. Вряд ли, однако, так считал сам летописец. Выражение «от ляховъ», как и другое выражение летописца о новгородцах — «от рода варяжьска, преже бо бѣша словѣни» (под 862 г.) вовсе не относится к происхождению русского населения той или иной области (было бы странным предполагать у летописца мысль, что новгородцы «сейчас происходят от варягов, а раньше происходили от славян»). Выражение «от рода варяжьска» или «от ляховъ» определяет в том или другом случае только то обстоятельство, что во главе политической организации новгородцев, радимичей и вятичей стоят: в первом случае варяги, во втором случае — «ляхи». В самом деле, летописец объясняет происхождение названия радимичей и вятичей (происхождением названий городов, племен летописец всюду весьма интересуется) так же, как и в других случаях, от пришедших якобы со стороны братьев. Летописец считает, что названия эти произошли от

двух польских выходцев Радима и Вятка, передавших свои имена подчинившимся им славянским племенам: «... и пришедъша сѣдоста Радимъ на Съжю и прозвашася (именно «прозвашася», а не «расплодишася») радимичи, а Вятъко сѣде съ родомъ своимъ по Оцѣ, от него же прозвашася» вятичи. Аналогично этому, по мнению летописца, русские в целом прозвались от призванных братьев-варягов: «Ихъ изъбрашася 3 братья с роды своими... И от тѣ прозвася Руская земля» (см. под 862 г.). Ср. также «а Туры Туровѣ, от него же и туровци прозвашася» (под 980 г.). Ход мысли летописца во всех этих рассказах совершенно одинаков (ср. еще третий рассказ — о братьях Кие, Щеке и Хориве). Перед нами обычное для средних веков объяснение происхождения правящей династии и названия народа, города от пришлых братьев. Отсюда ясно, что вся эта легенда о происхождении названий радимичей и вятичей от двух братьев Радима и Вятко представляет собою типичную для нашего летописца, как и для других средневековых книжников, династическую легенду. Так же, как и легенда о Рюрике, Синеусе и Труворе, так же, как и предание о Кие, Щеке и Хориве (а у других народов — о Ромуле и Реме, Попеле и Пясте и т. п.), рассказ о Радиме и Вятке приводится летописцем только для того, чтобы объяснить происхождение местных князей и местных названий, но не всего племени в целом. Он говорит лишь о принадлежности радимичей и вятичей к княжеским династиям, ведущим свое начало из «ляхов», но отнюдь не говорит о происхождении племени вятичей и племени радимичей от поляков. Такой приписываемой летописцу мысли у него не было. Откуда же летописец взял сведение о ляшском происхождении Радима и Вятки? Народное предание вряд ли об этом говорило. В самом деле, варяжское происхождение Рюрика, Синеуса и Трувора — ученый домысел летописца (см. текст, с. 13); чисто же народное предание о Кие, Щеке и Хориве отнюдь не говорит об их иноземном происхождении: это — князья местные, свои, а не пришлые и не приглашенные. Не является ли ляшское происхождение Радима и Вятко также ученым домыслом летописца? Остроумная догадка Б. А. Рыбакова как будто бы подтверждает это предположение. Б. А. Рыбаков считает, что осмысление «от ляхов» принадлежит древнейшему летописцу эпохи Ярослава. В 981 г. русские дружины ходили на «ляхов» — на «Червенъ и ины грады». Здесь они проходили у Перемышля мимо города Радимин, здесь слышали о брате гнезненского епископа Войтеха — Радиме. Через три года они ходили на радимичей с воеводой Волчий Хвост (984 г.) (*Рыбаков Б. А.* Радзімічы // Працы секцыі археолёгіі Беларуск. Акад. навук. Менск, 1932. Т. 3). Возможно, что ляшское происхождение Радима явилось результатом сделанных летописцем сопоставлений: народного предания, с одной стороны, и географических названий на западе Руси, с другой.[1]

от него же прозвашася вятичи — в Новгородской четвертой, Воскресенской, Никоновской и др. летописях добавлено «и до сего дне». В Тверской летописи добавлено: «хорвати; дулѣби же живяху и до сего дне, еже есть рѣзанцѣ». В Львовской летописи текст несколько иной: «отъ него же прозвашеся вятичи, иже есть рязанци».

И живяху в мирѣ поляне, и деревляне, и сѣверъ, и — в этом месте летописи, восходящие к Новгородско-Софийскому своду 30-х годов XV в., добавляют «бужане» (см. Софийскую первую летопись и др.).

и хрвате — кто такие хорваты, где они сидели и имели ли они отношение к тем «белым хорватам», которых «Повесть временных лет» упоминала выше в числе славянских племен, — неизвестно. Во всяком случае, хорваты участвовали в походе Олега на греков 907 г. («Иде Олегъ на грекы... поя множество варяг, и словенъ, и чюдь... и хорваты...»).[2]

а улучи и тиверьци сѣдяху бо по Днѣстру — здесь в Ипатьевской летописи и в Летописце Переяславля Суздальского добавлено «и по Бугу». В Радзивиловской летописи и Московско-Академическом списке вместо слов «по Днѣстру присядяху... Днѣстру» написано «по Бугу и по Днѣпру».[3]

да то ся зваху от грекъ Великая Скуфь — ср. ниже под 907 г. «...си вси звахуться от грекъ Великая Скуфь». В первом случае перечислены уличи и тиверцы, во втором — довольно длинный список племен, в конце которого дулебы и тиверцы; возможно, что слова «си вси» относятся только к этим последним. Название «Великая Скуфь» читается и в сборнике Святослава 1073 г. в следующем контексте: «Уакинфъ акы у чрьмьнь есть, обрѣтаеть же ся въ утрьнии варьварии сюриисцѣи. Скуфию же ю нарицають ветъсии страну ту вься сѣверьскуя, иже суть гоффи и давьние, да ту убо въятрь в пустыни великыя Скуфия есть дъбрь зѣло глубока и

человѣкомъ невъходьна» (л. 153 об). Приведенное место в сборнике 1073 г. — перевод из греческой статьи Епифания Кипрского о 12 камнях на ризе иерусалимского первосвященника.

и къ деверемъ велико стыдѣнье имѣху — здесь в Летописце Переяславля Суздальского помещается поздняя вставка о бесстыдстве латинян: «По семь ж латына бестудие въземше от худых римлянъ, а не от витязѣй, начаша к женамъ къ чюждимъ на блуд мысль дръжати, и предстоати прѣд девами и женами, службы сьдѣвающи, и знамя носити их, а своих не любити, и начашя пристроати собѣ кошюли, а не срачици, и межиножие показывати, и кротополие носити, и яки гворъ в ногавици створше, образъ килы имуще, и нестыдящеся отинуд, аки скомраси. Словене же отвращахуся их, овии ж къ ним присташя мало. Бяху бо закон и обычаи брачный в них...».

К с. 11

И радимичи, и вятичи, и сѣверъ одинъ обычай имяху — сходство это подтверждается и археологическим материалом (*Рыбаков Б. А.* Радзімічы. С. 120, 136).[1]

и ту умыкаху жены собѣ — вместо этого в Летописце Переяславля Суздальского читаем: «...и ту слѣгахуся, рищюще на плясаниа, и от плясаниа познаваху, котораа жена или девица до младых похотение имать, и от очного взоэрѣния, и от обнажениа мышца, и от пръстъ ручных показаниа, и от прьстней даралаганиа на пръсты чужая, таж потомъ целованиа с лобзаниемъ и плоти съ сердцемъ раждегшися, слагахуся, иных поимающе, а другых, поругавше, метааху на насмѣание до смерти. Имахут же и 2 и по 3 жены: зане слабъ сущи женскый обычай, и начаша друга прѣд другою червити лице и белимъ тръти, абы унош̆я въжелелъ ея на похоть».

възложахуть и́ на кладу — в Радзивиловском списке и Московско-Академическом вместо слова «кладу» читается более древнее слово «краду». Разъяснение тому, что следует понимать под словом «клада» (или «крада»), дает Летописец Переяславля Суздальского. В нем слово «краду» или «кладу» заменено словами «грамаду дров». Б. А. Рыбаков обращает также внимание на греческие эквиваленты слова «крада» в переводах. Он пишет: «Греческое σφαῖρα πυρά переводилось на русский словами: „огнь", „жьгома", к р а д а и вполне соответствовало огненной сущности погребения» (*Рыбаков Б. А.* Древности Чернигова // Материалы и исследования по археологии СССР. 1949. № 11. С. 29—30).[2]

на столпѣ на путех — в Летописце Переяславля Суздальского добавлено «и въ курганы сыпаху».[3]

Глаголеть Георгий в лѣтописаньи — следующий затем довольно большой отрывок до слов «и прилѣжнѣ въспитають» взят летописцем из Хроники Георгия Амартола. В отличие от предшествующих отрывков этот текст довольно точно воспроизводит Амартола и, по-видимому, взят прямо из него без посредства русского компилятивного хронографа. Вставки этой нет в Начальном своде (см. Новгородскую первую летопись, где Начальный свод отразился). Она сделана составителем «Повести временных лет», который добавил к этому отрывку и сведения о половцах (см. ниже).

у вактриянъ, глаголеми врахманеи островьници — рахманы — легендарные люди, ведущие блаженную жизнь. Здесь они отожествлены с жителями Бактрии. О рахманах см. в древнерусском «Хождении Зосимы к рахманам» (*Тихонра́вов Н. С.* Памятники отреченной литературы. СПб., 1863. Т. 2. С. 78—92).

Амазоне — амазонки, легендарный народ женщин, в существование которого верили в древней Греции, а затем и в других странах в течение всего средневековья.

Якоже се и при насъ нынѣ половци — судя по упоминанию половцев, появившихся в южнорусских степях в 30—50-х годах XI в. (первая встреча Руси с половцами отмечена летописью под 1054 г.), место это в «Повести временных лет» довольно позднее. Весьма возможно, что оно принадлежит составителю «Повести временных лет», вставившему его в летопись вместе с предшествующей выпиской из Амартола (Начальный свод, отразившийся в Новгородской первой летописи, не имеет выписок из Амартола и данного описания нравов половцев).

и поимають мачехи своя и ятрови — летописец, по-видимому, описывает здесь явление так называемого группового брака, известного у народов на низших ступенях общественного развития. «Ятровь» — сноха, невестка или жена деверя.[4]

по смерти братьѣ сея — т. е. Кия, Щека и Хорива (так понял этот текст и Летописец Переяславля Суздальского, добавивший: «Кия, Щека и Хорива»). Этот текст в предшествовавшем «Повести временных лет» Начальном своде следовал непосредственно за рассказом об основании Киева Кием, Щеком и Хоривом (так именно он читается в Новгородской первой летописи, где этот Начальный свод отразился). Этим и объясняется, что выражение «братьѣ сея» приведено без объяснений, которые были бы необходимы, так как в нынешнем их виде в «Повести временных лет» оба текста разъединены друг от друга большими вставками.

И наидоша я козарѣ — записанное здесь в летописи народное предание о дани, собранной хазарами с полян мечами, как и другие народные исторические предания в летописи, политически осмысляет события прошлого. Подобно многим другим историческим преданиям, попавшим в летопись, оно не столько стремится передать исторический факт, сколько его осмыслить, соотнести с современностью. На обидный для самолюбия полян факт их былой зависимости от хазар это предание накладывает прямо противоположный факт современности. Предание это подчеркивает, что первоначально историческое положение полян было весьма скромным: они были «обидимы» и древлянами, и хазарами. Но уже тогда поляне готовились к великой исторической судьбе. Их необычную дань разгадали мудрые «старцы хазарские». Теперь русские князья сами владеют теми народами, которые когда-то владели полянами. Летописец подчеркнул эту мысль, приведя параллель из истории «богоизбранного» еврейского народа (исторические параллели и в дальнейшем неоднократно приводятся летописцем, служа важным материалом для выяснения его исторических воззрений).[1]

К с. 12

и вдаша от дыма мечь — не является ли данное место летописи свидетельством того, что на Руси уже в X в. выделывались мечи? Б. А. Рыбаков в своей книге «Ремесло древней Руси» (М., 1948. С. 225) пытается установить среди курганных мечей X в. своеобразные русские. Он считает, что это были мечи с дугообразным перекрестьем и срезанными углами. Впрочем, мнение это было оспорено А. В. Арциховским в рецензии на книгу Б. А. Рыбакова (Вопр. истории. 1949. № 1). К середине—последней четверти IX в. относится свидетельство Ибн Хордадбеха о русско-арабской торговле: «Что же касается до русских купцов — а они вид славян — то они вывозят бобровый мех и мех черной лисицы и мечи из самых отдаленных [частей] страны славян к Румскому морю...». Не исключена возможность и транзитной торговли русских мечами (История культуры древней Руси. М.; Л., 1948. Т. 1. С. 328).[2]

Мы ся доискахомъ оружьемь одиною стороною, рекше саблями, а сихъ оружье обоюду остро, рекше мечь — вторично меч как символ русских противопоставляется восточной сабле в рассказе об обмене подарками между воеводой Претичем и половецким князем под 968 г. (см. с. 444—445).[3]

Яко и при Фаравонѣ, цари еюпетьстѣмь, егда приведоша Моисѣя предъ Фаравона — согласно апокрифическому изложению ветхозаветной книги Исхода в русском компилятивном хронографе (отразившемуся подробно в Толковой Палее), когда ребенка Моисея привели к фараону, он, играя, уронил с головы фараона царский венец. Присутствовавший тут же волхв предрек фараону, что Моисей погубит Египет, как якобы и случилось затем (см. подробнее рассказ об этом в «речи философа» под 986 г.). Эти легендарные события еврейской истории сопоставлены в летописи с событиями русской истории: поляне сравнены с «богоизбранным» народом — евреями; хазары же — с египтянами. Как евреи прежде были в рабстве у египтян, так и поляне прежде находились под властью хазар. Теперь же владеют русские хазарами и «до днешнего дне».

Въ лѣто 6360, индикта 15, наченшю Михаилу царствовати — 6360 (852) год, как *852*
начало царствования императора Михаила, вычислен на основании ошибочных данных второй редакции «Летописца вскоре» патриарха Никифора. Ту же дату имеют и южнославянские летописи. Она получилась на основании следующего текста второй редакции Никифорова летописца: «Отъ Христова рождьства до пръваго правовѣрнаго царе Костянтина лѣтъ 318, отъ Константина царе до Михаила царе греческаго лѣтъ 542». Складываем 5500 (число лет по «Летописцу вскоре» патриарха Никифора от «сотворения мира» до рождества Христова), 318 и 542; получаем 6360, т. е. 852 г. н. э. На самом деле император Михаил вступил на

престол в 842 г. (см.: *Шахматов А. А.* «Повесть временных лет» и ее источники. С. 64 и след.). В Новгородской первой летописи (т. е. в Начальном своде) первая дата 6362 г. (а не 6360 г.). Год этот извлечен из краткого хронографа в соединении с Палеей (списки Синод. № 211 и 210, Погодинск. № 1435, список Срезневского и др.). Там читается: «...и при сего [Михаила] царствии, въ второе лѣто царства его, крещена бысть Болгарьская земля, и преложиша книгы отъ греческа языка на словѣньскый Кирилъ философъ съ Мефодием въ лѣто 6363, при Борисе князи болгарьстем». Отсюда летописец вывел первый год царствования Михаила — 6362 (на самом деле 6350 — 842 г.). Об этой последней дате см.: *Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С. 98.[1]

индикта — «Счет индиктами, или пятнадцатилетними периодами, заимствован в древней Руси из Византии. Индиктом называется порядковое место данного года в пределах текущего пятнадцатилетнего цикла, причем исходной точкой этого циклического счета является византийная эра — сотворение мира, а смена индиктов в каждом цикле совершается в день византийского новогодия — 1 сентября. Этимология слова „индикт", так же как и происхождение самой системы, выяснены недостаточно. По-видимому, счет индиктами ведет свое начало от тех переписей населения, которые раз в 15 лет производились в Римской империи и в Византии. В Византии индикты введены в 313 г. н. э.» (*Черепнин Л. В.* Русская хронология. М., 1944. С. 33; в этой же книге даны также подробные указания, как находить индикты какого-либо года).[2]

яко же пишется в лѣтописаньи гречьстѣмь — под греческим летописанием здесь разумеется продолжение Хроники Георгия Амартола, где говорится о походе Руси на Царьград при императоре Михаиле (об этом народе см. в «Повести временных лет» под 866 г.).

Тѣм же отселе почнем и числа положимъ — вся последующая выкладка цифр до слов «до Михаила сего лет 542» восходит ко второй редакции «Летописца вскоре» патриарха Никифора. Составлен этот Летописец (его греческое название Χρονογραφιχόν σύντομον) константинопольским патриархом Никифором (занимал престол в 806—815 гг., умер в 829 г.) и представляет собой в высшей степени краткий перечень событий и лиц от Адама и до года смерти Никифора. На Руси он постоянно использовался для всякого рода хронологических справок. Отметим как явную ошибку итог лет от «сотворения мира» до нашей эры — 5454 (в тексте приводятся цифры — 2242 + 1082 + 430 + 601 + 448 + + 318 + 333 = 5454). В другом месте второй редакции Никифорова летописца он определен как 5500 по эре Анниана (египетского монаха V в.). В древней Руси этот итог обычно определялся в 5508 лет (см. точнее о переводе летописных дат от «сотворения мира» на принятые сейчас даты н. э. в кн.: *Черепнин Л. В.* Русская хронология. С. 25 и след.). Слова «тем же отселе (т. е. от Михаила) почнем» следует сопоставить с обещанием предисловия к Начальному своду (читающимся в новгородских летописях): «Мы же отъ начала Руския земли сего лѣту и вся по ряду извѣстно да скажемъ отъ Михаила царя до Александра и Исакия» (Софийская первая летопись // ПРСЛ. Л., 1925. Т. 5, вып. 1. С. 10).

а от потопа до Оврама лѣтъ 1000 и 82 — в первой редакции «Летописца вскоре» патриарха Никифора число лет от потопа до Авраама — 1072.

до исхоженья Моисѣева — согласно Библии, Моисей в 1610 г. до н. э. вывел евреев из Египта, где они находились в рабстве.

до Давида — согласно Библии, Давид — царь и пророк еврейский, составитель псалмов.

от начала царства Соломоня — Соломон, согласно Библии, еврейский царь — сын царя Давида, строитель знаменитого храма в Иерусалиме. Начало его царствования относится ко времени ок. 970 г. до н. э.

до плѣненья Ярусалимля — имеется в виду взятие Иерусалима царем вавилонским Навуходоносором в 586 г. до н. э.

до Олександра — до Александра Македонского.

до Коньстянтина — до римского императора Константина Великого (306—337). Константин ввел христианство в Римской империи как официальную религию и перенес столицу в Константинополь.

от Костянтина же до Михаила сего лѣт 542 — ошибочное число лет 542 принадлежит второй редакции «Летописца вскоре» патриарха Никифора. На самом деле число лет от императора Константина до начала царствования императора Михаила — 324 или 325.

а от перваго лѣта Олгова, понелиже сѣде в Киевѣ — Олег признается здесь русским князем только с того времени, когда он сел в Киеве. Следовательно, власть киевского князя отчетливо осознается как общерусская: пока Олег княжил в Новгороде, он был только местным князем. По этой раскладке видно также, что Олег признается самостоятельным князем, а не опекуном Игоря, каким он считается в летописях новгородских (см. подробнее с. 407).

до перваго лѣта Игорева лѣт 31 — после этих слов в Новгородской четвертой летописи читается: «И бысть княжениа его лѣтъ 33 по Олговѣ смерти. А при Олъзѣ бысть, отнюду же приведе ему Олегъ жену отъ Плескова, именемъ Олгу, лѣт 10, и живъ Игорь съ Олгою лѣтъ 43». Тот же текст читается и в других летописях, зависящих от Новгородско-Софийского свода 30-х годов XV в. (Софийские летописи, Никоновская и др.). Возможно, что известие это в Новгородско-Софийском своде древнее.

до смерти Святополчи лѣт 60 — Святополк Изяславич умер в 1113 г., следовательно, закончена таблица была не раньше этого 1113 г. На основании ряда признаков можно думать, что именно в 1113 г. и была составлена первая редакция «Повести временных лет». Закончив свою таблицу на смерти Святополка Изяславича, летописец продолжает: «Но мы на прежнее возъвратимся и скажемъ, што ся здѣя в лѣта си, яко же преже почали бяхомъ первое лѣто Михаиломъ, а по ряду положимъ числа». Здесь, следовательно, дано обещание изложить исторические события от 852 по 1113 г. в строгом хронологическом порядке погодных статей («по ряду положимъ числа»), что и было летописцем выполнено (в Лаврентьевском списке изложение, впрочем, обрывается на середине статьи 1110 г.).

Въ лѣто 6366. Михаилъ царь изиде с вои — вся эта летописная статья составлена на *858*
основании Продолжателя Амартола (*Истрин В. М.* Хроника Георгия Амартола. Т. 1. С. 508). Однако дата этого похода и крещения царя Бориса у Продолжателя Амартола отсутствует. На самом деле эти события произошли в 864 или 865 г. У Симеона Логофета поход падает на четвертое лето царствования Михаила, т. е. на 860 г. Откуда взяты данные нашей летописи — не ясно. В Никоновской летописи эти события изложены несколько подробнее и помещены под 6371 (863) г.[1]

Имаху дань варязи изъ заморья — большинство летописей (Ипатьевская, Летописец *859*
Переяславля Суздальского, новгородские, псковские и др.) имеют здесь вставку («приходяще изъ заморья»), что согласуется с другими местами летописей, где варяги характеризуются как «находники».

по бѣлѣ и вѣверицѣ от дыма — весьма важен вопрос о том, как правильнее читать это место. Можно читать его так: «по бѣлѣй вѣверицѣ», и тогда значение его будет такое — «по белой (т. е. по серой, зимней) белке». Мех белки ценится только зимний как наиболее прочный. В современном русском языке определение-прилагательное «белая» в конце концов вытеснило существительное «веверица» и само приняло суффикс существительного — «белка». В подтверждение этому пониманию текста «Повести временных лет» можно привести следующее место из Лаврентьевской летописи под 1068 г.: «кунами и бельью», в Ипатьевской же это место понято так: «кунами и скорою» (т. е. мехами), что свидетельствует о том, что в древней Руси слово «бѣль» понималось иногда как «беличий мех». Однако можно читать это место и так: «по бѣлѣ и вѣверицѣ», что может означать: «по беле (по белой, серебряной монете) и белке». Такое толкование было впервые предложено еще в первой половине XIX в. и развито Б. Д. Грековым. Последний приводит следующий материал в обоснование своей точки зрения: «В Ипатьевской летописи, под 1257 г.: „Данило посла Коснятина... да побереть на нихъ (ятвягах) дань. Ехав же Коснятинъ, поима на нихъ дань: черныя куны и бѣль сребро, и вдасть ему...". Под 1068 г. в Лаврентьевской летописи говорится о разграблении двора киевского князя Изяслава. Было разграблено „бещисленое множьство злата и сребра, кунами и бѣлью". Ибн Русте пишет: „белые круглые диргемы приходят к ним (булгарам. — *Б. Г.*) из стран мусульманских путем мены за их товары"» (*Греков Б. Д.* Киевская Русь. С. 37). В нашем переводе принимаем точку зрения Б. Д. Грекова. «От дыма» означает «от каждой семьи». В тексте Новгородской первой летописи под 854 г. словене, кривичи, меря и чудь платят дань «от мужа». В иных случаях дань платится «от рала», «от плуга». В «Слове о полку Игореве» сказано, что после поражения Игоря половцы брали «дань по бѣлѣ отъ двора».[2]

К с. 13

862 *И рѣша сами в себѣ: «Поищемъ собѣ князя, иже бы володѣлъ нами и судилъ по праву»* — легенда о призвании трех братьев-варягов, Рюрика, Синеуса и Трувора, служит главным основанием для построений норманистов, доказывающих происхождение русской государственности со скандинавского севера. Между тем легенда эта весьма искусственного происхождения. Во-первых, обратим внимание на то весьма важное обстоятельство, что на юге Руси эта легенда называется только в «Повести временных лет». Ни одно другое литературное произведение XI в. не знает Рюрика как основателя княжеского рода. Рюрик как предок князей вне «Повести временных лет» впервые появляется только в «Задонщине» (XV в.) под влиянием, несомненно, самой летописи. Не знают его как русского князя и иноземные писатели, упоминающие, однако, двух следующих русских князей — Олега и Игоря. «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона и «Память и похвала князю русскому Володимеру», два других важнейших источника для русской истории X—XI вв., возводят начало династии русских князей к Игорю, именуя его «Старым». Важно также отметить, что вплоть до последней четверти XI в. имя Рюрик отсутствует среди русских княжеских имен, обычно дававшихся в честь предков; тогда как имена Олега и Игоря в княжеской среде постоянны. Это свидетельствует против того, что Рюрик осознавался как родоначальник князей и в живой традиции. Во-вторых, в исследовательской литературе давно было придано значение тому обстоятельству, что в легенде отразились новгородские порядки, где князья «призывались» вечем вплоть до 1470 г. (последним «призванным» князем был литовский князь Михаил Олелькович). Эта мысль о влиянии новгородских порядков на возникновение легенды о призвании варягов была высказана еще Д. И. Иловайским в «Разысканиях о начале Руси» (М., 1876. С. 238—239). В. О. Ключевский в своем «Курсе русской истории» указывает, что наем дружины нетрудно было превратить чисто литературным путем в призвание мудрых правителей. Новгородские истоки легенды о призвании варягов получили новое подкрепление в весьма интересных наблюдениях Л. В. Черепнина, позволяющих вскрыть и некоторые ее политические тенденции. Эти наблюдения Л. В. Черепнина находятся в тесной связи с его гипотезой о происхождении Краткой Русской Правды как договора варягов-наемников с местным новгородским населением. Приведем только те соображения Л. В. Черепнина, которые представляют самостоятельный интерес. Он пишет: «Достаточно выяснены литературные источники этого легендарного и тенденциозного рассказа (т. е. рассказа летописи о призвании варягов. — *Д. Л.*), но недостаточно вскрыт его политический смысл, заключающийся отнюдь не в утверждении тезиса о варяжском происхождении Русского государства, а в апологии новгородских „вольностей", в доказательстве их „извечности" и в провозглашении правовых начал государственности, нарушаемых варягами-насильниками. Совсем не обращено внимания на связь летописной статьи о призвании варяжских князей с описанием событий 1015—1016 гг. Мало того, одним из источников статьи я считаю летописные данные об обстоятельствах, связанных с получением Новгородом от Ярослава Правды, боровшейся с произволом варягов. Сопоставим основные мотивы статьи о призвании варягов с главнейшими моментами новгородской политической жизни 1015—1016 гг. и попытаемся установить их соответствие.

Призвание варягов	События 1015—1016 гг.
1) Дань варягам	*1) Кормление варягов*
Новгородстии людие, рекомии словени, и кривици, и меря, словенѣ свою волость имѣли, а кривици свою, а мере свою; кождо своимъ родомъ владяше, а чюдь своимъ родом; и дань даяху варягомъ от мужа по бѣлѣ и вѣверици.	Ярослав кормяше варягъ много, бояся рати.

2) Насилия варягов

А иже бяху у них, то ти насилье дѣяху, словеномъ, кривичемъ и мерямъ и чюди.

3) Изгнание варягов

И въсташа словенѣ, и кривици, и меря, и чудь на варягы и изгнаша я за море и начаша владѣти сами собѣ...

4) Усобицы и призвание варягов для установления правопорядка

И въсташа сами на ся воеватъ, и бысть межи ими рать велика и усобица. И въсташа град на град у не бѣше в нихъ правды. И рѣша к себѣ: „князя поищемъ, иже бы владѣлъ нами и рядилъ ны по праву". Идоша за море к варягомъ и ркоша: „Земля наша велика и обилна, а наряда у нас нѣту: да поидѣте к намъ княжить и владѣть нами" (Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку. СПб., 1888. С. 82—84).

2) Насилия варягов

И начаша варязи насилие дѣяти...

3) Избиение варягов

Ркоша новгородци: „Сего мы насилья не можемъ смотрити". И собрашася в нощь исѣкоша варягы в Поромонѣ дворѣ.

4) Выдача Ярославом Правды новгородцам

И давъ имъ Правду и уставъ списавъ, тако рекши имъ: „По сей грамотѣ ходите, яко же списахъ вамъ, тако же держите" (Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку. СПб., 1888. С. 4—5).

Особенно бросаются в глаза слова летописи об отсутствии „правды", о поисках „наряда" и князя, который „рядил бы по праву" — в рассказе о призвании варягов, с одной стороны, и о даче Ярославом Правды со словами: „по сей грамотѣ ходите" в 1016 г. — с другой. А описание „усобиц и ратий" как следствия отсутствия „правды" среди изгнавших варягов славянских и финских племен нельзя ли поставить в связь со статьями Правды Ярослава, посвященными междоусобиям в новгородском обществе? Бесправию варягов славяне противопоставляли идею права. Наша трактовка наносит новый сильный удар норманской теории происхождения Русского государства. Весь смысл летописного рассказа — в отрицании у варягов всяких начал государственности. Итак, ссылкой на историческую традицию обосновывая политические притязания, новгородская политическая мысль середины XI в. в качестве прецедента остановилась на договорной грамоте 1016 г., известной под именем Правды Ярослава, и события, связанные с ее получением новгородцами, положила в основу легенды, перенесшей в далекое прошлое появление „правды" как акта добровольного соглашения новгородских славян с приглашенными ими князьями» (*Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы XIV—XV веков. М.; Л., 1948. Т. 1. С. 247—248). Каким путем эти новгородские представления могли проникнуть в киевскую летопись? А. А. Шахматов предполагал, что составитель Начального Киевского свода 1095 г. использовал новгородский свод 1050 г. Пишущий эти строки доказывает, что у киевских летописцев никаких письменных новгородских источников не было, а что все «новгородские» извѐстия «Повести временных лет» обязаны своим происхождением устным рассказам двух представителей старинного новгородского посадничьего рода — Вышате Остромиричу и его сыну Яну Вышатичу, переселившимся на юг России (*Лихачев Д. С.* Устные летописи в составе «Повести временных лет» // ИЗ. 1945. № 17. С. 206). Предание о Рюрике — новгородское, оно связано с местностью под Новгородом, называемой Рюриково городище. Предание о Синеусе — белозерское, где еще в XIX в. показывали «могилу царя Синеуса» (Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь: Вакационные дни С. Шевырева в 1847 г. М., 1850. Ч. 2. С. 60. Ср. также у Стрыйковского в Польской хронике второй половины XVI в.). Предание о Труворе, возможно, также связано с какими-либо местными легендами Изборска. В связи с этим отметим, что Новгород — центр племени новгородских «словен», Изборск —

кривичей (об этом помнили еще в XV—XVI вв. Ср. в Архангелогородском летописце: «...а то нынѣ пригородъ псковский, а тогда былъ въ кривичѣхъ большой городъ»). Белоозеро же расположено в районе мери. Возможно, что Рюрик, Синеус и Трувор были князьями этих трех племен и не были связаны между собою узами родства. Во всяком случае, имя Синеуса не находит себе никаких убедительных аналогий среди скандинавских имен. То обстоятельство, что Рюрик, Синеус и Трувор были племенными князьями словен, мери и кривичей, отчасти отразилось и в самой летописи — под 859 г. читаем: «...имаху дань варязи из заморья на чюди и на словенех, на мери и на всех кривичех»; слова «на чюди» А. А. Шахматов не без основания считает вставкой (*Шахматов А. А.* Сказание о призвании варягов // ИОРЯС АН. 1904. Т. 9, кн. 4. С. 317 и след.). Так же и в других местах летописи выступают эти три племени: словене, меря и кривичи. Предания о князьях этих трех племен могли знать: Вышата, бывавший в Новгороде и, возможно, в Изборске, и Ян Вышатич, бывавший в районе Белоозера в 1071 г. Среди других рассказов Вышаты и Яна, которыми воспользовались летописцы, были, очевидно, и какие-то сведения о племенных князьях в Новгороде, Изборске и на Белоозере. Соединить этих князей узами братства по законам эпического творчества (ср.: *Лихачев Д. С.* Повесть о разорении Рязани Батыем // Воинские повести древней Руси. М.; Л., 1949. С. 129) и создать легенду об их призвании, исходя из обычной в Новгороде практики призваний князей, могли и сами рассказчики, и летописцы. Легенда о призвании князей-братьев была на руку печерским летописцам, стремившимся утвердить родовое единство всех русских князей (см. Историко-литературный очерк в наст. изд.); легенда утверждала династическую унификацию: все князья — члены одной династии, призванной на Русь в качестве мудрых и справедливых правителей. Как представители одного рода, они должны прекратить братоубийственные раздоры — такова мысль киевских летописцев, постоянно проводимая ими в своих летописях. Понятие «братство» в представлениях летописца имело прежде всего политическое значение. Это политическое значение понятия «братство» могло постепенно перейти в летописной традиции в значение братства кровного. Таким образом, историческое зерно легенды о призвании трех братьев-варягов невелико. Прежде всего это не н а р о д н а я легенда. В целом она сложилась только у летописцев и у их «устных корреспондентов» — у Вышаты и Яна Вышатича, о котором сам летописец записал под 1106 г.: «От него же и азъ многа словеса слышах, еже и вписах в лѣтописаньи семь». Народные предания о каких-то местных князьях в Изборске, в Новгороде и в Белозерье не объединяли их узами братства. Они были объединены только в «ученой» среде и связаны с общей новгородской практикой «призвания» варягов-наемников. Таково весьма скромное «историческое зерно» легенды, в основном созданной в узкой среде киевских летописцев и их друзей на основании знакомства с северными преданиями и новгородскими порядками. Чем же объяснить, что летописцы, столь последовательно стремившиеся утвердить значение русского народа в мировом историческом процессе, вывели княжеский род из-за моря — от варягов? В традициях ученой средневековой историографии (и на Западе, и на Руси) было возводить происхождение правящей династии к иностранному государству. В происхождение французских королей от троян верили даже в XVI в. Многие из своих династий немцы выводили из Рима, швейцарцы — от скандинавов, итальянцы — от германцев. Весьма близкую к нашему сказанию о призвании варягов легенду передает Видукинд Корвейский, рассказывающий о призвании саксов Хенгиста и Хорса бритами со сходной характеристикой своей земли («terra lata et spatiosa»). Сходство этого мотива у различных народов объясняется прежде всего сходными условиями общественного бытия на одинаковых ступенях исторического развития. Вместе с тем и в XI, и в XII вв. «варяги» не представляли собой существенной политической силы. С норманнского севера Русскому государству не угрожала более опасность. Поэтому утверждение норманнского происхождения княжеского рода не могло, очевидно, казаться летописцам политической угрозой самостоятельности Руси. Летописцы, естественно, не могли предвидеть, какие политические выводы сделают из их разысканий в XVIII—XX вв. норманисты.[1]

И идоша за море къ варягомъ, к руси. Сице бо ся зваху тьи варязи русь, яко се друзии зъвуться свие, друзии же урмане, анъгляне, друзии гъте, тако и си... пояша по собѣ всю русь... И от тѣхъ варягъ прозвася Руская земля — в этих словах «Повести временных лет» стремились найти себе опору норманисты, доказывающие варяжское происхождение названий «Русь» и «русьскый». А. А. Шахматов обратил внимание на то, что слова «к руси»

и следующее затем разъяснение, кто такие эти варяги — «русь», а также последующее замечание, что три брата — Рюрик, Синеус и Трувор — явились на Русь со всем своим племенем «русью», — вставка, сделанная в текст более древней летописи. А. А. Шахматов аргументирует эту свою мысль двумя соображениями: во-первых, он обращает внимание на ту стилистическую неловкость, которая чувствуется в словах «к варягом, к руси» (вместо «к варягом» просто или «к руси» только), а во-вторых, — что в Новгородской первой летописи младшего извода, где читается текст летописи, более древней, чем «Повесть временных лет», этих перечисленных выше мест (за исключением одного) действительно нет. А. А. Шахматов предполагал, что это отождествление «руси» и варягов произошло во второй редакции «Повести временных лет» (Сильвестра) (*Шахматов А. А.* Сказание о призвании варягов. С. 334—362), а М. Д. Приселков относит отождествление к первой (Несторовой) редакции «Повести временных лет» и видит именно в Несторе первого русского «ультранорманиста» (*Приселков М. Д.* История русского летописания XI—XV вв., Л., 1940. С. 39). Для решения вопроса о том, могут ли вышеприведенные места приниматься в расчет при объяснении происхождения названий «Русь» и «русьский», следует прежде всего обратить внимание на их значение в IX—XIII вв. В «Повести временных лет» слова «Русь», «Русьская земля» и «русьский» употреблены свыше 270 раз. В подавляющем числе случаев эти слова явно и бесспорно имеют в виду все восточнославянские племена в целом, либо их землю. Эти слова не имеют никаких видимых отклонений от их общеупотребительного значения по крайней мере в 260 случаях. Такое явно общее значение имеют слова «Русь» и «русьский» в космографическом введении к «Повести временных лет» («тѣм же и из Р у с и можеть ити по Волзѣ в болгары и въ Хвалисы»; «се бо токмо словѣнескъ языкъ в Р у с и»; «есть притъча в Р у с и и до сего дне» и др.); затем под 898 г. («тѣм же и словеньску языку учитель есть Павелъ, от него же языка и мы есмо Р у с ь, тѣмъ же и нам Р у с и учитель есть Павелъ, понеже учил есть языкъ словѣнескъ»; «а словеньскый языкъ и рускый одно есть» и др.). В этом же общем значении выдержанно употребляется слово «Русь» в известиях о походах Руси на Царьград («се иде Р у с ь бещисла корабль», «и заповѣда Олег... даяти уклады на р у с к ы а грады: первое на Киевъ, та же на Чернигов, на Переаславль, на Полтѣскъ, на Ростов, на Любечь и на прочаа городы» и др.). В этом общем значении слово «Русь» последовательно употребляется в договорах с греками 911 и 944 гг., что особенно важно, так как теперь С. П. Обнорским доказано, что договоры эти дошли до нас в переводах, современных самим переговорам (*Обнорский С. П.* Язык договоров русских с греками // Язык и мышление. Л., 1936. Т. 6—7. С. 102). Следует отметить, кроме того, что прилагательное «русьскый» в договорах с греками, в летописи, в Русской Правде, в житиях и проповедях XI в., употребленное для определения таких слов, как князья, грады, язык, страна, люди, род, послы, закон, челядь и др., обычно бесспорно имеет именно этот о б щ и й смысл. Вместе с тем иноземные источники уже очень рано также употребляют термин «Русь» для обозначения всей страны восточных славян в целом. В середине—третьей четверти IX в. анонимный «Баварский географ» знает обозначение «русские» для восточнославянских племен в непосредственном соседстве от хазар. Знает русских и Раффельштеттенский устав 903—906 гг. Ибн Хордадбех в «Книге путей и царств» (80-е годы IX в.) называет Русь и определяет их как славян. Гораздо реже случаи, когда под словом «Русь» и «русьскый» разумеется не вся страна восточных славян, а лишь ее киевский участок. Замечательно, однако, что это более узкое значение слов «Русь» и «русьскый» получает распространение по преимуществу в период феодальной раздробленности — в XII и XIII вв. Кроме того, следует обратить внимание на то, что общее и основное значение слов «Русь» и «русьскый» в отношении всех русских и всей Руси продолжает и в XII и XIII вв. оставаться наиболее распространенным. Всякий летописец, употребивший слова «Русь» и «русьскый» в их узком значении (в отношении южной, киевской Руси только), тут же рядом употребляет эти слова и в их основном, коренном значении. Наконец, что особенно важно, это ограничение значения слов «Русь» и «русьскый» касается главным образом Руси — страны, а не Руси — народа. В самом деле, такое узкое словоупотребление мы встречаем во Владимире Суздальском (ср. в Лаврентьевской летописи под 1175 г.: «Князь нашь убиенъ, а дѣтей у него нѣту, сынокъ его в Новѣгородѣ, а братья его в Руси», т. е. в Киевской земле); встречаем такое словоупотребление и в Новгороде (ср. в Новгородской первой летописи под 1135 г.: «...иде *въ Русь* архиепископъ Нифонтъ съ лучьшими мужи» — из Новгорода в Киев) и в других

местах. Такого ограниченного словоупотребления слов «Русь» и «русьскый» иноземные источники не знают. Кроме того, его нет и в памятниках с высоким патриотическим содержанием (у игумена Даниила в его «Хождении», в «Слове о полку Игореве», в «Слове о погибели Русской земли» и т. д. и т. п.). Откуда могло явиться это более «узкое» значение слов «Русь» и «русьский»? Несомненно, что оно не является наиболее древним. «Повесть временных лет» на все 270 случаев употребления слов «Русь» и «русьскый» не может нам представить ни одного случая, который бы бесспорно свидетельствовал о том, что летописцам XI в. было знакомо именно это значение. Разберем неясные случаи. Прежде всего, как следует понимать слова введения к «Повести временных лет»: «поляне, яже ныне зовомая Русь»? Во всяком случае, не в том смысле, что исконное и древнее название полян было русь, как предполагает М. Н. Тихомиров (Происхождение названий «Русь» и «Русская земля» // Сов. этнография. 1947. Т. 6—7. С. 62). Летописец утверждает обратное: раньше звались полянами, а теперь зовутся русью. В этой фразе нет и ничего такого, что позволило бы утверждать, что русью звались только поляне, хотя бы и позднее. По-видимому, смысл вышеприведенных слов — в указании на то, что племенное название полян перестало употребляться и что тех, кого раньше называли «поляне», теперь просто называют русью, не выделяя их в среде других племен. Действительно, название племени полян одним из первых исчезает со страниц «Повести временных лет» (последний раз оно употреблено под 944 г.). Это отмирание племенного названия полян аналогично исчезновению племенного названия «дулебы» (оно заменилось названием «волыняне» от Волыни), «словен» (оно заменилось названием «новгородцы») и т. д. Неясно значение слова «Русь» в рассказе о походе Олега на Царьград 907 г. — в том месте, где русь противопоставлена словенам (новгородским): «И рече Олегъ: исшийте парусы паволочиты руси, а словеномъ кропиньныя» (к этому месту летописи мы еще вернемся). Малопонятна и фраза, читающаяся под 882 г.: «И бѣша у него (Олега) варязи и словѣни и прочи, прозвашася русью»; возможно, что «прочи» — подлежащее к «прозвашася», но также возможно, что «прочи» относится к предшествующему предложению, и уже, во всяком случае, не ясно отношение слова «прозвашася» к предшествующему тексту, где говорится о вокняжении Олега в Киеве: «прозвались» ли они с того времени, как Олег сел в Киеве, или они вообще прозывались русью независимо от какого-либо действия Олега. Четвертое место «Повести временных лет», которое вызывало сомнение исследователей, это слова древлян после убийства Игоря: «Се князя убихомъ рускаго». Не хотят ли этим древляне сказать, что они убили князя киевского? Может быть, и так, поскольку киевский князь был князем общерусским (ср. под 1054 г.: «Преставися великый князь русьскый Ярославъ»), но слова эти отнюдь не означают, что «русьскый» князь был князем только киевским. Наконец, под 984 г. в «Повести временных лет» имеется место, которое может возбудить сомнение по поводу значения в нем термина «Русь». Летописец говорит о радимичах: «...платять дань Руси, повозъ везуть и до сего дне». Не понимается ли здесь под «Русью» только Киевская земля, поскольку радимичи русское племя? Недоразумение это, однако, тотчас же разъяснится, если мы вспомним, что летописец считал радимичей подчиненными «ляшскому» (польскому) роду князей (от Радима, см. с. 392—393). Следовательно, и здесь значение слова «Русь» не должно вызывать сомнений. Наконец, были попытки по-особому истолковать еще несколько случаев употребления слов «Русь» и «русьскый» в каком-либо узком значении, но истолкования эти всегда были полны натяжек. Итак, наиболее древним, основным значением слов «Русь» и «русьский» является значение общее, обращенное ко всем русским землям и ко всему русскому народу в целом. Оно зарегистрировано русскими памятниками уже для начала X в. (договоры с греками), а иноземными для IX в. («Баварский географ» и др.). Более узкое значение слов «Русь» и «русьскый», относящееся только к Киевской земле (но не к киевлянам), является более поздним — оно распространяется в XII и XIII вв. с общей децентрализацией феодализирующейся Руси. Однако следует обратить внимание на то, что это более узкое значение не отменяет и общего, широкого, основного. Оба значения встречаются рядом, у одного и того же летописца и не заключают для него видимого противоречия. Более того, узкое значение слов «Русь» и «русьский» зависит от основного, широкого, немыслимо без него. В самом деле, Киевская земля потому называется новгородцем Русской землей, что именно там центр Русской земли. Поехать в Русь и для владимирца означает поехать в столицу Руси — в Киев, и для жителя Смоленска, Ростова, Рязани

киевский князь — русский князь; дружина киевского князя, из кого бы она ни состояла, — русская дружина; послы русских князей, кем бы они ни были по происхождению, говорят о себе «мы от рода русьскаго». Слово «русьскый» могло относиться не только к центру Руси — Киеву, но и к киевскому князю как представителю общерусской власти, к его дружине (очевидно, Русью названа в описании похода Олега 907 г. — его дружина, а «словенами» — войско) и к господствующим слоям населения (ср. в Русской Правде: «русинъ, любо гридинъ, любо купце»). Вот почему употребление слов «Русь» и «Русьская земля» в отношении Киевской земли свидетельствует не об отсутствии в XII—XIII вв., в период феодальной раздробленности, сознания единства Русской земли (как это пытались истолковать некоторые исследователи), а лишь о том, что Киев сознавался столицей всей Руси. Это узкое значение исчезает в летописях сразу после того, как Киев и киевский юг перестают сознаваться центром Руси (после страшного разгрома Киева войсками Батыя — с середины XIII в.). Употребление одного и того же слова то в более узком, то в основном, широком, значении — явление, широко распространенное в языке. Так, например, слово «город» для горожанина, живущего не в центре города, будет означать и весь город в целом, и его центр только. Было бы, однако, неправильным думать, что слова «Русь» и «русьскый» пользовались таким же распространением уже в IX и X вв., как и в XI в. Слова «Русь» и «русьский» употребляются первоначально по преимуществу в тех случаях, когда Русь противопоставляется другим странам и другим народам как единое целое: в военных столкновениях с другими странами, при заключении договоров и т. д. Одновременно с этим во внутренних отношениях русских между собою, как это зарегистрировано и «Повестью временных лет», еще прочно удерживаются племенные названия. Эти племенные названия отмирают в X—XII вв., но далеко неравномерно: прежде всего перестают употребляться названия тех племен, которые больше других были захвачены процессом образования Русского государства. Это отмирание племенных названий и замена их терминами, обозначавшими политическое объединение, прямо отмечено летописцем для дулебов (их стали называть волынянами — по названию города Волыни), для словен (их стали называть новгородцами), для полян (их стали называть просто русскими или киевлянами). Отмирают племенные названия там, где отмирает племенной быт, где население оказывается на более высокой ступени общественного развития; распространяются же слова «Русь» и «русьскый» там, где интенсивнее всего сознается единство русских племен — в Киеве. Это единство начинает сознаваться во внешних столкновениях поразительно рано (уже в начале X в. оно зарегистрировано по договорам Олега), и всегда для обозначения этого единства как выразитель его выступают слова «Русь» и «русьский». Никакого иного значения эти слова первоначально не имели. Попытки исследователей вывести эти широкие значения из более узких (племенного названия полян или социальных категорий) не имеют достаточных оснований и не выходят за пределы гипотез. Однако летописец утверждает, что Русью назывались первоначально варяги. Под 898 г. летописец утверждает, что название «Русь» принесено варягами: «...от варягъ бо прозвашася Русью, а первое бѣша словене». Летописец называет Русь в космографическом введении к «Повести временных лет» среди варяжских племен: «готе, русь, агняне, галичане», однако тут же рядом говорит о Руси — славянах («В Афетовѣ же части сѣдять русь, чюдь и вси языци: меря, мурома, весь, моръдва...»). Во всех пяти случаях из свыше чем 270, когда летописец говорит о «руси» и «русьскых» как о варяжском племени, перед нами не живое словоупотребление, а только его домысел: летописец называет Русью варягов только тогда, когда говорит о происхождении названия «Русь» и относит эту варяжскую «Русь» к далекому прошлому. Откуда летописец взял это? Вспомним, что он часто обращался к византийским историческим источникам. В Византии же называли русскими не только славян, но нередко и норманнов. Так делает Симеон Логофет, так делает и Константин Багрянородный («русские» названия днепровских порогов противопоставлены им славянским и носят все признаки скандинавского происхождения). Это и понятно: наемные дружины русских князей, в которых было немало варягов, послы русских князей, нередко также варяги, являлись в Константинополь и настойчиво твердили, что они «от рода русского» (см. договоры с греками) — их и называли «русскими» — людей, признававших своей родиной Русь и представительствовавших Русское государство (см. комментарии к выражению «от рода» на с. 405). Летописец, имевший дело с византийскими историческими источниками, не мог не знать этого вторичного значения слова «русский» в

Византии. Оно пришлось ему на руку, и вот почему. Летописец неоднократно прибегает к объяснениям названий племен и политических объединений от иноземных выходцев (эта традиция долго существовала на Руси и впоследствии). Он пишет: «Бяста бо 2 брата в лясѣх, — Радим, а другий Вятко, — и пришедъша сѣдоста Радимъ на Съжю, и прозвашася радимичи, а Вятъко сѣде съ родомъ своимъ по Оцѣ, от него же прозвашася вятичи»; или «а Туры (пришел из-за моря и сел в) Туровѣ, от него же и туровци прозвашася» (под 980 г.). По этому трафарету создана летописцем и легенда о приходе из-за моря Рюрика, Синеуса и Трувора со всем своим родом Русью, от которого и «прозвася Руская земля». Это утверждение — трафарет исторического мышления летописца, его гипотеза. Итак, нет достаточных оснований считать, что слова «Русь» и «руськский» первоначально означали только варягов, или только южное племя полян, или только господствующую «верхушку» русского населения. По существу все узкие значения этих слов исходят из понятия общего и основного, объединяющего всех восточных славян. Более узкие значения — производны. Сосуществование многих узких значений наряду с основным, широким и наиболее древним — одно из обычнейших явлений семантики, с чем необходимо было бы серьезно считаться, чтобы не впадать в ошибки, аналогичные Несторовой. Не ясно только самое происхождение слова «Русь», его этимология. Отметим, однако, что, как на юге Руси, так и на севере, слово «Русь» имеет соответствие в древних географических названиях (река Руса на севере, река Рось на юге и т. д.). Нельзя искусственно разрывать происхождение слова «Русь» и считать, как это делали некоторые исследователи (В. А. Брим, а за ним и другие), что на севере слово «Русь» имело одно происхождение, а на юге — другое, случайно совпавшие в едином звучании.

Во всяком случае сложный вопрос происхождения слова «Русь» требует пристального изучения.[1]

Земля наша велика и обилна — «„Обилие" в наших старых письменных памятниках, — пишет Б. Д. Греков, — обозначает прежде всего изобилие хлеба, продовольствия. „Бывши бо единою скудости в Ростовьстѣй области, востаста два волхва от Ярославля, глаголюща, яко вѣ свѣвѣ, кто обилие держить". Из дальнейшего видно, что под обилием действительно разумелся прежде всего хлеб. В духовной новгородца Климента (XIII в.) читаем: „Даю за все за то два села съ обильемъ, и съ лошадьми, и съ бортью...". Летописец, вкладывая в уста послов, говоривших от имени славян Рюрику и его братьям фразу „земля наша велика и обилна", безусловно имел в виду плодородие земли и распространенность в стране земледелия» (*Греков Б. Д.* Киевская Русь. С. 46).

старѣйший, Рюрикъ, сѣде Новѣгородѣ — в Лаврентьевской летописи после слова «Рюрик» оставлено незаполненное место; в Московско-Академическом списке и в сгоревшей Троицкой летописи — «сѣде Новѣгородѣ», так же и в Эрмитажном списке свода 1479 г. В Ипатьевской летописи сказано, что Рюрик сел в Ладоге. Такое различие объясняется тем, что в Начальном своде (см. Новгородскую первую летопись, где этот свод отразился), в первой и во второй редакциях «Повести временных лет» Рюрик обосновывается в Новгороде, а в третьей редакции Новгород был заменен Ладогой.[2] Указание на причину такой замены находим в самом тексте третьей редакции «Повести временных лет», представленной Ипатьевской летописью. В самом деле, третья редакция «Повести временных лет» тесно связана с сыном Мономаха — Мстиславом, к судьбе которого она очень внимательна. Мстислав же, как явствует из третьей редакции «Повести», был в 1114 г. в Ладоге при закладке каменной стены, летописец вел там беседы с Гурятой Роговичем и ладожским посадником Павлом, от которых записал некоторые ладожские рассказы (см. в «Повести временных лет» под 1096 и 1114 гг.). Очевидно, что исправление в третьей, Мстиславовой, редакции «Повести временных лет» Новгорода на Ладогу и объясняется теми рассказами, которые были услышаны Мстиславом или его летописцем в Ладоге: это, следовательно, местное ладожское предание. Лаврентьевская летопись в основном сохранила нам вторую редакцию «Повести временных лет», но в смешении с третьей. Объясняется это вот чем: владимирские летописцы, предшественники Лаврентия, получили «Повесть временных лет» в двух редакциях в составе летописей Переяславля Русского (Южного). Первоначально они получили ее во второй редакции в составе епископского Летописца Переяславля Русского, ведущего свое начало от летописца переяславского епископа Сильвестра, составителя второй редакции «Повести временных лет»

(Сильвестр был сначала игуменом Выдубицкого монастыря, где он составил вторую редакцию «Повести временных лет», а затем епископом Переяславля Русского, где он положил начало епископскому летописанию). Затем владимирские летописцы получали свой летописный материал, касавшийся южной Руси, из княжеского Летописца Переяславля Русского. Княжеский Летописец Переяславля Русского был начат Мстиславом Владимировичем, при котором была создана третья редакция «Повести временных лет» (в 1118 г.; см.: *Лихачев Д. С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С. 177—179, 274 и др.). Летописцы Владимира Залесского, заметив противоречие между епископской и княжеской летописью в определении места, где сел Рюрик, оставили свободное место. Оттого и в Лаврентьевской летописи здесь пропуск: этот пропуск — знак добросовестности летописца как историка, не решившегося предпочесть какую-либо из версий.

ти суть людье ноугородьци от рода варяжьска, преже бо бѣша словѣни — слова «от рода» здесь, очевидно, означают не родовое происхождение, а родовую принадлежность (принадлежность к организации рода). В самом деле, при первом понимании слов «от рода» текст оказывается бессмысленным («теперь новгородцы происходят от варягов, а раньше происходили от славян»), при втором же значении слов «от рода» текст этот следует понимать так: «новгородцы принадлежат к политической организации варягов (тех варягов, которые стоят во главе их политической организации), а раньше, т. е. до призвания варягов, входили в организацию славянскую». Такое значение слов «от рода» встречаем и в других местах «Повести временных лет»; например, в тексте договора 911 (912) г.: «Мы от рода рускаго Карлы, Инегелдъ...», и в тексте договора 945 г.: «Мы от рода рускаго съли и гостье...». В этих перечислениях имен русских послов попадаются имена варяжские, чудские, восточные наряду со славянскими. Следовательно, в договорах говорится не о «происхождении» послов от «рода русьскаго», а об их принадлежности к государственной организации Руси, они представители Русского государства — «от рода русьскаго». Это указывает на то, что в X—XI вв. главенствующим признаком организации людей стал не «кровный», а политический. В языке еще сохраняется терминология «родового строя», но содержание этой терминологии уже новое; слова «от рода рускаго» равносильны словам «от русского государства» и не означают «от племени русского», как думали некоторые исследователи.

И бяста у него 2 мужа, не племени его (Рюрика), но боярина — здесь настойчиво подчеркнуто, что Аскольд и Дир — самозванные князья. Скрытая мысль летописца состоит в том, что полноправные князья только из «племени» Рюрика. Самозванство Аскольда и Дира вновь подчеркнуто под 882 г. в рассказе об их убийстве Олегом. Законность только одной династии русских князей — тех, которые происходят от Рюрика, подчеркнута и в других местах «Повести временных лет».

Рюрику же княжащу в Новѣгородѣ — в новгородских летописях и в Эрмитажном списке (свод 1479 г.) вслед за этими словами читается: «...и роди сынъ и нарече имя ему Игорь. Врастшу же Игореви и бысть храбор и мудръ и бысть у него въевода именемъ Олегъ, мужъ мудръ и храбор». О родственных отношениях Рюрика, Игоря и Олега см. ниже под 879 г.

В лѣто 6372 — под этим годом читаем в Никоновской летописи следующий текст: *864*
«Убиенъ бысть отъ болгаръ Оскoлдовъ сынъ. Того же лѣта оскорбишася новгородци, глаголюще, яко „быти намъ рабомъ, и многа зла всячески пострадати отъ Рюрика и отъ рода его". Того же лѣта уби Рюрикъ Вадима храброго, и иныхъ многихъ изби новгородцевъ съветниковъ его». Происхождение этого известия в Никоновской летописи XVI в. не ясно.

Въ лѣто 6373 — в Никоновской летописи (XVI в.) под этим годом помещено *865*
следующее сообщение неизвестного происхождения: «Того же лѣта воеваша Аскoлдъ и Диръ полочанъ и много зла сътвориша».

Цесарю же отшедшю на огаряны — восточные мусульманские народы в средние века *866*
признавались потомками легендарных библейских персонажей — Измаила (отсюда их наименование в средние века «измаилтяне»), сына Авраама и его рабыни Агари (отсюда другое их наименование в средние века — «агаряне»). Сами мусульмане считали себя потомками Авраама и его жены Сары (отсюда их наименование «сарацины»). Сведения о походе Аскольда и Дира до конца летописной статьи почерпнуты летописцем от Продолжателя Амартола. Вот этот текст русского перевода Продолжателя Амартола: «Царь же на

агаряны изыде воевать Оорифанта в Костянтинѣ градѣ оставивь. Дошедшу же ему Чрьныа рѣкы глаголемы, и се абие вѣсть ему епарха посла, яко Русь на Костянтинь град идут, Асколдъ и Диръ. И тѣмь царь прочь не иде. Русь же, внутрь Суда вшедше, много убийство христианомь створиша и пришли бо бяху въ двоюсту лодей, Костянтинь град оступишя. Царь же, дошед, едва въ град вниде, и съ патриархомъ Фотиемь къ сущий церкви святыа Богородица Влахернѣ, и абие пакы всюнощную молбу створиша, и имя же се приамъ мѣсто то, нѣкоторому князю скуфянину родомъ, Влахерну нарицаему, ту ему убиену бывшу. Таче божественую святыа Богородица ризу с пѣсньми изнесше, в мори скуть омочивше. Тишинѣ же сущи и морю укротившуся, абие буря съ вѣтромъ въста, и влънам велиемъ въздвигшимся засобь, безбожных Руси лодиа въэмяте, и къ брегу привержени избиени, яко мало от них от таковыа бѣды избѣгнути и всвоаси с побѣждениемъ възвратишася» (*Истрин В. М.* Хроника Георгия Амартола. Т. 1. С. 511). Слов об Аскольде и Дире, отмеченных выше в русском тексте Продолжателя Амартола разрядкой, в греческом тексте нет. Они внесены в цитируемый текст перевода переписчиком или русским переводчиком. Греческий текст Продолжателя Амартола вообще не знает имен русских князей. Они взяты русским переводчиком или переписчиком из какого-то другого источника (по-видимому, народного предания). Не ясно, откуда почерпнул летописец хронологическое определение похода. Его нет у Продолжателя Амартола. У Симеона Логофета поход определяется десятым годом царствования Михаила III (842—867), тогда как в «Повести временных лет» — «в 14 лѣто».[1]

дошедшю ему Черные рѣки — Черная река — возможно, Мавропотам, которая течет в западной части Фракийского полуострова и впадает в Эгейское море.

епархъ — ἔπαρχος, начальник; правитель города.

Си же внутрь Суду вшедше — Суд — Золотой Рог, залив и гавань в Константинополе.

къ сущей церкви святѣй Богородицѣ Влахѣрнѣ — церковь в Влахернах (так называлась часть Константинополя вдоль Золотого Рога между Ираклиевой стеной и берегом), посвященная Богоматери, славилась чудотворной иконой Божьей Матери.

867 *Въ лѣто 6375* — в Никоновской летописи (XVI в.) под этим годом помещены следующие сообщения неизвестного происхождения: «Възвратишася Аскольдъ и Диръ отъ Царяграда въ малѣ дружинѣ, и бысть въ Киевѣ плачь велий. Того же лѣта бысть въ Киеве гладъ велий. Того же лѣта избиша множество печенѣгъ Осколдъ и Диръ. Того же лѣта избѣжаша отъ Рюрика изъ Новагорода въ Киевъ много новогородцкыхъ мужей». Первая фраза этой статьи читается кроме Никоновской летописи и в других поздних летописях (Воскресенской, Тверской, Софийской первой).[2] Татищев, пользовавшийся при написании своей «Истории российской» не известными нам летописями, первую часть этой статьи (до слов «Того же лѣта избиша множество печенѣгъ») относит к 6374 (866) г., после же фразы «Того же лѣта избиша множество печенѣгъ Осколдъ и Диръ» прибавляет: «ходи же и на кривичи и техъ побѣди». Последнее известие этой статьи Татищев относит к 6377 (869) г. и передает его в следующих выражениях: «В сии времяна словяне бежали от Рюрика, из Новагорода в Киев, зане убил Водима храбраго, князя словенскаго, иже не хотеша яко рабы быти варягом», связывая, таким образом, это известие со статьей поздних летописей 6372 (864) г. (см. выше), касающейся Вадима.

868 *Поча царствовати Василии* — у Продолжателя Амартола читаем: «Василий же царствова с Михаилом лѣто едино и месяци 4 и единъ лет 19 единодръжецъ же бысть» (*Истрин В. М.* Хроника Георгия Амартола. Т. 1. С. 519). Василий I царствовал с 867 по 886 г. Почему это известие помещено под 868 г., не ясно. А. А. Шахматов объясняет эту дату следующим образом: год 6376 (868) «...получился от присоединения к 6360 г., принятому за начало царствования Михаила, цифры 16; это — итог лет царствования Михаила: Михаил, по Продолжателю Амартола, царствовал с матерью Феодорою 4 года, один 10 лет, а в соправительстве с Василием 1 год 4 месяца; следовательно, всего 15 лет 4 месяца, что округлено в 16 лет. На самом деле Михаил начал царствовать в 6350 (842) г. и скончался в 6375 (867) г.; ошибка болгарского перевода произошла от того, что он, следуя Ватиканскому или сходному с ним списку (Амартола. — *Д. Л.*), число лет соправительства Михаила с матерью своею Феодорою определял 4 («царствова с матерью своею лѣта 4»), между тем как на самом деле это продолжалось 15 лет (так в одних списках Продолжателя Амартола) или 14 лет (так в других списках)» (*Шахматов А. А.* «Повесть временных лет»

и ее источники. С. 60). В летописях, восходящих к Новгородско-Софийскому своду 30-х годов XV в. (Новгородская четвертая, Эрмитажный список и др.), читается следующее добавление: «сынъ Михаиловъ, лѣтъ 18 и мѣсяць 11. При семъ троусь бысть въ Цариградѣ 40 дни, почень на святаго Полуекта».

Крещена бысть вся земля Болъгарьская — тот же год крещения Болгарии указан в греческом житии архиепископа болгарского Климента. *869*

К с. 14

Въ лѣто 6384 — под этим годом в Никоновской летописи XVI в. помещается неизвестного происхождения рассказ о первом крещении Руси при Аскольде и Дире: «О князи рустемъ Осколдѣ. Роди же нарицаемии Руси, иже и кумани, живяху въ Ексинопонтѣ, и начаша плѣновати страну римляньскую, и хотяху поити и въ Констянтинградъ; но възбрани имъ вышний промыслъ, паче же и приключися имъ гнѣвъ Божий, и тогда възвратишася тщии князи ихъ Асколдъ и Диръ. Василие же много воиньствова на агаряны и манихеи. Сътвори же и мирное устроение съ прежереченными русы, и преложи сихъ на христианство, и обѣщавшеся креститися, и просиша архиерѣя, и посла къ нимъ царь. И внегда хотяху креститися, и пакы уныша, и рѣша ко архиерею: „Аще не видимъ знамение чюдно отъ тебе, не хощемъ быти хрестиане"; архиерей же рече: „Просите, еже хощете". Они же рѣша: „Хощемъ, да вврежеши святое Евангелие во огнь, иже учитъ Христова словеса; да аще не згоритъ, будемъ христиане, и елика научиши насъ, сохранимъ сиа и не преступимъ". И рече архиерей: „Елика просите, будетъ вамъ". Повелѣ и сотвориша огнь велий, и въздѣ въ руцѣ свои на небо архиерей и рече: „Христе Боже, прослави имя свое!" и постави святое Евангелие во огнь, и пребысть много время в немъ, и не прикоснуся его огнь. Сие видѣвше Руси удивишася, чюдящеся силѣ Христовѣ, и вси крестишася». *876*

Умершю Рюрикови предасть княженье свое Олгови, от рода ему суща, въдавъ ему сынъ свой на руцѣ, Игоря, бѣ бо дѣтескъ вельми — Новгородская первая летопись, отразившая предшествовавший «Повести временных лет» Начальный свод, знает князя Игоря, сына Рюрика, при котором был воеводой, а не князем Олег. При этом Игорь — взрослый князь и действует он с Олегом совместно. А. А. Шахматов объяснил, почему составитель «Повести временных лет» переделал версию предшествовавшего ему Начального свода, сделав Олега из воеводы князем: составитель «Повести временных лет» получил дополнительный исторический источник в виде договоров русских с греками, включенных им в свой текст. В этих договорах Олег выступает как самостоятельный князь. Чтобы объяснить, почему Олег правит как князь, составитель «Повести временных лет» и сделал сына Рюрика Игоря малолетним, а Олега «регентом», но, стремясь поддержать идею единства княжеской династии, оговорил все же, что Олег — родственник Рюрика («от рода его суща»). Однако древнейшая киевская летопись, предшествовавшая Начальному своду, знает Олега как князя, а не как воеводу. Как князя поминают Олега и Иларион в своем «Слове о законе и благодати», и автор «Памяти и похвалы князю русскому Володимеру». Чем же объяснить, что различные летописцы то переводят Олега из князей в воеводы, то возвращают его снова в княжеское достоинство? А. А. Шахматов считает, что все эти династические комбинации летописцев имели целью утвердить единство княжеского рода (*Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. С. 916—921). Единства же этого по существу не было: Игорь и Олег родством между собой связаны не были (*Шахматов А. А.* Очерк древнейшего периода истории русского языка. Пгр., 1915. С. XXXII—XXXIII). Необходимо отметить, однако, что до конца выяснить причины, почему составитель Начального свода перевел Олега из князей в воеводы, А. А. Шахматову не удалось. В. Л. Комарович предположил, что причиной этого была борьба христианина-летописца с пережитками язычества. Рядом остроумных соображений В. Л. Комарович доказывал, что «вещий» князь Олег считался родоначальником русских князей и служил объектом языческого культа (см. ниже, с. 419—420). Борясь с культом «родоначальника» киевских князей Олега, составитель Начального свода и «перевел» его из князей в воеводы, из которых составителю «Повести временных лет» на основании полученного им в руки договора Олега с греками вновь пришлось его вернуть в княжеское достоинство (*Комарович В. Л.* Культ рода и земли в княжеской среде XI—XII вв. С. 93—94).[1] *879*

882 *Поиде Олегъ, поимъ воя многи... и приде къ Смоленьску съ кривичи, и прия градъ* — некоторые исследователи (В. А. Пархоменко и др.) считали маловероятным поход Олега из Новгорода в Киев. Однако движение с севера на юг было вполне естественным: дороги для походов Олега, Игоря и других были проторены торговыми связями севера с Константинополем. Движение Олега из Новгорода на юг в Киев и дальше на Царьград — это единое движение. Ср. сведения, сообщаемые византийским императором X в. Константином Багрянородным в сочинении «Об управлении империей», о Киеве как о торговом центре Руси на пути к Константинополю (см. выше, с. 386). Важно отметить, что и последний поход на Византию Владимира Ярославича в 1043 г. был предпринят также из Новгорода. Однако Олег не рассматривал Киев только как этап на пути в Константинополь. Олег превращает Киев в столицу Руси (см. ниже), может быть, делая это на том же основании, на котором позднее Святослав пытался перенести столицу из Киева еще дальше на юг — в Переяславец на Дунае (969 г.).

оттуда поиде внизъ, и взя Любець, и посади мужь свои — в предшествовавшем «Повести временных лет» Начальном своде Олег и Игорь от Смоленска спускаются прямо к Киеву (см. в Новгородской первой летописи: «...и налѣзоста Днѣпрь рѣку и Смолнескъ град; и оттолѣ поидоша внизъ по Днѣпру, и приидоша къ горам кыевъским»). Откуда же летописец мог взять эту новую деталь — захват Любеча? Составитель «Повести временных лет» исправил рассказ предшествующего Начального свода (он читается сейчас в составе Новгородской первой летописи) по договорам Олега с греками. Представляется поэтому вероятным, что и упоминание Любеча вставлено им на основании первого из договоров Олега с греками 907 г., в котором Любеч назван среди городов, подвластных Олегу: «И заповѣда Олег... даяти уклады на рускыа грады: первое на Киевъ, также на Чернигов... на Любеч и на прочаа городы, по тѣм бо городомъ седяху велиции князи, под Олгом суще». Этих «великих князей» составитель «Повести временных лет», согласно своей теории единства русской княжеской династии, отождествил с «мужами», посаженными Олегом.

И придоста къ горамъ хъ киевьскимъ — откуда могло здесь явиться двойственное число («придоста»)? Мы вправе были бы здесь ожидать либо единственное, либо множественное (поскольку в предшествующем тексте говорится только об Олеге, отправившемся вниз, «поим воя многи»). Разгадка заключается в предшествовавшем «Повести временных лет» тексте Начального свода (отразившемся в составе Новгородской первой летописи). В этом Начальном своде говорится все время о двух предводителях похода — князе Игоре и его воеводе Олеге. Там это двойственное число постоянно и употребляется: «И начаста воевати, и налѣзоста Днѣпрь рѣку... и узрѣста городъ Кыевъ... и потаистася въ лодьях, и с малою дружиною излѣзоста на брегъ... и съзваста Асколда и Дира». Составитель «Повести временных лет» переделал рассказ Начального свода: Олег у него князь, а не воевода (согласно с данными привлеченных им к летописанию договоров Олега с греками), Олег является единственным предводителем похода при малолетнем Игоре. Однако след старого текста, где поход предводительствуется двумя — Игорем и Олегом, сохранился в этом употребленном здесь двойственном числе.

яко Осколдъ и Диръ княжита — соправительство двух князей необычно для Руси. Арабский писатель X в. Маль-Масуди говорит о славянском князе Дире, не упоминая об Аскольде. Возможно, что Аскольд и Дир в разное время княжили на Руси. Они могли быть сделаны соправителями в народном предании, прикрепленном к их могилам в Киеве. Такого рода объединения общей одновременной смертью разновременных князей обычны: например, в «Повести о разорении Рязани Батыем», где в битве с татарами погибают князья, на самом деле умершие естественной смертью раньше или позднее (*Лихачев Д. С.* Повесть о разорении Рязани Батыем С. 129). Следует отметить, что в позднейших летописных сборниках Олег убивает не Аскольда и Дира, а Кия, Щека и Хорива (возможно, на основании каких-то устных преданий; см.: *Гиляров Ф.* Предания русской начальной летописи. М., 1878. С. 126 и след.).

И приплу подъ Угорьское, похоронивъ вои своя — литературоведы приводили многочисленные параллели из литератур египетской, греческой, римской, иранской, монгольской и всех западноевропейских, чтобы доказать распространенность мотива взятия города с помощью спрятанных или переодетых купцами воинов (*Орлов А. С.* Сказочные повести об Азове. Варшава, 1906. С. 158 и след.). Однако нет никакой нужды прибегать к такого рода

параллелям: захваты городов с помощью переодетых или спрятанных воинов были обычным явлением в жизни и непосредственно из жизни проникали в литературу. В частности, в Симеоновской летописи под 1446 г. рассказывается о захвате Дмитрием Шемякой и Иваном Можайским Троицкого монастыря с помощью переодетых и спрятанных воинов: «Онь же (Иван Можайский) повелѣ сани многы изрядити, какъ возы съ рогазинами, а инии съ полстми, а въ нихъ по два человѣка въ доспѣсѣ, а третий послѣ идеть, как бы за возомъ. И как предниеи (возы) уже ихъ (стражу) минуша, и тако выскакаша вси изъ саней и изнимаша ихъ». Ср. взятие персидского города Фарабада Степаном Разиным и т. д.

Да придѣта к намъ к родомъ своимъ — Никоновская летопись следующим образом объясняет это странное приглашение «гостя» (купца) Олега прийти к нему киевским князьям, перед этой фразой Олега в его речь вставлено следующее разъяснение: «...и нынѣ въ болѣзни есмь, и имамъ много великого и драгаго бисера и всякого узорочиа, еще же имамъ и усты ко устомъ рѣчи глаголати наша къ вамъ».

где ныне Олъминъ дворъ — дворы киевских бояр как своего рода топографические вехи неоднократно упоминаются в «Повести временных лет» и в последующей киевской летописи (ср. под 945 г.: «...идеже есть нынѣ дворъ Гордятинъ и Никифоровъ... идеже есть нынѣ дворъ Воротиславль и Чюдинъ»).[1]

на той могилѣ поставилъ Олъма церковь святаго Николу — кто такой был этот Ольма — строитель церкви Николы, чей двор находился от нее невдалеке, — не ясно.

а Дирова могила за святою Ориною — церковь Ирины с монастырем Ирины была выстроена при Ярославе («Повесть временных лет», 1037 г.) недалеко от церкви Георгия в пределах так называемого Ярославова города.

и рече Олегъ: «Се буди мати градомъ русъскимъ» — слова Олега имеют вполне точный смысл: Олег объявляет Киев столицей Руси (ср. аналогичный термин в греческом: μητρόπολις — мать городов, метрополия, столица). Именно с этим объявлением Киева столицей Русского государства и связана последующая фраза: «И бѣша у него варязи и словѣни и прочи (в Новгородской первой летописи — «и оттоле», т. е. с момента объявления Киева столицей Руси), прозвашася русью». Следующими двумя государственными начинаниями Олега были: укрепление городов («и нача городы ставити») и организация регулярного обложения населения данью на огромном пространстве всей Руси («и устави дань словѣномъ, кривичемъ, и мери...»). Летописец, таким образом, последовательно изображает государственную деятельность Олега с момента его вокняжения в Киеве.

И бѣша у него варязи и словѣни и прочи, прозвашася русью — смысл этих слов не совсем ясен (прозвались русью только «и прочии» или также и варяги со словенами; с каких пор и почему они так прозвались). В Новгородской первой летописи, отразившей в своем составе более древний, чем «Повесть временных лет», Начальный свод, князь, севший в Киеве, назван Игорем (об этом см. выше), а вся фраза читается так: «И бѣша у него в а р я з и м у ж и словени, и о т т о л ѣ прозвашася русью». Предполагаю, что этот более древний текст одновременно и более правильный. Смысл его таков: и были у него (у Игоря или Олега) наемные дружинники («варяги» в данном случае не этническая принадлежность, а профессия) из новгородских словен, и с тех пор («оттоле»), как северный князь (Игорь или Олег) водворился в Киеве (а по «Повести временных лет» еще и объявил этот Киев столицей Руси — «матерью городов»), они стали называться русскими вообще, а не новгородцами или варягами.

и устави дани словѣномъ, кривичемъ и мери — Б. Д. Греков обратил внимание на самую терминологию этого сообщения: Олег «устави» дань, а не «възложи»; термин же «устави» употребляется в смысле узаконения определенного порядка, тогда как «възложи» относится к дани на покоренные народы; см., например, ниже, под 884 г.: «...и побѣди сѣверяны, и възложи на нь дань легъку» (*Греков Б. Д.* Киевская Русь, ср. с. 298 и др.). Следовательно, по отношению к словенам, кривичам и мери Олег действует не как завоеватель, а как государственный деятель, определяющий повинности своих подданных.

и устави варягомъ дань даяти от Новагорода гривенъ 300 на лѣто, мира дѣля, еже до смерти Ярославлѣ даяше варягомъ — не все летописи одинаково передают это известие. В Уваровской летописи (Увар. № 188 Исторического музея) читается следующий текст: «И дань устави по всей земли: Новагорода по 300 гривен, иже и донынѣ дают». Здесь нет и речи о варягах. Древность этого текста подтверждается и заключением: «иже и донынѣ

даютъ». Уваровская летопись представляет собою ростовский свод, одним из источников которого послужили весьма древние новгородские летописи. Тот же текст читается и в Кирилло-Белозерской летописи (сокращенной). Ермолинская летопись логично опустила слова «иже и донынѣ даютъ». Поздние новгородские летописи дают такую поправку: «еже не даютъ». По-видимому, наиболее древний текст дошел до нас в Уваровской летописи и в сокращенной Кирилло-Белозерской. Киевский князь собирал дань, конечно, для себя и вряд ли мог устанавливать дань в пользу варягов (ср. в «Повести временных лет» под следующими 883, 884 и 885 гг. о возложении дани киевским князем в свою пользу). Слова «Повести временных лет» «еже до смерти Ярославлѣ даяше варягомъ» — поправка предшествующего текста Начального свода (слов «иже и донынѣ даютъ»), аналогичная поправка в Ермолинской, поздних новгородских летописях и т. п., с той только особенностью, что составитель «Повести временных лет» и здесь оказался во власти своей «варяжской теории» (см. о ней выше, с. 337).

883 *Въ лѣто 6391... Въ лѣто 6392... Въ лѣто 6393* — летописные статьи этих лет после-
885 довательно говорят о продолжении Олегом государственного дела объединения Руси, начатого в 882 г. захватом Киева, объявлением его столицей Русского государства, организацией его обороны и сбора дани. Под 883 г. говорится о подчинении Олегом (в Новгородской первой летописи Игорем) ближайших древлян и об обложении их данью. Под 884 г. говорится о подчинении Олегом более отдаленных северян и также об обложении их данью. Под 885 г. говорится о подчинении Олегом радимичей и также об обложении их данью. Не удалось Олегу покорить только уличей и тиверцев, но он пытался и их подчинить, что отмечено летописцем, конечно, не случайно.

И въдаша Ольгови по щьлягу — щьляг — монета, точное значение и происхождение которой не выяснено. Еще раз эта монета упомянута под 964 г. По-видимому, это монета польская (ср. литовск. szillings, англосакс. scilling, гот. skilliggs, польск. szelag). Сбор дани с радимичей и вятичей польской монетой «щелягом», очевидно, домысел летописца (так как Радим и Вятко, родоначальники князей радимичей и вятичей, — «от рода ляхов»!). На самом деле археологи никаких «щеляг» на территориях этих племен не находили. В главе «Деньги и денежное обращение» «Истории культуры древней Руси» (с. 376) Б. А. Романов пишет: «Начальная летопись сохранила не одно предание об обложении данью тех или иных покоряемых племен в IX и X вв. Они были записаны рукою городского летописца в середине XI в. и поэтому могут больше характеризовать современную ему действительность, чем точно воспроизводить факты, относимые им за 200 или за 100 лет назад; по-видимому, упоминаемые в его записях разнообразные формы дани бытовали еще и в XI в. Преимущественно это — натура: „белая веверица", якобы взимавшаяся „от дыма" в середине IX в. варягами с северных славяно-финских поселений и хазарами с южнорусских племен (Лавр. л., 859 г.); „черная куна", взимавшаяся будто бы Олегом с древлян (Лавр. л., 883 г.). Но относительно радимичей и вятичей в преданиях об Олеге и Святославе, записанных в той же летописи (885 и 964 гг.), упорно выступает упоминание о „щеляге" (шиллинге), который взимался издавна хазарами тоже „от дыма". Но было бы неправильно по этим слишком общим определениям строить представление об экономическом уровне тех или иных племен в целом и считать, например, радимичей или вятичей сплошь охваченными денежным обращением даже и в XI в. „Племена", попадавшие под киевскую или иную дань, представляли собою в XI в. уже достаточно дифференцировавшиеся общества со своими князьками, своими „вятшими" (т. е. лучшими) людьми, и самый сбор дани с них в деталях определялся степенью сложности этих внутриплеменных отношений. С точки зрения метрополии-покорительницы, все это были „смерды"; но сбор дани с этих „смердов" ложился на готовую местную организацию и, приспосабливаясь, использовал тот механизм, который уже был у этих племен налицо. Известная запись Новгородской I летописи о походе новгородцев на Югру (1193 г.) сообщает о способе сбора дани... Дань здесь рисовалась воображению пишущего как результат систематического и длительного (если не точно годичного) накопления и денег, и натуральных ценностей, собранных самими данниками без вмешательства покорителей в технику этого дела и определение предметов этого сбора, а тем более накопления. В таких случаях какой-либо мех или монета „от дыма" указывали лишь на счетный прием для вычисления общей суммы дани, а не на действительное наличие в каждом обитаемом „дыме" (т. е. дворе) этой монеты или именно этого сорта меха. А как шло это „накопление", какие внеэкономические или экономические приемы и методы шли в ход внутри данной

племенной организации, до этого победителю не было никакого дела; победитель становился лицом к лицу с местными князьями и с „городами", а не с массой и не с какой-нибудь лесной деревушкой. А это на практике открывало неограниченные возможности всяческих конверсий натуры в деньги и обратно...».[1]

Левонъ царствова, сынъ Васильевъ, иже Левъ прозвася, и брат его Олександръ, иже 887
царствоваста лѣтъ 20 и 6 — сведение это взято из Продолжателя Амартола: «По умертвии же Василиевѣ самодръжавному приатию Леон бысть премудрый и царствова лѣт 20 и 6 и мѣсяць 8» (*Истрин В. М.* Хроника Георгия Амартола. Т. 1. С. 527). Помещение этого сведения под 6395 (887) г. могло объясняться тем, что о предшествующем императоре Василии I Македонянине (867—886), чье вступление на престол помещено под 6376 (868) г., сказано, что он царствовал 19 лет. Вычисленная таким образом летописцем дата (887 г.) лишь относительно точна.

К с. 15

Идоша угри мимо Киевъ горою, еже ся зоветь нынѣ Угорьское — представляет 898
некоторое сомнение тот факт, что угры проходили мимо Киева, не вступив в столкновение с местными племенами. Здесь, возможно, летописец воспользовался топонимической легендой, объяснявшей происхождение названия горы Угорской прохождением здесь (на этом узком участке) угров. Между тем название это могло иметь и другое происхождение: например — как места стоянки угорских купцов. Возможно, что летописец принял в своем источнике гору Угорскую под Киевом за горы Угорские — Карпаты, через которые действительно перевалили угры на своем пути (см. немного дальше). Дата 898 г. относится, по-видимому, к этому движению угров, так как события, о которых повествуется дальше, произошли во всяком случае до 885 г. (год смерти Мефодия) и до 869 г. (год смерти Константина). По этому поводу А. А. Шахматов пишет: «То обстоятельство, что 6406 (898) г. довольно близко соответствует времени движения угров в Западную Европу, заставляет признать эту дату не случайною и не придуманною. Мадьяры в 893 г. были уже на устьях Дуная; император Леон дарами склонил здесь их военачальников Арпада и Кусана напасть на болгар, тревоживших империю. Отразив их нападение, Симеон болгарский обратил свое оружие против греков. После победы над ними у Булгарофила Симеон в союзе с печенегами напал на мадьяр в Бессарабии и принудил их удалиться к северу, где они утвердились окончательно между Дунаем и Тиссой. Отсюда видно, что нападение мадьяр на живших по Дунаю словен может относиться ко времени около 898 г.: к 895 г. относится занятие ими южной части современной Венгрии. Думаю, поэтому, что датой 6406 (898) г. определялось в „Сказании о преложении книг" овладение мадьярами средним течением Дуная и покорение ими живших здесь словен. Совершенно естественно, что составитель „Повести временных лет" этой датой, найденной им в „Сказании", определил появление мадьяр с востока и предполагаемое им (на основании географической терминологии) прохождение мадьяр через Киев» (*Шахматов А. А.* «Повесть временных лет» и ее источники. С. 83).[2]

аки се половци — половцы (куманы) впервые появились в южнорусских степях в 30—40-х годах XI в. Первая встреча Руси с половцами отмечена под 1054 г.[3] Этим определяется крайняя дата написания этого места летописи.

Бѣ единъ языкъ словѣнескъ — этими словами вводится рассказ об обретении славянской грамоты и моравской миссии Кирилла (Константина) и Мефодия, который А. А. Шахматов, Н. К. Никольский и другие считают существовавшим в отдельном от летописи виде и включенным в состав «Повести временных лет» в числе других материалов. Действительно, предмет этого рассказа выходит из поля зрения киевского летописца XI—XII вв. и вместе с тем обнаруживает довольно точное знакомство его автора с событиями деятельности Константина и Мефодия и западнославянской историей. А. А. Шахматов предложил назвать рассказ этот Сказанием о преложении книг на славянский язык и предполагал, что он включен в «Повесть временных лет» в неполном виде. Возможно, что это Сказание послужило основой для некоторых сведений, сообщаемых в космографическом введении к «Повести временных лет» (см. выше). Не ясно, чем вызвано помещение этого Сказания под 898 г. Во всяком случае, эта дата переложения книг неточна, так как Константин умер в 869 г., а Мефодий в 885 г. Другие источники указывают дату создания славянской азбуки — 855 г.

По-видимому, датой 898 г. определяется лишь движение угров мимо Киева (см. выше). Отрывки из недошедшей части Сказания отыскиваются А. А. Шахматовым в хронографической «Повести о латынех, когда отлучишася от грек» (см.: *Попов А.* Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян: (XI—XV вв.). М., 1875. С. 178 и след.). Сказание в качестве источника пользовалось Житием Мефодия, но только во второй части, а первая написана по памяти и заключает неточности (отмечаем их ниже).[1]

Симъ бо первое преложены книги моравѣ, яже прозвася грамота словѣньская, яже грамота есть в Руси и в болгарѣх дунайскихъ — летописец утверждает, что славянская азбука создана Кириллом-Константином, о чем и рассказывает далее. Это не означает, однако, что азбука, созданная Кириллом (Константином), была первой славянской азбукой и что до нее не было другой, даже с точки зрения летописца. О существовании славянской письменности еще до принятия христианства мы находим сведения в сообщении (921—922) арабского писателя Ибн Фадлана (Путешествие Ибн Фадлана на Волгу / Под ред. акад. И. Ю. Крачковского. М.; Л., 1939. С. 83), в «Книге росписи наукам» арабского писателя Ибн аль-Недима X в. (*Гаркави А. Я.* Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870. С. 201). Ибн аль-Недим пытается воспроизвести и славянскую надпись, но, по-видимому, очень неточно. Древнейшая русская надпись относится к первой половине X в. (*Авдусин Д. А., Тихомиров М. Н.* Древнейшая русская надпись // Вестн. АН СССР. 1950. № 4). О наличии письменности на Руси еще до принятия христианства свидетельствуют договоры русских с греками. В сказании о «письменах славянских» черноризца Храбра прямо говорится о каких-то «чертах и резах» еще до Кирилла: «Прѣжде убо словѣне не имѣху книгъ, чрътами и рѣзами чьтѣху и гатааху (считали. — *Д. Л.*), погани суще, крестивше же ся, римьскыми и гречьскыми письмены нуждаахуся писати» (*Шафарик П.* Славянские древности. Часть историческая. М., 1848. Т. 2, кн. 3. С. 109—110). Наконец, в самом Житии Кирилла-Константина имеется рассказ о том, что Кирилл-Константин встретился с русским, имевшим русские книги: «〈...〉 и дошедъ Корсуня 〈...〉 Обрѣте же ту Евангелие и Псалтирь, русьскыми писмены писано, и чловѣка обрѣть, глаголюща тою бесѣдою, и бесѣдова с нимъ и силу рѣчи приимъ, своей бесѣдѣ прикладаа различнаа писмена, гласнаа и съгласнаа; и къ Богу молитву творя, въскорѣ начять чести и сказати, и мнози ся ему дивляху» (*Лавров П. А.* Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. Л., 1930. С. 11, 12 (Труды славянской комиссии)).Некоторые исследователи пытались, однако, доказывать, что «русыкии» письмена в этом Житии не являлись на самом деле русскими, но безуспешно. Необходимо, однако, отметить, что в самой древней Руси было распространено убеждение, что та самая русская грамота, которую Кирилл-Константин нашел в Корсуни, и легла в основу славянской грамоты Кирилла. Так, в похвале русскому языку, читающейся в русской Хронографической Толковой Палее, источники которой восходят к русскому сводному произведению киевского периода, имеется следующее место, до сих пор не обращавшее на себя внимания всех писавших о начале русской письменности: «Се же буди ведомо всеми языкы и всеми людьми, якоже русскыи языкъ ни от куду же приа святыа веры сиа и грамота рускаа никимъ же явлена, но токмо самим Богомъ Вседержителем, Отцемъ и Сыном и Святым Духом. Володимеру Святый Дух вдохнул веру прияти и крещение от грек и проча наряд церковный, а грамота рускаа явилась Богом дана в Корсуне руску, от нея же научися философ Костянтинъ, отуду сложивъ, написавъ книгы рускым гласомъ, и еврейстей грамоте тогда же извыче от самарянина в Корсуни. То же муж русин бысть благовѣренъ помысломъ и добродѣтелью, в чистей вѣрѣ единъ уединився и тъй единъ от руска языка явися преже крестьяный и не ведом никимь же откуду есть бысть» (*Истрин В. М.* Редакции Толковой Палеи // ИОРЯС. 1905. Т. 10, кн. 4. С. 195). Таким образом, сознание того, что Кирилл не явился первым изобретателем славянской письменности и что какое-то русское письмо существовало уже до Кирилла, было распространено еще в древней Руси.[2]

Ростиславъ, и Святополкъ, и Коцелъ послаша ко царю Михаилу — первая часть Сказания о преложении книг на славянский язык отличается многими неточностями и, возможно, как отмечено нами выше, составлена по памяти без всякой справки с источниками. Посольство к императору Михаилу не было отправлено от Ростислава, Святополка и Коцела, так как Коцел был немецким вассалом и не имел права самостоятельных сношений с Византией. В 862 г. в Константинополь прибыло посольство только от моравского князя Ростислава. В основе желания Ростислава завязать отношения с Византией лежали поли-

тические цели. Дело в том, что до этого времени христианство распространялось в Моравии немецким духовенством. Для того чтобы сохранить культурную и религиозную самостоятельность чехо-моравских племен, Ростислав искал союза с Византией. Послы Ростислава, как об этом свидетельствуют «паннонские жития» Кирилла-Константина Философа и Мефодия, обратились с просьбой к императору вести проповедь христианства на славянском языке (немецкое духовенство вело ее на латинском). Послы говорили, что немецкие, латинские и греческие миссионеры «учаще ны различь», между тем как «мы словени проста чадь».

Есть мужь в Селуни, именемъ Левъ — по данным Жития Мефодия, когда прибыло моравское посольство, Льва (отца Константина и Мефодия) уже не было в живых. Это одна из неточностей первой части Сказания о преложении книг на славянский язык, отмеченных нами выше.

И умолена быста царемъ — согласно Житию Кирилла и Мефодия, император Михаил говорил Кириллу-Константину: «Слышиши ли, философе, рѣчь сию (т. е. послов Ростислава. — *Д. Л.*), ин сего да не можеть сотворити развѣ тебе». Император Михаил подчеркнул, что в нем, в Кирилле, заключены «дари мнози» для проповеди среди славян, в особенности — знакомство братьев со славянским языком: «Вы бо еста селунянина, да селуняне вьси чисто словѣньскы бесѣдують» (в Солуни было довольно многочисленное славянское население). Кирилл, как утверждается в Житии, согласился идти проповедовать христианство к славянам, если только у них есть письменность: «Рад иду тамо, аще имуть букви в язык свой». На это император ответил: «Дед мой и отьць мой и инии мнози, искавше того, не обрѣли суть, то како аз то могу обрѣсти». Кирилл возразил: «...то кто можеть на воде беседу написати или еретичьско имя себе обрѣсти». Прежде чем идти к славянам (а не придя уже к ним, как в «Повести временных лет»), Кирилл изобрел азбуку. Древнейшие памятники славянской письменности дошли до нас в двух алфавитах: в так называемой кириллице (алфавит этот утвердился затем в русской и южнославянской письменности) и в так называемой глаголице. В научной литературе существует большое разноречие во мнениях — какой из этих двух алфавитов изобрел Кирилл. Для окончательного вывода твердых данных нет. Пишущий эти строки склоняется к убеждению, что Кириллом была изобретена «глаголица» — искусственный алфавит, не получивший затем широкого распространения. Кирилл, изобретая славянскую азбуку, постарался придать ей возможно больше внешнего своеобразия (ср. резко отличающуюся от русской пермскую азбуку, изобретенную в XIV в. Стефаном Пермским). (Литературу вопроса см. в книге: *Черепнин Л. В., Чаев Н. С.* Русская палеография. М., 1945).[1]

и преложиста Апостолъ и Еуангелье — книги Нового Завета. В «Апостоле» собраны письма апостолов, адресованные христианским общинам и отдельным лицам по разным поводам. В них излагается христианское учение применительно к различным случаям общественной и частной жизни. Кроме того, в разделе «Апостольских деяний» говорится о проповеди апостолами христианства в различных странах.

Посем же преложиста Псалтырь, и Охтаикъ — Псалтирь — одна из книг Библии: она представляет собой собрание 150 псалмов, сложившихся в разное время и вошедших в богослужебную практику иудейской и христианской религий. Октоих — одна из богослужебных книг православной церкви с песнопениями, разделявшимися на восемь «гласов», или напевов (греч. ὀκτώ — восемь, и ἦχος — голос).

Не достоить ни которому же языку имѣти букъвъ своихъ, развѣ еврѣи, и грекъ, и латинъ, по Пилатову писанью — согласно евангельской легенде, на кресте, над головою Иисуса Христа, по приказанию Пилата (римского правителя Иудеи) прибили надпись на еврейском, греческом и римском (латинском) языках: «Иисус Назорей, царь иудейский». На этом основании в западной — римско-католической — церкви было распространено убеждение, что проповедь христианства, христианское богослужение и т. п. могут совершаться только на одном из этих трех языков.

Се же слышавъ папежь римьский, похули тѣх, иже ропьщуть на книги словеньския — немецкое духовенство сочло ересью перевод книг на славянский язык. Кирилл-Константин и Мефодий были вызваны в Рим, но здесь от только что занявшего папский стол Адриана II получили неожиданную поддержку: зная об успехах Кирилла-Константина и Мефодия в Моравии и Паннонии, Адриан II решил их вновь послать в славянские страны от своего имени главным образом для того, чтобы подчинить славян своему влиянию. Кирилл-Конс-

тантин умер в Риме, а Мефодий возвратился в Моравию с правом совершать богослужение на славянском языке и вскоре по просьбе паннонского князя Коцела был посвящен в сан епископа. Однако покровительство папы было только внешним. Немцы, разбив моравского князя Святополка, заключили Мефодия в тюрьму, откуда он был освобожден уже после того, как Святополк победил немцев.

К с.16

Костянтинъ же възвратився въспять и иде учить болгарьскаго языка — Житие Мефодия не заключает сведений о возвращении Константина и о его проповеди среди болгар. Проложная статья о Константине-Кирилле говорит, однако, о его проповеди в Болгарии.

на столѣ святого Онъдроника апостола, единого от 70, ученика святаго апостола Павла — апостолами («посланниками») называли 12 избранных учеников Христа, проповедывавших христианство. Название апостола применялось еще к 70 другим первым христианским проповедникам, одним из которых считался и Андроник.

от варягъ бо прозвашася Русью, а первое бѣша словене — см. объяснение этих слов выше (с. 400 и след.).

902 *Леон царь ная угры* — вся эта летописная статья основана на сведениях, приводимых у Продолжателя Амартола: «Сихъ же видѣвъ царь, яростию исполнився, Никиту нарицаемаго Склира в рѣку Дунаеви в лодиахъ, рекомым дромонии, дати дани угромъ, яко да на Семеона оружиемъ воюють... Угри, нашедшю, всю Болгарскую плѣняху землю. Семеон же увѣдѣвъ на угры обратися. Си же противупребредше брань на блъгары съчеташа и побѣдишя блъгары бошию, яко едва Семеону въ Дерестръ вбѣгнути» (*Истрин В. М.* Хроника Георгия Амартола. Т. 1. С. 529—530). Здесь имеется в виду попытка византийского императора Льва Философа подчинить себе Болгарию, не хотевшую больше терпеть монопольной эксплуатации своего царства кучкой крупных византийских торговцев. Лев Философ прибег к испытанному способу византийской политики: поднял против болгар венгров. Царь болгарский Симеон с трудом оборонялся от венгров в своих крепостях, но по их уходе разгромил их в Бессарабии. Поход угров имел место не в 902 г., а в 893 г. Откуда взял летописец свою неверную дату, не ясно. Попытка объяснения ее из данных Никифорова «Летописца вскоре» сделана А. А. Шахматовым («Повесть временных лет» и ее источники. С. 68—69).

903 *и приведоша ему жену от Пьскова, именемъ Олгу* — в Архангелогородской летописи добавлено: «десяти лѣтъ». В Новгородской первой летописи сказано: «...приведе себѣ жену от Плескова, именемъ Олгу» (Игорь здесь действует самостоятельно) и добавлено: «и бѣ мудра и смыслена, от нея же родися сынъ Святославъ». В Никоновской летописи и других XVI в. к этому же году отнесены сборы Игорем войска и кораблей. В Тверской летописи эти сборы приписаны не только Игорю, но и Ольге. Позднее вокруг женитьбы Игоря на Ольге создалось много легенд, но они имеют мало исторических оснований (тексты этих легенд см. в книге: *Гиляров Ф.* Предания русской начальной летописи. С. 153—158). В Типографской летописи, между прочим, сказано об Ольге: «Нѣцыи же глаголють, яко Ольга дчи (дочь) бѣ Олга».[1]

907 *В лѣто 6415. Иде Олегъ на Грекы* — датировка похода Олега на греков иная в Новгородской первой летописи — 6430 (922) г. Начальная часть Новгородской первой летописи заключает в себе текст так называемого Начального свода, более древнего, чем «Повесть временных лет». Хронологические данные Начального свода во многих случаях расходятся с хронологией «Повести временных лет». Начальный свод имел в качестве основы своей хронологии только русский компилятивный хронограф. В компилятивном же хронографе неудачный поход Игоря отнесен к 920 г. вслед за сообщением о венчании Романа на царство. Поход же Олега в Начальном своде изображен как отместка за поражение Игоря, а поэтому и отнесен к 922 г. (921 г. отведен под сборы). В «Повести временных лет» даты походов Олега и Игоря исправлены по датам договоров греков с русскими. Этих договоров не было в руках у составителя Начального свода — их получил лишь составитель «Повести временных лет», не только исправивший по ним датировки походов, но обративший внимание и на то обстоятельство, что в договоре Олега 911 г. последний назван не воеводой Игоря, а великим князем русским, действующим при этом вполне самостоятельно. Впрочем, А. А. Шахматов считает, что договора 907 г. не существовало (ср. аналогичные высказы-

вания И. Ф. Г. Эверса, Э. З. Тобина и В. И. Сергеевича). По мнению А. А. Шахматова, статьи договора 907 г. искусственно извлечены составителем «Повести временных лет» из договора 911 г. (см. статью: *Шахматов А. А.* Несколько замечаний о договорах с греками Олега и Игоря // Зап. Неофилологического об-ва при имп. Петроградском ун-те. 1914. Вып. 8. С. 385—400). Дело в том, что составитель «Повести временных лет» обратил внимание на начальные слова договора 911 г. «равно другаго свещания» (объяснение происхождения этих слов см. ниже, с. 420 и след.). Отсюда составитель «Повести» вывел заключение, что раньше договора 911 г. был еще один договор. Он предположительно отнес его к 907 г., решив, что этот первый договор был предварительным, заключенным сразу же после победы Олега. Текст этого договора 907 г. летописец (составитель «Повести временных лет») извлек из текста договора 911 г. (об этом см. ниже).[1] Почему же летописец отнес поход Олега и предположительно восстановленный им первый договор именно к 907 г.? Ответ на этот вопрос А. А. Шахматов строит следующим образом. Годы княжений Олега и Игоря летописец определил (возможно, на основании народных преданий) эпическим числом 33; ср. в конце сказания о смерти Олега от укуса змеи: «И бысть всѣх лѣтъ княжениа его 33», и в хронологической таблице 852 г. о княжении Игоря: «...а от перваго лѣта Игорева до перваго лѣта Святославля лѣт 33». Дата смерти Игоря была определена в предшествовавшем «Повести временных лет» Начальном своде 945 г. (эта же дата читается и в Новгородской первой летописи). Отсюда дата смерти Олега определялась летописцем как 912 г. (945 — 33 = 912). На то же, к какому году отнести поход Олега, составитель «Повести временных лет» получил указание из народного предания. В народном предании о смерти Олега говорилось, что он расстался со своим любимым конем еще до похода на греков. «И пришедшу ему Кыеву и пребывьшю 4 лѣта, на пятое лѣто помяну конь, от него же бяхуть рекли волсви умрети». Следовательно, заключил летописец, поход Олега имел место за пять лет до его смерти, т. е. в 907 г. Такое предположительное построение А. А. Шахматова наталкивается, однако, на одно препятствие: народное предание могло и не иметь этой цифры — 5 лет. Число 5 не принадлежит к излюбленным эпическим числам русского эпоса, как 3, 7, 33 и др. Возможно и обратное объяснение: цифра 5 легко могла быть вычислена летописцем, если он знал из других источников, что поход Олега относился к 907 г., а смерть — к 912 г.

и тиверци, яже суть толковины — что означает слово «толковины» — в точности неизвестно. Еще раз слово «толковины» встречается только в «Слове о полку Игореве»: «...сыпахуть ми тъщими тулы поганыхъ тльковинъ великой женчюгь на лоно». По-видимому, слово «толковин» связано со словом «толковать», объяснять, переводить. Ввиду того что в древности переводчиками обычно выступали жители пограничных районов, можно думать, что тиверци, жившие в тесном общении с греческим населением юга Руси, выступали в качестве переводчиков. Определение тиверцев как переводчиков в данном рассказе вполне логично, если мы примем во внимание, что речь идет о сборах Олега против греков. В «Слове о полку Игореве» слова «погание тльковины», по-видимому, означают тех «своих поганых», которые представляли собой половцев-язычников, осевших на Русской земле, подчинившихся русской культуре и нередко выступавших в качестве переводчиков в переговорах русских с половцами. Переводчиками считает «тлъковин» и В. М. Истрин (Хроника Георгия Амартола. Т. 2. С. 246).[2]

си вси звахуться от грекъ Великая Скуфь — см. выше, с. 393.

и греци замкоша Судъ — Суд — залив Золотой Рог, отделяющий Константинополь от его предместья Галаты. Эта первоклассная гавань «запиралась» в случае опасности цепью, протягивавшейся между двумя башнями у входа в залив. Турок Джават Эссад так описывает местоположение этой цепи: «Один из концов большой цепи, замыкавшей Золотой Рог, был прикреплен к башне, соседней с этими воротами (выше шла речь о воротах Неория или Евгения. — *Д. Л.*). Другой конец был привязан напротив на берегу Галаты к другой башне, находившейся подле замка, называемого теперь Куршунлу Махзен» (*Джават Эссад.* Константинополь. М., 1919. С. 98). В саге о Харальде Грозном рассказывается, как он прорвался в 1042 г. из Константинополя, причем один из его двух кораблей разбился о цепи, протянутые через Суд. В «Повести о взятии Царьграда фрягами», написанной каким-то новгородцем-очевидцем и помещенной в Новгородской первой летописи под 1204 г., говорится о том, что крестоносцы («фряги») «пришедъше въ Судъ, замкы желѣзныя разбиша, и приступивъше къ граду, огнь въвергоша 4-рь мѣстъ въ храмы». Позднейшие летописи

совершенно точно поняли это место «Повести временных лет». Львовская летопись (XVI в.) разъясняет, что следует иметь в виду под словом «замкоша»: «Рекше чипь (цепь. — *Д. Л.*) пропяша отъ Лахерныя церкви» (т. е. от церкви Божьей матери Влахернитиссы). В Тверской летописи сказано: «Сирѣчь пропяша чѣпь, протяженую отъ Галаты до Лахерньскиа церкви». Указание на церковь Влахернитиссы неточно.

К с. 17

И повелѣ Олегъ воемъ своимъ колеса издѣлати и воставляти на колеса корабля. И бывшю покосну вѣтру, въспяша парусы съ поля, и идяше къ граду — некоторые литературоведы пытались усмотреть в этом рассказе летописи «странствующий» литературный сюжет. Однако лодки и корабли, поставленные на колеса, — факт исторической действительности. Так, например, Анна Комнина пишет, что ее отец император Алексей при осаде Никеи греками и крестоносцами велел погрузить легкие суда на повозки и переправить их к озеру около города (*Анна Комнина.* Алексиада / Вступ. ст., пер., коммент. Я. Н. Любарского. М., 1965. С. 296). Вряд ли литературная выдумка и рассказ римского автора I в. н. э. Фронтина о лакедемонском полководце Лизандре, запертом со своим флотом в афинской гавани и отправившем своих воинов в обход сушей на кораблях, поставленных на колеса. В условиях речного судоходства на севере Руси — корабли и ладьи, поставленные на колеса, были явлением обычным. «Волочение» судов на колесах или катках происходило на Руси главным образом на севере, в местах водоразделов рек — особенно в районе среднерусской возвышенности, сохранившей целый ряд географических названий, связанных своим происхождением с этим «волочением» (Вышний Волочок, Заволочье). Киевский летописец рассказывает о движении кораблей Олега посуху, как о чем-то удивительном. Это и понятно — «волоков» близ Киева не было. Однако для «новгородца» Олега и его новгородской дружины в этом не было ничего необычного. Сам Олег, направляясь со своими воинами из Новгорода в Киев, неизбежно должен был пройти волоком между верховьями Ловати и Днепра. Нет ничего удивительного также и в том, что при «покосном», т. е. попутном, ветре на таких поставленных на колеса или катки судах могли подниматься паруса в помощь тем, кто эти суда «волочил». Характерно, что Олег движется «волоком» к Царьграду, после того как греки «замкоша Суд», т. е. после того как они преградили кораблям путь к Царьграду водою. В связи с этим в Новгородской первой летописи (где читается текст Начального свода) сказано сразу же после известия о том, что греки «замкоша Судъ»: «И повеле (Олег) извлещи корабля на брегъ», Олег перетянул «волоком» свои корабли выше протянутых цепей и спустил их в Золотой Рог перед менее защищенной частью Царьграда. К тому же приему прибегли и турки в 1453 г., наступавшие на Константинополь с севера и перетянувшие волоком свои суда из Босфора в Золотой Рог через Перу. См.: *Беляев Д. Ф.* Byzantina : Очерки, материалы и заметки по византийским древностям. Кн. 3: Богомольные выходы византийских царей в городские и пригородные храмы Константинополя. [СПб., 1907]. С. 82 (Зап. классическ. отд. Рус. археол. об-ва. Т. 4).

Нѣсть се Олегъ, но святый Дмитрей — под Дмитрием разумеется здесь святой Дмитрий Солунский (IV в. н. э.). Почему Олег сравнивается в данном случае именно с Дмитрием Солунским, не ясно: в житиях Дмитрия нет случая, чтобы последний разгадывал подносимую ему отраву.

И заповѣда Олегъ дань даяти на 2000 корабль, по 12 гривенъ на человѣкъ, а въ корабли по 40 мужь — гривна была известна на Руси и как украшение, надевавшееся на шею, и как денежная единица. В штрафной шкале Русской Правды гривна играла ведущую роль. Ее реальная стоимость была высокой: конь, весьма ценившийся в древней Руси, стоил 2—3 гривны; убийство «свободного мужа» расценивалось по Русской Правде в 40 гривен, «княжого мужа» (дружинника) — в 80 гривен. В определении количества дани, взятой Олегом с греков, сказалось, конечно, эпическое преувеличение, свойственное фольклору: 960 000 гривен, предполагая вес каждой гривны в одну треть фунта (согласно данным Д. И. Прозоровского (Монета и вес в России до конца XVIII ст. СПб., 1865)), составили бы 8000 пудов серебра. Принимая во внимание ценность серебра в X в., это количество следовало бы оценить в 6 720 000 рублей по курсу второй половины XIX в. (История культуры древней Руси. Т. 1. С. 377). Однако Б. А. Романов отмечает, что «на территории

древней Руси, где не было собственной добычи ни золота, ни серебра, скопилось в результате внешней торговли по трем направлениям (запад, юг и восток) и войн, несомненно, очень значительное количество драгоценных металлов. Не все оно, разумеется, циркулировало в денежной форме; много из него уходило через ремесленную переработку в украшения, предметы жизненной обстановки и обихода. Но за всем тем и в денежной, гривенной (слитковой) форме оно обращалось в немалых ... суммах». Б. А. Романов сообщает далее, что доходная часть смоленского «бюджета» (по грамоте 1150 г.) определялась круглой суммой в 3000 с лишним гривен. Указывает Б. А. Романов и на то, что расплата с войском, двинувшимся из Новгорода в 1015 г. с Ярославом Мудрым на завоевание Киева, составила по 10 гривен горожанину и по 1 гривне новгородцу-смерду. Принимая, — со всеми оговорками об относительности цифр в этом летописном припоминании, — что варяг получал те же 10 гривен, что и новгородец, и что приняло участие в походе тоже лишь 1000 горожан, мы бы имели здесь денежное выражение стоимости этого крупнейшего политического предприятия в 22 000 гривен. Анализируя эти и подобные факты, Б. А. Романов приходит к выводу: «В свете этих цифр 12 гривен „на ключь" в Олеговой легенде представляются близкими к вероятности, и легендарность в ней приходится допускать лишь в цифре кораблей» (там же, с. 378). В Эрмитажном списке не 2000 кораблей, а всего 12, однако в других списках всюду также упоминаются 2000 кораблей.

Олегъ же... нача миръ творити — как предполагает А. А. Шахматов, договор Олега 907 г. искусственно воссоздан летописцем на основании следующего за ним договора — 911 (912) г. С А. А. Шахматовым согласились А. Е. Пресняков, С. П. Обнорский и многие другие исследователи договоров. В самом деле, и договор 907 г., и следующий за ним договор 911 (912) г. взаимно дополняют друг друга, составляя единое целое; между договором 907 и договором 911 (912) г. не произошло никаких событий, которые должны были бы повлечь за собой перезаключение мирного договора (годы 908, 909, 910, 911 в летописи «пустые»). Это искусственное воссоздание летописцем мирных переговоров и самого текста договора 907 г. могло произойти следующим образом. В предшествующем «Повести временных лет» Начальном своде (см. Новгородскую первую летопись, где этот свод отразился) рассказ о победе Олега перед его отправлением обратно заканчивался на словах: «И заповѣда Олегъ дань даяти на 100, 200 корабль, по 12 гривнѣ на человѣкъ, а в кораблѣ по сороку мужь; самъ же взя злато и паволокы, и возложи дань, юже дають и доселѣ княземь рускымъ». Первая часть этих слов сохранена в «Повести временных лет». Затем составитель «Повести временных лет» изобразил трафаретную картину заключения договора: «И яшася греци по се, и почаша греци мира просити, дабы не воевал Грецкые земли. Олег же, мало отступивъ от града, нача миръ творити со царьма грецкима, со Леономъ и Александромъ». Вслед за тем летописец назвал имена послов Олега, взяв эти имена из договора 911 г., но, сократив их список, упомянул только четырех первых послов и одного последнего. Первой статьей договора 907 г. летописец сделал определение единовременной дани, которую греки должны были уплатить русским. Эта единовременная дань определена по уже читавшемуся выше сообщению: «И заповѣда Олег дати воем на 2000 корабль по 12 гривен на ключь» (ср. выше: «И заповѣда Олегъ дань даяти на 2000 корабль по 12 гривенъ на человѣкъ, а въ корабли по 40 мужь»). Переделка предшествующего текста «на человѣкъ, а въ корабли по 40 мужь» в более краткий текст «на ключь» (т. е. на уключину) объясняется тем, что летописец знал, что корабли, ходившие на Царьград, были обычно сорокавесельными, и в целях экономии изложения обошелся одним выражением «на ключь». Последующее сведение об укладах выведено также путем умозаключения (см. ниже в тексте договора Олега 911 г., где перечисляются города, купцам и послам которых предоставлено право получать месячное довольствие в Царьграде). Следующие затем две статьи заимствованы из договора 911 г. Статьи эти содержали обязательства греков в пользу Руси. В первой из них говорится о «слебном» (выплате, полагавшейся послам) для русских послов и о месячине для русских купцов, а также об обязательстве греков снабжать возвращающихся на родину русских всякого рода припасами. Во второй статье говорится о некоторых ограничительных условиях для русских, приходящих в Царьград, о месячном, взимаемом приходящими русскими, и о беспошлинной торговле русских купцов в Царьграде. Обеих этих статей именно потому и нет в договоре 911 (912) г., что они перенесены под 907 г. Договор же Игоря 944 (945) г. в общем сохраняет статьи договора 911 (912) г. с добавлением статьи договора 907 г. Отсюда

ясно, что договоры 907 и 911 (912) гг. составляли единое целое, аналогичное договору 944 (945) г. То обстоятельство, что статьи договора 907 г. должны были быть и в договоре 911 г., показал еще В. И. Сергеевич (Греческое и русское право в договорах с греками X в. // ЖМНП. 1882. № 1; Лекции и исследования по древней истории русского права. 4-е изд. СПб., 1910. С. 632 и след.). В. И. Сергеевич обратил внимание на то, что договор 944 г. имел целью возобновить «ветхий мир». Таким «ветхим миром» мог быть только договор 911 г. Договор 944 г. дважды прямо ссылается на этот договор 911 г.: «яко же установлено есть» и «яко же установлено есть». Однако в договоре 911 г. нет статей, оправдывающих эти ссылки. Вместе с тем обе статьи, соответствующие этим двум ссылкам, находятся в отрывках, читающихся под 907 г. Отсюда ясно, что статьи эти перенесены из договора 911 г. под 907 г. А. А. Шахматов указал и то место договора 911 (912) г., где первоначально читались статьи, перенесенные под 907 г. Действительно, исследователи давно обратили внимание на то обстоятельство, что отдельные статьи договоров снабжены заголовками (например, «О Руси о полонении»). В договоре 911 (912) г. читается, однако, малопонятный заголовок без самой статьи: «О взимающихъ куплю Руси» (так в Ипатьевской летописи, в Радзивиловской «От взимающихъ куплю Руси...»). Заглавие это явно испорченное (нельзя «взимать куплю»). Возможно, что эта статья носила название «О възимающихъ месячину и творящихъ куплю Руси» (ср. содержание соответствующей статьи в договоре 944 г.). В таком случае она будет соответствовать первой статье договора 907 г., как раз оставшейся в нем без всякого заголовка. Такова картина воссоздания летописцем договора 907 г., рисуемая А. А. Шахматовым (Несколько замечаний о договорах с греками Олега и Игоря. С. 393—400). Исследование С. П. Обнорского «Язык договоров русских с греками» подтверждает выводы А. А. Шахматова: язык договоров 907 и 911 (912) гг. не различается, тогда как язык договора 944 (945) г. отличается от языка договора 907 г. и 911 (912) г.[1]

на ключь — на уключину, под которой могла разуметься «вырезка в борту лодки или два кочетка, в коих ходит весло» (Даль).[2]

и потом даяти уклады на рускыа грады: первое на Киевъ, та же на Черниговъ, на Переаславль, на Полтѣскъ, на Ростов, на Любеч и на прочаа городы — в самом тексте договора, читающемся под тем же годом, упоминаются только три первых города: «...и тогда возмуть мѣсячное свое (русские, прибывающие в Царьград), — первое от города Киева, и паки ис Чернигова и ис Переаславля и прочии гради». Та же фраза с упоминанием тех же трех городов повторяется и в договоре 944 г. «Вполне возможно, — пишет по этому поводу Б. Д. Греков, — что летописец от себя прибавил к этому перечню городов Полоцк, Ростов и Любеч. Очень возможно, что эта прибавка сделана даже не автором „Повести", а его продолжателем — компилятором. Но главное не в том, кто это сделал, а в том — имелось ли к тому основание. Определенное сомнение вызывает наличие в этой прибавке Полоцка, который был присоединен к владениям киевского князя, по-видимому, только при Владимире I в 980 г., конечно, если основываться на данных Лаврентьевской летописи. Киев здесь поставлен на первое место не случайно. О Киеве как некоем экономическом и политическом центре говорит и Константин Багрянородный в своем труде „De administrando imperio"... Арабский писатель конца IX или начала X в. Джайхани, а также западноевропейские источники называют также Русью всю страну, зависимую от Киева» (*Греков Б. Д.* Киевская Русь. С. 291—292).[3]

по тѣм бо городомъ седяху велиции князи, под Олгом суще — «Об этих подчиненных, зависимых от Олега князьях, — пишет Б. Д. Греков, — настойчиво говорят тексты всех договоров. В договоре 911 г. после перечня послов, отправленных Олегом в Византию для оформления договора, сказано: „иже послани от Олга, великого князя рускаго, и от всѣх, иже суть под рукою его, свѣтлых и великих князь, и его великих бояръ". Дальше в договоре еще несколько раз говорится о том же и в тех же выражениях... О таких же князьях, зависимых от киевского князя Игоря, говорит и договор 944 (945) г.: послы и гости были посланы в Грецию „от Игоря, великого князя рускаго, и от всякоя княжья и от всѣхъ людий Руския земля". А несколькими строками ниже о том же посольстве договор выражается несколько иначе: „И великий князь нашь Игорь и князи и боляре его, и людье вси рустии послаша ны къ Роману, и Костянтину и къ Стефану, къ великимъ царемъ гречьскимъ, створити любовь съ самѣми цари, со всѣмь болярьствомъ и со всѣми людьми гречьскими на вся лѣта, донде же съяеть солнце и весь миръ стоить"». Далее Б. Д. Греков пишет, полемизируя с С. М. Соловьевым, видевшим в этих князьях «родичей» киевского князя:

«Едва ли не правильнее будет признать в этих князьях с несколько разукрашенными византийской терминологией титулами местных князей, которых систематически подчиняли себе, а потом и истребляли киевские князья. Когда писалась летопись, имена многих из этих князей уже были забыты, имена других летописец не счел нужным называть, поскольку у него была вполне определенная задача изобразить в наиболее привлекательном виде историю князей рюриковской династии, несомненно враждебной всем другим княжеским ветвям: мы знаем, как беспощадно расправились рюриковичи с непокорными им местными князьями» (*Греков Б. Д.* Киевская Русь. С. 293—294).[1]

мѣсячину — месячное довольствие.[2]

Поидучи же домовь, в Русь, да емлют у царя вашего на путь брашно, и якори, и ужища, и парусы, и елико имъ надобе — соответствующая статья имеется и в договоре 945 г. со ссылкой на предшествующий договор (911 г.), где ее нет: «И отходящей Руси отсюда взаимають от насъ, еже надобѣ, брашно на путь, и еже надобѣ лодьямъ, яко же уставлено есть преже».

Аще приидуть Русь бес купли — вся дальнейшая статья договора 907 г. почти дословно соответствует аналогичной второй статье договора 944 г.

и мужи его по Рускому закону, кляшася оружьемъ своим, и Перуном, богомъ своим, и Волосомъ, скотьемъ богомъ — обращает на себя внимание то обстоятельство, что как здесь, так и при заключении других договоров (944, 971) Русь присягает не по-германски, а по-славянски, клянется славянскими богами. Это указывает на то, что если среди послов и были скандинавы, то они подверглись значительной славянизации и, очевидно, считали себя представителями славян. В перечислении кумиров, поставленных Владимиром Святославичем в 980 г. в Киеве на холме «внѣ двора теремнаго», кумир Перуна занимал первое место. Кумир Перуна в том же году поставил Добрыня в Новгороде. По-видимому, Перун принадлежал к числу богов, культу которого покровительствовало государство, и носил не узко местный, а общерусский характер. Волос — «скотий бог» не отмечен в числе богов, культ которых распространял Владимир, но он также, по-видимому, принадлежал к богам не узко местным, а общерусским: кумиры Волоса стояли в Киеве (на Подоле) и в Новгороде. «Велеса» (Волоса) упоминает «Слово о полку Игореве». В этом последнем Боян назван внуком Велеса. Не следует ли отсюда, что Велес-Волос был не только «скотьим богом», но и покровителем поэзии?[3]

И повѣси щит свой въ вратех, показуа побѣду — в Ипатьевской летописи текст несколько иной: «И повѣсиша щиты своя въ вратѣхъ показающе побѣду». Вывешивание щитов победителей на главных воротах занятого ими города было, по-видимому, в древней Руси знаком победы, при этом связанным с каким-либо ритуалом. Замечательно, что представление о щите, как о символе победы, отразилось и в древнерусском языке в выражении «взять на щит» — «захватить», «взять приступом», всегда употребляемом только в отношении к городу.

И воспяша русь паруса паволочиты, а словене кропиньны — рассказ о парусах руси и словен носит все признаки фольклорного происхождения. По-видимому, под словенами разумеются в нем новгородские словене. Кто точно разумеется в этом рассказе под «русью», решить трудно (киевляне ли, дружинники князя или русские в целом?). Во всяком случае, рассказ этот скорее всего отражает недовольство новгородцев, подчеркнувших свое невидное положение в войске Олега, простоту и суровость своего походного быта. Кстати, отметим, что выше Новгород не назван в числе городов, на которые Олег требует «уклады». В «Повести временных лет» неоднократно подчеркиваются преимущества простого и сурового быта в походной и военной обстановке (ср., например, характеристику Святослава под 964 г., его презрение к богатству и к тем же паволокам под 971 г. и др.).

И прозваша Олга — вѣщий: бяху бо людие погани и невѣигласи — В. Л. Комарович обратил внимание на особый оттенок прозвища Олега — «вещий». «В позднейшей практике древнерусского исповедника слово „вещий", имело почти столь же широкое распространение, как и „волхв" или „кудесник"; это были синонимы, лишь с незначительными, неуловимыми теперь оттенками значений. „Есть ли за тобою... вѣщество, рекше вѣдание нѣкоторое, иль чары?" — спрашивал духовник (*Алмазов А. И.* Тайная исповедь в православной восточной церкви: Опыт внешней истории. Одесса, 1894. Т. 3: Приложения. С. 166). А покаянный номоканон, т. е. сборник правил о церковно-дисциплинарных взысканиях, говорил о вѣщицах:

„Ве́щица, аще покается, лет 9, поклонов 500". Та же самая девятилетняя епитимия, с пятьюстами поклонов на день, положена в том же сборнике „жене обавающей туждих своих", т. е. уличенной в наговорах чародейке. „Ве́щица", очевидно, и есть название такой чародейки. И подобно тому, как женская форма „волховь" или „волхва" (из тех же памятников) предполагает однозначную, более распространенную в древности мужскую форму „волхв", так, конечно, и „ве́щица" в памятниках XV—XVII вв. предполагает однозначную древнюю форму „вещий". Прозвище Олега, данное ему невегласами, говорило о сверхъестественной силе и знаниях этого князя-кудесника» (*Комарович В. Л.* Культ рода и земли в княжеской среде XI—XIII вв. С. 93). К этим наблюдениям В. Л. Комаровича следует прибавить следующий текст Псковской второй летописи: «Псковичи сожгоша 12 жонке вѣщих» (1411 г.). Эти предположения В. Л. Комаровича находят себе подтверждение и в археологических данных, на которые указывает Б. А. Рыбаков: «При насыпке Черной Могилы (близ Чернигова. — *Д. Л.*) люди, руководившие погребальным обрядом, не заботились о том, чтобы вытащить наверх (из погребения на верхушку кургана для обозрения при совершении погребального обряда. — *Д. Л.*) все оружие; много оружия они оставили на кострище. Но зато они очень внимательно отнеслись к тому, чтобы богаче представить связь погребенных с культом. Здесь мы видим и два турьих рога, обязательные атрибуты славянских божеств, два жертвенных ножа и, наконец, бронзового идола. Современники покойных дали нам понять, что под насыпью Черной Могилы лежат люди, облеченные правами не только военачальников, но и жрецов, люди, которым могут понадобиться на том свете и ножи для заклания жертв и священные ритоны для провозглашения благоденствия соплеменникам. Такое сочетание военного и жреческого могло быть только в лице князя. Во многих славянских языках князь и жрец звучат почти одинаково (чешский: князь — kněz, жрец — kněž; польский: князь — książę, жрец — ksiądz). Мы знаем, что у славян князья нередко выполняли функции верховных жрецов» (*Рыбаков Б. А.* Древности Чернигова. С. 34). Вот, следовательно, почему летописец, рассказав о том, что Олега прозвали «вещим», обратил внимание своих читателей на то, что люди тогда еще были язычниками.

911 *Явися звѣзда велика на западе копейным образом* — известие это могло основываться на тексте Продолжателя Амартола: «При семь (при императоре Александре) звѣзда явися велия от запада, копийника его нарицаху о сих злии» (*Истрин В. М.* Хроника Георгия Амартола. Т. 1. С. 541). Однако нашим летописцем это известие отнесено, очевидно, к концу царствования Леона, так как под 6420 (912) г. Леон упоминается в летописи еще как живой. По данным астрономов, комета эта была кометой Галлея, она прошла через перигелий 19 июля 912 г. н. э. Очевидно, что к 911 г. она отнесена в «Повести временных лет» ошибочно. Следующее появление этой весьма яркой кометы относилось к 989 г., но в «Повести временных лет» сведений о ней нет. Записи наблюдений над этой кометой начинаются только позднее: 1066 г. (перигелий 27 марта), 1145 г. (перигелий 29 апреля) и др. (*Святский Д. О.* Астрономические явления в русских летописях с научно-критической точки зрения // ИОРЯС АН. 1915. Т. 20, кн. 2. С. 201 и след.).

912 *В лѣто 6420* — читающийся ниже договор с греками Олега заключен «мѣсяца сентября 2, индикта 15, в лѣто созданиа мира 6420». Значит, в переводе на летосчисление от рождества Христова его следует датировать 911 г. Принятое иногда обозначение «договор 912 г.» — неправильно и вызвано тем, что в изданиях летописных текстов перевод лет «от сотворения мира» на года от рождества Христова осуществляется механическим вычитанием цифры 5508 без учета различий в начале года в зависимости от системы летосчисления (годы от «сотворения мира» начинаются с 1 марта или с 1 сентября, а годы от «рождества Христова» — с 1 января).

К с. 18

Равно другаго свещания — так же озаглавлен и договор Игоря 944 г. Н. А. Лавровский в своем исследовании «О византийском элементе в языке договоров русских с греками» (СПб., 1853) объяснил, что «равно» — это неудачный перевод греческого термина τὸ ἴσον, означающего копию, список, а также вообще экземпляр (ср., например, употребление слова τὸ ἴσον в заглавии дарственной Алексея Комнина и т. п.). Дело в том, что все договоры греков с другими народами составлялись в двух экземплярах. Один экземпляр (основной)

составлялся от имени императора Византии, а другой — от имени правителя страны, с которой велись переговоры (ср. в договоре 944 г.: «...едина харатья... на ней же есть крестъ и имена наша написана, а на другой послы ваши и гостье ваша»). Со второго экземпляра делался перевод на язык народа, с которым договаривались, и хартия этого перевода хранилась у правителя этого народа. Именно эти-то вторые копии договоров русских с греками и получил, очевидно, летописец в свое распоряжение. Как доказал С. П. Обнорский, эти договоры достались летописцу в переводах, современных самим переговорам (*Обнорский С. П.* О языке договоров русских с греками. С. 102). Переводы эти, как видим, были не совсем точными. «Но что такое „другаго свещания?" — спрашивает А. А. Шахматов (Несколько замечаний о договорах с греками Олега и Игоря. С. 389). — Н. А. Лавровский понимал это как „другая договорная грамота": следовательно, все выражение означало „список с другой договорной грамоты"; по-гречески было поэтому τὸ ἴσον или ἴσον τοῦ ἑτέρον συμβολαίου; ср. такое же объяснение у И. И. Срезневского (Славяно-русская палеография XI—XIV вв.: Лекции, читанные в С.-Петербургском ун-те в 1865—1880 гг. СПб., 1885. С. 97). Неясным, однако, представляется, что такое ἑτερον συμβόλαιον, другое совещание. Считаю более правильным предположение, из которого исходил тот же И. И. Срезневский, когда в „Материалах для словаря древнерусского языка" толковал слово „другый" в заглавиях всех трех договоров как дружественный, ἑταῖρος ἑταιρεῖος, φίλος. Итак, наши договоры назывались дружественными совещаниями, ἑταῖρον (ἑταιρεῖον, ἑταιρικόν) συμβόλαιον. Славянский переводчик вместо ἑταίρου (ἑταιρείου, ἑταιρικοῦ) прочел ἑτέρου (тождественное по произношению с ἑταίρου) и передал это через „другааго"». Такой перевод породил неправильное понимание заглавия договоров у летописца. Он понимал их так: «согласно с другим (предшествующим) договором». Поэтому-то летописец и решил, по вероятной догадке А. А. Шахматова, что перед договором 911 г. был еще один договор. Он его предположительно восстановил и поместил под 907 г. (см. с. 417). Что же касается до слов «бывшего при», то Н. А. Лавровский предполагает более правильным перевод: «находящейся (γινομένου, а не γενομένόυ) у (πρός)».[1]

Сравнительная таблица статей договора Олега 911г. и Игоря 944г.
(по М. В. Владимирскому-Буданову)[2]

№ статей		Содержание статей
договор 911 г.	договор 944 г.	
1—2	1	Исчисление послов и вступление.
3	12	О судопроизводстве.
4	13	Об убийстве.
5	14	О побоях и ранах.
6	6	О татьбе.
7	5	О грабеже.
8	9	О помощи при кораблекрушении.
9 и 11	7	О выкупе пленных.
10	—	О военной службе русских у греков.
12	3—4	О похищении и укрывательстве беглого челядина.
13	—	О наследстве.
14	—	О выдаче преступников.
—	2	О посольстве русских в Царьград и о правах их торговли там.
—	15	О военной помощи.
—	8	О Корсунской стране.
—	10—11	Об устье Днепра и черных болгарах.
15	16	Заключение и клятва.

при тѣх же царьхъ Лва и Александра — заглавие договора приводит имена двух царей-соправителей — Льва (30 августа 886—11 мая 912) и Александра (11 мая 912—6 июня 913 — опекуна малолетнего Константина Багрянородного; именовался императором еще при жизни Льва). Между тем в непосредственно следующих затем строках читаются имена трех императоров: Льва, Александра и Константина (Багрянородного, царствовал в 912—959 гг.). Очевидно, что отсутствие имени Константина в заглавии вызвано тем, что имена императоров согласованы со словами «равно другаго свещания, бывшаго при тѣх же царьхъ». Слова «другаго свещания» (их значение см. выше) были поняты так, что существовало какое-то первое совещание; это первое совещание, или договор, было искусственно воссоздано под 907 г. Однако договор 907 г. должен был быть составлен без Константина, который был венчан своим отцом Львом VI Философом на царство еще младенцем (род. 905) только 9 июня 911 г. Этим и объясняется, почему имя Константина в начале договора 911 г. было опущено. А. А. Шахматов предположил, что опустил имя Константина тот летописец, который внес договор 911 г. в летопись; он же, по предложению А. А. Шахматова, внес и слова «тех же» (*Шахматов А. А.* Несколько замечаний о договорах с греками Олега и Игоря. С. 391). Константин Багрянородный (или Порфирородный) фактически самостоятельно правил мало (945—959), предпочитая государственным делам литературные занятия. По его инициативе были осуществлены обширные литературные предприятия (например, «Энциклопедия истории и государствоведения»). С его именем связывают авторство четырех произведений: история его деда Василия I Македонянина, сочинение «Об управлении империей», обращенное им к своему сыну Роману (здесь Константин занимается чужеземной географией и рассуждает о приемах сношений с соседними народами; в этом сочинении имеются сведения и о Руси), сочинения «О военном и административном делении империи» и «О церемониях византийского двора», где имеются сведения и о приеме византийским императором русской княгини Ольги.

похотѣньем наших великих князь — слова эти показывают, что в X в. на Руси было много князей. Ср. в договоре Игоря 944 г.: «...послании от Игоря, великого князя рускаго, и от всякоя княжья». Несколько неясным представляется в договорах с греками значение слова «великий князь». Поздние московские летописи (Никоновская и др.) распространяют ретроспективно («задним числом») этот титул на всех киевских князей, начиная с Рюрика. Однако в древнейших списках летописей этот титул начинает употребляться только со второй половины XII в. (на северо-востоке первым «великим князем» был Всеволод Юрьевич, в Киеве — Рюрик Ростиславич). По-видимому, слово «великий» имеет в договоре то же значение общего почетного титулования, что и «светлый», но не больше.[1]

межи хрестьяны и Русью — в договорах греков с русскими всюду под словом «христиане» следует разуметь не христиан вообще (они были и среди русских: ср. окончание договора 944 г. — «Аще ли же кто от князь или от людий руских, ли хрестеянъ, или не хрестеянъ» и др.), а подданных Византийской империи.

да елико явѣ будеть показании явлеными — здесь следует видеть указание на то, что иски доказываются не только материальными следами события, но и показаниями свидетелей. Как явствует из дальнейшего, если судья найдет недостаточными эти доказательства, он присуждает присягу — дополнительную или очистительную (*Сергеевич В. И.* Греческое и русское право в договорах с греками X в. С. 112).

да умрет, идѣ же аще сотворить убийство — здесь устанавливается право расправы с преступником на месте преступления. Ср. в статье 21 Краткой Правды: «Аже убиють огнищанина у клѣти, или у коня, или говяда, или у коровьѣ татьбы, то убити въ пса мѣсто», а также в договоре смоленского князя Мстислава Давыдовича с Ригой, Готландом и немецкими городами 1229 г.: «Который русин или латиньский имьть татя, над тѣмь ему своя вѫля, камь его хочеть, там дѣнеть».

а и жена убившаго да имѣеть — Д. М. Мейчик (на основании предшествующих соображений В. В. Макушева) предлагает такое чтение этого места «а иже на убившаго да имаеться», что значит: «а кто выступит с обвинением против убившего», тот получает наравне с родственниками убитого (*Мейчик Д. М.* Система преступлений и наказаний по договорам Олега и Игоря и Правда Ярослава // Юридический вестник. 1875. № 1 и № 2—3; ср. его же: Русско-византийские договоры // ЖМНП. 1915. № 11; 1916. № 3, 11; 1917. № 5).

Однако предлагаемые нами чтения этой статьи и перевод оправдываются статьей 94 Пространной Правды, где ограждаются права отдельной имущественной части, принадлежащей жене: «Ежели ж случатся дети от первой жены покойного, те да возьмут имущество своей матери, или чем муж ее наградил; и кроме их никто не имеет участия в том имуществе» (цитирую в переводе).[1]

Аще ли ударить мечем, или бьеть кацѣм любо сосудомъ, за то ударение или бьенье да вдасть литръ 5 сребра по закону рускому — в этой статье договора особенно интересна ссылка на закон русский. Русские, следовательно, выступают в договорах не как варварский народ, а как народ, обладающий законами, равноправными сложно развитой правовой системе Византии. Это убеждает в том, что совпадения также и других статей договоров с русским законодательством не случайны. В данном случае ссылка на «закон русский», от X в. до нас не дошедший, может быть проверена сопоставлением этой статьи со статьей 3 Краткой Правды, где сказано: «Аще ли кто кого ударить батогом, любо жердью, любо пястью, или чашею, или рогом, или тылеснию, то 12 гривне; аще сего не постигнуть, то платити ему, то ту конець». О «законе русском» С. В. Юшков пишет следующее: «Составители договоров сделали, на наш взгляд, довольно искусную попытку приспособить греческое (византийское) право, характерное для развитого феодального общества, к русскому праву («закону русскому»), т. е. к системе права варварского, дофеодального государства. Но что собой представляет это русское право — „закон русский"? Является ли оно „славянским" правом, т. е. некоей абстракцией ... или правом восточного славянства?.. Представление о „славянском", или, вернее, „общеславянском", праве не может быть принято, поскольку славяне в X в. находились на разных ступенях общественно-экономического развития, и, следовательно, в системах их права должны были существовать большие различия. Но и восточное славянство также не было однородно по своему общественно-экономическому развитию. Достаточно вспомнить существование такого племени, как вятичи, которые и к XII в. не вышли еще из стадии родоплеменных отношений. Следовательно, не могло быть какой-то единой системы права племен восточного славянства. „Закон русский" означает систему права, сложившуюся в основных центрах Руси, той социальной группы, которая возникла в результате разложения первобытнообщинного строя восточного славянства. Несомненно, крупных различий между отдельными центрами Руси не было, и, следовательно, могла возникнуть единая система русского права, которую можно противопоставить системе греческого права» (*Юшков С. В.* Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949. С. 85).[2]

аще украдеть что любо русин у хрестьанина, или паки хрестьанинъ у русина, и ятъ будеть в том часѣ тать, егда татбу сътворить, от погубившаго что любо, аще приготовить ся тать творяй, и убьенъ будеть, да не взищеться смерть его ни от хрестьанъ, ни от Руси — в этой статье предусматривается ненаказуемость убийства вора, пойманного на месте преступления. Более детально об этом говорит статья 38 Краткой Правды: «Аще убьють татя на своемъ дворѣ, любо у клѣти, или у хлѣва, то той убитъ; аще ли до свѣта держать, то вести его на княжь дворъ; а оже ли убьють, а люди будуть видѣли связанъ, то платити в немь». Ср. также статью 21 Краткой Правды, разрешающей убийство вора на месте преступления, но излагающей это правило более казуистично — применительно к вору-огнищанину.[3]

Аще кто от хрестьянъ или от Руси мученьа образом искусъ творити, и насильемъ явѣ возметь что любо дружне, да въспятить троиче — здесь, следовательно, от обычной кражи отличается вымогательство и грабеж, хотя и наказуемые точно так же, как и обычная кража, — тройной ценой украденного (ср. предшествующую статью). Это «троиче» договора Олега напоминает «двоиче» статьи 46 Пространной Правды: «Аже будуть холопи татие любо княжи... то д в о и ч е платить ко истьцю за обиду». Следовательно, возвращение тройной или двойной цены украденного потерпевшему — не вознаграждение его за утерянное, а наказание «вора» или разбойника («штраф») «за обиду». «Дружне» перевожу как «чужое». В Ипатьевской летописи «дружинне» — и давало повод исследователям видеть в данном случае грабеж «дружиною» — шайкой.

искусъ творити — И. И. Срезневский сопоставляет значение «искус» с греч. πεῖρα, πείραμα, πείρασις — искушение, испытание, покушение, разбой, откуда получили свое название и разбойники — «пираты». По-видимому, «искус творити» означает «разбойничать», «отнимать силою», «грабить».[4]

К с. 19

Аще вывержена будеть лодьа вѣтром — А. А. Шахматов предлагает внести следующие поправки во вторую часть статьи: «...да проводимъ ю в грьчьскую землю (вм. в Рускую землю), и да продаем (вм. продаюто)... и лодию вратим им (вм. воволочим) мы Русь, да егда ходять (вм. ходим) в грекы...».[1] Исправление А. А. Шахматова превращает всю вторую часть статьи о застигнутой в море бедствием ладье в защищающую права греков.[2] Однако в таком случае эта вторая часть явилась бы простым повторением первой. На самом деле она ограждает права русских в той же мере, как первая часть ограждала права греков (обратим внимание на значение частицы «ти», начинающей вторую часть этой статьи, — «также», «подобно тому как»).

боронениа земнаго боронима — перевод «на мель сев задержана» условен.

Аще ли лучится кому от лодьи убеену быти от нас Руси, или что взято любо — эта статья комментируется, как указывает М. Шангин, законодательством императора Льва VI (886—912), направленным против грабителей имущества потерпевших кораблекрушение (Новелла 64 императора Льва VI определяет наказание преступников — возмещением четырехкратной стоимости украденного). (*Шангин М.* Комментарии к двум статьям договора Игоря с греками 945 г. // Историк-марксист. 1941. № 5. С. 111).

челядинъ — дворовый человек. Не ясно, следует ли отличать «челядина» от холопа. Мнения исследователей по этому поводу расходятся. Б. Д. Греков посвятил понятию «челядь» специальное исследование (*Греков Б. Д.* Киевская Русь. С. 152—165) и понимал его в широком смысле: «и рабов и не рабов». Наблюдение над словоупотреблением письменных памятников привели Б. Д. Грекова к заключению, что значение слова «челядь» менялось, отражая историю общественных отношений с очень отдаленной поры.[3]

Егда же требуетъ на войну ити, и сии хотять почтити царя вашего... да будуть — эта статья предусматривает право русских наниматься в войска Византии. Речь идет вовсе не о пленных русских, как пытались истолковать ее некоторые комментаторы. В договоре смоленского князя Мстислава Давыдовича с Ригой, Готландом и немецкими городами 1229 г. имеется статья, касающаяся приезжих обеих сторон: «Латиньскому не ехати на вьину с княземь, ни с Русию, аже сам хочеть, тот едеть. Тако русину не ехати с латиньскымь на вьину, ни у Ризѣ, ни на Гочкомь березѣ; аже хочеть сам, тъ ть едеть» (Русско-ливонские акты, собранные К. Напиерским. СПб., 1868. Приложение № 1).

обретаемое да поимуть ѐ — в соответствующей статье договора 944 г. за этими словами читается следующее логическое продолжение их: «...аще ли не обрящется, да на роту идуть наши хрестеяне Руси по вѣрѣ ихъ, а не хрестеянии по закону своему, ти тогда взаимають от насъ цѣну свою, яко же уставлено есть преже, 2 паволоцѣ за челядинъ». Вряд ли договор 911 г. не предусматривал возможности того, что «ускочивший челядин» не разыщется, тем более, что договор 944 г., как мы видели, прямо ссылается на предшествующий договор 911 г. Следовательно, в этом месте договора 911 г. явный пропуск.

местникъ — одна из сторон в судебном процессе (слово это связано с корнем «месть»), но не «местный житель», как пытались переводить некоторые исследователи.

Аще кто умреть, не урядивь своего имѣнья, ци своих не имать, да възвратить имѣние к малым ближикам в Русь. Аще ли сотворить обряжение таковый, возметь уряженое его, кому будеть писал наследити имѣнье его, да наследит ѐ — о том же самом говорит и статья 92 Пространной Правды: «Аже кто умирая раздѣлить домъ свой дѣтемъ, на том же стояти; паки ли безъ ряду умреть, то всѣмъ дѣтемъ, а на самого часть дати души». Из этой статьи Пространной Правды видно, что под «ближиками» договора следует разуметь прежде всего «детей». Весьма важно здесь также свидетельство договора 911 г. о наличии письменных завещаний у русских в начале X в. Такие письменные завещания от более позднего времени дошли до нас: «рукописание» новгородца Климента XIII в. (см.: *Срезневский И. И.* Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках. СПб., 1876. С. 38—42) и завещание князя Владимира Васильковича Волынского (Ипатьевская летопись под 1287 г.).

Аще злодѣй не възратиться в Русь, да жалують Русь хрестьаньску царству, и ятъ будеть таковый, и възвращен будеть, не хотя, в Русь — первое «не» вставлено по смыслу. А. А. Шахматов предполагал более сложное исправление. В греческом подлиннике якобы

читалось: «Аще злодѣй възвратиться в Русь, да жалуемъ русьскому кънязю... в грекы». По мнению А. А. Шахматова, «в Русь» один раз заменило «в грекы» подлинника, а другой раз сохранено по ошибке. В этой статье, по мысли А. А. Шахматова, отстаиваются права греков, а не русских (*Шахматов А. А.* Несколько замечаний о договорах с греками Олега и Игоря. С. 406). Однако всей сложной переделке А. А. Шахматова резко противоречит следующая же фраза этой статьи: «Си же вся да створять Русь грекомъ, идѣже аще ключиться таково». Смысл этой фразы в том, что русские обязуются сделать то же для греков, что, очевидно, в первой части статьи греки обязывались сделать для русских.[1]

Ивановым написанием — по-видимому, здесь имеется в виду писец Иван, может быть, переводчик. Ф. И. Круг предлагал без достаточных оснований следующее чтение этого места: «киноваревъмь написаниемь», имея в виду обычай византийских императоров писать пурпурными чернилами.[2]

на двою харатью, царя вашего и своею рукою — исследователи договоров русских с греками, исходя из описания хода дела при заключении договора между Византией и Персией в 628 г., сделанного византийцем Менандром, следующим образом описывают процедуру заключения мирных договоров Византии. Обычно изготовлялись два экземпляра договора — на греческом языке и на языке того народа, с которым договор заключался. Первоначально изготовлялся греческий экземпляр грамоты, который затем переводился на язык договаривающегося с Византией народа. В переводе изменялась и внешняя форма договора: греческая грамота была составлена от имени императора, перевод же составлялся от имени главы договаривающегося народа и его подданных. Соответственно менялись местоимения и глагольные формы («мы», «нашь» — «вы», «вашь» и т. п.).

К с. 20

по закону и по покону языка нашего — в Лаврентьевской летописи чтение иное: «по закону и по закону языка нашего». Более понятно принимаемое нами здесь чтение Ипатьевской летописи. «Покон» — обычай.

межи вами бывающаго мира — здесь «вами» ошибочно переделано из правильного «нами» в результате общей мены личных форм местоимений и глаголов при изготовлении второй хартии.

Царь же Леонъ почти послы рускые... и приставі к ним мужи свои показати им церковную красоту — откуда мог взять составитель «Повести временных лет» все эти сведения? Их нет в предшествующем Начальном своде, где отсутствует и самый договор (см. Новгородскую первую летопись, где отразился Начальный свод). По-видимому, составитель «Повести временных лет», включая в летопись тексты договоров, стремился конкретно представить заключение договоров и сделал это отчасти по образцу, данному в рассказе 988 г. о пребывании посольства Владимира в Константинополе.

и паволоками, и фофудьами — шелковые ткани, ввозившиеся из Византии и восточных стран и отличавшиеся тщательным подбором цветовых оттенков и узоров. В «Молении» Даниила Заточника говорится: «Паволока бо испестрена многими шолкы и красно лице являеть». Паволоки особенно ценились на Руси: они упоминаются всюду, где говорится о торговле с Византией. Иногда паволоки служили мерилом ценности: в договоре Игоря говорится: «2 паволоци за челядин». «Фофудьи» несколько позднее назывались на Руси «аксамитами». «Аксамит», или, точнее, «гексамит», по-гречески означает «шестинитчатый». «Преобладающим для аксамита был „звериный" орнамент (стилизованные грифоны, львы, орлы и пр., расположенные обычно в круглых медальонах), тона — красный и фиолетовый» (*Арциховский А. В.* Одежда // История культуры древней Руси. Т. 1. С. 254—255).[3]

И приспѣ осень — договор с греками был заключен 2 сентября 6420 г. Русские послы оставались в Царьграде некоторое время для его осмотра. Затем послам Олега требовалось некоторое время на возвращение в Киев. И после всего этого: «И живяше Олегъ миръ имѣа ко всѣм странамъ, княжа в Киевѣ. И приспѣ осень». Ясно отсюда, что слова «и приспѣ осень» относятся к следующей осени — не 911, а 912 г. н. э. того же 6420 г. от «сотворения мира».

и помяну Олегъ конь свой — рассказ о смерти Олега читается в Новгородской первой летописи не под 912 г., а под 922 г. и в иной редакции: «Иде Олегъ к Новугороду, и оттула

в Ладогу. Друзии же сказають, яко идущю ему за море, и уклюну змиа в ногу, и с того умре; есть могыла его в Ладозѣ». Оба рассказа записаны летописцем на основании народных преданий («друзии же сказають») и оба опираются при этом на конкретные свидетельства материальных памятников («и погребоша на горѣ, еже глаголеться Щековица; есть же могила его и до сего дни, словеть могыла Ольгова» — по «Повести временных лет»; «есть могыла его в Ладозѣ» — по Новгородской первой летописи). «Больше того, — пишет В. В. Мавродин по этому поводу, — в самом Киеве были две могилы Олега: на Щековице и у Жидовских ворот. Этот разнобой объясняется, возможно, тем, что „могила" означала „памятник" и представляла собой холм («могила» в смысле «гора», «холм», «насыпь»), насыпаемый во время тризны в честь умершего» (*Мавродин В. В.* Образование древнерусского государства. Л., 1945. С. 235).

Се же не дивно, яко от волхвованиа собывается чародѣйство — передав народное предание о смерти Олега, в котором волхвы оказываются правыми, летописец стремится парализовать действие этого языческого предания и противопоставляет ему свою, христианскую, точку зрения на волхвов. Такие выпады против волхвов неоднократны в «Повести временных лет» (ср. под 1071 г. о белозерских волхвах и о волхве новгородском и др.).

Якоже бысть во царство Доментианово — текст этот до конца летописной статьи (до слов «не чюдесы прелщати») представляет собой почти дословную выписку из русского перевода Хроники Георгия Амартола (*Истрин В. М.* Хроника Георгия Амартола. Т. 1. С. 304—306). Русский текст этой выписки местами недостаточно ясен. Доментиан — римский император Домициан (81—96 гг. н. э.).

Аполоний Тиянинъ — Аполлоний Тианский — греческий философ пифагорейской школы I в. н. э., слывший «волшебником».

К с. 21

Оронтий — город, стоявший на берегу реки Оронт, течет в Средиземное море из пределов Сирии (теперь река эта носит название Нахр ал-Аси).

Еще же, но именемъ господнимъ, и пророчествоваша нѣции, яко Валам, и Саулъ, и Каиафа, и бѣси паки изгнаша — согласно библейской легенде, Валаам имел пророческий дар от Бога, но был в то же время язычником. Однажды, рассказывается в Библии, его ослица почувствовала приближение ангела, которого не почувствовал сам Валаам, лишенный своего пророческого дара за то, что он сделал этот дар предметом торговли. Бог «отверз уста» ослице, и она «проговорила» человеческим голосом, «посрамив» тем Валаама. Таким же пророком, только временно пророчествовавшим, по библейской легенде, был и царь Саул. Кайафа — еврейский первосвященник.

И Навходоновсоръ законопреступный — согласно библейской легенде, противник евреев, вавилонский царь Навуходоносор дважды имел пророческие сновидения.

Симонъ волхвъ, и Менандръ — Симон волхв I в. н. э. — основатель гностической секты симониан, признававшейся еретической. Ему приписывалась способность делать чудеса. Менандр — один из последователей Симона.

913 *В се же время поча царьствовати Костянтинъ, сынъ Леонтовъ* — сведение это может восходить к Продолжателю Амартола, где читаем: «Костянтинъ, Леонтовъ сынъ, в прапрудѣ рожденый» (*Истрин В. М.* Хроника Георгия Амартола. Т. 1. С. 542.). Константин Порфирородный царствовал с 913 по 959 г.

914 *Иде Игорь на деревляны, и побѣдивъ а́, и возложи на ня дань болши Олговы* — здесь имеется в виду известие 883 г.: «Поча Олегъ воевати деревляны, и примучивъ а̀, имаше на них дань по чернѣ кунѣ». Летописец Переяславля Суздальского относит это известие к 912 г., Новгородская первая летопись — к 922 г., соединяя его с рассказом о Свенельде (см. ниже под 945 г.), Львовская летопись — к 913 г.

В то же лѣто прииде Семионъ Болгарьскии на Царьград, и сотворивъ миръ и прииде восвоаси — это известие почерпнуто летописцем у Продолжателя Амартола: «Августа же мѣсяца Семеон, болгарский князь, воином изиде на грекы с народомъ тяжкым, приде к Констянтиню граду и осѣде ѝ от Влахерны и до глаголемых Златых Врат... возвратися, мирскых клятвъ прося: поручником же миролюбезно приимшемь, посла Семеонъ Феодора магистра своего бесѣдовати о миру... Семеон же и оба сына его въ свою страну обратишыся,

без глашеных грамот о мирѣ разидошяся» (*Истрин В. М.* Хроника Георгия Амартола. Т. 1. С. 544—545).

Приидоша печенѣзи первое на Рускую землю — печенеги появились в причерноморских 915
степях значительно раньше. В VIII и IX вв. шла упорная борьба между печенегами и хазарами. Летописец отмечает здесь только первый из известных ему набегов печенегов на Русскую землю.

В си же времена прииде Семионъ пленяа Фракию — это известие до конца летописной статьи (до слов «Ондрѣянемъ градомъ») почерпнуто у Продолжателя Амартола, причем летописец довольно свободно обращается со сведениями последнего. Ср. у Продолжателя Амартола: «Семеону же Болгарину Фракию пакы плѣнующу... проси Иоанн Вога быти ему патрикиемь: „Приведу на Семеона печенѣгы". Прошение получивъ и дары взем, в Печенѣжскую страну вниде. И се тали оттуду поемъ, приведе в Костянтинь град. Яко сложившемся печенѣгом, и прешедше Дунавь, на Семена въевати... септевриа мѣсяца индиктиона третиаго Панкрат Арменянинъ Одринъ град Семеону подасть, иже древле бо Орестиань град нарицашеся от Орѣста, сына Агамѣнь, и онъ же... в трех рѣках купався, недуга избы, ту же сь град създавъ, (въ) свое имя нарече. Андриан же кесарь твердымъ и добрым създаниемь възвеличилъ его, град Андриань имя ему нарече» (*Истрин В. М.* Хроника Георгия Амартола. Т. 1. С. 545—546). О ссоре греческих воевод и о битве греков с болгарами, в которой греки потерпели поражение, в вышеприведенном тексте сведений нет, но они есть у Продолжателя Амартола несколько дальше: «Мѣсяца же августа въ 20, индиктиона пятаго, съступъ бысть между болгары и грекы у рѣкы глаголемыа Ахолонесъ бишася... побѣждения быша греци съ всѣми вои, и бысть побѣгъ бошию и страшно рыдание с кричаниемъ, и другъ друга тьпчюще, инии от противных посѣкаеми, и крови же пролитие, яко от вѣка не бысть» (там же, с. 547; разрядкою набраны места, близкие к «Повести временных лет»). Еще дальше находим у Продолжателя Амартола сведения о ссоре греческих воевод и об отступлении печенегов: «Роман же Иоанъ Вога в реть и въ словосварение съшедшемася, видѣвъше же печенѣзи межи собою реть гоняще и противящеся, отидошя въ своа си» (там же, с. 548). Поражение греков, судя по русскому тексту Продолжателя Амартола, имело место не в 915, а в 917 г. («индиктиона пятаго»), хотя в греческом тексте Продолжателя Амартола и указан индикт 3, что соответствовало бы 915 (6423) г.

град Ондрѣнь, иже первое Арестовъ град нарицашеся, сына Агамемнонъ — Адрианополь расположен в 240 км к северо-западу от Константинополя. Некоторые византийские писатели утверждали, что он назывался Орестеа или Орестейас по имени Ореста — сына Агамемнона — героя известной осады Трои.

К с. 22

Поставленъ царь Романъ въ Грекох — сведение это почерпнуто у Продолжателя 920
Амартола: «В 20 и 4 день семтевриа мѣсяца почтен бысть Романъ Кесаревом саномъ, а декавриа мѣсяца въ 17 день, в недѣлю праотцемъ, в царскый вѣнець вѣнчан бысть Костянтином царемь, затем своимь, и Николою патриархомъ» (*Истрин В. М.* Хроника Георгия Амартола. Пгр., 1920. Т. 1. С. 552). Император Константин назначил в сентябре 6428 (919) г. Романа Лакапина, женатого на его сестре, кесарем, а 17 декабря того же года торжественно короновал его как соимператора. В Новгородской первой летописи, в которой отразился предшествовавший «Повести временных лет» Начальный свод, под этим 6428 (920) г. читаем рассказ о первом неудачном походе Игоря на Царьград. Рассказ этот заимствован в Начальном своде из компилятивного хронографа, дошедшего до нас в соединении с Палеей (ср. списки Гос. Исторического музея, Синодальное собрание, № 211 и 210, Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге, Погодинское собрание, № 1435 и др.). Рассказ, взятый летописцем из компилятивного хронографа, говорил о поражении русских, тогда как из народного предания летописец знал о победе русских под стенами Царьграда. Поэтому летописец — составитель летописи, предшествовавшей «Повести временных лет», рассказал и о втором, победоносном походе русских, представив его как отместку русских за первое поражение. Летописец поместил его под 6430 (922) г., а 6429 (921) г. отвел под сборы, тогда как в конце 6428 (920) г. поместил следующую

приписку: «том же лѣтѣ препочиша и другое, на третьее идоша». На самом деле, по ясному свидетельству Продолжателя Хроники Амартола, нападение русских, описанное в компилятивном хронографе, имело место не в 6428, а в 6449 г. Составитель «Повести временных лет», использовавший Хронику Георгия Амартола и его Продолжателя как исторический источник, исправил на ее основании свои хронологические данные (см. подробнее: *Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С. 99 и след.).

929 *Приде Семевонъ на Царьградъ* — вся эта летописная статья (до конечных слов «възратися въсвояси») почерпнута из Продолжателя Амартола: «Септевриа мѣсяца и день 2 Семенъ, князь блъгарскый, съ всѣми вои на Костянтинь град изиде и поплѣни Фракию и Македонию, поже же вся и потреби, сады исѣче; до Влахерны же пришедшу ему, проси же, да послеть ему Николу патриарха и нѣкоих велможь, яко да с ним бесѣду створить о мирѣ... Приде Семенъ, множество много по собѣ водя... помяну миръ, да створита, цѣловашеся ибо друг друга, разидостася... Семен же, въ свои пришед» (*Истрин В. М.* Хроника Георгия Амартола. Т. 1. С. 557—559). В списке, которым пользовался летописец, очевидно, читалось не «и день 2», а «индикта 2», чем и было вызвано помещение этого известия под 6437 (929) г. На самом деле событие это относится к сентябрю 923 г.

934 *Первое приидоша угре на Царьград, и пленоваху всю Фракию; Роман сотвори миръ со угры* — это известие почерпнуто у Продолжателя Амартола: «Бысть же воина пръваа угръскаа на грекы априля мѣсяца. Си же, дошедше Костянтина града, плѣняху всю Фракийскую страну. Посланъ убо патрикий Феофанъ протовестиарий пападестевонъ саномъ, с нимъ да створит миръ. Се же дивно и разумно их подъиде, яко хотяше, тако и створи» (*Истрин В. М.* Хроника Георгия Амартола. Т. 1. С. 566). В дошедшем русском переводе Продолжателя Амартола опущено указание на индикт. В греческом тексте имелось указание на 7 индикт. Летописец на основании 7 индикта и отнес это событие к 6442 (934) г.

941 *Иде Игорь на Греки* — весь последующий рассказ о походе Игоря до слов «сего ради не одолѣхомъ имъ» основан летописцем на трех исторических источниках: народном предании, Житии Василия Нового и Продолжателе Амартола. На основе народного предания в рассказ этот вставлено имя Игоря: его нет в греческих источниках. В остальном ближе всего к нашему рассказу текст греческого Жития Василия Нового, где сообщается о нападении русских. Привожу текст этого Жития в древнерусском переводе (в противоположность господствовавшему в старой историографии взгляду на перевод Жития Василия Нового, как сделанный в Болгарии, В. М. Истрин пришел к выводу, что перевод сделан на Руси не позже середины XI в., см. его статью о Житии Василия Нового: *Истрин В.* Где было переведено Житие Василия Нового? // ИОРЯС АН. 1917. Т. 22, кн. 2), разрядкой отмечая те места, которые близки к тексту «Повести временных лет»: «Отътолѣ же прииде вѣсть цареви от тѣхъ, яко уже идуть. По нѣколицѣх же днехь прииде вѣсть о сихь и от болгаръ, ино по мнозѣмъ днехь възвѣсти и корсунский стратигъ уже тѣмь явившемся и ту ся имъ приближившемъ. И потомъ приидоша въ Стегеру и потомъ устрѣтшемъ имъ воалодиины цареви, по глаголу человѣка Божиа, отгнани быша к рѣцѣ Ривѣ, и ту в тихости имъ ставшем выходяаще плѣноваахy, простершемся до Понта Иераклиа и до Пефлагоньскиа земля и въ всю страну Никомидийскую поплѣнивше и многи язвы сътворивше, пожгоша все приморие Стегерско, яко же рече предваривъ угодник Божий, монастыря же и села вельможь все огневи предаша, имѣниа не мало обою страну съвокупиша. Потомъ же пришедшемъ воемъ на нихъ от востока, Панфиръ доместикъ воинский с четырми десятми тысущьми, Фока патрикей с македоняны, Феодор же святѣйший стратигъ с фракисианы, с ними же и сановницы болярстии иже по прирочному Спогарисъ, и обыдоша ихь окрестъ и не дааху имъ к тому въсходяще плѣновати. И обдержааше ихъ страхъ и съвѣщавааху отай побѣгнути, но бояхуся вой морскихъ нощную стражю около ихь имуще. Дрьзнувше же Русь изидоша на греки въоружившеся, и брани межю ими бывши, побѣжени бывша Русь и биша ихъ грецы бѣжащихъ, дондеже убо възвратишася до дружины своея. И вечеру достигшю, отай влѣзше в ладиа своа отбѣгоша. Воя же царевы стоаща в Стегеру и стражемъ увѣдавшем бѣжание ихъ, дондеже всѣмъ увѣдавшемь воемъ, болѣ ихь отидоша. Обаче убо достигоша и постигоша ихъ послѣднихъ и съвокупившеся олядемъ огнь имущемъ достигающе ихь пожигааху. И бысть видѣти страшное чюдо, како боящеся

пламене огненаго, волею метааху себе в пучину морску, изволивше паче утонути в вода или попалену быти огнемъ, но обаче обои погибоша: овии пожжени быша огнемъ, а друзии сами ся ввергоша в глубину морскую, мняще бродию избѣжати, друзии от нихь копии прободени быша от грек; ови в пучине утопоша, а друзии от нихъ живи яти быша. И тако скончяся от нихь. Болестию же чревною убѣжавшихъ Руси мановениемъ Господнимъ падоша, дондеже доидуть всвоаси. Мнози же от нихь на пути измроша. Тѣмъ же пришедшимъ в землю свою, повѣдахуть кождо своимъ о бывшемъ и о оляднѣмь огни: „Яко молъниа, рече, иже на небесѣхъ, грецы имуть у себе, сию попущающе жжахуть насъ, и сего ради не одолѣхомь имъ"» (*Вилинский С. Г.* Житие св. Василия Нового в русской литературе. Ч. 2: Тексты Жития. Одесса, 1911. С. 457—459). Рассказ Жития Василия Нового несколько смягчен в русской летописи. Вместо следующего места Жития: «... и брани межю ими бывши, побѣжени бывша Русь и биша ихъ грецы бѣжащихъ» в летописи сказано: «...и брани межю ими бывши зьли, одва одолѣша грѣци». Вместо: «... бысть видѣти страшное чюдо, како боящеся пламене огненаго» в летописи сказано: «И бысть видѣти страшно чюдо. Русь же видящи пламянь». В приведенном русском переводе Жития Василия Нового сравнительно с греческим оригиналом значительно распространены те слова, которыми русские, вернувшись на родину, повествовали о своем поражении. Так же точно в дошедших до нас греческих текстах Жития нет сведений о посылке болгарами предупредительной вести о движении русских. Возможно, что это добавления русского переводчика. Привожу также те места из Продолжателя Амартола, которыми воспользовался как историческим источником летописец: «Июня же мѣсяца 18 день 14 индикта приплу Русь на Констянтинъ град лодиами тысящь 10, иже и скѣди граголемь, от рода варяжеска сущимъ»; «Тогда убо узменъ, глаголемый Суд всѣ пожгоша, а ихъ же емше плѣнникы, овех растинаху, ины же к земли присѣкиваху, другыа же яко стража поставляюще стрѣлами стрѣляху, елико ратному чину изъимаху, опако руцѣ связавше, гвозды желѣзны посред главы въбиваху имъ. Много же святых церкви огневи предаша» (*Истрин В. М.* Хроника Георгия Амартола. Т. 1. С. 567). Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в русском переводе Продолжателя Амартола непонятное греческое Δρομῖται переведено словом «скедия», а при слове «узмен», которым передается греческое τὸ Στενόν, приведено пояснение «глаголемый Суд». Отнесение похода Игоря в 6449 (941) г. сделано русским летописцем по указанию Продолжателя Амартола на 14 индикт. В Новгородской первой летописи, представляющей текст более древней летописи, чем «Повесть временных лет» (так называемого Начального свода), этот поход Игоря вопреки «Повести временных лет» отнесен к 920 г. Ту же дату находим мы и в Краткой Палее. Ошибка эта объясняется тем, что и Краткая Палея, и Новгородская первая летопись пользовались как источником не дошедшим до нас русским компилятивным хронографом, где эта дата была неправильно вычислена. Составитель «Повести временных лет», воспользовавшийся непосредственно русским переводом Хроники Георгия Амартола и его Продолжателя, исправил по ней дату похода Игоря.[1]

послаша болгаре вѣсть ко царю — согласно Житию Василия Нового весть о походе русских посылают и болгары, и херсонесский стратиг.

яко идуть Русь на Царьградъ — в летописях, восходящих к Новгородско-Софийскому своду 30-х годов XV в. (Новгородская четвертая летопись, Эрмитажный список и др.), разъясняется, кто такая эта Русь: «глаголемыя от рода Варяжьска сущимъ».

скѣдий 10 тысящь — скедий — от греч. σχεδία — наскоро построенное судно, плот, лодка. В Новгородской четвертой летописи «скѣдий» не 10 000, а 30 000. Псевдо-Семеон считает численность русских судов в 10 000. Лиутпранд считает их более тысячи.

и приплуша — различные источники по-разному определяют время прихода Руси под Константинополь. В Еллинском летописце сказано: «Июля мѣсяца в 10 день 19 индикта приплуша Русь»; в Палее «Индихту июня же мѣсяца 10 день приплуша Русь»; в летописях, восходящих к Новгородско-Софийскому своду 30-х годов XV в.: «И приплуша июня в 10»; в Хронике Георгия Амартола: «Июня же мѣсяца 18 день, 14 индикта приплу Русь».

Памъфирь деместикъ — доместики — военные должностные лица.

Фока же патрекий — патрекий — патриций. В Византийской империи «патриций» был пожизненным титулом, дававшимся высоким сановникам.

къ дъружинѣ своей — дружина в древнейшем своем значении — домочадцы, челядь; впоследствии — община, объединение, товарищество. В этих значениях слово это сохраняется и в некоторых славянских языках и отчасти в Русской Правде. Затем — дружина означала слуг крупного землевладельца-боярина и князя, по преимуществу слуг военных. Здесь дружина — постоянное войско князя. Она резко отлична от «воев», собираемых обычно по мере надобности. По своему составу дружина была неоднородной. «К термину „дружина" прилагаются эпитеты: большая, лепшая, лучшая, передняя, старейшая, молодшая. Кроме того, в наших источниках встречаются отдельные слова для обозначения дружины или ее части: чадь, гридь, гридьба, отроки, детские, дворяне, слуги, мужи и княжьи мужи, бояре. Одни эти термины уже говорят о наличии отдельных прослоек в дружине и об их назначении» (специальное исследование о дружине — в книге: *Греков Б. Д.* Киевская Русь. С. 333—340).[1]

на ночь влѣзоша в лодьи и отбѣгоша — после этих слов в Новгородской четвертой летописи читается следующая вставка: «Роман же посла на дромоны, елико бѣху в Костянтинѣ гради, с Феофаномъ с патрикиемь на Русь. Феофанъ же лодѣйныя воа урядивъ преже и уготовивъ, потомъ же и слезами себѣ утвердивь, Руси ожидаа в лодияхъ, на ня хотя ити, искрь столпа, глаголемаго форо, стражница, в нейже огнь влагаемь на просвѣщение в нощи; и се на устьи Понта стражю дѣа, зане ту частое разбойничество, на страны нагнаниа, ихже изби Ираклий. Ту дождa полку рускыхъ, раздруши лодиа и устроеномъ огнемь пожже». Этот же дополнительный текст читается в Воскресенской, Тверской, Софийской первой и других летописях.

сустрѣте я̀ въ лядехъ со огнемъ, и пущати нача трубами огнь на лодьѣ руския — «греческий огонь» — зажигательная смесь. Предполагают, что она состояла из серы, смолы, нефти, селитры и пр. Состав этот выбрасывался для поджигания кораблей противника через медные трубы, устанавливавшиеся на носу и на бортах византийских кораблей.

К с. 23

942 *Семеонъ иде на храваты, и побѣженъ бысть храваты, и умре, оставивъ Петра князя, сына своего, болъгаромъ* — это известие почерпнуто у Продолжателя Амартола: «Майа мѣсяца в 27, индикта 15, Семенъ, князь болгарский, на хорваты подвиже воину и съступу бывшу, побѣжденъ бывъ, и сущая под нимь вся иссѣче. Тѣмь неисцѣлное болѣзнию по сердце ятъ, погыбе, безаконновав всуе. Петра, сына своего, постави княземъ» (*Истрин В. М.* Хроника Георгия Амартола. С. 560). Помещение этого известия в летописи под 6450 (942) г. основано на указании 15 индикта. На самом деле Симеон умер в 6435 (927) г., который также падал на 15 индикт, но другой.

943 *Паки придоша угри на Царьградъ, и миръ створивше съ Романомъ, возъвратишася въ свояси* — это известие почерпнуто летописцем у Продолжателя Амартола: «Индикта 1 априля мѣсяца придошя пакы угри съ многою силою. Патрикий же Феофанъ паракимуменъ ишед клятвы мирскыа створи с ними, тали от нарочитых мужь поять» (*Истрин В. М.* Хроника Георгия Амартола. Т. 1. С. 568). Помещение этого известия под 6451 (943) г. основывается на указании 1 индикта у Продолжателя Амартола. Здесь, как и в других случаях, слову «угры» русского перевода Хроники Амартола соответствует в греческом подлиннике слово τοῦρκοι. Это смешение мадьяр (угров) с тюрками встречается у ряда византийских писателей (Псевдо-Маврикия, Льва Грамматика, Константина Багрянородного, Продолжателя Феофана, Симеона Логофета, Скилицы, Кедрина, Зонары и др.). Предполагают, что византийцы смешивали мадьяр с тюрками, потому что византийцы узнали мадьяр по их передовым отрядам каваров, отделившихся от хазар, бывших, действительно, тюрками.

944 *Игорь же совкупивъ вои многи* — А. А. Шахматов считает рассказ о втором победоносном походе Игоря придуманным летописцем, для того чтобы объяснить появление в следующем 6459 (945) г. договора Игоря. При этом А. А. Шахматов ссылается на то, что отдельные выражения в описании этого похода напоминают соответствующие места из цитированного выше описания похода Игоря 6449 (941) г. в Житии Василия Нового: «Се слышавше корсунци послаша Раману, глаголюще: „Се идуть Русь..."», далее: «Тако же и болгаре послаша вѣсть, глаголюще: „Идутъ Русь..."». Не Житием ли Василия Нового

«навеяно, — спрашивает А. А. Шахматов, — и выражение: „по глубинѣ морьстѣй", ср. в Житии: „а друзии сами ся ввергоша в глубину морскую"?» (*Шахматов А. А.* «Повесть временных лет» и ее источники. С. 72). Однако договор Игоря 6453 (945) г. ясно свидетельствует о том, что поход Игоря, в результате которого этот договор был заключен, не мог быть неудачным: договор выгоден для русской стороны. Отсюда ясно, что рассказ о походе Игоря 6452 (944) г. имеет некоторые основания. Совпадения же в отдельных выражениях с Житием Василия Нового ни о чем не свидетельствуют.

псати обоихъ рѣчи на харатьѣ — хартия — от греч. τὰ χαρτία — пергамен, особым *945*
образом обработанная кожа, употреблявшаяся как материал для письма.

при цари Раманѣ, и Костянтинѣ, и Стефанѣ — договор Игоря не имеет точной даты (в противоположность договору Олега 911 г.). Однако В. Н. Татищев указывает дату: «Лета 6453-го, индикта 4-го, апреля 20-го, в третию седмицу по Пасхе». Дата эта неверна, так как в 945 г. 20 апреля не приходилось на третью неделю после Пасхи. Уточнить время заключения договора отчасти помогают имена упоминаемых в нем императоров. Константин Багрянородный (913—959), мало принимавший участия в делах управления империей, короновал своего тестя Романа (911—944) соимператором. Энергичный Роман назначил всех своих сыновей — Христофора (в 921 г.), Стефана и Константина (в 924 г.) и даже внука Романа (сына Христофора) — соправителями. 16 декабря Стефан и Константин свергли отца, отослав его в монастырь на Принцевы острова (где он и умер в 948 г.). Однако уже 27 января Стефан и Константин были отправлены в ссылку в тот же монастырь, куда был сослан и их отец. Поскольку договор с Русью подписали Роман, Стефан и Константин вместе, его следует датировать началом сентябрьского 6453 г., т. е. концом январского 944 г.

от рода рускаго — выражение «от рода» имеет в виду не происхождение русских послов, а их государственную принадлежность (ср. с. 405): они — представители «от рода (государства) рускаго».

съли и гостье, Иворъ, солъ Игоревъ, великаго князя рускаго, и объчии сли — сперва именуется посол Игоря, затем следуют «общие послы»: сначала от княжеского семейства (от сына Святослава, от жены Ольги и др.), затем идут послы от прочих князей, купцы. Среди имен послов встречаются и скандинавские, и славянские (Улеб, Синко), и эстонские (чудские: Искусеви, Каницар, Апубьксаръ) (*Зутис Я. Я.* Русско-эстонские отношения // Историк-марксист. 1940. № 3). Замечательно, однако, что среди княжеских имен преобладают именно славянские: Святослав, Предслава, Володислав. Скандинавские имена послов даны в живом русском произношении: Слуды (Slodi), Шихберн (Sigbjörn), Кары (Kári), Руалд (Hróaldr), Алдан (Halfdanr). Русское ѣ обычно передает звук *ei*: Фростѣнъ (Freysteinn) и др. По поводу того, что русская знать посылает от себя особых послов, Б. Д. Греков пишет: «Что в договоре 944 (945) г. представительство от князей и бояр не случайность, а система, видно из путешествия княгини Ольги в Царьград и приема ее при дворе византийского императора, описанного Константином Багрянородным. Ольга прибыла в Константинополь не одна, а с племянником, людьми собственного двора (8 человек), представителями князя Святослава, представителями („апокрисиарии") русских вельмож — οἱ ἀοκρισιάριοι τῶν ἀρχόντων (20 человек или 22), купцами (43 или 44 человека). У представителей-апокрисиариев русской правящей знати — своя собственная свита» (*Греков Б. Д.* Киевская Русь. С. 295).

Шихъбернъ Сфанъдръ, жены Улѣблѣ — возможно, что место это следует читать так: «Шихъбернъ — Сфандръ, жены Улѣблѣ», т. е. «Шихберн от Сфандры — жены Улеба».

Синко, Боричь — в Радзивиловской летописи «и Синько биричь»; возможно, что чтение Радзивиловской летописи более правильное («биричь» — сборщик податей).

и от всѣхъ людий Руския земля — аналогичную фразу читаем и в договоре 911 г. «... от всѣх иже суть под рукою его сущих Руси». Некоторые исследователи (В. И. Сергеевич и др.) видели в данных словах договоров свидетельство о вечевых собраниях X в. Однако Б. Д. Греков правильно указывает, что точно такие слова имеются в договоре 944 (945) г. и по отношению к греческой стороне: «... и со всѣми людьми гречьскими». «Здесь перед нами представительство двух правительств, говорящее от имени всех своих людей, и больше ничего» (*Греков Б. Д.* Киевская Русь. С. 304).[1]

К с. 24

да не ущитятся щиты своими, и да посѣчени будуть мечи своими, от стрѣлъ и от иного оружья своего — в этой клятве отчетливо сказываются верования древнерусского язычества. Культ оружия может быть прослежен в различных сказаниях летописи. Гибель «от своего оружия» отразилась в отдельных древнерусских сказаниях. В Киево-Печерском патерике рассказывается об иноке Василии, которого князь Мстислав Святополкович застрелил стрелою. Василий извлек стрелу из своего тела и предрек князю гибель от собственной стрелы. См. ниже об обряде клятвы вслед за договором Игоря.

яко же имъ уставлено есть — имеется в виду предшествующий договор Олега 911 г., откуда соответствующие статьи, где указаны условия, которые должны соблюдаться Русью в Царьграде, перенесены под 907 г.

да увѣмы и мы — договор Игоря весьма сбивчив в отношении грамматических конструкций с «мы», «нашь», с одной стороны, и с «вы», «вашь», с другой. Как известно, при изготовлении второй хартии на языке договаривающегося с Византией народа текст ее переделывался так, чтобы «мы», «нашь» относилось к договаривающейся стороне, а «вы», «вашь» к Византии. В данном случае, однако, эта переделка весьма непоследовательна — здесь и ниже.

Аще ускочить челядинъ от Руси, по нь же придуть въ страну царствия нашего, и у святаго Мамы аще будеть, да поимуть й; аще ли не обрящется, да на роту идуть наши хрестеяне Руси по вѣрѣ ихъ, а не хрестеянии по закону своему, ти тогда взимають от насъ цѣну свою, яко же уставлено есть преже, 2 паволоцѣ за чалядинъ — ср. сходную статью 11 Краткой Правды о беглом челядине: «Аще ли челядинъ съкрыется любо у варяга, любо у кольбяга, а его за три дни не выведуть, а познають и въ третий день, то изымати ему свой челядинъ, а 3 гривнѣ за обиду». Сходство это указывает на то, что элемент русского права в договорах был не малым.[1]

якоже уставлено есть преже — имеется в виду договор Олега 911 г., откуда соответствующая статья перенесена под 907 г.: «Поидучи же домовь, в Русь, да емлют у царя нашего на путь брашно, и якори, и ужища (канаты), и парусы, и елико имъ надобе».

Аще ли кто покусится от Руси взяти что от людий царства нашего, иже то створить, покажненъ будеть вельми; аще ли взялъ будеть, да заплатить сугубо — «взять» означает взять явно — грабеж. В договоре Олега грабеж наказуется штрафом в тройном размере. Здесь идет речь лишь о покушении на грабеж, поэтому наказание в данном случае меньше — штраф платится в двойном размере. Наказуемость покушения предусматривается и Русской Правдой (ср. статью 9 Краткой Правды: «Оже ли кто вынезь мечь, а не тнеть, то тъи гривну положить»). В. И. Сергеевич не усматривает в этой статье ни покушения, ни понятия грабежа (*Сергеевич В. И.* Греческое и русское право в договорах с греками X в. С. 107—108). Однако если эта статья говорит о простой краже, то не ясно, в чем ее отличие от следующей статьи, где также говорится о краже.

К с. 25

Аще ли ключится украсти русину от грекъ что, или грьчину от руси, достойно есть да возворотить ѐ не точью едино, но и цѣну его — отличие этой статьи договора Игоря от соответствующей статьи предшествующего договора Олега опять-таки (см. выше) в размере штрафа: здесь двойного, а там тройного. Двойной штраф был в обычае именно русского права: впоследствии именно этот двойной штраф закрепился в праве литовско-русском, по которому украденная вещь (или ее цена) возвращалась хозяину, а цена вещи — князю.

и тъ показненъ будеть по закону гречьскому — мнения исследователей расходятся: некоторые считают, что речь здесь идет о дополнительном наказании к вышеозначенному штрафу, другие предполагают, что речь идет о том же штрафе. Вопрос этот остается неясным.

да вдадять златникъ 10 — в предшествующем договоре Олега цена пленника определялась 20 золотниками. Здесь она понижена до 10 и ниже в зависимости от возраста пленника. Русские по этой статье находятся в менее выгодном положении, так как должны выкупать своих пленников по 10 золотников независимо от возраста.

А о Корсуньстѣй странѣ — смысл второй части этой статьи не ясен. Предлагаемый нами перевод не может считаться абсолютно достоверным. А. А. Шахматов считает, что слова «и та страна не покоряется вам» заменили слова «и та страна не покоряется нам» греческого подлинника, и предлагает понимать смысл второй части этой статьи так: «Греки разрешают русскому князю воевать Корсунскую страну, если она выйдет из их повиновения, и соглашаются помогать ему присылкой войска» (*Шахматов А. А.* Несколько замечаний о договорах с греками Олега и Игоря. С. 405). Однако такой смысл второй части этой статьи не может все же быть из нее выведен грамматически и более чем странен исторически (в случае бунта в Корсуне греки вряд ли могли считать себя сторонними наблюдателями или только помощниками русских, если бы те пожелали выступить против корсунцев).[1]

Аще обрящють въ вустьѣ Днѣпрьскомь Русь корсуняны рыбы ловяща, да не творять имъ зла никако же — о важности для Херсонеса (и Византии в целом) рыбного промысла в устье Днепра и о большом внимании, которое проявляло византийское законодательство времени императора Льва VI (886—912) к рыболовному промыслу, см.: *Шангин М. А.* Комментарии к двум статьям договора Игоря с греками 945 г. С. 111.

въ вустьи Днѣпра, Бѣлъбережи, ни у святаго Ельферья — по-видимому, Белобережьем назывался либо вообще Днепровский лиман, либо какое-то урочище в Лимане. Остров св. Елферия — теперь остров Березань.[2]

А о сихъ, оже то приходять чернии болгаре и воюють въ странѣ Корсуньстѣй, и велимъ князю рускому, да ихъ не пущаеть: пакостять странѣ его — смысл последних слов не совсем ясен. А. А. Шахматов предполагал, что в греческом подлиннике стояли слова не «стране его», а «стране нашей». Однако при этом исправлении слова эти оказываются излишними по смыслу, в целом же текст статей договоров всегда крайне лаконичен. Мне кажется, что смысл этих слов — в указании на то, что разорение Корсуни черными болгарами принесет ущерб не только грекам, но и стране русских (русские поддерживали с Корсунью торговые и культурные связи). Слово «велим» — «волим» означает «просим», «желаем». Какие болгары названы здесь «черными», не ясно. В них видят и болгар дунайских, и болгар волжских, и болгар, живших к северу от Херсонеса у Азовского моря (*Вестберг Ф.*: 1) Записка готского топарха // Византийский временник. 1908. Т. 15, вып. 1. С. 243—250; 2) К анализу восточных источников о Восточной Европе // ЖМНП. 1908. Февраль. С. 386—388).[3]

Ци аще ключится проказа нѣкака от грекъ, сущихъ подъ властью царства нашего, да не имать власти казнити я̀, но повелѣньемь царства нашего да приметь, яко же будеть створилъ — М. Ф. Владимирский-Буданов предлагает следующий комментарий: «В этой статье не выговаривается новой привилегии для греков; она выражает только общее правило всех старинных законодательств: преступление подлежит суду той власти, которой подчинен ответчик. Договор Олега умалчивает об этом, но, без сомнения, подразумевает то же» (*Владимирский-Буданов М. Ф.* Христоматия по истории русского права. 5-е изд. СПб.; Киев, 1899. Вып. 1. С. 17).[4]

Аще убьетъ хрестеянинъ русина, или русинъ хрестеянина, да держимъ будеть створивый убийство от ближних убьенаго, да убьють и̂ — здесь, очевидно, имеется в виду убийство не случайное, а умышленное, так как и Русская Правда ясно различает убийство умышленное и неумышленное, а об убийстве случайном не говорит вовсе, очевидно, не считая его преступлением. По договору Олега преступник мог быть убит на месте преступления, но убийство это не исключало последующего суда. Здесь же по договору Игоря родственники убитого держат убийцу и после суда, по приговору его убивают («да держимъ будеть... да убьют и̂»). В этой статье не может идти речь о дозволении родственникам убивать убийцу не только на месте преступления, но и после того, как он будет задержан, так как в ней идет речь и о русских, и о греках. Греки же подлежали суду своего государства, следовательно, вряд ли могло разрешаться им убийство до суда, так думает Д. Мейчик (Система преступлений и наказаний по договорам Олега и Игоря и Правде Ярослава. С. 47—48). Что же касается слов «от ближних убьенаго», то выяснению того, кто такие были эти «ближние», помогает статья 1 Краткой Правды: «Убьеть мужь мужа, то мьстить брату брата, или сынови отца, любо отцю сына, или братучаду, любо сестрину сынови...».[5]

К с. 26

А некрещеная Русь полагають щиты своя и мечѣ своѣ наги — выше уже было отмечено, что присяга приносится русскими по славянским обычаям; представители господствующих слоев населения клянутся русскими богами (ср. ниже — Перуном). Дополнительно заметим, что германские народы при клятвах вонзали меч в землю, здесь же русские, клянясь оружием, снимают его с себя и «полагают», а не вонзают в землю (*Павлов-Сильванский Н. П.* Феодализм в удельной Руси. СПб., 1910. С. 445).

обручѣ своѣ — И. И. Срезневский объясняет слово «обручь» так: «запястье, как часть воинского доспеха» (*Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1895. Т. 2. С. 550). Действительно, «об-ручь» — это нечто, что надевается на руку (в обручах нельзя видеть гривны, надевающиеся на шею).

И приспѣ осень, и нача мыслити на деревляны, хотя примыслити большюю дань — сборы полюдья и дани происходили обычно осенью после урожая (что, очевидно, объясняется тем, что сбор этот частично совершался сельскохозяйственными продуктами). Константин Багрянородный в своем сочинении «Об управлении империей» так рассказывает о сборе полюдья. С наступлением ноября «архонты выходят со всеми росами из Киева и отправляются в полюдье, что именуется „кружением", а именно — в Славинии вервианов, другувитов, кривичей, северян и прочих славян, которые являются пактиотами росов. Кормясь там в течение всей зимы, они снова, начиная с апреля, когда растает лед на реке Днепр, возвращаются в Киев» (*Константин Багрянородный.* Об управлении империей. С. 51).[1] Следует, однако, иметь в виду, что дань и полюдье в источниках различаются.

Отроци Свѣньлъжи — строки — младшая дружина князя: обычно личные его слуги, вооруженная свита, младшие агенты княжеского управления.

К с. 27

и вышедше изъ града Изъкоръстѣня деревлене убиша Игоря и дружину его — Лев Диакон сообщает подробности убийства Игоря: «⟨...⟩ он был ⟨...⟩ привязан к стволам деревьев и разорван надвое» (Лев Диакон. История / Пер. М. М. Копыленко. М., 1988. С. 57). Намек в русском тексте летописи на какую-то мучительную смерть Игоря читаем ниже в словах древлян, сброшенных Ольгою в яму: «...пуще ны Игоревы смерти». Смерть Игоря отнесена летописцем к 6453 г. Если принять во внимание, что сборы дани и полюдья совершались осенью после 1 сентября, то при переводе на наше летосчисление смерть Игоря следует датировать осенью 944 г. К этому же времени относится и заключение договора с греками. Откуда, однако, летописец взял дату 6453 г.? А. А. Шахматов обращает внимание на то обстоятельство, что летописец считал Игоря современником императора Романа. Роман же, по данным хронографа, которым русский летописец пользовался как источником, умер в 6453 г. Следовательно, летописец, вносивший даты в первоначально не датированный текст и затруднявшийся, к какому году отнести смерть Игоря, имел здесь некоторую зацепку (*Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С. 108). Составитель польской хроники XV в. Длугош, который, между прочим, пользовался и какими-то русскими летописными источниками, называет имя убийцы Игоря — вождя восставших древлян князя Нискина. Этого Нискина А. А. Шахматов отождествил с Мстишей — сыном Свенельда. Мстишу А. А. Шахматов считает сокращенным именем от Мстислав и отождествляет в свою очередь с Мстиславом Лютым, или Лютом Свенельдичем. Нискина—Мстишу—Мстислава Лютого, или Люта Свенельдича, А. А. Шахматов отождествляет с Малом, Малком Любечанином — древлянским князем, сватавшимся за Ольгу, и с отцом Малуши — ключницы Ольги и матери князя Владимира и сестры Добрыни (Мистишича, Нискинича, Никитича), дяди («уя») Владимира. Эта гипотеза А. А. Шахматова, в известной своей части подкрепленная веской аргументацией, а в некоторых деталях малоубедительная, очень интересна, но вследствие своей сложности не может быть изложена в кратком комментарии. Поэтому отсылаем читателя непосредственно к работам А. А. Шахматова (Мстислав Лютый в русской поэзии // Пошана (Сб. Харьковского историко-филол. об-ва / Изд. в честь проф. Н. Ф. Сумцова). Харьков, 1909. Т. 18. С. 82—91; Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С. 340—378).[2]

кормилець его Асмудъ — кормилец — дядька, «педагог» при молодом князе, сохраняющий некоторое значение и тогда, когда его питомец становится взрослым. Таких кормильцев упомянуто в летописи несколько. У Ярослава был кормильцем и воеводой Буды (Будый, Блуд). У сына Владимира Мономаха Юрия был кормильцем Георгий Симонович. Под 1151 и 1171 гг. в Ипатьевской летописи упоминается кормилец при князе Владимире Андреевиче. Позднее кормильцы назывались иногда «дядьками» и «пестунами» (ср. пестуна Апоницу при князе Федоре Рязанском в Повести о Николе Заразском).[1]

то же отець Мистишинь — Мистишу А. А. Шахматов отождествляет с Малком Любечанином — отцом Малуши и Добрыни и убийцей Игоря древлянским князем Малом.[2]

Градъ же бѣ Киевъ, идеже есть нынѣ дворъ Гордятинъ и Никифоровъ, а дворъ княжь бяше в городѣ, идеже есть нынѣ дворъ Воротиславль и Чюдинъ — все описание старого Киева отличалось большой точностью и наглядностью, но осталось понятным во многих своих деталях только для современников летописца. В частности, не ясно, где помещались эти дворы и кто были их владельцы. О некоторых из этих владельцев мы можем все же найти кое-какие сведения. Так, например, в заголовке Правды Ярославичей упомянуты Микыфор Кыянин и Чудин Микула: «Правда уставлена Руськой земли, егда ся съвокупилъ Изяславъ, Всеволодъ, Святославъ, Коснячко, Перенѣгъ, Микыфоръ Кыянинъ, Чюдинъ Микула». М. Н. Тихомиров относит это совещание Ярославичей к 1072 г. (*Тихомиров М. Н.* Исследование о Русской Правде. М.; Л., 1941. С. 64—65).[3] Чудин упоминается еще раз в «Повести временных лет» под 1068 г. («рече Тукы, братъ Чюдинь»), под 1072 г. («И бѣ тогда держа Вышегородъ Чюдинъ») и под 1094 г. («и Тукы, Чюдинь братъ»). Отсюда ясно, что описание старого Киева возникло не ранее 70-х годов XI в. Для восстановления картины старого Киева летописец пользовался, очевидно, рассказами старожилов, сведениями, передававшимися из поколения в поколение.

а перевѣсище бѣ внѣ града — перевесищами назывались места ловли птиц «перевесами». «Перевесы» — большие сети, натягивавшиеся высоко над землей в местах перелета птиц: в лесных просеках, в оврагах и т. п. Такими сетями ловили птиц еще в XIX в. в Сибири. Район нынешнего Крещатика в Киеве носил название Перевесища. Русская Правда налагает штраф за кражу птицы из чужого перевеса и за порчу самого перевеса (3 гривны князю и одна владельцу перевеса).

надъ горою дворъ теремный, бѣ бо ту теремъ каменъ — терем в X—XI вв. представлял собою башенку, граненую или коническую в плане, покрытую шатровой кровлей и поставленную над какой-либо частью дворца. Теремом называлась башня для входа на хоры черниговского собора Спаса и такая же башня во владимирском соборе Успения. Остроконечный верх терема часто золотился (ср. в «Слове о полку Игореве» Святослав Киевский говорит: «Уже дьскы безъ кнѣса (князевой слеги) в моемъ теремѣ златоверъсѣмъ»). Из своего терема-башни Ольга могла хорошо видеть все происходящее на ее дворе.

поиди за князь нашь за Малъ — представляется странным, что древляне сватают Ольгу за убийцу ее мужа. Любопытно, однако, что притязание Мала на жену убитого им князя находит себе аналогию в других очень древних представлениях, восходящих еще к пережиткам так называемого матриархата. Согласно с этими пережиточными представлениями, занятие престола вовсе не зависит от происхождения: тот, кому удалось убить царя (главу рода), становится и его преемником по власти, женившись на вдове убитого. Возможно, что Мал является претендентом на княжескую власть, которая якобы должна была быть ему передана через женитьбу на Ольге. Древляне находились на значительно более низкой ступени общественного развития, чем поляне. В сватовстве Мала и в отказе Ольги можно видеть столкновение двух мировоззрений: древлян, пережиточно сохраняющих древние представления, и полян, общественное развитие которых ушло вперед сравнительно с древлянами. О различии в ступенях общественного развития отдельных русских племен см.: *Греков Б. Д.* Киевская Русь. С. 358.[4]

вы же рьцѣте: не едемъ на конѣхъ, ни пѣши идемъ, но понесѣте ны в лодьѣ — этим предложением Ольги вводится центральный драматический момент первой мести Ольги. Ольга как бы загадывает загадку: почтить кого-либо имеет затаенный смысл — убить кого-либо, совершить акт мести (ср. в Повести о Николе Заразском: пленные дружинники Евпатия Коловрата говорят Батыю: «Посланы все от князя Ингваря Ингоревича Рязанского тебя силна царя почтити и честна проводити, и честь тобе воздати, да не подиви царю не

успевати наливати чаш на великую силу-рать татарьскую» (*Лихачев Д. С.* Воинские повести древней Руси. С. 13—14). Вместе с тем такой же двойной смысл имеет и само передвижение посуху в ладьях: с одной стороны, это знак величайшей силы, знак гордости (ср. ладьи Олега, двигавшиеся посуху к стенам Царьграда), с другой — это, очевидно, знак смерти, обряд похорон (свод данных о похоронах в ладье см. в работе: *Анучин Д. Н.* Сани, ладья и кони как принадлежности похоронного обряда // Древности: Тр. Московского археол. об-ва. М., 1890. Т. 14). Таким образом, внешне обещая воздать послам величайшие почести, затаенно, в прикровенной форме Ольга обрекает их на смерть, совершает над ними обряд похорон. Послы же не понимают затаенного смысла этого предложения Ольги. Ольга как бы загадывает сватам загадку. Как это обычно бывает в сказках, женихи или сваты, не сумевшие разгадать загадки царевны-невесты, должны умереть. Любопытно, что в обряде русской народной свадьбы сватам часто предлагается «пойти ни конем, ни пешком», сваты говорят: «ночевали мы ни на земле, ни на телеге, по утру вставали, умывались ни водой, ни Божьей росой, а утирались ни тканым, ни пряденым». «Иносказания и околичности, — пишет Е. Г. Кагаров, — имеют своею целью скрыть от злых духов и недоброжелателей истинный смысл происходящего. Сваты едут в противоположную сторону.., войдя в избу невесты, сваты сначала заводят речь о посторонних предметах» (*Кагаров Е. Г.* Состав и происхождение свадебной обрядности // Сб. МАЭ. 1929. Т. 8. С. 161). С целью обмана духов в свадьбах сказок жениху или невесте предлагается явиться «ни нагой, ни одетой» — и испытуемый выполняет эту задачу, являясь завернутым в рыболовную сеть; «ни пешком, ни на лошади» — и испытуемый является верхом на козе или козле, «ни по дороге, ни без дороги» — и испытуемый едет по колее вдоль дороги или по канаве, «ни днем, ни ночью» — и испытуемый является в сумерки или в полночь, в полнолуние или в новолуние, и т. д. Ср. в данном случае в летописи: сватам предлагается явиться ни пешком, ни на конях, ни в возах, и они являются несомые в ладьях, что по существу представляет собой разновидность вышеописанного диссимуляционного обряда — отправление свадебного поезда в объезд. Таким образом, несение сватов в ладьях — это свадебный обряд, так же как и похоронный. «Мудрая» Ольга под видом свадебного обряда справляет обряд похорон.

и възнесуть вы в лодьи — вслед за этими словами в Летописце Переяславля Суздальского читается следующий текст: «„Тако люблю князя вашего и васъ". Они же ради и рѣша, покивающа рукама: „Вѣси ли, княже нашь, како мы тобѣ устряпахомъ"». Затем после слов «и отпусти ѧ̀ в лодью» в том же Летописце добавлено «пиани веселы». Ниже в комментарии приводим и другие добавления к рассказу «Повести временных лет» из Летописца Переяславля Суздальского. Все эти добавления в Летописце Переяславля Суздальского усиливают и комический, и драматический эффект летописного рассказа (фольклорного в своей основе).

въ великихъ сустугахъ — под «сустугами» следует, очевидно, понимать застежки плащей (от того же корня, что и слово «стягивать»). Б. А. Рыбаков так характеризует эти «сустуги», или «запоны»: «Они встречаются по одному или два экземпляра в погребении. Плащ застегивался фибулой возле правого плеча, и его полы не сходились... В тех случаях, когда в погребении находятся две фибулы, они обычно соединены цепочкой. На изображениях князей XII—XIII вв. эти запоны имеют иногда форму звезды» (История культуры древней Руси. Т. 1. С. 244).[1]

вринуша ѐ въ яму и с лодьею — заставив древлянских послов нести себя в ладьях и затем бросив этих послов вместе с ладьей в яму, Ольга как бы совершает традиционный обряд погребения: похороны в ладье раскрыты многочисленными раскопками; Ибн Фадлан описывает обряд сожжения руса на корабле (Путешествие Ибн Фадлана на Волгу. С. 81). Характерно, что Глеба Владимировича хоронят в «кораблеце» (Житие Бориса и Глеба и церковные службы им / Под ред. Д. И. Абрамовича. Пгр., 1916. Вып. 2. С. 14 (Памятники древнерусской литературы)). Свод данных о похоронах в ладье см. в работе: *Анучин Д. Н.* Сани, ладья и кони как принадлежности похоронного обряда. С. 152—184.

пришлите мужа нарочиты, да в велицѣ чти приду за вашь князь, еда не пустять мене людье киевьстии — в Летописце Переяславля Суздальского добавлено: «а сии здѣ готовы тешать мое сердьце ражделенное».

Се слышавше деревляне, избраша лучьшие мужи — в поздних летописях (Софийской первой, Воскресенской, Тверской, Никоновской и др.) указано и число этих «лучших

мужей» — 50. Перед нами в приведенных словах свидетельство о наличии у древлян народных собраний. «Если мы и можем здесь подразумевать вече, — пишет Б. Д. Греков, — то оно имеет характер старого народного собрания периода высшей ступени варварства. Весьма вероятны такие же собрания и у других, более отсталых племен, включенных в состав Киевского государства» (*Греков Б. Д.* Киевская Русь. С. 359). По-видимому, в этом месте летописи говорится о совете вождей, а не о вече в собственном смысле этого слова, расцвет которого падает на вторую половину XI—XII вв. «Эти народные собрания древлян, — добавляет Б. Д. Греков, — надо отличать от совещаний киевского князя с боярами. Первые — это еще не изжитые остатки родового строя периода высшей ступени варварства, вторые — следствие укрепления княжеской власти, отделения власти от народных масс, уже успевших выйти из рамок родового общества» (там же). В Летописце Переяславля Суздальского вслед за приведенными словами читается следующий рассказ о сне древлянского князя Мала: «Князю же веселие творящу къ браку, и сонъ часто зряше Малъ князь: се бо пришед, Олга дааше ему пръты многоценьны червены, вси жемчюгомъ иссаждены, и одѣяла чръны съ зелеными узоры, и лодьи, в них же несенымъ быти, смолны». Сон этот предвещает несчастье: драгоценные уборы, жемчуг — слезы, черный цвет — цвет траура (ср. в описании похорон Владимирка Галицкого в Ипатьевской летописи под 1152 г.: присутствующие были в «черных мятлях»), ладья — деталь похоронного обряда (см. выше). Этот сон Мала близко напоминает рядом сходных деталей сон Святослава Киевского в «Слове о полку Игореве» (ср. «чръною паполомою», жемчуг и одевание в драгоценные одежды): «А Святъславь мутенъ сонъ видѣ въ Киевѣ на горахъ: Си ночь съ вечера одѣвахуть мя, рече, чръною паполомою на кроваты тисовѣ; чръпахуть ми синее вино съ трудомъ смѣшено; сыпахуть ми тъщими тулы поганыхъ тльковинъ великый женчюгь на лоно и нѣгуютъ мя».

К с. 28

Деревляномъ же пришедъшимъ, повелѣ Ольга мовь створити — вторая загадка Ольги сватам-древлянам — баня. Как и в первом случае, Ольга обещает послам оказать величайшие почести, но послы древлян не понимают сокровенного смысла предложения Ольги. Как и несение в ладьях, баня являлась частью (при этом следующей) похоронного обряда. В народных обычаях для покойников вытапливали печку, ставили воду и т. п. В слове, приписывавшемся Иоанну Златоусту, но принадлежащем русскому автору, «О томъ, како пьрвое погании вѣровали въ идолы», говорится об обычае топить бани для мертвых. Рассказывается о том, как ставили в бане еду, вешали полотенце, чтобы мертвые могли утереться, наконец, посыпали пол в бане пеплом, где души мертвых оставляли якобы следы, похожие на куриные. В приписываемом св. Григорию «Слове о том, како погании суще языци кланялись идолом», говорится, как в Великий четверг топили бани для мертвых и оставляли «убрусы», чтобы «навья» (души умерших) могли вытереться. То же отмечается и в исповедальных вопросах: «Въ великую суботу, и в пятидесятную, егда памят творимъ усопшимъ, бани не велѣлъ ли еси топити?» (*Алмазов А. И.* Тайная исповедь в православной восточной церкви. Т. 3. С. 170).[1]

Они же пережьгоша истопку — «истопкой», «истбой», «избой» называлось всякое помещение, отапливавшееся печью. Часть жилья — клеть, сени и др. не отапливались.

да пристройте меды многи въ градѣ, идеже убисте мужа моего, да поплачюся надъ гробомъ его, и створю трызну мужю своему — итак, третья «загадка» Ольги, заданная ею древлянам, — тризна. Ольга приглашает древлян на тризну по своем муже, но тризна эта оказывается одновременно и актом мести за него. Весьма важно при этом, что первоначально тризны по покойным справлялись не только пиром, но и военной игрой, состязаниями. Эти языческие игры-тризны отмечены в исповедальных вопросах: «дравься по мертвом — 15 дней» (т. е. за драку по мертвом полагается 15 дней епитимьи — поста), «дравшис по мертвом или волос рравши, или порты потерзавши — 12 дней», «а по мертвеци дрался еси — опитемьи 15 дний» (свод данных о языческих тризнах см.: *Гальковский Н. М.* Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси. Харьков, 1916. Т. 1, гл. VI. Определение значения слова «тризна» как состязания по умершему см.: *Котляревский А.* О погребальных обычаях языческих славян, М., 1868; *Соболевский А. И.* Материалы и

исследования в области славянской филологии и археологии // Сб. ОРЯС АН. СПб., 1910. Т. 88. С. 273—274; археологические подтверждения этому см. в работе: *Рыбаков Б. А.* Древности Чернигова. С. 33—34). Во время этой военной игры и были, очевидно, убиты древляне: битва-игра обратилась в настоящую битву, как перед тем выполнение обряда похорон — в настоящие похороны. Но тризна — это не только военная игра по умершим, но и пир по умершим. В «Слове о том, како погани суще языци», говорится: «Но и ноне по украином сего не могут ся лишити, проклятого ставленья вторые тряпезы, нареченные роду и рожаницам». Законная трапеза, «первый обед» — это каноническое поминание в храме с положенной при этом раздачей кутьи. «Вторая трапеза» — языческая. О них говорит и Кирик в своих известных «Вопрошаниях». Отсюда-то — из первоначального значения тризны как военной игры по умершим, соединенной с пиром, — по-видимому, и берет свое начало обычная народная средневековая метафора: пир — смерть в бою. Метафору пир — смерть в бою знает и «Слово о полку Игореве» («ту кровавого вина не доста», ср. слова Ольги: «пристройте меды многи»), знает ее и летопись. Ср. в Новгородской первой летописи под 1016 г. муж в лагере Святополка передает Ярославу: «Рчи тако Ярославу: „даче меду мало, а дружины много, да къ вечеру въдати". И разумѣ Ярославъ, яко въ нощь велить сѣцися». Однако слов, которые понял мудрый Ярослав, не поняли древляне. Все рассказы о мщениях Ольги подчеркивают несообразительность древлян в противоположность мудрости Ольги. Древляне своим неразумием как бы сами обрекают себя на гибель. К комментируемым словам Ольги в Летописце Переяславля Суздальского сделано следующее добавление: «сыну моему добро видети и кияномъ, ать не зазрят ми».

надъ гробомъ его — гробом в XI—XIII вв. в древней Руси называлась могила (тот же корень, что и в слове «гребля», — городской ров или городской вал). Гроб же в нашем смысле этого слова обозначался словами «корста» и «рака».

946 *суну копьемъ Святославъ на деревляны* — хорошо известен древний обычай, по которому князь или полководец первый начинает бой, кидая копье или стреляя из лука. Вместе с тем выстрел или бросок копья в сторону противника был знаком объявления войны. Ср. в «Хронике Ливонии» Генриха Латвийского — литовцы под Кукенойсом кидают копье в Двину в знак разрыва мира с немцами (Хроника Ливонии / Введение, пер. и коммент. С. А. Аннинского. М.; Л., 1938. С. 161). Ср. в Ипатьевской летописи под 1245 г. о начале войны с Польшей: дойдя до Вислы, Василько Романович «стрѣли... чересъ... Вислу».

И побѣдиша деревляны — казалось бы, после этих слов, заключающих рассказ о третьей мести Ольги, следовало бы ожидать сведений о той дани, которую Ольга возложила на побежденных. Но оказывается, что с древлянами не все покончено: древляне затворяются в своих городах, после чего летописец рассказывает о второй победе Ольги — о ее четвертой мести; и только после этого уже следуют слова: «И възложи на ня дань тяжьку». Является предположение — не вставлен ли рассказ о четвертой мести Ольги древлянам. Действительно, в Новгородской первой летописи, в которой отразился Начальный свод, предшествовавший «Повести временных лет», рассказ о четвертой мести отсутствует, и действие развивается логически, не будучи разорвано вставкой: «И победиша древляны, и возложиша на них дань тяжку». Следовательно, рассказ о четвертой мести Ольги принадлежит составителю «Повести временных лет»; рассказы же о первых трех мщениях читались уже в Начальном своде, а может быть, и раньше.

и дѣлають нивы своя и землѣ своя — как явствует из этого места летописи и из многих других, земледелие было основным направлением хозяйственной деятельности русского населения.1/

сего прошю у васъ мало... да сего у васъ прошю мала — в данном месте привлекает внимание игра слов: имя князя древлянского, сватавшегося за Ольгу, Мала созвучно с этим требованием Ольги выдать ей «мала» дани (ср. аналогичную игру слов в поговорке: «Беда аки в Родне, брат брата убил» — с. 450). После этих слов в Летописце Переяславля Суздальского в слова Ольги сделано следующее дополнение, поясняющее, почему Ольга просит именно птиц: «дати Богом жрътву от вас и ослабу вамъ подать себе на лекарство главныя болѣзни; дайте ми отъ двора по 3 голуби и по 3 воробьи, зане у вас есь тыи птици, а инде ужь всюду събирахъ и нет ихъ, а в чюжюю землю не шлю». Таким образом, птицы нужны Ольге для совершения жертвенного обряда. Константин Багрянородный свидетель-

ствует, что русские, прибыв на остров св. Григория, приносили в жертву живых птиц. Лев Диакон упоминает, что русские закалывали над умершими петухов. О жертвенном заклании петухов упоминает и русское Слово некоего христолюбца.[1]

К с. 29

и повелѣ... привязывати цѣрь — слово «цѣрь» очень часто неправильно переводилось как «сера». Так было переведено слово «цѣрь» в «Толковом словаре» В. Даля и в «Материалах для древнерусского языка» И. И. Срезневского. Однако, как указывалось в лингвистической литературе, этот перевод был подсказан Далю и Срезневскому поздними северорусскими летописцами XV—XVI вв., заменившими (едва ли не по созвучию только) слово «цѣрь» словом «сера». На самом деле слово «цѣрь» означает «трут». Именно в этом значении слово «цѣрь» сохранилось в современном белорусском языке («цэрь» — трут из губки, растущей на березе).

И възложиша на ня дань тяжьку — в Летописце Переяславля Суздальского это разъяснено затем так: «по двѣ кунѣ чръныхъ, по две веверици, и скоры и медъ». Летописец сложил здесь те дани, о которых он прочел под 859 г. («по бѣле и вѣверице», поняв это место как «по бѣлей вѣверице») и под 883 г. («по чернѣ кунѣ»). Удвоил эту дань и прибавил к ней еще ту дань, которую предлагали сами древляне: мед и скору.

и устави по Мьстѣ повосты и дани и по Лузѣ оброки и дани; и ловища ея суть по всей земли, знаменья и мѣста и повосты, и сани ее стоять въ Плесковѣ и до сего дьне, и по Днѣпру перевѣсища и по Деснѣ, и есть село ее Ольжичи и доселе — по этому поводу Б. Д. Греков пишет: «Что же, собственно, делает Ольга в Древлянской и Новгородской земле? Мне кажется, она внедряется в толщу местного общества, старается в разных пунктах Древлянской и Новгородской земли создать особые хозяйственно-административные пункты, поручаемые в управление своим людям, долженствовавшим выполнять в то же время и задачи политические — укрепление власти киевского князя на местах» (*Греков Б. Д.* Киевская Русь. С. 297). «Летописец понимает, что он пишет о прошлом, связывая его, однако, с настоящим, и поэтому в заключение опять прибегает к доказательству: „и есть село ее Ольжичи и доселе". Но ведь Ольга „сел" как будто и не устраивала! По крайней мере летописец об этом выше ничего не говорил. Вот тут-то и необходимо присмотреться ближе к тому, что делала здесь Ольга. Начнем с самого простого — с „погостов" (повосты). Конечно, Ольга их не устраивала, так как она их застала давно существующими. Не в этом суть. Летописец говорит совсем о другом. Ему нужно сказать, что Ольга известную часть погостов взяла на себя, освоила их. В состав погостов входили и села... Но кроме погостов и входящих в них сел Ольга брала на себя и „места". Что это за места? На этот вопрос, мне кажется, удачно отвечает И. И. Срезневский. „Не один раз находим в наших древних сказаниях, — пишет он, — м е с т о в смысле особенного сельбища. Так, например, в Повести временных лет читаем: Ярослав «церкви ставляше по градомъ и по мѣстомъ»; в Лаврентьевской летописи: «несть м ѣ с т а, ни в с и, ни селъ тацѣх рѣдко, идеже (татарове) не воеваша»; в Ипатьевской летописи, под 1290 г.: «вьеха вь м ѣ с т о, а в городъ нелзѣ бысть въѣхати...»" (*Срезневский И. И.* Чтения о древних русских летописях. СПб., 1862. С. 35. (Приложение ко 2-му т. Записок имп. Академии наук)). Основная мысль, заключенная в вышеприведенном тексте летописи, это — освоение киевским князем земель населенных и ненаселенных по периферии государственной территории» (*Греков Б. Д.* Киевская Русь. С. 298). В связи с таким толкованием Б. Д. Грековым этого места «Повести временных лет» находится и его толкование предшествующего места, где говорится о том, что Ольга отправилась в Деревскую землю «уставляющи уставы и уроки»: «Уставы эти, — пишет Б. Д. Греков, — по-видимому, главным образом сводились к определению повинностей населения по отношению к Киеву и киевскому князю, практическому осуществлению чего и служили княжеские места, погосты и села. Вспомним Правду Ярославичей с ее изображением княжеского имения, где огнищанин, подъездной (ездовой), вирник едва ли замыкаются в своей деятельности границами княжеской вотчины. Уставы и уроки нам очень хорошо известны по Правде Русской: „Уставлена" была „Правда Русской земли", известны „уроки смердам, оже платят князю продажу", уроки о скоте, уроки ротные, мостовые, железные, городнии и др.» (там же. С. 298). Итак, в данном месте «Повести временных лет» речь идет о расширении Ольгой

своего землевладения, весьма важного с точки зрения государственной, так как «рост крупного землевладения ведет к установлению феодализма, возникающего не вдруг, а имеющего длительный период своего становления. Киевское государство — дофеодальное государство, но именно в нем выросли феодальные отношения» (там же. С. 302). С. В. Юшков следующим образом объясняет причины финансово-административной реформы княгини Ольги: «Чем были вызваны реформы княгини Ольги? Их надо связать с обстоятельствами, вызвавшими восстание древлян, в результате которого погиб князь Игорь. Как бы ни относиться к легенде о мести Ольги древлянам, тем не менее нельзя отрицать того факта, что убийство Игоря было вызвано его вымогательствами. Так как летопись совершенно конкретно и правдоподобно говорит о причинах убийства Игоря, то в исторической литературе, насколько нам известно, не высказывалось сомнений в достоверности этой части летописного рассказа. Точно так же не вызывает сомнений историческая достоверность и той части летописи, где говорится о выходе древлян из-под власти киевского государственного центра и о переходе их в наступление (в легенде это отображается в виде сватовства князя Мала к княгине Ольге) и о той упорной борьбе, которую пришлось выдержать Ольге. Совершенно очевидно, что все эти обстоятельства: и восстание древлян, и гибель Игоря, и последовавшая за его смертью упорная борьба были учтены правящей верхушкой, которая, разумеется, отнюдь не отказалась и не могла, конечно, отказаться от дани. Правящие круги понимали, что существовавшая до убийства Игоря система взимания дани может и в дальнейшем вызывать восстания, что на местах княжеская администрация или отсутствовала, или была крайне малочисленной и слабой, что власть великого князя держалась признанием ее „племенными" князьями или „светлыми" князьями — князьями-наместниками. Нам кажется, что одним из основных мероприятий Ольги была ликвидация князей — как местных племенных, так и князей-наместников» (*Юшков С. В.* Общественно-политический строй и право Киевского государства. С. 108—109). Впрочем, деятельность Ольги, по-видимому, не захватывала столь большой территории, как это обычно представляется. Возможно, что путешествие Ольги «по Мьсте» и «по Лузе» — домысел летописца под влиянием разъяснений какого-либо новгородца (например, Вышаты, см. Историко-литературный очерк в наст. изд.). Не предположил ли этот новгородец, что дело идет о посещении Ольгой той части Новгородской области, которая носила название Деревской земли, или «Дерев», а позже Деревской пятины, с которой как раз и связывали Новгород водным путем Мста и Луга (ср. в Уставной грамоте Всеволода, данной им церкви Ивана на Опоках: «имати с купець тая старина и в вѣкы: съ Тверского гостя, и с Новгородцкого, и з Бѣжицкого, и з Деревьского, и съ всего Помостья», т. е. с местности по Мсте). Такое толкование Деревской земли, как Деревской земли Новгорода, находим и позднее, в XVI в., в Степенной книге: «И иде Ольга сыномъ своимъ и воинствомъ по Деревской земли, уставляющи уставъ и уроки и ловища. Нѣцыи же глаголютъ, яко Деревская земле бѣ, иже во области Великого Новаграда, ныне же Деревская пятина именуема; инии же глаголютъ, яко Сѣверская страна бѣ, идеже бѣ Черниговъ градъ». Ср. также в позднейших летописях XVII в.: «...и убиша его (Игоря) внѣ града Коростеня близь Старыя Русы». Не являются ли все сведения о деятельности Ольги по Луге и по Мсте вставкой, вызванной смешением Деревской земли на юге с Деревской землей Новгорода? В последнем случае можно было бы объяснить грамматическую несогласованность слов «и по Днепру перевесища и по Десне, и есть село ее Ольжичи и доселе» с предшествующим текстом. Их следовало бы считать продолжением фразы предшествующего 946 г.: «И иде Вольга по Дерьвьстѣй земли съ сыномъ своимъ и съ дружиною, уставляющи уставы и уроки; и суть становища еѣ и ловища...» (*Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С. 171 и след.). О том, что представляли собою погосты, см.: *Воронин Н. Н.* К истории сельского поселения феодальной Руси. Л., 1935. С. 20—36.[1]

955 *Иде Ольга въ Греки, и приде Царюгороду* — в рассказе о пребывании Ольги в Царьграде заметны вставки. С одной стороны, основа всего рассказа — церковная (крещение Ольги и благочестивые рассуждения по этому поводу); с другой — в эту церковную основу введены фольклорные, диаметрально противоположные по духу этой церковной основе светские анекдотические элементы (благочестивая Ольга обманывает императора в самый момент своего крещения). Церковная основа рассказа о пребывании Ольги в Константино-

поле принадлежит предположительно самой древней основе летописи — Сказанию о первоначальном распространении христианства на Руси (*Лихачев Д. С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. С. 63 и след.). Светские же (фольклорные) вставки принадлежат первому летописцу, распространившему это церковное сказание светскими элементами. Светские вставки эти следующие: во-первых, эпизод с предложением царя взять Ольгу замуж и требование ее, чтобы царь крестил ее сам (от слов «и приде к нему Ольга» и до слов «аще ли ни, то не крещюся»); во-вторых, повторение предложения царя, ответ Ольги, что она его крестная дочь и не может выйти за него замуж, и отпуск ее с дарами (вставка эта вызвала повторение слов «и отпусти ю», служащих ясным знаком разрыва следующего первоначально цельного текста: «И благослови ю патреархъ, и отпусти ю, нарек ю дъщерью собѣ»); третья вставка помещена после похвалы Ольге и рассказывает о прибытии посольства от царя в Киев (от слов «си же Ольга приде Киеву» до слов «и отпусти слы, сь рекъши»). Фольклорный характер всех этих вставок несомненен. В них, как и в рассказах о мести Ольги, подчеркивается ее «мудрость-хитрость». Аналогичного характера «мудрость» Олега и Игоря подчеркивается в рассказах об их походах на Царьград. Ольга «побеждает» греческого царя хитростью почти так же, как она перехитрила древлян. Аналогично этому и вещий Олег перехитрил греков, поставив свои корабли на колеса, когда греки прибегли к своей обычной оборонительной мере, замкнув Суд цепью. Год путешествия Ольги в Византию не выдуман летописцем и не взят им из византийских хроник (в тех хрониках, которые могли быть известны летописцу, его нет). Он относительно точен. В частности, «Память и похвала» князю Владимиру, в которой отразилась древнейшая русская летопись (более ранняя, чем «Повесть временных лет» и Начальный свод), говорит, что Ольга умерла в 969 г., прожив христианкой 15 лет; следовательно, крестилась она в 954/955 сентябрьском году. Константин Багрянородный говорит о посещении Ольгой Константинополя в 957 г. (на этот год поправляют дату поездки Ольги некоторые поздние русские летописи), а Скилица говорит о прибытии Ольги в Царьград и о крещении ее при патриархе Феофилакте, который был на патриаршестве с февраля 933 г. по 27 февраля 956 г. Некоторое разноречие источников можно согласовать так: Ольга крестилась в 955 г. (как и в летописи), а прибыла в Константинополь уже крещеной в 957 г. М. Д. Приселков предполагает две поездки Ольги в Константинополь в 955 и 957 гг., что вряд ли правдоподобно (*Приселков М. Д.* Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв. СПб., 1913. С. 3—4). Откуда же взял летописец свою дату? Возможно, что какие-то записи велись в церкви Ильи, упоминаемой еще в договоре с греками 944 (945) г. (см. текст, с. 26). Прием Ольги в Константинополе подробно описан у Константина Багрянородного в его труде «Описание царского церемониала» (см. перевод: Изв. ГАИМК. М.; Л., 1934. Вып. 91. С. 47—48). Ольга была принята императором 9 сентября 957 г. Ее сопровождали ее племянник (он не назван по имени), родственницы — русские княгини и свита из 18 женщин, 22 послов, 42 купцов, 12 переводчиков. В числе членов свиты назван священник Григорий. Цель приезда Ольги у Константина Багрянородного не названа. Так же точно из описания Константина Багрянородного нельзя решить, была ли она уже христианкой. Однако о крещении Ольги говорят другие иностранные источники, в частности, так называемый Продолжатель Регинона; последний сообщает, что в 959 г. к императору Оттону I пришли послы королевы «ругов» Елены, которая была крещена в Константинополе при императоре Романе (Роман — сын Константина Багрянородного, умершего в 959 г.).[1]

Бѣ тогда царь Константинъ, сынъ Леоновъ — так читается в Радзивиловском, Московско-Академическом и других списках «Повести временных лет». В Лаврентьевской же имеем: «бѣ тогда царь имянемь Цѣмьский». Однако Иоанн Цимисхий вступил на престол 11 декабря 969 г., и это обстоятельство (не совпадающее с датой путешествия Ольги в «Повести»), очевидно, и вынудило русских летописцев заменить Иоанна Цимисхия Константином VII Порфирородным (или Багрянородным), императором (913—959) и известным византийским историком.

Она же, разумѣвши, рече ко царю — последующий диалог Ольги с византийским императором развит вставками в Летописце Переяславля Суздальского: «Она же, разумевши, рече ему: „Како то слово исполнится, цесарю, понеже азъ погана есмь? Да аще вмѣнить мя Богъ съ кресщеными, то и се получиши". Царь же безмерно рад бысть, и рече ей: „Патриарху

възвещю ли слово се?". Она же рече: „Готов ли еси поручитися по мнѣ Богу и патриарху?". Он же рад „И порючюся" — рече. Она же рече: „То уже время прииде, крести мя самъ"». Дальше сходно с Лаврентьевской летописью.

Како хочеши мя пояти, крестивъ мя самъ и нарекъ мя дщерею? А въ хрестеянехъ того нѣсть закона — согласно церковным установлениям, крестная дочь не может выйти замуж за своего крестного отца.

К с. 30

и отпусти ю — эти слова читаются дважды: перед разговором Ольги с императором и после. Является предположение: не был ли позднейшей вставкой на основании народного предания весь помещенный между ними рассказ о том, как Ольга «переклюкала» императора. Если соединить всю фразу, разорванную вставкой, то окажется, что духовным отцом Ольги был не император, а патриарх: «И благослови ю патреархъ, и отпусти ю, нарекъ ю дъщерью собѣ» (*Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С. 111 и след.).

Аще ты, рьци, тако же постоиши у мене в Почайнѣ, яко же азъ в Суду — об этом стоянии Ольги в Суду, как и об упомянутом выше обещании Ольги прислать дары и войско, в предшествующем рассказе о пребывании Ольги в Царьграде речи не было. Очевидно, летописец знал обо всем этом из особого предания, не изложенного им в летописи. Почайна — речка под Киевом.

Он же не послуша матере, творяше норовы поганьския, не вѣдый, аще кто матере не послушаеть, в бѣду впадаеть, яко же рече: «Аще кто отца ли матере не послушаеть, то смерть прииметь» — в «Повести временных лет» это пророчество о скорой смерти Святослава, читающееся под 955 г., не оправдывается, так как затем идет описание многочисленных походов Святослава. Однако первоначально рассказ о крещении Ольги читался в составе Сказания о первоначальном распространении христианства на Руси (см. с. 305), где не было хронологических дат и где не было описания кипучей деятельности Святослава. Там, в этом Сказании, «пророчество» о скорой смерти Святослава имело определенный смысл, так как Святослав княжил после смерти Ольги меньше года (именно этим и объясняется, что оно было придумано «задним числом»). Как утверждает А. А. Шахматов, древнейшая киевская летопись определяла год смерти Святослава как 6478 (970) г. Впоследствии Начальный свод определял ее 6480 (972) г. Ольга же умерла в 6477 (969) г. Составитель «Памяти и похвалы» князю Владимиру относил смерть Святослава, так же как и древнейшая киевская летопись, к 6478 (970) г.; «и сѣде въ Киевѣ князь Володимеръ осмое лѣто по смерти отца своего Святослава, мѣсяца июня въ 11, въ лѣто 6486» (*Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С. 132, 133). Поэтому понятно, почему составилось представление о краткости жизни Святослава и почему понадобилось «объяснить» эту краткость «пророчеством».

К с. 31

964 *аки пардусъ* — пардус — гепард. Гепардов на Востоке и реже на Руси держали как охотничьих зверей. «Иосиф Барбаро в 1471 г. видел у князя Армении сотни этих зверей; владетельные лица Монголии имели такое большое количество гепардов, что порою их брали до тысячи на одну охоту» (*Шарлемань Н. В.* Из реального комментария к «Слову о полку Игореве»// ТОДРЛ. 1948. Т. 5. С. 120). В 1159 г. Святослав Ольгович подарил своему зятю Юрию Долгорукому пардуса.[1] Летописец сравнил Святослава Игоревича с пардусом, очевидно, за быстроту и легкость его движений. Характеристика Святослава у греческого историка Льва Диакона в значительной степени совпадает с той, которую дает ему русская летопись. Лев Диакон называет его «горячим и дерзким, да к тому же отважным и деятельным» и следующим образом описывает его наружность при свидании Святослава с Иоанном Цимисхием: «⟨...⟩ умеренного роста, не слишком высокого и не очень низкого, с мохнатыми бровями и светло-синими глазами, курносый, безбородый, с густыми, чрезмерно длинными волосами над верхней губой. Голова у него была совершенно голая, но с одной стороны ее свисал клок волос — признак знатности рода; крепкий затылок, широкая грудь

и все другие части тела вполне соразмерные, но выглядел он угрюмым и диким. В одно ухо у него была вдета золотая серьга: она была украшена карбункулом, обрамленным двумя жемчужинами. Одеяние его было белым и отличалось от одежды его приближенных только чистотой. Сидя в ладье на скамье для гребцов, он поговорил немного с государем об условиях мира и уехал» (*Лев Диакон*. История. С. 44, 82).

подъкладъ — Эрмитажный список свода 1479 г. разъясняет, что это был за «подклад» — «подклад подседелный» (потник).

И иде на Оку рѣку и на Волгу, и налѣзе вятичи — судя по рассказу летописи, Святослав случайно сталкивается с вятичами, но не сражается с ними, а только узнает от них, что они платят дань хазарам, затем обращается на хазар, и только после этого в 966 г. вновь возвращается к вятичам и тут впервые вступает с ними в военные действия: «Вятичи победи Святослав, и дань на них възложи». Не менее странным кажется и направление первого похода Святослава на вятичей: «на Оку реку и на Волгу». Вятичи действительно жили на Оке, но их поселения не доходили до Волги. Кроме того, в первом же своем походе он нарушает свое обыкновение, о котором летописец только что сказал: предупреждать о себе врагов. Возможно, потому, что диалог Святослава с вятичами вставлен в первоначальный рассказ о походе Святослава на хазар как мотивировка этого похода. В таком случае следовало бы предположить, что Святослав пошел прямо на хазар на Волгу, где они жили. Этих хазар Святослав предупреждает: «хочю на вы ити»; поэтому-то хазары «слышавше» выходят против него. Весь поход Святослава получает большую целеустремленность: Святослав идет прямо к нижнему течению Волги, не поднимаясь безо всяких видимых к тому оснований и результатов к Оке (*Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С. 118 и след.).[1]

от рала даемъ — по поводу рала П. Н. Третьяков пишет: «Если на севере основным пашенным орудием являлась... соха, то на юге применялся плуг, а также и несомненно и более примитивное орудие — рало, по своим техническим особенностям приближающееся к сохе» (История культуры древней Руси. Т. 1. С. 60).[2]

Иде Святославъ на козары — араб Ибн Хаукаль сообщает о походе русских на 965
волжских болгар и хазар под 969 г. Ввиду противоречия в дате между русской летописью и Ибн Хаукалем неясно было, идет ли речь у Ибн Хаукаля об этом походе Святослава или о каком-либо другом. «В действительности противоречие только кажущееся, — пишет В. В. Бартольд, — и возникло под влиянием неясности выражений Ибн Хаукаля; указанная им дата 969 г. относится к тому времени, когда он в Джурджане узнал о погроме (русскими болгар и хазар. — *Д. Л.*), и только по небрежности в других местах отнесена им к самому погрому. Из слов самого Ибн Хаукаля видно, что между погромом и тем временем, когда он о нем узнал, прошло несколько лет; бежавшие из Приволжья думали туда вернуться и жить там под властью русских, которую они, по-видимому, считали прочно установленной. Вопреки словам Ибн Хаукаля, очень вероятно, что разгромлено было только хазарское царство; дальнейшие события показывают, что из этого разгрома волжские болгары извлекли больше выгод, чем русские. Вопреки ожиданиям бежавших, Святослав ушел из хазарских земель под влиянием просьбы византийского императора о помощи против дунайских болгар» (*Бартольд В.* История изучения Востока в Европе и России. Л., 1925. С. 167).[3]

и градъ ихъ и Бѣлу Вежю взя — Белая Вежа — Саркел — хазарская крепость. Константин Багрянородный рассказывает, что хазары обратились к византийскому императору Феофилу (829—842) с просьбой о построении для них крепости. Феофил отправил к ним своего родственника Петрония, воздвигшего стены Саркела из кирпича. Основание Саркела Продолжатель хроники Феофана относит ко времени перед походом Феофила на арабов 837 г.; Кедрин же называет датой основания Саркела 834 г. Местоположение Саркела обычно указывают около станицы Цимлянской (*Артамонов М. И.*: 1) Средневековые поселения на Нижнем Дону. М.; Л., 1935; 2) Саркел и некоторые другие укрепления в северо-западной Хазарии // Сов. археология. Л.; М., 1940. № 6; *Ляпушкин И. И.* Раскопки правобережного Цимлянского городища // КСИИМК. М.; Л., 1940. Т. 4). К. В. Кудряшов указывает, что местоположение Саркела следует искать на Дону — там, где Дон ближе всего подходит к Волге, примерно между устьем реки Вертячей и Ново-Григорьевской станицей (*Кудряшов К. В.* Половецкая степь: Очерки исторической географии. М., 1948. С. 9—42). Однако соображения К. В. Кудряшова, основывающиеся на свиде-

тельстве путешествия Пимена конца XIV в., противоречат археологическому материалу (*Артамонов М. И.* Новые раскопки Саркела—Белой Вежи // Вопр. истории. 1949. № 10).[1]

ясы побѣди и касогы — Ипатьевская летопись прибавляет «и приде къ Киеву». В Новгородской первой летописи этот же текст читается «и приведе къ Киеву» — в значении «привел в зависимость от Киева». По-видимому, чтение Новгородской первой летописи более древнее. Ясы — осетины, касоги — черкесы. Те и другие жили в степях и предгорьях Кавказа. Поселения их заходили в степи значительно севернее, чем в последующее время.

967 *Иде Святославъ на Дунай на Болгары* — это первый поход Святослава в Болгарию. Второй поход занесен в «Повести временных лет» под 971 г. Два похода Святослава знают и греческие источники. Однако хронология их не совпадает с той, которую дает «Повесть временных лет»: между ними нет такого промежутка; первый из них был совершен в пятый год царствования Никифора, 6476 (968), а второй в шестой год царствования Никифора, 6477 (969).[2]

и взя городъ 80 по Дунаеви — число 80 для болгарских городов имеет исторические основания. Прокопий Кесарийский (византийский историк VI в.) говорит о 80 укреплениях, воздвигнутых Юстинианом в этой местности. О 77 городах Дуная говорят и болгарские песни. На основании точности этого указания летописи и точности передачи в летописи знаменитой речи Святослава, зафиксированной также у Льва Диакона, А. А. Шахматов предполагал, что рассказ о Святославе заимствован из какой-то не дошедшей до нас болгарской летописи (*Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С. 124). Однако оснований для такого предположения слишком недостаточно.

сѣде княжа ту в Переяславци — Переяславец на Дунае — теперь село Преслав у Тульчи на юг от Дуная.

968 *Придоша печенѣзи на Руску землю первое* — это сообщение летописи как будто бы находится в противоречии с предшествующими сведениями в той же «Повести временных лет» о появлении печенегов перед проходом угров мимо Киева, о первом их приходе на Русь при Игоре (под 915 г.), о войнах Игоря с печенегами и т. д. Очевидно, здесь летописец имеет в виду только то, что печенеги впервые напали на самый Киев.

И въстужиша людье въградѣ и рѣша — очевидно, что здесь имеется в виду народное собрание — вече. Как здесь, так и в описании осады Белгорода под 997 г. мы имеем редкие для X в. свидетельства о вечевых собраниях. Б. Д. Греков пишет по этому поводу: «Как правило, в X в. при наличии князя в городе вече не собирается. При князе мы видим всегда совет старейшин города или, иначе, старцев градских, бояр и дружину». «Ни в X в., ни в первой половине XI в. для развития вечевого строя благоприятных условий в Киеве нет. Власть киевского князя слишком сильна, город политически еще слишком слаб, чтобы рядом с княжеской властью могло процветать городское вече» (*Греков Б. Д.* Киевская Русь. С. 356—357). О вече см. ниже, с. 468.

Бѣ бо умѣя печенѣжьски — из этих слов видно, что русские общались с печенегами и до 968 г. и что слова «придоша печенѣзи на Руску землю первое» следует понимать только в том смысле, что печенеги в 968 г. впервые совершили военный поход на Русь. Ср. в связи с этим под 915 г.: «Приидоша печенѣзи первое на Рускую землю, и сотворивше миръ со Игорем».

К с. 32

и вълдасть печенѣжьский князь Прѣтичю конь, саблю, стрѣлы. Онъ же дасть ему бронѣ, щитъ, мечь — перед нами в этой сцене обряд побратимства, связанный с обменом подарками. Подарки эти, по-видимому, имеют символическое значение и в высшей степени ярко характеризуют две противостоящие друг другу культуры — степную печенежскую и оседлую европейскую культуру русских. Для конного войска печенегов режущая скользящим ударом сабля представляла собой более удобное оружие, чем меч. Сабля постоянно встречается в курганах половцев и торков XI—XII вв. Употреблялась она и татарами.[3] Меч использовался на Руси раньше сабли и употреблялся для рубящих и, реже, колющих ударов.[4] Меч был символом княжеской власти и предметом религиозного культа, при заключении

договоров с греками русские клялись на мечах (как и на щитах), а впоследствии меч святого Бориса и меч псковского князя Всеволода окружались особым почитанием. В рассказе «Повести временных лет» о сборе хазарами дани с русских двухлезвийный меч выступает как эмблема полян и противопоставляется однолезвийной сабле хазар (см. с. 395). Под броней следует здесь разуметь кольчугу — боевую одежду из переплетенных друг с другом железных колец, которая на Руси употреблялась уже в IX—X вв.[1]

И отступиша печенѣзи от града, и не бяше льзѣ коня напоити: на Лыбеди печенѣзи — в этих словах наблюдается противоречие: печенеги отступили от города, но осада стала еще теснее. Если печенеги отступили, то водопой, казалось бы, должен был освободиться. По-видимому, слово «отступиша» следует заменить словом «оступиша», т. е. «осадили», и читать все это место непосредственно вслед за фразой, начинающейся: «И оступиша печенѣзи град в силе велице...», а народное предание об отроке, пробежавшем с уздечкой через печенежский стан, и об обмене подарками между Претичем и печенежским князем считать вставленным в более ранний текст позднее.

яко ту вся благая сходятся — греческий историк Скилица также указывает на то, что 969
Святослава Болгария привлекла своим богатством.

овощеве розноличныя — овощами назывались в древней Руси фрукты. Ср. в «Хождении» игумена Даниила: «Древеса овощная стоять многа бесъ числа: масличие... чересие, и грождья, и всяка овощи».

По трех днехъ умре Ольга — славяно-русский Пролог отмечает день смерти Ольги — 11 июля (из Пролога эта дата проникла в некоторые псковские летописи, см.: Псковская 3-я летопись // Псковские летописи. М., 1955. Вып. 2. С. 74).

и несоша и погребоша ю на мѣстѣ. И бѣ заповѣдала Ольга не творити трызны над собою, бѣ бо имущи презвутеръ, сей похорони блаженую Ольгу — в этом рассказе о похоронах Ольги обращают на себя внимание некоторые частности. Во-первых, Ольга запрещает по себе творить тризну, так как имела священника (пресвитера): ясно, что тризна понимается здесь как обряд языческий, противоположный христианскому и исключаемый им. Во-вторых, сказано, что Ольгу похоронили «на мѣстѣ», но не сказано на каком (ср. ниже о похоронах Олега Святославича: «и погребоша Ольга на мѣстѣ у города Вручога»). Это объясняется тем, что над Ольгой не насыпали обычного кургана (ср. в Прологе под 11 июля древний рассказ о смерти Ольги: «И призвавъши сына своего Святослава, заповѣда ему погрести ся съ землею ровно, а могилы не сути, ни тризны творити, ни бѣдына дѣяти»). Могила Ольги поэтому могла быть плохо известна в народе. Отличие христианского обычая погребать «с землею ровно» от дохристианского — насыпать могилу подчеркнуто также в более позднем Житии Константина Муромского (XVI в.): когда Константин похоронил сына своего Михаила по христианскому обычаю, то «невернии людие, видяще сия, дивляхуся еже не по их обычаю творимо бе погребение, яко погребаему князю Михаилу во знак на востоце, а верх холмом не сыпаху, но ровно с землею». К словам «Повести временных лет» «бѣ бо имущи презвутеръ» Новгородская первая летопись (в которой читается текст летописи более древней, чем «Повесть временных лет») добавляет «в тайнѣ». Иными словами, Ольга рассматривается в Новгородской первой летописи как тайная христианка.

Си бысть предътекущия крестьяньстѣй земли, аки деньница предъ солнцемъ — вся дальнейшая «Похвала» княгине Ольге схожа и стилистически и по содержанию с «Похвалой» Владимиру (см. под 1015 г.). Обе принадлежат руке одного автора. В «Похвале» Владимиру: «Схраниша тѣло его с плачемь, блаженаго князя» и дальше — «се есть новый Костянтинъ великого Рима», а в «Похвале» Ольге: «Сей похорони блаженую Ольгу. Си бысть предътекущия крестьяньстѣй земли, акы деньница предъ солнцемъ». В «Похвале» Владимиру: «Сего бо в память держать русьстии людье, поминающе святое крещенье, и прославляють Бога», а в «Похвале» Ольге: «Сию бо хвалят рустие сынове аки началницю... Се бо вси человѣци прославляють [Бога], видяще [ю] лежащю в тѣлѣ на многа лѣта». Обращает на себя также внимание сравнение Ольги со святой Еленой, поддержанное сравнением Владимира с Константином Великим: перед нами единая мысль, проведенная в обеих похвалах, — дело Ольги и Владимира для Руси такое же, как и дело равноапостольных Елены и Константина для Византии. Вместе с тем похвала Ольге имеет в виду будущее крещение Руси. С другой стороны, сказание о крещении Руси ссылается на

княгиню Ольгу как на первую христианку. Крещение Владимира определяется решающим аргументом, который приводят ему собранные им бояре и старцы: «Аще бы лихъ законъ гречьский, то не бы баба твоя приняла, Ольга, яже бѣ мудрѣйши всѣх человѣкъ» (987 г.).

К с. 33

971 *и взя градъ копьемъ* — Ипатьевская и Новгородская первая летописи добавляют: «рькя: „се городъ мой"» (Ипатьевская летопись); «и рче: „се град мой"» (Новгородская первая летопись). А. А. Шахматов предполагает, что это отрывок более обширной речи; возможно, что речь Святослава о предпочтении им Переяславца Киеву была первоначально помещена именно здесь. Впоследствии она была перенесена под 969 г. для объяснения второго похода Святослава (*Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С. 66). Это предположение А. А. Шахматова не может считаться достаточно обоснованным. «Взять град копьем» — военный термин, означавший «взять город приступом». Копье в древней Руси было оружием первого стремительного удара. Ср. аналогичный военный термин — «изломить копье» (вступить в битву). Битва часто начиналась с того, что князь метал копье в сторону противника.[1]

Се же рѣша грьци, льстяче подъ Русью; суть бо греци лстивы и до сего дни — Радзивиловская летопись и Московско-Академический список добавляют: «суть бо греци лстивы и до сего дни». В Ипатьевской летописи читаем прямо противоположное: «суть бо греци мудри и до сего дни». «Мудри», конечно, исправление из «льстивы», так как последнее только согласуется с предшествующим: «реша грьци, льстяче...».

И пристроиша грьци 100 тысящь на Святослава — греческие источники называют иную цифру войска Цимисхия: против Святослава выступило 15 тысяч пеших и 13 тысяч конных воинов: цифра все равно по тем временам огромная и почти в три раза бо́льшая, чем у Святослава.

и рече Святославъ: «Уже намъ нѣкамо ся дѣти...» — Лев Диакон приводит речь Святослава, сказанную им своим воинам в сражении при Доростоле. Она очень близка по своему духу той, которая приводится в летописи: «Погибла слава, которая шествовала вслед за войском росов, легко побеждавшим соседние народы и без кровопролитья порабощавшим целые страны, если мы теперь позорно отступим перед ромеями. Итак, проникнемся мужеством, [которое завещали] нам предки, вспомним о том, что мощь росов до сих пор была несокрушимой, и будем ожесточенно сражаться за свою жизнь. Не пристало нам возвращаться на родину, спасаясь бегством; [мы должны] либо победить и остаться в живых, либо умереть со славой, совершив подвиги, [достойные] доблестных мужей!» (*Лев Диакон.* История. С. 79).

поиде Святославъ ко граду, воюя и грады разбивая — «градом» здесь называется Царьград. Греки часто называли Константинополь просто πόλις, как римляне Рим — urbs.

И посла к нему злато, и паволоки — греческие источники также свидетельствуют, что и император Никифор, и император Иоанн предлагали Святославу денежный откуп, гордо им отвергнутый. Весь рассказ об испытании Святослава дарами основан на дружинном предании с ярко выраженной дружинной идеологией, отразившейся и в других местах «Повести временных лет». Ср. под 996 г. в рассказе о серебряных ложках, которые Владимир приказал исковать своей дружине, говоря: «Сребром и златом не имам налѣсти дружины, а дружиною налѣзу сребро и злато, яко же дѣдъ мой и отець мой доискася дружиною злата и сребра». Та же идеология проводится в «Повести временных лет» под 1075 г. — Святослав показывал свои несметные богатства послам, послы же сказали Святославу: «Се ни что же есть, се бо лежить мертво. Сего суть кметье луче. Мужи бо ся доищють и болше сего».

К с. 34

Поиду в Русь, приведу боле дружины — итак, Святослав решает вернуться из византийских пределов за новым войском. И он действительно исполняет свое решение «поиде в лодьяхъ къ порогомъ». Однако между рассказом о решении Святослава и рассказом об исполнении этого решения находится повествование о заключении Святославом мира с

греками и текст договора. Можно думать, что и это повествование и текст договора — вставка. Действительно, в Новгородской первой летописи, где вначале читается текст летописного свода, предшествовавшего «Повести временных лет» (так называемого Начального), текста, предположенного нами в качестве вставки, нет, и все действие развивается логически: «И рече: „Поиду в Русь и приведу болши дружине", и поиде в лодьяхъ». Следовательно, рассказ о заключении мирного договора Святослава и самый договор включены составителем «Повести временных лет» в текст предшествовавшей летописи. Напомним, что и все другие договоры русских с греками отсутствовали в предшествовавшей «Повести временных лет» летописи. Все договоры русских с греками внес в текст летописи и использовал как исторические источники только составитель «Повести временных лет».

Равно другаго свѣщанья — объяснение этих слов см. выше, с. 420.

мѣсяца июля — в Львовской, Никоновской и других поздних летописях прибавлено «в 11 день». По-видимому, это прибавление сделано потому, что в одном из летописных источников Львовской и Никоновской летописей вместо «в 14 индикта» читалось по ошибке «в 11 день». 11 июля договор не мог быть заключен, так как Святослав сложил оружие под Доростолом 22 июля.

Азъ Святославъ, князь руский, яко же кляхъся, и утвержаю на свѣщаньѣ семь роту свою — договор, заключенный Святославом в Византии в 971 г., скорее напоминает текст присяги, данной Святославом. Н. А. Лавровский предполагал, «что в летопись попало только краткое дополнение к Святославову договору, а что самый договор заключал ряд условий, указанных, между прочим, Львом Дьяконом» (*Лавровский Н.* О византийском элементе в языке договоров русских с греками. С. 42).[1]

со всякимь великимь царемъ гречьскимъ — И. И. Срезневский предполагал, что надо читать не «со всякимь», что бессмысленно, а «Иоанъмь». Имя это было неправильно прочтено, так как было, по-видимому, написано глаголицей (*Срезневский И. И.* Славяно-русская палеография XI—XIV вв. С. 98).

боляре и прочии — в отличие от предшествующих договоров с греками в договоре Святослава князья не упоминаются.

да будемъ золоти, яко золото — место это недостаточно ясно. Попытку объяснить его см.: *Истрин В. М.* Договоры русских с греками // ИОРЯС АН. 1924. Л., 1925. Т. 22. С. 390.

К с. 35

в лѣто 6480... убиша Святослава — в «Памяти и похвале» князю Владимиру сказано: «И сѣде въ Киевѣ князь Володимеръ о с м о е лѣто по смерти отца своего Святослава, мѣсяца июня въ 11, въ лѣто 6486». Следовательно, составитель «Памяти и похвалы» князю Владимиру относил смерть Святослава к 6478 (970) г. Эту же дату смерти Святослава А. А. Шахматов обнаруживает и анализом текста «Повести временных лет» (*Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С. 132—133). *972*

и во лбѣ его съдѣлаша чашю, оковавше лобъ его — далее поздние летописи приводят следующую надпись, сделанную на золотом оковке Святославова лба. В Уваровской летописи № 188 (ростовская летопись XVI в.): «чюжихъ желая, своя погуби»; в Ермолинской летописи: «чюжихъ ища, своя погуби»; в Львовской летописи: «чюжимъ паче силы жалая, и своя си погуби за премногую его несытость». Ср. выше аналогичный упрек, брошенный киевлянами Святославу: «Ты, княже, чужея земли ищеши и блюдеши, а своея ся охабивъ» (под 968 г.). Возможно, что содержание надписи взято именно из этого упрека. Однако в сборнике Российской национальной библиотеки, F. IV. 214 (летопись, сходная с Тверской) читается, кроме приведенной надписи, и следующее: «И есть чаша сия и д о н и н е хранима въ казнахъ князей печенѣзкихъ, пиаху же из нея князи со княгинею въ чертозѣ, егда поимаются, глаголюще сице: каковъ был сий человек, его же лобъ есть, таковъ буди и родившея от насъ. Тако же и прочиихъ вои его лъбы изоковаша сребромъ и держаху у себе, пиюще з нихъ». Запись эта как будто бы свидетельствует о том, что она составлена еще в XI—XII вв. (ср. выше «д о н и н е... въ казнахъ князей п е ч е н ѣ з с к и х ъ» — печенеги в последний раз упоминаются в летописи под 1169 г. (см. Ипатьевскую летопись)).

И всѣх лѣть княженья Святославля лѣть 20 и 8 — согласно Ипатьевской летописи, Святослав родился в 6450 г. Следовательно, умер он 30 лет (ср. в Русском хронографе: «...а всѣх лѣт поживе 30»).

977 *и есть могила его (Олега Святославича) и до сего дне у Вручего* — под 1044 г. сообщается, что кости Олега Святославича (так же, как и кости Ярополка) были выкопаны и перенесены в Десятинную церковь. Вряд ли возможно предположить, что летописец, писавший после 1044 г. о том, что могила Олега есть «и до сего дне у Вручего», не оговорил этого обстоятельства. Следовательно, запись сделана до 1044 г.

978 *В лѣто 6487* — под этим годом в Никоновской летописи помещены следующие известия, неизвестно откуда взятые ее составителем: «Прииде печенѣжьский князь Илдея, и би челомъ Ярополку въ службу. Ярополкъ же приатъ его, и даде ему грады и власти, и имяше его въ чести велицѣ. Того же лѣта придоша послы отъ греческаго царя къ Ярополку, и взяша мир и любовь съ нимъ, и яшася ему по дань, якоже и отцу его и дѣду его. Того же лѣта придоша послы къ Ярополку изъ Рима отъ папы. З н а м е н и е. Того же лѣта быша знамения въ лунѣ, и въ солнцѣ, и въ звѣздахъ, и быша громи велицы и страшни, и вѣтри силни съ вихромъ, и много пакости бываху человѣкомъ, и скотомъ, и звѣремъ лѣснымъ и полескимъ».

К с. 36

980 *Володимеръ ти идеть на тя, пристраивайся противу биться* — за этими словами Владимира, переданными им через новгородских посадников Ярополку и несколько напоминающими обычай Святослава предупреждать своих врагов, в Никоновской летописи читается следующий текст: «Слышавъ же сиа Ярополкъ от брата своего меншаго Володимера смутися, и нача съвокупляти воа многы, бѣ бо и самъ храборъ велми; и рече ему воевода его Блудъ: „Не можеть противу тебе стати брат твой менший Володимеръ, якоже синица на орла брань сотворити, не смущайся убо боятися его, и не утружай воиньства своего собирая". Сиа же Блудъ лукавствомъ глаголаше къ господину своему Ярополку: бѣ бо уласканъ и улщенъ Владимеромъ».

И посла ко Рогъволоду — вторично сватовство Владимира на основании народных преданий описано в Лаврентьевской летописи под 1128 г.: «О сих же Всеславичих сице есть, яко сказаша вѣдущии преж. Яко Роговолоду держащю и владѣющю и княжащю Полотьскую землю, а Володимеру сущю Новѣгородѣ, дѣтьску сущю, еще и погану. И бѣ у него (уй его) Добрына воевода и храборъ и наряденъ мужь. И сь посла к Роговолоду и проси у него дщере (его) за Володимера. Он же рече дъщери своей: „Хощеши ли за Володимера?". Она же рече: „Не хочю розути робичича, но Ярополка хочю". Бѣ бо Роговолодъ перешелъ изъ заморья, имѣяше волость свою Полтескъ. Слышавше же, Володимеръ разгнѣвася о той рѣчи, оже рече „не хочю я за робичича", пожалиси Добрына и исполнися ярости. И поемше вои (и) идоша на Полтескъ и побѣдиста Роговолода. Рогъволодъ же вбѣже в городъ и приступивъше к городу и взяша городъ и самого (князя Роговолода) яша и жену его и дщерь его. И Добрына поноси ему и дщери его, нарекъ ей робичица, и повелѣ Володимеру быти с нею пред отцемь ея и матерью. Потом отца ея уби, а саму поя женѣ и нарекоша ей имя Горислава и роди Изяслава. Поя же пакы ины жены многы и нача ей негодовати. Нѣколи же ему пришедшю к ней и уснувшю, хотѣ ѝ зарѣзати ножемь. И ключися ему убудитися и я ю̀ за руку. Она же рече, сжалиласи бяхъ: „Зане отца моего уби и землю его полони мене дѣля, — и ее нынѣ не любиши мене и съ младенцем симь". И повелѣ ею устроитися во всю тварь царскую, якоже в день посага ся, и сѣсти на постели свѣтлѣ в храминѣ, да пришедъ потнеть ю̀. Она же тако створи. И давши же мечь сынови своему Изяславу в руку нагъ, и рече: „Яко внидеть ти отець, рци, выступя: «Отче, еда единъ мнишися ходя!»". Володимеръ же рече: „А хто тя мнѣл сдѣ!". И повергъ мечь свой, и созва боляры, и повѣда им. Они же рекоша: „Уже не убий ея, дѣтяти дѣля сего, но въздвигни отчину ея. И дай ей с сыном своимъ". Володимеръ же устрои городъ, и да има, и нарече имя городу тому Изяславль. И оттолѣ мечь взимають Роговложи внуци, противу Ярославлим внуком». Эта статья Лаврентьевской летописи имеет несколько совершенно сходных мест с соответствующим рассказом «Повести временных лет», но есть и различия. В статье Лаврентьевской летописи 1128 г. Владимир еще очень молод («дѣтьску сущу»); в «Повести временных лет» под 980 г. это указание пропущено. В статье 1128 г. Добрыня сватает Владимиру Рогнеду и приказы-

вает Владимиру. В рассказе же 980 г. эти указания пропущены. А. А. Шахматов предполагает, что рассказ 1128 г. сохраняет первоначальную версию. Этот рассказ в древнейшей летописи был якобы помещен под 970 г. (а не под 980 г.), сразу же после повествования о том, как новгородцы получили себе Владимира. Когда рассказ этот был перенесен (по неясным причинам) под 980 г., пришлось устранить указание на молодость Владимира, устранить Добрыню с его руководящей ролью, устранить сцену дикого надругательства Владимира над Рогнедой, что противоречило представлениям летописца о «святом» Владимире. Получалась и другая несообразность, на которую многократно указывали исследователи: Владимир сразу борется на два фронта — против Киева и Полоцка. Поход Владимира на Киев перебит походом против Рогволода Полоцкого (*Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С. 247—251). Обратим внимание и еще на одну деталь рассказа 1128 г. «Повесть временных лет» перечисляет четырех сыновей Владимира от Рогнеды: Изяслава, Мстислава, Ярослава и Всеволода. По версии же 1128 г. у Владимира к моменту его разлуки с Рогнедой один сын — Изяслав. Внимание исследователей останавливало также близкое сходство рассказа о сватовстве Владимира к Рогнеде с той частью Корсунской легенды, где говорится о добывании Владимиром дочери корсунского князя (тот же эпизод с надругательством Владимира над дочерью князя на глазах у родителей). Наконец, обращало на себя внимание сходство рассказа о сватовстве Владимира к Рогнеде с былиной о Добрыне (в вариантах — о Дунае), высватывающем князю Владимиру невесту. Очевидно, и тут и там общие фольклорные источники опираются на реальную историческую основу (*Соколов Б. М.* Эпические сказания о женитьбе Владимира // Учен. зап. Саратовского гос. ун-та. Слав.-ист. отд. пед. ф-та. 1923. Т. 1, вып. 3).[1]

Не хочю розути робичича — робичичем Владимир назван потому, что его мать Малуша была ключницей у Ольги (см. выше, под 970 г.). Малуша, дочь Малка Любечанина, была сестрой Добрыни — дяди Владимира и его пестуна. Рогнеда отказывается выйти замуж за Владимира и употребляет при этом образное выражение: разувание мужа в знак покорности новобрачной было частью свадебного обряда.

а Туры Туровѣ, от него же и туровци прозвашася — за этим кратким замечанием летописца, очевидно, скрывается какая-то этимологическая легенда, объяснявшая происхождение названия Турова и княжеской династии, в ней сидевшей (вроде того, как объясняется название Киева и происхождение местных киевских князей от Кия, см. с. 389—390, или радимичей и вятичей от Радима и Вятко, см. с. 392—393).

стояше Володимеръ обрывся на Дорогожичи, межю Дорогожичемъ и Капичемъ, и есть ровъ и до сего дне — Дорогожичи — урочище между Киевом и Вышгородом, но ближе к Киеву, приблизительно там, где впоследствии был выстроен монастырь Кирилла (XII в.). Возможно, об остатках этого «рва» или вала говорится в Ипатьевской летописи под 1146 г.: «И прииде Изяславъ ко валови, идеже есть Надово озеро у Шелвова борку и ту ста полкы подлѣ валъ съ сыномъ своимъ Мьстиславомъ».

а Володимеръ вниде в Киевъ — в «Памяти и похвале» князю Владимиру вступление Владимира на киевский стол и смерть Ярополка отнесены к 6486 (978) г. Вступление Владимира на киевский стол датируется при этом точно 11 июня. Эту дату А. А. Шахматов возводит к Древнейшему своду. Следует учесть, что до середины XI в. в «Повести временных лет» нет ни одной точной даты светских событий. Точно датируются только те события, которые могли отразиться в церковных записях (кончина Ольги — 11 июля, убиение варягов — 12 июля, освящение Десятинной церкви — 12 мая, смерть Владимира — 15 июля, убиение Бориса — 24 июля, убиение Глеба — 5 сентября, освящение Вышгородской церкви Бориса и Глеба — 24 июля, освящение церкви Софии — 4 ноября, освящение церкви Георгия — 26 ноября). Откуда же могла стать известной летописцу дата вступления на стол Владимира, никак не связанная с богослужебным календарем? А. А. Шахматов объясняет ее следующим образом. Древнейшая летопись знала дату убиения отца и сына варягов — 12 июля (она сохранилась в Прологе). Между днем вступления Владимира на стол и жертвоприношением, как казалось летописцу, прошел месяц (варяжская дружина при вступлении Владимира на стол потребовала у него «кун» и «ждаша за месяць»; к жертвоприношению же Владимир приступил по уходе варяжской дружины). Следовательно, исходя из даты жертвоприношения — 12 июля, древнейший летописец установил дату

вступления Владимира на стол — 11 июня. В последующих сводах обе даты утратились (*Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С. 26—27).

и есть притча и до сего дне: бѣда аки в Роднѣ — в Ермолинской летописи поговорка эта читается в более полном виде: «Беда аки в Родне́; брат брата убил». Здесь отчетливо видна игра слов на созвучии «Родьня» и «родня» (ср. аналогичную игру слов в рассказе о четвертой мести Ольги: «да сего у васъ прошю м а л а» — с. 438).

К с. 37

И тако убьенъ бысть Ярополкъ — «Память и похвала» князю Владимиру, произведение XI в., пользовавшееся какой-то не дошедшей до нас древней летописью (возможно, Древнейшим сводом), датирует смерть Ярополка 11 июня.

Посемь рѣша варязи Володимеру — рассказ о недовольстве варягов Владимиром и об их отъезде в Царьград не производит впечатления записанного на основе предания (в нем Владимир скуп, тогда как в народных преданиях Владимир «пиролюбец» и всегда щедр). Не ясно, следовательно, откуда он взят в летопись. А. А. Шахматов предполагает поэтому, что события эти перенесены под 980 г. из времени начала княжения Ярослава. Свое предположение А. А. Шахматов искусственно аргументирует следующим образом. Он предполагает, что в 1017 г. варяги, которые помогали Ярославу победить Святополка, бесчинствовали якобы в Киеве, как двумя годами ранее (в 1015 г.) в Новгороде. Результатом этих бесчинств явился пожар в Киеве в 1017 г., упоминаемый в хронике Титмара Мерзебургского. Эти предполагаемые бесчинства могли побудить Ярослава сбыть варягов в Византию. Летописец приурочил (неясно почему) эти события к 980 г. (*Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С. 480—483). Однако также не могут быть выведены из народных преданий и все предшествующие сведения «Повести временных лет» о борьбе Владимира с Ярополком. Поэтому, возможно, прав М. Н. Тихомиров, который предполагает, что какие-то записи событий велись уже в годы княжения Владимира (*Тихомиров М. Н.* Происхождение названий «Русь» и «Русская земля». С. 64 и след.). Важным подтверждением правоты нашей летописи, отнесшей эти события к 980 г., служит то обстоятельство, что именно вскоре после 980 г. (хотя и не сразу) в Византии был организован особый варяжский корпус (*Васильевский В. Г.* Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе XI—XII вв. // Труды. СПб., 1908. Т. 1). Ведение летописных записей при Ярополке не исключает, однако, того обстоятельства, что впоследствии мы наблюдаем очевидный перерыв в ведении своевременного записывания (описание крещения Владимира и Руси дошло до нас явно не в записи летописца-современника).

Перуна древяна, а главу его сребрену, а усъ златъ, и Хърса, Дажьбога, и Стрибога, и Симарьгла, и Мокошь — Перун — бог молнии и грома; о нем как о божестве древних антов и славян говорит еще Прокопий (византийский историк VI в.). Хорс и Дажьбог — боги солнца, источники благополучия. Стрибог — бог ветра (в «Слове о полку Игореве» ветры названы — «стрибожьи внуки»). Не ясна сущность бога Симарьгла. Некоторые исследователи сопоставляют его с иранским богом Симургом, так же как Хорса с иранским Хуршидом — солнце. Мокошь, возможно, связан с названием народа мокша-эрзя и первоначально был племенным богом. Исследователи предполагают, что пестрота созданного Владимиром пантеона во многом зависела от пестроты племенного состава Киевского государства. В Перуне видят «дружинного бога» — покровителя вооруженной полуфеодальной верхушки, а во всех остальных богах — различных племенных богов, объединением культа которых Владимир якобы пытался скрепить религиозно свое государство еще до принятия христианства. Среди поставленных Владимиром у «двора теремного» кумиров нет Волоса — «скотьего бога», которым клялись славяне при заключении договоров с греками. В этом боге исследователи видят более «демократичного», чем дружинный Перун, бога-покровителя торговли и купцов и отмечают, что кумир его стоял в Киеве внизу на Подоле среди рынка. А. А. Шахматов считает, что данное место летописи в Древнейшей летописи читалось так: «Постави кумиры на холму вне двора теремного». Имена этих кумиров были внесены впоследствии. А. Е. Пресняков обращает внимание на текст Радзивиловского и Московско-Академического списков, где сказано не «кумиры», а «кумир», и считает, что первоначально в Древнейшей летописи упоминался один Перун, что согласуется с дальнейшим

известием о поставлении кумира Перуна в Новгороде (*Пресняков А. Е.* Лекции по русской истории. М., 1933. Т. 1. С. 105). Однако утверждения обоих авторов не выходят за пределы предположений.[1]

постави кумира надъ рѣкою Волховомъ — в Ипатьевской летописи и в других сказано, что этим кумиром был Перун («постави Перуна кумира»). Так это ясно и из новгородских летописей, и из местных новгородских преданий, приурочивших это поставление Добрынею кумира Перуна к местности «Перынь».

Рогънѣдь, юже посади на Лыбеди, иде же ныне стоить сельце Предъславино — Рогнеда — дочь полоцкого князя Рогволода. От Рогнеды у Владимира, между прочим, была дочь Предслава. Очевидно, что село Рогнеды затем перешло к ее дочери Предславе и от последней получило свое название Предславино. Историю женитьбы Владимира на Рогнеде см. выше, в тексте «Повести временных лет» под 980 г. и в Лаврентьевской летописи под 1128 г.

и быша ему водимыя: Рогънѣдь ... от нея же роди 4 сыны: Изеслава, Мьстислава, Ярослава, Всеволода, а 2 дщери; от грекинѣ — Святополка; от чехинѣ — Вышеслава; а от другоѣ — Святослава и Мьстислава; а отъ болгарыни — Бориса и Глѣба — этот перечень сыновей Владимира не во всех летописях одинаков. Ипатьевская летопись и Московско-Академический список опускают после имени Святослава имя Мьстислава. Это сделано, очевидно, с целью оставить среди сыновей Владимира только одного Мстислава. Поправка эта неверна, так как оставлен только старший Мстислав, тогда как Мстислав, появляющийся в летописи с 1022 г., был младше Ярослава (см. под 1024 г. его слова, обращенные к Ярославу: «Сяди в своем Кыевѣ; ты еси старѣйшей братъ»). Вместо младшего Мстислава Софийская первая, Новгородская четвертая и другие летописи называют Станислава. Станислав приписан позднее в Ипатьевской летописи к имени Святослава. Кроме того, Софийская первая, Новгородская четвертая, Воскресенская летописи приписывают на основании летописной статьи 988 г.: «11. Судислав, 12. Позвизд». Эти последние имена явно взяты из перечня сыновей Владимира, данного под 988 г.: «Бѣ бо у него сыновъ 12: Вышеславъ, Изяславъ, Ярославъ, Святополкъ, Всеволодъ, Святославъ, Мьстиславъ, Борисъ, Глѣбъ, Станиславъ, Позвиздъ, Судиславъ». А. А. Шахматов считает, что все перечисление сыновей под 980 г. взято из статьи 988 г., и предполагает, что первоначально здесь шла речь только о «блуде» Владимира на основании данных так называемой Корсунской легенды (*Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С. 136—138). Однако соображения А. А. Шахматова, построенные в данном случае на произвольных толкованиях психологии летописца, малоубедительны. Не могут они объяснить и упоминания двух дочерей Владимира, отсутствующих в перечне 988 г. Не может быть также убедительно выведено из перечня 988 г. распределение сыновей по женам Владимира, в этом перечне 988 г. не упоминаемых.

К с. 38

Иде Володимеръ к ляхомъ и зая грады их, Перемышль, Червенъ и ины грады, иже суть и до сего дне подъ Русью — хотя «Повесть временных лет» и называет перечисленные города польскими («грады их»), но это определение относится только к их государственной принадлежности перед походом Владимира, но не является свидетельством об этническом составе их населения. Б. Д. Греков пишет: «Спор между русскими и польскими учеными относительно того, каким народом, русским или польским, была заселена та часть Западной Украины, которую Повесть временных лет называет „городами червенскими", как мне кажется, может быть решен в пользу русского народа по следующим основаниям: 1) древнее население этого края — ветвь восточного славянства, дулебы; 2) археологические, лингвистические и юридические данные говорят о единстве культуры от Карпат до Днепра; 3) современное украинское, по преимуществу сельское население края не пришлое, а туземное: абсолютно не из чего не видно, чтобы здесь раньше украинцев жили поляки. Стремление Польши завладеть этой землей — несомненно. Борьба между Киевским государством и Польшей началась, по-видимому, до X в. Когда летописец говорит „и зая грады их", то имеет в виду города-крепости, по-видимому воздвигнутые поляками или только занятые польскими гарнизонами и в значительной мере колонизованные поляками в результате

их стремления продвинуться на восток» (*Греков Б. Д.* Киевская Русь. С. 467). Козьма Пражский говорит о том, что земли эти входили в состав Чехии, а не Польши (то же и Ибрагим Ибн Якуб: *Куник А., Розен В.* Известия аль-Бекри и других авторов о Руси и славянах. Ч. 1. С. 47—49 и др. (Приложение к 32-му т. Записок Академии наук)). Возможно, конечно, что какая-то часть Прикарпатья принадлежала Чехии, владевшей в это время Краковом. Однако «Червенские города» никогда в это время прочно в состав Польши или Чехии не входили (*Мавродин В. В.* Образование древнерусского государства. С. 298).[1]

983 *Бяше варягъ единъ, и бѣ дворъ его, идеже есть церкви святая Богородица* — читающийся вслед за тем рассказ о первых мучениках-варягах находится в тесной связи с рассказом о крещении Руси и, по-видимому, принадлежит руке одного и того же автора. Оба они называют язычников-русских редким термином «невегласы», более нигде не встречающимся, в обоих сходно изображены сетования дьявола.

В рассказе о варягах

Дьяволъ радовашеся сему, не вѣдый, яко близь погибель хотяше быти ему. Тако бо тщашеся погубити род хрестьаньский, но прогонимъ бяше хрестомъ честнымъ и в инѣх странахъ; сде же мняшеся оканьный: яко сде ми есть жилище, сде бо не суть апостоли учили, ни пророци прорекли... Аще и тѣлом апостоли не суть сдѣ были, но ученья их аки трубы гласять по вселенѣй в церквахъ.

В рассказе о крещении Руси

И бяше си видѣти радость на небеси и на земли, толико душь спасаемыхъ, а дьяволъ стеня глаголаше: «Увы мнѣ, яко отсюда прогоним есмь! сде бо мняхъ жилище имѣти, яко сде не суть ученья апостольска, ни суть вѣдуще Бога, но веселяхъся о службѣ ихъ, еже служаху мнѣ». И се уже побѣженъ есмь от невѣгласа, а не от апостолъ, ни от мученикъ, не имам уже царствовати въ странах сихъ.

Аналогичное сходство намечается в обоих рассказах в рассуждениях об идолах (варяга, с одной стороны, и немцев-проповедников, с другой).

В рассказе о варягах

не суть то бози, но древо... А Богъ есть единъ, ему же служать грьци и кланяются, иже створилъ небо, и землю, звѣзды и луну, и солнце, и человѣка... А си бози что сдѣлаша? Сами дѣлани суть.

В рассказе о крещении Руси

кланяемся Богу, иже створилъ небо и землю, звѣзды, мѣсяць и всяко дыханье, а бози ваши древо суть.

А. А. Шахматов предполагал, что текст сказания о варягах-мучениках первичен и что от него зависит текст сказания о крещении Руси. При этом А. А. Шахматов исходил из соображений «уместности» того или иного рассуждения в том или ином рассказе. Однако сходство обоих рассказов объясняется не тем, что один из них «влиял» на другой, а тем, что оба они принадлежат одному автору и входили в одно произведение: Сказание о первоначальном распространении христианства на Руси (см. с. 305). Рассказ о первых русских мучениках более подробен в Прологе под 12 июля. В Прологе же указано и имя младшего варяга — Иоанн, откуда, очевидно, оно перешло и в поздние летописи (Иван упомянут в Софийской первой, Новгородской четвертой, Никоновской, Воскресенской, Тверской, в Эрмитажном списке свода 1479 г. и других летописях). Имя старшего варяга, по-видимому, Туры (*Шахматов А. А.* Как назывался первый русский христианин-мученик // ИОРЯС АН. 1907. № 9).

но суть дѣлани руками в деревѣ — для историков искусства представляет интерес добавление, читающееся в летописях, восходящих к Новгородско-Софийскому своду 30-х годов XV в., и объясняющее, как делались деревянные статуи идолов: «сикерою и ножемъ» (Софийская первая, Новгородская четвертая летописи, Эрмитажный список свода 1479 г. и др.).[2]

Онъ же стояше на сѣнех... и посѣкоша сѣни под нима — сени представляли собой крытую галерею второго этажа. Сени обычно опирались на столбы, к ним вела снаружи лестница. Они строились довольно просторно и часто использовались князьями для совещаний и приемов. Во время восстания киевлян в 1068 г. князь с дружиной совещались на сенях. В 1150 г. князь Борис устраивает в Белгороде пир на сенях для духовенства и дружины.[1]

К с. 39

Иде Володимеръ на радимичи — радимичи уже были в свое время покорены Олегом и Святославом. Как указывает исследователь племени радимичей Б. А. Рыбаков, здесь, очевидно, имеет место не карательная экспедиция Владимира против восставших или отложившихся радимичей, а столкновение с радимичами Владимира и его дружинников во время сбора дани (см.: *Рыбаков Б. А.* Радзімічы). Серьезных оснований видеть здесь события времен Олега, перенесенные в княжение Владимира (М. С. Грушевский), или только легенду, созданную с целью разгадать народную поговорку (В. А. Пархоменко), нет. Весь рассказ производит впечатление записанного на основе народного предания (ср. также ссылку в этом рассказе на поговорку).[2] *984*

Иде Володимеръ на Болгары — не ясен вопрос, на каких болгар ходил Владимир походом: на волжских или дунайских. В пользу первых свидетельствует древняя «Память и похвала» Владимиру, где говорится о походе Владимира на «серебряных» (т. е. волжских) болгар. Однако упоминание двойного пути — в ладьях и «на конихъ» — как будто бы свидетельствует, скорее, о походе против дунайских болгар (идти в ладьях на волжских болгар было нельзя). Такой же двойной путь в дунайскую Болгарию отмечен летописью и в описании княжения Святослава Игоревича (ср. совет ему Свенельда: «Поиди, княже, на конихъ около»). В. Н. Татищев говорит о походе Владимира на болгар «и сербы», что, конечно, возможно только при том предположении, что поход был направлен против болгар дунайских. Однако «сербы» — явная описка источника Татищева из непонятых «серебряных». Кроме того, все поздние летописи единогласно говорят о походе на волжских болгар. В Никоновской летописи сказано: «Иде Володимеръ на болгары низовскиа» (т. е. волжские), то же в Русском хронографе. В Воскресенской летописи болгары разъяснены: «иже на Волзѣ». Обстоятельную аргументацию в защиту мнения, что Владимир ходил именно на волжских болгар, см.: *Греков Б. Д.* Волжские болгары в IX—X вв. С. 13—14. Весь рассказ — явно фольклорного происхождения. Слова Добрыни «поидем искать лапотников» как будто бы указывают на то, что рассказ этот имел и какое-то продолжение. Возможно, было несколько устных, народных рассказов о походах Владимира с «уем» (дядей) его Добрынею. *985*

а торъки берегомъ — торки появились в южнорусских степях только в середине XI в. Позднее торки часто выступали как союзники русских. По-видимому, вместе с Владимиром выступили какие-то вспомогательные печенежские войска; их и назвал летописец, писавший во второй половине XI в., «торками». Возможно, что торками назвало печенегов еще то народное предание, на основании которого летописец составил свой рассказ 985 г. (аналогичную замену печенегов позднее пришедшими татарами имеем и в былинах Владимирова цикла).

Придоша болъгары вѣры бохъмичѣ — несмотря на то что весь рассказ об испытании Владимиром вер построен по схеме учительных произведений, имевших целью склонить читателей к принятию христианства примером их главы (в данном случае князя Владимира), это, однако, отнюдь не означает, что в основе летописного повествования не лежит никаких исторических фактов. Как это часто бывало в средневековье, в трафаретную форму церковной литературы могли заключаться рассказы о событиях, реально имевших место. В частности, в арабском «Сборнике анекдотов» XIII в., принадлежащем перу Мухаммеда аль-Ауфи, имеется рассказ о посольстве Буламира (Владимира) в Хорезм (Хвалиссы русской летописи) с целью «испытания» мусульманства и о посольстве на Русь мусульманского имама для обращения русских в магометанскую веру (Зап. Восточного отд-ния Русского археол. об-ва. СПб., 1896. Т. 9. С. 262—267).[3] *986*

рече учитель нашь Павел — в поздних летописях (Тверской, Львовской, Никоновской) сказано «Петр и Павел».

К с. 40

а мы вѣруемъ единому Богу Аврамову, Исакову, Яковлю — Авраам, его сын Исаак и сын Исаака — Иаков (названный также Израилем — «богоборцем») — легендарные предки евреев.

и предана бысть земля наша хрестеяномъ — речь здесь идет, конечно, о Палестине и Иерусалиме (см. выше упоминание Иерусалима). Иерусалим же впервые был взят крестоносцами в 1099 г. и сохранялся за ними до 1187 г., когда султан Саладин отвоевал его у христиан (*Айналов Д. В.* Некоторые данные русских летописей о Палестине // Сообщения Православного палестинского о-ва, 1906. Т. 17, вып. 3). Отсюда напрашивается вывод, что разговор Владимира с евреями явился в летописи не ранее этого 1099 г. Я. С. Лурье обратил мое внимание и на следующее подтверждающее это предположение обстоятельство: прение о вере Владимир ведет с представителями четырех вер (магометанами, латинянами, евреями и православными-греками), а послов посылает только к трем (магометанам, латинянам и православным-грекам). Если эпизод прения Владимира с евреями считать вставкой, то это объясняет отсутствие ожидаемой симметрии между прением о вере и посольствами Владимира.[1]

прислаша грьци къ Володимеру философа — в некоторых поздних летописях (Новгородской четвертой, Софийской первой) добавлено имя этого «философа» — «Кирил».

И нача философъ глаголати сице — вся последующая затем обширная «речь философа» (вернее, диалог философа с Владимиром) представляет собою изложение судеб человечества от «сотворения мира» и «падения» первого человека Адама до жизни Иисуса Христа и его учеников включительно с кратким изложением грядущего конца мира и Страшного суда. Уже давно было высказано сомнение в том, что «речь философа» была действительно произнесена перед Владимиром. В одном случае «философ» назван Константином, в другом — Кириллом, что заставляет предполагать, что под «философом» следует подразумевать Константина-Кирилла — крестителя славян. Это дало основание В. И. Ламанскому считать, что речь Константина Философа относится ко времени хазарской миссии Константина, когда им были якобы крещены и русские (*Ламанский В. И.* Славянское житие Кирилла как религиозно-эпическое произведение и как исторический источник. Пгр., 1915. С. 176 и след.). С другой стороны, А. А. Шахматов считал, что «речь философа» первоначально была обращена к болгарскому царю Борису, которого «философ» (но уже не Константин-Кирилл, а Мефодий) крестил при патриархе Фотии (в церковном уставе Владимира указано, что русский князь принял крещение также от Фотия). Якобы через какую-то болгарскую летопись (не дошедшую до нас) речь этого «философа» Мефодия, первоначально обращенная к Борису, попала на Русь и здесь была приурочена к крещению Владимира (*Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С. 154). И в самом деле, «речь философа» лишь внешне прикреплена к Владимиру. В жанровом отношении она принадлежит к составу широко распространенных произведений о крещении царя-язычника греческим проповедником. Она представляет собой распространенный в христианской учительной литературе так называемый сократический диалог. Между двумя лицами — язычником (обычно царем, князем, халифом) и греческим иерархом — происходит диспут о вере. Диспут этот направляется краткими и немногочисленными вопросами язычника (последний не возражает, а только спрашивает). Изложение, рассказ, сосредоточивается в пространных и обстоятельных ответах христианина. Христианин излагает основы православного вероучения. Под конец диспута язычник убежден своим собеседником и принимает христианство (ср. прение архиепископа Григория с Ереваном в Житии Григория Омиритского, прение Панагиота с Азимитом и в особенности прение халифа Моавии с Федором Эдесским в Житии последнего). Цель такого рода произведений по большей части — учительная: изложение основ христианского вероучения и убеждение подданных принять христианство примером их главы (халифа, князя и т. д.). В том же жанре составлена и «речь философа» (см. подробнее: *Лихачев Д. С.* Русские летописи. С. 72 и след.). Судя по языку «речи философа», она составлена на Руси (ср. такие русские слова, как «вымчати», «уй» и др.). Она имеет много соответствий с так называемой русской Толковой Палеей (обширное произведение древнерусской литературы, рассказывающее на основании весьма разнородных источников историю

еврейского народа до царствования Давида; слово «палея» — греческое и означает «ветхий завет»). Однако давно уже было замечено, что сама Толковая Палея пользовалась русской летописью; совпадения «речи философа» с Толковой Палеей объясняются заимствованиями второй из первой. Другой русский памятник, Краткая Палея, также заключает в себе соответствие с «речью философа». Исследования В. М. Истрина (Редакции Толковой Палеи) и А. А. Шахматова («Повесть временных лет» и ее источники. С. 132 и след.) показали, что соответствия эти происходят оттого, что и «Краткая Палея», и «речь философа» пользовались общим источником — русским компилятивным хронографом (В. М. Истрин предлагал называть его «Хронографом по великому изложению»). Этот русский компилятивный хронограф отразился и в других местах летописи. Н. К. Никольский считал, что «речь философа» первоначально существовала в виде особого произведения, и указал на два древнерусских сочинения, которые, он полагал, дали основу летописной «речи философа»: «Слово о бытии всего мира» и «Слово из Палеи выведено на жиды» (*Никольский Н. К.*: 1) К вопросу об источниках летописного сказания о Владимире // Христианское чтение. 1902. Т. 214, № 7; 2) Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений (X—XI вв.). СПб., 1906. С. 6—16). Однако указанные Н. К. Никольским сочинения сами являются переработкой летописи. Итак, «речь философа» — русское произведение, составленное в целях пропаганды христианства на Руси, в традиционных формах, на основании русского же компилятивного хронографа. Возможно, что она была составлена самим автором Сказания о первоначальном распространении христианства на Руси (см. Историко-литературный очерк в наст. изд.).

Основной ее источник — русский компилятивный хронограф (о нем см. там же) объясняет нам, почему в изложении ветхозаветных событий «речь философа» подчас ближе к Хронике Амартола или к произведениям апокрифической (запрещенной церковью) литературы, чем к Библии (отдельные замечания см. ниже).[1] Поздние летописи (Летописец Переяславля Суздальского, Никоновская летопись и др.) расширяют и изменяют текст «речи философа» разного рода дополнениями. Дополнения эти ввиду особого характера их источников, не представляющих исторического интереса, не рассматриваются. Как исторический источник «речь философа» не изучалась. В ней содержатся те элементы еретичества или те элементы народного христианства, апокрифических, неофициальных воззрений, которые явственно дают себя знать в древнейших русских церковных сочинениях. Внимательное изучение этих сочинений несомненно откроет многие следы влияния апокрифов и еретических учений, что позволит более глубоко поставить вопрос о происхождении русского христианства. По-видимому, христианство появилось на Руси не только по официальным каналам. Ниже, в комментариях к «речи философа», отмечаем предварительные данные ее исследования, указывающие на расхождения с Библией.

А въ 3-й день створи море, и рѣки, и источники, и сѣмяна — в Библии (Бытие, I, 10—11) иной текст: «И назвал Бог сушу землею, а собрание вод назвал морями. И увидел Бог, что это хорошо. И сказал Бог: да произрастит земля зелень, траву сеющую семя, дерево плодовитое, приносящее по роду своему плод, в котором семя его на земле. И стало так».

Въ 4-й день солнце, и луну, и звѣзды, и украси Богъ небо. Видѣв же первый от ангелъ, старѣйшина чину ангелску, помысли въ себе, рекъ: «Сниду на землю, и преиму землю, и буду подобенъ Богу, и поставлю престолъ свой на облацѣх сѣверьскихъ» — рассказ о падении сатаны присоединен к объяснению четвертого дня творения по Шестодневу и Толковой Палее. Библия не говорит о времени падения Сатаны. В словах Сатаны использовано изречение, которое вкладывает пророк Исайя в уста вавилонского царя Навуходоносора: «...на небо взыду, выше звѣздъ небесныхъ поставлю престолъ мой, сяду на горѣ высоцѣ, на горахъ высокихъ, яже к сѣверу; взыду выше облакъ, буду подобенъ Вышнему» (Ис. 14, 13—14). Весь рассказ о падении Сатаны близок к Толковой Палее. См.: *Успенский В.* Толковая Палея. Казань, 1876. С. 30—31.

и украси Бог небо — в Библии этих слов нет (Бытие, I, 15—19).

К с. 41

И бѣ Адамъ в раи, видяше Бога и славяше, егда ангели славяху — в Библии этих слов нет.

и порадовася сотона о проклятьи земля — в Библии этих слов нет.

и не умяше, како убити ѝ. И рече ему сотона: возьми камень и удари ѝ — в Библии этих слов нет. Рассказ этот апокрифический.

И плакастася по Авели лет 30, и не съгни тъло его; и не умяста его погрести. И повелѣниемь Божьимь птенца 2 прилетѣста — рассказ о двух птицах, подавших пример погребения Адаму и Еве, апокрифический. См.: *Порфирьев И. Я.* Апокрифические сказания о ветхозаветных лицах и событиях. Казань, 1872; см. апокрифические сказания об убиении и погребении Авеля.

К с. 42

исполнишася блуда, и всякоя нечистоты, убийства и зависти — слова эти ближе к Толковой Палее, чем к Библии. В Библии сказано: «...умножишася злобы человѣков на земли ... Растлься же земля пред Богомъ и наполнися неправды» (Бытие, 6, 5—11). В Палее же целая картина; есть и такие слова: «и исполнились люди блуда, и скаредия, и убийства, и зависти» (*Успенский В.* Толковая Палея. С. 55). Наряду с общностью апокрифических сказаний это свидетельствует о том, что источник «речи философа» был близок к Толковой Палее. Но, с другой стороны, в Толковой Палее есть прямые заимствования из «Повести временных лет».[1]

египти бо локтемъ сажень зовуть — у Амартола имеется рассуждение о египетских мерах (*Истрин В. М.* Хроника Георгия Амартола. Т. 1. С. 55), послужившее основой этому замечанию «речи философа».

и бѣ старешина Неврод — упоминания имени старейшины Неврода при построении Вавилонского столпа в Библии нет. Легендарный Неврод как строитель Вавилона (но не вавилонской башни) и изобретатель астрономии упоминается у Амартола (*Истрин В. М.* Хроника Георгия Амартола. Т. 1. С. 33—34).

Адамовъ же бысть языкъ не отъятъ у Авера — в книге Бытия (в гл. 11) об Авере нет этих сведений; они восходят через русский компилятивный хронограф к Хронике Георгия Амартола (*Истрин В. М.* Хроника Георгия Амартола. Т. 1. С. 57).

По дьяволю научению ови рощениемъ, кладяземъ и рѣкамъ жряху — позволительно видеть в этих словах скрытый выпад против русского язычества, так как поклонение рощам, колодцам и рекам было характерно именно для русского язычества и не выводится ни из каких средневековых произведений, посвященных истории еврейского народа. Ср. в Начальном своде (в Новгородской первой летописи) в рассказе о Кие, Щеке и Хориве о полянах: «... бяху же поганѣ, жруще озером и кладязем и рощениемъ, якоже прочии погани».

Се же Серухъ роди Фару — согласно Библии, Фара был сыном не Серуха, а Нахора.

Аврамъ же, пришедъ въ умъ, возрѣ на небо... — до слов «Возлюби Богъ Аврама, и рече Богъ Авраму» — текст этот в Библии отсутствует, у Амартола соответствующий рассказ также далек от сведений нашей летописи (*Истрин В. М.* Хроника Георгия Амартола. Т. 1. С. 81).

К с. 43

Моисий же, хапаяся за шию, срони вѣнець съ главы царевы, и попра ѝ. Видѣвъ же волъхвъ, и рече цареви: «О царю! Погуби отроча се; аще ли не погубишь, имать погубити всего Еюпта» — этому рассказу нет соответствий в Библии. Он восходит через посредство русского компилятивного хронографа к апокрифическому житию Моисея. В последнем говорится о том, как трехлетний Моисей снял с головы фараона царский венец и возложил его себе на голову, о том, как затем жрец посоветовал фараону убить ребенка. Однако Бог послал архангела Гавриила, который в образе одного из вельмож убедил фараона испытать ум Моисея при помощи драгоценного камня и горящего угля. Если Моисей возьмется за драгоценный камень, то его нужно признать мудрым, а следовательно, и опасным для царя;

если же он потянется к углю, то его можно оставить в живых. При испытании архангел Гавриил направил руку Моисея к углю. Мальчик вложил уголь в рот и опалил язык, чем и сохранил себе жизнь.

и ходя по пустыни, и научися от ангела Гаврила о бытьи всего мира, и о первѣмь человѣцѣ и яже суть была по немъ и по потопѣ, и о смѣшеньи языкъ, аще кто колико лѣтъ былъ, звѣздное хоженье и число, землену мѣру и всѣку мудрость — рассказ этот через посредство русского компилятивного хронографа восходит к апокрифическому житию Моисея. Ему нет соответствий в Библии.

К с. 44

Моисѣеви въшедшю на гору къ Богу, они же, сольявше телчю главу — в Библии (в главе XXXII Исхода) говорится, что Моисей слил целого тельца. О «телчей» же голове повествуют русские паломники, ходившие в Палестину. Здесь в долине горы Шуэйб им эту «телчю» голову и показывали (ее видел русский путешественник XVI в. купец Василий Поздняков). Возможно, что это место «речи философа» обязано своим происхождением Епифаниевой «Повести о Иерусалиме и сущих в нем местех» (*Айналов Д.* Некоторые данные русских летописей о Палестине).

К с. 45

въ Еньданѣ — в соответствующем месте Библии читаем «в Дане», по-гречески ἐν Δάν. Ошибочное чтение «в Ендане» находим и в русском переводе Амартола. В «речь философа» это ошибочное чтение проникло через тот компилятивный русский хронограф, которым как источником руководствовался русский составитель «речи философа». Этот русский компилятивный хронограф пользовался в основном русским переводом греческой хроники Амартола.

Валу, рекъше ратьну богу, еже есть Орѣй — это объяснение сходно с теми объяснениями, которые сделаны в «Повести временных лет» под 1114 г. (в Ипатьевской летописи): Гефест — «иже и Сварога нарекоша»; Гелиос — «его же наричють Дажьбогъ». Летописец менее знакомых богов объясняет с помощью богов более знакомых. Отсюда следует, что греческий бог войны Арей был более знаком читателю русской летописи, чем бог Ваал. В связи с этим весьма важно указание И. И. Толстого о том, что в греческих северочерноморских колониях, как показывает материал граффити, был особенно популярен культ Арея. Таким образом, объяснение, сделанное летописцем, может, по-видимому, свидетельствовать о давних культурных связях русского населения с греческими городами северных берегов Черного моря.

К с. 48

и другий свѣтъ повѣдають быти: да аще кто, дѣеть, в нашю вѣру ступить, то 987
паки, умеръ, въстанеть, и не умрети ему в вѣки; аще ли в-ынъ законъ ступить, то на ономъ свѣтѣ в огнѣ горѣти — интересно, что обо всем этом в «речи философа» как раз не было ничего сказано, хотя об этом и уместно было бы философу рассказать при показе «запоны» Владимиру. Не указывает ли это на то, что «речь философа» подверглась некоторому сокращению?

К с. 49

И призваша я царя Василий и Костянтинъ — императоры соправители: Василий II Болгаробойца (976—1025) и его брат Константин VIII (976—1028).

Отвѣщавше же боляре рекоша — не ясно, на какой вопрос отвечают здесь бояре: в ближайшем предшествующем тексте к ним никакого вопроса не обращено. А. А. Шахматов предполагает, что это — ответ на вопрос Владимира, обращенный к боярам в начале статьи этого, 987 г.: «Да что ума придасте? Что отвѣщаете?». Весь же рассказ о посольствах между вопросом Владимира и ответом на него бояр А. А. Шахматов считает вставкой, сделанной уже в Начальном своде с целью оттянуть время крещения и перейти от рассказа о беседе

Владимира с философом 986 г. к рассказу о походе Владимира на Корсунь 988 г. (рассказ Древнейшего свода, предшествовавшего Начальному своду, говорил о крещении Владимира в Киеве в 986 г.; когда же последующий летописец решил исправить этот рассказ о крещении Владимира корсунской версией, говорившей о его крещении в 988 г. в Корсуне, он и ввел эти переходные оттяжки времени крещения Владимира; см.: *Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С. 133—161).

988 *иде Володимеръ съ вои на Корсунь* — рассказываемая далее так называемая Корсунская легенда — о крещении Владимира Святославича в Корсуни проникла в летопись, по вероятному предположению В. Л. Комаровича (История русской литературы. М.; Л., 1941. Т. 1: Литература XI—начала XIII в. С. 271), из фольклора северного Причерноморья. По-видимому, ее ввел в свою летопись Никон — монах Печерского монастыря, дважды живший в Тмутаракани и введший в летопись целый ряд других северочерноморских преданий и занесший туда же целый ряд тмутараканских событий, случившихся как раз в те годы, когда Никон был в первый раз в Тмутаракани (1061—1067). Вводя в свою летопись Корсунскую легенду, Никон (а не составитель Начального свода, как думал А. А. Шахматов) вынужден был перестроить изложение предшествующего Сказания о первоначальном распространении христианства на Руси, по которому Владимир принял христианство в Киеве сразу же после испытания вер (см. с. 302). «Се же, не свѣдуще право, глаголють, яко крестилъся есть в Киевѣ, инии же рѣша: в Василеви» (под 988 г.), пишет Никон, опровергая версии своих предшественников. В Корсунской легенде Никона есть ряд фольклорных мотивов, свидетельствующих об устном происхождении легенды. По топографической точности легенда несомненно принадлежала Причерноморью. В ней указаны детали устройства водопровода в Корсуни из колодца вне города; указано место, где стояла церковь святого Василия, в которой крестился Владимир; указано место палат Владимира и отмечено, что они сохраняются «и до сего дне» и др. Чтобы внести Корсунскую легенду в летопись, Никону пришлось прибегнуть к ряду искусственных приемов, оттянувших крещение Владимира с 986 г. до корсунского похода 988 г. Отмечу как ошибку попытку А. А. Шахматова (Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С. 396) и М. Д. Приселкова (Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XI вв. С. 274 и след.) истолковать Корсунскую легенду как греческий памфлет на Владимира. Действительно, при взятии Корсуни Владимир-язычник бесчестит дочь корсунского князя на глазах у родителей, отдает ее в жены своему дружиннику, а затем убивает и корсунского князя, и княгиню; затем Владимир не сразу исполняет свое обещание креститься, за что Бог «наказывает» его слепотою, от которой он исцеляется только при крещении. Но каковы бы ни были грехи Владимира-язычника, они не могли ставиться с христианской точки зрения того времени в укор Владимиру-христианину. Наоборот, чем ниже был нравственный уровень Владимира до крещения, тем выше становился его подвиг принятия христианства, тем резче выступал происшедший в нем перелом, тем более «величественным» становился самый акт крещения. Этим лишь подчеркивалась идея спасительности крещения. Не случайно христианская литература настойчиво описывает подобные же случаи нравственного перелома, которые приносило крещение (отметим, например, аналогичный «нравственный перелом» «крестителя» греков Константина «равноапостольного», с которым Владимир неоднократно сопоставляется в летописи). Факты, изложенные в Корсунской легенде (поход Владимира на Корсунь, взятие Корсуни, женитьба Владимира на греческой царевне), засвидетельствованы также и византийскими, и арабскими источниками, современными событиям. Впрочем, византийские источники относят поход Владимира на Корсунь и взятие его к 989 г. (*Васильевский В. Г.* Русско-византийские отрывки // ЖМНП. 1876. № 3; *Линниченко И. А.* Современное состояние вопроса об обстоятельствах крещения Руси // Тр. Киевской духовной академии. 1886. № 12). В «Памяти и похвале» Владимиру — та же дата взятия Корсуни (989 г.). Согласно «Памяти и похвале», Владимир крестился в Киеве и жил после крещения 28 лет, следовательно, он крестился в 987 (6495) г., а взятие Корсуни имело место на третье лето после крещения, т. е. в 989 (6497) г.[1]

в лимени — лиман от греч. ὁ λιμήν — гавань, пристань. Употребление греческого термина указывает на обстоятельное и непосредственное знакомство пишущего с Корсунью. Б. Д. Греков считает, что русские высадились в Стрелецкой бухте (*Греков Б. Д.* «Повесть

временных лет» о походе Владимира на Корсунь // Изв. Таврического об-ва истории, археологии и этнографии. Симферополь, 1929. Т. 3. С. 109).

дали града стрѣлище едино — стрелище, или перестрел, — расстояние, пролетаемое выпущенной из лука стрелой. Расстояние это условное; его условность отмечает еще и Даниил в своем «Хождении» (XII в.): «Можетъ съ нее (с горы)... добрый стрѣлецъ четырежды встрѣлить, а на земли стоя, горѣ осьмижды выстрѣлить, коли добрый стрѣлецъ». Л. В. Черепнин считает, что средний размер «перестрела» — 60—70 м (*Черепнин Л. В.* Русская метрология. С. 26).[1]

мужь корсунянинъ стрѣли, имянемъ Настасъ — «Житие Владимира особого состава», более раннее, чем даже предшествовавший «Повести временных лет» Начальный свод, дает другую версию: стрелу посылает варяг Ждьберн. После взятия Корсуни Владимир награждает Ждьберна. Не мог ли быть этот Ждьберн одним из тех варягов, которые ушли из Киева в 980 г. (см. выше, с. 450)? В таком случае этот последний вариант был бы естественнее; тем более что Анастасу как лицу духовному (см. ниже) вряд ли было бы удобно стрелять из лука с городских стен. Б. Д. Греков считает, что Анастас и Ждьберн могли действовать одновременно (*Греков Б. Д.* «Повесть временных лет» о походе Владимира на Корсунь. С. 109).

напсавъ сице на стрѣлѣ — письмо, пересылаемое на стреле, — нередкий в старину способ передачи известий. В былине о Василии Буслаевиче, например,

> Стал он стрелочек поделывать,
> Стал на стрелочках подпись-ту подписывать:
> «Кому хочется да сыто есть и пить,
> Тот ступай к Василью на широкий двор».
>
> (*Гильфердинг А. Ф.* Онежские
> былины. 1949. Т. 1. С. 404).

К с. 50

И си слышавша царя рада быста — Тверская летопись дает вслед за этими словами дополнительный текст: «И посласта къ сестръ своей, глаголюще, яко „Володимеръ проситъ тя за ся". Она же отвѣща: „Не хощу азъ за поганого ити"; они же рѣша къ ней: „Егда како тебе ради обратить его Господь, и просвѣтиши его и землю ихъ, насъ же и градъ нашь отъ плѣнениа избавиши, себѣ вѣнецъ отъ Бога приимеши"».

сѣдъши в кубару — кубара — от греч. κουμπάρα — κουμπαρία — корабль.

абье прозрѣ — в житиях Владимира в отличие от летописи Владимир исцеляется при крещении не от слепоты, а от «язвы».

Крести же ся в церкви святаго Василья — летописи различно называют церковь, в которой крестился Владимир. Так, например, по Ипатьевской летописи Владимир крестился в церкви Софии, по Новгородской первой — в церкви «св. Василиска». Радзивиловская называет эту церковь — церковью Богородицы. В Новгородской четвертой, Софийской первой, Воскресенской, Хронографе и др., восходящих к московскому своду Фотия (1423 или 1418 г.), церковь, в которой крестился Владимир, определена как церковь Иакова, согласно с житиями Владимира и одной из редакций «Повести» о перенесении иконы Николы на Рязань (ср., например, список XVI в. Российской государственной библиотеки, Волоколамское собрание, № 523). Летописные определения церкви, где крестился Владимир, как церкви Василиска — весьма возможно, результат ошибочного чтения греческого слова τό βασιλικόν (базилика — церковь). Чтение «святаго Василия» — может быть, результат дальнейшего искажения.[2]

По крещеньи же приведе царицу на браченье — в Ипатьевской летописи — «на обручение». В Никоновской добавлено описание пира: «И сотвори чрежение велие убогимъ, и нищимъ, и страннымъ, и сиротамъ, и вдовицамъ, и по улицамъ сосуды ставяше вина и меду, и перевары, и мяса, и рыбы, и овощи всякиа; да кто что хотяше, невъзбранно съ радостию насыщашеся». И в дальнейшем, в описании княжения Владимира, Никоновская летопись неоднократно добавляет описания и упоминания о пирах Владимира, — очевидно,

на основании былинных представлений о Владимире-пиролюбце. После описания пира в Никоновской летописи читается следующий текст неясного происхождения: «По сихъ же посла Володимеръ въ Греки къ пресвященному Фотѣю, патриарху Цареградскому, и взя отъ него перваго митрополита Михаила Киеву и всей Русской земли. Михаилъ митрополитъ Киевский и всеа Руси. Бысть же сей митрополитъ учителенъ зѣло, и премудръ премного, и житиемъ великъ и крѣпокъ зело, родомъ сиринъ, тих убо бѣ, и кротокъ, и смиренъ, и милостивъ премного; иногда же страшенъ и сверѣпъ, егда время требоваше. Чествоваше бо его Володимеръ, и въ согласии и любви мнозѣ съ нимъ пребываше, и радовахуся вси, и слава Божиа превъсхожаше. Таже Володимеръ, благословениемъ отца своего митрополита, постави церковь въ Корсуни на горѣ, юже съсыпаша средѣ града, крадуще приспу; сиа церкви стоитъ и до сего дни. По семъ многи послы приходиша изъ грекъ от царей, съ многою честию, и з дары, и съ любовию. Приходиша послы изъ Рима отъ папы, и мощи святыхъ принесоша къ Володимеру. Тогда же прииде печенѣжский князь Метигай къ Володимеру, и вѣровавъ крестися во Отца и Сына и Святаго Духа. Отдаде же Володимеръ, яже взялъ Корсунь градъ грекомъ, царици для». Весьма загадочно происхождение сведений Никоновской летописи о первом русском митрополите Михаиле. Новгородская первая летопись помещает список митрополитов, начинающийся с Феопемпта, упоминающегося и в Лаврентьевской летописи и поставленного на Русь уже при Ярославе. Позднейшие же летописи (XVI в.) дают такой список митрополитов: Михаил, Леон, Иоанн, Феопемпт или другой: Леон, Михаил, Иоанн, Феопемпт. Михаил и Леон (или Леонт) упоминаются в различных редакциях церковного Устава Владимира с указанием, что взят этот первый митрополит (Михаил или Леон-Леонт) у «патриарха Фотия», который на самом деле жил столетием раньше Владимира. Исследователи (Е. Е. Голубинский, А. А. Шахматов и др.) предполагают поэтому, что имя Михаила как первого русского митрополита могло явиться из сказания о крещении руссов в 860 г., а имя Леона — из сказании о крещении болгар. Киевский митрополит Иоанн упоминается, однако, в более ранних источниках, чем те, которые дают имена Михаила и Леона: в различных сказаниях о Борисе и Глебе, показания которых не следует игнорировать ввиду того, что в основе их были использованы записи, ведшиеся при Вышгородской церкви (ср., например: Чтение о Борисе и Глебе. Сказание о Борисе и Глебе // Жития Бориса и Глеба и церковные службы им. С. 17—19, 53—55, 136). Однако показания этих памятников колеблются: они называют Иоанна то митрополитом, то архиепископом. По-видимому, подлинным титулом Иоанна был «архиепископ»; впоследствии Иоанна стали задним числом называть митрополитом, когда титул этот закрепился за главой киевской церкви.[1]

но вѣруй, сице глаголя — преподанное дальше вероучительное наставление состоит из: 1) символа веры; 2) сказания о вселенских соборах и 3) полемической статьи против латинян. Как исторический источник это наставление не исследовалось. Между тем в нем есть важные для древнерусского христианства показания: скрытая полемика с древнерусским язычеством, следы еретичества (см. комментарий к словам «Вѣрую во единого Бога Отца...»). Исследователи не замечали этого своеобразия «наставления». В своем издании «Повести временных лет» (Пгр., 1916) А. А. Шахматов вносил даже изменения в церковные тексты, выверяя их по официальным источникам. Так, в исповедании веры Владимира А. А. Шахматов дает следующий текст: «Сынъ есть Сынъ подобьносущьнъ и събезначальнъ Отьцу», согласно с догматическими положениями православной церкви. Между тем во всех списках летописи читается: «святый есть Сынъ подобьносущьнъ и събезначальнъ отьцю». Аналогичным образом поступали и некоторые другие исследователи.

Вѣрую во единого Бога Отца... — преподанный здесь «символ веры» несколько отличается от того перевода «символа веры», который читается в Сборнике Святослава 1073 г. В частности, в летописи допущено полуарианское (еретическое) выражение «подобосущен» вместо «единосущен» (быть может, вследствие того, что переводчик неправильно прочел слово ὁμοούσιος как ὁμοιούσιος). М. И. Сухомлинов указал, что летописный символ веры есть сокращение «того самого символа, который гораздо пространнее излагается в греческих сочинениях, как например в исповедании веры Михаила Синкелла» (*Сухомлинов М. И.* О древней русской летописи как памятнике литературном // Учен. зап. 2-го Отд-ния Академии наук. СПб., 1856. Кн. 3. С. 65).

К с. 51

Вѣрую же и седму сборъ святыхъ отець... — все дальнейшее Сказание о вселенских соборах представляло собою также отдельное сочинение, включенное летописцем в летопись. Исследователи (М. И. Сухомлинов и А. С. Павлов) указывали на Толковую Палею как на источник некоторых сведений (см.: *Заболотский П.* К вопросу об иноземных письменных источниках Начальной летописи // Рус. филол. вестник. Варшава, 1901. Т. 45, № 1—2. С. 16—19). Однако Толковая Палея сама широко пользовалась сведениями русской летописи.

Не преимай же ученья от латынъ... — вся дальнейшая статья против латинян относится ко времени не ранее конца XI в., т. е. ко времени после окончательного разделения церквей. С другой стороны, обвинения латинского духовенства в многобрачии могли возникнуть только до церковных преобразований папы Гильдебранда в 1094 г. (им было введено безбрачие католического духовенства). Некоторые обвинения против латинян близко сходствуют с аналогичными обвинениями в слове Феодосия Печерского «о вере варяжской».

Лука бо еуангелистъ, первое напсавъ, посла в Римъ — эти слова статьи против латинян могут быть сопоставлены со следующими словами особой редакции русской Палеи и Георгия Амартола: «Еще убо апостолом Лукою изъображено и пречистыа Богоматере, еще живе суще ей, святый образ посла в Рим к Феофилу к нему ж и Еуангелие и деание святых апостол посла, иже и доныне чюдеса творить». Отметим, что икона Владимирской Божьей Матери («покровительницы» города Владимира) считалась написанной евангелистом Лукою (на самом деле искусствоведы определяют ее как византийское произведение IX в.).

К с. 51—52

Яко же глаголеть Василий: икона на первый образъ приходить — это неясное по смыслу выражение восходит к сочинению Василия Великого о Святом Духе: «чествование образа переходит к первообразу» (Творения Василия Великого. 3-е изд. М., 1891. Ч. 3. С. 244). Более точно по смыслу оно передается в Хронографе Оболенского: «первообразное почитающе, честь бо образа, яко же рече Василие, переходит на первообразное» (*Оболенский М. А.* Исследования и заметки по русским и славянским древностям. СПб., 1875. С. 151). В нашу летопись слова Василия Великого проникли из перевода Богословия Иоанна Дамаскина, сделанного Иоанном экзархом болгарским (ЧОИДР. 1877. Кн. 4. 1878. С. 302).

К с. 52

Паки же и землю глаголють материю. Да аще имъ есть земля мати, то отець имъ есть небо — это приписка — русская по своему происхождению (*Попов А.* Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян. С. 17; *Павлов А. С.* Критические опыты по истории древнейшей греко-русской полемики против латинян. СПб., 1878. С. 17). Очевидно, что здесь имеется в виду главным образом не католичество, в котором подобные верования отсутствуют, а древнерусское язычество с его верованием в «мать сыру землю», отразившимся в былинах, сказках, заговорах и обрядовых песнях. Ср., например, в русском народном заговоре: «Ты небо — отец, ты земля — мать» (*Афанасьев А. Н.* Поэтические воззрения славян на природу. М., 1869. Т. 3. С. 788).

По семь же сборѣ Петръ Гугнивый... — А. С. Павлов видит источник последующего рассказа о Петре Гугнивом (упоминаемом также в полемической части «речи философа») в Толковой Палее (*Павлов А. С.* Критические опыты по истории древнейшей греко-русской полемики против латинян. С. 9). Однако Толковая Палея, как это было показано В. М. Истриным и А. А. Шахматовым, сама зависит от летописи либо имеет с ней общий источник — русский компилятивный хронограф (В. М. Истрин называет его «Хронографом по великому изложению»). Из этого последнего рассказ о Петре Гугнивом и был взят как в летопись, так и в Толковую Палею. Рассказ этот нельзя не сближать со встречающимся в рукописях «Словом о немечьском прельщении, како научи их гугнивый Петр ереси» (*Павлов А. С.* Критические опыты по истории древнейшей греко-русской полемики против латинян. С. 19 и след.). Однако отношения его к летописному тексту не ясны.

Взя же ида мѣдянѣ двѣ капищи, и 4 кони мѣдяны — Никоновская летопись добавляет «и три львы мѣдяны», вместо «двѣ капищи» пишет «два болвана».

Вдасть же за вѣно грекомъ Корсунь — веном обычно называется тот выкуп за невесту, который получали родители невесты от семьи жениха.

12 мужа пристави — в Эрмитажном списке свода 1479 г. «18 мужъ приставиша».[1]

Перуня Рѣнь — Рень — песчаная отмель.

К с. 53

яко сде не суть ученья апостольска — это место летописи находится как будто бы в противоречии с рассказом о путешествии апостола Андрея на Русь. О том, что апостолы не учили на Руси, говорится также в летописи выше под 983 г., в Чтении о Борисе и Глебе Нестора и в «Слове о законе и благодати» Илариона. Однако следует обратить внимание на то обстоятельство, что апостол Андрей, согласно «Повести временных лет», только проезжает через Русь в Рим, но проповеди не ведет.

К с. 54

Володимеръ же просвѣщенъ самъ, и сынове его, и земля его — после этих слов в Тверской летописи читается следующий любопытный рассказ о Рогнеде: «Посла къ женѣ своей Рогнѣди, глаголя сице: „Азъ убо отнынѣ крещенъ есмь, и прияхъ вѣру и законь христианский; подобааше ми едину жену имѣти, ею же пояхъ въ христианьствѣ; избери убо себѣ отъ вельможъ моихъ, его же хощеши, да съчетаю тя ему". Она же отвѣщавши, рече ему: „Или ты единь хощеши царствие земное и небесное въсприяти, а мнѣ маловременнымъ симъ и будущаго дати не хощеши; ты бо отступи отъ идолскыа прелести въ сыновление Божие, азъ же, бывъ царицею, не хощу раба быти земному цару, ни князю, но уневѣститися хощу Христови и въсприиму аггелскый образъ". Сынъ же еа Ярославь сѣдяше у неа, бе бо естествомъ таковь отъ рожениа, и слыша глаголы и отвѣты матери своеа къ Володимеру, и въздхнувь, съ плачемъ глагола матери своей: „О мати моа, въ истинну царица еси царицамь и госпожа госпожамь, яко въсхотѣ измѣнити славу нынѣшнего вѣка будущею славою и не вьсхотѣ со высоты на нижняа съступити, тѣм же блаженна еси въ женах". И отъ сего словесы Ярославь въста на ногу своею и хождааше, а прежде бо бѣ не ходиль. Рогнѣдь же сиа изрекши, пострижеся въ мнишескый образъ, наречено бысть имя ей Анастасиа». Другой рассказ о Рогнеде и ее сыне Изяславе см. в Лаврентьевской летописи под 1128 г.

Бѣ бо у него сыновъ 12 — об отношении приводимого здесь списка сыновей Владимира к соответствующему перечню 980 г. см. примечание на с. 451. В данном перечне приводятся наделы только четырех старших сыновей Владимира. Владимир сажает Вышеслава в Новгороде, Изяслава в Полоцке, Святополка в Турове, Ярослава в Ростове. Однако, судя по сообщению «Повести временных лет» под 1036 г. о захвате Ярославом Судислава, последний сидел князем в Пскове. Возможно, что летописец составлял этот перечень после 1036 г. и потому опустил Судислава (из поруба Судислав был освобожден только через 24 года в 1059 г.). По смерти Вышеслава Ярослав был переведен в Новгород. В Ростов на место Ярослава был послан Борис, а в Муром — Глеб. Святослав сидел в Деревах, во Владимире Волынском — Всеволод. Мстислав посажен летописцем в Тмутаракани, возможно, по позднейшим представлениям (ср. под 1022 г.: «Въ си же времена Мьстиславу сущю Тмуторокани...»). Некоторые поздние летописи (Воскресенская, Софийская первая) отмечают Станислава в Смоленске. Так называемая Густынская летопись XVII в. (подчас фантастическая по сообщаемым ею фактам) называет Позвизда на Волыни. В Сказании о Борисе и Глебе Нестора упоминается, что Владимир вывел Бориса из Волыни, опасаясь гнева на него Святополка. Вследствие этого А. А. Шахматов, а вслед за ним и некоторые другие исследователи считали, что во Владимире-Волынском первоначально был посажен не Всеволод, а Борис, который затем был переведен в Ростов с заменой его во Владимире-Волынском Всеволодом. Вряд ли это, однако, так: Всеволод уже в 90-е годы X в. исчезает с политического горизонта Руси. По-видимому, данные саги об Олаве Трюггвасоне, согласно которой Всеволод бежал в Скандинавию, где и погиб в 995 г., точны. Возможно, что Всеволод ушел в Скандинавию вследствие разрыва с отцом (ср. заговор Святополка против

отца, с. 470).[1] В летописях, восходящих к Новгородско-Софийскому своду 30-х годов XV в. (в Новгородской четвертой, в Эрмитажном списке и др.), Святополк поставлен раньше Ярослава. По-видимому, он считался старшим.

Мстислава Тмуторокани — после этого перечисления сыновей Владимира Тверская летопись добавляет еще: «Болеслава въ лясѣхъ великыхь», «Станислава, Святославля брата въ Смоленскѣ, Судислава въ Пьсковѣ». Судислава в Пскове упоминают также Воскресенская летопись, Софийская первая, Никоновская и некоторые другие.

И нача ставити городы по Деснѣ, и по Востри, и по Трубежеви, и по Сулѣ, и по Стугнѣ — города эти, укрепленные центры, должны были затруднить доступ к Киеву с востока и юга. Остатки оборонительных сооружений Владимира в виде трех линий валов до сих пор сохраняются в районе реки Стугны. Епископ Бруно (Бонифаций), ездивший в 1006 г. через Киев к печенегам с целью распространения у них христианства, в письме к королю Генриху II рассказывает, что русский князь провожал его со своей дружиной «до крайнего предела своего царства, которое из-за кочующего врага он укрепил со всех сторон крепчайшей и длиннейшей оградой». В этой ограде для прохода в степь устроены были ворота, за которыми лежала уже неприятельская земля.[2] Дело укрепления границ Русского государства продолжил Ярослав Мудрый. Заняв в 1031 г. Червенские города, Ярослав привел оттуда поляков, расселив их по пограничной со степью реке Роси. В следующем, 1032 г. Ярослав ставит здесь укрепленные города.

Под *988 годом* — поздние общерусские летописи, восходящие к московскому своду Фотия (1423 или 1418 г.), сообщают о крещении Владимиром Суздальской земли и об основании им города Владимира на Клязьме: так в Новгородской четвертой летописи с заменой Суздальской земли на Словенскую и в Софийской первой с заменой Суздальской земли Смоленской. В Львовской летописи эти известия отнесены к 989 г. В Типографской летописи они перенесены под 990 г. (здесь же указываются точные размеры построенного Владимиром города). К тому же 990 г. отнесены эти известия в Воскресенской летописи. Никоновская летопись переносит их под 922 г. В летописях, восходящих к Новгородско-Софийскому своду 30-х годов XV в., под этим годом сообщается кроме того: «Того же лѣта постави князь Владимеръ въ Киевѣ перву (камену) церковь святого Георгия, ноября 26» (Софийская первая летопись и др.).

Въ лѣто 6497 — в летописях, восходящих к Новгородско-Софийскому своду 30-х годов XV в., под этим годом помещается рассказ о крещении Новгорода. Ср. в Новгородской четвертой летописи: «Крестивыйся Володимеръ, и взя у патриарха у Фотѣя Царягородцкаго перваго митрополита Киеву Леона, а Новугороду епископа Якима Корсунянина, а по инымъ градомъ епископы и попы и дьяконы, иже крестиша всю землю Рускую; и бысть радость всюду. И приде к Новугороду архиепископъ Якимъ, и требища разори, и Перуна посѣче, и повѣле влещи въ Волховъ. И повязавше ужы, влечахуть и̓ по калу, биющи жезлием и пихающе; и в то время вшелъ бѣаше бѣсъ в Перуна и нача кричати: „О горѣ! Ох мнѣ! Достахся немилостивымъ симъ рукамъ"; и вринуша его въ Волховъ. Онъ же поплове сквозѣ Великий мостъ, верже палицю свою на мостъ (в Ермолинской летописи добавлены слова Перуна: «тѣшайтеся, новгородстии людие, а менѣ поминайте»), ею же нынѣ безумнии убивающеся, утѣху творять бѣсомъ. И заповѣда никому же ни гдѣ же не переяти его; и иде пидьблянинъ (житель подгородного села Пидьбы. — *Д. Л.*) рано на рѣку, хотя горонци вѣсти въ городъ; оли Перунъ приплы къ берегу, и отрину и̓ шестомъ: „Ты, — рече, — Перушице, досыть еси ѣлъ и пилъ, а нынѣ поплови прочь"; и плы съ свѣта окошнее». Весь этот рассказ производит впечатление составленного на основании народного предания. Народное предание связывало, между прочим, крещение Новгорода с именем «уя» (дяди) Владимира — Добрыни (ср. приводимую В. Н. Татищевым поговорку: «Добрыня крестил мечом, а Путята огнем»). В Казанском сборнике начала XVII в. Библиотеки Российской Академии наук, № 24. 5.32, в статье о Владимире сказано: «...а Добрыню посла въ Новъгородъ и тамо повеле всехъ крестити» (л. 276—276 об.).[3] Помещенное под этим годом в «Повести временных лет» известие о создании Десятинной церкви в Никоновской летописи читается под 6501 г. 989

помысли создати церковь пресвятыя Богородица... И наченшю же здати, и яко скончa зижа... — древнейшее Житие Владимира, составляющее часть «Памяти и похвалы» Владимиру, относит закладку Десятинной церкви к четвертому году после крещения, тогда как в летописи оно совершается на следующий год после крещения. Таким образом, это древнейшее

Житие Владимира подтверждает предположение, что Владимир крестился в Корсуне в 986 г. В Воскресенской и Ермолинской летописях закладка Десятинной церкви отнесена к 991 г., в Никоновской — к 993 г. Окончание Десятинной церкви в летописях обычно относится к 996 г., но в Никоновской — к 998 г. Остатки Десятинной церкви в последние годы были раскрыты и изучены М. К. Каргером.[1]

990 Под *6498 годом*, пропущенным в Лаврентьевской летописи, в Никоновской читается следующий текст: «Приходиша множество печенѣгъ, и многа зла сотвориша христианомъ; Володимеръ же со множествомъ вой изыде противу ихъ, и многихъ изби, и мало отъ нихъ избѣжаша. Нача ставити Володимеръ грады по Деснѣ, по Выстри, по Трубежу, по Сулѣ, по Вступнѣ, и насели ихъ словены, сирѣчь ноугородцы, кривичи, сирѣчь смолняны, и чюдью, и вятичи; а самъ воюяся съ печенѣги и одолѣваше имъ. Того же лѣта посла Володимеръ философа, нарицаемаго Марка Македонянина, въ болгары, иже есть во агаряны, еже измаилтене глаголются и срацини, яко отъ Сарры наречени отъ свободныя, яко Агарь раба бяше Саррѣ, и по многихъ именований и бесермени нарицаются, и тотари, и друзии имена ихъ дѣмонскиа, сице глаголя, яко „Приходиша ко мнѣ прежде, егда еще не просвѣщенъ бѣхъ вѣрою православною, хваляще свою вѣру скверную, и мене ю нудяще приати; азъ же увѣдѣхъ истинно о ней, яко гнусна есть, и не приахъ ю; ты же иди къ нимъ, и проповѣжь имъ слово Божие, яко да вѣруютъ въ Господа Бога и Спаса нашего Исуса Христа, и да крестятся божественнымъ его крещениемъ, и съ нами единовѣрни и единосъвѣтни будуть, и небесныхъ благыхъ получатъ. Аще ли же не восхотятъ просвѣтитися божественнымъ крещениемъ, да не брань сотворять о семъ, ибо и сами мнѣ преже сего сотвориша о своей вѣрѣ, не вѣдяще ю хваляще, азъ же не сътворихъ имъ брани никоея же, да сице и они такоже не сотворять". Философъ же иде въ болгары, и много глаголавъ имъ слово Божие; они же безумиемъ своимъ обьюродѣша. Онъ же възвратися къ Володимеру въ Киев, и много чествованъ бысть отъ него и отъ всѣхъ похваленъ. Того же лѣта приидоша изъ болгаръ къ Володимеру въ Киевъ четыре князи, и просвѣтишася божественымъ крещениемъ; Володимеръ же чествова ихъ и много удовольствова». Известие о построении городов вокруг Киева перенесено сюда из летописной статьи 988 г. Откуда взяты другие известия, не ясно. Затем в Никоновской летописи следует обширное «Сказание о хулнѣй вѣрѣ срациньстѣй». Вслед за Сказанием помещены следующие известия: «Того же лѣта иде Михаилъ митрополитъ киевский и всея Руси въ Новгородъ Великий, съ епископы Фотѣя патриарха, даде бо ему Фотѣй патриархъ шесть епископовъ на помощь, и з Добрынею, дядею Володимеровымъ, и съ Анастасомъ; и идолы сокруши, и многия люди крести, и церкви въздвиже, и презвитеры постави по градомъ и по селомъ. Того же лѣта умножение всяческихъ плодовъ бысть и тишина велиа отвсюду. Того же лѣта приидоша отъ греческыхъ царей послы о любви». Под следующим, 991 г. читаем в Никоновской летописи продолжение рассказа о митрополите Михаиле: «Иде Михаилъ митрополитъ по Русской землѣ и до Ростова, съ четырма епископы Фотѣа патриарха, и з Добрынею и со Анастасомъ; а друзии епископы Фотѣевы въ Киевъ пребываху. И учаше митрополитъ всѣхъ съ епископы вѣровати въ единого Бога въ Троицѣ славимаго, и научи и наказа богоразумию и благочестию многихъ, и крести безъ числа людей, и многиа церкви въздвиже, и презвитеры и диаконы постави. И бысть радость велиа въ людехъ, и множашеся вѣрующеи, и повсюду прославляшеся имя Христа Бога. Того же лѣта приидоша изъ Грекъ въ Киевъ къ Володимеру каменосѣчци и зиздателе полатъ каменныхъ. Того же лѣта бысть наводнение много. Того же лѣта прииде печенѣжский князь Кучюгъ, иже нарицаются измаилите, къ Володимеру, въ Киевъ, и приатъ вѣру греческую, и крестися во Отца и Сына и Святаго Духа, и служаше Володимеру чистымъ сердцемъ, и много на поганыхъ одолѣние показа; и любляше его Володимеръ и почиташе зѣло, тако же и митрополитъ, и вси князи и бояре почитаху и любляху его. Того же лѣта приидоша къ Володимеру послы изъ Рима отъ папы, съ любовью и съ честию». Исторические основания всех этих сообщений также неизвестны.

991 *Въ лѣто 6499* — в Эрмитажном списке свода 1479 г. и в Ермолинской летописи под 991 г. говорится о поставлении в Киеве первого митрополита Леонта, а в Новгороде — епископа Иоакима и о крещении Новгорода (тот же рассказ, что и в Новгородской четвертой летописи; см. выше, с. 463).

заложи градъ Бѣлъгородъ — Белгород на берегу Ирпеня в нескольких километрах от Киева — центр обороны Киева с юга. Жители населялись в пограничные города обычно

путем вывода из других городов (ср. под 1031 г.: Ярослав Мудрый поселил по Роси пленных поляков и воздвиг здесь в пограничье в следующем году города; ср. выше, текст под 988 г.).[1]

Въ лѣто 6500 — под 992 г. в Никоновской летописи кроме известий о крещении Суздальской земли и поставлении Владимира на Клязьме (см. выше, с. 463) помещены рассказы о пире, устроенном во Владимире на Клязьме, о победе над печенегами, о послах от Болеслава польского, о смерти митрополита Михаила, о поставлении нового митрополита «киевского и всея Руси» — Леонта, о послах от Андриха чешского и о поставлении епископов по русским городам. *992*

Иде Володимиръ на Хорваты — о том, кто такие хорваты, см. с. 393. По-видимому, этот поход на хорватов был тем самым походом в Польшу, о котором говорит Ипатьевская летопись под 1229 г.: «Иный бо князь не входилъ бѣ в землю Лядьску толь глубоко, проче Володимера великаго, иже бѣ землю крестилъ». Об этом походе Владимира сообщают под тем же 992 г. «Хильдесхеймские анналы», в которых читаем о том, что польский король Болеслав Храбрый не мог прийти на помощь германскому королю Оттону потому, что ему предстояла большая война с Русью.[2]

Пришедшю бо ему (Владимиру) *с войны хорватьскыя, и се печенѣзи придоша по оной сторонѣ от Сулы. Володимеръ же поиде противу имъ, и срете я на Трубежи на бродѣ, кде нынѣ Переяславль* — весь дальнейший рассказ вставлен, по-видимому, составителем «Повести временных лет». Его не было в предшествующем Начальном своде 1093 г. (ср. новгородские летописи, где этот Начальный свод отразился). В рассказе сохранились признаки его фольклорного происхождения: поиски поединщика, затруднение Владимира (Владимир «тужит», что ему не удается противопоставить печенежскому богатырю своего), появление старика, рассказывающего Владимиру о своем третьем, последнем, меньшем сыне, неказистом на вид, но очень сильном (ср. в сказках «Иванушка-дурачок»), победа его меньшего сына, и наконец, пожалование его Владимиром: перед нами — схема устного повествования, былины или сказки. Любопытен своеобразный налет идеологии ремесленников в этом рассказе: невзрачный отрок имеет необычайно сильные руки — руки профессионала-кожемяки, и этот ремесленник-кожемяка благодаря своим профессионально сильным рукам побеждает печенежского воина, оказываясь сильнее всех воинов Владимира. Следуя своему обычному стремлению объяснять происхождение названий, летописец воспользовался этим сказанием, для того чтобы истолковать самое слово — Переяславль. Летописец объяснил его тем, что здесь на месте будущего города отрок кожемяка «переял славу» у печенежского богатыря в поединке. На самом деле Переяславль упоминается еще задолго до княжения Владимира — в договоре с греками 907 г. (см. текст, с. 17). Поэтому легенда об основании Переяславля, очевидно, не была первоначально приурочена к княжению Владимира. В начале же XII в., когда слагалась «Повесть временных лет», она уже связалась с именем Владимира Святославича, свидетельствуя тем самым о том, что уже в это время русские исторические предания начали группироваться вокруг Владимира, складываться в цикл «Владимира Красного Солнышка».[3]

К с. 55

усние... череви — кожи. См. выше, с. 389.

зане перея славу отроко тъ — в Радзивиловской и Московско-Академической летописях это место читается так: «...зане Переяславъ отроку тому имя». Никоновская летопись и Степенная книга называют отрока «Ян Усмошвец» («усмошвец» — сапожник, шорник от «усмие» — кожа). На Украине сохранился рассказ о Кирилле Кожемяке (*Костомаров Н. И.* Исторические монографии. 2-е изд. СПб., 1872. Т. 1. С. 138—139); сохранилась и тамбовская сказка о Никите Кожемяке (*Худяков И.* Народные исторические сказки // ЖМНП. 1864. Кн. 3. С. 57—58).

В лѣто 6502 — к этому году Никоновская летопись относит следующее известие: «Ходи Володимеръ на болгары, и много ратовавъ ихъ побѣди, и възвратися съ радостию въ Киевъ. Того же лѣта бысть сухмень велика и знойно добрѣ. Того же лѣта послы Володимеровы приидоша въ Киевъ, иже ходиша въ Рим къ папѣ». Источники этих известий Никоновской, как и других ее известий за годы княжения Владимира, не ясны. При определении хронологии этих событий следует учитывать, что в основном события после крещения Руси за время княжения Владимира имеют в Никоновской летописи иные датировки, чем в Лаврентьевской. *994*

996 *Володимеръ видѣвъ церковь свершену, вшедъ в ню* — сказание об освящении киевской Десятинной церкви в 996 г. встречается и вне летописи уже в древнейших пергаменных списках пролога, где оно помещается под 12 мая (дата, отсутствующая в летописи). О празднике 12 мая упоминается уже в Обиходе XIII в. 12 мая — древнейший из русских праздников, внесенных в Пролог.

«Даю церкви сей святѣй Богородици от имѣнья моего и от градъ моихъ десятую часть» — в «Памяти и похвале» дарование десятины церкви Богородицы (от чего эта церковь и стала впоследствии называться Десятинной) отнесено к 995 (6503) г. В Прологе освящение этой церкви отнесено к 12 июля. Освящение храмов совершалось только по воскресеньям; 12 же июля приходилось на воскресенье именно в 995 (6503) г. Следовательно, показание «Памяти и похвалы» более точно, чем показание «Повести временных лет». А. Е. Пресняков в своих «Лекциях по русской истории» (Т. 1. С. 115) отмечает, что десятина как вид дотаций церкви не была употребительна в греческой церкви, и связывает эту десятину (с некоторыми оговорками) с Западом. Между тем десятина в пользу церкви в Византии была и носила название μορή (см.: *Липшиц Е. Э.* Византийское крестьянство и славянская колонизация // Византийский сборник. М.; Л., 1945). До нас дошли списки так называемого Устава Владимира Святославича о церковных судах в двух редакциях — краткой (первоначальной) и пространной (позднейшей), но Устав этот имеет явные следы позднейшей литературной обработки.[1]

К с. 56

бѣ бо въ тъ день Преображенье — Преображение праздновалось 6 августа.

300 проваръ меду — провар — количество напитка, которое можно сварить за один раз. Точно емкость этой меры неизвестна. В Синодальном списке Новгородской первой летописи, а также в летописях, восходящих к Новгородско-Софийскому своду 30-х годов XV в. (в Софийской первой, Воскресенской, Тверском сборнике), читается вместо «300 провар» — «300 берковцев».

Праздновавъ князь дний 8, и възвращашеться Кыеву на Успенье — Успение праздновалось 15 августа. Владимир праздновал построение церкви 8 дней. Следовательно, поставил он эту церковь 6 августа. Но 6 августа (в день Преображения), как явствует из предшествующего текста, как раз и произошло то «спасение» Владимира от печенегов, в благодарность за которое он поставил церковь Преображения. Ясно, что оба события не могли относиться к одному дню. Поэтому, очевидно, поражение Владимира в Васильеве и построение им церкви Преображения относятся к разным годам (возможно, что Владимир освятил церковь ровно через год — в годовщину своего спасения).

устави на дворѣ въ гридьницѣ пиръ творити — гридница представляла собой большое парадное помещение, где собирались «гриди» — дружинники князя. Гридница часто упоминается и в былинах как пиршественная зала. В одной из скандинавских саг рассказывается о том, как князь Ярослав хвалился перед женой Ингигерд великолепием своего зала (hǫll). О размерах гридницы дает представление рассказ Ибн Фадлана о дворе русского князя. Князь, говорит он, сидит во дворце, и с ним находится 400 его военных сподвижников, среди которых он сидит на престоле. Верхового княжеского коня подводят прямо к престолу. В описании пиров Владимира Летописец Переяславля Суздальского упоминает следующую характерную деталь, важную как свидетельство о древнерусских мерах сыпучих тел: «Перцю же выходила колода безо князя, а при князи 3 колоды на недѣлю, а колода 8 бочекъ».

Сребромь и златом не имам налѣсти дружины, а дружиною налѣзу сребро и злато — здесь выражена любимая идея летописца: дружина — дороже золота (см. об этом с. 296). Ср. под 1075 г. слова послов Святославу, показывавшему им «бещисленное множьство, злато, и сребро, и паволокы»: «Сего суть кметье луче. Мужи бо ся доищють и болше сего».

Бѣ бо Володимеръ любя дружину, и с ними думая о строи земленѣм — в этих словах летописи дана характеристика не личным свойствам Владимира, а типичному для этого периода положению дружины. С. В. Юшков пишет: «Дружина разделяет судьбу князя, его успехи и его неудачи, так же как и его домашние. Дружинники живут во дворце князя на полном его иждивении. Князь или боярин снабжает дружину всем необходимым: пищей, одеждой, оружием. Дружина Игоря, говоря об отроках Свенельда, говорит, что они

„изоделися оружием и порты". Князь Владимир не только кормил дружину, но... решил раздавать ей серебряные ложки. С дружиной князь не расстается ни на войне, ни во время своей административной деятельности, ни у себя дома. Отсюда князь считал дружинников своими естественными советниками. Летопись рассказывает, что Владимир Святославич „любя дружину, и с ними думая о строи земленѣм, и о ратехъ и о уставѣ земленѣм". Но Владимир не был исключением. Летописи свидетельствуют, что ни одно решение по сколько-нибудь важному вопросу князь не предпринимал без совета с дружиной» (*Юшков С. В.* Общественно-политический строй и право Киевского государства. С. 112).

и бѣ живя съ князи околними миромъ, съ Болеславомъ Лядьскымь, и съ Стефаномъ Угрьскымь, и съ Андрихомъ Чешьскымь — Болеслав I Храбрый — польский король (992—1025); Стефан I — король венгерский (997—1038); Андрих (Удальрих) — король чешский (1012—1037). Из этого перечисления видно, что запись эта не может относиться к 996 г., а должна быть в самом конце княжения Владимира Святославича. Здесь метко оценена вся деятельность Владимира по территориальному определению Киевской державы и введению ее в устойчивые международные отношения.[1]

И умножишася зело разбоеве, и рѣша епископи Володимеру — по-видимому, все это место до конца летописной статьи 996 г. следует понимать так. Владимир придерживался русского права и не казнил разбойников (убийц) смертью, как это требовалось по законам Византии, а брал с убийц «виры» (штрафы). Епископы, которые все были во времена Владимира из греков, посоветовали Владимиру наказывать убийц смертью, но усилив предварительное расследование («со испытомъ»). Владимир послушался их совета, отверг русские виры и стал наказывать убийц смертью. Государство тем самым лишилось некоторой части своих доходов. Тогда русские советники князя — «старцы» (ср. одного из таких «старцев градских» в летописном повествовании следующего, 997 г. о белогородском киселе) и епископы (те же или другие — не ясно) посоветовали Владимиру вернуться к старой русской вире и употреблять ее на коней и оружие («рать многа; оже вира, то на оружьи и на коних буди»). Владимир согласился с этим («И рече Володимеръ: „Тако буди"») и стал придерживаться русского обычая отцов и дедов. Весь этот рассказ передан в Никоновской летописи с бóльшими подробностями (под 988 г.), чем в Лаврентьевской и др.[2]

В лѣто 6505 — к этому году Никоновская летопись относит следующее известие: «Ходи Володимеръ на болгары воложскиа и камские, и одолѣвъ плѣни ихъ». *997*

по верховьниѣ воѣ — Верховной землей, Верхней, или Верхом, назывались земли новгородские (в Новгороде же Киев назывался «Низовскою землею») или смоленские, либо те и другие вместе (ср. в Ипатьевской летописи под 1148 г.: Изяслав Мстиславич говорит брату: «Брате! Тобѣ Богъ далъ Верхнюю землю... а тамо у тебе смолняне и новгородци»). Здесь под «верховьними воями» следует разуметь новгородские войска, так как затем прямо сказано, что Владимир пошел к «Новугороду». Поэтому догадка некоторых исследователей, что Владимир отправился за этими «верховными воями» в Смоленскую землю, расположенную в «верховьях» трех рек — Днепра, Волги и Западной Двины, — лишена оснований. Весь вопрос может сводиться только к тому — почему Владимир отправился за войском так далеко.

В се же время увѣдѣша печенѣзи, яко князя нѣту, и придоша и сташа около Бѣлагорода — весь последующий рассказ о «белогородском киселе» отсутствовал в Начальном своде (его нет в новгородских летописях). Он вставлен, по-видимому, составителем «Повести временных лет». Так же как и в рассказе об отроке кожемяке (см. выше, текст под 992 г.), здесь чувствуется устная основа. Этот рассказ посвящен той же теме об обмане врагов хитростью, что и рассказы об Олеге, напугавшем греков движением ладей посуху, об Ольге, четырежды обманувшей древлян и один раз византийского императора. С точки зрения своей идейной целеустремленности он ближе всего к рассказу о юноше кожемяке: и здесь и там главным героем выступает простой русский человек, своей личной инициативой освобождающий Русь от ее врагов. В исследовательской литературе приводилось этому рассказу несколько параллелей в литературе мировой. Однако рассказ этот безусловно русский, и все детали в нем русские: вече, корчаги, кади, латки, княжеская медуша и т. д. Нет ничего удивительного в том, что у разных народов мог самостоятельно возникнуть сходный сюжет на тему об обмане врагов тем, что осажденных кормит сама земля (ср. распространенное у всех народов на определенном этапе развития представление о матери земле-кормилице).

К с. 57

И створиша вѣче в городѣ — здесь единственный раз для X в. упоминается вече. Косвенно о вече в X в. говорит только рассказ 968 г. (в этом последнем случае действует народное собрание в осажденном печенегами Киеве в отсутствие князя). Для того чтобы оценить это упоминание как показатель наличия вечевых собраний в X в., следует принять во внимание следующее. Рассказ о «белогородском киселе» представляет собой народное предание, занесенное в «Повесть временных лет» в обработке летописца только в начале XII в. Сюжет предания мог в разное время приобретать различную интерпретацию. В частности, вечем мог быть назван в XII в. совет старцев, бояр и дружины. Кроме того, здесь, как и в рассказе 968 г., вече собирается в исключительном случае: в отсутствие князя. Вот почему Б. Д. Греков сомневается в том, что вече, собравшееся в Белгороде в 997 г., было типичным явлением для этой поры. Вопрос о вече был предметом оживленного спора среди исследователей. Наиболее обоснованна точка зрения Б. Д. Грекова, высказанная им в специальном экскурсе «Несколько замечаний о древнерусском вече» (*Греков Б. Д.* Киевская Русь. С. 348—365). Свою точку зрения Б. Д. Греков резюмирует следующим образом: «1. Вече ведет свое происхождение от родового строя. 2. С появлением государства вече теряет благоприятную почву для своего существования. В достаточной степени сильная власть киевского князя не имеет нужды входить в „соглашение" с народом и ограничивается совещаниями с дружиной, преимущественно старшей. Вечевые собрания (сведений точных у нас нет) вероятны лишь в исключительных случаях, когда, например, города, предоставленные в отсутствие князя собственной инициативе, оказывались в трудном положении (разрядка моя. — *Д. Л.*). 3. В различных частях Киевского государства историческое развитие протекает неравномерно. Киевский центр в этом отношении в IX—X вв. идет впереди. В то время как в киевском центре в X в. вечевых собраний мы почти не видим совсем, эти собрания существуют в более отсталых частях Киевского государства и носят характер племенных собраний. 4. Вечевые собрания в городах оживляются со второй половины XI в. в связи с ростом и по мере роста отдельных частей Киевского государства, и в частности городов. 5. Вечевые собрания живут долго на Северо-Западе (Новгород, Псков, Полоцк) как результат определенного соотношения классовых сил, при которых феодальная знать, захватившая в свои руки власть и ограничившая в своих интересах власть князей, не была в силах уничтожить народное собрание, но была достаточно сильна, чтобы превратить его в орудие своих интересов» (Киевская Русь. С. 364). С возражениями Б. Д. Грекову по поводу наличия перерыва в вечевых собраниях до второй половины XI в. выступает С. В. Юшков (см., например: Общественно-политический строй и право Киевского государства. С. 102—104).[1]

и нальяти цѣжа кадь — Никоновская летопись (под 999 г.) следующим образом объясняет слово «цѣжь»: «цѣжа киселнаго, сирѣчь киселя неваренаго».

взяша меду лукно — лукно — посуда из прутьев и лыка, а потом и дерева, а также древняя славянская мера емкости. Д. И. Прозоровский на основании данных Русской Правды сделал попытку вычислить емкость лукна (*Прозоровский Д. И.* Древние русские меры жидкости // ЖМНП. 1854. Кн. 3), но данные его не отличаются достоверностью.[2]

в княжи медуши — медуша — помещение для хранения меда. Русские князья получали в X—XII вв. дань с населения в числе других товаров и медом. Древляне платили дань Ольге «скорою и медом». В 1146 г. при разгроме хозяйства путивльского князя Святослава у него оказалось 500 берковцев (5000 пудов) меда. Повесть об убиении Андрея Боголюбского упоминает в числе хозяйственных помещений княжеского двора такую же «медушу»: в ней хранился не только «пресный» (т. е. натуральный) мед, но и мед питьевой — «пьяный», или «стоялый».

и льяша в латки — латки употреблялись обычно для жарения и печенья. Выделывались они из глины и представляли собой своего рода сковороды с высокими краями и полой ручкой, в которую при посадке в печь и при вынимании из печи вставлялась палка.

корчагу — корчаги в древней Руси употреблялись обычно для хранения вина. Это были большие глиняные сосуды с одной или двумя ручками.

1000— Известия *6508—6519 годов*, по-видимому, взяты из княжеского помянника Десятинной
—1011 церкви, где все упоминаемые в нем члены княжеской семьи были похоронены.

В лѣто 6508. Преставися Малъфрѣдъ. В се же лѣто преставися и Рогънѣдь, мати Ярославля — Малъфрѣдь — по-видимому, мать Владимира, ключница Ольги («Малуша»), сестра Добрыни (см. с. 278). Никоновская летопись всю эту статью с добавлениями новых известий переносит под 6510 (1002) г., причем Малфредь ошибочно превращена в богатыря «Малвреда»: «Преставися Малъврѣдъ силный. Того же лѣта преставися Рогнѣда, мати Ярославля. Того же лѣта родися Святославу сынъ Янъ. Того же лѣта бысть течение звездамъ. Того же лѣта быше дожди мнози». Под 6508 (1000) г. в Никоновской летописи читается следующая статья: «Прииде Володарь съ половцы къ Киеву, забывъ благодѣяниа господина своего князя Владимира, дѣмономъ наученъ. Володимеру же тогда въ Переславцѣ на Дунаи, и бысть смятение велие въ Киевъ, и изыде нощию во стрѣтение имъ Александръ Поповичь, и уби Володаря, и брата его и иныхъ множество половецъ изби, а иныхъ въ поле прогна. И се слышавъ Володимеръ возрадовася зѣло, и възложи на нь гривну злату, и сотвори ѝ вельможа въ полатѣ своей. Того же лѣта преставися Рагдай Удалой, яко наѣзжаше сей на триста воинъ, и плакася о немъ Володимеръ, и погребе его съ отцемъ своимъ митрополитомъ Леонтомъ. Того же лѣта бысть поводь велиа. Того же лѣта приидоша послы отъ папы римскаго и отъ королей чежьскихъ и угорскихъ». Сведения об Александре Поповиче не отличаются исторической достоверностью; они появляются только в поздних московских летописях XV—XVI вв., относящих его то к XIII в., то к XII в., то ко времени княжения Владимира на основании былин (см. подробнее: *Лихачев Д. С.* Летописные известия об Александре Поповиче // ТОДРЛ. 1949. Т. 7). Половцы, о которых упоминает в этой статье Никоновская летопись, появились в южнорусских степях только в 30—50-х годах XI в. Откуда взяты заключительные сведения этой статьи Никоновской летописи, не ясно. *1000*

В лѣто 6509 — известия этого года в Никоновской летописи читаются под 6511 (1003) г. с присоединением похвальной характеристики Изяслава. Под 6509 (1001) г. в Никоновской летописи помещена под особым заголовком «Богатыри» следующая статья: «Богатыри. Въ лѣто 6509. Александръ Поповичь и Янъ Усмошвецъ, убивый печенѣжскаго багатыря, избиша множество печенѣгъ, и князя ихъ Родмана и съ трема сыны его въ Киевъ къ Володимеру приведоша. Володимеръ же сътвори празднование свѣтло, и милостыню многу раздаде по церквамъ, и по манастыремъ, и убогимъ и нищимъ, и по улицамъ болнымъ и клоснымъ великиа кади и бочки меду, и квасу, и перевары, и вина поставляше, и мяса, и рыбы, и всякое овощие, что кто требоваше, и ядяше. Того же лѣта посла Володимеръ гостей своихъ, аки въ послѣхъ, въ Римъ, а другыхъ во Иерусалимъ, и въ Египетъ, и въ Вавилонъ, съглядати земель ихъ и обычаевъ ихъ». В первой части этой летописной статьи мы можем подозревать в качестве источников какие-то народные предания или даже былины. Откуда же взяты сведения о послах Владимира, отправленных им в разные страны, — не ясно. *1001*

В лѣто 6512 — под этим годом в Никоновской летописи читается следующая статья: «Идоша печенѣзи на Бѣлъград; Володимеръ же посла на нихъ Александра Поповича и Яна Усмошвеца съ многими силами. Печенѣзи же слышавше, побѣгоша въ поле. Того же лѣта митрополит Леонтъ посади въ темницу инока Андрѣяна, скопца. Укаряше бо сей церковныа законы, и епископы, и презвитеры, и иноки; и помалѣ исправися, и прииде въ покояние и въ познание истины, якоже и многимъ дивитися кротости его, и смирению, и умилению. Того же лѣта знамение бысть въ солнци, и въ лунѣ, и въ звѣздахъ. Того же лѣта Андриха Добрянкова храбраго отравою смертною окормиша свои его слуги. Того же лѣта убиенъ бысть Темирь, князь печенѣжьский, отъ своихъ сродникъ». Сведения об Александре Поповиче восходят к былинам XV—XVI вв. Источники других сведений Никоновской летописи не ясны.

Перенесени святии в святую Богородицю — не ясно, о каких святых здесь идет речь. Может быть, более правильный текст читается в Новгородской четвертой летописи: «Принесени си въ святую Богородицю князи». *1007*

К с. 58

В лѣто 6516 — под этим годом в Никоновской летописи помещена следующая статья: «Митрополитъ Иоанъ постави церковь камену, въ Киевѣ, святыхъ апостолъ Петра и Павла и въ Переяславли постави церковь камену, Воздвижение Честнаго Креста. Того же лѣта быша прузи мнози. Того же лѣта изымаша хитростию нѣкоею славнаго разбойника, нарицаемаго Могута; и егда ста предъ Володимеромъ, въскрича зѣло, и многы слезы испущая *1008*

изъ очию, сице глаголя: „Поручника ти по себѣ даю, о Владимире, Господа Бога и пречистую его Матерь Богородицу, яко отнынѣ никако же не сътворю зла предъ Богомъ и предъ человѣки, но да буду въ покаянии вся дни живота моего". Слышавъ же сиа Владимеръ умилися душею и сердцемъ, и посла его ко отцу своему, митрополиту Ивану, да пребываеть никогда же исходя изъ дому его. Могутъ же заповѣдь храня, никако же исхожаше изъ дому митрополичя, и крепкимъ и жестокимъ житиемъ живяше, и умиление и смирение много показа, и провидѣвъ свою смерть, съ миромъ почи, о Господи. Бѣ же Владимеръ милостивъ и нищелюбивъ, и сиа присно глаголаше словеса: блажени милостивы, яко тии помиловани будутъ; и милость хвалится на судѣ, и судъ безъ милости не сотворшему милости; и блаженъ разумѣваай на нища и убога; и милуай нища въ заимъ даетъ Богу и собираетъ себѣ сокровища на небеси, идѣ же ни червь, ни тля тлитъ, и идѣ же татие не подкопаваютъ, ни крадутъ; и милостынями и вѣрами очищаются грѣхи; и паки пророка Данила глаголюща: воспоминая грѣхи твоа, милостынями искупи, и прегѣшениа щедротами нищихъ. И сице глаголаше, многы слезы проливаше, и всегда живяше въ тихости, и кротости, и въ смирении мнозѣ, и въ любви и милости, и радовахуся людие, и прославляшеся имя Христово». В рассказе о «славном разбойнике» Могуте ощущается близость к былине о Соловье-разбойнике. Возможно, что в этом рассказе о Могуте подвергся оцерковлению какой-то былинный сюжет этого типа. Источник же первых сведений этой статьи Никоновской летописи не ясен.

1010 *В лѣто 6518* — В. Н. Татищев под 6518 (1010) г. помещает следующее известие: «Преставися в Новеграде Вышеслав, сын Владимеров. И дал Владимир Новгород Ярославу, а Борису — Ростов, Ярославлю — отчину, Глебу, брату его, — Муром, отчину Борисову, той бо пребываше при отце неотлучно».

1014 *И тако даяху вси посадници новъгородьстии* — в Никоновской летописи добавлено: «якоже и Вышеславъ преже, тако же и самъ Ярославъ даяше».

1015 *в се же время бяше у него Борисъ* — возможно, что Владимир готовил себе преемника в лице Бориса, поручив ему и командование своей дружиной (см. подробнее: *Пресняков А. Е.* Лекции по русской истории. Т. 1. С. 127—128).

Умре же на Берестовѣмь, и потаиша ѝ, бѣ бо Святополкъ Кыевѣ — Е. Е. Голубинский увидел здесь противоречие: с одной стороны, говорится, что бояре (Е. Е. Голубинский ищет подлежащее к сказуемому «потаиша» во множественном числе) потаили смерть Владимира, а с другой стороны, как явствует из дальнейшего, они постарались через перенесение тела Владимира в Киев сделать ее всем известною. Поэтому Е. Е. Голубинский считал более правильной версию житийного сказания: «Вѣстникъ прииде (к Борису), сказая ему отнюю смерть, како преставися отецъ его Василей, зовемый Володимеръ, и како Святополкъ потаи смерть отца своего, въ нощь проимавъ помостъ на Берестовомь и въ коверъ обертѣвъ, свѣсивше ужи на землю, везъше на санѣхъ, и поставиша въ церкви святыя Богородица». Но и этот текст Е. Е. Голубинский считает уже испорченным; первоначально якобы было: «Како Святополкъ потаѝ смерть отца своего и како бояре, въ нощь проимавъ помостъ...», т. е. Святополк скрыл смерть, а бояре тайно от него вывезли тело (*Голубинский Е. Е.* О погрешительности одного места в нашей первоначальной летописи, остающейся незамеченною // ИОРЯС АН. 1904. Т. 9, кн. 2. С. 60—62). Однако вынос тела через пролом, так же как и перевозка в санях, являются всего только обрядовой стороной древнерусских похорон. Житийное сказание о Борисе и Глебе не может быть признано древнейшим: оно само зависит от летописи. А. А. Шахматов занял в этом вопросе половинчатую позицию, он не соглашался с аргументацией Е. Е. Голубинского, но принял в основном его выводы (*Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С. 71—73). Доля истины в рассуждениях Е. Е. Голубинского заключается только в том, что, по-видимому, Святополк действительно был заинтересован утаить смерть Владимира, так как опасался, что киевляне провозгласят Бориса князем (судя по многим соображениям, именно Бориса Владимир хотел видеть своим преемником в Киеве). Однако именно так и можно понять текст «Повести временных лет», не внося в него никаких изменений: смерть Владимира «потаиша» в интересах Святополка. Эти «потаившие» смерть Владимира люди сделали так потому, что Святополк был в Киеве («бѣ бо Святополкъ Кыевѣ)» и, следовательно, имел власть отдавать распоряжения.

възложьше ѝ на сани, везъше — тело Владимира везли в санях в апреле 1015 г., когда снега уже не было. Так же точно хоронили Бориса и Глеба в мае 1015 г. и Святополка в

апреле 1113 г. Сани, как и ладья, вошли в погребальный обычай издавна. Остатки обгорелых саней были найдены в одном из погребений Костромской области.

Се есть новый Костянтинъ великого Рима — Константин — римский император Константин Великий (306—337), сделавший христианство официальной религией Римской империи. Владимир постоянно сравнивается с Константином, тогда как Ольга сравнивается с матерью Константина — Еленой.

Мы же, хрестьяне суще, не въздаем почестья противу оного възданью — это утверждение летописца как будто бы противоречит заключительным словам той же летописной похвалы Владимиру: «Сего бо память держать русьстии людье». По-видимому, чествование Владимира Святославича не было общепризнанным ко времени написания этих строк. Е. Е. Голубинский считает, что празднование памяти Владимира было установлено впервые в Новгороде более или менее вскоре после 1240 г. Александром Невским. Тогда же была написана служба ему и имя его внесено в святцы (*Голубинский Е. Е.* История канонизации святых в русской церкви. М., 1903. С. 63—64). Ипатьевская летопись называет Владимира святым под 1254 г. А. И. Соболевский считал, что Владимир был канонизован или в последние годы XII в., или между началом XIII в. и татаро-монгольским нашествием (*Соболевский А. И.* Память и похвала Владимиру и Сказание о Борисе и Глебе: (По поводу статьи г. Левитского) // Христианское чтение. 1890. Ч. 1. С. 793—794). Вопрос до сих пор остается открытым.

вѣнецъ — иначе следовало бы сказать «вѣнецъ живота», т. е. бессмертие, «царствие небесное».

О убьеньи Борисовѣ — по-видимому, статья эта, прежде чем быть включенной в летопись, читалась в предшествующем летописи Сказании о первоначальном распространении христианства на Руси (см. с. 305 и след.). По существу это одно из первых русских житий, с тем только отличием его от других житий, что в нем политическая тенденция (прославления Ярослава и его «святых» братьев) преобладает над церковно-учительной. Все остальные жития Бориса и Глеба восходят к этой летописной статье как к своему первоисточнику.[1]

К с. 59

Святополкъ же приде ночью Вышегороду, отай призва Путшю и вышегородьскыѣ болярьцѣ — ввиду того что вышегородцы помогают Святополку, А. А. Шахматов считает, что Святополк в момент смерти Владимира был вышгородским князем. Однако Вышгород никогда не был «стольным» городом, являясь только загородной резиденцией киевского князя. Возможно, однако, что Святополк, находившийся одно время, по свидетельству Титмара Мерзебургского, в опале у своего отца, жил здесь, в Вышгороде, под надзором, завязав отношения с вышгородскими боярами.

именемь Георги — Георгий был братом Моисея Угрина, подробная и романтическая история которого рассказана Поликарпом в Киево-Печерском патерике на основании не дошедшего до нас Жития Антония.

бѣ бо възложилъ на нь гривну злату велику — гривны — шейные обручи, употреблялись на Руси как украшения у женщин и как признак знатности или знак отличия у мужчин. В «Слове о законе и благодати» Иларион, обращаясь к памяти умершего князя Владимира Святославича, говорил: «Ты... смысломъ венчанъ и милостынею, яко гривною и утварью златою красуяся...».

усѣкнуша главу его, и тако сняша... тѣм же послѣ же не обрѣтоша тѣла сего въ трупии — летописец, очевидно, знал, что одну голову слуги Бориса (без тела) показывали в Борисоглебском монастыре, основанном в 1030 г. братом Георгия — Ефремом Новоторженином около Торжка. Гривны с мертвых обычно снимались отсечением головы: в битве Мстислава Мстиславича Галицкого с венграми и поляками под Городком у одного из павших воинов «главу его сосѣкоша трои чепи сняша золоты» (Ипатьевская летопись, 1213 г.).

Увѣдѣвъ же се, оканьный Святополкъ, яко еще дышеть — представляется странным, как и от кого узнал Святополк то, что Борис еще жив. Ведь этого не заметили сами убийцы, везшие его в ковре, как мертвого, в Киев. А. А. Шахматов объясняет это следующим образом. По-видимому, здесь — местная легенда, говорившая об убийстве Бориса где-то в другом месте, а не на Альте. Чтобы согласовать указания на два места убийства Бориса,

составитель статьи «О убьеньи Борисове» и создал версию о двукратном убийстве Бориса. Первое место указывалось на Альте. Вторым местом А. А. Шахматов считает Дорогожичи у монастыря Кирилла, между Вышгородом и Киевом; здесь в конце XII в. упоминается церковь Бориса и Глеба, построенная, по предположению А. А. Шахматова, на том месте, где Борис умер. В житийном сказании о Борисе сказано, что он умер «на бору». У Дорогожича действительно был бор. Кроме того, Ефрем Новоторженин, современник Бориса и брат его слуги Георгия, построил странноприимный дом на реке «Дорогоще» близ Торжка, а через несколько лет (1030 г.) — Борисоглебский монастырь, куда, кстати, положил и отсеченную голову своего брата, слуги Бориса, Георгия. Возможно, что река им была названа по месту убиения Бориса. Таким образом, по мнению А. А. Шахматова, было два предания об убийстве Бориса — на Альте и на Дорогожичи (см. подробнее: *Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С. 75—76).

К с. 60

И положиша тѣло его, принесше отай Вышегороду — Тверская летопись 1534 г. следующим образом объясняет, почему тело Бориса было привезено именно в Вышгород, а не в Киев: «И привезше (тело Бориса) на Днѣпрь, вложиша его въ лодию, и приплувше съ нимь подъ Киевъ; кияне же не приаша его, но отпнухуша прочь».[1]

Глѣбъ же вборзѣ всѣдъ на конѣ... И пришедшю ему на Волгу, на поли потчеся конь въ рвѣ, и наломи ему ногу мало. И приде Смоленьску — Хлебниковский список Ипатьевской летописи и Тверская летопись 1534 г. после слов «на Волгу» добавляют «на усть рѣки Томь». В Тверской летописи после слов «и надломи ему ногу мало» добавлено: «и на томь мѣстѣ нынѣ монастырь Бориса и Глѣба, зовомый Втомичий». Очевидно, летописец отметил это незначительное событие в связи с местной легендой об основании монастыря Бориса и Глеба. Эта местная легенда, как и многие другие подобные, носила «этимологический» характер: река Томь так названа потому, что в «томь» месте надломил себе ногу Глеб (отсюда Втомичий монастырь). Проезжал ли действительно Глеб на пути в Киев в этом месте? Если Глеб шел из Мурома (ср. в Летописце Переяславля Суздальского: «и посла по блаженнаго Глеба въ Муромъ»), то ему проще было спуститься к Волге по Оке, не садясь на коня (о речном пути в Киев из Мурома см.: *Ходаковский З. Я.* Пути сообщения в древней России // Русский исторический сборник / Изд. Обществом истории и древностей российских. М., 1837. Т. 1, кн. 1. С. 24—25). Возможно поэтому, что Глеб шел из Ростова, как предполагают некоторые исследователи (о реке Тьме см.: *Вершинский А. Н.* К истории путей сообщения Киевской Руси с Северо-Востоком // Тверская старина. 1911. № 6. С. 16—17).

и ста на Смядинѣ в насадѣ — насад — речное судно с «насадами», т. е. поднятыми, надделанными бортами. Смядынь — река и урочище в Смоленской области.

В се же время пришла бѣ вѣсть къ Ярославу от Передъславы — повторение этого известия см. текст, с. 62. В Киево-Печерском патерике в той его части, которая зависит от несохранившегося до наших дней Жития Антония, Предславе приписана активная роль в борьбе со Святополком. У Предславы укрылся и один из слуг убитого Бориса — Моисей Угринин, брат убитого Георгия.

Поваръ же Глѣбовъ, именемь Торчинъ — Торчиным повар Глеба назван, очевидно, по его этнической принадлежности. Торки — кочевой народ тюркского происхождения. В Чтении о Борисе и Глебе повар Глеба назван «Горясер». Летопись впервые упоминает торков под 1054 г. Часть торков была подчинена половцам во второй половине XI в.

К с. 61

поверженu на брезѣ межи двѣма колодама — археологам известны погребения, в которых скелет находился в челнообразной колоде и был накрыт таким же челном (История культуры древней Руси. Т. 1. С. 286—287). Летописец Переяславля Суздальского уточняет это известие следующими деталями: «сосновыми, и приверженъ хврастомъ». В Чтении о Борисе и Глебе Нестора сказано несколько иначе: «...повергоша въ пустыни подъ кладою». В житийном сказании о Борисе и Глебе за этим известием следовал текст, опущенный в летописи: «Убиену же Глѣбови и повьржену на пустѣ местѣ межю дъвѣма колодама. И

Господь, не оставляй своихъ рабъ, якоже рече Давыдъ. Хранить Господь вься кости ихъ и ни едина отъ нихъ съкрушить ся, и сему святуму лежащю дълго время, не остави въ невѣдѣнии и небрежении отинудь пребыти, нъ показа: овогда бо видѣша стълпъ огнынъ... и тъгда съказаша (Ярославу. — *Д. Л.*)... И то слышатъ посъла Смолиньску и пришедъше положиша й Вышегородѣ». Итак, тело Глеба было перенесено в Вышгород далеко не сразу. Упоминание о Ярославе, по-видимому, и явилось причиной того, что летописец пропустил все это место, чтобы не создавать хронологической непоследовательности в своем повествовании.

К с. 62

Святополкъ... нача даяти овѣмъ корзна, а другым кунами — древнерусское корзно — теплый широкий плащ с застежками, накидывавшийся поверх одежды. Корзна знати представляли собой большую ценность. Делались они, по-видимому, из валеной шерсти, называвшейся корзовиной. Корзна были известны как одежда русских далеко за пределами Руси. Во французском средневековом эпосе они носят название pailes de Russie, воспринявшие их немцы называли их «кюрзен» или, по происхождению их от славян, «славоника».

варязи бяху мнози у Ярослава, и насилье творяху новгородцем и женамъ ихъ — Сага об Олаве Трюггвасоне рассказывает, что Олав в Новгороде в ссоре убил какого-то местного жителя Клеркона, чем вызвал возмущение народа, потребовавшего смерти убийцы. Олав был спасен заступничеством жены русского князя. Перед нами яркое свидетельство враждебных отношений варяжской наемной дружины и новгородцев.[1] Любопытные уточнения дает текст Новгородской первой летописи. Во-первых, там разъяснено, что варяги творили насилие «на мужатых женахъ» (т. е. над замужними женщинами), а во-вторых, что Ярослав «кормяше варягъ много», так как «бояся рати».[2]

Вставше новгородци, избиша варягы во дворѣ Поромони — Новгородская первая летопись подчеркивает, что восстание произошло ночью: «собрашася в нощь».[3]

И разгнѣвася Ярославъ, и шедъ на Рокомъ, сѣде въ дворѣ — Ракома — подгороднее село Ярослава недалеко от Ильменя (северо-западной его части). Согласно Новгородской первой летописи, Ярослав уже находился в селе Ракоме во время восстания новгородцев: «...а князю Ярославу тогда в ту нощь сущу на Ракомѣ». Новгородцы, таким образом, воспользовались отсутствием в Новгороде Ярослава. Гнев Ярослава, согласно Новгородской первой летописи, побудил его не уйти в Ракому из Новгорода, а собрать горожан: «И се слышавъ князь Ярославъ, разгнѣвася на гражаны, и собра вои славны тысящу; и, обольстивъ ихъ, исѣче». «Повесть временных лет» в этом случае подробнее Новгородской первой летописи.

«Уже мнѣ сихъ не крѣсити» — эти слова Ярослава, по-видимому, представляют формулу отказа от родовой мести, неоднократно употребляющуюся в летописи. Ср., например, в Никоновской летописи под 1148 г. Ольговичи отказываются от мести за Игоря Ольговича: «Уже намь не воскресити брата своего, князя Игоря Олговича»; ср. в Ипатьевской под 1151 г.: «И долго плака, и рече Изяславу Давидовичю: „сего нама уже не крѣсити"».

нарочитыѣ мужи — в Новгородской первой летописи читаем в этом месте: «вои славны тысящю». По-видимому, «нарочитые мужи» — своеобразный «перевод» слов «вои славны тысящю» предшествовавшего «Повести временных лет» Начального свода. Следовательно, в Новгороде рядом с наемной варяжской дружиной была своя военная организация — «тысяча славных воинов», состоящая из местных «нарочитых людей». Не во главе ли этой «тысячи» и стоял первоначально новгородский тысяцкий? В Уставе Ярослава «о мостѣх» упоминаются десять новгородских сотен (о новгородских сотнях см. подробнее исследование: *Рыбаков Б. А.* Деление Новгородской земли на сотни в XIII в. // ИЗ. 1938. № 2).[4]

убивъ Бориса, а на Глѣба посла — в Ипатьевской летописи текст иной: «пославъ уби Бориса и Глѣба».

собравъ избытокъ новгородець, Ярославъ рече — в Новгородской первой летописи сказано при этом, что Ярослав «сътвори вѣче на полѣ». Ср. несколько ниже в Лаврентьевской летописи «на вѣчи».

«О, люба моя дружина, юже вчера избихъ, а нынѣ быша надобе» — в Новгородской первой летописи эта речь Ярослава отражена подробнее: «Любимая и честная дружина, юже вы исѣкохъ вчера въ безумии моемъ, не топѣрво ми ихъ златомъ окупитѣ».

«Отець мой умерлъ, а Святополкъ седить Кыевѣ, избивая братью свою» — в этой речи Ярослава не высказано самое предложение Ярослава. Оно есть в Новгородской первой летописи: «...хощу на него пойти; потягнете по мнѣ».

И събра Ярославъварягъ тысячю, а прочихъ вой 40 000 — по-видимому, более правильными следует признать цифровые данные Новгородской первой летописи: «И собра вой 4000: варягъ бяшеть тысяща, а новгородцовъ 3000».

1016 *И воевода... Святополчь* — в Новгородской первой летописи названо имя этого воеводы — «Волчий Хвост», упоминаемого под 984 г. как воевода Владимира, победившего радимичей на реке Пещане. В Тверской летописи, в числе источников которой был и Синодальный список Новгородской первой летописи, прямо сказано под 1016 г. о воеводе Волчьем Хвосте: «...отца ихъ Владимера, иже побѣди радимичи на Пищанѣ, старъ сый, немыслено».

Бѣ бо уже в заморозъ — в Новгородской первой летописи сказано: «И начя Дьнѣпрь мьръзнути».

и всю нощь пилъ бѣ с дружиною своею; Ярославъ же заутра, исполчивъ дружину свою, противу свѣту перевезеся — таким образом, по «Повести временных лет», битва произошла на рассвете. Иначе по Новгородской первой летописи: «И бяше Ярославу мужь въ приязнь у Святопълка; и посла к нѣму Ярославъ нощью отрокъ свой, рекъ к нѣму. И рекъ к нему онь си: „Что ты тому велиши творити: меду мало варено, а дружины много?". И рече ему мужь тъ: „Рчи тако Ярославу: даче меду мало, а дружины много, да къ вечеру въдати". И разумѣ Ярославъ, яко въ нощь велить сѣцися; и томь вечере перевозися Ярославъ съ вои на другый полъ Дънѣпра, и лодьи отринуша от берега, и той нощи поидоша на сѣцю». Таким образом, Ярослав не утром на рассвете переходит с войском Днепр, а вечером и в битву вступает ночью. Чтобы узнавать ночью в темноте своих, Ярослав приказал воинам повязаться платками: «И рече Ярославъ дружинѣ: „Знаменайтеся, повивайте собе убрусы голову"». Побеждает Ярослав Святополка, согласно Новгородской первой летописи, еще «до свѣта».

К с. 63

И бы тогда Ярославъ Новѣгородѣ лѣтъ 28 — издатели Лаврентьевской летописи обычно опускают слово «Новѣгородѣ», следуя чтению Радзивиловского и Московско-Академического списков. Однако Ярославу не могло быть в 1016 г. 28 лет от роду: он умер в 1054 г. 76 лет (см. «Повесть временных лет» под 1054 г.). В Ипатьевской летописи и в летописях, восходящих к Новгородско-Софийскому своду 30-х годов XV в., цифра 28 исправлена на 18, и вся фраза также не имеет слова «Новѣгородѣ». Если речь идет о возрасте Ярослава, а не о его княжении в Новгороде, то в 1016 г. ему было 38 лет.

1017 *Ярославъ иде в Киевъ и погорѣ церкви* — в Новгородской первой летописи под 989 г. в списке князей русских о Ярославе читаем: «...и идя къ Кыеву, и посади в Новѣгородѣ Коснятина Добрыница»; посадник Константин действует затем в «Повести временных лет» под 1018 г. В Никоновской летописи сведения о пожаре Киева под 1017 г. несколько подробнее: «...и погорѣ градъ и церьквей много, яко до седмисотъ и опечалися Ярославъ». Количество сгоревших церквей в Киеве — 700, — по-видимому, обычное для Никоновской летописи преувеличение. В Новгородской первой летописи под 1017 г. читается иное известие: «Ярославъ иде къ Берестию; и заложена бысть святая София Кыевѣ». Подробнее это известие в Софийской первой, Новгородской четвертой и других летописях: «Приидоша печенѣзи къ Киеву и секошася у Киева, и едва къ вечеру одоле Ярославъ печенѣгы, и отбѣгоша посрамлени. И заложи Ярославъ градъ великый Киевъ и Златая врата постави и церковь Софию заложи». Этот текст представляет собой соединение текста древней новгородской летописи (откуда взято сведение о набеге печенегов и о закладке Софии — ср. Синодальный список Новгородской первой летописи) и статьи 1037 г. «Повести временных лет», откуда к сведению о закладке Софии присоединены сведения о закладке города и Золотых ворот. Датировка построения Софии в новгородской летописи — 1017 г. — сомнительна: в новгородской летописи в XI в. не было дат вообще; они расставлены позднее и нередко с ошибками (см. с. 414—415 и др.). Дата «Повести временных лет» — 1037 г. — более вероятна, но также не отличается полной достоверностью (см. с. 482). Датировка основания Софии 1017 г. смутила и составителя Новгородско-Софийского свода 30-х годов

XV в.: в Новгородской четвертой и Софийской первой летописях под 1037 г., в тексте, восходящем к «Повести временных лет», все упоминания о закладке Софии, города и Золотых ворот переделаны для согласования со статьей 1017 г., восходящей к древнейшей новгородской летописи, — вместо «заложи», «заложена» в Новгородской четвертой и Софийской первой читаем: «Свѣршенъ бысть градъ Киевъ и церковь святаа София свѣршена». Также неверно и отнесение в Никоновской летописи нападения печенегов к 1017 г. — на самом деле оно произошло перед закладкой Софии в 1036 г. Поход Ярослава «к Берестью», о котором идет речь в Синодальном списке Новгородской первой летописи под 1017 г., на самом деле относится к 1022 г. (см. с. 478).[1]

Приде Болеславъ съ Святополкомъ на Ярослава с ляхы — Святополк был женат на 1018
сестре Болеслава и издавна находился с ним в союзных отношениях. По свидетельству саксонского хрониста Титмара Мерзебургского (умер 1 декабря 1018 г.), Святополк еще при жизни Владимира готовил с помощью Болеслава заговор против своего отца (или отчима) Владимира. Святополк, его жена и ее духовник — епископ Рейнберн — были схвачены. Рейнберн умер в заключении. Святополк с женой, по-видимому, находились затем под особым наблюдением Владимира, не дававшего ему никакого дела (*Голубовский П. М.* Хроника Дитмара как источник для русской истории // Университетские известия. Киев, 1878. № 9. Прибавления. С. 27—40).[2]

и приде Волыню, и сташа оба полъ рѣкы Буга — город Волынь находился при впадении реки Гучвы в Западный Буг.

и побѣди Болеславъ Ярослава — в летописях, восходящих к Новгородско-Софийскому своду 30-х годов XV в., вслед за этими словами читаем: «И ту убиша Блуда воеводу и иных множество побѣдиша. А ихъ же рукама изымаша, то расточи Болеславъ по Ляхомъ» (Софийская первая летопись, ср. также в Новгородской четвертой и др.). Среди попавших в плен был, по-видимому, и Моисей Угрин, о котором подробно рассказывалось в Житии Антония, служившем одним из исторических источников для летописца. Возможно, что эти подробности взяты составителем Начального свода (откуда они и проникли в новгородские летописи) именно из Жития Антония (*Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С. 257 и след.). О захвате в плен именно в этом бою Моисея Угрина прямо говорится в Тверском сборнике: «На томъ бою изымаша Моисея Угрина, брата Георгиева, иже бѣ убитъ съ княземъ Борисомь (см. наш комментарий, с. 471. — *Д. Л.*); бѣ бо и той слуга Борисовь, и много пострада въ Лятской землѣ отъ вдовы нѣкыа, млады суща, ея же мужъ, бояринъ сый Болеславль, убиень на семъ бою. Моисей же, по страдании своимь, прииде въ Киевь, въ Печерский манастырь, и бысть чюденъ старець, красень теломъ и душею, о немъ же лежатъ повѣсти въ Отечницѣ (Патерике) Печерьскомъ». По-видимому, эти слова летописца Тверского сборника основываются на той редакции Печерского патерика, где сообщалось о пленении Моисея Угрина в битве 1018 г.

Болеславъ же вниде в Кыевъ съ Святополкомь — в летописях, восходящих к Новгородско-Софийскому своду 30-х годов XV в., добавлено: «и сѣдѣ на столѣ Владимери. И тогда Болеславъ положи себѣ на ложи Предъславу, дщерь Володимерю, сестру Ярославлю. Ярослав же убѣжа съ 4-ми мужи к Новугороду» (Софийская первая летопись, ср. также Новгородскую четвертую и др.). В связи с известием о том, что Болеслав сделал наложницей Предславу, находится в тех же летописях несколько ниже и следующее добавление: «Болеслав же побѣже ис Кыева, поволочивъ Предславу...». Отмеченных разрядкой слов нет в «Повести временных лет». По-видимому, все эти подробности проникли в новгородские летописи из Начального свода, пользовавшегося как историческим источником не сохранившимся до наших дней Житием Антония. В Житии Антония, как это нам известно из данных Киево-Печерского патерика, неоднократно ссылающегося на это Житие, говорилось о судьбе Предславы, у которой скрывался Моисей Угрин после избиения слуг Бориса (*Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С. 279).

Болеславъ же побѣже ис Кыева, възма имѣнье и бояры Ярославлѣ и сестрѣ его — известие о захвате сестры Ярослава подтверждается Титмаром Мерзебургским и Галлом Анонимом (*Голубовский П. М.* Хроника Дитмара как источник для русской истории. С. 38—39).

И рече Болеславъ: «Разведѣте дружину мою по городомъ на покоръмъ»... И избиша ляхы. Болеславъ же побѣже ис Кыева — А. А. Шахматов предполагает, что эти подробности о бегстве Болеслава Храброго из Киева даны летописцем на основании событий 1069 г.,

когда из Киева при таких же обстоятельствах бежал польский король Болеслав Смелый: «И распуща ляхы на покормъ, и избиваху ляхы отай; и възвратися в Ляхы Болеславъ, в землю свою» (*Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С. 439—440). Однако видеть здесь фальсификацию фактов летописцем нет оснований. Народное возмущение против поляков было и в 1018 г., и в 1069 г. причиной их бегства.[1]

«Хочемъ ся и еще бити съ Болеславомъ и съ Святополкомь» — слова «Хочемъ ся и еще бити», — по-видимому, обычное устное выражение. Ср., например, под 1068 г. киевляне на вече говорят князю: «Дай, княже, оружье и кони, и еще бьемся с ними», или под 1093 г. киевляне вновь говорят князю: «Хочемъ ся бити; поступимъ на ону сторону рѣки»; то же и на вече 1097 г. киевляне говорят: «Выдай мужи сия, не бьемъся за сихъ, а за тя битися можем». Весьма важно отметить при этом, что народ постоянно выступает как инициатор обороны Руси от внешних врагов.

а от бояръ по 18 гривен — в Ипатьевской летописи иная цифра: «а от бояръ по осмидесять гривенъ». О каких боярах здесь идет речь? Выше в «Повести временных лет» было сказано, что Ярослав «убежа съ 4-ми мужи Новугороду». «Ясно, — пишет по этому поводу С. В. Юшков, — что бояре, с которых собирали по 18 гривен, не княжеские бояре (их в данный момент у Ярослава, потерявшего всю дружину, не было), а бояре новгородские, находившиеся вне дружинной организации. А свидетельства, относящиеся к XII в., не оставляют никаких сомнений в том, что новгородские бояре и бояре князя — это две разные феодальные группы, имевшие свои собственные интересы, часто противоположные интересам князя и его бояр» (*Юшков С. В.* Общественно-политический строй и право Киевского государства. С. 242).

и городы червеньскыя зая собѣ — о Червенских городах см. выше, с. 451.

1019 *на Льто* — Альта, или Льто, — река, впадающая в Трубеж, и урочище на этой реке к юго-востоку от Киева.

Мьсти от крове праведнаго сего, якоже мьстил еси крове Авелевы, положивъ на Каинѣ стенанье и трясенье — согласно библейской легенде, сын Адама и Евы Каин убил своего брата Авеля, за что был проклят Богом. Бог определил наказание Каину: «стеня и трясыйся будеши на земли» (Бытие, IV, 12).

и за рукы емлюче сечахуся, и сступашася трижды, яко по удолиемь крови тещи — «за рукы емлюче сечахуся» — обычный шаблон древнерусской литературы в описании боя (тот же образ неоднократно встречается в летописи, есть он в Степенной книге при описании Куликовской битвы, в «Слове о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича», в «Ином сказании» и др.). Такой же шаблон и выражение «яко по удолиемь крови тещи» (см. подробнее: *Орлов А. С.* Об особенностях формы русских воинских повестей // ЧОИДР. 1902. Кн. 4. С. 12 и 21—22).

и сступашася трижды — вслед за этими словами в Паримийном чтении о Борисе и Глебе читаются следующие подробности: «...и смеркошася бьющеся, и бысть громъ великъ и тутьн (топот) и дъжигь великъ и мълния блистание; егда же облистаху мълния, и блистахуся оружия въ рукахъ ихъ, и мнози видяху вернии ангелы, помагающа Ярославу». П. М. Голубовский в своем исследовании о службе Борису и Глебу в Иванической минее считает, что здесь даются важные дополнительные данные о битве на Альте (*Голубовский П. М.* Чтения в Историческом обществе Нестора летописца. Киев, 1900. Кн. 14, вып. 3). Данные эти, однако, сочинены. Битва на Альте началась с восходом солнца («въсходящю солнцю, и сступишася обои»). Вряд ли она затянулась до ночи. Ясен и источник этих подробностей о ночной битве: они заимствованы составителем Паримийного чтения из летописного описания Лиственской битвы 1024 г. («И бывши нощи, бысть тма, молонья, и громъ, и дождь... И бысть сѣча силна, яко посвѣтяше молонья, блещашеться оружье, и бѣ гроза велика и сѣча силна и страшна»).

и несяхуть ѝ на носилѣхъ — в Радзивиловской летописи в миниатюре на л. 119 об. следующим образом изображена перевозка раненого на носилках: длинные носилки прикреплены к двум коням с сидящими на них всадниками — один конь впереди, а другой позади. Такой же способ существовал и для перевозки мертвых (см. в «Слове о полку Игореве»: «Съ тоя же Каялы Святоплъкъ повелѣ яти отца своего м е ж д ю у г о р ь с к и м и и н о х о д ъ ц и»; иноходцы употреблялись при такого рода перевозках для избежания качки).

Принесоша ѝ къ Берестью — пограничный с Польшей город на Западном Буге в Волынском княжестве, ныне Брест. Из того, что Святополк и в Берестьи мог опасаться за собой погони, видно, что тогда это был город русский.

К с. 64

прибѣжа в пустыню межю Ляхы и Чехы — А. В. Марков утверждает, что «между Чахи и Ляхи» — древняя поговорка в смысле «где-то далеко» — сохранилась «до сих пор в Архангельской губернии» (*Марков А. В.* Поэзия Великого Новгорода и ее остатки в Северной России // Пошана. Харьков, 1908. Т. 18. С. 454).

Его же по правдѣ, яко неправедна, суду нашедшю на нь, по отшествии сего свѣта прияша мукы, оканьнаго. Показоваше явѣ... посланая пагубная рана въ смерть немилостивно въгна — в приведенных строках летописец сближает Святополка с Иродом, о котором Хроника Георгия Амартола повествует буквально в тех же словах: «Окаяньный же Иродъ за неколико дний тляемъ и червьми растачаемъ злѣ житье си разори, яко же и нечестивый отець его, ибо то на Христа начатъ: сверстьникы его дерзнувъ усѣкну сведену, еще сы въ житии нелѣпо и хулно, житье си испроверже, его же по правдѣ яко неправеднаго суду пришедшю, по отшествии сего свѣта прияша мукы оканьнаго; показавше явѣ образъ абье приятъ сего от Бога послана рана пагубная въ смерть немилостивно вътна» (*Истрин В. М.* Хроника Георгия Амартола. Т. 1. С. 215—216).

и по смерти вѣчно мучимъ есть связанъ — фраза эта недостаточно ясна в «Повести временных лет». Между тем ее смысл яснее в той форме, в какой она читается в так называемом Паримийном чтении о Борисе и Глебе, известном по памятникам, начиная с XII в. (см. издание его в приложении к первому тому Полного собрания русских летописей, 1846): «...и по смерти вѣчно мучимъ есть связанъ въ дно аду», т. е. по смерти, заключенный на дне ада, он вечно мучим.

7 бо мьстий прия Каинъ, убивъ Авеля, а Ламехъ 70 — согласно библейской легенде, один из потомков Каина — Ламех, убив человека, раскаялся и сказал: «Если за Каина отмстится в семеро, то за Ламеха в семьдесят раз в семеро» (Бытие, IV, 24).

новый Авимелехъ — согласно библейской легенде, сын еврейского судьи Гедеона Авимелех по смерти отца убил 70 своих братьев.

Ярославъ же сѣде Кыевѣ, утеръ пота с дружиною своею, показавъ побѣду и трудъ великъ — в Синодальном списке Новгородской первой летописи следующим образом рассказывается о расчетах Ярослава со своей дружиной под 1016 г. (походы Ярослава 1016 г. и 1019 г. соединены здесь в один): «...а Ярослав иде Кыеву, и сѣде на столѣ отця своего Володимира; и нача вое свое дѣлити: старостамъ по 10 гривенъ, а смердомъ по гривнѣ, а новъгородьчемъ по 10 всѣмъ; и отпусти я домовь вся». То же во всех летописях, восходящих к Новгородско-Софийскому своду 30-х годов XV в. Вслед за этим текстом в Новгородской первой летописи младшего извода читается следующее известие, породившее большие разногласия среди исследователей: «И давъ имъ правду, и уставъ списавъ, тако рекши имъ: „По сей грамотѣ ходиде; яко же списах вамъ, тако же держите". А се есть Правда Русскаа...». После чего следует известный текст Краткой редакции Русской Правды. Сами новгородцы впоследствии постоянно ссылались на «грамоты Ярослава» как на основу своих отношений с приглашаемыми к ним вечем князьями и князьями великими. Различные исследователи по-разному освещают вопрос о том, что такое были эти «Ярославовы грамоты» (*Костомаров Н. И.* Севернорусские народоправства во времена удельно-вечевого уклада // Исторические монографии и исследования. СПб., 1904. Кн. 3, т. 7, 8. С. 37—38; *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. СПб., б. г. Кн. 1, т. 3. Стб. 698—699; *Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С. 507—508; *Тихомиров М. Н.* Исследование о Русской Правде. М.; Л., 1941. С. 36—39; *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы XIV—XV вв. Ч. 1. С. 245 и след.; см. также рецензию В. Т. Пашуто и А. А. Зимина на книгу Л. В. Черепнина в журнале «Вопросы истории» (1949. № 9. С. 119 и след.)).[1] В конце летописной статьи 1019 г. в летописях, восходящих к Новгородско-Софийскому своду 30-х годов XV в., читается следующее известие о посаднике Константине Добрыниче: «Костянтинъ же бяше тогда в Новѣгородѣ, и разгнѣвася на нь великый князь Ярославъ и поточи ѝ въ Ростовъ и на 3-е лѣто повѣле его убити в Муромѣ, на рецѣ на Оцѣ (Оке)». (Софийская первая летопись, см. также Тверской сборник, Воскресенскую, Никоновскую и др.).

1020 *Родися у Ярослава сынъ, и нарече имя ему Володимеръ* — это первое в «Повести временных лет» известие о рождении сына у князя (сообщение Ипатьевской летописи под 952 г. о рождении Святослава — позднейшее). О рождении у Ярослава (в Новгороде) старшего сына Ильи летописец не сообщает. Об Илье мы знаем из перечня князей («А се Новѣгородѣ»), помещаемого в списках Новгородской первой летописи младшего извода и в некоторых летописях, восходящих к Новгородско-Софийскому своду 30-х годов XV в., вслед за статьей о крещении Новгорода под 989 г. Там сказано: «И родися у Ярослава сынъ Илья, и посади в Новѣгородѣ, и умре». Перечень содержит и другие весьма важные исторические данные, нигде в летописях не встречающиеся (см. ссылки на него ниже).

1021 *и поимъ новгородцѣ и имѣнье ихъ* — в летописях, восходящих к Новгородско-Софийскому своду 30-х годов XV в., к этим словам добавлено: «и весь полонъ и скоты» (Софийская первая летопись, ср. Воскресенскую, Никоновскую и др.).

к Судомири рѣцѣ — Судомирь — река в Полоцком княжестве.

И побѣди Ярославъ Брячислава — в летописях, восходящих к Новгородско-Софийскому своду 30-х годов XV в., о победе Ярослава над Брячиславом ошибочно сообщено дважды: под 6528 г. и под 6529 г. Ошибка произошла вследствие соединения в этом Новгородско-Софийском своде источников с различной хронологической сетью.

и новгородцѣ вороти Новугороду — летописи, восходящие к Новгородско-Софийскому своду 30-х годов XV в., добавляют: «и полонъ у него отъя елико бяше новъгородъской волости» (Софийская первая летопись, см. также Воскресенскую, Никоновскую и др.).

а Брячиславъ бѣша Полотьску — летописи, восходящие к Новгородско-Софийскому своду 30-х годов XV в., прибавляют к этому известию: «И оттолѣ призва къ себѣ (Ярослав) Брячислава и да ему два города: Въсвячь и Видебскъ и рече ему: „Буди же со мною за одинъ". И въеваша Брячиславъ съ великимъ княземъ съ Ярославомъ вся дни живота своего» (Софийская первая летопись, см. также Воскресенскую, Никоновскую и др.). О городах Усвяте и Витебске см.: *Тихомиров М. Н.* Древнерусские города. М.; Л., 1946. С. 86—88.[1]

1022 *Приде Ярославъ къ Берестию* — поход Ярослава к Берестию (к Бресту) в новгородских летописях отнесен к 1017 г. (так же как и закладка Софии киевской): «Ярославъ иде къ Берестию; и заложена бысть святая София Кыевѣ» (Синодальный список Новгородской первой летописи и др.). См. об этом выше, с. 475.

И вынзе ножь, и зарѣза Редедю — автор «Слова о полку Игореве» говорит о том, что Боян пел песнь «храброму Мстиславу, иже зарѣза Редедю предъ пълкы касожьскыми» (ср. в «Повести временных лет» выше: «и ставшема обѣма полкома противу собѣ»). Событие это, следовательно, запечатлелось и в народном эпосе, но сходство выражений между «Словом» и «Повестью временных лет» («зарѣза» «предъ пълкы») заставляет предполагать, что здесь, как и в некоторых других случаях, автор «Слова» проявил свое знакомство с «Повестью». В исследовательскую литературу проникло мнение о том, что воспоминания о единоборстве Редеди и Мстислава сохранились в современном фольклоре северокавказских народов (см. об этом: *Лопатинский Л. Г.*: 1) Редедя // Сб. материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1891. Т. 12; 2) Мстислав Тмутараканский и Редедя по сказаниям черкесов // Изв. Бакинского ун-та. Баку, 1921. № 1, 2-й полутом). Однако, как указал еще Н. С. Трубецкой (Редедя на Кавказе // Этнографическое обозрение. 1911. № 1—2), мнение это является плодом чистого недоразумения. Об этом вновь напомнил Г. Турчанинов (Летописный Редедя и черкесское Редадэ // Учен. зап. Кабардинского научно-исслед. ин-та. Нальчик, 1947).[2]

И пришедъ Тьмутороканю, заложи церковь святыя Богородица — церковь Богородицы в Тмутаракани (на Черном море около современной Тамани) упоминается еще раз под 1066 г., когда в ней был похоронен тмутараканский князь Ростислав Владимирович.[3]

яже стоить и до сего дне Тьмуторокани — по-видимому, это писал летописец Никон, живший в Тмутаракани в 1061—1066 гг. (а затем и в 1073—1074 гг., после того как перестал иметь отношение к печерскому летописанию, см. с. 319—320).

К с. 65

избиваху старую чадь — в летописях, восходящих к Новгородско-Софийскому своду 30-х годов XV в., добавлено: «бабы», а ниже текст «изъимавъ волхвы, расточи» передан иначе: «И изъимавъ убийца ты, расточи, иже бяху бабы избили, и домы ихъ разграбили, а другыя показни, и устави ту землю» (Софийская первая летопись, Тверская, Никоновская и мн. др.). Об убийстве волхвами именно женщин («лучьшие жены») см. также под 1071 г. в рассказе о подавлении восстания Яном Вышатичем. Возмущение, однако, вызывают не просто женщины, а женщины «старой чади». «Из этого рассказа, — пишет Н. Н. Воронин, — с несомненностью вытекает, что восстание было вызвано в первую очередь внутренними противоречиями среди населения Суздальской земли, особенно обострившимися в районе, близком к старой торговой Волге. Здесь, очевидно, существовала какая-то зажиточная верхушка — старая чадь, — выделившаяся из среды местного общества; ее накопления в виде жита и хозяйственных продуктов делали особо острым охвативший эту местность голод. То, что Ярослав спешно прибыл из Новгорода, невзирая на острую феодальную борьбу, развертывавшуюся там, и встал на защиту старой чади, показывает, что этот слой находился уже под покровительством княжеской власти, являясь опорой ее политики на местах» (*Воронин Н. Н.* Восстание смердов в XI веке // Ист. журнал. 1940. № 2. С. 55).[1] 1024

яко си держать гобино — в летописях, восходящих к Новгородско-Софийскому своду 30-х годов XV в., здесь добавлено «и жито и голодъ пущаютъ» (Софийская первая летопись, ср. также другие). Здесь имеется, очевидно, в виду хранение общинных запасов. Эти общинные запасы присваивали себе «лучшие люди». На них и обрушилось восстание.

Бѣ мятежь великъ и голодъ по всей той странѣ — в летописях, восходящих к Новгородско-Софийскому своду 30-х годов XV в., здесь добавлено: «яко мужу своя жена даяти, да кормять себѣ челядиномъ» (Софийская первая летопись и др.).

И приде Якунъ с варягы, и бѣ Якунъ сь лѣпъ, и луда бѣ у него золотомь истъкана... и Якунъ ту отбѣже луды златоѣ — Якун — вождь варяжского отряда Хакон, упоминаемый также в Эймундовой саге и в Киево-Печерском патерике; в последнем, несомненно, на основании «Повести временных лет»: «Бысть въ земли варяжьской князь Африканъ, братъ Якуна С л ѣ п а г о, и ж е о т б ѣ ж е о т з л а т ы а л у д ы, биася полком по Ярославѣ съ лютымъ Мьстиславомъ». Название Якуна «слепым» явное недоразумение, слово «сьлѣпъ» получилось из неправильно прочтенного выражения «и бѣ Якунъ с ь л ѣ п ъ», т. е. красив (он был одет в золотую луду — шитый золотом плащ). Кроме Африкана Киево-Печерский патерик упоминает и других родичей Якуна. Сын князя Африкана — Шимон, изгнанный Якуном, пришел к Ярославу, и тот принял его и «въ чести имяше и дасть его сынови своему Всеволоду, да будеть старѣй у него: приать же велику власть от Всеволода». Сын Шимона Георгий был дядькой (кормильчичем) Юрия Долгорукого и занимал впоследствии пост тысяцкого в Суздальской земле. Упоминание о том, что Якун покинул на поле битвы самую примечательную часть своего одеяния — насмешка летописца над предводителем варяжской дружины. Ср. в Никоновской летописи о бегстве Юрия Всеволодовича и Ярослава Всеволодовича с поля Липицкой битвы 1216: «И прибѣже князь Юрьи въ Володимерь во единой сорочицѣ точию, и братъ его князь Ярославъ такоже во единой сорочицѣ, трехъ коневъ одушивъ, а на четвертом пригна Володимерь». Отметим, однако, что слово «луда» переводится по-разному: плащ, верхняя одежда, маска, шлем, латы (*Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. 2. Примеч. 27; *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 2. Стб. 49; *Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С. 646; *Крымский А. Е.* Древнекиевский говор // ИОРЯС АН. 1906. Т. 11, кн. 3. С. 396).[2]

Мьстислав же, слышавъ, взиде противу има к Листвену — в летописях, восходящих к Новгородско-Софийскому своду 30-х годов XV в., после этих слов читается следующее дополнение: «и бяше осень, и ту ся срѣтоша». Затем после слов «и бывши нощи» добавлено «рябиной» («рябиной» — грозовой); после слов «поидемъ на ня» добавлено «то ны есть корысть»; после слов «яко посвѣтяше молонья, блещашеться оружье» добавлено «елико же молния освѣтяше, толко мечи видяху, и тако другъ друга убиваху»; после слов «а Якунъ иде за море» добавлено «и тамо умре» (ср. Софийскую первую, Воскресенскую, Тверскую и др.

летописи). Все эти дополнения не могут быть объяснены простым сочинительством позднейшего летописца. Целый ряд уточнений, очевидно, восходит к каким-то древним новгородским летописям.[1]

и постави сѣверъ — имеется в виду ополчение из северян. В дальнейшем Мстислав радуется тому, что его постоянное войско, дружина, осталось цело, а пострадали только варяги Ярослава и северяне (см. ниже, Мстислав говорит: «Кто сему не радъ? Се лежить сѣверянинъ, а се варягъ, а дружина своя цѣла»).

а Якунъ иде за море — в летописях, восходящих к Новгородско-Софийскому своду 30-х годов XV в., добавлено: «и тамо умре» (Софийская первая летопись, ср. Тверскую, Воскресенскую и др.).

1030 *Ярославъ Белзы взялъ* — Белз — город в Галицко-Волынской области на реке Сороках (притоке Западного Буга).

и постави градъ Юрьевъ — позднейшие летописи добавляют «свое имя». Действительно, христианское имя Ярослава было Георгий (Юрий). Юрьев, позднее Дерпт, теперь Тарту, — на западном берегу Чудского озера на реке Онбоже (Эмбах). Другой Юрьев был поставлен Ярославом на юге, на реке Роси — притоке Днепра. В поздних летописях, восходящих к Новгородско-Софийскому своду 30-х годов XV в., вслед за сообщением о походе Ярослава на чудь, читается следующее известие, очевидно древнее: «И прииде къ Новугороду, собра отъ старосты и поповыи дѣтей 300 учити книгамъ. Того же лѣта преставися архиепископъ новугородьскый Акимъ, бяше ученикъ его Ефрѣмь, иже ны учааше» (Софийская первая летопись, ср. Тверскую, Никоновскую и др.). А. А. Шахматов пишет: «Фраза „иже ны учааше" может быть отнесена насчет сводчика середины XI века. Ясно, что составитель свода вспоминает себя и своих сверстников» (*Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С. 217). Так толковали это место и предшественники А. А. Шахматова, однако «ны» могло относиться и вообще к новгородцам — не обязательно к современникам Акима («ны», нас, т. е. новгородцев), тем более что Аким назван здесь архиепископом, а архиепископию Новгород получил только при Нифонте в XII в. (см. об этом: *Лихачев Д. С.* «Софийский временник» и новгородский политический переворот 1136 года. С. 248).

В се же время умре Болеславъ Великый в Лясѣхъ, и бысть мятежь в земли Лядьскѣ: вставше людье избиша епископы, и попы, и бояры своя, и бысть в нихъ мятежь — об этом мятеже говорится и в Киево-Печерском патерике в рассказе «О преподобнѣмъ Моисии Угринѣ», где мятеж этот приводит к убийству мучившей Моисея госпожи и к его освобождению: «Богъ же сътвори отмыщение рабом своим въскорѣ. Въ едину убо нощь Болеславъ напрасно умре и бысть мятежь великъ въ всей Лядской земли, и въставше людие избиша епископы своя и боляре своя, яко же в Лѣтописци повѣдаеть. Тогда и сию жену убиша». Об этом же мятеже говорится и в Несторовом Житии Феодосия, где о нем вспоминает жена Изяслава Ярославича (дочь польского короля Мешко II): «Яко тако же бысть въ странѣ нашей; отъбѣжавъшемъ нѣкоея бѣды ради черьньцемъ, много зъла створися в земли той ихъ ради». Польский король Болеслав I умер 3 апреля 1025 г. Летописец поместил всю эту статью под 1030 г., по-видимому, потому, что отнес к этому году мятеж. Действительно, на основании польских источников известно, что в 1031 г. король Мешко должен был бежать из-за восстания. Другое восстание произошло в 1034 г., в годы малолетства польского короля Казимира. По-видимому, летописец и составитель Патерика имеют в виду восстание 1030 г. В самом деле, по данным Патерика, Моисей «5 лѣт въ пленѣ страдавъ окованъ, 6 лѣт за чистоту страдав въ страсти» (так в Берсеневском списке, в Кассиановских редакциях иначе), т. е. всего 11 лет, освободившись из Польши на двенадцатом году своего пленения. Попал же Моисей в плен, по данным Патерика, вместе с сестрами Ярослава Мудрого, в 1018 г. Таким образом, освободился Моисей из плена в результате мятежа в 1030 г. По данным второй Кассиановской редакции, Моисей вернулся в Киев в 1031 г. Почему же, однако, «Повесть временных лет» отметила именно эти события польской истории? А. А. Шахматов не без основания доказывает, что летописец пользовался как историческим источником сейчас утраченным, но еще в XIII в. хорошо известным Житием Антония, в котором, как об этом мы можем судить по Киево-Печерскому патерику (где Житие Антония было использовано), имелась и вся история Моисея Угрина (*Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С. 257 и след.).

К с. 66

Ярослав поча ставити городы по Ръси — Река Рось — правый приток Днепра на границе со степью. Летопись упоминает во второй половине XI в. следующие города в Поросьи: Юрьев (под 1095 г.), Растовец (под 1071 г.), Ятин (Неятин; под 1071 г.), Торческ (под 1093 и др. гг.). В Тверской летописи XVI в., показания которой весьма важны, так как она использовала не дошедший до нас древний список Новгородской летописи, близкий к Синодальному (но иногда более исправный), находим важное сведение о том, какие именно города поставил Ярослав: «Корсунь, Треполь».[1] Вслед за этими словами в летописях, восходящих к Новгородско-Софийскому своду 30-х годов XV в., читается: «И тогда же Улеп изыде из Новагорода на Железная врата, и опять мало их прииде» (Софийская первая летопись, ср. также другие). «Железные врата» — урочище в области Югры. Н. Барсов (Материалы для историко-географического словаря России. Варшава, 1865. С. 73) приводит к этому известию летописи следующее примечание из «Магометанской нумизматики» П. С. Савельева: «В восточной части Вологодской губ., на правом берегу р. Сысолы, в 80 в. от Усть-Сысольска близ сел. Водчи есть урочище, которое жители до сей поры называют городком (караль) и Железными воротами. Местные предания и археологические находки придают большую вероятность тождеству этих Железных ворот с Железными вратами летописи». 1032

Мьстиславъ изиде на ловы, разболѣся и умре... Посемь же перея власть его всю Ярославъ, и бысть самовластецъ Русьстѣй земли — Мстислав Владимирович умер, не оставив детей. Сын его Евстафий умер раньше — в 1033 г. (см. выше «Мьстиславичь Еустафий умре»). 1036

епископа постави Жидяту — Жидята — сокращенное имя от Жидислав. Христианское имя Жидяты было Лука. Лука Жидята (умер 15 октября 1060 или 1061 г.) — второй епископ Новгорода, преемник епископа Иоакима (и Ефрема, не удостоенного посвящения в епископский сан). Ему приписывается «Поучение к братии», дошедшее до нас в нескольких списках. За этим известием о поставлении епископа Луки Жидяты в летописях, восходящих к Новгородско-Софийскому своду 30-х годов XV в., читается: «И людемъ написа грамоту [Ярослав], рекъ: „По сѣй грамотѣ дадите дань". И бяше хромоногъ, но умомъ свершенъ, и храборъ на рати и крестьянъ, чтяше самъ книгы» (Софийская первая летопись под 542—1034 гг., ср. Воскресенскую, Никоновскую и др.).

И в се время родися Ярославу сынъ, нарекоша имя ему Вячеславъ — говоря о рождении сыновей Ярослава (под 1020, 1024, 1027, 1030 гг.), летописец обычно прибавляет «и нарече ему» такое-то имя. Вячеслав родился в отсутствие Ярослава. Вот почему летописец пишет «нарекоша».

иде же стоить нынѣ святая Софья — храм Софии Киевской заложен в 1037 г. Вряд ли эти слова могли быть написаны сразу же после закладки. По-видимому, они принадлежат летописцу второй половины XI в.[2]

въ Сѣтомли — Сетомль — речка под Киевом.

Заложи Ярославъ городъ великый у него же града суть Златая врата; заложи же и церковь святыя Софья, митрополью, и посемь церковь на Золотыхъ воротѣхъ святыя Богородица Благовѣщенье, посемь святаго Георгия манастырь и святыя Ирины — здесь говорится о строительстве Ярославом так называемого Ярославова города, расширившего Киев значительным добавлением к старому «Владимирову городу». Вот что пишет об этом Ярославовом городе Киева М. К. Каргер: «Новый город Ярослава, как известно, добавил к территории „Владимирова города" весьма значительную площадь, во много раз превышавшую площадь старого города. Архитектурной доминантой нового города должен был стать заложенный одновременно с постройкой новых городских укреплений Софийский собор... Главными воротами города, парадным городским порталом становятся южные Золотые ворота. Только эти ворота особо упомянуты в летописях и проложных сказаниях о строительной деятельности Ярослава. Только над этими воротами Ярослав соорудил Надвратный храм. Именно с этими воротами связано наибольшее количество древних киевских легенд. Именно у этих ворот устраивали киевляне не раз торжественные встречи. Именно в эти ворота стремились войти и непрошенные гости, прохождением через Золотые ворота стремившиеся подчеркнуть свою победу над Киевом. Все парадное строительство Ярослава развертывается в южной части города между Золотыми воротами и Софийским собором» 1037

(*Каргер М. К.* Резюме доклада «Архитектурный ансамбль Ярославова города в свете археологических исследований», прочитанного в Ленинградском отделении Института истории материальной культуры АН СССР 18 июня 1949 г.). Храм Софии существует в настоящее время в сильно измененном виде; от Золотых ворот сохранились лишь бережно охраняемые руины. Раскрыты раскопками остатки по крайней мере трех храмов XI в. Только одна группа остатков с большей или меньшей достоверностью может быть определена как руины Георгиевской церкви Ярослава. Руины храма, раскрытые впервые раскопками в 1833 г. на углу Владимирской и Ирининской улиц, «прочно закрепившиеся впоследствии под названием Ирининской церкви, носят это имя лишь в силу традиции» (там же). Вот почему «весь этот изумительный по великолепию и широте градостроительного замысла архитектурный комплекс Ярославова города в Киеве может быть ныне лишь предметом графических или описательных реконструкций» (там же). Само собой разумеется, что в статье 1037 г. характеризуется строительная деятельность Ярослава не одного, 1037 г., а по крайней мере 10—15 лет его княжения. Одни только работы по украшению Софии драгоценными мозаиками и фресками должны были отнять немало времени. Ясно, что в этой летописной статье дана общая характеристика всей строительной деятельности Ярослава в Киеве за все годы его княжения. Такая же общая характеристика дана здесь и его просветительной деятельности. Перед нами — «Похвала» Ярославу, во многом параллельная «Похвале» Владимиру. Отнесение этой статьи к 1037 г., несомненно, позднейшее. Она, по-видимому, составляла заключительную часть предполагаемого мною Сказания о первоначальном распространении христианства на Руси, не имевшего хронологической канвы (*Лихачев Д. С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. С. 58 и след.). Не ясно, по какому из упомянутых в этой похвале событий она отнесена к 1037 г. Существует отдельное проложное «Сказание об освящении церкви Георгия в Киеве пред вратами Св. Софии». Как видно из этого «Сказания», освящение было совершено митрополитом Иларионом, следовательно, не ранее 1051 г., когда Иларион был поставлен на митрополию. Оно упоминается уже в месяцеслове Мстиславова Евангелия 1117 г. Следовательно, его древность не подлежит сомнению. Свидетельство этого «Сказания» указывает на то, что «Похвала» Ярославу, в которой упоминается церковь Георгия, была составлена после 1051 г. и только добавлена к Сказанию о первоначальном распространении христианства. Церковь Георгия поставлена в честь «ангела» Ярослава (Ярослав носил христианское имя Георгий), церковь Ирины — в честь «ангела» жены Ярослава — Ирины.[1]

Заложи Ярослав городъ... заложи же и церковь — в летописях, восходящих к Новгородско-Софийскому своду 30-х годов XV в., слова «заложи» изменены на «свершен» и «свершена» (см. Софийскую первую летопись и др.) под влиянием того обстоятельства, что о з а к л а д к е города (городских стен) и Софии уже сообщалось в этой группе летописей под 1017 г.

И собра писцѣ многы и прекладаше от грекъ на словѣньское писмо — здесь отмечается учреждение Ярославом Мудрым при храме Софии особой переводческой школы, где переводчиками, по-видимому, были те самые русские из детей «нарочитой чади», которых Владимир приказывал набирать для обучения. Интенсивная переводческая деятельность была только одним из проявлений того большого литературного подъема, которым характеризуется княжение Ярослава Мудрого.[2] В первой половине XI в. уже велось русское летописание, составлялись блестящие ораторские произведения (назовем, например, «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона).[3]

Ярославъ же сей, яко же рекохом, любимъ бѣ книгамъ, и многы написавъ положи в святѣй Софьи церкви, юже созда самъ — ср. Патерик Киевского Печерского монастыря (СПб., 1911. С. 198—199), рассказ о монахе Григории, современнике Феодосия. Григорий умел «запрещальными молитвами» изгонять «нечестивых духов», за что «старый враг» (т. е. дьявол), «нетерпя прогонения от него», «научи злые человекы, да покрадут» Григория, а у того не оказалось «ничего крадомого, разве (т. е. кроме) книг». И вот однажды ночью пришли к его келии «тати» и стали поджидать, когда он уйдет к утренней службе. Григорий же, заметив их, попросил Бога послать им сон, а когда они, проспав 5 суток, оголодали так, что не могли двинуться с места, Григорий накормил их и отпустил. Но о случившемся проведал киевский «властелин градскый», тати были им задержаны, и начался суд с пытками (властелин «нача мучити тати»). Григорий, огорченный, что тати попали в беду из-за него, явился к властелину, дал ему часть своих книг, а татей «отпустил». Прочие же свои книги продал,

вырученные деньги роздал убогим и объяснил: «Это, чтобы опять не впал в беду кто-нибудь, соблазнившись украсть книги». Эпизод этот имел место не позднее 1093 г. (Григорий был принят в монастырь при жизни Феодосия, т. е. до 1074 г.; погиб Григорий, утопленный в Днепре по приказанию князя Ростислава Всеволодовича, который сразу после этого сам утонул при переправе через Стугну в 1093 г.). Таким образом, прошло менее 40 лет после смерти Ярослава Мудрого (1054), как книги, при нем составлявшие достояние княжого двора, откуда они распределялись по отдельным церквам, стали товаром, обращающимся на свободном рынке, и потому легко реализуемым предметом кражи из собраний частных лиц, причем не только церковников, но и светских феодалов (у киевского властелина тати могли быть откуплены именно книгами). (*Комментарий Б. А. Романова*).

К с. 67

Ярославъ иде на ятвягы — в летописях, восходящих к Новгородско-Софийскому своду 1038
30-х годов XV в., это известие читается с бо́льшими подробностями: «Идѣ вѣснѣ велики князь Ярославъ къ Киеву, а на зиму ходи на яхвягы, и не можааху ихъ взяти». Ятвяги — одно из западнобалтских племен.[1]

Священа бысть церкы святыя Богородиця, юже созда Володимеръ, отець Ярославль, 1039
митрополитомь Феопемптомъ — здесь очевидная ошибка летописца: церковь Богородицы (Десятинная) была освящена за 43 года до того (см. летописную статью 989 г.). По-видимому, речь идет об освящении Софии Киевской, заложенной в 1037 г. (см. выше). Освящение Софии совпало с установлением русской митрополии с первым митрополитом-греком Феопемптом во главе, подчиненным константинопольскому патриархату. София (а не Десятинная церковь Богородицы) и впоследствии была митрополичьим храмом («митропольей»). В Прологах освящение Софии Киевской относится к 4 ноября, в Новгородской третьей летописи — к 27 ноября.[2]

и вда ему вои многы — в летописях, восходящих к Новгородско-Софийскому своду 30-х 1043
годов XV в., поход Владимира на Византию изложен с бо́льшими подробностями. В частности, к словам «вои многы» добавлено «варязи. Русь» (Софийская первая летопись и др.). См. об этом также ниже.

а воеводьство поручи Вышатѣ, отцю Яневу — несколько ниже оказывается, однако, что воеводой был не Вышата, а Иван Творимирич: «...и взя князя в корабль Иван Творимиричь, воевода Ярославль». По-видимому, в летописном повествовании о походе Владимира Ярославича на Византию слиты два источника: рассказ предшествующей летописи, где воеводой выступал Иван Творимирич, и устный рассказ Яна Вышатича (от которого летописец позаимствовал не одно сведение: *Лихачев Д. С.* Устные летописи в составе «Повести временных лет»), где главным действующим лицом являлся отец Яна — Вышата (см. определение Вышаты как отца Яна: следовательно, Ян был лучше известен летописцу, чем Вышата; о Яне же летописец сказал под 1106 г.: «...от него же и азъ многа словеса слышах, еже и вписах в лѣтописаньи семь, от него же слышах»).

и придоша в Дунай, и поидоша к Цесарюграду. И бысть буря велика — представляется неясным, почему «Повесть временных лет» отметила промежуточный этап похода — Дунай, не сообщив об остановке там никаких сведений. Однако в летописях, восходящих к Новгородско-Софийскому своду 30-х годов XV в., рассказ о походе Владимира читается с древними подробностями, которые в «Повести временных лет», очевидно, были сокращены. Подробности эти объясняют, почему в «Повести временных лет» упомянут Дунай: «И поиде Владимеръ на Царьградъ лодиямъ. И прошедше порогы, и приидоша къ Дунаю, рекоша Русь Владимеру: „Станемъ здѣ на полѣ"; а варязи ркоша: „Поидемъ подъ городъ". И послуша Владимеръ варягъ и отъ Дуная поиде къ Царюграду с вои по морю. Греци же, видѣвше, изыдоша на море и начаша погружати въ морѣ пелены Христовы с мощьми святых. И Божиим гнѣвомъ възмутися море и громъ бысть великъ и силенъ. И бысть буря велика и начашася лодии разбивати. И разби карабли, и побѣгоша варязи въспять» (Софийская первая летопись, Эрмитажный список свода 1479 г. и др.). По-видимому, рассказ этот восходит к предшествовавшему «Повести временных лет» Начальному своду. В этом рассказе замечательно противопоставление Руси варягам (при этом вина за поражение возложена на варягов). Это противопоставление чрезвычайно важно для определения древнейшего значения слова «Русь»

(почему-то оно не принималось во внимание всеми писавшими по этому вопросу), так как оно указывает, что в Начальном своде варяги не назывались Русью и Русь варягами. Иное изложение похода Владимира в «Повести временных лет» сравнительно с Начальным сводом, очевидно, объясняется желанием автора «Повести временных лет» убрать это противопоставление Руси варягам, противоречившее ее концепции происхождения Руси от варягов (см. с. 400—404). Иное толкование у А. А. Шахматова (Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С. 226 и след.).[1]

Прочии же вои Володимери выверзени быша на брегъ, числомь 6000 — в летописях, восходящих к Новгородско-Софийскому своду 30-х годов XV в., добавлено: «сташа на брезѣ нази». Ниже же после слов «и не идяше с ними никто же от дружины княжее» добавлено: «Вышата же воевода, видѣвъ дружину свою стоящу, и рече: „Не иду къ Ярославу"» (Софийская первая летопись и др.), а затем, как в «Повести временных лет»: «И высѣде ис корабля...».

и възвратися в Русь, всѣдъше в кораблѣ своѣ — здесь в летописном рассказе явная неувязка, получившаяся в результате слияния двух источников: рассказа предшествующей летописи и устного рассказа Яна Вышатича (об этом см. выше). С одной стороны, выброшенные на берег воины Владимира сели в корабли и вернулись на Русь, но, с другой стороны, дальше оказывается, что «изверженные на берег» не были подобраны Владимиром и их захватили в плен греки: «Вышату же яша съ извержеными на брегъ, и приведоша ѧ̀ Цесарюграду, и слѣпиша Руси много». По-видимому, в рассказе предшествующей летописи говорилось о том, что русские корабли разбила буря, что часть дружины была выкинута на берег, что оставшиеся корабли Владимира разбили в морском бою погоню греков и, подобрав выброшенных на берег, вернулись на Русь. В рассказе же Яна говорилось о том, что с выкинутыми на берег дружинниками, решившими пробиваться на Русь, никто не хотел идти, вызвался только один Янев отец Вышата. Вышата произнес при этом героическую фразу: «Аще живъ буду, то с ними, аще погыну, то с дружиною». Греки захватили «изверженных» русских, поступив при этом так, как поступали обычно с бунтовщиками: их ослепили. Возможно, ослепленный, Вышата пробыл в плену три года и был отпущен к Ярославу.

Вышату же яша съ извержеными на брегъ, и приведоша ѧ̀ Цесарюграду, и слѣпиша Руси много — в Никоновской летописи сказано: «...и ослѣпиша е г о (т. е. Вышату. — *Д. Л.*) и Руси много». Мы видим впоследствии Вышату как человека, близкого к летописцу Никону. Последний почерпнул от Вышаты много сведений. Как явствует и из истории Василька Теребовльского (см. в «Повести временных лет» под 1097 г.), слепота уже в древней Руси не служила непреодолимым препятствием к политической деятельности.

В си же времена вдасть Ярославъ сестру свою за Казимира, и вдасть Казимиръ за вѣно людий 8 сотъ, яже бѣ полонилъ Болеславъ, победив Ярослава — в летописях, восходящих к Новгородско-Софийскому своду 30-х годов XV в., дальше следует сообщение о походе Ярослава на мазовшан, который поставлен в непосредственную связь с женитьбой Казимира на сестре Ярослава: «Тое же осени дасть великый князь Ярославъ сестру свою за Казимера. И в та лѣта обидяаше Моиславъ Казимира. И ходи Ярославъ двожды на мазившаны и лодияхъ, и рече Казимиру: „Ели отецъ твой Болеславъ побѣдивъ мене и полонихъ люди моя за ся, то дай ми за вѣно". И собра Казимиръ людий его Руси полоненыхъ 800 кромѣ женъ и дѣтей и вда за вено Ярославу, шурину своему. Се же Казимеръ вдасть сестру свою за Изяслава, сына Ярославля» (Софийская первая летопись, ср. Новгородскую четвертую и др.). Между тем в «Повести временных лет» поход Ярослава на мазовшан помещен под 1047 г. без всякой связи его с женитьбой Казимира. Однако связь эта кажется несомненной: родственный союз вызвал поход Ярослава в помощь Казимиру на Моислава Мазовецкого, и, наоборот, крупное вено, данное Казимиром Ярославу, — 800 пленных, не считая женщин и детей (согласно Эрмитажному списку свода 1479 г., пленников — «50 сот, кроме женъ и детей»), — было обусловлено помощью Ярослава. Известие о походе Ярослава на мазовшан читается в летописях, восходящих к Новгородско-Софийскому своду 30-х годов XV в., также и под 1047 г. (там же, где и в «Повести временных лет»), но с указанием «третие» (т. е. в третий раз). Это «третие» стоит, очевидно, в связи с отметкой в тех же летописях о походе 1043 г. на мазовшан: «И ходи Ярославъ д в о ж д ы на мазовшаны в лодиях». Вряд ли, однако, здесь имеется в виду, что Ярослав в одном и том же, 1043 г.,

совершил два похода на мазовшан. Скорее всего, здесь первоначально стояла цифра «2», означавшая, что Ярослав в 1043 г. ходил на мазовшан «второе» (вторично). Действительно, первый раз он ходил на мазовшан в 1041 г. (см. текст, с. 67). Сколько же раз ходил Ярослав на мазовшан и в какие годы? Поход 1041 г. не вызывает сомнения. Второй поход был осуществлен в качестве родственной помощи Казимиру. Составитель Начального свода поэтому и поместил его сразу за известием о женитьбе Казимира на сестре Ярослава и рассказал обо всем этом под одним (1043) годом, не считаясь с действительной датой похода. Отсюда, из Начального свода, известие это в таком виде проникло в новгородские летописи, пользовавшиеся этим Начальным сводом. Составитель «Повести временных лет», заметив, однако, что поход был совершен не в 1043, а в 1047 г., перенес известие о походе Ярослава под этот 1047 г. Новгородские же летописи использовали в своем составе не только Начальный свод, но и «Повесть временных лет». Отсюда у них получилось так, что об одном и том же походе Ярослава в них рассказано дважды: один раз под 1043 г. (по Начальному своду) и второй раз под 1047 г. (по «Повести временных лет»). Так получилось у них три похода Ярослава на мазовшан. Простая ошибка при передаче цифры «2» словом («двожды» вместо «второе») создала в новгородских летописях еще один поход. Итак, походов было два: в 1041 г и в 1047 г., а не три и не четыре (несколько иначе в «Разысканиях о древнейших русских летописных сводах», с. 282).[1] Отметим ошибку в цитированных нами выше словах Ярослава к Казимиру в новгородских летописях: «Ели отець твой Болеслав победив мене»: Болеслав приходился Казимиру не отцом, а дедом. Имя сестры Ярослава, вышедшей замуж за Казимира, известно из польских источников: Мария-Добронега.[2]

В лѣто 6552 — в летописях, восходящих к Новгородско-Софийскому своду 30-х годов XV в., читается следующее известие: «Ходи Ярославъ на Литву, а на весну заложи Новъгородъ и сдѣла и҆» (Софийская первая летопись и др.). В Новгородской третьей летописи разъяснено: «на Софийской сторонѣ каменный городъ».[3] 1044

Выгребоша 2 князя, Ярополка и Ольга, сына Святославля — комментарий к этому месту см. выше, с. 448.

въ церкви святыя Богородица — имеется в виду Десятинная церковь Богородицы в Киеве. Однако во многих поздних летописях (Софийской первой, Воскресенской, Никоновской и мн. др.) после слов «въ церкви святыя Богородица» ошибочно добавлено «въ Володимерѣ» (имеется в виду Владимир Залесский), а в Никоновской к словам «въ Володимерѣ» присоединено и еще следующее разъяснение: «юже бѣ самъ создалъ благовѣрный князь Владимеръ, крестивый всю землю Русскую». Нельзя не видеть здесь в поздних летописях отражения идеологии правительственных кругов Москвы XV—XVI вв., стремившихся подчеркнуть значение города Владимира и его патрональной святыни — Успенского собора (на самом деле построенного Андреем Боголюбским в 1158—1161 гг.).

К с. 68

еже носить Всеславъ и до сего дне на собѣ — слова эти написаны до 1101 г., когда Всеслав умер. Однако запись эта составлена, как видно, не сразу после 1044 г. Относительно поздний характер этой записи виден и из данного здесь же определения Брячислава Изяславича, как «отець Всеславль».

Заложи Володимеръ святую Софью Новѣгородѣ — в Синодальном списке Новгородской первой летописи находим более подробные сведения об этой закладке: «Съгорѣ святая София, въ суботу, по заутрьнии, въ час 3, месяця марта въ 15. Въ то же лѣто заложена бысть святая София Новѣгородѣ Володимиромь князѣмь». Таким образом, по Синодальному списку выходит, что Владимир Ярославич заложил каменную Софию после того, как сгорела деревянная. На самом деле, как это явствует из Софийской первой летописи и Новгородской четвертой, деревянная София сгорела четыре года спустя после закладки каменной Софии — в 1049 г. 4 марта. Стояла же она в другом месте новгородского Детинца — там, где впоследствии, в 1167 г., Сотко Сытиныч заложил церковь Бориса и Глеба (см. Софийскую первую и Новгородскую четвертую под 1049 и 1167 гг.). Ошибка Синодального списка 1045

явствует, между прочим, из того, что 15 марта в 1045 г. не приходилось на субботу. Составитель этой статьи Синодального списка исходил в своем предположении из обычной практики своего времени: закладывать каменные храмы на месте сгоревших деревянных. Известие Софийской первой летописи и Новгородской четвертой более точно: в 1049 г. 4 марта действительно приходилось на субботу.[1]

1047 *Ярославъ иде на мазовшаны, и побѣди я̀* — об этом походе см. в комментариях выше, с. 484.

1049 *В лѣто 6557* — под этим годом в летописях, восходящих к Новгородско-Софийскому своду 30-х годов XV в., помещено следующее известие: «Мѣсяця марта въ 4, въ день суботный, сгорѣ церкви святая София. Бяше же честно устроенна и украшена, 13 верхъ имуща, а стояла конець Пискупли улици, надъ Волховомъ, идеже нынѣ постави Сотко церковь каменну святого Бориса и Глѣба» (Софийская первая летопись и др.). В Синодальном списке Новгородской первой летописи известие о пожаре деревянной Софии иное и помещено под 6553 г. (см. выше).

1050 *В лѣто 6558* — в Синодальном списке Новгородской первой летописи под этим годом читается следующее известие. «Родися Святопълкъ» (Святополк Изяславич). В Новгородской первой летописи младшего извода под этим же годом говорится об освящении церкви Софии Новгородской: «Свершена бысть святая Софѣа в Новѣгородѣ, повелѣниемь князя Ярослава и сына его Володимира и архиепископа Луки». В Софийской первой и других летописях, восходящих к Новгородско-Софийскому своду 30-х годов XV в., уточнена дата освящения: «на Въздвижение честнаго креста», т. е. 14 сентября.

Преставися жена Ярославля княгыни — речь идет о жене Ярослава Владимировича — Ирине-Ингигерд, дочери шведского короля Олава. Ингигерд — одно из главных действующих лиц Эймундовой саги, повествующей о норманнах при дворе Ярослава.[2] Умерла Ирина в Новгороде (ср. в Новгородской первой летописи под 1439 г. известие о гробе Ирины в Софии Новгородской: «Того же лѣта архиепископъ Еуфимий позлати гробъ князя Володимера, внука великаго Володимера, и подписа; тако же и матери его гробъ подписа, и покровъ положи, и память имъ устави творити на всякое лѣто мѣсяца октября въ 4»). В летописях, восходящих к Новгородско-Софийскому своду 30-х годов XV в., уточнена дата смерти Ирины — 10 февраля (в Софийской первой, Воскресенской, Тверской, Никоновской и др.; в некоторых списках Софийской первой — 14 февраля; в Ипатьевскую летопись дата «10 февраля» проникла, по-видимому, позднее).

1051 *Постави Ярославъ Лариона митрополитомь русина въ святѣй Софьи, собравъ епископы* — обычно русские митрополиты до XV в. получали поставление в Константинополе, от константинопольского патриарха. Ярослав Мудрый, борясь за полную независимость русской церкви от Византии, поставил митрополитом Илариона, нарушив установления византийской церкви, санкционировав свое избрание только на соборе русских епископов. Второй подобный случай был только XII в., когда аналогичным способом был поставлен в русские митрополиты Климент Смолятич. Никоновская летопись следующим образом объясняет действия Ярослава: «Ярославу, сыну Владимерову, внуку Святославлю, съ греки брани и нестроения быша, и сице Ярославъ съ епископы своими русскими съвѣщавше, умыслиша по священному правилу и уставу апостольскому сице: правило святых апостолъ 1-е: два или трие епископы да поставляють единаго епископа, и по сему священному правилу и уставу божественыхъ апостолъ съшедшеся русстии епископи поставиша Илариона, русина, митрополита Киеву и всей Русской землѣ, не отлучающеся отъ православныхъ патриархъ и благочестиа греческаго закона, ни гордящеся отъ нихъ поставлятися, но съблюдающеся отъ вражды и лукавъства, яко же бѣша тогда». Выбор Ярослава, павший на Илариона, был не случаен. Это был прежде всего русский («русин», тогда как константинопольские патриархи стремились ставить на русскую митрополию своих же греков), талантливый проповедник, выступивший в своем знаменитом «Слове о законе и благодати» с горячей проповедью равноправности русского народа и русской церкви.[3]

Берестовое — княжеское село близ Киева у Киево-Печерского монастыря.

кдѣ нынѣ ветхый манастырь Печерьскый — ср. также ниже: «...яже суть и до сего дне в печерѣ подъ ветхымь манастыремь»; «...и ископа печеру, яже есть подъ новымъ манастырем». Эти слова могли быть написаны не ранее 1073—1074 гг., когда, по данным Жития Феодосия, был построен новый монастырь.

бѣ нѣкый человѣкъ, именемь мирьскымь — здесь очевиден пропуск мирского имени Антония. А. А. Шахматов предполагает здесь разноречие источников (первоначального рассказа и Жития Антония), следствием чего и явился пропуск: так летописец поступает и в других случаях, когда у него нет данных предпочесть один из своих источников (*Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С. 269). Летописец Переяславля Суздальского (М., 1851. С. 45) называет мирское имя Антония — Антипа. Однако точность этого указания сомнительна.

от града Любча — Любеч — город на Днепре недалеко от Чернигова, на пути из «Варяг в Греки».

в Святую Гору — на Афон. Афон — крупный центр византийского монашества в южной Македонии. Афонские монастыри занимают восточный мыс Халкидонского полуострова. Точно время основания афонского монашества неизвестно. Древнейшие сведения об афонских монастырях относятся к концу VII в. Важно отметить, что уже в первой половине XI в. русские имели на Афоне свой монастырь (монастырь Ксилурга, т. е. «древодела», или иначе монастырь Русского) с Успенской церковью. Монастырь этот уже хорошо известен в 30-х годах XI в., однако он существовал и раньше, что видно из подписи под одним актом святогорского протата, датированной февралем 1016 г.: «Герасим монах, божьей милостью пресвитер и игумен обители Русского, свидетельствуя подписал собственноручно» (Actes de Lavra / Ed. par G. Rouillard, P. Gollomp. Paris, 1937. T. 1. № 18. P. 51—52). Особенно много русских монахов собралось на Афоне в царствование императора Алексея I Комнина (ум. в 1118 г.). С 1169 г. русские на Афоне получили в свои руки крупный Пантелеймоновский монастырь (см. подробнее: *Мошин Б.* Русские на Афоне // Byzantinoslavica. Praha, 1947. T. 9. N 1). Имеется догадка, что местом пострижения Антония был Иверский грузинский монастырь (*Карион.* Культурная роль Иверии в истории Руси. Тифлис, 1910. С. 83—95).

И приде на холмъ, идѣже бѣ Ларионъ ископалъ печерку, и възлюби мѣсто се, и вселися в не — согласно Киево-Печерскому патерику, Антоний поселился не в пещере Илариона, а в варяжской пещере: «и обре печеру, и въселися в ню, юже беша ископали варязи» (см. вторую Кассиановскую редакцию Киево-Печерского патерика, а в нем «Нестора мниха обители монастыря Печерьскаго, сказание что ради прозвася Печерьскый манастырь»). В другом месте Киево-Печерского патерика («о преподобных отець Федорѣ и Василии») говорится о том, что варяжская пещера служила складом для варягов: «Въ Житии святаго Антониа повѣдаеть, Варяжскый поклажей есть, понеже съсуди латиньстии суть, и сего ради Варяжьскаа печера зоветься и донынѣ». О варяжской пещере см.: *Малышевский И.* Варяги в начальной истории христианства в Киеве. Киев, 1887. С. 24—25.

К с. 69

И постави имъ игуменомь Варлама, а самъ иде в гору, и ископа печеру, яже есть подъ новымь манастырем, в ней же сконча животъ свой, живъ в добродѣтели, не выходя ис печеры лѣт 40 — Антоний умер в 1072 или 1073 г. Следовательно, выходит, что Антоний «ископа печеру» в 1032 или 1033 г. Однако это противоречит следующему факту: Антоний поставил первого игумена Варлаама, как рассказывает Житие Феодосия, написанное Нестором, в княжение Изяслава Ярославича, следовательно, после 1054 г.; ср. выше в летописи также: «Изяславъ же, увѣдѣвъ житье его (Антония), приде с дружиною своею, прося у него благословенья и молитвы». Согласно Киево-Печерскому патерику, выходит, что Киево-Печерский монастырь основан при Ярославе Мудром. Попытку разобраться в сложных разноречиях источников см. у А. А. Шахматова (Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С. 257 и след., особенно с. 269—275).

Игуменъ же и братья заложиша церковь велику — Житие Феодосия, написанное Нестором, относит построение Успенского собора Киево-Печерского монастыря к 6570 (1062) г. и приписывает его построение не игумену Варлааму, как в летописи, а Феодосию: «Тъгда сей великий Феодосий обрѣтъ мѣсто чисто, недалече от печеры суще, и разумѣвъ, яко довъльно есть на възгражение манастыря... въ мало время възгради цьркъвь на мѣстѣ томъ въ имя святыя и преславьныя Богородица и приснодѣвица Мария, и оградивъ ѝ, поставивъ келиѣ мнози, и тъгда преселися с братиею на мѣсто то въ лѣто 6570». Успенский

собор Киево-Печерского монастыря до своего разрушения во время Великой Отечественной войны был одним из наиболее замечательных памятников киевского зодчества XI в. По образцу Великой Лаврской церкви (Успенского собора) строились другие успенские храмы в городах и монастырях Руси.[1]

Изяславъ же постави манастырь святаго Дмитрия — где находился монастырь святого Дмитрия, выстроенный Изяславом, в точности неизвестно, однако в последнее время высказаны предположения, что известная до недавнего времени как собор Михайловского Златоверхого монастыря в Киеве постройка на самом деле является собором Дмитрия, построенным Изяславом.[2]

и обрѣтеся тогда Михаилъ чернець — в Киево-Печерском патерике указано другое имя этого чернеца: «Ефрем», и события изложены иначе: «По сих же посла единаго от братиа блаженный в Костянтинь град къ Ефрѣму Скопцю, да весь устав Студийскаго манастыря принесеть, исписавь. Он же повеление преподобнаго отца нашего абие сътворь, и весь уставь монастырьскый исписавь, посла к нему. И его же приим отець нашь Феодосие, повелѣ почести пред братиею, и оттолѣ начатъ въ своем монастыри вся творити по уставу сватыа обители Студийскыя, якоже и донынѣ есть учеником его сице съврьшающим» (Киево-Печерский патерик. С. 39).

манастыря Студийскаго — Студийский монастырь в Константинополе получил свое название от Студия консула, устроившего его в середине V в. Монастырь этот был известен своим уставом, составленным его настоятелем в 798—826 гг. Феодором Студитом и полузабытым в XI в., когда строгость монашества в Византии серьезно пала. В отказе от принятых в Византии уставов и в поисках строгого монашеского устава заметно осуждение киево-печерскими монахами современного им состояния греческого монашества. Е. Е. Голубинский указал при этом на то, что Феодосием был введен Студийский устав в особо строгой редакции патриарха Алексея, составленной кроме студийских записей еще на основании правил древних основоположников монашества (*Голубинский Е. Е.* История русской церкви. М., 1904. Т. 1, 2-я пол. тома: Период первый, Киевский, или Домонгольский. С. 607—627).

К с. 70

к нему же и азъ придохъ худый и недостойный рабъ, и приятъ мя лѣт ми сущю 17 от роженья моего — по-видимому, эти слова от первого лица принадлежат автору сказания «Чего ради прозвася Печерьскый манастырь». Они должны быть сопоставлены со схожим местом Киево-Печерского патерика, в котором значится и имя автора — Нестор: «...приидох же и азъ к нему, худый и недостойный азъ рабь Несторъ, и приять мя, тогда лѣтъ ми сущу 17 от рождения моего» (Киево-Печерский патерик. С. 20).

Се же написахъ и положихъ, в кое лѣто почалъ быти манастырь, и что ради зовется Печерьскый — по свидетельству Жития Феодосия, составленного Нестором, Печерский монастырь был основан в 1062 г.: «Въ мало время възгради цьркъвь на мѣстѣ томь въ имя святыя и преславьныя Богородица и приснодѣвица Мария, и оградивъ, и постави келиѣ многы; и тъгда преселися от пещеры съ братиею на мѣсто то въ лѣто 6570, и отътолѣ Божиею благодатию въздрасте мѣсто то, и бысть манастырь славьнъ, се же и донынѣ есть Печерьскый нариченъ». Помещение настоящего сказания «Чего ради прозвася Печерьскый манастырь» под 1051 г. на первый взгляд противоречит утверждению Жития Феодосия о том, что монастырь был основан в 1062 г. Есть и другое видимое противоречие с Несторовым Житием Феодосия: Нестор утверждает, что Печерский монастырь был основан Феодосием (см. в Житии Феодосия: «...иже от святаго отьца нашего Феодосия съоставленъ бысть»), в летописном же сказании осторожно выражена мысль о том, что основателем монастыря был его предшественник Антоний: «Мнози бо манастыри от цесарь и от бояръ, и от богатьства поставлени, но не суть таци, каци суть поставлени слезами, пощеньемь, молитвою, бдѣньемь. Антоний бо не имѣ злата, ни сребра, но стяжа слезами и пощеньемь, яко же глаголахъ». На самом деле противоречие это, возможно, мнимое: летописное сказание отодвигает основание монастыря к моменту поселения Антония в пещере, потому что ищет ответа на вопрос, «чего ради прозвася Печерьскый манастырь», а Житие Феодосия под началом монастыря разумеет появление келий и появлением их при Феодосии датирует основание Печерского монастыря (в отличие от вырытия пещеры).

А о Феодосьевѣ житьи паки скажемъ — о Житии Феодосия Печерского в целом в «Повести временных лет» не говорится, но под 1074 г. рассказывается о кончине Феодосия («скажемъ же о успеньи его мало»). Возможно, что слова «паки скажем» имеют в виду именно эту статью 1074 г., в таком случае они не точны, так как статья эта охватывает не всю жизнь Феодосия, а только ее конец. Однако, возможно, что «Повесть временных лет» или предшествующие ей своды действительно содержали Житие Феодосия Печерского, которое было затем опущено кем-то из летописцев.

В лѣто 6560 — в летописях, восходящих к Новгородско-Софийскому своду 30-х годов *1052* XV в., под этим годом читаем дополнительно: «Того же лѣта начало Печерьскому монастырю отъ Антония, а въ Киевъ пришли три пѣвци: придоша изъ грекъ с роды своими» (Софийская первая летопись). Однако многие из поздних летописей помещают это известие под другими годами ввиду спорности уже в древности вопроса о том, когда возник Киево-Печерский монастырь. Так, например, в Львовской летописи известие это помещено под 1017 г., в летописи Авраамки — под 1037 г. и др. Часть летописей ставит в связь прибытие трех певцов с установлением на Руси демественного пения (составители Тверского сборника, Степенной книги и др.).

Преставися Володимеръ, сынъ Ярославль старей, Новѣгородѣ — здесь в летописях, восходящих к Новгородско-Софийскому своду 30-х годов XV в., читается следующее уточнение: «мѣсяца октября въ 4 день, в недѣлю» (Софийская первая летопись, Новгородская четвертая и др.). В мартовском 1052 г. 4 октября действительно приходилось на «недѣлю» (воскресенье). То же известие, но без добавления «в недѣлю», читается и в Синодальном списке Новгородской первой летописи.

У Всеволода родися сынъ, и нарече имя ему Володимеръ, от царицѣ грькынѣ — *1053* Всеволод Ярославич был женат на принцессе из дома Константина Мономаха.[1] Родившийся у них в 1053 г. сын Владимир был прозван по матери Мономахом. Византийские императоры высоко ставили свое родство и обычно не роднились с западноевропейскими владетельными домами. Между тем с русскими князьями их брачные союзы нередки. Дочь Владимира (Володаря) Ростиславича была замужем за сыном императора Алексея Комнина. Мономаховна Марица (или Мария) была замужем за Львом Лже-Диогеном, сын ее Василько Леонович (Маричич) погиб на Руси в 1136 г. Ирина (или Евпраксия), дочь Мстислава Владимировича (сына Мономаха), вышла замуж в 1122 г. за византийского принца; также — в 1193 г. Евфимия Глебовна, внучка Святослава Всеволодовича Киевского. Из «Повести о разорении Рязани Батыем» известно, что жена незначительного заразского князя Феодора Евпраксия была из византийского императорского дома, и т. д.[2]

Преставися великый князь русьскый Ярославъ — Прологи относят кончину Ярослава к 20 февраля.

великый князь русьскый Ярославъ — не является ли титулование Ярослава «великим князем» дополнением позднейшего переписчика? Ипатьевская летопись опускает эпитет «великий». Зато Ипатьевская летопись называет Владимира Мономаха «великим князем всея Руси». Этот титул «всея Руси» — уже явная вставка переписчика. Так стали титуловаться великие князья только в XIV в. (*Дьяконов М. А.* Кто был первый князь «всея Руси»? // Библиограф. 1889. № 1). Великим князем поименован также в Ипатьевском списке Владимир Святославич под 1015 г., однако А. А. Шахматов предполагает здесь позднейшую вставку (*Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С. 401).[3]

И еще бо живущю ему (Ярославу), наряди сыны своя, рекъ имъ — из слов «рекъ имъ» явствует, что Ярослав дал свой ряд сыновьям не в письменном виде, а в устном. Действительно, весь последующий текст завещания приводится в настолько общих выражениях, что нет оснований предполагать в руках у летописца какие-либо письменные материалы, например копию с завещания. Летописец передал лишь самое общее содержание «ряда» Ярослава. Исследователи давно обратили внимание на связь статьи 1054 г. с летописной статьей 1073 г., где рассказывается о распре между сыновьями Ярослава (*Шляков Н. В.* 850 лет со дня кончины вел. кн. Ярослава I Мудрого. СПб., 1907 (отд. оттиск из ЖМНП)). Летописец дважды ссылается в описании вражды Ярославичей на нарушение заповеди Ярослава. Возможно, заповедь Ярослава помещена под 1054 г. в назидательных целях, чем, впрочем, не подвергается сомнению правдивость передачи летописцем наставлений Ярослава.

О ряде Ярослава см.: *Пресняков А. Е.* Княжое право в древней Руси: Очерки по истории X—XII столетий. СПб., 1909. С. 34—42.

Се же поручаю в собе мѣсто столъ старѣйшему сыну моему и брату вашему Изяславу Кыевъ; сего послушасте, якоже послушасте мене, да той вы будеть в мене мѣсто — в этих словах Ярослава — попытка сохранить начало старейшинства при наличии раздела владений между членами княжеской семьи. Эта попытка опиралась не только на начала семейного согласия и семейного послушания, но подкреплялась и тем, что в руки старшего сына отдавался киевский стол, признанный центр Русской земли.

Се же поручаю ...Изяславу Кыевъ ... а Святославу даю Черниговъ, а Всеволоду Переяславль — в более полном виде о разделе русских городов между этими тремя сыновьями Ярослава читается под 989 г. в Новгородской первой летописи в перечне русских князей: «И раздѣлиша землю, и взя болший Изяславъ Кыевъ и Новъгород и иныи городы многы киевьскыя во предѣлех; а Святославъ Черниговъ и всю страну въсточную и до Мурома; а Всеволод Переяславль, Ростовъ, Суздаль, Бѣлоозеро, Поволжье». В этом перечне несомненно отразились сведения из предшествовавшего «Повести временных лет» Начального свода. В «Повести временных лет» часть городов из «ряда» Ярослава была убрана как не соответствовавшая разделу вотчинных городов на Любечском съезде. Убраны были в первую очередь Новгород и северо-восточные города.

а Игорю Володимерь — А. А. Шахматов считает, что пропуск слов «а Игорю Володимерь» в основных списках «Повести временных лет» не случаен: «Скорее всего, он сделан в угоду политике Святополка, удержавшаго Володимерь для себя, посадившего в нем сына Ярослава и опасавшегося притязаний на Володимерь со стороны Давыда Игоревича; последние основывались, конечно, на завещании Ярослава» (Повесть временных лет. Т. 1: Вводная часть. Текст. Примечания // Летопись занятий Археографической комиссии. Пгр., 1917. Вып. 29. С. XXV). Напомним, что со Святополком Изяславичем связывается А. А. Шахматовым составление первой редакции «Повести временных лет». Слова «а Игорю Володимерь» сохранились в летописях, восходящих к Новгородско-Софийскому своду 30-х годов XV в., использовавшему в своем составе предшествовавший «Повести временных лет» Начальный свод. В частности, они сохранились в Московско-Академическом списке, испытавшем на себе влияние Софийской первой летописи.

Изяславу тогда сущю... — такое чтение — в Лаврентьевской, Радзивиловской и в Новгородской первой летописях. Однако в Ипатьевской летописи и Хлебниковском списке пропуск места, где сидел Изяслав, восполнен: «Изяславу тогда в Туровѣ князящю». Иное чтение находим в поздних новгородских летописях: «Изяславу сущю тогда въ Новѣгородѣ» (ср. Софийскую первую летопись и др.).

в суботу 1 поста святаго Феодора — первая неделя Великого поста называлась Федоровой. Ипатьевская летопись и Комиссионный список Новгородской первой летописи уточняют дату смерти Ярослава: Ипатьевская — 20 февраля, Комиссионный — месяца февраля.

Всеволодъ же спрята тѣло отца своего възложьше на сани везоша ѝ Кыеву — перевезение покойного на санях — часть древнерусского погребального обычая. На санях хоронили Владимира Святославича (1015), Бориса и Глеба (1015), Святополка-Михаила (1113) и многих других князей.

положиша ѝ в рацѣ мороморянѣ, в церкви святое Софьѣ — мраморный саркофаг, в котором похоронили Ярослава, до сих пор стоит в Софии Киевской.[1]

Пришедъ Изяславъ сѣде Кыевѣ — в летописях, восходящих к Новгородско-Софийскому своду 30-х годов XV в., к этому известию добавлено: «и посади Остромира в Новѣгородѣ. И иде Остромиръ с новгородци на чюдь. И убиша ѝ чюдь, и много паде с нимъ новогородцевъ. И пакы Изяславъ иде на чюдь и взя Осекъ Кедипивъ, сирѣчь Слънца Рука». Однако из записи в Остромировом Евангелии 1057 г. видно, что посадник Остромир был еще жив в 6564—6565 гг. Из этого следует, что известие летописи первоначально не было точно определено хронологически. Отнесение его к 1054 (6563) г. — позднейшее и ошибочное. Также, возможно, хронологически неточны и другие известия, восходящие к Новгородско-Софийскому своду 30-х годов XV в. Упоминаемый в этом известии город «Слънца Рука» находился в области эстонской чуди. В той же группе летописей читается под тем же годом и следующее известие: «Того же лѣта клевета бысть на архиепископа Луку отъ своего холопа

Дудики. И изыде из Новагорода, и иде къ Киеву, и осуди и̂ митрополитъ Ефрем, и пребысть тамо 3 лѣта» (Софийская первая летопись, ср. др.). Известие это продолжено под 1058 г.: «Того же лѣта архиепископъ Лука прия престолъ свой въ Новѣгородѣ и свою власть. Дудици же холопу устнь и носъ срѣзаша и обѣ руцѣ усѣкоша» (там же; в Новгородской четвертой затем следует текст поучения Луки Жидяты «к братии»). Любопытная прибавка к имени противника епископа Луки Дудики читается в Никоновской летописи под 6563 и 6565 гг.: «И осуди его (Луку Жидяту. — *Д. Л.*) митрополитъ Ефрѣмъ по Дудикинымъ рѣчемъ и злыхъ его друговъ Демьяна и Козмы клеветамъ» и ниже: «Холопу же Дудѣкѣ оскомины быша: урѣзаша ему носа и обѣ руцѣ отсѣкоша, и побѣжа въ нѣмцы; сице же и его лукавымъ совѣтникомъ, Козмѣ и Дамиану, достойное воздаша по злодѣанию ихъ». Известие Никоновской летописи восходит к новгородским летописям и, возможно, древнее. Козьма и Демьян — святые, покровители ремесленников. Не шла ли здесь первоначально речь о людях прихода Козьмы и Демьяна? В таком случае добавление Никоновской летописи свидетельствует о каком-то факте социального движения ремесленников против епископа. Оно было использовано митрополитом-греком, поскольку было направлено против р у с с к о г о епископа. Под тем же 1054 г. после известия о похоронах Святослава в летописях, восходящих к Новгородско-Софийскому своду 30-х годов XV в., читается дополнительно: «И по семъ разделиша Смоленскъ на три части» (Софийская первая летопись и др.). В Тверской летописи и некоторых других это известие читается под 1060 г.

к Воиню — Воинь — пограничный со степью город южнее Переяславля Русского.

В семь же лѣтѣ приходи Болушь с половьци — половцы — народ тюркского происхождения. Они были известны под именем «половцев» и «команов» в Византии, «кунов» — в Венгрии, «кипчаков» — в Грузии. Появившись в южнорусских степях, они очень быстро покорили себе печенегов и остатки торков (см. ниже, с. 492) и сделались полными хозяевами всей степи от Яика и до Дуная. Уже в XI в. мусульманские писатели называют весь этот район «Дешт-и-кипчак», т. е. Кипчакской (половецкой) степью.[1]

К с. 71

В лѣто 6564 — год 6563 пропущен и в «Повести временных лет», и в списках Комиссионном и Академическом Новгородской первой летописи. Возможно, что летописец, проставлявший даты, был введен в заблуждение заголовком «Начало княженья Изяславля Кыевѣ», мысленно отнеся его к 6563 г. *1056*

и посадиша Игоря Смолиньскѣ, из Володимеря выведше — форма 3-го лица мн. числа «посадиша» здесь вполне закономерна: речь идет о совместных действиях трех Ярославичей. *1057*

Побѣди Изяславъ голядь — голядь — неизвестный народ около Смоленска. Ср. в Ипатьевской летописи под 1147 г.: «...а ко Святославу присла Юрьи, повелѣ ему Смоленьскую волость воевати; и шедъ Святославъ и взя люди голядь, верхъ Поротве».[2] *1058*

сидѣ бо лѣт 20 и 4 — Софийская первая летопись, Никоновская, Воскресенская, псковские и многие другие прибавляют: «въ Пьсковѣ». *1059*

В лѣто 6568 — в летописях, восходящих к Новгородско-Софийскому своду 30-х годов XV в., здесь читается дополнительно следующее известие: «Преставися архиепископъ Лука (Жидята. — *Д. Л.*), идя ис Киева, на Копысѣ, мѣсяца октября 15. Того же мѣсяца преданъ бысть гробу своимъ крилосомъ, бывшу ему епископомъ лѣтъ 23» (см. Софийскую первую летопись и др.). По поводу этого последнего замечания: «бывшу ему епископомъ лѣтъ 23» составитель Тверского сборника пишет: «Се же считаетъ выкладъ лѣта, которые Лука на столѣ былъ, а тѣхъ не считаетъ, что былъ Лука три лѣта въ Киевѣ, оклеветанъ; а всѣхъ лѣтъ его, отъ поставлениа до смерти 27; то есть Жирята (вернее — Жидята, Жидислав; по своему русскому, нехристианскому имени. — *Д. Л.*). А отъ Акыма (первого новгородского епископа, предшественника Луки Жидяты. — *Д. Л.*) 3 лѣта владыки не было въ Новѣгородѣ». В Софийской первой и Новгородской первой летописях младшего извода под тем же годом сообщается о походе Изяслава на Сосол: «Того же лѣта ходи Изяславъ на Ссолы и дань даяти заповѣда 2000 гривенъ. Они же поручьшися и изгнаша данникы. На весну же пришедше, повоеваша села въ Юрьевѣ и градъ и хоромы пожьгоша и много зла створиша и до Пьскова доидоша, воююще. И идоша пьсковичи противу имъ и новгородци на сѣчю. И паде Руси 1000, а Ссолъ бес числа» (Софийская первая летопись). Сосолы — народ, живший *1060*

на запад от Чудского озера, южнее Юрьева. В перечне русских князей, читающемся в Новгородской первой летописи младшего извода под 989 г., сказано, между прочим: «Изяславъ посади сына своего Мьстислава (в Новгороде)». Очевидно, что это событие, сведений о котором в других местах летописей нет, произошло после этого 1060 г., когда Изяслав был в Новгороде.

Се слышавше торци, убояшася, пробѣгоша и до сего дне — упоминание о торках появляется в летописи вновь только под 1080 г., когда они напали на Русь, но были побеждены. Следовательно, летописец, писавший о торках, что они «пробегоша и до сего дне», работал, во всяком случае, до 1080 г. Разбитые в 1060 г. русскими князьями торки в 1064 г. переправились через Дунай, захватили Дунайскую равнину, опустошили Македонию и Фракию, а затем подступили к стенам Константинополя. Здесь, действуя золотом, греки заставили торков повернуть назад. Часть торков умерла от повальных болезней, многих греки истребили и забрали в плен. Остатки частью были поселены в Македонии, частью переправились назад за Дунай и были расселены русскими по своим городам (*Васильевский В. Г.* Византия и печенеги. Т. 1. С. 26—29).[1]

В лѣто 6569 — в летописях, восходящих к Новгородско-Софийскому своду 30-х годов XV в., под этим годом приводится следующее сведение: «Того же лѣта поставленъ бысть Новугороду архиепископъ Стефанъ» (Софийская первая летопись и др.), после чего в Тверском сборнике читается следующее не совсем ясное известие: «...а въ Новѣгородѣ лѣта того еще князь Ростиславь Владимеровичь» (очевидно, «поставлен» или «княжил»). Однако в перечне князей, читающемся в Новгородской первой летописи под 989 г., князь Ростислав как новгородский князь не значится.

Всеволодъ же изиде противу имъ, мѣсяца февраля въ 2 день — это — первая точная дата для светского события в «Повести временных лет». До 1061 г. в ней точно датированы только те события, которые имели отношение к церковной службе (даты смертей, освящения храмов и т. п., необходимые для соответствующих богослужений). С 1061 г. цепь точно датированных светских событий идет непрерывно, ясно указывая тем на современность летописного записывания событий. Весьма важно при этом отметить, что после первой точной даты 1061 г. следующие точные даты падают на события в Тмутаракани, а с 1067 г. возвращаются на Русь. По-видимому, обстоятельство это следует поставить в связь с деятельностью печерского монаха Никона, в 1062 г. отправившегося из Киева в Тмутаракань и в 1067 г. вернувшегося на Русь: в Никоне есть все основания видеть летописца (см. об этом подробнее Историко-литературный очерк в наст. изд.).

Бысть же князь ихъ Искалъ — Ипатьевская летопись дает несколько иную форму имени половецкого князя: «Сокал».

1063 *В се же лѣто Новѣгородѣ иде Волховъ вспять дний 5* — вряд ли это обратное течение Волхова придумано летописцем или теми, кто сообщал ему о новгородских событиях. В новгородских летописях говорится об обратном течении Волхова неоднократно (6634, 6881, 6884, 7033 и другие годы). Гидрографы утверждают: «При низком уровне Ильменя в засушливые годы иногда наблюдается временное обратное течение воды Волхова у Новгорода» (Северо-Запад РСФСР. М.;Л., 1949. С. 103).

1064 *Бѣжа Ростиславъ Тмутороканю* — Никоновская летопись и Тверской сборник уточняют это известие добавлением: «изъ Новагорода». С. М. Соловьев, следуя В. Н. Татищеву, считает, что Ростислав бежал с Волыни. М. С. Грушевский полагает, что Ростислав бежал из Червенских городов, где впоследствии получили надел его сыновья (*Грушевський М. С.* Історія України—Руси. 2-е вид. Львів, 1905. С. 46 и 363).[2]

и с нимъ бѣжа Порѣй и Вышата, сынъ Остромиръ воеводы Новгородьского — Порей — киевский воевода. Еще раз упоминается под 1078 г., когда он и несколько других знатных киевлян были убиты в битве с половцами. Вышата был воеводой Владимира Ярославича в его походе на Византию 1043 г. (см. «Повесть временных лет»). В этом походе Вышата попал в плен к грекам и, возможно ослепленный, вернулся на Русь через три года. Он и его сын Ян делились с летописцами своими воспоминаниями и рассказывали им о своих предках. Предки Яна Вышатича и Вышаты Остромирича выясняются довольно точно: Вышата был сыном новгородского посадника Остромира, посадник Остромир был сыном посадника Константина, Константин — сыном известного Добрыни, дяди Владимира Святославича, Добрыня был сыном Мстиши Свенельдича, Мстиша Свенельдич — сыном

Свенельда, воеводы Игоря. Обо всех представителях этого знатного рода летопись донесла до нас сведения, заимствованные из устных рассказов двух последних его представителей. Попытку определить эти сведения, восходящие к рассказам Вышаты и Яна, и их общую тенденцию героизации этого рода см.: *Лихачев Д. С.* Устные летописи в составе «Повести временных лет»; см. также Историко-литературный очерк в наст. изд. С. 276 и след.[1]

И пришедъ выгна Глѣба изъ Тмуторокана — с именем Глеба Святославича связывается происхождение знаменитого Тмутараканского камня с надписью: «Въ лѣто 6576 (1068. — *Д. Л.*) индикта 6 Глѣбъ князь мѣрилъ море по леду от Тьмутараканя до Кърчева (город на противоположной от Тмутаракани стороне Керченского пролива. — *Д. Л.*)— 14 000 сяжен» (камень этот хранится в Государственном Эрмитаже). Следовательно, Глеб был тмутараканским князем еще в 1068 г., но 1069 г. застает его уже в Новгороде. О Тмутараканском камне существует большая литература и большое разноречие во мнениях (*Орлов А. С.* Библиография русских надписей XI—XV вв. М.;Л., 1936).[2]

В лѣто 6573 — в Новгородской четвертой летописи под этим годом читается дополни- *1065*
тельно следующее известие, очевидно, псковского происхождения: «Князь Всеславъ Полоцкый былъ у Пьскова ратью и перси билъ порокы» (см. также об этом в некоторых псковских летописях).

В си же времена бысть знаменье на западѣ, звѣзда превелика, лучѣ имущи акы кровавы, въсходящи с вечера по заходѣ солнечнѣмь, и пребысть за 7 дний. Се же проявляше не на добро, посемь бо быша усобицѣ многы и нашествие поганыхъ на Русьскую землю — в Новгородской первой летописи появление этой кометы записано под 1066 г. По вычислениям астрономов на март и апрель 1066 г. (перигелий 27 марта) падало появление кометы Галея. Вечером она стала появляться только с 24 апреля 1066 г. Запись о ней в «Повести временных лет» под 1065 г. не означает ошибки летописца, он определяет время ее появления приблизительно: «в си же времена». Под 1065 г. летописец поместил это известие в связи с предшествующими словами: «В се же лѣто Всеславъ рать почалъ», как предзнаменование усобиц, начатых Всеславом.

Сѣтомль — река вблизи Киева.

его же позоровахомъ до вечера — примечательна здесь форма 1-го лица мн. числа («позоровахомъ», в других летописях «смотряхомъ»), возможно указывающая, что летописец был свидетелем того, что рассказывал.

Пред симь же временемь и солнце премѣнися, и не бысть свѣтло, но акы мѣсяць бысть — затмение солнца имело место в предшествующем 1064 г., что и обозначено летописцем словами «пред симь же временемь». По данным Д. О. Святского, оно было 19 апреля 1064 г., около 4 часов дня, и проходило через нынешний Санкт-Петербург и Новгородскую область на Вологду (*Святский Д. О.* Астрономические явления в русских летописях с научно-критической точки зрения. С. 102—104).

его же невѣгласи глаголють снѣдаему сущю — народные поверья о том, что солнце во время затмения пожирается темными силами, распространены у многих народов.

Се же бывають сица знаменья не на добро — все приведенные затем исторические примеры различных «знамений» имеются в Хронике Георгия Амартола и его Продолжателя, но взяты они летописцем не непосредственно из Хроники Амартола, а из русского компилятивного хронографа, типа Еллинского летописца, который включил в свой состав выдержки из Амартола и его Продолжателя (*Шахматов А. А.* «Повесть временных лет» и ее источники. С. 58—60). Летописец хорошо владел материалом всемирной истории. Выдержки из хронографа приводятся им в умелом сокращении.[3]

яко же древле, при Антиосѣ — Антиох IV Епифан — сирийский царь из династии Селевкидов (174—163 гг. до н. э.), враг евреев.

К с. 72

при Неронѣ цесари — Нерон — римский император (царствовал с 54 по 68 г.).

при Устиньянѣ цесари — Юстиниан Великий — восточно-римский император (царствовал с 527 по 565 г.).

при Маврикии цесари — Маврикий — византийский император (царствовал с 582 по 602 г.).

при Костянтинѣ иконоборци цари, сына Леонова — Константин V Копроним — византийский император (царствовал с 741 по 775 г.), сын Льва III Исавра.

расѣдшися трий поприщь — поприще — мера длины около 700 м.

1066 *послаша с лестью котопана* — котопан — от среднегреческого слова ὁ κατεπάνω — глава, руководитель, вероятно, стратиг. Почему котопан отравляет Ростислава? В. В. Мавродин, исходя из точного смысла летописного текста, предполагает, что греки были обеспокоены экспансией Ростислава в сторону Кавказа и Тавриды (см. в начале статьи 1066 г.: «Ростиславу сущю Тмуторокани и емлющю дань у касогъ и у инѣхъ странъ, сего же убоявшеся грьки»). См.: *Мавродин В. В.* Славяно-русское население нижнего Дона и северного Кавказа в X—XIV вв. // Учен. зап. Ленингр. педагогического ин-та им. А. И. Герцена. 1938. Т. 11. С. 251. Ср. также: *Насонов А. Н.* Тмуторокань в истории Восточной Европы в X в. // ИЗ. 1940. № 6. С. 96—97. А. Л. Якобсон предполагает иное. Исходя из представлений М. Д. Приселкова о заинтересованности Византии в поддержке союза трех Ярославичей — Изяслава, Святослава и Всеволода, — А. Л. Якобсон предполагает, что котопан отравил Ростислава как противника этих Ярославичей по приказу из Византии (*Якобсон А. Л.* Херсонес и Киевская Русь в XI в. // Вестн. ЛГУ. 1949. № 4. С. 109—110). Такое толкование не учитывает, однако, смысла летописного текста («сего же у б о я в ш е с я греки») и основано на гипотезе М. Д. Приселкова, которая сама нуждается в доказательствах.

Сего же котопана побиша каменьемь корсуньстии людье — большинство исследователей считают, что убийство котопана было совершено корсунянами в отместку за отравление Ростислава и при этом точас же по возвращении котопана в Корсунь. В. В. Мавродин в своей работе «Славяно-русское население нижнего Дона и северного Кавказа в X—XIV вв.» (с. 252) предполагает, что котопан был убит корсунскими «купцами, заинтересованными в торговле с Тмутараканью». Иначе смотрит на это убийство А. Л. Якобсон, правильно указавший, что в летописном тексте нельзя видеть никаких признаков того, что котопан был убит немедленно по возвращении в Корсунь и именно за то, что отравил русского князя. Вероятнее, летописец привел сведение об убийстве котопана только для того, чтобы показать «возмездие Божие» за отравление Ростислава. Однако А. Л. Якобсон в противоречии с историей летописного текста считает, что котопан был убит во время восстания корсунян 1073—1074 гг. (*Якобсон А. Л.* Херсонес и Киевская Русь в XI в. С. 110 и след.). Вся статья об убийстве Ростислава составлена одним лицом — Никоном, работавшим в пределах до 1073 г. Поэтому очевидно, что убийство котопана должно было произойти раньше.[1]

1067 *Заратися Всеславъ, сынъ Брячиславль, Полочьскѣ, и зая Новъгородъ* — в Синодальном списке Новгородской первой летописи читаем под 6574 г.: «Приде Всѣславъ и възя Новъгородъ, съ женами и съ дѣтми; и колоколы съима у святыя Софие, — о, велика бяше бѣда въ час тый! и понекадила съима». В летописях, восходящих к Новгородско-Софийскому своду 30-х годов XV в., соединены известия «Повести временных лет» и протографа Синодального списка, но дана, впрочем, и новая деталь о том, что Новгород был взят только до Неревского конца: «Въ лѣто 6575 (поправка по «Повести временных лет». — *Д. Л.*) заратися Всеславъ, сынъ Брячиславль, Полотескый и зая Новъгородъ до Неревьскаго конца и пожже и поима все у святѣй Софии: и паникадила, и колоколы и отиде» (Софийская первая летопись). По-видимому, именно о поражении новгородцев говорит перечень русских князей, читающийся в Новгородской первой летописи младшего извода под 989 г. вслед за статьей о крещении Новгорода: «Изяславъ посади сына своего Мьстислава (в Новгороде. — *Д. Л.*), и п о б ѣ д и ш а й н а Ч е р е х и (река около Пскова. — *Д. Л.*); б ѣ ж а к ъ К ы е в у, и п о в з я т ь и г о р о д а п р е с т а р а т ь». Перечень этот содержит и другие древние исторические сведения, нигде в летописях более не встречающиеся. Через два года Мстислав был уже в Киеве.[2]

ко Мѣньску — о городе Минске на Свислоче (правом притоке Березины) см.: *Тихомиров М. Н.* Древнерусские города. С. 88.[3]

к Немизѣ — Немига — название реки; древний Минск был расположен на небольшой возвышенности на правом берегу реки Свислочи, ниже впадения в нее реки Немиги.[4]

И совокупишася обои на Немизѣ... И бысть сѣча зла, и мнози падоша — «Слово о полку Игореве» так описывает битву на Немиге: «На Немизѣ снопы стелютъ головами, молотятъ чепи харалужными, на тоцѣ животъ кладутъ, вѣютъ душу отъ тѣла. Немизѣ кровави

брезѣ не бологомъ бяхуть посѣяни, посѣяни костьми рускихъ сыновъ». Бессмысленность междоусобной битвы подчеркнута здесь противопоставлением ее мирному труду.

мѣсяца иуля въ 10 день — в Ипатьевской летописи иная дата: «мѣсяца июня вь 10 день» (то же в Воскресенской и Никоновской).

на Рши — Рша, по-видимому, селение у Смоленска, но, может быть, и река.

К с. 73

В лѣто 6576 — в летописях, восходящих к Новгородско-Софийскому своду 30-х годов XV в., под этим годом дополнительно читается следующее известие: «И иде владыка Стефанъ въ Киевъ и тамо свои холопи удавиша его» (см. Софийскую первую летопись и др.). Речь идет о новгородском епископе Стефане — преемнике Луки Жидяты. *1068*

Наводить бо Богъ по гнѣву своему иноплеменьникы на землю — от этих слов и до слов «по Божью повелѣнью приемлем казнь грѣхъ ради наших» читается текст «Поучения о казнях Божиих», вставленного в летопись. Некоторыми исследователями это «Поучение» приписывалось Феодосию Печерскому, но оснований к этому недостаточно (см. об этом: *Никольский Н.* Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений (X—XI вв.). СПб., 1906. С. 170 и след.). При введении в летопись это, несомненно русское по своему происхождению, «Поучение» разорвало связное изложение летописного текста: «Грѣхъ же ради нашихъ пусти Богъ на ны поганыя, и побѣгоша руськыи князи, и побѣдиша половьци. Изяславу же со Всеволодомъ Кыеву побѣгшю...». Разорванное вставкой «Поучения» изложение летописец связал словами: «Мы же на предълежащее паки възвратимся». По-видимому, «Поучение» составлено в 1068 г. после поражения русских князей на Альте в результате вызванного этим поражением во многих слоях русского общества недовольства. Вначале оно в сильных выражениях говорит об усобной рати русских князей и о нашествии «поганых». В средней своей части оно в значительной мере берет материал из «Слова о ведре и о казнях Божиих», читающегося в русских списках Златоструя (церковная аргументация обычно повторяется в произведениях средневековой литературы). Конец «Поучения» вновь тесно соприкасается с русской действительностью.

К с. 74

Се бо не погански ли живемъ, аще усрѣсти вѣрующе? — весьма любопытные дополнения к списку тех встреч, которые суеверные люди считают дурными признаками, дает Никоновская летопись: «или инокиню, или попа, или жену», «или конь лысъ»; к словам «Повести временных лет» «то възвращается» Никоновская летопись добавляет: «то плюютъ и возвращаются назадъ».

и русальи — русалии — праздник поминовения умерших предков.

Изяслав же сего не послуша — очевидно, что Изяслав отказался вооружить киевлян, опасаясь, что оружие будет обращено против него самого.

И начаша людие говорити на воеводу на Коснячька — не ясно, почему киевляне были недовольны воеводой Коснячком. Коснячко упомянут в заголовке Правды Ярославичей как один из ее установителей.

у двора Брячиславля — Брячислава Изяславича Полоцкого.

Изяславу же сѣдящю на сѣнехъ с дружиною своею, начаша прѣтися со княземъ, стояще долѣ — сени княжеского двора представляли собой крытую галерею второго этажа, опиравшуюся на столбы. Сени были достаточно просторны, на них часто происходили пиры и совещания. См. подробнее выше, с. 453.

людье же высѣкоша Всеслава ис поруба, въ 15 день семтября, и прославиша и средѣ двора къняжа — об этом поставлении восставшими киевлянами Всеслава автор «Слова о полку Игореве» говорит в следующих выражениях: «На седьмомъ вѣцѣ Трояни (предполагаю: на последнем веке языческого бога Трояна, иначе: напоследок языческих времен. — *Д. Л.*) връже Всеславъ жребий о дѣвицю себѣ любу (попытал счастья о Киеве. — *Д. Л.*). Тъй (Всеслав. — *Д. Л.*) клюками (хитростями. — *Д. Л.*) подпръ ся о кони и скочи къ граду Кыеву и дотчеся стружиемъ злата стола киевьскаго». В «Слове», как видно из этого отрывка, приписана Всеславу активная роль в своем освобождении.

кунами и бѣлью — не ясно, что следует иметь в виду под «белью»: мелкую ли серебряную монету (как предполагают некоторые исследователи) или беличьи шкурки. Здесь, во всяком случае, следует принять во внимание показание Ипатьевской летописи, где слово «белью» заменено «скорою», т. е. мехом («и кунами и скорою»), а также аналогичное показание Новгородской первой летописи младшего извода («и кунами и скорою»). Таким образом, «куна» — это безусловно не мех, так как она меху противопоставлена, но «бель» и «скора» (мех), очевидно, отождествлялись (с. 546).

Изяслав же бѣжа в Ляхы — Изяслав Ярославич бежал в Польшу к Болеславу II. В 1069 г. (см. текст) Изяслав отправляется в поход вместе с Болеславом против Всеслава Полоцкого. Союз Изяслава с поляками рассматривался русским населением как измена русскому народу. В 1069 г. Святослав и Всеволод потребовали от Изяслава покинуть поляков как непременное условие его возвращения в Киев; они послали ему сказать: «Всеславъ ти бѣжалъ, а не води ляховъ Кыеву, противна бо ти нѣту; аще ли хощеши гнѣвъ имѣти и погубити град, то вѣсе, яко нама жаль отня стола». Изяслав «оставил» поляков, взяв их с собою только «мало», и распустил в Киеве на покорм. Результатом этого было народное возмущение: «и избиваху ляхы отай» (см. под 1069 г.). Вслед за Болеславом Изяслав обращался за помощью к императору Генриху IV (в конце 1074 г.) и к папе Григорию VII.

Посемь же половцемъ воюющим по землѣ Русьстѣ... И възвратишася с побѣдою в градъ свой Святославъ — абзац этот А. А. Шахматов без достаточно веских оснований признает вставкой из какой-то черниговской летописи XI в., нигде более в «Повести временных лет» не отразившейся (*Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С. 169).

ко Сновьску — Сновск — город в Черниговском княжестве при впадении реки Сновь в Десну, ныне Седнев. Старейший центр Северской земли (*Андрияшев А.* Нарис історії колонізації Соверської землі до початку XVI в. // Зап. іст.-філол. відділу Всеукр. АН. 1928. Кн. 20. С. 104).

К с. 75

1069 *В лѣто 6577* — в Синодальном списке Новгородской первой летописи под этим годом после известия о бегстве Всеслава к Полоцку читается следующее сообщение, отсутствующее в «Повести временных лет»: «Въ то же лѣто, осень, мѣсяца октября въ 23, на святого Якова брата Господня, въ пятничи, въ чяс 6 дни, опять приде Все... (окончание слова на нижнем углу листа оторвано. — *Д. Л.*) къ Новугороду; новгородци же поставиша пълкъ противу ихъ, у Звѣринця, на Къземли; и пособи Богъ Глѣбу князю съ новгородци. О, велика бяше сѣця вожяномъ! И паде ихъ бещисльное число; а самого князя отпустишя Бога дѣля; а на заутрие обрѣтеся крѣст честный Володимирь у святѣй Софие Новѣгородѣ, при епископѣ Федоре». Сходный текст (без некоторых уточнений) читаем и в летописях, восходящих к Новгородско-Софийскому своду 30-х годов XV в., где, однако, объяснено, что нашедшийся крест был взят Всеславом из Софии Новгородской: «...а заутра обретеся князя Владимира крестъ въ святѣй Софии на полатахъ, его же взялъ бѣ князь Всеславъ ратию въ святѣй Софии» (см. Софийскую первую летопись и др.). Заметим, что 23 октября в 1069 (мартовском) году действительно падало на пятницу.

И приде Бѣлугороду Всеславъ, и бывши нощи, утаивъся кыянъ, бѣжа из Бѣлагорода Полотьску — об этом бегстве Всеслава «Слово о полку Игоровеве» говорит в следующих выражениях: «Скочи отъ нихъ (киевлян. — *Д. Л.*) лютымъ звѣремъ въ плъночи изъ Бѣлаграда, обѣсися синѣ мъглѣ».

зажегше град свой, ступим въ Гречьску землю — по поводу этой угрозы В. В. Мавродин пишет: «Кто же собирался выселиться в Греческую землю? Смерды, ремесленники, холопы? Конечно, нет. Такая угроза могла исходить только от тех, кто с Греческой землей был связан, и связан крепко, материально, кто боялся потерять эту связь из-за неумелой политики Изяслава и неудачной его борьбы с отрезающими торговые пути в Византию половцами, а таковыми были купцы-гречники (так назывались купцы, торговавшие с Грецией. — *Д. Л.*)» (*Мавродин В. В.* Очерки истории Левобережной Украины. Л., 1940. С. 170—171).

И пришед Мьстиславъ, исѣче кияны, иже бѣша высѣкли Всеслава, числом 70 чади, а другыя слѣпиша, другыя же без вины погуби, не испытавъ — эти резкие укоризненные

слова печерского летописца должны быть сопоставлены с его сочувствием (под 1068 г.) освобождению Всеслава восставшими. Очевидно, что печерский летописец был в данном случае на стороне «кыян», расправу с которыми он так строго осудил. Вот почему вслед за возвращением Изяслава из Польши последовала его расправа и с Антонием Печерским: «В си же времена приключися прити Изяславу из ляхов, и нача гнѣватися Изяславъ на Антонья изъ Всеслава. И прилсавъ, в ночь поя Антонья Чернигову» (под 1074 г.; самые события относятся, однако, к более раннему времени). Новые серьезные разногласия Печерского монастыря с киевским князем произошли в 1073 г. при Святославе. О вражде Святослава и Феодосия Печерского см. в Киево-Печерском патерике (с. 66—69). См. Историко-литературный очерк в наст. изд.

Изяславъ же възгна торгъ на гору — по-видимому, Изяслав, боясь народных возмущений, начинавшихся обычно на торгу, перевел последний на гору — в город, где можно было легче контролировать его.

Всеславу же бѣжавшю — грамматическая конструкция дательного самостоятельного здесь явно оборвана. Возможно, что здесь читались слова «и погоре Подолие», читающиеся в Синодальном списке Новгородской первой летописи. Во всяком случае, в Синодальном списке слова эти взяты из киевской летописи, поскольку имеется в виду киевское «Подолие» (в Новгороде Подола нет). Кроме того, следует обратить внимание на то сведение, которое сообщает летопись (сходная с Тверским сборником) Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге из Толстовского собрания, № 145, где сказано «Всеславъ бѣжа въ Варяги».

В се же лѣто заложена бысть церкы святаго Михаила в монастырѣ Всеволожи — 1070 Ипатьевская летопись разъясняет: «на Выдобычи». Речь, следовательно, идет о Выдубицком монастыре. Освящена церковь была в 1088 г. (см. текст).[1]

Воеваша половци у Растовьця и у Неятина — Ростовец и Неятин — города к 1071 юго-западу от Киева.

у Голотичьска — Голотичьск — город в Полоцком княжестве.

и землямъ преступати на ина мѣста, яко стати Гречьскы земли на Руской, а Русьскѣй на Гречьской — это «пророчество» волхва следует сопоставить со словами киевлян, обращенными к Святославу и Всеволоду, на вече в 1069 г.: «зажегше град свой, ступим въ Гречьску землю». Помещая свой рассказ о «пророчестве» волхва под 1071 г., летописец определяет его время не ясно, «в си же времена», в отличие от вышеприведенного под тем же годом сведения о победе Ярополка над Всеславом, которое определено «в се же лѣто». На основании сопоставления с угрозой киевлян под 1069 г. можно думать, что «проречение» волхва произошло тогда же — в 1069 г. Не случайно восстание киевлян 1067 г., поставивших на княжеском столе князя-кудесника Всеслава Полоцкого (ср. его характеристику в «Слове о полку Игореве»), связывают отчасти с реакцией древнерусского язычества.

К с. 76

Бывши бо единою скудости в Ростовьстѣй области — последующий длинный рассказ о восстании волхвов на Белоозере, затем рассказ о посещении кудесника новгородцем и рассказ о появлении волхва в Новгороде при князе Глебе сосредоточены под 1071 г. не потому, что все они описывают события, случившиеся в 1071 г., а потому, что летописец в нравоучительных целях решил сосредоточить в одном месте все рассказы о волхвах. Он и сделал это под 1071 г., но не ясно — почему. Неопределенность времени восстания волхвов отмечена самим летописцем словами «бывши бо единою скудости...».[2] Во всех рассказах о волхвах, собранных под 1071 г., есть общая, роднящая их черта: стремление опровергнуть народную веру в якобы присущий волхвам дар высшего знания и ясновидения.

ту же нарекаста лучьшиѣ жены, глаголюща, яко си жито держить, а си медъ, а си рыбы, а си скору — восстание было направлено, следовательно, против «лучших жен», хранительниц запасов. Вот что говорит о причинах этого восстания Н. Н. Воронин: «Причины этого восстания очень близки по мотивам причинам восстания 1024 года. Как и тогда, восстание связано с Волгой, — видимо, волжская торговля особенно ускоряла расслоение общины и быстрое формирование слоя „лучших людей"; здесь, следовательно, резче обострялись социальные противоречия внутри общины. Судя по этнографическим параллелям,

„держание гобина" этой привилегированной общинной верхушкой использовалось для целей коллективного отправления культа, а в случае голода было общим страховым фондом, ослаблявшим бедствия „скудости" (*Гондатти Н. Л.* Следы языческих верований у маньзов // ИОЛЕА. Т. 46, вып. 4. С. 51). Но эти общинные запасы, видимо, стали недоступны всем общинникам: „лучшие люди" узурпировали их; они, по словам волхвов, „держат обилие", используя, вероятно, эти запасы в целях закабаления общинников. Запасы находились в ведении „лучших жен", т. е. „большух гобиньных домов" (выражение Изборника Святослава 1073 года), и потому на них и обрушивались восставшие. По представлениям волхвов, только поголовное истребление этих „лучших жен" и конфискация их „имения" вернут „гобино" снова в лоно общинной собственности и восстановят „золотой век" патриархального строя, не раздираемого муками имущественного неравенства и угнетения» (*Воронин Н. Н.* Восстание смердов в XI веке. С. 56). См. литературу о восстании: *Греков Б. Д.* Киевская Русь. С. 487—488; *Арциховский А. В.*, *Киселев С. В.* К истории восстания смердов 1071 г. // Проблемы истории материальной культуры. 1933. № 7—8; *Арциховский А. В.* Археологические данные о возникновении феодализма в Суздальско-Смоленской земле // Проблемы истории докапиталистических обществ. 1934. № 11—12; *Мавродин В. В.* К вопросу о восстании смердов // Там же. 1934. № 6; *Мартынов М. Н.* Восстание смердов на Волге и Шексне во второй половине XI века // Учен. зап. Вологодского пединститута. 1948. Т. 4.[1]

Она же в мечтѣ прорѣзавша за плечемь, вынимаста любо жито, любо рыбу — как это происходило, можно себе отчасти представить на основании того этнографического материала, который сообщает П. И. Мельников (Печерский) в статье «Очерки мордвы»: «Обряд сбора на молян (молебствия в честь мордовских богов. — *Д. Л.*) нужных для жертвоприношений припасов весьма замечателен. Этим обрядом, по нашему мнению, может быть объяснено одно непонятное до сих пор место Несторовой летописи. В деревне, куда отправляется за сбором париндяит (пивовар. — *Д. Л.*) с сопутствующим ему янбедом (выборным. — *Д. Л.*), уже заблаговременно знают о дне, в который они приедут сбирать, и женщины еще накануне делают к тому приготовления. Шьют три, четыре и более холщовых мешочка и к ним пришивают по две длинные тесемки или веревочки. В один мешок хозяйка насыпает фунт, два или более муки, смотря по тому, сколько предполагается молельщиков на предстоящем моляне, в другой кладет бурачок с медом, в третий — несколько гривен денег, в четвертый — бурачок с маслом, в пятый — бурачок с яйцами и т. д. Потом накрывает стол чистым рядном и раскладывает на нем назначенные для сборщиков мешки и мешочки... Когда янбед отворял избу, в ней горел штатол на шестке печи, перед которою стоял стол с мешками и мешочками. Перед ним становились замужние женщины семьи, задом к дверям; плечи и грудь у них по пояс были обнажены... Париндяит с янбедом, войдя в избу, останавливались у самой двери, один — держа парку, другой — жертвенный нож, и громко читали молитву Чам-Пасу, Анге-Патяй и Юртова-öзаису. Тогда старшая замужняя женщина брала обеими руками за тесемки мешок с мукой, закидывала его через голову назад на голые свои плечи и, не оглядываясь, пятилась задом к дверям. Когда таким образом она подходила к сборщикам, париндяит подставлял к спине ее священную парку (кадку. — *Д. Л.*), а янбед, взяв в одну руку мешок, другою рукой пять раз слегка колол подошедшую в обнаженные плечи и спину, читая молитву, обращенную к Анге-Патяй, а потом перерезывал тесемки; мешок падал в парку, а концы тесемок оставались в руках женщины. Она отходила к столу, не оглядываясь...» (*Мельников (Печерский) П. И.* Полное собр. соч. СПб., 1908. Т. 7. С. 451—452). В Русском Хронографе дано такое разъяснение: «вынимаше жито из-за кожи».

грѣшися Яня топором — топор нередко выступает как оружие смердов или массового ополчения (например, в битве на Липице). С другой стороны, и против смердов как Ян, так в дальнейшем и князь Глеб действуют также топорами.[2]

не иду от васъ и за лѣто — эту угрозу можно сопоставить с предписанием, которое находим в инструкции Ярослава Мудрого «вирникам» («покон вирный» в Краткой Правде Русской, ст. 42) о том, что вирник не должен задерживаться в месте суда и сбора штрафов (вир) более недели. Предписание это связано с тем, что содержание вирника и его помощников, а также спутников охраны всецело падало на местное население. (*Комментарий Б. А. Романова*).

Нама стати пред Святославомь, а ты не можеши створити ничтоже — эти настояния волхвов на том, что они подсудны лично князю, а не Яню, его слуге, обычно

сопоставляются со статьей 33 Правды Ярославичей (Правда Русская: Учебное пособие. Л., 1940. С. 15, 52), на основании которой, если кто «умучит» (т. е. будет судить и накажет) смерда «без княжа слова», тот платит 3 гривны штрафа. Рассказ «Повести» связывает эти настояния волхвов с их верой в то, что личный суд князя обеспечен им их богами, и с их уверенностью, что Ян, подвергая их пытке, действует неправомерно. («Не можеши» здесь надо понимать не как указание на физическую невозможность, потому что волхвы настаивают на своем требовании («нама стати пред Святославомь») уже после того, как Ян подверг их пытке, т. е. именно оказался в состоянии «сделать» волхвам, что ему заблагорассудилось). Ян же, со слов которого составлен весь этот рассказ, понимает «княжое слово» не как личный суд князя, а как суд полномочного княжого судьи, каким и выступает сам в рассказе. Поскольку статья 33 Правды самым своим построением выдает свою гарантийную для смердов направленность, позиция волхвов в нашем рассказе должна быть почитаема за весьма реалистическую подробность из начальной истории феодальной государственности на Руси. (*Комментарий Б. А. Романова*).

К с. 77

и поторгати брадѣ ею — выдергивание или острижение бороды считалось в древней Руси тягчайшим оскорблением. В 1174 г. Мстислав Изяславич нанес сильнейшее оскорбление Андрею Боголюбскому, повелев остричь бороду его послу Михну мечнику. «Аньдрѣй же то слышавъ от Михна, — говорит летописец, — и бысть образъ лица его попуснѣлъ; и вьзострися на рать» (Ипатьевская летопись под 1174 г.). Статья 8 Краткой Правды назначала за повреждение бороды 12 гривен: в четыре раза больше, чем за отсечение пальца.

Они же рѣша: «Мнѣ мати, другому сестра, иному роженье» — по поводу этого места М. Н. Тихомиров пишет: «Первая статья Краткой Правды устанавливает порядок мести за убитого («убьеть мужь мужа, то мьстить брату брата, или сынови отца, любо отцю сына или братучаду, любо сестрину сынови; аще не будеть кто мьстя, то 40 гривенъ за голову»). В договоре Руси с греками 945 года этот же обычай мести устанавливается в таких словах: „Аще убьеть хрестеянинъ русина, или русинъ хрестеянина, да держимъ будеть створивый убийство от ближних убьенаго да убьють и̑. Аще ли ускочить створивый убой и убѣжить, аще будеть имовитъ, да возьмуть имѣнье его ближьнии убьенаго; аще ли есть неимовитъ (створивый убийство) и ускочить же, да ищють его, дондеже обрящется; аще ли обрящется да убьенъ будеть". И в Краткой Правде и в договоре 945 года мы находим кровную месть. Но нетрудно заметить и большую разницу между Правдой и договором 945 года. Договор говорит о мести от ближних. Таким образом, перед нами еще родовые отношения. Древнейшая Правда уже ограничивает месть только ближайшими родственниками. Эта особенность древнейшей Правды была отмечена К. С. Аксаковым: „Здесь ясно означены пределы семьи, а не рода" (*Аксаков К. С.* Полн. собр. соч. Т. 1. С. 104). Таким образом, мы имеем большое отличие между постановлением древнейшей Правды и договором 945 года. Первая статья Правды носит, несомненно, черты более позднего времени по сравнению с подобной же статьей договора 945 года. Нельзя говорить и об особой архаичности первой статьи Краткой Правды. Она не была архаичной для отдельных областей Руси даже во второй половине XI века. Это доказывает случай 1071 года, когда Ян Вышатич расправился с волхвами на Белоозере. Характерен тот вопрос к пострадавшим от волхвов, который наша летопись вкладывает в уста Яна: „Ци кому вас кто родинъ убьенъ от сею?". Пострадавшие отвечают: „Мнѣ мати, другому сестра, иному роженье". Это как раз круг людей, близких к убитому, по Краткой Правде: отец (или мать), брат (или сестра), сын (или дочь). Слова Яна „мьстите своих" только дополняют характеристику круга мстителей» (*Тихомиров М. Н.* Исследование о Русской Правде. С. 52—53).

Мьстите своихъ — это место рассказа обычно сопоставляется со статьей 2 Пространной Русской Правды, с ее показанием, что после смерти Ярослава Мудрого сыновья его, Изяслав, Святослав и Всеволод, собрались вместе со своими советниками (Коснячком, Перенегом и Никифором) и отменили «убиение за голову» (т. е. кровавую месть за убийство) и установили денежный выкуп за убийство. Этот съезд князей относят к 1072 г. (*Тихомиров М. Н.* Исследование о Русской Правде. С. 65). Автор нашего рассказа явно сочувственно относится к этому призыву Яня к мести, что выдает его консервативную позицию,

протестующую против замены мести денежными штрафами. Это дает повод некоторым исследователям (*Романов Б. А.* Люди и нравы древней Руси. Л., 1947. С. 126 и след.) считать позицию нашего рассказчика (и Яня) в отношении к статье 33 Правды Ярославичей тоже полемической, а толкование статьи 33 волхвами — соответствующим намерениям князей-законодателей. (*Комментарий Б. А. Романова*).

К с. 78

при Глѣбѣ Новѣгородѣ — в летописях нет сведений о том, когда Глеб стал новгородским князем. В перечне русских князей, находящемся в Новгородской первой летописи младшего извода под 989 г., читаем: «И посади Святославъ сына своего Глѣба (в Новгороде. — *Д. Л.*)». Из Синодального списка Новгородской первой летописи явствует, что Глеб был в Новгороде уже в 1069 г. В 1064 г. Глеб был изгнан из Тмутаракани. В 1067 г. в Новгороде сидел Мстислав (см. выше, с. 494). Следовательно, Глеб стал новгородским князем в 1068 или 1069 г. (в 1069 г. Мстислава видим уже в Киеве).

и хотяху погубити епископа — в летописях, восходящих к Новгородско-Софийскому своду 30-х годов XV в., указано имя епископа — Федор: «и хотяаху побити епископа Феодора» (Софийская первая летопись, ср. Ермолинскую, Львовскую, Хронограф и др.). Имя Федора прибавляется в этом рассказе и ниже, в упоминаниях новгородского епископа.

1072 *В лѣто 6580* — под этим годом в Тверском сборнике дополнительно читается: «Поставлень бысть епископомъ Ростову Исайа». Сведение это заимствовано из житийной литературы.

Пренесоша святая страстотерпця Бориса и Глѣба — откуда были перенесены останки Бориса и Глеба? Ответ на это дает Синодальный список Новгородской первой летописи: «Пѣренесена быста Бориса и Глѣба съ Льта Вышегороду». Впрочем, позднее были убеждены, что переносили тела Бориса и Глеба из одной церкви в другую в самом Вышгороде. Так понимает дело Никоновская летопись, замечающая: «и принесоша мощи святыхъ мученикъ изъ Вышегорода».

Совокупившеся Ярославичи — М. Н. Тихомиров считает, что «церковное торжество могло быть связано с разрешением чисто политических вопросов» и что на этом совещании в Вышгороде была установлена Правда Ярославичей (*Тихомиров М. Н.* Исследование о Русской Правде. С. 64—65).[1]

митрополитъ же тогда бѣ Георги, епископъ Петръ Переяславьскый, Михаилъ Гургевьский — в летописях, восходящих к Новгородско-Софийскому своду 30-х годов XV в., этот список несколько иной: «И митрополитъ Георгий Киевьскый и другый Неофитъ, черниговьскый епископъ, Петръ Переяславьскый, Никита Бѣлогородьскый, Михайло Юрьевскый» (Софийская первая летопись и некоторые другие). В Никоновской летописи вместо «Никита Бѣлогородьскый» — «Стефанъ Бѣлоградский», а после Михаила Юрьевского добавлено: «и съ епископомъ Иваномъ Холмьскимъ». Источники этих поправок не ясны.

Германъ игуменъ святаго Спаса — не ясно, о каком монастыре «святаго Спаса» идет здесь речь. По-видимому, это монастырь Спасо-Берестовский (в подгородном киевском селе Берестове). Возможно, что именно этот Спасо-Берестовский монастырь назван под 1096 г. «Германечь» или «Германъ» по имени своего игумена (*Голубинский Е. Е.* История русской церкви. Т. 1. 2-я пол. тома. С. 585—586).

яже стоить и нынѣ — из этих слов можно заключить, что перенесение мощей Бориса и Глеба было описано не сразу, а спустя по крайней мере 20—30 лет, когда эти слова «яже стоить и нынѣ» было бы уместно вставить. Статья составлена на основании записей, ведшихся при Вышгородской церкви, о которых мы можем судить на основании позднейшего сказания, приложенного к житийному Сказанию о Борисе и Глебе Нестора (*Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С. 56—57). Вышгородские записи в летописной статье 1072 г. сокращены: опущены имя Неофита, черниговского епископа, и эпизод с ногтем Глеба, попавшим под клобук Святослава (Жития Бориса и Глеба и церковные службы им. С. 55—56).

И положиша ѧ, мѣсяца мая 2 день — Ипатьевская летопись дает другую, правильную дату перенесения мощей Бориса и Глеба — 20 мая. В 1072 г. 20 мая (а не 2 мая) падало

на воскресенье, когда перенос мощей только и мог быть совершен. Та же дата, 20 мая, и в Сказании о Борисе и Глебе Нестора. Поправка на 2 мая сделана позднейшим летописцем, смешавшим перенесение 1072 г. с перенесением 1115 г., которое действительно произошло 2 мая.

Посем же разидошася всвояси — за этими словами в Тверском сборнике следует такая хронологическая выкладка: «Бѣ же отъ убиениа ею, святаго Бориса, до пренесениа лет 57; святаго Глѣба отъ погребениа до пренесениа лѣтъ 53, а не погребень былъ 4 лѣта, понеже Ярославь бѣ воюяся сь Святополкомь, того ради не взыде ему помышление о телесехъ святою (Бориса и Глеба) токмо о воиньственныхъ прележааше».

К с. 79

ибо исперва преступиша сынове Хамови на землю Сифову, и по 400 лѣт отмьщенье приаша от Бога, от племене бо Сифова суть евреи, иже избивше Хананѣйско племя — согласно библейской легенде в передаче византийских хроник, евреи, потомки Сифа (третьего сына Адама), заняв Палестину, истребили ее местное население — хананеян, якобы потомков Хама. 1073

Феодосий, игуменъ печерьскый, преставися. Скажемъ же о успеньи его мало — последующий рассказ о кончине Феодосия не во всем соответствует рассказу о том же событии в Киево-Печерском патерике (Киево-Печерский патерик. С. 71—74).

К с. 80

Феодоровы недѣли — неделя Федора Тирона — первая неделя Великого поста. 1074

в пятокъ Лазаревъ — в пятницу, накануне так называемой Лазаревой субботы (субботы шестой недели Великого поста).

недѣлю Цвѣтную — вербное воскресенье.

велика дне Вскресенья — Пасхи.

в било — било, или клепало, — металлическая доска, заменявшая в небольших церквах колокол.

с Летьца — с Альты (см. выше, с. 471—472).

И начаша братья просити Стефана деместника — доместик — руководитель церковного хора (от греч. δομεστικός).

К с. 81

Стефану же предержащю манастырь и блаженое стадо, еже бѣ совокупилъ Феодосий — весь дальнейший рассказ относится, однако, не ко временам игумена Стефана (игуменствовавшего после Феодосия), а ко времени Феодосия Печерского: Дамиан скончался раньше Феодосия, Иеремия помнил еще крещение земли Русской, следовательно, вряд ли пережил Феодосия, Матвей жил при Феодосии, хотя и пережил его, Исакий был принят в монастырь при Антонии и скончался при игумене Иоанне. Общая характеристика монастырской братии, начинающаяся словами «такы черньцѣ, яко свѣтила в Руси сьяють», также, по-видимому, характеризует монахов времени Феодосия. Однако в рассказе о печерских подвижниках есть ряд эпизодов, относящихся к более позднему времени. Так, например, рассказ о том, как Матвей увидел в церкви осла на месте опоздавшего к службе игумена Никона, вставлен в летопись явно позднее 1088 г., когда умер Никон. Монастырская летопись не могла бы этого допустить при жизни своего игумена. Против Никона в повествовании 1074 г. имеется и другая выходка: в рассказе об Исакии сказано: «...да ово от игумена Никона приимаше раны». В рассказе об Исакии имеется и другое указание на составление этого рассказа после 1088 г.: упоминание игумена Иоанна, который был поставлен после 1088 г. («Игумен же Иоанъ и братья спряташе тѣло его, и погребоша ѝ»).

Яко се первый Демьянъ презвутеръ — о Дамиане, сходно с летописью, повествуется и в Несторовом Житии Феодосия. В Киево-Печерском патерике имеется прямое утверждение, что по крайней мере эта часть «Повести временных лет» принадлежит Нестору: «...якоже

блаженный Нестерь въ Лѣтописци написа о блаженых отцѣх, о Дамияне, Иеремии, и Матфѣи, и Исакыи». Действительно, вслед за рассказом о Дамиане в «Повести временных лет» говорится об Иеремии, и Матфее, и Исакии. В связи с этим становится вероятным, что составитель Киево-Печерского патерика, говоря в другом месте о Несторе «иже написа летописецъ», под «Летописцем» разумел именно «Повесть временных лет». Следовательно, «Повесть временных лет» в XIII в. приписывалась авторству Нестора (Киево-Печерский патерик. С. 126 и 133).

К с. 82

възвлече на власяницю — власяница — грубая шерстяная одежда, которую некоторые монахи носили для «удручения тела».

проскура едина — просфора — хлеб, употребляемый при совершении евхаристии (одного из христианских таинств).

К с. 83

Болдины горы — холмы в западной части Чернигова за Елецким монастырем. С пребыванием Антония в Чернигове некоторые связывают основание им Елецкого монастыря (*Смолічев П.* Чернигів та його околиці за часів великокнязівських: Чернигів і північне лівобережжя. Киев, 1928. С. 142—143).

и на власяницу свиту вотоляну — вотола — грубая ткань из льна и поскони; вотоляная — сделанная из вотолы.[1]

К с. 85

1075 *В се же лѣто придоша сли из нѣмець къ Святославу; Святославъ же, величаяся, показа имъ богатьство свое* — в «Анналах» Ламперта Херсфельдского говорится под 1075 г. о посольстве Бурхарда, шурина Святослава, от Генриха IV к Святославу в Киев: «Немного спустя вернулся Бурхард, глава трирской церкви, который отправился к королю руценов, исполнив королевское посольство и привезя столько золота, серебра и драгоценных одежд, что никто не помнил ранее о таком количестве, привезенном в немецкое государство за один раз. За такую плату король руценов хотел приобрести у короля содействие, чтобы его брату, которого он изгнал из королевства, тот не оказывал помощи против него. Этого он, конечно, мог добиться даром, поскольку, занятый междоусобными войнами, тот никоим образом не имел возможности начать внешние наступательные войны со столь отдаленными народами. Обстоятельства времени придали великую цену этому замечательному дару. Ведь огромные расходы на недавние войны опустошили казну короля, и воины решительно настаивали на плате недавно выполненной военной службы. Если бы он с королевской щедростью не удовлетворил их желание, то, несомненно, ему пришлось бы меньше рассчитывать на их верность в оставшейся и, как опасались, еще большей части предприятия».[2]

Они же видѣвше бещисленое множьство, злато, и сребро, и паволокы, и рѣша: «Се ни въ что же есть, се бо лежить мертво. Сего суть кметье луче. Мужи бо ся доищють и болше сего» — Б. А. Романов об этом пишет: «Накопление металлического фонда в XI—XII вв. почиталось и действительно было необходимостью для князей. Эра феодального раздробления и феодализации дружины выдвигала при этом на видное место вопрос о распределении этого фонда между князем и дружиной: князь, если он был скуп и не делился широкой рукой с дружиной золотом и серебром, подвергался осуждению на страницах летописей. Присказка о том, что серебром и золотом не создашь дружины, но с помощью дружины добудешь то и другое, стала излюбленной формулой в летописной публицистике. Едва ли правильно думать, что эти сокровища в княжой казне (и вообще в хозяйственном обиходе феодала) якобы лежали втуне, были „мертвыми". Об этом как будто говорит рассказ о немецких послах, приезжавших в 1075 г. к Изяславу... Рассказ этот не имеет отношения к вопросу об удельном весе и значении земельной ренты в древнерусском обществе, не осуждает он и самого накопления движимых богатств. Он осуждает лишь неразумное омерщвление этих накоплений в княжеских сокровищницах без дальнейшего движения. Смысл

этого рассказа заключается в том, чтобы князья не останавливали этого накопления, заинтересовывали своих дружинников в активной княжой политике и проводили ее с помощью дружины. Призыв „не щадить имения", „любить дружину" и „раздавать" золото и серебро дружине был призывом не к благодушному расточительству в потреблении, а к дальнейшему приумножению этого вида богатств. Политическое могущество князя в ту эпоху измерялось не количеством эксплуатируемых им „сел с челядью", а наличностью движимости в его казне» (История культуры древней Руси. Т. 1. С. 379).[1]

Сице ся похвали Иезекий, царь июдѣйскъ, к посломъ царя асурийска — летописец здесь, как и в других местах «Повести временных лет», охотно прибегает ко всемирноисторическим аналогиям. По-видимому, он это делал по памяти. В данном случае летописец ошибся: следовало бы сказать не «царя Асурийска», а «царя Вавилоньска». Езекия, еврейский царь, согласно библейской легенде, вместо того чтобы прославить Бога за свое чудесное выздоровление, показывал свои богатства послам вавилонского царя Беродах-Баладана, пришедшим справиться о его здоровье. Тогда пришел к Езекии пророк Исайя и сказал, что все это взято будет вавилонянами, и даже дети его будут отведены в Вавилон.

Под *6584 годом*, в конце годовой статьи, в Ипатьевской летописи добавлено следующее известие, восходящее к третьей редакции «Повести временных лет»: «В се же лѣто родися у Володимера сынъ Мьстиславъ». Третья редакция «Повести» выполнялась для Мстислава Владимировича — сына Мономаха (см. Историко-литературный очерк в наст. изд.); «Володимеръ», о котором идет речь в этой заметке Ипатьевской летописи, — Владимир Мономах; родившийся у него сын Мстислав — будущий инициатор третьей редакции «Повести временных лет». Начиная с этой заметки Ипатьевская летопись дает много дополнительного летописного материала, касающегося главным образом Мстислава Владимировича и его отца Владимира Мономаха.

Ходи Володимеръ, сынъ Всеволожь, и Олегъ, сынъ Святославль, ляхомъ в помочь на 1076
чехы — об этом походе, предпринятом Мономахом несомненно с целью отвлечь поляков от союза с Изяславом, так говорит сам Мономах в своем «Поучении»: «Та посла мя Святославъ в Ляхы: ходивъ за Глоговы до Чешьскаго лѣса, ходивъ в земли ихъ 4 мѣсяци». О том, что такое Глаговы и Чешский лес, см. ниже, с. 522. О походе Владимира Мономаха и Олега Святославича В. Н. Татищев на основании неясных источников сообщает дополнительные сведения: князь чешский Вратислав согласился на мир с Болеславом Смелым, выдав ему 1000 гривен серебра. Болеслав Смелый предложил Мономаху и Олегу вернуться, однако русские князья оставались в Чехии до тех пор, пока Вратислав не выдал и им по 1000 гривен серебра и богатые дары (*Татищев В. Н.* История российская с самых древнейших времен. СПб., 1773. Кн. 2. С. 130).

В лѣто 6585 — в Синодальном списке Новгородской первой летописи и в летописях, 1077
восходящих к Новгородско-Софийскому своду 30-х годов XV в., под этим годом читается следующее известие: «Прѣставися Феодоръ, архиепископъ Новгородьскый» (Синодальный список, Софийская первая летопись и др.). В Тверском сборнике добавлено: «уядень отъ своего пса, бывь на архиепископии 9 лѣть».

на Волынь — город Волынь находился при впадении р. Гучвы в Западный Буг.

В лѣто 6586 — в летописях, восходящих к Новгородско-Софийскому своду 30-х годов 1078
XV в., под этим годом дополнительно читается следующее известие: «Поставленъ бысть архиепископомъ Новугороду Германъ» (см. Софийская первая летопись и др.; в Синодальном списке Новгородской первой этого известия нет).

В се же лѣто убьенъ бысть Глѣбъ, сынъ Святославлъ, в Заволочии — в новгородских летописях известие это читается в более подробной форме под 1079 г.: «Того же лѣта убиенъ бысть Глѣбъ Святославичъ в Заволочии, маия 30» (Софийская первая летопись, Новгородская первая, ср. другие). Та же дата смерти Глеба — в Киево-Печерском патерике (с. 126). Весьма важные сведения о гибели Глеба сообщает перечень русских князей, читающийся в Новгородской первой летописи младшего извода под 989 г.: «...и выгнаша из города (Глеба. — *Д. Л.*), и бѣжа за Волокъ, и убиша чюдь». Не означает ли изгнание Глеба из Новгорода того, что новгородское население, ставшее в 1071 г. против Глеба за волхва (см. выше, с. 497—498), в конце концов победило в 1078 г.?

на Съжицѣ — Сожица — приток Сулы, по-видимому современная речка Оржица.[2]

К с. 86

от Стрежени — Стрижень — река у Чернигова.

и бывшимъ имъ на мѣстѣ у села на Нѣжатинѣ Нивѣ — Синодальный список Новгородской первой летописи говорит, что битва была «у Чьрнигова». Следовательно, село на Нежатиной Ниве — у Чернигова.

убиша Бориса, сына Вячеславля, похвалившагося велми — о смерти Бориса Вячеславича «Слово о полку Игореве» говорит в следующих выражениях: «Бориса же Вячеславича слава на судъ приведе и на Канину зелену паполому постла за обиду Олгову, храбра и млада князя». И в «Слове», следовательно, причиной гибели Бориса Вячеславича оказывается его «похвальба», безмерное честолюбие воина.[1]

противу Городьцю — Городец — город к северо-западу от Переяславля Русского.

И, принесше, положиша тѣло его (Изяслава) в церкви святыя Богородица, вложивъше и в раку мраморяну — в отличие от «Повести временных лет» Софийская первая летопись говорит о погребении Изяслава не в Десятинной церкви Богородицы, а в храме Софии Киевской. То же говорится и в «Слове о полку Игореве»: «Съ тоя же Каялы Святоплъкь повелѣ яти отца своего междю угорьскими иноходьци ко святѣй Софии къ Киеву» (*Кудрявцев И. М.* Заметка к тексту «С тоя же Каялы Святополъкь...» в «Слове о полку Игореве» // ТОДРЛ. 1949. Т. 7. С. 407).[2]

К с. 87

1079 *къ Воину* — Воин — пограничный город в Переяславском княжестве.

А Олга емше козаре поточиша и за море Цесарюграду — по сведению игумена Даниила, ездившего в Палестину в 1106—1108 гг. (Путешествие игумена Даниила по Святой земле в начале XII в. СПб., 1864. С. 7), Олег Святославич (Олег «Гориславич» «Слова о полку Игореве») был отправлен из Константинополя в ссылку на остров Родос. Здесь Даниилу показывали места, где Олег жил «два лета и две зимы». Очевидно, греки взяли сторону не только хазар, недовольных соседством Олега в Тмутаракани, но и Всеволода, состоявшего в родстве с византийским императорским домом. Вернулся Олег на Русь в 1083 г. (см. под этим годом «Повесть временных лет»), вывезя из Греции свою вторую жену Феофано Музалониссу. Известна ее печать с греческой надписью «Господи, помози своей рабе Феофано, архонтисе Росии, Музалонисе» (*Репников Н. И.* О древностях Тмутаракани // Тр. Секции археологии РАНИОН. М., 1928. Т. 4. С. 438).[3]

Всеволодъ же посади посадника Ратибора Тмуторокани — известны находки вислых свинцовых печатей Ратибора на Днепре, на Крымском побережье и в районе Тмутаракани, указывающие на его энергичную административную деятельность (*Толстой И. И.* Древнейшие русские монеты великого княжества Киевского // Русские древности в памятниках искусства. Вып. 4: Христианские древности Крыма, Кавказа и Киева. СПб., 1891. С. 172; *Репников Н. И.* О древностях Тмутаракани. С. 437). Однако в 1081 г. Ратибор схвачен в Тмутаракани Давыдом Игоревичем и Володарем Ростиславичем. Его позднейшая деятельность находит отражение в «Повести временных лет» под 1095 г. (он громит половцев) и под 1100 г. (он выполняет дипломатические поручения). В 1113 г. он участвует в составлении «Устава» Мономаха. Известен и его сын Ольбег Ратиборич (см. «Повесть временных лет» под 1095 г.).[4]

1084 *В се же лѣто Давыдъ зая грькы въ Олешьи, и зая у них имѣнье* — в Воскресенской летописи, которая, как известно, пользовалась весьма древним списком Киевской летописи, близким к Ипатьевской, вместо «грькы» сказано «гречникы», купцы, торговавшие с Грецией. По-видимому, правильно именно это чтение «гречникы», так как оно делает понятным следующий акт Давыда Игоревича: «и зая у нихъ имѣнье» (и отнял у них товары). Известие это — важный показатель русской торговли на берегах Черного моря в это время. Олешье — крайний перевалочный торговый пункт в устье Днепра перед выходом в Черное море.

Дорогобужь — город в Волынском княжестве в верховьях реки Горыни (правый приток Припяти). О Дорогобуже см.: *Тихомиров М. Н.* Древнерусские города. С. 115—116.[5]

оставивъ матерь свою и дружину Лучьскѣ — Луческ — Луцк, город в Волынской области на реке Стыре. О Луцке см.: *Тихомиров М. Н.* Древнерусские города. С. 114.[1] 1085

Под *6594 годом* в начале годовой статьи в Ипатьевской летописи помещено следующее известие: «Всеволодъ заложи церковь святого Андрѣя, при Иванѣ преподобномь митрополитѣ; створи у церкви тоя манастырь, в нем же пострижеся дщи его дѣвою, именемь Янька. Сия же Янка, совокупивши черноризици многи, пребываше с ними по манастырьскому чину». На это известие в Лаврентьевской летописи под 1089 г. делается ссылка: «Янъка... реченая преже» (см. ниже, с. 506). Где находился в Киеве этот монастырь, выстроенный Всеволодом для своей дочери Анны, неизвестно. В конце годовой статьи в Ипатьевской летописи читается следующее дополнительное известие, восходящее к третьей редакции «Повести временных лет»: «В се же лѣто ходи Всеволод къ Перемышлю». Под Всеволодом здесь разумеется отец Владимира Мономаха Всеволод Ярославич.[2] 1086

К с. 88

иде Звенигороду — Звенигородов было несколько: два в Галицкой области, у Киева, в Ростово-Суздальской земле. Здесь, очевидно, — Звенигород Червенский, южный, между устьями Серета и Збруча. Об этом см.: *Тихомиров М. Н.* Древнерусские города. С. 122.

и прободенъ бысть (Ярополк) от проклятаго Нерадьця — кем был подослан убийца не совсем ясно — вероятно, Ростиславичами.[3]

до святаго Дмитрея — по-видимому, до Дмитровского монастыря в Киеве, построенного отцом Ярополка Изяславом. В этом Дмитровском монастыре, как явствует из дальнейшего текста «Повести временных лет», Ярополк был похоронен в выстроенной им церкви Петра, что привело впоследствии к спорам. В 1128 г. Дмитровский монастырь, очевидно, по мысли дочери Ярополка (см. о ней ниже), был передан в Печерский монастырь, что вызвало негодование у выдубицкого летописца, защищавшего интересы других наследников Изяслава: «В се лѣто (1128) преяша церковь Дмитрия печеряне и нарекоша ю Петра съ грѣхом великим и неправо» (см. Лаврентьевскую летопись). Переименованием монастыря из Дмитровского в монастырь Петра печеряне, очевидно, хотели подчеркнуть, что они взяли долю Ярополка Изяславича и что построение церкви Петра Ярополком превращало Дмитровский монастырь из монастыря Изяслава в монастырь Ярополка, с чем не согласен был летописец Выдубицкого монастыря.

Многы бѣды приимъ, без вины изгонимъ — пышная некрологическая статья о Ярополке Изяславиче и необыкновенное сочувствие ему печерского летописца отчасти объясняются тем, что Ярополк, его жена и дочь (умершая в 1158 г.) были крупными жертвователями в Печерский монастырь. О дочери его, пожертвовавшей в Печерский монастырь все «до повоя» (т. е. до головного платка), в Ипатьевской летописи под 1158 г. сказано, что она поступала так, «ревнующи (т. е. соревнуясь. — *Д. Л.*) отцю своему Ярополку: сий бо Ярополкъ вда (в Печерский монастырь. — *Д. Л.*) всю жизнь свою (т. е. все свое имение. — *Д. Л.*), Небльскую волость, и Дерьвьскую, и Лучьскую, и около Киева».

Священа бысть церкы святаго Михаила манастыря Всеволожа митрополитомь Иваномь, а игуменьство тогда держащю того монастыря Лазъреви — в Ипатьевской летописи, а также в Радзиволовской и в Московско-Академическом списке кроме митрополита Ивана в освящении церкви принимают участие епископы Лука (Белгородский), Исайя (Ростовский) и Иван (Черниговский). С. Т. Голубев считает первоначальным текст Лаврентьевской летописи, а имена Луки, Исайи и Ивана — вставкой в протограф Ипатьевской, Радзиволовской и Московско-Академического списка (см.: *Голубев С. Т.* Несколько страниц из новейшей истории Киевской духовной академии. Киев, 1907. С. 148—153). Основание к тому следующее: все эти три епископа и в том же порядке упоминаются под следующим годом как участники освящения Успенской церкви Киево-Печерского монастыря (см. текст под 1089 г.). Вряд ли Исайя мог дважды приезжать из своей далекой Ростовской епархии, но и прожить в Киеве год или больше, покинув свою епархию, он также не мог. По-видимому, выдубицкий летописец решил, что освящение церкви Выдубицкого монастыря не могло произойти менее торжественно, чем освящение церкви Киево-Печерского монастыря, и добавил в описание освящения Выдубицкой церкви под 1088 г. имена трех епископов из описания освящения Киево-Печерской церкви под 1089 г. Михайловский Выдубицкий 1088

монастырь был основан отцом Владимира Мономаха Всеволодом. Заложена Михайловская церковь в 1070 г. (см. текст).

Того же лѣта иде Святополкъ из Новагорода к Турову жити — в летописях, восходящих к ростовским сводам XV в., после этого известия читаем: «въ Новѣгородѣ сѣде Давыдъ Святославичь» (см. Тверскую летопись, Львовскую, Ермолинскую и др.). Однако это последнее известие находится в противоречии с более достоверными данными перечня русских князей, читаемого в Новгородской первой летописи младшего извода под 989 г. Согласно этому перечню, в Новгороде в 1088 г. сел Мстислав Владимирович, княживший здесь пять лет и вновь вернувшийся на новгородское княжение в 1095 г.

1089 *Священа бысть церкви Печерская святыя Богородица манастыря Феодосьева Иоаномь митрополитомъ, и Лукою Бѣлогородьскымь епископомь, Исаиемь, Черниговьскым епископомь* — по Ипатьевской летописи Печерская церковь была освящена: «Иваномъ митрополитомь, и Лукою Бѣлогородским епископомь, и епискупомь Ростовьским Исаиемь, и Иваномь Черниговьскымь епискупомь, и Антоньемь Гурьговьскимь игуменомь».

В се лѣто иде Янъка в Грекы, дщи Всеволожа, реченая преже — в Лаврентьевской летописи Янка (Анна Всеволодовна) упоминается впервые, но в Ипатьевской летописи о ней говорилось под 1086 г. (см. текст). Слова «реченая преже» указывают на то, что Лаврентьевская летопись сократила текст статьи 1086 г., касавшийся Янки, читавшийся первоначально в «Повести временных лет».

В се же лѣто священа бысть церкы святаго Михаила Переяславьская Ефрѣмом, митрополитомь тоя церкы — из всех епископов переяславских только Ефрем назван здесь единственный раз «митрополитом».[1]

К с. 89

и строенье баньное камено — Никоновская летопись (XVI в.) добавляет: «и врачеве и болници, всѣмъ приходящимъ безмѣздно врачевание, тако же и вь Милитинѣ въ своемъ градѣ устрои, и по инымъ своимъ градомъ митрополскимъ, иже суть и со уѣзды, и съ волостьми и съ селы». Источник этого важного в историко-культурном отношении известия Никоновской летописи, как и во многих других за это же время, неизвестен. Статья «Повести временных лет» 1090 г. читается в Никоновской летописи под 1091 г. Заключается она следующими известиями, источники которых также не раскрыты: «Того же лѣта прииде Феодоръ Грекъ митрополичь отъ папы изъ Рима и принесе много мощей святыхъ. Того же лѣта умножение бысть плодовъ всяческихъ».[2]

И град бѣ заложилъ каменъ — Тверской сборник вносит в это известие поправку, приписывая закладку каменного города (т. е. крепостных стен) в Переяславле Южном Всеволоду (в той же статье 6598 г., но несколько выше).[3]

1091 *Игуменъ и черноризци съвѣтъ створше* — излагаемое здесь Сказание об обретении и перенесении мощей Феодосия Печерского читается в несколько измененном виде в составе Печерского патерика (во второй Кассиановской редакции) и приписано там Нестору летописцу («Августа 14, слово 9, Нестора мниха манастыря Печеръскаго о пренесении мощемь святаго преподобнаго отца нашего Феодосиа Печеръскаго»). Большинство исследователей (Д. И. Абрамович, А. А. Шахматов, В. Л. Комарович, В. П. Адрианова-Перетц и др.) считают этот рассказ летописи принадлежащим Нестору, однако другие — И. П. Хрущов (О древнерусских исторических повестях и сказаниях. Киев, 1878. С. 16) и Е. Е. Голубинский (История русской церкви. Т. 1, 2-я пол. тома. С. 945) — не признают Нестора автором этого сказания. По-видимому, правы первые (см. ниже).

его же повелѣнью бых азъ грѣшный первое самовидець, еже скажю, не слухомъ бо слышавъ, но самъ о семь началникъ — рассказ о перенесении мощей Феодосия весь написан от первого лица. Есть все основания видеть в его авторе Нестора летописца. В ведении рассказа от первого лица можно видеть характерную манеру Нестора (ср. в его житийных произведениях). Обращение игумена Иоанна для перенесения мощей именно к Нестору вполне естественно, так как Нестор составил Житие Феодосия.

Азъ же пристроихъ семь дний рогалие — здесь в Воскресенской летописи (одним из источников которой явилась Киевская летопись XII в., близкая к Ипатьевской) находим подтверждение тому предположению, что автором Сказания об обретении и перенесении

мощей Феодосия Печерского был Нестор. Вышеприведенное место в Воскресенской летописи читается в следующем виде: «Азъ же грѣшный, и ж е и л ѣ т о п и с а н и е с е в ъ т о в р е м я п и с а х ъ, вземъ мотыку ⟨...⟩».

пояхъ с собою 2 брата — однако перед тем игумен Иоанн приказал автору этого повествования взять с собой только одного «брата» («поими, его же хощеши»), и в дальнейшем вместе с автором повествования действует только один «брат» («и утрудився, вдахъ другому брату»; «начах копати рамено, и другу моему опочивающю передъ пещерою»). Поэтому вполне вероятно предположение А. А. Шахматова, что вместо «2 брата» первоначально читалось «Марка». Как известно из Киево-Печерского патерика, Марк обычно копал могилы для братьи, там же есть намек и на его участие в перенесении Феодосия («и при семь изнесѣнъ бысть святый Феодосие от печеры») (*Шахматов А. А.* Повесть временных лет. Т. 1. С. XXVI).

вариманътью — слово «варимантия» происходит от греч. βαρύς и μανδύας — тяжелый и мантия (верхнее одеяние монахов, не имевшее рукавов). Варимантия — верхняя, теплая монашеская мантия.

Маринъ Гурьгевьский — вслед за этим епископом Софийская первая летопись добавляет: «Онтоней Порожескый». В Киево-Печерском патерике Антоний более правильно назван «Пороскый» (Киево-Печерский патерик. С. 81). «Пороскый», т. е. Поросьский, — епископ городов, расположенных по реке Роси. Однако Марин Юрьевский был епископом в городе Юрьеве на Роси, и это как будто бы противоречит тому, что в Антонии следует видеть епископа Поросья.

К с. 91

В се же лѣто бысть знаменье в солнци, яко погыбнути ему, и мало ся его оста, акы мѣсяць бысть, в час 2 дне, мѣсяца маия 21 день — запись эта совершенно точна. По данным астрономов, в 1091 г. было кольцеобразное затмение солнца 21 мая утром (2 дня час падал на раннее утро). В Никоновской летописи это затмение ошибочно отнесено к 1093 г., в Воскресенской — к 1088 г. (*Святский Д. О.* Астрономические явления в русских летописях с научно-критической точки зрения. С. 104).

спаде превеликъ змий отъ небесе — здесь отмечено падение метеорита. Метеориты в древней Руси обычно воспринимались как огненные змеи.

навье — навьями назывались души умерших. Верование в эти души было распространено *1092*
в древнерусском язычестве.

отъ Дрьютьска — Друцк, или Дрютеск, — город в верховьях реки Друти недалеко от Минска (*Тихомиров М. Н.* Древнерусские города. С. 89).[1]

Пѣсоченъ, Переволоку, Прилукъ — три города на границе с половецкой степью в княжестве Переяславском. Прилук упомянут в Ипатьевской летописи (в Лаврентьевской он не упоминается). В. Н. Татищев называет вместо Прилука Устье (в том же районе) (*Татищев В. Н.* История российская с самых древнейших времен. С. 144).

по обѣма странома — т. е. по обеим сторонам Днепра.

К с. 92

И нача любити смыслъ уных, свѣтъ творя с ними; си же начаша заводити ѝ, 1093
негодовати дружины своея первыя и людем не доходити княже правды, начаша ти унии грабити, людий продавати — с этим местом «Повести временных лет», воспринятым ею из окончания Начального свода, следует сопоставить Предисловие к Начальному своду, сохранившееся в новгородских летописях: «Съ любовию приклоните ушеса ваша разумно! Како быша древнии князи и мужи ихъ. И како отбараняху Руския земля и иныя страны примааху подъ ся: тии бо князи н е с б и р а а х у м н о г а и м ѣ н и я, н и т в о р и м ы х ъ в и р ъ, н и п р о д а ж ь в ъ с к л а д а а х у н а л ю д и. Но оже будяше правая вира, а ту взимааше и дружинѣ на оружие дая. А дружина его кормяахуся, воюючи иныя страны, бьющеся: Братие! Потягнемъ по своемь князи и по Руской земли. Не жадаху: мало мне, княже, 200 гривенъ! Не кладяаху на свои жены золотыхъ обручей, но хожааху жены ихъ въ сребрѣ. И расплодили были землю Рускую... Да отъселе се, братия возлюбленная моя,

останемся отъ несытства своего: но довольнии будете уроки вашими» (Софийская первая летопись. Л., 1925. Вып. 1. С. 9).

ти унии — в Ипатьевском списке вместо «ти унии» написано «тивунѣ». Это последнее чтение, не согласующееся с предшествующим текстом, следует признать ошибочным.

в день антипаскы — антипасхой называлось воскресенье, следующее за Пасхой.

И придоша половци мнози, и оступиша Торцийскый град — Торцийский град, или Торческ, получил свое название от торков, которые здесь поселились.[1]

Имѣю отрокъ своих 700 — в Ипатьевской, Радзивиловской летописях и Московско-Академическом списке названа цифра 800. В Никоновской летописи (XVI в.): 700 и 20 000 (см. под 1094 г.).[2]

Аще бы ихъ пристроилъ и 8 тысячь — в Никоновской летописи эта цифра приближена к масштабам войска XVI в.: 80 000. Вся эта летописная статья читается в Никоновской под 1094 г.

наша земля оскудѣла есть от рати и от продажь — продажи — денежные штрафы за все преступления, кроме убийства, — впервые упоминаются в Правде Ярославичей около 1072 г., и эти слова летописного рассказа, вероятно, отражают результаты первых десятилетий бытования этого нововведения. Только уже в Пространной Правде (самое раннее — при Мономахе) было введено процентное (20 %) отчисление со сбора продаж (и вир) в пользу сборщика. Раньше, вероятно, в этом отношении царил полный произвол. Отсюда иной раз «попродать» = разорить (см. Ипатьевскую летопись, под 1174 г.). Ср. знаменитое рассуждение новгородского летописца (Новгородская первая летопись. СПб., 1888. С. 2) о «древних» князьях в противоположность современным летописцу: «Тѣи бо князи не збираху многа имѣния, ни творимыхъ виръ, ни продаж въскладаху *на* люди. Но оже будяше правая (т. е. справедливая, а не «творимая», подстроенная) вира, а ту возмя, дааше дружинѣ на оружье». (*Комментарий Б. А. Романова*).

у святаго Михаила — у Михайловского Выдубицкого монастыря под Киевом.

къ Треполю, и придоша къ Стугнѣ — город около устья реки Стугны (приток Днепра), входивший в систему укрепленных городов по этой реке (*Андріяшев О.* Нарис історії колонізації Київськоі землі до кінця XV в. // Київ та його околиця в історії і памятках. Київ, 1926. С. 45; *Тихомиров М. Н.* Древнерусские города. С. 107).[3]

К с. 93

Ростислава же искавше обрѣтоша в рѣцѣ; и вземше принесоша ѝ Киеву, и плакася по немь мати его, и вси людье пожалиша си по немь повелику, уности его ради — утонувшего в реке Стугне Ростислава Всеволодовича поэтически вспоминает и автор «Слова о полку Игореве»: «Не тако ти, рече, рѣка Стугна; худу струю имѣя, пожръши чужи ручьи и стругы, рострена къ устью, уношу князю Ростиславу затвори. Днѣпрь темнѣ березѣ плачется мати Ростиславля по уноши князи Ростиславѣ. Уныша цвѣты жалобою и древо с тугою къ земли прѣклонилось». Легенду о смерти Ростислава как Божьей мести за убийство киево-печерского монаха Григория рассказывает Киево-Печерский патерик (с. 134—138).[4] Ср. ниже комментарий к словам: «ни права, ни крива не убивайте» в «Поучении» Мономаха.

К с. 95

Да никто же дерзнеть рещи, яко ненавидими Богомь есмы! Да не будеть! Кого бо тако Богъ любить, якоже ны взлюбилъ есть? Кого тако почелъ есть, якоже ны прославилъ есть и възнеслъ? Никого же! — эти строки, заключающие собою рассказ о русском поражении и страданиях русского населения от половцев, поражают и сейчас своим высоким патриотизмом. Неудачи русских летописец считает преходящими и не снижающими величия народа, его славы.

Се бо азъ грѣшный и много и часто Бога прогнѣваю, и часто согрѣшаю по вся дни — за этими словами, по свидетельству В. Н. Татищева, в некоторых списках читалось заключительное слово «аминь». На этих словах, по мнению А. А. Шахматова, заканчивался киевский Начальный свод, предшествовавший «Повести временных лет» и лучше сохранив-

шийся в начальной части Новгородской первой летописи младшего извода (см. подробнее: *Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С. 11). Однако, как видно из текста В. Н. Татищева, «аминь» здесь заключало обычный молитвенный текст: «Но по милости своей, Господи, спаси ны, яко Ты един безгрешный, сильный, милостивый и дивный во святых Твоих, да будет во веки веков, аминь». Следовательно, «аминь» нельзя в данном контексте рассматривать как показатель окончания летописного свода. Л. В. Черепнин предполагает, вопреки А. А. Шахматову и М. Д. Приселкову, что «Начальный свод заканчивался описанием Любечского съезда 1097 г. и возник около этого времени и в связи с указанным событием». Это положение основательно им аргументировано. Л. В. Черепнин обращает внимание на то обстоятельство, что Любечский съезд 1097 г. «представлял собой важное событие в политической истории Киевской Руси. Устанавливался новый порядок отчинного владения княжествами. Этот порядок должен был прекратить княжеские усобицы и сделать Русскую землю обороноспособной, сплотить ее силы прежде всего для борьбы с половцами. В связи с этим естественно могла возникнуть мысль о написании летописного свода, который давал бы определенную концепцию русской истории под углом зрения междукняжеских и русско-половецких отношений. А Начальный свод действительно давал такую концепцию. Тогда понятно и содержание Предисловия к Начальному своду, реконструируемого по тексту Софийского временника. Его основные идеи навеяны именно обстановкой Любечского съезда и событий, ему предшествующих». Далее А. В. Черепнин обращает внимание на органическую связь содержания летописных статей 1094—1097 гг. со статьей 1093 г. и с Предисловием к Начальному своду, на связь «завещания» Ярослава Мудрого под 1054 г. с установлениями Любечского съезда и др. (*Черепнин Л. В.* «Повесть временных лет», ее редакции и предшествующие ей летописные своды // ИЗ. 1948. № 25. С. 321—330).[1]

В лѣто 6603 — под этим годом в Никоновской летописи дополнительно читается *1095*
следующее известие (в середине годовой статьи): «Епископъ Германъ умре. Того же лѣта иде владыка Германъ изъ Новагорода въ Киевъ и тамо преставися при Ефрѣмѣ митрополитѣ Киевскомъ и всеа Руси».

Идоша половци на Грькы с Девгеневичемъ, воеваша по Гречьстѣй земли; и цесарь я̀ Девгенича, и повелѣ ѝ слѣпити — о Леоне (Льве) Диогене пишет Анна Комнина, дочь императора Алексея Комнина. По ее словам, Леон Диоген, сын императора Романа Диогена, был убит еще в 1073 г. Впоследствии явился самозванец, выдавший себя за Леона и предъявивший права на престол. Лже-Диоген был заключен в Херсонесе, но бежал и вместе с половцами в 1095 г. напал на Византию. Когда Леон осаждал Адрианополь, его обманом схватили и ослепили. Этот рассказ Анны Комниной был давно подвергнут сомнению русскими историками. Дело в том, что Леон приходился зятем Владимиру Мономаху (см. под 1116 г.: «В се же лѣто иде Леонь царевичь, зять Володимерь, на куръ Олексия царя, и вдася городовъ ему Дунайскых неколко»). Вряд ли Мономах мог выдать свою дочь за самозванца (по другим предположениям, за Леоном была замужем сестра Мономаха, см.: *Васильевский В. Г.* Два письма императора Михаила VII Дуки // Труды. Т. 2, вып. 1. С. 38—48). Сын Леона Диогена «Василько Маричич» упоминается в Ипатьевской летописи под 1136 г. См. краткую сводку данных о Леоне Диогеновиче: *Будовниц И. У.* Владимир Мономах и его военная доктрина. С. 96—98.

Како се могу створити, ротѣ с ними ходивъ — ср. отношение Мономаха к клятве (роте), выраженное им в «Поучении» (см. текст, с. 101).

К с. 96

у Ратибора на дворѣ — в Ипатьевской точнее: «на синици» (в Хлебниковском и Погодинском списках — «на сѣнници у Ратибора», т. е. на сеновале).

к Гургеву — Юрьев — на реке Роси, основанный Ярославом (см. с. 480).

на Вытечевѣ холму — Витичев холм — на реке Стугне (приток Днепра).

Сего же лѣта исходяща, иде Давыдъ Святославичь из Новагорода Смолиньску — о поставлении Давыда в Новгороде читается в новгородских летописях под тем же 1095 г.:

«Иде Святопълкъ и Володимиръ на Давыда Смольньску, и вдаша Давыду Новъгородъ» (Синодальный список Новгородской первой летописи, ср. также летописи, восходящие к Новгородско-Софийскому своду 30-х годов XV в.).

и поемше ведоша и̂ (Мстислава Владимировича) Новугороду — в перечне русских князей, читающемся в Новгородской первой летописи младшего извода под 989 г. и содержащем весьма важные исторические сведения, нигде в других летописях не встречающиеся, история вокняжения Мстислава в Новгороде передана следующим образом: «И присла Всеволод внука своего Мьстислава, сына Володимеря; и княживъ 5 лѣт, иде к Ростову, а Давыдъ прииде к Новугороду княжить; и по двою лѣту выгнаша и̂. И прииде Мьстиславъ опять, и сѣдѣ в Новѣгородѣ 20 лѣт». Под 1095 г., в «Повести временных лет», очевидно, говорится о вторичном вокняжении Мстислава в Новгороде, длившемся до 1117 г. (ошибка в один-два года в перечне допустима). Первое вокняжение Мстислава в Новгороде падает на 1088 г. (1095 − 7 = 1088) и, очевидно, должно быть сопоставлено со следующим известием «Повести временных лет» под этим 1088 г.: «Того же лѣта иде Святополкъ из Новагорода к Турову жити». Однако в противоречие с этим в летописях, восходящих к ростовским сводам XV в., читаем после известия об уходе из Новгорода Святополка: «а въ Новѣгородѣ сѣде Давыдъ Святославичь» (см. Тверскую летопись, Львовскую, Ермолинскую и др.). Очевидно, ошибка вкралась в один из ростовских сводов XV в.: летописец вслед за Святополком поместил прямо Давыда, не учтя (а возможно, и не зная) пятилетнего первого княжения Мстислава в Новгороде.

ис Курска — о Курске в верховьях Сейма см.: *Тихомиров М. Н.* Древнерусские города. С. 96.[1]

1096 *В лѣто 6000 и 604* — под этим годом в Никоновской летописи читается следующее дополнительное известие (в начале годовой статьи): «Поставленъ епископъ Никита. Поставленъ бысть епископомъ Новугороду Никита митрополитомъ Ефрѣмомъ Киевскимъ и всея Руси». То же известие читается и в Новгородской третьей летописи, где имеется также следующее дополнение, любопытное попыткой использовать церковный кондак этому Никите как исторический источник: «При семъ епископѣ Никитѣ, на другое лѣто святительства его, бысть въ Великомъ Новѣградѣ пожаръ велми великъ, и въ кондаки его написано: „Прилежно моление за люди своя принося, овогда же и граду запаление угасилъ еси"». Пожар, о котором идет речь, по-видимому, тот, о котором сообщает Синодальный список Новгородской первой летописи под 1097 г.: «Томь же лѣтѣ, на весну погорѣ онъ полъ, а 3-й день Дѣтиньць съгорѣ городъ; и кнétину (Лукину?) чядь избишя».

Нѣсть мене лѣпо судити епископу, ли игуменом, ли смердом — в Никоновской летописи сделано к этому месту характерное для правительственной идеологии XVI в. добавление: «или смердомъ нашимъ бояромъ». При крайней скудости текстов с упоминанием смердов и этот текст привлекался в нашей литературе для их характеристики, причем послужил опорой теории о двояком смысле этого социального термина — широком и узком. Якобы наряду с узким: смерд — это земледелец — существовало и широкое значение: смерды — это все люди, кроме духовенства и князей. Это последнее значение извлекалось из нашего текста посредством прямолинейного сопоставления междукняжеского диалога: приглашающая сторона звала Олега на переговоры перед лицом «епископов, игуменов, мужей отец наших и людей градских», а тот в своем ответе, упомянув церковников отдельно, остальных обозначил именем смердов. Это толкование упускало из виду, что в самом летописном рассказе этот ответ Олега был оценен как данный в припадке заносчивости («въсприимъ смыслъ буй и словеса величава»): Олег попросту обозвал отцовских дружинников и киевских горожан унизительным для тех и других словом «смерды» (*Романов Б. А.* Смердий конь и смерд: (В летописи и Русской Правде) // ИОРЯС АН. 1908. Т. 3, кн. 13).

К с. 97

въ Стародубъ — Стародуб — город около Чернигова.[2]

На Берестовѣмь дворъ княжь — Берестово — киевское подгородное село, принадлежавшее киевскому князю.

Устье — урочище в Переяславском княжестве; вероятно, в устье реки Трубежа.

и иде к Рязаню — в Тверском сборнике: «Мурому». Рязань — теперь городище Старая Рязань. Нынешняя Рязань переименована так в XVIII в. из Переяславля Рязанского. О Рязани см.: *Монгайт А. Л.* Старая Рязань // Вопр. истории. 1947. № 4.[1]

Тугорканъ, тесть Святополчь — Святополк Изяславич был женат на дочери Тугоркана (см. «Повесть временных лет» под 1094 г.).[2]

мѣсяца мая 30 — в Ипатьевской и Воскресенской летописях «месяца маия въ 31».

къ Зарубу — Заруб — город в Переяславской области на Днепре против устья реки Трубежа.[3]

погребоша и на Бсрестовѣмь — в Ипатьевской летописи точнее: «...и погребоша и на Берестовомъ на могылѣ» (могила — искусственный холм, курган).

приде второе Бонякъ безбожный, шелудивый, отай, хыщникь, к Кыеву — некоторые подробности о судьбе захваченных в этом набеге русских полоняников читаются в Киево-Печерском патерике в Житии Евстратия Постника. Евстратий был пленен половцами именно в этот набег Боняка со многими другими и продан в Корсунь. «Не по мнозѣх же дьнех изомроша от глада и истаавшаа жаждею: овии по трех дьнехъ, инии же по четырех дьнех, инии же по седми дьнехъ, крѣпции же по 10 дьнех, скончашася вси гладом и жажею. Бѣ же их числом 50: от манастырьскых работникь 30, от Киева 20». Речь здесь идет только о пленниках, проданных одному работорговцу в Корсунь (Киево-Печерский патерик. С. 106—107; ср. также в других редакциях Патерика).[4]

и въжгоша Стефановъ манастырь, и деревнѣ, и Геръманы — в Ипатьевской летописи это место читается так: «... и пожгоша манастырь Стефанечь, деревнѣ (т. е. деревянный), и Германечь». Что следует понимать под «Германечь», или «Германы», — деревню или монастырь, не ясно. Е. Е. Голубинский предполагает, что «Германечь» — это Спасо-Берестовский монастырь, названный так по имени своего игумена, упомянутого выше под 1072 г., Германа (*Голубинский Е. Е.* История русской церкви. Т. 1. 2-я пол. тома. С. 585—586). Возможно, что «манастырь Стефанечь» также назван по имени своего игумена: это монастырь на Клове (неподалеку от Печерского и Спасо-Берестовского), в котором игуменом был Стефан (бывший перед тем игуменом печерским). Отметим, кроме того, что слово «деревня» в южных памятниках очень редко. Вряд ли оно означает «село» — скорее всего, «лес», «деревья», «деревянный дом» или др.[5]

К с. 98

Тогда же зажгоша дворъ Красный, его же поставилъ благовѣрный князь Всеволодъ на холму, нарѣцаемѣмъ Выдобычи — загородные дворы князей часто назывались «красными», т. е. красивыми, не только потому, что были красиво выстроены, но и потому еще, что были красивы по своему местоположению. Ипатьевская летопись, говоря о волнениях в Киеве после смерти Юрия Долгорукого, замечает: «И многа зла створися въ тъ день: розграбиша дворъ его (Юрия. — *Д. Л.*). Красный и другый дворъ его за Днѣпромъ разъграбиша, его же звашеть самъ раемъ». «Красный двор» в Переяславле Южном был также расположен в его окрестностях.[6]

от пустыня Етривьскыя, межю встокомь и сѣвером — определение пустыни Етривьской как находящейся «межю встокомь и сѣвером» отсутствует в источниках (у Мефодия Патарского — см. ниже). Очевидно, летописец предполагал, что половцы пришли с северо-востока, и этим определял положение этой пустыни.

Мефодий же свѣдѣтельствуеть о нихъ — ссылка эта относится к «Откровению Мефодия Патарского». Это — труд анонимного автора, вероятно IV в. н. э., неправильно приписываемый Мефодию, епископу города Патар в Ликии (в Малой Азии, III—IV вв. н. э.). В нем повествуется о событиях мировой истории от Адама и до конца мира, ожидавшегося в седьмой тысяче лет от «сотворения мира». Эта-то последняя часть «Откровения», посвященная концу мира, особенно интересовала средневековых читателей. Ею пользовались не только для объяснения происхождения половцев (как здесь), но и для объяснения происхождения некоторых северо-восточных народов (несколько ниже в этой же статье 1096 г.), а впоследствии татар (в летописных рассказах о Калкской битве). В приведенных перед этим сведениях о половцах («ищьли бо суть си от пустыня Етривьскыя...»)

летописец видит частичное осуществление предсказаний Мефодия Патарского о конце мира: «На коньчину бо седмыя тысяща разоритися царство Перьсьско, и тогда изыидеть племя Измаилево отъ пустыня Етрива, и ишедъше ис пустыня соберутся вси вкупе... и власти почнуть до входа и до исхода севернаго и до востока и запада и будуть вси под властию их... и престанеть служба Божия и устанеть всяка песнь церковная и будуть жерци, акы людие, в время то, рекше в седмый век...». «Откровение Мефодия Патарского» было известно на Руси в двух переводах, сделанных в Болгарии. По предположению В. М. Истрина (Откровение Мефодия Патарского и апокрифические видения Даниила в византийской и славяно-русской литературах. М., 1897), летописец знал «Откровение» в первом переводе, второй же проник к нам только в XIII—XIV вв. Однако уже П. И. Потапов в статье «К вопросу о литературном составе летописи» (Русский филологический вестник. 1911. № 11) указал, что летописный текст совпадает то с первым, то со вторым переводом. Замечание П. И. Потапова развил А. А. Шахматов («Повесть временных лет» и ее источники. С. 92 и след.).

да 8 ихъ бѣжа в пустыню, а 4 исѣче — по представлениям летописца, восточные кочевые и полукочевые народы происходят от библейского Измаила, сына Авраама и его рабыни Агари (откуда их название «измаилтяне» и «агаряне»). Из Георгия Амартола летописец почерпнул сведения о том, что у Измаила было 12 сыновей. Отсюда и вышеприведенный расчет летописца: 8 колен (т. е. потомков восьми сыновей Измаила) бежали в пустыню, а 4 колена (потомков остальных четырех сыновей Измаила) иссек Гедеон (один из судей израильских, победитель восточных кочевых племен — по Библии). Расчет этот сделан летописцем самостоятельно вопреки «Откровению Мефодия Патарского», где Гедеон изгоняет в пустыню 8 племен, без каких-либо упоминаний о других племенах.

Друзии же глаголють — по-видимому, под «другими» здесь имеется в виду Георгий Амартол, так как в последующем тексте до слов «а Измаиль роди 12 сына» можно усмотреть факты, почерпнутые в Хронике Георгия Амартола (*Шахматов А. А.* «Повесть временных лет» и ее источники. С. 58).

Поученье — «Поучение» Владимира Мономаха читается только в Лаврентьевской летописи. Здесь оно искусственно вставлено между рассуждением о происхождении половцев и рассказом о беседе летописца с новгородцем Гюрятой Роговичем. В других летописях текст, разделенный в Лаврентьевской летописи вставкой «Поучения», читается без всякого разрыва (см. Ипатьевскую, Радзивиловскую и другие летописи). А. А. Шахматов дает следующее объяснение, почему «Поучение» было вставлено в Лаврентьевскую летопись в середину статьи 1096 г. В «Поучение» вставлена летопись походов Мономаха, очевидно, им составленная. Эта летопись доведена до похода Владимира Мономаха на Ярослава Святополчича, относящегося к 1117 г. Отсюда ясно, что «Поучение» не могло быть вставлено в летопись ранее этого года. «Поучение» доведено (в части этой летописи) до того же года, что и третья редакция «Повести временных лет» 1118 г. По-видимому, «Поучение» попало в Лаврентьевскую летопись именно из этой третьей редакции «Повести временных лет» вместе с последующим рассказом о беседе летописца с новгородцем Гюрятой Роговичем. Как известно из работ А. А. Шахматова, текст Лаврентьевской летописи представляет собой соединение второй редакции «Повести временных лет» с третьей редакцией Мстислава Владимировича, старшего сына Мономаха, к которому как к наследнику киевского стола (в 1118 г. Мстислав был вызван Мономахом из Новгорода и готовился занять киевский стол по смерти отца) и было прежде всего обращено «Поучение». Почему же «Поучение» было перенесено именно сюда, под 1096 г.? На это А. А. Шахматов отвечает следующим образом. Рассуждение о происхождении половцев принадлежит второй редакции, а беседа с Гюрятой Роговичем — третьей. «Для нас ясно, что, обрабатывая текст Владимирского свода 1185 г., Лаврентий (или его предшественник, если летопись только списана, а не скомпилирована Лаврентием) сделал после слов „и по сихъ 8 колѣнъ г кончинѣ вѣка изидуть заклѣпении в горѣ Александромъ Македоньскымъ нечистыя человѣкы" известного рода отметку (напр.: слово «зри») для указания, что в этом месте должна быть сделана вставка из другого источника. Переписчик, дойдя до указанного знака, нашел соответствующий знак (тоже «зри») при двух статьях вспомогательного источника (А. А. Шахматов предполагает, что им был Владимирский полихрон начала XIV в. — свод, гипотетически им предполагаемый, представлявший третью редакцию «Повести временных лет». — *Д. Л.*) — при „Поучении" Мономаха, которое Лаврентий предполагал также включить в свой свод, но, очевидно, под другим годом

и при статье, излагавшей беседу летописца с Гюрятой Роговичем. Не сообразив, что знак при статье 6604 (1096) г. относится именно только ко второму месту, Лаврентий или другой переписчик ошибочно списал вместо второй статьи „Поучение" Мономаха, после чего исправил свою ошибку, переписав за „Поучением" и приложенными к нему документами статью, содержащую беседу летописца с новгородцем Гюрятой» (*Шахматов А. А.* Обозрение русских летописных сводов. Л., 1938. С. 23—24). Менее сложное объяснение того, почему «Поучение» Владимира Мономаха попало в это случайное место Лаврентьевской летописи, дает М. Д. Приселков в своей статье «История рукописи Лаврентьевской летописи и ее изданий» (Учен. зап. Ленингр. педагогического ин-та им. А. И. Герцена. Л., 1939. Т. 19): «В своем послесловии Лаврентий.., называя свой оригинал „Летописцем", утверждает, что этот „Летописец" к его времени работы представлял собою ветхую книгу, что, как полагал Лаврентий, и привело к тому, что в его копии с этого „Летописца" можно встретить теперь как описки, так и переписки с недописками. К тому же он, Лаврентий, как молодой и неопытный переписчик, не всегда мог справиться с своею задачей удовлетворительно: „занеже книгы ветшаны, а ум — молод, не дошел". Действительно, можно думать, что в работе Лаврентия встречаются все указанные им промахи его переписки, из которых мы на первом месте поставим его недописки, т. е. оставленные им пустые места в строках, где, конечно, размер незаполненных буквами пространств строки соответствует количеству не прочитанных Лаврентием букв в протографе. Из таких, теперь для нас самых досадных недописок Лаврентия на первом месте надо, конечно, поставить те 4 ½ строки, которые находятся после первых строк „Поучения" Владимира Мономаха (оно дошло до нас только в Лаврентьевской летописи). Протограф Лаврентьевской летописи был, как говорит Лаврентий, уже настолько обветшалою книгою, что не везде ее текст легко прочитывался переписчиком. Иногда переписчик все же, несмотря на неясность, прочитывал текст, подлежащий переписке; но сам же находил полученное им чтение подозрительным и непонятным, тогда он такое полученное чтение отделял от соседних слов точками... Но почему же так случилось, что в „Поучении" Лаврентий прямо оставил пустыми 4 ½ строки, не дав никакой попытки своего прочтения? Ответ, очевидно, будет тот, что в своей ветхой книге, подлежащей переписке, Лаврентий в этих 4 ½ строках, как и в ряде других мест .., ничего даже приблизительно восстановить прочтением не мог. Но как же получилось, что именно здесь, в начале текста „Поучения", оказались столь загрязненные или столь сильно стертые строки? Давно уже определено, что так называемое „Поучение" Владимира Мономаха представляет собою три самостоятельных, отдельных произведения этого автора: в начале поучение детям (без окончания), затем письмо Мономаха двоюродному брату Олегу (оно без начала) и, наконец, текст культового содержания, вероятно, пера того же автора. Также давно установлено, что эта дефектная группа листов, содержащая все три произведения Мономаха, попала у Лаврентия или в его протографе не на свое место: ведь текст этих произведений Мономаха разрывает собою текст летописного повествования 1096 г., и при удалении из настоящего его места „Поучения" разорванный им текст летописного повествования 1096 г. благополучно смыкается во вполне последовательный и связный рассказ... Лаврентий получил для переписки книгу, в которой эти листы находились уже не на месте. В самом деле, неужели Лаврентий, располагай он возможностью переставлять листы переписываемой ветхой книги, не смог бы найти для них более подходящего места, чем занимаемое ими теперь, например хотя бы в конце изложения любого года? Но вполне своевременно спросить себя: где же было надлежащее место для этих листов в той книге, которую переписывал Лаврентий? Поскольку это, так сказать, собрание сочинений Владимира Мономаха невозможно связать ни с каким местом Лаврентьевского летописного текста, внутрь которого оно теперь попало, т. е. связать так, чтобы это не вызывало сомнений, постольку правильнее всего будет предположить, что это собрание Мономаховых сочинений или предшествовало, или последовало летописному тексту в целом. Из этих двух предположений склониться к первому побуждает нас именно известное уже нам неудовлетворительное для прочтения состояние первого листа „Поучения", на котором на лицевой его стороне было 4 ½ стертых или загрязненных строки, которые не мог воспроизвести нам Лаврентий. В самом деле, если мы предположим, что ветхая книга „Летописец", которую переписывал Лаврентий, была лишена переплета, то первый ее лист от держанья рукою мог легко пострадать, так как на лицевую его сторону (ближе к верху) постоянно должен был нажимать

большой палец левой руки читателя, наводившего справку или читавшего летописный текст, т. е. переворачивавшего листы книги своею правою рукою. Наше предположение о том, что „Поучение" и другие сочинения Мономаха находились при данном летописном тексте в его начале, едва ли представляет собою предположение произвольное. Надо припомнить, что в начале Лаврентьевского текста читается „Повесть временных лет", в своей основе представляющая редакцию Сильвестра, предпринятую по поручению Мономаха. Эту сильвестровскую редакцию „Повести временных лет" вместе с сочинениями Владимира Мономаха естественно встретить в летописной традиции Переяславской (южного Переяславля) епископии, куда епископом был назначен Сильвестр в 1119 г. Владимиром Мономахом и откуда, как мы знаем, летописатели Владимира Суздальского в XII и XIII вв. привлекли летописные тексты для пополнения своих материалов повествованием о делах юга или „Русской земли". Когда в непереплетенной книге теперь отрываются первые или последние листы, то обычно, особенно когда заметят, что некоторые из отделившихся от книги листов уже утрачены, желая оберечь от утраты еще остающиеся, их вкладывают в книгу, в случайное, так сказать, место. Так было и с рукописными, конечно, книгами в древности. Так случилось и с первыми оторвавшимися листами того ветхого „Летописца", который копировал Лаврентий. Какой-то читатель этой ветхой книги, до того как Лаврентий приступил к ее копировке, заметив, что некоторые листы из оторвавшихся от книги листов уже утрачены (вспомним, что теперь нет окончания «Поучения» и начала письма Мономаха к Олегу), желая оберечь от дальнейшей утраты уцелевшие листы, вложил их в случайно открытое место книги. Лаврентий только копировал данную ему книгу; он так и переписал текст, как лежали в книге листы» (с. 186—188). Несмотря на всю зрительную отчетливость и почти ощутимость восстановленной М. Д. Приселковым картины того, как попало «Поучение» Мономаха в середину статьи 1096 г., она все же вызывает серьезные возражения. Не ясно прежде всего, почему в начале того «ветхого летописца», с которого переписывал Лаврентий, оторвались ровно те листы, на которых находились сочинения Мономаха, при этом не захватив текста «Повести временных лет» и не отдав ей части своего текста? Во-вторых, не ясно, как мог Лаврентий не заметить, что он имеет дело со случайно вложенными в рукопись листами? Ведь этих листов было немало, и первый из них, по словам самого же М. Д. Приселкова, выделялся своею истрепанностью. В. Л. Комарович бесспорно установил, что Лаврентий не был простым копиистом, что он внимательно отнесся к тексту своего оригинала, внеся в него важные исправления, касавшиеся основателя его монастыря и его города (Нижнего) Юрия Всеволодовича Владимирского (История русской литературы. М.; Л., 1945. Т. 2, ч. 1. С. 90—96). Предполагаю, что место, занимаемое сочинениями Мономаха в «Повести временных лет», не случайное. Пытаясь установить время, под которым должно было быть помещено «Поученне», Лаврентий или его предшественник могли определить дату одного из сочинений Мономаха — его письма к Олегу (см. об этом с. 530), которое к тому же могло быть и прямо датировано. Летописец и вставил поэтому сочинения Мономаха под 1096 г. Он сделал это тоже не в случайном месте, а там, где был сходный материал общих рассуждений. Он вставил сочинение Мономаха при переходе от одного рассуждения к другому, хотя и разорвав их между собой, но не повредив ни одного. Сочинения Мономаха могли находиться и в начале «ветхого летописца», но, скорее всего, они представляли собою отдельную тетрадь. Попасть в приблизительно верное для своего нахождения место они, конечно, случайно не могли. Также неслучайным считает местонахождение «Поучения» под 1096 г. и Л. В. Черепнин. По мнению Л. В. Черепнина, «Поучение» было вставлено в третью редакцию «Повести временных лет» и тесно связано с задачами этой третьей редакции: рассмотреть под новым углом зрения после ликвидации усобицы, которую начал Ярослав Святополкович, взаимоотношения между Владимиром Мономахом и Святополком Изяславичем. По своему содержанию и «Поучение», и письмо Мономаха к Олегу очень точно отвечали тем политическим задачам, которые стояли в 1118 г. перед составителем третьей редакции «Повести временных лет». Помещенное перед описанием Любечского съезда и событий княжеской борьбы того времени «Поучение» давало нужное Мономаху политическое освещение всему этому узлу событий (*Черепнин Л. В.* «Повесть временных лет», ее редакции и предшествующие ей летописные своды. С. 319—321).[1] Когда было написано «Поучение»? По этому поводу существует большая литература и большие расхождения во мнениях. А. И. Мусин-Пушкин, впервые опубликовавший «Поучение»

(Духовная великого князя Владимира Всеволодовича Мономаха. СПб., 1793), относил его написание ко времени между 1119 и 1125 гг. (там же, с. 50, примеч. 80). Н. М. Карамзин считал, что «Поучение» составлено Мономахом в маститой старости, «не ранее 1117 г., ибо великий князь упоминает о своем походе на Ярослава князя владимирского» (История государства Российского. Т. 2, примеч. 230). Наиболее раннюю дату написания «Поучения» дает М. П. Погодин — 1099 г. М. П. Погодин буквально понимает выражение «сѣдя на санех» и считает, что «Поучение» было написано в дороге. Он приводил в связь с этим упоминанием саней еще два места «Поучения» — то, в котором Мономах говорит о встрече послов своих двоюродных братьев на Волге, и то, в котором он говорит «и се нынѣ иду Ростову». «Ясно, что Мономах, — говорит М. П. Погодин, — задумал „Поучение" на дороге в Ростов по поводу посольства братьев с предложением об изгнании Ростиславичей, написал же его по прибытии в сей город. Нам остается отыскать время, когда братья шли на Ростиславичей». Время это, по расчетам М. П. Погодина, падает на 1099 г. (*Погодин М. П.* О Поучении Мономаховом // ИОРЯС АН. 1861—1863. Т. 10. С. 235 и след.). Что же касается упоминаемых в «Поучении» событий, случившихся после 1099 г. (например, похода на Ярослава Владимирского 1117 г.), то их М. П. Погодин объясняет просто: он их считает вставками переписчиков. С. М. Соловьев, видимо, соглашаясь с мнением М. П. Погодина, мимоходом обронил мысль, что «Поучение» написано после примирения с Давыдом Игоревичем: «По окончании усобицы с Давыдом Игоревичем на Витическом съезде (в 1100 г. — *Д. Л.*) поехал он (Мономах. — *Д. Л.*) на север в Ростовскую область и, будучи на Волге, получил посольство от двоюродных братьев с приглашением идти на Ростиславичей галицких» и с угрозой в противном случае порвать с ним отношения. «Угроза братьев разъединиться с ним сильно опечалила Мономаха; в этой печали он разогнул Псалтирь и попал на место: „Вскую печалуеши, душе? Вскую смущаеши мя" и пр. Утешенный псалмом, Мономах решился тут же написать своим сыновьям поучение» (*Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Стб. 760). С мнением М. П. Погодина согласился не один С. М. Соловьев. Ту же дату (1099 г.) предлагает и С. Протопопов (Поучение Владимира Мономаха как памятник религиозно-правовых воззрений и жизни на Руси в дотатарскую эпоху // ЖМНП. 1874. № 2. С. 232, 235—237) и авторы общих курсов истории древней русской литературы: И. Порфирьев (История русской словесности. Ч. 1) и А. Н. Пыпин (История русской литературы. 5-е изд. СПб., 1907. Т. 3. С. 118). А. А. Шахматов в своем докладе «Кем и когда был составлен летописный свод — Повесть временных лет», сделанном в Московском обществе любителей древней письменности 31 января 1897 г., высказал мысль, что Мономах начал свое «Поучение» еще в 1096 г. и продолжал его до 1118 г., когда «Поучение» было внесено в летопись. «Поучение» с точки зрения А. А. Шахматова представляет собою д н е в н и к Мономаха, его летопись (см. Отчеты о заседаниях Общества любителей древней письменности в 1896—1897 гг. // Памятники древней письменности. 1897. Вып. 124. С. 23). К сожалению, А. А. Шахматов не посвятил «Поучению» обстоятельного исследования, и мы лишены возможности проверить всю его аргументацию в целом. В 1900 г. вышло исследование Н. В. Шлякова «О Поучении Владимира Мономаха». На основании весьма искусственных сопоставлений Н. В. Шляков пришел к выводу, что «Поучение» написано под сильным влиянием богослужения первой недели поста 8—10 февраля 1106 г. в погосте Волга, недалеко от Ростова. Следующее затем исследование И. М. Ивакина «Князь Владимир Мономах и его Поучение» (М., 1901. Ч. 1) относит «Поучение» ко времени между походом 1117 г. на Ярослава Святополковича (поход этот, как уже отмечено, упоминается в «Поучении») и 1125 г. (дата смерти Мономаха). Новую гипотезу о времени написания «Поучения» высказал В. Л. Комарович. Он сопоставляет три факта: 1) последний из упоминаемых в «Поучении» походов Мономаха — это поход на Глеба Минского в 1117 г., 2) «Поучение» написано под влиянием великопостной службы, 3) Ипатьевская летопись говорит о том, что Мономах в этом походе на Глеба сжалился над Глебом под влиянием своего великопостного настроения. Отсюда В. Л. Комарович делает вывод: «Поучение» написано в 1117 г. во время или вскоре после Великого поста. Оно было внесено в третью редакцию «Повести временных лет», так как составитель этой третьей редакции, отмечая, что примирение Владимира Мономаха с Глебом совершилось под влиянием на Мономаха Великого поста, м о г з н а т ь о «Поучении» в целом (История русской литературы. Т. 1. С. 295). Оставляя в стороне спорное предположение В. Л. Комаровича о

том, что «Поучение» написано именно в пост 1117 г., о чем якобы знал даже летописец, не можем не согласиться с ним (и с его предшественниками в этом вопросе), что «Поучение» не могло быть написано ранее тех событий, о которых в этом «Поучении» идет речь. Иными словами, «Поучение» не могло быть написано ранее 1117 г., на который падает последнее из упоминаемых в «Поучении» событий — поход на Глеба Минского. Вместе с тем, как на это обратил внимание пишущего эти строки И. У. Будовниц, оно не могло быть написано и позднее 1117 г., ибо, рассказывая о своем походе совместно с Олегом Святославичем в Чехию, Мономах добавляет, что тогда же «и дѣтя ся роди старѣйшее новгородьское». Между тем Мстислав был в Новгороде с 1095 до 1117 г. После этого Мономах вряд ли стал бы его называть новгородским. Итак, «Поучение» написано в 1117 г. «Поучению» Владимира Мономаха некоторые литературоведы старались подыскать образцы и параллели во всех литературах мира, начиная от византийской и кончая старофранцузской. Однако, кроме самой идеи поучения отца детям, вполне естественной для каждого отца, никакого сходства между различными «поучениями», «завещаниями» и «Поучением» Мономаха установить не удалось. Это и понятно: Мономах исходит из собственного житейского опыта, из опыта русской исторической действительности конца XI—начала XII в., он пишет о событиях собственной жизни, обращается к собственным детям, учитывая их будущее, обращается и к русскому читателю, полный заботы об интересах своей родины. Русская действительность конца XI и начала XII в., политическая деятельность Мономаха, его мировоззрение — вот те важнейшие данные, исходя из которых следует прежде всего оценивать «Поучение».[1]

наречный въ крещении Василий, русьскымъ именем Володимиръ — два имени — одно христианское, крестное, и другое «русское», «мирское», или «княжеское», — обычны в среде русских князей XI—XIII вв., а отчасти и позднее. Так, например, прадед Мономаха имел два имени — Василий (христианское) и Владимир («русское»). В честь его (Владимира Святославича) и был назван Мономах своим дедом Ярославом. Сам Ярослав также носил два имени — Георгий (христианское) и Ярослав (русское). Два имени были распространены не только в княжеской среде. Так, например, новгородский посадник Остромир имел второе (христианское) имя Иосиф (об этом говорится в послесловии к Остромирову Евангелию). Иногда, если мать ребенка была иностранкой, то ему давалось и третье имя — того народа, к которому принадлежала мать. Так, например, сын Мономаха и его первой жены Гиты, дочери англосаксонского короля Харальда, носил три имени: Мстислав (русское), Георгий (христианское) и Гаральд (англосаксонское, материнское). Сын половчанки Андрей Боголюбский имел половецкое имя Китай. В. Н. Татищев, неизвестно на каком основании, утверждает, что крестное имя Мономаха было Феодор. Поэтому первый издатель «Поучения» А. И. Мусин-Пушкин вместо имени Василий поместил точки и в примечании заявил, что имени Мономаха «не можно было разобрать», а в свой перевод поставил имя Федор. Между тем имя Василий ясно читается в Лаврентьевском списке. Христианское имя Мономаха Василий называет также игумен Даниил в своем «Хождении».[2]

Мьномахы — Владимир, очевидно, был назван Мономахом в честь византийского императора Константина IX Мономаха. Мать Владимира была гречанкой из императорского рода (см. с. 489). «Мономах», конечно, не имя, а прозвище: «прироком» (прозвищем) называет его и Ипатьевская летопись под 1124 г. Вслед за словом «Мьномахы» в Лаврентьевской летописи следует пробел в четыре с половиной строки. Пробел этот, очевидно, был вызван ветхостью и неразборчивостью того оригинала, с которого переписывал Лаврентий. Лаврентий сделал этот пробел в расчете, что кто-нибудь из его читателей сможет его заполнить. Он сам пишет: «И нынѣ, господа, отци и братья, оже ся гдѣ буду описалъ или переписалъ или недописалъ, чтите исправливая Бога дѣля, а не клените, занеже книгы ветшаны, а умъ молодъ, не дошелъ». В данном месте «Поучения» Лаврентий явно «недописал», но его воззвание к читателям — «чтите исправливая» — осталось безрезультатным: списки «Поучения» были, очевидно, редкостью и в его время.

и по отни молитвѣ — полуязыческая молитва предка (отца или деда) неоднократно упоминается в летописях XII—XIII вв. Так, например, под 1171 г. в Лаврентьевской летописи говорится о том, что переяславскому князю Михаилу Юрьевичу и Всеволоду Юрьевичу в битве помогают Бог и молитва «дедня и отня». Позднее в XIV и XV вв. молитвенное обращение к неканонизированному предку выходит из обычаев, так же как и

всякие упоминания о загробных молитвах предков об их живых потомках. Упоминание «отней молитвы» Мономахом особенно интересно: оно доказывает его связь с русским бытом в сфере религии, хотя некоторые исследователи (А. А. Шахматов, М. Д. Приселков) стремились изобразить Мономаха сторонником греческой церкви на Руси.

Сѣдя на санех, помыслих в души своей — ср. несколько ниже в «Поучении»: «...на далечи пути, да на санех сѣдя безлѣпицу си молвилъ». Буквально понимать эти слова Мономаха нельзя: в них Мономах говорит о своем «Поучении», которое, конечно, писать зимой, сидя в санях, было невозможно. Следовательно, выражение «сѣдя на санех» надо понимать только как выражение образное. Как выражение же образное, оно может иметь два значения: либо «во время зимнего пути» вообще, либо «в преклонных годах», «на краю смерти». Первое понимание этого выражения мало что дает для уяснения всего начала «Поучения»: не ясно, зачем Мономаху надо было упоминать в данном контексте о том, что свое «Поучение» он писал в дороге; не ясно также, почему писание «Поучения» в дороге может оправдать какую бы то ни было «безлепицу». Между тем второе понимание этого выражения бросает определенный свет на весь замысел «Поучения». Свое «Поучение» Мономах рассматривает как своеобразное «завещание». Он подводит в нем итог не только своим «путям» (походам) и «ловам» (охотам), но и всему своему житейскому государственному опыту. Он подчеркивает в этом выражении свою беспристрастность уходящего из жизни человека и просит не судить его строго за какую бы то ни было старческую «безлепицу». Значение слов «сѣдя на санех» — «в преклонных годах», «на краю смерти» — основывается на обрядовой стороне древнерусских похорон. Перевозка тела умершего на санях была существенною частью древнерусского погребального обычая. На санях в 1015 г. хоронили Владимира Святославича, в 1078 г. — Изяслава Ярославича, в 1113 г. — Святополка Изяславича и т. д. Вместе с тем на сани клали не только умершего, но и умирающего. На это последнее обстоятельство не было обращено должного внимания при объяснении выражения Мономаха «сѣдя на санех». Именно оно, между тем, лучше всего разъясняет этот образ. Вот как рассказывает летописец о смерти Феодосия Печерского: почувствовав приближение смерти, Феодосий «повелѣ изнести ся на дворъ; братья же, в з е м ш е ̀и н а с а н и, поставиша ̀и прямо церкви». Затем Феодосий приказал собрать к себе монастырскую братью и здесь на санях сказал им свою последнюю волю (см. текст, с. 80).

и похвалих Бога, иже мя сихъ дневъ грѣшнаго допровади — здесь, конечно, следует видеть указание на преклонный возраст писавшего эти слова Мономаха. Ни молодой человек, ни человек среднего возраста не могли бы обратиться с благодарностью к Богу, «допровадившему» их до их возраста («сихъ дневъ»). Аналогичное указание на преклонный возраст Мономаха читается и в конце «Поучения»: «...хвалю Бога и прославьляю милость его, иже мя грешнаго и худаго с е л и к о л ѣ т сблюд о т т ѣ х ъ часъ смертныхъ». Мономах писал свое «Поучение» в пожилом возрасте, подводя итоги своему жизненному государственному опыту.

Да дѣти мои, или инъ кто, слышавъ сю грамотицю — из этих слов видно, что Мономах предназначал свое «Поучение» не только для своих детей. Он придавал ему более широкое общественное значение. По характеру наставлений «Поучение» предназначено в первую очередь для людей, которым предстояло обладать княжеской властью, но вместе с тем в нем есть и наставления, общеобязательные для каждого феодала.

Усрѣтоша бо мя слы — И. М. Ивакин обращает внимание на то, что абзац, начинающийся этими словами, не вяжется с предшествующим текстом. Слово «бо» как будто бы говорит о том, что здесь приводится иллюстрация какой-то общей мысли, но мысль эта перед тем не выражена. И. М. Ивакин предполагает, что в этом месте нехватало целого листа, и переписчик переписал текст сплошь, не заметив пропуска (*Ивакин И. М.* Князь Владимир Мономах и его Поучение. Ч. 1: Поучение детям; Письмо к Олегу и отрывки. М., 1901. С. 77—78).

от братья моея — здесь разумеются двоюродный брат Мономаха Святополк Изяславич и Святослав Давыдович («Святоша»).

да выженемъ Ростиславича и волость их отъимем — «Ростиславича» — родительный падеж двойственного числа. У Ростислава Владимировича было трое сыновей: Рюрик, Володарь Перемышльский и Василько Теребовльский. Рюрик умер в 1092 г. Речь идет, следовательно, только о Володаре и Васильке. Святополк, по-видимому, прислал послов к

Мономаху с предложением изгнать Ростиславичей из их волостей в 1099 г. Во всяком случае, в «Повести временных лет» под 1097 г. в повести Василия об ослеплении Василька Теребовльского говорится о событиях 1099 г.: «Святополкъ же, прогнавъ Давыда, нача думати на Володаря и на Василка, глаголя, яко „Се есть волость отца моего и брата"; и поиде на ня».

мы собѣ будем, а ты собѣ — в данном случае это выражение — обычная формула отказа от союза (ср. в Синодальном списке Новгородской первой летописи под 1232 г.: «Они же сташа за ними крѣпко, нъ рекоша: „Прислите к нимъ жены ихъ и товаръ, тоже мы Вячеслава пустимъ; или вы собѣ, а мы собе"»; или там же, под 1228 г.: «а къ князю послаша къ Ярославу на томъ: „Поеди к намъ, забожницье отложи, судье по волости не слати; на всѣй воли нашей и на вьсехъ грамотахъ Ярославлихъ ты нашь князь; или ты собе, а мы собе"», и т. д.).

веемъ Псалтырю, в печали разгнухъ я̀, и то ми ся выня — здесь Мономах говорит о значении в жизненных трудностях Псалтири. Псалтирью часто пользовались в древней Руси для гаданий. Существовали даже особые гадальные псалтири, под основным текстом которых помещались замечания, поясняющие «пророческое» значение псалтирского текста. Гадающий раскрывал наугад Псалтирь и читал открывшееся место и замечания к нему, если они были.[1]

К с. 98—99

И потомь собрах словца си любая, и складохъ по ряду, и написах — Мономах начинает свои наставления с выписок «словес божественных». Все выписки Мономаха в известной мере объединены единством темы и, во всяком случае, единством настроения. Все они характеризуют его душевное состояние после его отказа выступить против Ростиславичей. Сначала идут выписки из псалмов, читаемых обычно в церкви либо накануне Великого поста, либо в первые его недели. За выписками этих покаянных псалмов следуют выдержки из «Поучения» Василия Великого, известного в древней Руси еще по переводу, включенному в Изборник Святослава 1076 г. Затем следуют выписки из одного «Поучения», включаемого в русские Прологи XII—XIII вв., из пророчеств Исайи и из молитвословий, читающихся в так называемых «Триодях». Не ясно, что имеет в виду Мономах, когда говорит, что расположил свои выписки «по ряду»: возможно, Мономах имеет в виду то, что он расположил свои выписки в том порядке, в каком он их делал из отдельных произведений.

Аще вы послѣдняя не люба, а передняя приимайте — под «передним» Мономах, вероятно, имеет в виду свои выписки «божественных словес», а под «последним» — собственные наставления, которые следуют за этими выписками.

К с. 100

како птица небесныя изъ ирья идуть — по некоторым славянским преданиям, птицы на зиму улетают в рай (ирий, вырий) — в сказочную страну, где не бывает зимы и куда скрывается зимою вся живая природа. Ср. белорусскую песню:

> Чом ты жавороньку, рано з вирья вилітав?
> Ище по гороньках сніженьки лежали
>
> *Чубинский П. П.* Труды этнографическо-статистической экспедиции в западнорусский край Русского геогр. общества. СПб., 1872. Т. 3. С. 110.

и первѣе въ наши руцѣ — некоторые исследователи предлагали изменить «первѣе» в «преданы» без достаточных оснований. Вернее всего думать, «что первѣе въ наши руцѣ» сказано здесь вот почему: рай по средневековым представлениям расположен на востоке; из христианских государств Русь — самая восточная; следовательно, выйдя из рая весною, птицы прежде всего летят «в руки» русских, а затем не остаются здесь, на Руси, «на одиной земли», «но и силныя и худыя идуть по всѣмъ землямъ».

К с. 101

Не грѣшите ни одину же ночь — слово «грешить» употреблено здесь Мономахом, несомненно, в его русском значении: пропускать (ср. «грешиться» — промахнуться). Мономах хочет сказать: не пропускайте ни одной ночи без молитвы (см. последующий текст).

и придайте сиротѣ, и вдовицю оправдите сами, а не вдавайте силным погубити человѣка — ср. в Лаврентьевской летописи под 1212 г. характеристику князя Всеволода Юрьевича (Большое Гнездо): он суд судил «истиненъ и нелицемѣренъ, не обинуяся лица силных своихъ бояръ, обидящих менших и роботящих сироты и насилье творящих»; ср. также ниже в «Поучении» Мономаха: «...худаго смерда и убогиѣ вдовицѣ не далъ есмь силным обидѣти» и «на посадники не зря ни на биричи, сам творилъ, что было надобѣ». О личном суде князя говорила и статья 33 Правды Ярославичей (в том числе Всеволода, Мономахова отца): «Или смердъ умучать, а безъ княжа слова, за обиду три гривны»; о личном же суде см. выше комментарий к рассказу «Повести временных лет» под 1071 г. (*Комментарий Б. А. Романова*).[1]

Ни права, ни крива не убивайте, ни повелѣвайте убити его: аще будеть повиненъ смерти, а душа не погубляйте никакояже хрестьяны — речь здесь идет не о судебном применении смертной казни: русское право того времени не знало ее. Слова эти имеют в виду феодальное самоуправство. Конкретный пример такого самоуправства описан в Патерике Киевско-Печерского монастыря (СПб., 1911. С. 199). В 1093 г. брат Мономаха Ростислав перед походом на половцев направился в сопровождении дружины (отроков) в монастырь за благословением и молитвою. На берегу Днепра повстречался им монах Григорий (см. выше, с. 482—483), пришедший за водой. Отроки принялись глумиться над ним, а он предсказал им: «Вси вы въ водѣ умрете и съ князем вашим». Дошло это до князя Ростислава, и он в гневе повелел связать ему, Григорию, руки и ноги и камень на шею его повесить, и бросить старца в воду. Григорий и утонул. Рассказчик Патерика укоризненно заметил при этом, что Ростислав «от ярости» не пошел на похороны утонувшего, а что Владимир Мономах пришел «молитвы ради». А затем вскоре «бывшим имъ у Треполя (см. под 1093 г.) и полкома снедъшимася и побѣгоша князи наши от лица противных (половцев), и молитвою прѣеха рѣку Владимир. Ростиславъ же утопе съ всѣми своими вои, по словеси блаженаго Григориа». (*Комментарий Б. А. Романова*).

не зрите на тивуна — тиун — управляющий хозяйством, дворецкий, правитель, слуга.

ходяще путемъ по своимъ землямъ — помимо общего значения, выражение «ходить путем» имеет и более специальное: «собирать дань». Ср., например, в «Повести временных лет» под 945 г. Игорь говорит своей дружине: «Идѣте съ данью домови, а я возъвращюся, похожю и еще», или в Ипатьевской летописи под 1238 г.: «Данилъ же и Василко въдаста ему (Михаилу Черниговскому. — *Д. Л.*) ходити по землѣ своей, и даста ему пшеницѣ много, и меду, и говядъ, и овѣць доволѣ». В данном месте «Поучения» Мономах говорит, конечно, о сборе дани.

не дайте пакости дѣяти отрокомъ, ни своимъ, ни чюжимъ, ни в селѣх, ни в житѣх, да не кляти вас начнуть — с этим местом «Поучения» Мономаха следует сопоставить его заботу о хозяйстве смердов, выраженную им в его речах на съезде в Долобске в 1103 г. и на съезде 1111 г.: «И рече Володимеръ: „Дивно ми, дружино, оже лошадий жалуете, ею же кто ореть; а сего чему не промыслите, оже то начнеть орати смердъ, и приѣхавъ половчинъ ударить й стрѣлою, а лошадь его поиметь, а в село его ѣхавъ иметь жену его и дѣти его, и все его имѣнье? То лошади жаль, а самого не жаль ли?"» (1103 г.). «И рече Володимеръ: „Како я хочу молвити, а на мя хотять молвити твоя дружина и моя, рекуще: „Хощеть погубити смерды и ролью смердомъ". Но се дивно ми, брате, оже смердовъ жалуете и ихъ коний, а сего не помышляюще, оже на весну начнеть смердъ тотъ орати лошадью тою, и приѣхавъ половчинь ударить смерда стрѣлою и поиметь лошадь ту и жону его, и дѣти его, и гумно его зажжеть. То о сѣмь чему не мыслите?"» (1111 г.). Защита интересов хозяйства смердов была важной особенностью политики Мономаха.[2]

накормите унеина — кто такой этот «унеин»? Что это за слово? Вопрос этот возбудил целую литературу и до сих пор остается неразрешенным. Н. М. Карамзин производил это

слово от кабардинского (!) «унна», что значит «дом» (*Карамзин Н. М.* История государства Российского Т. 2. Примеч. 232). Так же толковали это слово А. И. Мусин-Пушкин и С. П. Шевырев. Ф. И. Буслаев предлагал читать раздельно «уне ина» и переводил «лучше иного» (Историческая христоматия церковнославянского и древнерусского языков / Сост. ... Ф. Буслаевым. М., 1861. Стб. 476). В другом месте Ф. И. Буслаев производил это слово от «унить» — просить и переводил «просящего» (Русская христоматия. М., 1894. Стб. 74). С. М. Соловьев в своей «Истории России» (Кн. 1, стб. 316) переводил это место по общему смыслу, «куда пойдете, где станете, напойте, накормите бедняка». В. А. Воскресенский предлагает видеть в слове «унеин» испорченную форму от «унеиша» — юный, малый, слабый (*Воскресенский В. А.* Поучение детям Владимира Мономаха. СПб., 1893. Стб. 15). И. М. Ивакин по поводу «унеина» пишет: «Нельзя ли объяснить это унеина как чисто палеографическое недоразумение? Ведь далее идут слова ти бо мимоходячи, относящиеся, без всякого сомнения, и к ясному гость и к неясному унеина. Если мимоходячи одинаково относится к тому и другому слову, это значит, что оба они должны иметь нечто однородное. Не вышло ли унеина по неразборчивости из двух слов: убога и нища или убога и странна?» (*Ивакин И. М.* Князь Владимир Мономах и его Поучение. Ч. 1. С. 134).[1]

Жену свою любите, но не дайте имъ надъ собою власти — ср. у Даниила Заточника, в его «Слове» XII в.: «Глаголеть бо в мирскых притчах: ... не мужь в мужех, иже кимъ своя жена владѣеть...» (Слово Даниила Заточника по редакциям XII и XIII вв. Л., 1932. Стб. 26). (*Комментарий Б. А. Романова*).

К с. 102

якоже бо отець мой, дома сѣдя, изумѣяше 5 языкъ — по поводу этого места «Поучения» первый его издатель А. И. Мусин-Пушкин справедливо писал: «Из сей Духовной (так Мусин-Пушкин называл «Поучение». — *Д. Л.*) видно, что праотцы наши хотя не ездили толпами в чужие краи для мнимого просвещения, однако не можно заключать, чтобы они языков иностранных не знали, а тем паче чтобы на природном своем худо изъяснялися. Отец мой, пишет Владимир, дома сидя, умел говорить на 5 языках; — довод сильный против тех, кои праотцев наших почитают невеждами». Какие же именно языки знал Всеволод Ярославич? Здесь мнения расходятся, но все исследователи единогласно прежде всего указывают на язык греческий (Всеволод был женат на гречанке). Из других языков, которые мог знать Всеволод, исследователи указывают на латинский, немецкий, венгерский, половецкий, язык волжских болгар, литовский, торческий, касожский, обезский, «скандинавский» и др. Как бы то ни было, знание пяти иностранных языков было в XI в. для Западной Европы явлением незаурядным. Европейские писатели ставили в особую заслугу немецкому императору Карлу IV знание пяти иностранных языков.

И сѣдше думати с дружиною — ср. подробный рассказ о таком заседании князей с дружинами ниже под 1103 и 1111 гг. накануне и по поводу похода на половцев. О совещании с дружиной по законодательным вопросам см. статью 53 Пространной Русской Правды: «Володимѣръ Всеволодичь (Мономах) по Святополцѣ (т. е. после смерти Святополка Изяславича в 1113 г.) созва дружину свою на Берестовѣмь (княжое село под Киевом): Ратибора Киевського тысячького, Прокопью Бѣлогородьского тысячького, Станислава Переяславского тысячького, Нажира, Мирослава, Иванка Чюдиновича Олгова мужа (Олега Святославича, двоюродного брата Мономаха), и уставили...» (далее следуют постановления об ограничении ростовщичества и др.). (*Комментарий Б. А. Романова*).

или люди оправливати — здесь разумеется суд. «Оправливати» — означает восстанавливать в праве, давать удовлетворение обиженному (ср. в договоре Игоря 945 г.: «да аще кто от Руси или от грекъ створить криво, да оправляеть то»).

пути дѣя и ловы с 13 лѣт — в Лаврентьевской летописи читается «пути дѣя и ловы 13 лѣт» — без предлога «с». Однако первый поход Мономаха отмечен в летописи уже под 1076 г. Поэтому, к какому бы году мы ни относили написание «Поучения» (к 1099 или к 1105 или к 1117), чтение «пути дѣя и ловы 13 лѣт» явно не может быть принято. И. М. Ивакин предполагает, что переписчик принял за цифру 13 (г҃і) полуистершуюся цифру 53 (н҃г). Однако и при этом исправлении фраза получается неловкой. Форма «лет» в ней

явно неуместна. Поэтому предполагаем (вслед за М. П. Погодиным), что в этой фразе просто пропущено «с» и читать следует «с 13 лет». Действительно, обряд посажения молодого князя на коня («посаг»), после которого князь считался совершеннолетним, совершался обычно приблизительно в этом возрасте (12—14 лет).

Первое к Ростову идохъ — Ростов, согласно перечню русских князей, помещенному в Новгородской первой летописи под 989 г., был отдан Ярославом отцу Мономаха — Всеволоду («И раздѣлиша землю, и взя болший Изяславъ Кыевъ и Новъгород и иныи городы многы киевьскыя во предѣлех; а Святославъ Черниговъ и всю страну въсточную и до Мурома; а Всеволод Переяславль, Ростовъ, Суздаль, Бѣлоозеро, Поволжье»). Перечень этот, как уже отмечалось выше, имеет большую историческую ценность, и его указания следует принимать в расчет, несмотря на то что, согласно «Повести временных лет», Всеволод получил один только Переяславль. Если так, т. е. если Всеволод действительно получил в удел Ростов, то отправление Мономаха в Ростов не следует понимать как поход: Мономах пошел в Ростов на свое княжение. С чем согласуется и последующее: «посла мя отецъ, а сам иде Курьску» (на княжение).

сквозѣ вятичѣ — вятичи жили в бассейне Оки. Водный путь в Ростов лежал по Днепру, Оке и верхней Волге. Очевидно, Мономах шел прямым путем через вятические леса, представлявшие в XI в. немалую опасность.

а самъ иде Курьску — отец Мономаха Всеволод пошел к Курску не походом, а на свое княжение. Курск в XI в. входил в состав Переяславского княжества, доставшегося в удел Всеволоду.[1] Можно догадываться, что Всеволод пошел к Курску, а сына отослал в Ростов в 1068 г. Именно в этом году Изяслав и Всеволод были изгнаны восставшими киевлянами из Киева. Изяслав искал убежища в Польше. Куда отправился Всеволод — из летописи неизвестно, во всяком случае не в Польшу. Возможно, что он и укрылся в своем Курске, отправив сына в свой Ростов. Ехать Днепром Владимир не мог, так как днепровский водный путь был в руках киевлян, и ему пришлось ехать «сквозе вятичи», несмотря на опасность.[2]

и пакы 2-е к Смолинъску — Владимир Мономах направился на княжение в Смоленск, по-видимому, в том же 1068 г. Сопровождавший его Ставко ушел к Берестию с Изяславом, проехавшим через Берестие в Польшу (через Берестие 50 лет назад направлялся в Польшу и другой политический беглец — Святополк Владимирович). Так понимает исторические обстоятельства этого смоленского похода С. М. Соловьев. И. М. Ивакин относит поход к несколько более позднему времени — к 1069—1070 гг., когда Изяслав уже вернулся из Польши и начал борьбу со Всеславом (*Ивакин И. М.* Князь Владимир Мономах и его Поучение. Ч. 1. С. 149).

со Ставкомь с Гордятичемъ — в Лаврентьевской летописи «со Ставкомь Скордятичемъ». Имя Скордята сомнительно, так же как и Кордята. Поэтому предлагаем здесь чтение «с Гордятичемъ». Имя Гордята встречается в «Повести временных лет» под 945 г. («...идеже есть нынѣ дворъ Гордятинъ и Никифоровъ»). Нигде в других случаях этот «Ставко» более в летописях не упоминается, но в свое время это был человек, очевидно, известный, иначе Мономах разъяснил бы, кто он такой.

к Берестию — Берестье — город на Западном Буге; ныне Брест.

Володимерю — во Владимир Волынский. Об этом «пути» Мономаха И. М. Ивакин делает следующее предположение: «На Волыни Мономах является несомненно тогда, когда на Руси было не три, а только два Ярославича, т. е. после 22 марта 1073 г., когда Изяслав вынужден был уйти в Польшу и когда Святослав сменил его в Киеве. Став сам великим князем, Святослав, естественно, и сыновьям старался дать лучшие уделы. Старший его сын, Глеб, впрочем, еще при Изяславе сидел в Новгороде, перейдя туда из Тмутаракани весной либо летом 1069 г. Второй его сын Роман, видимо, заместил Глеба в Тмутаракани. Давыду, третьему сыну, надо предположить, Святослав дал по степени старшинства Смоленск. Но перевел ли он Мономаха во Владимир (Волынский. — *Д. Л.*)? Кое-что как будто говорит в пользу этого. По-видимому, из Владимира в ту же зиму Мономаха „посласта Берестию брата", т. е. Святослав и Всеволод; по-видимому, из Владимира же ходил он к отцу на Пасху в Переяславль и во Владимир же оттуда вернулся; по-видимому, и творить с ляхами мир на Сутейске поручено ему было как ближайшему к ляхам князю.[3] В таком случае, где же сидел Святославов сын Олег? Можно ли допустить, чтобы отец не постарался дать и ему лучшего

после Давыда удела? Едва ли. Из Поучения видно, что Олег в 1077 г. сидел во Владимире; стало быть, сидел он там наверное и раньше (т. е. с 1073 г.). Где же в таком случае был удел Мономаха? О Смоленске в княжение Святослава он упоминать перестает. Повторяю — потерян ключ, и где является Мономах при Святославе удельным князем, остается для нас не известным. Не в Турове ли? Несомненно одно — на Волыни Мономах действовал в то время, когда по удалении Изяслава из Киева в Польшу Болеслав Смелый, его свойственник, наверное принял угрожающее положение» (*Ивакин И. М.* Князь Владимир Мономах и его Поучение. Ч. 1. С. 150).

послата Берестию брата — здесь двойственное число: имеются в виду братья Святослав и Всеволод Ярославичи (дядя и отец Мономаха).

иде бяху ляхове пожгли — почему и когда поляки могли пожечь Берестие? В 1073 г. Изяслав бежал в Польшу, но уже в январе 1075 г. он представлялся в Майнце германскому императору Генриху IV, находившемуся далеко не в дружественных отношениях с польским королем Болеславом Смелым. Не указывает ли это на какую-то размолвку Изяслава с поляками, следствием чего мог явиться поджог последними русского города Берестия? (*Ивакин И. М.* Князь Владимир Мономах и его Поучение. Ч. 1. С. 151).

той ту блюдъ городъ тихъ — некоторые интерпретаторы «Поучения» (Миклошич, Ивакин и др.) предлагают читать вместо «городъ тихъ» «городъ тѣхъ», имея в виду города, расположенные близ Берестья. Сохраняем здесь текст Лаврентьевской летописи.

идохъ Переяславлю отцю — к отцю в Переяславль Южный (княжение Всеволода).

на Сутейску — урочищ со сходными названиями (Сутейск) имеется несколько.

Володимерю — Владимиру Волынскому.

посла мя Святославъ в ляхы — об этом походе Мономаха в помощь полякам против чехов см. в «Повести временных лет» под 1076 г.

ходивъ за Глоговы до Чешьскаго лѣса — Чешский лес расположен на юг от Эгера между Богемией и Моравией, в районе водораздела Дуная и Влтавы. Возможно, однако, что под Чешским лесом подразумевается лес Силезско-Моравских гор. Глогова — Глогау на Одере.

и дѣтя ся роди старѣйшее новгородьское — старший сын Владимира Мономаха Мстислав родился в 1076 г. В Новгороде Мстислав княжил с 1095 г. по 1117 г. и еще раз перед этим в 1088—1093 гг.

даже Турову — возможно, что в 1076—1077 гг. Туров был городом Владимира.

И Святославъ умре — Святослав Ярославич умер 27 декабря 1076 г. По-видимому, после смерти Святослава произошло новое распределение волостей, по которому Владимир Мономах получил Смоленск.

Глѣбови и помочь — т. е. помощь Глебу Святославичу Новгородскому, очевидно, против Всеслава Брячиславича Полоцкого весной 1077 г. Всеслав был постоянным врагом Глеба.

онъ иде Новугороду — Святополк Изяславич сел в Новгороде по смерти новгородского князя Глеба, убитого в Заволочье 30 мая 1078 г.

на Одрьскъ — где этот город Одреск, не ясно. Н. М. Карамзин считал Одрьск опискою вместо Дрьютеск (*Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. 2. Примеч. 134). Оснований к этому немного.

И Олегъ приде, из Володимеря выведенъ, и возвах ѝ к собѣ на обѣдъ со отцемь в Черниговѣ, на Краснѣмь дворѣ — угощение Олега Святославича Мономахом могло произойти только до 10 апреля 1078 г., так как 10 апреля Олег бежал в Тмутаракань (см. «Повесть временных лет» под 1078 г.). Отец, о котором здесь идет речь, — отец Мономахов Всеволод. Обед, по-видимому, был устроен Мономахом на Пасху, приходившуюся в 1078 г. на 8 апреля (*Ивакин И. М.* Князь Владимир Мономах и его Поучение. Ч. 1. С. 159). Под 1078 г. записано, что Олег бежал в Тмутаракань 10 апреля «от Всеволода». Следовательно, на обеде у Мономаха произошла ссора между Олегом и Всеволодом, результатом которой и явилось бегство Олега в Тмутаракань на третий день Пасхи.

на Краснѣмь дворѣ — красные княжеские дворы неоднократно упоминаются в летописи. Все они были загородными дворами: под Киевом, под Перемышлем, под Переяславлем Южным. Черниговский Красный двор был также, очевидно, загородным.

и вдахъ отцю 300 гривен золота — в начале 1076 г. отец Мономаха Всеволод сел после смерти Святослава в Киеве. Услыхав о смерти Святослава, Изяслав вернулся из

Польши. На Волыни было заключено соглашение: Изяслав принял Киев, Всеволод отправился в Чернигов, а Мономаху дали Смоленск. 300 гривен золота, которые Мономах передал отцу, приехав в Чернигов, были, возможно, данью, полученной Мономахом в Смоленске. В переводе на серебро это будет 3000 гривен серебра. Для сравнения несколько примеров: 1) 3000 гривен — это весь доходный бюджет Смоленского княжества в 1150 г. (см. грамоту князя Ростислава Смоленской епископии, по которой высчитывается этот бюджет: *Владимирский-Буданов М.* Христоматия по истории русского права. 4-е изд. СПб.; Киев., 1889. Вып. 1. С. 241—249); 2) поход новгородцев против князя Всеволода, отъехавшего из Новгорода во Псков в 1137 г., обошелся в 1500 гривен (см. Новгородскую первую летопись под 1137 г.); 3) киевский князь Всеволод Ольгович «раскоторовался» с князем Владимирком Галицким в 1114 г. и уже двинулся было в поход в сопровождении еще трех князей, но еще до открытия военных действий противники помирились, и Владимирку пришлось взять на себя издержки Всеволодова подъема в сумме 1400 гривен «за труд» (Ипатьевская летопись под 1144 г.); 4) про минского князя Глеба Всеславича известно, что еще при жизни он пожертвовал в Киево-Печерский монастырь 1100 гривен, а по смерти его в 1119 г. вдова его передала монастырю еще 600 гривен, т. е. монастырь получил всего 1700 гривен, сама же вдова через 40 лет, на смертном одре лежа, могла передать монастырю только села с челядью и все личные вещи (Ипатьевская летопись под 1159 г.; о гривнах уже не упоминает вовсе). (*Комментарий Б. А. Романова*).

проидох сквозѣ половечьскыи вои, бьяся, до Переяславля — половцы вторглись на Русскую землю после поражения Всеволода на Сожице 25 августа 1078 г. Мономах пробился к Переяславлю Южному, где и застал своего отца Всеволода, вернувшегося после поражения («и отца налѣзохъ с полку пришедше»).

То и пакы ходихомъ, том же лѣтѣ, со отцемь и со Изяславомь битъся Чернигову с Борисомь, и побѣдихомъ Бориса и Олга — имеется в виду битва на Нежатиной Ниве близ Чернигова, происшедшая 8 октября 1078 г. Мономах, его отец Всеволод Ярославич и Изяслав Ярославич победили в этой битве Бориса Вячеславича и Олега Святославича («Гориславича»). Изяслав и Борис были убиты в битве. В Киеве сел Всеволод, а Мономах в Чернигове, сохранив, по-видимому, за собой Смоленск. Вот почему Мономах, теперь уже черниговский князь, гонится за Всеславом «с черниговци».

и стахом во Обровѣ — Обров — урочище в Переяславском княжестве, но не ясно, где. Возможно, что «Обров» означает вал, находящийся близ Переяславля Южного.

И Всеславъ Смолнескъ ожьже, и азъ всѣдъ с черниговци о двою коню — здесь более подробный рассказ о том же походе Владимира Мономаха против Всеслава Брячиславича Полоцкого на Смоленск зимою 1078 г., о котором он уже сказал выше: «И Святославъ умре, и язъ пакы Смолиньску» (подробные соображения об этом см.: *Ивакин И. М.* Князь Владимир Мономах и его Поучение. Ч. 1. С. 159).

до Лукамля и до Лагожьска — Лукомль и Логожск — города в Полоцком княжестве, принадлежавшие Всеславу Полоцкому.

А на ту зиму — т. е. на зиму 1078 г.

князи Асадука и Саука — как предполагает И. М. Ивакин (Князь Владимир Мономах и его Поучение. Ч. 1. С. 168), Асадук — это, по-видимому, тесть Олега Святославича, женатого на половчанке. Утверждать это с достоверностью нет, однако, прочных оснований. Половецкий князь Саук более нигде не упоминается.

за Новымъ Городом — за Новгородом Северским.

силны вои Белкатгина — Белкатгин нигде более не упоминается.

а семечи и полонъ весь отяхом — что такое «семечи»? Некоторые комментаторы разделяют «се мечи» и переводят: «а мечи их и полон весь отняли» (А. И. Мусин-Пушкин, А. Клеванов, И. Лашнюков и др.). И. М. Ивакин предлагает вместо «се мечи» — «вьсѣ вежи» (*Ивакин И. М.* Князь Владимир Мономах и его Поучение. Ч. 1. С. 42, 169). Н. В. Шляков предполагает, что «семечи» — это поселенцы по реке Семи. Правильнее было бы «семеци», но в списке «Поучения» произошло смешение «ц» и «ч» (*Шляков Н. В.* О Поучении Владимира Мономаха // ЖМНП. 1900. № 5. С. 121; № 7. С. 20, 21). Возможно, что слово «семечи» (или «семеци») нужно связать с упоминаемым ниже «семцем» (см. с. 525).

К с. 103

ко Корьдну — город Корьдно упоминается только в «Поучении». Местоположение его не ясно. В «Повести временных лет» под 1080 г. упоминается поход Мономаха на торков («Заратишася торци переяславьстии на Русь, Всеволодъ же посла на ня сына своего Володимера. Володимеръ же шедъ побѣди търкы»). Не есть ли поход «на Корьдну» этот поход на торков? Нигде более в «Поучении» поход на торков не упоминается. Вряд ли Мономах забыл бы упомянуть об этом своем победоносном походе.

И паки по Изяславичихъ — по-видимому, речь идет не о Изяславичах (Ярополке и Святополке, сыновьях Изяслава Ярославича), а о Ростиславичах (Володаре Ростиславиче Перемышльском и Васильке Ростиславиче Теребовльском). Ср. в «Повести временных лет» под 1084 г.: «В се же время выбѣгоста Ростиславича 2 от Ярополка, и пришедша прогнаста Ярополка, и посла Всеволодъ Володимера, сына своего, и выгна Ростиславича, и посади Ярополка Володимери».

за Микулинъ — Мукулин — город в Галицкой области на реке Серете.

И на ту весну къ Ярополку совкуплятъся на Броды — Броды — город на границе Руси с Польшей в Волынской земле. Свидание Мономаха с Ярополком Изяславичем происходило, по-видимому, весной 1084 г.

гонихом по половьцихъ за Хоролъ, иже Горошинъ взяша — Хорол — приток Псела. Горошин — город в Переяславском княжестве на реках Суле и Боричке, на юго-запад от Хорола.

На ту зиму идохом къ Ярополку совокуплятися на Броды, и любовь велику створихом — о свидании с Ярополком на Бродах уже было сказано выше. Было ли этих свиданий два или одно? И. М. Ивакин подробно обосновывает свое мнение, что было только одно (*Ивакин И. М.* Князь Владимир Мономах и его Поучение. Ч. 1. С. 171—173). Против этого говорит та разница, которая отмечена Мономахом во времени этих свиданий, о первом из них Мономах говорит: «и на ту весну...», о втором же — «на ту зиму...». Остается предположить только, что последовательность всех «путей» Мономаха нам не ясна. Сам Мономах, давая список своих «путей», ставил себе не столько историческую цель, сколько поучительную. Он перечислил не все из своих походов; не отметил даже и тех, о которых записала летопись. В частности, в связи с отношениями Мономаха к Ярополку следует заметить, что поход Мономаха 1085 г. к Луцку, в котором Ярополк оставил свою мать и дружину, бежав от Мономаха в Польшу, в «Поучении» не записан. Мономаху важно было подчеркнуть свои добрые отношения с Ярополком.

И на весну посади мя отець в Переяславли передъ братьею — С. М. Соловьев считает это место испорченным на том основании, что Мономах уже сидел в Чернигове и что Чернигов был старше Переяславля. И. М. Ивакин предложил читать это место так: «И на весну п о с л а мя отецъ к Переяславлю» (*Ивакин И. М.* Князь Владимир Мономах и его Поучение. Ч. 1. С. 175). Думаю, что нет оснований к такого рода исправлению: Переяславль в XII в. обычно занимал тот князь, который должен был сесть после смерти киевского князя в Киеве. Переяславль — это своеобразное «преддверие Киева» (*Мавродин В. В.* Очерки истории Левобережной Украины. Л., 1940. С. 157). Нет, следовательно, ничего удивительного в том, что сюда, поближе к Киеву, перевел своего старшего сына Мономаха Всеволод Ярославич. Удивляло И. М. Ивакина и выражение «перед братьею». Он ссылался при этом на то, что у Мономаха был один только брат Ростислав. Под «братьею» Мономах разумеет, очевидно, всех русских князей. Вероятно, он хочет подчеркнуть, что был посажен отцом в Переяславле, чтобы облегчить ему занятие киевского стола после смерти Всеволода, и выделен тем из всех русских князей, поставлен впереди всех русских князей.[1]

и ходихом за Супой — Супой — левый приток Днепра; впадает в Днепр ниже Переяславля Южного. Следующий за Супоем крупный левый приток Днепра — Сула. Супой и Сула — пограничные с половецкой степью реки.

И ѣдучи к Прилуку городу — город в Переяславском княжестве. В некоторых списках «Повести временных лет» Прилуком называется город Переволочна. Весьма возможно, что это один и тот же город. В пользу этого говорит и то обстоятельство, что «прилука» значит «пристанище», «постоялый двор»; последние были совершенно необходимы в районах «волоков», «переволоков» (отсюда «Переволочна»).

но оружье бяхомъ услали напередъ на повозѣхъ — исследователь русского оружия А. В. Арциховский пишет: «Воины в походе не обременяли себя доспехами. Это видно из того, что поход в бронях особо отмечается: „Слышавъ же Святославъ, оже болгары собравшися ждутъ его на Исадахъ, повелѣ же воемъ своимъ оболочитися во броня и стяги наволочити, и наряди полкы въ насадѣхъ и лодияхъ, и поиде полкъ по полцѣ, бьюще въ бубны и во трубы и въ сопели, а сам князь по нихъ поиде" (ПСРЛ. Т. 7. С. 127)» (*Арциховский А. В.* Русское оружие X—XIII вв. // Докл. и сообщения исторического ф-та Московского гос. ун-та. М., 1946. Вып. 4. С. 16). Шлемы, кольчуги («брони») надевали только перед битвой («крутились в броню»).

толко семцю яша одиного живого — что означает слово «семцю»? Некоторые исследователи, а также издатели Лаврентьевской летописи считают «семцю» собственным именем. Это, скорее, отказ от ответа на вопрос, чем его решение. Правильное решение вопроса принадлежит, по-видимому, А. И. Соболевскому, который считает «семца» родственным со словом «сѣмья», возводя это слово «семца» к предполагаемой им форме «сѣмьця» со значением «младший член семьи, слуга» (*Соболевский А. И.* Семца, сябр, шабер // Учен. зап. Высшей школы г. Одессы. Отд-ние гуманитарно-общественных наук. Одесса, 1922. С. 61—62). Не это ли слово кроется и под загадочным «семечи» (см. выше, с. 523)?

на Госпожинъ день — «госпожиным днем» назывался праздник Успенья (15 августа) или Рождества Богородицы (8 сентября).

к Бѣлѣ Вежи — здесь имеется в виду Белая Вежа Остерская на реке Остре, а не Донская Белая Вежа — Саркел. Об Остерской Белой Веже см.: *Мавродин В. В.* Очерки истории Левобережной Украины. С. 199—200.

на Святославль гонихом — местонахождение Святославля не ясно.

на Торческый городъ — Торческий город, или Торческ, см. выше, с. 508.

на Гюргевъ — к городу Юрьеву на реке Рось, см. с. 480.

у Красна — город Красн на реке Красне, впадающей в Днепр близ Триполья.

с Ростиславомъ же — с Ростиславом Всеволодовичем, братом Мономаха.

у Варина — где находился Варин, не ясно.

Володимерю — к Владимиру Волынскому.

и Ярополкъ умре — Ярополк Изяславич был убит 22 ноября 1086 г. (см. подробнее описание его смерти в «Повести временных лет» под этим годом; в Ипатьевской летописи — под 1087 г.). На княжении во Владимире Волынском он пробыл «мало дний». Следовательно, посадил его Владимир на Волыни в том же 1086 г.

по отни смерти — Всеволод Ярославич умер 13 апреля 1093 г.

и при Святополцѣ — в Лаврентьевской летописи ошибочно «и по Святополцѣ». Указанные здесь события произошли при Святополке (см. ниже).

на Стугнѣ бившеся съ половци до вечера, бихом — у Халѣпа — в Лаврентьевской летописи вместо «на Стугнѣ» написано «на Сулѣ». Поправка эта принадлежит И. М. Ивакину и следующим образом им мотивирована: «Если упоминаемое здесь событие случилось „по отни смерти", это значит, что оно случилось после 13 апреля 1093 г., потому что в это именно время умер Мономахов отец Всеволод Ярославич. Но оно не могло случиться и позднее 1095 г., потому что дальше в Поучении упомянуто о нашествии Олега на Чернигов, которое было в июле 1095 г. Обращаясь к летописи, видим, что половцы, услышав о смерти Всеволода, прислали к занявшему киевский стол Святополку договориться о мире. Неразумным поступком Святополк раздражил их (Святополк захватил послов. — *Д. Л.*), и соединенные силы его, Владимира и Ростислава были разбиты на Стугне в день Вознесения 24 мая 1093 г. После сражения, во время бегства, на глазах Владимира утонул в Стугне брат его, князь Ростислав. В Поучении идет речь, очевидно, об этом сражении или — точнее — поражении на Стугне. Упомянут даже Халеп, т. е. Халепье, находящееся и поныне недалеко от Стугны, не более как в версте от Триполья» (*Ивакин И. М.* Князь Владимир Мономах и его Поучение. Ч. 1. С. 183—184).

и потомь миръ створихом с Тугорканомъ — в «Повести временных лет» под 1094 г. об этом говорится так: «Сотвори миръ Святополкъ с половци, и поя собѣ жену дщерь Тугорканю, князя половецкаго».

и у Глѣбовы чади пояхом дружину свою всю — здесь интересно то, что какой-то знатный половец носит русское имя Глеб. Русские имена у половцев встречаются неоднократно

(Лавр — 1185 г., Глеб Тириевич — 1185 г. и др.), вероятно, свидетельствуя тем самым о влиянии русской культуры на половцев.[1] В «Повести временных лет» в описании сражения на Стугне сказано: «Володимеръ же пребредъ рѣку с малою дружиною, — мнози бо падоша от полка его». Очевидно, однако, из этого места «Поучения», что потери в дружине Владимира объяснялись не только большим числом «павших», но и тем, что часть ее была взята в плен.

и потомъ Олегъ на мя приде с Половечьскою землею к Чернигову — Олег Святославич явился с половцами к Чернигову в 1084 г., о чем имеется подробный рассказ в «Повести временных лет», совпадающий в деталях с рассказом «Поучения».

и манастырь — в окрестностях Чернигова было два монастыря: Троице-Ильинский на Болдиных горах, по-видимому основанный в 1069 г. Антонием Печерским, и Елецкий, основанный, вероятно, в это же время.[2]

на святаго Бориса день — память Бориса Владимировича праздновалась 24 июля. Праздннк этот в древней Руси считался очень крупным (ср. в «Повести временных лет» под 1093 г.: «...еже есть праздникъ новый Русьскыя земля»). Значение этого праздника было потому таким большим, что это был первый праздник, посвященный русскому святому.

И облизахутся на нас акы волци стояще, и от перевоза и з горъ — под горами здесь разумеются, очевидно, Болдины горы под Черниговом. Перевоз же был через Десну, на правом берегу которой стоит Чернигов. Мономаху с дружиной, отправлявшемуся в Переяславль Южный, надо было воспользоваться этим перевозом. Следует обратить внимание на живую образность языка Мономаха, сравнившего здесь половцев с волчьей стаей, облизывающейся на уходящую добычу.

И сѣдѣхъ в Переяславли 3 лѣта и 3 зимы... и многы бѣды прияхом от рати и от голода — Мономах княжил в Переяславле Южном не три года, а восемнадцать лет (1095—1113). Очевидно, речь идет только о трех первых особенно тяжких для Мономаха годах переяславльского княжения.

и вои ихъ — очевидно, на половцев.

за Римовъ — Римов — город на пограничной со степью реке Суле (левый приток Днепра). К какому времени относится поход за Римов, не ясно. Избиение Итларевой чади произошло 24 февраля 1095 г. Поход за Римов был, очевидно, раньше.

и пакы Итлареву чадь избиша — об избиении Итларевой чади см. подробно в «Повести временных лет» под 1095 г.

за Голтавомь — Голтав — город в Переяславльском княжестве при впадении реки Голтвы в Псел. Поход за Голтав описан в «Повести временных лет» под 1095 г. Он был совершен Владимиром совместно с киевским князем Святополком.[3]

И Стародубу идохом на Олга — Стародуб — город в Черниговском княжестве. Поход Мономаха и Святополка на Олега Святославича рассказан в «Повести временных лет» под 1095 г. Он был вызван отказом Олега участвовать в предшествующем походе Мономаха и Святополка на половцев «за Голтав». Олег бежал из Чернигова и затворился в Стародубе, осада которого длилась 33 дня.

И на Богъ идохом — имеется ли здесь в виду река Буг или город Богуславль (на реке Рось) — не ясно. Вернее первое.

на Боняка за Рось — Боняк приходил к Киеву 20 июня 1096 г. и быстро удалился. Очевидно, к этому времени и относится погоня за ним Мономаха. Рось — правый приток Днепра. Затем в «Поучении» упоминаются еще две погони за Боняком. Все три погони И. М. Ивакин относит к 1096 г. (*Ивакин И. М.* Князь Владимир Мономах и его Поучение. Ч. 1. С. 195—196).[4]

с Вороницѣ — местоположение Вороницы не ясно.

К с. 104

И потомь паки идохом к Ростову на зиму, и по 3 зимы ходихом Смолинску — по-видимому, «путь» к Ростову относится к 1099 г. «Пути» к Смоленску в таком случае относятся к 1100, 1101 и 1102 гг. В 1101 г., согласно Ипатьевской летописи, Мономах заложил в Смоленске церковь «святоѣ Богородицѣ камяну».

И-Смолиньска идох Ростову — в Лаврентьевской летописи написано «и се нынѣ иду Ростову». Ввиду сомнительности употребления формы настоящего времени среди описания «путей», последовательно рассказанных в прошедшем времени, исправляю, вслед за другими исследователями, на «и-Смолиньска идох Ростову». М. П. Погодин и некоторые другие предполагали, что форма настоящего времени «и се нынѣ иду Ростову» вызвана тем, что именно на этом пути в Ростов Мономах написал свое «Поучение», а все перечисление последующих «путей» Мономаха относили к позднейшим вставкам переписчиков. Однако вряд ли это возможно. Скорее всего, испорчена только эта одна фраза. Ведь оригинал «Поучения», переписывавшийся Лаврентием, был ветхий.

но ли оли... убиша — место это крайне испорчено.

по Велицѣ дни — Пасха в 1107 г. была 14 апреля.

и Гюргева мати умре — «Гюргева мати» — жена Мономаха. Она названа так по имени последнего, младшего сына Мономаха — Юрия. Эта жена Мономаха была дочерью последнего англосаксонского короля Харальда, разбитого Вильгельмом Завоевателем в 1066 г. в битве с норманнами при Гастингсе. Дочь Харальда Гита воспитывалась в Дании и была выдана за Мономаха, по-видимому, в 1074 или 1075 г. Сведения о Гите собраны М. П. Алексеевым (*Алексеев М. П.* Англосаксонская параллель к Поучению Владимира Мономаха // ТОДРЛ. 1935. Т. 2. С. 49 и след.). Умерла Гита 7 мая 1107 г. Юрий родился, вероятно, в 1090—1095 гг.

собрах братью — поход Мономаха против Боняка описан в «Повести временных лет» под 1107 г. Его участниками были: Владимир Мономах, Святополк Изяславич, Олег Святославич, кроме того, сыновья Мономаха — Святослав, Вячеслав, Ярополк и внук Игоря Ярославича — Мстислав (отчество его неизвестно).

и по Рожествѣ створихом миръ съ Аепою, и поимъ у него дчерь — о заключении мира с Аепой и о браке Аепиной дочери с сыном Мономаха Юрием Владимировичем подробнее говорится в «Повести временных лет» под 1107 г. Хронологическое указание Мономаха («по Рожествѣ») совпадает с летописным: брак Юрия и дочери Аепы был совершен 12 января.

паки идох на половци на Урубу с Святополком — сведений о походе Мономаха на Урубу или Урусобу в 1107—1109 гг. в летописи нет. В «Повести временных лет» отмечен только поход на Урусобу в 1103 г. Летописное «Урусоба» правильнее, чем «Уруба» в «Поучении».

на Боняка к Лубьну — об этом походе на Боняка сведений в летописи нет. Поход Владимира и других князей на Боняка 1107 г. уже был отмечен в «Поучении» выше.

И потомь ходихом к Воиню с Святополком — в Лаврентьевской летописи написано «въ воину», но это очевидная ошибка. Город Воинь находился при впадении Сулы в Днепр. Здесь имеется в виду поход Владимира Мономаха, Святополка Изяславича и Давыда Святославича, отмеченный в «Повести временных лет» под 1110 г.

и потомь пакы на Донъ идохом с Святополком и с Давыдомъ — об этом походе подробно говорится в третьей редакции «Повести временных лет» под 1111 г.

к Выреви — о приходе половцев к Выре (селение на реке Выре) в третьей редакции «Повести временных лет» говорится под 1113 г.: «Слышавше же половцѣ смерть Святополчю, и съвокупившеся, и придоша къ Выры; Володимеръ же, совокупивъ сыны свои и сыновцѣ, иде къ Выру и совокупися съ Олгомъ, половцѣ же бѣжаша».

ко Ромну — город Ромен на реке Суле.

И потомь к Мѣньску ходихом на Глѣба — об этом походе Мономаха к Минску на Глеба Всеславича рассказывается в Лаврентьевской летописи под 1115 г. и более подробно в Ипатьевской летописи под 1116 г.

И потомь ходихом къ Володимерю на Ярославця — в Лаврентьевской летописи об этом походе Мономаха на Ярославца Святополчича во Владимир Волынский говорится под 1118 г.; в Ипатьевской — под 1117 г. Этот Ярославец был сыном Святополка Изяславича от наложницы, чем и объясняется, очевидно, уничижительный суффикс «ец» в его имени (ср. Феодорец, Нерадец и др.).

до вечерни — имеется в виду церковная служба — «вечерня». Определение времени дня по церковной службе обычно в древней Руси. Вечерня служилась в древней Руси около трех часов пополудни или несколько позднее, но до захода солнца.

А всѣх путий 80 и 3 великих — в своем «Поучении» Мономах перечислил не все из этих «великих» походов, а только 69. О том, сколько было меньших «путей» (походов), отчасти дает представление упоминание Мономаха о 100 своих поездках из Чернигова в Киев; следовательно, меньшие «пути» исчислялись сотнями. Победы Владимира Мономаха над половцами были высоко оценены потомками. В некрологической статье о нем в Лаврентьевской летописи под 1125 г. сказано: «Преставися благовѣрный и великый князь русскый Володимеръ, сынъ благовѣрна отца Всеволода, украшеный добрыми нравы, прослувый в побѣдах, его же имене трепетаху вся страны, и по всѣм землям изиде слух его». В Ипатьевской летописи под тем же годом о нем сказано: «...его же слухъ (т. е. слух о нем. — *Д. Л.*) произиде по всимъ странамъ, наипаче же бѣ страшенъ поганымъ» (половцам). Описывая заслуги его сына Мстислава перед родиной, Ипатьевская летопись под 1140 г. пишет: «Се бо Мьстиславъ великый наслѣди отца своего потъ, Володимера Мономаха великаго. Володимеръ самъ собою постоя на Дону и много пота утеръ за землю Рускую...». В той же Ипатьевской летописи под 1201 г. в характеристике князя Романа звучит воспоминание о победах Мономаха: Роман «ревноваше бо дѣду своему Мономаху, погубившему поганыя измаилтяны, рекомыя половци, изгнавшю Отрока (половецкого хана. — *Д. Л.*) во обезы, за Желѣзная врата. Сърчанови же (брат Отрока. — *Д. Л.*) оставшю у Дону, рыбою оживъшю, тогда Володимеръ Мономахъ пилъ золотомъ шеломомъ Донъ, приемшю землю ихъ всю и загнавшю оканьныя агаряны». В «Слове о погибели Русской земли» говорится, что именем Мономаха «половци дѣти своя полошаху в колыбѣли, а Литва из болота на светъ не выникываху, а угры твердяху каменые городы желѣзными вороты, абы на них великый Володимеръ тамо не въѣхалъ. А нѣмци радовахуся, далече будуче за синимъ моремъ; буртаси, черемиси, вяда и моръдва бортьничаху на князя великого Володимера; и жюръ Мануилъ Цесарегородскый опасъ имѣя, поне и великыя дары посылаша к нему, абы под нимъ великый князь Володимеръ Цесарягорода не взял».

а дая скота много и многы порты своѣ — интересно, что обычай русских князей и царей одаривать правителей степных народов одеждами сохранялся до XVII в. включительно.

Шаруканя 2 брата — летопись говорит о том, что Шарукан был разбит Мономахом в 1107 г. О мести за поражение Шарукана говорится в «Слове о полку Игореве»: «Се бо готьскыя красныя дѣвы въспѣша на березѣ синему морю: звоня рускымъ златомъ, поютъ время Бусово, лелѣютъ месть Шароканю». Кто были два брата Шарукана, неизвестно.

Багубарсовы 3 — выше в «Поучении» говорилось о том, что в походе к Белой Веже были взяты два половецких князя, Багубарсовы братья — Асинь и Сакзь. Кто был третий Багубарсов брат, неизвестно.

Осеня братьѣ 4 — в Лаврентьевской летописи: «Овчины братьѣ 4». По-видимому, здесь ошибка. Чтение «Осеня» вместо «Овчины» предложено И. М. Ивакиным (Князь Владимир Мономах и его Поучение. Ч. 1. С. 271).

а всѣх лѣпших князий инѣхъ 100... инѣхъ кметий молодых 15 — крупные цифры врагов, захваченных, отпущенных или иссеченных Мономахом, свидетельствуют о том, что «Поучение» написано после побед Мономаха в 1103, 1107 и 1111 гг.

Таревьскый князь Азгулуй — что такое «таревьскый», неизвестно.

инѣх кметий молодых 15 — по поводу значения слова «кметь» Б. Д. Греков пишет: «Это славянское слово обозначало свободного человека, далее в некоторых славянских языках „кмет" начинает обозначать людей, стоящих выше народной массы («и паде о сте къметьства» — Новгородская первая летопись по Синодальному списку, что в другом списке, Академическом, записано иначе: вместо «къметьство» стоит «доброименитых»)» (Крестьяне на Руси. М.; Л., 1946. С. 18). В данном месте «Поучения» значение слова «кметь» то же, что и в «Слове о полку Игореве» — храбрый воин, витязь («А мои ти куряни свѣдоми къмети, подъ трубами повити, подъ шеломы възлѣляни, конець копия въскръмлени...»). Ср. также в «Повести временных лет» под 1076 г., где это слово означает «мужи» «дружинники».[1]

в ту рѣчку въ Салню — в Лаврентьевской летописи написано «въ Славлий», но это, по-видимому, описка. О речке «Славлий» неизвестно. Речь же у Мономаха, очевидно, идет о походе 1111 г. и о победе на реке Сальнице.

Тура мя 2 метала на розѣх — по поводу древнерусского «тура» Н. В. Шарлемань пишет: «Под этим названием в древних источниках, по-видимому, фигурируют два вида диких быков: первобытный бык, настоящий тур (Bos primogenius Bojan.), от которого произошел домашний бык (ближайшим потомком тура считают серого украинского быка), и зубр (Bison bonasus L.). На Украине еще недавно крупных быков называли местами турами («погнав турів», «напувати турів» — вблизи Умани). Это название для домашнего быка сохранилось и в западных областях Украины — на Галичине. Название „зубр" в наших источниках, по-видимому, не встречается, и зубра от тура как будто не отличали. Об этом свидетельствует следующий факт. Когда византийский наследник престола Андроник Комнин приехал в 1154 г. к галицкому князю Ярославу Осмомыслу, то Ярослав вместе с великим князем киевским и другими князьями устроили для своего гостя охоту „на туров", как читаем в летописи. В то же время византийский историк по этому поводу писал, что Андроник убивал на Руси „зумпров" — зверей многочисленных в названной стране и размерами бо́льших, чем медведь и леопард. Настоящие туры в Киевской Руси исчезли рано, а их название было перенесено на зубров, которые вывелись, по-видимому, лишь в начале XVII в.» (*Шарлемань Н. В.* Из реального комментария к «Слову о полку Игореве». С. 116—117).[1]

лютый звѣрь скочилъ ко мнѣ на бедры и конь со мною поверже — кто такой этот «лютый зверь», не ясно. Предположение некоторых исследователей, что это волк — невероятно: волк не может вскочить так высоко, к тому же волк слишком труслив. По-видимому, это зверь из породы кошачьих. «Лютый зверь» упоминается также в «Слове о полку Игореве»; о Всеславе Полоцком говорится: «...скочи отъ нихъ (от киевлян. — *Д. Л.*) лютымъ звѣремъ въ плъночи изъ Бѣлаграда, обѣсися синѣ мьглѣ».[2]

Еже было творити отроку моему, то сам есмь створилъ, дѣла на войнѣ на ловѣхъ, ночь и день, на зною и на зимѣ, не дая собѣ упокоя — этот литературный автопортрет Мономаха не прикрашен. Вот какую, например, характеристику дает Мономаху в своем послании к нему киевский митрополит из греков Никифор (1104—1121), неоднократно общавшийся с Мономахом: «Что говорить такому князю, который больше на сырой земле спит, дому бегает, платье светлое отвергает, по лесам ходя, сиротинскую (нищенскую) носит одежду, и только по нужде, входя в город, облекаешься в одежду властелинскую!.. Мы знаем, что для других ты любишь готовить обеды обильные, чтобы на них пригласить всех, и достойных и случайных людей, ради княжеского величия; а сам служишь и работаешь своими руками, и доходит подаяние твое даже и до полатей («даже до комаров»), что ты исполняешь ради княжения и власти: другие насыщаются и упиваются, а сам ты сидишь и смотришь только, как другие едят и пьют, довольствуясь малою пищею и водою. Так ты угождаешь своим подданным, терпеливо сидишь и смотришь, как рабы твои упиваются, и этим поистинне угождаешь им и покоряешь. Так ты относишься к вкушению, что я сам знаю... Я знаю, что с тех пор как ты родился и в тебе утвердился ум, от того возраста, когда можно было благотворить, то руки твои, по благодати Божьей, ко всем простираются; никогда не прятал ты сокровищ, никогда не считал ты золота или серебра, но все раздавал, черпая обеими руками...» (перевод А. С. Орлова (Владимир Мономах. М.; Л., 1946. С. 51—52); послание Никифора встречается в списках XVI в. и помещено в Макариевских Великих Четьих Минеях под 20 июня (Русские достопамятности. М., 1815. Ч. 1)).[3]

отроку моему — «отроки» — особый разряд княжеских слуг, его «дворовых воинов», телохранителей, младшие члены дружины.

на зною и на зимѣ — зима здесь означает просто «холод», «стужу». Ср. в «Повести временных лет» под 1093 г. о пленниках, взятых в мае месяце: «зимою оцѣпляеми»; ср. также в Ипатьевской летописи под 1187 г.: «и на ту осень бысть зима зла велми».

К с. 105

биричи — бирич — глашатай, вызывавший к суду ответчиков, а также сборщик податей и штрафов, блюститель порядка.

И в ловчих ловчий нарядъ сам есмь держалъ, и в конюсѣх, и о соколѣхъ и о ястрябѣх — ястребиная и соколиная охота на Руси была любимой потехой феодальной верхушки. Еще Русская Правда за кражу сокола и ястреба в чьем-либо перевесе назначает штраф в три

гривны (Краткая Правда, ст. 37, Пространная Правда, ст. 81). Образы соколиной охоты проникли в летопись (ср. в «Повести временных лет» под 1097 г.: «и сбиша угры акы в мячь, яко се соколъ сбиваеть галицѣ»), в «Слово о полку Игореве». Восторженный гимн охоте с ловчими птицами представляет собой «Урядник сокольничья пути» времени Алексея Михайловича. Ее описание см. у С. Т. Аксакова в «Записках ружейного охотника».[1]

и от воды — возможно, Мономах вспоминает тот случай, когда в 1093 г. на его глазах утонул в Стугне его брат Ростислав и сам он, очевидно, подвергся смертельной опасности.

О многострастный и печалны азъ! — этими словами открывается письмо Владимира Мономаха своему двоюродному брату Олегу Святославичу (Олегу «Гориславичу» «Слова о полку Игореве»), написанное, как доказывает наиболее авторитетный исследователь сочинений Мономаха И. М. Ивакин, в 1096 г. Этой датой, как мною предположено выше (с. 514), и объясняется включение всех сочинений Мономаха в «Повесть временных лет» именно под этот 1096 г. Обстоятельства, при которых написано это письмо, следующим образом рассказаны В. Л. Комаровичем: «В Поучение, как сказано, вставлено письмо Мономаха к Олегу Черниговскому — тому самому, которого „Слово о полку Игореве", за „сеявшиеся" им усобицы, вместо Святославича величает с горькой иронией „Гориславичем". Письмо к нему начинается внутри Поучения, вероятно, со слов: „О, многострастный и печалны азъ!" — и написано значительно раньше, чем само Поучение, а именно в том самом 1096 г., на который падают породившие это письмо события. Борьба из-за вотчины Олега, Чернигова, свое время отданного несправедливо Владимиру, но уступленного им обратно Олегу, как рассказано в Поучении, в 1094 г. возобновилась, лишь только Мономаху со Святополком удалось одержать верх над помогавшими Олегу половцами. Выгнанный из Чернигова, Олег затворился в Стародубе и после осады вынужден был принять условия победителей. Но усобица, как пожар, успела уже перекинуться и на более отдаленные области. В муромо-рязанские владения Олега вторгся сидевший перед тем в Курске младший Мономахович Изяслав, овладел было Муромом, но в битве с подоспевшим туда Олегом, 6 сентября 1096 г., был убит. Это-то событие и послужило поводом к переписке Мономаха с Олегом. Впрочем, к ней причастен еще старший Мономахович, сидевший в Новгороде, Мстислав, двинувшийся оттуда оборонять ростовские владения своего рода, лишь только их захватил, вслед за победой над Изяславом, Олег. Принудив Олега уйти из Ростова и Суздаля, Мстислав, говорит летопись, „приде Суждалю и, седя ту, посылаше к Ольгови, мира прося, глаголя: Азъ есмь мнии тебе, слися к отцю моему". То же писал он ему и раньше, перед выступлением из Новгорода: „Азъ пошлю молится съ дружиною своею къ отцю своему, и смирю тя со отцемь моим. Аще и брата моего убилъ еси, то есть недивьно, в ратех бо и цари и мужи погыбаютъ". Вот такое письмо к отцу, посланное Мстиславом, очевидно, уже из Суздаля, и понудило Мономаха написать, со своей стороны, Олегу. В письме к нему он прямо ссылается на почин в этой переписке своего старшего сына: „Да се ти написах, зане принуди мя сынъ мой... прислалъ ко мнѣ мужъ свой и грамоту, река: «Ладимъся и смеримся, а братцю моему Судъ пришелъ. А вѣ ему не будевѣ местника, но възложивѣ на Бога, а станутъ си пред Богомь; а Русьскы земли не погубим»". Вняв совету своего старшего сына, Мономах и шлет Олегу слова примирения: „Послушах сына своего, написах ти грамоту". Перед нами, таким образом, отрывок довольно оживленной переписки трех лиц, непосредственных участников породившего эту переписку события» (История русской литературы. Т. 1. С. 295—296).

то бо были рати при умных дѣдѣх наших, при добрых и при блаженыхъ отцихъ наших — обращения к патриотическому примеру предков князей постоянны в летописи, где они вкладываются в уста князей и горожан. Например, в 1097 г. Мономах, узнав об ослеплении Василька Теребовльского, говорит: «Сего не бывало есть в Русьскѣй земьли ни при дѣдѣх наших, ни при отцихъ наших, сякого зла». В том же году киевляне обращались к Владимиру: «Молимся, княже, тобѣ и братома твоима, не мозѣте погубити Русьскыѣ земли. Аще бо възмете рать межю собою, погани имуть радоватися, и возмуть землю нашю, иже бѣша стяжали отци ваши и дѣди ваши трудом великим и храбрьствомь, побарающе по Русьскѣй земли, ины земли приискываху, а вы хочете погубити землю Русьскую». Услышав об этом, Мономах «расплакавъся и рече: „Поистинѣ отци наши и дѣди наши зблюли землю Русьскую, а мы хочем погубити"».

сынъ мой, его же еси хрестилъ — Мономах говорит здесь про своего старшего сына Мстислава, которого крестил Олег Святославич.

иже то сѣдить близь тобе — после того как 6 сентября 1096 г. Олег Святославич победил Изяслава (в битве Изяслав был убит) и «перея всю землю Муромску и Ростовьску», Мстислав Владимирович двинулся на него из Новгорода, выгнал его в Муромо-Рязанскую землю из Суздаля «и сѣдя ту, посылаше к Олгови, мира прося». Очевидно, Мстислав сидел в Суздале между Рождеством и Великим постом.[1]

А вѣ ему не будевѣ местника — о слове «местник» см. в комментарии к договору Олега 911 г. (с. 424).

а Русьскы земли не погубим — забота о русской земле в целом, выраженная Мстиславом как здесь, так и в других случаях, сближает его с его отцом Мономахом. Призыв «не погубить земли Русской» не раз раздавался в устах Мономаха (ср., например, под 1097 г.).

онъ въ уности своей — Мстислав родился в 1076 г., следовательно, во второй половине 1096 г. ему был 21 год.

Егда же убиша дѣтя мое и твое — по-видимому, сын Мономаха Изяслав, убитый в битве с Олегом в 1096 г., был, так же как и Мстислав, крестным сыном Олега. Отсюда слова: «дѣтя мое и твое».

К с. 106

отцю и матери слезы — под отцом Мономах разумеет себя, под матерью же — свою первую жену Гиту Харальдовну — мать Изяслава.

а сноху мою послати ко мнѣ — кто была сноха Мономаха — вдова его сына Изяслава, — неизвестно.

да быхъ обуимъ оплакалъ мужа ея и оны сватбы ею, въ пѣсний мѣсто: не видѣхъ бо ею первѣе радости, ни вѣнчанья ею — отсюда следует, что свадьба Изяслава была незадолго до его гибели. Мономах не смог на ней присутствовать, так как, очевидно, был со Святополком в это время в походе на Олега Святославича.

да с нею кончавъ слезы, посажю на мѣстѣ, и сядеть акы горлица на сусѣ древѣ желѣючи, а язъ утѣшюся о Бозѣ — здесь Мономах, несомненно, пользуется образом народной поэзии. Ср. в плаче:

Коковать буду, горюша, под околенкой
Как несчастная кокошка во сыром бору
На подсушной сижу да деревиночке
Я на горькой сижу да на осиночке.

а Ростова бы не заималъ — Ростов был волостью Мономаха. Он отдал его Изяславу. Следовательно, Олег не имел права требовать Ростов себе.

отсюда ся быхом уладили — «отсюда», т. е. из Переяславля Южного.

Дивно ли, оже мужь умерлъ в полку ти? — ср. выше в письме Мстислава Владимировича к Олегу под 1096 г.: «Аще и брата моего убилъ еси, то есть недивьно, в ратех бо и цари и мужи погыбають». Ту же воинскую мудрость высказывает Даниил Галицкий, ободряя упавших духом поляков: «Почто ужасываетеся? Не вѣсте ли, яко безъ падшихъ мертвых не бываеть? Не вѣсте ли, яко на мужи на ратныѣ нашли есте, а не на жены? Аще мужь убьенъ есть на рати, то кое чюдо есть? Инии же и дома умирають без славы, си же со славою умроша; укрѣпите сердца ваша и подвигните оружье свое на ратнѣѣ» (Ипатьевская летопись под 1254 г.). В словах Мономаха сказывается, следовательно, излюбленная мысль всех древнерусских воинов, их презрение к смерти.

и наю сердце — «наю» — двойственное число, иными словами — сердце отца и матери Изяслава: Мономаха и его жены.

не хотѣхъ бо крови твоея видѣти у Стародуба — в 1096 г., когда Святополк и Владимир осаждали Олега Святославича в Стародубе. После тридцатитрехдневной осады Святополк и Владимир отпустили Олега.

оже на тя шедъ к Чернигову, поганых дѣля — Святополк и Владимир ходили на Олега к Чернигову в 1096 г. за его отказ выступить в совместном походе против половцев.

сынъ твой хрестьный с малым братомъ своимь — Мстислав Владимирович со своим младшим братом Юрием Владимировичем (Долгоруким).

хлѣбъ ѣдучи дѣдень — феодальный термин, означающий — сидеть в своем родовом уделе; в данном случае — Ростово-Суздальская область, родовой удел Мстислава.[1]

а ты сѣдиши в своемъ — в уделе Муромо-Рязанском.

Али Богъ послух тому, с братом твоимъ рядился есвѣ — здесь имеется в виду ряд Мономаха и Святополка Изяславича с братом Олега — Давыдом Святославичем в 1096 г.

Премудрости наставниче и смыслу давче — этими словами начинается новое произведение — молитва. Она приписывается Мономаху постольку, поскольку Мономаху же принадлежат первые два произведения — «Поучение» и письмо к Олегу Святославичу.[2] Общее настроение этой молитвы отчасти навеяно покаянным каноном Андрея Критского. Град, упоминаемый в этой молитве, — Киев, покровительницей которого считалась Богоматерь.

К с. 107

яже слышах преже сих 4 лѣт — эти слова летописца имеют в виду, очевидно, отсчет четырех лет от времени его собственной работы над летописью. Если считать, что это писал составитель третьей редакции «Повести временных лет», относящейся к 1118 г., то время, когда летописец слышал эти слова от новгородца Гюряты Роговича, должно определяться 1114 г. Под 1114 г. в «Повести временных лет», действительно, рассказывается еще раз о беседах летописца с местными жителями в Новгородской области — в Ладоге и вновь передаются сходные рассказы о северных странах, вновь подтверждаемые учеными ссылками (см. текст под 1114 г.).

дають скорою противу — летописец Переяславля Суздальского так поясняет, какую «скору» (меха) давала Югра: «соболи, куницу, белку».

К с. 108

яко же сказаеть о них Мефодий Патарийскый — весь последующий отрывок до слов «иже суть в горах полунощныхъ, по повелѣнью Божию» объясняется текстом «Откровения Мефодия Патарского» о последних днях мира. Привожу восстановленный по двум редакциям русский текст соответствующего места «Откровения»: «Филипъ же, Александровъ отець, макидонянинъ бѣ, и поа жену Хузиту, дщерь Фолову, царя Ефиопьска, отъ нея же Александръ родися... И вшедъ на востокъ уби Дария Мѣдѣнина, и прия земли многы и грады, и въ едино сътвори землю и прииде воюя до моря, нарицаемого Солночное мѣсто, иде же видѣ нечистыя человѣки, иже суть Иафетови внуци, их же нечистоту видивъ: ѣдяаху бо всякъ животъ, жюпеличию тварь, гнусное и скверньное, комары и мухи, котки, змия, мертвыихъ плъти, женския изврагы, еже не съношьши рождено, и всяку тварь животныихъ гадъ, не точию же то едино, нъ и скоты нечистыя; мертвецъ же не погрѣбааху, но ѣдяаху. Да то все видѣвъ Александръ, бывающаа в нихъ скверны, убояся, еда како доидуть до земля святыа и осквернять ю отъ скверненыхъ своих ѣдии, и молитися нача Богу зѣло, и повелѣ събрати ѧ̀, вся мужа и жены и дѣти ихъ, и съпроста рещи всяко южижство ихъ и погна ѧ̀ отъ въсточныя земля и гна ѧ̀ и иде въслѣдъ ихъ, донелѣже внидоша въ края сѣверския; и нѣсть куду влѣсти к нимъ, ни излѣсти отъ нихъ отъ востока до запада, и ту абие помолися Богу зѣло со страхомъ и послуша Богь молитву его и повелѣ Господь Богъ сѣверьскимъ горамъ соступитѣся о нихъ, имже дѣють нарокъ Мазы сѣверьскыа; и съступишася о нихъ, тьчию 12 лактьма не соступишася о нихъ. И сотворишася от Бога врата мѣдная и помазана быша суньклитом. Да аще имуть хотѣти желѣзомъ рассѣщи врата, но не могуть, или ижьжещи огнемъ не могутъ. Вещь бо есть такова суньклитова, да ни желѣзо его прииметъ, ни огнь жьжеть, ни ту абие угаснеть; всяки бо ся хытрости дьявола ту сократять и не успѣють ничесо же. Бѣси бо нечистѣ и скверненни и гнуснѣи языци вълшебными своими злокозненными дѣлы тако утвердиша, да како любо хытрость не успѣеть ничтоже тому, яко не мощи имъ ни огнемъ, ни желѣзом или киимъ умышлениемъ таковая искрушити врата и отбѣжати. В послѣдняа же дни по пророчеству Езекиину глаголющу: в послѣдняа дни на скончание мира излѣзеть Гогъ и Магогъ на землю Израилитьску иже суть цари язычестии, яже закова Александръ об ону страну сѣвера... яже вогнавъ аки въ ограду Александръ и заключи о нихъ врата» (*Шахматов А. А.* «Повесть временных лет и ее источники». С. 98—100).[3]

и помазашася сунклитом — у Мефодия Патарского: «ἀσύγχυτος», «несмешанный»: легендарный состав, предохраняющий от разрушения огнем и железом.

К с. 109

Феодорова недѣля поста — первая неделя Великого поста.

а Мстиславъ поиде противу ему с новгородци и с ростовци — в Радзивиловской и Ипатьевской летописях нет «и с ростовци». Возможно, что в текст «Повести временных лет» Лаврентьевского списка это добавление было сделано в Ростове: прежде чем быть переписанным Лаврентием в 1377 г., текст «Повести временных лет» Лаврентьевской летописи неоднократно переписывался в XIII в. в Ростове. Этого ростовского этапа своей истории не имела ни Ипатьевская летопись, ни Радзивиловская. Впрочем, добавление «и с ростовци» не противоречит истине, так как выше сказано: «Къ Мстиславу же собрашася дружина въ тъ день и в другый, новгородци, и р о с т о в ц и, и бѣлозерци».

и ссѣдоша ç коней новгородци — спустя более ста лет, в битве на Липице 1216 г. новгородцы вспомнили о том, что они сражались в битве на Кулаческе пешими: «И рекоша новгородци: „Къняже! не хочемъ измерети на конихъ, нъ яко отчи наши билися на Кулачьскѣй пѣши"». Перед нами важный показатель интенсивности исторического сознания народа, наличия устных исторических преданий.[1]

на Кулачьцѣ — Кулачца, — по-видимому, река Колокша.

Придоша Святополкъ и Володимеръ, и Давыдъ Игоревичь, и Василко Ростиславичь, 1097
и Давыдъ Святославичь, и брат его Олегъ... — этими словами начинается обширное и связное историческое повествование, в центре которого стоит злополучная судьба Василька Ростиславича. Оно кончается с завершением летописной статьи 1097 г. По-видимому, оно представляло собой отдельное сказание и лишь вставлено летописцем в свой труд. Это видно из того, что оно искусственно приурочено к 1097 г., а на самом деле охватывает события нескольких лет (от осени 1097 г. до 30 августа 1100 г.). Автор этого сказания знал, что Давыд Игоревич умер в Дорогобуже, и считал, что Владимир Волынский находится в руках Ярослава Святополковича (см. окончание статьи 1097 г.). Отсюда ясно, что сказание писано после 25 мая 1112 г. (время смерти Давыда Игоревича) и до 1118 г., когда Ярослав Святополкович бежал из Владимира Волынского в Венгрию. Возможно, впрочем, что окончание сказания было отредактировано летописцем. В таком случае вышеприведенные датирующие указания должны относиться ко времени включения этого сказания в летопись. Последнее тем более вероятно, что все сказание носит печать злободневности. Автор сказания говорит о себе в первом лице. Это некто Василий, выполнявший дипломатические поручения и составивший свое сказание отчасти со слов самого Василька Ростиславича. Во всяком случае, никто, кроме самого Василька, не мог указать Василию с такой точностью обстоятельства ослепления и эпизод в пути с окровавленной сорочкой Василька. Василия обычно считают «попом». Прямых указаний на это мы в самой его повести не встретим. Дипломатические поручения могли выполняться не только священниками (ср., например, под 1151 г. в Ипатьевской летописи боярина Петра Бориславича, выполнявшего посольские обязанности). Нельзя не отметить также той независимой позиции, которую Василий занимал по отношению к Васильку: он дважды осудил его за жестокость («створи мщение на людех неповинных, и пролья кровь неповинну», а в другом случае: «се же въторое мщенье створи, его же не бяша лѣпо створити»). Несмотря на это осуждение Василька, в целом Василий сочувствует Васильку и активно борется за его интересы. Цель повести — подчеркнуть правоту Василька Теребовльского и виновность его врагов. Это одна из первых «повестей о княжеских преступлениях», задача которых состояла в обличении той или иной из враждующих сторон в междукняжеских феодальных распрях XI—XIII вв. (ср.: *Лихачев Д. С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение).[2]

и сняшася Любячи на устроенье мира — на Любечском съезде была сделана попытка восстановить единодушие в княжеской среде для борьбы с половцами: «Да нонѣ отселѣ имемся въ едино сердце, и блюдем Рускыѣ земли». На этом съезде вместе с тем, как пишет Б. Д. Греков, «уже совершенно четко было констатировано наличие нового политического строя. Было официально произнесено и признано съездом: „Кождо да держить отчину свою".

Съезд признал этот факт основой дальнейших политических междукняжеских отношений» (*Греков Б. Д.* Киевская Русь. С. 494). В отличие от завещания Ярослава (1054 г.) в постановлениях Любечского съезда не упоминается о старейшинстве. Права обижаемого защищает не старший князь, а все князья вместе. Однако ни «завещанию» Ярослава, ни Любечскому съезду не удалось приостановить раздела Руси и восстановить ее единство. Лишь только разъехались князья, произошли кровавые события, описанные в дальнейшей части летописной статьи 1097 г. Дальнейшие съезды князей — в Городце в том же 1097 г., в Уветичах (Витичеве) в 1100 г., на Золотьчи под Киевом в 1101 г., на Долобском озере в 1103 г. «Княжеские съезды, — пишет Б. Д. Греков, — оказались неспособными примирить противоречивые интересы феодальных владетелей. Среди них продолжало господствовать право сильного. Сильный феодал имел возможность игнорировать и постановления съездов. Феодальная раздробленность сделалась фактом очевидным. Неизбежным ее следствием явились хронические феодальные войны. Закончился Киевский период истории Руси» (там же. С. 495). По интересному предположению Л. В. Черепнина, Начальный свод, предшествовавший «Повести временных лет», возник в связи с этим Любечским съездом и заканчивался его описанием (см. выше, с. 508—509). По мнению М. С. Грушевского, в статье 1097 г. речь идет не о городе Любече близ Чернигова, а о поселке около Киева на левом берегу Днепра у озера Подлюбского («Пидлюбськое») (*Грушевский М. С.* Істория Украïны—Руси. Львів, 1899. Т. 2. С. 66, 329).[1]

К с. 110

Теребовль — город на Гнезде, левом притоке Серета.

На Рудици — где находилось урочище Рудица, не ясно.

присла Святополкъ, река: «Не ходи от именинъ моихъ» — христианское имя Святополка Изяславича было Михаил. Празднование Михаила Архангела (день именин Святополка-Михаила) приходилось на 8 ноября.

Турова и Пиньска — Туров — на Припяти, ниже впадения в него реки Горыни. Пинск — на запад от Турова (*Тихомиров М. Н.* Древнерусские города. С. 109—110).[2]

К с. 111

И на ту ночь ведоша ѝ Бѣлугороду — в Ипатьевской летописи вместо «Белугороду» ошибочно Звенигороду. Аналогичные изменения и ниже в Воскресенской летописи.

И посем удари ѝ в око, и изя зѣницю, и посем в другое око, и изя другую зѣницю — расправа с Васильком Требовльским необычна в русской действительности XI—XII вв. Ослепление как мера против бунтовщиков широко применялось, однако, в Византии. По этому поводу И. У. Будовниц пишет: «Академик В. Г. Васильевский полагает, что это он (Василько. — *Д. Л.*) предводительствовал теми 5000 горцами (русскими с Карпат), которые, по известию византийских хронистов, пришли в 1091 г. вместе с половецкими ханами Тугорканом и Боняком спасать империю от печенегов. В том же 1091 г. он участвовал в набеге половцев на венгров (*Васильевский В. Г.* Печенеги и Византия. С. 100—102). Достоверно известно, что в 1092 г. Василько вместе с половцами совершил поход на Польшу. Случившаяся с ним трагедия застает его среди приготовлений к более обширным предприятиям. Находясь в заключении у Давыда Игоревича, Василько в задушевной беседе рассказал об этих планах попу Василию. Оказывается, он ждал прихода наемных дружин берендеев, печенегов и торков, с которыми собирался сперва воевать Польшу и отомстить ей за обиды, причиненные ляхами Русской земле, а потом захватить дунайских болгар и поселить их в своем княжестве. Византийцы могли быть осведомлены о планах русского князя, удаль которого они имели случай наблюдать во время страшной расправы с печенегами под Константинополем. И вот является естественный вопрос: не было ли замешано в ослеплении Василька византийское правительство, которому болгарские планы русского князя должны были внушать опасения и тревогу? Византийские агенты могли заинтересовать Давида Игоревича перспективой получения принадлежавших Ростиславичам Червенских городов, которых он действительно домогался после ослепления Василька, а Святополка, известного

своим корыстолюбием, — подкупить богатыми дарами» (*Будовниц И. У.* Владимир Мономах и его военная доктрина. С. 78). Об ослеплении Василька Теребовльского говорится также в рассказе о Прохоре Лебеднике Киево-Печерского патерика (с. 151).

перешедше мостъ Звиженьскый — в Воскресенской летописи мост назван Звенигородским (ср. выше ошибочное изменение Белагорода на Звенигород в Ипатьевской летописи, от которой во многом зависит Воскресенская). Звиждень (Звѣждень, Въздвижень) — город на запад от Киева, на реке Здвиж.

В Звиждени городѣ — в Воскресенской летописи ошибочно: «во Звенигороде».

по грудну пути — «Груда» — мерзлая колея на дороге. По предположению Н. В. Степанова (Календарно-хронологический справочник // ЧОИДР. 1917. Кн. 1), «груденъ» — тринадцатый месяц древнерусского лунного года, вставлявшийся через два года на третий.

К с. 112

и Берестие, и Погорину — Берестие — ныне Брест на Западном Буге. Погорина — побережье реки Горыни (объяснение Ермолаевского списка Ипатьевской летописи).

И преклонися (Владимир Мономах) на молбу княгинину (вдовы его отца — Всеволода), чтяшеть ю акы матерь, отца ради своего — речь, следовательно, в этом месте идет о мачехе Владимира Мономаха. Других указаний на то, что Всеволод Ярославич был женат два раза, нет.

К с. 113

Василкови же сущю Володимери, на прежереченѣмь мѣстѣ — этими словами летописец возвращает нас к тому моменту рассказа, когда Василько был привезен во Владимир Волынский, где его посадили «въ дворѣ Вакѣевѣ, и приставиша 30 мужь стеречи и 2 отрока княжа, Уланъ и Колчко» (см. о них текст, с. 113). М. Д. Приселков предполагает, что весь этот отрывок, заключенный между фразой «и приставиша 30 мужь стеречи и 2 отрока княжа, Уланъ и Колчко» и следующей фразой после слов «на прежереченѣмь мѣстѣ», — вставка летописца в рассказ Василия (*Приселков М. Д.* Летописание Западной Украины и Белоруссии // Учен. зап. ЛГУ. Сер. ист. наук. Л., 1941. Вып. 7. С. 6). Как бы то ни было, не может не быть признана вставкой заключенная в этом отрывке похвала Владимиру от слов «Володимеръ бо такъ бяше любезнивъ» до слов «Но мы на свое възвратимся».

«Да се, Василю, шлю тя, иди к Василкови, тезу своему, с сима отрокома, и молви ему тако...». Аз же идох к Василкови, и повѣдах ему вся рѣчи Давыдовы — как ясно из этого места «Повести временных лет» и из многих других в летописях XII—XIII вв., переговоры велись в древней Руси через послов устно. Послы изустно передавали порученные им «речи» в более или менее точной форме. Уже после выполнения поручения послы представляли письменные отчеты о своих переговорах (см. подробнее: *Лихачев Д. С.* Русский посольский обычай XI—XIII вв. // ИЗ. 1945. № 18).

любо Шеполь — в Никоновской летописи ошибочно — Теребовль, в Софийской первой, Воскресенской ошибочно — Ополь. Шеполь — город на Волыни, на реке Ставе, недалеко от Луцка.

любо Перемиль — Перемиль — город на Волыни, на реке Стыре.

берендичи — берендеи, кочевой народ тюркского происхождения; летописью упоминаются здесь впервые. Иногда берендеев летопись называет торками (например: «приступи торчинъ, именем Берендu»).[1]

у Божьска — Божьск — небольшой пограничный городок на Волыни в верховьях Западного Буга. О Божьске см.: *Тихомиров М. Н.* Древнерусские города. С. 114.

К с. 114

созваша вѣче — в Ипатьевской летописи поправлено: «созвониша вѣче».

послалъ Лучьску — Луческ — Луцк, город на Волыни.

воротистася Турийску — Турийск — город в Волынской области на реке Турье.

Святополку же обѣщавшюся прогнати Давыда — по-видимому, этими словами

начинается вторая вставка летописца в рассказ Василия об ослеплении Василька Теребовльского. Заканчивалась эта вставка на словах «а Давыдъ бѣжа в Ляхы». Вставка эта является непосредственным продолжением первой вставки: там изложение заканчивалось предложением союзных князей Святополку или захватить, или изгнать Давыда. С непосредственно примыкающей же частью рассказа Василия эта вставка не связана (*Приселков М. Д.* Летописание Западной Украины и Белоруссии. С. 6—7). Часть поздних летописей отсюда начинает год 6607 (1099).

в Червенъ — Червен — город в Галицком княжестве. Один из группы Червенских городов.

К с. 115

на поли на Рожни — Рожне поле — урочище в верховьях Западного Буга недалеко от Звенигорода Галицкого.

король Коломанъ — венгерский король (1095—1114).

по Вагру — Вагр, или Вягр, — река в Галицком княжестве, впадающая в реку Сан с правой стороны у Перемышля.

а у самого 300 — в Ипатьевской летописи иначе: «а Бонякъ у 300 стѣхъ».

бѣ бо угръ числом 100 тысящь — в Никоновской летописи (XVI в.): «100 тысящь и 20 000». Источник этой поправки в Никоновской неизвестен.

глаголаху бо, яко погыбло ихъ 40 тысящь — Василий, автор Повести об ослеплении Василька Теребовльского, обнаруживает этими словами какой-то устный источник своего рассказа («глаголаху бо»). Этот устный источник чувствуется и выше: 1) в преувеличении численности врагов (соотношение 100 тысяч венгров против 100 воинов Давыда и 300 воинов Боняка явно преувеличено), 2) в преувеличении численности павших (40 тысяч), 3) в сцене ночного гадания хана Боняка, 4) в поэтическом сравнении смятого строя венгров со сбитой соколом в «мячь» стаей галок. М. Д. Приселков предполагает здесь в качестве источника для рассказа Василия половецкую «песнь победы» в честь Алтунопы. Ср. половецкую песнь, записанную впоследствии галицким летописцем под 1201 г. (см. Ипатьевскую летопись) о хане Отроке и траве евшан (*Приселков М. Д.* Летописание Западной Украины и Белоруссии. С. 10—11). Под 1103 г. об этом Алтунопе сказано: «Поидоша половци и послаша пред собою в стороже Алтунопу, иже словяше в них мужеством». «Словяше» на языке того времени означало, что ему пелись «славы». Никоновская летопись в этом рассказе дает несколько иные цифры (см. выше). При всей преувеличенности цифры потерь венгров они несомненно понесли тяжелое поражение. Сами венгерские хронисты признают тяжесть поражения (*Pray G.* Annales regnum Hungariae. Vindabonae, 1764. P. 1. P. 100).

заимъ Сутѣску — Сутейск упоминается в «Поучении» Мономаха (см. с. 521).

выгошевци — жители города Выгошева на Волыни. Точно местоположение его не ясно.

Мстиславу же хотящю стрѣлити, внезапу ударенъ бысть подъ пазуху стрѣлою, на заборолѣхъ, сквозѣ дску скважнею — «забрала» — помост на верху стены, на котором находятся обороняющиеся, огражденный с внешней стороны бруствером — рубленым или тесовым. В данном случае бруствер был из теса — досок и имел щели.[1]

К с. 116

1098 *яко же и в прежнее лѣто сказахъ* — о походе 1098 г. Мономаха с Давыдом и Олегом на Святополка, окончившемся миром, рассказывалось в Повести Василия об ослеплении Василька Теребовльского. Повесть Василия (см. выше, с. 533) охватывала события нескольких лет.

Под *6606 годом* в конце годовой статьи в Ипатьевском списке добавлено: «В се же лѣто заложи Володимеръ церковь камяну святоѣ Богородицѣ Переяславли, на княжѣ дворѣ. Того же лѣта заложи Володимеръ Мономахъ городъ на Въстри». Владимир в этом

известии — Владимир Мономах. Все известие восходит к третьей редакции «Повести временных лет».

В лѣто 6607. Изиде Святополкъ на Давыда к Володимерю и прогна Давыда в Ляхы — события этого 1099 г. (поход Святополка на Давыда, погром венгров у Перемышля и убиение во Владимире сына Святополка) уже были рассказаны выше под 1097 г. в Повести Василия об ослеплении Василька Теребовльского. 1099

Под *6607 годом* в Ипатьевском списке после слов «в Ляхы» дополнительно читается следующее известие: «В се же лѣто бысть знаменье надъ Володимеремь мѣсяца априля: два круга, а в нею аки солнце, и по шестаго часа, а ночь аки 3 стязи свѣтлѣ оли до зорь». Город Владимир, здесь упоминаемый, — Владимир Волынский. Все известие восходит к третьей редакции «Повести временных лет».

В се же лѣто убьенъ Мстиславъ, сынъ Святополчь, в Володимери мѣсяца июня въ 12 день — легенду о смерти во Владимире Волынском Мстислава Святополковича как божественной мести за убийство печерского инока Василия рассказывает Киево-Печерский патерик. Там, между прочим, сообщаются и следующие подробности: «Мьстислав застрѣленъ бысть въ Володимери на забралех... бияся съ Давыдомъ Игоревичем» (с. 170—171).

В том же лѣте братья створиша миръ межи собою, Святополкъ, Володимеръ, Давыдъ, Олегъ, въ Увѣтичих — о съезде в Уветичах уже было сказано выше под 1097 г. в Повести Василия об ослеплении Василька Теребовльского. 1100

мѣсяца августа во 10 день — в Ипатьевской летописи: «мѣсяца августа въ 14 день».

шед сяди в Бужьскѣмь въ Острозѣ, а Дубенъ и Черторыескъ то ти дасть Святополкъ — не ясно, следует ли считать в словах «в Бужьскѣмь въ Острозѣ» упоминание двух мест или одного (Бужьский острог). Точное местонахождение обоих (или одного) из этих урочищ не ясно. Возможно, что здесь имеется в виду Бужеск, упоминаемый и ниже, — город при впадении Полтвы в Западный Буг. Дубен — город на Волыни. Черторыйск — там же, на реке Стыре.

К с. 117

и посемъ вдасть Святополкъ Давыдови Дорогобужь, в нем же и умре — Давыд Игоревич умер в Дорогобуже 25 мая 1112 г. Следовательно, летописец писал после этого времени. Фраза эта почти буквально повторяет заключительные слова рассказа Василия об ослеплении Василька Теребовльского, помещенного под 1097 г.: «...но даша ему Дорогобужь, в нем же и умре». Очевидно, летописец, писавший после 25 мая 1112 г., уже имел на руках Повесть Василия, доведенную именно до этого события, либо Василий знал текст «Повести временных лет».

а Володимеръ вда сынови своему Ярославу — Никоновская летопись добавляет: «иже бѣ ему отъ наложницы».

Преставися Всеславъ, полоцкий князь мѣсяца априля въ 14 день, въ 9 час дне, въ среду — 14 апреля падало в 6609, мартовском году, на субботу, а в сентябрьском на воскресенье. На среду падали в мартовском 6609 г. 11 и 4 апреля. 1101

на Золотьчи — Золотьча — одна из рек, впадающих в Днепр против Киева.

у Сакова — Саков — город в Переяславском княжестве на левом берегу Днепра, несколько выше Витичева.

Под *6609 годом* в конце годовой статьи в Ипатьевской летописи читается следующее известие, восходящее к третьей редакции «Повести временных лет»: «В се же лѣто Володимеръ заложи церковь у Смоленьскѣ святоѣ Богородице камяну, епискупью». Владимир здесь — Владимир Мономах. В Никоновской летописи уточнение: «мѣсьца мая 2, въ 3 часъ дне».

на Нурѣ — Нура — река, впадающая в Западный Буг. 1102

Под *6610 годом* в Ипатьевской летописи после слов «в пришедшее лѣто» дополнительно читается следующее известие: «В то же лѣто родися у Володимера сынъ Андрѣй». Никоновская летопись помещает это известие сразу после сообщения о гибели Ярослава Ярополчича 11 августа и начинает его словами: «того же дни» (следовательно, 11 августа). Дату рождения, 11 августа, имеем мы и в Тверском сборнике с добавлением: «даша ему имя

въ 18 августа, Андрей Стратилать». В конце той же годовой статьи в Ипатьевской летописи читается: «В се же лѣто преставися Володиславъ, лядскый князь». Оба известия восходят к третьей редакции «Повести временных лет».

за Болеслава — за польского короля Болеслава III.

1103 *В лѣто 6611* — под этим годом Синодальный список Новгородской первой летописи помещает дополнительное известие: «Въ то же лѣто заложиша церковь Благовѣщение Мьстислав князь на Городищи (в Новгороде на Рюриковом городище. — *Д. Л.*)». (Ср. другие новгородские летописи).

К с. 118

Негодно нынѣ веснѣ ити, хочем погубити смерды и ролью ихъ — этот рассказ «Повести» рисует социально-экономическое положение смердов как свободных земледельцев-сельчан, обладателей собственного хозяйства, в частности рабочей лошади. Б. А. Романов («Смердий конь и смерд») обратил внимание в этом рассказе на то, что сами смерды в поход на половцев привлечены не были, но, подразумевается, поставили бы только лошадей. Однако ниже в «Повести» под 1111 г., тоже по случаю похода на половцев, вводная часть рассказа о княжеском совещании перед походом в основном копирует рассказ 1103 г. с той разницей, что смерды там трактуются как участники предстоящего похода, а не только как поставщики лошадей. Тексты эти послужили предметом спора в другом пункте: являются ли здесь смерды в качестве людей, стоящих в прямой феодальной зависимости от частных землевладельцев, или в качестве свободных земледельцев, княжеских данников. Б. Д. Греков и С. В. Юшков высказались за первое понимание, ссылаясь на то, что иначе трудно объяснить возражение дружины против похода, да и самое обращение князей к дружине за согласием на поход. На это Б. А. Романов возражал, что в тексте «Повести» под 1103 г. нет противопоставления интересов князей интересам дружинников, а есть противопоставление недомыслия дружины (Святополковой) мудрости Мономаха (но не Святополка), и таким образом этот текст не имеет отношения к вопросу о значении термина «смерд». (См.: *Греков Б. Д.* Киевская Русь. С. 209 и след.; *Юшков С. В.* Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. Л., 1938. С. 94; *Романов Б. А.* Люди и нравы древней Руси. С. 130 и след.).[1]

и сташа в Протолчех в Хортичем островѣ — Протолчи — урочище в Днепровской луке ниже порогов, но выше острова Хортица, «на том самом броду, который с незапамятных времен служил известным местом переправы через Днепр» (*Кудряшов К. В.* Половецкая степь. С. 130—131).

и придоша на Сутѣнь — нигде в летописях «Сутень» более не встречается. К. В. Кудряшов видит «Сутень» в реке Молочной (на тюркских языках süten — молочная), впадающей в Азовское море и находившейся как раз на расстоянии четырехдневного пути от порогов (см. выше: «...сташа в Протолчех в Хортичем острове... идоша в поле 4 дни»). См. об этом: *Кудряшов К. В.* Половецкая степь. С. 91—94.

Дни 4 априля мѣсяца велико спасенье Богъ створи, а на врагы наша дасть побѣду велику — победоносный поход русских князей на половцев 1103 г. был первым из степных походов, организованных Владимиром Мономахом. За ним следовали походы 1109, 1111 и 1116 гг. Четырьмя этими походами половецкие кочевья были отброшены далеко от границ Русской земли. Не случайно летописец, давая посмертную характеристику Мономаху, записал о нем под 1125 г.: «Его имене трепетаху вся страны и по всем землям изиде слух его» (Лаврентьевская летопись). По-видимому, часть половцев была отброшена походами Мономаха на Северный Кавказ. Ипатьевская летопись под 1201 г. говорит о Романе Галицком, что он «ревноваше бо дѣду своему Мономаху, погубившему поганыя измаилтяны, рекомыя половци, изгнавшю Отрока во Обезы за Желѣзныя врата, Сърчанови же оставшю у Дону, рыбою оживъшю (питаясь рыбой); тогда Володимеръ Мономахъ пилъ золотым шоломомъ Донъ, и приемшю землю ихъ всю, и загнавшю оканьныя агаряны». Пребывание Отрока (Атерака), сына хана Шарукана, в Закавказье подтверждается грузинскими источниками (Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1897. Вып. 22). Лишь смерть сына Мономаха Мстислава Владимировича (в 1132 г.) вновь оживила враждебную деятельность половцев. О походе 1103 г. кратко говорится и в Киево-Печерском патерике (с. 154—155).

К с. 119

сруби городъ Гюргевъ — город Юрьев — о нем выше, с. 480.

В лѣто 6613 — в Синодальном списке Новгородской первой летописи под этим годом 1105 помещено дополнительное известие: «Томь же лѣтѣ идоша (новгородцы. — *Д. Л.*) въ Ладогу на войну; и погорѣша хороми от Ручия (от Федоровского ручья в Новгороде. — *Д. Л.*), мимо Славьно, до святого Илие» (ср. также другие новгородские летописи). В Ипатьевской летописи под этим годом помещены следующие дополнительные известия, восходящие к третьей редакции «Повести временных лет», в начале статьи: «Увалися верхъ святого Андрѣя», в конце статьи: «Томъ же лѣтѣ явися звѣзда с хвостомъ на западѣ и стоя мѣсяць. Того же лѣта пришедъ Бонякъ зимѣ, на Зарубѣ (на поле добавлено: и побѣди) торкы и береньдѣѣ».

около Зарѣчьска — местоположение этого Зареческа не ясно. Во всяком случае, это не 1106 Зареческ на Волыни (упоминающийся в Ипатьевской летописи под 1150 г.).

и посла по них Святополкъ Яня и Иванка Захарьича, Козарина — в летописях, восходящих к Новгородско-Софийскому своду 30-х годов XV в., сказано: «И посла по нихъ Святополкъ Яня Вышатича и брата Путяту, Иванка Захарьича и Козарина» (Софийская первая летопись и др.).

и угониша половцѣ, и полонъ отяша — в Ипатьевской летописи добавлено: «и въгонивьше половцѣ до Дуная, полон отъяша, а половцѣ исъсѣкоша».

преставися Янь, старець добрый, живъ лѣт 90... От него же и азъ многа словеса слышах, еже и вписах в лѣтописаньи семь, от него же слышах — Яну Вышатичу и его отцу Вышате в «Повести временных лет», по-видимому, принадлежат рассказы о Новгороде, с которым Вышата был связан лично и через своих предков, и о тех событиях русской истории, в которых принимали участие представители их рода (Вышата был сыном новгородского посадника Остромира, внуком новгородского посадника Константина, правнуком дяди Владимира Добрыни, праправнуком Мстиши, прапраправнуком воеводы Игоря Свенельда). В частности, Вышате и Яну принадлежат рассказы о Свенельде и Мстише, о Добрыне (будущем герое русских былин, о посадничестве Добрыни в Новгороде, о помощи его Владимиру стать новгородским князем, о походе Добрыни с Владимиром на болгар, о помощи Добрыни в сватовстве Владимира к Рогнеде), о помощи Константина Ярославу, о героическом поведении Вышаты в походе Владимира Ярославича на Византию в 1043 г., о подавлении восстания волхвов в Белозерье Яном Вышатичем и мн. др. При этом в «Повести временных лет» отразились не только сведения, почерпнутые летописцами в рассказах Яна и его отца, но и их идеология старых дружинников, недовольных новыми порядками (см. подробнее: *Лихачев Д. С.* Устные летописи в составе «Повести временных лет»). Гипотеза Л. В. Черепнина предполагает в Яне Бояна «Слова о полку Игореве» (*Черепнин Л. В.* «Повесть временных лет», ее редакции и предшествующие ей летописные своды. С. 328—329; ср. аналогичное предположение А. Ф. Вельтмана: «Упоминаемый „бо Ян" в Слове о полку Игореве есть старец Ян, упоминаемый Нестором» (Москвитянин. 1842. Ч. 1. № 1).

Под *6614 годом* в Ипатьевской летописи после слов «прибеже Избыгнев к Святополку» добавлено: «Того же лѣта помраченье бысть въ солнци, августа». Запись эта точна. Полное солнечное затмение произошло 1 августа 1106 г. (*Святский Д. О.* Астрономические явления в русских летописях с научно-критической точки зрения. С. 105).

пострижеся Святославь, сынъ Давыдовъ, внукъ Святославль — в Синодальном списке Новгородской первой летописи добавлено, что Святослав Давыдович (по прозвищу «Святоша») постригся в Чернигове («Цьрнигове»). В Погодинском и Хлебниковском списках Ипатьевской летописи указывается его новое, иноческое имя — Никола. См. сказание «О преподобном Святоши, князи Черниговьском» в Киево-Печерском патерике (с. 113—119).

В лѣто 6615 — под этим годом в Типографской летописи на основании каких-то древних 1107 записей читается следующее известие о нападении болгар на Суздаль: «В се же лѣто чюдо сътвори Богъ и святаа Богородица в Суждалстѣй землѣ. Приидоша болгаре ратью на Суждаль и обьступиша градъ и много зла сътвориша, воююща села и погосты и убивающе многыхъ отъ крестьянъ. Сущии же людие въ градѣ не могуще противу ихъ стати, не сущю князю у нихъ, на молитву к Богу обратишяся и къ пречистей его матери покааниемъ и слезами

и затворишася въ градѣ. И всемилостивый Богъ услышавъ молитву ихъ и покаание: якоже древле ниневгитяне помилова, тако и сихъ избави отъ бѣдъ, ослепиша бо вся ратныа болгары, и та изъ града изшедще, всѣхъ избиша».

В лѣто 6615, индикта, кругъ луны 4 лѣто, а солнечнаго круга 8 лѣто — в 6615 г. круг луны был 3, а круг солнца 7; в 6616 же году круг луны был 4, а круг солнца 8. О кругах луны и солнца см.: *Черепнин Л. В.* Русская хронология. С. 39 и 53.

около Лубьна — Лубен — город в Переяславском княжестве на реке Суле.

К с. 120

до Хорола — река Хорол, приток Псела.

1108 *В лѣто 6616* — Синодальный список Новгородской первой летописи дополнительно сообщает под этим годом: «Прѣставися архиепископъ Новъгородьскый Никита, мѣсяця генваря въ 30; а на весну почяшя пьсати святую Софию, стяжяниемь святаго владыкы». В Софийской первой уточнение места погребения новгородского епископа Никиты: «въ святѣй Софии въ Акимѣ и Аннѣ» (т. е. в пределе Иоакима и Анны).

Заложена бысть церкы святаго Михаила, Золотоверхая — в Никоновской летописи добавлено, что златоверхая церковь Михайловского монастыря была «о пятинадесяти версѣхъ» и что украшена она была «дивно». Новгородские летописи (в частности, Синодальный список) относят закладку церкви к следующему, 6617 г. Археологи (например, М. К. Каргер) высказывают сомнения в том, что известная до недавнего времени под именем собора Михайловского Златоверхого монастыря постройка в Киеве была действительно выстроена в 1108 г. и датируют ее более ранним временем (см. выше, с. 488).

въ 11 июлия мѣсяца — иная дата в Никоновской летописи: «мѣсяца марта въ 9». В Тверском сборнике сказано коротко: «весною».

И кончаша тряпезницю Печерьскаго манастыря... иже ю и заложи повелѣньемь Глѣбовым — Глеб Всеславич выступает крупным вкладчиком Печерского монастыря. Под 1158 г. в Ипатьевской летописи сказано (очевидно, на основании вкладной книги Печерского монастыря): «Глѣбъ же вда въ животѣ своемъ, съ княгинею, 600 гривенъ серебра, а 50 гривенъ золота; а по княжи животѣ княгини вда 100 гривенъ серебра, а 50 гривенъ золота; а по своем животѣ вда княгини 5 селъ и съ челядью, и все да и до повоя» (т. е. вплоть до головного платка).

Феоктисту, игумену печерьскому — в Ипатьевской летописи вместо «игумену» сказано «аньхимандриту». Титул архимандритов печерские игумены получили только во второй половине XII в. Очевидно, что это исправление внесено в «Повесть временных лет» не раньше этого времени.

дабы вписалъ Феодосья в сѣнаникъ — Синодик (греч. συνοδικόν) — книга с записями имен умерших для поминания их во время богослужения.

мѣсяца иулия въ 11 — в Ипатьевской летописи иная дата: «мѣсяца июля въ 24». По-видимому, дата Ипатьевской летописи более точна. Один из составителей Лаврентьевской летописи машинально повторил здесь дату закладки Михайловской златоверхой церкви — 11 июля.

на Кловѣ — Клов — урочище близ Киева, между Киевом и Киево-Печерским монастырем.

1109 *В лѣто 6617* — под этим годом в Ипатьевской летописи добавлено после слов «взя вежѣ половечскыѣ у Дону»: «1000 вѣжь взя, послани Володимеромъ княземъ». Никоновская летопись помещает под этим годом следующий легендарный рассказ: «Явися въ Киевѣ на церкви святаго архангела Михаила Златоверхаго птица незнаема: величествомъ бѣ со овна, и сиаше всякими цвѣты, и пѣсни безпрестанно, и много сладости имуще, изношашеся отъ неа; и сѣде на церкви той 6 дний и отлетѣ, и никто же нигдѣ же можаше видѣти еа къ тому». Внимание составителя Никоновской летописи здесь и под предшествующим годом к Михайловскому златоверхому монастырю примечательно.

1110 *В лѣто 6618* — в Ипатьевской летописи под этим годом читается следующее добавление, восходящее к третьей редакции «Повести временных лет»: «Того же лѣта пришедше половци воеваша около Переяславля по селомъ. Того же лѣта взяша половьци идучи назад много селъ». В. Н. Татищев читает это место «по Семи» (*Татищев В. Н.* История российская с самых древнейших времен. Кн. 2. С. 206). В Хлебниковском списке Ипатьевской летописи вместо «идучи назад много селъ» читается: «полон у Чючина». Синодальный список Новгородской

первой летописи под этим годом сообщает: «Приде архиепископъ Иоанн въ Новъгородъ мѣсяця декабря въ 20» (то же известие и во многих других новгородских летописях).

Идоша веснѣ на половцѣ Святополкъ, и Володимеръ, и Давыдъ. И дошедше Воиня, и воротишася — этот поход русских князей снова упомянут в Лаврентьевской летописи под 1111 г.: «Идоша веснѣ на половцѣ Святополкъ, Володимеръ, Давыдъ. И дошедше Воиня, и воротишася». Подобные дублировки известий встречаются в Лаврентьевской летописи и в дальнейшем: смерть Олега Святославича записана под 1115 г. и 1116 г., вокняжение Глеба в Киеве под 1168 г. и 1169 г., поход Михалки Переяславского под 1169 г. и 1171 г., и др. Объясняется это тем, что во Владимире Залесском были использованы в XII—начале XIII в. две летописи Переяславля Русского — епископская и княжеская, — между которыми было различие в хронологии: хронологическая сеть в обеих не совпадала. Ошибался при этом княжеский летописец, а епископский имел правильные даты. Летописание же Владимира Залесского отразилось в Лаврентьевской летописи (см. об этом: *Приселков М. Д.* Лаврентьевская летопись: (История текста) // Учен. зап. ЛГУ. Сер. ист. наук. Л., 1939. Вып. 2. С. 92—93). Дата похода 1110 г. принадлежит епископскому летописцу и, очевидно, правильная.

К с. 121

Ангелъ твой буди с тобою — непосредственное продолжение этого текста читается в Ипатьевском списке. Очевидно, что рукопись Сильвестра с течением времени потеряла последние листы. Следующая же затем запись Сильвестра была сделана либо на особом листе, следовавшем за последней тетрадью, либо на тыльной стороне переплета и потому сохранилась. На 1110 г. обрывается «Повесть временных лет» в Лаврентьевской, Радзивиловской, Московско-Академической и, по-видимому, в утраченной Троицкой летописях. В Ипатьевской летописи (и родственных ей списках) «Повесть временных лет» доведена до 1117 г., после чего объем погодных статей резко уменьшается. Об этих различиях в списках «Повести временных лет» см. с. 352 и след.[1]

Игуменъ Силивестръ святаго Михаила — Сильвестр был игуменом в Михайловском Выдубицком монастыре недалеко от Киево-Печерского. Монастырь этот был основан отцом Владимира Мономаха Всеволодом Ярославичем и был «княжим» монастырем в его роду. А. А. Шахматов полагает, что Сильвестр являлся составителем второй редакции «Повести временных лет». Некоторые исследователи (С. А. Бугославский) считают, что он был простым переписчиком «Повести временных лет». С 1118 г. Сильвестр был поставлен в сан епископа Переяславского (Переяславля Южного). Умер Сильвестр в 1123 г.

Якоже пишеть премудрыя Епифаний — Епифаний, архиепископ Кипрский, — писатель IV в. н. э. Изложенное здесь учение рассматривается в его сочинении «Анкорат» («Якорь веры»).

К с. 122

В лѣто 6619 — Синодальный список Новгородской первой летописи дополнительно *1111*
сообщает под этим годом: «Томь же лѣтѣ ходи Мьстислав (Владимирович новгородский. — *Д. Л.*) на Очелу» (то же известие в младшем изводе Новгородской первой летописи).

Вложи Богъ Володимеру въ сердце, и нача глаголати брату своему Святополку, понужая его на поганыя, на весну — описание начала похода 1111 г. на половцев обнаруживает свою литературную зависимость от описания в «Повести временных лет» начала похода 1103 г. Приводим текст обеих статей.

1103 г.

Богъ вложи в сердце княземъ руским Святополку и Володимиру, и снястася думати на Долобьскѣ. И сѣде Святополкъ с своею дружиною, а Володимеръ с своею въ единомъ шатрѣ. И почаша думати и глаголати дружина Святополча, яко «Негодно нынѣ веснѣ

1111 г.

Вложи Богъ Володимеру въ сердце, и нача глаголати брату своему Святополку, понужая его на поганыя, на весну. Святополкъ же повѣда дружини своей рѣчь Володимерю; они же рекоша: «Не веремя нынѣ погубити смерьды от рольи». И посла Святополкъ к Володимерю,

ити, хочем погубити смерды и ролью ихъ». И рече Володимеръ: «Дивно ми, дружино, оже лошадий жалуете, ею же кто ореть; а сего чему не промыслите, оже то начнеть орати смердъ, и приѣхавъ половчинъ ударить й стрѣлою, а лошадь его поиметь, а в село его ѣхавъ иметь жену его и дѣти его, и все его имѣнье? То лошади жаль, а самого не жаль ли?». И не могоша отвѣщати дружина Святополча. И рече Святополкъ: «Се язъ готовъ уже». И вста Святополкъ, и рече ему Володимеръ: «То ти, брате, велико добро створиши землѣ Русскѣи». И посласта ко Олгови и Давыдови, глаголюща: «Поидита на половци, да любо будем живи, любо мертви». И послуша Давыдъ, а Олегъ не всхотѣ сего, вину река: «Не сдравьлю». Володимеръ же, цѣловавъ брата своего, и поиде Переяславлю, а Святополкъ по нем, и Давыдъ Святославичъ, и Давыдъ Всеславичь, и Мстиславъ, Игоревъ внукъ, Вячеславъ Ярополчичь, Ярополкъ Володимеричь.

глаголя: «Да быхови ся сняла, и о томъ подумали быхомъ съ дружиною». Послании же придоша к Володимеру и повѣдаша всю рѣчь Святополчю. И прииде Володимеръ, и срѣтостася на Долобьскѣ. И сѣдоша въ единомъ шатрѣ Святополкъ съ своею дружиною, а Володимеръ съ своею. И бывшу молчанью, и рече Володимеръ: «Брате, ты еси старѣй, почни глаголати, како быхъм промыслили о Русьской земли». И рече Святополкъ: «Брате, ты почни». И рече Володимеръ: «Како я хочю молвити, а на мя хотять молвити твоя дружина и моя, рекуще: хощеть погубити смерды и ролью смердомъ. Но се дивно мя, брате, оже смердовъ жалуете и ихъ коний, а сего не помышляюще, оже на весну начнеть смердъ тотъ орати лошадью тою, и приѣхавъ половчинъ, ударить смерда стрѣлою и поиметь лошадь ту и жону его, и дѣти его, и гумно его зажжеть. То о сѣмь чему не мыслите?». И рекоша вся дружина: «Право во истину тако есть». И рече Святополкъ: «Се язъ, брате, готовъ есмь с тобою». И посласта ко Давыдови Святославичю, веляча ему съ собою. И въста Володимеръ и Святополкъ, и цѣловастася, и поидоста на половцѣ Святополкъ съ сыномъ, Ярославъ, и Володимеръ съ сынми и Давыдъ со сыномъ.

Литературная зависимость второго описания от первого несомненна. Первый рассказ проще и логичнее (например, в первом описании: «негодно нынѣ в е с н ѣ ити, хочем погубити смерды и ролью ихъ», а во втором: «не веремя нынѣ (?) погубити смерьды от рольи»; или в первом описании: «Дивно ми, дружино, оже лошадий жалуете, ею же кто ореть», а во втором: «оже смердовъ жалуете и ихъ коний» и др.). Эта литературная зависимость отнюдь, однако, не означает, что одного из этих Долобских съездов (1103 или 1111 г.) вовсе не было. Летописец просто воспользовался описанием первого съезда для описания близкого к первому по смыслу и содержанию второго. А. А. Шахматов предполагает следующую сложную зависимость одного от другого: Сильвестр описал съезд 1103 г. на основании реально имевших место событий 1111 г., заменив своим описанием какое-то другое, неблагоприятное Мономаху, составленное Нестором. Составитель же третьей редакции «Повести временных лет» описал съезд 1111 г. на основании описания съезда 1103 г. у Сильвестра (Повесть временных лет. Т. 1. С. XXXI). Вряд ли есть необходимость в таком сложном объяснении.

В суботу поидоша, и быша на Хоролѣ, и ту и сани пометаша. А в недѣлю поидоша, в ню же хрестъ цѣлують, и приидоша на Пселъ, и оттуди сташа на рѣцѣ Голтѣ — К. В. Кудряшов так определяет календарь похода русского войска в 1111 г.: «Февраль 26 (воскресенье) — выступили в поход из Переяславля. Март 3 — на Суле; март 4 — на Хороле; март 6 — на Голтве; март 7 — на Ворскле; март 8 — вступили в Половецкую степь и „преидоша многие реки"; март 19 (воскресенье, пятая «неделя») — пришли „к Донови"; март 20 — отдыхают и готовят вооружение; март 21 (вторник) — пришли к Шаруканю „вечеру сущу" и ночью овладевают городом; март 22 (среда) — пришли к Сугрову и зажгли его; март 23 (четверг) — пришли с „Дона"; март 24 (пятница) — бой „на потоце Дегея"; март 25 (суббота) — отдыхают и празднуют день Благовещения; март 26 (воскресенье) — в походе; март 27 (понедельник Страстной недели) — утром сражение на Сальнице». Подробнее см. главу «Поход Владимира Мономаха в Половецкую землю в 1111 г.» в книге К. В. Кудряшова «Половецкая степь».

въ 6 недѣль поста — в Воскресенской летописи: «въ 5-ю же недѣлю поста». Как указывает К. В. Кудряшов, Великий пост начинается в понедельник, а воскресенье заканчивает неделю. Следовательно, пятая «неделя» (воскресенье) поста приходилась на шестую неделю (*Кудряшов К. В.* Половецкая степь. С. 113). Противоречия между данными Ипатьевской и Воскресенской летописей нет.

поидоша ко граду Шаруканю — город Шарукань назван по имени хана Шаруканя. К. В. Кудряшов указывает: «Половецкие города назывались по имени своего хана (как это наблюдалось и у печенегов). Со сменой хана, владельца города, менялось и название последнего. Шарукань в некоторых летописных списках носит название Осенева, по имени хана Асана (Осеня), по смерти которого стал называться по имени хана Шарука, едва избежавшего русского плена в 1107 г. на Хороле» (*Кудряшов К. В.* Половецкая степь. С. 119; здесь же попытка определить точное местоположение этого города).

И князь Володимеръ пристави попы своя, ѣдучи предъ полкомъ, пѣти тропари и конъдакы хреста честнаго и канунъ святой Богородици... выидоша из города (Шаруканя), и поклонишася княземъ рускымъ, и вынесоша рыбы и вино — в населении половецких городов был очень силен русский элемент. «Очевидно, город Шарукань, находившийся во власти половцев, — пишет И. У. Будовниц, — был населен не половцами, которые в городах не жили, а славянами и во всяком случае христианами, на которых торжественное богослужение должно было произвести, и действительно произвело, известное впечатление» (*Будовниц И. У.* Владимир Мономах и его военная доктрина. С. 84).

поидоша к Сугрову — как указывает К. В. Кудряшов, «Сугров назван по имени хана Сугры, плененного русскими князьями при нападении на Лубны в 1107 г.». Местоположение Сугрова, как и Шаруканя, К. В. Кудряшов определяет в районе Северского Донца (*Кудряшов К. В.* Половецкая степь. С. 119).[1]

К с. 123

И падаху половци предъ полкомъ Володимеровомъ, невидимо бьеми ангеломъ — весь последующий рассказ и рассуждения летописца Выдубицкого Михайловского монастыря об ангелах представляют собой попытку выставить патрона этого монастыря, архангела Михаила, «вождя бесплотных сил», виновником русских побед над половцами: «Ангелы бо, глаголю, наша поборникы на противныя силы воюющим, им же есть (вождь) архангел Михаил» и т. п. Летописец развивает ту мысль, что к каждому войску приставлены ангелы. К войску язычников также приставлены ангелы. Язычники побеждают, когда по Божьему попущению их водит ангел. Со всей этой статьей 1111 г. следует сопоставить и статью 1110 г., также составленную в Выдубицком монастыре; в этой последней явление огненных столпов над Печерским монастырем также истолковано как явление ангелов и также развивается учение об ангелах.

на рѣцѣ Салницѣ — К. В. Кудряшов определяет эту Сальницу как небольшую, в настоящее время не сохранившуюся речку в районе Изюмской переправы (между Изюмом и Изюмцем) через Северский Донец (*Кудряшов К. В.* Половецкая степь. С. 66 и др.).

и оттуда к Городцю; ту бо бяше Володимеръ в Радосыни — Радосынь — урочище около Городца, Городец же, здесь упоминаемый, — ближайший к Киеву, на восток от него.

К с. 124

И се пакы, якоже Иполитъ глаголеть, толкуеть Данила — Ипполит — писатель конца II—начала III в. Ему принадлежат толкования на книгу пророка Даниила в двух видах: в виде толкований на книгу пророка Даниила и в виде сказания о Христе и антихристе. Русский перевод этих толкований дошел до нас в рукописи XII—XIII вв. (*Срезневский И. И.* Сказания об антихристе. СПб., 1874. С. 10—11).

К с. 125

Того же лѣта ведоша Володимерьну Офимью въ Угры за короля — Евфимия — дочь Владимира Мономаха — была выдана замуж за венгерского короля Коломана.[2] *1112*

въ церькви святыя Богородица Влахѣрнѣ на Кловѣ — Влахернский монастырь — на ручье Клове близ Киево-Печерского монастыря, построен бывшим игуменом печерским Стефаном в честь Божьей Матери «Влахернитиссы».[1]

у церкви святаго Андрѣя, юже бѣ создалъ отець ея — церковь Андрея была построена в Киеве Всеволодом Ярославичем в 1086 г. (см. в Ипатьевской летописи под 1086 г.: «Всеволодъ заложи церковь святого Андрѣя, при Иванѣ преподобномь митрополитѣ; створи у церкви тоя манастырь, в нем же пострижеся дщи его дѣвою, именемъ Янька. Сия же Янка, совокупивши черноризици многи, пребываше с ними по манастырьскому чину»).[2]

мѣсяца генваря въ 12 день — в Никоновской летописи это известие, как и другие 1112 г., помещено под 1113 г. и дана другая дата: «мѣсяца генваря въ 11 день».

1113 *В лѣто 6621* — под этим годом Синодальный список Новгородской первой летописи дополнительно сообщает: «Семь же лѣтѣ побѣди Мьстислав на Бору чюдь» (то же известие в младшем изводе Новгородской первой летописи).

Бысть знаменье въ солнци въ 1 часъ дьне; бысть видити всѣмъ людемъ: остася солнца мало, аки мѣсяца доловъ рогома, мѣсяца марта въ 19 день, а луны въ 29 — затмение было 19 марта 1113 г. Серп солнца действительно был виден с рогами, обращенными вниз (*Святский Д. О.* Астрономические явления в русских летописях с научно-критической точки зрения. С. 105). В Лаврентьевской летописи это затмение отнесено под 1114 г.

К с. 126

Наутрия же... свѣтъ створиша кияне, послаша к Володимеру... Кияни же разъграбиша дворъ Путятинъ, тысячьского... И послашася паки кияне к Володимеру — характер восстания, причины, почему киевляне обратились к Мономаху, и характер предпринятых Владимиром Мономахом мер рассмотрены Б. Д. Грековым: «В 1113 г. в Киеве вспыхнуло одно из крупных восстаний: воспользовавшись смертью князя Святополка Изяславича, поднялись мелкие городские люди; их поддержала деревня... Как только Святополка не стало, народ киевский восстал и прежде всего бросился на двор киевского тысяцкого Путяты, который всегда держал сторону Святополка и его сына. Потом разгромили дворы сотских и ростовщиков. Имущие слои испугались. Спешно они отправляют посольство за посольством к Владимиру Мономаху, который не очень хотел вмешиваться в киевские дела. Тогда растерявшиеся правящие сословия стали указывать Мономаху на возможность углубления восстания. Они велели передать Владимиру, что если он не явится немедленно в Киев, то будут разграблены не только отдельные дворы родственников князя, прявящей знати и ростовщиков, но и монастыри, за допущение разграбления которых Мономаху придется отвечать перед Богом. Владимир явился, вынужденный нарушить правило, принятое на Любеческом съезде князей, что каждый князь должен держаться своей вотчины. Киев не был вотчиной Мономаха. Владимира выбрало вече ⟨...⟩. Выбор пал на князя, который был приемлем для этой народной массы, известен ей как крепкий борец против разнузданности феодалов. В своей деятельности Владимир Мономах действительно обнаружил явную тенденцию идти навстречу городским и деревенским низам. В киевских событиях 1113 г. находит свое выражение, едва ли не впервые, тенденция к союзу между горожанами и сильной великокняжеской властью, своим острием обращенной против феодальных усобиц. Эта опора на горожан Киева является основным источником политической силы Владимира Мономаха. Создавшееся положение подсказало ему, что необходимо прежде всего облегчить положение должников, стонавших под игом ростовщических процентов, и помочь тем, кто за взятые у господ вперед деньги должен был гнуть с в о ю спину на барской работе, т. е. закупам. Владимир сделал и то и другое» (*Греков Б. Д.* Киевская Русь. С. 496—498). Меры, принятые Владимиром Мономахом, характеризуются Б. Д. Грековым так: «Владимир Мономах, прибывший на Киевский стол в момент восстания низов против господствующих классов, и в частности должников — против своих кредиторов, рядом мер, в том числе и компромиссных, ликвидировал восстание. Очень выразительным памятником его деятельности этого периода служит та часть Пространной Правды, которая носит заголовок: „А се уставил Володимерь Всеволодовичь". Происхождение всех элементов этого „Устава" до сих пор

определить не удалось, но не подлежит никакому сомнению, что в своем основном содержании он касался прежде всего вопросов о долгах во всех их формах, и закуп как человек, связанный со своим господином все же через деньги, попал в „Устав" на самом законном основании... Следы революционного происхождения законодательства о закупах очень заметны. Закупу гарантировано право судиться со своим господином и право уходить от господина „искать кун": довольно точно определены случаи ответственности закупа за господское имущество, значительно защищены имущественные и личные права закупа. Бросается в глаза рассчитанная на политический эффект декларативность некоторых статей, касающихся закупа: господин может безнаказанно бить закупа только „про дело", но отнюдь не „без вины", „не смысля" или под пьяную руку. Во всех этих гарантиях ясно чувствуется безвыходное положение закупа до восстания 1113 г. и желание законодателя поставить границы, хотя подчас и чисто словесные, господскому произволу. Характер деятельности Владимира Мономаха очень ярко определен в послании митрополита Никифора, где Владимир выступает в качестве „устраяющего словеса на суде, хранящего истину в веки, творяща суд и правду по среде земля". Если есть основание полагать, что эти „гарантии", сослужив свою службу, преданы были забвению, то едва ли можно сомневаться в полной реальности штрихов, характеризующих положение закупа в господском хозяйстве». Далее Б. Д. Греков подробно характеризует специальный отдел, посвященный закупу, в уставе Мономаха, входящем в состав Пространной Правды Русской (там же. С. 196—204). Весьма обстоятельная характеристика содержания Мономахова Устава дана также в «Исследовании о Русской Правде» М. Н. Тихомирова (с. 206—211).[1]

и придоша къ Выры — Вырь — река в Переяславском княжестве, левый приток Сейма.

Лазорева манастыря — женский Лазарев монастырь упоминается здесь единственный раз. Других сведений о нем нет.

Мьстиславъ заложи церковь камяну святого Николы на княжѣ дворѣ, у торговища Новѣгородѣ — Николо-Дворищенский собор, заложенный Мстиславом Владимировичем в 1113 г., принадлежит к числу лучших сооружений домонгольской поры. Это был крупный княжеский дворцовый храм, богато украшенный внутри фресками (см. о нем: *Каргер М. К.* Новгород Великий. М., 1946. С. 24—27).[2] О построении этой церкви имеется особое сказание «Чудо иже во святых отца нашего Николая, сотворившееся в Великом Новеграде, и что ради церковь святаго Николая соборная, иже на Торговой стране, на Ярославле дворище, именуется, и что ради в той церкви местный образ Николая чудотворца круглая доска». Опубликовано это сказание Н. К. Никольским (Материалы для истории древнерусской духовной письменности // Сб. ОРЯС АН. СПб., 1907. Т. 82, № 4).

В лѣто 6622 — под этим годом в Никоновской летописи дополнительно читается *1114*
поздняя повесть о Мономаховых регалиях (о шапке Мономаха, «сердоликовой крабице» и др.), якобы переданных Владимиру Мономаху императором Константином Мономахом, а также обширная статья «О епископе Иларионе Меглинском». Под этим же годом (а не под 1116 г., как в Ипатьевской летописи) говорится в Никоновской летописи о смерти Романа Всеславича в Рязани и приводится сведение о поставлении епископа Кирилла (не указано, где). Под 1116 г. в Никоновской летописи читается (с искажениями) и известная приписка игумена Сильвестра, которая заключает собой «Повесть временных лет» в Лаврентьевской летописи.

егда будеть туча велика, и находять дѣти наши глазкы стекляныи и малыи, и великыи, проверганы, а другыя подлѣ Волховъ беруть, еже выполоскываеть вода, от нихъ же взяхъ боле ста; суть же различь — речь идет здесь о стеклянных «глазчатых» бусинах, которые вымывались Волховом из древнейшего культурного слоя Ладоги. Стеклянные разноцветные украшения (бусы, браслеты и т. п.) — распространеннейшее украшение населения городов древней Руси. Изготовлялись они в русских мастерских (*Рыбаков Б. А.* Ремесло древней Руси. С. 152—155).[3] Ладога уже в начале XII в. насчитывала несколько веков своего существования. Как доказано раскопками 1947—1949 гг. В. И. Равдоникаса, Ладога как поселение существовала уже в VIII в. н. э. Перед нами, следовательно, в этом рассказе летописца — древнейшее свидетельство об «археологических находках» на территории Руси.

К с. 127

и пакы бываеть другая туча, и спадають оленци мали в нѣй, и възрастають и расходятся по земли — «Красивый рассказ древней летописи под 1114 г. о маленьких оленях, падающих из облаков на землю, очень напоминает лопарское предание, записанное в одном из шведских рассказов Стига Стигсона, о том, что „олень не сын Земли; он сын Солнца, он принадлежит самому Богу; это могут подтвердить старики: они знают, что первое оленье стадо спустилось с облаков"» (*Платонов* С. Ф. Прошлое русского Севера. Пгр., 1923. С. 14). Стиг Стигсон, на которого ссылается Платонов, — псевдоним шведской писательницы А. Т. Агрелль. В 1898 г. А. Т. Агрелль выпустила под этим псевдонимом книгу «С Севера», в значительной мере основанную на народных сказаниях и этнографических материалах.

Аще ли кто сему вѣры не иметь, да почтеть фронографа — здесь имеется в виду русский компилятивный хронограф типа Еллинского летописца, соединившего в своем составе различные переводные и русские материалы по всемирной истории. Главный материал для содержания этого компилятивного хронографа давали две византийские хроники — Георгия Амартола и Иоанна Малалы. Читающийся под 1114 г. вслед за приведенной фразой текст представляет собой выписки из этого русского хронографа, в которых текст перевода хроники Иоанна Малалы переработан русским составителем хронографа (в частности, ему принадлежат и все отождествления Гефеста и Гелиоса с русскими божествами Сварогом и Дажьбогом).[1]

по немь Феоста, иже и Совароrа нарекоша егуптяне — русский бог Сварог отождествлен здесь с Гефестом, богом огня, богом кузнецом.

И по семъ царствова сынъ его, именемъ Солнце, его же наричють Дажьбогъ — русский бог Даждьбог отождествлен здесь с Гелиосом, богом Солнца.

1115 *В лѣто 6623* — Синодальный список Новгородской первой летописи дополнительно сообщает под этим годом: «А Новѣгородѣ измьроша коня вся у Мьстислава и у дружины его. Том же лѣтѣ заложи Вой гость церковь святого Федора Тирона, априля въ 28» (то же известие в младшем изводе Новгородской первой летописи).

К с. 128

рѣжючи паволокы, орници, бѣль, розметати народу, овъ же сребреникы метати людемъ — здесь «бель», конечно, мех белки, а не серебряная монета, так как в дальнейшем говорится и о серебряной монете («серебреники»).

Володимеръ же окова рацѣ сребромъ и златомъ, и украси гроба ею, тако же и комарѣ покова сребромъ и златомъ — политический смысл этого действия Владимира Мономаха прекрасно вскрыт Л. В. Черепниным: «Акту перенесения мощей Владимир Мономах придавал большое политическое значение. Права на старейшинство в Русской земле связывались с покровительством, оказываемым той или иной княжеской линии со стороны „заступников земли Русьстей" Бориса и Глеба. В этом отношении заслуживает внимание тот междукняжеский инцидент, который разыгрался в Вышгородской церкви. Владимир Мономах хотел поставить мощи Бориса и Глеба посредине церкви, воздвигнув над ними „теремъ серебремъ". Но это желание Мономаха встретило противодействие со стороны черниговских князей Давыда и Олега Святославичей. Они настаивали на том, чтобы мощи были расположены в правой стороне церкви, „в комару, иде же отець мой назнаменалъ". Имеется в виду отец Олега и Давыда князь Святослав Ярославич Черниговский. По предложению митрополита и епископов спор был решен по жребию, причем жребий выпал Святославичам. Надо сказать совершенно определенно, что этот спор не носил случайного характера, а являлся разногласием большого принципиального политического значения. Он не впервые возник в 1115 г., а имел давнее происхождение. Борьба за первенство между отдельными линиями потомства Ярослава Мудрого сопровождалась попыткой отдельных претендентов на старшинство заручиться покровительством наиболее популярных национальных святых Бориса и Глеба. Еще Святослав Ярославич „умысли (в Вышгороде) създати цьрьковь камяну святыма и създавъ ю до 50 лакоть възвышеи, преставися". Его дело продолжал Всеволод Ярославич, который почти

закончил постройку: „и яко бысть съвершена, и абие на ту нощь върутися ей врьхъ и съкрушися вься". Святополк Изяславич „на многа времена творяще праздникъ, часто приходя Вышегородѣ лѣтомъ". С ним соревновался Мономах, который в 1102 г. позолотил раки Бориса и Глеба. Олег Святославич в 1111 г. достроил в Вышгороде каменную церковь. Желая превзойти Олега Святославича, Мономах устроил в новой церкви великолепный „теремъ серебренъ", восхищавший очевидцев: „яко не могутъ сказати оного ухыщьрения, по достоянию довольнѣ, яко многомъ приходящимъ отъ грекъ и инѣхъ земль глаголати: «Нигде же сицея красоты бысть, а многыхъ святыхъ ракы видѣли есмы»" (цитируется Сказание о Борисе и Глебе). Несмотря на неблагоприятное разрешение жребием соревнования со Святославичами в 1115 г., Мономах продолжал свои заботы о распространении культа памяти Бориса и Глеба, считая это своим политическим делом. „Повесть временных лет" указывает, что по окончании торжественного праздника в Вышгороде в 1115 г. „разидошася кождо въ свояси. Володимеръ же окова рацѣ серебромъ и златомъ и украси гроба ею, тако же и комарѣ покова сребромъ и златомъ, имже покланяются людие, просяще прощения грѣхомъ". В 1117 г. Владимир заложил каменную церковь на Альте — месте убийства Бориса» (*Черепнин Л. В.* «Повесть временных лет», ее редакции и предшествующие ей летописные своды. С. 309—310). Придавая большое значение политическому смыслу культа Бориса и Глеба, Л. В. Черепнин предполагает, что первая редакция «Повести временных лет» могла быть составлена в связи с церковно-политическим праздником перенесения мощей Бориса и Глеба в новый Вышгородский храм в 1115 г. (именно поэтому составление летописного свода, получившего затем название «Повести временных лет», было поручено Нестору — жизнеописателю Бориса и Глеба, составившему о них известное Чтение (там же). Подробности вышгородских событий 1115 г. см. в Сказании о Борисе и Глебе (Жития Бориса и Глеба и церковные службы им. С. 64—66).[1]

В се же лѣто бысть знамение: погибе солнце и бысть яко мѣсяць, его же глаголють невѣгласи снѣдаемо солнце — запись о солнечном затмении имеется и в новгородских летописях. Солнечное затмение было 23 июля 1115 г. утром за девять дней до смерти Олега Святославича (*Святский Д. О.* Астрономические явления в русских летописях с научно-критической точки зрения. С. 105—107). В Лаврентьевской летописи смерть Олега Святославича отмечена дважды: под 1115 г. и 1116 г. Объясняется это тем, что в Лаврентьевской летописи слиты два источника с различной хронологией: Переяславский княжеский летописец и Переяславский епископский летописец. На самом деле смерть Олега произошла в 1115 г., что устанавливается той связью, которую летописец видит между его смертью и затмением. Затмение же, как отмечено выше, было в 1115 г.

и Случескъ пожегъ — Случеск — город на Волыни на реке Случе. *1116*

И взя Вячеславъ Ръшю и Копысу, а Давыдъ съ Ярополкомъ узя Дрьютескъ на щитъ — Ръша — Орша. Город Копыс находился около Орши на левом берегу Днепра.

К с. 129

городъ Желъди — Желди или Желни — город в Переяславском княжестве на реке Суле, недалеко от впадения ее в Днепр.

Медвѣжа Глава — эстонская крепость Оденпе.

иде Леонь царевичь, зять Володимерь — о Леоне Диогене («Девгениче») см. выше, с. 489.

в Дельстрѣ — в Дерестре, в Доростоле.

В се же лѣто князь великый Володимеръ посла Ивана Воитишича, и посажа посадника по Дунаю — на нижнем Дунае были русские поселения. Подунайские города обычно подчинялись галицким князьям. Ср. в «Слове о полку Игореве»: «Галичкы Осмомыслѣ Ярославе! Высоко сѣдиши на своемъ златокованнѣмъ столѣ, подперъ горы угорскыи своими желѣзными плъки, заступивъ королеви путь, затворивъ Дунаю ворота, меча бремены чрезъ облакы, суды рядя до Дуная». Воскресенская летопись XVI в. дает в списке русских городов и города на нижнем Дунае. Память о русских городах на Дунае сохранялась, следовательно, и в XVI в. В XII и XIII вв. в придунайские города (главным образом в Берлад) стекались недовольные, изгнанные и т. п. Владимир Мономах смог послать на Дунай

своих посадников после побед над половцами и их оттеснения в глубь степей. Посадники Мономаха, впрочем, не смогли надолго закрепиться в дунайских городах. В 1116 г. Мономах послал на Дунай своего сына Вячеслава и Фому Ратиборовича, однако те «пришедь къ Дьрьстру, и не въспѣвше ничто же, воротишася».

и вз҄яша три грады: Сугровъ, Шаруканъ, Балинъ — о Сугрове и Шарукане см. выше (с. 543). Местоположение Балина не ясно (*Кудряшов К. В.* Половецкая степь. С. 121).[1]

В се же лѣто бишася с половци и с торкы, и с печенѣгы у Дона, и сѣкошася два дьни и двѣ нощи, и придоша в Русь къ Володимеру торци и печенѣзи — по-видимому, здесь говорится о восстании торков и печенегов против половцев. Восстание это могло произойти как результат ослабления военной мощи половцев после походов Мономаха.[2]

1117 *В лѣто 6625* — Синодальный список Новгородской первой летописи содержит под этим годом следующее дополнительное известие: «Въ то же лѣто бысть знамение Новѣгородѣ въ святѣй Софии от грома, мѣсяця маия въ 14, въ час 10; вечерню поющимъ, единъ от дьякъ зараженъ бысть от грома, а клиросъ вьсь съ людьми падоша ници, нъ живи быша; а на вечеръ бысть знамение въ лунѣ. Въ то же лѣто игуменъ Антонъ заложи церковь камяну святыя Богородиця манастырь. Въ се же лѣто прѣставися Добрына, посадникъ новгородьскый, декабря въ 6» (то же известие в младшем изводе Новгородской первой летописи).

Томъ же лѣтѣ придоша бѣловѣжьци в Русь — беловежцы — жители города Белой Вежи, Саркела (о нем см. выше, с. 443).

и церковь заложи на Льтѣ мученику... — в честь Бориса и Глеба, сыновей Владимира Святославича, на реке Альте, где был убит Борис.

Того же лѣта умре куръ Олексий, и взя царство сынъ его Иванъ — византийский император Алексей I Комнин умер в 1118 г. Ему наследовал Иоанн II Комнин (1118—1143).

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ*

* Страницы раздела «Приложения» выделены курсивом. Материалы «Дополнений» в указатель не включены.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

УКАЗАТЕЛЬ ДРЕВНЕРУССКИХ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ

ДОПОЛНЕНИЯ

Изданный в 1950 г. труд Д. С. Лихачева «Повесть временных лет» (перевод выполнен совместно с Б. А. Романовым, который написал также отдельные комментарии) обобщил огромный опыт, накопленный прежде всего в отечественной науке по изучению древнерусского летописания, по исследованию текста Повести временных лет (далее — ПВЛ), ее перевода на современный русский язык и по комментированию. Во все эти составные части изучения и археографии ПВЛ Д. С. Лихачев внес значительный вклад.

Основу подготовки текста составили исследования шахматовского направления в изучении древнерусского летописания. Научно обоснованные конъектуры позволяли приблизиться к первоначальному тексту в многочисленных случаях описок, ошибок и более позднего редактирования, накопившихся в течение многовекового бытования ПВЛ в составе летописных сводов. Эти конъектуры избавляли исследователей от необходимости повторять при цитировании нарушения первоначального текста или самостоятельно исправлять их, если только текстология ПВЛ не являлась предметом специальных разысканий. Разночтения давали полное представление о судьбах текста ПВЛ в последующих летописных сводах, так как в этих разночтениях были приведены все необходимые материалы о соответствующих чтениях в сохранившихся ныне летописях. Комментарии к ПВЛ в издании 1950 г. также сохранили научное значение, поскольку они основаны на целостной концепции древнерусской цивилизации во всех ее проявлениях общественно-политической истории, духовной и материальной культуры.

Вследствие всех этих обстоятельств издание ПВЛ 1950 г. до сих пор постоянно используется в профессиональной научной литературе. Оно было учтено в последующих научных зарубежных публикациях: Powieść minionych lat. 1968; Czyżewski D. 1969; Nestors krønike Beretningen om de Svundne År. 1983 и др.

После публикации 1950 г. Д. С. Лихачев неоднократно возвращался к ПВЛ, издавая ее текст и перевод в целом или в отрывках [Повесть временных лет. 1969. С. 28—91; 1978. С. 23—277; 1983. С. 23—277; 1991]. Основные положения концепции истории текста ПВЛ и ее содержания он в дальнейшем сохранил и развил [Д. С. Лихачев. 1958; 1962а; 1967; 1973; 1975; см. также последующие издания этих книг и др. исследования].

После издания ПВЛ 1950 г. исследователи неоднократно обращались к спорным вопросам изучения ее текста и летописных сводов, в составе которых она бытовала и сохранилась в разных редакциях и списках до наших дней. Были высказаны сомнения относительно существования свода Никона 1073 г., свода Ивана 1093 г. (Начального свода). По мнению Л. Мюллера, вторая редакция ПВЛ, 1116 г., сохранилась в составе Ипатьевской летописи. В составе Лаврентьевской летописи она находится с утраченными статьями 1110—1115 гг. Существование редакции 1118 г. Л. Мюллер отрицает (Müller L. 1967). По мнению М. Х. Алешковского, Лаврентьевский список является копией редакции ПВЛ, сохранившейся в составе Ипатьевской летописи. Он датировал Начальную летопись временем ок. 1067 г., первоначальный текст ПВЛ — 1091 г., а ее погодное продолжение 1091—1115 гг. [Алешковский М. Х. 1971; 1976]. А. Г. Кузьмин предполагает «традиции» Лаврентьевской и Ипатьевской летописей «равноцен-

ными» [Кузьмин А. Г. 1977. С. 84]. Специальные исследования по истории древнерусских летописных сводов показали обоснованность наблюдений А. А. Шахматова, развитых М. Д. Приселковым и Д. С. Лихачевым: существование Начального свода, или Свода Ивана 1093 г., ПВЛ в редакции 1116 г., хотя отдельные звенья концепции, равно как и истории летописания XI—XV вв., разумеется, постоянно обсуждаются [см.: Minissi N. 1957; Насонов А. Н. 1964. С. 12—79; Králík O. 1968; Творогов О. В. 1976; 1987б; Лурье Я. С. 1976; 1990; Grabmüller H.-J. 1977b; Podskalsky G. 1982. S. 202—232; см. также предисловие и примечания Я. С. Лурье ко второму изданию труда М. Д. Приселкова «История русского летописания XI—XV вв.» (СПб., 1996) и др. работы].

В данном издании в тексте ПВЛ конечный ь последовательно указан при включении выносных букв в строку, что соответствует его написанию в окружающем такие слова тексте. Употребление конечного ъ непоследовательно как в выносных, так и в строчных буквах. Поэтому конечный ъ включен в строку только в тех случаях, когда он указан в тексте в выносных буквах.

Перевод ПВЛ, полностью подготовленный Д. С. Лихачевым, приведен по его последнему изданию [Повесть временных лет. 1991]. Перевод текста ПВЛ по Ипатьевскому списку, осуществленный Б. А. Романовым, публикуется в отредактированном Д. С. Лихачевым виде.

В комментариях Д. С. Лихачева сохранены те издания источников, на которых основаны их выводы. Лишь в случае необходимости приведены новейшие переводы иностранных источников о Древней Руси. Дополнения М. Б. Свердлова сделаны исключительно к этим комментариям. В них историографически рассматривается основная научная литература только после 1950 г., посвященная изучению тех проблем, которые поставлены в комментариях Д. С. Лихачева. Словарные статьи из энциклопедий и справочных изданий указаны только в тех случаях, когда они имеют исследовательский характер или в них приводится исчерпывающая библиография вопроса. Иллюстрации, помещенные в издании ПВЛ 1950 г., не воспроизводятся в связи с недавним изданием Радзивиловской летописи, цветные миниатюры которой содержат исторические реалии древнерусской жизни [см.: Радзивиловская летопись. 1994]. Новейшие издания карт древнерусских княжеств, городских и сельских поселений см.: Древнерусские княжества X—XIII вв. 1975; Седов В. В. 1982; Кучкин В. А. 1984; Древняя Русь: Город. Замок. Село. 1985. Библиографию и историографический анализ работ после 1950 г. к комментариям Д. С. Лихачева в филологическом, лингвистическом, историческом и археологическом аспектах см. также: Дмитриева Р. П. 1962; Лурье Я. С. 1968; Poppe A. 1970b; Казакевич А. Н. 1976; Бегунов Ю. К. 1981; Библиография работ по древнерусской литературе. 1995; Львов А. С. 1975; Grabmüller H.-J. 1976, Bd. 24; 1977a, Bd. 25; Handbuch zur Nestorchronik. 1977—1986. Bd. 1—3; Hüttl-Folter G. 1980; Творогов О. В. 1984; Pritsak O. 1985a; Советская археологическая литература. 1959, и след. тома; Bibliography. 1973, и след. тома; Советская историография Киевской Руси. 1978; Советское источниковедение Киевской Руси. 1979; Schmidt Ch. D. 1983; Beyer-Thoma H. 1995; значительную библиографию по истории Древней Руси и истории древнерусской литературы см.: Handbuch der Geschichte Russlands. 1976—1980. Bd. 1. Lief. 1—6; Podskalsky G. 1982.

К с. 379

1 В связи с изучением вопроса о времени и месте перевода Хроники Георгия Амартола на славянский язык М. Вейнгарт, Н. Н. Дурнова, П. А. Лавров, В. А. Розов и другие исследователи отмечали, что он был выполнен в Болгарии в X в., а в XI в. привезен на Русь или болгарин переводил Хронику вместе с русским переводчиком. По мнению Н. А. Мещерского, сделанный в X в. болгарский перевод Хроники был основательно отредактирован в Киеве в XI в. [Plezia M. 1964. S. 94; Творогов О. В. 1987в. С. 468, 470; см. там же литературу вопроса].

К с. 380

1 Как показали более поздние исследования, наряду с Хрониками Георгия Амартола и Иоанна Малалы при написании Хронографа по великому изложению использовалось также повествование еще не установленного происхождения о событиях в Иудее при первых римских

императорах. Можно предположить существование нескольких видов Хронографа, которые были использованы при составлении разных летописных и хронографических произведений. В Начальном своде отразился древнейший вид Хронографа по великому изложению, составленного на Руси не позднее 90-х гг. XI в. [Творогов О. В. 1987г. С. 476—477; см. там же литературу вопроса].

К с. 381

1 При уточнении хоронимов, этнонимов, их локализации здесь и далее учтены исследования: Попов А. И. 1973; Финно-угры и балты в эпоху средневековья. 1987; комментарии в кн.: Nestors krønike. 1983; и др. работы.

К с. 384

1 В дальнейших исследованиях рассматривался вопрос об употреблении этнонима *чудь* в древнерусской письменности. Выделено его использование в двух основных значениях: 1) эсты, 2) прибалтийско-финские племена вообще, причем чудь обычно отличается в источниках от лопи (саамов), карел, ижоры, води и относится нередко к прибалтийско-финскому населению, расположенному к востоку от Эстонии. Впрочем, этноним *чудь* мог приобретать в разных регионах достаточно различное значение в народном употреблении в отличие от сравнительно устойчивых летописных традиций. Поэтому в Ростове Великом письменные источники отмечают «Чудской конец», хотя этноним относился в данном случае, вероятно, к мере, а не к чуди в соответствии с летописным употреблением понятия [Попов А. И. 1973. С. 68—70]. Обстоятельно изучены зона расселения эстов и чудских племен до Онежского озера на востоке, история их материальной и духовной культуры, общественного строя, взаимодействие с восточнославянской культурой и Древнерусским государством [Лаул С. К. 1975; 1982; Тыниссон Э. Ю. 1982; Рябинин Е. А. 1980; 1981; 1984; 1988; 1990а; 1990б; 1993; Назаренко В. А. 1983].

2 О расселении *мери*, характере этнических процессов см.: Леонтьев А. Е., Рябинин Е. А. 1980; Леонтьев А. Е. 1991.

3 Расселение восточнофинских племен *веси* прослеживается от Восточного Прионежья до Белозерья и Пошехонья. Материальная и духовная культура, процесс их этнокультурного взаимодействия со славянами и скандинавами рассмотрены в ряде исследований [Голубева Л. А. 1973; 1979; Макаров Н. А. 1984; 1986; Кочкуркина С. И., Линевский А. М. 1985; Рябинин Е. А. 1990а; Голубева Л. А., Кочкуркина С. И. 1991].

4 В новейшей литературе продолжалось интенсивное изучение понятия *варяг*. Были высказаны мнения, согласно которым варягами были прибалтийские славяне (В. Б. Вилинбахов, А. Г. Кузьмин) или субстратное кельтское население (А. Г. Кузьмин). Другое направление связывало появление и семантику слова *варяг* с деятельностью скандинавов в Восточной Европе. Обобщая наблюдения М. Фасмера, Е. А. Рыдзевской, А. Стендер-Петерсена, С. Х. Кросса о первоначальном преобладающем значении торговой активности и в меньшей мере политической функции в понятии *варяг*, Х. Ловмяньский высказал мнение, что оно обозначало купца, воина, скандинава вообще, подвергая сомнению первоначальность значения 'купец' [Ловмяньский Х. 1985. С. 105]. М. И. Стеблин-Каменский поддержал интерпретацию термина *варяг* не через функции его носителя, а через семантику слова, указывая в его корневой основе др.-ск. vár с близкими по корневой и семантической основе словами várar (мн. ч.) 'обет', д.-а. vær 'договор', др.-в.-нем. wára в сопоставлении с væringi, др.-анг. vær-genga 'наемник' [Стеблин-Каменский М. И. 1955. С. 272]. Значение слова *варяг* в данном случае раскрывается как 'человек, заключивший договор'. Договор мог заключаться внутри купеческого и военного (дружины) объединения, при найме скандинавской дружины русским князем или византийским императором. По мнению О. Прицака, варяги представляли собой городское население, местных и иностранных работников, которые служили купцам в качестве охраны, наемников, корабельщиков. Этот термин был распространен к востоку от Эльбы. К западу от нее эти люди назывались *викингами* [Pritsak O. 1981. P. 22—23]. Такое мнение было подвергнуто критике Г. Шраммом и И. П. Шаскольским. Г. Шрамм считает основным значением слова *варяг* — 'наемный скандинавский воин' [Schramm G. 1983; Шаскольский И. П. 1994. С. 158; см. там же литературу вопроса]. О процедуре и содержании найма скандинавской дружины, последующей

службе см.: Dujčev I. 1970; Мельникова Е. А. 1978; источниковедческий аспект проблемы см.: Джаксон Т. Н. 1978а. Исследования Е. А. Мельниковой и В. Я. Петрухина продолжили наблюдение Д. С. Лихачева, согласно которому слово *варяги* являлось на Руси единственным собирательным обозначением скандинавских народов. По их мнению, обоснованной является гипотеза Г. Якобссона о его происхождении от *vārangR (vár — 'верность, обет, клятва'). Это понятие возникло не в Скандинавии или Византии, а на Руси первой половины X в. в скандинавской среде для обозначения наемных воинов-скандинавов от скандинавского самоназвания *várangar. Термин *варяг* стал обозначать в славянской среде выходцев из Скандинавских стран, утратив социальное значение, но превратившись в собирательный этноним. В Византии название *várang было воспринято в греческой форме βάραγγοι как обозначение скандинавов — телохранителей императора, а затем — скандинавов в составе византийского войска [Jacobsson G. 1954; Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. 1994]. Историографию проблемы см. также: Labuda. 1980. S. 323—329.

[5] По мнению В. Д. Королюка, этноним *волохи* использовался как обобщающее название народов Каролингской, а позднее Священной Римской империи, тогда как в узком значении под *волохами* понимали местное романизированное население Паннонии IX в. и шире — Карпато-Дунайско-Балканского региона [Королюк В. Д. 1985]. Б. А. Рыбаков предположил, что фраза космографического введения ПВЛ о поляках, прусах, чуди и варягах является «механической» вставкой, отразившей расположение норманских владений в Европе после битвы при Гастингсе и завоевания Амальфи и Апулии. Поэтому он датирует данный текст временем не ранее 1066—1077 гг. [Рыбаков Б. А. 1982. С. 122]. Мнение о «механической» вставке вызвало возражения в связи с прямым отношением этого текста к судьбам славянства, а также с известием о волохах, притеснявших славян на Дунае, и с включением Руси в число славянских народов [Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. 1994. С. 57]. При анализе конкретно-исторического содержания Сказания о преложении книг на славянский язык в составе ПВЛ М. Б. Свердлов поддержал мысль А. А. Шахматова об обозначении в его контексте *волохами* франков [Свердлов М. Б. 1993. С. 18—19]. В развитие этой мысли В. Я. Петрухин предположил, что, если *волохи* ПВЛ — франки, то последующее перечисление народов — это римляне, немцы и другие народы, входившие при жизни летописца в состав германской Римской («Романской») империи, вместе с тем праславянский этноним *волохи* сохранился в славянских языках в качестве продуктивного обозначения «романских» народов, от румын до итальянцев [Петрухин В. Я. 1995. С. 21].

[6] Этноним *свеи* (в западноевропейской латиноязычной письменности IX—XIII вв. — sveoni, svioni) был известен на Руси уже в первой трети IX в. Как следует из записи Бертинских анналов под 839 г., послами от хакана народа рос оказались свеоны (gentis esse Sueonum) [Латиноязычные источники по истории Древней Руси. 1989. С. 10—11].

[7] В основе этнонима *урмане* — северогерманская (скандинавская) форма Nor + man (mann, manna, а не сохранившаяся в др.-исл. языке форма maðr).

[8] Б. А. Рыбаков распространяет этноним *галичане* на жителей Галлии (совр. Франции) и Галисии (в Испании) [Рыбаков Б. А. 1963. С. 223. Карта]. В. Я. Петрухин соотносит этот этноним с галлами (кельтами), связывая его с более поздними хоронимами — Галицией в центральной Европе и Галисией в Испании [Петрухин В. Я. 1995. С. 20—21].

К с. 385

[1] Здесь и далее обобщающие работы по древнерусской метрологии см.: Каменцева Е. А., Устюгов Н. В. 1975; Романова Г. Я. 1975; Шостьин Н. А. 1975.

[2] Как отмечено в более поздних исследованиях, в античной и раннесредневековой географии этнонимом *норики* обозначались: 1) одно из альпийских племен; 2) германское племя между реками Дравой и Дунаем; 3) группа иллиро-кельтских племен, живших на территории римской провинции Норик (к югу от Дуная, между Рецией и Паннонией) [Буданова В. П. 1991. С. 149]. Ссылаясь на сообщение Прокопия Кесарийского, А. Авенариус предположил, что норики являлись населением римской Паннонии. Такое определение Норика он соединил с широкой интерпретацией Иллирии, балканского Среднего Подунавья как первоначального ареала расселения славян. Этот ареал А. Авенариус связал с традицией отнесения деятельности апостолов Павла и Андроника у славян, которые жили в области Срема [Авенариус А. 1993. С. 31]. Об

определении общего источника ПВЛ и Толковой Палеи в перечне Иафетовых народов см.: Борцова И. В. 1989.

[3] Дальнейшие историко-географические исследования подтверждают и уточняют ранее сделанные наблюдения о расселении *белых хорватов*. Первоначально они находились, вероятно, на землях, составлявших позднее территорию Чешского государства, в верховьях реки Вислы, распространившись на востоке до Северного Прикарпатья. Часть их, видимо, в 20—30-е гг. VII в. переселилась на Балканы [Labuda G. 1961. S. 255—256; Łowmiański H. 1963a. S. 114—200; Константин Багрянородный. 1989. С. 135, 375]. Поход Владимира Святославича был направлен против хорватов, которые продолжали жить в Северном Прикарпатье.

К с. 386

[1] На основе более поздних археологических исследований южная граница дреговичей в X в. устанавливается по правобережью Припяти, восточная граница — по поречью Днепра (отдельные дреговичские курганные могильники отмечаются на Днепровском Левобережье, на территории радимичей). На севере граница проходила по линии Борисов—Заславль, на северо-востоке по водоразделу Друти и Березины, на северо-западе — в верховьях Неманского бассейна, на западе — по обширным болотистым пространствам (так наз. Выгоновское болото). По мнению В. В. Седова, основная территория будущих кривичей находилась в той части Припятского Полесья, где позднее был основан их племенной центр — Туров. Лишь к IX—X вв. относится колонизация дреговичами Припятского Левобережья, где они ассимилировали балтское население. По мнению В. А. Кучкина, к политическому центру X в. Турову в земле дреговичей добавились Случеск и Клеческ, которые стали административными центрами основной дреговичской территории [Кучкин В. А. 1996. С. 43—45]. Мнения об этимологии племенного названия *дреговичи* существенно различаются: от подтверждения мнения Е. Ф. Карского [Фасмер. Т. 1. С. 536—537] до его реконструкции *дрегъвичи, возводимой к славянизированному балтскому населению Припятского Левобережья (литов. dregnas 'влажный') [Хабургаев Г. А. 1979. С. 196—197].

[2] На основании археологических материалов исследователи пришли к разным мнениям о расселении словен на северо-западе Восточной Европы. И. И. Ляпушкин отнес к словенам археологические памятники, круглые и полусферические курганы с трупосожжением, восточнее озера Ильмень [Ляпушкин И. И. 1968. С. 117, рис. 3, 4]. По мнению В. В. Седова, словенам принадлежали погребения в сопках, датируемые им VI—IX вв. Они распространены в основном в Ильменском бассейне, а их материалы отражают этническую интеграцию пришельцев славян и местных финнов. По наблюдениям В. В. Седова, словене переселились в Приильменье, видимо, в VII в. из западнославянского региона через балтские земли [Седов В. В. 1982. С. 62—66, карта 9]. Мнение о словенской принадлежности культуры сопок поддержали Е. Н. Носов и В. Я. Конецкий, которые датировали ее VIII—X вв. и установили в северо-западном Приильменье плотно освоенную словенскую территорию [Носов Е. Н. 1982. С. 77—78; 1990. С. 172—183; Конецкий В. Я., Носов Е. Н. 1985. С. 25—29; Конецкий В. Я. 1993]. Согласно предположению Г. А. Хабургаева, применение этнонима *словене* в ПВЛ по отношению к славянскому населению Приильменья объясняется его книжно-литературным происхождением как следствие идейного противопоставления первоначального населения — славян пришельцам варягам-руси [Хабургаев Г. А. 1979. С. 220—226]. Впрочем, можно предположить, что самоназвание *словене—словѣне* возникло в условиях разноплеменной славянской колонизации Приильменья в окружении финно-угорских и балтских этнических зон местного населения, подобно тому как на Балканском полуострове Славиниями назывались заселенные славянами земли в окружении местного греческого, фракийского, иллирийского населения [Развитие этнического самосознания. 1982. С. 20—21; Литаврин Г. Г. 1984; см. там же литературу вопроса]. Сообщение ПВЛ о строительстве Новгорода словенами широко использовалось в литературе [историографию работ о происхождении Новгорода см.: Носов Е. Н. 1984]. Между тем, по археологическим материалам, он существовал только с первой половины X в. В. Л. Янин и Б. А. Колчин объясняют его появление не только как центра племенного союза новгородских словен, но и как столицы громадной федерации на Северо-Западе Восточной Европы, куда входили племена западных и восточных славян, местных племен финно-угорского происхождения при быстрой взаимной ассимиляции на основе преобладающего славянского этноса [Янин В. Л.

1978. С. 43, 45]. В. Л. Янин и М. Х. Алешковский отнесли древнейший Новгород к Детинцу как укреплению, отличному от предшествующих поселений [Янин В. Л., Алешковский М. Х. 1971. С. 40]. По мнению Е. Н. Носова, Новгород возник вследствие внутренних закономерностей строительства раннесредневековых городов в Северной Руси и Северной Европе: на первом этапе (VIII—IX вв.) на торговых водных путях возникали поселения с торгово-ремесленными и военно-административными функциями (в середине IX в. или несколько ранее — в истоке Волхова — Городище), на втором этапе (X—XI вв.) — города на местной экономической основе, административные и торговые центры «тянущих» к ним сельских территорий. Поэтому Е. Н. Носов возражает против преувеличенного подчеркивания по отношению к Новгороду общинного строя, его аграризации в работах А. В. Кузы, Ю. Г. Алексеева, И. Я. Фроянова и др. В. Л. Янин принял мнение Д. С. Лихачева о появлении вставки о Гостомысле в Полихроне 1418 г., но ее источником он предположил посадничий список А, который основывался на новгородской устной традиции [Янин В. Л. 1962. С. 46].

[3] Возможно, изученное А. А. Шахматовым Сказание о преложении книг на славянский язык представляло собой компиляцию двух моравских по происхождению произведений — Сказания, но меньшего по объему, чем считал А. А. Шахматов, и Повести о поселении славян на Дунае и нашествии угров. Эти произведения были объединены, видимо, в Моравии X в., где славяноязычная литература продолжала в это время существовать. В начале 60-х гг. XI в. данная компиляция в числе других моравских сочинений попала в чешский Сазавский монастырь, откуда после запрещения славянского богослужения в 1097 г. оказалась в составе славяноязычных моравских и чешских книг на Руси [Свердлов М. Б. 1993]; мысль о болгарском происхождении Сказания см.: Мечев К. 1974; Moszyński L. 1975а; см. там же литературу вопроса].

[4] Исторические и археологические исследования позволяют установить направление пути «из варяг в греки» из стран Балтики вдоль северного берега Финского залива, далее — по Неве, вдоль юго-западного берега Ладожского озера, по Волхову, озеру Ильмень, Ловати, по речкам Усвяче, Каспле, Лучесе, верхнему течению Западной Двины, по системе волоков на Днепр около Смоленска, по Днепру до Черного моря и вдоль его западного побережья до Константинополя [Шаскольский И. П. 1954; Авдусин Д. А. 1972; Лебедев Г. С. 1972; 1985. С. 227—235].

К с. 388

[1] Этимология названия озера и вытекающей из него реки *Невы* объясняется древним и современным финским названием Невы — Neva-joki 'Болотистая река' вследствие значительной заболоченности берегов озера и устья реки [Попов А. И. 1981. С. 55—56].

[2] Новейшее историко-географическое исследование Оковского леса, его границ см.: Алексеев Л. В. 1974.

[3] *Волжские булгары*, их торговые и культурные связи с Русью обстоятельно изучены [Смирнов А. П. 1951; Фахрутдинов Р. Г. 1984; Город Болгар. 1987; 1988; Полубояринова М. Д. 1993]. Среднюю Волгу связывали в IX—X вв. с Северо-Западом Руси реки Молога, Мста, Ловать, Волхов, с южнорусскими землями — Ока [Янин В. Л. 1956. С. 86, рис. 5; с. 102, рис. 17; Вилинбахов В. Б. 1963; Свердлов М. Б. 1969; Носов Е. Н. 1976; Дубов И. В. 1982. С. 40—45].

К с. 389

[1] Изучение Сказания об апостоле Андрее в ПВЛ было продолжено в позднейших исследованиях. В. А. Водов отметил значительное идейное содержание в Сказании, поскольку оно устанавливало связь русской христианской организации с первоначальным христианством и сообщало ей «апостольское» измерение не только теологически, но и исторически [Vodoff V. 1988. P. 293]. А. В. Карташев особо подчеркивал византийские истоки Сказания [Карташев А. В. 1991. Т. 1. С. 41—50]. Л. Мюллер отметил сдержанное церковно-теологическое содержание Сказания. В контексте русской церковной истории XI—XII вв. апостол Андрей не рассматривался как основатель русской церкви. Он только благословляет страну и обещает будущую Божью милость. Л. Мюллер видит идею Сказания в том, что апостольство церкви и

в стране без апостола должно основываться не на церковно-правовой фикции, а утверждаться на том факте, что и здесь «наставления апостолов раздаются, как трубные гласы в церкви» [Müller L. 1963. S. 245—246; 1987; Мюллер Л. 1974]. Г. Подскальский не согласен с мнениями о приоритетах Константинополя и Рима в легенде, о ее антиновгородской направленности в связи с церковно-политическими событиями XI—начала XII в. По его мысли, Сказание утверждало сопричастие Руси к деятельности апостола, обусловленность возвышения Киева [Podskalsky G. 1982. S. 11—13, ср. Dvornik F. 1958; Мурьянов М. Ф. 1969]. В русской исторической науке большее внимание уделялось идейным связям Сказания с реалиями исторической действительности Руси XI—начала XII в. [Рыбаков Б. А. 1963. С. 226—227; Кузьмин А. Г. 1974]. Основываясь на них, И. С. Чичуров высказал мнение, что ПВЛ положила начало такой идеологической традиции, которая не связывала имя апостола Андрея с Константинополем. В связи с этим близко к наблюдениям Д. С. Лихачева И. С. Чичуров подвергает сомнению идею исследователей о византийских элементах в Сказании [Чичуров И. С. 1990].

К с. 390

[1] Легенда Истории Тарона широко вошла в последующую литературу для доказательства исторических корней предания об основании Киева и его древности. В данном контексте Б. А. Рыбаков отнес появление Киева как города к V—VI вв. [Рыбаков Б. А. 1955; 1958. С. 771—831; 1963. С. 22—38]. Такая интерпретация материала была поддержана П. П. Толочко [Толочко П. П. 1983; об исторических основах предания о Кие см.: Сахаров А. Н. 1975]. Впрочем, С. Т. Еремян предложил считать вопрос о происхождении сходных преданий из одного источника открытым, допуская самостоятельное возникновение преданий о трех братьях как следствие народного толкования существовавших топографических названий [Еремян С. Т. 1965. С. 160]. Археологические исследования позволили конкретизировать наблюдения о начальном периоде существования Киева в виде славянского поселения на Старокиевской (Андреевской) горе со рвом и валом. Было высказано мнение об образовании там племенного центра в зоне контактов различных археологических культур, славяно-иранского (скифо-сарматского) симбиоза в процессе славянского этногенеза [Каргер М. К. 1958. Т. 1. С. 72—80; Максимов Е. В. 1963; Третьяков П. Н. 1968; Седов В. В. 1978; 1982; Callmer J. 1981. P. 30; Рыбаков Б. А. 1979; 1981; 1987. С. 8—72; Древняя Русь: Город. Замок. Село. 1985. С. 66—67]. Археологические исследования позволили обнаружить культурные отложения и отдельные находки VII—IX вв. кроме Старокиевской горы на горах Киселевке, Детинке, Щековице, а также на Подоле [Callmer J. 1981. P. 33—35; Древняя Русь: Город. Замок. Село. 1985. С. 67; Археология Украинской ССР. 1986. С. 252—258; см. там же литературу вопроса]. В отличие от широко распространенного мнения о происхождении топонима *Киев* от имени Кий О. Прицак поставил в новейшей литературе вопрос о его названии по имени Ахмада бен Куйа (Кйуа), который, думает он, построил Киев в IX в. в качестве хазарской крепости [Golb N., Pritsak O. 1982. P. 44—55]. Эту мысль поддержал В. Н. Топоров, по мнению которого Куйа являлся начальником гарнизона [Топоров В. Н. 1993. С. 35—36; эту идею он высказал ранее в 1989 г. в докладе Отделению литературы и языка АН СССР]. В. П. Ййленко предположил, что топоним *Киев* произошел от тюркского племенного названия Кии [Ййленко В. П. 1985. С. 40]. Эти мнения подверг обстоятельной критике О. Н. Трубачев [Трубачев О. Н. 1991. С. 133—136]. Другое направление в объяснении топонима *Киев* наметил С. Роспонд, которого поддержал В. П. Нерознак: этот топоним происходит не от личного имени, а от понятия *kujava со значениями 'песчаный холм', 'крутой холм' и др. [Роспонд С. 1968; 1979; Нерознак В. П. 1983. С. 84—87]. Критику этого мнения см.: Назаренко А. В. 1986. К периодизации исторического развития Киева также существуют разные подходы. И. П. Шаскольский выделил два периода — сельского поселения VII—VIII вв. и города с торгово-ремесленными и политическо-административными функциями с первой половины IX в. [Шаскольский И. П. 1974]. П. П. Толочко рассматривает появление Киева в V—VI вв. как племенного центра, становление древнерусского города на рубеже VIII—IX вв. и его превращение в крупный городской центр — в IX—X вв. [Толочко П. П. 1983]. Э. Мюле отнес становление Киева как экономического и политического центра к IX в., но уверенно — с первой половины X в. [Mühle E. 1987], в чем можно видеть мнение, противоположное крайнему удревнению Киева как города.

К с. 391

[1] Отмечая в связи с летописным преданием о Кие упоминание в сочинении Notitia dignitatum (400 г.) города Cius в низовьях Дуная, Б. А. Рыбаков не настаивает на отождествлении его с Киевом. Он допускает: «Может возникнуть мысль, что весь рассказ Нестора о Кие (или по крайней мере та его часть, которая повествует о Киевце) навеян наличием созвучного города на Дунае» [Рыбаков Б. А. 1963. С. 30—31]. О. Н. Трубачев показал широкое распространение топонима *Киев* и его производных в Центральной, Юго-Восточной и Восточной Европе в зоне расселения славян [Трубачев О. Н. 1991. С. 135, 134 (карта)].

[2] По мнению В. В. Седова, понимание летописных известий как исторической памяти о последовательной смене племенных названий на Волыни дулебов—бужан—волынян подтверждается археологическими материалами. Они свидетельствуют о единстве археологической культуры VII—VIII вв. в обширном регионе, где позднее находились племенные союзы волынян, древлян, полян, дреговичей. Это этническое единство, характеризуемое культурой типа Луки-Райковецкой, отождествляется В. В. Седовым с дулебами. В VIII—IX вв. в верховьях Буга, Стыри и Горыни отмечается обширная группа археологических памятников, продолжавших предшествующие традиции. Они отнесены им к бужанам по занимаемой территории. Их продолжением и развитием стала культура X—XII вв., отнесенная к волынянам. Поэтому В. В. Седов не согласен с мнениями М. С. Грушевского, С. М. Середонина, Л. Нидерле о том, что племенное образование дулебов дало начало племенам бужан и волынян, а также А. А. Шахматова о последовательном переселении на эту территорию дулебов, бужан и волынян [Седов В. В. 1982. С. 92—101; см. там же литературу вопроса]. Об историческом развитии области расселения дулебов и волынян см.: Łowmiański H. 1963b; Королюк В. Д. 1964; Wasilewski T. 1976.

[3] В отношении племени *норома* (нерома, нерева, нарова, морова, морева, морава и т. д.) высказано мнение, что оно представляло собой прибалтийско-финское племя в Приильменье, позднее славянизированное [Мачинский Д. А. 1986. С. 9—23]. По другому мнению, это — летописная водь [Финно-угры и балты в эпоху средневековья. 1987. С. 41—42].

К с. 392

[1] По мнению А. П. Новосельцева, отождествление скифов с хазарами можно понимать в двух смыслах: как указание на некогда совместное обитание болгар и хазар и как констатацию их родства [Новосельцев А. П. 1990. С. 81]. Хазары — обобщающее название различных по происхождению местных иранских и пришлых тюркских и угорских, позднее тюркизированных народов, которые составили этнополитическую основу Хазарского каганата. Возникновение Хазарского государства относится, видимо, к первой четверти VII в., а становление каганата — к 30—80-м гг. VII в. Население Хазарского каганата занималось скотоводством, земледелием и садоводством, но особенно велики были доходы от торговли и контроля над торговыми путями, прежде всего по Волге. Основная масса населения исповедовала ислам, христианство и различные языческие культы, но царь и его род, окружение царя начиная с VIII в. исповедовали иудаизм. Они пытались, видимо, распространить эту религию [Артамонов М. И. 1962; Гумилев Л. Н. 1966; Плетнева С. А. 1986; 1990; Гадло А. В. 1979. С. 156—209; 1994. С. 8—70; Магомедов М. Г. 1983: Михеев В. К. 1985; Новосельцев А. П. 1990; см. там же анализ источников и научной литературы; Ромашов С. А. 1992; Флеров В. С. 1993].

[2] Есть мнение, что под *белыми уграми* здесь следует понимать оногуров [Перени Й. 1974; ср.: Fodor I. 1977; Bälint Cs. 1989; материалы и библиографию см. также: Svoboda W. 1980. S. 401—403].

[3] Об *аварах*, народе тюркского (возможно, монгольского) происхождения, процессе их переселения в Центральную Европу, об образовании Аварского каганата и взаимодействии со славянами см.: Zásterová B. 1958; Lewicki T. 1961. S. 58—59; Мерперт Н. Я. 1961. С. 62—63; Łowmiański H. 1963a. S. 340—387; Avenarius A. 1974; Sźadadecky-Kardoss S. 1986; Pohl W. 1988; Литаврин Г. Г. 1991; Avarenforschungen. 1992; и др. работы; см. также дискуссионную статью О. Прицака: Pritsak O. 1983. P. 353—432; обсуждение см. там же. P. 433—435.

К с. 393

[1] По мнению Г. А. Хабургаева, *радимичи* являлись славянизированными голядско-ятвяжскими автохтонами Посожья. Отсюда летописное объяснение радимичей «от ляхов» является следствием пограничного положения ятвягов и Лядской земли. В том же значении не ляшского этнического, а западного географического, по соседству с ляшскими племенами, объяснение в ПВЛ вятичей также «от ляхов» [Хабургаев Г. А. 1979. С. 89—93, 134—144, 197—198]. В. В. Седов предполагает, что радимичи появились в Посожье в VIII в. из Верхнего Поднестровья, а их материальная и духовная культура явилась следствием синтеза славянской и предшествующей местной балтской культуры. По его мнению, в самом начале VIII в. на Верхнюю Оку, на земли балтов-голяди с юго-запада пришла группа славян, возможно во главе с Вячко-Вячеславом, которые первоначально не представляли собой племя. Изолированная жизнь на Оке и метисация с местными балтами привели к племенному обособлению вятичей [Седов В. В. 1982. С. 148—157]. Последующие уточнения зоны расселения радимичей и вятичей, анализ их духовной и материальной культуры см.: Никольская Т. Н. 1981; Богомольников В. В. 1983; 1993; Недошивина Н. Г. 1991.

[2] *Хорваты* являлись одним из праславянских племен. В результате разделения в VI в. часть племени переселилась в Далмацию, другая — в Богемию, третья в Прикарпатье, в верховья Днестра и его левых притоков — рек Серет, Збруч и других. Третья часть вошла в состав восточнославянских племен [Lehr-Spławiński T., Frančić V. 1961. S. 247—249; Kovalenko W. 1961. S. 249—250; Łowmiański H. 1963a. S. 114—200; Седов В. В. 1982. С. 125—128]. Этноним *хорваты* объясняется, видимо, из иранской группы языков [Иванов В. В., Топоров В. Н. 1980. С. 32; ЭССЯ. 1981. Вып. 8. С. 151]. Принимая это мнение, В. В. Седов объясняет происхождение этнонима *хорваты* славянизацией скифо-сарматского иранского населения юго-восточной Европы [Седов В. В. 1994. С. 278].

[3] В позднейших исследованиях наиболее распространено мнение о происхождении этнонима *уличи* от славянского слова *угол* с первым носовым звуком *о* [Трубачев О. Н. 1961; Skulina T. 1977. S. 260; см. там же литературу вопроса]. Распространена мысль о расселении уличей в Нижнем Поднестровье, где находится излучина Черного моря между Днестром и Дунаем. По другому мнению, основной территорией уличей до середины X в. являлось Поднепровье южнее полян, где углом оказывалась река Орель или изгиб Днепра. Возможно, до X в. уличи жили в районе Днепровской луки и днепровских порогов, занимая земли на западе до Южного Буга, на юге — до Черного моря. Печенеги заставили их переселиться к северу, где южнее Киева в начале X в. был построен уличский город Пересечен [Рыбаков Б. А. 1950; Hilczer-Kurnatowska Z. 1977. S. 260—261; Седов В. В. 1982. С. 131—132; см. там же литературу вопроса]. Вместе с тем в литературе есть тенденция объяснять энтогенез уличей их неславянским происхождением [Rospond S. 1968. S. 25; Boldur A. B. 1968; Хабургаев Г. А. 1979. С. 198—200]. Особый вопрос в изучении уличей — их отождествление с народом *Unlizi*, упоминаемым в так называемом Баварском географе, произведении, датируемом первой половиной—серединой IX в. [указание изданий, переводов и литературы см.: Латиноязычные источники по истории Древней Руси. 1989. С. 18; Назаренко А. В. 1993. С. 12—13]. Начиная с Н. М. Карамзина и П. И. Шафарика эти этнонимы отождествлялись преимущественно по их близким по внешним формам названиям. После специального источниковедческого анализа Баварского географа Б. Хораком и Д. Травничеком, а также Х. Ловмяньским такое обоснование для отождествления стало недостаточным, поскольку ими была выявлена группировка перечисляемых этнонимов. Unlizi находятся вне условно названной Х. Ловмяньским «черноморской группы», в которой между Ruzzi—руссами и Ungare—венграми они должны были бы быть названы по реально занимаемой уличанами территории. Запись об Unlizi с указанием количества их городов («Унлици, многочисленный народ, 318 городов») свойственна в Баварском географе перечням народов, близких к Франкской империи, и на юго-востоке Европы — упоминанию хазар. Поэтому представляется более верным мнение тех исследователей, которые сомневаются в отождествлении *Unlizi* и *уличей* по созвучию этнонимов [Horák B., Trávníček D. 1956. S. 30; Łowmiański H. 1958. S. 13—14]. Абстрагируясь от конкретных особенностей указания Unlizi в Баварском географе, А. В. Назаренко вернулся к их идентификации с руссами [Назаренко А. В. 1993. С. 26—28]. *Тиверцы* обитали в Поднепровье и, по мнению В. В. Седова,

восходили к одному из антских племен. Не отличаясь по этнографическим признакам от других славянских племен региона, тиверцы выделяются лишь территориально, что выразилось в их названии, происходящем от античного названия Днестра — Тирас [Седов В. В. 1982. С. 129—130].

К с. 394

[1] Дальнейшие археологические исследования подтвердили наблюдения о сопоставимости древностей радимичей, вятичей и северян в VIII—X вв. по характеру материальной и духовной культуры как результата продолжения традиций или влияния в ходе миграционных процессов двух археологических культур — правобережной культуры типа Луки-Райковецкой и левобережной роменско-боршевской. Определенные различия между ними заключались в этнографических особенностях обряда погребения и украшений [Седов В. В. 1982. С. 133—157]. Впрочем, в новейшей литературе отмечается тенденция к сближению форм украшений радимичей, вятичей и северян [Богомольников В. В. 1993. С. 167—169].

[2] Вернувшись позднее к значению слова *крада* и привлекая новые археологические материалы, Б. А. Рыбаков отметил, что это слово означало не только погребальный костер, но и всякое жертвенное сожжение. При этом *крада* представляла собой также огненно-дымовое окружение в процессе языческого трупосожжения и место захоронения [Рыбаков Б. А. 1987. С. 87—89].

[3] По мнению Б. А. Рыбакова, в XI—XIV вв. «столпами» назывались не только столбы и бревна, но также небольшие надмогильные срубные домики и саркофаги [Рыбаков Б. А. 1970. С. 43]. Погребение в таких надмогильных домовинах объясняет отсутствие их остатков [Рыбаков Б. А. 1987. С. 108]. В земле вятичей археологическими исследованиями установлены два вида погребений VIII—XI вв.: курганы с трупосожжениями без погребальных камер, как и в других восточнославянских землях, и курганы с погребальными срубными камерами — домовинами, сожженными внутри насыпи после сооружения кургана при трупосожжении на стороне [Седов В. В. 1973; 1982. С. 144—147; Никольская Т. Н. 1981. С. 27—41].

[4] Как показали исследования общественного строя половцев, форма брака у них определялась ролью женщин в экономической и общественной жизни. Они ведали козами, овцами, коровами, тогда как мужчины — конями и верблюдами. Женщины не только были заняты в доме и быту больше, чем мужчины, но также скакали на лошадях и владели оружием. Они могли становиться во главе «коша» — аила с относящимися к нему зависимыми людьми и кочевьями. Счет родства в некоторых половецких родах был, видимо, матрилинейным, в связи с чем обычай левирата — жениться на женах своего отца — сохранял экономическую стабильность сложившегося хозяйства: жены как бы принимали нового «хозяина» в свой род [Плетнева С. А. 1990. С. 127—133].

К с. 395

[1] В отличие от С. П. Толстова, который интерпретировал сообщение Пространной редакции письма хазарского кагана Иосифа о северных народах как свидетельство о включении в состав территории каганата буртасов, волжских болгар, черемисов, вятичей, северян и полян, распространив северо-западную границу каганата за Южный Буг, Среднее Поднепровье и Верхнюю Волгу [Толстов С. П. 1948. С. 228—273], Б. А. Рыбаков ограничил эту территорию хазарских владений низовьем Волги и северо-западным Прикаспием до р. Угру с городом Семендером на юге. Отсюда, по его мнению, дань Хазарии платили не восточнославянские племена, а их переселенцы, поселения которых выдвинулись в VIII—IX вв. в степные районы Подонья. Поэтому их дань хазарам являлась по существу откупом [Рыбаков Б. А. 1952а; 1953б; 1982. С. 257—258]. М. И. Артамонов, соединив изучение письменных источников с анализом археологических материалов салтово-маяцкой культуры, свойственной Хазарскому каганату, распространил его северо-западные границы до верхнего течения Дона и Северского Донца, а также Северного Приазовья и Крыма. Эти наблюдения поддержала и уточнила С. А. Плетнева [Артамонов М. И. 1962. С. 288—323, 385—399; Плетнева С. А. 1967; 1986]. На основе письменных источников А. П. Новосельцев отметил северо-западную границу каганата в VII в. в Крыму, Подонье, на Нижней Волге. По его мнению, в середине VIII в. каганат подчинил буртасов, Волжскую Булгарию, часть восточных славян, достигая в 70-е гг. VII—VIII вв.

Дуная, но к концу IX в. ограничиваясь на западе Доном и его притоками [Новосельцев А. П. 1990. С. 111—112]. Исходя из таких наблюдений, М. И. Артамонов предположил мирное подчинение полян, северян, вятичей и радимичей хазарами в VIII в. Освобождение полян от хазарского ига он относил к концу VIII—началу IX в. и связывал его с процессом становления самостоятельного Русского государства [Артамонов М. И. 1962. С. 294—295, 365 и след.]. Относя хазарское завоевание полян к VIII в., С. А. Плетнева считает его недолгим. Эпизод с данью мечами она интерпретировала как рассказ о последнем «полюдье» хазар в полянскую землю [Плетнева С. А. 1986. С. 58]. А. П. Новосельцев предположил нападение венгров на полян по приказу хазар как следствие политических противоречий в 30-е гг. IX в. венгров и хазар, с одной стороны, славян и скандинавов — с другой. Освобождение от хазарской дани он относит к 80-м гг. IX в. [Новосельцев А. П. 1990. С. 204—211]. Мнение о завоевании полян, ок. 840 г. — северян и вятичей венграми — подданными хазар, а несколько позднее радимичей — самими вятичами высказал Г. В. Вернадский. М. А. Артамонов отнесся к этой идее сдержанно, а такую датировку он назвал произвольной [Vernadski G. 1952. P. 331—332; Артамонов М. И. 1962. С. 289. Примеч. 2]. О. Прицак относит завоевание Руси хазарами к 20-м гг. X в. [критический анализ этого мнения см.: Петрухин В. Я. 1995. С. 102].

2 Как показали дальнейшие исследования, высококачественные так называемые каролингские мечи производились в IX—первой половине XI в. преимущественно в Рейнской области и на Дунае, откуда они в огромном количестве вывозились в страны Центральной, Северной и Восточной Европы и далее — на Восток. Производство древнерусских высококачественных мечей и их вывоз отмечаются с конца X—первой половины XI в. [Кирпичников А. Н. 1966а. С. 18—49; Древняя Русь : Город. Замок. Село. 1985. С. 300—307]. Известие Ибн Хордадбеха приведено в переводе В. Р. Розена, комментарии к переводу см.: Новосельцев А. П. 1965. С. 384.

3 По наблюдениям А. Н. Кирпичникова, древнейшие сохранившиеся в древнерусских археологических комплексах сабли датируются X—первой половиной XI в. Они найдены преимущественно в курганах князей, бояр и дружинников в южных районах Руси, вблизи границы со степью. Второй половиной XI в. датируются находки сабель в Минске, Новгороде, Суздальском ополье [Кирпичников А. Н. 1966а. С. 61—72; Древняя Русь : Город. Замок. Село. 1985. С. 307—308].

К с. 396

1 К анализу начальной даты ПВЛ, 6350 год, исследователи позднее неоднократно возвращались в связи с изучением разных систем летосчисления русской летописной и византийской хронографической традиции: Ericsson K. 1966. S. 114—117; Кузьмин А. Г. 1977. С. 261—263 и след.; Nestors krønike. 1983. S. 249.

2 Изучению древнерусской хронологии, в частности хронологии ПВЛ, исследователи уделяли значительное внимание [Свердлов М. Б. 1973]. Рассматривалась возможность альтернативного использования в Древней Руси не только мартовского, ультрамартовского и сентябрьского стилей, но также применения наряду с константинопольской эрой (5508 лет «от сотворения мира») александрийской или антиохийской эры — 5500 лет (М. Н. Тихомиров, Б. А. Рыбаков, А. Г. Кузьмин, О. М. Рапов, Э. Г. Зыков, И. Н. Данилевский). По мнению Я. С. Лурье, счисление лет от «сотворения мира» в разных христианских эрах совпадало [Лурье Я. С. 1968. С. 30], тогда как А. Поппэ решительно возражал против мнения об использовании ультрамартовского стиля в ПВЛ [Поппэ А. 1974; новейший историографический анализ и исследование вопросов древнерусской хронологии см.: Данилевский И. Н. 1983; 1994].

К с. 397

1 Под 6366 (858) г. в ПВЛ сообщается о византийско-болгарской войне 855—856 гг. и о последовавшем распространении христианства в Болгарии. В 863 г. в Константинополе крестились послы болгарского князя Бориса, а в 864 г. принял крещение со многими знатными болгарами и сам Борис [История на България. 1981. С. 214—215].

² Вопрос о содержании древнерусской денежной системы и ее фракций оживленно обсуждался в последующей литературе. Широко распространенное среди нумизматов мнение о серебряном содержании древнерусской денежной системы было последовательно проведено в монографии В. Л. Янина [Янин В. Л. 1956; см. там же историографический обзор, с. 15—25]. Менее распространенным и разработанным оказалось направление, изучавшее меховое содержание фракций восточнославянской, а позднее древнерусской денежной системы. С введением в научный оборот труда Абу-Хамида ал-Гарнати, который видел на Руси середины XII в. меховые деньги, и после систематизации известий восточных источников выявилась эволюция древнерусской денежной системы: 1) использование в VIII—XI вв. в качестве денег мехов (белок и куниц) и дирхемов, 2) в XII в. в связи с ростом числа товарно-денежных сделок и с дальнейшим развитием социально-экономических отношений в условиях сокращения в XI—XII вв. привозного серебра распространение наряду с деньгами-мехами вытершихся кож белок и куниц [Советская историография Киевской Руси. 1978. С. 78—84; Советское источниковение Киевской Русн. 1979. С. 163—171]. Сложившаяся таким образом денежная система позволяла функционировать товарно-денежным и кредитным сделкам, податной системе и прочим денежным операциям [Янин В. Л. 1970. Ч. 1. С. 322—324; Vodoff W. 1970; Sztetyłło J. 1975. S. 210—215; Свердлов М. Б. 1978; 1983. С. 56—64 и след.]. При лингвистическом анализе А. С. Львов, не рассматривая этимологию и семантику слова *бѣль*, предположил в нем название мелкой монеты [Львов А. С. 1975. С. 269]. Г. Н. Лукина отметила в этом слове собирательное значение 'шкурки белки', тогда как его вторичное значение 'серебро', 'серебряная монета', по ее наблюдениям, в памятниках XI—XIV вв. не представлено [Лукина Г. Н. 1990. С. 132; ср.: Кузьмин А. Г. 1976. С. 67—70].

К с. 400

¹ В литературе 50-х—90-х гг. XX в. Сказание о призвании варягов изучалось в двух основных направлениях — как литературное произведение и как исторический источник, содержащий реальную историческую информацию. Д. С. Лихачев продолжал исследовать Сказание как произведение литературное, насыщенное общественно-политическими идеями второй половины XI—начала XII в. Он отметил скрытое в Сказании противоречие: варяги из-за моря собирали дань со словен, кривичей и мери, творили над ними насилие, были изгнаны восставшими племенами, но вскоре были призваны ими добровольно в качестве князей-правителей [Lichačev D. S. 1970]. Б. А. Рыбаков признает историческим фактом появление на Руси IX в. «норманнских отрядов» и допускает захват Новгорода конунгом Рюриком как историческую основу Сказания. Сказание он рассматривает в ряду эпических произведений, которые в виде легенд в составе летописных сводов наполнялись на Руси XI—начала XII в. политическими идеями того времени. С таким историческим и литературным контекстом связана интерпретация Б. А. Рыбаковым летописного Рюрика как единственного призванного князя, тогда как имена Трувор и Синеус являлись переосмысленными скандинавскими выражениями: thru varing — 'верная дружина' и sine hus — 'свой род' [Рыбаков Б. А. 1963. С. 290—299; 1982. С. 298 и др.]. На изучение исторических основ Сказания продолжала оказывать воздействие дискуссия норманистов и антинорманистов по двум основным проблемам: этническая принадлежность варягов и их значение в истории Руси (основание государства, участие в формирующихся или сложившихся общественно-экономических и политических структурах или, напротив, отрицание существенной роли варягов). Новейшие историографические обзоры см.: Schmidt K. R. 1970; Łowmiański H. 1972. S. 576—578; Шаскольский И. П. 1978. С. 152—165; 1983; Rüß H. 1979. S. 267—282; Ловмяньский Х. 1985. С. 57—88 (первое издание книги на польском языке в 1957 г.), см. там же: Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. Послесловие; Петрухин В. Я. Комментарии. Отрицание присутствия скандинавов на Руси или принижение их значения вело к искусственной изоляции восточнославянских племен, Руси от общеевропейских процессов в так называемую эпоху викингов, тогда как преувеличение их роли приводило к недоказанному принижению значения внутренней социально-экономической и политической эволюции, которая вела к образованию Древнерусского государства. Такие следствия крайних позиций способствовали в новейшей литературе отходу от них их сторонников для конструктивного изучения роли скандинавов на Руси (Schmidt K. R. 1970; Шаскольский И. П. 1983). При анализе исторических основ Сказания о призвании варягов исследователи вернулись к иденти-

фикации Рюрика и фрисландского, позднее ютландского конунга Рёрика, военно и политически активного в середине IX в. [см. выше работы Б. А. Рыбакова; Кирпичников А. Н. 1979. С. 99—100; 1995. С. 36; Лебедев Г. С. 1985; и др.]. Особой темой историко-лингвистической дискуссии стал вопрос о реальности имен Синеус и Трувор, равно как и самих этих персонажей Сказания [Schramm G. 1980; 1986; Falk K. O. 1986; Шаскольский И. П. 1994. С. 158]. В. Т. Пашуто отметил в Сказании действительно заключенный ряд-договор, тогда как Е. А. Мельникова и В. Я. Петрухин развили эти наблюдения, дополнив исторические реалии правовой «договорной» лексикой, наполнив историческим скандинавским содержанием клише 'вся русь' и принимая существование трех братьев-варягов при совпадении в этой троичности факта и вымысла [Пашуто В. Т. 1970. С. 53; Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. 1991; Петрухин В. Я. 1990; 1995. С. 52—61]. По мнению М. Б. Свердлова, историческую основу Сказания составили не призвание варягов или договор с ними, а избрание князя, что восходило к древнейшей традиции славянских и других народов на последней стадии племенного строя (ср. избрание славянами франка Само), тогда как реально заключенный ряд с Рёриком мог регламентировать условия его княжения (избрание князя в Новгороде во второй половине XII—середине XV в. осуществлялось на иных принципах средневекового европейского государства). Находки фризской керамики IX в. в Бирке и Ладоге свидетельствуют о переселениях Рёрика по уже сложившейся системе торговых путей, тогда как обращение именно к Рёрику, находившемуся во время избрания, видимо, в Средней Швеции, объясняется стремлением объединения словен, кривичей и мери избежать прежних отношений с варягами-свеями. Так что в Ладоге Рёрик стал осуществлять военно-политические и социальные функции в интересах избравшего его межплеменного объединения, контролировавшего важнейшие транзитные торговые пути на Волгу и Каспий — на юго-восток, на Днепр и Черное море — на юг. При таком конкретно-историческом содержании исторических основ Сказания раскрывается свойственная фольклору легендарность Синеуса и Трувора [Свердлов М. Б. 1994].

К с. 404

1 Вопрос о происхождении этнонима и хоронима *Русь* в 50-е—90-е гг. продолжал привлекать самое пристальное внимание исследователей. Было высказано мнение о необходимости разделить вопрос о происхождении слова *Русь* и проблему образования Древнерусского государства [Ловмяньский Х. 1985. С. 164, 274; Попов А. И. 1973. С. 58; Хабургаев Г. А. 1979. С. 218]. Но сам вопрос, тесно связанный с этногенезом восточных славян и становлением Древнерусского государства, не мог не обсуждаться. Одно исследовательское направление продолжало связывать происхождение этнонима и локализацию хоронима *Русь* со Средним Поднепровьем, исходя из преемственности археологических культур, наличия там топонимов с корневой основой *рос-*, упоминаний в IV—VI вв. этнонимов, относимых к данному региону [Рыбаков Б. А. 1953а; 1987. С. 8—72; Рогов А. И. 1981; Толочко П. П. 1987. С. 31—33]. Были приведены лингвистические аргументы в пользу славянской этимологии этнонима *русь* [Rospond S. 1977; Роспонд С. 1979. С. 43—47]. Высказывались мнения о южном неславянском происхождении названия в синтезном процессе славянского этногенеза: аланском [Vernadsky G. 1959. P. 63, 75, 79], сармато-аланском [Третьяков П. Н. 1968], иранском [Седов В. В. 1982. С. 112; 1994. С. 277—279; Трубачев О. Н. 1987; 1993]. В пользу южной локализации *Руси* свидетельствуют известия иностранных источников IX—X вв. [Свердлов М. Б. 1970б; Херрман И. 1988; Назаренко А. В. 1993. С. 42; см. также: Bushkovitch P. 1971; Thulin A. 1981; и др.]. Особой темой в данном исследовательском направлении стала локализация *Русской земли* в узком значении этого понятия. А. Н. Насонов отнес к ее территории Переяславскую, Черниговскую (без северных и северо-восточных частей) и Киевскую (без деревской и дреговической частей) «области». Вопрос о Посемье с Курском в составе Русской земли он оставил открытым, но ее пределы на запад распространил до верховьев Южного Буга и реки Горыни [Насонов А. Н. 1951. С. 29, 42 и след.]. К близкому мнению пришел В. А. Кучкин, который отнес к Русской земле в X в. в узком значении земли по преимуществу в Днепровском Правобережье на водоразделе бассейнов Припяти и Западного Буга — с севера, Южного Буга и Днестра — с юга, до верховьев Горыни и Западного Буга на западе. Южные рубежи Русской земли в конце X в. он отнес к р. Стугне, а не к более южной р. Рось. На Днепровском Левобережье в ее состав, по его мнению, входили Черниговская и Переяславская земли

[Кучкин В. А. 1995]. Б. А. Рыбаков, обобщая свои наблюдения над древностями антов и историко-географические исследования, выделил «три географических концентра» с названиями *Русь* и *Русская земля*: 1) Киев и Поросье, 2) Киев, Поросье, Чернигов, Переяславль, Северская полоса от Роси до верховьев Сейма и Донца, 3) все восточнославянские земли от Карпат до Дона и от Ладоги до степей Черного (Русского) моря [Рыбаков Б. А. 1982. С. 60—66]. Наблюдения Б. А. Рыбакова над узким значением понятия *Русская земля* поддержаны при изучении этнической истории Среднего Поднепровья [Седов В. В. 1982. С. 111—112], над узким и широким значением понятия — при исследовании самосознания древнерусского народа в X—XII вв. [Рогов А. И. 1981; Рогов А. И., Флоря Б. Н. 1982]. Впрочем, И. В. Ведюшкина изменила методику изучения понятия *Русская земля* в ПВЛ, ограничив его анализ кругом памятников того же времени, и пришла к выводу, что до начала XII в. нет противопоставления Руси—Среднего Поднепровья другим древнерусским землям, в чем она поддержала наблюдения Д. С. Лихачева [Лихачев Д. С. 1985. С. 354—356; Ведюшкина И. В. 1995]. Другое направление продолжает разрабатывать теорию скандинавского происхождения этнонима *русь* и его первоначальной локализации на Северо-Западе Восточной Европы. Основу этих исследований составляет совершенствование лингвистического анализа и широкое привлечение новых археологических материалов о скандинавах в Восточной Европе [Попов А. И. 1973. С. 58—60; Хабургаев Г. А. 1979. С. 216—220; Falk K. O. 1981; Ekbo S. 1981; Schramm G. 1982; 1986; Лебедев Г. С. 1985; Мачинский Д. А. 1986; и др. работы с различиями в интерпретации материалов]. Наиболее обстоятельно это исследовательское направление было разработано в последнее время Е. А. Мельниковой и В. Я. Петрухиным. Они наметили следующие основные периоды в развитии содержания слова *русь*: 1) возникновение в VI—VIII вв. (до эпохи викингов) в финской среде этносоциального термина *ruotsi* для обозначения мореходов-гребцов, которые приплывали преимущественно из Средней Швеции; этот термин с изменением форм деятельности скандинавов удержал только этническое значение и превратился в хороним *Ruotsi* — название в финских языках Швеции и шведов, но скандинавское профессиональное самоназвание распространилось в Восточной Европе, отразившись в формах 'ρῶς и Rhos; 2) к середине IX в. в результате западнофинско-славянских языковых связей финск. *ruotsi* перешло в др.-русск. *русь* для обозначения скандинавских купцов и воинов и стало приобретать преимущественно социальное значение — княжеская дружина, — расширяясь в этническом содержании, включив «мужей» славянского происхождения, и в социальном плане — как обозначение полиэтничного войска вообще, — лишаясь первоначального основного этнического содержания; 3) появление во второй половине IX—первой половине X в. хоронима *Русь*, *Русская земля* — расширительного географического понятия, обозначавшего разноэтничные территории под властью великих князей, с середины X в. — название огромного восточноевропейского государства [Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. 1989; Петрухин В. Я. 1989]. Наряду с этими двумя основными противостоящими направлениями сохраняется в литературе теория Северной и Южной Руси, исходящая из независимости корневых основ *рос-* и *рус-* и производных от них [Артамонов М. И. 1962. С. 290; Ловмяньский Х. 1985. С. 277—278, комментарий В. Я. Петрухина]. Продолжаются поиски иных истоков этнонима и хоронима *Русь* при отрицании их скандинавского происхождения: прибалтийские славяне [Вилинбахов В. Б., Кузьмин А. Г. 1970], кельты [Кузьмин А. Г. 1974; Pritsak O. 1986, см. перевод: Прицак О. 1991], готы [Söderlind S. 1978]. В качестве особой темы изучается социальное содержание слова *русь* [Ловмяньский Х. 1985. С. 202—203, 287; см. там же литературу вопроса]. В социальном контексте *Русская земля* в узком значении земель Среднего Поднепровья интерпретировалась как домен княжеской династии Рюриковичей [Насонов А. Н. 1951. С. 31—32; Пашуто В. Т. 1965. С. 73; Толочко П. П. 1974; Петрухин В. Я. 1989; Лесман Ю. М. 1993. С. 102]. При этом устанавливалась типологическая близость *Русской земли* в узком значении и шведского Упсальского лена в Свеаланде [Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. 1989. С. 105]. Новейший историографический анализ проблемы происхождения этнонима и хоронима *Русь* см.: Константин Багрянородный. 1989. С. 293—307 (историографический обзор Е. А. Мельниковой, В. Я. Петрухина при участии М. В. Бибикова); Горский А. А. 19896; Агеева Р. А. 1990. С. 116—153.

2 В Новгороде археологические слои IX в. до сих пор не обнаружены. Ладога возникла как городское поселение в середине VIII в., а в середине IX в. она стала важным социально-экономическим, политическим и военно-стратегическим центром [Кирпичников А. Н., Дубов И. В., Лебедев Г. С. 1986; Кирпичников А. Н. 1988; 1995; Кирпичников А. Н.,

Назаренко В. А. 1992; Мачинский Д. А. 1986. С. 25—28; Мачинский Д. А., Мачинская А. Д. 1988; Дубов И. В. 1990. С. 51—60]. Пребывание Рюрика со своим «родом», т. е. обособленным коллективом, мужчины которого прибыли в Ладогу вместе с семьями, А. Н. Кирпичников соотносит с появлением и существованием во второй половине IX в.—на рубеже IX—X в. скандинавского могильника Плакун, который находился на берегу Волхова напротив Ладожской крепости [Кирпичников А. Н. 1988. С. 53—54].

К с. 406

1 Тексты ПВЛ и дополнения к Хронике Георгия Амартола о нападении Руси на Константинополь в 860 г. продолжали изучаться. Были уточнены обстоятельства этого нападения, включая дату — 18 июня. Было выяснено, что русы знали не только, где будет находиться византийская армия, флот и император, но также и ограниченные возможности Константинополя в то время для обороны с незащищенными участками стен и незаселенными районами, что делало реальным взятие города штурмом [Левченко М. В. 1956. С. 56—74; Сахаров А. Н. 1980. С. 48—59; Tinnefeld F. 1981; Курбатов Г. Л. 1988]. Сомнению продолжали подвергаться летописные записи об одновременном правлении Аскольда и Дира [Рапов О. М. 1988б. С. 119—120]. Используя Никоновскую летопись, Б. А. Рыбаков предположил существование древней Летописи Аскольда [Рыбаков Б. А. 1963. С. 165—173; 1982. С. 305—308]. Вопрос о происхождении сообщений Никоновской летописи, дополнительных к известным летописным сводам XI—XIV вв., во многом еще не решен [Клосс Б. М. 1980; Муравьева Л. Л. 1988, см. там же литературу вопроса]. О. В. Творогов предположил, что записи об Аскольде и Дире восходят к народному преданию или, по догадке летописца, к сообщениям Начального свода. Сообщение о походе Руси на Константинополь в 860 г. было записано в дополнениях к Хронике Георгия Амартола, откуда оно попало в Начальный свод, а через него — в ПВЛ. В изданный В. М. Истриным древнерусский перевод Хроники Георгия Амартола дополнения попали через одну из групп поздних списков Хроники, куда они были внесены из летописи через посредство Летописца Еллинского и Римского [Творогов О. В. 1974. С. 103—105; 1975. С. 105—108, 147—159; 1992. С. 54—55].

2 По наблюдениям О. В. Творогова, статья Никоновской летописи «О князе русском Аскольде» восходит к Хронике Зонары. В ее сокращенной переработке — Паралипомене, ставшей непосредственным источником Русского хронографа, первоначальные записи о нападении Руси на Константинополь в 860 г. были дополнены и переработаны. Отсюда появилась в статье Никоновской летописи связь между нападением 860 г. и крещением Руси при Василии Македонянине и патриархе Игнатии, хотя такой связи реально не было [Творогов О. В. 1992. С. 57—58].

К с. 407

1 Комментируя отношения наследования власти Рюрика, Олега и Игоря, их родственные связи, О. В. Творогов считает странным, что недееспособность Игоря продолжалась почти до тридцати лет. Он считает Олега князем, но не в родстве ни с Рюриком, ни с Игорем [Повесть временных лет. 1991. С. 177]. По мнению О. В. Творогова, указанные в ПВЛ прямые родственные связи Рюрика и Игоря — историографическая легенда, тогда как последовательно правили три «вполне самостоятельных князя» [Творогов О. В. 1994. С. 7]. Такие сомнения отпадают, если учесть фрисландское происхождение Рюрика, его вероятное пребывание в Швеции и, возможно, шведское происхождение Олега (по мнению М. И. Стеблина-Каменского, имя Олег является заимствованием из древнешведского [Стеблин-Каменский М. И. 1955. С. 240]). Учитывая эти обстоятельства жизни Рюрика, можно предположить, что Олег действительно мог быть его воеводой или (и) родственником в свойственном родстве, являясь родственником жены Рюрика, которую привезли в Ладогу из Швеции. Поэтому естественно, что Олег стал регентом при малолетнем Игоре и князем. Обладая реальной властью, Олег до своей кончины управлял страной, отстранив от управления значительно менее способного Игоря (о меньших способностях Игоря свидетельствуют неудача похода на Константинополь в 941 г., значительно менее благоприятный договор 944 г. с Византией, чем договор Олега 911 г., да и сама бесславная гибель Игоря

в земле древлян). Аналогичная ситуация долгого регентства существовала на Руси и в правление княгини Ольги. При взрослом Святославе она отправила в 959 г. послов к королю Оттону I, участник последовавших в этой связи событий Адальберт пишет, что это были «послы Елены (христианское имя Ольги. — *М. С.*), королевы ругов (т. е. русов. — *М. С.*)», но ничего не сообщает о Святославе как соправителе или номинальном князе [Латиноязычные источники по истории Древней Руси. 1989. С. 32—39; Назаренко А. В. 1993. С. 101—110]. Вместе с тем, как следует из Начального свода, на Руси помнили, что в период правления Олега Игорь оставался законным князем.

К с. 409

[1] Олмин двор находился в окольном районе Киева, в Угорском, за пределами городских укреплений. В таких районах располагались княжеские, боярские и церковные усадьбы. В середине XII в. «под Угорским» существовал княжеский двор [Толочко П. П. 1983. С. 93—94, 201].

К с. 411

[1] О происхождении слова *щьлягъ* позднее высказаны разные мнения. Как считают лингвисты, оно является формой, сосуществующей со *скл҄ѧзь*, *стл҄ѧзь*, которые восходят к **стьлѧгъ* — заимствованию из герм. *skilling; *щьлѧгъ* является заимствованием от более поздних германских форм из др.-ск. skillingr или др.-в.-нем., др.-сак. scilling [Фасмер. 4. С. 508]. По мнению А. П. Новосельцева, это слово происходит от еврейск. *шэлэг* — 'белый', 'серебряник', т. е. арабский дирхем, использовавшийся в качестве денег в Хазарии [Новосельцев А. П. 1990. С. 117]. Учитывая, что в Восточной Европе, включая хазарские владения, основной формой взимания подати являлась дань меховой единицей (белкой, куницей) от *дыма* — 'дома, хозяйства малой семьи', вопрос о содержании слова *щьлягъ* следует рассматривать в системе государственных податей [Свердлов М. Б. 1978].

[2] В новейшей литературе рассматривались разные формы мирных отношений между венграми и славянами в древнейший период. У скотоводов-кочевников венгров часть земледельческой терминологии — славянского происхождения. В венгерском языке отмечаются также восточнославянские заимствования этногеографической лексики, социальной терминологии, терминов рыболовства [Перени Й. 1956; 1974; Москаленко А. Н. 1972; Рот А. М. 1973; Левицкий Т. 1978. С. 56—57]. Все это свидетельствует об интенсивных, многообразных социальных и этнокультурных связях венгров и восточных славян в IX в., что предполагает не только военные столкновения, но и мирное соседство. Видимо, одним из мирных кочевий явилось стойбище венгров под Киевом в урочище, названном Угорским.

[3] Кочевой образ жизни и становища вежами венгров в IX в. и половцев в XI—начале XII в., которые сопоставил летописец, С. А. Плетнева соотнесла с еще более ранними гуннами. О них Аммиан Марцеллин писал в конце IV в.: «Придя на изобильное травою место, они располагают в виде круга свои кибитки ⟨...⟩. Истребив весь корм для скота, они снова везут, так сказать, города, расположенные на повозках ⟨...⟩. Гоня перед собою упряжных животных и стада, они пасут их ⟨...⟩» [Плетнева С. А. 1990а. С. 111]. Именно так понял А. П. Новосельцев употребление слова *вежи* по отношению к половцам в ПВЛ и в последующем летописании — как лагерь, становище кочевников, которое в известной мере являлось укрепленным местом, так как постоянно существовала опасность нападения врагов [Новосельцев А. П. 1989. С. 17—18].

К с. 412

[1] Наблюдения Д. С. Лихачева о разном характере отличающихся двух частей Сказания о преложении книг на славянский язык (см. также с. 290) были продолжены в различающихся гипотезах об источниках и содержании Сказания: единая болгарская кирилло-мефодиевская традиция со сведениями об этногенезе славян [Мечев К. 1974], два рассказа — об этногенезе славян и их борьбе в Подунавье с другими народами в процессе расселения [Рыбаков Б. А. 1963. С. 222—236]. Частично использовав эти наблюдения, А. Авенариус пришел к мнению

об отражении в Сказании и других известиях ПВЛ свидетельства об автохтонности славян в Центральной Европе и славянских миграционных процессах на Среднем Дунае, восходящих к хорватской и моравской среде. Из Моравии Сказание попало в Болгарию, где в поздней болгарской кирилло-мефодиевской традиции оно было обработано, а впоследствии его привезли на Русь [Авенариус А. 1993]. Другим направлением стало определение источников Сказания в великоморавской и чешской традиции [Кралик О. 1963] при убедительном отрицании в их числе Легенды Кристиана и устанавливаемых связях с Сазавским монастырем [Флоря Б. Н. 1985], а также при выделении в составе Сказания особой Повести о поселении славян на Дунае и нашествии угров, отнесении этих сочинений к моравско-чешской традиции X в., их последующем нахождении в Сазавском монастыре, откуда на рубеже XI—XII вв. они попали на Русь и были использованы Нестором [Свердлов М. Б. 1993]. Мнение А. С. Львова о Сказании как сочинении древнерусского книжника начала XII в. поддержки не нашло [Львов А. С. 1968б].

[2] Текст из Жития Кирилла приведен по списку в составе сборника середины XV в. (Отдел рукописей РГБ, ф. 173, № 19), изданному П. А. Лавровым [Лавров П. А. 1930. С. 1—30]. Согласно текстологическим наблюдениям Б. Н. Флори, этот список, один из самых ранних, свободен от следов более поздней переработки, которые выявляются в южнославянских списках XV в., написанных Владиславом Грамматиком [Сказания о начале славянской письменности. 1981. С. 70]. Б. Н. Флоря выделил в новейшей литературе три основных мнения о содержании слов «русьскые письмены»: письмена древних «русов» (П. Я. Черных, В. А. Истрин, Е. Георгиев, А. Авенариус), перевод в IV в. Вульфилой Библии на готский язык (Ф. Дворник), «сурские», сирийские, письмена (Р. О. Якобсон, А. Вайан и др.). Наряду с ними он отмечает другие мнения: «фрузские», т. е. «франкские», латинские буквы (Г. А. Ильинский), «узкие» письмена — их внешний вид, а не принадлежность к этносу (И. Гошев), данный текст Жития — поздняя интерполяция, сделанная в Болгарии (А. С. Львов), что вызвало возражения З. Хауптовой, К. И. Логачева, Б. Н. Флори. В качестве наиболее распространенного мнения Б. Н. Флоря отмечает интерпретацию данного чтения Р. О. Якобсоном и А. Вайаном как «сурские», — сирийские письмена. В его пользу приводятся следующие аргументы. 1. Возможное исправление текста, тем более в восточнославянских памятниках. 2. Сообщение Проложного Жития Кирилла о том, что он владел четырьмя языками, греческим, римским, еврейским и «сурским», — эта запись Проложного Жития основана на чтении Пространного Жития Кирилла. 3. Данный раздел Жития имеет внутреннюю логику. Он посвящен освоению Константином семитских языков, еврейского, самаритянского и, наконец, сирийского. Константин бесспорно знал сирийский язык, так что автор Жития, видимо, неудачной догадкой связал с путешествием в Хазарию все известное ему о занятиях Константина семитскими языками. Отнесение к ним «русьских» письмен прослеживается и в самой записи Жития, где отмечается различие «гласных и согласных», что свойственно семитическим алфавитам, в которых гласные отмечаются особыми знаками то над, то под согласными [Сказания о начале славянской письменности. 1981. С. 115—117; см. там же литературу вопроса]. В отличие от попыток конкретной этнокультурной идентификации «письмен» Г. Подскальский отмечает в Сказании о грамоте славянской основное содержание в указании славянской принадлежности русов и их языка [Podskalsky G. 1982. S. 16]. Как свидетельствуют многочисленные уже находки на территории восточных славян, относящиеся к письменной культуре IX—X вв., до принятия христианства в качестве государственной религии в связи с формированием государства, городов, развитием торговли на Руси были известны разные системы письма — кириллическая, глаголическая, греческая, куфическая, скандинавская руническая. Это были надписи и отдельные буквы на предметах материальной культуры, включая арабские монеты-дирхемы. Некоторые из находок могут свидетельствовать, в частности, не только о знакомстве жителей Северной Руси в середине X в. со знаками рунического, кириллического и глаголического алфавитов, но и о возможности сосуществования их в пределах одного городского или дружинного коллектива [Носов Е. Н., Рождественская Т. В. 1987]. Эти надписи использовались в сакральных целях, в качестве владельческих помет и знаков собственности. Одновременно развитие в конце IX—X в. древнерусской государственности, права, распространение православия способствовали более широкому употреблению на Руси письменности и кириллического алфавита [Медынцева А. А. 1983; 1987; Рождественская Т. В. 1991а; 1993].

К с. 413

[1] Исследования 50-х—70-х гг. показали, что Константин-Кирилл изобрел глаголическую азбуку. Именно ее защищал в своем сочинении Храбр [наиболее полное издание текстов см.: Куев К. М. 1967]. Кириллица сложилась, вероятно, на рубеже IX—X вв. на территории Первого Болгарского царства в результате синтеза издавна используемого здесь греческого письма и тех элементов глаголицы, которые наилучшим образом могли передавать особенности древнеболгарского языка [Сказания о начале славянской письменности. 1981. С. 55—63; см. там же литературу вопроса]. Особое назначение сочинения Храбра, которое было связано, видимо, с переводом книг в Болгарии в конце 90-х гг. IX в. и с распространением новой славянской графической традиции, позволяет раскрыть содержание сообщения Храбра о начале славянской письменности. В древнейшей редакции текста Сказания записано: «Прѣждѣ убо словене не имѣаху писменъ, но чертами и рѣзанми гадааху, погани суще. Крестивше же ся, римскями и гречьскыми письмены нуждааху ся писати словенску рѣчь безъ устроя» [Куев К. М. 1967. С. 192], т. е.: первоначально славяне, когда были язычниками, имели черты и резы, которыми гадали, т. е. пользовались руническим письмом для сакральных целей, но мало приспособленным для письменности. Эта запись была позднее переосмыслена: «Прѣжде убо словѣне не имѣху книгъ, но чрътами и рѣзами чьтѣху и гатааху погани суще ⟨...⟩» [там же. С. 188], т. е.: у славян в языческий период не было книг, но они читали и гадали чертами и резами. Сфера употребления рунического письма оказывалась значительно шире. Новейшие работы о начале славянской письменности см.: Иванова Т. А. 1963; Жуковская Л. П. 1963; Толстой Н. И. 1982; Медынцева А., Попконстантинов К. 1984; Князевская О. А. 1990; см. там же литературу вопроса.

К с. 414

[1] Для изучения вопроса о происхождении Ольги существенно наблюдение М. И. Стеблина-Каменского, который отметил, что имя Ольга является производной славянской формой от скандинавского женского имени Helga (др.-шв. H(i)ælgha), которое восходит к слову heilagr 'святой' [Стеблин-Каменский М. И. 1955. С. 240].

К с. 415

[1] Дискуссия о существовании самостоятельного договора 907 г. позднее продолжалась. Отрицательное мнение в новой и новейшей литературе высказывали А. А. Шахматов, А. Е. Пресняков, С. П. Обнорский, С. В. Бахрушин, М. Д. Приселков, В. В. Мавродин, Б. А. Ларин, А. А. Зимин, А. Г. Кузьмин, О. В. Творогов, в зарубежной литературе — Ф. Вилькен, С. Рэнсимэн, Г. Лер, А. Грегуар, Д. Оболенский и др. Положительного мнения о договоре 907 г. как предварительном или основном тексте придерживались А. В. Лонгинов, Д. Мейчик, М. С. Грушевский, М. А. Шангин, В. М. Истрин, Б. Д. Греков, М. В. Левченко, В. Т. Пашуто, Г. Г. Литаврин, А. Н. Сахаров, в зарубежной литературе — Г. Рондал, Л. Брейе, А. Боак, Г. Острогорский, А. А. Васильев и другие [историографический анализ см.: Сахаров А. Н. 1980. С. 84—89]. Обобщая свои наблюдения над протоколом русско-византийских договоров, С. М. Каштанов пришел к мнению, что письменного текста договора 907 г. не существовало: это был или устный договор, или, как доказывал А. А. Шахматов, результат компиляторской деятельности летописца [Каштанов С. М. 1996. С. 57].

[2] В новейшей литературе о слове *толковин* М. А. Салмина отмечает следующие мнения: 'нерусские степные племена', 'иноплеменники', 'иноземцы'; 'свои поганые', 'союзники', 'помощники', 'переводчики', 'толмачи' — в круге тюркских заимствований [Салмина М. А. 1995. С. 126—128]. См. также: Kijas A. 1977. S. 103—104, а также библиографию, отмеченную А. Поппэ [RM. 1986. T. 5. P. 2. S. 28].

К с. 418

[1] Особый вопрос, обсуждаемый в литературе, — на каком языке первоначально существовали договорные тексты, включенные в ПВЛ под 6415 (907) и 6420 (912) гг. В развитие предшествовавших исследований этой проблемы (Н. А. Лавровский, В. М. Истрин, С. П. Об-

норский) Б. А. Ларин предположил, что они были написаны на русском со множеством элементов древнеболгарского. Переводились те тексты, которые восходили к византийской стороне [Ларин Б. А. 1975. С. 28—44]. С. М. Каштанов согласился с ранее высказывавшимся мнением, согласно которому русско-византийские договоры в обоих экземплярах вырабатывались совместно русской и византийской сторонами в соответствии с византийской канцелярской практикой, что определило архитектонику сохранившихся древнерусских текстов [Каштанов С. М. 1972. С. 115]. Здесь и далее историографический анализ значительной литературы, посвященной русско-византийским договорам первой половины X в. (В. Т. Пашуто, С. М. Каштанов, А. Г. Кузьмин, С. Микуцкий, Б. А. Рыбаков, А. А. Зимин, М. В. Левченко, Г. А. Острогорский, Д. Д. Оболенский, А. А. Васильев, Г. В. Вернадский, И. Сорлен, Д. А. Миллер, Д. Шепард, Ф. Возняк), см.: Сахаров А. Н. 1980. С. 85—89, 153—155, 216—222; Каштанов С. М. 1996. С. 4—7.

2 Исследователи избирали обычно одно из указаний выплаты дани в 12 гривен — *на человека* или *на ключ*. В новейшей литературе такие различия в указании дани А. Г. Кузьмин объяснил соединением разных источников. В. Т. Пашуто объяснил их изменением контрибуции во время переговоров: дань на человека была заменена данью на ключ. По мнению А. Н. Сахарова, уплата 12 гривен на ключ как бы корректирует первое требование об уплате на человека. Дань, выплаченная на ключ, являлась, видимо, единовременной денежной контрибуцией победителю [Сахаров А. Н. 1980. С. 107—108].

3 Вопрос о дани в русско-византийских договорах был обстоятельно рассмотрен А. Н. Сахаровым, который пришел к выводу, что в первой трети X в. Византия платила ежегодную дань Руси. С этим мнением согласился Г. Г. Литаврин [Сахаров А. Н. 1980. С. 108—110; Литаврин Г. Г. 1993а. С. 86]. Особое указание Киева, Чернигова и Переяславля в тексте договоров Г. Г. Литаврин объяснил тем, что послы и купцы из этих городов составляли первую торговую флотилию, которая в конце апреля—начале мая отправлялась в Константинополь, достигая к началу июня предместья св. Маманта. Ее послы и гости первыми получали *слебное* и *месячину*. По его мнению, вторая флотилия из городов Северо-Западной Руси из-за природно-климатических условий собиралась позднее. В середине июня она приплывала в Киев, а к началу августа оказывалась в предместье св. Маманта. Такое разделение на две флотилии было удобным для византийского правительства, которое могло благоприятно для себя расселять, содержать и держать под контролем русских послов, купцов и их людей (по подсчетам Г. Г. Литаврина, за лето их оказывалось в предместье св. Маманта не менее 400—500 человек) [Литаврин Г. Г. 1993а. С. 85—89].

К с. 419

1 Мнение Б. Д. Грекова о названной в русско-византийских договорах знати как о местных князьях, подчиненных киевским князьям и постепенно ими уничтожаемых, нашло широкое распространение в последующей литературе. Г. Г. Литаврин отметил, что число послов от русских князей договора 944 г. (кроме послов от Игоря, Ольги и племянника Игоря) совпадает с числом «послов архонтов Руси» в более позднем посольстве княгини Ольги в Константинополь — 22 человека. В них он предполагает глав городов и административных центров Руси [Литаврин Г. Г. 1982]. Близким мнением стала мысль А. Н. Сахарова, который отрицает в русских послах договора 911 г. в равной мере «народных представителей» и представителей «светлых князей» и бояр, «вассалов» великого князя; послы представляли единое Древнерусское государство [Сахаров А. Н. 1980. С. 163]. Возвращаясь к мнению С. М. Соловьева, А. В. Назаренко характеризует «княжье» договора 944 г. как «довольно многочисленную кровнородственную группу», «княжеский род», но соединяет эту идею с теорией государственной или корпоративной собственности на землю: *Русская земля* являлась, по его мысли, коллективной собственностью этого рода [Назаренко А. В. 1996. С. 63].

2 Содержание термина *месячина* как помесячного натурального довольствия обстоятельно раскрыто Г. Г. Литавриным [Литаврин Г. Г. 1977. С. 240; 1993а. С. 84, 89—90].

3 Щиты являлись одним из древнейших видов защитного вооружения славян. Вплоть до X в. на Руси были распространены круглые щиты. Они были деревянными, состоящими из досок, обтянутых кожей, с металлическим умбоном в центре и оковками по краю. Для их окраски использовался красный цвет. Со второй половины X в. русские пользовались продолговатыми

длинными щитами миндалевидной формы. Такие щиты были изобретены в Западной Европе и широко распространились около 1000 г. по всей Европе, что явилось следствием особой роли в это время кавалерии и свойства таких щитов защищать воина от плеча до колена. Они были пригодны для пеших и конных воинов. Щиты ярко раскрашивались, и не только в красный цвет. На Руси они использовались до XIV в. Щит наряду с мечом и копьем приобрел значение победоносного государственного военного символа [Кирпичников А. Н. 1971. С. 33—39].

К с. 421

[1] Позднее, раскрывая значение «равно другаго свещания», С. М. Каштанов предположил, что оно обозначало «равносильность» грамоты императорскому хрисовулу [Каштанов С. М. 1972. С. 213]. А. Н. Сахаров видит в этих словах указание на предыдущую «договоренность», «переговоры», ссылаясь на предшествующие тексту договора 911 г. слова «и посла глаголя» [Сахаров А. Н. 1980. С. 139]. Я. Малингуди считает, что это выражение, начинающее все три русско-византийских договора, 911, 944 и 971 гг., в составе ПВЛ, являлось этикетной формулой, которая представляла собой вводную фразу к этим договорам и находилась в византийской официальной копийной книге, откуда списки договоров были переписаны. Поэтому греческий оригинал она реконструирует так: τὸ ἴσον ἑτέρας συμφωνίας, νενομένης ἐπὶ τῶν αὐτοκρατόρων — «копия другого соглашения, которое состоялось во время правления императоров ...», где ключевые слова являлись техническими терминами в византийской дипломатике: τὸ ἴσον — 'копия', συμφωνία — букв. 'согласие, соответствие' имело также значения 'постановление в письменной форме', 'правовое соглашение' [Malingoudi J. 1994. S. 81—82]. Эти наблюдения поддержал С. М. Каштанов, который, изменив свое прежнее мнение, охарактеризовал тексты русско-византийских договоров в составе ПВЛ как перевод неканцелярских копий грамот. Одинаковое их начало может свидетельствовать об одновременности копирования по какому-то определенному плану. Повторение в начале договоров τοῦ ἑτέρου — «другаго» С. М. Каштанов объясняет их происхождением из подборки копий. Появление такого копийного сборника он связывает с деятельностью митрополита Никифора I и датирует его временем ок. 1104 г., когда митрополит собирался на Русь, и 1110—1112 гг., когда переводы попали в ПВЛ [Каштанов С. М. 1996].

[2] При издании русско-византийских договоров 911 и 944 гг. А. А. Зимин сохранил нумерацию статей, данную М. Ф. Владимирским-Будановым [Памятники права Киевского государства: X—XII вв. 1952. С. 3—70].

К с. 422

[1] Происхождение и значение титула «великий князь» в первой половине X в. объяснялись по-разному. Одни исследователи связывали его появление с процессом образования Древнерусского государства, особым значением киевского князя и подчинением ему племенных князей (с различиями в объяснении этого процесса) [Пашуто В. Т. 1968. С. 61; Черепнин Л. В. 1972. С. 358, 360; Сахаров А. Н. 1980. С. 163—164; Рыбаков Б. А. 1982. С. 328—329; Свердлов М. Б. 1983. С. 31—34]. По мнению И. Я. Фроянова, титулом «великие» и «светлые» «титулуются» племенные князья в «восточном всеславянском „союзе союзов"» [Фроянов И. Я. 1980. С. 24]. А. Г. Кузьмин считает появление в договорах титула «великий» для киевских князей интерпретацией XII в. [Кузьмин А. Г. 1977. С. 83]. По другому мнению, в договорах 907 и 911 гг. эпитет «великий» имел восхваляющее значение, а в договоре 944 г. по отношению к киевскому князю — титул не «официальный» [Vodoff W. 1983. P. 142; 1987. P. 32; статьи переизданы в кн.: Vodoff W. 1989b; Poppe A. 1984. S. 424—429; 1989]. В данной связи А. Поппэ не поддержал гипотезу А. Соловьева о возможном влиянии скандинавской терминологии: yfirkonungr — 'великий князь', småkonungar — 'подчиненные князья' [Soloviev A. 1979. P. 148]. По мнению А. Поппэ, появление титула «великий князь» связано не с подъемом Киевской Руси, а с ростом центробежных сил и падением политического значения Киева, когда новый титул первым использовал Всеволод Большое Гнездо, который создавал новую систему старейшинства в Русской земле с политическим центром во Владимире. Не являлись официальными титулами и заимствованные термины «каган» и «цесарь» — «царь» [Poppe A. 1980. S. 339; 1984; 1991. P. 8—9]. Я. Малингуди исходит из того, что титул «великий князь»

«фактически» не использовался до второй половины XII в., а в X в. указан только в русско-византийских договорах. Поэтому она, близко к мнению Д. С. Лихачева, возводит слово «великий» к греческим «почетным» прилагательным περιφανής, περιφανέστατος или λαμπρός, λαμπρότατος, что соответствует их употреблению в византийской практике и древнеславянским переводам византийской литературы [Malingoudi J. 1994. S. 39—40. Anm. 86; S. 57. Anm. 120]. Возражая против мнения об интитуляционном характере выражения «великий князь», С. М. Каштанов предположил, что слово «великий» могло быть поставлено перед словом «князь» при переводе договоров или при редактировании ПВЛ. Но это было для него не случайное явление, а начало длительного процесса выработки устойчивого титула «князь великий» [Каштанов С. М. 1996. С. 40—43]. Как следует из записи дьяка Иоанна в Изборнике Святослава 1073 г., в XI в. титул «великий князь» использовался по отношению к князьям Рюриковичам: «Написа 〈...〉 великуму князю Святославу: „Великыи въ князьхъ князь Святславъ 〈...〉"». Но такие случаи единичны, поэтому В. Л. Янин считает, что в XI—XII вв. титул «великий князь» «не имел еще принципиального характера и мог усваиваться князьями разных территорий, если эти князья были склонны к пышному самотитулованию» [Янин В. Л. 1970. Т. 1. С. 22].

К с. 423

[1] Чтение «а и жена убившаго да имѣеть» было поддержано А. А. Зиминым [Памятники права Киевского государства: X—XII вв. 1952. С. 7].

[2] Происхождение Закона Русского и его нормативный состав позднее обстоятельно изучались: Черепнин Л. В. 1965. С. 139—146; Зимин А. А. 1965. С. 234—240; Свердлов М. Б. 1988.

[3] Мнение о том, что в ст. 21 Краткой редакции Русской Правды подразумевается вор-огнищанин, широко распространено в литературе [см.: Памятники права Киевского государства: X—XII вв. 1952. С. 83, 96; Тихомиров М. Н. 1953. С. 81]. Существует и противоположная по содержанию интерпретация этой статьи: огнищанин убит во время защиты княжеского хозяйства третьим лицом [см.: Российское законодательство X—XX веков. 1984. Т. 1. С. 59—60; Свердлов М. Б. 1992. С. 33—34; см. там же литературу вопроса].

[4] Перевод «искус творити» как «творить насилие» и «дружне» как «чужое» был поддержан А. А. Зиминым [Памятники права Киевского государства: X—XII вв. 1952. С. 12, 19].

К с. 424

[1] См.: Шахматов А. А. 1915. С. 406.

[2] Древнерусское слово *лодья* было заимствовано в древнейший период в восточноскандинавские языки, др.-шв. и др.-дат., откуда оно попало в др.-н. Через вероятное посредство др.-дат. языка оно проникло в ганзейский период в ср.-н.-нем. со значением 'грузовое судно' [Мельникова Е. А. 1984. С. 71]. Данные заимствования с таким значением позволяют раскрыть значение слова *лодья* в договоре 911 г.

[3] Мнение Б. Д. Грекова о широком значении слова *челядин* подтверждается многочисленными источниками [Свердлов М. Б. 1983. С. 149—170; см. там же литературу вопроса].

К с. 425

[1] При публикации договора 911 г. А. А. Зимин принял чтение «Аще злодѣи въэвратится в Русь», но комментарий сделал близкий к мнению Д. С. Лихачева: преступник совершил преступление на Руси, затем бежал в Византию, но его насильно возвращают по требованию русских властей, где его ждет наказание [Памятники права Киевского государства: X—XII вв. 1952. С. 9, 24]. Я. Малингуди приняла чтение Д. С. Лихачева [Malingoudi J. 1994. S. 109].

[2] Интерпретацию слов «Ивановым написанием» как указание писца или переводчика Ивана, т. е. «рукой Ивана» — διὰ χειρὸς Ἰωάννου, поддержал С. Микуцкий [Mikucki S. 1953. P. 19].

А. А. Зимин привел мнение Ф. Круга как предпочтительное — «киноварным написанием», т. е. киноварью [Памятники права Киевского государства: X—XII вв. 1952. С. 24]. С. М. Каштанов отмечает недостатки в аргументации этих мнений и считает этот вопрос нерешенным [Каштанов С. М. 1996. С. 50—51]. Я. Малингуди обратила внимание на традиционные для императорских хрисовулов, изданных при заключении соглашений, выражения — «вечно», «навечно», «на века». Поэтому она предположила, что греческое слово αἰωνίαν было ошибочно прочтено переводчиком как Ἰωάννην или ἰωάν(ν)ην, т. е. Иоанна. По ее мнению, правильным чтением, соответствующим греческому тексту, должно было быть: «... бывший миръ сотворихом вѣчьным писанием на двою харатью ...» [Malingoudi J. 1994. S. 68, 110].

[3] Как свидетельствуют исландские саги и археологические материалы, драгоценные византийские ткани на Руси, в том числе и у греческих купцов в Новгороде, привлекали внимание скандинавов, которые приобретали их там для конунгов и знати [Jahnkuhn H. 1963. S. 193; Новосельцев А. П., Пашуто В. Т. 1967. С. 83; Свердлов М. Б. 1974. С. 60; Джаксон Т. Н. 1993. С. 93].

К с. 428

[1] Болгарский царь Симеон начал военные действия против Византийской империи в 920 г. В начале сентября 923 г. Симеон с войском подошел к стенам Константинополя. При значительных усилиях патриарха Николая Мистика он заключил мир с императором Романом Лакапином 9 сентября 923 г. [Ангелов Д. 1963. С. 66—67]. Смещение дат А. Г. Кузьмин объясняет вслед за В. Н. Златарским использованием русским летописцем болгарского источника, в котором употреблялась при летосчислении «болгарская эра» [Кузьмин А. Г. 1977. С. 287].

К с. 429

[1] При анализе известий византийских источников и ПВЛ о походе князя Игоря на Византию в 941 г. Я. Н. Щапов предположил, что сведения ПВЛ ограничивались информацией участников похода, которые вернулись на Русь после поражения в первом морском сражении 18 июня 941 г. при Иероне. Это поражение было тяжелым, но не окончательным. Сохранение русской версии событий без учета последующих фактов и данных византийских источников он объяснил тем, что рассказ о походе 941 г. происходил не из народного предания, а из делового сообщения, княжеской концепции, восходящей в письменной форме к летописанию конца X—начала XI в. [Щапов Я. Н. 1972б; ср.: Половой Н. Я. 1960]. Обзор источников, анализ значительной исследовательской литературы о походе князя Игоря на Византию в 941 г. и анализ событий 941—944 гг. см.: Сахаров А. Н. 1980. С. 210—258.

К с. 430

[1] Новейшее монографическое исследование о древнерусской дружине: Горский А. А. 1989а; см. там же литературу вопроса.

К с. 431

[1] О формуле указания сторон в византийских договорах см.: Malingoudi J. 1994. S. 21—22, 38. По ее мнению, русскому переводу соответствовала византийская фраза формулы: καὶ παρὰ ἅπαντος τοῦ λαοῦ τῆς τῶν Ῥῶς χώρας.

К с. 432

[1] Квартал св. Маманта находился в предместье Константинополя в двух километрах от ближайшего участка его северных стен на европейском берегу Босфора. Там были расположены монастырь св. Маманта и императорский дворец. В этом пригороде в гостиничных комплексах-подворьях (митатах, которые занимали целые кварталы) со спальнями, трапезными, бытовыми службами, складами для товаров, конюшнями для верховых, тяглых и вьючных животных зимой располагались императорские воины, а летом приезжие послы, купцы и их зависимые люди — челядь [Литаврин Г. Г. 1993а; 1993б. С. 82—84].

К с. 433

[1] Интерпретируя статью «О Корсунской стране», А. А. Зимин согласился с мнением А. А. Шахматова: Византия обещала поддержать русского князя, если тот будет приводить к покорности херсонесцев, проявлявших в X в. сепаратистские тенденции [Памятники права Киевского государства: X—XII вв. 1952. С. 47]. М. В. Левченко, напротив, считал, что в статье имеется в виду защита Херсонеса русскими [Левченко М. В. 1956. С. 162]. По мнению А. Н. Сахарова, содержание статьи относится к обширной зоне Северного Причерноморья, где Русь обязалась не нападать на владения Византии, однако другие военные действия империи против тех, кто «не покоряется» Руси, признаны правомочными. А. Н. Сахаров видит направленность этой статьи против Хазарии [Сахаров А. Н. 1980. С. 247—250].

[2] Наряду с широко распространенным отождествлением острова Елферия с островом Березань он определяется также как западная часть Кинбурнского полуострова, которая в древности была островом и ограничивала с юга Днепровский лиман [Погорелая В. В. 1985; см. там же литературу вопроса].

[3] В литературе локализация Черной Булгарии середины X в. определяется с существенными различиями [Константин Багрянородный. 1989. С. 339]. По мнению А. В. Гадло, к середине X в. булгарской культуры (степного варианта салто-маяцкой культуры) на Керченском п-ове, в окрестностях Тамани и северном побережье Азовского моря уже не было. Реальной опасностью для Херсонеса, Руси и Хазарии (ее западным владениям на Дону и в Приазовье) были северные группы дунайских болгар (болгаро-дунайская культура), политически связанные с Первым Болгарским царством [Гадло А. В. 1968а; 1968б; 1994. С. 27].

[4] А. А. Зимин интерпретировал нормативное содержание статьи о запрещении наказания греков за преступление без решения византийского суда иначе, чем М. Ф. Владимирский-Буданов. Он видел в ней отмену статьи договора 911 г. о решении подобного дела самосудом: «Будеть казнь, якоже явиться согрешенье» [Памятники права Киевского государства : X—XII вв. 1952. С. 48—49].

[5] А. А. Зимин считал, что суд и казнь убийцы осуществлялись только византийским правительством. Это предотвращало применение оружия русскими в отличие от такой возможности по договору 911 г. [Памятники права Киевского государства : X—XII вв. 1952. С. 49]. В этом он близок к мнению В. И. Сергеевича [Сергеевич В. И. 1903. С. 635]. С. В. Юшков присоединился к мысли М. Ф. Владимирского-Буданова о дозволенной послесудебной мести, что отражало норму русского права [Юшков С. В. 1949. С. 130].

К с. 434

[1] Сообщение Константина Багрянородного о *полюдье* на Руси относится ко времени ок. 944 г. Характер использования в нем древнерусской лексики позволяет предположить, что этот рассказ записан византийцем со слов представителя великокняжеского окружения [Constantine Porphyrogenitus. 1962. Vol. 2. P. 19; Константин Багрянородный. 1989. С. 292—293]. Данное сообщение, близкое по времени к гибели князя Игоря и содержащее реальную информацию о характере политической структуры Древнерусского государства этого времени (следует при этом учитывать уточненный перевод Г. Г. Литаврина), раскрывает содержание событий, излагаемых в предании, записанном в ПВЛ. Полюдье начиналось поздней осенью («и приспѣ осень») и завершалось весной. Из Киева отправлялись в полюдье князь и его приближенные знатные люди — архонты. Термин *архонт* широко использовался в Византии X—XI вв. для обозначения знатных лиц, обладавших титулом и занимавших высокую должность, богатых людей без государственной должности, чужеземных правителей [Константин Багрянородный. 1989. С. 291]. В Киеве находилась княжеская династия Рюриковичей, племенные князья — в племенных княжениях. К архонтам, указанным Константином Багрянородным, относились, таким образом, такие знатные, приближенные к киевскому князю, как Свенельд, у которого была своя дружина и которому князем было дано право взимать дань с уличей и древлян [НПЛ. С. 110]. Киевский князь и его приближенные «мужи»-архонты с дружинами разъезжались по племенным княжениям древлян, дреговичей, кривичей, северян «и прочих

славян». Они названы информатором Константина Багрянородного пактиотами (от греч. πάκτον), что отражало их даннические и вместе с тем договорные отношения с киевской княжеской властью [Константин Багрянородный. 1989. С. 316]. В этих княжениях они кормились (использован глагол διατρέφω, т. е. получали для себя и коней натуральное содержание), взимали государственные подати — «дани» и в случае необходимости осуществляли административно-судебные функции в качестве верховной власти или ее представителей. Для обозначения объезда для сбора дани использовано привычное для византийца понятие γύρα — объезд провинции ее начальником-архонтом. По мнению Б. А. Рыбакова, полюдье взималось только с племенных союзов древлян, дреговичей, кривичей и северян по Днепровскому Правобережью и Левобережью [Рыбаков Б. А. 1979б. № 2. С. 37—44]. Однако информатор указал также «прочих славян», что соответствует действительности: в это время киевскому князю были подчинены и платили дань также радимичи, уличи, тиверцы, словене [Свердлов М. Б. 1983. С. 61]. Такая система контроля и управления землями племенных княжений, включенных в состав Древнерусского государства, сохраняя их автономные политические структуры, содержала возможности для восстаний, о чем свидетельствует древлянское восстание, и противодействовала концентрации киевской княжеской власти. Поэтому княгиня Ольга после гибели мужа провела реформу по замене племенного деления государства (типологически — еще так называемого «варварского») территориальным: по погостам и городам с волостями. В процессе развития податной системы и ее терминологии понятие *дань* сохранилось как обобщающее название податей, а понятие *полюдье* во второй половине X—XI вв. стало названием особого вида денежной подати: в грамоте, датируемой 1130 г., указано «осеньнее полюдие даровьное» в 25 гривен [ГВНП. С. 140; Янин В. Л. 1981. С. 239—240]. Эти материалы подтверждают наблюдение Д. С. Лихачева о различиях в источниках понятий *дань* и *полюдье*.

[2] Гипотеза А. А. Шахматова о тождестве Малка Любечанина с древлянским князем Малом, Мала и Мстиши Свенельдича, Мстиши и Люта Свенельдича, генеалогическая преемственность Остромира, Вышаты и Яна(Яня) были подвергнуты сомнению в новейшей литературе [ср.: Стендер-Петерсен А. 1956; Müller L. 1956; Рыбаков Б. А. 1963. С. 194—196; Поппэ А. 1974б; Poppe A. 1975. S. 498—499]. О местоположении Искоростеня на р. Уж см.: Клейбер Б. 1960; Самойловський І. 1970.

К с. 435

[1] О кормильцах на Руси, а также сравнительно-исторические материалы см.: Щавелева Н. И. 1986; см. там же литературу вопроса.

[2] А. Поппэ предложил конъектуру: «Свѣнелдъ, ть же отецъ мьсти сын» вместо «Свѣнелдъ, то же отецъ Мистишинъ» [Поппэ А. 1974б. С. 91].

[3] В сложном и дискуссионном вопросе о времени происхождения так называемой Правды Ярославичей, или Домениального устава, разработана также гипотеза о ее издании ок. 1054 г., до или вскоре после смерти Ярослава Мудрого (И. А. Стратонов, А. А. Зимин, М. Б. Свердлов) [Свердлов М. Б. 1988. С. 21—30, 84—101; см. там же литературу вопроса]. Поэтому время существования топонимических ориентиров в виде киевских дворов Никифора и Чюдина можно удревнить до середины 50-х гг. XI в.

[4] Н. И. Милютенко сделала ряд наблюдений, которые позволяют по-новому рассмотреть историю Древлянской земли, уровень ее общественно-политического развития и значение ее присоединения к Русскому государству: 1) древляне к IX—X вв. оттеснили полян на узкую полосу, 25—30 км, «гор» по берегу Днепра, 2) древляне неоднократно пытались освободиться от власти киевских князей, 3) к концу IX в. древляне подчинили, вероятно, дреговичей и волынян, 4) в составе Русского государства Древлянская земля (позднее в составе Туровского княжества) имела большое значение в качестве обширного западного княжения в правление князей Олега Святославича, Святополка Ярополковича, Святослава Владимировича [Милютенко Н. И. 1993а]. Отсюда следует, что Древлянская земля имела до подчинения киевским князьям свою сложную политическую историю и продолжала играть важную политическую роль до начала XI в. уже в составе Русского государства.

К с. 436

[1] Слово *сустуг* (*сустуга?*) в значении 'пряжка, застежка' анализируется также в новейших лингвистических исследованиях: Львов А. С. 1976. С. 74—75; Лукина Г. Н. 1990. С. 142.

К с. 437

[1] Е. А. Рыдзевская отметила в сагах фольклорный мотив сожжения женихов властной и гордой Сигрид Гордой, вдовой шведского конунга Эйрика, как наказания мелких князьков, которые осмелились к ней свататься. Указывая хронологию событий, шведско-русские культурные, политические и династические связи (Сигрид Гордая была бабушкой Ингигерд, жены Ярослава Мудрого), Е. А. Рыдзевская предположила переработку русского фольклорного сюжета в скандинавской саге [Рыдзевская Е. А. 1978. С. 196—200]. О ритуальном и сложном знаковом значении бани у восточных славян см.: Будовская Е. Э., Морозов И. А. 1995. С. 138—140.

К с. 438

[1] Письменные источники и многочисленные археологические материалы позволили сделать вывод о том, что земледелие составляло основу экономики восточных славян в VIII—X вв. В качестве систем земледелия использовались подсечно-огневое земледелие, лесной и луговой перелог, но они постепенно вытеснялись двухпольной и трехпольной системами с паровым клином. Земля распахивалась орудием плужного типа — ралом с полозом, а в лесной зоне — однозубым ралом с железным сошником. Возделывались яровые и озимые зерновые культуры, твердая и мягкая пшеница, ячмень, просо, рожь, овес, а также многочисленные огородные культуры [Ляпушкин И. И. 1968. С. 134—141; Седов В. В. 1982. С. 236—238; История крестьянства Северо-Запада России. 1994. С. 9—19].

К с. 439

[1] В новейших исследованиях жертвенные птицы у славян изучаются при анализе семантики обрядов [Толстой Н. И., Толстая С. М. 1978]. При изучении птиц в погребальной обрядности широко используются археологические и этнографические материалы. При этом прослеживается социальное содержание погребальных жертв коня, собаки, птицы: они характеризуют ритуал скорее социальных верхов, входя в жертвенный комплекс дружинных курганов, чем бедных низов [Жарнов Ю. Э. 1992; Петрухин В. Я. 1995. С. 197, 206].

К с. 440

[1] В новой и новейшей литературе отмечались разные значения слова *погост* и разные функции *погоста*: особый вид сельской территориальной общины и вид дани (Н. Н. Воронин), погост-община (В. В. Седов), финансово-административный центр (С. В. Юшков, Б. А. Романов, И. Я. Фроянов), княжеский хозяйственно-административный центр в сельской местности (Б. Д. Греков, Ф. П. Филин), опорный пункт сбора дани, зоны полюдья, судебных пошлин (А. Н. Насонов, Б. А. Рыбаков), селище и место торговли (В. В. Мавродин). Все эти мнения в значительной мере верны, несмотря на их различия. Причина этих различий заключается в изменении семантики слова *погост*, что отражало изменение функций погоста, и в абсолютизации сделанных наблюдений статично воспринимаемого содержания слова *погост*. Исторические источники и сделанные в литературе наблюдения позволяют проследить эволюцию понятия *погост* и его функций: 1) место гощения, временной остановки; 2) становище, место остановки князя, княжих людей для сбора дани; 3) специально построенные дворы, укрепленные поселения, назначенные села, где останавливались князья и княжие мужи для сбора дани и административно-судебного управления; 4) административно-хозяйственная единица — совокупность деревень, «тянущих» к погосту; стан как главное поселение округа, церковь и церковный двор в погосте, место торговли [Свердлов М. Б. 1983. С. 62—64; ср.: Poppe A. 1970a. S. 176; см. там же литературу вопроса].

К с. 441

[1] Время и задачи пребывания княгини Ольги в Константинополе, тесно связанные с этими вопросами проблемы места и времени крещения княгини продолжали обсуждаться. Мнение о крещении Ольги в 955 г. и путешествии ее в Константинополь в 957 г. уже крещеной было поддержано в последующей литературе [Левченко М. В. 1956. С. 217—233; Сахаров А. Н. 1980. С. 274—282]. При этом не придавалось особого значения ее крещению в Киеве и подчеркивалось церковное и политическое значение визита в Константинополь. В контексте этих же идей Х. Рюсс соединил крещение Ольги с ее путешествием в Константинополь и приемом у патриарха [Handbuch der Geschichte Russlands. 1979. Bd. 1. Lief. 4/5. S. 292]. Ж.-П. Ариньон, а за ним Г. Подскальский поддерживали ранее высказанные мнения Е. Е. Голубинского и Г. Острогорского о крещении Ольги в 954/955 г. по сентябрьскому летосчислению, тогда как в Константинополь она прибыла уже крещеной [Ариньон Ж.-П. 1980; Podskalsky G. 1982. S. 16]. Г. Г. Литаврин разработал гипотезу, согласно которой император Константин Багрянородный торжественно принимал княгиню Ольгу не в 957 г., поскольку на этот год также приходилось 9 сентября на среду, а 18 октября — на воскресенье. По его мнению, в 946 г. Ольга была еще язычницей, а результаты поездки оказались неблагоприятны, что привело к взаимному раздражению княгини и императора. Второе путешествие Ольги состоялось в 954—955 гг. и завершилось успешно: она приняла христианство, возведена в ранг «дочери» императора, а Константин получил от княгини значительную военную помощь [Литаврин Г. Г. 1981а; 1981б; 1982; 1983; 1986]. Гипотеза Г. Г. Литаврина способствовала оживленному обсуждению поставленных в ней вопросов, причем участники дискуссии корректировали подчас свои ранее высказанные мнения. Следуя ей, О. Прицак отнес описанные Константином Багрянородным приемы Ольги к разным годам — к 946 и 957 гг. [Pritsak O. 1985b]. Л. Мюллер поддержал мнение о посольстве Ольги в Константинополь в 946 г. Он считает, что княгиня была к этому времени уже крещена. Отсюда отнесение в ПВЛ крещения Ольги к 6463 — 954/955 г. является неточным. Задачу посольства Л. Мюллер видит в крещении Руси и учреждении самостоятельной русской церкви [Müller L. 1987. S. 78; 1988]. Д. Оболенский отказался от прежнего мнения о путешествии Ольги в Константинополь в 957 г. Он поддержал Г. Г. Литаврина в мысли о первом посольстве Ольги в 946 г. и о временном сохранении ею язычества. Ссылаясь на указание автора Хроники Продолжателя Регинона — Адальберта, современника этих событий и миссийного епископа на Руси, о крещении Ольги-Елены при императоре Романе, он отнес ее второе путешествие в Константинополь к 960 г., ко времени самостоятельного правления Романа II. Подобно Л. Мюллеру, хотя и по другой причине, он считает ошибочным указание на пятнадцатилетнюю жизнь княгини в христианстве. По его мнению, первоначально в русском тексте стояла цифра ѳ҃ — 9, ошибочно прочитанная позднее переписчиками как е҃і — 15 [Obolensky D. 1984; 1990]. Мнение о путешествии Ольги в Византию в 945—946, а не в 957 г. поддержал также Ф. Тиннефельд [Tinnefeld F. 1987]. На указание Адальберта сослался и О. М. Рапов, который отнес крещение Ольги в Константинополе в правление Романа I Лакапина (12 дек. 913—16 дек. 944), но после смерти князя Игоря [Рапов О. М. 1988б. С. 164—166]. В. А. Водов принял гипотезу Г. Г. Литаврина как наиболее правдоподобную [Vodoff V. 1988. P. 52—53], тогда как А. В. Назаренко отстаивает мнение о путешествии княгини Ольги в Константинополь в 957 г. [Назаренко А. В. 1989]. А. В. Назаренко указал в историографии на возможность предварительного оглашения и крещения в православии со ссылками на работы Е. Ф. Шмурло, Д. Оболенского, Х. Ханника, М. Арранца и Лоренцо, Л. Мюллера [Назаренко А. В. 1993. С. 118; 1995]. Мнение о путешествии Ольги, уже крещеной, в Константинополь в 957 г. также распространено в новейшей литературе: Высоцкий С. А. 1989а; Poppe A. 1988. S. 464; 1992; Seibt W. 1992. S. 292.

К с. 442

[1] Новейшие исследования фресок юго-западной башни Софийского собора в Киеве установили изображение на них охоты с дрессированными гепардами [Высоцкий С. А. 1989б. С. 144—145].

К с. 443

[1] Возможность разного толкования рассказа о походе Святослава на вятичей определила существенные различия в характеристике целей восточных походов Святослава и их последовательности. Устойчива традиция в определении похода в 964 г., начиная с земли вятичей и далее по Волге до Булгара с последующим движением на Нижнюю Волгу, где находились основные владения Хазарского каганата и его столица Итиль. Но конкретная интерпретация действий Святослава значительно различается. Одни исследователи видели в них поход как единое предприятие с целью овладения землями каганата начиная с вятичей, освобождения от хазарского контроля Волжского торгового пути, разгрома Хазарского каганата и установления контроля над восточной торговлей [Артамонов М. И. 1962. С. 429; Рыбаков Б. А. 1964а. С. 42—47; 1982. С. 376—377; Плетнева С. А. 1986. С. 71—72; Петрухин В. Я. 1995. С. 103—104]. Другие исследователи оценивали поход на вятичей в 964 г. как самостоятельную задачу, что стало поводом для столкновения Руси с Хазарией и похода в ее глубинные области на столицу каганата Итиль и далее — к Керченскому проливу и на Дон, где была взята хазарская крепость Саркел [Гадло А. В. 1971. С. 60, 65—66; 1979. С. 206; 1994. С. 56—57], или считали, что в 964 г. похода Святослава против вятичей не было, а осуществлялись военные действия против буртасов, булгар и хазар [Сахаров А. Н. 1991. С. 97—101]. По мнению А. П. Новосельцева, поход Святослава против вятичей в 964 г. не имел результатов вследствие противодействия Хазарии, что стало причиной похода в 965 г. против хазар, их поражения, потери Саркела и земли вятичей. Повторный поход Святослава в 968—969 гг. привел к разгрому каганата [см. текст А. П. Новосельцева в кн.: Пашуто В. Т. 1968. С. 93—95; Новосельцев А. П. 1990. С. 220]. Данное мнение о двух походах Святослава против Хазарского каганата поддержала Т. М. Калинина [Калинина Т. М. 1976]. Эти исследователи считают, что Святослав завоевал вятичей в 966 г.

[2] В новейших исследованиях была установлена значительная эффективность *рала* в лесной зоне на начальном этапе древнерусского земледелия, которое осуществлялось на ограниченных участках с наиболее благоприятными почвенными условиями, когда соха еще не использовалась [Чернецов А. В. 1973; 1976; История крестьянства Северо-Запада России. 1994. С. 14].

[3] В отличие от В. В. Бартольда А. П. Новосельцев и Т. М. Калинина отнесли сообщение Ибн Хаукаля о походе русов на волжских булгар и хазар к 969 г., что стало одним из оснований гипотезы о двух походах Святослава на Хазарию (см. выше). Мнение о том, что во время похода 964—965 гг. Святослав не разгромил столицу каганата Итиль, высказывалось ранее А. Я. Гаркави, Д. Щегловым, А. А. Куником, В. Р. Розеном, Ф. Вестбергом. Одним из оснований этого мнения стало указание на различие в датах ПВЛ и труда Ибн Хаукаля. Возражая против этой гипотезы, М. И. Артамонов принял мнение В. В. Бартольда о трехлетнем промежутке между произошедшим событием и временем, когда об этом узнал Ибн Хаукаль в Джорджане в 358 г. х., т. е. в 968/969 г. [Артамонов М. И. 1962. С. 427; см. там же литературу вопроса].

К с. 444

[1] В литературе раскрывалось содержание идентичных хазарского и древнерусского названий *Белая Вежа* — 'Белая башня, Белая крепость' и *Саркел* — 'Белый дом, Белая крепость'. Саркел был построен между 834 и 837 гг. в нижнем течении Дона. Кирпичное укрепление имело форму четырехугольника с многочисленными башнями. Его юго-восточная часть не имела наружных выходов, являясь, вероятно, цитаделью, внутри которой стояла квадратная башня-донжон. Крепость имела важное стратегическое значение, контролируя западные и юго-западные владения каганата. В городе жили хазары, болгары, славяне, гузы и находился ежегодно сменяемый гарнизон [Артамонов М. И. 1958. С. 7—18; 1962. С. 298—323; Константин Багрянородный. 1989. С. 334, комментарий Т. М. Калининой; см. там же литературу вопроса]. Отмечается в работах возвращение к чтению «и градъ ихъ Бѣлу Вежю взя». Б. Н. Заходер обратился к нему для обоснования мнения о Белой Вежи как составной части столицы каганата Итиля [Заходер Б. Н. 1962. С. 192—194], что вызвало решительные возражения [литературу см.: Константин Багрянородный. 1989. С. 334]. А. П. Новосельцев использовал такое чтение

для гипотезы о Белой Вежи, а не Итиля, как одной из целей похода Святослава в 965 г., при этом он критикует перевод слова *градъ* как 'столица', ограничивая его значение понятиями 'укрепленное поселение', а позднее — 'город вообще' [Новосельцев А. П. 1990. С. 132, 166, примеч. 443]. По другим комментариям, включение союза *и* разъясняет указания на нападение Святослава в 965 г. на Итиль, названный «градом», и хорошо знакомую русам крепость Белая Вежа [ср.: Minorsky V. 1958. P. 139; Артамонов М. И. 1962. С. 427—428]. Наличие в летописной записи некогда знаменитой столицы хазар Итиля объяснялось более близким к Руси географическим расположением Белой Вежи, ее славянским и после завоевания славянизированным населением, а также тем обстоятельством, что имя далекого Итиля было уже забыто ко времени написания летописи [Гадло А. В. 1971. С. 65]. Ср. понятие *градъ* для обозначения столицы в ПВЛ под 971 г. (о Константинополе): «⟨...⟩ поиде Святославъ ко граду, воюя и грады разбивая».

2 В литературе, посвященной русско-болгарско-византийским отношениям при Святославе Игоревиче, было высказано мнение о его первом походе в Болгарию в 967 г., тогда как второй поход 970 г. был связан с событиями русско-византийской войны 970—971 гг., со значительными различиями в объяснении сложной системы военно-политического взаимодействия этих стран [Карышковский П. О. 1951; 1955; Левченко М. В. 1956. С. 251—290; Stokes A. D. 1961; 1962; Пашуто В. Т. 1968. С. 69—73, 93—95; Сахаров А. Н. 1991; см. там же обзор источников, историографический анализ литературы, анализ дипломатии и военных действий Святослава на Балканах в 967—971 гг.].

3 В новейших исследованиях установлено, что сабля появилась в евразийских степях в VII—VIII вв. На Руси она использовалась для конного боя приблизительно с X в. и имела восточное происхождение. В XI—XII вв. русские конники были часто ею вооружены. Клинок сабли X—первой половины XI в. достигал в длину 1 м. Со временем сабля становится длиннее на 10—17 см, увеличивается ее изгиб и вес [Кирпичников А. Н. 1966а. С. 61—67; см. там же литературу вопроса].

4 По наблюдениям А. Н. Кирпичникова, мечи являлись, вероятно, дорогим оружием и в погребениях, даже дружинных, в X—XI вв. достаточно редки. Мечи на Руси IX—X вв. были каролингского происхождения и привозились на Русь из Западной и Северной Европы. Их лезвия имели длину ок. 1 м, ширину — до 6—6.5 см. Весили они ок. 1.5 кг. Около 1000 г. отмечается на Руси самостоятельное производство мечей. Во второй половине XI—XII в. мечи стали легче (ок. 1 кг), клинок иногда короче (до 86 см) и у́же на 0.5—1.5 см клинка X в. На Руси второй половины XI—XIII в. использовались те же типы клинков, что и в Западной и Центральной Европе [Кирпичников А. Н. 1966а. С. 23—57].

К с. 445

1 Согласно новейшим исследованиям, кольчуга используется у европейских народов в Эпоху великого переселения народов. Находки, датируемые VIII—IX вв., свидетельствуют о бытовании ее у восточных славян. В X в. кольчуги входили в состав полного доспеха, включавшего шлем. Кольчужный доспех использовался на Руси до XIII в. Он достигал поколенной длины, имел длинные рукава, весил ок. 10 кг [Кирпичников А. Н. 1971. С. 7—14].

К с. 446

1 Копье относится к древнейшим типам колющего древкового оружия у славян. По наблюдениям А. Н. Кирпичникова, на Руси использовались самые современные, лучшие и распространенные типы копий, общеславянские, западноевропейские и восточные. В случае заимствований они продолжали изготавливаться русскими мастерами. В IX—начале XI в. преобладали ланцевидные, удлиненно-треугольные и узкие граненые наконечники копий. Наконечники XI—XII вв. сохраняют много общеевропейских форм. Судя по погребениям, многие из копейщиков X в. являлись дружинниками, которые имели также мечи, топоры, лук, стрелы, тогда как в трех четвертях мужских погребений XI—XII вв., большинство которых относилось к сельскому населению, находятся только копья [Кирпичников А. Н. 1966б. С. 5—22].

К с. 447

[1] В новейшей литературе высказаны разные мнения о характере договора Святослава 971 г. По мнению А. Н. Сахарова, он подтверждал все важнейшие статьи предшествовавших соглашений 907 и 944 гг., восстанавливая status quo в отношениях Руси и Византии, сложившихся к 966 г. [Сахаров А. Н. 1991. С. 183—203]. С. М. Каштанов рассматривает его как совместно разработанный русскими и византийцами текст официальных условий перемирия [Каштанов С. М. 1996. С. 14—33; см. там же дипломатический анализ грамоты 971 г.]. Мнение о договоре 971 г. как о присяге разработала Я. Малингуди. Она рассмотрела этот текст как протокол о начале переговорного процесса — о приведении к присяге. Текст, по ее мысли, был составлен в Доростоле византийскими чиновниками на греческом языке в соответствии с традициями византийской дипломатики. Подобно предшествовавшим договорам 911 и 944 гг., включенным в ПВЛ, он представлял собой перевод копии договора, который был вручен русской стороной императору Иоанну Цимисхию [Malingoudi J. 1994. S. 51—54, 107]. Корректируя свое мнение с учетом исследования Я. Малингуди, С. М. Каштанов охарактеризовал текст договора 971 г. в составе ПВЛ как перевод неканцелярской копии грамоты [Каштанов С. М. 1996. С. 40].

К с. 449

[1] Обстоятельные исследования Полоцкой земли в X в. см.: Алексеев Л. В. 1966; Штыхов Г. В., Лысенко П. Ф. 1966; Штыхов Г. В. 1975; 1976; 1978.

К с. 451

[1] В последующей литературе были предложены как близкие, так и различающиеся характеристики древнерусских языческих богов. Эти различия происходили вследствие разных подходов к изучению проблемы. По мнению Б. А. Рыбакова, Перун — бог грозы, покровитель воинов и князей, Мокошь — богиня земного плодородия, Волос — бог земли предков и богатства, Дажьбог — бог «белого света» и солнца, Стрибог (он же Сварог) — «небесный», Хорс — бог светила Солнца, Семаргл — бог растений и корней в виде фантастического животного-птицы [Рыбаков Б. А. 1987. С. 755—769]. Характеристики А. Гейштора иные: Перун — бог неба и молний, грома небесного, Хорс и Симаргл — боги, заимствованные из иранской сарматской культуры, с недостаточно ясными функциями. Стрибог — возможно, бог ветра, Сварог — бог солнца, Дажьбог — сын Сварога, возможно, бог жертвенного и домашнего огня, Мокошь — божество, сведенное до низших богов-демонов, имеет связь с понятием «мать сыра-земля», Велес (Волос) — верховный бог магии, клятвы, потустороннего мира [Gieysztor A. 1982]. В. В. Иванов и В. Н. Топоров определяют верховных богов через их атрибуты и функции: Перун обладал, вероятно, верховными функциями, имел отношение к оружию, был связан с воинской функцией, почитался дружиной, местом его почитания и атрибутами являлись возвышенное место, дуб и дубрава, гром и молния; он был связан также с огнем и водой, с верхом и небом, с конем и колесницей. Хорс в перечнях богов назван обычно на втором месте после Перуна, отдельно от Велеса. Он принадлежал, вероятно, к неславянской этнической традиции, а его имя объясняется из иранского языка как обозначение обожествленного солнца. Стрибог имел отношение к ветрам и, видимо, к некоторым атмосферным функциям. Сварог — вероятно, первоначально дух огня, имел атмосферные функции, Дажьбог — 'бог даятель', сын Сварога, был связан с солярными функциями, возможно, тождествен солнцу, был покровителем русского народа, Велес (Волос) — покровитель скота, богатства, поэзии, с последующей связью со св. Власием, был связан также с хозяйственно-производительной, плодоносящей функцией, с земледелием, возможно, имел «змеиную» природу и облик, стал обладать пейоративными свойствами, вследствие чего не был включен в пантеон Владимира. Семаргл в списках мужских богов обычно на последнем месте, но мог быть и на первом. Возможно, Семаргл — славянское название семиглавого божества, или он был иранского происхождения. Мокошь — женское божество, культ, связанный с женщинами и их домашними занятиями, с семьей и супружескими отношениями; день почитания — пятница, с последующей связью с Параскевой Пятницей; ее атрибуты — ночь и кудель [Иванов В. В., Топоров В. Н. 1965. С. 27—28; 1974; 1980б.

С. 471; 1983; Топоров В. Н. 1995. С. 204—211; см. также обобщающие работы: Urbańszyk S. 1947; 1975a. S. 167—168; 1975b. S. 453; Moszyński L. 1975b. S. 494—495; 1989; Dittrich Z. R. 1961; Łowmiański H. 1979; Боровский Я. Е. 1982; Соколова Л. В. 1995а. С. 79—82; 1995в. С. 68—70; 1995г. С. 187—188, и др.]. В новейшей литературе была поддержана гипотеза об иранском происхождении Хорса (аналога древнерусского бога солнца Даждьбога) и Семаргла, высказано мнение о славянском происхождении Мокоши [ЭССЯ. 1977. Вып. 4. С. 182—183; 1992. Вып. 19. С. 131—134; см. там же литературу]. В продолжение этих наблюдений была высказана мысль об общерусском почитании Мокоши и только южнорусском почитании богов иранского, сармато-аланского происхождения, солярного божества Хорса и благодетельного божества Семаргла [Васильев М. А. 1989; 1994. С. 42—43; см. также анализ новейших исследований языческих верований славян: Петрухин В. Я. 1985]. По мнению О. М. Рапова, Владимир Святославич не совершил реформы в создании языческого пантеона, а только перенес место капища — вне княжеского двора [Рапов О. М. 1988б. С. 210—211]. В летописном сообщении об установлении языческих кумиров и жертвоприношениях им Л. Мюллер отметил «многое», стилизованное по образцу библейских рассказов [Müller L. 1987. S. 93].

К с. 452

[1] Вопрос об этнической и политической принадлежности так называемых Червенских городов в конце X в. изучался в последующей литературе по нескольким направлениям. Население Волыни этого периода характеризовалось по-разному: 1) племенная группировка восточного славянства — волыняне, которые ранее назывались бужанами и восходили к дулебам [Седов В. В. 1982. С. 94]; 2) население с местной керамикой с аналогиями в польской и мазовецкой керамике [Jażdżewski K. 1959]. Политическая принадлежность Червенских городов также определялась различно: 1) они входили в состав Чешского государства [Labuda G. 1946. S. 229—230; Havlík L. 1961. S. 70—73], 2) они подчинялись предполагаемому ляшскому княжеству лендзян или династии Пястов, выплачивали первоначально дань Руси, а позднее были подчинены Польше [Łowmiański H. 1953; Gieysztor F. 1953; Poppe A. 1958; Поппэ А. 1960; Skrzypek J. 1962; Kuczyński S. M. 1965; Żaki A. 1970; Łowmiański H. 1973. S. 363—364]. В. Д. Королюк высказал мнение, близкое к гипотезам С. М. Кучиньского и Л. Хавлика, об отсутствии в конце 70-х—80-х гг. X в. русско-польского вооруженного конфликта, но объясняет это не принадлежностью Червенских городов Чешскому государству, а существованием на Волыни в это время независимых восточнославянских племенных княжений, хорватов и дулебов (бужан или волынян), названия которых в первоначальных летописных записях были заменены летописцем начала XII в. названиями городов [Королюк В. Д. 1964. С. 74—100]. Это мнение с определенными коррективами поддержал А. В. Головко: Червенские города находились в зоне чешского влияния, поляки жили там среди восточных славян, этноним *ляхи* относится к населению Малой Польши, в 992 г. имело место установление русско-польских государственных отношений, а не военный конфликт [Головко О. Б. 1983, 1984, 1986]. Как первоначально зону чешского влияния рассматривает земли Червенских городов и Н. Ф. Котляр [Котляр Н. Ф. 1985]. Галицко-волынские города данного периода также рассматриваются как русско-польское пограничье [Исаевич Я. Д. 1970; 1972; Древняя Русь: Город. Замок. Село. 1985. С. 75]. Т. Василевский придерживается летописной версии похода Владимира Святославича на «ляхов»-поляков, но датирует его 979 г. [Wasilewski T. 1971; 1988; ср.: Labuda G. 1981].

[2] На землях восточных славян большие деревянные изваяния идолов пока не найдены. Многочисленны находки маленьких деревянных изображений богов на тех археологических памятниках, где сохраняется дерево: в Новгороде в слоях X—XIV вв. — ок. 20, а также в Старой Ладоге, Смоленске, Пскове. Они интерпретируются как изображения низшего духа — домового или высших языческих богов. Эти деревянные идолы представляли собой объемные фигуры, часто сделанные во весь рост, или рельефные головы на длинном стержне. У славян почитались также идолы, сделанные из камня [Antoniewicz W. 1970. S. 241—246; Панова Т. Д. 1989; Русанова И. П., Тимощук Б. А. 1993. С. 11—16; см. там же литературу вопроса]. Замечания о корректности научного анализа при изучении древнерусских языческих святилищ см.: Клейн Л. С. 1995. С. 71—79.

К с. 453

[1] Ю. П. Спегальский характеризовал конструкции древнерусских сеней в развитии по археологическим, письменным и иконографическим материалам: в IX—X вв. — холодные легкие галереи, позднее — холодные легкие по конструкции переходы и промежуточные соединительные части строений, которые связывали отдельные срубы комплексов хором и защищали входы в жилище от дождя, снега и ветра. Такие сени были столбовой конструкции, а не рубленные вместе с основным срубом жилой постройки из бревенчатых венцов. В XVII—XVIII вв. строились теплые сени со стенами такой же конструкции, как и прочие части жилого дома [Спегальский Ю. П. 1972. С. 97—105]. П. И. Засурцев рассматривал сени как составную часть сруба жилища, построенную вместе с жилым помещением [Засурцев П. И. 1963; 1967. С. 51].

[2] В новейшей литературе значение похода Владимира в 984 г. оценивается как потеря радимичами самостоятельности [Седов В. В. 1982. С. 152] или окончательное включение племени радимичей в Русское государство [Tyszkiewicz J. 1970. S. 455, см. там же значительную литературу о радимичах].

[3] Мысль о посольстве князя Владимира в Хорезм для изучения ислама при избрании новой веры поддержал А. П. Новосельцев со ссылками на известия ал-Марвази и ал-Ауфи [Новосельцев А. П. 1983]. По мнению Г. Подскальского, принятие ислама на Руси было возможно, но благоприятное развитие событий способствовало принятию христианства [Podskalsky G. 1982. S. 17—18].

К с. 454

[1] А. Архипов объясняет отсутствие известий о посещении русскими послами евреев для изучения их веры тем, что «хазарские жидове» являлись киевской или тмутараканской реальностью. Он рассматривает Речь философа в ПВЛ как антииудаистский полемический трактат, родственный обширным полемическим компиляциям типа Толковой Палеи. Летописное сказание о крещении Руси он интерпретирует как текст, сопрягавший и противопоставлявший сюжет о выборе веры и антииудейскую проповедь греческого философа, который оказывался Кириллом. Поэтому, по мнению А. Архипова, летописное сказание являлось антииудейским памфлетом, в котором на хазаро-иудейскую по происхождению легенду о выборе веры полемически накладывался рассказ о просветительской миссии славянских апостолов Кирилла и Мефодия, осложненный проповедью философа и изложением символа веры [Архипов А. 1993. С. 38—39]. Ср. анализ антииудейских и антивизантийских тенденций в Слове о законе и благодати митрополита Илариона: Müller L. 1962. S. 27—28.

К с. 455

[1] Определяя источники параллельных текстов Речи философа и Толковой Палеи, О. В. Твороговов пришел к мнению, согласно которому в их число не входила начальная часть Хронографа по великому изложению [Творогов О. В. 1986]. По наблюдениям Л. Мюллера, параллельные места Речи философа и Слова о законе и благодати прямо не зависят друг от друга [Müller L. 1962. S. 27—28]. А. С. Львов считал, что Речь философа является произведением старославянской письменности с влиянием западнославянской и восточнославянской традиции [Львов А. С. 1968а].

К с. 456

[1] К аналогичному мнению пришел Г. Подскальский. В Речи философа он отметил элементы, восходящие к греко-иудейским апокрифам, которые были предназначены для большей назидательности и выразительности миссионерской проповеди [Podskalsky G. 1982. S. 221].

К с. 458

[1] Вопросы о времени похода на Корсунь и взятии города Владимиром Святославичем оживленно обсуждались в последующей литературе. Особый интерес к этим событиям определялся их увязыванием в источниках с крещением князя Владимира и Руси. По мнению М. В. Левченко, Владимир обязался принять христианство во время переговоров с императором Василием II в конце 987 г., Херсонес был им взят между апрелем и серединой июня 989 г., христианизация Руси началась в 990 г. [Левченко М. В. 1956. С. 354—370]. В. Т. Пашуто отнес крещение Владимира к 987 г., союз с Византией — к 989 г., христианизацию Руси — к 990 г. [Пашуто В. Т. 1968. С. 74]. Исходя из сведений источников, которые позволяют отнести крещение Владимира ко времени между мартом 987 г. и февралем 988 г., А. Поппэ датирует его 6 января 988 г., крещение киевлян — 27 мая 988 г. Поход на Херсонес А. Поппэ рассматривает как поддержку Василия II в его борьбе против сепаратизма этого города и датирует его падение 989 г. [Poppe A. 1976; Поппэ А. 1978]. В развитие этого мнения В. А. Водов предположил, что русско-византийские переговоры летом 987 г. имели следствием христианское оглашение Владимира в декабре 987 г., крещение его и его ближайшего окружения в январе 988 г., женитьбу на Анне и крещение киевлян весной 988 г., поход на Херсонес осенью 988 г. и падение города в 989 г. [Vodoff V. 1988. P. 75—80]. Мнение А. Поппэ поддержал также Г. Подскальский [Podskalsky G. 1982. S. 19—20]. А. Г. Кузьмин отнес крещение Владимира к 986 г., полагая, что последовавшие события были в летописи искусственно растянуты, чтобы передвинуть крещение на 988 г. и связать его с корсунским походом [Кузьмин А. Г. 1977. С. 273—274; 1988]. Не связывал корсунский поход и крещение Владимира также А. В. Гадло, который устанавливал причину похода в стремлении князя распространить свое влияние в Южном Приазовье, что способствовало появлению русского населения на берегах Керченского пролива [Гадло А. В. 1973]. По мнению О. М. Рапова, в конце 988 г. или в первой половине 989 г. византийские императоры Василий II и Константин IX обратились к Владимиру за военной помощью в борьбе с восстанием Варды Фоки. Князь потребовал за помощь в жены принцессу Анну и тайно крестился. Поскольку на Русь она не прибыла, в конце лета 989 г. он осадил Херсонес и в апреле—мае 990 г. овладел городом. Тогда, вероятно, был повторно совершен над князем обряд крещения. Крещение киевлян произошло в конце лета, видимо, 1 августа 990 г. [Рапов О. М. 1988б. С. 208—250]. Эта ранее излагавшаяся О. М. Раповым гипотеза была подвергнута критике Н. М. Богдановой, по наблюдениям которой взятие Владимиром Корсуня произошло не позднее августа 989 г. [Богданова Н. М. 1986]. Ее вывод был поддержан [Лев Дьякон. 1988. С. 222; ср.: Рапов О. М. 1988а]. Анализ исторических реалий и литературных сюжетов, связанных с крещением Владимира Святославича, историографические обзоры см.: Tolocko P. 1989; Obolensky D. 1989; Shepard J. 1992; Lilienfeld F. 1995; Stokl G. 1995, и др. работы.

К с. 459

[1] *Перестрел* — широко употребительное название расстояния, на которое пролетит стрела, выпущенная из лука. Вследствие неопределенности количественного значения этот термин сопровождается определениями *лучный, великий, малый*. Перестрел составлял приблизительно 60—70 м [Романова Г. Я. 1975. С. 129—131; Шостьин Н. А. 1975. С. 28].

[2] Анализируя письменные и археологические источники, С. А. Беляев предположил, что Владимир Святославич был крещен в баптистерии, входившем в ансамбль церкви апостола Иакова, где было совершено над ним таинство миропомазания. В составе комплекса храмов, находившихся в данной части Херсонеса, он предполагает также церковь апостола Петра, а также кафедральный храм святых Апостолов [Беляев С. А. 1989]. В вопросе о времени и месте крещения Владимира (см. выше) отмечена также возможность «оглашения» князя, предшествовавшего его крещению [Арранц О. М. 1993. С. 62; Водов В. А. 1993. С. 90].

К с. 460

[1] В новейшей литературе мнения об именах и последовательности первых русских митрополитов существенно различаются. Согласно гипотезе А. Поппэ, первым русским митрополитом

являлся Феофилакт. Он отождествил его с митрополитом Севасты, который бежал от восставшего Варды Фоки в начале 987 г. За Феофилактом следовали Иоанн и Феопемпт, но время их пребывания на митрополичьем столе недостаточно ясно [см.: Podskalsky G. 1982. S. 28—29; список митрополитов Киевских и всея Руси (988—1281) и сведений о них, от Феофилакта и Кирилла II, составленный А. Поппэ, см. там же. S. 282—301; авторизованный перевод А. В. Назаренко см.: Щапов Я. Н. 1989. С. 191—206]. Не рассматривая древнейший период существования русской митрополии в целом, В. Л. Янин отметил отсутствие в Новгородской I и Псковской I летописях имени первого киевского митрополита и наличие в русских письменных памятниках двух традиций: одна называет таковым Леонтия, вторая — Михаила. Он прослеживает судьбы этих традиций в летописании XV—XVII вв. [Янин В. Л. 1984]. По мнению Я. Н. Щапова, митрополичья кафедра была учреждена в Киеве в 995 или 996 г. Митрополит Иоанн занимал ее в конце 10-х—начале 20-х гг. XI в. Феопемпт известен на кафедре в 1039 г., Иларион — в 1051 г. Указания в разных редакциях Устава Владимира о десятинах Леона и Михаила позволили Я. Н. Щапову предположить, что в ранних текстах Устава имени митрополита не было и оно было добавлено позднее в разных местах Руси на основе местных традиций. По его мнению, списки митрополитов в приложениях к летописям XV в. — Леонтий, Михаил, Иоанн, Феопемпт, Ларион, Ефрем и др. — представляли собой попытку объединения нескольких традиций, возводящих начало русской иерархии к Леону (Леонтию) и Михаилу. В новгородской традиции первой четверти XIV в. список начинается с Феопемпта, в связи с чем Я. Н. Щапов предположил, что он составлен по ПВЛ без использования других ранних источников [Щапов Я. Н. 1986. С. 59]. В. А. Водов называет иерархов, не решая проблему полноты списка в целом: Иоанн I (до 1018—ок. 1030), Феопемпт (ок. 1035—1050) и др. [Vodoff V. 1988. P. 109]. Относительно титула главы русской церкви в начальный период ее существования по-прежнему нет единодушия. Одни исследователи считают, что это был митрополит, который непосредственно подчинялся константинопольскому патриарху [Müller L. 1956; Poppe A. 1979 (reprint, 1982); Назаренко А. В. 1993. С. 189—191]. Впрочем, А. В. Карташев отметил, что митрополиты на Руси по греческому примеру могли называть себя архиепископами в значении 'начальников над епископами'. По его наблюдениям, понятия *архиепископ* и *кафоликос* тождественны как указания национальной автономности или автокефальности, ссылаясь на титул архиепископа бывшего Охридского патриарха Иоанна после завоевания Первого Болгарского царства императором Василием II в 1014—1019 гг. [Карташев А. В. 1991. С. 162—163].

К с. 462

[1] По мнению М. А. Васильева, в действиях по отношению к идолу Перуна в Киеве прослеживается древнейшее ритуальное действо «проводов-похорон», которое сохранилось в традициях «проводов-похорон» Масленицы, Ярилы и других языческих символов народных праздников: 1) Перуна сволакивают со Старокиевской горы и бросают в воду, 2) его бьют массивными палками 12 «мужей», 3) народ при этом «плакал», 4) идолу не позволяли приблизиться к берегу (эти действия повторяются в основных элементах при свержении Перуна в Новгороде). Поэтому он интерпретирует летописные известия о свержении Перуна как ритуальные действия проводов на тот свет в еще языческом по традиции обществе [Васильев М. А. 1994. С. 45—53]. О сложном ритуальном и знаковом значении *битья* у славян см.: Морозов И. А., Толстой Н. И. 1995. С. 177—180.

К с. 463

[1] Отождествление Височальда из Аустрвега и Всеволода Владимировича, князя Владимиро-Волынского, в новейшей литературе подвергается сомнению в связи с хронологическими трудностями. Сюжет о сожжении Висивальда и Харальда Гренландца шведской королевой Сигрид Гордой переводится в область русско-скандинавских фольклорных связей (как считали А. И. Лященко и Е. А. Рыдзевская, см. выше) или объясняется как возникновение близких по содержанию сюжетов в синхро-стадиальных обществах восточных славян и скандинавов эпохи викингов (как предполагает Т. Н. Джаксон) [Джаксон Т. Н. 1993. С. 210—211; см. там же литературу вопроса].

[2] Упоминаемые Бруно Кверфуртским укрепления на южных границах Руси относились исследователями к Змиевым валам. П. А. Раппопорт предположил, что только часть их использовалась в качестве оборонительных древнерусских пограничных сооружений, учитывая возведение валов еще в скифское время и плохую согласованность с ними древнерусских укрепленных поселений [Раппопорт П. А. 1956. С. 169—170]. Отрывок из письма Буно Кверфуртского к королю Генриху II приведен в переводе М. Б. Свердлова [Латиноязычные источники по истории Древней Руси. 1989. С. 50].

[3] Сопоставив летописные известия о крещении новгородцев с новейшими археологическими материалами, свидетельствующими о большом пожаре в Новгороде (на Неревском и, возможно, Людином конце) в 989 г., В. Л. Янин пришел к выводу о реальных основах повести о насильственном крещении новгородцев. Возникновение этой повести он отнес к середине XV в., отметив в качестве ее источника устойчивую древнюю традицию [Янин В. Л. 1984].

К с. 464

[1] Новейшие историко-архитектурные исследования Десятинной церкви см.: Раппопорт П. А. 1982. С. 7—8; см. там же литературу вопроса; 1993. С. 30. Возможно, что Десятинная церковь была построена по образцу Фаросской церкви Богоматери при императорском дворце в Константинополе [Комеч А. И. 1987. С. 176]. По мнению М. Ф. Мурьянова, строительство Десятинной церкви имело дополнительную идеологическую функцию: она строилась на территории христианского кладбища и должна была быть местом литургии, тогда как предоставленная ей десятина становилась постоянной ктиторской жертвой [Мурьянов М. Ф. 1978].

К с. 465

[1] Как показали археологические исследования, городу Белгороду предшествовало славянское мысовое городище VIII—IX вв. Крепостные сооружения детинца прямоугольных очертаний (площадь 1.5 га) и первого окольного города (площадь 40 га) были построены при Владимире Святославиче. С севера был построен еще один окольный город (площадь 45 га). Е. А. Линева предложила интерпретировать летописную запись ПВЛ под 991 г. о «заложении» города как о расширении укрепленной городской территории [Линева Е. А. 1984]. Таким образом, обширная территория Белгорода достигала 100 га. Город имел большое военное значение в системе оборонительных сооружений, защищавших Киев от набегов кочевников. Он стал резиденцией викарного епископа с церковными и светскими каменными зданиями, украшенными фресками, поливными керамическими и шиферными плитками [Раппопорт П. А. 1956. С. 76—82; 1982. С. 28—29; Древняя Русь: Город. Замок. Село. 1985. С. 67—68; Археология Украинской ССР. 1986. С. 314—319].

[2] Интерпретация сообщения о походе Владимира Святославича на хорватов в последующих работах различалась. В. В. Седов предположил, что этот поход был вызван тем, что их захватил польский князь Болеслав Храбрый [Седов В. В. 1982. С. 123]. В. Д. Королюк отметил, что, по Хильдесхеймским анналам, существовала только угроза польско-русской войны в 992 г., объясняя эту угрозу польско-чешским конфликтом и возможными попытками чешского князя опереться на помощь Руси, тогда как русский князь поддерживал мирные отношения с польским и чешским князьями; при этом он ссылается на запись ПВЛ под 996 г. [Королюк В. Д. 1964. С. 101—102]. По мнению М. Б. Свердлова, покорение Владимиром хорватов создавало военную угрозу для Болеслава Храброго, но дошло ли дело до русско-польского конфликта в этой связи или все ограничилось военными приготовлениями, неизвестно [Свердлов М. Б. 1972. С. 147]. Т. Василевский отнес поход Владимира на хорватов к 991 г. [Wasilewski T. 1976].

[3] Древнейший период существования Переяславля прослеживается с трудом. Древнее городище расположено на мысу правого берега р. Трубежа и устья р. Альты. Площадь детинца — 12 га, окольного города — 80 га. Обе части города были защищены по периметру одновременно построенными в конце X в. мощными укреплениями, валами и рвами. Первоначально Переяславль имел особое военное значение как один из центров защиты Днепровского Левобережья от нападений кочевников и сосредоточения войск. Ои стал центром епископии, княжения Всеволода Ярославича и его потомков. По мнению А. Поппэ, там находился в XI в. центр русской митрополии. С ним согласен Я. Н. Щапов, который отнес существование

митрополии в Переяславле к периоду после 1072 г. до конца 90-х гг. [Poppe A. 1965b; Щапов Я. Н. 1989]. В городе были построены каменные храмы, дворцы, каменная баня и другие здания, украшенные фресками, мозаиками, поливными плитками [Раппопорт П. А. 1956. С. 82—87; 1982. С. 32—38; 1993. С. 42—43; Коринный Н. Н. 1984; Древняя Русь: Город. Замок. Село. 1985. С. 69; Археология Украинской ССР. 1986. С. 281—286].

К с. 466

[1] Новейшие исследования подтверждают время, 996 г., освящения княжеской Десятинной церкви [Щапов Я. Н. 1989. С. 26—28]. В разысканиях о происхождении древнерусской церковной десятины М. В. Левченко поддержал мысль о ее истоках в Византии [Левченко М. В. 1956. С. 371—372]. Другие исследователи возводили ее к западноевропейской десятине, хотя и отмечали их различие: взимание не со всего населения, как на Западе, а в виде государственной подати — от княжеских налогов, судебных и торговых пошлин [Schmidt H. F. 1957; Handbuch der Geschichte Russlands. 1979. Bd. 1. Lief. 4/5. S. 309; Карташев А. В. 1991. С. 204]. А. Поппэ связал начало древнерусской десятины с началом пастырского служения на Руси митрополита Феофилакта из Армении, считая его первым русским митрополитом и тем самым усматривая начало этой десятины в Армении [Поппэ А. 1972. С. 136]. Мысль о начале церковной десятины на Руси А. Поппэ развил в гипотезу о ее происхождении из библейской заповеди о десятой части всякого имения, принадлежащей Богу. Назначение этой десятины он отнес на содержание княжеского храма — Десятинной церкви [Poppe A. 1968b. S. 215—218]. Ветхозаветной книжной традицией объясняет появление десятины на Руси и В. Я. Петрухин [Петрухин В. Я. 1996. С. 75—77]. Ф. Дворник, подобно Г. В. Вернадскому, предполагал источник древнерусской десятины в хазарской пошлине [Dvornik F. 1956. P. 99; ср.: Vernadsky G. 1941. P. 308], что вызвало возражения Я. Н. Щапова. Устанавливая общие по первоначальной форме церковные десятины на Руси и в Польше, их отличия от десятины в других странах, Я. Н. Щапов видит их истоки в славянской местной дохристианской языческой традиции содержания культа [Щапов Я. Н. 1965. С. 315—326; 1989. С. 85—87]. В. А. Водов отмечает древнейшие начала десятины как материального обеспечения религиозного культа, а также аналогичный поступок польского князя Болеслава Храброго, который наделил подобной десятиной в 1000 г. кафедральный собор в Гнезно, предполагая в сходных действиях русского и польского князей усердие неофитов, руководствовавшихся иудейско-христианской традицией [Vodoff V. 1988. P. 91—92]. Сравнительно-исторический анализ обеспечения князьями церковных учреждений десятиной на Руси, в Польше и Чехии в XI—XII вв. см. также: Флоря Б. Н. 1986; 1992. С. 5—50.

К с. 467

[1] В связи с тем что Стефан I начал править в 997 г., А. Грабский предложил отнести содержание этой статьи к более позднему периоду — 1004—1012 гг. [Grabski A. 1957. S. 169]. Л. Хавлик, а за ним В. Д. Королюк предположили, что летописная статья 996 (997) г. редактировалась между 1018 и 1034 гг., причем первоначально вместо чешского князя Ольдржиха (Андриха) было указано имя Болеслава II Чешского [Havlík L. 1961. S. 73; Королюк В. Д. 1964. С. 103—104]. Впрочем, В. Т. Пашуто отнес летописную запись о мирных отношениях Владимира Святославича с правителями Польши, Чехии и Венгрии к концу его жизни [Пашуто В. Т. 1968. С. 34].

[2] Аналогично интерпретации Д. С. Лихачева объяснял летописный текст об отмене вир и предании казни «разбойников» Л. В. Черепнин [Черепнин Л. В. 1965. С. 152—153].

К с. 468

[1] Решение дискуссионных вопросов характера вечевых собраний на Руси IX—XII вв., непрерывности их традиции было неразрывно связано в русской исторической науке второй половины XIX—XX в. с историей общественно-политической и исторической мысли в России [Свердлов М. Б. 1996б].

² В последующей литературе было высказано мнение, что первоначальное значение слова *лукъно* — 'сосуд (посудина, кадочка, бурачок) из гнутого дуба' [Львов А. С. 1975. С. 93—94, см. там же литературу вопроса]. Г. Н. Лукина отмечает в слове *лукъно* значение 'сосуд-мера' с последующим значением 'подать' [Лукина Г. Н. 1990. С. 101].

К с. 471

* Обобщая наблюдения над соотношением основных древнерусских литературных произведений о Борисе и Глебе — Летописной повести, Сказания и Чтения о житии и погублении блаженную страстотерпца Бориса и Глеба — Л. А. Дмитриев отметил четыре варианта решения этой проблемы: 1) первоначален текст Летописной повести, и он является источником Сказания и Чтения, это мнение наиболее распространено; 2) первоначален текст Сказания, и к нему восходят Летописная повесть и Чтение; 3) Сказание создавалось после Чтения, и его источниками были Летописная повесть и Чтение; 4) Летописная повесть, Сказание и Чтение восходят к общим, не дошедшим до нас источникам [Сказание о Борисе и Глебе. 1978. С. 452; Дмитриев Л. А. 1987б. С. 398—408; см. там же литературу вопроса]. Дискуссия по вопросам соотнесения этих литературных произведений продолжается [Мюллер Л. 1995б; Поппэ А. 1995]. В идейном содержании житийной литературы о Борисе и Глебе новейшими исследователями отмечается повествование о князе-страстотерпце, князе праведном, невинном страдальце, воплощающем идеал христианского непротивления и подражания страданиям Христа [Ingham N. W. 1973; 1984; Ранчин А. М. 1994; 1995; см. там же литературу вопроса]. По мнению М. Х. Алешковского, первоначально более почитался Глеб, чем Борис. Почитались они как святые-исцелители, а к началу XII в. — как воины, спасители Руси и ее князей. Тогда культ сложился и стал Борисоглебским [Алешковский М. Х. 1971. С. 83—93; 1972]. Впрочем, эти наблюдения широко не распространились в последующей литературе, а некоторые из них были подвергнуты критике, в частности мнение о целительном содержании культа, который сложился, по мнению А. Поппэ, в 50—60-е гг. XI в. [Поппэ А. 1973; Милютенко Н. И. 1993б; 1995. С. 7—9]. При анализе образной и литературной системы Борисоглебского культа в сопоставлении с культом св. Вацлава Б. Н. Флоря отмечает их разное происхождение при последующем сближении [Florja B. N. 1978]. По мнению Н. В. Ингама, единый в основе сюжет «князя-мученика» развивается различными путями в разных условиях Чехии и Руси при возможном более позднем влиянии древнерусского жития на чешское [Ingham N. W. 1984].

К с. 472

¹ Новейшие исторические и археологические исследования раскрывают реалии X—XI вв., объясняющие, почему тело Бориса Владимировича было привезено из Киева именно в Вышгород, — он являлся княжеским домениальным городом, который восходил к княжескому двору-замку, с мощной системой оборонительных сооружений [Раппопорт П. А. 1956. С. 54—55; Толочко П. П. 1975. С. 23—24, 26; Свердлов М. Б. 1983. С. 68; Древняя Русь: Город. Замок. Село. 1985. С. 68; Археология Украинской ССР. 1986. С. 303—310].

К с. 473

¹ Начиная с известного труда В. О. Ключевского «Боярская дума древней Руси» [первое издание — М., 1882], исследователи средневековой русской истории использовали эпизод Саги об Олаве Трюггвасоне, сообщающий об убийстве в Новгороде юным Олавом Клеркона — убийцы его воспитателя, о последовавшем возмущении народа, о защите Олава княгиней и его помиловании князем Владимиром, как достоверное по содержанию известие исторического источника. В новейшей литературе особое внимание уделяется особенностям саг как исторического источника, их жанровым особенностям как фольклорных и литературных произведений, созданных в скандинавской среде и насыщенных скандинавскими реалиями, что вносит существенные коррективы в использование нарративных материалов как источника по истории Древней

Руси [Стеблин-Каменский М. И. 1971; Гуревич А. Я. 1972; Джаксон Т. Н. 1978а; 1991; 1993. С. 117—217]. В Саге о Харальде Хардраде из Фагрскинны содержится запись, очень близкая по содержанию к данному сообщению ПВЛ и раскрывающая этнический состав многочисленных варягов Ярослава: «У конунга Ярицлава всегда было много норвежцев и шведов». Вероятно, в составе наемников-варягов находились также датчане [Свердлов М. Б. 1970. С. 86—87; 1974. С. 63—64; Джаксон Т. Н. 1991. С. 157].

[2] По мнению М. Б. Свердлова, отмеченные Д. С. Лихачевым дополнительные к ПВЛ сведения НПЛ объясняются тем, что сообщения ПВЛ и НПЛ о восстании новгородцев против варягов различны по содержанию. Эти различия стали следствием их разного происхождения или основательной переработки первоначальной записи, но известия обеих летописей в равной мере основывались на фактах новгородских событий при разной их интерпретации [Свердлов М. Б. 1984].

[3] При объяснении названия *Поромонь двор* в новейшей литературе в отличие от толкований К. Торнквиста, А. Стендер-Петерсена, Б. Клейбера было поддержано давнее мнение И. Микколы, согласно которому это название происходило от традиционного скандинавского обозначения 'купеческий двор, двор для приезжающих' — farmanna garðr (farmaðr, мн. ч. farmenn — 'путешественник, купец, особенно занимающийся дальней торговлей') [Мельникова Е. А. 1984б. С. 129—130, см. там же литературу вопроса]. Д. С. Лихачев называет альтернативное толкование слова *Поромонь* от греч.παραμοναί — 'вахта, лейб-вахта' как название помещений для наемных скандинавских воинов при дворце Ярослава в Новгороде [Лихачев Д. С. 1983. С. 80—81]. Основываясь на тексте граффити в Мартирьевской паперти новгородского Софийского собора, Т. В. Рождественская склоняется в пользу первой интерпретации, отмечая в имени *Фарьман*, названном в молитвенной формуле, переход скандинавского социального термина *farmenn* в микротопоним *Поромонь* и в антропоним [Рождественская Т. В. 1994].

[4] О происхождении и соотношении тысячной и сотенной организаций, их структуре в Новгороде позднее высказывались различающиеся мнения. А. Н. Насонов относит новгородские сотни к системе территориального деления [Насонов А. Н. 1951. С. 124—126]. Б. А. Рыбаков возводит десятичную систему к «военно-учетному» принципу, восходящему к первобытнообщинному строю, когда, по его мнению, *тысяча* соответствовала племени, *сто* — «группе небольших земледельческих поселков, состоящих каждый примерно из десяти домов», оговаривая, что новгородские сотни не подходят под это определение. Последние возводятся им к XI в. и связываются с организацией дружины и методами сбора дани [Рыбаков Б. А. 1982. С. 254—255]. И. Я. Фроянов, продолжая традицию литературы 60-х гг. XIX—начала XX в., считает тысячу и сотню «земскими» организациями, «уходящими своими корнями к первобытнообщинному строю». По его мнению, тысяча — «народное ополчение», организационным центром которого являлся город. Она была территориально-административной и военной «единицей». Абстрагируясь от фактов интеграции тысячи в государственной системе, он объясняет: «Часто бывало, что тысячу возглавляли „княжие мужи". Но в этом не видно ничего такого, что наносило бы ущерб волеизъявлению народа ⟨...⟩» [Фроянов И. Я. 1980. С. 206—207, 210—211]. В. Л. Янин первоначально считал сотенную организацию княжеской, противопоставляя ее в Новгороде кончанской и уличанской [Янин В. Л. 1961. С. 113]. Позднее он предположил постоянное одновременное существование двух административных систем — кончанской, в которой определяющую административно-политическую роль играли новгородские бояре, и сотенной территориальной организации свободного непривилегированного населения (житьи люди, купцы, черные люди), при этом сотские стали в XIII в. представителями бояр, а не населения сотен [Янин В. Л. 1973; 1974; см. также: Подвигина Н. Л. 1976. С. 111—112]. Ю. В. Бромлей отметил происхождение сотенной организации в последний период существования племенного строя и последующее совмещение административных и военных функций сотников [Бромлей Ю. В. 1963; 1968]. Поддерживая эти наблюдения, А. В. Куза исходил из древнего происхождения архаической по характеру сотенной организации. По его мнению, на сотни делилось все городское и сельское население. Им на смену шло погостное деление, связанное с развитием государственной системы податей, полюдья, дружины. В X—XII вв. сотни представляли собой «территориально-социальные организации населения (купцов, младших дружинников, ремесленников, затем житьих людей)», занимавших промежуточное положение между феодалами и крестьянами-данниками [Куза А. В. 1975. С. 168]. Мысль о княжеском юридическом подчинении новгородского сотенного населения поддержал В. А. Буров, который

попытался локализовать его расселение, предположив его неновгородское происхождение [Буров В. А. 1987]. По мнению М. Б. Свердлова, десятичная система восходит к племенному обществу. На Руси X—XI вв. институт был интегрирован системой княжеского административного управления. Тысяцкими назначались княжие мужи. Не ясно, избирались ли сотские местным населением или назначались княжеской властью, но в XI—XIII вв. сотенная организация входила в систему государственного управления [Свердлов М. Б. 1983. С. 219—220]. Близок к этому мнению А. А. Горский, отметивший, что на рубеже XI—XII вв. сотские могли назначаться из числа княжих мужей [Горский А. А. 1989а. С. 65—67]. Вопрос о времени издания Устава князя Ярослава «о мостѣх» и о характере указанных в нем новгородских сотен продолжал обсуждаться. Были высказаны разные мнения о его датировке: конец XII в., в княжение Ярослава Владимировича (М. Н. Тихомиров, С. В. Юшков), конец XII—начало XIII в. (В. В. Мавродин, С. Н. Орлов), конец 20-х гг. XIII в. (А. А. Зимин), 30-е гг. XIII в., в княжение Ярослава Всеволодовича (Б. А. Рыбаков, Л. В. Черепнин), 60-е гг. XIII в. (В. Л. Янин). Издания Устава и комментарии см.: Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. 1976. С. 149—152; Российское законодательство X—XII веков. 1984. С. 233—248; см. там же литературу вопроса.

К с. 475

1 Позднее исследователи рассматривали записи под 1017 г. НПЛ о походе Ярослава «к Берестью» и ПВЛ о его приходе в Киев в прямой связи с известием современника событий мерзебургского епископа Титмара в его Хронике (VII, 65) о нападении «короля руссов», т. е. Ярослава, «на Болеслава, как он обещал ему (т. е. императору Генриху II. — *М. С.*) через своего посла, и ни в чем там не преуспел, чтобы захватить его (Болеслава) город». Совпадение записи хрониста с известием НПЛ под 1017 г. способствовало признанию последнего, а сами эти события стали рассматриваться в контексте русско-польско-немецких отношений 1015—1017 гг.: бегство Святополка из Киева, поддержка его тестем Болеславом Храбрым, совместные союзные действия Ярослава и императора Генриха II против польского князя [литературу см.: Назаренко А. В. 1993. С. 157—160]. В контексте этих событий раскрывается содержание известий Титмара Мерзебургского и НПЛ под 1017 г. — Ярослав пошел походом на Берестье. Почти все исследователи, следуя сообщению Титмара, считают этот поход неудачным. М. С. Грушевский и за ним А. В. Назаренко полагают, напротив, что Ярослав в 1017 г. взял Берестье. А. В. Назаренко предлагает собственный перевод «фразы» «nil ad urbem possessam proficisse» с «противоположным» смыслом: Ярослав, «овладев [неким] городом, ничего [более] там не добился» [Назаренко А. В. 1993. С. 140, 157—158]. Впрочем, такой вариант перевода не убеждает. Выделенная А. В. Назаренко «фраза» — только часть законченного по смыслу предложения: «⟨...⟩ cesar ⟨...⟩ comperit Ruszorum regem ⟨...⟩ Bolizlavum peciisse nilque ibi ad urbem possessam proficisse». В обороте Accusativus cum infinitivo к существительному в винительном падеже regem относится инфинитив proficisse с предлогом ad именно с целевым значением с этим глаголом 'преуспевать в', а не в абстрагированном в данном словосочетании указании на место действия, как думает А. В. Назаренко. Именно поэтому большинство исследователей переводили эту фразу как указание неудачи осады Болеславом города, что позволяет избежать бессодержательности ситуации, если принять перевод А. В. Назаренко: чего более мог «там» добиться Ярослав, овладев Берестьем?

2 Время и значение женитьбы Святополка на дочери Болеслава Храброго, деятельность епископа Рейнберна на Руси, цели заговора Святополка против Владимира Святославича обстоятельно анализировались в значительной последующей литературе. Историографический обзор см.: Назаренко А. В. 1993. С. 170—172. Впрочем, в нем есть и неточное изложение мнений: заговор Святослава, как и выступление Ярослава в Новгороде в 1014 г. В. Т. Пашуто и М. Б. Свердлов рассматривают не как симптом нарождавшегося феодального дробления, а как «симптом будущего расчленения Руси» в политическом, а не социально-экономическом аспекте [Пашуто В. Т. 1968. С. 35] или как следствие политических интриг Болеслава Храброго и Святополка, с одной стороны, и тенденции к децентрализации власти в конце правления Владимира Святославича, с другой, — но также без социально-экономического аспекта «феодального дробления» [Свердлов М. Б. 1972. С. 149—152].

К с. 476

[1] Обстоятельствам похода польского князя Болеслава Храброго в поддержку своего зятя Святополка и его пребывания в Киеве посвящена значительная литература [историографию вопроса см.: Королюк В. Д. 1964. С. 245—252; Swerdłow M. B. 1969; Banaszkiewicz J. 1990; Назаренко А. В. 1993. С. 180—205]. Захват Болеславом казны киевских князей, реальное отстранение им Святополка от власти, длительное пребывание Болеслава в Киеве и «разведение» польского войска по городам «на покорм», постой и содержание, чекан польским князем так называемых «русских» монет с кириллической надписью «Болеслав», вероятно, насильное возведение им на ложе княжны Предславы Владимировны при сохранении брака с супругой, т. е. превращение русской княжны в наложницу, позволяют предположить в контексте завоевательной политики Болеслава Храброго, что он хотел стать сюзереном Руси, превратив Святополка в вассально зависимого князя или марионеточного правителя [Swerdłow M. B. 1969. S. 179]. Такая политика Болеслава Храброго в Киеве объясняет причины присоединения Святополка к народному восстанию против польского князя и его войска. По семиотической интерпретации Я. Банашкевича, связь с Предславой была выражением символической идеи: польский князь — прибывший извне господин-победитель и местная возлюбленная, олицетворявшая добычу в приобретенном владении [Banaszkiewicz J. 1990].

К с. 477

[1] Анализ юридических норм так называемой Древнейшей Правды (ст. 1—17 Краткой редакции Русской Правды, далее — КП), их целенаправленный отбор как правовой защиты в случае убийства, ударов свободным человеком и холопом, членовредительства, оскорбления, похищения коня, оружия, верхней одежды, укрытия беглого челядина, в случае судебного следствия — «свода» юридического лица, а также редактирование в целях регулирования правоотношений русинов — жителей Среднего Поднепровья, новгородских словен и варягов, но при отсутствии норм для защиты прав собственности на землю, скот и другие хозяйственные объекты, позволили предположить, что эти статьи составили Правду — специальный краткий судебник, изданный Ярославом Мудрым в 1015—1016 гг. для определения правовых отношений прежде всего новгородцев и варягов [с различиями в интерпретации см.: Зимин А. А. 1954. С. 171—176; 1965. С. 245—248; Янин В. Л. 1961. С. 57; Черепнин Л. В. 1965. С. 131—139; Рыбаков Б. А. 1981. С. 404—408]. Нормативную основу этих статей составил уже сложившийся и развившийся в VIII—X вв. Закон Русский. В состав НПЛ была включена КП, которая представляла собой свод законов Ярослава Мудрого и являлась первой кодификацией норм русского писаного права [Свердлов М. Б. 1988, см. там же литературу вопроса]. В более позднем специальном исследовании истории текста КП Н. Н. Гринев пришел к близким, но более традиционным по отношению к литературе 40-х—80-х гг. выводам: так называемая Древнейшая Правда (ст. 1—17 КП) — новгородского происхождения, времени правления Ярослава Владимировича, равно как «Покон вирный» и «Устав мостников» (автор настаивает на невозможности их применения в Киеве). Так называемая Правда Ярославичей (ст. 19—41 КП) — южнорусского происхождения. Она представляла собой «нормы судебной практики» Киевской земли 1019—1054 гг., письменно «зафиксированные» Ярославичами между 1054 и 1073 гг. [Гринев Н. Н. 1989].

К с. 478

[1] Здесь и далее см. также второе издание книги: Тихомиров М. Н. 1956. В тех случаях, когда Д. С. Лихачев указывает материалы книги М. Н. Тихомирова «Древнерусские города», в Дополнениях приводятся новейшие исследования о названных городах. Усвят и Витебск находились на важных пунктах пути «из варяг в греки»: Усвят — на одном из волоков и правом притоке Западной Двины, Витебск — в месте впадения левого притока Витьбы в Западную Двину. Усвят не развился в большой город вследствие утраты значения пути «из варяг в греки» в XII в. и, напротив, увеличения роли западнодвинского пути. Витебск появился в VIII—IX вв. как укрепленное поселение кривичей (ок. 3 га). К XI в. он стал городом с укрепленным

детинцем, окольным городом и неукрепленным посадом [Алексеев Л. В. 1975. С. 222—223; Штыхов Г. В. 1978].

[2] По мнению М. Н. Тихомирова, основой летописного рассказа о войне Мстислава с касожским князем Редедей стала баллада Бояна, придворного певца Святослава Ярославича Черниговского [Тихомиров М. Н. 1950. С. 175—183]. По наблюдениям А. В. Гадло, воспоминания об этой войне с касогами (адыгами) принадлежали клиру обетного храма Богородицы. Они стали известны Никону, когда тот находился в Тмутаракани. Эта война, вероятно, имела место с конца 1016 по 1019 г., а ее целью стало главенство над касожско-зихским объединением. Это была также необходимая мера, направленная на укрепление независимого положения Тмутараканского княжества в условиях усиливающейся византийской опасности. По мнению А. В. Гадло, поединок Мстислава и Редеди (это имя близко к мифологическому персонажу адыгского фольклора — Уоридаде — мудрому старцу, разрешающему споры, судье, покровителю общего дела и общественного коллективного труда, от которого зависит благополучие и изобилие) предполагал смерть одного из них и наследование победителем политической власти, личного имущества и семьи убитого. Поединок как решение вопроса о власти посредством «Божьего суда», без оружия, обращение Мстислава к высшим силам — Богородице свидетельствуют, по мнению А. В. Гадло, о том, что убийство Мстиславом поверженного противника извлеченным ножом связано с подобной ритуальной передачей верховной власти над всем касожско-зихским объединением [Гадло А. В. 1988. С. 200—203; 1994. С. 73—90].

[3] Церковь св. Богородицы в городе Тмутаракань была обнаружена во время раскопок 1955 г. под руководством Б. А. Рыбакова. Она имела три абсиды, была шестистолпной (или четырехстолпной с нартексом), небольшой по размерам — 16.5×10.4 м [Раппопорт П. А. 1982. С. 115—116].

К с. 479

[1] Исходя из дендрохронологических материалов, О. М. Рапов пришел к мнению, что суздальское восстание датировано в ПВЛ 6532 г. по антиохийскому летосчислению (5500 лет от сотворения мира до рождества Христова). Поэтому оно произошло в 1032 г. [Рапов О. М. 1979. С. 139—140]. Я. Н. Щапов выразил сомнения в доказанности этого вывода [Щапов Я. Н. 1982. С. 141—142]. В отличие от характеристики народного восстания, данной Н. Н. Ворониным, в последующей русской исторической литературе особо отмечался его антифеодальный, классовый характер [Тихомиров М. Н. 1955. С. 75—76; Мавродин В. В. 1961. С. 34—35; 1971. С. 90; Черепнин Л. В. 1965. С. 155—157; Зимин А. А. 1965. С. 242—244; Рапов О. М. 1979. С. 139; Буганов В. И. 1986. С. 16; и др. работы]. По мнению Н. Н. Велецкой, ПВЛ сообщает под 1024 г. об уже пережиточном ритуале умерщвления стариков, в данном случае — во время голода [Велецкая Н. Н. 1978. С. 65—66]. По мысли И. Я. Фроянова, «летописцы рисуют картину языческого быта с его аграрно-магическими ритуалами, а отнюдь не классовую борьбу 〈...〉» [Фроянов И. Я. 1995. С. 138—139; см. также: Фроянов И. Я. 1983]. О. В. Творогов считает «наиболее вероятным» толкование И. Я. Фрояновым событий 1024 г. не как социальных волнений, а как языческих ритуальных убийств старейшин-вождей, обвиненных в пагубном влиянии на урожай [Творогов О. В. 1991. С. 181]. Между тем Н. Н. Велецкая и И. Я. Фроянов не учитывают содержания здесь же присутствующей летописной записи, прямо связывающей «мятежь великъ» и голод как причину восстания и последовавших событий: «〈...〉 идоша по Волзѣ вси людье в Болгары, и привезоша жито, и тако ожиша» [Мавродин В. В. 1961. С. 35; Черепнин Л. В. 1965. С. 156; Щапов Я. Н. 1982. С. 140—142; и др. работы]. По мнению И. В. Дубова, «сообщение летописи не позволяет утверждать, что волнения 1024 г. носили сугубо антифеодальный характер», но «социальная направленность событий 1024 г. несомненна» [Дубов И. В. 1985. С. 36], а по мнению ученика И. Я. Фроянова Ю. В. Кривошеева, «это проявление острой социальной борьбы, но не классовой, ибо все категории представляют собой свободное население» [Кривошеев Ю. В. 1985. С. 47—48]; при этом он абстрагируется от возможности межклассового содержания борьбы между разными категориями свободного населения.

[2] В новейшей лингвистической литературе отмечается значение слова *луда* как 'вид верхней одежды'. Это слово заимствовано из скандинавских языков [Львов А. С. 1975. С. 69; Лукина Г. Н. 1990. С. 52].

К с. 480

[1] *Листвен* находился на водном пути между Любечем и Черниговом, на р. Белоус, ныне — городище Малый Листвен. Его укрепления были построены в конце X—начале XI в. [Коваленко В. П., Шкун А. В. 1984].

К с. 481

[1] Система укреплений по р. Рось имела большое значение в защите Киева с юга, откуда можно было ожидать нападения кочевников [Раппопорт П. А. 1956. С. 172—173].

[2] М. К. Каргер обобщил свои исследования по истории древнего Киева, в частности укреплений города Ярослава, собора святой Софии и других архитектурных памятников того времени [Каргер М. К. 1958; 1963]. Последующее историко-архитектурное изучение Киева времени правления Ярослава см.: Раппопорт П. А. 1982. С. 11—17; 1993. С. 30—42 и след.; см. там же литературу вопроса. Особой темой дискуссий стал вопрос о существовании собора св. Софии до 1037 г. Ссылаясь на материалы древнерусских памятников и хроники Титмара Мерзебургского, согласно которому в 1017 г. в Киеве сгорел собор (monasterium) св. Софии, одни ученые считают, что существовала построенная Владимиром Святославичем деревянная церковь св. Софии, а в 1037 г. был заложен каменный собор [Каргер М. К. 1961. С. 102; Поппэ А. 1965; 1968. С. 87—89; Poppe A. 1968a. S. 43—50; 1981a; Щапов Я. Н. 1986. С. 58—59; и др. работы]. По мнению других, в 1017 г. существовала каменная церковь св. Софии, тогда как П. П. Толочко считает правдоподобной мысль П. Г. Лебединского, что деревянная София была основана ранее, при княгине Ольге [Ильин Н. Н. 1957. С. 118—121; Толочко П. П. 1969; 1972. С. 93—100; 1983. С. 71—78; Высоцкий С. А. 1976. С. 240—257; 1989б. С. 10—20; Логвин Г. Н. 1977; и др. работы], но максимальное удревнение строительства Софии Киевской поддержки в научной литературе не нашло. На основании анализа княжеских знаков на голосниках В. И. Стависский и Т. А. Бобровский пришли к мнению о строительстве св. Софии до 1037 г. при совместном участии Рюриковичей [Стависский В. И., Бобровский Т. А. 1986]. В пользу ее строительства до 1037 г. С. В. Белецкий привел граффити на стене Владимирского придела с изображением княжеского знака Брячислава Изяславича (ум. в 1041 г.), что подразумевает существование фрескового убранства северной галереи собора к 1044 г. [Белецкий С. В. 1995]. Особое значение в определении времени строительства собора приобретает греческая надпись с датой 6540 (1032), 14 индикта [Высоцкий С. А. 1974; 1975; 1989б. С. 17—18]. Поэтому на основе письменных и археологических источников, изображений фресок Н. Н. Никитенко предлагает датировать строительство сохранившегося здания Софии Киевской 1007—1017 гг., а Г. Н. Логвин — временем между 1017 и 1031 гг. [Никитенко Н. Н. 1987; Логвин Г. Н. 1987]. В развитие взглядов Н. Н. Розова и А. Поппэ К. К. Акентьев отметил идейные связи мозаичных изображений и греческих надписей в Софии Киевской с их образцом — Софией Константинопольской, а с другой стороны, совпадение времени освящения нового собора в 1046 г. с новым освящением киевских городских укреплений, построенных при Ярославе Мудром, и праздничной проповедью в виде Слова о законе и благодати Илариона [Розов Н. Н. 1963; Poppe A. 1981a; Акентьев К. К. 1995. С. 84—86; см. также: Аверинцев С. С. 1972].

К с. 482

[1] Как показали археологические исследования, церковь св. Георгия была значительной по размерам (ок. 27 × ок. 24 м). Она была шестистолпной, трехнефной, с двумя галереями, южной и северной, украшена колоннами, фресками, мозаиками, шиферными плитами. Во время раскопок найдены также листовой свинец и оконное стекло. Церковь св. Ирины находилась на углу (в 1913—1914 гг.) Владимирской и Ирининской улиц. Рядом с ней в XI в. находилась гражданская постройка, вероятно, дворец [Раппопорт П. А. 1982. С. 14—15].

[2] На Руси XI—XIII вв. переводились литературные памятники не только с греческого и древнееврейского языков, но также, вероятно, с латинского и сирийского [Лихачев Д. С. 1973. С. 29]. Древнерусские переводы обладали свойственными им лингвистическими особенностями

[Мещерский Н. А. 1956; 1958 (переизданы в кн: Мещерский Н. А. 1995. С. 246—299); 1978; Алексеев А. А. 1993].

[3] Согласно концепции Д. С. Лихачева, внутренние потребности развивающейся древнерусской культуры, эволюция общественного строя способствовали «переносу» («трансплантации») на Русь обширных пластов уже сложившейся, развитой христианской культуры, которая в процессе освоения и последующего развития приобретала местные черты. Перенесенные и усвоенные культурные пласты продолжали самостоятельную жизнь в новых условиях, иногда в новых формах, наполняясь новым содержанием и создавая новые явления культуры. Вследствие этого деление древнерусской литературы на «оригинальную» и «переводную» относительно, что объясняется также «ансамблевым строением» большинства литературных произведений, где могли органично соединяться «оригинальные» и «переводные» части. У южных и восточных славян существовала наднациональная единая литература-посредница с церковнославянским языком, общим фондом литературных памятников, единой литературной судьбой и единым литературным развитием. Литература-посредница являлась составной частью культуры-посредницы. У южных и восточных славян она представляла собой своего рода «рецензию» (редакцию) византийской культуры [Лихачев Д. С. 1973. С. 20—30]. Эта концепция объясняет быстрое распространение книжности на Руси, ее сложный жанровый состав. В специальных исследованиях накоплен опыт подсчета количества книг на Руси XI—XIII вв. [Жуковская Л. П. 1971; Сапунов Б. В. 1978]. Установлено особое отношение к книге в Древней Руси как к средству религиозного, нравственного воспитания, источнику знания. Поставлена проблема иерархии книг на Руси как особой упорядоченной системы, наверху которой находилось Священное Писание (преимущественно Новый Завет). Отсюда, по мнению В. В. Калугина, преобладание церковных «творений» в древнерусском книжном репертуаре (с подсчетами по материалам сохранившегося книжного фонда). «Почитание книжное» оценивалось как нравственная заслуга и добродетель, формировавшие совершенного человека при систематическом чтении [Калугин В. В. 1991].

К с. 483

[1] Ятвяги занимали в X—XII вв. обширные территории по рекам Неман, Нарев и Западный Буг. Значительные части ятвяжской земли вошли в состав Древнерусского государства и стали позднее Черной Русью [Гуревич Ф. Д. 1962; Финно-угры и балты в эпоху средневековья. 1987. С. 411—418], а также в состав Польши и Литвы. Ятвяжские территории стали объектом экспансии этих государств, вследствие чего между ними складывались сложные внешнеполитические отношения [Влодарский В. 1961; Королюк В. Д. 1964. С. 313—321; Gieysztor A., Antoniewicz J., Kamiński A. 1964. S. 305—308; Пашуто В. Т. 1968. С. 39—40 и след.; см. там же литературу вопроса].

[2] Сообщение ПВЛ об освящении Десятинной церкви М. К. Каргер и П. А. Раппопорт интерпретировали как известие о вторичном освящении в связи с существенными перестройками в ней в первые десятилетия XI в. [Каргер М. К. 1963. С. 11; Раппопорт П. А. 1982. С. 7], тогда как М. Ф. Мурьянов связал это освящение с произошедшими в церкви языческими или еретическими инцидентами [Мурьянов М. Ф. 1974].

К с. 484

[1] В новейшей литературе значительное число работ посвящено хронологии, анализу причин и событий похода русского войска во главе с князем Владимиром Ярославичем и Вышатой на Константинополь в 1043 г. В. В. Мавродин поддержал мнение М. Д. Приселкова о причине похода как следствия идеологической и политической борьбы Руси с Византией, борьбы Руси за культурную и церковную самостоятельность от Византии, ее «игемонии» [Мавродин В. В. 1971. С. 150]. М. В. Левченко предположил, что причиной похода стали насилия и вымогательства константинопольских властей по отношению к русским купцам [Левченко М. В. 1956. С. 396]. К близкому мнению пришел Г. Г. Литаврин: причиной похода стало решительное изменение византийской политики по отношению к Руси в первое полугодие правления Константина IX Мономаха, что привело к нарушению давних уже связей Руси и империи, гарантированных договором 989 г., льготных условий русских в Константинополе, к нарушению

прав и статуса русских наемников, купцов, послов, монахов и паломников. Поэтому поход был предназначен, скорее, для демонстрации силы, чем для военных действий [Литаврин Г. Г. 1967; 1968; 1972]. Такую интерпретацию событий принял В. Т. Пашуто [Пашуто В. Т. 1968. С. 79—80]. Г. Вернадский объяснял поход Руси на Константинополь поддержкой Ярославом Мудрым полководца Георгия Маниака против Константина IX Мономаха [Vernadsky G. 1953. P. 63]. Эту гипотезу обстоятельно разработал А. Поппэ и поддержала Я. Малингуди [Poppe A. 1967b; 1968b. S. 69—104; 1971; ср.: Shepard J. 1979; Μαλιγκούδη Γ. 1992. Σ. 72]. Ж.-П. Ариньон связал русско-византийскую войну 1043 г. с династическими причинами. Эта мысль вызвала возражения В. Водова, по мнению которого трудно допустить, что княгиня Анна являлась матерью Ярослава [Arrignon J.-P. 1983; ср. критические замечания В. Водова: RM. 1993. T. 7. P. 2. S. 280—281].

К с. 485

1 Мнение о двух походах Ярослава Мудрого на мазовшан, в 1041 и 1047 гг., было поддержано исследователями русско-польских отношений в XI в. [Kuczyński S. M. 1954—1956. S. 256; Włodarski B. 1959. S. 20; Bieniak J. 1963. S. 107—108]. Его подверг сомнению В. Д. Королюк, который интерпретировал запись под 1043 г. как сообщение о совершенном в этом году походе и предположил еще один поход Ярослава на Мазовию в 1039 г. [Королюк В. Д. 1964. С. 308—321], тогда как В. Т. Пашуто, не раскрывая аргументации, не согласился с мнением о походе в 1039 г., принимая мысль о походе 1043 г. [Пашуто В. Т. 1068. С. 39—40].

2 Об этих русско-польских матримониальных связях см.: Щавелева Н. И. 1989. С. 53.

3 Как показали археологические исследования, в 1044 г. в новгородском кремле были возведены фортификационные укрепления в виде деревянных сооружений на вале. В 1116 г. Мстислав Владимирович «заложил» городские укрепления по защищаемой площади более предыдущей. Они состояли из вала и возведенной на нем деревянной стены [Алешковский М. Х. 1962; Янин В. Л. 1982. С. 79—83; Кушнир И. И. 1991. С. 14—15; Носов Е. Н. 1995]. По мнению Е. Н. Носова, укрепления 1044 г. стали первой общегородской крепостью, построенной одновременно с каменным Софийским собором [Носов Е. Н. 1995. С. 5—15]. По мнению других исследователей, крепостным сооружениям 1044 г. предшествовали более ранние оборонительные сооружения [Янин В. Л., Алешковский М. Х. 1971. С. 37; Янин В. Л. 1982. С. 81—83; Кушнир И. И. 1991. С. 8—9 (план), 14]. В пользу существования городских укреплений до 1044 г. свидетельствует рассказ НПЛ младшего извода о восстании новгородцев против варягов в 1015 г. В этом летописном своде, содержащем в своем составе Начальный свод и дополняющие его новгородские записи, присутствуют новгородские реалии. В летописной записи НПЛ, отличающейся от отредактированного текста ПВЛ [Свердлов М. Б. 1984. С. 178—181], содержатся сведения о существовании в 1015 г. городских укреплений: «⟨...⟩ а друзии (новгородцы. — *М. С.*) бѣжаша изъ града» (прямая информация — понятие город обозначало в древнерусском языке укрепленное поселение), «⟨...⟩ Ярославъ заутра собра новгородцовъ избытокъ, и сътвори вѣче на полѣ ⟨...⟩» (скрытая информация — т. е. вне замкнутого застроенного пространства города) [НПЛ. С. 174].

К с. 486

1 В последующей историко-архитектурной литературе распространено мнение, согласно которому Софийский собор в Новгороде был заложен в 1045 г., а строительство завершено в 1050 г. По мнению В. Л. Янина, он был заложен в 1046 г. [Янин В. Л. 1977. С. 124]. Освящение собора осуществлялось, вероятно, дважды: в 1050 г. — после окончания строительных работ, и 13 сентября 1052 г. — после завершения первого этапа росписи. Согласно другому мнению, строительство было закончено в 1050 г., а к росписи приступили в 1108 или 1109 г. Различаются также мнения о местоположении деревянной церкви св. Софии «о тринадцати верхах», построенной в 989 г. епископом Иоакимом — внутри стен детинца или вне их [Раппопорт П. А. 1982. С. 65—66, см. там же литературу вопроса; Кушнир И. И. 1991. С. 14—18].

[2] Брак Ярослава Владимировича и Ингигерд, дочери Олава Шведского, был заключен в 1019 г. Новейший анализ известий исландских королевских саг об Ингигерд на Руси см.: Джаксон Т. Н. 1994. С. 156—160, см. там же литературу вопроса.

[3] Обстоятельный обзор церковно-политической и литературной деятельности Илариона и значительную исследовательскую литературу о нем см.: Розов Н. Н. 1987. С. 198—204. Наряду с изучением обстоятельств поставления Илариона в митрополиты в контексте антивизантийской и церковной политики Ярослава в 40-е—начале 50-х гг. в новейшей литературе отмечается тенденция рассматривать его поставление как следствие борьбы в середине XI в., в правление Константина IX Мономаха, между константинопольским патриархом Михаилом Керуларием и монашеством, внутри которого в результате воздействия Афонского и Студийского монастырей происходили процессы обновления, подобные клюнийской реформе на Западе. В этой связи поставление Илариона интерпретируется как поддержка Ярославом Мудрым монашеского движения [Poppe A. 1968a. S. 131—151; 1972; Поппэ А. 1970; Vodoff V. 1988. P. 116—118]. Впрочем, данные наблюдения не отрицают, а дополняют друг друга. Вероятно, Ярослав Мудрый в своей политике государственного и церковного противостояния Византийской империи в 40-е—начале 50-х гг. использовал внутреннее ослабление константинопольской церкви и, опираясь на монашеское движение, сделал своего ставленника Илариона русским митрополитом. Поддержка обновленческого движения в молодой русской церкви несомненна: строгий и тяжелый для исполнения Студийский устав был принят в качестве руководства во влиятельном Киевском Печерском монастыре.

К с. 488

[1] П. А. Раппопорт определил время основания Успенского собора Печерского монастыря 1073 г., в соответствии с записью ПВЛ. Завершение строительства он отнес к 11 июля 1075 г. или к 1077 г., освящение — к 1089 г. Композиционная схема собора была близка к уже традиционной структуре Десятинной церкви [Раппопорт П. А. 1982. С. 23—25, см. там же литературу вопроса: 1993. С. 40]. Ю. С. Асеев и В. А. Харламов возражают против мнения об изначальном пятиглавии собора [Асеев Ю. С., Харламов В. А. 1986].

[2] Дальнейшие исследования показали, что Дмитриевский монастырь находился к юго-западу от Михайловской Златоверхой церкви. Собор Дмитриевского монастыря, построенный во второй половине XI в., представлял собой шестистолпный трехапсидный храм, около 28 м в длину, 19.5 м в ширину, вероятно, с галереями, лестничной башней и крещальней [Асеев Ю. С. 1961; Раппопорт П. А. 1982. С. 17; см. там же литературу вопроса].

К с. 489

[1] Женой Всеволода Ярославича стала дочь императора Константина IX Мономаха, вероятно, по имени Мария. Этот брак был заключен между 1046 и 1052 гг. Он стал одной из политических мер по восстановлению дружественных связей между Русью и Византийской империей после враждебных византийско-русских действий 1042—1043 гг. [Янин В. Л., Литаврин Г. Г. 1962; Soloviev A. V. 1963; История Византии. 1967. С. 350—351]. В. Л. Янин убедительно отнес принадлежность дочери Константина IX Мономаха и жене Всеволода Ярославича печати с изображением апостола Андрея (христианское имя и святой покровитель Всеволода Ярославича) и надписью на обороте: Σφραγ[ίς] Μαρίας Μο[·]άχης τῆς εὐγενεστάτης ἀρχοντίσσης — «Печать Марии Мо[м]ахис, благородной архонтиссы» [Янин В. Л. 1970. С. 17—19].

[2] Относительно византийского брака в 1122 г. внучки Владимира Мономаха высказаны разные мнения. М. В. Левченко считал, что Добродея-Евпраксия Мстиславна вышла замуж за царевича Алексея [Левченко М. В. 1956. С. 477], тогда как Н. Баумгартен думал (В. Т. Пашуто принял это мнение), что Ирина-Добродея сочеталась с Андроником Комнином [Пашуто В. Т. 1968. С. 187]. Евфимия Глебовна вышла замуж, вероятно, за Алексея, сына императора Исаака Ангела. Анализ русско-византийских отношений в XI—XIII вв., включая династические союзы, в новейшей литературе см.: Литаврин Г. Г., Каждан А. П., Удальцова З. В. 1966; История Византии. 1967. С. 347—353; Пашуто В. Т. 1968. С. 77—88, 186—201].

[3] В Софии Киевской была открыта настенная поминальная надпись — граффити о кончине Ярослава Мудрого. Его смерть, как в Ипатьевской летописи и в Прологах, отнесена в ней к 20 февраля, а сам князь назван царем: «Въ лѣто 6562 мѣсяца фѣвраля 20 усъпение царя нашего въ святаго мученика Феодора» [Рыбаков Б. А. 1959; 1964б. С. 14—16; Высоцкий С. А. 1966. С. 39—41; 1991; Рождественская Т. В. 1991а. С. 49, 82]. О применении титула «царь» по отношению к русским князьям см.: Vodoff V. 1978.

К с. 490

[1] По предположению В. Г. Пуцко, мраморный саркофаг Ярослава Мудрого датируется, скорее всего, второй половиной IX в. Возможно, он относился к погребению св. Климента и был перевезен из Херсонеса [Пуцко В. Г. 1986].

К с. 491

[1] В новейшей литературе экономический, общественно-политический строй, культура половцев в XI—XIII вв., история их отношений с Русью обстоятельно изучены. Историографический очерк см.: Мавродина Р. М. 1983. С. 60—75; см. также: Pritsak O. 1967; Плетнева С. А. 1975а. С. 260—300; 1981. С. 213—222; 1982; 1990а; Федоров-Давыдов Г. А. 1976; Golden P. B. 1979—1980. По мнению С. М. Ахинжанова, отождествление кыпчаков и куманов-половцев ошибочно, поскольку они представляли собой близкие по языку и материальной культуре, но различающиеся общности. С этими наблюдениями согласился А. В. Гадло [Ахинжанов С. М. 1976; 1980; Гадло А. В. 1994. С. 138—139].

[2] *Голядь* — балтское племя, которое занимало обширные территории от прусских земель до р. Оки. В XII в. они еще жили на р. Протве. В VIII—XII вв. происходил процесс их славянизации [Lehr-Spławiński T., Pollakówna M. 1964. S. 78—79; Седов В. В. 1994. С. 308].

К с. 492

[1] Торки, история их отношений с Русью обстоятельно изучались в последующей литературе: Плетнева С. А. 1973; 1981. С. 213—222; 1982.

[2] Бегство Ростислава Владимировича в Тмутаракань вместе с Вышатой и Пореем А. В. Гадло объясняет неудачной попыткой Ростислава вернуться в Новгород. По его мнению, Ростислав попытался превратить Тмутаракань в опорный пункт для предстоящей борьбы со старшими Ярославичами [Гадло А. В. 1988. С. 205—206; 1994. С. 98—101].

К с. 493

[1] Вопрос о генеалогических предках Яна (Яня) Вышатича продолжал обсуждаться. В. Л. Янин выразил сомнение в «среднем звене» гипотезы Д. С. Лихачева относительно генеалогии Яна Вышатича — родстве Остромира и Константина (Коснятина) [Янин В. Л. 1962. С. 54], тогда как В. А. Кучкин вернулся к отождествлению Яна Вышатича с киевским боярином Иоанном, упоминаемым в Киево-Печерском патерике как отце постриженика этого монастыря Варлаама [биографию Яна (Яня) Вышатича и новейшую литературу о нем см.: Кучкин В. А. 1984. С. 63—65; Творогов О. В. 1987д. С. 483—484]. Высказывается сомнение в том, что Ян (Янь) Вышатич участвовал в походе на половцев в 90 лет, но есть также мнение, согласно которому участником похода был другой Янь — брат Иванка, а цифра 90 могла быть условным указанием на пожилой возраст [Творогов О. В. 1991. С. 187].

[2] По наблюдениям Б. А. Рыбакова, дата Тмутараканского камня указана по сентябрьскому, византийскому летосчислению. Поэтому время измерения Керченского пролива отнесено им к декабрю 1067—январю 1068 г. [Рыбаков Б. А. 1964б. С. 17]. А. Л. Монгайт высказал мнение о поддельном характере надписи Тмутараканского камня, тогда как А. А. Медынцева обосновала ее подлинность [Монгайт А. Л. 1969; Медынцева А. А. 1979; см. там же литературу вопроса].

³ По наблюдениям О. В. Творогова, здесь и далее использован текст так называемого Хронографа по великому изложению [Творогов О. В. 1974; 1975. С. 46—73 и след.].

К с. 494

¹ В последующей литературе сохранилось различие во мнениях относительно причин гибели Ростислава Владимировича в Тмутаракани и убийства котопана. М. В. Левченко согласился с мнением А. Л. Якобсона о том, что черниговский князь Святослав Ярославич попросил императора Константина X Дуку (1059—1067) помочь ему убрать Ростислава, который согнал его сына с тмутараканского княжения. Смерть котопана А. Л. Якобсон объяснил, и к этому мнению присоединился А. В. Гадло, как выступление против центрального правительства, стремившегося втянуть херсонитов в действия, направленные против Тмутаракани после смерти ее правителя [Якобсон А. Л. 1950. С. 20—23; Левченко М. В. 1956. С. 403—404; Гадло А. В. 1988. С. 207; 1994. С. 97—101]. А. Н. Насонов и В. Т. Пашуто видели в убийстве Ростислава реакцию Византии на активизацию Руси в Приазовье и угрозу ее крымским владениям, тогда как в убийстве котопана В. Т. Пашуто полагал следствие действий сильной группировки, связанной с Русью через Тмутаракань [Насонов А. Н. 1951. С. 96—97; Пашуто В. Т. 1968. С. 84].

² О Всеславе Брячиславиче, его месте в системе междукняжеских отношений 60-х гг. XI в. в новейшей литературе здесь и далее см.: Рыбаков Б. А. 1961. С. 158—166; 1963. С. 94—97; Алексеев Л. В. 1966; Рапов О. М. 1977. С. 53—54; Кучкин В. А. 1985; Творогов О. В. 1995а. С. 256—261, см. там же литературу вопроса.

³ По мнению Э. М. Загорульского, Минск существовал в качестве укрепленного города с X в. на р. Свислочь, тогда как, по мнению Г. В. Штыхова и других исследователей, он первоначально находился на р. Менке. Территория вокруг первоначального Минска была густо заселена и хорошо освоена населением [Загорульский Э. М. 1963; 1982; Штыхов Г. В. 1975; 1978. С. 63—72; см. также: Древняя Русь: Город. Замок. Село. 1985. С. 80; Поболь Л. Д. 1988].

⁴ О локализации р. Немиги и ее географическом соотнесении с древним Минском см.: Творогов О. В. 1995е. С. 310—311.

К с. 497

¹ Как показали археологические исследования, церковь св. Михаила в Выдубицком монастыре представляла собой шестистолпный храм. По предположению М. К. Каргера, она имела дополнительное восточное членение, т. е. реально была восьмистолпной. Здание построено в смешанной технике: камни (гранит и красный кварцит) и кирпичи. Стены были украшены фресками, пол покрыт шиферными плитами, часть которых инкрустирована мозаикой [Раппопорт П. А. 1982. С. 26—27]. Новейший опыт реконструкции см.: Логвин Г. Н. 1986.

² В новейшей литературе исследователи также исходили из наблюдений, согласно которым под 1071 г. объединены рассказы о волхвах и связанных с ними восстаниях, относящиеся к разным по времени событиям. К 1071 г. или близкому времени относили восстание смердов в Ростовской земле М. Н. Тихомиров, Н. Н. Воронин, Л. В. Черепнин, Ю. А. Лимонов [Тихомиров М. Н. 1955. С. 144; Воронин Н. Н. 1961. С. 24—25; Черепнин Л. В. 1965. С. 181; Лимонов Ю. А. 1987. С. 133]. Б. Д. Греков относил его к 60-м или концу 60-х—самому началу 70-х гг. [Греков Б. Д. 1953. С. 265], тогда как С. В. Юшков — к 1072 г. [Юшков С. В. 1949. С. 142]. В. В. Мавродин, соглашаясь с А. А. Шахматовым и М. Д. Приселковым, датировал восстания в Суздальской земле разным временем — между 1064 или 1066 гг. и 1069 г. [Мавродин В. В. 1961. С. 36; 1971. С. 90]. По мнению В. Т. Пашуто, восстание на Северо-Востоке Руси происходило до 1072 г., но оно находилось в едином контексте с народными движениями 1078 г. в Подвинье и 1079 г. в Заволочье [Пашуто В. Т. 1964. С. 79]. В. А. Кучкин датировал восстание в Ростово-Суздальской земле осенью 1075 г.—весной 1076 г. [Кучкин В. А. 1979. С. 67—69]. К близкому мнению на основании дендрологических материалов пришел О. М. Рапов — осень 1076 г. [Рапов О. М. 1979. С. 142—145]. Вернувшись к вопросу о времени поездки Яна Вышатича на Белоозеро и подавления им восстания смердов во главе с волхвами, В. А. Кучкин отнес их к осени

1073 г.—весне 1074 г. Он исходит при этом из тождества киевского боярина Иоанна, о котором подробно пишет Нестор в Житии Феодосия, и Яна Вышатича, а также из дендрологических данных, свидетельствующих о климатическом экстремуме (угнетение годовых колец деревьев) в 1073 г., что стало причиной скудости в Ростовской земле [Кучкин В. А. 1984. С. 63—64]. В исследованиях 50-х—80-х гг., отмечавших классовое содержание этих народных движений, устанавливались сложные идейные и социальные настроения восставших, сельского и городского населения против процесса феодализации, роста государственного гнета, а волхвов — против христианизации и за реставрацию старого быта [Тихомиров М. Н. 1955. С. 82—104; Мавродин В. В. 1961. С. 39—45; Черепнин Л. В. 1965. С. 181—184; Воронин Н. Н. 1965. С. 22; Зимин А. А. 1973. С. 147—149; Щапов Я. Н. 1982. С. 144—146; Дубов И. В. 1985; Буганов В. И. 1986; Лимонов Ю. А. 1987. С. 19]. Б. А. Рыбаков снизил классовое содержание этого движения, отметив, что оно было направлено не против феодальных порядков вообще, а являлось борьбой только за перераспределение «жизненных запасов» во время голода [Рыбаков Б. А. 1982. С. 438].

К с. 498

1 Д. С. Лихачев отметил в комментарии свойственное летописным рассказам о волхвах стремление опровергнуть народную веру в дар волхвов высшего знания и ясновидения в реальном содержании восстания против «лучших жен», хранительниц запасов. Он привел также комплексную характеристику Н. Н. Ворониным ритуальных действий в обществе имущественного неравенства и угнетения [см. также: Воронин Н. Н. 1960]. Наряду с исследовательским направлением, анализирующим классовое содержание в народных движениях, о которых идет речь в ПВЛ под 1071 г., в других работах обращается внимание на этнографически описываемые и архаические по происхождению ритуальные действия, снимается или снижается их классовое значение. Р. Згута интерпретировал летописный рассказ как известие об общественном языческом молении у финских племен Поволжья в связи со стихийными бедствиями [Zguta R. 1974; возражения см.: Щапов Я. Н. 1982. С. 145]. Н. Н. Велецкая интерпретирует запись ПВЛ под 1071 г. как свидетельство о ритуале отправления «на тот свет» пожилых людей «при достижении определенных возрастных или физиологических критериев». Но при этом становится очевидным, что такой обычай должен предотвращать бедствие, а не следовать за голодом, когда это уже не «обычай», а следствие борьбы людей «неимущих» против «имущих». Сохраняя этнографическое толкование, Н. Н. Велецкая объясняет такую перемену порядка причины и следствия «начавшейся деградацией обычая» [Велецкая Н. Н. 1978. С. 67—68, 70]. По словам И. Я. Фроянова, в сообщении под 1071 г. ПВЛ запечатлела картину расправы с «лучшими женами», которые будто бы вредоносными своими чарами задерживали урожай, поэтому «... изъятие имущества „лучших жен" носило более религиозно-бытовой, чем социальный характер» [Фроянов И. Я. 1986. С. 40, 41]. Причем И. Я. Фроянов не объясняет, почему именно против «лучших жен» был направлен данный социальный конфликт. Позднее он иначе формулирует свою мысль: это — «осуществление языческих аграрно-магических по характеру действ, вызванное неурожаем и сопровождавшееся умерщвлением „лучших жен", якобы повинных в переживаемых обществом несчастьях». Поэтому, допуская социальные конфликты между народом и знатью, он «не решается» отождествить их «с антифеодальной классовой борьбой, поскольку они приводили в столкновение не классы, а группы свободного населения» [Фроянов И. Я. 1995. С. 160]. И. Я. Фроянов не допускает классового содержания в «столкновении» «групп свободного населения», абстрагируясь от вопроса, почему «лучшие жены» «держали» «обилье», «имѣнье», а другие их не «держали». О месте расправы Яна Вышатича у города Белоозеро, расположенного у истока («устья») Шексны из Белого озера, см.: Голубева Л. А. 1973. С. 59—62.

2 По наблюдениям А. Н. Кирпичникова, боевые топоры и секиры использовались как оружие воинами из всех слоев общества. Наиболее широко они были распространены в X—XI вв. В XII—XIII вв. значение топора как массового оружия уменьшается. Это явление относится к знати и княжеским дружинникам, хотя традиция широкого использования боевых топоров и секир простыми ополченцами в этот период сохраняется. Ограничение употребления топоров воинами из высших сословий произошло в результате тактических особенностей конного боя: всадник, вооруженный мечом или саблей, копьем и луком со стрелами, оказывался более

эффективен в бою и лучше защищен, чем вооруженный боевым топором [Кирпичников А. Н. 1966б. С. 26—46].

К с. 500

[1] Мнение М. Н. Тихомирова о съезде Ярославичей и русских иерархов в Вышгороде в 1072 г. для решения политических вопросов и уставления Правды Ярославичей поддержал Л. В. Черепнин. Он предположил конкретизированный состав изданных там правовых норм, связав их с общественной жизнью Руси того времени [Черепнин Л. В. 1965. С. 185—195]. В. Т. Пашуто охарактеризовал эти события 1072 г. как «съезд главных князей Руси» — «снем». Он также принял мнение об отнесении княжеской «законодательной работы» к церковному торжеству [Пашуто В. Т. 1965. С. 20—21]. В новейшей литературе такие связи между законодательной деятельностью старших Ярославичей и их съездом в Вышгороде в 1072 г. не устанавливаются [Свердлов М. Б. 1988. С. 21—30, 84—101; Щапов Я. Н. 1989. С. 177—184]. А. Поппэ обстоятельно разработал гипотезу об официальной канонизации на съезде в Вышгороде Бориса и Глеба [Поппэ А. 1966а; 1973; Poppe A. 1969a; 1981b; и др. работы]. Эта гипотеза была принята в последующей литературе. Впрочем, Г. Подскальский отметил отсутствие прямой информации о такой канонизации и предположительность этого мнения [Podskalsky G. 1982. S. 107 ff.]. Его гипотетичность отметил также Я. Н. Щапов [Щапов Я. Н. 1989. С. 177]. В. Водов связал гипотезу А. Поппэ с установлением нового политического порядка подчинения младших братьев старшим за их покровительство [Vodoff V. 1989b. P. 19—20].

К с. 502

[1] Вотола — мужская социально недетерминированная одежда, а также название ткани (грубой ткани) [Poppe A. 1965a. S. 5; Поппэ А. 1965б].

[2] Латиноязычные источники по истории Древней Руси. 1989. С. 164—165; комментарий см. также: Свердлов М. Б. 1968.

К с. 503

[1] В данном комментарии Б. А. Романова намечен новый подход к изучению природы феодального строя. В условиях господства в середине 30-х—40-е гг. представлений о феодализме как крепостничестве, крупном господском хозяйстве и земельной ренте как единственной форме феодальной ренты, что постоянно внедрялось в исследования сталинскими «указаниями», Б. А. Романов обратил внимание на неземельные формы обеспечения феодальных отношений. В тот период такой подход к изучению феодальных отношений на Руси не нашел продолжения и развития. Лишь позднее, в середине 60-х—середине 90-х гг., с ним совпали по содержанию разные направления в изучении феодального строя: княжеские подати и пошлины как совокупная феодальная рента [Щапов Я. Н. 1965. С. 302—305]; по новгородским материалам, активная эксплуатация денежного обращения до XI—XII вв., клановое боярское городское землевладение, корпоративная государственная собственность на землю, которой распоряжалось боярское вече, с крупным боярским землевладением и княжеским доменом при установлении господства поземельных отношений с XIII в. [Янин В. Л. 1981. С. 229—256]; феодальный строй, основанный на первоначально неземельных феодах за службу (феод-деньги, феод-должность, позднее — земельный феод), а также на эксплуатации феодально зависимого населения в господском хозяйстве посредством взимания ренты и внеэкономического принуждения [Свердлов М. Б. 1996а. С. 86—89]. Историографический анализ исследовательского процесса см.: Свердлов М. Б. 1996б.

[2] Сожица идентифицируется также с р. Сожь, притоком Днепра [Именной и географический указатели к Ипатьевской летописи. 1975. С. 103].

К с. 504

[1] О Борисе Вячеславиче в новейшей литературе см.: Творогов О. В. 1995а. С. 139—141.

[2] Позднее Д. С. Лихачев высказал мнение о погребении Изяслава Ярославича в Софии Киевской [Лихачев Д. С. 1962а. С. 36]. В. А. Кучкин поддержал эту мысль, предположив,

что главный неф в Софии Киевской был отождествлен в статье ПВЛ под 1078 г. с церковью Богородицы [Кучкин В. А. 1995б; см. там же литературу вопроса].

[3] М. И. Артамонов предположил активную роль Византии в выступлении тмутараканских хазар против Олега Святославича [Артамонов М. И. 1962. С. 443]. Наблюдения Г. Г. Литаврина и А. В. Гадло ближе к мнению Д. С. Лихачева: Олег был сослан в Византию в соответствии с соглашением между Всеволодом Ярославичем и императором Никифором III Вотаниатом. По наблюдениям А. В. Гадло, на рубеже 70—80-х гг. XI в. правительство Византии не могло замышлять серьезных политических действий в Северном Причерноморье и на Кавказе, но «не могло отказать в услуге» своему союзнику Всеволоду [Литаврин Г. Г. 1994. С. 75; Гадло А. В. 1994. С. 111]. По мнению В. Л. Янина, Олег Святославич мог жениться на византийской аристократке Феофано Музалониссе до его изгнания в Византию [Янин В. Л. 1970. С. 24—26].

[4] В настоящее время известны семь печатей с надписью «Отъ Ратибора» и погрудным изображением св. Климента папы римского на обороте. Они оттиснуты в разное время пятью парами матриц [Янин В. Л. 1970. С. 60—64; см. там же исследование, посвященное биографии Ратибора].

[5] Согласно археологическим исследованиям, Дорогобуж состоял из детинца и окольного города. Его площадь в XI в. составляла ок. 4 га, в XIII в. — ок. 20 га. Дорогобуж находился на пересечении важных торговых путей: из Киева через Дорогобуж, где находился мост через р. Горынь, — Пересопницу — Луцк — Владимир Волынский и другой путь — по Горыни, притоку Припяти [Раппопорт П. А. 1967. С. 65—66; Археология Прикарпатья, Волыни и Закарпатья. 1990. С. 129—131, см. там же литературу].

К с. 505

[1] Луцк (Луческ) находился при впадении р. Глушец в р. Стырь. Его укрепленная площадь составляла в XII—XIII вв. ок. 7 га. В этот период он являлся столицей Луцкого княжества и вторым по значению городом Волынской земли [Раппопорт П. А. 1967. С. 187; Котляр Н. Ф. 1985. С. 51; Археология Прикарпатья, Волыни и Закарпатья. 1990. С. 122—124; см. там же литературу].

[2] Расположение Андреевского Янчина монастыря не выяснено. Вероятно, он находился в центральной части древнего Киева [Толочко П. П. 1972. С. 109; Раппопорт П. А. 1982. С. 113].

[3] Летописный Звенигород был расположен на р. Белке, ныне с. Звенигород Львовской области. В X в. на занимаемой им территории находились два неукрепленных поселения. В XI в. был построен детинец, ок. 1 га, к северу и востоку от которого вырос окольный город, ок. 12 га. К концу столетия город стал столицей Звенигородского княжества [Шеломенцев-Терский В. С. 1981; Куза А. В. 1989. С. 86; Археология Прикарпатья, Волыни и Закарпатья. 1990. С. 107—110].

К с. 506

[1] В последующей литературе была поддержана мысль М. Д. Приселкова о возникновении в 70-е гг. XI в. митрополии в Переяславле. А. Поппэ разработал гипотезу, согласно которой в 60-е—70-е гг. в Чернигове и Переяславле появились титулярные митрополии. Их учреждение явилось следствием необходимости византийского представительства при Святославе и Всеволоде Ярославичах. В Чернигове титулярная епископия завершила свое существование ок. 1085 г. со смертью Неофита, в Переяславле — ок. 1100 г. — со смертью Ефрема [Поппэ А. 1968; Poppe A. 1965b. P. 517—519 (reprint: Poppe A. 1982); 1968a. S. 164—170; 1971b. P. 178—183 (reprint: Poppe A. 1982)]. С этим мнением согласились Я. Н. Щапов и В. Водов, по мысли которого епископии в Переяславле и Чернигове были подняты до уровня «почетных митрополий». В. Водов объяснил такое возвышение этих епископий соответствием византийской практике и совместным правлением трех старших Ярославичей. Вскоре после 1078 г., когда Всеволод один завладел наследием Ярослава, епископы Чернигова и Переяславля, по его мнению, утратили свой титул митрополитов [Vodoff V. 1988. P. 133—134] . Г. Подскальский интерпретирует наблюдения А. Поппэ ближе к М. Д. Приселкову, отмечая возможность

временной митрополичьей резиденции в Переяславле второй половины XI в. [Podskalsky G. 1982. S. 29].

[2] На детинце древнего Переяславля в 50 м к северо-западу от Михайловского собора были раскопаны остатки гражданской постройки, которые являются остатками, вероятно, бани (по другому мнению, епископского дворца). Здание было построено в конце XI в. Оно состояло из двух прямоугольных помещений, и, возможно, существовало третье. Во время раскопок найдены элементы внутреннего убранства, которые свидетельствуют, что оно было украшено шиферными плитами пола с мозаичными инкрустациями, мраморными колоннами, карнизами, напольными и настенными мозаиками, использовались круглые оконные стекла [Асеев Ю. С., Сикорский М. И., Юра Р. А. 1967; Раппопорт П. А. 1982. С. 34—35].

[3] В результате археологических исследований были открыты остатки каменных ворот, стены и башни, которые являлись оборонительными сооружениями переяславского детинца (внешний край его вала был укреплен кладкой из сырцовых кирпичей) [Кирпичников А. Н. 1977; Древняя Русь : Город. Замок. Село. 1985. С. 70; Археология Украинской ССР. С. 281—283].

К с. 507

[1] В составе Полоцкого княжества Друцк занимал важное экономическое и стратегическое положение. Он находился на одном из концов друцко-лукомльского волока двинского ответвления пути из «варяг в греки». Укрепления детинца (ок.1 га) на холме на правом берегу р. Друти построены на рубеже X—XI вв. или в начале XI в. В северо-западном углу детинца находился, вероятно, княжеский двор. В этом же северо-западном направлении к детинцу примыкал окольный город (ок. 16.5 га), за которым находился неукрепленный посад. После смерти Всеслава Брячиславича Друцк получил, вероятно, его сын Рогволод-Борис. Позднее там правили его сыновья и внуки [Алексеев Л. В. 1975. С. 224—225; Древняя Русь : Город. Замок. Село. 1985. С. 80—81; Куза А. В. 1989. С. 99].

К с. 508

[1] Город Торческ находился в Поросье. В середине XII—XIII вв. он занимал площадь ок. 90 га. Торческ был построен в зоне поселения гузов (торков), выделенной им киевскими князьями в XI в. для кочевий. Под влиянием древнерусского населения, внутренних тенденций развития земледелия и оседлости у гузов (торков) появились небольшие города, одним из которых стал Торческ. Он был укреплен, занимал важное стратегическое положение в оборонительной системе Южной Руси, вследствие чего стал своеобразным центром Поросья [Плетнева С. А. 1958. С. 190—192, 196; 1982. С. 64, 150; Рыбаков Б. А. 1967; Древняя Русь : Город. Замок. Село. 1985. С. 54, 56].

[2] По мнению М. Б. Свердлова, указание в ПВЛ по Ипатьевскому списку — 800 отроков — более предпочтительно, поскольку объясняется логикой последующего повествования — 8000, т. е. в десять раз больше, тогда как соотнесение 700 и 8000 ничем не оправдано [Свердлов М. Б. 1983. С. 204].

[3] Город Треполь находился на высоком останце в устье р. Красной, впадающей в Днепр. Он являлся важной крепостью, контролирующей днепровскую переправу. Город входил в систему крепостей, защищающих Киев и русские земли с юга. В то же время вследствие выгодного стратегического положения он часто назначался местом сосредоточения русских войск перед их походом на половцев [Толочко П. П. 1975. С. 33—35].

[4] Новейшую литературу о Ростиславе Всеволодовиче и его гибели см.: Прохоров Г. М. 1995. С. 239.

К с. 509

[1] Г. Подскальский предложил теологическую интерпретацию идейных основ ПВЛ. По его мнению, в хронике Нестора одной из основных идей являлась мысль о том, что Русь с древнейших времен находится под особым Божиим руководством, равная с другими народами. Проповедь апостола Андрея на Руси являлась дополнительным знаком этой божественной предопределенности. Крещение Владимиром своего народа стало победой Бога в его борьбе с дьяволом. Но пока княжеская семья раздирается распрями, а народ сохраняет

языческие заблуждения, Бог будет посылать наказания, чтобы направить Русь по праведному пути. Далее, сближаясь с Д. С. Лихачевым, Г. Подскальский характеризует идейные основы летописи Нестора как подчеркнуто русскую, национальную позицию [Podskalsky G. 1982. S. 215].

К с. 510

[1] О средневековом Курске, его значении в системе междукняжеских отношений см.: Творогов О. В. 1995д. С. 122—123.

[2] По мнению А. К. Зайцева, город Стародуб появился как форпост государственного освоения пограничных областей радимичей и вятичей. В X—XI вв. он явился одним из раннефеодальных центров в период формирования территориального и политического ядра Черниговского княжества. В XII в. Стародуб стал одним из наиболее крупных городов Новгород-Северской земли [Зайцев А. К. 1975. С. 70, 75—87].

К с. 511

[1] Более поздние обстоятельные исследования см.: Монгайт А. Л. 1955; 1961; Даркевич В. П., Борисевич Г. В. 1995.

[2] О Тугорхане, его политике на Руси и памяти о нем в русских былинах см.: Рыбаков Б. А. 1963. С. 102—104; Пашуто В. Т. 1968. С. 117—118; Плетнева С. А. 1975а. С. 372—374.

[3] Заруб имел важное стратегическое значение в качестве опорного пункта у днепровской переправы против Переяславля. Там происходили переговоры с половецкими ханами. В конце XI в. он имел площадь ок. 4 га. Из поселения он перерос в город [Толочко П. П. 1975. С. 37—40; Древняя Русь : Город. Замок. Село. 1985. С. 54, 58].

[4] О хане Боняке и его политике на Руси см.: Плетнева С. А. 1975б.

[5] О. В. Творогов также отмечает, что текст неясен. В нем идет речь о том, что половцы сожгли Влахернский монастырь на Клове, игуменом которого был в прошлом Стефан, и Спасо-Берестовский монастырь, где игуменом был Герман. Слова «и деревни», по его мнению, представляют собой испорченный текст, поскольку термин «деревня» для XI—XII вв. сомнителен [Творогов О. В. 1991. С. 185]. Предпочтительно чтение Ипатьевского списка ПВЛ: был сожжен недавно построенный деревянный Кловский монастырь. Как показали археологические исследования, вероятно, вскоре после этого пожара в монастыре построили каменную церковь, завершенную в 1108 г. [Толочко П. П. 1972. С. 152—157; Логвин Г. Н. 1980. С. 72—76; Раппопорт П. А. 1982. С. 21—22; 1993. С. 40, 42; см. также ниже, с. 604—605].

[6] Красный двор Всеволода Ярославича на Выдубицком холме находился к югу от Киева. М. К. Каргер предположил, что он был построен еще тогда, когда Всеволод был князем в Переяславле. В этот период был построен и Всеволодов Выдубицкий монастырь, рядом с которым находился его Красный двор [Каргер М. К. 1956. С. 275]. О княжеских дворах и их социальном значении см.: Там же. С. 275—279; Свердлов М. Б. 1983. С. 108—111.

К с. 514

[1] Данные наблюдения над особенностями работы летописца Лаврентия и характером включения в текст Поучения и других сочинений Владимира Мономаха Д. С. Лихачев привел позднее: Лихачев Д. С. 1983. С. 204—210. В то же время разрабатывалась гипотеза, согласно которой Лаврентьевская рукопись 1377 г. являлась не оригинальным памятником, содержащим творческую работу его составителя, а копией свода начала XIV в. с многочисленными неточностями и механическими ошибками. Включение в текст летописи сочинений Владимира Мономаха рассматривалось при этом как пример механической передачи переписываемого текста [Прохоров Г. М. 1972; Лурье Я. С. 1976. С. 30—32].

К с. 516

[1] Указания новейшей исследовательской литературы о Владимире Всеволодовиче Мономахе и его литературных произведениях см.: Рапов О. М. 1977. С. 137—139; Лихачев Д. С. 1987.

С. 98—102; Творогов О. В. 1995б. С. 201—204. Большое значение для изучения его общественного положения имеет найденная в Новгороде в 1960 г. принадлежавшая ему подвесная печать — булла с изображением Василия Кесарийского и надписью на обороте: Σφραγ[ὶς] Βασιλ[ε]ίο[υ] τοῦ πανευγενεστάτου ἄρχοντος Ῥωσίας τοῦ Μονομάχ[ου] — «Печать Василия, благороднейшего архонта России, Мономаха». В. Л. Янин датирует эту печать 70-ми гг. XI в. В надписи он отмечает помещение на булле «пышного титула», а также наименование в прижизненном памятнике Владимира Всеволодовича Мономахом [Янин В. Л., Литаврин Г. Г. 1962. С. 205; Янин В. Л. 1970. С. 16—17].

К с. 518

[1] Л. Мюллер выделил в Поучении Владимира Мономаха цитаты из Псалтири, которые интерпретированы им как основание для обретения внутреннего успокоения и утешения [Мюллер Л. 1995а. С. 4—5]. Анализ славянских переводов и типов псалтирных текстов в новейшей литературе см.: Мещерский Н. А. 1978. С. 42—47.

К с. 519

[1] М. Б. Свердлов отметил прямую связь данных слов Владимира Мономаха с русской общественной жизнью и кругом идей христианской литературы, в частности Премудрости Иисусова сына Сирахова и Жития Ксенофонта, включенных в состав Изборника 1076 года [Свердлов М. Б. 1983. С. 140—141]. О текстуальных и идейных связях Изборника 1076 года и Поучения Владимира Мономаха см.: Будовниц И. У. 1954; Мещерский Н. А. 1980 (перепеч. в: Мещерский Н. А. 1995).

[2] О социально-экономическом положении смердов и отроков см.: Свердлов М. Б. 1983. С. 135—140, 202—207; Горский А. А. 1989а. С. 50—52; см. там же литературу вопроса. Анализ социальной политики Владимира Мономаха в новейшей литературе см.: Смирнов И. И. 1963. С. 230—280; Зимин А. А. 1973. С. 107—121 и след.; см. там же литературу вопроса.

К с. 520

[1] Слово *унеин* в ПВЛ в форме «уне ина» объясняется так же, как «неясное» со значением по И. М. Ивакину — ‘убога и странна’ [Gröber B., Müller L. 1986. Lief. 4. S. 868].

К с. 521

[1] Новейшее исследование А. К. Зайцева подтвердило мнение, согласно которому Курск и Курское Посемье в XI—первой половине XII в. входили в состав владений переяславских князей, несмотря на постоянные претензии на них князей черниговских [Зайцев А. К. 1975. С. 87—95].

[2] В. А. Кучкин пришел к аналогичным выводам о первом «пути» 14-летнего Владимира Мономаха в 1068 г. в связи с киевским восстанием, когда по приказу Всеволода он укрылся в Ростовской земле. Эти же сведения указывают, что Ростовская земля, равно как и Курск, принадлежала в 60-е гг. Всеволоду Ярославичу, который получил ее, вероятно, в 1054 г. после смерти отца [Кучкин В. А. 1969. С. 66—67; 1971. С. 25—27; 1984. С. 61].

[3] Здесь имеется в виду Сутейск Волынский, вероятно, городище у современного села Сонсядка на территории Польши. Оно расположено на мысу при слиянии рек Пора и Вепша (Вепря). Укрепленное поселение состояло из трех частей. Детинец (37 × 30 м) по периметру обнесен валом (высота 6 м), с юго-восточной стороны — также рвом. Проездные ворота находились в западных и восточных укреплениях детинца, к которому примыкали два окольных города. Сутейск входил в число Червенских городов и со времени правления Ярослава Мудрого входил в систему обороны западных границ Руси. Во время раскопок на городище найдены орудия труда, украшения, свинцовые вислые печати Давыда Игоревича [Kuraszkiewicz W., Wędzki A. 1975. S. 485—486; Древняя Русь : Город. Замок. Село. С. 77].

К с. 523

[1] Доходный бюджет Смоленского княжества рассчитан в соответствии с данными Уставной грамоты Смоленской епископии. В новейшей литературе эта грамота датируется 1136 г. [Щапов Я. Н. 1963. С. 39; 1972а. С. 136—150; Поппэ А. 1966б. С. 59; Poppe A. 1966]. Новейшее академическое издание грамоты см.: Щапов Я. Н. 1976. С. 140—146.

К с. 524

[1] В употреблении Владимиром Мономахом аориста 1 лица мн. ч. «идохом» и «стахом» в отличие от аориста 1 лица ед. ч. в известиях о своих действиях существенную скрытую информацию раскрыл В. А. Кучкин: Владимир Мономах сообщал о совместных действиях с отцом, Всеволодом Ярославичем, после битвы на Нежатиной ниве. Отсюда следуют важные выводы: 1) понятна причина молчания летописи при описании церемонии захоронения Изяслава, которой распоряжался Святополк Изяславич, находившийся тогда в Киеве, 2) Святополк Изяславич уступил киевское княжение в результате компромисса Всеволода и Изяславичей, следствием чего стало перераспределение княжеских столов в русских землях. При этом разъясняется причина добровольной уступки Владимиром Мономахом Киева после смерти его отца Всеволода в 1093 г. Святополку Изяславичу как результата этого соглашения [Кучкин В. А. 1995а. С. 112—113].

К с. 526

[1] Дальнейшие исследования, прежде всего археологические, раскрыли конкретно-историческое содержание воздействия русской культуры на культуру кочевников южнорусских степей: усиление тенденции перехода к оседлости, появление земледелия, возникновение небольших городков в зонах расселения кочевников в качестве союзников Руси, распространение христианства [Плетнева С. А. 1958. С. 190—191, 196, 218—219; 1982. С. 63—65].

[2] В новейшей литературе ко времени княжения Святослава Ярославича относят основание в Чернигове Елецкого монастыря в 1060 г. и пещерного монастыря в 1069 г. [Коваленко В. П. 1988. С. 27].

[3] По мнению С. А. Плетневой, «вежи» «за Голтавом» находились за Ворсклой [Плетнева С. А. 1958. С. 220].

[4] С. А. Плетнева раскрыла содержание русско-половецких военных действий в 1096 г. следующим образом. Половцы Днепровского Правобережья под предводительством хана Кури напали на Переяславль и город Устье. Святополк Изяславич и Владимир Мономах находились с объединенным войском под Стародубом, куда бежал Олег Святославич и где он был ими осажден. Боняк в мае подступил к Киеву, Тугоркан — к Переяславлю, Святополк и Владимир поспешили к Киеву, а затем через Заруб — к Переяславлю, где половцы были разбиты, а Тугоркан убит. Чтобы отвлечь силы русских от Переяславля, Боняк вновь напал на Киев и разграбил 20 июля Печерский монастырь, после чего отступил, видимо, потому, что он узнал о гибели Тугоркана и приближении Святополка с войском [Плетнева С. А. 1958. С. 220—221].

К с. 528

[1] В последующих работах рассматривался вопрос о семантике слова *кметь* в зависимости от двух основных направлений исследований: 1) восходит оно к славянской корневой системе или является заимствованием, 2) является ли определением социального статуса или нравственно-оценочной характеристикой в образной системе [см.: Gasiorowski A. 1965. S. 129—130; Савельева Н. В. 1995а. С. 45—46].

К с. 529

[1] О *туре* в древнерусской действительности, литературе и фольклоре см.: Творогов О. В. 1995ж. С. 141—142.

2 В новейших исследованиях словосочетание «лютый зверь» интерпретировалось как 'леопард', 'барс', 'рысь', 'лев' [литературу см.: Савельева Н. В. 1995б. С. 189—190]. При интерпретации фрески в юго-западной башне Софии Киевской с изображением нападения крупного зверя на всадника С. А. Высоцкий склоняется к мнению, что в данном случае изображена львица [Высоцкий С. А. 1989б. С. 147—148].

3 Митрополит Никифор I прибыл в Киев 6 декабря 1104 г., возведен на кафедру 18 декабря того же года, занимал ее до своей смерти в апреле 1121 г. О его деятельности и литературных трудах см.: Poppe A. 1968a. S. 369—370; Poppe A. 1969b. P. 107—114 (reprint: Poppe A. 1982); Vodoff V. 1988. P. 124—125, 264—265 etc.; Колесов В. В. 1987. С. 278—279; Щапов Я. Н. 1989. С. 195. В. Л. Янин убедительно отнес принадлежность Никифору I древнерусской печати с изображением Богоматери «Знамение» и греческой надписью на обороте: 'Αγνὴ σκέποις με 'Ρωσίας Νικηφόρον — «Пресвятая, воззри на меня, Никифора России» [Янин В. Л. 1970. С. 48—49].

К с. 530

1 О соколиной охоте в Древней Руси и *соколе* в древнерусской литературе и фольклоре см.: Соколова Л. В. 1995б. С. 18—21.

К с. 531

1 О системе междукняжеских отношений в 1096 г. см.: Янин В. Л. 1960. С. 116—117. Как отметил В. А. Кучкин, осенью 1096—зимой 1097 г. в Ростовской земле находился только Мстислав Владимирович. В конце февраля 1097 г. к нему присоединился его брат Вячеслав, присланный Владимиром Мономахом с юга. Именно Вячеслав, по мнению В. А. Кучкина, являлся «младшим братом» Мстислава, не названным по имени Владимиром Мономахом в письме к Олегу Святославичу, а не Ярополк, как полагали В. Л. Янин и Н. Н. Воронин [Кучкин В. А. 1984. С. 67—69, см. там же литературу вопроса].

К с. 532

1 Понятие *хлеб* являлось синонимом натурального содержания *корма* — 'кормления' как феодального института и обобщающим названием податного обложения в княжестве и на управляемых территориях. В данных значениях оно было близко французскому понятию *апанаж*, также производному от слова *хлеб* [Свердлов М. Б. 1996а].

2 Н. Н. Воронин предположил, что автором Молитвы являлся Андрей Боголюбский и ее текст был случайно присоединен к произведениям Владимира Мономаха [Воронин Н. Н. 1962]. Позднее было обстоятельно показано, что текст Молитвы не принадлежал Владимиру Мономаху [Матьесен Р. 1971]. Д. С. Лихачев считает это мнение доказанным [Лихачев Д. С. 1983. С. 208].

3 Автором Откровения Мефодия Патарского считают епископа города Патар в Малой Азии Мефодия (III—IV вв.). Оно было широко распространено в византийской литературе, дважды переводилось в Болгарии. На Руси текст Откровения был использован при написании ПВЛ в переработанном виде [Дмитриев Л. А. 1987а. С. 283—285; Творогов О. В. 1991. С. 185—186].

К с. 533

1 Изучение тактического использования оружия в бою показало, что отряды пеших воинов могли успешно противостоять всадникам, хотя конница в XI—XIII вв. была более эффективна в сравнении с пехотными отрядами [Кирпичников А. Н. 1971. С. 67].

2 В дальнейших исследованиях многократно анализировались жанровые особенности Повести об ослеплении князя Василька Ростиславича, объем Повести и время ее включения в ПВЛ, идентифицировался ее автор Василий [Творогов О. В. 1987а. С. 91—92, см. там же литературу вопроса].

К с. 534

[1] Анализ княжеских съездов как политического института на Руси см.: Пашуто В. Т. 1965. С. 20—24.

[2] Город Туров представлял собой округло-треугольный детинец (ок. 1 га), защищенный по периметру валом, с напольной стороны (на юго-востоке) также рвом. Окольный город, ок. 1.5 га, который вырос в юго-восточном направлении, был укреплен валом и рвом. Вследствие значительной роли Туровской земли в западной политике киевских князей в конце X—начале XI в. она была присоединена в середине XI в. к землям, непосредственно подчиненным Киеву, Изяславу и Изяславичам. Вероятно, вследствие западной экономической ориентации Туров и тем более расположенный к западу от него Пинск стали уже к концу XI в. ориентироваться на Галицию и Волынь. Поэтому слова Давыда Игоревича Святополку Изяславичу в повествовании очевидца событий Василия, вероятно, княжого мужа Давыда Игоревича, не были лишены оснований. Показателен наполненный реальным содержанием порядок перечисления городов в речи Давыда Игоревича: «Туров, Пинск и другие твои города». Туров являлся бывшим княжеским стольным городом, центром епископии, городом более древним, чем Пинск. Пинск, построенный только в XI в., возможно во второй его половине, являлся «младшим» городом в Туровской земле [Равдина Т. В. 1966; Лысенко П. Ф. 1966; 1974. С. 23, 33 и след.; Wędski A. 1970. S. 106; Kijas A., Tyszkiewicz J. 1977. S. 218—221; Древняя Русь : Город. Замок. Село. 1985. С. 78; Щапов Я. Н. 1989. С. 42—43; Милютенко Н. И. 1993а. С. 165—166].

К с. 535

[1] По наблюдениям С. А. Плетневой, берендеи (русское произношение рода баяндур) входили в гузский союз. После разгрома торков (гузов) они обособились и расселились в XI в. преимущественно в Поросье. Политически берендеи были активнее торков и печенегов, а большая их часть служила русским князьям. К середине XII в. эти орды объединились в союз Черных клобуков, сохраняя в нем свои племенные названия [Плетнева С. А. 1973. С. 20—28; 1982. С. 63—65].

К с. 536

[1] Дальнейшие историко-архитектурные исследования подтвердили и развили наблюдения над *забралами, или заборолами*, как специальными конструкциями в верхней части городских стен, огражденных с внешней стороны бруствером. Заборола представляли собой площадки, имеющие иногда кровлю, которая защищала людей от камней и стрел, падающих сверху. Во время осады и штурма города с заборол бросали камни и стреляли через бойницы и поверх бруствера. Термин *заборола* мог относиться только к определенному типу оборонительной конструкции, но имел также более широкое значение как защитное устройство вообще [Раппопорт П. А. 1956. С. 124—125].

К с. 538

[1] В последующей литературе вопрос об участии смердов в походе против половцев и мобилизации их коней исследователи продолжали связывать с определением общественного положения смердов. И. И. Смирнов, который характеризовал их вслед за Б. Д. Грековым как свободных и феодально зависимых крестьян, конкретно не решал вопроса об участии смердов в княжеском войске [Смирнов И. И. 1963. С. 238—239]. По И. Я. Фроянову, смерды в XI—XII вв. — «покоренные племена, обложенные данью» — «внешние смерды», позднее — пленники-рабы, посаженные на землю. Поэтому он ссылается на давнее (1908 г.) мнение Б. А. Романова о мобилизации («смерды поставляли», по словам И. Я. Фроянова) лошадей для походов против кочевников. Он не учитывает при этом развития взглядов Б. А. Романова на этот вопрос: смердьи кони и сами смерды в качестве пеших воинов — пещцев отправлялись по решению князей в поход [Романов Б. А. 1947. С. 141—142]. Признание такого факта не

совмещается с представлениями И. Я. Фроянова о смердах. По мнению А. А. Зимина, появление смердов стало следствием развития челядинства-холопства. Поэтому в рассказе о Долобском съезде он видел свидетельство роста использования труда смердов в хозяйствах господ-дружинников, которые давали смердам коней [Зимин А. А. 1973. С. 109]. Б. А. Рыбаков считает, что смерды являлись крестьянами-воинами. Они жили в княжеских домениальных владениях (селах — на юге, погостах — на севере). Они составляли часть княжеского конного войска — кметей [Рыбаков Б. А. 1979; 1982. С. 432]. М. Б. Свердлов в основном поддерживает мысль Б. Д. Грекова и И. И. Смирнова о смердах как свободных и феодально зависимых землевладельцах. По его мнению, лично свободные смерды исполняли воинскую повинность. Поэтому он вслед за Б. А. Романовым (1947) считает, что свободные смерды участвовали в княжеском пешем войске, тогда как лошадей у них мобилизовывали [Свердлов М. Б. 1970. С. 64—66; 1983. С. 144].

К с. 541

[1] Дальнейшие исследования подтверждают мнение о принадлежности к ПВЛ текста об ангелах и легенды об Александре Македонском. Установлен его источник — Иосиппон — еврейская переработка середины X в. сочинения Иосифа Флавия «Иудейская война» [Мещерский Н. А. 1957 (перепеч. в: Мещерский Н. А. 1995); Алексеев А. А. 1987]. Мнение X. Ланта и М. Таубе, относящих эти тексты к более позднему летописанию и отрицающих их в составе ПВЛ, подвергнуто обстоятельному критическому анализу А. А. Алексеевым и В. Я. Петрухиным [Lunt H. G., Taube M. 1988; Алексеев А. А. 1993. С. 59—63; Петрухин В. Я. 1994. С. 44—45]. См. также анализ записей под 1110—1111 гг. в ПВЛ по Ипатьевскому списку в сопоставлении с хроникой Георгия Амартола и сочинениями пророка Даниила (в толковании Ипполита): Vaillant A. 1957.

К с. 543

[1] Б. А. Рыбаков и поначалу С. А. Плетнева поддержали мысль К. В. Кудряшова о локализации половецких городов Шаруканя и Сугрова на Северном Донце в районе разрушенных в конце IX в. печенегами салтово-маяцких крепостей [Рыбаков Б. А. 1952а; Плетнева С. А. 1958. С. 190—191]. Позднее С. А. Плетнева предположила, что Шарукань находился на месте современного Чугуева, а Сугров — Змиева. По предположению С. А. Плетневой, в Шарукани вместе с половцами находились остатки земледельческого аланского (ясского) населения Хазарского каганата [Плетнева С. А. 1975а. С. 270—271; 1982. С. 58—59].

[2] Согласно выводам В. Т. Пашуто, брак Евфимии Владимировны и венгерского короля Кальмана (Коломана) был несчастливым. Евфимия Владимировна была обвинена в неверности и отправлена на Русь. Истинную причину разрыва В. Т. Пашуто предполагает в изменении политики Мономаха к союзной Венгрии Волыни и враждебной ей Византии. Вернувшись на Русь, Евфимия родила сына Бориса, который, повзрослев, долго претендовал на венгерский престол [Пашуто В. Т. 1968. С. 167].

К с. 544

[1] Церковь Богородицы в Кловском (Влахернском) монастыре начали строить, после того как половцы сожгли его во время нападения 1096 г. В 1108 г. строительство было завершено. П. А. Раппопорт допускает, что церковь была возведена до половецкого набега, а после него лишь восстановлена или достроена. Церковь имела галереи. Общие размеры храма с галереями — ок. 32 × 33 м. В состав внутреннего убранства входили фрески, шиферные плиты, поливные керамические плитки. П. А. Раппопорт поддержал гипотезу Г. К. Логвина, согласно которой Кловский собор был большим храмом с куполом, опиравшимся на восемь столбов. Диаметр купола составлял ок. 9.6 м. Это был самый крупный купол в русском зодчестве домонгольского периода. Его возведение стало, вероятно, причиной длительного строительства церкви. Показательно, что монастырь был назван игуменом Стефаном, изгнанным из Печерского монастыря, по константинопольскому образцу — Богородичным Влахернским, а тип Кловской церкви был хорошо известен в Византии,

особенно в Греции [Толочко П. П. 1972. С. 152—157; Логвин Г. Н. 1980. С. 72—76; Раппопорт П. А. 1982. С. 21—22; 1993. С. 40, 42].

[2] Церковь св. Андрея Янчина монастыря находилась, вероятно, в центральной части Киева, но ее конкретное местоположение и остатки здания еще не установлены [Толочко П. П. 1972. С. 102; Раппопорт П. А. 1982. С. 113].

К с. 545

[1] В последующей литературе восстание 1113 г. в Киеве продолжало изучаться как проявление межклассовой борьбы в крупнейшем древнерусском городе. Ее основную причину определяли в гнете княжеской городской администрации и взимавших чрезвычайно высокие проценты ростовщиков, которым покровительствовал Святополк Изяславич. Вследствие этого восставшие разграбили дворы тысяцкого Путяты, сотских, ростовщиков, или еврейский квартал. Владимира Всеволодовича Мономаха горожане призвали на киевское княжение как справедливого правителя, борца с княжеской междоусобицей. В контексте этих событий некоторыми исследователями рассматривалось появление Устава о закупах как правового урегулирования Владимиром Мономахом отношений денежного долга и подчинения в сельской местности [с различиями в интерпретации событий см.: Тихомиров М. Н. 1955. С. 130—143; Мавродин В. В. 1961. С. 130—143; 1971. С. 93—94; Смирнов И. И. 1963. С. 237—266; Черепнин Л. В. 1965. С. 234—243; Зимин А. А. 1973. С. 159—163; Толочко П. П. 1980. С. 105—106; 1983. С. 214—215; Рыбаков Б. А. 1982. С. 450—451; и др. работы]. Л. Н. Гумилев интерпретировал киевское восстание 1113 г. как первый в Киеве еврейский погром, а посольство киевлян к Владимиру Мономаху — как следствие опасений бояр разрастания «этого безобразия», которое может их коснуться [Гумилев Л. Н. 1992. С. 76]. По мнению И. Я. Фроянова, в «киевской общине» «разграбление двора тысяцкого и еврейского квартала означало не разбойное нападение толпы, а наказание по закону, освященному обычаем» [Фроянов И. Я. 1995. С. 223].

[2] Николо-Дворищенский собор сохранился почти целиком. Он трехабсидный, шестистолпный, с нартексом. Имел пять глав, из которых сохранилась только центральная. В храме три портала, но на его хоры входили по переходу из княжеского дворца через дверь во втором ярусе. В XII в. эта дверь была заложена и в одном из членений нартекса была построена лестничная башня [Штендер Г. М. 1964. С. 186—189; Раппопорт П. А. 1982. С. 70—71; 1993. С. 186—189].

[3] Бусы, которые во множестве находили на берегах Волхова и Ладожки, в значительных количествах импортировались на Русь [Львова З. А. 1968; 1970]. Наиболее обстоятельные исследования в новейшей литературе о древнерусском стекле см.: Щапова Ю. Л. 1972, 1983, 1991.

К с. 546

[1] Эти материалы Хроники Иоанна Малалы рассматриваются в новейшей литературе как одна из форм проявления интереса на Руси к античному наследию [об изучении античной традиции в древнерусской культуре как научной проблеме см.: Удальцова З. В. 1966; Шустерович Е. М. 1968; Буланин Д. М. 1979; и др. работы]. По мнению С. Франклина, античные реалии трансформировались или подменялись в соответствии со славянскими представлениями, как в данном случае Гелиос и Гермес, соотнесенные со Сварогом и Дажьбогом [Franklin S. 1983].

К с. 547

[1] Судя по плановой схеме и строительной технике, церковь святых Бориса и Глеба в Вышгороде была построена в 70—90-е гг. XI в., в правление Святослава и Всеволода Ярославичей [Каргер М. К. 1962. С. 310—336; Раппопорт П. А. 1982. С. 27—28].

К с. 548

[1] По мнению С. А. Плетневой, Балин находился недалеко от Сугрова. Возможно, это сохранившееся ныне городище у села Гайдары в 6 км ниже города Змиева на Северском Донце [Плетнева С. А. 1975а. С. 270—271].

[2] По наблюдениям М. И. Артамонова, в летописной записи под 1116 г. сообщается о битве разбитых русскими князьями половцев с остатками торков и печенегов, которые находились на Нижнем Дону, в тылу половцев. С этим мнением согласилась С. А. Плетнева [Артамонов М. И. 1962. С. 450—451; Плетнева С. А. 1990а. С. 62—63]. Согласно интерпретации А. В. Гадло, под летописным названием реки Дон подразумевается Северский Донец. Отсюда следует, что Ярополк Владимирович и Всеволод Давыдович разбили половцев, которые ушли в глубь степей на юг или юго-восток, тогда как первоначально союзные с половцами торки и печенеги отошли к границам Руси, признав зависимость от Владимира Мономаха [Гадло А. В. 1994. С. 190; см. также: Творогов О. В. 1995в. С. 134; 1995г. С. 134—135].

Авдусин Д. А. 1972. Гнездово и Днепровский путь // Новое в археологии. М.

Авенариус С. 1993. Ранние славяне в Среднем Подунавье : Автохтонная теория в свете современных исследований // Славяноведение. № 2.

Аверинцев С. С. 1972. К уяснению смысла надписи над конхой центральной апсиды Софии Киевской // Древнерусское искусство : Художественная культура домонгольской Руси. М.

Агеева Р. А. 1990. Страны и народы : Происхождение названий. М.

Акентьев К. К. 1995. Мозаики Киевской св. Софии и «Слово» митрополита Илариона в византийском литургическом контексте // Литургия, архитектура и искусство византийского мира. СПб.

Алексеев А. А. 1987. Переводы с древнееврейских оригиналов в Древней Руси // Russian Linguistics. Vol. 11. N 1.

Алексеев А. А. 1993. Русско-еврейские литературные связи до 15 века // Jews and Slavs. Jerusalem; SPb. Vol. 1.

Алексеев Л. В. 1966. Полоцкая земля : (Очерки истории северной Белоруссии в IX—XIII вв.). М.

Алексеев Л. В. 1974. Оковский лес Повести временных лет // Культура Руси. Л.

Алексеев Л. В. 1975. Полоцкая земля // Древнерусские княжества X—XIII вв. М.

Алексеев Л. В. 1980. Смоленская земля в IX—XIII вв.: Очерки истории Смоленщины и Восточной Белоруссии. М.

Алешковский М. Х. 1962. Новгородский детинец 1044—1430 гг. : (По материалам новых исследований) // АН. Вып. 14.

Алешковский М. Х. 1969. Первая редакция «Повести временных лет» // АЕ. 1967 г.

Алешковский М. Х. 1971. Повесть временных лет : Судьба литературного произведения в Древней Руси. М.

Алешковский М. Х. 1972. Русские Глебоборисовские энколпионы 1072—1150 годов // Древнерусское искусство : Художественная культура домонгольской Руси. М.

Алешковский М. Х. 1976. К типологии текстов «Повести временных лет» // Источниковедение отечественной истории. М. Вып. 2.

Ангелов Д. История на Византия. София. Ч. 2.

Ариньон Ж.-П. 1980. Международные отношения Киевской Руси в середине X в. и крещение княгини Ольги // ВВ. Т. 2.

Арранц О. М. 1993. О крещении князя Владимира // Тысячелетие введения христианства на Руси. М.

Артамонов М. И. 1958. Саркел—Белая Вежа // Тр. Волго-Донской археологической экспедиции. М. Т. 1. (МИА. № 62).

Артамонов М. И. 1962. История хазар. Л.

Археология Прикарпатья, Волыни и Закарпатья. 1990. Раннеславянский и древнерусский периоды. Киев.

Археология Украинской ССР. 1986. Киев. Т. 3: Раннеславянский и древнерусский периоды.

Архипов А. 1993. К изучению сюжета о выборе веры: «Повесть временных лет» и «еврейско-хазарская переписка» // Jews and Slavs. Jerusalem; SPb. Vol. 1.

Асеев Ю. С. 1961. Новые данные о соборе Дмитриевского монастыря в Киеве // СА. № 3.

Асеев Ю. С., Сикорский М. И., Юра Р. А. 1967. Памятник гражданского зодчества XI в. в Переяславле-Хмельницком // СА. № 1.

Асеев Ю. С., Харламов В. А. 1968. Об архитектуре Успенского собора Печерского монастыря в Киеве : (Исследования 1982 г.) // АН. Т. 34.

Ахинжанов С. М. 1976. Об этническом составе кипчаков среднего Казахстана по археологическим источникам: Сб. статей. Алма-Ата.

Ахинжанов С. М. 1980. Из истории движения кочевых племен евразийских степей в первой половине XI в. // Археологические исследования древнего и среднего Казахстана. Алма-Ата.

Баранов И. А. 1994. Таврика в составе Хазарского каганата (середина VII—X в.) : Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Киев.

Бегунов Ю. К. 1981. Зарубежная литература о русском летописании за 1960—1962 гг. // ЛХ. 1980 г.

Белецкий С. В. 1995. К вопросу о времени строительства Софийского собора в Киеве // Церковная археология. Ч. 2: Христианство и древнерусская культура. СПб.; Псков.

Беляев С. А. 1989. Где крестился князь Владимир? : (Предварительное общение) // ПКНО. 1988 г.

Бережков Н. С. 1963. Хронология русского летописания. М.

Библиография работ по древнерусской литературе, опубликованных в СССР. 1995. 1973—1987 гг. Ч. 1: 1973—1977. СПб.

Богданова Н. М. 1986. О времени взятия Херсонеса князем Владимиром // ВВ. Т. 47.

Богомольников В. В. 1983. Территория радимичей в свете новых данных // Древнерусское государство и славяне : Материалы симпозиума, посвященного 1500-летию Киева. Минск.

Богомольников В. В. 1993. О близости радимичей, вятичей и северян : (По письменным и археологическим данным) // Старожитності південної Руси : Матеріали историко-археологічного семінару «Чернігів і його округа в IX—XIII ст.». Чернігів, 16—18 травня 1990 р. Чернігів.

Борцова И. В. 1989. Легендарные экскурсы о разделении земли в древнерусской литературе // ДГ. 1987 г.

Бромлей Ю. В. 1963. К вопросу о сотне как общественной ячейке у восточных славян в средние века // История, фольклор, искусство славянских народов. М.

Бромлей Ю. В. 1968. К реконструкции административно-территориальной структуры раннесредневековой Хорватии // Славяне и Русь.

Буганов В. И. 1975. Отечественная историография русского летописания : Обзор советской литературы. М.

Буганов В. И. 1986. Очерки истории классовой борьбы в России XI—XVII вв. М.

Буданова В. П. 1991. Этнонимия племен Западной Европы : Рубеж античности и средневековья. М.

Будовниц И. У. 1954. «Изборник» Святослава 1076 г. и «Поучение» Владимира Мономаха и их место в истории русской общественной мысли // ТОДРЛ. Т. 10.

Будовская Е. Э., Морозов И. А. 1995. Баня // Славянские древности : Этнолингвистический словарь / Под ред. Н. И. Толстого. М.

Буров В. А. 1987. О местоположении княжеской сотни в древнем Новгороде //СА. № 1.

Васильев М. А. 1989. Боги Хорс и Семаргл восточнославянского язычества // Религии мира : История и современность. 1987 г. М.

Васильев М. А. 1994. Великий князь Владимир Святославич : От языческой реформы к крещению Руси // Славяноведение. № 2.

Ведюшкина И. В. 1995. «Русь» и «Русская земля» в Повести временных лет и летописных статьях второй трети XII—первой трети XIII в. // ДГ. 1992—1993 гг. М.

Велецкая Н. Н. 1978. Языческая символика славянских архаических ритуалов. М.

Вилинбахов В. Б. 1963. Балтийско-Волжский путь // СА. № 3.

Вилинбахов В. Б. 1965. Несколько замечаний о теории А. Стендер-Петерсена // Ск. сб. Вып. 6.

Володарский В. 1961. Ятвяжская проблема в польско-русских связях X—XIII вв. // Международные связи России до XVII в. : Сб. статей. М.

Водов В. А. 1993. Крещение Руси как тема международного исторического исследования // Тысячелетие введения христианства на Руси. М.

Воронин Н. Н. 1960. Медвежий культ в Верхнем Поволжье в XI в. // Краеведческие записки Гос. Ярославо-Ростовского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника. Ярославль. Вып. 4.

Воронин Н. Н. 1961. Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV вв. М. Т. 1.

Воронин Н. Н. 1962. О времени и месте включения в летопись сочинений Владимира Мономаха // Историко-археологический сборник : А. В. Арциховскому к 60-летию со дня рождения и 35-летию научной, педагогической и общественной деятельности. М.

Воронин Н. Н. 1965. К вопросу о начале ростово-суздальского летописания // АЕ. 1964 г.

Высоцкий С. А. 1966. Древнерусские надписи Софии Киевской XI—XIV вв. Киев. Вып. 1.

Высоцкий С. А. 1974. Автограф художника из Софийского собора в Киеве // Культура средневековой Руси. Л.

Высоцкий С. А. 1975. Графіті та час побудови Софійського собору в Києві // Стародавній Київ. Київ.

Высоцкий С. А. 1976. Средневековые надписи Софии Киевской. Киев.

Высоцкий С. А. 1989а. О дате поездки посольства Ольги в Константинополь // Древние славяне и Киевская Русь. Киев.

Высоцкий С. А. 1989б. Светские фрески Софийского собора в Киеве. Киев.

Высоцкий С. А. 1991. Напис про смерть Ярослава Мудрого у Софійскому соборі в Києві та деякі питання його вивчення // Археологія. № 2.

Гадло А. В. 1968а. О черных и внутренних болгарах : Одна из спорных проблем исторической этногеографии южнорусской степи // Докл. по этнографии. (ВГО. Вып. 6).

Гадло А. В. 1968б. Проблема Приазовской Руси и современные археологические данные о Южном Приазовье VIII—X вв. // Вестн. ЛГУ. Сер. истории, языка и литературы. Вып. 3.

Гадло А. В. 1971. Восточный поход Святослава : (К вопросу о начале Тмутараканского княжения) // Проблемы истории феодальной России. Л.

Гадло А. В. 1973. О начале славяно-русской миграции в Приазовье и Таврику // Славяно-русская этнография : Сб. статей. Л.

Гадло А. В. 1979. Этническая история Северного Кавказа IV—X вв. Л.

Гадло А. В. 1988. К истории Тмутараканского княжества во второй половине XI в. // Историко-археологическое изучение Древней Руси : Итоги и основные проблемы. Л.

Гадло А. В. 1994. Этническая история Северного Кавказа X—XIII вв. СПб.

Головко О. Б. 1983. До питання про початок міждержавних відносин Київської Русі и Польші у X ст. // УІЖ. № 6.

Головко О. Б. 1984. Русько-польські відносини X—XI ст. в радянській історіографії (1956—1980) // Проблеми слов'янознавства. Кн. 30.

Головко А. Б. 1986. Проблема политического и военного союза в отношениях Руси и Польши: (30-е гг. X—30-е гг. XII в.) // СС. № 4.

Головко А. Б. 1988. Древняя Русь и Польша в политических взаимоотношениях X—первой трети XIII в. Киев.

Голубева Л. А. 1973. Весь и славяне на Белом озере. X—XIII вв. М.

Голубева Л. А. 1979. Весь, скандинавы и славяне в X—XI вв. Л.

Голубева Л. А., Кочкуркина С. И. 1991. Белозерская весь : (По материалам поселения Крутик IX—X вв.). Петрозаводск.

Гонятный М. И., Недошивина Н. Г. 1990. К вопросу о вятичах на Верхнем Дону : (Археологические данные) // СА. № 1.

Город Болгар. 1987. Очерки истории и культуры. М.

Город Болгар. 1988. М.

Горский А. А. 1989а. Древнерусская дружина. М.

Горский А. А. 1989б. Проблема происхождения названия «Русь» в современной советской историографии // История СССР. № 3.

Греков Б. Д. 1953. Киевская Русь. [М.].

Гринев Н. Н. 1989. Краткая редакция Русской Правды как источник по истории Новгорода XI в. // НИС. Вып. 3 (13).

Гумилев Л. Н. 1966. Открытие Хазарии. Л.

Гумилев Л. Н. 1992. От Руси до России. СПб.

Гуревич А. Я. 1972. История и сага. М.

Гуревич Ф. Д. 1962. Древности Белорусского Понеманья. Л.

Данилевский И. Н. 1983. Нерешенные вопросы хронологии русского летописания // ВИД. Вып. 15.

Данилевский И. Н. 1994. Перспективы изучения летоисчислительных систем древнерусских летописных сводов // ВИД. 1994 г. М.

Даркевич В. П., Борисевич Г. В. 1995. Древняя столица Рязанской земли. М.

Джаксон Т. Н. 1978а. К методике анализа русских известий исландских королевских саг // Методика изучения древнейших источников по истории народов СССР: Сб. статей. М.

Джаксон Т. Н. 1978б. Скандинавский конунг на Руси : (О методике анализа сведений исландских королевских саг) // Восточная Европа в древности и средневековье. М.

Джаксон Т. Н. 1991. Исландские королевские саги как источник по истории Древней Руси и ее соседей. X—XIII вв. // ДГ. 1988—1989 гг. М.

Джаксон Т. Н. 1993. Исландские королевские саги в Восточной Европе : (С древнейших времен до 1000 г.) : Тексты, перевод, комментарий. М.

Джаксон Т. Н. 1994. Исландские королевские саги о Восточной Европе (первая треть XI в.) : Тексты, перевод, комментарий. М.

Дмитриев Л. А. 1987а. Откровение Мефодия Патарского // СККДР. Вып. 1.

Дмитриев Л. А. 1987б. Сказание о Борисе и Глебе // СККДР. Вып. 1.

Дмитриева Р. П. 1962. Библиография русского летописания. М.; Л.

Древнерусские княжества X—XIII вв. 1975. М.

Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. 1976 / Изд. подгот. Я. Н. Щапов. М.

Древняя Русь : Город. Замок. Село. 1985. М.

Дубов И. В. 1982. Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья : (Историко-археологические очерки). Л.

Дубов И. В. 1985. Северо-Восточная Русь XI в. и события 1024 и 1071 гг. // Генезис и развитие феодализма в России : Проблемы социальной и классовой борьбы. Л.

Дубов И. В. 1990. Новые источники по истории Древней Руси. Л.

Еремян С. Т. 1965. О некоторых историко-географических параллелях в «Повести временных лет» и «Истории Тарона» Иоанна Мамиконяна // Исторические связи и дружба украинского и армянского народов. Киев.

Жарнов Ю. Э. 1991. Животные в погребальном обряде курганов периода становления Древнерусского государства // СА. № 2.

Жуковская Л. П. 1963. Развитие славяно-русской палеографии. М.
Жуковская Л. П. 1971. Сколько книг было в Древней Руси? // Русская речь. № 1.

Загорульский Э. М. 1963. Древний Минск. Минск.
Загорульский Э. М. 1982. Возникновение Минска. Минск.
Зайцев А. К. 1975. Черниговское княжество // Древнерусские княжества X—XIII вв. М.
Засурцев П. И. 1963. Усадьбы и постройки древнего Новгорода. М. (МИА. № 123).
Засурцев П. И. Новгород, открытый археологами. М.
Заходер Б. Н. 1962. Каспийский свод сведений о Восточной Европе : Горган и Поволжье в IX—X вв. М.
Зимин А. А. 1954. К истории текста Краткой редакции Русской Правды // Тр. Московского гос. историко-архивного ин-та. Т. 7.
Зимин А. А. 1956. О хронологии договорных грамот Великого Новгорода с князьями XIII—XV вв. // Проблемы источниковедения. М.
Зимин А. А. 1965. Феодальная государственность и Русская Правда // ИЗ. Т. 76.
Зимин А. А. 1973. Холопы на Руси : (С древнейших времен до конца XV в.). М.

Иванов В. В., Топоров В. Н. 1965. Славянские языковые моделирующие семиотические системы : (Древний период). М.
Иванов В. В., Топоров В. Н. 1974. Исследования в области славянских древностей : (Лексические и фразеологические вопросы реконструкции текстов). М.
Иванов В. В., Топоров В. Н. 1980а. О древних славянских этнонимах : Основные проблемы и перспективы // Славянские древности : Этногенез, материальная культура Древней Руси. Киев.
Иванов В. В., Топоров В. Н. 1980б. Славянская мифология // Мифы народов мира. Т. 2.
Иванов В. В., Топоров В. Н. 1983. К реконструкции Мокоши как женского персонажа в славянской версии основного мифа // Балто-славянские исследования. 1982 г. М.
Иванова Т. А. 1963. Вопросы возникновения славянской письменности в трудах советских и болгарских ученых за последнее десятилетие (1950—1960) // Изв. АН СССР. ОЛЯ. Т. 22. Вып. 2.
Ильин Н. Н. 1957. Летописная статья 6523 года и ее источник. М.
Именной и географический указатели к Ипатьевской летописи. 1975 / Сост. Л. Л. Муравьева, Л. Ф. Кузьмина. М.
Исаевич Я. Д. 1970. Територія и населення «Червенських градів» (X—XIII ст.) // Український іст.-геогр. збірник. Київ. Вып. 1.
Исаевич Я. Д. 1972. «Грады Червенские» и Перемышльская земля в политических взаимоотношениях между восточными и западными славянами (конец IX—начало XI в.) // Исследования по истории славянских и балканских народов : Эпоха средневековья : Киевская Русь и ее славянские соседи. М.
История Византии. 1967. М. Т. 2.
История крестьянства Северо-Запада России. 1994. Период феодализма. Л.
История на България. 1981. Т. 2: Първа Българска държава. София.

Казакевич А. Н. 1976. Советская литература по летописанию (1960—1972 гг.) // ЛХ. 1976 г.
Калинина Т. М. 1976. Сведения Ибн Хаукаля о походах Руси времени Святослава // ДГ. 1975 г.
Калугин В. В. 1991. «Кънигы»: Отношение древнерусских писателей к книге // Древнерусская литература : Изображение общества. М.
Каменцева Е. И., Устюгов Н. В. 1975. Русская метрология. 2-е изд. М.
Каргалов В. В. 1965. Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. М.
Каргер М. К. 1958. Древний Киев. М.; Л. Т. 1.
Каргер М. К. 1963. Древний Киев. М.; Л. Т. 2.

Карташев А. В. 1991. Очерки по истории русской церкви. Репринт. М. Т. 1.

Карышковский П. О. 1951. Русско-болгарские отношения во время Балканских войн Святослава // ВИ. № 8.

Карышковский П. О. 1955. К истории балканских походов при Святославе // КСИС. Вып. 14.

Каштанов С. М. 1972. О процедуре заключения договоров между Византией и Русью в X в. // Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе : Сб. статей, посвященный Л. В. Черепнину. М.

Каштанов С. М. 1976. Интитуляция русских княжеских актов X—XIV вв. : (Опыт первичной классификации) // ВИД. Вып. 8.

Каштанов С. М. 1996. К вопросу о происхождении текста русско-византийских договоров X в. в составе Повести временных лет // Восточная Европа в древности и средневековье : Политическая структура Древнерусского государства : VIII Чтения памяти В. Т. Пашуто : Тез. докл. М.

Кирпичников А. Н. 1966а. Древнерусское оружие. Вып. 1: Мечи и сабли IX—XIII вв. М.; Л. (САИ. Е 1-36).

Кирпичников А. Н. 1966б. Древнерусское оружие. Вып. 2: Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX—XIII вв. М.; Л. (САИ. Е 1-36).

Кирпичников А. Н. 1971. Древнерусское оружие. Вып. 3: Доспех, комплекс боевых средств IX—XIII вв. Л. (САИ. Е 1-36).

Кирпичников А. Н. 1977. Ладога и Переяславль Южный — древнейшие каменные крепости на Руси // ПКНО. 1977.

Кирпичников А. Н. 1979. Ладога и Ладожская волость в период раннего средневековья // Славяне и Русь. Киев.

Кирпичников А. Н. 1985. Раннесредневековая Ладога : Итоги археологических исследований // Средневековая Ладога. Л.

Кирпичников А. Н. 1988. Ладога и Ладожская земля VIII—XIII вв. // Историко-археологическое изучение Древней Руси : Итоги и основные проблемы. Л. (Славяно-русские древности. Вып. 1).

Кирпичников А. Н. 1995. Ладога VIII—X вв. и ее международные связи // Древняя Русь : Новые исследования. СПб. (Славяно-русские древности. Вып. 2).

Кирпичников А. Н., Дубов И. В., Лебедев Г. С. 1986. Русь и варяги : (Русско-скандинавские отношения домонгольского времени) // Славяне и скандинавы. М.

Кирпичников А. Н., Назаренко В. А. 1992. Археологические открытия в Старой Ладоге : Черты сходства средневековых городов региона Балтики // АВ. № 1.

Клейбер Б. 1960. Искоростень // Scando-Slavica. T. 6.

Клейн Л. С. 1995. О древнерусских языческих святилищах // Церковная археология : Материалы Первой всероссийской конференции. Псков, 20—24 ноября 1995 г. Ч. 1: Распространение христианства в Восточной Европе. СПб.; Псков.

Клосс Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII вв. М.

Князевская О. А. 1990. Кириллица // Лингвистический энциклопедический словарь. М.

Коваленко В. П. 1988. Основные этапы развития древнего Чернигова // Чернигов и его округа в IX—XIII вв.: Сб. научных трудов. Киев.

Коваленко В. П., Шкун А. В. 1984. Летописный Листвен: (К вопросу о локализации) // СА. № 4.

Ковачевић Ј. Аварски каганат. Београд. 1977.

Колесов В. В. 1987. Никифор // СККДР. Вып. 1.

Комеч А. И. 1987. Древнерусское зодчество конца X—начала XII в. М.

Конецкий В. Я. 1993. Новгородские сопки в контексте этносоциальных процессов конца I—начала II тыс. н. э. // НИС. Вып. 4 (14).

Конецкий В. Я., Носов Е. Н. 1985. Загадки Новгородской округи. Л.

Константин Багрянородный. 1989. Об управлении империей : Текст, перевод, комментарий / Под ред. Г. Г. Литаврина, А. П. Новосельцева. М.

Коринный Н. Н. 1984. Некоторые проблемы исторической топографии древнего Переяслава // Актуальные вопросы исторической науки. Киев.

Королюк В. Д. 1964. Западные славяне и Киевская Русь в X—XI вв. М.

Королюк В. Д. 1985. Славяне и восточные романцы в эпоху раннего средневековья. М.
Котляр Н. Ф. 1985. Формирование территории и возникновение городов Галицко-Волынской Руси IX—XIII вв. Киев.
Кочкуркина С. И., Линевский А. М. 1985. Курганы летописной веси X—начала XIII в. Петрозаводск.
Кралик О. 1963. Повесть временных лет и Легенда Кристиана // ТОДРЛ. Т. 19.
Кривошеев Ю. В. 1985. О социальных коллизиях в Суздальской земле 1024 г. // Генезис и развитие феодализма в России : Проблемы социальной и классовой борьбы. Л.
Куев К. М. 1967. Черноризец Храбър. София.
Куза А. В. 1975. Новгородская земля // Древнерусские княжества X—XIII вв. М.
Куза А. В. 1989. Малые города Древней Руси. М.
Кузьмин А. Г. 1969. Русские летописи как источник по истории Древней Руси. Рязань.
Кузьмин А. Г. 1970. Варяги и Русь на Балтийском море // ВИ. № 10.
Кузьмин А. Г. 1974а. Об этнической природе варягов // ВИ. № 11.
Кузьмин А. Г. 1974б. Сказание об апостоле Андрее и его место в Начальной летописи // ЛХ. 1973 г.
Кузьмин А. Г. 1976. Термин «бела» древнерусских памятников // Средневековая Русь. М.
Кузьмин А. Г. 1977. Начальные этапы древнерусского летописания. М.
Кузьмин А. Г. 1988. Падение Перуна : Становление христианства на Руси. М.
Купранис А. А. 1994. Печать Иоанна, митрополита России // Памятники средневековой культуры : Открытия и версии : Сб. статей к 75-летию В. Д. Белецкого. СПб.
Курбатов Г. Л. 1988. Византия и Русь в IX—X вв. : (Некоторые аспекты социально-экономических отношений) // Историко-археологическое изучение Древней Руси : Итоги и основные проблемы. Л. (Славяно-русские древности. Вып. 1).
Кучкин В. А. 1969. Ростово-Суздальская земля в X—первой трети XIII в. : (Центры и границы) // История СССР. № 2.
Кучкин В. А. 1971. «Поучение» Владимира Мономаха и русско-польско-немецкие отношения 60—70-х гг. XI в. // СС. № 2.
Кучкин В. А. 1984. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X—XIV вв. М.
Кучкин В. А. 1985. «Слово о полку Игореве» и междукняжеские отношения 60-х гг. XI в. // ВИ. № 1.
Кучкин В. А. 1995а. «Русская земля» по летописным данным XI—первой трети XIII в. // ДГ. 1992—1993 гг.
Кучкин В. А. 1995б. «С тоя же Каялы Святоплъкь...» // RM. Т. 8. Р. 1.
Кучкин В. А. 1996. Дреговичи в X—начале XIII в. // Восточная Европа в древности и средневековье : Политическая структура Древнерусского государства : VIII Чтения памяти В. Т. Пашуто : Тез. докл. М.
Кушнир И. И. 1991. Архитектура Новгорода. Л.

Лавров П. А. 1930. Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. Л. (Тр. славянской комиссии. Т. 1).
Ларин Б. А. 1975. Лекции по истории русского литературного языка: (X—середина XVIII в.). М.
Латиноязычные источники по истории Древней Руси. 1989. Германия: IX—первая половина XII в. / Сост., пер., коммент. М. Б. Свердлова. М.; Л.
Лаул С. К. 1975. Погребальные памятники прибалтийских финнов в I тыс. н. э. // Вопросы финно-угроведения. Саранск. Вып. 6.
Лаул С. К. 1982. Некоторые закономерности распространения древнего населения в свете изучения могильников I тыс. н. э. в Восточной Эстонии // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л.
Лебедев Г. С. 1972. Путь из варяг в греки // Вестн. ЛГУ. Вып. 20.
Лебедев Г. С. 1985. Эпоха викингов в Северной Европе : Историко-археологические очерки. Л.

Лев Дьякон. 1988. История / Пер. М. М. Копыленко, ст. М. Я. Сюзюмова. коммент. М. Я. Сюзюмова, С. А. Иванова. М.

Левицкий Т. 1978. «Мадьяры» у средневековых арабских и персидских географов // Восточная Европа в древности и средневековье : Сб. статей. М.

Левченко М. В. 1956. Очерки по истории русско-византийских отношений. М.

Леонтьев А. Е. 1991. Археология мери : (К предыстории Северо-Восточной Руси) : Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М.

Леонтьев А. Е., Рябинин Е. А. 1980. Этапы и формы ассимиляции летописной мери : (Постановка вопроса) // СА. № 2.

Лесман Ю. М. 1993. К истории этногенеза : Этногенез древнерусской народности // Скифы. Сарматы. Славяне. Русь. СПб. (Петербургский археол. вестн. Вып. 6).

Лимонов Ю. А. 1987. Владимиро-Суздальская Русь : Очерки социально-политической истории. Л.

Линева Е. А. 1984. Вопросы развития и типологии Белгорода Киевского // Древнерусский город : Материалы Всесоюз. археол. конф., посвященной 1500-летию города Киева. Киев.

Литаврин Г. Г. 1967. Пселл о причинах последнего похода русских на Константинополь // ВВ. Т. 27.

Литаврин Г. Г. 1968. Еще раз о походе русских на Византию в июле 1043 г. // ВВ. Т. 29.

Литаврин Г. Г. 1972. Война Руси против Византии в 1043 г. // Исследования по истории славянских и балканских народов : Эпоха средневековья : Киевская Русь и ее славянские соседи. М.

Литаврин Г. Г. 1977. Византийское общество и государство в X—XI вв. М.

Литаврин Г. Г. 1981а. О датировке посольства княгини Ольги в Константинополь // История СССР. № 5.

Литаврин Г. Г. 1981б. Путешествие русской княгини Ольги в Константинополь : Проблема источников // ВВ. Т. 42.

Литаврин Г. Г. 1982. Состав посольства Ольги в Константинополе и «дары» императора // Византийские очерки. М.

Литаврин Г. Г. 1983. Древняя Русь, Болгария и Византия в IX—X вв. // История, культура, этнография и фольклор славянских народов : IX Междунар. съезд славистов. М.

Литаврин Г. Г. 1984. Славинии VII—IX вв. — социально-политические организации славян // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. М.

Литаврин Г. Г. 1986. К вопросу об обстоятельствах, месте и времени крещения княгини Ольги // ДГ. 1985 г.

Литаврин Г. Г. 1991. Известия Менандра Проктитора об отношениях аваров и славян // Византия. Средиземноморье. Славянский мир : К XVIII Междунар. конгр. византинистов. М.

Литаврин Г. Г. 1993а. «Приходяще Русь да витають у святаго Мамы» // Philologia slavica : К 70-летию акад. Н. И. Толстого. М.

Литаврин Г. Г. 1993б. Условия пребывания древних русов в Константинополе в X в. и их юридический статус // ВВ. Т. 54.

Литаврин Г. Г. 1994. Киево-Печерский патерик о работорговцах иудеях в Херсонесе и о мученичестве Евстратия Постника // Славяне и их соседи. Вып. 5: Еврейское население в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе : Средние века—Новое время. М.

Литаврин Г. Г., Каждан А. П., Удальцова З. В. 1966. Отношения Древней Руси и Византии в XI—первой половине XIII в. Oxford.

Лихачев Д. С. 1952. Возникновение русской литературы. М.; Л.

Лихачев Д. С. 1958. Человек в литературе древней Руси. М.; Л.

Лихачев Д. С. 1962а. Изучение «Слова о полку Игореве» и вопрос о его подлинности // «Слово о полку Игореве» — памятник XII века. М.; Л.

Лихачев Д. С. 1962б. Текстология : На материале русской литературы X—XVII вв. М.; Л.

Лихачев Д. С. 1967. Поэтика древнерусской литературы. Л.

Лихачев Д. С. 1973. Развитие русской литературы X—XVII веков : Эпохи и стили. Л.

Лихачев Д. С. 1975. Повесть временных лет // Великое наследие : Классические произведения литературы древней Руси. М.

Лихачев Д. С. 1983. Текстология : На материале русской литературы X—XVII вв. 2-е изд. Л.
Лихачев Д. С. 1985. Прошлое — будущему. Л.
Лихачев Д. С. 1987. Владимир Всеволодович Мономах // СККДР. Вып. 1.
Ловмяньский Х. 1985. Русь и норманны. М.
Логвин Г. Н. 1977. К истории сооружения Софийского собора в Киеве // ПКНО. 1977 г.
Логвин Г. Н. 1980. Архитектура храма на Клове // Исследование и охрана архитектурного наследия Украины. Киев.
Логвин Г. Н. 1986. Михайловская церковь на Выдубицах в Киеве // СА. № 4.
Логвин Г. Н. 1987. Про час спорудження Софийського собору в Києві // УІЖ. № 2.
Лукина Г. Н. 1990. Предметно-бытовая лексика древнерусского языка. М.
Лурье Я. С. 1968. Изучение русского летописания // ВИД. Вып. 1.
Лурье Я. С. 1976. Общерусские летописи XIV—XV вв. Л.
Лурье Я. С. 1985. Генеалогическая схема летописей XI—XVI вв., включенных в «Словарь книжников и книжности Древней Руси» // ТОДРЛ. Т. 40.
Лурье Я. С. 1990. Схема истории летописания А. А. Шахматова и М. Д. Приселкова и задачи дальнейшего исследования летописей // ТОДРЛ. Т. 44.
Лысенко П. Ф. 1966. К вопросу об исторической топографии древнего Пинска // Вопр. истории и археологии. Минск.
Лысенко П. Ф. 1974. Города Туровской земли. Минск.
Львов А. С. 1968а. Исследование «Речи философа» // Памятники древнерусской письменности : Язык и текстология. М.
Львов А. С. 1968б. «Сказание о преложении кънигъ на словѣнськыи языкъ» — сочинение русского книжника // Изв. АН СССР. Сер. литературы и языка. Т. 27. Вып. 1.
Львов А. С. 1975. Лексика «Повести временных лет». М.
Ляпушкин И. И. 1968. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства (VIII—первая половина IX в.) : Историко-археологические очерки. Л. (МИА. № 152).

Мавродин В. В. 1961. Народные восстания в Древней Руси XI—XIII вв. М.
Мавродин В. В. 1971. Образование Древнерусского государства и формирование древнерусской народности. М.
Мавродина Р. М. 1983. Киевская Русь и кочевники : (Печенеги, торки, половцы): Историографический очерк. Л.
Магомедов М. Г. 1983. Образование хазарского каганата : По материалам археологических исследований и письменным данным. М.
Макаров Н. А. 1984. Население Восточного Прионежья в X—XIII вв. : Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
Макаров Н. А. 1986. Археологические данные о характере колонизации Русского Севера в X—XIII вв. // СА. № 3.
Матьесен Р. 1971. Текстологические замечания о произведениях Владимира Мономаха // ТОДРЛ. Т. 26.
Мачинский Д. А. 1986. Этносоциальные и этнокультурные процессы в Северной Руси: (Период зарождения древнерусской народности) // Русский Север : Проблемы этнокультурной истории, этнографии, фольклористики. Л.
Мачинский Д. А., Мачинская А. Д. 1988. Северная Русь, Русский Север и Старая Ладога в VIII—XI вв. // Культура Русского Севера. Л.
Медынцева А. А. 1979. Тмутараканский камень. М.
Медынцева А. А. 1983. Начало письменности на Руси по археологическим данным // История, культура, этнография и фольклор славянских народов : IX Междунар. съезд славистов. М.
Медынцева А. А. 1987. Письменность на Руси периода от рубежа IX и X вв. : (По данным эпиграфики) // Тр. V Междунар. конгр. славянской археологии. М. Т. 3. Вып. 2б. Секц. 6.
Медынцева А. А. 1990. Чара Владимира Давыдовича // Проблемы археологии Южной Руси : Материалы историко-археологического семинара «Чернигов и его округа в IX—XIII вв.». Чернигов. 26—28 сентября 1988 г. Киев.

Медынцева А., Попконстантинов К. 1984. Надписи из Круглой церкви в Преславе. София.

Мельникова Е. А. 1978. «Сага об Эймунде» о службе скандинавов в дружине Ярослава Мудрого // Восточная Европа в древности и средневековье : Сб. статей. М.

Мельникова Е. А. 1984а. Древнерусские лексические заимствования в шведском языке // ДГ. 1982 г.

Мельникова Е. А. 1984б. Новгород Великий в древнескандинавской письменности // Новгородский край : Материалы науч. конф. ⟨...⟩ Л.

Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. 1986. Начальные этапы урбанизации и становление государства : (На материале Древней Руси и Скандинавии) // ДГ. 1985 г.

Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. 1989. Название «Русь» в этнокультурной истории Древнерусского государства // ВИ. № 8.

Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. 1994. Скандинавы на Руси и в Византии в X—XI вв. : К истории названия «варяг» // Славяноведение. № 2.

Мерперт Н. Я. 1961. Авары // СИЗ. Т. 1.

Мечев К. 1974. За происхода на староруския летописен разказ «Сказание о преложении книг» // Ист. преглед. София. № 2.

Мещерский Н. А. 1957. К вопросу об источниках Повести временных лет // ТОДРЛ. Т. 13.

Мещерский Н. А. 1958. Искусство перевода Киевской Руси // ТОДРЛ. Т. 15.

Мещерский Н. А. 1964. Проблемы изучения славяно-русской литературы // ТОДРЛ. Т. 20.

Мещерский Н. А. 1978. Источники и состав древней славяно-русской переводной письменности IX—XV вв. : Учебное пособие. Л.

Мещерский Н. А. 1980. «Поучение» Владимира Мономаха и «Изборник 1076 г.» // Вестн. ЛГУ. № 20. История, язык, литература. Вып. 4.

Мещерский Н. А. 1995. Избранные статьи. СПб.

Милютенко Н. И. 1993а. Древлянская земля в IX—XI вв. : (По летописным источникам) // Старожитності Південної Русі : Матеріали III іст.-археол. семінару «Чернігів і його округа в IX—XIII ст.». Чернігів, 15—18 травня 1990 р. Чернігів.

Милютенко Н. И. 1993б. Переяславское сказание о Борисе и Глебе в составе Летописца Переяславля-Суздальского // ТОДРЛ. Т. 47.

Милютенко Н. И. 1995. Правители-мученики — святые покровители своих народов : (К эволюции образа) // Церковная археология : Материалы Первой всероссийской конф. Псков, 20—24 ноября 1995 г. Ч. 2: Христианство и древнерусская культура. СПб.; Псков.

Михеев В. К. 1985. Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков.

Монгайт А. Л. 1955. Старая Рязань. М. (МИА. № 49).

Монгайт А. Л. 1961. Рязанская земля. М.

Монгайт А. Л. 1969. Надпись на камне. М.

Морозов И. А., Толстой Н. И. 1995. Бить // Славянские древности : Этнолингвистический словарь / Под ред. Н. И. Толстого. М.

Москаленко А. Р. 1972. Славяно-венгерские отношения в IX в. и древнерусское население среднего и верхнего Дона // Проблемы археологии и древней истории угров. М.

Муравьева Л. Л. 1988. Об «избытке» известий Никоновской летописи : (Конец XIII—начало XV в.) // Древности славян и Руси. М.

Мурьянов М. Ф. 1969. Андрей Первозванный в Повести временных лет // Палестинский сборник. Л. Вып. 19 (32).

Мурьянов М. Ф. 1974. О летописных статьях 1039 и 1131 гг. // ЛХ. 1973 г.

Мурьянов М. Ф. 1978. О Десятинной церкви князя Владимира // Восточная Европа в древности и средневековье : Сб. статей. М.

Мюллер Л. 1974. Древнерусское сказание о Хождении апостола Андрея в Киев и Новгород // ЛХ. 1973 г.

Мюллер Л. 1995а. Значение Библии для христианства на Руси : (От крещения до 1240 года) // Славяноведение. № 2.

Мюллер Л. 1995б. О времени канонизации святых Бориса и Глеба // RM. Т. 8. Р. 1.

Назаренко А. В. 1989. Когда же княгиня Ольга ездила в Константинополь? // ВВ. Т. 50.

Назаренко А. В. 1993. Немецкие латиноязычные источники IX—XI вв. : Тексты, перевод, комментарий. М.

Назаренко А. В. 1995. Еще раз о дате поездки княгини Ольги в Константинополь: Источниковедческие заметки // ДГ. 1992—1993 гг.

Назаренко А. В. 1996. Некоторые соображения о договоре Руси с греками 944 г. в связи с политической структурой Древнерусского государства // Восточная Европа в древности и средневековье : Политическая структура Древнерусского государства : VIII Чтения памяти В. Т. Пашуто : Тез. докл.

Назаренко А. В. 1983. Погребальная обрядность Приладожской чуди : Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.

Насонов А. Н. 1951. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М.

Насонов А. Н. 1964. История русского летописания X—начала XVIII в. М.

Никитенко Н. Н. 1987. Княжеский групповой портрет в Софии Киевской и время создания собора // ПКНО. 1986.

Никольская Т. Н. 1981. Земля вятичей : К истории населения бассейна верхней и средней Оки в IX—XIII вв. М.

Новосельцев А. П. 1965. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI—IX вв. // Новосельцев А. П. и др. Древнерусское государство и его международное значение. М.

Новосельцев А. П. 1983. Киевская Русь и страны Востока // ВИ. № 5.

Новосельцев А. П. 1989. Термин «вежа» в древнерусских источниках // ДГ. 1987 г.

Новосельцев А. П. 1990. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М.

Новосельцев А. П., Пашуто В. Т. 1967. Внешняя торговля Древней Руси : (До середины XIII в.) // История СССР. № 3.

Носов Е. Н. 1976. Нумизматические данные о северной части Балтийско-Волжского пути конца VIII—X в. // ВИД. Вып. 8.

Носов Е. Н. 1982. Проблемы изучения погребальных памятников Новгородской земли : (К вопросу о славянском расселении) // НИС. Вып. 1 (11).

Носов Е. Н. 1984. Новгород и новгородская округа IX—X вв. в свете новейших археологических данных : (К вопросу о возникновении Новгорода) // НИС. Вып. 2 (12).

Носов Е. Н. 1990. Новгородское (Рюриково) городище. Л.

Носов Е. Н. 1993. Проблема происхождения первых городов Северной Руси // Древности Северо-Запада России : (Славяно-финно-угорское взаимодействие, русские города Балтики). СПб.

Носов Е. Н. 1995. Новгородский детинец и Городище : (К вопросу о ранних укреплениях и становлении города) // НИС. Вып. 5 (15).

Носов Е. Н., Рождественская Т. В. 1987. Буквенные знаки на пряслице середины X в. с Рюрикова Городища : (Вопросы интерпретации) // ВИД. Вып. 18.

Памятники права Киевского государства : X—XII вв. 1952 / Сост. А. А. Зимин. М. (Памятники русского права. Вып. 1).

Панова Т. Д. 1989. О назначении мелкой деревянной антропоморфной скульптуры X—XIV вв. // СА. № 2.

Пашуто В. Т. 1964. Голодные годы в Древней Руси // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1962 г.

Пашуто В. Т. 1965. Черты политического строя Древней Руси // Новосельцев А. П. и др. Древнерусское государство и его историческое значение. М.

Пашуто В. Т. 1968. Внешняя политика Древней Руси. М.

Пекарская Л. В., Зоценко В. Н. 1985. Археологические исследования древнерусского Вышгорода в 1979—1981 гг. // Археологические исследования Киева 1978—1983 гг. Киев.

Перени И. 1956. Взаимоотношения между венграми и восточнославянскими племенами // Studia Slavica Academia Scientiarum. Hunaricae. Budapest. Т. 2.

Перени И. 1974. Угры в «Повести временных лет» // ЛХ. 1973 г.

Петрухин В. Я. 1985. Язычество славян в свете междисциплинарных исследований // ДГ. 1984 г.

Петрухин В. Я. 1989. К проблеме формирования «Русской земли» в Среднем Поднепровье // ДГ. 1987 г.

Петрухин В. Я. 1990. Легендарная история Руси и космографическая традиция // Механизмы культуры. М.

Петрухин В. Я. 1994. Славяне и Русь в «Иосиппоне» и «Повести временных лет» : К вопросу об источниках начального русского летописания // Славяне и их соседи. Вып. 5: Еврейское население в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе : Средние века—Новое время. М.

Петрухин В. Я. 1995. Начало этнокультурной истории Руси IX—XI вв. М.

Петрухин В. Я. 1996. К проблеме церковной десятины на Руси : «Ветхий Завет» и древнерусская традиция // Восточная Европа в древности и средневековье : Политическая структура Древнерусского государства : VIII Чтения памяти В. Т. Пашуто : Тез. докл. М.

Плетнева С. А. 1958. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях // Тр. Волго-Донской археологической экспедиции. М. Т. 1. (МИА. № 62).

Плетнева С. А. 1967. От кочевий к городам : Салтово-маяцкая культура. М. (МИА. № 142).

Плетнева С. А. 1973. Древности черных клобуков. М.

Плетнева С. А. 1975а. Половецкая земля // Древнерусские княжества X—XIII вв. М.

Плетнева С. А. 1975б. Хан Боняк и его время // Сб. статей, посвященный памяти М. И. Артамонова. Л.

Плетнева С. А. 1981. Печенеги, торки, половцы // Степи Евразии в эпоху средневековья. М.

Плетнева С. А. 1982. Кочевники средневековья : Поиски исторических закономерностей. М.

Плетнева С. А. 1986. Хазары. 2-е изд. М.

Плетнева С. А. 1990а. Половцы. М.

Плетнева С. А. 1990б. Хазарские проблемы в археологии // СА. № 2.

Поболь Л. Д. 1988. Новые данные о древнем Менеске (Минске) // Древности славян и Руси. М.

Повесть временных лет. 1969 / Подгот. текста, пер. и примеч. Д. С. Лихачева // Изборник : Сб. произведений литературы древней Руси. М.

Повесть временных лет. 1978 / Подгот. текста О. В. Творогова, пер. Д. С. Лихачева // Памятники литературы древней Руси : Начало русской литературы : XI—начало XII в. М.

Повесть временных лет. 1983 / Подгот. текста О. В. Творогова, пер. Д. С. Лихачева // Повести Древней Руси XI—XII вв. Л.

Повесть временных лет. 1991 / Пер. Д. С. Лихачева. Петрозаводск.

Погорелая В. В. 1985. Остров св. Еферия // ДГ. 1984 г.

Подвигина Н. Л. 1976. Очерки социально-экономической и политической истории Новгорода Великого в XII—XIII вв. М.

Половой Н. Я. 1960. Русское народное предание и византийские источники о первом походе Игоря на греков // ТОДРЛ. Т. 16.

Полубояринова М. Д. 1993. Русь и Волжская Болгария в X—XV вв. М.

Попов А. И. 1973. Названия народов СССР : Введение в этнонимику. М.

Попов А. И. 1981. Следы времен минувших : Из истории географических названий Ленинградской, Псковской и Новгородской областей. Л.

Поппэ А. 1960. Деякі питання заселення польско-руського рубіжа у раннього сереньевічі // УІЖ. № 6.

Поппэ А. 1965а. Заснування Софії Київськоі // УІЖ. № 9.

Поппэ А. 1965б. К истории древнерусской ткани и одежды : Вотола // Acta Baltico-Slavica. Bialostok. Т. 2.

Поппэ А. 1966а. О роли иконографических изображений в изучении литературных произведений о Борисе и Глебе // ТОДРЛ. Т. 22.

Поппэ А. 1966б. Учредительная грамота Смоленской епископии // АЕ. 1965 г.

Поппэ А. 1968. Русские митрополии константинопольской патриархии в XI столетии // ВВ. Т. 28, 29.

Поппэ А. 1970. Русско-византийские церковно-политические отношения в середине XI в. // История СССР. № 3.

Поппэ А. 1972. Истоки церковной организации Древнерусского государства // Становление раннефеодальных славянских государств. Киев.

Поппэ А. 1973. О времени зарождения культа Бориса и Глеба // RM. Т. 1.

Поппэ А. 1974а. К вопросу об ультрамартовском стиле в Повести временных лет // История СССР. № 4.

Поппэ А. 1974б. Родословная Мстиши Свенельдича // ЛХ. 1973 г.

Поппэ А. 1978. О причинах похода Владимира Святославича на Корсунь 988—989 гг. // Вестн. Московского гос. ун-та. Сер. «История». № 2.

Поппэ А. 1995. О зарождении культа св. Бориса и Глеба и о посвященных им произведениях // RM. Т. 8. Р. 1.

Правда Русская : Учебное пособие. 1940. М.; Л.

Правда Русская. 1947 / Под ред. Б. Д. Грекова. Т. 2.

Прицак О. 1991. Происхождение названия Русь // ВЯ. № 6.

Пронштейн А. П., Кияшко В. Я. 1981. Хронология. М.

Прохоров Г. М. 1972. Кодикологический анализ Лаврентьевской летописи // ВИД. Вып. 4.

Прохоров Г. М. 1995. Ростислав Всеволодович // ЭСПИ. Т. 4.

Пуцко В. Г. 1986. Мраморный саркофаг Ярослава Мудрого // Byzantinobulgarica. Т. 8.

Равдина Т. В. 1981. Раскопки в Пинске // СА. № 1.

Радзивиловская летопись. 1994 / Отв. ред. М. В. Кукушкина. СПб.; М.

Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. 1982. М.

Ранчин А. М. 1994. Князь-страстотерпец — святой : Семантический архетип литературных памятников о князьях Вячеславе-Вацлаве и Борисе и Глебе // Герменевтика древнерусской литературы. М.

Ранчин А. М. 1995. Князь-страстотерпец в славянской агиографии // Человек в контексте культуры : Славянский мир. М.

Рапов О. М. 1977. Княжеские владения на Руси в X—первой половине XIII в. М.

Рапов О. М. 1979. О датировке народных восстаний на Руси XI в. в Повести временных лет // История СССР. № 2.

Рапов О. М. 1988а. Еще раз о датировке взятия Корсуня князем Владимиром // ВВ. Т. 49.

Рапов О. М. 1988б. Русская церковь в IX—первой трети XII в. : Принятие христианства. М.

Раппопорт П. А. 1956. Очерки по истории русского военного зодчества X—XIII вв. М.; Л. (МИА. № 52).

Раппопорт П. А. 1967. Военное зодчество западнорусских земель X—XIV вв. Л. (МИА. № 140).

Раппопорт П. А. 1982. Русская архитектура X—XIII вв. : Каталог памятников. Л. (САИ. Вып. Е1-47).

Раппопорт П. А. 1993. Древнерусская архитектура. СПб.

Рогов А. И. 1981. О понятии «Русь» и «Русская земля» : (По памятникам письменности XI—начала XII в.) // Формирование раннефеодальных народностей. М.

Рогов А. И., Флоря Б. Н. 1982. Формирование самосознания древнерусской народности : (По памятникам древнерусской письменности X—XII вв.) // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М.

Рождественская Т. В. 1991а. Древнерусская эпиграфика X—XV вв. СПб.

Рождественская Т. В. 1991б. О социолингвистической ситуации на Руси в IX—X вв. // Традиции древнейших слоев письменности и языковая культура восточных славян. М.

Рождественская Т. В. 1993. Графические системы в письменности Руси IX—XI вв. // Феодальная Россия : Новые исследования. СПб.

Рождественская Т. В. 1994. Еще раз о топониме «Поромонь двор» в летописном известии (1015) 1016 г. // Памятники средневековой культуры : Открытия и версии : Сб. статей к 75-летию В. Д. Белецкого. СПб.

Розов Н. Н. 1963. Синодальный список сочинений Илариона — русского писателя XI в. // Slavia. Т. 32.

Розов Н. Н. 1987. Иларион // СККДР. Вып. 1.

Романов Б. А. 1947. Люди и нравы древней Руси : (Историко-бытовые очерки XI—XIII вв.). Л.

Романова Г. А. 1975. Наименование мер длины в русском языке. М.

Ромашев С. А. 1992. Историческая география Хазарского каганата : Период формирования и расцвета (V—IX вв.) : Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.

Роспонд С. 1968. Значение древнерусской ономастики для истории : К этимологии топонима Киев // ВЯ. № 1.

Роспонд С. 1979. Miscellanea onomastica Rossica // Восточнославянская ономастика : Материалы и исследования. М.

Российское законодательство X—XX веков. 1994. М. Т. 1.

Рот А. М. 1973. Венгерско-восточнославянские языковые контакты. Будапешт.

Русанова И. П., Тимощук Б. А. 1993. Языческие святилища древних славян. М.

Рыбаков Б. А. 1950. Уличи : (Историко-географическая заметка) // КСИИМК. Вып. 35.

Рыбаков Б. А. 1952а. Русские земли по карте Идриси 1154 г. // КСИИМК. Вып. 43.

Рыбаков Б. А. 1952б. Русь и Хазария : (К исторической географии Хазарии) // Акад. Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия. М.

Рыбаков Б. А. 1953а. Древние русы // СА. Т. 17.

Рыбаков Б. А. 1953б. К вопросу о роли Хазарского каганата в истории Руси // СА. Т. 18.

Рыбаков Б. А. 1955. Начало Русского государства // Вестн. Московского гос. ун-та. № 4—5.

Рыбаков Б. А. 1958. Предпосылки образования Древнерусского государства // Очерки истории СССР : III—IX вв. М.; Л.

Рыбаков Б. А. 1959. Запись о смерти Ярослава Мудрого // СА. № 4.

Рыбаков Б. А. 1961. Исторический взгляд на русские былины // История СССР. № 5.

Рыбаков Б. А. 1962. Обзор общих явлений русской истории IX—XIII вв. // ВИ. № 4.

Рыбаков Б. А. 1963. Древняя Русь : Сказания, былины, летописи. [М.].

Рыбаков Б. А. 1964а. Первые века русской истории. М.

Рыбаков Б. А. 1964б. Русские датированные надписи XI—XIV вв. М. (САИ. Е1-44).

Рыбаков Б. А. 1966. Киевская Русь // История СССР. Первая сер. М. Т. 1.

Рыбаков Б. А. 1967. Торческ — город Черных Клобуков // АО. 1966 г.

Рыбаков Б. А. 1970. Нестор о славянских обычаях // Древние славяне и их соседи. М.

Рыбаков Б. А. 1972. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М.

Рыбаков Б. А. 1979а. Геродотова Скифия. М.

Рыбаков Б. А. 1979б. Смерды // История СССР. № 1, 2.

Рыбаков Б. А. 1981. Язычество древних славян. М.

Рыбаков Б. А. 1982. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. М.

Рыбаков Б. А. 1987. Язычество Древней Руси. М.

Рыдзевская Е. А. 1978. Древняя Русь и Скандинавия в IX—XIV вв. : (Материалы и исследования) / Сост. и подгот. к изд. М. Б. Свердлов. М.

Рябинин Е. А. 1980. Этапы и формы ассимиляции летописной мери : (Постановка вопроса) // СА. № 2.

Рябинин Е. А. 1981. Славяно-финно-угорские взаимоотношения в Вотской земле : (По материалам работ Ижорской экспедиции) // КСИА. Вып. 166.

Рябинин Е. А. 1984. Городища Водской земли // КСИА. Вып. 179.

Рябинин Е. А. 1988. Финно-угорские племена Северной Руси : К проблеме археологического изучения // Историко-археологическое изучение Древней Руси : Итоги и основные проблемы. Л. (Славяно-русские древности. Вып. 1).

Рябинин Е. А. 1990а. Характер межэтничных контактов на севере Руси : (Современное состояние проблемы) // КСИА. Вып. 205.

Рябинин Е. А. 1990б. Этнокультурная ситуация на Северо-Западе РСФСР в эпоху средневековья : (Проблемы археологического изучения) // Балты, славяне, прибалтийские финны. Рига.

Рябинин Е. А. 1993. Финно-угорские племена Новгородской земли на современном этапе историко-археологического изучения // Древности Северо-Запада России : (Славяно-финно-угорское взаимодействие, русские города Балтики). СПб.

Савельева Н. В. 1995а. Кмети // ЭСПИ. Т. 3.

Савельева Н. В. 1995б. Лютый зверь // ЭСПИ. Т. 3.

Салмина М. А. 1995. Толковин // ЭСПИ. Т. 5.

Самойловський І. М. 1970. Стародавній Коростень // Археологія. Т. 23.

Сапунов Б. В. 1978. Книга в России XI—XIII вв. Л.

Сахаров А. Н. 1975. Кий : Легенды и реальность // ВИ. № 10.

Сахаров А. Н. 1980. Дипломатия Древней Руси : IX—первая половина X в. М.

Сахаров А. Н. 1991. Дипломатия Святослава. 2-е изд. М.

Свердлов М. Б. 1968. О посольской «речи» в рассказе Повести временных лет под 1075 годом // ТОДРЛ. Т. 23.

Свердлов М. Б. 1969. Транзитные пути в Восточной Европе в IX—XI вв. // Изв. ВГО. Т. 101. Вып. 6.

Свердлов М. Б. 1970а. Дания и Русь в XI в. // Исторические связи Скандинавии и России : IX—XX вв. Л.

Свердлов М. Б. 1970б. Локализация русов в арабской географической литературе IX—X вв. // Изв. ВГО. Т. 102. Вып. 4.

Свердлов М. Б. 1970в. Смерды в Древней Руси // История СССР. № 5.

Свердлов М. Б. 1972. Известия немецких источников о русско-польских отношениях конца X—начала XII в. // Исследования по истории славянских и балканских народов : Эпоха средневековья : Киевская Русь и ее славянские соседи. М.

Свердлов М. Б. 1973. Изучение древнерусской хронологии в русской и советской историографии // ВИД. Вып. 5.

Свердлов М. Б. 1974. Скандинавы на Руси в XI в. // Ск. сб. Вып. 19.

Свердлов М. Б. 1975. Известия о локализации Древней Руси в немецких источниках IX—XII вв. // Изв. ВГО. Т. 107.

Свердлов М. Б. 1978. Из истории системы налогообложения в Древней Руси // Восточная Европа в древности и средневековье : Сб. статей. М.

Свердлов М. Б. 1983. Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л.

Свердлов М. Б. 1984. К истории новгородского веча // Новгородский край : Материалы научной конференции ⟨...⟩. Л.

Свердлов М. Б. 1988. От Закона Русского к Русской Правде. М.

Свердлов М. Б. 1992. Русская Правда : Пособие к спецкурсу. СПб.

Свердлов М. Б. 1993. К изучению моравских исторических произведений в составе «Повести временных лет» // Феодальная Россия : Новые исследования. СПб.

Свердлов М. Б. 1994. Rörik (Hrørikr) í Gǫrðum // Восточная Европа в древности и средневековье : Древняя Русь в системе этнополитических и культурных связей : Чтения памяти В. Т. Пашуто. М.

Свердлов М. Б. 1996а. «Корм» как феодальный социально-политический институт на Руси IX—XIII вв. // Восточная Европа в древности и средневековье : Политическая структура Древнерусского государства : VIII Чтения памяти В. Т. Пашуто : Тез. докл. М.

Свердлов М. Б. 1996б. Общественный строй Древней Руси в русской исторической науке XVIII—XX вв. СПб.

Седов В. В. 1973. Ранние курганы вятичей // КСИА. Вып. 135.

Седов В. В. 1982. Восточные славяне в VI—XIII вв. М.

Седов В. В. 1994. Славяне в древности. М.

Сергеевич В. И. 1903. Лекции и исследования по древней истории русского права. 3-е изд. СПб.

Сказания о Борисе и Глебе. 1978 / Коммент. Л. А. Дмитриева // Памятники литературы Древней Руси : XI—начало XII в. М.

Сказания о начале славянской письменности. 1981 / Вступ. ст., пер. и коммент. Б. Н. Флори. М.

Смирнов А. П. 1951. Волжские булгары. М. (Тр. ГИМ. Вып. 19).

Смирнов И. И. 1963. Очерки социально-экономических отношений Руси XII—XIII вв. М.; Л.

Советская археологическая литература. 1959. Библиография 1941—1957 гг. М.; Л.

Советская историография Киевской Руси. 1978. Л.

Советское источниковедение Киевской Руси. 1979. Историографические очерки. Л.

Соколова Л. В. 1995а. Дажьбог (Даждьбог) // ЭСПИ. Т. 2.

Соколова Л. В. 1995б. Сокол // ЭСПИ. Т. 5.

Соколова Л. В. 1995в. Стрибог // ЭСПИ. Т. 5.

Соколова Л. В. 1995г. Хорс // ЭСПИ. Т. 5.

Спегальский Ю. П. 1972. Жилище северо-западной Руси IX—XIII вв. Л.

Ставиский В. И., Бобровский Т. А. 1986. Клейма на голосниках XI—XII вв. из Киева // СА. № 3.

Стеблин-Каменский М. И. 1955. Древнеисландский язык. М.

Стеблин-Каменский М. И. 1971. Мир саги. Л.

Стендер-Петерсен А. 1956. Остромир—Вышата—Янь : Генеалогическая заметка // For Roman Jakobson : Essays on the Occasion of his Sixtieth Birthday. 11 oct. The Hague.

Творогов О. В. 1974. Повесть временных лет и Хронограф по великому изложению // ТОДРЛ. Т. 28.

Творогов О. В. 1975. Древнерусские хронографы. Л.

Творогов О. В. 1976. Повесть временных лет и Начальный свод : (Текстологический комментарий) // ТОДРЛ. Т. 30.

Творогов О. В. 1984. Лексический состав «Повести временных лет» : (Словоуказатели и частотный словник). Киев.

Творогов О. В. 1987а. Василий // СККДР. Вып. 1.

Творогов О. В. 1987б. Повесть временных лет // СККДР. Вып. 1.

Творогов О. В. 1987в. Хроника Георгия Амартола // СККДР. Вып. 1.

Творогов О. В. 1987г. Хронограф по великому изложению // СККДР. Вып. 1.

Творогов О. В. 1987д. Янь Вышатич // СККДР. Вып. 1.

Творогов О. В. 1991. Примечания // Повесть временных лет / Пер. Д. С. Лихачева. Петрозаводск.

Творогов О. В. 1992. Сколько раз ходили на Константинополь Аскольд и Дир? // Славяноведение. № 2.

Творогов О. В. 1994. Древняя Русь : События и люди. СПб.

Творогов О. В. 1995а. Всеслав Брячиславич // ЭСПИ. Т. 1.

Творогов О. В. 1995б. Владимир Всеволодович Мономах // ЭСПИ. Т. 1.

Творогов О. В. 1995в. Дон // ЭСПИ. Т. 2.

Творогов О. В. 1995г. Донец // ЭСПИ. Т. 2.

Творогов О. В. 1996д. Курск // ЭСПИ. Т. 3.

Творогов О. В. 1995е. Немига // ЭСПИ. Т. 3.

Творогов О. В. 1995ж. Тур // ЭСПИ. Т. 5.

Тихомиров М. Н. 1950. Боян и Троянова земля // Слово о полку Игореве / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л.

Тихомиров М. Н. 1953. Пособие для изучения Русской Правды. М.

Тихомиров М. Н. 1955. Крестьянские и городские восстания в Древней Руси XI—XIII вв. М.

Тихомиров М. Н. 1956. Древнерусские города. М.

Толочко П. П. 1969. До історії будівництва «города Ярослава» та Софії Київської // Археологія. Т. 22.

Толочко П. П. 1972. Історична топографія стародавнього Київа. Київ.
Толочко П. П. 1974. Киев и Южная Русь в период феодальной раздробленности // Польша и Русь : Сб. статей. М.
Толочко П. П. 1975. Киевская земля // Древнерусские княжества X—XIII вв..М.
Толочко П. П. 1980. Киев и Киевская земля в эпоху феодальной раздробленности XII—XIII вв. Киев.
Толочко П. П. 1983. Древний Киев. Киев.
Толочко П. П. 1987. Древняя Русь. Киев.
Толстов С. П. 1948. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.; Л.
Толстой Н. И. 1982. Древняя славянская письменность и становление этнического самосознания у славян // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М.
Толстой Н. И., Толстая С. М. 1978. К реконструкции древнеславянской духовной культуры : (Лингво- и этнографический аспект) // Славянское языкознание : VIII Междунар. съезд славистов. М.
Топоров В. Н. 1994. Еврейский элемент в Киевской Руси // Славяне и их соседи. Вып. 5: Еврейское население в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе : Средние века—Новое время. М.
Топоров В. Н. 1995. Боги // Славянские древности : Этнолингвистический словарь / Под ред. Н. И. Толстого. М.
Третьяков П. Н. 1968. О древнейших русах и их земле // Славяне и Русь. М.
Трубачев О. Н. 1961. О племенном названии «уличи» // Вопросы славянского языкознания. М. Т. 5.
Трубачев О. Н. 1987. «Русь, Россия» // Русская речь. № 3.
Трубачев О. Н. 1991. Этногенез и культура древнейших славян : Лингвистические исследования. М.
Трубачев О. Н. 1993. К истокам Руси : (Наблюдения лингвиста). М.
Тыниссон Э. Ю. 1982. Древнеэстонские городища как источник по изучению общественного строя // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л.

Фахрутдинов Р. Г. 1984. Очерки по истории Волжской Булгарии. М.
Фехнер М. В. 1977. Изделия шелкоткацких мастерских Византии в древней Руси // СА. № 3.
Финно-угры и балты в эпоху средневековья. 1987 / Отв. ред. В. В. Седов. М.
Флеров В. С. 1993. О социальном строе в Хазарском каганате : (На материалах Маяцкого могильника) // Социальная дифференциация общества. М.
Флоря Б. Н. 1985. Сказание о преложении книг на славянский язык : Источники, время и место написания // Byzantinoslavica. N 1.
Флоря Б. Н. 1986. О материальном обеспечении церкви на Руси и в западнославянских государствах в период раннего феодализма // ДГ. 1985 г.
Флоря Б. Н. 1992. Отношения государства и церкви у восточных и западных славян. М.
Фроянов И. Я. 1980. Киевская Русь : Очерки социально-политической истории. Л.
Фроянов И. Я. 1983. Волхвы и народные волнения в Суздальской земле 1024 г. // Духовная культура славянских народов : Литература. Фольклор. История. Л.
Фроянов И. Я. 1995. Древняя Русь : Опыт исследования истории социальной и политической борьбы. М.; СПб.

Хабургаев Г. А. 1989. Этнонимия «Повести временных лет» в связи с задачами реконструкции восточнославянского глоттогенеза. М.
Херрман И. 1988. Ruzzi. Forsderen liudi. Fresiti : К вопросу об исторических и этнографических основах «Баварского географа» : (Первая половина IX в.) // Древности славян и Руси. М.

Цыб С. В. 1995. Древнерусское времяисчисление в «Повести временных лет». Барнаул.

Черепнин Л. В. 1965. Общественно-политические отношения в Древней Руси и Русская Правда // Новосельцев А. П. и др. Древнерусское государство и его международное значение. М.

Черепнин Л. В. 1972. К вопросу о характере и форме Древнерусского государства X—начала XIII в. // ИЗ. Т. 89.

Чернецов А. В. 1973. Пахотные орудия Древней Руси : Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.

Чернецов А. В. 1976. Классификация и хронология наконечников древнерусских пахотных орудий // КСИА. Вып. 146.

Чичуров И. С. 1990. «Хождение апостола Андрея» в византийской и древнерусской церковно-идеологической традиции // Церковь, общество и государство в феодальной России. М.

Шаскольский И. П. 1954. Маршрут торгового пути из Невы в Балтийское море в IX—XIII вв. // Географический сборник. М.; Л. Сб. 3.

Шаскольский И. П. 1967. Вопрос о происхождении имени Русь в современной буржуазной науке // Критика новейшей буржуазной историографии. Л.

Шаскольский И. П. 1974. Когда же возник город Киев? // Культура средневековой Руси. Л.

Шаскольский И. П. 1978. Норманская проблема в советской историографии // Советская историография Киевской Руси. Л.

Шаскольский И. П. 1983. Антинорманизм и его судьбы // Генезис и развитие феодализма в России. Л.

Шаскольский И. П. 1994. Русско-скандинавские отношения раннего средневековья в работах Г. Шрамма : (Историографический обзор) // ОИ. № 2.

Шахматов А. А. 1915. Несколько замечаний о договорах с греками Олега и Игоря // Зап. Неофилол. об-ва при имп. Петроградском ун-те. Вып. 8.

Шеломенцев-Терский В. С. 1981. Древнерусский летописный Звенигород : Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев.

Шостьин Н. А. 1975. Очерки истории русской метрологии : XI—XIX вв. М.

Штендер Г. М. 1964. Архитектура Новгорода // Новгород : К 1100-летию города. М.

Штыхов Г. В. 1975. Города Белоруссии по летописям и раскопкам : (IX—XIII вв.). Минск.

Штыхов Г. В. 1976. Древний Полоцк : (IX—XII вв.). Минск.

Штыхов Г. В. 1978. Города Полоцкой земли : (IX—XIII вв.). Минск.

Штыхов Г. В., Лысенко П. Ф. 1966. Древнейшие города Белоруссии. Минск.

Щавелева Н. И. 1986. О княжеских воспитателях в древней Польше // ДГ. 1985 г.

Щавелева Н. И. 1989. Польки — жены русских князей : (XI—середина XIII в.) // ДГ. 1987 г.

Щапов Я. Н. 1963. Смоленский устав князя Ростислава Мстиславича // АЕ. 1962 г.

Щапов Я. Н. 1965. Церковь в системе государственной власти Древней Руси // Новосельцев А. П. и др. Древнерусское государство и его международное значение. М.

Щапов Я. Н. 1972а. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси XI—XIV вв. М.

Щапов Я. Н. 1972б. Русская летопись о политических взаимоотношениях Древней Руси и Византии // Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе : Сб. статей, посвященный Л. В. Черепнину. М.

Щапов Я. Н. 1982. Характер крестьянских движений на Руси XI в. // Исследования по истории и историографии феодализма : К 100-летию со дня рождения акад. Б. Д. Грекова. М.

Щапов Я. Н. 1986. Формирование и развитие церковной организации на Руси в конце X—XII в. // ДГ. 1985 г.

Щапов Я. Н. 1989. Государство и церковь Древней Руси X—XIII вв. М.

Щапова Ю. Л. 1972. Стекло Киевской Руси. М.

Щапова Ю. Л. 1983. Стеклянные украшения, их роль и место в материальной культуре восточных славян и их соседей // Древнерусское государство и славяне. Минск.

Щапова Ю. Л. 1991. Византия и Восточная Европа : Направление и характер связей в IX—XII вв. : (По находкам из стекла) // Византия. Средиземноморье. Славянский мир : К XVIII Междунар. конгр. византинистов. М.

Юшков С. В. 1949. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М.

Яйленко В. П. 1985. Тюрки, венгры и Киев : К происхождению названия города // Этногенез, ранняя этническая история и культура славян. М.
Якобсон А. Л. 1950. Средневековый Херсонес : (XII—XIV вв.). М.; Л. (МИА. № 17).
Янин В. Л. 1956. Денежно-весовые системы русского средневековья : Домонгольский период. М.
Янин В. Л. 1960. Междукняжеские отношения в эпоху Мономаха и «Хождение игумена Даниила» // ТОДРЛ. Т. 16.
Янин В. Л. 1962. Новгородские посадники. М.
Янин В. Л. 1970. Актовые печати древней Руси X—XV вв. Т. 1: Печати X—начала XIII в. М.
Янин В. Л. 1973. Возможности археологии в изучении древнего Новгорода // Вестн. АН СССР. № 8.
Янин В. Л. 1974. К проблеме новгородских сотен // АЕ. 1973 г.
Янин В. Л. 1977. Очерки комплексного источниковедения : Средневековый Новгород. М.
Янин В. Л. 1981. Новгородская феодальная вотчина : (Историко-генеалогическое исследование). М.
Янин В. Л. 1982. Социально-политическая структура Новгорода в свете археологических исследований // НИС. Вып. 1(11).
Янин В. Л. 1984. Летописные рассказы о крещении новгородцев : (О возможном источнике Иоакимовской летописи) // Русский город : (Исследования и материалы). М. Вып. 7.
Янин В. Л., Алешковский М. Х. 1971. Происхождение Новгорода : (К постановке проблемы) // История СССР. № 2.
Янин В. Л., Колчин Б. А. 1978. Итоги и перспективы новгородской археологии // Археологическое изучение Новгорода. М.
Янин В. Л., Литаврин Г. Г. 1962. Новые материалы о происхождении Владимира Мономаха // Историко-археологический сборник : А. В. Арциховскому к 60-летию со дня рождения и 35-летию науч., пед. и обществ. деятельности. М.

Antoniewicz W. 1957. Religia dawnych słowian // Religie świata. Warszawa.
Antoniewicz W. 1970. Posągi // SSS. T. 4. Cz. 1.
Arrignon J. P. 1983. Les relations diplomatiques entre Byzance et la Russie de 860 à 1043 // RES. Vol. 55.
Avenarius A. 1974. Die Awaren in Europa. Bratislava.
Awarenforschungen. 1992. Wien. Bd 1.

Bälint Cs. 1989. Die Archäologie der Steppe : Steppenvölker zwischen Volga und Donau vom 6. bis zum 10. Jahrhundert. Wien; Koln.
Banaszkiewicz J. 1990. Bolesław i Peredsława : Uwagi o uroczystości stanowienia władcy w związku z wejściem Chrobrego do Kijowa // KH. R. 97. N 3—4.
Beyer-Thoma H. 1995. International Bibliography of Pre-Petrine Russia. 1993 // Osteuropa-Institut München. Mitteilungen. N 4.
Bibliography. 1973 // RM. T. 1.
Bieniak J. 1963. Źródło ruskie do sprawy Miesława // SŹ. T. 8.
Boldur A. B. 1968. The Enigma of the Ulichy-Tivertsy People // Balkan Studies. Thessaloniki. Vol. 9. N 1.
Bushkovitch P. 1971. Rus' in the Ethnic Nomenclature of the Povest' Vremennykh Let // Cahiers du monde russe et sovietique. Paris. Vol. 12.

Callmer J. 1981. The archaeology of Kiev ca A. D. 500—1000 : A survey // Les pays du Nord et Byzance (Scandinavie et Byzance) : Actes du colloque nordique et international de byzantinologie, tenu à Upsal 20—22 avril 1979. Uppsala.

Constatine Porphyrogenitus. 1962. De Administrando Imperio / Ed. R. J. H. Jenkins. London. Vol. 2.

Czyżewski D. 1969. Die altrussische Nestorchronik. Wiesbaden.

Dittrich Z. R. 1961. Zur religiösen Ur- und Frühgeschichte der Slawen // JGO. Bd. 9.

Dujčev I. 1970. Les Normands à Byzance et dans la péninsule des Balkans // Varangian Problems. Copenhagen. (Scando-Slavica. Suppl. 1).

Dvornik F. 1956. Byzantine Political Ideas in Kievan Russia // DOP. Vol. 9—10.

Dvornik F. 1958. The Idea of Apostolicity in Byzantium and the Legend of the Apostle Andrew. Cambridge.

Ekbo S. 1981. The Etymology of Finnish *Ruotsi*-Sweden // Les pays du Nord et Byzance ⟨...⟩. Uppsala.

Ericsson K. 1966. Das Anfangsdatum der Laurentiuschronik A. M. 6360 : Eine neue Lösung // Das östliche Mitteleuropa in Geschichte und gegenwart. Wiesbaden.

Falk K. O. 1981. Einige Bemerkungen zum Namen Rus' // Les pays du Nord et Byzance ⟨...⟩. Uppsala.

Falk K. O. 1986. Aruss. Sineusъ // JGO. Bd. 34.

Floria B. N. 1978. Václavská legenda a Borisovsko-Glebovsky cult : (Shody a rozdily) // Československy časopis historičny. Praha. R. 26. N 23.

Fodor I. 1977. Altungarn, Bulgarotürken und Ostslawen in Südrussland : (Archäologische Beiträge). Szeged.

Gąsiorowski A. 1965. Kmieć // SSS. T. 2. Cz. 2.

Gieysztor A. 1953. Prace badawcze na obszarze Grodów Czerwieńskich // KH. N 1.

Gieysztor A. 1982. Mitologia słowian. Warszawa.

Gieysztor A., Antoniewicz J., Kamiński A. 1964. Jaćwież // SSS. T. 2. Cz. 2.

Golb N., Pritsak O. 1982. Khazarian Hebrew Documents of the Tenth Century. Ithaca; London.

Golden P. B. 1979—1980. Polovci Dikii // Eucharisterion : Essays presented to O. Pritsak on his Sixtieth Birthday. P. 1 (HUS. Vol. 3/4).

Grabmüller H.-J. 1976. Die russischen Chroniken des 11.—18. Jahrhunderts im Spiegel der Sowjetforschung (1917—1975) // JGO. Bd. 24.

Gräbmüller H.-J. 1977a. Die russischen Chroniken des 11.—18. Jahrhunderts im Spiegel der Sowjetforschung (1917—1975) // JGO. Bd. 25.

Gräbmüller H.-J. 1977b. Die «Povest' vremennych let» // JGO. Bd. 25.

Grabski A. 1957. Studia nad stosunkami polsko-ruskimi w początkach XI wieku // SO. T. 6.

Gröber B., Müller L. 1986. Vollständiges Wörterverzeichnis zur Nestorchronik. Lief. 4. München (Forum Slavicum / Hrsg. von L. Müller, R. Lachmann. Bd. 50: Handbuch zur Nestorchronik / Hrsg. von L. Müller. Bd. 3).

Handbuch der Geschichte Russlands. 1976—1980 / Hrsg. von M. Hellmann, K. Zernack, G. Schramm. Stuttgart. Bd. 1. Lief. 1—6.

Handbuch zur Nestorchronik. 1977—1986 / Hrsg. von L. Müller. München. Bd. 1—3.

Havlík K. 1961. Tři kapitoly z nejstaršich česko-polských vztahů // Slovanské historické studie. T. 4.

Hilczer-Kurnatowska Z. 1977. Ulicze // SSS. T. 6. Cz. 1.

Horák B., Trávniček D. 1956. Descriptio civitatum ad septentrionalem plagam Danubii (tzv. Bavorský Geograf) // Rozpravy Československé Academie věd. Rada společenskych věd. R. 66. Seš. 2.

Hüttl-Folster G. 1980. Zur Sprache der Nestorchronik : Russisch—kirchenslawisch—altrussische lexikalische Beziehungen // ZfSPh. Bd. 41.

In Search of a New Homeland. 1975. The Prehistory of the Hungarian People and the Conquest. Budapest.

Ingham N. W. 1973. Sovereign as a Martyr // SEER. Vol. 17. N 1.

Ingham N. W. 1984. The Martyred Prince and the Question of Slavic Cultural Continuity // Medieval Russian Culture. Bercley; Los Angeles. 1984.

Jacobsson G. 1954. La form originelle du nom des varègues // Scando-Slavica. Vol. 1.

Jahnkuhn H. 1963. Haithabu : Ein Handelplatz der Wikingerzeit. Neumünster.

Jażdżewski K. 1959. Ogólne wiadomości o Czermnie—Czerwieniu // Archeologia Polski. T. 4. Zesz. 1.

Kijas A. 1977. Tołkowiny // SSS. T. 6. Cz. 1.

Kijas A., Tyszkiewicz J. 1977. Turów // SSS. T. 6.

Kowalenko W. 1961. Chorwaci ruscy // SSS. T. 1. Cz. 2.

Králík O. 1968. Počatky kronikářství u Slovanů // Československé přednásky pro VI. Mežinárodní sjezd slavistů. Praha.

Kuczyński S. M. 1956. Nieznany traktat polsko-ruski roku 1039 // SA. 1954—1956. T. 5.

Kuczyński S. M. 1965. O wyprawie Włodzimierza I ku lachom na podstawie wzmianki z r. 981 w Opowieści lat doczesnych // Studia z dziejów Europy Wschodniej. Warszawa.

Kuraszkiewicz W., Wędzki A. Sutiejsk // SSS. 1975. T. 5.

Labuda G. 1946. Studie nad początkami państwa polskiego. Poznań.

Labuda G. 1961. Chorwacja Biala // SSS. T. 1. Cz. 2.

Labuda G. 1980. Waregowie // SSS. T. 6. Cz. 2.

Labuda G. 1981. Der Zug des russischen Grossfürsten Wladimir gegen die Ljachen im Jahre 981 // Ostmitteleuropa : Berichte und Forschungen. Stuttgart.

Lehr-Spławiński T., Frančić V. 1961. Chorwaci // SSS. T. 1. Cz. 1.

Lehr-Spławiński T., Pollakówna M. 1964. Galindia (Golędź) // SSS. T. 2. Cz. 1.

Lewicki T. 1961. Awarowie // SSS. T. 1.

Lichačev D. S. 1970. The Legend of the Calling-in of the Varangians, and Political Purposes in Russian Chronicle-Writing from the Second Half of the 11th to the Beginning of the 12th Century // Varangian Problems. Copenhagen. (Scando-Slavica. Suppl. 1).

Lilienfeld F. 1988. Altkirchliche und mittelalterliche Missionstraditionen und -motive in den Berichten der «Nestorchronik» über die Taufe Vladimirs des Heiligen // Slawistische Studien zum X Intern. Slawistenkongr. in Sofia. Berlin.

Łowmiański H. 1953. Problematyka historyczna Grodów Czerwieńskich w związku z planem zespołowych badań polsko-radzieckich // KH. N 1.

Łowmiański H. 1957. Zagadnienie roli normanów w genezie państw słowiańskich. Warszawa.

Łowmiański H. 1958. O identyfikacji nazw Geografa Bawarskiego // SŻ. Poznań. T. 3.

Łowmiański H. 1963a. Początki Polski z dziejów słowian w I tysiącleciu n. e. Warszawa. T. 2.

Łowmiański H. 1963b. Rola historyczna Wołynia w starożytności i we wczesnym średniowieczu // Z polskich studiów sławistycznych. Warszawa. Zesz. 2. Historia.

Łowmiański H. 1972. Rurik // SSS. T. 4. Cz. 2.

Łowmiański H. 1973. Początki Polski z dziejów słowian w I tysiącleciu n. e. Warszawa. T. 5.

Łowmiański H. 1979. Religia słowian: jej upadek (w. VI—VII). Warszawa.

Lunt H. G., Taube M. 1988. Early East Slavic Translations from Hebrew? // Russian Linguistics. Vol. 12.

Μαλιγκούδη Γ. Ιστορία τῆς 'Ρωσίας: Η Ρωσία τοῦ Κιεβου, 9 ος αι —1240. Θεσσαλονίκη. 1992.
Malingoudi J. 1994. Die Russisch-Byzantinischen Verträge des 10. Jhts. aus diplomatischer Sicht. Thessaloniki.
Mikucki S. 1953. Etudes sur la diplomatique russe la plus ancienne. Pt 1 // Bulletin de l'Académie Polonaise des Sciences et des Lettres. Classe de Philologie. Suppl. 7. Cracovie.
Minissi N. 1957. Criteri e metodi nella edizione e recensione della Povest' vremennych let // Ricerche slavistiche. Roma. Vol. 5.
Minorsky V. 1958. A New Book on the Khazars // Oriens. Leiden. Vol. 11. N 1—2.
Moszyński L. 1975a. Skazanije o priełozenii knig // SSS. T. 5.
Moszyński L. 1975b. Swaróg // SSS. T. 5.
Moszyński L. 1989. Daż(d)ьbog — rzekomy prasłowiański teonim // SO. T. 38. N 3—4.
Mühle E. 1987. Die Anfänge Kievs (bis ca. 980) in archäologischer Sicht // JGO. Bd. 35.
Müller L. 1958. War Jan Vyšatič ein Encel des Ostromir? // Die Welt der Slawen. Wiesbaden. Jg. 3. Hf. 3.
Müller L. 1959. Zum Problem des hierarchischen Status und der jurisdiktionellen Abhängigkeit der russischen Kirche vor 1039. Köln; Braunsfeld.
Müller L. 1962. Des Metropoliten Ilarion Lobrede auf Vladimir den Heiligen und Glaubenskenntnis. Wiesbaden.
Müller L. 1963. Neuere Literatur zur Geschichte der russischen Kirche bis zum Jahre 1054 // Kyrios. Berlin. Bd. 3. Hf. 4.
Müller L. 1967. Die «Dritte Redaktion» der sogenannten Nestorchronik // Festschrift für M. Woltner zum 70. Geburtstag. Heidelberg.
Müller L. 1987. Die Taufe Russlands: Die Frühgeschichte des russischen Christentums bis zum Jahre 988. München. (Quellen und Studien zur russischen Geistesgeschichte. Bd. 6).
Müller L. 1988. Erzählung der «Nestorchronik» über die Taufe Ol'gas im Jahre 954/955 // ZfS. Bd. 33. N 6.

Nestors krønike Beretningen om de Svundne År. 1983 / Oversat og kommeteret af G. O. Svane. Århus.

Obolensky D. 1984. The Baptism of Princess Olga of Kiev: The Problem of the Sources // Obolensky D. Philadelphie et autres études. Paris.
Obolensky D. 1989. Cherson and the Conversion of Rus': an Anti-Revisionist View // Byzatine and Modern Greek Studies. Birmingham. Vol. 13.
Obolensky D. 1990. Olga's Conversion: The Evidence Reconsidered // HUS. Vol. 12/13.

Plezia M. 1964. Georgios Monachos // SSS. T. 2. Cz. 1.
Podskalsky G. 1982. Christentum und teologische Literatur in der Kiever Rus' (988—1237). München.
Pohl W. 1988. Die Awaren: Ein Steppenfolk in Mitteleuropa 567—822 n. Chr. München.
Poppe A. 1958. Gród Wołyń // Studia wczesnośredniowieczne. Warszawa. T. 4.
Poppe A. 1965a. Materiały do dziejów tkaniny staroruskiej : Terminologia źródeł pisanych. Wrocław; Warszawa; Kraków. (Studia i materiały z historii kultury materialnej. T. 24).
Poppe A. 1965b. Le traité des azymes Λέοντος μητροπολίτου τῆς ἐν 'Ρωσία Πρεσθλάβας: quand, où et par qui a-t-il été écrit? // Byzantion. Brussels. T. 35.
Poppe A. 1966. Fundacja biskupstwa smoleńskiego // PH. N 4.
Poppe A. 1967a. Legenda korsuńska // SSS. T. 3.
Poppe A. 1967b. Opowieść latopisarska o wyprawie «na Greków» w 1043 r.: Jej redakcije i okoloznośсi powstania // SO. T. 16. N 4.
Poppe A. 1968a. Nicefor // SSS. T. 3. Cz. 2.
Poppe A. 1968b. Państwo i kościoł na Rusi w XI wieku. Warszawa.
Poppe A. 1969a. Opowieść o męczeństwie i cudach Borysa i Gleba : Okoliczności i czas powstania utworu // SO. T. 18.

Poppe A. 1969b. Le prince et l'église en Russie de Kiev depuis la fin du Xe siècle jusqu'au début du XIIe siècle // APH. T. 20.
Poppe A. 1970a. Pogost // SSS. T. 4. Cz. 1.
Poppe A. 1970b. Powieść doroczna // SSS. T. 4. Cz. 1.
Poppe A. 1971a. La dernière expédition russe contre Constantinople // Byzantinoslavica. T. 32. N 1, 2.
Poppe A. 1971b. L'organisation diocésaine de la Russie aux XIe—XIIe siècles // Byzantion. (1970). Brussels. T. 40.
Poppe A. 1972. La tentative de reforme ecclesiastique en Russie au milieu du XIe siècle // APH. T. 25.
Poppe A. 1975. Sweneld // SSS. T. 5.
Poppe A. 1976. The Political Background to the Baptism of Rus' : Byzantine-Russian Relations between 985—989 // DOP. Vol. 30.
Poppe A. 1979. The Original Status of the Old-Russian Church // APH. T. 39.
Poppe A. 1980. Das Reich der Rus' im 10. und 11. Jahrhundert : Wandel der Ideenwelt // JGO. Bd. 28.
Poppe A. 1981a. The Building of the Church of St. Sophia in Kiev // Journ. of Medieval History. Amsterdam. Vol. 7.
Poppe A. 1981b. La naissance du cult de Boris et Gleb // Cahiers de Civilisation Medieval. Vol. 24.
Poppe A. 1982. The Rise of Christian Russia. London.
Poppe A. 1984. O tytule wielkoksiązecym na Rusi // PH. T. 75. N 3.
Poppe A. 1988. Christianisierung und Kirchenorganisation der Ostslawen in der Zeit vom 10. bis zum 13. Jahrhundert // Osterreichische Osthefte. Wien. Jg. 30.
Poppe A. 1989. Words that serve the Authority : On the Title of «Grand Prince» in Kievan Rus' // APH. Vol. 60.
Poppe A. 1991. Christianity and Ideological Change in Kievan Rus' : The First Hundred Years // Canadian-American Slavic Studies. Vol. 25.
Poppe A. 1992. Once Again Concerning the Baptism of Olga, Archontissa of Rus' // DOP. Vol. 46.
Powieść minionych lat. 1968 / Charakterystyka historycznoliteracka, przekład i komentarz Fr. Sielicki. Wrocław; Warszawa; Kraków.
Pritsak O. 1967. Non-'Wild' Polovtsians // To Honor Roman Jakobson. The Hague; Paris. Vol. 2.
Pritsak O. 1981. The Origin of Rus'. Vol. 1: Old Scandinavian Sources other than the Sagas. Cambridge (Mass.).
Pritsak O. 1983. The Slaves and the Avars // Gli slavi occidentali e meridionali nell' alto medioevo: Centro italiano di studi sull' alto medioevo. Trentesima Settimana di studio. Spoleto. 15—21 aprile 1982. Spoleto. Vol. 1.
Pritsak O. 1985a. Повесть временных лет and the Truth // History and Heroic Tale : A Symposium. Odense.
Pritsak O. 1985b. When and where was Ol'ga baptized // HUS. Vol. 9. N 1 / 2.
Pritsak O. 1986. The Origin of the Name Rus' // Passe Turko-Tatar. Present sovietique : Études offertes à Alexandre Bennigsen. Paris.

Revelli G. 1993. Monumenti letterari su Boris e Gleb. Genova.
Rospond S. 1977. Pochodzenie nazwy Rus' // Rocznik Sławistyczny. T. 38. N 1.
Rüß H. 1979. Die Warägerfrage // Handbuch der Geschichte Russlands. Stuttgart. Bd. 1. Lief. 4/5.

Šaskol'skij I. P. 1970. Recent Developments in Normanist Controversy // Varangian Problems. Copenhagen. (Scando-Slavica. Suppl. 1).
Schmidt Ch. D. 1983. Bibliographie zur osteuropäische Geschichte : Verzeichnis der zwischen 1965 und 1974 veröffentlichten Literatur in westeuropäischen Sprachen zur osteuropäischen Geschichte bis 1945. Wiesbaden.

Schmidt H. F. 1957. Byzantinisches Zehntwesen // Jahrbuch der österreichischen byzantinischen Gesellschaft. Wien. Bd. 6.

Schmidt K. R. 1970. The Varangian Problem: A Brief History of the Controversy // Varangian Problems. Copenhagen. (Scando-Slavica. Suppl. 1).

Schramm G. 1980. Die erste Generation der altrussischen Fürstendynastie : Philologische Argumenten für die Historizität von Rjurik und seine Brüdern // JGO. Bd. 28.

Schramm G. 1982. Die Herkunft des Namens Rus' : Kritik des Forschungsstandes / Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Berlin. Bd. 30.

Schramm G. 1983. Die Waräger : Osteuropäische Schicksale einer nordgermanischen Gruppenbezeichnung // Die Welt der Slawen. Bd. 28.

Schramm G. 1986. Sechs warägische Probleme // JGO. Bd. 34.

Seibt W. 1992. Der historische Hintergrund und die Taufe der Rus' (989) // The Legacy of Saints Cyril and Methodius to Kiev and Moscow : Proc. of the Intern. Congress of the Millenium of the Conversion of Rus' to Cristianity. Thessaloniki.

Shepard J. 1979. Why did the Russians attack Byzantium in 1043? // Byzantinisch-Neugriechische Jahrbücher. Bd. 22.

Shepard J. 1992. Some Remarks on the Sources for the Conversion of Rus' // Le origini e lo sviluppo della cristianita slavo-bizantina. Roma. (Instituto storico Italiano per il medio evo: Nuovi studi storici, 17).

Skrzypek J. 1962. Studia nad pierwotnym pograniczem polsko-ruskim w rejonie Wolynia i grodów czerwieńskich. Warszawa.

Skulina T. 1977. Ulicze // SSS. T. 6. Cz. 1.

Söderlind S. 1978. Rysernas rike: Till frågan om det Östslaviska rikets uppkomst. Stockholm.

Soloviev A. V. 1963. Marie, fille de Constantin IX Monomaque // Byzantion. Vol. 33.

Soloviev A. 1979. Byzance et la formation de l'Etat russe: Variorum. London.

Stokes A. D. 1961. The Background and Chronology of the Balkan Campaigns of Svjatoslav Igorevich // SEER. Vol. 40. N 94.

Stokes A. D. 1962. The Balkan Campaigns of Svjatoslav Igorevich // SEER. Vol. 40. N 95.

Stökl G. 1995. Das Millenium der Taufe Russlands in der Sowjetischen Historiographie // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Berlin. Bd. 50.

Swerdłow M. B. 1969. Jeszcze o «ruskich» denarach Bolesława Chrobrego // Wiadomości numizmatyczne. Warszawa. R. 13. Zesz. 3 (49).

Swoboda W. 1980. Węgrzy Bialy: Węgrzy Czarni // SSS. T. 6. Cz. 2.

Száadadecky-Kardoss S. 1986. Avaria : Über die Awarengeschichte und ihre Quellen. Szeged.

Szletyńb J. 1975. Scarbowość na Rusi // SSS. T. 5.

Thulin A. 1981. The Southern Origin of the Name Rus': Some Remarks // Les pays du Nord et Byzance ⟨...⟩.

Tinnefeld F. 1981. «Der furchtbare Blitzschlag aus dem fernsten Norden»: Der Angriff der Rhos auf Konstantinopel im Jahre 860 : Das Ereignis, seine Vorgeschichte und seine historische Bedeutung // Les pays du Nord et Byzance ⟨...⟩.

Tinnefeld F. 1987. Die russische Fürstin Olga bei Konstantin VII. und das Problem der «purpurgeborenen Kinder» // RM. T. 7. P. 1.

Toločko P. 1989. Volodimir Sviatoslavič's Choise of Religin, Fact or Fiction? // HUS. 1988/1989. Vol. 12 /13.

Tyszkiewicz J. 1970. Radymicze // SSS. T. 4. Cz. 2.

Urbańczyk S. 1947. Religia pogańkich słowian. Kraków.

Urbańczyk S. 1975a. Siemargł // SSS. T. 5.

Urbańczyk S. 1975b. Strybog // SSS. T. 5.

Vaillant A. 1957. Les citations des années 1110—1111 dans la chronique de Kiev // Bysantinoslavica. Prague. Roč. 18. N 1.

Vernadsky G. 1941. The Status of the Russian Church during the First Half Century Following Vladimir's Conversion // The Slavonic Year Book. American Series. Vol. 1.

Vernadsky G. 1952. Ancient Russia. New Haven.

Vernadsky G. 1953. The Byzantino-Russian War of 1043 // Süd-Ost-Forschungen. Bd. 12.

Vernadsky G. 1959. The Origins of Russia. Oxford.

Vodoff V. 1970. Les debuts du credit en Russie // Cahiers du monde russe et soviétique. Paris. Vol. 11.

Vodoff V. 1983. La titulature des princes russes du Xe au debut du XIIe siecles et les relations extérieures de la Russie Kiévienne // Revue des études slaves. Paris. T. 55. Fasc. 1.

Vodoff V. 1987. La titulature princière en Russie du XIe au debut du XIIe siècles : Questions de critique des sources // JGO. NF. Stuttgart. Bd. 35.

Vodoff V. 1988. Naissace de la chrétiente russe : La conversion du prince Vladimir de Kiev (988) et ses conséquences (XIe—XIIIe siècles). Paris.

Vodoff V. 1989a. Le christianisme et la formation d'une idéologie politique dans la Russie prémongole // Mille ans de christianisme russe : 988—1988 : Actes du colloque international de l'université Paris X—Nanterre. 20—23 janv. 1988. Paris.

Vodoff V. 1989b. Princes et principautés russes XVe—XVIIe siècles. Northampton.

Wasilewski T. 1976. Dulębowie—Lędzianie—Chorwaci : Z zagadnień osadnictwa plemiennego i stosunków politycznych nad Bugiem, Sanem i Wisłą w X w. // PH. T. 67. N 2.

Wasilewski T. 1988. Przemyśl w X—XI wieku w świetle latopisów ruskich // Rocznik Przemyśki. T. 24 / 25.

Wędski A. 1970. Pińsk // SSS. T. 4. Cz. 1.

Włodarski B. 1959. Problem jaćwiński w stosunkach polsko-ruskich // Zapiski historyczne Towarz. nauk. w Toruniu. Wydział nauk hist., prawn. i społecznych. T. 24. Zesz. 2—3.

Żaki A. 1970. Przemyśl // SSS. T. 4. Cz. 1.

Zásterová B. 1958. Avaři a Slované // Uznik a počatky Slovanů. Praha. T. 2.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АЕ — Археографический ежегодник. М.
АВ — Археологические вести. СПб.
АН — Архитектурное наследство. М.
АН СССР — Академия наук СССР (с 1992 г. — Российская Академия наук — РАН).
АО — Археологические открытия. М.
ВАН — Вестник Академии наук СССР. М.
ВВ — Византийский временник. М.
ВГО — Всесоюзное географическое общество.
ВИ — Вопросы истории. М.
ВИД — Вспомогательные исторические дисциплины. Л. (СПб.).
ВЯ — Вопросы языкознания. М.
ГАИМК — Государственная Академия истории материальной культуры.
ГВНП — Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С. Н. Валка. М.; Л., 1949.
ГИМ — Государственный Исторический музей.
ДГ — Древнейшие государства на территории СССР : Материалы и исследования (с 1994 г. — Древнейшие государства Восточной Европы : ⟨...⟩). М.
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения. СПб.
ИАН — Известия Академии наук СССР. М.
ИЗ — Исторические записки. М.; Л.
ИОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук. СПб.—Пгр.—Л.
КСИА — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР. М.
КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР. М.; Л.
КСИС — Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР. М.
ЛГПИ — Ленинградский государственный педагогический институт им. А. И. Герцена.
ЛХ — Летописи и хроники : Сб. статей. М.
МАЭ — Музей антропологии и этнографии.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
НИС — Новгородский исторический сборник. Л. (СПб.).
НПЛ — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. и с предисл. А. Н. Насонова. М.; Л., 1950.
ОИ — Отечественная история. М.
ОЛЯ — Отделение литературы и языка.
ОРЯС — Отделение русского языка и словесности Академии наук.
ПВЛ — Повесть временных лет.
ПКНО — Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. М.; Л.

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей. СПб.—Пгр.—Л.; М.
СА — Советская археология. М.
САИ — Свод археологических источников. М.
СИЭ — Советская историческая энциклопедия.
Ск. сб. — Скандинавский сборник. Таллин.
СККДР — Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1987. Вып. 1: (XI—первая половина XIV в.).
СС — Советское славяноведение. М.
ТОДРЛ — Труды отдела древнерусской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР. Л.
УІЖ — Украïнський історичний журнал. Киïв.
Фасмер — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М. 1973. Т. 1—4.
ЧОИДР — Чтения в имп. Обществе истории и древностей российских при Московском университете. М.
ЭСПИ — Энциклопедия «Слова о полку Игореве». СПб.
ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд / Под ред. О. Н. Трубачева. М.
APH — Acta Poloniae Historica. Warszawa.
DOP — Dumbarton Oaks Papers. Washington.
HUS — Harvard Ukrainian Studies. Cambridge (Mass.).
JGO — Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Wiesbaden.
KH — Kwartalnik historyczny. Warszawa.
PH — Przeglad historyczny. Warszawa.
RES — Revue des études slaves. Paris.
RM — Russia mediaevalis. Müchen.
SA — Slavia Antiqua. Poznań.
SEER — The Slavonic and East European Review. London.
So — Sławia Orientalis. Warszawa.
SSS — Słownik strożytnosci sławiańskich : Encykłopedyczny zarys kultury słowian od czasów najdawniejszych. Wrocław; Warszawa; Kraków.
SZ — Studia źródloznawcze : Commentationes. Warszawa; Poznań.
ZfS — Zeitschrift für Slawistik. Berlin.
ZfSPh — Zeitschrift für slawische Philologie. Heidelberg.
др.-англ. — древнеанглийский.
др.-в.-нем. — древневерхненемецкий.
др.-дат. — древнедатский.
др.-сак. — древнесаксонский.
др.-ск. — древнескандинавский.
др.-шв. — древнешведский.
ср.-н.-нем. — средненижненемецкий.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПОВЕСТЬ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ

Утверждено к печати
Редколлегией серии
«Литературные памятники»

Редактор издательства *А. И. Строева*
Художник *Л. А. Яценко*
Технические редакторы *О. В. Иванова, И. М. Кашеварова, Л. Л. Мусатова*
Корректоры *Л. М. Бова, О. И. Буркова, Н. И. Журавлева, И. А. Крайнева,*
М. К. Одинокова и *Ф. Я. Петрова*
Компьютерная верстка *Л. Н. Напольской*

ЛР № 020297 от 27.11.91. Сдано в набор 14.03.96. Подписано к печати 5.11.96.
Формат 70×90 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура академическая. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 49.1. Уч.-изд. л. 65.8. Тираж 3000 экз. Тип. зак. № 3283. С 1517

Санкт-Петербургская издательская фирма РАН
199034, Санкт-Петербург, Менделеевская лин., 1.

Санкт-Петербургская типография № 1 РАН
199034, Санкт-Петербург, 9 лин., 12.